ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Том 6

Мир в XX веке:

эпоха глобальных трансформаций

Книга 1

НАУКА

Annotation

Первая книга тома посвящена ключевым проблемам «короткого XX века». В книге рассматриваются демографические и миграционные процессы, ведущие тенденции развития мировой экономики, специфика происходивших в течение столетия социальных трансформаций. Значительное внимание уделено основным аспектам развития мировой культуры, проблемам науки и образования, изменению места и роли религии в жизни индивидуума и общества. Анализируются истоки, ход, характер и последствия Первой мировой войны, сложившаяся по ее итогам Версальско–Вашингтонская система международных отношений. Характеризуется развитие стран и регионов мира до начала Второй мировой войны через призму транснациональной и глобальной истории.

Для историков и широкого круга читателей.

- Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций.
  -
  - Введение
  - XX век в истории: глобальное измерение
    - Демографические и миграционные процессы
    - Мировая экономика
    - Социальные трансформации и социальные движения
    - Культура и искусство первой половины XX века
    - Языки культуры второй половины XX века
    - Образование и наука
    - Религия, государство и общество
  - Мир в первой половине XX века
    - Первая мировая война
    - Версальско–Вашингтонская система международных отношений
    - Советская Россия и СССР: революция и модернизация
    - Европа: между авторитаризмом и демократией
    - Северная Америка: от просперити к великой депрессии
    - Латинская Америка: панорама социально–политических процессов
    - Восточная Азия: война, революция, имперское строительство
    - Южная Азия в макроструктуре Британской империи

        - Ближний и Средний Восток: территориальная организация, политические системы, национальные движения
        - Северная Африка: социальные потрясения и поиск новых путей развития
        - Тропическая и Южная Африка: трансформация колониального общества
        - Австралия и Новая Зеландия: особенности развития доминионов
    - Приложения
        - Хронологическая таблица
        - Избранная литература
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27

- 28
- 29
- 30
- 31
- 32

Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций.
Книга 1

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
академик РАН А.О. Чубарьян (главный редактор)
член–корреспондент РАН В.И. Васильев (заместитель главного редактора)
член–корреспондент РАН П. Ю. Уваров (заместитель главного редактора)
доктор исторических наук М. А. Липкин (ответственный секретарь)
член–корреспондент РАН Х. А. Амирханов
академик РАН Б. В. Ананьич
академик РАН А.И. Григорьев
академик РАН А. Б. Давидсон
академик РАН А. П. Деревянко
академик РАН С.П. Карпов
академик РАН А. А. Кокошин
академик РАН В.С. Мясников
член–корреспондент РАН В. В. Наумкин
академик РАН А. Д. Некипелов
доктор исторических наук К. В. Никифоров
академик РАН Ю. С. Пивоваров
член–корреспондент РАН Е. И. Пивовар
член–корреспондент РАН А. П. Репина
академик РАН В. А. Тишков
академик РАН А. В. Торкунов
академик РАН И. Х. Урилов

Ответственный редактор тома академик РАН А. О. Чубарьян

Редакционная коллегия:
А. О. Чубарьян (ответственный редактор), М. А. Липкин (заместитель

ответственного редактора), В. С. Мирзеханов (заместитель ответственного редактора), А. Б. Давидсон, НИ. Егорова, С. А. Елисеев (ответственный секретарь), А. Б. Ларин (ответственный секретарь), А. Г. Матвеева, О. В. Окунева, Е. Ю. Сергеев, В. В. Согрин

Рецензенты:
доктор исторических наук Г. Н. Канинская,
доктор исторических наук А. М. Филитов

Введение
Глобальный XX век

I

XX век — это время альтернатив. Постоянное столкновение противоположных общественно–политических тенденций и направлений развития обществ и государств определяли смысл и содержание всего столетия. Разумеется, альтернативы присущи всей истории человечества, но именно XX век как бы сконцентрировал исторические разломы и противоречия, придав им глобальный, транснациональный характер и смысл.

За каждым вариантом развития стояли определенные социальные группы, политические силы, партии, массовые организации или даже влиятельные и широко известные политики или интеллектуалы. Проблема выбора, таким образом, из теоретического рассуждения превращалась в острое общественное противостояние, приводившее к национальным, региональным или даже всемирным катаклизмам. Глобальные, центростремительные, объединительные процессы в истории XX столетия тесно соседствуют с центробежными процессами фрагментации, раздробления, обособления; частное и единичное могло выходить на авансцену, оставляя глобальное на заднем плане (порой даже в виде потенциальных, но не осуществившихся сценариев). Исследователи стремятся понять исторический смысл XX в., взаимосвязь и взаимозависимость и отдельных частей нашего мира, и происходивших в них событий.

Цивилизационные сдвиги, произошедшие в XX в., несравнимы по масштабам, по темпам, по результатам и по значению ни с одной из предыдущих эпох. В XX в. совершались не просто единичные научные открытия: произошел прорыв в науке и технике, который повлиял на образ жизни людей, их мировоззрение, быт, характер общения между ними. Люди начали освоение океанских глубин, космической среды, проникли в микромир. Произошли невероятные информационные сдвиги (увеличились тиражи газет, журналов, началось массовое радиовещание, появились телевидение, Интернет), резко выросли возможности информационного

воздействия на большие группы людей. Были освоены новые источники энергии, на иные рубежи вышло автоматизированное производство. Необычайно возросли возможности и скорости перемещения людей и грузов. В обществе возникли новые и преобразовались старые социальные слои и группы, на первый план вышел интеллектуальный труд. Явно выросла образованность людей, грамотность стала практически всеобщей нормой.

В XX в. мир становится значительно более тесным: небывало расширились возможности общения разных людей, разных континентов, стран, цивилизаций и культур. Цивилизация в XX столетии ускоренно двигалась по пути прогресса, затрагивая все регионы планеты и все сферы жизни. Однако этот быстрый прогресс сочетался с глубокими противоречиями, конфликтами, насилием и социальными бедствиями.

В XIX-XX вв. большинство людей в России и в мире жили представлениями о том, что они — звено в цепи поколений, часть большого исторического процесса. Люди мыслили себя как представители определенной нации, класса, группы. Именно поэтому историки тяготели к масштабным исследованиям либо длительных временных периодов, либо обширных регионов, либо долго существовавших социальных институтов, пытались описать некие общие закономерности развития государств и обществ. Исследователи шли от общего к частному: человек в их представлениях совершал поступки, которые диктовал ему его социальный статус.

Представления о процессах, разворачивающихся на протяжении большой длительности (она получила название «longue duree», долгой истории), получили новый импульс благодаря знаменитому французскому историку, представителю школы «Анналов» Ф. Броделю: именно он ввел в оборот термин «longue duree». Согласно его теории, историческое время может быть кратким (конкретные историко–политические события), средней длительности (развитие, подъемы и спады в существовании человеческих сообществ и государств) и долгим. Долгое время — это «история большой и очень большой длительности». «Longue duree» предполагает исследование макропроцессов, взаимосвязанной и взаимозависимой истории различных государств, обществ и регионов мира, их сравнительный анализ, выявление фундаментальных тенденций и моделей развития человеческого социума. Для методологии длительной истории характерен глобальный взгляд на историю, т. е. стремление вписать любой исторический сюжет в мировой контекст и тотальный

подход к предмету исторической науки.

Сам ход исторических событий XX в. давал аргументы для подобной методологии исследований. Ф. Бродель восхищался Карлом Марксом как гением, впервые увидевшим социальные модели, действующие на протяжении долгих исторических периодов. XX век ярко иллюстрировал макроисторические модели и процессы в границах календарного столетия, он придал истории человечества действительно всемирный характер и обозначил принципиально иную роль различного рода международных организаций, движений, бизнес–структур, масс–медиа.

Появление Лиги Наций после Первой мировой войны, Организации Объединенных Наций после Второй мировой войны, формирование общемировых организаций и объединений (Международной организации труда, Всемирной организации здравоохранения, ЮНЕСКО и др.) иллюстрировали этот процесс. Создание Международной валютной организации и Всемирного банка реконструкции и развития перенесли подобную тенденцию в сферу экономики и финансов.

Неким апофеозом процесса — уже на государственном и правительственном уровне — стали созданные после Второй мировой войны органы региональной интеграции, приведшие к образованию Европейского Союза, Организации американских государств, Организации африканского единства, Организации АСЕАН и т. п. В военно–политической сфере были созданы НАТО и Организация Варшавского договора.

Историков XX в. «longue duree» интересовала и постольку, поскольку история считалась «учительницей жизни». Соответственно, историки мыслили себя если не наставниками, то, по меньшей мере, советниками политиков и общественных деятелей, пытались выявить и описать константы исторического развития, механизмы эволюции общества и государства. Такой подход, возникший еще в античности, давал историку возможность быть предсказателем, за разрозненными фактами конкретной общественно–политической ситуации увидеть будущее.

Так, например, в XX в. историков волновали процессы развития интернационализма и объединения — в противовес национализму и нацизму, исторической разобщенности государств и народов, сделавшей возможной Вторую мировую войну. Необходимость объединения, интеграционные тенденции ученые обосновывали не только примерами из новейшей истории, но и опытом Римской и Священной Римской Империи, империи Габсбургов, Британской и Российской империй. Наука обогатилась множеством трудов по истории империй, исследований,

характеризующих историю различных международных организаций и интеграционных проектов. Больше всего таких исследований появилось в последней трети XX в., они были посвящены различным этапам и моделям объединения Европы.

Видный советский и российский историк А. Я. Гуревич справедливо утверждал, что «историческое познание есть не что иное, как пытливое, настойчивое и неустанное вопрошание современностью прошлого, т. е. постановка вопросов, волнующих нас, ныне живущих людей».

С 1970-х годов начало стремительно меняться настоящее — и вместе с ним видоизменились взгляды на прошлое. Изменения геополитического расклада сил в конце XX в., структурные общественно–политические трансформации, усложнившаяся общественная ситуация привели к тому, что на рубеже XX-XXI вв. политики измеряют время собственными предвыборными кампаниями, бизнесмены — краткосрочными бизнес–программами, позволяющими принести быструю прибыль, деятели культуры — размерами финансирования собственных проектов, аспиранты и молодые ученые — возможностями рынка труда.

Соответственно и историческая наука почти перестала заниматься большими историческими периодами. Историки стали скептически относиться к обобщающим теориям, к поиску закономерностей в объяснении и познании истории человечества. На смену «социологизирующей истории» и «большим нарративам» пришли иные взгляды на роль и место культурных и социальных практик, частной и повседневной жизни, природных факторов и их воздействия на социум.

В центре концепции короткого прошлого и тесно связанной с нею микроистории оказался частный человек во всем многообразии его мировоззренческих установок, личных и социальных связей, в его повседневной жизни. Предметом исследований стали представления людей разных эпох о жизни и смерти, доверии и предательстве, о социальных ролях мужчины и женщины в различных сообществах, о восприятии тела и телесности, о голоде и эпидемиях в истории.

Питательной средой для разочарования в «долгой истории» во многом послужило возрождение национализма. Создавалось впечатление, что национализм — общественная реакция на попытки объединить мир и сделать его глобальным. На протяжении многих веков доминирующей политико–институциональной формой существования государств и обществ были империи. С одной стороны, они соединяли страны и народы, а с другой — способствовали их отчуждению друг от друга. В истории и

памяти миллионов остались угнетение и порабощение, которыми сопровождался колониализм. Но в то же время метрополии несли в колонии и имперские окраины передовую технологию, достижения в сфере культуры и образования. Эти факторы, привязывая имперскую периферию к метрополиям, в то же время способствовали формированию в зависимых обществах национального самосознания и национальной идентичности. Тем самым подтачивались основы колониальной системы.

XX век практически начался с крушения империй, что явилось очевидным следствием национально–освободительной борьбы и прямым результатом Первой мировой войны. В ее итоге распались Австро–Венгерская и Османская империи; революция 1917 г. знаменовала крах Российской империи.

По итогам Версальского мира на мировой карте появились новые государства: Чехословакия, Польша, Финляндия, страны Балтии, Югославия. Это было явным торжеством национального над интернациональным. Но вскоре заявила о себе и его оборотная, темная сторона. В 1920-1930-х годах семена реваншистского национализма взрастили германский национализм, приведший к самым страшным и трагическим событиям XX в.

Феномен национализма стал одной из самых примечательных черт XX в. Уже сразу же после Первой мировой войны появились концепции национального самоопределения, национальной идентичности, которые вошли в уставы международных организаций.

В конце XX в. агрессивный национализм стал источником локальных и региональных конфликтов, превратился в серьезную опасность для всего мира. Национализм противостоит глобализации — такова историческая дихотомия.

В начале XXI в. многие представители исторической науки пришли к выводу, что микроистория не способна самостоятельно ответить на вопрос о смысле исторического процесса. В свое время она позволила уточнить и дополнить выводы, полученные в ходе изучения «больших длительностей». Но в итоге масштаб событий и тенденций, о которых рассуждали и рассуждают историки, значительно изменился, стал более узким. Казалось, прежняя социальная история утратила свой потенциал, а само историческое познание стало уделом профессионалов и узкоспециализированной областью гуманитарных наук.

Однако глобальные вызовы, вставшие перед всем человечеством, побуждают вновь вернуться к широкому взгляду на историю. Броделевская

концепция «longue duree» снова оказалась востребованной, однако ее методология подверглась серьезному переосмыслению и пересмотру. Прежде всего методологические инновации последних десятилетий были направлены на восстановление роли человеческой субъектности в историческом процессе и критику структуралистской социальной истории. Сегодня по–новому понимаемая «долгая история» может обрести статус магистрального пути развития исторической науки; ее методы, аналитический язык вызывают наибольший интерес среди профессиональных исследователей.

Разницу подходов к решению поставленных историей вопросов демонстрирует, в частности, развернувшаяся в науке дискуссия об экономическом неравенстве. С точки зрения концепции «longue duree» конца XX в. неравенство не может исчезнуть, поскольку оно соприродно человеку. Сторонники идеи «короткого прошлого» опровергли этот вывод, ссылаясь на пример экономического положения США в период от Великой депрессии до 1960-х годов. Рост благосостояния в этот период был истолкован как предпосылка к тому, что по мере развития капитализма неравенство будет уменьшаться. Однако сравнительный анализ данных о неравенстве в мире за последние два столетия (достаточный временной отрезок для применения методов работы с историей большой длительности) показал, что ситуация в США была исключением из правил, а в целом развитие капитализма ведет не к сокращению, а, напротив того, к увеличению разрыва между богатыми и бедными.

Глобальная история воскресает сегодня на новом уровне: она вбирает в себя достижения исторической науки последних десятилетий. Размышлять о долгих исторических периодах невозможно без учета того, что сделано микроисторией, без использования достижений регионоведения, религиоведения, экономической истории, культурологии и т. п. Задача сегодняшней науки — сочетать изучение особенного и уникального с умением находить общие закономерности развития государств и обществ.

Современные концепции глобальной истории, методы транснациональной истории — построенные на компьютерных исследованиях больших массивов данных — выводят ученых за пределы национальных историй, задают вопросы об общих путях развития человечества. Кроме того, концепция «longue duree» сегодняшнего дня позволяет преодолеть европоцентризм, подразумевающий под всеобщей историей прежде всего историю Европы. Сегодня многие десятки стран Азии и особенно Африки стали полноправными объектами исторического

исследования. Историки этих стран — так же, как и их европейские коллеги — ищут сейчас свою национальную историю и идентичность, органически вписывающуюся в общий процесс мировой истории.

К истории постепенно возвращается ее общественная миссия: исследователям предстоит делать выводы относительно современных социальных институтов, оценивать соблюдение ими базовых прав и свобод человека. Историкам придется выполнять эту миссию в трудных условиях: престиж гуманитарных наук в обществе падает, сокращается финансирование фундаментальной исторической науки, уменьшается количество мест на гуманитарные специальности в университетах.

«Может быть, история не столь уж безоговорочно осуждена возделывать сады, прочно огражденные высокими стенами. Ведь иначе она не сумеет приблизиться к достижению одной из своих нынешних целей, к решению сегодняшних насущных задач, к поддержанию контактов с такими молодыми, но столь бурно развивающимися науками о человеке», — писал Ф. Бродель. Французский историк оказался прав: сегодня очевидно, что без синтетического взгляда на историю, без обращения к общим законам развития человеческих обществ, без исторических сопоставлений трудно понять и представить во всей полноте огромное разнообразие исторических явлений и событий. Иными словами, на повестке дня сегодняшней исторической науки стоит изучение глобальной истории человечества. И принципы представления и изучения именно такой истории лежат в основе шестого тома «Всемирной истории».

«Поистине, историку никуда не уйти от вопроса о времени в истории: время прилипает к его мышлению, как земля — к лопате садовника», — утверждал Ф. Бродель. Невозможно понять ни XX, ни любой другой век, не понимая его хронологию.

Сложность хронологического описания — будь то история большой длительности или отдельные столетия — состоит в том, что календарное течение времени и исторический взгляд на время могут не совпадать. Взгляд исследователей на временные пределы XX века — результат консенсуса специалистов. Историки называют XX в. «коротким», поскольку его историческое время оказалось короче календарных рамок.

В отечественной историографии традиционно считается, что Новое время, начавшееся на рубеже XV-XVI вв., завершилось в 1917 г., когда в России произошла революция. В европейской историографии дело обстоит иначе: водоразделом между Новым и Новейшим временем считается 1914 год, год начала Первой мировой войны.

В настоящем томе «короткий XX век» тоже отсчитывается с 1914 г. Именно Первая мировая война перевернула привычный мир: в Европе начался цивилизационный кризис. Привычные людям модели социального поведения рухнули, были уничтожены и представления о пределах допустимого в политике и социальной сфере. Многочисленные проблемы в межгосударственных отношениях нарастают как снежный ком вплоть до сегодняшнего дня и постоянно грозят разрушить мировой порядок.

Среди последствий войны — революции и гражданские войны, в том числе революция 1917 г. в России и последовавшая за ней Гражданская война. Для нашей страны и война, и революция стали переломным моментом истории, внесли изменения во все сферы жизни общества. События эти затронули политику, экономику, культуру, искусство, сферу частной жизни людей.

В Европе после этих событий начались разговоры о кризисе и даже гибели европейской цивилизации. Первая мировая война породила рост национал–патриотических настроений; произошла героизация насилия. Это, в свою очередь, подготовило предпосылки для еще более страшной войны — Второй мировой. Последствия этой второй войны, едва не уничтожившей Европу, до сих пор полностью не преодолены.

Большинство ученых согласны в том, что концом «короткого XX в.» можно считать события 1989-1991 гг.: падение СССР, ликвидацию социалистического лагеря, окончание холодной войны. Эти события подвели своеобразную черту под богатым войнами и катастрофами XX в., породили у людей надежды на построение нового справедливого мира, мира демократии и свободы.

Современность не подтвердила этих оптимистических ожиданий: локальные конфликты и войны, мировой терроризм по–прежнему отличаются жестокостью. На ситуацию и в мире в целом, и в отдельных государствах влияет система отношений, сложившихся в «коротком XX в.». Однако сегодня человечество волнуют все же другие проблемы, не те, которыми был наполнен XX век.

II

Сегодняшняя глобальная история — это давно уже не простое перечисление фактов. Глобальная история объединяет множество исследовательских полей: историю экономическую, политическую, социальную, историю демократии и тоталитаризма, военную историю,

историю повседневности. Осознание этого единства лежит в основе тома.

Важнейшей составляющей развития государства и общества была и будет экономика. В течение XVIII-XIX вв. во многих странах, прежде всего на европейском континенте, появились разнообразные теории экономического роста и развития. Европа многие годы исповедовала теории А. Смита, а в середине XIX в. умы многих интеллектуалов занимали взгляды Маркса.

Начало XX столетия ознаменовалось вступлением капитализма в новую фазу развития: создавались монополии и мощные транснациональные объединения. Но общий подъем экономики был недолговечен. Первая мировая война привела европейскую экономику на грань кризиса, а революция в России подорвала российскую хозяйственную жизнь. Германская экономика также лежала в руинах.

Десятилетие спустя в мире разразился глобальный экономический кризис, получивший название Великой депрессии, которая, в свою очередь, вызвала необходимость кардинальных экономических мер.

Вскоре после окончания Второй мировой войны были созданы Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), основанный на плановых централизованных принципах и объединивший страны социалистического лагеря, и Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), существовавший, соответственно, на принципах свободной торговли. В 1990-х годах СЭВ прекратил свое существование, а ЕЭС был переформатирован в Европейский союз.

Экономические проблемы были важнейшими в XX в., соответственно, была велика и потребность в концепциях, анализирующих экономику прошлого. Среди тех, кто занимался теорией, практикой и историей экономики, шли постоянные дискуссии о направлениях и путях развития мировой экономической мысли. Эти споры сводились в целом к противостоянию приверженцев ничем не стесненного и саморегулирующегося свободного рынка и сторонников «большей роли государства», включая последователей Дж. М. Кейнса, выступавшего за участие государства в работе рыночных механизма. Английские избиратели отказали на выборах летом 1945 г. в доверии британским консерваторам во главе с У. Черчиллем, несмотря на его вклад в победу над фашизмом, потому что они предпочли лейбористскую программу национализации ряда важных отраслей британской экономики. В дальнейшем тетчеризм в Британии и рейганомика в США продемонстрировали попытки консервативных кругов вдохнуть новую жизнь в чисто рыночные механизмы капиталистической экономики.

Столкновение разных подходов к определению экономического курса различных государств продолжается в мире и поныне. К этому добавился опыт новой России, вставшей на путь рыночной экономики, а также стран постсоветского пространства.

Разумеется, история сделала свой выбор: плановая экономика в СССР рухнула, показав свою нежизнеспособность. Принципы свободного рынка победили. И современные дискуссии о допустимой степени вмешательства государства в экономику происходят в рамках одной преобладающей модели — классического рынка с его принципами спроса и предложения. Рыночные отношения сегодня составляют экономическую основу существования большинства стран мира, включая Россию и Китай.

В центре политической истории XX в. — проблема возникновения, хода и последствий различных революций.

Революции на протяжении многих столетий были неотъемлемой частью жизни государств и обществ. Не стал исключением и XX век. Дихотомичность XX в. в полной мере проявилась в знаменитой антитезе: революции или реформы. И если в XIX в. эпицентром революции была прежде всего Европа, то в XX столетии революции стали общемировым феноменом.

Согласно марксизму, революции — «локомотивы истории», именно они являются главным двигателем исторического процесса. Такой подход не представляется сегодня единственно правильным, подвергается серьезному переосмыслению в исторической науке. Острые дискуссии вызывал и вызывает вопрос о причинах революций, об объективном и субъективном характере их возникновения.

Век начался с революции 1905 г. в России, продолжился азиатскими революциями (иранской, младотурецкой, синьхайской) и мексиканской революцией 1910-1917 гг. Но эти революции стали лишь прелюдией тех революционных событий, которые потрясали мир. Феномен российской революции 1917 г. до сих пор вызывает споры и острое идеологическое противостояние. В последние годы в российской историографии набирает силу идея рассматривать русскую революцию как длительный процесс (по типу Французской революции конца XVIII в.). Согласно такому подходу, начало революции в России следует датировать февралем 1917 г., а окончание — завершением Гражданской войны в 1922 г.

С русской революцией родилась большевистская идея мировой революции, в 1918 г. последовали ноябрьская революция в Германии, революционные выступления в других странах Европы. Был создан

Коминтерн, руководимый из Москвы, который пытался стимулировать революции в других странах. Но концепция мировой революции так и не была реализована.

Новая волна революций началась после Второй мировой войны. Победа коммунистов в Китае, революция на Кубе, антиколониальные революции в странах Азии и Африки, «цветные» революции рубежа XX-XXI вв. вновь делали актуальными изучение феномена революций.

В мировой исторической науке снова стали обсуждаться вопросы о типологии революций, об их отличиях от обычных выступлений широких масс населения, о роли политических партий и иных организаций в возникновении революций, о соотношении революционного и эволюционного путей развития. Историки стали размышлять о цене революций, о трагедии многих десятков, а иногда и сотен тысяч людей. Именно опыт революций XX в. остро поставил этот вопрос.

Революция почти всегда сопровождается жертвами; поэтому общественное сознание XX в. склонялось к постепенным реформам как альтернативе революционным переменам. Реформы стали одним из наиболее важных способов разрешения социальных и иных противоречий, средством компромиссов враждующих сторон.

Реформизм, видевший возможность приближения к социализму путем постепенной эволюции, был, конечно, осужден в начале XX в. леворадикальной частью российской и европейской социал–демократии, ультрареволюционными течениями на других континентах. Но именно реформизм стал главным аргументом тех, кто осуждал насилие как «повивальную бабку истории». Опыт XX в., особенно опыт России и СССР, стал хорошей прививкой против радикальных, революционных методов преодоления социальных конфликтов.

И хотя на рубеже XX и XXI столетий мир столкнулся с новой революционной волной, с масштабными актами насилия и терроризма, все же сама идея революций как «локомотивов истории» была уже скомпрометирована всем ходом истории XX столетия.

Революции XX в. и, в частности, российская революция 1917 г. имели еще одну особенность. Они, как правило, проходили под лозунгами социальной справедливости и равенства возможностей для широких масс населения.

Эти лозунги были необычайно привлекательны во всем мире. На определенном этапе они вызывали симпатии к социальным экспериментам большевиков; по крайней мере до того, как начались репрессии против

интеллигенции, крестьянства, против политических противников и оппонентов.

В более широком плане XX столетие можно назвать веком глобальных социальных перемен. Во второй половине века окончательно сформировался феномен «социального государства», закрепленный в конституциях ряда стран. Европа, страны Северной Америки, Япония демонстрировали в послевоенные годы наиболее яркие примеры таких государств. Но и в странах Латинской Америки, Азии и Африки трансформации в обществе кардинально меняли политический и социальный ландшафт.

В связи с трансформацией термина «социальное» появились и новые подходы к социальной истории. Современная социальная история все более приобретает антропологический характер. Она продолжает исследовать взаимоотношения государства и общества, проблему автономии личности, однако интересуется и многообразием ее социальных связей, а также ставит вопрос о взаимоотношениях человека с окружающей средой.

Одно из наиболее ярких проявлений дихотомии XX в. — противостояние демократии и тоталитаризма.

Тоталитаризм вырос на европейской почве, его истории и сущности посвящена огромная исследовательская литература. Тоталитаризм и тоталитарные тенденции весьма многолики. Классическими вариантами тоталитаризма считается нацистская Германия и фашистская Италия. Иногда в список тоталитарных государств включается и СССР. В то же время в последние годы у многих историков и политиков вызывает сомнение сам термин «тоталитаризм». Природа и проявления самого феномена продолжают оставаться предметом широкой дискуссии историков.

Так, например, в 1990-е годы режим Франко в Испании называли тоталитарным, однако сохранение свободного рынка в Испании той эпохи противоречит определению тоталитаризма. Подобные споры велись и о режиме Пиночета в Чили, и о режиме Салазара в Португалии, и об авторитарных режимах в ряде стран Восточной и Юго–Восточной Европы. Некоторые историки и политологи видели главный признак тоталитаризма в государственном преследовании людей по классовому, расовому и национальному признакам. Но и этот тезис является сегодня дискуссионным. Очевидно, что феномен тоталитаризма нуждается в дальнейшем изучении и уточнении.

Столь же сложным является и понятие демократии. Известно, что основные принципы демократии были сформулированы еще в античности,

а эволюция демократических принципов происходила на протяжении всей истории. Французская революция провозгласила эти принципы, сделав их достоянием человечества. Важная роль в утверждении идей демократии, свободы и прав человека принадлежала XIX столетию. XX столетие — важнейший период в истории совершенствования демократических концепций и институтов.

Но вместе с тем именно зловещие испытания XX в. поставили под сомнение жизненность не только принципов, но и реальных возможностей демократии. Крах демократии казался неизбежным с началом Второй мировой войны. Но совместными усилиями стран антигитлеровской коалиции был повержен германский фашизм, главный оплот тоталитаризма, основная опасность для демократических принципов и институтов.

Конец XX столетия ознаменовался появлением новой глобальной опасности — терроризма. Но, несмотря на это, можно утверждать, что противостояние века (тоталитаризма, фашизма и нацизма, с одной стороны, и демократии — с другой) завершилось в пользу демократии. Ее основные принципы — в том виде, в каком их понимают современные политики, — закреплены в уставе Организации Объединенных Наций, провозглашены в конституциях и других законодательных актах большинства стран мира. И, может быть, именно победа идеалов демократии является главным результатом XX столетия.

XX столетие вошло в историю двумя беспрецедентными мировыми войнами и глобальным столкновением идей и практик войны и мира.

Известный американский историк и политолог Дж. Кеннан справедливо утверждал, что все, произошедшее в мире в XX в., было обусловлено Первой мировой войной. Именно она привела к принципиальным переменам в расстановке сил на мировой арене.

Российская историография долгое время не соглашалась с этим тезисом. До недавнего времени Первая мировая война считалась в России войной империалистической — и потому в стране почти не помнили о ней. Лишь накануне столетней годовщины этой войны российские ученые начали ее активно исследовать. В историографии быстро сформировалось понимание ее глобального значения в истории XX столетия.

Потерпевшая поражение и жаждавшая реванша Германия, гражданское противостояние и экономическая разруха в России, попытка новой гегемонии в Европе со стороны победителей Англии и Франции, резко возросшая роль Соединенных Штатов Америки, новые национальные

государства в центре, на востоке и юго–востоке Европы — таков был новый международно–политический ландшафт. Последствия Первой мировой войны стали причиной для новых социальных и национальных катаклизмов.

Итоги Первой мировой войны вызвали к жизни агрессивный национализм на реваншистской основе. Открыто террористическая партия с расистскими лозунгами пришла к власти в Германии в рамках Веймарской демократической системы, в результате демократических парламентских выборов. Этот урок XX столетия свидетельствует, в частности, об издержках и лимитах как демократии, так и национализма.

Наполненный идеями национальной и расовой исключительности, униженный (как это было с Германией в итоге поражения в Первой мировой войне) национализм становится особенно привлекательным для маргинальных слоев общества, для тех, кто исповедует ультраправые или ультралевые идеи. Такого рода национализм взрастил нацизм со всеми его чудовищными атрибутами, тот нацизм, который вверг человечество в еще более разрушительную Вторую мировую войну.

Истории этой войны посвящены тысячи исследований. От описания военных действий историки перешли к анализу большой и многоплановой темы — война и общество. В такого рода исследованиях преобладает антропологический аспект. Историки активно изучают «человека на фронте», «человека в тылу», «человека в оккупации», «человека в плену», «человека в лагере коллаборационистов» и т. п. Такой подход характерен при исследовании и Великой Отечественной, и Второй мировой войны; он касается и истории Советского Союза, и истории стран антигитлеровской коалиции. Значительное внимание уделяется описанию и анализу истории нацистской Германии и ее союзников.

Объем документальных публикаций, научных исследований и публицистических выступлений, посвященных Второй мировой войне, поистине огромен. Но, несмотря на это, все еще существует множество малоизученных проблем, закрытых или малодоступных архивных документов. Их публикация и анализ безусловно поможет ликвидировать «белые пятна» в истории этой самой разрушительной войны.

История Второй мировой войны до сих пор порождает отчаянные споры — часто отнюдь не академического характера, доходящие порой до ожесточенного идеологического противостояния. В сферу дискуссий включены и события, происходившие накануне войны, и все то, что называется периодом холодной войны.

Международно–политические системы, возникшие и существовавшие

в XX в., были противоречивы. Созданная после Первой мировой войны международно–правовая система не только не смогла предотвратить Вторую мировую, но и способствовала росту национализма, агрессии и насилия.

Появившаяся по итогам Второй мировой войны Ялтинско–Потсдамская международно–политическая система по существу разделила мир. С одной стороны, она позволила союзникам согласовать решения по послевоенному устройству мира, создала определенную стабильность и даже способствовала предотвращению мировых конфликтов. Но, с другой стороны, она фактически закрепила существование биполярного мира, основанного на противостоянии Запада и Востока. Следствием существования этой системы была холодная война — уникальное явление XX в., не имевшее аналогов в прошлом. Однако и в эпоху холодной войны, несмотря на жесткое противостояние и конфронтацию, продолжался переговорный процесс, зародился исторический феномен, получивший название разрядки.

Сложность и неоднозначность XX столетия проявилась и в том, что именно в то время, когда две мировые войны практически определили облик века, когда милитаризм, гонка вооружений и провоцирование конфликтов обусловливали жизнь миллионов людей, в мире стали активно распространяться пацифистские идеи и движения. Все большие симпатии завоевывали концепции всеобщего мира и идеи гуманизма.

В начале XX в. идеи М. Ганди стали эталоном гуманизма. Неприятие насилия завоевывало все новых сторонников. Выразителями идей ненасилия были и мать Тереза, и Б. Рассел, основатель «Пагуошского движения», и плеяда писателей–гуманистов, таких как Т. Манн, Р. Роллан и другие. Активно действовал Нобелевский комитет, присуждавший премии мира. Академик А. Д. Сахаров стал символом борьбы против войны, за права человека.

XX век — это век создания ядерного оружия. Одно из величайших открытий современной науки — расщепление урана и высвобождение колоссальной энергии — было использовано для создания оружия массового уничтожения; в августе 1945 г. это оружие было впервые применено на практике. Ученые, создававшие в США атомное оружие, пришли в ужас, когда созданная ими бомба разом уничтожила десятки тысяч человек. Это стало драматическим столкновением достижений науки и политических практик.

XX век, особенно его вторая половина прошли под знаком международных дискуссий о ненасилии, о правах человека, о гарантиях

этих прав. Дискуссии эти явились своеобразным продолжением истории европейских проектов вечного и справедливого мира, объединения Европы, пацифистских мечтаний о вечном мире. Такие проекты были особенно популярны в XVIII-XIX вв., но только в XX столетии они начали обретать конкретную форму.

Подобные взгляды, как и многие другие явления мировой истории, различались идейными основами, позициями и перспективами. Среди них выделялись консервативные, либерально–демократические и леворадикальные. Пацифизм XX в. был достоянием как общества, так и государства — в лице некоторых его представителей, таких, как французский премьер–министр А. Бриан. Либеральные идеи панъевропейского объединения, выдвинутые философом и политиком Куденхове–Калерги, также были широко распространены в Европе.

Вскоре после окончания Второй мировой войны «отцы–основатели» единой Европы Ж. Монне и его сподвижники сформировали идеи объединения «старого континента». В концепциях и проектах Р. Шумана и К. Аденауэра пацифистские идеи практически не фигурировали, а на первое место вышли экономические, политические и социальные факторы.

В дальнейшем в деятельности институтов европейской интеграции возобладали экономическая выгода и политические интенции, хотя основополагающей идеей оставалось создание наднационального объединения, которое не позволит больше национальным государствам Европы развязать войну между собой. А обсуждение идей всеобщего мира, справедливости и пацифизма, будораживших европейскую и мировую общественность на протяжении многих веков, все больше становилось уделом гуманистов–интеллектуалов и религиозных деятелей.

XX в., как и предыдущим столетиям, было присуще своеобразие повседневной жизни, свои особенные нравы, мода, представления о жизни и т. п.

Исследователи, подводящие итоги ушедшего столетия, констатировали существенные перемены в ценностных ориентациях населения. Общество XX в. получило название «общества массового потребления». Подобные метаморфозы повлияли и на быт, и на жизненные установки и нормы поведения.

Смена приоритетов и всего уклада жизни в XX в. была связана с наступлением эпохи компьютеризации и повсеместным распространением Интернета, который полностью изменил лицо столетия и жизнь всех слоев населения. Он повлиял на формы общения между людьми, на систему

образования, здравоохранения, сферу культуры, науки и другие.

XX век — век общественно–политических и социальных дихотомий. Невиданные доселе достижения науки, всеобщая техническая революция открыли новые возможности для развития человечества. Но — одновременно — совершенствовались средства массового уничтожения и массовых репрессий. Становление демократии соседствовало в XX в. с распространением агрессивного национализма и терроризма. Осознание единства человечества перед лицом экологических катаклизмов и глобальных изменений климата соседствовало с постоянными войнами, две из которых поистине были мировыми. Иными словами, XX век — это столетие великого прогресса, глобальных преступлений и обнадеживающих перспектив.

III

Том начинается главой о демографических процессах, что является продолжением аналогичного раздела предыдущего, пятого, тома «Всемирной истории», посвященного XIX в. На фоне позапрошлого столетия хорошо виден демографический взрыв XX в., его влияние на общественную жизнь нашей планеты.

Сравнив параметры этого взрыва на разных континентах, можно прийти к выводу о резком снижении рождаемости в Европе по сравнению с другими странами и континентами. В главе объясняются причины подобного снижения, выявляется влияние демографических факторов на процессы производства и потребления. Кроме того, акцент сделан на взаимозависимость демографических и социальных процессов (в сфере образования, здравоохранения и т. п.).

Думается, что читатель обратит внимание на разделы, касающиеся состояния мировой экономики в целом и экономического развития отдельных стран. Описывая состояние экономики в межвоенное время, авторы отошли от тех клише и стереотипов, которые утвердились в советской историографии. В СССР принято было связывать экономическое развитие Европы и прежде всего Германии этого периода исключительно с формационными и «классовыми» факторами: усилением роли стремящейся к реваншу буржуазии, эксплуатацией рабочих и т. п. Авторы же настоящего тома попытались раскрыть закономерности развития немецкой и — шире — европейской экономики. Внутренние резервы в сочетании с международной помощью и человеческой энергией составили тот

фундамент, на котором после Первой мировой войны восстанавливалась Европа.

Другой пример, на котором рассматриваются экономические закономерности, — Великая депрессия и мировой экономический кризис конца 1920-х — начала 1930-х годов. В «экономических» разделах тома анализируются факторы, спровоцировавшие этот кризис, пути преодоления кризиса в Западной Европе и США, то, как он повлиял на систему международных отношений.

В свою очередь, проблематика международных отношений также освещается в томе с новых позиций и без прежних стереотипов. Авторы исходили из того, что идея коллективной безопасности представляла собой общий международно–политический проект, во многом определивший ситуацию 1920-х — 1930-х годов. Сюда входили и Локарнские договоры, и бриановские идеи объединения Европы, и двусторонние договоры, в том числе советско-французский и советско–чехословацкий. Заключая эти и другие договоренности, политики разных стран придерживались собственных, зачастую далеких от интересов реальной коллективной безопасности политических целей.

В томе предпринята попытка и иначе взглянуть на развитие Европы и мира после Второй мировой войны.

Научные дискуссии вокруг этих проблем ведутся многие десятилетия. Особый интерес вызывает план Маршалла. Историки и России, и других стран выдвигали два противоположных тезиса. Для одних план Маршалла — это «экономическое чудо», имеющее только «гуманистические» благотворительные цели, спасшие Западную Европу от разорения и упадка. Для других же этот план — лишь средство, с помощью которого США получили экономическую власть над странами Запада и обеспечили себе исключительную роль в западном мире. В данном томе предпринята попытка анализа плана Маршалла и его влияния на историю Европы и мира с учетом новых документов и различных историографических интерпретаций.

В представленном томе много внимания уделено политическим процессам, происходившим после войны. Анализируются причины возникновения и принципы функционирования Европейского Союза, описываются достижения, неудачи и противоречия, сопровождавшие его деятельность, а также его роль в строительстве послевоенной Европы. При этом авторы считают, что Старый Свет был и остается одним из основных экономических и политических центров мира.

Естественно, важное место в томе отведено России и СССР. Авторы

стремились дать объективную оценку роли российской революции 1917 г. в мировой истории, показать ее причины, описать последствия революции — как позитивные, так и негативные — и для нашей страны, и для всего мира.

Советская эпоха и ее роль в истории России порождают жаркие дискуссии. Авторы тома исходили из понимания революции как времени больших социальных перемен. Кроме того, речь идет о вариантах модернизации страны. Советская эпоха — это безусловные достижения науки, культуры и образования. Но вместе с тем система, возникшая в СССР после революции, сделала возможными массовые репрессии.

В XX столетии Россия семьдесят лет шла особым путем, пыталась показать на своем примере иную, некапиталистическую, экономическую и политическую модель. Анализируя эту историческую траекторию страны, авторы тома не подвергали сомнению то, что и в подобных условиях Россия оставалась неотъемлемой частью мирового сообщества и ее глобальный путь был связан с развитием большинства стран Европы и всего мира.

Роль России в мировой истории XX в. велика и противоречива. Соответствующие разделы тома призваны выявить как то, что роднит Россию с другими странами, так и то, что составляет ее специфику. Авторы попытались объяснить «советский феномен» как явление всемирной истории, соотнеся объективные и субъективные факторы его существования в XX в.

Несомненно, внимание читателей привлечет и раздел о развитии стран Восточной Европы. История «социалистического лагеря» тоже представляет собой дискуссионный вопрос, активно обсуждается как наукой, так и публицистикой. Страны этого региона в первой половине XX столетия шли обычным путем развития капиталистического общества со всеми присущими ему атрибутами. После Второй мировой войны они оказались в орбите советского влияния, вступив на социалистический путь развития. С конца 1970-х годов в целом ряде стран Восточной и Центральной Европы проявились признаки эрозии социализма, окрепли антисоциалистические настроения. В конце 1980-х годов эти государства вернулись в орбиту западного мира.

В заключительном шестом томе «Всемирной истории» авторы следовали установке всего издания на отход от европоцентризма и рассмотрение региональной и национальной истории в качестве неотъемлемой части истории глобальной. Наряду с этим внимание уделялось и представлениям об особой роли некоторых регионов

(евразийство), и концепциям, описывающим реалии одного континента, но допускающим и расширительное толкование («афроцентризм» и схожие явления в Азии как политическое завершение процесса деколонизации).

Деколонизация — один из ключевых процессов мировой истории XX столетия; несколько разделов в томе освещают особенности данного явления в Тропической Африке, на Ближнем Востоке и в Юго–Восточной Азии. Из объектов политики великих держав страны этих регионов превратились в полноправных членов мирового сообщества, а некоторые из них продемонстрировали бурный экономических рост.

Один из разделов тома посвящен Западному полушарию. XX век в Латинской Америке — век революций, которые, начиная с мексиканской революции 1910-1917 гг., каждая по–своему, решали вопросы социально–экономического и политического развития стран континента. В послевоенные годы здесь родилась так называемая «левая альтернатива», обусловленная некоторыми общими тенденциями уже не регионального, но мирового развития. В политическом плане государства, избравшие «левый» курс, сталкивались с сильным противодействием США. Политический выбор и особенности политического развития государств Латинской Америки несомненно стали знаковым явлением мировой истории второй половины XX столетия.

Исследуя историю Соединенных Штатов Америки, авторы подвергли серьезному пересмотру клише и стереотипы, сложившиеся в отечественной историографии под влиянием холодной войны и многие годы существовавшие как в советской, так и в российской историографии.

Представленные в томе документы позволили глубже понять «смену вех» в политике США после окончания Второй мировой войны и сделать вывод о степени влияния мировых процессов на внутриполитические практики американского истеблишмента.

Специальный раздел тома посвящен предпосылкам, эволюции, окончанию и последствиям холодной войны. Авторы подводят итоги многолетних дискуссий по истории этого феномена в истории XX столетия, делают попытку понять место и холодной войны, и периода разрядки в системе международных отношений.

Как и в предыдущих томах «Всемирной истории», в шестом томе есть обобщающие разделы, посвященные образованию и науке, истории религии и церкви, развитию мировой культуры. Стремясь отойти от простого перечисления деятелей культуры либо подробностей развития отдельных отраслей научного знания, авторы концентрировались на

анализе основных тенденций развития культуры и науки, определивших облик столетия.

Схожий подход был избран и в разделе о религии и церкви: авторы попытались показать эволюцию религиозного сознания в XX в., уменьшение влияния церкви в одних регионах и значительный рост — в других, непрекращающиеся попытки скрыть действия радикальных группировок под религиозными лозунгами и обращение к религии на новом витке развития человеческой цивилизации, в условиях новых, неизвестных ранее вызовов и угроз.

По истории XX столетия изданы тысячи книг в различных странах. Существует множество концепций и интерпретаций истории века в целом и отдельных его периодов. Задача данного тома — с учетом достижений отечественной и мировой историографии, с привлечением новых массивов документов дать целостную картину исторического развития человечества в XX в.

Эта задача вполне соотносима с общим замыслом шеститомной «Всемирной истории», подготовленной Институтом всеобщей истории РАН. Авторы и редакционная коллегия этого многотомного издания видят свою главную цель в том, чтобы продемонстрировать сочетание концептуального и конкретно–исторического подходов к анализу мировой истории. В проекте участвовали многие десятки российских специалистов из научно–исследовательских институтов и университетов.

С изданием заключительного тома, который читатель сейчас держит в руках, проект «Всемирная история» не заканчивается. Он будет продолжен в электронном варианте, причем документальные разделы по разным эпохам мировой истории будут постоянно пополняться. Мы надеемся, что в таком виде «Всемирная история» может стать не только научно–исследовательским, но и важным образовательным и культурным проектом, доступным всем, кто интересуется мировой историей.

XX век в истории: глобальное измерение

Демографические и миграционные процессы

В демографической истории человечества XX век занимает особое, неповторимое место. За одно столетие население нашей планеты увеличилось в четыре раза — прирост абсолютного числа одновременно живущих на Земле людей был большим, чем за все предшествующие тысячелетия человеческой истории, — и это лишь одно из ряда небывалых по своей глубине и последствиям демографических изменений, объединяемых понятием «демографическая революция» или «демографический переход». Впервые за время существования человека, в результате накопившихся исторических перемен, изменилась репродуктивная стратегия вида Homo Sapiens, что оказало огромное влияние на экономические, социальные и политические процессы во всех уголках земного шара.

Кардинальные демографические перемены назревали по меньшей мере с конца XVIII в., весь XIX в. сыграл роль подготовительного этапа к основным событиям, которые с необыкновенной скоростью развернулись в XX столетии.

Переход к новой эпидемиологической модели и удлинение человеческой жизни

Роль пускового механизма, инициировавшего демографическую революцию, сыграло небывалое снижение смертности.

С древности люди полагали, что предельный срок человеческой жизни равен примерно 120 годам. Это представление отражено, в частности, в Ветхом Завете («И сказал Господь: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками; потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет». — Быт. 6,3). Однако уделом большинства была ранняя смертность: на протяжении истории такой тип вымирания поколений сохранялся почти без изменений. Он был предопределен набором заболеваний и причин смерти, который мало менялся за тысячелетия. Даже в спокойные, некризисные годы, когда не было эпидемий, войн или вспышек голода, большинство людей умирало от причин, обрывавших жизнь в относительно молодом, особенно часто в детском возрасте от инфекционных заболеваний, а также от разных форм насилия. Такая

эпидемиологическая модель воспринималась общественным сознанием как единственно возможная, была неотделима от всего образа жизни доиндустриальных обществ, определялась их бедностью, технологической слабостью, отсутствием научных знаний о природе болезней и способах их лечения. Человеческая жизнь ценилась очень низко. Отдельные люди доживали до глубокой старости, но средняя продолжительность жизни редко достигала 35 лет.

Лишь в XIX в. в результате промышленной революции, роста городов, развития естественнонаучного знания и основанной на нем новой медицины возникли предпосылки для установления эффективного контроля над ключевыми факторами смертности. Социальным ответом на новые возможности стало создание систем здравоохранения (первая из них возникла в Англии в результате деятельности Э. Чедвика и принятия в 1848 г. закона об общественном здоровье — Public Health Act), целью которых стала охрана здоровья населения. Все это сделало возможным переход к совершенно новой эпидемиологической модели — он начался во второй половине XIX в. и резко ускорился в XX в. Результаты, достигнутые уже к 1960-м годам, дают основания говорить о подлинной эпидемиологической революции, которая коренным образом изменила модель заболеваемости и смертности.

Эти изменения хорошо видны на примере Англии и Уэльса, где имеющаяся статистика позволяет построить самые ранние таблицы смертности по причинам смерти на национальном уровне (за 1861 г.) — тогдашние показатели разительно отличаются от соответствующих показателей сто лет спустя. В табл.1 хорошо видно, как формировалась новая эпидемиологическая модель.

В условиях смертности 1861 г. почти 46% родившихся мальчиков и 43% девочек предстояло умереть от инфекционных болезней, включая туберкулез, а также от внешних причин — все эти причины смерти объединяло то, что они обрывали жизнь людей в молодом возрасте, средний возраст смерти от них был крайне низким, особенно это относилось к инфекционным заболеваниям, которые свирепствовали среди детей. Шансы же умереть от причин с более высоким возрастом смерти (болезней системы кровообращения или новообразований) были гораздо ниже — всего у 15% родившихся мальчиков и 17% девочек.

К началу XX в. произошли небольшие подвижки, однако эпидемиологическая модель оставалась прежней: определяющую роль продолжали играть те же группы причин с низким, хотя и несколько выросшим средним возрастом смерти, тогда как болезни системы

кровообращения и новообразования, от которых люди умирали в существенно более позднем возрасте, по–прежнему имели второстепенное значение.

Если же сравнить эпидемиологическую модель 1960 г. с моделью 1861 или даже 1900 г., становится очевидным, что изменения приобрели принципиальный характер. В условиях смертности 1900 г. 43% родившихся мальчиков предстояло умереть от указанных выше четырех групп причин смерти с низким возрастом смерти, в 1960 г. — всего 18%. Зато от двух групп причин с высоким возрастом смерти — 68% вместо 28%. При этом значительно повысился и средний возраст смерти от всех причин, в том числе от причин первой группы — свидетельство того, что от них все меньше и меньше умирали дети.

Переход к новой эпидемиологической модели не завершился и в 1960 г., хотя и приобрел новые черты. Смертность от наиболее опасных в прошлом, но оказавшихся устранимыми инфекционных заболеваний к этому времени была сведена к минимуму, дальнейшие возможности ее сокращения были почти исчерпаны. Начался второй этап эпидемиологической революции («вторая эпидемиологическая революция») — оттеснение к более поздним возрастам заболеваемости неинфекционными хроническими заболеваниями и смертности от них, и одновременно сокращение смертности от внешних причин, что также хорошо видно на примере Англии и Уэльса (см. табл.1).

Таблица 1

Эпидемиологическая революция в Англии и Уэльсе[1]

	Мужчины				Женщины			
	год				год			
	1861	1901	1960	2002	1861	1901	1960	2002
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	40,59	45,43	68,22	76,21	43,11	49,44	74,10	80,73
Вероятность для новорожденного умереть на протяжении жизни от причин одного из указанных классов в условиях смертности соответствующего года								
Все причины	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000
Туберкулез легких	0,110	0,078	0,008	0,001	0,116	0,054	0,002	0,000
Другие инфекционные болезни	0,120	0,088	0,005	0,007	0,122	0,075	0,004	0,008
Новообразования	0,014	0,053	0,193	0,277	0,032	0,083	0,164	0,233
Болезни системы кровообращения	0,125	0,183	0,460	0,402	0,133	0,212	0,469	0,396
Грипп, пневмония, бронхит	0,132	0,165	0,119	0,057	0,125	0,162	0,083	0,076
Диарея, гастрит, энтерит	0,046	0,052	0,003	0,000	0,046	0,048	0,005	0,000
Нефрит, цирроз печени, язва желудка и двенадцатиперстной кишки, диабет	0,010	0,048	0,026	0,026	0,007	0,042	0,023	0,022
Дорожно-транспортные происшествия	0,000	0,000	0,016	0,006	0,000	0,000	0,006	0,002
Другие внешние причины	0,050	0,049	0,030	0,026	0,017	0,022	0,030	0,019
Прочие и неустановленные	0,394	0,285	0,141	0,198	0,403	0,302	0,214	0,244
Средний возраст смерти, лет								
Все причины	40,6	45,4	68,2	76,2	43,1	49,4	74,1	80,7
Туберкулез легких	36,7	41,6	63,4	72,4	33,5	38,0	58,6	72,8
Другие инфекционные болезни	16,6	18,8	55,7	71,9	15,2	13,9	56,5	77,6
Новообразования	60,8	62,5	66,8	74,7	58,5	61,7	68,3	74,9
Болезни системы кровообращения	61,4	63,6	71,1	78,3	62,2	64,6	75,5	83,4
Грипп, пневмония, бронхит	41,9	46,5	70,3	83,4	44,8	52,0	75,8	86,6
Диарея, гастрит, энтерит	26,1	12,4	55,9	72,2	30,0	16,4	67,5	81,1
Нефрит, цирроз печени, язва желудка и двенадцатиперстной кишки, диабет	49,8	56,8	67,0	71,5	47,5	55,2	71,5	77,1
Дорожно-транспортные происшествия	-	-	42,9	41,6	-	-	54,8	52,3
Другие внешние причины	37,5	42,6	54,1	57,1	37,7	44,3	69,7	73,2
Прочие и неустановленные	43,1	43,7	66,1	76,2	48,0	49,8	76,9	81,4

Эпидемиологическая модель 1861 г. предопределяла тогдашнюю продолжительность жизни — уже не средневековую, но все же очень низкую. Насколько можно судить по Швеции, имеющей самую раннюю систематическую статистику продолжительности жизни (см. график 1), устойчивый рост этого показателя в наиболее благополучных европейских странах начался в первые десятилетия XIX в. Ситуация в Англии и Уэльсе в 1861 г. также свидетельствовала о наблюдавшемся росте. Он продолжался до конца XIX столетия, но был довольно медленным и никак не предвещал того огромного скачка, который произошел в XX в. и стал результатом стремительного перехода к новой эпидемиологической модели.

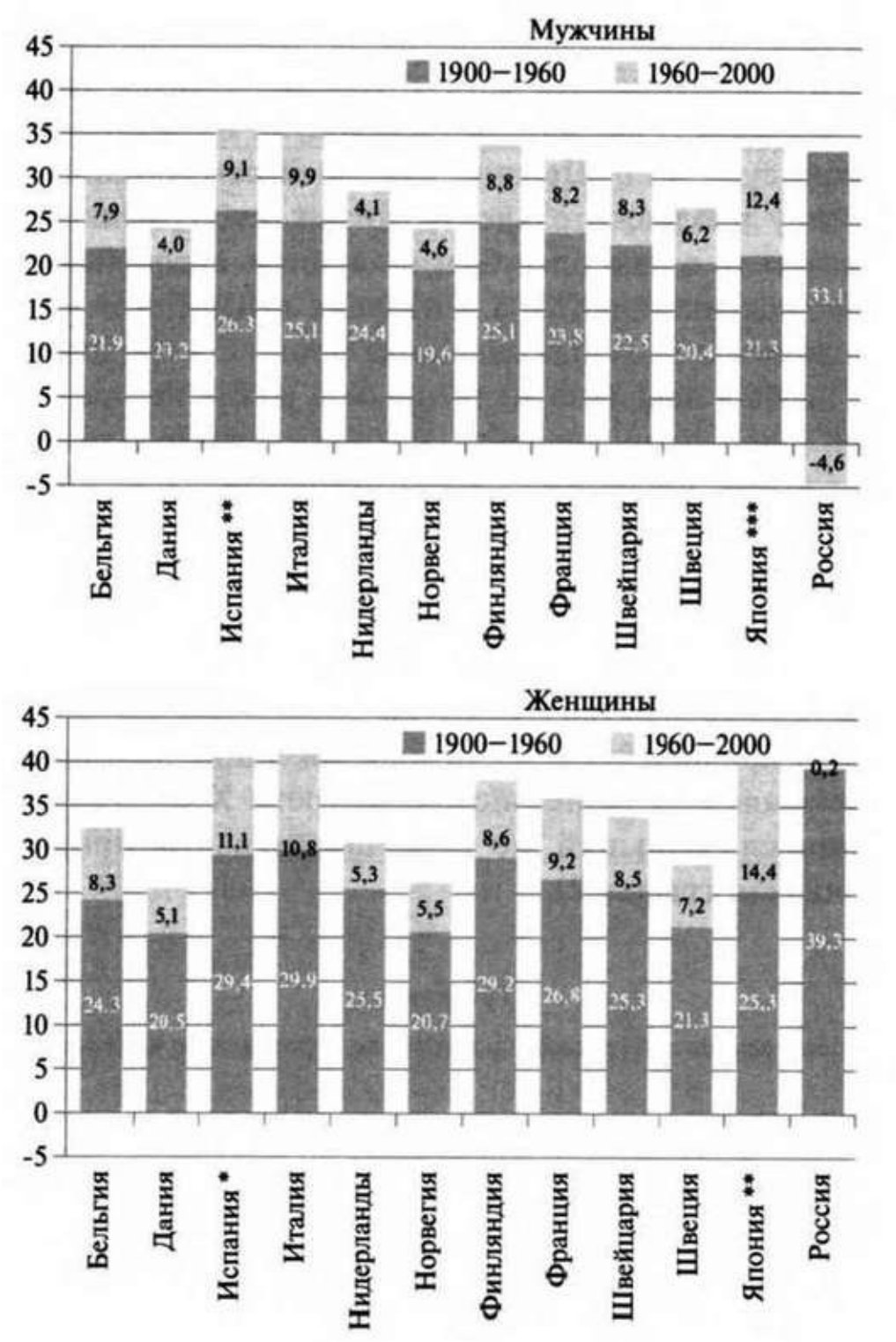
Особенно большой выигрыш в продолжительности жизни принес первый этап эпидемиологической революции. Несмотря на две мировые войны, за первые шесть десятилетий XX в. ожидаемая продолжительность жизни в промышленно развитых странах, в том числе и в тех, на территории которых проходили боевые действия, выросла на 20 и более лет, особенно большим был прирост продолжительности жизни женщин. «Вторая эпидемиологическая революция» в течение последней трети XX в. (она продолжается и в XXI в.) принесла меньший, но тоже значительный прирост продолжительности жизни (см. график 2).

График 1

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Швеции, лет[2]

График 2

Прирост ожидаемой продолжительности жизни за XX век в некоторых странах, лет[3]



* Human Mortality Database. University of California, Berkeley (USA), and Max Planck Institute for Demographic Research (Germany).

** С 1908 г;

***С 1901 г.

В целом за столетие продолжительность жизни населения промышленно развитых стран выросла на десятки лет. Если в его начале в мире было считаное число стран–рекордсменов, в которых продолжительность жизни мужчин едва–едва достигала 50, а женщин — 55 лет, то к концу века во многих странах продолжительность жизни мужчин превысила 75, а женщин — 80 лет. Этот необыкновенный, невиданный рост продолжительности человеческой жизни стал едва ли не главным достижением XX столетия.

Европейские и некоторые заокеанские страны европейского заселения сыграли роль лаборатории, в которой вырабатывались и опробовались медицинские инструменты и социальные механизмы снижения смертности, и они первыми ощутили его небывалые результаты. К середине XX в. европейские достижения только начали проникать в развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки. В начале 1950-х годов показатели ожидаемой продолжительности жизни населения этих регионов, в среднем, были примерно такими, как в Европе в конце XIX в., накануне вступления в активную фазу эпидемиологической революции.

Бедность и необразованность населения развивающегося мира, слабость современных социальных институтов, сильное влияние традиционализма были и остаются серьезным препятствием для успешного разворачивания этой революции на мировом Юге. Но вместе с тем эта революция облегчалась здесь возможностью заимствовать научные и организационные наработки «европейской лаборатории» в готовом виде, чему в немалой степени способствовали общие процессы глобализации, а также целенаправленные усилия международных организаций, прежде всего Всемирной организации здравоохранения. Как следует из табл.2, лишь в Африке показатели ожидаемой продолжительности жизни к концу XX в. оставались на уровне кануна эпидемиологической революции. На двух же других развивающихся континентах за вторую половину XX в. эта революция продвинулась достаточно далеко, и показатели смертности резко и, скорее всего, необратимо оторвались от их тысячелетнего традиционного уровня.

Таблица 2

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в разных частях света и в некоторых крупнейших развивающихся странах, лет[4]

Часть света	Мужчины		Женщины	
	год		год	
	1950-1955	2000-2005	1950-1955	2000-2005
Весь мир	45,92	64,92	47,92	69,35
Азия	42,12	67,04	42,39	70,60
Африка	36,23	51,88	38,57	53,94
Европа	60,89	69,56	66,06	78,04
Латинская Америка	49,71	68,86	53,11	75,49
Северная Америка	65,81	74,74	71,66	79,93
Океания	58,12	72,79	63,05	77,79
Некоторые крупнейшие развивающиеся страны				
Бангладеш	44,52	66,10	42,57	66,85
Бразилия	49,32	67,31	52,75	74,90
Индия	37,12	61,82	35,22	64,51
Индонезия	37,17	66,11	39,43	70,11
Китай	44,60	72,17	44,59	74,71
Мексика	48,92	72,43	52,54	77,36
Нигерия	32,72	46,89	35,37	47,79
Пакистан	38,14	63,80	38,72	65,37

Переход к новой репродуктивной стратегии и снижение рождаемости

Снижение смертности и удлинение человеческой жизни самоценны, они открывают перед человеком и перед человечеством совершенно новые возможности, о которых люди, жившие до XX в., не могли и мечтать. Но в то же время они запускают цепную реакцию, ведущую к глубоким преобразованиям всего процесса размножения человеческих популяций, или воспроизводства населения.

В условиях традиционной эпидемиологической модели огромное число родившихся детей умирало на первом году жизни. Даже в конце XVIII в. в самых благополучных европейских странах до 1 года не доживали 200 из каждой 1000 новорожденных. В Германии еще в середине XIX в. на первом году жизни умирали примерно 300 родившихся, в России такой уровень младенческой смертности сохранялся до конца XIX в. Для детей, переживших первый год жизни, вероятность умереть, не став взрослыми, снижалась, но тоже была очень высокой. При типичной для доиндустриальной эпохи средней продолжительности жизни, близкой к 30 годам, лишь половина родившихся девочек — будущих продолжательниц

рода — доживала до возраста 25 лет. Это означало, что для поддержания стабильной численности населения на каждые 100 женщин должно было рождаться не менее 400 детей (примерно поровну мальчиков и девочек). Среди этих 100 женщин в силу разных, не зависящих от них причин (женское или мужское бесплодие, раннее овдовение и пр.) могли быть не родившие ни одного ребенка, либо родившие малое число детей, что компенсировалось большим числом рождений у другой части женщин. Поддержание общего баланса обеспечивалось наличием во всех традиционных культурных системах четких установок на высокую рождаемость, которые исключали намеренное ограничение числа рождений в семье, в том числе и в тех случаях, когда в ней уже имелось большое число детей.

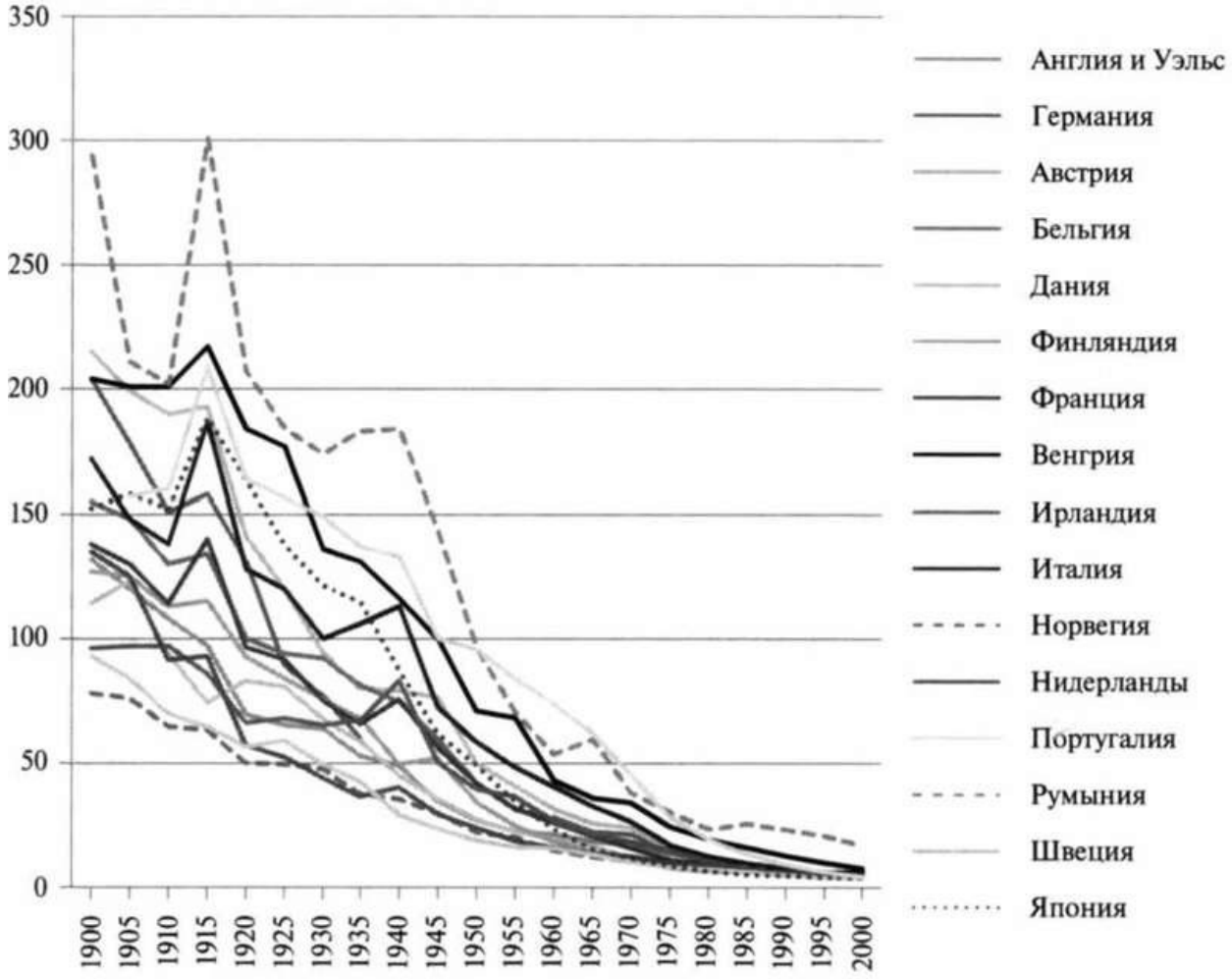
В этом, собственно, и заключалась репродуктивная стратегия человеческого общества во все прошлые эпохи. Не умея воздействовать на смертность и другие факторы, препятствовавшие росту населения или даже приводившие к его сокращению (например, во время эпидемий или крупных вспышек голода), люди противопоставили им социальные и культурные механизмы, поддерживавшие высокую рождаемость и не допускавшие вымирания населения. Снижение смертности в XX в. лишило эти механизмы их изначального смысла.

Младенческая смертность, начавшая снижаться еще в XIX в., за XX столетие в индустриально развитых странах если не совсем исчезла, то почти сошла на нет (см. график 3 и табл.3). Но и в остальных странах мира она снижается очень быстро (см. табл.4). В середине XX в. даже в Африке она была ниже, чем в некоторых европейских странах в 1900 г. К концу же XX в., при том, что Африка оставалась континентом наиболее высокой младенческой смертности, ее уровень был ниже, чем во многих странах Восточной Европы в середине столетия.

График 3

Младенческая смертность в некоторых европейских странах и Японии. Исходный уровень к началу и снижение к концу XX века.

Число умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми[5]



Как отмечалось выше, быстро снижалась смертность и в других возрастах, непрерывно росла продолжительность жизни. При ее увеличении до 50 лет доля девочек, доживающих до 25 лет, повышается примерно до 75%, при увеличении до 60 лет она вырастает до 85%, при увеличении до 70 лет — приближается к 95%. «Запасные» дети, рождение которых обеспечивали культурные нормы во все времена и которые были необходимы, чтобы противостоять урону, наносимому высокой смертностью, становятся ненужными. Более того, высокая рождаемость становится опасной, потому что приводит к неконтролируемому росту населения.

Устранить эту опасность и восстановить демографическое равновесие, нарушенное небывалым снижением смертности, можно только приведя уровень рождаемости в соответствие с новым уровнем смертности, и XX в. стал веком столь же небывалого снижения рождаемости.

Как и в случае со смертностью, важным подготовительным этапом стал XIX в., хотя поиски демографического ответа на изменения

смертности начались ранее, когда эти изменения только обозначились в Европе. Первым таким ответом стала так называемая «европейская брачность», к XVIII в. получившая широкое распространение в европейских странах к западу от «линии Хайнала» (прямая линия, соединяющая Санкт–Петербург и Триест; по имени демографа Д. Хайнала, который описал различия между двумя типами брачности). Этот необычный для доиндустриальных обществ тип брачности предполагал заключение браков в более позднем возрасте и довольно широко распространенное безбрачие, благодаря чему число рождений в расчете на одну женщину или одну брачную пару заметно сократилось. Именно этот путь ограничения рождаемости пропагандировал Мальтус, но его отвергали неомальтузианцы, проповедовавшие не ограничение брачности, а ограничение рождаемости в браке.

Хотя неомальтузианское течение возникло в Англии, главным экспериментатором в области ограничения рождаемости в браке стала послереволюционная Франция, которая на протяжении всего XIX в. выделялась среди европейских стран низким уровнем рождаемости. Но и опыт Франции, и призывы неомальтузианцев были восприняты всеми европейскими странами лишь к концу XIX в., когда успехи в снижении смертности уже сильно ослабили ее роль главного регулятора процесса демографического воспроизводства, и европейские общества стали постепенно осознавать, что эта роль переходит к рождаемости.

Таблица 3

Младенческая смертность в некоторых странах, 1900, 1950 и 2000 годы. Число умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми[6]

Страна	Год		
	1900	1950	2000
Австрия	231	66	4,8
Англия и Уэльс	154	30	5,6
Бельгия	172	53	4,8
Болгария	132	95	13,3
Венгрия	223	86	9,2
Дания	128	31	5,3
Ирландия	109	45	6,2
Испания	214	64	4,4
Италия	174	64	4,3
Нидерланды	155	25	5,1
Норвегия	91	28	3,8
Россия	289	109	15,3
Румыния	197	117	18,6
Финляндия	153	44	3,8
Франция	162	52	4,5
Швейцария	150	31	4,9
Швеция	99	21	3,4
Япония	155	60	3,2

Таблица 4

Младенческая смертность в середине и в конце XX века в разных частях света и в некоторых крупнейших развивающихся странах. Число умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми[7]

Часть света	Год	
	1950-1955	1995-2000
Весь мир	135	55
Азия	146	50
Африка	187	94
Европа	72	10
Латинская Америка	126	32
Северная Америка	31	7
Океания	60	27
Некоторые крупнейшие развивающиеся страны		
Бангладеш	190	70
Бразилия	135	34
Индия	164	67
Индонезия	188	42
Китай	122	27
Мексика	121	28
Нигерия	201	119
Пакистан	198	82

К началу XX в. в Европе существовали три модели рождаемости: традиционная модель неограниченной рождаемости в Восточной Европе; модель рождаемости, регулируемой через брачность в большинстве стран Западной Европы; модель рождаемости, регулируемой в браке во Франции. Соответственно различались уровни рождаемости (см. табл.5).

XX век очень быстро стер все различия и привел к повсеместному распространению французской модели рождаемости. После Первой мировой войны исключительность Франции исчезла, снижение рождаемости привело к сближению ее уровней во многих западноевропейских странах и США, в последующие годы оно захватило такие страны, как Россия и Япония. Уже в первой половине столетия рождаемость в некоторых странах опускалась ниже двух детей на одну женщину, к концу столетия практически не осталось промышленно развитых стран, где бы рождаемость превышала этот уровень (см. график 4).

Во второй половине века снижение рождаемости распространилось на развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки. Во многих случаях этому способствовала проводившаяся в них демографическая политика. Одной из первых таких стран была Индия. Однако усилия правительства Индии, направленные на снижение рождаемости, натолкнулись на сопротивление традиционалистски настроенного

общественного мнения, что существенно снизило эффективность программ планирования семьи и не позволило быстро снизить рождаемость в масштабах всей страны. Гораздо более эффективной оказалась политика, проводившаяся под лозунгом «одна семья — один ребенок» в Китае. Она проводилась авторитарными методами и привела к быстрому и значительному снижению рождаемости. Еще один пример быстрого снижения рождаемости под влиянием государственной политики — Иран.

Воспитанники приюта Е. И. В. великой княгини Марии Николаевны за обедом. Санкт–Петербург. Начало XX в. РГАКФД

Таблица 5

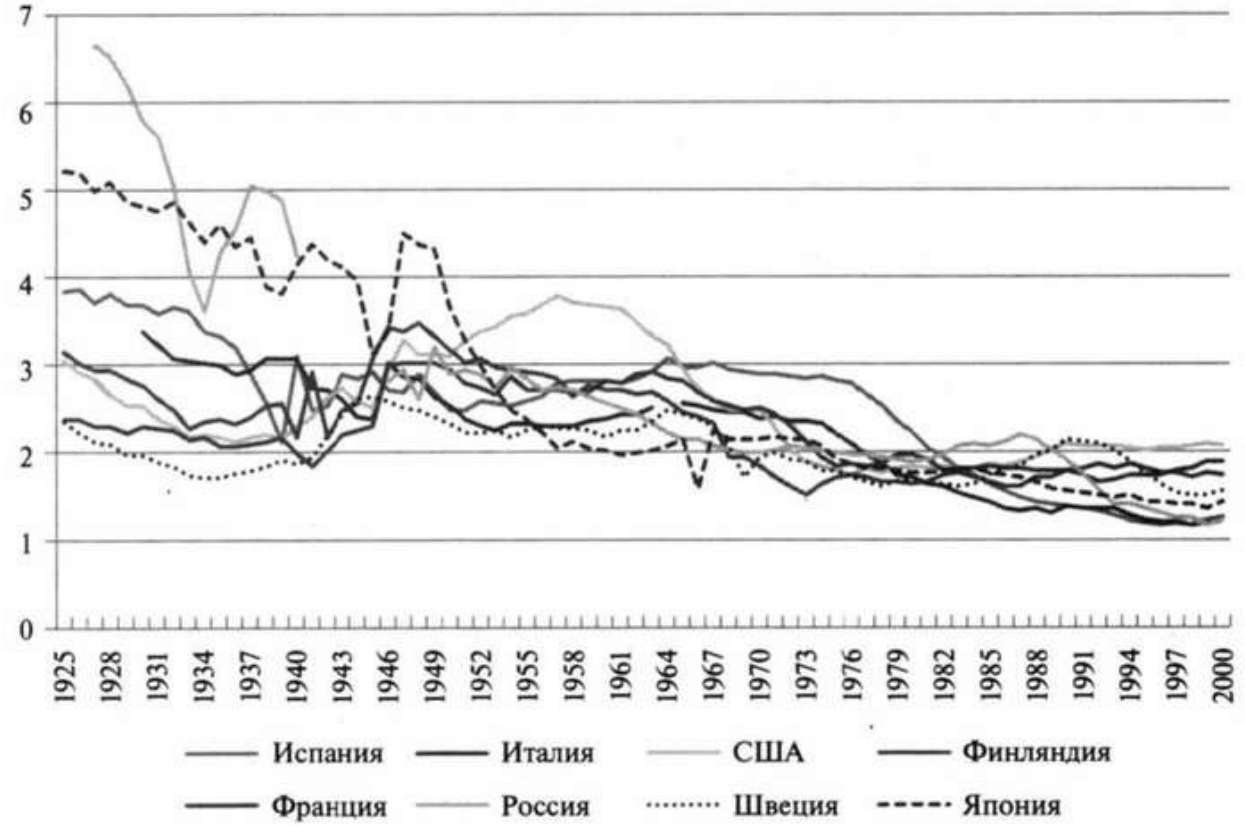
Коэффициент суммарной рождаемости[8] к началу XX века[9]

Восточная Европа		Западная Европа		Франция (1899)
Россия	7,06	Норвегия (1899)	4,47	2,88
Украина	7,50	Финляндия (1899)	4,90	
Болгария	6,57	Швеция (1899)	3,96	

График 4

Коэффициент суммарной рождаемости в некоторых промышленно

развитых странах, рождений на 1 женщину[10]



Так или иначе, но снижение рождаемости во второй половине XX в. охватило почти весь развивающийся мир. В одних странах оно шло быстрее, в других — медленнее, но к концу века компактной зоной высокой, хотя тоже уже снижавшейся рождаемости оставалась только Африка (см. табл.6).

Переход к новой модели рождаемости был продиктован объективной необходимостью снижения ее уровня, но он повлек за собой неисчислимые качественные институциональные и культурные изменения, затронувшие самые разные стороны человеческого существования.

Ни одно доиндустриальное общество не знало свободы прокреативного выбора — предупреждение зачатия или прерывание беременности по воле родителей, как правило, осуждалось культурными нормами, противоречило религиозным предписаниям и светским законам. Рождение детей было прямым следствием сексуальных отношений, которые, в свою очередь, были привязаны к браку. Все крупные культурно–религиозные нормативные системы последних тысячелетий, как правило, не допускали самостоятельного сексуального или прокреативного поведения, и то, и другое всегда рассматривалось в неразрывной связи с матримониальным поведением. Пребывание в браке, сексуальная жизнь и

производство потомства воспринимались массовым сознанием как единое целое, как незыблемая основа семейной морали, любое нарушение этого единства осуждалось как грех или преступление. Рождение детей осознавалось как одна из главных задач супружества.

Таблица 6

Коэффициент суммарной рождаемости в разных частях света и в некоторых крупнейших развивающихся странах, лет[11]

Часть света	Год	
	1950-1955	2000-2005
Весь мир	4,97	2,73
Азия	5,83	2,54
Африка	6,60	5,35
Европа	2,67	1,43
Латинская Америка	5,86	2,76
Северная Америка	3,35	1,96
Океания	3,84	2,45
Некоторые крупнейшие развивающиеся страны		
Бангладеш	6,36	3,41
Бразилия	6,15	2,45
Индия	5,90	3,30
Индонезия	5,49	2,55
Китай	6,11	1,56
Мексика	6,70	2,80
Нигерия	6,35	6,17
Пакистан	6,60	5,00

Переход к новой репродуктивной модели необратимо подорвал это триединство. Первое, чего он потребовал, была автономизация прокреативного поведения, признание того, что рождение ребенка не должно рассматриваться как неизбежное следствие сексуальных отношений. Снижение рождаемости свидетельствовало о все более массовой практике предотвращения или прерывания беременности. Технологически первоначально эта практика опиралась на традиционные методы и средства, известные с незапамятных времен, но обычно находившиеся под законодательным или моральным запретом. Но эти методы и средства (их, в частности, пропагандировали первые неомальтузианцы) при их освоении массовой практикой оказались недостаточно эффективными или небезопасными, и в обществах, менявших свою репродуктивную стратегию, возник запрос на более совершенные методы регулирования деторождения. На протяжении первой

половины XX в. шли поиски таких методов, они долгое время не выходили из стадии экспериментов, окончательный прорыв был совершен лишь в 1950-е годы, когда были созданы современные высокоэффективные внутриматочные и гормональные противозачаточные средства. Это открыло путь для «контрацептивной революции», произошедшей в Европе в 1960-е годы. Она сделала возможным надежное планирование числа и сроков рождения детей при весьма ограниченном числе искусственных абортов, остававшихся лишь «крайней мерой».

Автономизация прокреативного поведения одновременно означала автономизацию и сексуального, а тем самым и матримониального поведения. Половые отношения, при желании половых партнеров освобожденные от риска зачатия, уже не требовали обязательной санкции брака, и добрачная половая жизнь стала широко распространенной и все более терпимо воспринимаемой обществом. В то же время официальный брак перестал быть и обязательной предпосылкой рождения детей и получил какой–то иной, отличный от прежнего смысл, возможно, приобретя при этом черты более тесного и интимного личного партнерства.

Так или иначе, но демографические изменения XX в. создали предпосылки для совершенно иной, чем прежде, организации семейного и всего жизненного цикла человека.

С одной стороны, небывалое увеличение продолжительности жизни, равно как и продолжительности здоровой жизни, почти гарантированная надежность дожития и сохранения способности к активной жизни до намного более позднего, чем даже в недалеком прошлом, возраста, само по себе поставило — и перед индивидом, и перед обществом — вопрос о каком–то новом структурировании значительно выросшего и доступного для использования времени человеческой жизни. На достижение каких целей может и должно быть использовано это доставшееся человеку новое богатство? Для получения образования? Для удлинения сроков производственной жизни? Для расширения времени досуга? В какой период жизни?

С другой стороны, ограничение избыточной рождаемости резко сократило время, по необходимости уходившее прежде у женщины и у супружеской пары в целом на производство потомства, создало совершенно новые предпосылки для достижения гендерного равенства. В то же время оно поставило вопрос о локализации прокреативной деятельности в увеличившемся пространстве доступного каждому человеку времени с учетом его стремления к достижению всех его жизненных целей.

XX в. стал временем поисков ответов на все эти вопросы, в частности,

и поисков наилучшего размещения внутри жизненного цикла человека важнейших демографических событий его жизни, таких как вступление в брак и рождение детей.

С распространением внутрисемейного регулирования деторождения поздняя «европейская брачность», просуществовавшая в Западной Европе несколько столетий, потеряла свой демографический смысл и стала исчезать, возраст вступления в первый брак стал снижаться. Это снижение продолжалось примерно до 1970 г., а затем начался его новый рост, свидетельствующий о продолжающихся поисках наилучшей организации жизненного пути человека в новых условиях.

Мировой демографический взрыв

Оказав огромное влияние на жизненный цикл и организацию частной жизни отдельного человека, демографическая революция одновременно породила невиданные изменения и на глобальном уровне, привела к беспрецедентному по скорости и масштабам росту населения Земли и кардинальному изменению его распределения по странам и континентам.

Будучи ответом на снижение смертности, снижение рождаемости начинается с большим или меньшим запаздыванием, когда допереходное равновесие уже нарушено, что и служит причиной демографического взрыва — роста населения необычно высокими темпами. Такие более высокие темпы сохраняются на протяжении всего периода, пока падающая рождаемость «догоняет» снижающуюся смертность и устанавливается новое равновесие. Конкретные масштабы роста того или иного населения в период перехода зависят от многих обстоятельств: разрыва во времени между началом снижения смертности и рождаемости, скорости снижения того и другого и т. п.

Европейские страны, первыми вступившие на путь демографического перехода, пережили свой демографический взрыв (в Западной Европе его не знала только Франция) еще в XIX в., что привело, в частности, к массовым заокеанским миграциям европейцев. В целом за XIX столетие население Европы и заокеанских стран европейского заселения выросло в 2,3 раза, тогда как населения всего остального мира — всего в полтора раза.

В XX в. европейский демографический взрыв остался позади, но начался гораздо более мощный и продолжительный взрывной рост численности населения в Азии, Африке и Латинской Америке. Он также

внес — посредством миграции — некоторый вклад в рост населения Северной Америки, Океании и даже Европы, но основной прирост населения пришелся на весь остальной мир. Его население увеличилось за XX в. в 4,4 раза против 1,5 раза в XIX в. Население всей планеты выросло при этом в 3,7 раза против 1,7 раза за XIX в. (см. табл.7).

Подобных темпов роста населения человеческая история не знала. Население Земли росло очень медленно, оно достигло 1 млрд человек только в начале XIX в. В это время рост населения ускорился, и к началу XX в. число жителей Земли оценивается в 1650 млн. К концу же столетия оно выросло до 6,1 млрд, т. е. почти на 4,5 млрд человек, (см. табл.8) Иными словами, XX в. принес прирост населения Земли, почти в 4 раза больший, чем вся предшествующая история. В этом, возможно, главная необычность этого столетия.

Демографический взрыв приобрел глобальные масштабы после Второй мировой войны, когда новая эпидемиологическая модель стала распространяться на развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки и в них стала быстро снижаться смертность, но они оказались не готовы к ответному снижению рождаемости. Темпы естественного прироста населения резко увеличились и достигли пика в Латинской Америке в первой, а в Азии и Африке — во второй половине 1960-х годов. Тогда же достигли максимума темпы прироста всего мирового населения. После этого рост населения Азии и Латинской Америки, а значит, и всего мирового населения, стал замедляться, во многих случаях в результате целенаправленной политики правительств, осознавших опасность чрезмерного увеличения населения. В Африке же высокие темпы естественного прироста населения сохранялись и в конце века.

Таблица 7

Рост населения в разных частях света в XIX и XX веках, раз[12]

Часть света	1800–1900	1900–2000
Весь мир	1,7	3,7
Европа, Северная Америка и Океания	2,3	2,2
Европа	2,0	1,8
Северная Америка	11,7	3,8
Океания	3,0	5,0
Азия, Африка и Латинская Америка	1,5	4,4
Азия	1,5	3,9
Африка	1,2	6,1
Латинская Америка	3,1	7,1

Таблица 8

Численность населения мира и его крупных регионов с 1750 года, млн человек[13]

Часть света	Год					
	1750	1800	1850	1900	1950	2000
Весь мир	791	978	1262	1650	2526	6128
в том числе:						
Европа	163	203	276	408	549	729
Северная Америка	2	7	26	82	172	315
Океания	2	2	2	6	13	31
Итого	167	212	304	496	733	1076
Азия	502	635	809	947	1396	3717
Африка	106	107	111	133	229	808
Латинская Америка	16	24	38	74	168	526
Итого	624	766	958	1154	1792	5052

Таблица 9

Среднегодовые темпы естественного прироста населения во второй половине XX века в разных частях света и в некоторых крупнейших развивающихся странах[14]

Часть света	1950–1955	1955–1960	1960–1965	1965–1970	1970–1975	1975–1980	1980 1985	1985–1990	1990–1995	1995–2000
Весь мир	17,8	18,3	19,1	20,6	19,6	17,7	17,8	18,0	15,2	13,0
Азия	19,4	19,3	20,9	24,7	23,0	19,8	19,8	20,1	16,5	13,4
Африка	21,3	23,5	25,2	26,0	27,2	28,4	28,8	28,0	26,0	25,0
Европа	10,4	10,7	9,3	7,0	5,4	4,3	3,6	3,1	0,3	-1,3
Латинская Америка	27,1	28,1	28,7	26,9	25,5	24,3	22,8	20,8	18,9	17,4
Северная Америка	15,1	15,5	13,2	8,7	6,4	6,3	6,9	7,0	6,9	5,7
Океания	15,1	16,0	15,6	14,6	14,7	12,4	12,4	11,8	12,0	11,3
Некоторые крупнейшие развивающиеся страны										
Бангладеш	26,0	27,7	29,3	30,0	25,9	29,3	28,6	26,4	23,6	21,0
Бразилия	28,7	29,1	29,5	25,9	23,8	23,5	22,5	18,9	15,8	15,1
Индия	16,7	18,9	20,5	21,8	22,1	22,9	22,2	21,1	19,1	17,4
Индонезия	17,6	22,9	25,0	25,9	25,2	23,9	22,2	19,2	17,0	14,9
Китай	20,1	15,9	18,2	27,0	23,2	14,9	15,4	18,6	12,1	6,9
Мексика	31,3	33,3	33,3	33,3	33,4	29,0	25,4	23,4	22,3	20,7
Нигерия	16,5	18,9	21,1	22,3	25,0	27,0	27,6	26,3	25,3	25,2
Пакистан	16,5	22,2	25,9	27,6	28,5	30,1	30,8	31,4	28,6	25,6

В то же время в Европе темпы естественного прироста, невысокие уже в начале 1950-х годов, неуклонно снижались и к концу XX в. в целом для Европы стали отрицательными (см. табл.9). Это в решающей степени определялось низким уровнем воспроизводства населения во многих странах Восточной Европы.

Как следует из табл.8, стремительное увеличение населения мира сопровождалось нарастанием глобальной демографической асимметрии. Население мира никогда не было распределено по территории планеты равномерно, большая его часть издавна была сосредоточена в Азии. Примерно с середины XVIII в. начала увеличиваться доля Европы, а затем и стран преимущественно европейского заселения, за период с 1750 по 1900 г. она выросла с 21,1% до 30,1%. Но затем началось обратное движение, к концу XX в. доля Европы, Северной Америки и Океании упала до 17,6%, т. е. стала заметно ниже, чем в середине XVIII в. (см. график 5).

Демографический взрыв второй половины XX в. существенно изменил иерархию стран по численности населения. В табл.10 приведен ранжированный по численности населения список 20 самых населенных стран мира, в которых и в 1950, и в 2000 гг. проживало свыше 70% жителей планеты. За полстолетия численность их населения увеличилась на 2,5 млрд человек. Три страны, возглавлявшие список в 1950 г., сохранили свои позиции и в 2000 г. Но в остальной части списка произошли большие изменения. Германия, Франция и Великобритания передвинулись из первой десятки стран во вторую, а Италия вообще выпала из списка, так же, как Украина, Испания и Польша, находившиеся во второй десятке. Зато в первую десятку добавились Пакистан, Бангладеш и Нигерия, а во вторую — Филиппины, Эфиопия, Иран и Турция.

График 5

Распределение населения мира по континентам в 1750-2000 годах[15]

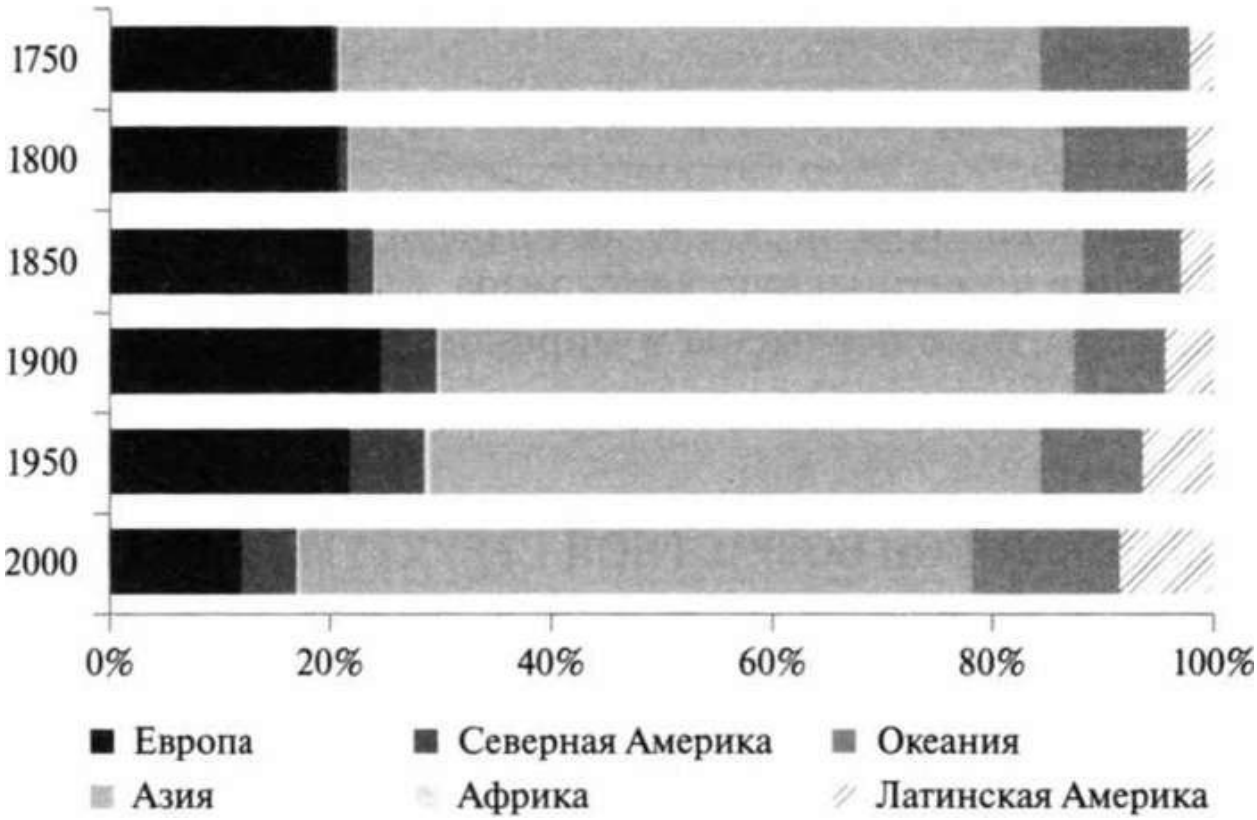


Таблица 10

20 наиболее населенных государств мира в середине и в конце XX века в границах, сложившихся после Второй мировой войны с учетом их последующих изменений. Численность населения в млн человек[16]

Страна	1950 год	Страна	2000 год
Китай	543,8	Китай	1280,4
Индия	376,3	Индия	1042,3
США	157,8	США	284,6
Россия	102,8	Индонезия	208,9
Япония	82,2	Бразилия	174,5
Индонезия	72,6	Россия	146,8
Германия	70,1	Пакистан	143,8
Бразилия	54,0	Бангладеш	132,4
Великобритания	50,6	Япония	125,7
Италия	46,4	Нигерия	122,9
Франция	41,8	Мексика	103,9
Бангладеш	37,9	Германия	83,5
Нигерия	37,9	Вьетнам	80,9
Пакистан	37,5	Филиппины	77,7
Украина	37,3	Египет	66,1
Мексика	28,3	Эфиопия	66,0
Испания	28,1	Иран	65,9
Вьетнам	24,9	Турция	63,2
Польша	24,8	Франция	59,2
Египет	21,5	Великобритания	59,0
Всего 20 стран	1876,6	Всего 20 стран	4387,6
Их доля в населении мира	74,3%	Их доля в населении мира	71,6%

В целом произошедшие за XX в. демографические изменения, казалось бы, не изменившие политическую карту мира, были огромными, и они предвещали очень серьезные перемены в мировом экономическом и геополитическом порядке.

Становление новой возрастной структуры населения мира

К числу небывалых демографических изменений XX в. относится совершенно новый в истории человечества феномен: изменение возрастного состава мирового населения. Перестройка возрастной структуры в глобальных масштабах завершится уже в XXI столетии, но процесс изменений был запущен именно в XX в.

Новая возрастная структура — неизбежное следствие перехода к низкой смертности и низкой рождаемости: на смену классической возрастной пирамиде с широким основанием, быстро сужающейся кверху

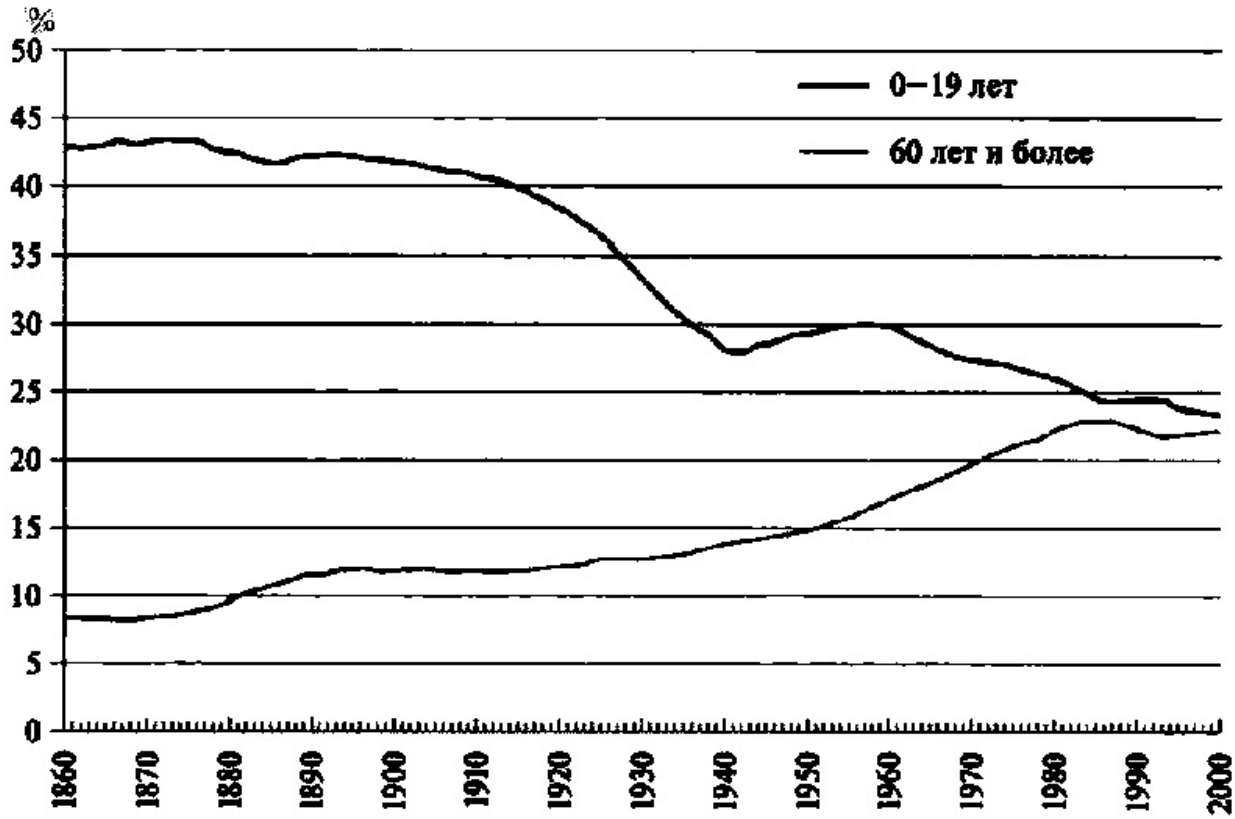
(поколение родившихся быстро вымирает) приходит фигура, которая может называться пирамидой лишь условно (почти все родившиеся доживают до весьма почтенных возрастов). Это означает, что доля младших возрастных групп в населении неуклонно снижается, а доля старших столь же неуклонно возрастает, население «стареет». В XX в. старение дало о себе знать прежде всего в экономически развитых странах. Его можно проиллюстрировать на примере Швеции — страны, не участвовавшей в военных действиях, которые в той или иной степени деформировали возрастную пирамиду большинства европейских стран.

И смертность, и рождаемость умеренно снижались в Швеции уже в XIX в., соответственно тогда же началось и старение ее населения. Доля людей в возрасте 60 лет и более выросла с 8,2% в 1860 г. до 11,9% в 1900. Но XX в. принес кардинальные изменения, к 2000 г. эта доля увеличилась до 22,4%. Одновременно сокращалась доля детей и молодежи в возрасте до 20 лет — она упала с 41,8% в 1900 г. до 23,6% в 2000 г. (см. график 6). Соответственно коренным образом изменилась и возрастная пирамида населения Швеции (см. график 7).

К середине XX в. демографическое старение обозначилось уже в большинстве развитых стран: в Швеции доля пожилых людей (60 лет и старше) выросла до 15%, примерно такой же она была, в среднем, для всех стран Западной и Северной Европы. Но в Европе в целом эта доля оставалась еще невысокой, на уровне Швеции 1900 г., а в мире в целом — примерно на уровне Швеции 1860 г. (см. табл.11).

График 6

Старение населения Швеции на протяжении XX века (доли младшей и старшей возрастных групп)[17]



Вторая половина XX в. ознаменовалась заметным постарением населения большинства развитых стран, о чем свидетельствуют как изменение долей младшей и старшей возрастных групп в их населении, так и значительное повышение его медианного возраста. В 2000 г. в Европе в целом половина населения была старше 37,6 года, в Северной Америке — старше 35,4 года; в 1950 г. население этих регионов было намного моложе.

Но в целом население мира и его наиболее населенных регионов к концу XX в. оставалось еще очень молодым, было слабо затронуто процессом старения. Более того, в некоторых странах и регионах наблюдалось омоложение населения, доля молодежи повышалась, а медианный возраст сокращался. Это относится прежде всего к населению африканских и азиатских стран. Половина населения Пакистана имела в 2000 г. возраст ниже 19 лет, половина населения Нигерии — ниже 18 лет (см. табл.11). В демографическом и политическом словаре появилось выражение «молодежный бугор» — речь идет о необычно высокой доле в населении детей и молодежи, что имеет немалые экономические и политические последствия. «Молодежный бугор» и вообще омоложение населения некоторых стран и регионов во второй половине XX в. — спутник демографического взрыва, в основе которого лежит сохранение высокой традиционной рождаемости при резко сократившейся смертности

детей и молодежи. Это — временное явление, по мере прекращения демографического взрыва «бугор» будет перемещаться в средние, а затем и в старшие возрасты и со временем усилит процесс демографического старения — магистральную тенденцию изменения возрастного состава, которая сформировалась в XX в. и сохранится до тех пор, пока возрастная пирамида населения всех регионов и мира в целом не придет в соответствие с новыми характеристиками рождаемости и смертности. Но к прежней возрастной структуре, которая существовала до XX в., мир не возвратится никогда.

График 7

Возрастные пирамиды населения Швеции в 1900 и 2000 годах[18]

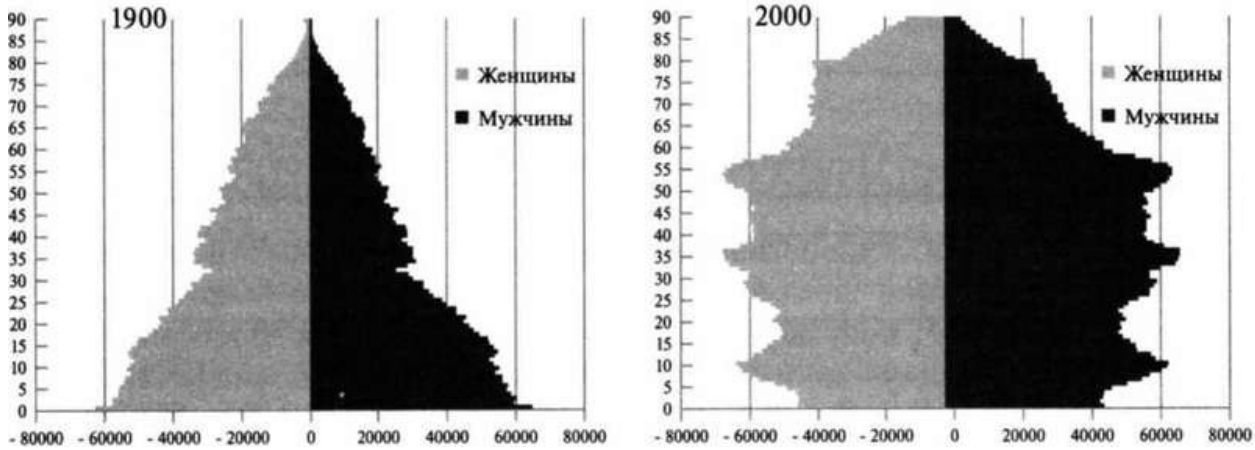


Таблица 11

Доля младшей и старшей возрастных групп и медианный возраст населения в разных частях света и в крупнейших странах мира в 1950 и 2000 годах[19]

Часть света	0-19 лет, %		60 лет и более, %		Медианный возраст, лет	
	Год					
	1950	2000	1950	2000	1950	2000
Весь мир	43,8	39,5	8,0	10,0	23,5	26,3
Азия	46,5	40,0	6,7	8,6	22,0	25,8
Африка	51,6	53,4	5,2	5,2	19,2	18,5
Европа	34,8	24,6	11,8	20,3	28,9	37,6
Латинская Америка	50,1	42,1	5,6	8,2	19,9	24,2
Северная Америка	34,4	28,3	12,4	16,3	29,8	35,4
Океания	37,4	33,6	11,2	13,4	27,9	30,8
Некоторые крупнейшие страны						
Япония	45,7	20,6	7,7	23,3	22,3	41,3
Россия	39,7	26,5	7,7	18,4	24,3	36,5
США	34,1	28,5	12,5	16,2	30,0	35,3
Китай	43,8	33,9	7,5	10,0	23,7	29,6
Бразилия	51,6	40,0	4,9	8,1	19,2	25,3
Индонезия	50,0	41,2	6,2	7,3	20,0	24,5
Индия	47,7	44,4	5,4	6,0	21,3	23,0
Мексика	52,7	44,3	5,4	7,0	18,7	23,0
Бангладеш	51,4	48,1	5,8	6,2	19,3	21,0
Филиппины	53,7	49,1	5,5	5,1	18,2	20,5
Пакистан	50,4	52,3	7,8	6,0	19,8	18,9
Нигерия	51,8	54,4	5,1	4,7	19,1	18,0

Поворот международных миграций

На протяжении истории миграция не раз становилась важным инструментом глобального демографического регулирования за счет передвижения людей из более населенных в менее населенные регионы планеты. Результатом этого процесса стало распространение человека по всему земному шару.

В XIX в. ускорившийся рост населения в очередной раз привел к включению миграционного механизма глобального демографического регулирования, сформировались крупные миграционные системы, в рамках которых происходили масштабные перемещения населения и в первой половине XX в.

Наиболее известная из этих систем — трансатлантическая —

сложилась в результате европейской миграции в Северную и Южную Америку (55-58 млн человек между 1846-1940 гг.), хотя некоторая, намного менее значительная часть мигрантов прибывала в обе Америки также из Индии, Китая, Японии и Африки. Вторую миграционную систему образовали потоки из Индии и Южного Китая (при некотором участии выходцев из Северо-Восточной Азии, Африки, Европы и Ближнего Востока) в английские, французские и голландские колонии в бассейнах Тихого и Индийского океанов, а также в Австралию и Новую Зеландию — всего примерно 48-52 млн человек за 1846-1940 гг. Третья крупная миграционная система (46-51 млн мигрантов за 1846-1940 гг.) — североазиатская — охватывает перемещения китайцев и корейцев в Маньчжурию и в Сибирь, корейцев — в Японию, а также миграцию из Европейской России в Сибирь и Центральную Азию.

Эти миграции довольно существенно повлияли на численность населения принимающих территорий. За 100 лет между 1850 и 1950 гг. население мира выросло в 2,1 раза, Европы — в 1,9 раза, Китая — в 1,2 раза. В то же время население Америки увеличилось в 5,5 раза, Северной Азии — в 4,7 раза, принимающих районов Юго–Восточной Азии — в 4,2 раза.

Хотя основные направления миграций сложились в XIX в., миграционные потоки достигли максимальных значений в первые десятилетия XX в., и они решающим образом определяли картину глобальных миграций вплоть до Второй мировой войны (см. график 8).

Однако во второй половине XX в. эта картина существенно изменилась под влиянием ряда факторов, главным из которых стал мировой демографический взрыв, хотя, конечно, имели значение и политические, и экономические изменения глобальных масштабов.

График 8

Объем глобальных миграций в 1840-1940 *одах, млн человек, по пятилетиям[20]

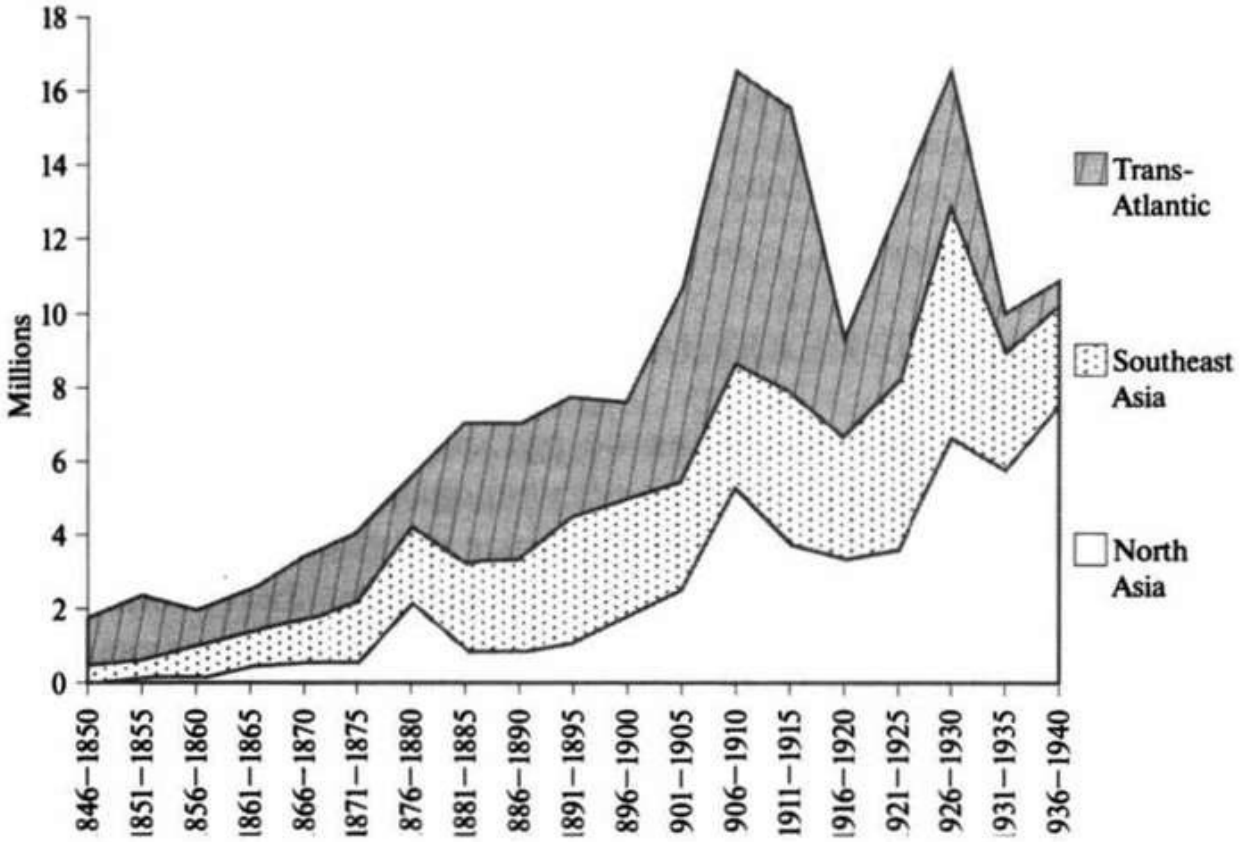
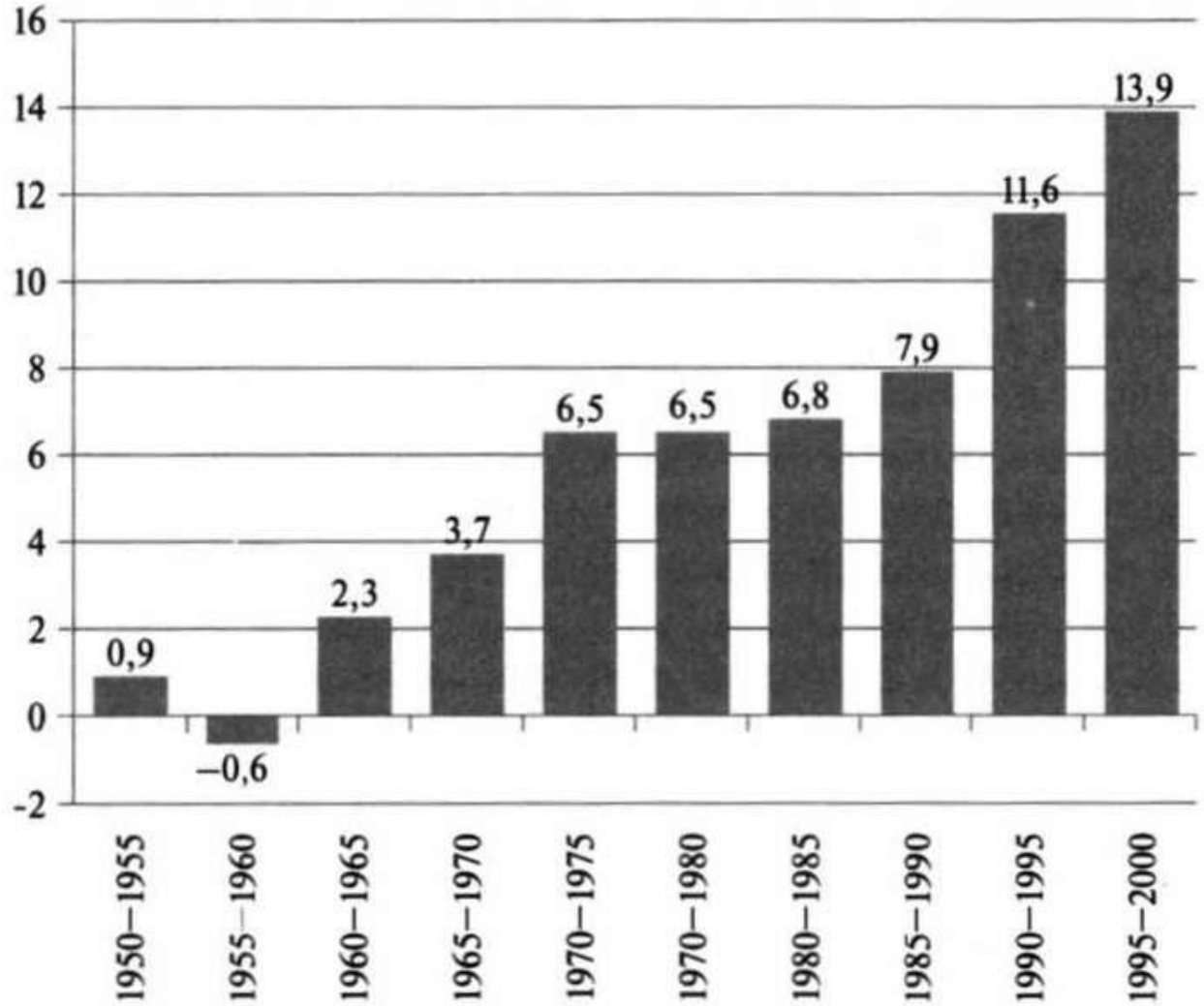


График 9

Чистая миграция с «Юга» на «Север» во второй половине XX века, 1950-2000 годы, по пятилетиям, млн человек[21]



Демографический взрыв, выталкивавший население из Европы в XIX и в начале XX в., переместился в развивающиеся страны Юга и достиг там гораздо большей мощности. С 1950 по 2000 г. население Азии, Африки и Латинской Америки увеличилось на 3,3 млрд человек, прирост населения Европы и Северной Америки, в том числе и за счет притока мигрантов из развивающихся стран, был в десять раз меньшим. Соотношение демографических масс Севера и Юга резко изменилось, и это не могло не обернуться мощным миграционным давлением Юга на Север. Еще в 1950-е годы основное направление миграций было не вполне ясно, но после 1960 г. преобладание миграций с Юга на Север и их нарастание стало очевидным (см. график 9). За все время с 1950 по 2000 г. с Юга на Север переместилось около 60 млн человек — столько же, сколько в свое время выехало из Европы за океан за 120 лет. При этом нарастал миграционный обмен между странами Юга, но рост миграций с Юга на Север шел быстрее.

Основные тенденции и направления международных миграций как первой, так и второй половины XX в. определялись глобальной экономической и демографической ситуацией, неравенством возможностей в разных странах и частях света. Как сказал о современных мигрантах из Азии и Африки в Европу Генеральный секретарь ООН в 1997-2006 гг. Кофи Аннан, «они хотят сюда попасть, чтобы начать новую жизнь. При этом они следуют примеру миллионов бедных, но активных европейцев, которые когда–то отправлялись в Новый Свет, потому что видели в этом свой шанс».

Преимущественно экономический характер современных международных миграций получил отражение в необычном для прошлых эпох экономическом феномене — огромном росте денежных средств, переводимых мигрантами в страны своего происхождения. Еще в начале 1970-х годов размер этих средств, получаемых развивающимися странами, был ничтожным, к 1980 г. увеличился до 18 млрд долларов, к 1990 — до 31, к 2000 г. — до 81 млрд.

Экономические — или, может быть, точнее, экономико–демографические — миграции были главным, но не единственным видом международных миграций в XX в. Вся история этого столетия отмечена массовыми вынужденными, в том числе насильственными, миграциями, спровоцированными разного рода политическими событиями, такими как войны, изменение границ, политические репрессии, этнические чистки, геноцид и т. п.

Первые волны таких миграций были вызваны Балканскими войнами начала века, особенно же Первой мировой войной, а также революцией и Гражданской войной в России. К ним относятся, в частности, греко–турецкий «обмен населением» по религиозному признаку, затронувший не менее 2 млн человек, переселение около 1 млн немцев в связи с послевоенным изменением границ Германии, эмиграция от 1,5 до 3 млн человек из послереволюционной России. После военно–политических потрясений, сопряженных с Первой мировой войной, в Европе оказалось огромное количество мигрантов–беженцев, для помощи которым в 1921 г. под эгидой Лиги Наций была создана Комиссия по расселению беженцев (Refugees Settlement Comission) под председательством Ф. Нансена.

Еще больших масштабов достигли вынужденные, в том числе насильственные и полунасильственные, миграции, связанные со Второй мировой войной. Они начались еще в период ее назревания в 1930-е годы и включали такие разнородные потоки, как эмиграция из охваченной гражданской войной Испании во Францию и ее североафриканские

колонии, в Латинскую Америку и в СССР; бегство евреев из Германии после прихода к власти Гитлера; стягивание в Германию под настойчивым давлением ее нацистского правительства всех, кого оно считало этническими немцами («фольксдойче»), проживавших в других европейских странах.

В ходе же самой войны и после ее окончания в числе международных мигрантов оказались миллионы беженцев, военнопленных, лиц, угнанных на принудительные работы в Германию или Японию, узников концлагерей, перемещенных лиц, лиц, подлежащих оптации (т. е. тех, кто жил на территории, перешедшей от одного государства к другому, и кому предстояло выбрать гражданство). В частности, по решению Потсдамской конференции в 1945-1950 гг. 12-14 млн немцев были депортированы в Германию и Австрию из стран Восточной Европы, на освободившиеся территории переместились около 5 млн поляков и около 2,3 млн чехов. В целом же счет людей, ставших международными мигрантами в связи со Второй мировой войной и ее последствиями, шел уже не на миллионы, а на десятки миллионов. Общее число перемещенных лиц в мае 1945 г. только в Европе и не считая немцев, бежавших от наступления советских войск, и иностранцев, в свое время угнанных в Германию на принудительные работы, оценивается более чем в 40 млн. В Восточной Азии с захваченных во время войны территорий, в основном из Китая и Кореи, в Японию было переселено свыше 6 млн японцев.

Подобные миграции, пусть и не столь крупных масштабов, не исчезли в Европе и в конце XX в.; все приобретавшие остроту локальные конфликты, связанные с распадом СССР и Югославии и его последствиями, сопровождались всплесками эмиграции и появлением беженцев и вынужденных переселенцев. На исходе столетия, в 1999 г., в результате очередного кризиса на территории бывшей Югославии около 800 тыс. косовских албанцев бежали в Албанию и Македонию, а некоторое время спустя Косово вынуждены были покинуть около 200 тыс. сербов и представителей других этнических меньшинств.

Во второй половине XX в. крупномасштабные вынужденные миграции охватили и другие континенты. Многомиллионные потоки мигрантов возникли в результате «обмена населением» между Индией и Пакистаном в конце 1940-х годов и между Пакистаном и Бангладеш в начале 1970-х годов. Война в Афганистане привела к появлению 6 млн афганских беженцев в Иране и Пакистане. Вспышка геноцида в Руанде в 1994 г. вызвала исход 2 млн руандийцев в Заир, Танзанию, Бурунди и Уганду — и это лишь несколько примеров вынужденных миграций,

зарегистрированных в Азии, Африке и Латинской Америке.

Всего к началу 2000 г. в мире насчитывалось 22,3 млн беженцев и других лиц, на которых распространяется мандат Управления Верховного комиссара по делам беженцев (УВКБ) ООН. Более половины из них (11,7 млн) составляли беженцы, которых можно отнести к категории международных мигрантов, остальные — внутренне перемещенные лица, возвратившиеся беженцы, лица, ищущие убежища, лица без гражданства и другие.

В качестве особого случая миграций XX в. следует отметить миграцию евреев из разных стран в Палестину, приведшую к созданию государства Израиль, а затем и к значительному наращиванию его населения; с 1950 по 2000 г. оно выросло более чем в 4 раза — с 1,3 до 6 млн человек.

Урбанизация и внутренние миграции

Как ни велики были размеры международных миграций в XX в., и по масштабу, и по значению они намного уступали внутренним миграциям, которые за одно столетие изменили сам принцип расселения людей в пределах освоенных ими территорий. Эти изменения были обусловлены важнейшим социальным процессом — урбанизацией.

Со времен неолитической революции на Земле утвердилась аграрная цивилизация, при которой подавляющее большинство населения во всех частях света было сельским. Города, в том числе и довольно большие, а иногда и очень большие, существовали и в древности, но в целом городское население всегда было незначительным меньшинством. Рост городского населения в некоторых странах начался в XIX в., но за все столетие доля городского населения в мире увеличилась с 5% до 13%. XX век все изменил.

Быстрая механизация сельского хозяйства делает избыточной подавляющую часть сельского населения, причем в период демографического взрыва его избыточность резко возрастает. Это приводит к массовому исходу сельского населения, перемещающегося в города, где теперь, в условиях индустриальной и постиндустриальной экономики, концентрируются все основные места приложения труда. В результате урбанизация становится одним из главных социальных процессов XX в. Городское население в этом веке росло быстрее, чем население мира в целом, оно увеличилось с 220 млн человек в 1900 г. до 732 млн в 1950 и до

2,8 млрд в 2000 г. К 1950 г. доля городского населения планеты увеличилась до 29%, к концу века приблизилась к половине и уже в первом десятилетии XXI в. превысила половину населения Земли, но в Европе, обеих Америках и Австралии она превышала 70% уже к концу XX в. (см. табл.12).

Столь значительный рост городского населения означал огромный всплеск внутренних миграций. Разумеется, некоторая часть внутренних миграций могла быть не связана с урбанизацией, а вызывалась, скажем, необходимостью освоения сельскохозяйственных районов (пример — освоение целинных земель в СССР). Вместе с тем рост городского населения, особенно в развивающемся мире, был отчасти следствием его естественного прироста. И все же стремительный рост мирового городского населения был обеспечен прежде всего миграцией в города сотен миллионов вчерашних сельских жителей. Как отмечали авторы исследования хода урбанизации в XX в., практически во всех странах урбанизация происходит в основном благодаря чистой сельско–городской миграции; без такой миграции доля городского населения, как правило, оставалась бы неизменной или демонстрировала бы тенденцию к медленному снижению.

Таблица 12

Доля городского населения в разных частях света и в крупнейших странах мира в 1950, 1975 и 2000 годах[22]

Часть света	1950 г.	1975 г.	2000 г.
Весь мир	29,1	37,3	46,6
Азия	16,8	24,0	37,1
Африка	14,5	25,7	35,9
Европа	51,2	65,7	71,4
Латинская Америка	41,4	61,1	75,3
Океания	62,0	71,5	70,4
Северная Америка	63,9	73,8	79,1
Некоторые крупнейшие страны			
Бангладеш	4,3	9,8	23,6
Бразилия	36,2	61,7	81,2
Индия	17,0	21,3	27,7
Китай	13,0	17,4	35,8
Мексика	42,7	62,8	74,7
Нигерия	10,2	25,5	42,5
Пакистан	17,5	26,3	33,2
Россия	44,2	66,9	73,4
США	64,2	73,7	79,1
Япония	34,9	56,8	65,2

Вид с высоты птичьего полета на юг от здания Вулворта. Нью–Йорк, 1922 г. Библиотека Конгресса США

Внутренние миграции XX в. развивались в основном в соответствии с моделью миграционного перехода, предложенной американским демографом В. Зелинским. Поначалу это миграции из села в город, но по мере того, как миграционные ресурсы села исчерпываются, набирают силу межгородские миграции, для которых характерна направленность от меньших к более крупным городским поселениям. На более крупные города ориентируются непосредственно и часть сельской миграции, и подавляющее большинство международных иммигрантов. Не удивительно, что вторая половина XX в. ознаменовалась небывалым ростом крупных и крупнейших городов и городских агломераций. В середине века в мире было всего 2 агломерации с населением свыше 10 млн человек, к концу века их число увеличилось до 18 (см. табл.13). Всего же в городах с числом жителей 1 млн и более в 2000 г. было сосредоточено свыше 1 млрд человек или около 39% городского населения мира. К концу столетия произошло заметное смещение крупнейших городских сгустков в наиболее населенные развивающиеся страны. В 1900 г. из 25 крупнейших городов мира 17 находились в Европе или США, в 2000 г. — только 6.

Таблица 13

Городские агломерации с населением 10 млн человек и более в 1950, 1975 и 2000 годах[23]

Год								
1950			1975			2000		
	Город	млн чел.		Город	млн чел.		Город	млн чел.
1	Нью-Йорк - Ньюарк	12,3	1	Токио	26,6	1	Токио	34,4
2	Токио	11,3	2	Нью-Йорк - Ньюарк	15,9	2	Мехико-Сити	18,1
			3	Мехико-Сити	10,7	3	Нью-Йорк - Ньюарк	17,8
						4	Сан-Паулу	17,1
						5	Мумбай (Бомбей)	16,1
						6	Шанхай	13,2
						7	Калькутта	13,1
						8	Дели	12,4
						9	Буэнос-Айрес	11,8
						10	Лос-Анджелес – Лонг Бич - Санта-Ана	11,8
						11	Осака - Кобе	11,2
						12	Джакарта	11,1
						13	Рио-де-Жанейро	10,8
						14	Каир	10,4
						15	Дакка	10,2
						16	Москва	10,1
						17	Карачи	10,0
						18	Манила	10,0

Хотя внутренние миграции, сопряженные с урбанизацией, носят в основном добровольный характер, стремительный исход сельского населения в города — далеко не безболезненный процесс. Он порождает огромные массы людей, вчерашних крестьян, которым предстоит интегрироваться в отличный от сельского, городской социум, освоить мало знакомую им городскую культуру, что невозможно сделать мгновенно. В условиях характерной для XX в. ускоренной урбанизации это приводило к появлению в городах многочисленных маргинальных, полусельских–полугородских слоев, что служило источником разного рода социальных напряжений и имело немалые социальные и политические последствия.

Как и в случае с международными миграциями, в XX в., наряду с добровольными миграциями, обусловленными урбанизацией и связанными с нею экономическими и социальными процессами, было немало и вынужденных, в том числе и насильственных миграций, определявшихся совершенно другими факторами.

Типичный пример вынужденных, хотя, как правило, ненасильственных внутренних миграций, получивших большой размах в XX в., — эвакуация населения из районов военных действий или стихийных бедствий. По–видимому, самой крупномасштабной в XX в. была эвакуация населения западных районов СССР во время Второй мировой войны — из районов, затронутых военными действиями и оккупацией было вывезено около 17 млн человек, которые впоследствии в основном возвратились на свои прежние места проживания.

В XX в. появилась такая новая причина массовых эвакуаций, как техногенные катастрофы. Одной из них стала авария на Чернобыльской АЭС в 1986 г., после которой было эвакуировано 116 тыс. человек из 188 населенных пунктов. Уже за пределами XX в., в 2011 г. из–за землетрясения и последовавшего за ним цунами произошла крупнейшая радиационная авария на атомной электростанции Фукусима-1 в Японии, следствием этой объединенной стихийной и техногенной катастрофы стала эвакуация в течение последующих 10-12 дней более 320 тыс. человек.

Еще одна категория внутренних вынужденных мигрантов, имеющих нечто общее с эвакуированными, — внутренне перемещенные лица. К этой категории относятся люди или группы людей, вынужденные по тем или иным причинам оставить места постоянного проживания, но не покидающие пределов своего государства. В конце XX в. число внутренне перемещенных лиц стало быстро расти, опережая число беженцев. Еще в 1982 г. в мире было учтено 1,2 млн внутренне перемешенных лиц в 11 странах, на 9 беженцев приходилось 1 внутренне перемещенное лицо. В 1999 г., по оценкам, в мире было примерно 20-25 млн внутренне перемещенных лиц, вынужденных покинуть свои дома в результате конфликтов и нарушений прав человека в 40 странах. Более половины внутренне перемещенных лиц приходилось на Африку, но они были также в Европе, Азии и Латинской Америке.

К числу вынужденных насильственных внутренних миграций относятся депортации в пределах своей страны крупных масс людей, выделенных по каким–либо социальным или этническим признакам. Такими были, в частности, депортации (интернирование) представителей считавшихся неблагонадежными этнических групп из приграничных зон накануне или после начала военных действий. Примерами могут служить депортации во время Первой мировой войны во внутренние губернии Российской империи живших вблизи западной границы немцев, австрийцев, венгров, поляков, евреев или интернирование во время Второй мировой войны японцев, живших на западном побережье США и Канады.

Но наибольших масштабов в XX в. достигли насильственные репрессивные депортации. К ним, в частности, относятся депортации, остававшиеся неизменной частью внутренней политики советской власти со времен Гражданской войны до смерти Сталина в 1953 г. За этот период, по оценке российского исследователя П. Поляна, насчитывается 53 сквозные депортационные кампании и около 130 операций разных масштабов, начиная с депортации казаков из Притеречья в 1920 г. и кулаков–казаков из Семиречья в 1921 г. и кончая депортациями представителей «неправильных» религиозных вер — «иннокентьевцев» и адвентистов–реформаторов в 1952 г. Разумеется, эти кампании имели разные масштабы, но некоторые из них были массовыми, порождавшими огромные миграционные потоки. Такими, в частности, была «кулацкая ссылка», в ходе которой примерно за 10 лет (1930-1940) было депортировано более 3 млн «кулаков», «бывших кулаков» и членов их семей, а также депортация «репрессированных народов» — 950 тыс. немцев, выселенных из европейской части СССР; 576 тыс. коренных жителей Северного Кавказа (чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и других); 228 тыс. крымских татар, а вместе с ними и других жителей Крыма — греков, болгар, армян; 91 тыс. калмыков; 95 тыс. живших в Грузии турок–месхетинцев, курдов и хемшилов (хемшинов); 45 тыс. ингерманландцев и финнов — всего не менее 2,1 млн человек. В целом же число советских граждан, затронутых внутренними депортациями, согласно П. Поляну, превысило 6 млн.

Демографические катастрофы XX века

За всю историю своего существования человечество пережило не одну демографическую катастрофу — все они знаменовались огромными подъемами смертности вследствие стихийных бедствий, эпидемий и войн. Не стал исключением и XX век.

Главными катастрофами XX в. стали две мировые войны, приведшие к огромным людским потерям. Точные оценки этих потерь по многим причинам затруднительны, в литературе до сих пор ведутся споры по поводу этих оценок, но общий порядок величин все же ясен. Приведем некоторые цифры по данным справочника «Потери народонаселения в XX веке», как правило, они более или менее соответствуют данным, приводимым в других источниках.

Первая мировая война длилась с 28 июля 1914 по 11 ноября 1918 г., в

ней в той или иной степени участвовали 30 стран. Общее число погибших оценивается, примерно, в 12,5 млн, 70% из них — участники боевых действий, остальные — мирное население, пострадавшее от военных действий, голода и болезней. Две трети всех потерь пришлось на 4 страны — Россию, Францию, Германию и Австро–Венгрию. Во время войны, в 1918 г., разразилась пандемия гриппа («испанка»), которая унесла еще свыше 12 млн человек (в том числе 7 млн в Индии и 2 млн в России). Такая пандемия сама по себе представляет демографическую катастрофу, и она едва ли бы стала возможна в XX в., если бы мир не был охвачен войной.

Вторая мировая война оказалась намного более кровавой. Она продолжалась ровно 6 лет — с 1 сентября 1939 по 2 сентября 1945 г., в ней участвовали 62 государства (80% населения планеты). Считается, что эта война унесла жизни 65 млн человек, хотя встречаются и более низкие оценки — на уровне 50-55 млн. 40-50% всех мировых потерь пришлось на СССР. Соотношение потерь воевавшего и мирного населения было иным, чем в Первую мировую войну: если тогда потери мирного населения составляли порядка 30% общих потерь, то во время Второй мировой войны — свыше 60%.

И Первая, и Вторая мировые войны привели к сокращению численности населения главных воевавших стран. Данные по странам с наибольшим сокращением населения приведены в табл.14.

Помимо прямых потерь в виде убитых, а также умерших от других причин, число которых во время войны резко увеличивается, есть еще и косвенные демографические потери, обусловленные ухудшением здоровья населения вследствие появления в его составе множества раненых, овдовением большого числа женщин, ухудшением половых пропорций и соответственно ситуации на брачном рынке, снижением в результате всего этого рождаемости и т. п.

К числу небывалых по масштабам демографических катастроф XX в. принадлежат также террористические репрессивные действия тоталитарных режимов, направленные против граждан своих стран независимо от их пола и возраста, выделенных по тому или иному социальному, политическому или этническому признаку, как правило, безоружных и неспособных оказать сопротивление. Американский исследователь Р. Руммель назвал все виды таких действий «демоцидом».

Одна из разновидностей демоцида XX в. — геноцид, проявлением которого стал Холокост — уничтожение нацистским режимом в самой Германии и в оккупированных странах 6 млн евреев. Это — несколько условная цифра, она упоминается в приговоре Нюрнбергского трибунала,

однако полного списка погибших не существует. Попытки исследователей уточнить число жертв Холокоста приводят иногда к меньшим, иногда к большим оценкам, но, как правило, они не слишком отличаются от 6 млн. Геноцид в нацистской Германии распространялся также на цыган.

Массовое уничтожение евреев нацистами было не первым случаем геноцида в XX в. Во время Первой мировой войны геноциду подверглись жившие в Турции армяне (их судьбу разделили также ассирийцы и понтийские греки). Как и в случае с геноцидом евреев в Германии, точное число погибших неизвестно, оценки колеблются от нескольких сотен тысяч до 1,5 и даже до 2 млн. Еще один пример геноцида XX в. уже в самом его конце — геноцид народности тутси в Руанде, где в 1994 г. в течение 100 дней были убиты от 500 тыс. до 1 млн человек.

Демоцид в Германии 1933-1945 гг. и в оккупированных ею странах не ограничивался геноцидом, в той или иной степени он распространялся на представителей сексуальных меньшинств, членов некоторых религиозных сект, франкмасонов и, конечно, на политических противников, военнопленных и угнанных в рабство. Он проявлялся не обязательно в прямом убийстве, но также и в доведении до смерти нечеловеческими условиями содержания в тюрьмах и лагерях, голодом и непосильным трудом, в отказе в медицинской помощи и т. п. Например, по данным Гражданской комиссии учета жертв злодеяний немцев на территории СССР, обобщенным вскоре после окончания Второй мировой войны, были убиты и замучены 6,1 млн мирных граждан и 3,9 млн военнопленных — всего 10 млн человек. Близкие цифры приводятся и в справочнике «Потери народонаселения в XX веке» (9,7 млн). Всего же, по его данным, вследствие нацистского террора в Германии и оккупированных странах погибли (казнены и убиты, нашли свою смерть в тюрьмах и лагерях, не выжили из числа угнанных на работу в Германию) 18,7 млн человек.

Таблица 14

Убыль населения некоторых европейских стран за время Первой и Второй мировых войн, тыс. человек[24]

Страна	Первая мировая война			Вторая мировая война		
	Год					
	1914	1920	Убыль	1940	1945	Убыль
Германия [1]*	67 900	62 300	–5600	69 900	65 300 [2]*	–4600
Россия - СССР	16 9420[3]*	137 727	–31 700[4]*	192 600[5]*	170 548[6]*	–22 050
в том числе:						
Белоруссия [7]*	6899	4360	–2540[8]*	9050	6950	–2100
Россия	89 900	88 250	–1650	110 100	99 100	–11 000
Украина [7]*	35 200	26 400	8800[8]*	41 340	36 100	–5240
Польша [9]*	27 520	27 100	–150	31 500	23 700	–7800[10]*
Франция [9]*	40 200	39 000	–1200[11]*	41 900	39 800	–2100
Югославия	12 500	12 070	–430	15 700	15 200	–500

1* В границах указанного времени.

2* В послевоенных границах, но с учетом 6-8 млн беженцев с отторгнутых территорий из стран Восточной Европы.

3* Данные 1913 г. в границах того времени (без Бухарского и Хивинского ханств).

4* С учетом отторгнутых (население 30,7 млн человек) и присоединенных (4,3 млн) территорий чистая убыль составила 5,3 млн человек.

5* С учетом присоединенных территорий (население в 1939 г. от 20 до 22 млн человек). Оценка завышена за счет завышения на 2-3 млн человек итогов переписи 1939 г.

6* Данные 1946 г. с учетом присоединенных территорий (1,2 млн человек).

7* В границах после 1939 г.

8* С учетом отошедших к Польше территорий.

9* В современных границах.

10* С учетом бежавших и выселенных немцев.

11* С учетом присоединенных Эльзаса и Лотарингии (население 1,93 млн человек).

Огромное число людей стали жертвами тоталитарных режимов, позиционировавших себя как коммунистические или социалистические. В справочнике «Потери народонаселения в XX веке» общее число жертв демоцида в этих странах с 1917 г. до конца XX в. оценивается в 43,5 млн, из которых 28,8 млн приходится на Китай 1949-1999 гг., 10,1 млн на СССР 1917— 1987 гг.. Однако имеются и более высокие оценки. В «Черной книге коммунизма», например, говорится о почти 100 млн убитых, в том числе 65 млн в Китае и 20 млн в СССР.

Абсолютные числа погибших мало о чем говорят без соотнесения их с численностью населения страны и без учета длительности периода. И то, и другое попытался учесть Р. Руммель, составивший список 15 самых «смертоносных» по отношению к своему населению режимов XX в. На первом месте в этом списке стоит режим «красных кхмеров» в Камбодже в 1975-1979 гг., когда ежегодно уничтожалось 8,2% населения страны. За ним следуют Турция при Ататюрке (1919-1923) — 2,7% и Хорватия при усташах, проводивших политику геноцида православных сербов, евреев и цыган (1941-1945) — 2,5%. Но по длительности периода, который Руммель рассматривает как период террора против собственного народа (1917-1987), первое место занимает СССР с годовым коэффициентом гибели населения

вследствие демоцида 0,42%. Трактовка всех 70 лет существования СССР как периода демоцида едва ли правомерна, его следовало бы сократить вдвое, но при этом вдвое увеличится коэффициент. Отметим, что в Китае с его огромной численностью населения, несмотря на очень большое абсолютное число жертв демоцида, этот коэффициент значительно меньше, поэтому в число 15 стран, переживших в XX в. самые «смертоносные» для собственного населения политические режимы, он не попадает.

Демографические катастрофы XX в. по своим абсолютным масштабам превосходят все известные события такого рода в прошлом. Одно из самых страшных — знаменитая эпидемия чумы XIV в. «Черная смерть», последствия которой ощущались в истории Европы не одно столетие, унесла не более 20-25 млн жизней. Число жертв демографических катастроф XX в. намного больше. Но по отношению к стремительно растущей, особенно с середины XX в., численности населения мира, масштаб этих катастроф не так уж велик. Их негативные последствия — прежде всего не демографические (хотя, конечно, есть и они): на первый план выходит их социальное и гуманитарное содержание. XX в. стал временем установления небывало эффективного контроля над факторами смертности, поэтому каждый катастрофический всплеск смертности — это вызов человечеству, угроза его главным достижениям, его извечному поступательному движению. Сможет ли человечество принять этот вызов и навсегда избавить себя от демографических катастроф? На этот вопрос должен ответить уже XXI век.

Мировая экономика

XX век — это век экономики. Идет ли речь об империализме, о глобализации, о мировых войнах, о тоталитаризме или о государстве всеобщего благоденствия — экономика становится зеркалом больших изменений новейшей истории. Именно в XX в. экономика становится полноценной отраслью знаний, вырастая из финансового права и торгового дела в науку, триумф которой признается учреждением в 1969 г. премии Шведского государственного банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля. Влиятельные экономические мыслители были и в веке XIX, но только двадцатое столетие связано с новым, научным пониманием экономики, олицетворением которого можно считать британского ученого Дж. М. Кейнса. «Общая теория занятости, процента и денег» (1936), как бы к ней ни относились в разные периоды XX в., определила новый подход к развитию государств и обществ, подход, который в полной мере можно назвать экономическим. Многие очевидные сегодня способы экономического наблюдения за мировым хозяйством появились также в XX в. К примеру, понятие «валовой внутренний продукт» (всем известный теперь ВВП) было предложено в 1930-е годы американским исследователем С. Кузнецом, занимавшимся разработкой системы национальных счетов. Как показала новейшая история, экономический рост всегда идет параллельно с развитием политических, правовых и регулирующих институтов и на национальном, и на региональном, и на глобальном уровнях. И получается, что научная модель экономической реальности перестает быть линейной, как, например, полагали сторонники понятий цивилизационного прогресса и индустриальной модернизации, а становится многомерной и параллельной, когда прирост экономического потенциала и растущая эффективность управления дополняют друг друга.

Под экономикой можно понимать разное. В XX в. закрепились несколько взаимосвязанных значений: во–первых, это собственно хозяйственная деятельность, во–вторых, это наука о хозяйствовании, в-третьих, это практика принятия решений, экономическая политика. Все эти ветви экономики бурно развивались в XX в. Учитывая, что на каждую из сторон можно посмотреть на разных уровнях развития — макро–, мезо– и микро–, сложность и многообразие изучения экономической реальности в исторической ретроспективе кажутся непостижимыми. Однако мировая наука не боится сложностей — и с момента присуждения в 1993 г.

Нобелевской премии Р. Фогелю и Д. Норту «за возрождение исследований в области экономической истории, благодаря приложению к ним экономической теории и количественных методов, позволяющих объяснять экономические и институциональные изменения» — экономическая теория, клиометрика (речь о ней пойдет ниже) и экономическая история развиваются сообща.

История мировой экономики, начиная с промышленной революции (само название закрепилось только к концу XIX в.), стала историей быстрого технического прогресса, устойчивого экономического роста и расширяющейся глобализации. Мировое хозяйство становилось все более сложной всемирной системой разделения труда и замысловатой паутиной товарных и финансовых отношений. Опыт экономического развития XX в. сконцентрировал внимание исследователей на нескольких ключевых вопросах: поисках источников экономического роста, понимании роли институтов в экономическом развитии и оценке влияния глобализации.

Периодизация. Существует немало мнений о периодизации экономического развития мира в новейший период: от «короткого XX века» (Э. Хобсбаум) до «долгого XX века» (Д. Арриги). С точки зрения экономической политики, можно выделить периоды либерального рынка (1900-1913), автократического развития (1914-1950), управляемого рынка (1950-1973), неолиберального рынка (с 1973 г.). В историко–экономической литературе встречаются и более образные хронологические вехи: так, конец XIX В. — 1913 г. называется «первой экономической глобализацией», период 1914-1945 гг. именуется «второй Тридцати летней войной», период 1946-1973 гг. определяется как «славное тридцатилетие», 1974-1991 г. — «десятилетия кризиса», а период с 1991 г. до наших дней — «современной глобализацией».

Важной вехой глобальных экономических изменений в XX в. можно считать секторальный переход: мир вошел в XX столетие аграрным, в середине века стал индустриальным, а к концу века пальма первенства постепенно переходит к производству не товаров, а услуг. Таким образом, аграрная экономика мира стала индустриальной, а затем и постиндустриальной.

Вряд ли возможно выделить общие тенденции, которые бы отражали специфику развития различных национальных экономик, но, тем не менее, уверенно можно говорить, что мировое хозяйство до и после 1950 г. — это две разные эпохи. Первая половина XX в. началась как время прогресса, но стала временем «экономики войны» и мирового экономического кризиса, а

вторая половина XX в. открыла, с одной стороны, период политической независимости и экономического преуспевания, а с другой — стала временем экономического противостояния «капиталистической» и «социалистической» экономических систем и через новый структурный экономический кризис привела к новой современной экономической глобализации.

Экономический рост и экономическое развитие. Разницу между этими близкими на первый взгляд понятиями определил еще в 1911 г. Й. Шумпетер: «Поставьте в ряд столько почтовых карет, сколько пожелаете — железной дороги у вас при этом не получится». Рост — это увеличение производства и потребления товаров и услуг, а развитие — появление нового, изобретение, привнесение новых идей, инновация.

Экономический рост можно разложить на две составляющие: демографический компонент (рост населения) и собственно экономический компонент (рост производства на душу населения), причем только рост второго компонента положительно влияет на реальное улучшение условий жизни.

В XX в. экономический рост реального дохода на душу населения в среднем составил 1,5% ежегодно, что существенно выше, чем в XIX в. Абсолютные показатели подушного дохода за век выросли в 3-4 раза. Однако достижения бурного экономического роста оказались весьма неравномерно распределены по миру. Можно обратить внимание, что экономический рост в Азии или Латинской Америке шел быстрее, чем в Западной Европе или США, однако подушный доход рос значительно медленнее, прежде всего вследствие очень большого населения этих регионов. Такое наблюдение свидетельствует о многообразии и неравномерности развития экономики в глобальном масштабе как о важном свойстве мирового хозяйства в новейшую эпоху. Мировое хозяйство в разных уголках планеты живет на разных скоростях.

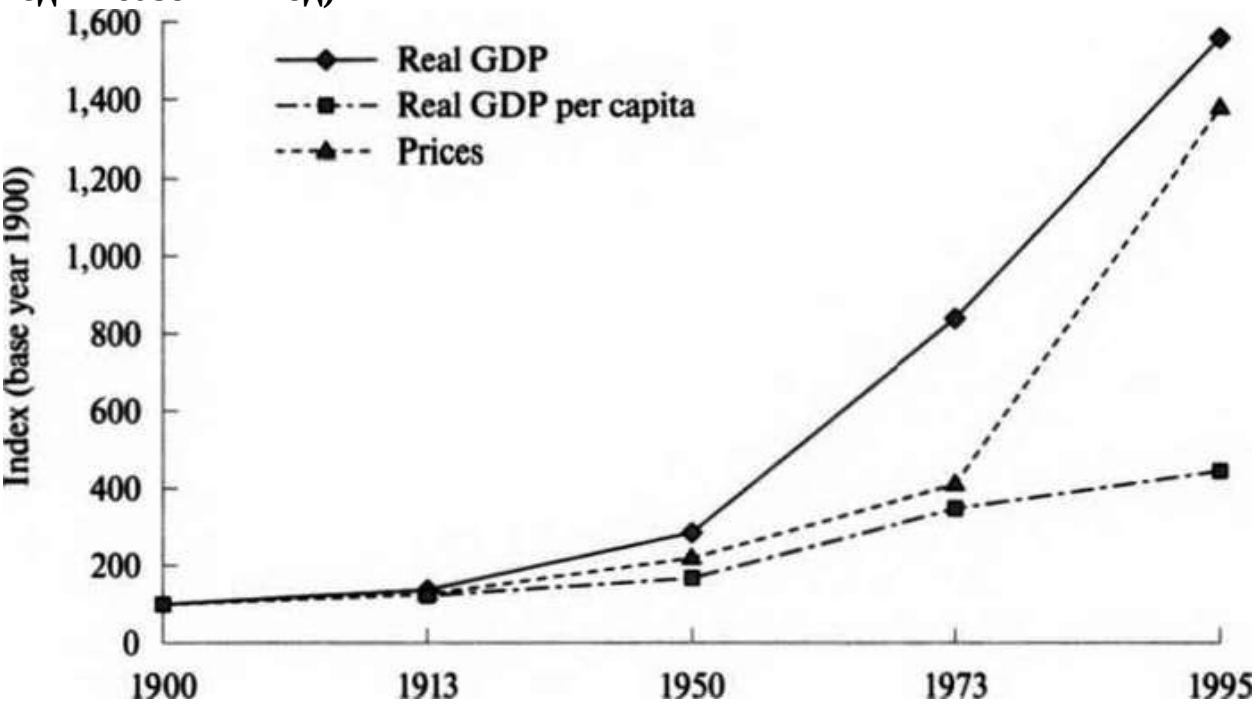
Основой экономического роста в XX в. стали удивительные демографические успехи. Мир вслед за Европой стал переживать демографический переход (от высоких показателей рождаемости и смертности к более низким). Из–за разновременности перехода в разных странах прирост населения также происходил неравномерно. Главным следствием снижения уровня смертности (прежде всего младенческой) было резкое возрастание средней продолжительности жизни, что опосредованно свидетельствует и о росте благосостояния (часто измеряемом доходом на душу населения, качеством питания и стандартами здравоохранения).

Если посмотреть на общие тенденции экономического развития в XX в., то они кажутся положительными и весьма успешными (см. график 1). Более того, в мировом масштабе динамика оказывается даже нечувствительной к мировым войнам, что свидетельствует о распределении точек экономического роста по глобализующемуся миру, равно как, возможно, и говорит о разном темпе развития в мире, где при торможении экономической динамики в одной части света становится заметно ускорение в другой, а в мировом масштабе рост кажется устойчивым.

Понятия и подходы. Неравномерность доходов, равно как и неравномерность развития — это крайне важное наблюдение, которое идет вразрез с привычной плавностью графиков экономического роста. Теория модернизации пыталась объяснить суть и относительное однообразие перемен, происходящих при переходе общества от традиционного к модерному, от аграрного к индустриальному; в экономической трактовке модернизация становилась «догоняющим развитием». При этом следствием осмысления модернизации стала «теория зависимого развития», предполагающая, что экономическая отсталость и политическая нестабильность развивающихся стран являются результатом их интеграции в мировую экономику и систематического давления со стороны стран–лидеров.

График 1

Реальный ВВП. реальный подушевой ВВП, динамика цен (1900 год — базовый год)[25]



Следующим шагом в осмыслении социально–экономического разнообразия мира стала теория «мир–системного анализа» (И. Валлерстайн), разделившая мир на «центры» и «периферии» (вслед за понятием о «мир–экономике» Ф. Броделя). Показательным становится наблюдение, что неразвитые экономики «периферии» беднеют, когда богатые экономики «центра» богатеют. Следствием осмысления разделения мира по разнице в экономических успехах стало понятие «великое расхождение» (great divergence; К. Померанц), трактующее причины и следствия заметной разницы подушного дохода в разных странах мира. Вместе с тем все чаще в последнее время возникают прогнозы о грядущей экономической конвергенции (М. Спенс).

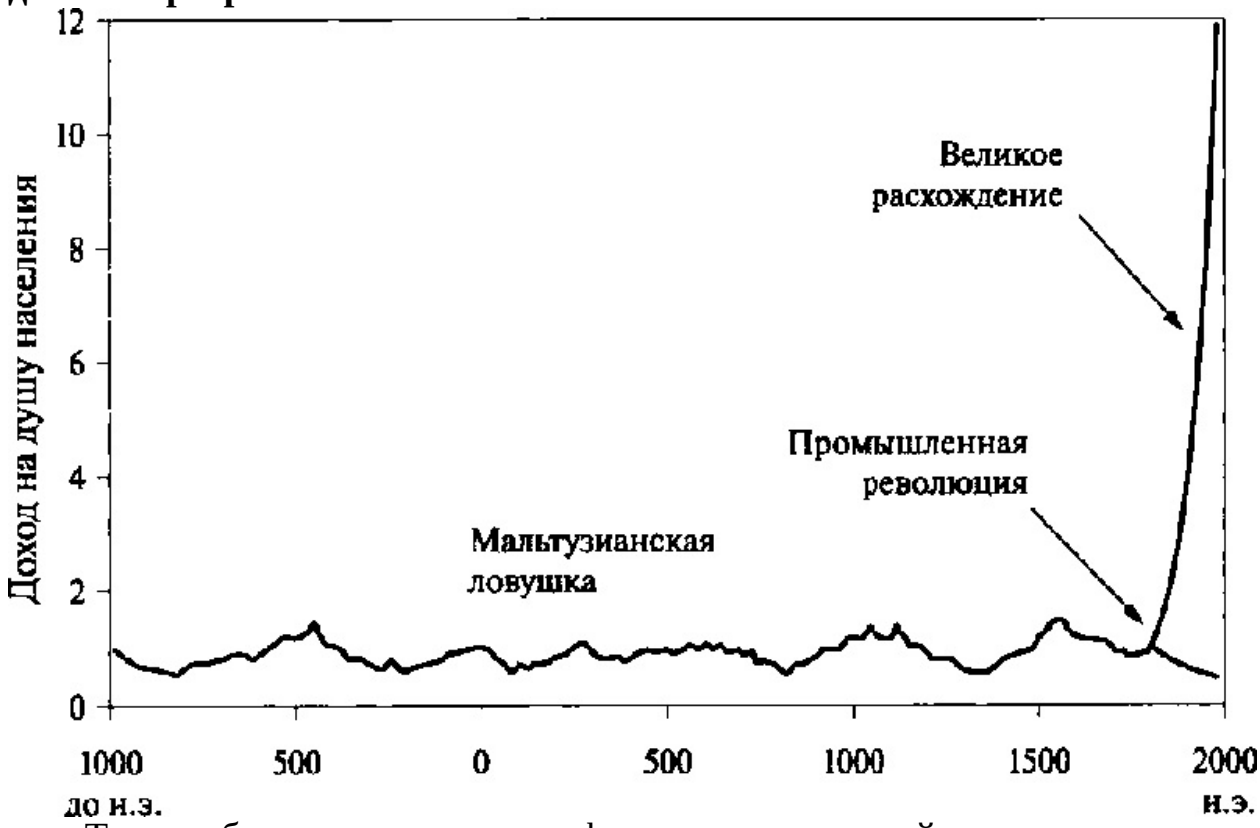
Если посмотреть на общую тенденцию развития мировой экономики (см. график 2), то складывается впечатление, что есть несколько главных элементов в общемировой модели развития: «мальтузианская ловушка», индустриальная революция и «великое расхождение». Под «мальтузианской ловушкой» понимают типичную и периодически повторяющуюся ситуацию в доиндустриальных обществах, когда в долгосрочной перспективе не происходит ни роста производства продуктов питания на душу населения, ни улучшения условий жизни большинства населения, даже, напротив, уровень жизни остается близким к уровню выживания. Как известно, согласно теории Мальтуса, рост населения обгоняет рост производства, так как динамика роста населения осуществляется в геометрической, а производства — в арифметической прогрессии. Следовательно, человечество находится в ловушке, обречено на безработицу, голод, обнищание, если только не наладит регулирование рождаемости. Однако в исторической реальности была найдена стратегия выхода из такой ловушки — индустриальная революция. Поначалу индустриальная революция не была глобальной и оказалась основой конкурентной борьбы за успехи промышленности (ведь успешная индустриализация одних стран приводила к печальной деиндустриализации других), что и повлекло за собой «великое расхождение»: быстрый рост разницы в доходах, когда одни страны стали относительно богатыми, а другие — остались относительно бедными (рост доходов у первых — в 17-25 раз, у вторых — в 3-6 раз). Начало процесса расхождения условно датируется 1820 г., когда к первенствующим по ВВП на душу населения Нидерландам стала приближаться Великобритания. «Триумфальное шествие» промышленной революции по европейскому континенту в XIX в. привело к тому, что остальная Западная Европа не только догнала «мастерскую мира» Англию, но и стала составлять ей

значительную конкуренцию, чуть позже к этой экономической игре присоединились и США.

Гонка за лидером требовала особой программы индустриализации, во многом состоявшей в подражании Англии, у которой, как у первопроходца, такой программы не было. Цикл экономического восхождения к богатству можно сформулировать так: прибыль предприятия определялась качеством труда, качество труда зависело от уровня зарплат, высокие зарплаты требовали трудосберегающих технологий, использование трудосберегающих технологий приводило к росту производительности труда, а значит, и к соответствующему повышению доходов. Повторение данного цикла задавало траекторию развития западных стран. Низкие зарплаты порождали обратную закономерность, когда вынужденное в силу дороговизны капитала использование архаичных технологий приносило низкие доходы: ловушка бедности захлопнулась.

График 2

Общемировая тенденция роста дохода на душу населения в очень длинной ретроспективе[26]



Таким образом, постепенно сформировалась устойчивая зависимость, описываемая уравнением «великого расхождения». Устойчивость расхождения предопределяется прежде всего тем, что экономикам,

уступающим лидерам в XX в. в темпах экономического роста, необходимо было добиться опережения этих самых лидеров, причем повышенные темпы роста могут быть полезными только при длительном периоде их сохранения (порядка полувека, хотя так называемые «азиатские тигры» (Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг и др.) сделали это даже быстрее). Если бедные страны хотят в полувековой перспективе догнать богатые страны, следует искать такую экономическую политику, которая бы гарантировала темпы роста дохода населения на уровне 4,3-6% на душу в год, что выше сегодняшних стабильных 2% роста подушных доходов в богатых странах. В XX в. можно перечислить несколько стран–исключений, которые смогли преодолеть бедность XIX в., например, Япония, Тайвань и Южная Корея, также это удалось СССР, и в конце XX в. стали появляться возможности для преодоления отставания у Китая. Но примеров успеха в таких часто называемых «догоняющими» моделях не так уж много, помимо названной пятерки стран можно упомянуть Сингапур и Гонконг, когда города–государства смогли успешно использовать инвестиции в условиях отсутствия сельского хозяйства. А Оман, Ботсвана и Экваториальная Гвинея оказались в числе стран с долгосрочными высокими темпами роста благодаря открытым месторождениям нефти и алмазов.

Важным итогом осмысления различных экономических укладов XX в. стало понятие о «смешанной экономике». Смешанная экономика предполагает сосуществование государственных и частных предприятий, равно как и соединение государственного контроля или индикативного планирования и частной инициативы с рыночными детерминантами. Реальные экономики большинства стран являются смешанными.

Новый взгляд на ресурсы. Невиданный прежде рост населения в XX в., а вместе с ним и стремление к экономическому процветанию привели к крайне высокому спросу на мировые ресурсы. Именно ресурсы стали точкой взаимодействия экономики с научными исследованиями и технологическими решениями. Применение научных знаний требовалось повсюду: агрономы искали пути повышения урожайности, инженеры предлагали новые способы добычи минеральных ископаемых, ученые искали новые способы использования существующих ресурсов, в том числе создавая новейшие синтетические материалы. Первостепенную важность приобрели энергетические ресурсы. Если в первой половине XX в., вслед за веком XIX, уголь еще был важнейшим источником энергии, то во второй половине века уже заметен переход к газу и нефти, доминирование которых

на рынке энергоресурсов в конце XX в. не вызывает сомнений. Если XIX век назвали веком пара, то XX столетие стало веком электричества и двигателя внутреннего сгорания. Возросшее геополитическое значение нефти символично, так как богатая углем Европа оказалась регионом, бедным нефтью (за исключением, скажем, Румынии или неевропейской части России), и главенствующая роль в этом новом энергетическом ресурсе стала переходить к США, СССР (России), Китаю и, конечно, же к членам Организации стран–экспортеров нефти (ОПЕК). При этом важно отметить, что роль нефти не исчерпывается топливным рынком, но и становится фактором развития пластмассовых и синтетических производств. Все новые искусственные и синтетические материалы стали заменять традиционное для мирового хозяйства дерево, металл, глину, бумагу.

Технологический рывок. Развитие технологий в XX в. ускорилось, хотя тенденция к быстрым темпам технологического развития была заложена индустриализацией XIX в. (см. график 3). Технологии были тесно связаны с научным прогрессом, при этом их экономическая роль была высока вне зависимости от того, работали они на плановую или на рыночную экономику. Важным параметром технологического рывка XX в. стала скорость.

Ключевыми отраслями, изменившими темп развития человечества, стали транспорт и связь. Вслед за уже привычными для конца XIX в. железными дорогами пришли автомобили, самолеты, космические ракеты — скорость и разнообразие быстрых средств передвижения открыли принципиально новые возможности. Вслед за телеграфом появились телефон, радио, телевидение, Интернет, сделавшие дальние коммуникации не только быстрыми, но и надежными. Но технологический рывок в транспорте и связи важен не только сам по себе, но и по той причине, что оказал существенное влияние на увеличение производительности труда (хотя и с явным преимуществом в пользу высокоразвитых стран). Своеобразным символом технологического рывка, равно как и благосостояния в XX в., стал автомобиль. Автомобильная промышленность не только прославилась благодаря Г. Форду внедрением массового производства на конвейере, но и порождала спрос в самых разных отраслях промышленности, так как автомобиль требовал не только топлива, но и хороших дорог, не только выносливой резины, но и прочного стекла, не говоря уже о том, что владение автомобилем в XX в. стало задавать новые представления о социальных различиях. При этом во второй половине XX

в. благодаря компьютеризации и быстрой связи производство стало более адресным, ориентированным на конкретные заказы, а значит, оперативно реагирующим на спрос. На смену эпохе Форда пришла эпоха фирмы «Benetton».

График 3

Динамика технологического роста[27]

Экономическая политика. Важной отличительной чертой XX в. стало отношение к экономическому росту как цели экономической политики. При этом важно заметить, что экономическая политика часто сталкивается с реальностью, где «невидимая рука» рынка (А. Смит) и «видимая рука» управленца (А. Чандлер) действуют одновременно. Влияние экономической политики отражает сложности управления в годы нестабильности, возникшей в новейшее время, во многом по причине глубоких экономических кризисов, ставших лейтмотивом экономики XX в. При этом экономическая политика сталкивается с новыми для XX в. константами экономического развития — инфляцией, безработицей, глобализацией.

Инфляция — повышение уровня цен на товары и услуги — явление, появившееся в XX в. Конечно, скачки цен (и даже революция цен), а иногда и резкие изменения покупательной способности денег встречались в истории и прежде. Но инфляция — это устойчивый и длительный процесс, запущенный в годы Первой мировой войны и последующего распада империй и ставший отличительной чертой развития финансовой системы новейшего времени. Знаменитым периодом гиперинфляции являются 1919-1922 г. в Германии, когда курс к новой (переходной) валюте — рентной марке — проходил по курсу 1 марка к 1 трлн! В СССР в 1924 г. рубль периода Гражданской войны стоил к моменту деноминации одну пятидесятимиллиардную часть рубля, т. е. один новый червонец стоил 500 млрд рублей образца 1918 г. Умеренную же инфляцию, когда рост цен не превышает 10% в год, сегодня принято считать элементом нормального развития экономики, так как такая инфляция, сопровождаемая пропорциональным ростом денежной массы, способна стимулировать развитие производства, равно как и позволяет сокращать реальный уровень долгов.

Безработица в XX в. становится константой экономической жизни (с некоторыми исключениями почти полной занятости в странах с плановой экономикой, хотя и в них она была временной или фиктивной). В периоды экономических кризисов безработица становится массовой. Из–за высокой степени зависимости прежде всего индустриальных экономик от постоянного получения зарплат самой массовой категорией граждан — наемными работниками безработица оказывает весьма существенное влияние на экономическую политику многих государств.

Глобализация — важное явление для экономической истории XX в. Если о начале и корнях глобализации ведутся горячие споры, то для новейшей истории глобализация является важным процессом, существенно повлиявшим на экономическое развитие мира. По сути мир в своем цветущем многообразии стал экономически взаимосвязанным и взаимозависимым. При этом в XX в. было много препятствий как для интеграции, так и для глобализации. С точки зрения экономики, первым ударом по глобализации стали мировые войны. Период так называемой «второй Тридцатилетней войны» (1914-1945 гг.) стал этапом деглобализации империалистической мировой экономики рубежа XIX-XX вв. После мировых войн стали очевидны не только идеологическая борьба, но и экономическое противостояние сверхдержав в холодной войне: Бреттон–Вудская система и план Маршалла противостояли Совету экономической взаимопомощи, сформировался «третий мир», после чего в

дискуссиях о разделении благосостояния мира граница стала проводиться не между Западом и Востоком, а между Севером и Югом.

Очередь безработных у биржи труда в Марселе. 1930-е годы. РГАКФД

Стандартная модель стала обобщенным описанием успешного пути индустриализации. В данную модель включаются 4 главных фактора, обеспечивающих рост национальных экономик в конце XIX-начале XX в.: тарифы, железные дороги, банки, образование. Для стран догоняющего развития требовалось достичь уровня экономического роста, превышающего рост пионеров индустриализации, а значит, необходимо было умело использовать тарифную политику для создания благоприятных условий в формировании рынка, организовывать максимально разветвленную транспортную железнодорожную инфраструктуру, поддерживать жизнеспособную и эффективную банковскую сеть, способствовать распространению массового образования. Стандартная модель экономического развития хорошо применима к странам с поздней индустриализацией (например, к России, Японии, Индии, к странам Латинской Америки). Интересно сравнить экономический опыт России и Японии, переживших период реформ в конце XIX в. («Великие реформы» и

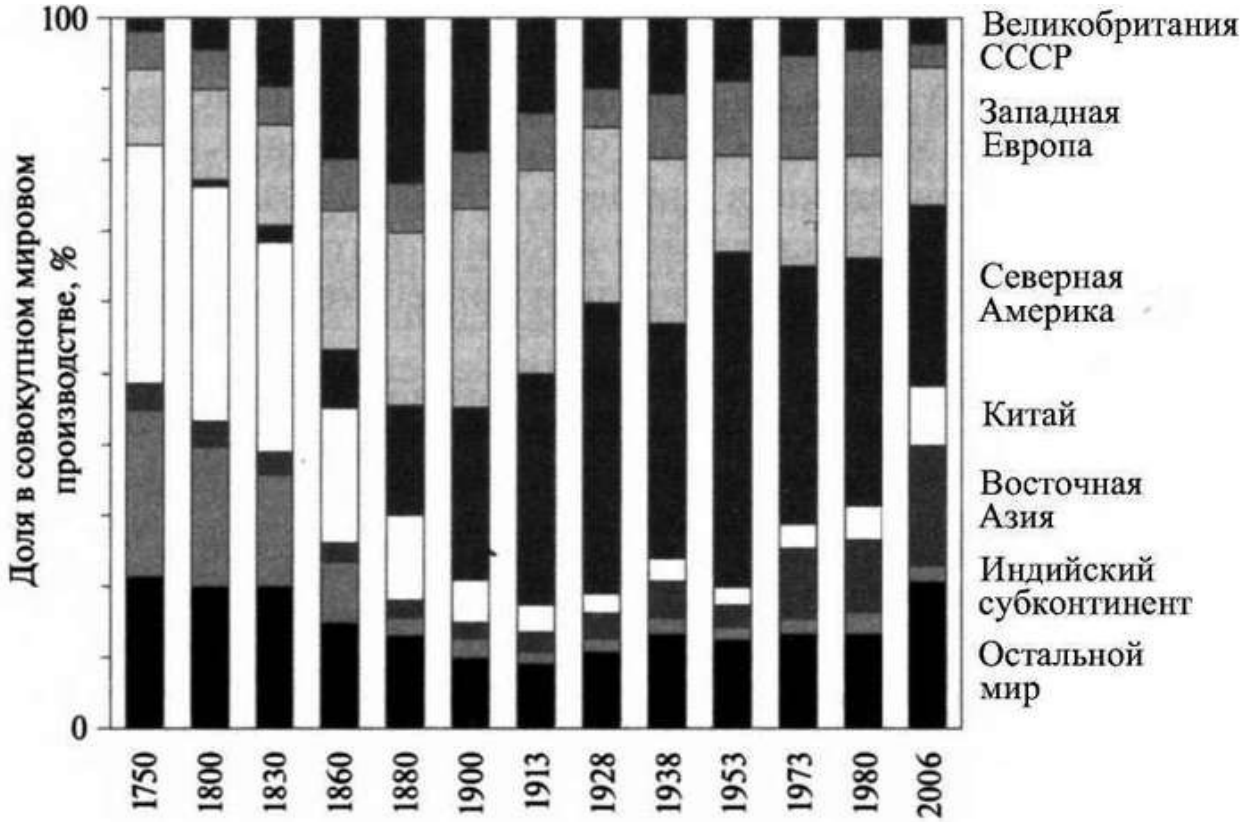
реформы Мейдзи), период имперской индустриализации (1880-1917 и 1905-1940 гг.) и период быстрого роста (1950-1980 и 1950-1990-е гг.)

Желание «догнать» богатые страны декларировалось во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки. В условиях «великого расхождения» между странами Запада и остальным миром в XX в. постоянство темпов роста оказалось весьма существенным. Сократить отставание благодаря стратегии индустриального рывка удалось немногим странам, прежде всего Японии, Южной Корее, СССР, в конце века к этим странам стал присоединяться Китай (см. график 4).

Великие империи Востока, издревле манящие европейских путешественников, пленяли своими богатствами и диковинами, известными по рассказам Марко Поло. Экономисты не разделяли мнения о процветающем Востоке, по–разному объясняя его отсталость. Обращаясь к примеру Китая, А. Смит видел его отставание в запрете на внешнюю торговлю и слабых гарантиях частной собственности, Р. Мальтус — в высокой рождаемости, К. Маркс — в докапиталистической социальной структуре, подавляющей индивидуальную инициативу. С классиками не согласны представители так называемой калифорнийской школы экономической истории, доказывающие в своих работах, что китайская правовая система была сопоставима с европейской, а китайская семья поддерживала рождаемость на довольно низком уровне. И если показатели производительности труда и уровня жизни почти одинаковы с разных сторон Евразии, то причиной успеха европейской промышленной революции, а с ней и выгодного положения в «великом расхождении» можно считать месторождения каменного угля и коммерческие выгоды глобализации, ставшие доступными Англии еще в XIX в. На основе наблюдений за развитием индийской текстильной промышленности исследователи сегодня приходят к важному выводу, что асимметричные технические изменения вкупе с глобализацией способствовали промышленному развитию западных стран и одновременно деиндустриализации древних производящих экономик Азии. Этот вывод существенно меняет отношение к азиатским экономикам, которые неверно считать «традиционными», так как их слабая развитость стала как раз результатом первой волны глобализации XIX в.

График 4

Распределение мирового промышленного производства[28]



Дезинтеграция мировой экономики. Главным последствием Первой мировой войны была деглобализация экономики. Если развитие империализма на рубеже XIX-XX вв. способствовало интеграции экономики, хотя часто на неравных условиях с очевидными преимуществами метрополий, то Первая мировая война запустила обратный процесс. Помимо прежде невиданных человеческих потерь и разрушений война оказала негативное долгосрочное влияние на мировое хозяйство. Конечно, в годы войны правительства всех воюющих стран усилили контроль за производством, использованием рабочей силы, а вслед за ними и за ценами. Такие меры стали причиной постепенно проявляющихся диспропорций отраслевого развития экономики (прежде всего в Западной Европе). Но ключевым показателем дезинтеграции стал существенный спад мировой торговли. Если экономические лидеры начала XX в. (прежде всего Великобритания, Германия, США, Франция) были устойчивыми партнерами, то в межвоенный период экономические связи либо ослабели, либо и вовсе пресеклись. Таким образом, государственный контроль и разрыв международных связей серьезно изменили положение и на рынках Азии и Латинской Америки, где зависимость от темпов роста в Европе и США стала болезненным поводом к поискам путей выхода из экономического кризиса. Стоит обратить внимание на то, что война сильно

ударила по равновесию в мировом сельском хозяйстве. Рост спроса на продукты питания оказался крайне высоким в тот самый момент, когда в условиях войны многие производители и потребители оказались отрезаны от мирового рынка.

Самым резонансным вопросом среди экономических итогов Первой мировой войны стал вопрос о репарациях. Под репарациями с 1919 г. стали понимать форму материальной ответственности за ущерб, причиненный вследствие правонарушения, в частности, возмещение государством по мирному договору ущерба, причиненного другим подвергшимся нападению государствам. Главным отличительным свойством репараций должна была стать их обоснованность с точки зрения реального нанесенного материального ущерба. Репарационный вопрос стал одним из ключевых в мировой политике с 1920 по 1933 г. По сути он сформулировал международную финансово–экономическую повестку дня ведущих держав, так как с самого начала после отказа США списать долги стран Антанты репарационные выплаты оказались напрямую связаны с военными долгами союзников. Предложенная на Парижской конференции 1921 г. сумма в 269 млрд золотых марок казалась фантастической, но политически обоснованной. Лозунг «Немцы заплатят за все» оказался сильнее точных расчетов масштабов материального ущерба стран Антанты. Уместно вспомнить, что Дж. М. Кейнс ушел из британского министерства финансов именно из–за резкого несогласия с непомерными репарациями, наложенными на Германию. Его брошюра о финансовой катастрофе, ожидающей побежденных, и предстоящих победителям убытках от неизбежного дефолта сделала автора влиятельным за пределами академических кругов задолго до публикации «Общей теории занятости процента и денег». Лондонский ультиматум того же 1921 г. снижает сумму до 132 млрд золотых марок, что опосредованно свидетельствует о весьма условной точности репарационных расчетов. После ввода французских войск в Рурскую область под предлогом невыполнения Германией своих, в том числе и финансовых, обязательств, начинает разрабатываться экономическая программа, вошедшая в историю как план Дауэса, где сумма репараций разделялась на необходимые к выплате 5,4 млрд марок до 1928 г. и по 2,5 млрд ежегодно с 1929 г., причем государственные доходы Германии рассматривались залогом для выполнения данных экономических обязательств, а для первого взноса предоставлялся заем в 800 млрд золотых марок. В условиях экономического кризиса в 1930 г. принят и план Юнга, предполагавший погашение 34,5 млрд золотых марок репараций Германии к 1988 г. — снижение репарационного бремени рассматривалось как

удачное решение для покрытия расходов на текущие экономические проблемы с погашением долгов победителей перед США. На конференции в Лозанне в 1932 г. репарационный вопрос был разрешен окончательно. Германии необходимо было выплатить 3 млрд рейхсмарок (эта денежная единица была введена по итогам реформы 1924 г.). Спор о выплаченной сумме репараций говорит о сложной формирующейся в 1920-1930 гг. международной финансовой системе, когда в итоге Германия получила больше денег в форме иностранных (преимущественно американских) займов, чем она выплатила в виде репараций. Экономический кризис сделал дальнейшее обсуждение судьбы репараций пустыми надеждами, а политические изменения — приход к власти А. Гитлера — поставил крест даже на этих надеждах.

К последствиям Первой мировой войны можно отнести также спад производства, вызывавший иногда даже и дефицит потребительских товаров (показателем которого была появившаяся карточная система распределения). Резкий рост военной промышленности ставил вопрос о перспективах развития таких предприятий в мирное время: с одной стороны, гонка вооружений не прекращалась, хотя ее темпы не были стабильными в ведущих странах, с другой стороны, вопрос о реконверсии не был сформулирован так же остро, как это было после Второй мировой войны, когда в практику экономического управления вошло понятие «военно–промышленный комплекс». При этом в межвоенный период идея всеобщего разоружения и вовсе терпит неудачу.

Аргентинский парадокс

Суть «аргентинского парадокса» состоит в том, что процветавшая в начале XX в. страна с амбициями развития сильно сдала свои позиции в плане экономического роста, встретив XXI в. суверенным дефолтом. В 1910-е годы Аргентина входила в число самых богатых стран мира, благодаря значительным запасам природных ресурсов и возможностям экспорта сельскохозяйственной продукции на фоне идущей индустриализации. Однако период процветания оказался скоротечным, так как Аргентина зависела от экспорта мяса и зерновых культур, и, как следствие, иностранные инвестиции направлялись почти исключительно в сельское хозяйство: формировалась сильная зависимость экономики как от внешних

кредитов, так и от внешнего спроса на сельскохозяйственную продукцию. Мировой экономический кризис уже в 1930 г. привел к сокращению экспорта из Аргентины аграрной продукции. Первые реформы стали переориентировать сельхозпроизводство на внутренний рынок, но без модернизации крупных землевладений результаты были незначительными. Президент страны в 1943-1955 гг. Х. Д. Перон в поисках «третьего пути» пытался найти баланс между капитализмом и социализмом с опорой на собственные силы в экономике. Перон провел национализацию иностранного имущества, вернул валютные резервы в страну; были выкуплены принадлежавшие иностранным компаниям железнодорожные и транспортные компании. Удачной оказалась и сельскохозяйственная конъюнктура после Второй мировой войны, когда Европа остро нуждалась в мясе и хлебе. Однако, несмотря на адресные и значительные вложения в промышленность и инфраструктуру, к середине 1950-х годов безработица и инфляция остановили экономический рост. Сохранившаяся зависимость экономики от иностранного капитала не позволила рассчитаться с внешними долгами в середине 1970-х годов. После военного переворота 1976 г. спад производства, концентрация богатства в руках немногочисленной элиты и отток капиталов резко ухудшили экономическую ситуацию. И хотя правительственные меры по сдерживанию безработицы имели успех в 1980-е годы, сокращение прослойки беднейшего населения не меняло в целом слабых показателей экономического развития. Главный удар по экономике Аргентины был нанесен инфляцией на рубеже 1980-1990-х годов — бедность населения достигла исторического максимума. Новая попытка экономических реформ, построенная на неолиберальной модели, заключалась в ускоренной приватизации; в итоге бедность понизилась, но безработицу побороть так и не удалось. Кризис 1999— 2002 гг. вынудил правительство Аргентины объявить о крупнейшем в истории дефолте (80 млрд долл.) и привел к пересмотру существующей экономической модели. Пока «аргентинский парадокс» является примером экономической неудачи, при этом он предоставляет обильную пищу для размышлений и для решения сложной политэкономической задачи — поиска ресурсов для восстановления экономического роста.

1920-е годы: мир в поисках процветания. Несмотря на дезинтеграцию экономики, после Первой мировой войны стал очевидным переход баланса экономических сил из Старого Света в Новый. США превращались из нетто–должника в нетто–кредитора. В данный период у США имелись и политические ограничения (достаточно изоляционистская политика, неучастие в работе Лиге Наций). Межвоенный период экономического развития интересен в этой связи тем, что не удалось легко передать «эстафету» экономического лидерства от Великобритании к США. В то время как для первой глобальное влияние постепенно снижалось, хотя понятно, что границы Британской империи были крайне обширными, для США экономическое доминирование оказалось будто бы преждевременным. Некоторые исследователи связывают глубину всемирного экономического кризиса именно с этим реальным, но словно необъявленным переходом экономического центра влияния через Атлантический океан. Сама глубина Великой депрессии доказала новую роль США в мировом хозяйстве.

1920-е годы начались с экономического спада, во многом вследствие того, что ведущие экономики оказались сосредоточенными «внутри самих себя». Восстановлению мировой торговли на довоенном уровне препятствовали и защитные пошлины в рамках национальных экономик, и фактически установившаяся «золотая монополия» США при гиперинфляции в побежденной Германии, и общая неустойчивость курсов национальных валют в мире, и развитие идей планового хозяйства (Советская Россия ввела государственную монополию внешней торговли, и, хотя пятилетнее планирование в СССР началось в 1929 г., план ГОЭЛРО реализовывался уже с 1920 г.).

1920-е годы стали для победителей временем, когда можно найти быстрый путь к обогащению, хотя и с привкусом гангстеризма и расточительства. В США это время известно как эпоха процветания («просперити»), кратковременного, но впечатляющего хозяйственного подъема. Удивительно, что НЭП в Советской России оказался созвучной эпохой быстрого накопления капиталов, хотя процессы восстановления экономики после Первой мировой и Гражданской войн также требовали немало сил. «Счастливые двадцатые» — время быстрого развития техники, использовавшей успехи рационализации и стандартизации производства. В эти годы расширяются мощности машиностроения, развиваются электротехническая и химическая промышленности. В таком случае естественным казался процесс концентрации экономических ресурсов — во многих странах появлялись картели, тресты, концерны. Экономический

рост после мировой войны наблюдался почти во всем мире, о чем свидетельствует увеличение национального дохода во многих странах. Тем не менее это время ознаменовалось и существенными экономическими трудностями, в частности, безработицей в развитых странах, низкими зарплатами, относительно низкой доходностью сельского хозяйства. Растущая роль государства в экономике, во многих странах сохранившаяся со времен войны, предопределила тенденцию, когда место международного мирового хозяйства со свободным товарообменом заняли национальные экономики, часто стремившиеся к автаркии.

XX век можно также назвать и веком финансов и финансовых кризисов. При этом важно учитывать, что финансовые отношения — это не просто деньги или долговые обязательства, по сути это весьма сложные экономические процессы формирования, распределения и использования централизованных и децентрализованных фондов денежных средств. Более того, финансы напрямую связаны не только с денежной массой, но и с деловыми отношениями людей, фирм, государств, одной из важнейших черт этих отношений является доверие, или кредит (заем или creditum происходит от латинского credere — доверять).

Обычно различают финансы централизованные, или публичные, включающие государственные и муниципальные финансы (так называемые фискальные финансы), и децентрализованные, или частные, включающие корпоративные и личные финансы. Данное различие важно прежде всего по той причине, что публичные финансы направлены на распределение (иногда говорят перераспределение) общественных благ, тогда как частные — на получение дохода.

Конечно, финансы связаны с деньгами, но не только с наличными. Экономисты используют понятие «денежная масса», чтобы охарактеризовать совокупность наличных денег, находящихся в обращении, и безналичных средств на счетах, которыми располагают физические, юридические лица и государство. Показателями структуры денежной массы являются денежные агрегаты, т. е. различные виды денежных средств, отличающихся друг от друга степенью ликвидности (возможностью быстрого превращения в наличные деньги). Самый понятный агрегат — МО [эм ноль] — включает все наличные деньги в обращении (монеты, банкноты). Но в реальности экономика опирается далеко не только на наличность, поэтому экономисты оценивают денежную массу по показателю Ml, куда помимо наличных денег включаются финансовые обязательства — чеки и вклады до востребования. Соответственно, М2 помимо выше перечисленного включает срочные

вклады, а М3 пополняет состав денежной массы сберегательными вкладами и государственными облигациями. Соотношение между этими агрегатами постоянно меняется и в ретроспективных наблюдениях является показателем успехов и неудач экономического роста. В частности, экономическая теория монетаризма основывается на идее, что количество денег в обращении является определяющим фактором формирования хозяйственной конъюнктуры и существует прямая связь между изменениями денежной массы в обращении и величиной валового национального продукта. Такая точка зрения была высказана, в частности, М. Фридменом (1912-2006) в работе «Количественная теория денег: новая формулировка» (1956).

Одной из важнейших финансовых категорий является долг. Категория долга, как показал Д. Гребер, на разных этапах развития общества может принимать различные формы и касается не только денег, но и бартера, залогов, кредитов, акций. Важной составляющей экономики новейшего времени стал государственный долг. Государство нового времени почти постоянно ищет пути для финансовых заимствований, необходимых для покрытия дефицита бюджета. Государственный долг накапливается, так как аккумулирует бюджетные дефициты прошлых лет. Размер государственного долга часто измеряется в процентах от ВВП (для примера, по данным МВФ на 2013 г., госдолг Японии составлял 243% ВВП, США — 104,5%, Индии — 66,7%, Бразилии — 66,3%, Китая — 22,4%, России — 13,4%).

Государственный долг и МВФ

Американская пословица гласит: «Если вы должны банку сто тысяч долларов, вы принадлежите банку; если вы должны банку сто миллионов долларов, то банк принадлежит вам». Долг — важное понятие в жизни любого общества; это одновременно и экономическое, и этическое понятие. Оно оказывается ключевым для современного капитализма, так как понимание долга гарантирует институт кредита, когда заем напрямую связан с уровнем доверия. В современном мире важное значение приобрел не только частный, но и государственный кредит и все возрастающий государственный долг. Считается, что государство не может безгранично увеличивать долг, так как инвесторы и кредиторы могут усомниться в его платежеспособности. Оценка

платежеспособности зависит от ставки рефинансирования (размер годовых процентов для уплаты центральному банку страны за выданные им кредиты другим банкам) и темпа экономического роста страны: иными словами, если ставка рефинансирования значительно ниже темпа роста ВВП, то возможны долгосрочные государственные заимствования. При этом страны — экономические лидеры начиная со второй половины XX в. являются и главными должниками, причем рост государственного долга (например, в США он составлял 106,4% ВВП в 2016 г.) никак напрямую не порождает сомнений в кредитоспособности страны.

Важным элементом в системе регулирования мировых долгов является Международный валютный фонд (МВФ). МВФ — специализированное учреждение ООН, устав которого разрабатывался при участии выдающегося экономиста Дж. М. Кейнса. МВФ предоставляет кредиты при дефиците платежных балансов государств. Согласие на кредит сопровождается набором условий и рекомендаций, чаще всего касающихся сокращения трат на социальные расходы. Этим примером можно проиллюстрировать двойственность понятия долга: что должны делать правительства в условиях острого дефицита — оплачивать долги или оплачивать нужды граждан? Профессор антропологии Лондонской школы экономики Д. Гребер в книге «Долг: первые 5000 лет истории» (2011) отвечает, что первостепенен моральный долг перед гражданами, так как финансовый долг чаще всего может подождать, как ждут погашения долги многих беднейших стран. Новое видение долга меняет точку зрения, сложившуюся в контексте колониальной логики, и все более ясным становится понимание, что не всякий долг справедлив, равно как и не всякий долг может в принципе быть возвращен, а кабала процентов, обеспечивающих долг, оказывается чаще всего лишь правом сильного. Борьба с МВФ как проводником неблагоприятной финансовой политики активно велась в последние десятилетия. И надо заметить, что общественное давление возымело действие: МВФ стал воздерживаться от обязательного требования к кредитуемым странам урезать социальные бюджеты, хотя и сохранилась политическая позиция, требующая строгого контроля целесообразности расходов.

Сегодня часто под финансами понимают «финансовые инструменты», иногда именуемые «квазиденьги». По сути речь идет о финансовых контрактах, которые могут сильно различаться по срочности и рискованности активов, это могут быть и ценные бумаги, и денежные обязательства, и опцион и т. д. Главная экономическая ценность таких контрактов (и одновременно их опасность в кризисные годы) состоит в том, что их продажа или передача должна обеспечивать получение денежных средств. Финансовые инструменты подразделяются на первичные (денежные средства, ценные бумаги, задолженности по текущим операциям) и вторичные, производные от первичных (финансовые опционы, форвардные контракты, фьючерсы, свопы).

Таким образом, рассматривая экономические кризисы в исторической ретроспективе, можно прийти к выводу, что они если и не были по сути финансовыми, то спусковым механизмом были именно финансовые проблемы. А финансовый кризис — это как раз резкое изменение стоимости финансовых инструментов. Очевидно, что многие финансовые кризисы в общественном мнении ассоциировались с кризисами банковскими. Прежде всего по той причине, что паника и общественное недовольство возникали в связи с финансовыми трудностями банков в расчетах со вкладчиками, которые, по обыкновению, предпочитали обезопасить свои сбережения путем вывода их с банковских счетов.

К. Рогофф и К. Рейнхарт в книге «На этот раз все будет иначе: восемь столетий финансового безрассудства» доказали, что финансовые кризисы редко случаются «сами по себе», они всегда вплетены в широкую событийную ткань, причем неверно считать их «спусковыми крючками спада», скорее, кризисы являются механизмами усиления экономического спада. Важным примером такого развития экономики можно считать и Великую депрессию, хотя многообразие ее черт, конечно, превосходит любые простые объяснения.

Мировой экономический кризис начался в 1929 г., когда отставание покупательной способности от производства привело к обвалу курсов на Нью–Йоркской фондовой бирже. Мировой экономический кризис свидетельствовал о парадоксальной ситуации — несмотря на экономическую дезинтеграцию мирового хозяйства (и прежде всего торговли), финансы и биржи были весьма крепко интегрированы. Международное влияние инвестиций, в частности, покупки акций и облигаций, усиливалось. Успехи десятилетия «просперити» повлияли на массовое поведение, когда и небогатые люди были готовы делать вложения, инвестиции становились модными, даже если их приходилось делать в

кредит. Спекулятивный бум создавал ощущение, что у роста доходов с вложений нет предела. Летом 1928 г. стал заметен спад американских инвестиций в европейские ценные бумаги, а к лету 1929 г. финансовый рынок Европы почувствовал отсутствие новых американских инвестиций. Экономика США перестала расти, ВНП США достиг максимума в начале 1929 г. и стал снижаться. Спад начался и в ведущих странах Европы — Великобритании, Германии, Италии. Однако сохранение высоких цен на акции создавало впечатление, что экономическая ситуация стабильна. 24 октября 1929 г. началась паника на Нью–Йоркской бирже, обвальное падение котировок, так называемый «черный четверг» уничтожил миллионы фиктивных бумажных активов — финансовый пузырь лопнул. «Черный вторник» 29 октября показал, что падение не временное и не случайное. Индекс цен на акции меньше чем за месяц упал почти вдвое (котировки с 452 пунктов в 1929 г. рухнули до 58 в 1932 г.). Началась Великая депрессия. Банки срочно стали отзывать кредиты, что привело к часто тщетным попыткам раздобыть хоть какие–то активы или же получить инвестиции по любой цене. Нельзя сказать, что крах фондового рынка Уолл–стрит стал причиной кризиса, вернее, это было сигналом, что депрессия стала приобретать универсальный характер.

Универсальность мирового экономического кризиса имеет разные измерения: географическое (затронул большинство стран мира) и экономическое (коснулся всех секторов хозяйства, как старых, так и новых отраслей). В 1929-1932 гг. мировая торговля резко сократилась, способствуя падению промышленного производства, занятости и, как следствие, снижению доходов на душу населения. Важно отметить, что глубина кризиса во многом стала следствием именно дезинтеграции мирового хозяйства в 1920-е годы, потому что основные стратегии экономической политики, направленные на выход из кризиса, принимались национальными правительствами без каких–либо международных согласований. Важным, хотя и запоздалым решением стал годичный мораторий на все выплаты по военным долгам и репарациям, предложенный президентом США Г. Гувером в 1929 г. Избежать паники не удалось, под давлением кризисных явлений в сентябре 1931 г. Английский банк распорядился приостановить размен бумажных денег на золото. Вслед за Британией десятки стран отказались от золотого стандарта, включая, например, Аргентину или Чили, пострадавших от резкого падения цен на экспортируемое сырье. Уже скоро (в апреле 1933 г.) и США пришлось пойти по этому пути.

Очередь безработных у пункта раздачи пищи. США, 1930 г. РГАКФД

После отказа от классических дефляционных средств, направленных на сокращение денежной массы, правительства начинают изыскивать пути для преодоления кризиса. Пути были разными — от проведения общественных работ и внедрения систем государственного кредитования до национализации предприятий и скупки не находящего сбыта сырья для поддержания приемлемого уровня цен. Несмотря на постепенное восстановление роста производства к 1936 г. (достигшему уровня 1913 г.), международная напряженность препятствует оздоровлению национальных экономик, равно как и усложняет международные экономические связи. При этом спад в США в 1937 г. уже не оказал существенного влияния на Европу. Длительность кризиса в разных странах была разной, тем не менее вплоть до Второй мировой войны мировое хозяйство не полностью оправилось от экономического потрясения 1929-1930 гг.

Стратегии преодоления мирового экономического кризиса разнились. Мировой кризис существенно отличался тем, что был хорошо заметен простому обывателю. Безработица в мире выросла с 5% в 1929 г. до почти 20% в 1932 г. Ощущение, что кризис — это итог ошибок экономической политики, сразу перевело дискуссию в политическую плоскость. Для

современников вопрос о сути кризиса был вопросом о мерах, которые позволят из кризиса выбраться.

Все более популярным становилось кейнсианское определение кризиса как результата нехватки денежной массы. В эпоху золотого стандарта денежная масса была ограничена, но производство росло, количество и разнообразие товаров увеличилось многократно. В результате ограниченности денежной массы и роста товарной массы возникла сильная дефляция — падение цен, которое вызвало финансовую нестабильность, банкротство многих предприятий, невозврат кредитов. Так называемый мультипликативный эффект ударил даже по растущим отраслям экономики. Разные страны начали искать пути выхода из кризиса, палитра экономических решений оказалась крайне разнообразной — «Новый курс» в США, Народный фронт во Франции, фашистский корпоративизм в Италии, нацистское фюрерство в Германии, экономический милитаризм в Японии, директивное планирование в СССР. Очевидными противоположностями в экономическом развитии стали в 1933 г. либеральный путь выхода из кризиса США и тоталитарный путь Германии.

В начале 1933 г. к власти в США пришло правительство демократа Ф. Д. Рузвельта, предложившего отчаявшемуся американскому обществу «Новый курс» (New Deal) — развернутую программу экстренных и долгосрочных мер по выходу из кризиса. Вначале это был скорее интуитивный отказ от традиционных экономических подходов, и прежде всего от принципа невмешательства государства в хозяйственные процессы. Полное понимание необходимости корректировки рыночных механизмов пришло позднее, по мере повышения эффективности реформ и после выхода в свет в 1936 г. знаменитой книги британского экономиста Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег». Платежеспособность населения как основу «эффективного спроса», по выражению Кейнса, следовало поднимать всеми мерами — путем повышения пенсий по старости и инвалидности, создания внутри компаний фондов для поддержки работников, организации общественных работ по дорожному строительству и городскому благоустройству.

Кейнс исходил из того, что экономика потребляет не все, что производит. И если предположить, что все произведенное должно быть потреблено, а все имеющиеся ресурсы должны быть задействованы, то как раз разницу между объемом производства и объемом потребления (сбережения) необходимо инвестировать. В теории все выглядит логично, однако на практике нет никаких гарантий, что инвестиции окажутся равны сбережениям. Таким образом, на деле риски очень сильно зависят от

психологических факторов, прежде всего готовности вкладывать сбережения в экономику. В классическом варианте решения проблемы предполагалось, что избыток сбережений, которые люди не решаются инвестировать, должен исчезнуть по той причине, что сокращение спроса на инвестиции приведет к снижению цены заимствований (или процентной ставки), что вновь сделает вложения привлекательными. Кейнсианское решение проблемы занятости не предусматривало спонтанности. Кейнс подчеркивал, что при снижении инвестиций уменьшатся и общие расходы, а раз так, то и доходы снизятся, ведь экономические процессы взаимосвязаны, и расходы одного человека — это доходы другого. Поэтому необходимо проводить активную фискальную политику для решения задачи полной занятости.

Первая фаза выхода из кризиса в США была связана с программой «100 дней» (март–апрель 1933 г.), нацеленной на максимально быстрое оздоровление экономики — санация банков, запрет вывоза валюты, девальвация доллара. Важную роль сыграл закон о восстановлении промышленности, призванный обеспечить интересы работодателей (соглашения о ценах, правила честной конкуренции) и рабочих по найму (в частности, установить максимальное рабочее время и минимальную заработную плату). В 1935 г. многие меры «Нового курса» были признаны неконституционными. Однако в ответ на такую острую политическую борьбу начинается вторая фаза реформ: важную роль сыграл закон о трудовых отношениях, гарантирующий рабочим свободу организации, проведение переговоров и забастовок, закон о социальном обеспечении, вводивший страхование по безработице, инвалидности и старости. Таким образом, США сумели в сложной экономической ситуации отказаться от привычной идеи о государстве как «ночном стороже» и перейти к развернутой программе государственной экономической политики.

В Германии особенно явственно обозначилась основная черта тоталитарной экономики — ее полное подчинение интересам государственной политики, нацеленной на реванш за поражение в прошлой войне и подготовку к новой. С приходом в начале 1933 г. к власти правительства А. Гитлера началась политика внедрения «принципа фюрерства» путем унификации. Уже закон об устранении бедственного положения народа и государства открывал широкие чрезвычайные полномочия для нового правительства. Вскоре ликвидируются партии и профсоюзы. Экономическая политика была направлена на достижение экономической автаркии. Для улучшения положения в сельском хозяйстве вводится мера по обеспечению неделимости крестьянских хозяйств

законом о наследных дворах. В 1934 г. закон о порядке национального труда создает производственные сообщества. В конце того же года для объединения «всех трудящихся» создается Германский трудовой фронт. Летом 1936 г. вводится обязательная имперская трудовая повинность. Идея экономики, полностью подчиненной воле фюрера, обеспечивала не только относительно быстрое развитие, но и крайне быстрый темп наращивания вооружений. Милитаризация экономики в странах с различными путями выхода из кризиса — либеральным или тоталитарным — везде создавала новые рабочие места, обеспечивая приток капиталов в промышленность.

Экономические аспекты Второй мировой войны. Вторая мировая война стала самой масштабной и разрушительной войной в мировой истории. Эта война стала по–настоящему глобальной и маневренной. Важно подчеркнуть, что она стала испытанием не только для человеческого духа, но и для экономической силы стран–участниц. Промышленные возможности приобрели особую важность, производственные мощности стали значить не меньше, чем численность вооружений.

Как и в Первую мировую, во Второй мировой США сыграли важную роль кредитора и поставщика необходимых для войны техники и сырья. Принятый Конгрессом США 11 марта 1941 г. «Закон по обеспечению защиты Соединенных Штатов» открывал государственную программу ленд–лиза, т. е. поставки союзникам во Второй мировой войне боевых припасов и техники, продовольствия и стратегического сырья. По правилам ленд–лиза поставленные материалы, уничтоженные, утраченные и использованные во время войны, не подлежат оплате, а оставшиеся после окончания войны и пригодные для гражданских целей можно будет вернуть или же оплатить, в том числе и за счет долгосрочных беспроцентных кредитов США. Первоначально программа ленд–лиза распространялась на Великобританию (около 31,4 млрд долл. поддержки за все время существования программы до 1945 г.) и Китайскую республику (1,6 млрд долл.), в ноябре 1941 г. к программе присоединился и СССР (11,3 млрд долл.).

14 августа 1941 г. была обнародована Атлантическая хартия — один из программных документов антигитлеровской коалиции, предложенный британским премьер–министром У. Черчиллем и президентом США Ф. Д. Рузвельтом. Помимо военных задач и возможности политического самоопределения стран в хартии, к которой к сентябрю присоединятся многие страны, включая СССР, значились вполне экономические цели — снижение торговых барьеров, глобальное экономическое сотрудничество и

повышение благосостояния. Путь к победе рассматривался как путь экономической солидарности союзников.

Экономический урон от войны был масштабным. Самые большие человеческие жертвы (55 млн убитых, 35 млн раненых, 3 млн пропавших без вести, порядка 20 млн погибших гражданских лиц) изменили представление о современной войне. Эти жертвы стали самым значительным уроном для человеческого капитала. Только чистые военные расходы составили порядка 1,5 трлн долл, (по паритету покупательной способности; примерное распределение расходов таково: США — 21%, Великобритания — 20%, Германия — 18%, СССР — 13%). Вместе с тем стоит учесть, что весьма сильная централизация управления экономикой в годы войны позволила достаточно быстро провести восстановительные работы. Кроме того, такие явления, как отложенный спрос, оказывали существенное влияние на относительно высокие темпы послевоенного экономического роста.

Очевидным экономическим следствием Второй мировой войны стала политическая биполярность и формирование пространства трех «миров» (можно метафорически их назвать мир–системами) после 1945 г. В сентябре 1945 г. была образована Организация Объединенных Наций, при этом уже вполне очевидным стал раскол, с одной стороны, на Западный блок под «ядерным зонтиком» США, Великобритании и Франции, по сути центр капиталистической мир–системы, с другой стороны, на Восточный блок под руководством СССР, по сути центр социалистической мир–системы. И наконец, с третьей стороны, формировался «третий мир», который условно можно назвать «Южным» большинством, поначалу состоявшим преимущественно из стран Латинской Америки, а с процессом деколонизации постоянно пополнявшимся новыми независимыми государствами Азии и Африки. Очевидно, что Западный и Восточный блоки были заинтересованы в привлечении на свою сторону все большего числа сторонников, что почти предполагало налаживание дружественных экономических отношений.

Бреттон–Вудская система. Основой устойчивости финансовой системы послевоенного мира стало подписание Бреттон–Вудского соглашения в июле 1944 г. Бреттон–Вудская система стала залогом «славного тридцатилетия», при этом утвердив американское финансовое доминирование в капиталистическом мире. По соглашению устанавливались твердые обменные курсы для валют стран–участниц к ключевой валюте — доллару, при этом цена доллара увязывалась с ценой

золота (более 60% мирового запаса которого хранились у США в Форт–Ноксе), для золота была установлена фиксированная цена — 35 долл за тройскую унцию (~31,1 г). Основная задача новых договоренностей состояла в быстром восстановлении и увеличении объемов международной торговли, а также в своевременном предоставлении необходимых финансовых ресурсов для противодействия временным трудностям во внешнеторговом балансе государств–участников. Таким образом, доллар занял первенствующую позицию, вытеснив британский фунт стерлингов. Установился золотодолларовый стандарт. Доллар, конвертируемый в золото, стал базой валютных паритетов, преобладающим средством международных расчетов, валютных интервенций и резервных активов. «Долларизация» мировой экономики существенно усилила позиции Федеральной резервной системы США. Валютные интервенции рассматривались как механизм адаптации валютной системы к изменяющимся внешним условиям, аналогично передаче золотых запасов для регулирования сальдо платежного баланса при золотом стандарте. Курсы валют можно было изменять лишь при наличии существенных перекосов платежного баланса. Именно эти изменения валютных курсов в рамках твердых паритетов назывались ревальвацией и девальвацией валют.

Организационные звенья Бреттон–Вудской системы — Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР). МВФ предоставляет кредиты для покрытия дефицита платежных балансов и поддержки нестабильных валют, осуществляет контроль за соблюдением принципов работы валютных систем стран–участниц, обеспечивает валютное сотрудничество. МБРР — межгосударственный инвестиционный институт, цели которого заключаются в оказании помощи в реконструкции и развитии экономики стран–членов, содействии частным иностранным инвестициям и сбалансированному росту международной торговли. Первоначально МБРР был призван с помощью аккумулированных бюджетных средств капиталистических государств и привлекаемых капиталов частных инвесторов стимулировать инвестиции в восстановление и развитие экономики стран Западной Европы. С середины 1950-х годов деятельность МБРР переориентировалась на страны Азии, Африки и Латинской Америки. МБРР — самый крупный кредитор проектов развития в развивающихся странах со средним уровнем доходов на душу населения и в кредитоспособных бедных государствах. И МВФ, и МБРР обрели самостоятельное значение и продолжили свою работу после того, как 15 августа 1971 г. президент США Р. Никсон объявил, что доллары США,

находившиеся за рубежом, больше нельзя будет обменять на золото.

Долгожителем послевоенных соглашений стало Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), — заключенное в 1947 г. с целью восстановления послевоенной экономики (ныне — Всемирная торговая организация). Цель достигалась разными средствами, в частности, снижением тарифных барьеров, количественными ограничениями (импортная квота) и субсидиями торговли через различные дополнительные соглашения. Функции ГАТТ были переданы Всемирной торговой организации в начале 1990-х годов, когда сфера действия соглашения была расширена, включив в себя интеллектуальную собственность, услуги, капитал и сельское хозяйство.

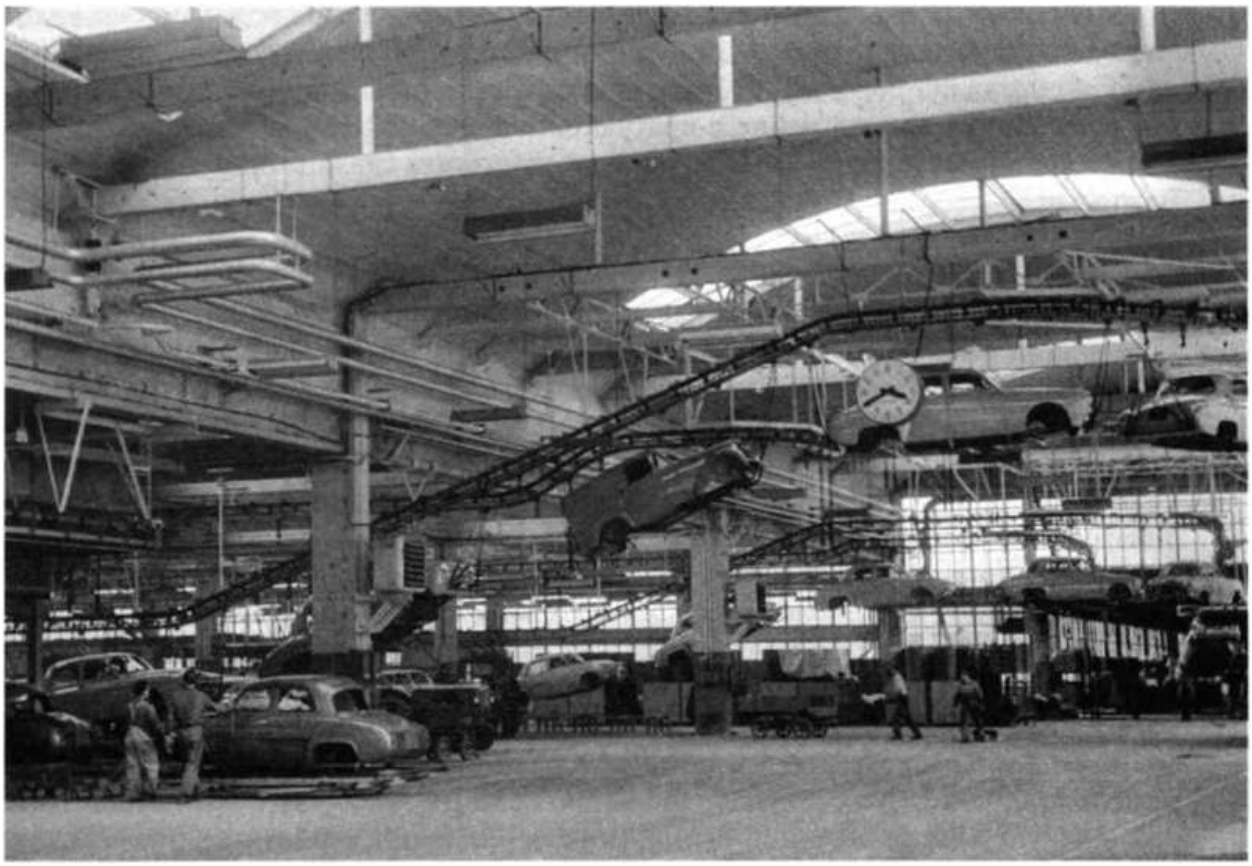
План Маршалла. Важным этапом развития новых экономических отношений в послевоенном мире стало создание в 1948 г. Организации европейского экономического сотрудничества, призванной координировать проекты экономической реконструкции Европы в рамках плана Маршалла. План, выдвинутый американским государственным секретарем Дж. К. Маршаллом, вступил в действие весной 1948 г. План должен был содействовать восстановлению разрушенной войной экономики Европы, устранению торговых барьеров, модернизации промышленности европейских стран. В программу американской помощи были включены 17 стран (включая Западную Германию). В первые три года реализации плана сумма американских выплат составила порядка 13 млрд долл. (Британии — 2,8 млрд, Франции — 2,5 млрд, Италии — 1,3 млрд, Западной Германии — 1,3 млрд, Нидерландам — 1 млрд). Стоит отметить, что план Маршалла удался, так как стабилизировал ситуацию в Европе и создал предпосылки для сохранения Европы как важного игрока в мировой экономике в послевоенный период. В 1961 г. организация расширила как географию, так и цели сотрудничества: была провозглашена Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР; сегодня в нее входит 34 страны), которая стала клубом развитых стран, признающих принципы как свободной рыночной экономики, так и представительной демократии.

Экономические «чудеса». Формулировка «экономическое чудо» впервые прозвучала как удивление от быстрых темпов экономического роста Западной Германии после денежной реформы 1948 г. Еще более удивительной для современников стала устойчивость этого экономического роста на протяжении 1950-х и 1960-х годов, которые вошли в историю как «славное тридцатилетие». Экономически этот период характеризовался

высоким темпом роста промышленного производства (в среднем около 5% в год), достижением минимального уровня безработицы (от полной занятости в Швейцарии и менее 1% в ФРГ до 1,3% в Японии и 1,8% во Франции), бурным демографическим ростом (прежде всего в США и Канаде).

Быстрый экономический рост в 1945-1973 гг. определялся целым рядом разнородных факторов — от высокой продолжительности рабочего дня до дешевизны углеводородных энергоносителей на мировом рынке, которые также способствовали постепенному преодолению технологического отставания от США.

Отдельные рецессии, намечавшиеся в национальных экономиках, никогда не препятствовали общей тенденции восходящего экономического роста. Темпы среднегодового роста экономики в разных странах были неодинаковыми: от «чудесных» показателей Японии (до 10%) или ФРГ (до 6%) до устойчивых 5% Франции, Швейцарии и Италии, а также относительно медленных 3% у США и Великобритании. При этом темпы роста реального ВВП на душу населения также были достаточно быстрыми — от 2,2% в США до 5% в ФРГ и 8,4% в Японии. Именно такие темпы роста стали основой для экономической реализации модели «государства всеобщего благосостояния». Важной особенностью этого периода стала именно устойчивость длительного улучшения материального благосостояния в развитых странах мира.



Сборочный цех завода «Renault». Г. Флен–сюр–Сен, Франция, 1954 г. РГАКФД

Экономическое чудо

Экономическое чудо — это метафора, которой принято называть быстрый рост национальной экономики, если темпы этого роста существенно превышают темпы устойчивого экономического развития ведущих стран. «Экономические чудеса» происходили в XX в. в разных странах мира, только в Европе после Второй мировой войны можно перечислить: «Виртшафтсвундер» — быстрый экономический рост в Западной Германии и Австрии, «славное тридцатилетие» во Франции, «рекордные годы» в Швеции, экономические рывки в Греции и Италии. Однако исключительное значение эффект «экономического чуда» имел для Азии: в начале 1950-х годов началось японское экономическое чудо, а с 1960-х годов — быстрый экономический рост «азиатских тигров».

В Японии рекордный рост экономики начался с середины 1950-х годов и продолжился до кризиса 1973 г. По современным оценкам, рост японской экономики составлял порядка 10% ежегодно, что позволило Японии после поражения во Второй мировой войне в кратчайшие сроки войти в число ведущих экономик мира (уже к концу 1960-х годов ее экономика стала второй после США). Важными факторами этого «чуда» стали создание крупных сложноорганизованных холдингов («кэйрэцу»), продуманная налоговая политика, интенсивное освоение новых технологий, взаимовыгодные отношения предпринимателей с правительством, гарантия пожизненной занятости в корпорациях. Основатель корпорации «Sony» А. Морита в книге «Сделано в Японии» пишет: «У лучших японских компаний нет никаких секретов или тайных рецептов успеха. Никакая теория, программа или правительственная политика не могут сделать предприятие успешным; это могут сделать только люди. Самая важная задача японского менеджера состоит в том, чтобы установить нормальные отношения с работниками, создать отношение к корпорации, как к родной семье, сформировать понимание того, что у рабочих и менеджеров одна судьба».

«Азиатские тигры» — Южная Корея, Сингапур, Гонконг и Тайвань — вслед за Японией продемонстрировали очень высокие темпы экономического развития в период 1960-1990-х годов. «Тигры» быстро вошли в число так называемых новых индустриальных стран, в которых произошел качественный переход от отсталой к высокоразвитой экономике. Особенностью азиатской модели «экономического чуда» считается развитие национальных экономик с преимущественной ориентацией на внешний рынок (в отличие, например, от латиноамериканского импортозамещения).

Структурный кризис 1973 г. Закат эпохи стабильного и быстрого экономического роста был ознаменован нефтяным кризисом 1973 г. и последовавшим вслед за этим отказом от Бреттон–Вудской системы денежных отношений и торговых расчетов. «Нефтяное эмбарго» началось 17 октября 1973 г., когда все арабские страны–члены ОПЕК, а также Египет и Сирия объявили, что не будут поставлять нефть странам, поддержавшим Израиль в конфликте с Сирией и Египтом. Очевидно, что целью таких

экономических санкций были США и страны Западной Европы. Данный кризис имел двоякое экономическое значение: с одной стороны, выяснилось, насколько развитые страны зависимы от поставок энергетических ресурсов, с другой стороны, стало понятно, насколько влиятельными для мировой экономики могут быть экспортеры нефти. Сокращение добычи нефти на 5% привело к 70-процентному скачку цены на нефть (с 3 до 5 долл, за баррель, в течение года цена достигла уже 12 долл.). Кризис 1973 г. был первым энергетическим кризисом; до сих пор он является крупнейшим. Уже в ноябре президент Р. Никсон обращается к американцам с призывом экономить топливо, реже использовать автомобили. В 1975 г. в США был создан национальный резерв нефти — Стратегический нефтяной резерв США. Этому примеру последовали многие страны Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), вступившие в Международное энергетическое агентство. Наличие резервов позволило существенно уменьшить негативный эффект нескольких последующих нефтяных кризисов. Вместе с тем кризис способствовал усилению экспорта нефти из СССР.

Реакцией на существенные изменения капиталистической системы стал постепенный переход к экономической политике монетаризма, основанной на точке зрения, что количество денег в обращении является определяющим фактором развития экономики. Символами такого перехода принято считать новую экономическую политику М. Тэтчер в Великобритании (с 1979 г.) и Р. Рейгана в США (с 1981 г.).

Социалистический экономический блок. Социалистическая модель экономического развития оказалась весьма привлекательной для многих стран мира. С одной стороны, это было связано со статусом СССР как страны–победительницы во Второй мировой войне, с другой стороны, успехи плановой экономики казались очень созвучны послевоенному времени, когда степень государственного вмешательства или, по крайней мере, контроля была максимальной. В некоторой степени переход Китая после революции 1949 г. на плановое управление экономикой также усилил позиции советской экономической модели в мире.

Советская экономическая модель стала рассматриваться как альтернативный и успешный вариант развития после Второй мировой войны. И несмотря на разрушительный характер войны для советского народного хозяйства, мобилизационной экономике удалось пройти процесс восстановления и частичной реконверсии достаточно быстро. Вместе с тем государственный контроль над экономическим развитием страны смог

сконцентрировать бюджет не только на восстановительных работах, но и на наукоемких технологиях, при этом сохраняя относительно низкий потребительский спрос на товары народного потребления внутри страны.

Важным шагом в сторону формирования общей экономической политики, по сути ставшей альтернативой плану Маршалла, стало создание Совета экономической взаимопомощи в 1949 г. СЭВ — это межправительственная экономическая организация, созданная по решению экономического совещания представителей Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии с целью экономического и научно–технического сотрудничества социалистических стран. Созданный в условиях политической конфронтации, СЭВ приступил к выполнению координационной деятельности не сразу. Во многом экономическая составляющая СЭВ была связана с введением в 1964 г. так называемого «переводного рубля» — коллективной валюты для многосторонних расчетов стран–членов СЭВ. Переводной рубль использовался только для безналичных расчетов между странами–участницами. Для реализации этой финансовой объединяющей функции СЭВ работали Международный банк экономического сотрудничества (МВЭС) и Международный инвестиционный банк (МИБ).

С распадом советского экономического блока в 1991 г. остро встал вопрос о возможностях и ограничениях переходных от социализма к капитализму экономик как особом типе экономического развития на рубеже XX-XXI вв.

Деколонизация и поиск моделей экономического развития. Вторая мировая война нанесла смертельный удар по европейским империям. Война породила повсеместные движения за независимость. Провозглашенный несколькими десятилетиями ранее лозунг о праве наций на самоопределение весьма явственно контрастировал с реалиями колониализма. В 1947 г., с предоставлением независимости Индийскому субконтиненту, выяснились ключевые проблемы перехода постколониальных стран к независимой экономической политике. Низкий уровень грамотности, достаточно высокая плотность населения, высокие темпы роста численности населения и преимущественная занятость в низкопроизводительном сельском хозяйстве были общими чертами тормозящих факторов развития.

Политическая карта Африки, казалось, не изменилась к концу войны, но существенные перемены в общественных силах привели к тому, что к 1960 г. (так называемом «году Африки» — времени получения

государственного суверенитета многими странами континента) большинство стран оказались в независимом, хотя экономически в основном в незавидном положении. Сегодня исследователи приводят несколько основных объяснений низкого уровня промышленного развития Африки. Во–первых, несмотря на сравнительно низкий уровень заработной платы, в основном она оставалась непривлекательным регионом для размещения промышленных предприятий. Во–вторых, традиционно низкая производительность труда в Африке объяснялась недостаточным уровнем образования рабочих, однако в последнее время в вопросе образования достигнут значительный прогресс. В-третьих, возникает «ловушка низкой заработной платы»: повышение заработной платы возможно при расширении механизированной промышленности, а низкая заработная плата означает, что механизация не приносит прибыли. При этом в последних исследованиях Африка рассматривается как пример работы «плохих институтов», отягощенной постоянными военными конфликтами.

В 1950 г. и Африка, и Азия были очень бедны; доходы в Африке были выше, чем в Азии, поскольку Африка богаче природными ресурсами. Экономический рост в Азии поначалу ускорялся медленно, затем быстрее, тогда как в Африке рост остался медленным. Перспективы развивающихся стран, казалось, могут зависеть в основном от природных ресурсов. Но когда глобальная экономика стала открываться для торговли и производства, выяснилось, что в национальное богатство входят и человеческие ресурсы. Именно использование человеческих ресурсов явилось основой азиатского роста. К 1990 г. рост в развивающихся странах шел полным ходом. «Азиатские тигры» достигли средних уровней подушевых доходов, уверенно догоняя развитые страны. Индонезия и Таиланд переживали устойчиво высокий рост. Китай включился в гонку за экономическим ростом в конце 1970-х годов и быстро достиг высоких темпов роста.

Порочный круг бедности

Деколонизация Африки — важный процесс XX в. Однако независимость стран не стала залогом благосостояния. Африканские бедность, нужда и нищета часто становятся классическими примерами для иллюстрации общего для многих развивающихся стран феномена — «порочного круга бедности», когда низкий доход на душу населения не позволяет

осуществлять сбережения и инвестиции в масштабах, необходимых для достижения минимальных темпов экономического роста. Африка южнее Сахары была беднейшим регионом мира в XVI в. и остается таковым сегодня, хотя подушный доход в большинстве стран региона, конечно, вырос за эти столетия. В условиях, когда люди не имеют возможности и желания сберегать, низкие доходы предопределяют низкий спрос, а в результате бедные ресурсы и отсутствие стимулов препятствуют инвестированию как в физический, так и в человеческий капиталы, следовательно, производительность труда остается низкой, а значит, и личный доход также будет устойчиво низким. Причин для попадания в «ловушку бедности» немало: ограниченная возможность получения кредита, препятствующая росту сельскохозяйственного производства экологическая деградация, коррумпированное управление, отток капитала, слабая система образования, некачественное здравоохранение, локальные военные конфликты, неразвитая экономическая инфраструктура.

К числу наименее развитых стран (по терминологии ООН к ним относятся страны с очень низким уровнем жизни и слабой экономикой, где люди и ресурсы подвержены воздействию стихий) относятся 34 страны Африканского континента. При этом главной проблемой становится невозможность эффективных инвестиций в экономику этих стран, потому что отдача даже от весьма существенных финансовых вливаний в большинстве случаев не приносит ожидаемых результатов. А. Дитон в книге «Великий побег: здоровье, богатство и истоки неравенства» (2013) исследует вопросы здоровья разных наций в связи с экономикой беднейших стран мира и доказывает, что прямая материальная помощь Запада, оказываемая Африке, по большей части бесполезна. Основной причиной улучшения здоровья в западных странах был не столько рост личного благосостояния, сколько прогресс в коммунальном хозяйстве городов и открытия в медицине. Африка, став главным объектом западной благотворительности, не в состоянии решить свои проблемы с помощью финансовых потоков из–за рубежа, потому что выделяемые транши продлевают жизнь не населению, а коррумпированным элитам, которые, в свою очередь, могут позволить себе не развивать ни экономические институты, ни

социальные услуги. Выходит, что даже нет нужды в эффективном сборе налогов с населения, так как деньги сами текут в руки африканских правителей. Нельзя отрицать, что внешняя адресная помощь спасла немало жизней в бедных странах (особенно, если речь идет о медикаментах), но ее эффект нельзя назвать системным: большинство инвестиций редко приводят к усовершенствованию национальных систем здравоохранения, а значит, лишь усиливают порочный круг бедности.

Причины бедности уходят своими корнями в раннее новое время. Сложное сплетение географического и демографического факторов вместе со спецификой развития сельского хозяйства в Африке сформировали социальную и экономическую структуры, которые одинаково неудачно отвечали на экономические вызовы как империализма, так и глобализации.

Европейское экономическое сообщество. С 1945 г. Европа уходит в тень основных победителей во Второй мировой войне — США и СССР, когда расколотый континент переживает «золотой век» на Западе, а вслед за ним нефтяные шоки, стагфляцию, и, наконец, переход к стабильному экономическому росту и единому экономическому пространству.

В 1950 г. министр иностранных дел Франции Р. Шуман предлагает проект интеграции угольной и сталелитейной отраслей Франции и Германии, приглашая к сотрудничеству и других партнеров (его приняли Бельгия, Италия, Нидерланды, Люксембург). В 1951 г. был подписан договор о Европейском объединении угля и стали, предусматривавший отмену тарифов и квот во внутренней торговле между странами–участницами и общие тарифы на импорт из других стран, а также контроль над производством и продажами. После внедрения общих механизмов управления угольной и сталелитейной отраслями в 1957 г. появилось Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), или Общий рынок, предусматривающий постепенную отмену импортных пошлин и квот на все виды торговли между странами–членами, а также замену национальных импортных тарифов общим внешним тарифом в ближайшие 15 лет. Экономическая мечта о «Соединенных Штатах Европы» начинала реализовываться. Пессимистические ожидания относительно будущего Общего рынка не оправдались, переходный период оказался короче ожидаемого, а новые экономические реалии превращали объединяющуюся Европу в важную силу мировой экономики. В 1960 г. европейские страны,

оставшиеся за пределами Общего рынка, подписали соглашение о создании Европейской ассоциации свободной торговли (Австрия, Великобритания, Дания, Норвегия, Португалия, Швеция, Швейцария); соглашение имело ограниченное значение, потому что распространялось только на регулирование тарифов на промышленные товары. После нескольких неудачных попыток вступить в ЕЭС Великобритания присоединилась к этому проекту европейской интеграции в 1972 г. вместе с Ирландией, Данией и Норвегией. В 1991 г. было подписано соглашение между ЕЭС и Европейской ассоциацией свободной торговли о создании Европейского экономического пространства.

В 1992 г. все государства, входящие в Европейское сообщество, подписали договор о создании Европейского союза (ЕС). Так называемый Маастрихтский договор определяет три опоры ЕС: экономический и валютный союз, общую внешнюю политику и политику безопасности, общую политику в области внутренних дел и юстиции. Сегодня ЕС — это не только экономическое, но и политическое объединение 28 европейских государств, один из ярких примеров региональной интеграции. Доля ЕС в мировом валовом внутреннем продукте составляет порядка 23%.

Бесспорным экономическим прорывом стало создание общеевропейской валюты — евро. Евро был введен в наличное обращение в 1999 г., сменив европейскую валютную единицу (ЭКЮ), которая не использовалась в наличных расчетах. Евро стал одной из ведущих мировых валют (конкурируя на региональных рынках с долларом США).

Дискуссии о капитализме в XX в. Истоки современного капитализма видятся исследователям в XIX в. Интересно, что авторы «Кембриджской истории капитализма» появление современного капитализма датируют 1848 г., т. е. годом выхода в свет «Манифеста коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Действительно, стратегии и структуры накопления капитала, которые сформировали нашу эпоху, впервые появились в последней четверти XIX в. Они берут свой исток в новой интернализации (сокращении или устранении отрицательных внешних эффектов путем превращения их во внутренние) издержек в логике максимизации прибыли капиталистического предприятия. Точно так же как в мировых процессах голландский режим накопления капитала пошел дальше генуэзцев, интернализировав издержки защиты, а британский режим — дальше голландцев, интернализировав издержки производства, так и американский режим пошел дальше британцев, интернализировав операционные издержки (Д. Арриги). По этой причине идея интернализации

операционных издержек все чаще рассматривается как отличительная особенность четвертого (американского) системного цикла накопления, произошедшего в XX в.

Как было доказано французским экономистом Т. Пикетти, фундаментальное неравенство, когда уровень доходности капитала существенно превосходит рост доходности труда, отражает общую логику развития экономики в XX в. Когда уровень доходности капитала значительно превышает показатели экономического роста, оказывается, что рекапитализация имущества, накопленного в прошлом, осуществляется быстрее, чем растет производство и доходы. А значит, наследникам достаточно сберегать часть доходов, полученных с капитала для того, чтобы он рос быстрее, чем вся экономика в целом. В этих условиях наследственное имущество почти неизбежно будет преобладать над имуществом, накопленным в течение трудовой жизни, а концентрация капитала будет достигать очень высокого уровня, который, вполне вероятно, не будет соответствовать меритократическим ценностям и принципам социальной справедливости.

Экономические институты: экстрактивные и инклюзивные

Почему одни страны богатые, а другие бедные? — такой вопрос задают авторы новой институциональной теории Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон. В их книге «Почему нации терпят неудачу? Истоки могущества, процветания и бедности» (2012) обобщены современные представления об институциональных возможностях и ограничениях экономического развития. Институциональный подход к рассмотрению проблем экономической истории состоит в том, что существующие объяснения экономических успехов и неудач государств, основанные на географических, этнических, религиозных, культурных факторах, несостоятельны. Аджемоглу и Робинсон утверждают, что как процветание, так и упадок государств обусловлены в первую очередь природой их экономических и политических институтов, доказывая свой тезис на нескольких парных примерах обществ, развивающихся существенно разными путями при практически полном совпадении географических и национальных контекстов (в частности, сравнивая американский город Ногалес с мексиканским городом Ногалес, Северную и

Южную Корею, Ботсвану и Зимбабве).

Традиционно под институтами, по определению Д. Норта, понимаются как формальные правила и неформальные ограничения, так и определенные возможности принуждения к выполнению этих правил и ограничений. Продолжая исследование экономических институтов в историко–сравнительном контексте, Аджемоглу и Робинсон дополняют классическое определение такими понятиями, как экстрактивные и инклюзивные институты. Так, экстрактивные экономические институты позволяют немногочисленной элите управлять экономикой государства для собственной выгоды (например, СССР или КНР). А инклюзивные экономические институты обычно открыты для участия, если не всех, то большинства, что позволяет вступать в экономические отношения с возможностью получения прибыли (например, Великобритания или США).

В случае с экстрактивными институтами обычно создаются препятствия для граждан извлекать для себя выгоду из участия в экономических отношениях. Часто экстрактивные институты допускают отчуждение собственности или доходов в пользу отдельных групп населения. Экстрактивные экономические институты обычно поддерживаются экстрактивными политическими институтами, которые охраняют контроль привилегированных групп над экономикой. Для функционирования инклюзивных институтов характерны гарантии неприкосновенности собственности, отчуждение собственности или доходов не допускаются. Инклюзивные экономические институты поддерживаются инклюзивными политическими институтами, которые не позволяют небольшим группам регулировать экономику государства в свою пользу.

Интересен вывод, что экономический рост и расцвет государств возможен в условиях как экстрактивных, так и инклюзивных институтов — разница таится в динамике роста. Экономический рост возможен для государств с экстрактивными институтами, но обычно такой рост недолговечен, а главное — он не ведет к существенному росту благосостояния большинства населения. Государства с инклюзивными институтами способны к стабильному росту, из которого извлекает выгоду большинство населения, следствием чего становятся рост уровня жизни и сокращение бедности. Кроме того, государства с инклюзивными

институтами сравнительно легче и успешнее преодолевают внутренние и внешние кризисы, тогда как экстрактивные институты чаще усугубляют кризисы из–за соблазна получить абсолютную власть над экономическими ресурсами.

По сути современное представление о капитализме складывается из четырех главных свойств: право частной собственности, право договора с третьей стороной–бенефициаром, рынки с отзывчивыми ценами и поддерживающие экономический рост правительства. Причем правительственная поддержка капиталистического роста во многом уже свойство «смешанной экономики» государства благоденствия. Г. Ван дер Вее выделил три главные модели послевоенной смешанной экономики: неоэтатистская модель, основанная на создании обширного госсектора, национализации промышленности и централизации банковской сферы (Великобритания, Италия, Франция); неолиберальная модель, основанная на механизмах эффективного рынка с ориентацией на частный сектор (США, ФРГ); модель централизованного согласия, основанная прежде всего на социальном консенсусе в малых европейских странах (Австрия, Бельгия, Нидерланды, Швеция). Несмотря на существенные различия этих моделей, им свойственны некоторые общие черты: важная роль социальных трансферов (пенсий, пособий, социальных выплат), позволяющих обеспечить небогатых или нетрудоспособных граждан; фактическое решение продовольственной проблемы благодаря механизации и химизации сельского хозяйства, сопряженного с разнообразным импортом пищевых продуктов; высокопроизводительная промышленность, требующая образованных и высококвалифицированных людей, увеличивающих производство технически сложных товаров, способствуя диффузии инноваций и потребления; и наконец, превращение сектора услуг в главную сферу занятости. Таким образом, смешанный тип экономики способствует переходу развитых стран к обществу массового потребления, равно как и к постиндустриальной стадии развития, основанной на наукоемких технологиях, информации и знаниях как производственном ресурсе, творческой деятельности человека.

Несмотря на в целом оптимистические оценки развития мирового хозяйства в XX в. (и даже провозглашения лозунга «Прощай, нищета!»), современная экономика доказывает, что идеи справедливого распределения не согласуются с механизмами накопления и капиталистического роста. Вместе с тем относительный рост благосостояния — общемировая тенденция, хотя опять–таки неравенство распределения этого

благосостояния становится все более важной проблемой экономического развития мира в ближайшем будущем. При этом современные азиатские вызовы экономическому миропорядку очевидны: если Китай сохранит в ближайшие десятилетия современные темпы роста, то страна превратится в крупнейшее в мире производящее государство, каким оно было в эпоху до Васко да Гамы. Экономическая история сделает полный круг в своем развитии, а грядущая конвергенция откроет новые пути для глобальной конкуренции и сотрудничества.

Экономическая наука в XX в. Экономическая наука — королева социальных наук XX в. Важно заметить, что и развитие экономики как науки как раз приходится именно на XX в. Хотя само понятие экономики, как считается, восходит к Ксенофонту, реальное влияние экономических идей на политику относится к периоду уже новейшей истории.

Доминирующей в западной экономической мысли в XX в. стала *неоклассическая школа*, ориентированная на изучение распределения ограниченных ресурсов между конкурирующими рациональными экономическими агентами. Основы неоклассического подхода были заложены еще в конце XIX в., когда в результате так называемой «маржиналистской революции» утвердился принцип снижающейся предельной полезности, ставший фундаментальным элементом при построении статической микроэкономики нового типа. Основателями этого направления считаются У. С. Джевонс (1835-1882), К. Менгер (1840-1921) и Л. Вальрас (1834-1910).

А. Маршалл (1842-1924) соединил теорию классической политической экономии (восходящую к А. Смиту) и маржинализм в «Принципах экономической науки» (1890-1891), ставшей главной книгой нового поколения экономистов, которая заменила «Принципы политической экономии» (1848) Дж. С. Милля. В «Принципах экономической науки» Маршалл анализировал главные факторы, влияющие на формирование цены — спрос, предложение, издержки производства. Он развивал теорию предельной ценности, ввел понятие «эластичности спроса» и «равновесия спроса и предложения». Маршалл подчеркивал роль условий спроса в краткосрочной перспективе, когда предложение на рынке нельзя изменить, в то время как фактор предложения играет роль в долгосрочной перспективе, когда возможно варьировать количество инвестиций в производство для получения большего или меньшего количества продукции. По сути в отличие от классической школы неоклассический подход сместил фокус внимания с производства, важного для периода

индустриальной революции, на потребление и обмен, столь характерные для перехода к современному экономическому росту и для становления общества массового потребления. Человек, в логике неоклассического подхода, нацелен на максимизацию «удовольствия» и минимизацию «боли». Вслед за классическим взглядом на экономику, неоклассики разделяли точку зрения, что личные интересы, встречаясь в рамках конкуренции друг с другом, в итоге при условии отсутствия внешних влияний склонны приводить экономическую систему к равновесию.

Неоклассическая экономическая теория традиционно разделяет экономические явления на две сферы исследований: микроэкономику, исследующую поведение и взаимоотношения отдельных хозяйственных единиц (прежде всего индивидуумов, домохозяйств и фирм), и макроэкономику, анализирующую взаимозависимость между обобщенными экономическими показателями в масштабе государств, регионов, континентов (сам термин «макроэкономика» появился в 1934 г. в работах Р. Фриша).

Важным оппонентом неоклассического подхода в экономике стала так называемая австрийская экономическая школа, ярким представителями которой были Ф. Визер (1851-1926), О. фон Бём–Баверк (1851-1914), Л. фон Мизес (1881-1973), Ф. фон Хайек (1899-1992), М. Ротбард (1926-1995). Сложность человеческого поведения, рассматриваемая в контексте динамики рынков, усложняет моделирование экономических процессов. В экономической политике главенство признается за принципами свободной экономики. Представители австрийской школы выступают за защиту свободы заключаемых экономическими агентами договоров и государственного невмешательства в сделки. Однако планы субъектов экономической деятельности весьма разнообразны и, более того, изменчивы, поэтому их согласование возможно лишь благодаря спонтанности конкурентного рынка.

К австрийской школе иногда относят и Й. Шумпетера (1883-1950), изучавшего проблемы динамического развития рыночной системы и факторы, которые обеспечивают прогресс и экономический рост. Шумпетерианство тесно связано с идеей «бури созидательного разрушения». Шумпетер стал одним из первых изучать экономическую динамику, противопоставив ее статическому видению экономики современных ему исследований неоклассического направления. В таком объяснении экономическая динамика опирается на нововведения и технологические прорывы в различных отраслях хозяйства. Результатом любой инновации является изменение как экономических процессов, так и

продукции, причем главнейшая роль здесь принадлежит предпринимателям. Именно такой подход добавил к классическим факторам производства — земле, труду, капиталу — новый фактор: предпринимательскую деятельность, которая требует сильной воли и развитой интуиции. Шумпетер разработал модель изменений (инноваций) в экономике, к которым относил: изготовление продукции с новыми свойствами; внедрение нового способа производства; освоение новых рынков сбыта; использование нового источника сырья; проведение соответствующей реорганизации производства.

Так или иначе, значение «невидимой руки» рынка в решении экономических задач признавалось все большим числом экономистов. Редким, но важным исключением в развитии экономической теории стали работы А. Пигу (1877-1959), в которых в 1920-е годы рассматриваются проблемы развития рыночной экономики — так называемая теория «провала» рынка. Главными причинами несостоятельности рыночного механизма являются: монополия, внешние эффекты (так называемые экстерналии) и проблема распределения доходов. Максимизация прибыли в условиях монополии сопровождается искусственным ограничением производства и завышением цен на товары. При этом некоторые виды экономической деятельности не имеют рыночной цены и оказываются внешними факторами по отношению к развитию рыночной экономики (экстерналиями). Экстерналии могут быть положительными (например, исследовательские разработки, создаваемые в рамках выполнения коммерческих задач), а могут быть отрицательными (например, налог, обусловленный угрозой производства для экологии). Если производство или потребление товара основано на экономии, обусловленной внешними факторами, то в условиях нерегулируемого рынка может возникнуть недостаток этого товара; если же речь идет об отрицательных эффектах, то товар оказывается в излишнем количестве. Общественные блага в рыночной экономике производятся в недостаточном количестве, а рынок приведет к неприемлемому с социальной точки зрения распределению доходов. На первый взгляд, различные несовершенства рынка являются веским доводом в пользу государственного регулирования рынков некоторых товаров, производства некоторых других товаров в госсекторе и в пользу перераспределения доходов. Однако все эти меры также потенциально могут оказаться неэффективными, поэтому при принятии решений в условиях смешанной экономики необходимо использовать принцип второго лучшего, когда следует принимать решение, соблюдать или нет условия оптимального развития, если другие не могут быть

выполнены.

Теоретическая экономика (или политическая экономия) оказывала все большее влияние на принятие решений. Главными действующими лицами здесь можно считать Дж. М. Кейнса (1883-1946) и С. Кузнеца (1901-1985). Оба ученых принимали активное участие в решении реальных хозяйственных проблем, при этом активно развивали макроэкономические теории, т. е. рассматривали функционирование экономики в целом как единую систему экономических явлений и процессов. «Общая теория занятости, процента и денег» (1936) Кейнса считается одним из фундаментов макроэкономического подхода. Хотя этот труд современники оценивали как противоречивый и сложный, именно в «Общей теории» Кейнс заложил фундамент современной макроэкономики, ввел в оборот такие понятия, как функция потребления, принцип эффективного спроса, предельная эффективность капитала. Этот поворот стали называть «кейнсианской революцией», указавшей на ошибки классической теории, которая утверждала, что рыночная экономика естественным образом возвращается к состоянию полной занятости ресурсов после временных шоков. Одной из самых влиятельных идей Кейнса стала концепция мультипликатора — коэффициента, характеризующего увеличение национального дохода вследствие первоначальных инвестиций. Логику мультипликатора легко понять на примере: если, заработав 10 долл., человек 8 из них потратил, а 2 положил в банк, то предельная склонность к сбережению составляет 2/10 = 1/5. Банки выдают кредиты в том числе и на сбереженные деньги, возвращая их в оборот, а это значит, что торговцы получают доход, равный сумме кредита, часть из которого могут потратить, а часть вложить в банк.

Под влиянием кейнсианства экономисты доказали пользу проведения макроэкономической политики для долгосрочного роста, избегая инфляции и рецессий. Однако в 1970-е годы в США произошел структурный кризис, выразившийся в стагфляции, при которой высокая безработица соседствовала с высокой инфляцией. Господство кейнсианства было прервано появлением монетаризма, согласно которому количество денег в обращении является определяющим фактором развития экономики (хотя монетаризм использовал концепцию денежного регулирования, разработанную Кейнсом, включая идею Кейнса о создании Международного валютного фонда).

С. Кузнец в 1934 г. вводит в оборот понятие «национальных счетов», за которым стали развиваться представления о ВВП — валовом внутренним продукте, ставшие далеко не только научным наблюдением, но и

политическим индикатором и зачастую даже целью экономической политики. Заметим, что сегодня многие исследователи оспаривают значимость такого показателя, как ВВП, самым известным примером является работа Комиссии по основным показателям экономической деятельности и социального прогресса (так называемая комиссии Дж. Стиглица, А. Сена и Ж. — П. Фитусси), отчет которой уже переведен на русский язык — «Неверно оценивая нашу жизнь. Почему ВВП не имеет смысла?».

Макроэкономический подход опирается на экономическую теорию или, вернее, даже — экономические теории, исследующие проблему выбора в условиях ограниченности ресурсов для максимального удовлетворения потребностей людей. Современная экономическая теория распадается на многочисленные направления, сформировавшиеся в XX в. Поскольку задачей экономических теорий является наиболее целостное объяснение происходящих в экономической жизни реальных событий, для этого разрабатываются хитроумные (в последние годы сильно математизированные) модели действительности.

Экономика настолько изменилась во второй половине XX в., прежде всего от того, что она быстро и успешно восприняла математический аппарат для нужд моделирования сложных экономических процессов. Сформировалась научная дисциплина — эконометрика, опирающаяся на измерение и математическое моделирование экономических процессов. Р. Фриш (1895-1973), основатель журнала «Эконометрика», и Я. Тинберген (1903-1994) стали первыми лауреатами Нобелевской премии по экономике в 1969 г. «за создание и применение динамических моделей к анализу экономических процессов». Обобщающим трудом, описавшим многообразие математических подходов к решению экономических проблем, стала фундаментальная книга «Основы экономического анализа» П. Самуэльсона (1915-2009), за которую он в 1947 г. был удостоен престижной награды Американской экономической ассоциации, а в 1970 г. стал первым американцем — лауреатом Нобелевской премии по экономике. Самуэльсон внес вклад в динамическую экономическую теорию своими исследованиями поведения экономики вне состояния равновесия и ее цикличности. Кроме того, он написал самый известный учебник по экономической теории — «Экономикс», выдержавший уже девятнадцать изданий, и сделавший экономические знания популярными во всем мире.

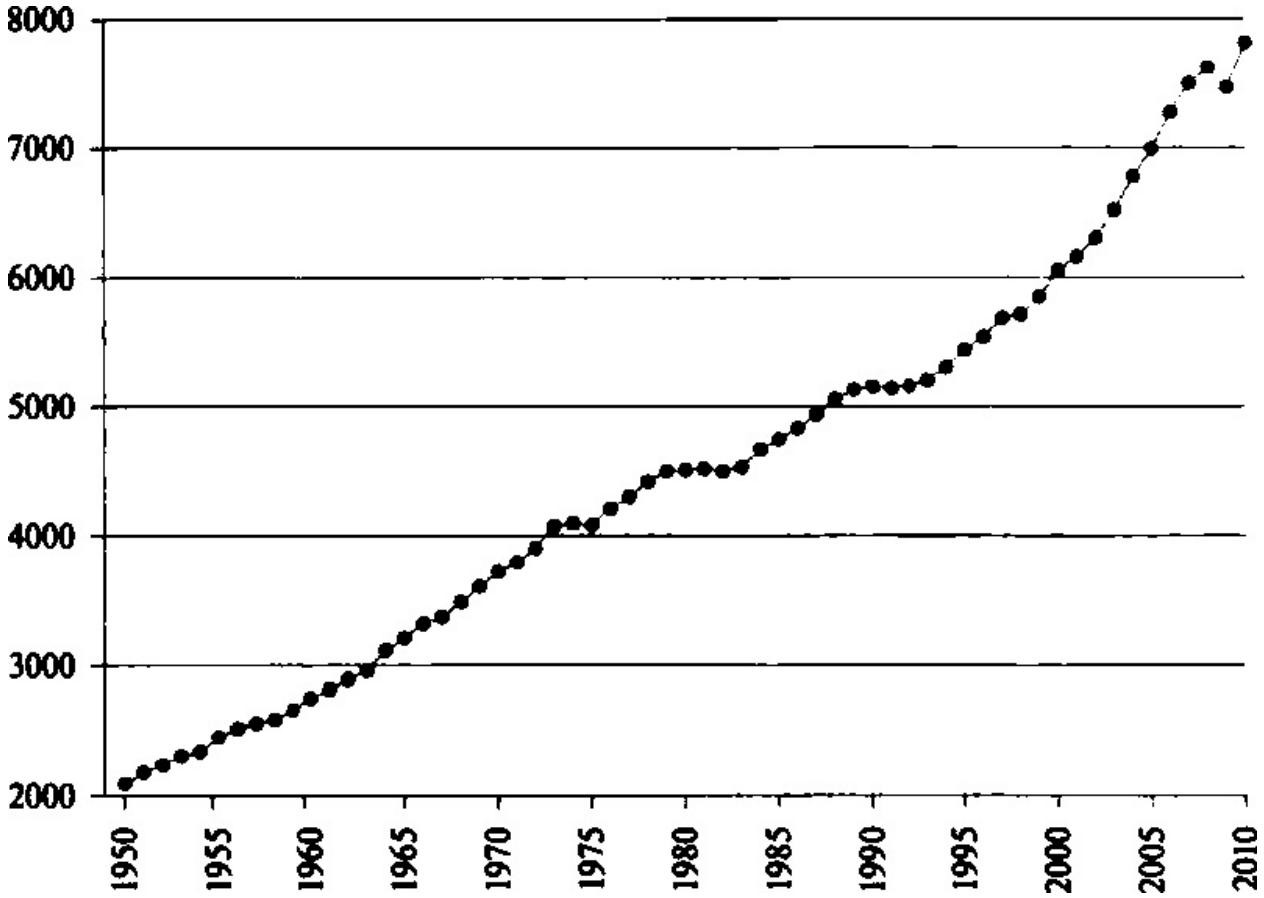
Если обратиться к динамике роста подушевого ВВП, то можно увидеть, что даже глубокие экономические кризисы не сказывались существенно на общей тенденции к росту (см. график 5). Однако вывод,

что экономический рост мира решает проблему бедности, можно назвать поспешным, хотя и популярным сегодня (см. уже упомянутую работу Г. Кларка «Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира»). При этом макроподход, конечно, сталкивается с весьма существенной для любой экономической системы проблемой распределения. Распределение оказывается неравномерным и часто наследуемым, что создает разную степень успешности в экономической перспективе не только для экономически развитых стран, но и для богатейших семей в этих странах в сравнении с остальными.

Мысль о том, что современный экономический рост в XX в. необходимо рассматривать как рост, превышающий темпы демографического прироста, потому что численность населения устойчиво растет, и, следовательно, эффект от увеличения населения должен сказываться и на производительности экономики, была высказана американским исследователем С. Кузнецом. Исследовав статистические показатели экономической динамики 14 государств Европы, США и Японии за 60-летний период, Кузнец сформулировал исторически обоснованную теорию экономического роста. Анализируя распределение доходов населения, он предположил, что в странах, стоящих на ранних ступенях экономического развития, неравенство доходов поначалу возрастает, а затем по мере роста экономики имеет тенденцию снижаться. Это допущение позже легло в основу гипотезы перевернутой С-образной кривой, названной «кривой Кузнеца». Т. Пикетти в книге «Капитал в XXI веке» (2013) на основе статистических данных выступил с критикой такой гипотезы, предположив, что сокращение неравенства, вероятно, носило временный характер и причиной тому было снижение эффективности финансовых инструментов в годы мировых войн.

График 5

Динамика роста мирового ВВП на душу населения в 1950-2010 годах, в долл. 1990 года[29]



Кривая Филлипса

Английский экономист У. Филлипс вывел эмпирическую зависимость между ежегодным процентным изменением денежной заработной платы и долей безработных в общей величине рабочей силы в Англии на протяжении 1861 — 1913 гг., изобразив ее в виде кривой. Она имела отрицательный наклон, показывая тем самым обратную связь между указанными двумя переменными. Зависимость первоначально указывала на то, что чем выше безработица, тем меньше увеличиваются зарплаты в денежном выражении, а значит, — ниже рост цен, и наоборот, чем ниже безработица и выше занятость, тем больше прирост зарплат и тем выше темп роста цен. Главное новшество наблюдения Филлипса заключалось в том, что рост зарплаты в денежном эквиваленте может сосуществовать с весьма значительной безработицей.

Первоначальная связь безработицы с изменениями зарплаты

постепенно трансформировалась в соотношение между ценами и безработицей, чего легко добиться путем вычитания из показателей темпов изменений денежной зарплаты показателей темпа роста производительности труда. Новая кривая Филлипса по–прежнему имела отрицательный наклон, причем она пересекала горизонтальную линию, характеризующую нулевой темп роста цен — нулевую инфляцию, при норме безработицы для Англии равной 2,5%, а для США — 4%. Это открытие полностью противоречило кейнсианскому идеалу полной занятости без инфляции в качестве цели экономической политики. Стабильность цен и безработица оказались не просто несовместимыми, а конфликтующими целями экономической политики: уменьшение безработицы оказывалось достижимо только ценой ускоренной инфляции, а уменьшение инфляции обычно предполагает увеличение безработных.

Экономическая теория стала напрямую связываться с экономической политикой: в 1960-е годы кривую Филлипса стали трактовать как график возможных комбинаций темпов инфляции и уровня безработицы, согласно которому политики, вооружившись представлениями об общественном благосостоянии, могут выбирать, что более допустимо — инфляция или безработица. Однако к концу 1960-х годов накапливалось все больше сомнений в стабильности зависимости Филлипса: обнаруживались значительные фактические различия в соотношении инфляции и безработицы. В конце 1960-х годов во многих странах инфляция наблюдалась без сокращения безработицы, а в начале 1970-х годов распространилась стагфляция, когда стагнация экономики и рост безработицы сочетаются с инфляцией. Стало ясно, что нет единой закономерности, а значит, не может быть и общего политического решения, так как не существует одной кривой Филлипса, и правильнее говорить о целой плеяде краткосрочных кривых Филлипса. Главным ответом на эмпирически установленные противоречия стала работа М. Фридмена «Роль денежной политики» (1968).

Теория экономического роста сыграла ключевую роль в осмыслении тенденций развития экономики в XX в. Одним из важных этапов стала теория стадий экономического роста У. Ростоу (1916-2003). Ученый

выделил шесть стадий экономического роста (первоначально он писал о пяти, к которым позже добавил шестую). Первая стадия — это «традиционное общество», под которым понимались все без исключения «докапиталистические» общества: главными характеристиками здесь были низкий уровень производительности труда и господство сельского хозяйства с применением ручной техники и властью землевладельцев, иерархической социальной структурой и низким уровнем науки и техники. Следующей стадией Ростоу называл «переходное общество», когда стали возникать предпосылки для резкого ускорения темпов экономического роста (в частности, увеличиваются капиталовложения в производство, появляются новые технологические открытия, «новый тип предприимчивых людей» и централизованное государство). Третья стадия — это «взлет» (take–off) — период промышленной революции, связанный с повышением доли накопления капитала (с 5 до 10% национального дохода) и ведущий к резкому экономическому росту (особенно быстро в промышленности), радикальному изменению методов производства. Важно учесть, что, как показывает исторический опыт, далеко не все страны способны на удачный «взлет» в экономике, особенно в рамках так называемого «догоняющего развития». Вслед за относительно скоротечным взлетом следует четвертая стадия — «период зрелости», которой свойственны бурное развитие промышленности, дальнейшее повышение уровня капиталовложений (до 20% национального дохода), широкое внедрение достижений науки и техники, рост городского населения, увеличение доли квалифицированного труда. Вслед за зрелостью наступает «эра высокого уровня массового потребления» — важной переменой этого этапа развития становится то, что акцент переносится с массового производства на массовое потребление, что приводит к возникновению «среднего класса» и «государства всеобщего благосостояния». Позднее Ростоу описал и шестую стадию экономического роста — стадию «поиска качества жизни», когда на передний план выдвигается духовное развитие человека. Главным ограничением данной модели оказалась линейность: Ростоу настаивал, что все общества должны пройти описанные стадии, хотя сам процесс прохождения может быть разным. С началом применения количественных методов в исторических исследованиях стали появляться опровержения этой теории (в частности, констатация отсутствия фазы «взлета», как ее описывал Ростоу, в экономической истории развитых стран). Теория стадий экономического роста стала важным этапом в осмыслении исторических тенденций экономического развития, но сегодня она уже не является ориентиром и уходит в прошлое вместе с идеей общей

для всех стран мира теории модернизации.

Помимо стадиальности в объяснении экономического роста крайне важную роль играет причинность. Сегодня принято выделять два главных подхода к объяснению экономического роста: теория экзогенного роста (Р. Солоу) и теория эндогенного роста (П. Ромер). Существенная разница состоит в том, где искать причины экономического роста (и, в особенности, тех различий, которые наблюдаются в разных странах) — за пределами самой экономической системы или, напротив, внутри нее. В контексте таких размышлений исторический опыт и его понимание приобретают очень важное значение, потому что история становится интересным и полезным экзогенным фактором, который на протяжении долгих лет воздействует на экономическую систему, формируя основания для столь значительных различий, которые нам хорошо известны в современном мире.

Концепция экономического роста вызывала немало критики, прежде всего по той причине, что учитывала производственные макропоказатели. Способом учесть изменение самого человека в новых экономических условиях нового времени стала теория экономического развития, а с ней и измерение индекса человеческого развития (первоначально — индекса развития человеческого потенциала). Один из главных теоретиков экономической теории благосостояния, А. Сен, обратил внимание на то, что если для принятия политических решений индикаторы экономического роста являются существенными, то, с точки зрения жизни людей, они оказываются не слишком показательными. Исходя из этого, был предложен индекс человеческого развития (ИЧР) — интегральный показатель, рассчитываемый для межстранового сравнения уровня жизни, грамотности, образованности и долголетия как основных характеристик человеческого потенциала. Сегодня ИЧР стал стандартным инструментом при общем сравнении уровня жизни различных стран и регионов. ИЧР измеряется от 0 до 1 (чем больше значение, тем выше уровень человеческого развития, например, индекс лидера рейтинга стран за 2013 г. — Норвегии — равен 0,944) и включает три вида показателей: 1) ожидаемая продолжительность жизни; 2) уровень грамотности населения страны (исходя из среднего количества лет, потраченных на обучение) и ожидаемая продолжительность обучения; 3) уровень жизни, измеряемый на основании данных о валовом национальном доходе на душу населения (по паритету покупательной способности в долларах США).

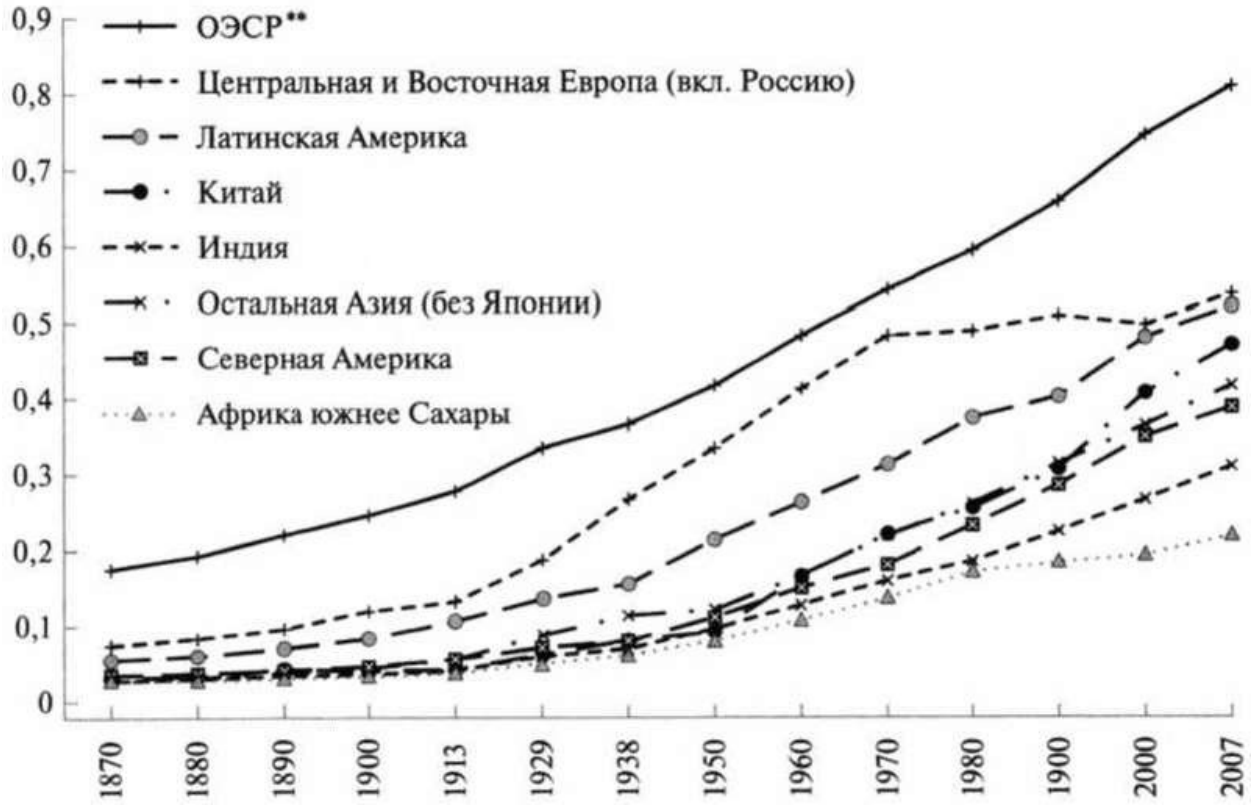
Динамика индекса показывает, что несмотря на различные начальные условия (страны ОЭСР в начале XX в. были существенно впереди

остального мира), темпы роста человеческого развития достаточно велики (см. график 6).

Одной из форм влияния истории на развитие историко–экономических процессов и различие их проявлений являются институты. По определению Д. Норта (1920-2015), институты включают в себя как формальные правила и неформальные ограничения (например, неписанные, но общепризнанные нормы поведения, достигнутые соглашения, внутренние ограничения деятельности), так и определенные характеристики принуждения к выполнению таких правил и ограничений. Образно говоря, институты — это правила игры, будь то закон или обычай, которые признаются участниками. Тем самым люди и их решения напрямую зависят от отношений в обществе, которые могут изменяться вместе с «правилами игры». Важным вкладом в понимание экономического развития стали работы экономистов–институционалистов, в центре внимания которых оказались так называемые трансакционные издержки, иными словами, стоимость эксплуатации экономической системы (от частной собственности до контрактных агентских отношений), которая может сильно различаться от страны к стране.

График 6

Человеческое развитие в мире в 1870-2007 годах[30]



** ОЭСР — страны, входящие в Организацию экономического сотрудничества и развития (OECD).

По сравнению с неоклассической теорией неоинституционализм добавляет к размышлениям о развитии экономической системы целый ряд дополнительных ограничений, обусловленных институциональной структурой общества и сужающих поле индивидуального выбора. Получается, что человеку свойственна ограниченная рациональность, потому что в реальности никто не обладает всей полнотой информации, что сказывается как на издержках, так и на решении о необходимых усилиях в каждой конкретной ситуации экономического выбора. Вместе с тем преследование собственного интереса вполне может доходить до вероломства или так называемого оппортунистического поведения, подразумевающего возможность нарушения экономических договоренностей. Если сторонники неоклассической теории в экономике предполагают, что экономика действует в условиях совершенной конкуренции, а любые отклонения расцениваются как «провалы рынка», с которыми можно бороться, например, с помощью государственного вмешательства, то приверженцы неоинституционального направления настаивают на том, что государство имеет ограниченные возможности влияния, поскольку также не обладает полной информацией и не имеет теоретической возможности ликвидации все тех же трансакционных издержек. Тем самым, если и говорить о роли государства, то сравнивать нужно не теоретическую модель конкуренции с конкретной экономической программой, а конкретные альтернативные экономические программы.

В рамках исследования тенденций развития в послевоенном мире стала обсуждаться концепция постиндустриального общества. Заметим, что, несмотря на существенный интерес к социальным переменам в обществе второй половине XX в., данный подход отталкивается именно от экономического сдвига, суть которого состоит в том, что научно–техническая революция и существенный рост доходов населения сместил приоритет от преимущественного производства товаров к преимущественному производству услуг. В такой ситуации все большее значение приобретают информация и знания, которые становятся производственным ресурсом. Так, к примеру, научные разработки становятся главной движущей силой экономики, а наиболее ценными качествами в экономике нового типа становятся уровень образования и профессионализм человека. В работе «Грядущее постиндустриальное общество» (1973) Д. Белл (1919-2011) описывает три технологические

революции, повлиявшие на структурные изменения в экономике и обществе: в XVIII в. — изобретение паровой машины, в XIX в. — распространение электричества и новые открытия в химии, а в XX в. — создание и широкое применение компьютеров, с которыми началась информатизация ключевых процессов экономического развития. Таким образом, эволюция технологий прошла путь от трудоемких к капиталоемким и далее к наукоемким.

Дальнейшим развитием экономической теории стало осмысление новых явлений конца XX в., прежде всего информационной революции. Под информационной экономикой сегодня принято понимать одновременно и состояние экономического развития на рубеже XX-XXI вв., и исследования влияния информатизации на принципы и темпы принятия экономических решений, и собственно экономическую теорию информационного общества. Главным достижением последних лет, отразившимся, в частности, в работах Дж. Стиглица и М. Спенса, является понимание того, что асимметричная информация (когда одна из сторон экономических отношений не знает того, что знает другая) приводит к сбоям в работе экономики. Особенностью информационной экономики является массовость и глобальный характер хозяйственных взаимодействий (примером здесь может служить развитие платежных систем Visa/MasterCard).

Таким образом, за XX в. сформировался комплекс из пяти факторов производства. К классической триаде факторов (земле, труду и капиталу) добавились два новых: предпринимательская способность и информация. Эти факторы дают разные виды дохода: ренту, зарплату, процент, прибыль и роялти. Однако важно учитывать, что помимо производства в современной экономике не меньшее значение имеют обмен и потребление. Разнообразие взглядов на экономическое развитие во многом связано со спорами о том, что является главной силой, движущей экономику: выбор ли индивида, накопление ли капитала, технологические ли инновации или же институциональные различия. Такие различия во многом исторически обусловлены, т. е. связаны с новыми экономическими вызовами, большая часть из которых выпала как раз на новейший период истории. При этом экономическая теория существенно продвинулась вперед, когда стала исходить из того, что реальный мир не столь определен, как сначала казалось, а скорее основан на риске и недостаточности информации. Несмотря на подобную неустойчивость экономической теории, она оказала весьма серьезное влияние на социальное и гуманитарное знание.

Вслед за информацией в экономику пришли психологические

исследования, сформировалась так называемая нейроэкономика. В. Смит и Д. Канеман провели исследования формирования суждений и принятия решений в условиях неопределенности. В работах нейроэкономистов рассматриваются эвристические черты вероятностного мышления. В частности, при принятии решений, как выяснилось, доступность решения рассматривается людьми как довод в пользу его большей вероятности, особенно, если на ум приходят схожие примеры из прошлого опыта. Представительность в принятии решений связана с оценочным суждением, опирающимся на предположение о том, в какой степени решение соотносится с прошлым опытом, например, с принятой психологической моделью поведения в рамках конкретной профессии. Процесс вынесения суждения (по терминологии Канемана, закрепление и корректировка) предполагает, что человек рассматривает все ему известное как якорь, а любая дополнительная информация используется им лишь для того, чтобы скорректировать итоговое решение. С точки зрения экономического выбора, самым важным результатом нейроэкономических исследований было выявление двух систем: первая система срабатывает автоматически и очень быстро, почти не требуя усилий и не давая ощущения намеренного контроля; вторая система должна использовать внимание человека, необходимое для сознательных умственных усилий, которые нужны для сложных вычислений, равно как и для сложных экономических решений.

В последнее время экономическая теория возвращается к известному принципу «экономического империализма», который был сформулирован еще в 1960-е годы: если экономическая теория объясняет и социальную реальность, она вполне способна стать метатеорией социальных наук. Экспансия экономической теории в общественные науки оказала существенное влияние на развитие в том числе и истории, особенно квантитативной (т. е. основанной на количественных методах). Начиная с Г. Беккера (1930-2014), экономический империализм приобрел весьма ясные черты: за индивидом признается статус единственного субъекта, анализ человеческого поведения строится на основе стандартной модели «homo economicus», целевые функции индивида остаются стабильными во времени, индивидуальные предпочтения моделируются в контексте рыночного взаимодействия. Учитывая существенную абстрактность таких построений, необходимо принимать во внимание сложность их соотнесения с конкретностью наблюдений в экономической истории.

Развитие экономической истории во второй половине XX в. Влияние экономической теории и приобретающих силу количественных методов в

истории повлекло бурное развитие квантитативной (или «серийной») истории, в рамках которой появилась «новая экономическая история».

К. Чиполла (1922-2000) в своем «Введении в экономическую историю» назвал экономическую историю в современной науке «дисциплиной между двух культур». Корень такого промежуточного положения Чиполла видел в том, что экономическая проблематика, хотя и была традиционно включена в исторические реконструкции, часто находилась на периферии интереса ученых–историков и экономистов. Когда же речь заходила об экономических закономерностях, то историческая событийность будто бы отходила на второй план. И даже если ученому удается выявить какие–то содержательные закономерности, то всегда могут возникнуть вопросы: что, собственно, определяет экономическое развитие, в чем его причины, возможно ли выявить «вневременные» тенденции и такие закономерности экономического роста, которые вовсе не связаны с конкретными действиями людей и их последствиями?

Направление, в основе которого лежит использование эконометрики в исторических исследованиях, — клиометрика (cliometrics) — расцвела в 1960-1970-е годы. Сам термин получил определение как раз в 1960 г.: «Вкратце, логическая структура, необходимая для исторической реконструкции прошлой экономической жизни из сохранившихся обломков, включает в себя идеи истории, экономики и статистики. “Потомок” такого действия по междисциплинарному смешению был назван достойным именем: в [университете] Пэдью полученную дисциплину окрестили “Клиометрика”». В это время будущий нобелевский лауреат по экономике Д. Норт становится редактором «Journal of Economic History», рупора клиометрики. Старт «клиометрической революции» был дан.

Суть клиометрики заключалась в систематическом применении математических методов в исследовании массовых исторических источников, прежде всего в области экономической истории. Несмотря на действительное преобладание историко–экономических исследований в рамках квантитативного подхода, следует учитывать, что математический аппарат активно стал применяться и в демографической, и в политической, и в социальной, и в культурной истории, а также в археологии и этнологии. Заметное развитие клиометрики сопровождалось развитием методов количественной обработки данных (как в рамках статистики, так и в рамках информатики, в частности, прикладной — исторической информатики). Важно заметить, что в клиометрике не принято противопоставлять количественный и качественный исследовательские подходы, так как

измерение (одна из ключевых процедур) — это определение соотношения качества и количества. При этом квантитативный подход принято отличать от описательного, поскольку он принципиально построен на систематическом наблюдении массовых источников или однородных совокупностей («серий»), результаты которого обобщаются (индукция) и проверяются с помощью гипотез (абдукция) на основе массовых или статистических исторических источников.

«Клиометрическая революция» началась в США в связи с бурным ростом исследований по экономической истории в 1960-е годы. Проблематика клиометрических исследований была связана с историей рабовладения в США, а также с историей транспорта и сельского хозяйства, экономических институтов. В 1983 г. в США появилось существующее поныне международное Клиометрическое общество, объединяющее ученых, применявших формальные и количественные методы в исторических исследованиях.

Экономическая история является классической междисциплинарной областью. Классической потому, что со времени «клиометрической революции» мало у кого возникают сомнения, что экономическая история существует как самостоятельное историографическое направление. Междисциплинарной потому, что в основе экономической истории заложен весьма сложный симбиоз экономической теории и исторических методов исследования. Такое сочетание позволяет экономической истории быть достаточно плодотворной областью научного поиска, несмотря на продолжающиеся дискуссии о «вызовах междисциплинарности». В экономическую историю пришел принцип абстрагирования экономической теории — ceteris paribus («при прочих равных»), а в экономическую теорию — принцип опоры на документальные свидетельства в исторической науке — ad fontes («к первоисточникам»).

Споры о применении (иногда и о принципиальной применимости) количественных методов в истории ведутся постоянно. Но стоит обратить внимание не столько на дебаты вокруг квантификации, сколько на поиски собственного пути развития междисциплинарности в историко–экономических изысканиях. Партнерство экономики и истории оказалось не таким простым, как может показаться на первый взгляд. Полвека развития клиометрики сформировали весьма крепкий, но узкий круг исследовательских групп, тяготеющих к использованию междисциплинарных подходов к изучению социально–экономической реальности. Историкам этот процесс видится прежде всего как апробация различных количественных методов и экономических концепций, тогда как

экономисты видят в этом пути обращение к историческим данным и архивным документам.

Существенное место в инструментарии клиометрики занимает мыслительный эксперимент, например, контрфактическое моделирование, призванное измерить значимость исторического события или процесса путем сравнения реализованного (фактического) варианта с гипотетическим (контрфактическим), будто бы событие или процесс не имели места. В книге «Железные дороги и экономический рост Америки» (1964) Р. Фогель предложил контрфактическую модель того, как бы выглядела экономика США к 1890 г., если бы железные дороги не были построены; он доказал, что даже без дополнительного строительства каналов и шоссе ВВП США был бы меньше в таком случае всего на 3,1%. Признанием вклада клиометрики стала Нобелевская премия за 1993 г., присужденная экономистам Д. Норту (1920-2015) и Р. Фогелю (1926-2013) как пионерам «в том направлении экономической истории, которое получило название “новая экономическая история”, или клиометрика, т. е. направление исследований, которое сочетает экономическую теорию, количественные методы, проверку гипотез, контрфактическое моделирование и традиционные методы экономической истории для объяснения процессов экономического роста и упадка».

В 1960-е годы исследования в русле квантитативной истории начали развиваться во Франции (историографическая школа «Анналов») учениками Ф. Броделя (1902-1985). Так, Э. Ле Руа Ладюри в книге «Крестьяне Лангедока» (1966) предложил рассматривать «историю без людей», основываясь на статистическом анализе взаимосвязей «длинных циклов» динамики населения и цен на продукты питания. В дальнейшем им была высказана идея, что количественные и формальные методы могут сделать историческую аргументацию научной (данный подход был применен в его исследовании «История климата с 1000 года»). П. Шоню (1923-2009), один из пионеров квантитативного подхода во Франции, изучавший влияние демографических колебаний на развитие цивилизации, высказывал опасения, что глобальная история не сможет быть квантитативной, поскольку вся историческая реальность не сводится к экономике, а возможности основанной на статистических данных истории в большинстве случаев ограничены хронологически XIX-XX вв., а географически — Европой и Северной Америкой, так как до этого времени в других районах статистики в национальном масштабе не существовало.

В СССР клиометрика начала развиваться уже в 1960-е годы. Важную роль в ее формировании сыграли работы И. Д. Ковальченко и труды

Комиссии по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях при Отделении истории Академии наук СССР (1968). В 1979 г. был организован постоянно действующий Всесоюзный семинар по применению количественных методов в исторических исследованиях, прежде всего социально–экономической проблематики. В 1995 г. по инициативе Ковальченко на историческом факультете МГУ создана Лаборатория (с 2004 г. — кафедра) исторической информатики. С 2000-х годов в России активно развивается направление, получившее название «клиодинамика» (термин предложен П. В. Турчиным), разрабатывающее математические модели больших исторических процессов, в том числе в контексте мир–системного анализа.

В конце XX — начале XXI в. во многих крупных зарубежных университетах действуют лаборатории, кафедры или общества, занимающиеся квантитативной историей. Важной тенденцией последних лет стала сравнительная экономическая история; исследования этого направления сфокусированы на определении источников экономического роста, значении институтов и влиянии глобализации на экономическое развитие стран мира в сравнительной ретроспективе.

Можно указать несколько важных тенденций, свойственных экономической истории в последние годы: 1) существенно увеличился хронологический период наблюдений — многие исследования рассматривают развитие историко–экономических явлений на очень длинных хронологических периодах (от века до тысячелетий); 2) постепенно происходит преодоление или расширение географических границ рассмотрения исторических явлений в свете интеграционных и глобальных изменений, а вместе с тем и расширяются возможности для сравнительного изучения стран и континентов; 3) заметен особый интерес к сбору ретроспективных данных, их систематизации в цифровых депозитариях; 4) проявляется потребность в систематизации имеющихся знаний, в частности, в энциклопедическом формате.

Экономика в XX в, стала властительницей умов. Об экономике думали не только политики и ученые, о ней стали размышлять граждане, заинтересованные в улучшении уровня жизни и благосостояния. Экономика в новейшее время переживает беспрецедентные трансформации, которые во многих своих свойствах отличают современную экономику от всех предшествующих эпох. Глобальный взгляд на проблемы развития экономических явлений усиливает сравнительную составляющую современных исследований: национальный масштаб показателей сравнивается с региональными и мировыми показателями, что

позволяет определить значение каждого конкретного экономического явления. Верифицированные ретроспективные данные придают историко–экономическим исследованиям обоснованность, а также позволяют формализовать их в рамках квантитативной проверки гипотез. Систематизация знаний по экономической истории привела к полноценному междисциплинарному синтезу экономической теории и исторической науки, что позволяет ставить важные и самостоятельные задачи перед новыми исследованиями по глобальной экономической истории.

Социальные трансформации и социальные движения

За минувший век мир изменился до неузнаваемости. Люди, жившие перед Первой мировой войной, вряд ли могли представить себе, как будет выглядеть жизнь через какие–нибудь 80-90 лет. Стремительные и весьма болезненные для современников перемены затронули практически все отрасли человеческого существования — технологии, экономику, науку, облик общества, образ жизни, потребительское поведение, культуру, систему ценностей, нравы и мышление. Быстрота сдвигов многим дала комфорт и благосостояние, но еще большему числу обитателей планеты принесла стрессы и психологические проблемы, вызванные необходимостью приспосабливаться к новым условиям, нередко воспринимавшимся как нечто, что обрушивается на человека с неотвратимостью природного катаклизма.

Мир пережил несколько технологических переворотов, которые приводили к тому, что американский социолог Р. Флорида назвал «перезагрузкой». Они меняли как отдельные способы модернизации производства, так и весь экономический ландшафт, затрагивали инфраструктуру и транспортную систему, что изменяло принципы расселения, то, где и как люди живут и работают. Далее это приводило «к формированию нового образа жизни, определяемого новыми желаниями и потребностями, новыми моделями потребления…». Начало XX в. было эпохой электричества, химии и станкостроения, пришедшей на смену эре черной металлургии, паровозостроения, производства простых сельскохозяйственных машин и бытовых товаров, легкой и пищевой индустрии. После Первой мировой войны начался переход к «фордизму» — массовому стандартизированному производству для массового потребления на основе применения специализированных и многофункциональных машин, конвейерного производства и тейлоризма (разделения труда на повторяющиеся серийные операции). «Автомобильная цивилизация» и развитие военной техники резко повысили роль нефти и газа в индустрии. В десятилетия после Второй мировой войны последовал новый переворот, связанный с механизацией и автоматизацией производства и широким внедрением в него научных технологий, а в конце столетия — и технологий информационных.

Появление массового автомобильного и авиационного транспорта,

новых средств связи и коммуникации позволило человечеству одерживать решающие победы в тысячелетней борьбе с временем и расстоянием. Все это делало различные части мир–системы более взаимосвязанными и даже взаимопроникающими, что нашло свое отражение в гигантском расширении мировой торговли и мировых финансов, в «постфордистской», или «тойотистской» реорганизации производства, основанной на гибкости и мобильности в сфере организации труда и управления, на интеграции производственных процессов и задач в рабочих группах, причем нередко с участием людей, живущих в различных странах. В изготовлении товара могут принимать участие работники с разных концов планеты, не покидая мест своего обитания. К концу XX в. заговорили о том, что в мире нарастает «экономическая глобализация».

Но эти процессы отнюдь не ведут к выравниванию условий существования отдельных частей глобальной мир–системы. Как отмечает социолог З. Бауман, «глобализация разобщает не меньше, чем объединяет, она разобщает, объединяя…» Параллельно тому процессу планетарного масштаба, который возник в бизнесе, финансах, торговле и потоках информации, идет и процесс «локализации»… В совокупности эти два тесно взаимосвязанных процесса приводят к резкой дифференциации условий существования населения целых стран, регионов и различных сегментов этого населения.

Модернизация, т. е. осуществление технологических, производственных и общественных преобразований, подстегивалась острой конкуренцией между отдельными государствами и частями мир–системы. Модернизация давала им ощутимые военные, экономические и политические выгоды на мировой арене. Это не только усиливало непрерывную борьбу за мировую гегемонию, которая привела к двум мировым войнам, а затем и к противоборству двух военно–политических блоков — Западного (во главе с США) и Восточного (во главе с СССР), но и побуждало правящие элиты государств глобального Юга (Азии, Африки, Латинской Америки) форсировать проведение модернизации в своих странах. Ускоренная индустриализация (часто на основе развития импортозамещающих отраслей) нередко требовала авторитарной или тоталитарной концентрации власти (модели «партии–государства», военных, персоналистских и т. п. режимов). Резкая социальная ломка, в свою очередь, вела к ускоренной и болезненной трансформации или уничтожению сохранявшихся традиционных или раннеиндустриальных социальных структур.

Глобальная урбанизация и ее социальные последствия

В 1900 г. на Земле обитали 1650 млн человек, в 1920 г. — 1860 млн; в 1950 г. это число увеличилось до 2,5 млрд, в 1960 г. — до 3 млрд, в 1990 г. — до 5,3 млрд, а в 2000 г. — до 6,1 млрд (см. табл.). Но произошел не просто взрывной численный рост населения, но и существенное изменение его размещения.

Рост населения на Земле в XX веке, млн человек[31]

Часть света	1900	1920	1950	1960	1990	1999
Африка	133		221			767
Азия	947		1402			3634
Европа	408		547			729
Латинская Америка и Карибы	74		167			511
Северная Америка	82		172			307
Оксания	6		13			30
Всего	1650	1860	2520	3020	5270	5980

XX столетие стало настоящим «веком урбанизации», т. е. концентрации населения в городах. Если в 1900 г. доля городского населения на планете не превышала 15%, то в 1990-е годы она достигала уже 45% и продолжала расти.

Рост городов и связанные с этим социально–культурные сдвиги происходили неравномерно и по–разному в различных частях планеты. До Второй промышленной революции (вторая половина XIX — начало XX в.) города оставались компактными образованиями, в которых еще не существовало значительного территориального разрыва между местом работы и проживания. Этот фактор и сравнительно обозримые размеры городов способствовали поддержанию интенсивной квартальной жизни и тесных соседских отношений, включая повседневное общение и взаимопомощь. К началу XX столетия преобладающим элементом и центром производственной жизни становится фабрика; усиливается пространственное разделение между работой и домом, чему благоприятствовало развитие железнодорожного и электрического транспорта. Изменялись распорядок и образ жизни среднего горожанина, все больше подчиняясь производственной необходимости. Постройка фабрик на окраинах, где имелись все еще свободные земельные участки, вела к расширению городского пространства и образованию агломераций с промышленными районами на окраинах. В такие агломерации

превращались не только главные европейские столицы, такие как Лондон, Париж или Берлин. Небольшие немецкие города, ставшие центрами угольной, сталелитейной, а позднее и химической индустрии, слились в сплошной район Рур. В США разрослись не только Нью–Йорк и Чикаго; агломерации протянулись от Филадельфии к Балтимору, от Буффало к Кливленду и т. д.

В самих городах возникали разнородные кварталы и общины, где обитали преимущественно представители отдельных социальных слоев населения или осуществлялись те или иные функции: рабочие районы, финансово–деловые районы, торговые зоны, богатые кварталы… Ощущение городского единства распадалось, но чувство соседской сопричастности сохранялось и даже усиливалось, благодаря социальной однородности тех или иных частей города. Ритм жизни стал более структурированным: свободный конец недели и сам вошел в обычай, и породил дальнейшие повседневные практики, сформировались новая культура развлечений и потребительские привычки, которые были призваны в известной мере компенсировать тяжелый труд в отдалении от дома и семьи.

Фордистско–тейлористский переворот, начавшийся в 1920-е-1930-е годы и завершившийся уже после Второй мировой войны, серьезно изменил облик индустриально развитого глобального Севера. Прежние огромные многоэтажные фабрики сменялись производственными помещениями меньших размеров, в которых можно было устанавливать конвейерные ленты. Массовое производство доступных бытовых товаров вызвало настоящий потребительский бум. Распространение частного автомобильного транспорта способствовало появлению новой тенденции в размещении населения — широкому переселению в пригороды. Особенно заметным этот процесс стал с 1950-х годов. Продолжая работать в городе, многие люди стремились жить подальше от центра, в местах, где было больше пространства и зелени, меньше грязи и шума. В Западной Европе это привело к еще большему росту уже сформировавшихся агломераций. В США бурный рост новых городских центров, окруженных обширными предместьями, особенно на Юге и Западе страны (таких как Финикс, Хьюстон, Даллас, Сан–Диего или Сан–Антонио), затмил прежних лидеров (Сент–Луис, Бостон, Вашингтон, Кливленд, Балтимор); начался постепенный упадок таких старых городов, как Филадельфия и Детройт. Население, переезжая в пригороды, чаще всего утрачивало прежние соседские и родственные связи, становясь более распыленным. В сочетании с массовым потреблением это способствовало усилению

индивидуалистических настроений.

Улица в Петрограде. 1917 г. РГАКФД

Структурная «постфордистская» перестройка экономики в конце XX в., сопровождавшаяся ростом сферы услуг, информации и телекоммуникаций, а также глобализацией производственных процессов, ускорила перемещение многих видов производства из индустриально более развитых стран в регионы планеты с более дешевой рабочей силой, менее строгими нормами защиты окружающей среды и безопасности труда. Во многих регионах глобального Севера развернулись процессы «деиндустриализации», что означало сворачивание традиционных отраслей промышленности (добыча угля, выплавка стали и т. д.). Некоторые из традиционных промышленных районов и агломераций пережили острый кризис (Рур в Европе, Чикаго, Детройт, Балтимор в США и т. д.). Его лишь отчасти удавалось преодолевать или смягчать за счет перепрофилирования хозяйства, однако целый ряд районов превратился в проблемные и депрессивные зоны.

Процессы урбанизации в странах глобального Юга носили еще более стремительный и взрывной характер. В «догоняющих» и «пороговых»

странах, которые стремились быстрыми темпами нагнать индустриально более развитых конкурентов из глобального Севера или даже вплотную подходили к их уровню, бурное развитие промышленности в десятилетия после Второй мировой войны, в сочетании с коммерциализацией сельского хозяйства и размыванием ориентированных на самообеспечение традиционных аграрных структур, подорванных распространением рыночных отношений, а также внедрением в колониальных странах частной собственности на землю и системы монокультур, побуждало миллионы жителей деревень оставлять родные места и переселяться в города. В результате формировались огромные мегаполисы, и многие городские центры стран Латинской Америки, Азии и Африки быстро обогнали по численности населения крупные города Европы и Северной Америки (Сан–Паулу, Рио–де–Жанейро, Мехико, Лима, Дели, Карачи, Бомбей, Дакка, Сеул, Лагос, Каир и т. д.). В конце XX в. интеграция в мировую экономику таких стран, как Китай, породила аналогичные сдвиги в их хозяйственной структуре, что вынудило сотни миллионов жителей покидать деревни и отправляться на заработки в старые и новые города; в числе крупнейших городов мира оказались Шанхай, Пекин, Гуанчжоу, Шэньчжэнь, Дунгуань и др.

Урбанизация в странах глобального Юга сопровождалась ростом социальных контрастов. Вокруг городов разрослись кварталы трущоб, в которых концентрируются нищета и бедность, где нет работы и откуда жителям чаще всего уже нет исхода. Такое положение не только порождает острейшие социальные проблемы, недовольство и нестабильность, но и создает благоприятную почву для усиления криминальных группировок. Попытки властей бороться с преступностью полицейскими методами нередко превращают жителей пригородов–трущоб в жертвы этого противостояния, что вызывает почти непреходящую ненависть к силам правопорядка, воспринимаемым как чуждая, оккупационная сила. Результатом становятся периодические кровопролитные «бунты пригородов». В конце XX в. данный феномен распространился и на страны глобального Севера, особенно на предместья депрессивных городов и пригороды, населенные бедняками и иммигрантами из стран глобального Юга. Волны бунтов в бедных кварталах и пригородах систематически происходили в США, а также в Великобритании (1981, 1985, 1990-1991, 1995, 2011), Франции (2005, 2007) и др.

Сходства и аналогии в процессах и эффектах урбанизации в различных регионах планеты на протяжении XX столетия позволяют говорить о формировании «глобального города». На место культурных

комплексов отдельных городов прошлого все больше приходит универсальная городская культура. Жители среднего достатка мегаполисов и городов по всему миру стали носить примерно одну и ту же одежду, слушать приблизительно одну и ту же музыку, разделять близкие культурные пристрастия и вести сходный образ жизни.

От «классового общества» к социальной атомизации

До второй половины XX в. для общества в индустриально развитых странах была характерна достаточно четко выраженная классовая дифференциация, которая сказывалась в территориальном размещении населения и накладывала отпечаток на социальную психологию и личную самоидентификацию. Наемные работники (рабочий класс) в городах концентрировались в гомогенных кварталах и районах, что укрепляло сознание и ощущение их общей классовой принадлежности и чувство взаимной солидарности. Вплоть до фордистско–тейлористского переворота положение наемного работника в системе индустриального производства определялось в значительной мере тем, что производственная организация еще не доходила в целом до такого уровня специализации, который позволял осуществить разделение трудового процесса на дробные операции. Для труда рабочих индустриальных предприятий была характерна известная целостность. В этом отношении он был близок к труду ремесленников, от которых фабричные работники унаследовали психологию и этику автономии и независимости. Работая на хозяина, они не могли сами определять производственные цели и задачи, но еще обладали комплексными производственными знаниями в своей специальности, в сферах организации их собственного труда, распределения рабочего времени и т. д. Относительная автономия работников в трудовом процессе способствовала формированию у них представления о возможности контроля над производством в целом, производственного и общественного самоуправления, что, в свою очередь, вело к распространению в этой социальной среде различных социалистических идей.

Отражением таких настроений являлась особая рабочая культура, бывшая не просто одним из элементов гражданского общества, но и воспринимавшая себя как альтернатива существующему социуму, своего рода «предвосхищение» иного общественного устройства, основанного на ценностях солидарности и взаимопомощи. Эта рабочая культура первой

половины XX столетия обладала устойчивыми собственными формами социализации. В тех странах, где она была по тем или иным причинам слабее интегрирована в господствующие властно–политические отношения, она демонстрировала тенденции к превращению в своего рода параллельное «контробщество», которое охватывало жизнь человека с момента рождения и до самой его смерти.

Особенно сильно такие тенденции проявлялись там, где рабочее движение приобретало радикальный характер. Так, например, в Испании и Аргентине, с их крупнейшими профсоюзами, находившимися под влиянием анархо–синдикализма и анархизма, дети трудящихся при рождении вместо религиозного крещения часто получали имена, напоминавшие об идеях и традициях рабочего класса; затем обучались в либертарных школах; начав работать, вступали в профсоюз; проводили свободное время в культурных центрах (атенеумах), центрах самообразования, библиотеках, на театральных спектаклях или в кафе, организованных их движением. Рабочие закупали продукты питания вместе с коллегами и соседями и вместе с ними вели борьбу с произволом домовладельцев или попытками выселить их из квартир за неуплату.

При необходимости такое высокоорганизованное общество было способно проводить широкомасштабные акции неповиновения. Так, в промышленном центре Испании — Барселоне в ситуации экономического кризиса начала 1930-х годов и массовой безработицы анархо–синдикалистские профсоюзы осуществили летом 1933 г. стачку, в ходе которой жители отвергли растущие тарифы, отказавшись платить за жилье, газ и электричество. Были образованы домовые, уличные и квартальные комитеты, которые противостояли попыткам принудительного выселения жильцов домовладельцами и полицией. По инициативе возникших женских и детских комитетов осуществлялись групповые «походы» в продовольственные магазины и «покупки взаймы» (с возвращением долга после того, как членам семей удавалось найти работу). Профсоюзы создавали собственные «биржи труда» и оказывали давление на предпринимателей, добиваясь трудоустройства своих безработных членов.

Характерно, что анархо–синдикалистская рабочая культура включала не только организацию самопомощи и взаимопомощи, осуществляемых явочным порядком, «снизу», но и развитие нового, ответственного и сознательного отношения людей друг к другу. Так, во время забастовки рабочих пекарен Барселоны в 1923 г. бастующие добивались не повышения зарплаты, а улучшения качества выпекаемого хлеба. Такие солидарные взаимоотношения между людьми рассматривались как основа будущей

свободной цивилизации. В рабочем «контробществе» формировалась собственная идентичность, вплоть до таких характерных черт, как выработка собственной символики и иконографии, бытовых ритуалов, праздников, песен, мифов, имен и даже пантеона мучеников.

Те же тенденции, хотя и в несколько менее выраженной форме, проявлялись в синдикалистской, социал–демократической и коммунистической рабочей культуре. Синдикалистский профсоюз Индустриальных рабочих мира (ИРМ) в США в начале XX в. объединял своих членов, многие из которых были кочующими рабочими («хобо»), в территориальные межпрофсоюзные организации («локалы»); они становились также центрами общественной, культурной и интеллектуальной жизни. Социал–демократическое рабочее движение Финляндии, оказавшееся, несмотря на политическую умеренность, в оппозиции правящим классам после поражения в короткой, но жестокой гражданской войне 1918 г., создало отдельную, но всеохватывающую сеть общественных организаций: в 1920-е годы финские трудящиеся не только голосовали на выборах за своих партийных кандидатов, но имели также свои театры, издательства, музыкальные коллективы, магазины, кооперативы и сберегательные кассы. Практически во всех странах профсоюзы, находившиеся под влиянием социал–демократов и коммунистов, широко и повсеместно создавали собственные просветительские учреждения (школы, курсы и т. д.), театры, кооперативные организации (например, в Германии с 1924 г. действовал Банк труда), структуры взаимопомощи и помощи больным, старикам и безработным, культурные группы и объединения (рабочие театры, певческие союзы), а нередко даже отряды самообороны (такие как социал–демократические «Райхсбаннер» в Германии и «Республиканский Шуцбунд» в Австрии или коммунистический «Союз красных фронтовиков» в Германии).

Положение в обществе стало меняться постепенно, по мере перехода к новой системе организации производства. Внедрение новых индустриальных технологий массового производства (конвейерных и иных), которое широко развернулось в период между двумя мировыми войнами, вело, в частности, к дальнейшей специализации труда, раздроблению его на мелкие, серийные операции и усложнению хозяйственного процесса. Сконцентрированный на систематическом выполнении узких производственных заданий, «массовый» работник все меньше мог представить себе смысл и цели своей работы, не говоря уже о функционировании экономики в целом. Соответственно, он все меньше мог

надеяться взять ход производства под свой контроль. Изменялись и его стремления: тяжесть конфликтов на производстве между предпринимателями и администрацией, с одной стороны, и работниками, с другой, все больше переносилась с вопросов производства (где борьба шла вокруг тем, связанных с содержанием труда и отстаиванием остатков независимости производителя) на вопросы распределения и потребления. Ощущение принадлежности к одному классу с более или менее сходными проблемами постепенно растворялось, уступая место нараставшей индивидуализации — процессу, названному немецким философом Э. Фроммом «растущим обособлением индивида от первоначальных связей». После Второй мировой войны этот процесс был подкреплен распространением привычек и норм массового потребления, субурбанизацией, а затем и усложнением самой социальной структуры, в которой границы между классами и общественными группами являются значительно более размытыми, чем это было в XIX и начале XX в.

Экономической составляющей прогрессирующей атомизации общества стали коммерциализация взаимоотношений между людьми и широкое развитие индустрии услуг. Прежде безвозмездные действия, основанные на самопомощи и взаимопомощи, все больше становились объектом извлечения прибыли. Изменялась сама мотивация человеческих поступков в повседневной жизни, приобретая все более эгоистический и корыстный характер.

Как отмечал Э. Фромм, «если экономические, социальные и политические условия, от которых зависит весь процесс индивидуализации человека, не могут стать основой для такой позитивной реализации личности», которая основана на выстраивании отношений с миром на основе солидарности и свободного, творческого труда, но определяются рыночной и властно–политической конкуренцией; если «в то же время люди утрачивают первичные связи, дававшие им ощущение уверенности, то такой разрыв превращает свободу в невыносимое бремя: она становится источником сомнений, влечет за собой жизнь, лишенную смысла и цели».

Следствием же нарастающей индивидуализации, по мысли известной исследовательницы Х. Арендт, становилось формирование «чрезвычайно атомизированного общества, конкурентная структура которого и сопутствующее ей одиночество индивида сдерживались лишь его вовлеченностью в класс». С растворением классового сознания в социуме стали нарастать тенденции к размыванию социальных связей и превращению в «массовое общество» — совокупность изолированных и отчужденных друг от друга индивидов, постепенно утрачивающих

способность договариваться между собой о решении общественно значимых вопросов и проблем.

«Рынок, — подчеркивал социальный философ А. Горц, — это прежде всего место, где встречаются разрозненные индивиды, каждый из которых стремится к своей частной выгоде. Рынок и общество находятся в коренном противоречии друг с другом. Право одного человека суверенно стремиться к собственной выгоде предполагает, что к нему не должны применяться какое–либо принуждение или какие–либо ограничения во имя “высшего интереса общества”… “Рыночное общество” есть противоречие по определению: ведь оно должно сложиться в борьбе всех против всех».

«Нехватка нормальных социальных взаимоотношений» (Х. Арендт) создала потенциальную угрозу «краха человека общественного» (Р. Сеннет). Социолог З. Бауман пишет в этой связи о «ликвидации общественных пространств», исчезновении «агор и форумов в их различных проявлениях», мест, «где определялся круг вопросов для обсуждения, где личные дела превращались в общественные, где формировались, проверялись и подтверждались точки зрения, где составлялись суждения и выносились вердикты». В результате, «вместо того чтобы служить очагом сообщества, местное население превращается в болтающийся пучок обрезанных веревок». В больших торговых комплексах, где чаще всего встречаются теперь жители «глобального города», нередко не знающие даже своих соседей по дому и подъезду, мало возможностей для того, чтобы остановиться, поговорить с другими, поспорить, обсудить общие проблемы и выработать стандарты поведения и действия. Изолированные таким образом друг от друга люди, ориентированные на потребление и работу, позволяющие приобрести необходимые для них средства, имеют все меньше шансов и желания самостоятельно организовывать свою жизнь и решать общественные вопросы. Мотивация их социального поведения приобретает преимущественно конформистский характер. З. Бауман называет это состояние «агорафобией» современного человека. Впрочем, появление и широкое распространение социальных сетей в интернете демонстрируют и обратную тенденцию.

Если в индустриально развитых странах процессы атомизации и формирования «массового общества» разворачивались преимущественно под воздействием распространения рыночных отношений и коммерциализации социальной сферы, то в государствах, которые осуществляли политику форсированной модернизации, эти явления порождались в значительной мере действиями правящих элит. Одним из

наиболее характерных примеров в этом отношении можно считать последствия политики принудительной коллективизации и ускоренной индустриализации, проводившейся в Советском Союзе в 1920-е — 1930-е годы. Быстрое создание экономики, основанной на тяжелой промышленности, требовало наличия значительных средств и рабочих рук, и для их обеспечения государство предприняло радикальную ломку всей социальной структуры, включая уничтожение крестьянской общины, превращение сельского населения в зависимых работников, создание огромной массы работников–заключенных, переселение жителей в новые создаваемые промышленные центры и т. д., результатом чего стал резкий и болезненный слом традиционных общественных отношений и устоявшихся социальных и территориальных связей. Данная модель послужила примером и для многих других государств, в том числе в зоне глобального Юга, власти которых ориентировались на форсированное, «догоняющее» развитие. Однако осуществить подобное разрушение прежней структуры социума там удалось в весьма различной степени, и во многих странах Азии, Африки, Латинской Америки сохранились традиционные институты или их элементы (общины, кланы, родо–племенные группировки и т. д.). Дополнительным фактором, который способствовал их размыванию, стала экономическая глобализация конца XX в., которая значительно усилила интеграцию этих стран в мировой рынок.

Особые модели модернизации возникли к концу XX в. в странах Восточной Азии. Примером здесь стала Япония, которая в 1950-е — 1970-е годы совершила мощный экономический рывок, опираясь на широкое использование новейших достижений науки и техники, развитие образования и массовое производство конкурентоспособных товаров на экспорт. Одновременно поощрялся и внутренний спрос. Все это позволило Японии в 1970-е годы стать третьей по мощи экономикой мира (после США и СССР). Социальная структура японского общества приблизилась к той, которая существует в Северной Америке и Западной Европе. Вслед за Японией экспортно–ориентированная модель развития была заимствована «новыми индустриальными странами» Азии, среди которых выделялись так называемые «азиатские тигры» (Гонконг, Южная Корея, Сингапур, Тайвань) и страны «второй волны» (Малайзия, Таиланд). Мотором модернизации служило производство на экспорт качественных товаров, дешевизна которых определялась в первую очередь более низким уровнем оплаты труда. Увеличение доходов от экспорта способствовало затем росту обеспеченных слоев населению, обладающих платежеспособным спросом, что, в свою очередь, стимулировало производство для внутреннего

потребления и общее повышение благосостояния.

Наиболее впечатляющий модернизационный рывок в конце XX в. был совершен Китаем, где он прошел несколько последовательных этапов. На первом из них жесткая диктатура, установленная в 1949 г. режимом Коммунистической партии Китая во главе с Мао Цзэдуном, обеспечила централизацию и унификацию страны, подготовив тем самым почву для последующих преобразований. Рыночные реформы, проводившиеся затем с конца 1970-х годов, позволили, с одной стороны, обеспечить значительный рост сельскохозяйственного производства при одновременном возникновении в деревне десятков миллионов «избыточных» рабочих рук, которые привлекались на частные иностранные и китайские предприятия, производившие продукцию прежде всего на экспорт за счет крайней дешевизны и в значительной мере бесправия рабочей силы. Стремительный экономический рост превратил Китай в начале XXI в. во вторую по мощи экономику и настоящую «мастерскую мира». Влияние китайского капитала ощутимо во многих странах как глобального Юга, так и глобального Севера, и Китай выдвинулся на передовые позиции в борьбе за мировую гегемонию. В самой стране сформировались многочисленные «средние» слои населения, которые служат основой для роста внутреннего потребления и расширения обслуживающего его производства.

В то же время модернизация в Китае, как и в других странах, явственно демонстрирует и «теневые» стороны и болезненные эффекты. Такие результаты происходящих трансформаций, как резкая социальная дифференциация, размывание традиционных деревенских структур, возникновение многомиллионного слоя рабочих–мигрантов, вынужденных покидать привычные места жизни и уезжать на работу в тяжелых и нередко бесправных условиях, коррупция, невысокий уровень заработной платы и социальных выплат, широкомасштабное закрытие нерентабельных и устаревших предприятий (особенно в старых промышленных районах), катастрофические экологические последствия бурного хозяйственного развития нередко приводят к массовым социальным протестам.

«Бегство от свободы» и тоталитарные тенденции

Одной из реакций на тенденции нарастания социальной атомизации стал подъем в период после Первой мировой войны массовых движений тоталитарного типа (фашистских, национал–социалистических, национал–

синдикалистских и др.). Оказавшись в ситуации распада устоявшихся общественных связей, утратив ощущение сопричастности к определенному территориальному сообществу или социальной группе, а вместе с тем — и свое место в социуме, многие люди оказались склонны к «бегству от свободы» (Э. Фромм), т. е. к поискам замены этих связей иной силой (своего рода псевдосообществом), с которой они могли бы себя идентифицировать, ощутить себя своими, преодолев изоляцию. Такими точками опоры все больше становились нация и воплощающие ее институты — государство или политическое движение.

Саморастворение в псевдосообществе, как отмечали социальные психологи, имело две стороны, условно названные ими «садистской» и «мазохистской». В совокупности эта реакция соединяла в себе стремление господствовать над более слабыми и рабски покоряться высшим и сильным. Она могла сопровождаться и специфическим бунтарством, однако направленным не против иерархии и господства как таковых, а на подчинение новой, более сильной власти, иррациональной воле или «естественному закону». Опирающаяся на эти психологические черты и конформистские привычки «авторитарная личность», оказываясь рядом с другими такими же индивидами в деструктурированной «массе», становилась крайне восприимчивой для националистических и социал–дарвинистских настроений.

Одним из первых ярких отражений подобной общественной ориентации в культурно–интеллектуальной сфере стали идеи, которые высказывались итальянскими футуристами еще до Первой мировой войны. Ухваченный ими «дух времени» во многом предвосхищал еще только разворачивавшиеся социальные трансформации. Футуристы объявили себя глашатаями индустриальной модернизации и «механизации» человека, воспевали борьбу с конкурентами, господство сильного, войну, национализм, технократию, «здоровый и сильный огонь несправедливости».

Фашистские и национал–социалистические движения, возникшие в период между двумя мировыми войнами, довели идеи нации, национализма и социал–дарвинизма до крайнего предела. Они провозглашали себя подлинными носителями интересов нации как единого целого, конкурирующего с другими нациями, — в противовес отдельным, частным, групповым и эгоистическим интересам классов, социальных групп или индивидов — «атомов». Носителями таких партикуляристских интересов тоталитарные движения считали, с одной стороны, рабочее движение с его особой культурой и системой ценностей, а с другой —

правящие элиты буржуазного общества. Отсюда вытекало стремление полностью растворить классы и человеческую личность в контролируемом и иерархически структурированном «целом» — государстве, нации, партии. Итальянский фашизм провозглашал, что признает индивида лишь постольку, поскольку он «совпадает с государством, представляющем универсальное сознание и волю человека в его историческом существовании», «высшую и самую мощную форму личности» (Б. Муссолини). Нация понималась им как носитель «неизменного сознания и духа государства», сплоченный на основе «общей воли» и «общего сознания». Германские национал–социалисты заявляли, что «общая польза выше личной пользы» в рамках «народного сообщества людей немецкой крови и немецкого духа в сильном, свободном государстве».

Фашистские и национал–социалистические движения 1920-х — 1930-х годов были организованы как жестко централизованная структура. Ее сердцевиной являлась политическая партия, управляемая сверху вниз, по принципу «вождизма» (Национальная фашистская партия в Италии, Национал–социалистическая немецкая рабочая партия в Германии — НСДАП и др.) Под контролем партии создавались и действовали общественные организации: боевые и штурмовые отряды, корпоративные и профессиональные союзы и ассоциации, предпринимательские, рабочие, молодежные и женские объединения и т. д. Хотя фашистские и нацистские партии принимали участие в выборах, в основе их стратегии оставалось стремление к силовому захвату власти, установлению диктатуры и беспощадной расправе с оппонентами, после чего предполагалось распространить созданные таким образом структуры на все общество в целом, разгромив все иные общественные, политические, социальные и культурные объединения, не подчиненные партии.

Политическая модель, к которой стремились фашистские и нацистские движения, получила название «тоталитарного государства», а движения, выступавшие за такого рода режим, — тоталитарными движениями. Под тоталитаризмом в историографии принято понимать систему власти, обладающую такими признаками, как господство массовой партии во главе с харизматическим лидером, унитарная идеология, монополия в сфере массовой информации и владение оружием, террористический полицейский контроль и централизованный контроль над экономикой. По существу же идеальнотипическая модель тоталитарного режима предполагает стремление к полному («тотальному») поглощению общества государством и растворение первого во втором. В отличие от традиционного авторитаризма, который допускает существование

подчиненных ему и интегрированных в общую вертикаль общественных единиц (общин, союзов, ассоциаций) внутри системы, тоталитарная власть, опираясь на стимулируемую ею самою массовую «инициативу», осознанно пытается уничтожить любые неформализованные, горизонтальные связи между атомизируемыми индивидами и не допустить никаких автономных образований или свободных пространств. Государство в этом случае мыслится как регулятор или даже заменитель всех социальных взаимоотношений.

Несмотря на успехи, достигавшиеся ультраправыми тоталитарными партиями и движениями на выборах, им практически нигде не удавалось приходить к власти вопреки воле по меньшей мере части правящих элит. Последняя усматривала в фашистах и нацистах не только орудие борьбы с социалистическим, коммунистическим или анархо–синдикалистским рабочим движением, но и аппарат, пригодный для разрешения экономических, социальных и политических кризисов, а также для форсированной модернизации в условиях, когда ее осуществление «нормальным», демократическим путем было невозможно или затруднено. Таким образом, установление фашистского режима Муссолини в Италии в 1922 г. и нацистского режима Гитлера в Германии в 1933 г. явилось результатом не столько реализации стратегии переворота, разработанной их партиями, сколько компромисса с влиятельными кругами правящих элит, которые поделились властью с новыми силами и элитами. Разумеется, условия такой передачи власти были различными и варьировались по мере изменения соотношения сил внутри установленных диктаторских режимов. Объектами широкомасштабных репрессий становились не только левая и демократическая оппозиция, но и те группировки внутри старых элит и самих нацистской и фашистской партий, которые были недовольны достигнутым компромиссом. В конечном счете в Италии и Германии установились режимы тоталитарного типа, проводившие политику «унификации», т. е. огосударствления всех общественных организаций (профессиональных, кооперативных, крестьянских, молодежных, женских, культурных и иных). Крупные концерны, вопреки прежним обещаниям нацистов и фашистов, не подверглись национализации, но, напротив, при условии сохранения лояльности к новой власти получили дополнительные стимулы для развития и роста, частично сращиваясь со структурами фашистского государства.

Молодежная фашистская организация («Балилла») в походе. Италия, 1930 г. РГАКФД

Школьники встречают учителя. Германия, 1930-е годы. РГАКФД

Подобный механизм власти, основанный на параллельном существовании различных групп правящих элит и иерархических корпоративно–ведомственных группировок и увенчанный фигурой диктатора–вождя, мог «примирять» различные интересы лишь до тех пор, пока существовали условия чрезвычайной ситуации. Отсюда, в частности, вытекала крайне агрессивная и экспансионистская политика фашизма и нацизма, развязавшая Вторую мировую войну. Потерпев в ходе ее военное поражение, эти режимы рухнули (в Италии в 1943 г., в Германии в 1945 г.).

К использованию тоталитарных и квазитоталитарных методов и механизмов в XX в. прибегали не только фашистские и нацистские режимы, но и многие другие системы государственной власти различных стран, которые опирались на совершенно иные идеологические и мировоззренческие постулаты. В большинстве случаев они руководствовались при этом сходным стремлением преодолеть кризисное состояние или обеспечить форсированную модернизацию путем крайней концентрации власти, сил, средств и ресурсов в руках консолидированного государства. Так, правящая номенклатура в сталинском Советском Союзе,

несмотря на провозглашавшуюся официально конечную коммунистическую цель «отмирания государства», на практике установила далеко идущий контроль партии–государства над обществом и социальными отношениями, стремясь не только мобилизовать население на выполнение диктуемых ею задач форсированной индустриальной модернизации, но и пресечь постоянную тенденцию к возникновению отраслевых и территориальных групп интересов в самом господствующем слое. Все легальные общественные организации (профсоюзные, женские, молодежные, культурные и др.) действовали как «приводные ремни» партии, и партийные решения были по существу обязательными для официальных политических и хозяйственных органов власти. После Второй мировой войны эта модель партии–государства была заимствована в целом ряде государств социалистического блока (т. е. провозгласивших, подобно СССР, свою приверженность марксистско–ленинской идеологии) и глобального Юга. Однако с развалом этого блока в 1989 — 1991 гг. в большинстве случаев произошел отказ от подобного типа режимов, и в рамках «разгосударствления» утвердились институты представительной демократии.

Социальное государство: от становления к демонтажу

На протяжении XX столетия происходили разнонаправленные сдвиги в соотношении между тремя сферами социума: государством, «формальной» (ориентированной на получение прибыли) экономикой (бизнесом) и гражданским обществом. Под последним принято понимать сферу свободной и самоорганизованной самодеятельности граждан, независимую от контроля со стороны государства и бизнеса.

До все более властного вторжения рынка во все сферы жизни взаимодействие людей в таких областях, как взаимные услуги и взаимная помощь, обеспечение пожилых людей, уход за детьми и воспитание их, поддержка безработных, больных и инвалидов, отчасти также образование и здравоохранение, обеспечивалось преимущественно институтами и нормами самого общества. Деятельность людей и групп в сфере воспроизводства и социальные связи между ними (если речь не шла о взаимоотношениях с государством или действиях в рамках системы экономики наемного труда) в значительной мере осуществлялась на безвозмездной основе самообеспечения, самопроизводства и взаимопомощи. Социальное обеспечение (в той степени, в которой оно

существовало в XIX в.) организовывалось в рамках профсоюзного движения, касс по безработице, касс взаимопомощи, страховых и больничных касс в виде коллективной самопомощи и самострахования. Большую роль играла и соседская, родственная и семейная взаимопомощь.

Глубокая коммерциализация человеческих отношений и мотивации поведения вместе с изменением облика производственных и трудовых отношений, а также потребительских привычек вели к тому, что все больше потребностей люди стали удовлетворять через рынок. В результате социальная сфера, которая до этого являлась прерогативой гражданского общества, все больше превращалась в объект рыночной деятельности, извлечения прибыли. Переход воспроизводства, услуг, ухода, помощи, образования и защиты здоровья под контроль бизнеса на фоне нараставшего размывания или распада прежних социальных связей и структур взаимопомощи вел к углублению общественной дезинтеграции. Коммерческие услуги оказывались доступными лишь тем, кто был в состоянии за них заплатить.

Неспособность гражданского общества в новых условиях справляться с проблемами социальной сферы сказалась в период Великой депрессии, разразившейся в 1929 г. Изменение рыночной конъюнктуры оставило без элементарных средств к существованию, медицинской помощи и возможностей получать образование миллионы людей (безработных, молодежь, пожилых людей и представителей других «социально слабых» слоев населения). Структуры самопомощи и взаимопомощи оказывались уже не в состоянии обеспечить их выживание, а платные услуги были им недоступны. В этих условиях государство как институт вынуждено было брать на себя регулирование социальной сферы и отчасти экономики с тем, чтобы не дать различным кризисам закончиться крахом всего общества в целом.

Вплоть до конца 1920-х годов в индустриально развитых странах преобладала так называемая «либеральная» модель государства, которое стремилось свести к минимуму свое вмешательство в социально–экономическую жизнь. Оно было призвано выполнять функции «ночного сторожа», т. е. обеспечивать общественный порядок и соблюдение норм свободной игры рыночных сил. Некоторые сдвиги в этом отношении наметились уже в конце XIX в., когда в Германии при О. фон Бисмарке были введены законы о государственном страховании на случай болезни, по инвалидности и старости (1883 — 1889). В последующие десятилетия (1888 — 1912) обязательное страхование от несчастных случаев на производстве было утверждено законодательно в Австрии, Норвегии,

Франции, Венгрии, Италии, Нидерландах, Швейцарии, некоторых штатах США и др. С первого десятилетия XX в. стало вводиться страхование по старости и инвалидности (в Великобритании, Австралии, Новой Зеландии в 1908 — 1909 гг., во Франции в 1910 г.). В 1908 — 1911 г. в Великобритании были приняты законы о страховании на случай безработицы и о пенсиях по старости. После Первой мировой войны государственное страхование по безработице было введено в Италии (1919), Австрии (1920) и т. д. Проведение подобных реформ стало результатом борьбы трудящихся за свои права и интересы и отражало стремление правящих элит предотвратить социально–революционный взрыв.

Тем не менее все эти меры охватывали далеко не всех нуждающихся и не были увязаны в единую систему социальной политики. Так, системы социального страхования, введенные Бисмарком или французским правительством в 1930 г., реально защищали только тех людей, чей заработок не превышал некоего установленного «потолка», а пенсии напрямую зависели от уровня капитализации компаний.

«Великий кризис» вынудил правящие элиты перейти к более широкому и систематическому регулированию социальной сферы и хозяйства.

К подобной политике в 1930-е годы прибегали самые различные политические режимы. Так, в США правительство президента Ф. Д. Рузвельта (с 1933 г.) стремилось стимулировать рост внутреннего потребления, внедрить элементы экономического планирования, государственного контроля над производством и государственного регулирования взаимоотношений между трудом и капиталом. Была создана администрация по восстановлению промышленности; осуществлялась обширная программа общественных работ; во многих отраслях введена 40-часовая рабочая неделя, упразднен детский труд; введены максимальная продолжительность рабочего времени и гарантированный минимальный уровень оплаты труда; принят закон о страховании на случай безработицы. Еще дальше пошли по пути расширения государственного регулирования, например, лейбористы, пришедшие к власти в 1935 г. в Новой Зеландии. Они не только установили 40-часовую продолжительность труда в неделю и размер минимальной гарантированной зарплаты и создали программу общественных работ, но и ввели в действие систему всеохватывающего социального страхования, национализировали Резервный банк и Закладную корпорацию, регулировали внешнюю торговлю и цены на сельскохозяйственную продукцию. Во Франции правительство Народного

фронта (1936 — 1938) декретировало переход к 40-часовой рабочей неделе, предоставило трудящимся право на двухнедельный оплачиваемый отпуск и обязало предпринимателей заключать коллективные договоры с наемными работниками. Были повышены зарплата и пенсии, регулировались цены на сельскохозяйственную продукцию, частично национализирована военная промышленность и реорганизован Французский банк. В Германии нацистская диктатура ликвидировала безработицу за счет широкого создания рабочих мест в военной промышленности и строительстве; через Немецкий трудовой фронт и программу «Сила через радость» велась интенсивная социальная и культурно–массовая работа; строились базы отдыха для населения и развивалась система оплаты труда. И даже британские консерваторы, которые принципиально избегали таких мер, как национализация или увеличение расходов на социальные нужды, пошли на государственное вмешательство в «свободную игру» рыночных сил: их правительство отменило «золотой стандарт» британской валюты, с помощью протекционистских мер регулировало внешнюю торговлю, субсидировало строительство заводов тяжелой промышленности, предприятий машиностроения и военной индустрии, вводило элементы хозяйственного планирования.

Хотя тенденции к отказу от строго–либеральной социально–экономической модели и переходу к большему вмешательству государства в хозяйственную и социальную сферы по–разному проявлялись в различных странах и при различных политических режимах, меры такого рода в 1930-е годы носили еще во многом фактически экспериментальный характер. При этом они способствовали усилению экономического протекционизма и националистических настроений и идеологий, а также сопровождались наращиванием военной промышленности и гонкой вооружений. Торжество новых моделей «социального государства» наступило уже после Второй мировой войны.

Итогом войны стали не только крушение фашистских режимов в Италии и Германии, но и дальнейший рост авторитета национального государства как института. Борьба против нацистской оккупации в большинстве европейских стран проходила под национально–освободительными лозунгами восстановления независимых государств, уничтоженных или попранных оккупантами. Ее обоснованием служила в той или иной форме идеология общих национальных интересов, единства нации, предполагавшего отождествление себя со «своим» государством со стороны индивидов и социальных групп. Возобладавшее даже в прежде оппозиционных системе течениях представление о государстве как

концентрированном выразителе интересов общества в целом послужило идейной основой моделей социального государства, которые утвердились в мире после Второй мировой войны, в первую очередь, в индустриально развитых, а затем, по их примеру, отчасти и в других странах, провозглашавших желание следовать этому ориентиру.

Социальное государство (Sozialstaat), или «государство всеобщего благосостояния» (Welfare State) не только брало в свои руки «организацию» солидарности между членами социума, чего «массовое общество» уже не могло делать в прежних масштабах. Оно также руководило организацией экономического роста и функционированием рынка, оформляло компромисс между различными общественными группами и слоями («социальное партнерство» в общенациональных интересах) и смягчало последствия колебаний экономической конъюнктуры. В основу моделей были в той или иной мере положены экономические доктрины кейнсианства, в соответствии с которыми повышение уровня благосостояния широких слоев населения и тем самым их платежеспособного спроса должно было служить мощным двигателем роста экономики в целом. Одновременно подобная политика позволяла смягчать социальные конфликты и способствовала интеграции оппозиционных общественных сил в существующую систему.

В плане социальных отношений и связей государство «страховало» членов общества от негативных, асоциальных и эгоистических эффектов рынка и последствий конкуренции. Так, введенная после Второй мировой войны в Великобритании всеобъемлющая система гарантий, которая включала в себя пенсионное и социальное обеспечение, бесплатное здравоохранение, выплату пособий на детей и программы обеспечения занятости, определялась как социальная защита граждан «от колыбели до могилы». Организованная в ФРГ система страхования (пенсионного, медицинского и др.) и пособий (безработным, семьям с детьми, на обзаведение жильем и т. д.) была официально охарактеризована как «социальная сеть», призванная страховать каждого члена общества от возможных рисков, как сетка, натянутая под канатом, страхует канатоходца от падения. Так называемая «скандинавская модель» социального государства, наряду с единой системой социального обеспечения и защиты (пенсий по старости, нетрудоспособности, при потере кормильца, выплат и пособий по болезни, безработице, матерям–одиночкам и т. д.), всеобщим бюджетно–страховым здравоохранением и бесплатным образованием, была ориентирована также на обеспечение максимальной (в идеале — полной) занятости и более равномерное распределение доходов. При этом выплаты

должны были дополнять доходы до уровня, признанного приемлемым. В Швеции к началу 1990-х годов доходы по социальному страхованию достигали 90% зарплаты, а пенсии — 65%.

Источником финансирования данной политики служили в основном различные налоги с населения, взносы (и предпринимателей, и работников, либо только предпринимателей) и поступления из государственного и местных бюджетов. Важнейшим орудием перераспределения общественного дохода являлся прогрессивный подоходный налог, верхняя ставка которого могла быть весьма высока. В Швеции в 1970-е годы она достигала 70 — 80% дохода, в Великобритании — 75%, в США — 70%, во Франции — 60% и т. д.

Организуемый и обеспечиваемый государством социальный компромисс достаточно успешно функционировал в индустриально развитых странах в послевоенные десятилетия, когда отмечался устойчивый экономический рост, а стабильные доходы и рост заработков побуждал различные слои населения мириться с издержками и проблемами, порождаемыми моделями «государства благосостояния». С замедлением роста и увеличением инфляции в 1960-е — 1970-е годы противоречия вокруг распределения общественного богатства стали обостряться. Предприниматели, представители либеральных и консервативных кругов все громче сетовали на то, что политика социального государства неэффективна, вызывает рост инфляции и бюджетного дефицита, ослабляет экономику и конкурентоспособность, поощряет социальное «иждивенчество» и не создает достаточных стимулов для частной хозяйственной активности. Они утверждали, что общество «живет не по средствам» и следует сузить систему социальных гарантий, предоставив больший простор свободной игре рыночных сил. Усилились так называемые «антиналоговые» движения крайне правого толка, получившие массовую поддержку в кругах средних и мелких собственников (движения П. Пужада во Франции с 1950-х годов, М. Глиструпа в Дании и А. Ланге в Норвегии в 1970-е годы и др.). Уже в 1970-е годы многие правительства экономически развитых стран приступили к замораживанию или ограничению расходов на социальные нужды (так называемой «политике красного карандаша»).

Если недовольство предпринимательских союзов и кругов вызывали рыночная «неэффективность» и «убыточность» социального государства, и они все менее готовы были довольствоваться той долей общественного богатства, которую они получали в рамках государственного перераспределения, то рядовых граждан беспокоили прежде всего

растущая бюрократическая неповоротливость институтов и механизмов государства «всеобщего благосостояния», их удаленность от общества и все меньшая возможность действенно контролировать эти структуры. Выразителем этих ощущений и настроений стали в 1950-е — 1960-е годы философы, социологи и политологи, которые констатировали нарастание проблем в виде господства «властвующей элиты» из верхушек корпоративных, профессиональных и властно–политических организаций (Ч. Р. Миллз), формирования «одномерного» общества в условиях общей «тоталитарной эпохи» (Г. Маркузе) и «инволюции демократии» (Й. Аньоли). Аналитики обращали внимание на то, что в «массовом» обществе происходит размывание идейных различий, сокращение возможностей для глубинного общественного выбора, для выдвижения альтернативных идей и даже самой способности их формулировать. Место политических течений и партий с четко оформленными воззрениями и значительно отличающимися друг от друга программами все больше занимали так называемые «народные» партии, а кандидаты на выборах ориентируются на усредненного, «медианного» избирателя (Э. Даунс). Таким образом, расхождения между идейно–политическими направлениями стираются, формируется господствующий консенсус, а не входящие в него «крайности» отсекаются или маргинализируются. Широкое ощущение недовольства в связи с «бюрократизацией общества» стало одним из важнейших мотивов «бунта конца 1960-х годов».

Свои особенности имело социальное государство, которое создавалось в Советском Союзе и странах, где была заимствована его модель социалистической модернизации. Там были огосударствлены основные средства производства, а наемные работники должны были трудиться на государство, которое осуществляло распределение произведенного богатства прежде всего в интересах государства же, а также правящей партийно–государственной элиты (номенклатуры). При сохранении сравнительно невысокого уровня заработков населению в 1950-е — 1960-е годы были предоставлены такие социальные блага, как бесплатное медицинское обслуживание, бесплатное образование, всеобщее пенсионное обеспечение, сравнительно недорогое жилье. Сложившаяся система являлась продуктом своеобразного молчаливого социального компромисса, который, в свою очередь, был в конечном счете результатом постоянных неформализованных конфликтов между правящей элитой, стремившейся к повышению норм выработки и трудовой нагрузки на работников, и населением. При отсутствии возможностей для легального отстаивания прав наемных работников, создания независимых профсоюзов или

проведения разрешенных законом забастовок это противостояние чаще всего принимало облик снижения норм явочным порядком или замедления темпов работы, но иногда прорывалось наружу в виде стихийных, но временами достаточно масштабных актов протеста. В 1970-е — 1980-е годы выявились пределы догоняющей модернизации советского типа: темпы экономического роста упали, увеличилось хозяйственное и техническое отставание от развитых государств Западного блока. Финансирование системы СССР за счет внешних займов и экспорта сырья к середине 1980-х годов оказалось в тупике: увеличивавшиеся масштабы долга и падение мировых цен на нефть заставляло правящие круги искать пути интенсификации экономики и отказа от негласного социального компромисса, вплоть до отказа от прежней «социалистической» модели в государствах Восточного блока.

В 1980-е годы в некоторых, а в 1990-е годы практически во всех странах мира произошел поворот к социально–экономической политике, получившей название «неолиберализма». В ее рамках развернулись широкомасштабная приватизация государственного сектора, сокращение прямого административного вмешательства в экономику, дерегулирование рынка труда. За передачей в частные руки государственных промышленных предприятий и банков последовал широкий допуск частного капитала в социальную сферу — общественные услуги, социальное страхование, медицину, образование и т. д. Одновременно сокращались государственные расходы на социальные нужды, что создавало эффект постепенного «демонтажа социального государства». В Западной Европе правящие элиты продолжали провозглашать «социальное государство» одной из «европейских ценностей», но при этом подчеркивали необходимость его «реформирования» с тем, чтобы сделать экономику Старого Света более конкурентоспособной в «глобализированной системе». Речь шла, в частности, о дальнейшем сокращении таких проявлений «социального государства», как гарантированные пособия, пенсии, выплаты, субсидированные социальные услуги и др., продлении возраста выхода на пенсию и т. д. Аргументами служили задачи снижения государственных и общественных расходов, обеспечение большей «солидарности между поколениями», развитие конкуренции в области социальных и медицинских услуг, поощрение тяги к труду и предпринимательских усилий и борьба с «уклонением от работы». Образование, пенсионная система, социальное страхование стали все больше переводиться на коммерческую основу.

Практически во всех странах осуществлялись приблизительно

идентичные меры. По существу произошло новое изменение соотношения между государством, рынком и гражданским обществом: государство покидало ранее контролировавшиеся им социальные сферы и уступало место рынку. Резко возросло общественное неравенство в доступе к социальным услугам, а растущая часть населения, не обладающая достаточной платежеспособностью, попросту исключалась из них. Ослабленное гражданское общество, в свою очередь, было уже не в состоянии заполнить те сферы, откуда уходило государство. Разрушительные и опасные масштабы приобрело размывание идеи и ценностей солидарности между людьми.

Тем не менее преобладающая часть жизни большинства людей все еще проходит в сфере гражданского общества. Так, по данным британских социологов, в Великобритании 60% всех «работ» на рубеже XX и XXI вв. выполнялась безвозмездно и добровольно родителями, родственниками, соседями и т. д., образуя своего рода «экономику даров». В ФРГ, согласно отчету Федерального министерства по делам семьи, престарелых граждан и женщин за 2003 г., «каждую неделю население тратит на неоплачиваемый труд больше времени, чем на оплачиваемый наемный труд». Стоимость неоплаченного труда, по расчетам немецких женских активисток, превысила общий объем брутто–зарплат и окладов в мелком производстве и сфере услуг на 60%.

Большая часть упомянутых действий совершалась в рамках традиционных общественных структур (семейных, соседских и т. д.), а также в виде «adhoc» контактов между людьми. К такого рода некоммерческой добровольной деятельности членов общества, согласно отчету Берлинского научного центра социальных исследований, относились так называемые «неформальные сферы», в которых «доминируют немонетарные процессы обменов», «делается упор на автономность и мотивацию человеческого труда и превалирует критерий экономики самообеспечения». Среди них — уход и опека в отношении детей и взрослых, репродукционный труд, оказание безвозмездной помощи, повседневный труд по уходу за престарелыми, детьми, покупки, организация домашнего хозяйства, домашний труд; хозяйство на основе самообеспечения, включая собственные ремесленные услуги, самообслуживание и работу в саду; самопомощь (помощь по соседству, кооперативная самопомощь, сети помощи, в том числе за деньги и без них, кружки и сети обмена); добровольная общественная деятельность (волонтерство).

Действия по самопомощи и взаимопомощи чаще всего не преследуют

цель прямого воздействия на принятие политических решений, но они оказывают влияние на социум в целом, поддерживая основу самоорганизованной социальности — способность людей взаимодействовать друг с другом и тем самым участвовать в организации собственной жизнью и (в широком смысле) управлении ею.

Профсоюзные движения

Профессиональные союзы как основная традиционная форма организации рабочих движений возникли в современном виде в XIX столетии, придя на смену профессиональным обществам, цехам и братствам, которые существовали во многих европейских странах со времен Средневековья, но были ликвидированы в соответствии с антицеховыми законами. Постепенно легализованные, они вплоть до начала XX в. во многом сохраняли функции органа отстаивания интересов наемных работников на производстве и объединения взаимопомощи. Это объяснялось в первую очередь особенностями структуры самого раннеиндустриального общества, когда трудящимся приходилось создавать собственные организации, которые занимались вопросами социального обеспечения, культурного развития и образования. Наиболее законченным образцом интегральной рабочей организации можно считать рабочие братства в Чили в первые десятилетия XX в. («манкомуналес»), которые создавались в шахтерских городах и поселках и были в одно и то же время союзами взаимопомощи, кооперативами, жилыми общинами, профсоюзами и культурно–просветительными организациями. Однако большинство профсоюзов в различных странах к началу столетия уже считали, что увлечение функциями социальной взаимопомощи в рамках существующего общества отвлекает от экономической и революционной классовой борьбы. Подобной точки зрения придерживались как умеренные — социал–демократы, так и радикалы — анархисты и анархо–синдикалисты. Они стремились разграничить кооперативные и профсоюзные задачи и оформить их в различные организации, в той или иной мере сотрудничающие между собой, призывая членов профсоюза в то же время создавать организации взаимопомощи. Однако в том, что касается роли рабочих организаций в социальной сфере, то здесь позиции социал–демократов и анархо–синдикалистов кардинально расходились: первые добивались принятия государством законодательства о страховании и пенсиях, вторые считали необходимым прямое действие

самоорганизованных трудящихся снизу (сокращение рабочего времени для борьбы с безработицей, «выбивание» пособий нетрудоспособным и больным и т. д.). В отличие от анархистского и синдикалистского крыла рабочего движения, социал–демократическое течение выступало в идеале за установление государственного контроля над социальной сферой. Так, в уставе Всегерманского объединения профсоюзов, принятом в 1925 г., указывалось: «профсоюзы развивают свои собственные учреждения поддержки» нетрудоспособных и безработных «в качестве необходимой социальной самопомощи», «до тех пор, пока государство и общины не осуществили достаточную заботу» об этих категориях населения.

Формы и методы действия рабочих организаций различались в отдельных странах и регионах. В первой половине XX столетия в профсоюзах Великобритании, германских и скандинавских стран преобладала тенденция к более строгой, централизованной и формальной организации, система строгих членских взносов и склонность к более «мирным» и прагматичным взаимоотношениям с предпринимателями и государственными структурами. Характерным примером в этом отношении может служить деятельность «центральных» профсоюзов Германии, объединявших организованных рабочих данной отрасли в общенациональном масштабе. Они строились жестко иерархически, с подчинением нижестоящих организаций решениям вышестоящих органов. Даже забастовки можно было объявлять лишь в централизованном порядке. Для управления такой структурой рано потребовался значительный и разветвленный штат освобожденных работников — профсоюзных чиновников. С 1892 г. «центральные» профсоюзы Германии были объединены в Генеральную комиссию, а в 1919 г. официально оформилось профобъединение — Всегерманское объединение профсоюзов (ВОП), в котором в 1920 г. состояло около 8 млн членов. Руководство немецких профсоюзов старалось избегать крупных конфликтов с предпринимателями, опасаясь массовых увольнений (локаутов) и растраты забастовочных фондов. Поэтому оно предпочитало улаживать трудовые споры путем обращения в третейские суды или с помощью переговоров с хозяевами. Действовала практика подписания коллективных, или тарифных договоров на срок до 3-5 лет, которые заключались централизованно на уровне отрасли или региона и были обязательны для выполнения обеими сторонами. Уже в 1913 г. 76% всех трудовых конфликтов заканчивались примирением без забастовки. «Центральные» профсоюзы приветствовали государственный арбитраж в трудовых спорах и добивались развития государственного законодательства в области социального страхования и

трудового права.

Сходным образом были организованы и работали центральные объединения профсоюзов скандинавских стран. Определенную специфику имели профсоюзы Великобритании — тред–юнионы. Они традиционно строились на профессиональной основе и в силу этого отличались значительной раздробленностью, что не мешало им иметь централизованную внутреннюю структуру и крупный штат освобожденных работников. На общенациональном уровне деятельностью тред–юнионов руководили конгрессы, избиравшие также парламентский комитет, который занимался избирательной кампанией рабочих кандидатов на выборах. Число членов профсоюзов в 1918 г. превысило 6,5 млн. В 1921 г. для централизации деятельности Британского конгресса тред–юнионов был образован Генеральный совет, обладавший широкими полномочиями. Только в XX в. развернулось постепенное укрупнение тред–юнионов на отраслевой основе. В том, что касается тактики, британские профсоюзы нередко выступали организаторами крупных стачек (вплоть до всеобщей стачки в мае 1926 г.), но предпочитали «примирение интересов» работников и хозяев с помощью коллективных договоров и соглашений, обращений в примирительные камеры и третейские суды и т. д.

Напротив, профсоюзное движение романских стран (Франции, Италии, Испании, Португалии, Латинской Америки) в начале XX в. отличалось меньшим централизмом, более свободными формами организации, менее систематической уплатой членских взносов и склонностью к более радикальным формам действий. Именно в этой группе стран впервые оформилось синдикалистское направление в рабочем движении. Оно стало ответом на растущее разочарование трудящихся в деятельности парламентских социалистических партий и связанных с ними профсоюзов. Рабочие, примыкавшие к синдикалистам, были недовольны умеренностью профсоюзного руководства и его быстрой бюрократизацией.

Классическим примером революционного синдикализма начала XX в. считается французский профцентр — Всеобщая конфедерация труда (ВКТ), созданная в 1902 г. (синдикалисты преобладали в ней до начала 1910-х годов). Под влиянием ВКТ появились синдикалистские профцентры в Италии, Португалии, Швеции; на синдикалистские позиции перешли небольшие профсоюзные объединения в Германии и Нидерландах, некоторые британские тред–юнионы. «Модель» ВКТ оказала воздействие и на анархистское рабочее движение в Испании, где в 1910 г. образовалась Национальная конфедерация труда (НКТ), в которой в 1919 г. состояли 1,3 млн членов.

Для рабочих союзов, находившихся на синдикалистских или анархистских (в Испании и Латинской Америке) позициях, был характерен организационный принцип федерализма: автономия отдельных союзов во внутренних вопросах, объявлении стачек и т. д., принятие решений «снизу вверх», равное представительство союзов на конгрессах. Союзы традиционно строились по профессиям; отраслевой принцип организации подвергался критике как копирующий капиталистическое промышленное устройство и централизаторский (так, созданная в 1901 г. Аргентинская региональная рабочая федерация ФОРА принципиально возражала против отраслевых объединений; в Испании НКТ согласилась с созданием отраслевых федераций только в 1931 г., оговорив, что они будут носить исключительно информационнотехнический характер). Проявлялась тенденция к максимальному сокращению численности освобожденных работников во избежание бюрократизации (в Испанской НКТ в 1930-е годы официально имелся только один освобожденный работник — генеральный секретарь; в аргентинской ФОРА оплачиваемые функционеры отсутствовали). Синдикалистская и анархистская доктрины исходили из принципиальной непримиримости интересов предпринимателя и наемного работника, а потому основной формой действий рабочего союза объявлялась забастовка. Согласно синдикалистским представлениям, профсоюзы призваны были как вести борьбу за улучшение положения работников в существующем обществе, так и подготовлять всеобщую стачку с целью свержения капитализма и перехода экономики под управление рабочих союзов.

Политическая и идейная ориентация рабочих движений в мире отличалась большим разнообразием. К 1920-м годам сложились следующие основные профсоюзные течения: профсоюзы социал–демократические; коммунистические; анархо–синдикалистские и революционно–синдикалистские; «чисто» тред–юнионистские; христианские; профсоюзы компаний; пропредпринимательские; фашистские. Если объединения, принадлежавшие к первым трем направлениям, в принципе и перспективе выступали за отказ от капиталистического общественного устройства, то остальные ограничивались исключительно трудовыми и социальными вопросами в рамках индустриального капитализма.

Профсоюзы, ориентированные на социал–демократию, были в 1919 г. объединены на мировом уровне в Международную федерацию профсоюзов (МФП). К 1937 г. в федерацию входили рабочие организации из 26 стран с 19,4 млн членов. Официально независимые, они работали под влиянием социал–демократических и лейбористских партий соответствующих

национальных государств, в соответствии с концепцией разделения функций между партией и профсоюзом. Первой отводилась область идейной и политической борьбы, второй призван был «воспитать» и «обучить» рабочие массы, организовывать поддержку социал–демократических партий на выборах, добиваться конкретных улучшений на производстве и расширения «производственной демократии» как «предпосылки социализма». Участие представителей профсоюзов в разработке государственного законодательства по трудовым и социальным вопросам, в производственных советах и паритетных органах на производстве, в диалоге с предпринимателями и государством рассматривалось как продвижение в сторону «экономической демократии», которая, в свою очередь, воспринималась ими как эволюция к социализму. Лидеры социал–демократических профсоюзов приветствовали развернувшуюся в 1920-е годы рационализацию промышленности, которая сопровождалась внедрением механизации, конвейера, жесткого разделения труда на детальные, серийные операции и введением жесткой системы контроля над ритмом труда и действиями работников. Утверждалось, что такие нововведения, даже осуществляемые капиталистическими предпринимателями, способствуя развитию экономики, подготовляют социализм. Профсоюзам МФП удалось добиться в ряде стран внедрения практики коллективных договоров, введения 8-часового рабочего дня, государственного арбитража в трудовых вопросах и других реформ.

Профсоюзы, действовавшие под руководством коммунистических партий, в 1921 г. были объединены в международный Красный Интернационал профсоюзов (Профинтерн). В 1925 г. входящие в него рабочие организации объединяли 11,8 млн членов, хотя большая часть здесь приходилась на огосударствленные профсоюзы СССР, которые обязаны были не столько защищать интересы наемного труда, сколько обеспечивать беспрепятственное функционирование производства в интересах власти. Организации Профинтерна в капиталистических странах официально работали под партийным контролем, должны были вести «экономическую борьбу» с капиталом и «воспитывать» рабочие массы в духе партийной идеологии. Эти профсоюзы строились на основе жесткого централизма и обязательности решений вышестоящих органов для нижестоящих.

Профсоюзная тактика компартий претерпевала в 1920-е — 1930-е годы существенные изменения, в соответствии с менявшимися установками Коминтерна. Первоначально была предпринята попытка привлечь в Профинтерн синдикалистские и левые рабочие союзы, независимые от

МФП. После 1921 г. был взят курс на создание внутри профсоюзов МФП течений, ориентирующихся на компартии, с сохранением отдельных профцентров в странах, где коммунистам удавалось удерживать профдвижение под своим контролем или влиянием (СССР, Китай, Франция, Чехословакия, Чили и др.). В конце 1920-х годов, с переходом Коминтерна от тактики «единого фронта» к линии борьбы с «социал–фашизмом», как стали именовать социал–демократию, компартии вновь попытались создать новые профцентры, призванные противостоять конкурентам, в частности, в Германии. Наконец, после победы нацистов в Германии в 1933 г. и поворота Коминтерна к тактике «народного фронта» в 1937 г. Профинтерн был распущен, а входившие в него профцентры и отдельные союзы в основном слились с социал–демократическими профобъединениями соответствующих стран (за исключением СССР).

Анархо–синдикалистские профсоюзы выступали в резкой оппозиции по отношению к индустриально–капиталистической системе. В конце 1922 г. они объединились в Международную ассоциацию трудящихся (Берлинский Интернационал профсоюзов), включавшую более 2,5 млн членов. Профсоюзы этого течения строились на децентрализованной и федералистской основе; все решения в них принимались по принципу «снизу вверх». Анархо–синдикалисты стремились сочетать борьбу за повседневные улучшения положения трудящихся с борьбой за подготовку всеобщей стачки, которая должна была, по их мысли, привести к социальной революции и установлению безгосударственного (либертарного) коммунистического общества всеобщего самоуправления. Их профсоюзы отказывались ориентироваться на существующие законы, критиковали практику официальных и обязательных коллективных договоров, считая их связывающими руки работникам, и государственное вмешательство в социальной и трудовой сфере (государственное страхование от безработицы и нетрудоспособности, государственный арбитраж в трудовых конфликтах, рассмотрение трудовых вопросов в судах и т. д.). Не менее резко отвергалась и практика социального партнерства, создание паритетных комиссий и других органов сотрудничества с предпринимателями. Профсоюзам этой тенденции удалось впервые завоевать 8-часовой рабочий день в Испании (1919); в Аргентине шла борьба за 6-часовой рабочий день. В период революции и гражданской войны в Испании 1936-1939 гг., по инициативе профсоюзов анархо–синдикалистской Национальной конфедерации труда рабочие взяли в свои руки управление большинством фабрик и заводов в республиканской зоне. Однако наиболее крупные, мощные и активные анархо–синдикалистские

профцентры были разгромлены после установления реакционных диктатур в Италии (1922), Португалии (1927) Аргентине (1930), Германии (1933) и Испании (1939).

Крупнейшим профцентром, отстаивавшим «чистый тред–юнионизм», т. е. борьбу за повышение зарплаты и улучшение условий труда, не поднимая вопроса об изменении общественного строя, явилась Американская федерация труда (АФТ), созданная в США в 1886 г. и объединявшая в 1920 г. до 4 млн членов. Входившие в нее профсоюзы нередко вели забастовочную борьбу, но в принципе руководство ориентировалось на то, чтобы избегать конфликтов с предпринимателями, заключая выгодные коллективные договоры и лоббируя политиков, независимо от их партийной принадлежности. Лишь со времени администрации Ф. Рузвельта АФТ стала склоняться к поддержке Демократической партии.

Особое течение несоциалистического рабочего движения было представлено христианскими профсоюзами, которые стали возникать в различных странах Европы с конца XIX в. на основе идей, сформулированных в энциклике римского папы Льва XIII «Rerum novarnm» (1891): классовой гармонии между трудом и капиталом, добросовестной работы со стороны трудящихся и «уважительного», «справедливого» обращения с ними со стороны предпринимателей. На международном уровне большинство этих объединений (межконфессиональных, католических и протестантских) вошли в 1919 г. в Международную конфедерацию христианских профсоюзов (МКХП); в начале 1920-х годов в ее организациях насчитывалось около 2,9 млн членов.

Особо следует выделить рабочие профсоюзы, созданные по инициативе и при поддержке предпринимателей. Некоторые из них действовали на уровне отдельных компаний и фирм и в обмен на лояльность администрации обеспечивали своим членам определенные льготы (вплоть до участия в прибылях). Имелись также профсоюзы, которые призваны были вести борьбу с радикальными рабочими организациями и поставлять работников взамен бастующих, срывая забастовки. Так, например, так называемые «свободные профсоюзы», образованные в 1919 г. в Каталонии (Испания), практиковали террористические покушения на активистов анархо–синдикалистской НКТ.

Наконец, энергичные попытки проникать в рабочее движение в период между двумя мировыми войнами предпринимали ультраправые партии (итальянские фашисты, германские нацисты, испанские национал–синдикалисты и т. д-). Их доктрины признавали наличие групповых

интересов работников и предпринимателей, но предусматривали их подчинение интересам нации и государства в рамках отраслевых корпораций и объединений. После прихода этих партий к власти их профсоюзы становились частью государственного аппарата и проводником государственной политики в трудовых и социальных вопросах.

Окончание Второй мировой войны и переход к моделям социального государства привели к значительным переменам в структуре и ориентации рабочих движений. В первые послевоенные годы в Западной Европе даже профсоюзы, находившиеся под контролем коммунистов (во Франции, Италии и др.), взяли курс на реформирование, а не радикальное изменение существующей системы и в целом неодобрительно относились к забастовкам. В 1945 г. большинство профсоюзов мира, которые действовали под влиянием как коммунистических, так и социал–демократических и лейбористских партий, объединились во Всемирную федерацию профсоюзов (ВФП). В нее вступили организации из 56 стран с 67 млн членов. Ситуация изменилась с началом холодной войны, когда некоммунистические профсоюзы во главе с Британским конгрессом тред–юнионов покинули ВФП и образовали Международную конфедерацию свободных профсоюзов (МКСП); в ее рядах преобладало влияние социал–демократии. Отдельно действовала Международная конфедерация христианских профсоюзов, в 1968 г. переименованная во Всемирную конфедерацию труда (ВКТ). В 1988 г. в МКСП состояли 149 национальных профобъединений 100 стран с 83 млн членов, в ВФП — 92 профцентра 83 стран с 214 млн членов, в ВКТ — 84 профобъединения 78 стран с 14 млн членов. В 2006 г. МКСП и ВКТ объединились в Международную конфедерацию профсоюзов.

В рамках моделей социального государства «западного» типа крупнейшие профсоюзы выступали в роли социальных партнеров предпринимателей и государства, а радикальные течения (анархо–синдикалисты и др.) были маргинализированы. Рабочие организации рассматривались как своего рода корпоративный институт, которому трудящиеся «делегировали» представительство своих «партикулярных» интересов в общем механизме поиска консенсуса. В таких странах, как Великобритания, ФРГ и др., развилась практика отраслевых или общенациональных соглашений между предпринимателями и профсоюзами, причем конфликтные случаи рассматривались и разрешались совместно, нередко с участием государства. Создавались совместные и смешанные комитеты. На предприятиях и в учреждениях были образованы органы представительства работников, которые были

призваны обеспечивать их «соучастие» в управлении (в действительности, играли скорее консультативную роль). В некоторых странах (Франции, Италии и др.) в 1950-е-1960-е годы была введена так называемая «подвижная шкала» зарплаты, т. е. механизм ее автоматического увеличения соответственно росту цен и инфляции. В Австрии система «трехстороннего диалога» между государством, профсоюзами и предпринимателями приобрела институциональный характер: все законопроекты по социально–экономическим вопросам должны были пройти предварительное согласование представителей правительства, объединений работодателей и профсоюзного руководства.

Включение подавляющего большинства профсоюзов индустриальноразвитых стран в систему социального государства сопровождалось глубокими изменениями в целях, тактике, методах организации и действий рабочего движения. Забастовки, которые прежде нередко воспринимались как основной способ борьбы на производстве, теперь рассматривались как крайнее средство разрешения трудового спора между работниками и предпринимателями, когда предшествующие примирительные процедуры и арбитраж государства не дали результатов. Темы и требования, связанные с контролем работников над производством, потеряли актуальность; наиболее часто конфликты возникали в связи с вопросом о зарплате, т. е. о доле социальных групп в распределении общественного богатства. Профсоюзам, которые все больше ориентировали свою работу на переговоры с «социальными партнерами», диалог с властями, совершенствование законодательства и юридические тяжбы по трудовым проблемам, требовался обширный аппарат освобожденных работников, специалистов, экспертов. Участие этих лиц в многочисленных процедурах, связанных с «представительством интересов» наемных работников, неизбежно вело к расширению их компетенции и усиливало процессы бюрократизации внутри профсоюзов. Рабочие союзы превратились в огромный и мало прозрачный для рядовых членов механизм. Нередко они занимались и предпринимательской деятельностью (к примеру, в ФРГ работали профсоюзный банк, кооперативная торговая сеть, жилищностроительный кооператив «Нойе хаймат» и т. д.), что еще больше усиливало внутреннее недовольство.

Сконцентрировавшись на защите групповых интересов в рамках системы социального государства, профсоюзы как общественный институт фактически отказались от выдвижения целей и задач, которые касались общества в целом и проблемы общественного строя. Не только политически нейтральные, но и связанные с теми или иными партиями

профсоюзы окончательно сосредоточились на трудовых темах, полностью отдав общие социально–экономические и политические вопросы в ведение партий. Подобный подход был характерен не только для союзов, ориентированных на социал–демократию или конфессиональные течения, но и для организаций, фактически руководимых коммунистическими партиями западных стран.

В странах Восточной Европы, Китае, Северной Корее, Северном Вьетнаме, а после 1959 г. и на Кубе утвердился тот же тип профсоюзного движения, который существовал в СССР, причем администрация предприятий и работники включались в один и тот же профсоюз. Самоорганизованная социальная активность в этих странах систематически подавлялась, но в периоды острых кризисов прорывалась на поверхность в форме стихийных стачек, создания рабочих комитетов (в 1953 г. в ГДР), рабочих советов (в Венгрии и Польше в 1956 г.) и независимых профсоюзов («Солидарность» в Польше в 1980 г.).

Положение профсоюзов в мире претерпело новые изменения в конце XX столетия из–за поворота к «неолиберальной» экономической модели и отступления от принципов социального государства. С падением режимов компартий и системы «партии–государства» в этих странах исчез и соответствующий им тип «профсоюзного движения. По всему миру организациям наемных работников пришлось противостоять не только растущей безработице и снижению доходов трудящихся, но и политике дерегулирования трудовых отношений, которая сопровождалась распространением временной, неустойчивой и негарантированной занятости («прекаризацией труда»), снятием ряда ограничений на увольнения и продолжительность рабочего времени, урезанием прав работников на производстве. Привыкшие к своей роли «социального партнера», профсоюзы мэйнстрима с трудом пытались приспособиться к новой ситуации. Нередко они соглашались на ухудшение положения работников в обмен на сохранение рабочих мест. Вынужденные подчас прибегать к такому средству борьбы, как всеобщие забастовки, профсоюзы стараются ограничить их продолжительность одним или двумя днями, чтобы не нанести ущерба экономике, чем значительно снижают их эффект. Такое положение послужило в конце XX — начале XXI в. одним из факторов, побуждающих трудящихся искать новые, нетрадиционные формы борьбы, в том числе и вне рамок системного профсоюзного движения.

Крестьянские движения

Положение крестьянства как социального слоя в XX в. сильно различалось, в зависимости от региона планеты и конкретной страны. В большинстве европейских государств традиционный инструмент крестьянской самоорганизации, сельская община, был разрушен в процессе индустриализации и модернизации; сельские сходы перестали собираться, а общинные угодья были огосударствлены или приватизированы. К началу столетия община сохранилась в России, ряде районов на Балканах, в Латинской Америке, Азии и Африке. Однако даже там, где она исчезла как учреждение, элементы и традиции общинного коллективизма и взаимопомощи удерживались среди крестьян на протяжении многих десятилетий. Специфика социальной ситуации крестьянства вынуждала его вести борьбу на два фронта — против традиционного помещичьего землевладения и против крупного агробизнеса, торжествующего в ходе модернизации. Преобладание той или иной линии конфликтов зависело от социальной структуры той или иной страны.

В регионах преобладания помещичьего землевладения, латифундий в центре борьбы оказывались проблемы проведения аграрной реформы, и крестьянские движения добивались в первую очередь передачи земли в руки самих крестьян: в собственность сельских общин, с распределением в уравнительное пользование отдельных крестьянских семей (Россия, ряд стран Азии и Латинской Америки) или в индивидуальную собственность крестьян. Так, в России требование обобществления земли и уравнительного землепользования («черного передела») выдвигалось возникшим в годы революции 1905 — 1907 гг. Всероссийским крестьянским союзом, было поддержано влиятельной партией социалистов–революционеров, а затем осуществлено в ходе революции 1917 — 1921 гг. Русская крестьянская община была уничтожена лишь в ходе насильственной коллективизации и модернизации в СССР в конце 1920-х — начале 1930-х годов. В Мексике в результате революции 1910 — 1917 гг. и последующих преобразований крестьянству удалось добиться передачи значительной части земель в руки общин — «эхидос». В Бразилии на смену традиционным крестьянским бунтам и восстаниям в конце XX в. пришло Движение безземельных трудящихся (образовано в 1985 г.), которое практикует захваты земли и ведет борьбу как с латифундистами, так и с землевладением крупных корпораций. Во многих странах Латинской Америки (Боливии, Перу и др.) борьба за аграрную

реформу в значительной мере сливалась с выступлениями за права индейского населения, сохранявшего общинные структуры и составлявшего большинство сельского населения.

В европейских странах на смену разрушенной сельской общине пришли новые формы крестьянской самоорганизации — крестьянские союзы, культурные и просветительские ассоциации, объединения взаимопомощи. Важнейшей формой экономического сотрудничества сельских жителей стали крестьянские кооперативы, получившие особое развитие в скандинавских странах: в XX в. они контролировали большую часть мясо-молочной индустрии (Дания, Норвегия, Швеция), рыболовства (Исландия), служили основой для совершенствования всей сельской инфраструктуры, образования и культуры на селе и т. д. Исключительный характер приобрело сельскохозяйственное кооперативное движение среди евреев Палестины с 1910 г., которое взяло на себя роль пионеров в освоении страны еврейскими переселенцами. Образованные таким образом коммуны (кибуцы) и кооперативы (мошавы) объединили большинство еврейского сельского населения Израиля. Крестьянская кооперация поощрялась также во второй половине XX столетия в различных странах глобального Юга.

Крестьянские мальчики с помощью плуга выкапывают картофель.

Россия, 1910-е годы. РГАКФД.

В Испании, где вплоть до середины XX в. оставались сильны традиции сельской общины, анархо–синдикалисты способствовали объединению крестьян и сельскохозяйственных рабочих в профсоюзы, способные вести борьбу за частичные улучшения и одновременно за полное преобразование аграрных отношений. Они добивались конфискации латифундий, их обобществления и передачи под управление профсоюзов для коллективной обработки. В период революции и гражданской войны 1936 — 1939 гг. в республиканской зоне развернулся бурный процесс возникновения крестьянских коммун («коллективов»), которые захватывали помещичьи земли, а также объединяли на добровольной основе земли вступавших в них крестьян. Таких ассоциаций, охватывавших иногда целые населенные пункты, насчитывалось несколько тысяч, и в них состояли сотни тысяч крестьян. В некоторых регионах (например, в Арагоне) в их руках оказалась большая часть земель. С поражением Испанской республики это движение было подавлено.

В ряде стран Центральной и Восточной Европы на базе крестьянских ассоциаций образовались идейно–политические организации. Некоторые из них занимали более радикальные позиции, выступали за аграрную реформу, в защиту «единого крестьянского сословия» и пропагандировали модели «третьего пути», отличного как от капитализма, так и от социализма (Болгарский земледельческий народный союз, 1899/1901 г.; Польская крестьянская партия, 1895 г.; Хорватская республиканская крестьянская партия, 1904 г. и др.). Другие являлись более умеренными, отстаивая экономические, социальные и культурные интересы крестьянства в рамках существующей системы и структур собственности (Аграрные союзы в скандинавских странах). В период между двумя мировыми войнами предпринимались попытки объединить крестьянские партии в международные союзы: действовали Международное аграрное бюро (1921 — 1939) и работавший в союзе с коммунистами Крестьянский Интернационал (1923 — 1933).

Дальнейшие социальные изменения, произошедшие во второй половине XX в., серьезно повлияли на характер крестьянских движений. В странах, где произошел переход к развитому индустриальному обществу, они по существу утратили влияние. Аграрные союзы в странах Скандинавии отказались от преимущественной ориентации на сельское население и преобразовались в Партии центра. В регионах глобального Юга крестьянские организации, напротив, по–прежнему сохраняют силу, включившись в борьбу против крупных национальных и

мультинациональных корпораций и неолиберальной экономической политики. Активное участие в ней принимают и некоторые группы сельских жителей из индустриально развитых стран (к примеру, выступающие против выращивания генно–модифицированной продукции). С 1993 г. более 140 организаций крестьян, мелких и средних фермеров, сельскохозяйственных рабочих, сельских женщин и индейских общин из более 70 стран Европы, Латинской и Северной Америки, Азии и Африки объединены в международную ассоциацию «Виа кампесина», которая выступает за «устойчивое сельское хозяйство» и право производить аграрную продукцию на своей территории («продовольственный суверенитет»).

Кооперативное движение

Появление практики кооперативной взаимопомощи тесно связано с процессами индустриализации и ее воздействием на трудящихся. В XIX в. в рабочих и профсоюзных кругах была широкого распространена идея о вытеснении капитализма кооперативными ассоциациями работников. Зачинателями движения в его более современной форме принято считать «рочдельских пионеров» — британских рабочих–социалистов, которые в 1844 г., собрав средства, создали потребительское общество, а затем ряд культурных проектов и производственных предприятий. Этот пример вскоре был подхвачен по всей Великобритании (с 1869 г. действовал Кооперативный союз), а затем и за рубежом. В 1895 г. был образован Международный кооперативный альянс (МКА), который в 1924 г. объединял уже около 40 млн членов. По мере расширения движения оно все больше утрачивало преобладающий социалистический характер и к началу XX в. включало уже людей с самыми разными политическими и идейными убеждениями. Во многих случаях происходил отказ от первоначального принципа использования исключительно собственного труда и распределения прибылей не по вложенному капиталу, а пропорционально работе на общие нужды. В ряде стран оформились отдельные кооперативные организации, в зависимости от политической ориентации их членов. Так, в Германии в 1902 г. движение раскололось на «социалистическое» крыло, сотрудничавшее с профсоюзами, либеральное и христианское течения. После возникновения компартии появилось и коммунистическое крыло. В 1920-е годы кооперативы как форма объединения оставались весьма популярными среди немецких рабочих,

действуя в самых различных сферах жизни: потреблении (в крупных городах в них входило до 40% семей), строительстве, жилищной сфере, производстве, организации досуга, культуре. Процветающее кооперативное движение в Германии было огосударствлено и фактически уничтожено нацистской диктатурой.

В скандинавских странах преобладала крестьянская кооперация. В России до революции 1917 — 1921 гг. существовало мощное кооперативное движение, развившееся в сеть экономических и культурных организаций с 9 млн членов в 1918 г. Оно было фактически огосударствлено большевистской властью, а кооперативы в СССР были полностью подконтрольны государству.

После Второй мировой войны роль кооперативов в ряде стран и отраслей по–прежнему являлась значительной. К примеру, в Исландии Федерация кооперативных обществ в 1980-е годы объединяла до 20% населения, контролировала большую часть экспорта рыбы и шерсти, значительную часть импорта продовольствия, техники и потребительских товаров, владела флотом, банком, фабриками, страховой компанией и т. д. В некоторых странах существовало по нескольку объединений кооперативного движения, которые ориентировались на различные политические партии и течения. Так, в Италии сложилось 4 общенациональных объединения. В 1990-е годы в стране имелись около 77 тыс. кооперативов с 9 млн членов, банк кооперативного кредита. Они занимали прочные позиции в таких сферах, как организация потребления, строительство, банковское и страховое дело, сельское хозяйство, рыболовство, туризм, издательское дело, индустрия развлечений, социальные службы, медицина и т. д. В системе кооперативов работали 600 тыс. человек. Широкую известность приобрела испанская федерация кооперативных предприятий «Мондрагон», образованная в 1956 г. и включающая более полутора сотен фирм с почти 70 тыс. работников. Она заняла ведущие позиции в производстве бытовых электроприборов, станков, машин, запчастей и т. д. На международном уровне МКА в 1988 г. объединял организации из 73 стран с 540 млн членов.

Современные кооперативы в основном вписались в рыночные структуры и, утратив притязания на роль «альтернативного» сектора экономики, стали работать, как обыкновенные частногрупповые предприятия. Стремясь не отставать от конкурентов, они зачастую вынуждены были идти на ограничение демократических процедур и норм принятия решений, расширение полномочий менеджмента, сдерживание роста заработков и продление рабочего времени. Фактически лица, занятые

на кооперативных предприятиях, нередко превращались в наемных работников, не имея при этом права объединяться в профсоюзы или бастовать. Многие кооперативы отказались от принципа «самозанятости» и самостоятельного труда членов, приступили к найму рабочей силы «извне». Наконец, экономические интересы побудили кооперативные структуры тесно взаимодействовать с государственными и частными фирмами, брать кредиты и ссуды в банках, попадая в зависимость от них.

Новые тенденции появились в кооперативном движении в начале XXI в. В условиях экономических кризисов сотни предприятий в различных странах, разорившихся и брошенных своими владельцами, переходили в руки работников и были превращены в рабочие кооперативы. В Испании, Италии, Греции и ряде других стран стали возникать кооперативные сети взаимопомощи, обеспечивавшие граждан социальными услугами вместо рынка и государства.

Антивоенные движения

В XX столетии мир пережил две мировые войны, а локальные конфликты в различных частях планеты вспыхивали фактически беспрерывно. После 1946 г., в период раскола на два противоборствующих военно–политических блока, человечество вынуждено было существовать под постоянной угрозой ядерного конфликта. Непрекращающиеся войны или опасность войн привели к появлению различных антивоенных движений.

Традиционный пацифизм был представлен обществами мира различных стран, которые с 1891 г. объединялись в Международное бюро мира (МБМ), призывавшее к утверждению принципов «закона и морали» во взаимоотношениях между государствами, мирному разрешению международных споров с помощью арбитража и к самоопределению наций. Оно организовывало международные конгрессы и конференции, обращалось к властям, политикам и общественности, предлагало создание международных судебных органов и «гуманизацию» конфликтов, а после Первой мировой войны активно поддерживало Лигу Наций, стремясь превратить ее в орган разрешения межгосударственных споров, с созданием всемирного правительства, мировыми вооруженными и полицейскими силами, интернационализацией военной авиации и т. д.

В период Первой мировой войны возникли новые пацифистские организации, такие как Международный женский комитет за постоянный

мир (1915), созданное протестантским движением квакеров «Братство примирения» (с 1919 г. — Международное движение примирения) и др.

В начале XX в. стало оформляться радикально–пацифистское крыло, объединившее часть анархистов, христианских анархистов и левых социалистов. В 1904 г. оно оформилось в Международную антимилитаристскую ассоциацию (МАА). Это течение проводило митинги и демонстрации, распространяло антивоенные листовки, оказывало поддержку лицам, уклоняющимся от военной службы, и дезертирам и агитировало за прекращение производства оружия. В 1921 г. движение раскололось на Международное антимилитаристское бюро (МАБ), в которое вошла и МАА, и объединение «Мир», с 1923 г. получившее название Интернационала сопротивления войне (ИСВ). В МАБ вошли преимущественно анархисты и анархо–синдикалисты, считавшие любое государство и капитализм проявлением насилия, в ИСВ — приверженцы полного ненасилия, активисты движения против военной службы, социалисты, квакеры, анархо–пацифисты, сторонники методов гражданского неповиновения в духе М. Ганди и т. д. Борьбой против призыва в армию занимался и образованный в 1928 г. Всемирный совет мира, чье воззвание против «военного рабства» в 1930 г. подписали такие видные общественные деятели, как женская активистка Дж. Адамс, психоаналитик З. Фрейд, писатели Т. Манн, Э. Синклер, С. Цвейг, Г. Уэллс, философ Б. Расселл и др.

В 1930-е годы свою деятельность в области борьбы за мир активизировали и сторонники коммунистических партий. Под их эгидой в 1932 — 1934 гг. сложилось так называемое Амстердам–Плейельское движение, объявившее своей целью предотвращение новой мировой войны и борьбу с фашизмом. Однако это течение вызвало недоверие к себе со стороны других антивоенных объединений: социал–демократы видели в нем очередной маневр коммунистов с целью усиления своего влияния, а радикальные пацифисты и анархисты критиковали за нежелание осудить не только буржуазный и фашистский, но и «советский милитаризм».

После Второй мировой войны и особенно с началом холодной войны между Востоком и Западом в антивоенных движениях произошли кардинальные перемены. При поддержке СССР и коммунистических партий в 1949 — 1950 гг. был образован Всемирный совет мира (ВСМ), в который вошли национальные организации сторонников мира из многих стран. Несмотря на присутствие в его составе некоторых пацифистов, общая установка ВСМ сводилась к тому, чтобы возложить вину за напряженность и угрозу войны в мире преимущественно на Западный блок.

Такая позиция вызвала недовольство как традиционно пацифистских, так и радикальных групп, которые выступали с идеей «равноудаленности» от обоих противостоящих друг другу блоков и в равной мере критиковали и Восток, и Запад. Эти силы выступали инициаторами массовых кампаний и акций против военных блоков и за разоружение, таких как кампания против вступления ФРГ в НАТО «Без меня» в 1950-е годы, действия созданного в 1958 г. в Великобритании «Движения за ядерное разоружение» (ДЯР), международный конгресс против атомного оружия в Лондоне (1959), Пасхальные марши мира, Олдермастонские марши в Великобритании и др. Особый размах получили массовые выступления протеста против колониальных войн (например, против войн Франции в Индокитае в 1945 — 1954 гг. и Алжире в 1954 — 1962 гг.), а также против войны США в Индокитае (1964 — 1972).

Антифашистская демонстрация в день годовщины попытки фашистского путча. Франция, 1934 г. РГАКФД

Значительный всплеск антивоенного движения в Европе отмечался после того, как в 1979 г. блок НАТО принял решение о размещении на континенте американских ракет средней дальности. Против их стационирования, согласно данным опросов общественного мнения,

высказывалось большинство жителей Старого Света. В ФРГ, Нидерландах, Великобритании и других странах к демонстрациям, маршам и иным формам протеста примкнули в общей сложности многие миллионы людей. В выступлениях принимали участие как традиционные антивоенные организации, так и новые объединения, возникшие на волне протестных движений 1960-х — 1970-х годов. Новые течения основывались на принципе «равноудаленности» от обоих противоборствующих блоков: и НАТО, и Организации Варшавского договора. Протестующие собирали подписи под обращениями против размещения ракет, проводили массовые демонстрации в городах и около военных баз, акции гражданского неповиновения (включая блокады военных объектов), «лагеря мира» и «дни сопротивления». В 1980 г. была создана координирующая организация «Европейское ядерное разоружение», выступившая за «безъядерную Европу от Польши до Португалии» и «разрядку напряженности снизу»; она сотрудничала также с оппозиционными группами в Восточной Европе и с новым пацифистским объединением «Международный центр связей и координации за мир», образованным в 1981 г. Одним из требований участников протестов было проведение референдумов о размещении ракет, но оно было отвергнуто властями под тем предлогом, что при демократии «правит не улица». В 1982 — 1983 гг. парламенты западных государств проголосовали за размещение.

В конце XX столетия многие из антивоенных активистов примкнули к альтерглобалистскому движению, а в 2003 г. антивоенные группы организовали кампанию массовых протестов против интервенции международной коалиции во главе с США в Ирак.

Молодежный протест и «новые социальные движения» (1960-е — 1980-е годы)

Назревавшее среди части общества недовольство централизаторскими и бюрократическими чертами моделей социального государства породило к концу 1960-х годов эффект, который политологи назвали «кризисом легитимации» (Ю. Хабермас): ощущение, что существующая система политического представительства не учитывает в должной степени или игнорирует интересы и нужды рядовых граждан. Одним из первых социальных слоев, которые откликнулись на этот вызов, стала учащаяся молодежь. Выступления, получившие название «студенческого бунта 1968 г.», стали по существу широким социальным и культурным

движением, захватившим многие страны мира. Студенческие союзы и молодежные организации, связанные с различными политическими партиями и течениями, возникали еще с XIX в., но в 1960-е годы молодежное движение впервые вышло на общественную сцену в качестве самостоятельной силы.

Протесты студентов и других учащихся (демонстрации, митинги, пикеты, сидячие забастовки и др.) начались в 1964 г. в университете Беркли в США и в последующие годы распространились на всех континентах планеты, достигнув пика в 1968 — 1969 гг., с захватами университетов и попытками наладить там «альтернативное образование». В Западной Европе наиболее мощные выступления происходили во Франции, ФРГ, Великобритании, Италии и Испании, в Азии — в Японии, в Латинской Америке — в Мексике, Бразилии, Перу, в Африке — в Сенегале и Тунисе, в Восточной Европе — в Югославии и Польше. Непосредственным поводом служили обычно протесты против войны во Вьетнаме и сотрудничества национальных правительств с реакционными режимами, борьба за расширение гражданских прав (против дискриминации чернокожего населения в США, против «чрезвычайных законов» в ФРГ), против невыгодных для учащихся реформ системы образования (Франция), те или иные вопросы внутренней политики. Тем не менее студенчество не ограничивалось этими темами, но выдвинуло лозунг, который нашел самый широкий отклик — прямой демократии и общественного самоуправления. Эти принципы воплотились не только в организационных формах, которые использовала бунтующая молодежь (общие собрания, равенство участников, отказ от иерархических норм принятия решений, децентрализм и федеративная координация «снизу», стремление к независимости от традиционных политических партий), но и были подхвачены самыми различными социальными слоями. Так, во Франции в мае 1968 г., под влиянием студенческих выступлений, началась всеобщая забастовка и поднялась волна захвата предприятий и учреждений бастующими с введением на них системы самоуправления.

Хотя в большинстве стран студенческий протест 1968 — 1969 гг. в конечном счете не сумел добиться коренного преобразования общества (в некоторых государствах удалось лишь достичь улучшения социального, материального и юридического положения учащихся), он положил начало так называемым «новым социальным движениям»: новому молодежному, новому рабочему, экологическому, «альтернативному», женскому и др.

В 1970-е годы продолжались бунты молодежи в таких странах, как Италия, где их участники выступили под лозунгом общественной

«автономии» и борьбы за «отвоевание свободных пространств». Вплоть до 1977 — 1978 гг. не прекращались захваты учебных заведений учащимися, выступления за бесплатность общественных услуг, против повышения квартплаты и платы за проезд на транспорте; создавались автономные социально–культурные центры и целые «свободные зоны» в городских кварталах.

В рабочем движении различных стран (Франции, Западной Германии, Италии, Японии и др.) в ходе массовой забастовочной волны 1968 — 1969 гг. наметилась новая тенденция к самоорганизованному действию, независимому от профсоюзного руководства, к проведению несанкционированных («диких») забастовок и решению основных вопросов борьбы на общих собраниях бастующих. В последующие десятилетия данная традиция существовала рядом с профсоюзной, а иногда и переплеталась с ней.

Экологическая проблематика стала предметом растущей заботы общественности с конца 1960-х — начала 1970-х годов, когда в ФРГ, Франции, США, Великобритании, Италии, Японии и других странах начали возникать группы и комитеты в защиту окружающей среды. Они выступали против конкретных промышленных, энергетических, транспортных проблем, первоначально нередко концентрируясь на местной тематике и не рассматривая негативные явления в обществе в целом. Мощный толчок возникновению массового экологического («зеленого») движения придали «нефтяной кризис» 1973 — 1974 гг., порожденный, в частности, обострением конфликта на Ближнем Востоке, и принятые правительствами индустриальных государств программы развития атомной энергетики. Форсированное сооружение АЭС встретило широкое недовольство жителей и экологических активистов, которые сочли это свидетельством того, что бюрократизировавшаяся политическая власть даже при системе представительной демократии считается не с интересами рядовых граждан, а с нуждами крупного бизнеса и военно–промышленного комплекса. Во всех основных странах Запада появились десятки тысяч общественных групп, комитетов, ассоциаций и объединений «зеленых». Во Франции пик движения протеста пришелся на конец 1970-х годов. В июле 1977 г. в Мальвиле произошла 50-тысячная демонстрация против строительства нового ядерного реактора, которая вылилась в жестокие столкновения с полицией; один из демонстрантов погиб. В ФРГ эпицентрами движения протеста стали строящиеся ядерные объекты (АЭС, заводы по переработке радиоактивных отходов или места их захоронения) в Вюле (1975), Калькаре (1976 — 1977), Брокдорфе (1976 — 1977, 1981),

Гронде, Горлебене (1977, 1980, 1990 и т. д.), Ваккерсдорфе (1986 — 1987). Некоторые из этих проектов удалось предотвратить или заморозить. В выступлениях, которые сопровождались массовыми захватами стройплощадок и ожесточенными столкновениями с полицией, участвовали десятки и сотни тысяч человек. В марте 1980 г. демонстранты ненадолго заняли стройплощадку завода по переработке отходов в Горлебене и объявили эту территорию «Свободной республикой Вендланд». В начале 1980-х годов население вело активную борьбу, пытаясь предотвратить постройку новой взлетной полосы в аэропорту Франкфурта–на–Майне. В Италии кульминацией антиядерных протестов стали выступления 1977 г. В Японии острие борьбы экологистов в конце 1970-х годов было нацелено против расширения аэропорта Нарита. В конце 1970-х-1980-е годы стали возникать и крепнуть политические партии «зеленых».

Заметное место в ряду социальных инициатив 1970-х — 1980-х годов заняло «новое женское движение». В отличие от суфражистского движения начала XX в., которое выступало за предоставление женщинам избирательных прав, и от женских организаций различных политических партий и течений, в нем ставился вопрос об общем положении, месте и роли женщины. Получили распространение теории феминизма: современное общество подвергалось критике как патриархальное и основанное на дискриминации и угнетении женщин во всех сферах жизни, включая не только политику и профессиональную деятельность, но также в установлении общественных ролей, быту, семье и сексуальности. Большое внимание феминистки уделяли таким темам, как право на аборт, борьба с домашним насилием, признание домашнего труда, равная плата за равный труд, сексуальное насилие. Выступая за общество равноправия между полами, «новое женское движение» прибегало к формам гражданского неповиновения и демонстративному внесению выдвигаемых им проблем в тематику деятельности общественных учреждений и организаций.

Значительное распространение с конца 1960-х годов получило коммунитарное и «альтернативное» движение. Если коммуны и кооперативные поселения, создававшиеся энтузиастами в различных странах с XIX в., были своего рода попыткой «выйти» из существующей системы, то участники нового движения стремились воплотить на практике разрыв с господствующим строем и образом жизни непосредственно в самом обществе. Наиболее далеко идущей разновидностью «альтернативизма», в которой соединялись общественные формы жизни и труда, стали коммуны и общины. В этих поселениях, основанных на

совместно организуемом быте и общей собственности, люди вели общее хозяйство, коллективно (на основе отсутствия бюрократии и иерархии между членами) принимали основные решения и обобществляли свое имущество. Рыночные и денежные отношения внутри коммун отсутствовали. Коммуны имели разную степень устойчивости (некоторые быстро распадались) и сильно отличались друг от друга по своему характеру. Многие из них пытались вести преимущественно натуральное и экологическое хозяйство, другие развивали у себя определенные виды производства и услуг, которые они могли продавать вовне, так что прибыль шла в общее имущество коммуны.

Помимо коммун, в которых участники обобществляли как сферу повседневной жизни, так и сферу труда, появилось намного большее число проектов, основанных на обобществлении лишь какой–то одной области человеческого существования. Так, в 1970 — 1980-е годы получили широкое распространение так называемые «жилищные сообщества», преимущественно с молодежным составом членов. Иногда это было ответом на острую нехватку жилья и жилищные спекуляции, не дававшие молодым людям возможность обеспечить себя жильем. Так возникло движение «сквоттеров», занимающих пустующие дома. Оно было особенно развито в таких странах, как Западная Германия, Нидерланды, Италия, Франция и т. д., но захваченные дома («сквотты») можно было встретить во многих городах по всему миру. В отдельных городах их число достигало нескольких десятков или даже сотен (Западный Берлин). В занятых домах создавались общины или «жилищные сообщества», с попытками совместной организации быта, коммунального и домашнего хозяйства, но чаще всего с сохранением собственного имущества. Кроме того, существовали «жилищные сообщества», создаваемые молодежью с целью совместной аренды жилья.

Новой формой производственной кооперации стали «альтернативные проекты» — небольшие по размеру, децентрализованные и самоуправляющиеся кооперативы, группы взаимопомощи и самопомощи, товарищества, предприятия и мастерские, проектные организации и службы. В начале 1980-х годов их общая численность, например, в Западной Германии, составляла 10-12 тыс. Стали складываться «сети» и ассоциации организаций взаимопомощи, координирующие деятельность проектов, которые пытались развивать «общественные формы хозяйства», основанные на гибком сочетании принципов планирования и низовой инициативы.

В целом участники «новых социальных движений» считали

необходимым, чтобы общество оказало на власть прямое давление, заставив ее действовать так, как хотят и требуют члены социума. Основной формой их организации стали так называемые «гражданские инициативы» на местах и их объединения, работавшие в самых различных сферах — экологической, социальной, культурной, экономической и т. д. Нередко они воспринимали себя как альтернативу модели представительной демократии и требовали большего участия граждан в решении общественных вопросов — политики «от первого лица», дополнения парламентской системы прямой демократией и самоуправлением. Леворадикальное крыло «новых социальных движений» (известное также под названием «автономного движения») выступило за разрыв с представительной демократией и замену ее системой автономных «свободных пространств», самоуправляющихся групп, коллективов и советов.

Характерно, что в недрах «новых социальных движений» (как и в рабочем движении XIX — начала XX в.) происходило формирование собственной системы ценностей и собственной культуры. В их основе лежали идеи общественного самоуправления и гражданского участия в принятии всех значимых решений в социуме, самоценности и самореализации человеческой личности, критики отчуждения человека и потребительства в современном обществе. Тем не менее «смена ценностей», которую провозглашали и пытались осуществить участники инициатив, оказалась неустойчивой, и в конце 1980 — 1990-х годов «новые социальные движения» пошли на спад на фоне поворота к экономическому неолиберализму.

«Альтерглобалистские» и антикризисные движения протеста (1990-е — 2010-е годы)

Социальные проблемы, обостренные усилением глобализации и либерализацией мировой экономики и неолиберальной экономической политикой, неоднократно вызывали в различных странах выступления протеста, нередко принимавшие бурный характер (восстания против отмены субсидий на продовольственные цены в государствах глобального Юга, всеобщие стачки в государственном секторе во Франции в 1995 г., народное восстание против «шоковой терапии» в Албании в 1997 г., восстание в алжирской Кабилии в 2001 г., движение безработных «пикетчиков» и восстание в Аргентине в 2001 г., массовый захват латифундий в Бразилии, забастовки против «неолиберальных»

экономических реформ и др.). В ходе этих акций во многих случаях возникали такие органы общественного самоуправления, как общие собрания, ассамблеи, народные комитеты, советы и др.

В 1990-е годы сложилось новое движение, которое получило название «альтерглобалистского» (т. е. направленного на «иную глобализацию»). По существу речь шла об общем наименовании общественных организаций, движений и инициативных групп, которые повели борьбу с социальными, экономическими, политическими и экологическими последствиями современного хозяйственного курса. Точкой отсчета для «альтерглобализма» принято считать восстание, поднятое в 1994 г. в мексиканском штате Чиапас Сапатистской армией национального освобождения, с опорой на местные индейские общины. Однако первым массовым международным выступлением под «альтерглобалистским» флагом стали протесты, приуроченные к заседанию Всемирной торговой организации (ВТО) в 1999 г. в Сиэтле (США).

С тех пор организуются регулярные акции, направленные против международных экономических форумов, конференций, встреч лидеров 7 или 8 экономически развитых стран и других мероприятий, на которых обсуждаются вопросы координации мировой социально–экономической политики.

В «альтерглобалистских» движениях, лишенных единой структуры и координирующих свои действия через региональные, национальные, континентальные и всемирные «социальные форумы», приняли участие организации, весьма различные по своему происхождению, характеру и идейной направленности. Часть таких групп была создана специально для противодействия последствиям и эффектам глобализации. Другие в той или иной форме были связаны с иными общественными или политическими движениями — пацифистскими, экологическими, солидарности со странами или народами глобального Юга, крестьянскими, леворадикальными, анархистскими, коммунистическими и т. д. Кроме того, в выступлениях принимали участие и некоторые организации традиционных социальных движений, например, профсоюзы. Одни активисты отвергали действующие механизмы процессов глобализации хозяйства и политики, считая их недемократическими, несправедливыми и служащими прежде всего крупным корпорациям, другие — капитализм и свободу торговли как таковые, третьи — лишь «неолиберальную» форму капитализма и т. д. Общим моментом оказалась критика «неолиберального» варианта капитализма и тех международных экономических и финансовых институтов, которые считаются его носителями (Всемирного банка,

Международного валютного фонда, Организации экономического сотрудничества и развития, ВТО, международных соглашений о свободе торговли).

Альтернативные предложения, выдвинутые в русле «альтерглобализма», также были весьма разнообразными: от возвращения к регулирующей роли национальных государств в социально–экономической области или создания «всемирного гражданского общества» и механизмов, которые должны были сделать возможным возвращение к кейнсианской социальной политике на мировом уровне, до формирования структур самоуправляющегося «контробщества», основанного на сетевой солидарности и взаимопомощи, вытесняющих существующий строй. Столь же разнились и политические проекты «альтерглобалистов»: от «демократии участия», дополняющей модель представительной демократии, до автономной общественной самоорганизации на базе прямой демократии.

Начавшийся в 2008 г. финансово–экономический кризис и последовавшая за ним хозяйственная депрессия сопровождались принятием практически во всех странах мира «мер жесткой экономии» (урезание расходов на социальные нужды и пособий, замораживание заработных плат и пенсий, продление пенсионного возраста, либерализация и дерегулирование трудовых отношений и т. д.). Ответом стало появление новых протестных движений под девизом «Не хотим платить за ваш кризис». На фоне в целом низкой эффективности акций сопротивления, организованных профсоюзами (так, всеобщие забастовки, проведенные в большинстве европейских стран, продолжались максимум 24 или 48 часов и не смогли заставить правительства изменить проводимую ими социально–экономическую политику), с 2011 г. возникли новые формы гражданских протестов, участники которых занимают ключевые пункты городов, разбивают лагеря, требуют смены проводимого курса, отказа от мер «экономии», большего участия рядовых граждан в принятии решений и развития элементов прямой демократии (движение «возмущенных» или «15 мая» в Испании, движение «Захватите Уолл–стрит» и аналогичные в других странах мира). Для этих движений характерен отказ от создания централизованных структур и институтов, широкое использование методов мобилизации через Интернет и социальные сети, организация в форме общих собраний (ассамблей, форумов и др.), ориентация на расширение сетей самоуправления и взаимопомощи по месту жительства и экономических единиц кооперативного типа.

Культура и искусство первой половины XX века

Двадцатый век открывает новый, постклассический этап в развитии культуры. Культурное сознание приобретает в прошедшем столетии невиданную прежде сложность и многомерность, социокультурное развитие — новую динамику.

К XX в. на Западе обозначается кризис рожденных Просвещением установок классической новоевропейской культуры. Ее основой, как известно, являлось антропоцентрическое и рационалистическое мировосприятие. Оно определяло особенности западноевропейской картины мира — целостной системы базисных представлений о бытии, оказывающей глубинное влияние на характер мышления и поведения, на состояние сознания и самоощущения человека как носителя культурной традиции. Антропоцентризм и рационализм картины мира формировали как представления о культуре, так и систему культурных практик.

Со второй половины XIX в. характер развития западной культуры начинает меняться. Знаменитая метафора Ф. Ницше «Бог умер!» еще в 1880-е годы фиксирует новое ощущение относительности прежде устойчивых представлений о мироустройстве. Под влиянием быстрых темпов индустриальной революции, развития науки, технического прогресса мир к XX в. открывается культурному сознанию как утративший привычные координаты, как сложное, многомерное, ускользающее от прежних возможностей его постижения целое. Усложнение картины мира ведет к разрушению мировоззренческих ориентиров предшествующих столетий, к разрыву с господствующими культурными традициями. Оно формирует постклассическое, релятивистское по своему характеру мышление, заявляющее о себе в науке, философско–гуманитарной мысли, новых творческих практиках.

Новые тенденции развития культуры обозначаются с первого десятилетия XX в. Так, представленные М. Планком принципы квантовой механики и опубликованные в 1905 г. основные идеи теории относительности А. Эйнштейна ставят под сомнение логику ориентированной на поиск объективной истины классической науки, допускают множественность пространственно–временных координат, в рамках которых устанавливаются физические закономерности. Авангардистские творческие эксперименты в изобразительном искусстве и литературе означают фактическое отрицание классической традиции.

Наконец, быстрые темпы развития массовой культуры полностью меняют облик социокультурного пространства.

Переломными для судьбы европейской культуры оказались события Первой мировой войны. По словам французского философа–экзистенциалиста Г. Марселя, «европейская культура умерла 1 августа 1914 года». На это же время приходится окончательное становление новой, постклассической по своей сути, культуры, определяемой как модернистская. О временных и содержательных границах модернизма ведутся постоянные дискуссии. В контексте общекультурной проблематики XX в. модернизм — это не только художественно–эстетическое явление, каким оно представлено в традиционном понимании, но совокупность разнородных проявлений всей системы идей и ценностей, а также духовного склада западной цивилизации. Наиболее полно модернизм проявляет себя в 1920-1930-е годы. Катастрофические события Второй мировой войны меняют духовно–нравственное состояние и векторы социокультурного развития западного мира. Культура второй половины XX в. развивается уже под знаком постмодернизма.

Культурное пространство западного мира в первой половине XX в. формировалось под влиянием модернизационных процессов и скоростей, с которыми они происходили. Модернизация, под которой принято понимать социокультурную динамику европейского общества эпохи начавшейся в XVIII в. индустриальной революции, приводила к коренным изменениям на всех уровнях развития культуры. Новые ценности — рационализм и прагматизм — в немалой степени вытесняли прежние духовные ориентиры. «Дегуманизация» массового сознания меняла ментальность личности — той, которая сознавала себя субъектом культуры, чутко реагировала на кризисные трансформации, формировала своей рефлексией новые измерения культурного пространства.

Изменившееся мироощущение личности, показавшее, как чуткий барометр, новые измерения культурного пространства, проявило себя в культурфилософской мысли. Постклассическое понимание культуры формировалось в полемике с традицией новоевропейской науки, которая, как известно, была основана на чувстве исторического оптимизма, на вере в движение по пути прогресса. Классические теории культуры исходили из убежденности в решающей роли разума, открывающего неограниченные возможности развития человека, его духа, прав и свобод. Рефлексия постклассическая — в лице, к примеру, А. Шопенгауэра и Ф. Ницше — заявляла о своем рождении чувством тревоги, исторического пессимизма,

разочарованием в рационально ориентированных культурных практиках, препятствующих самореализации человека.

К началу XX в. кризисное мироощущение становится господствующим настроением времени и отчетливо заявляет о себе после трагических событий Первой мировой войны. Европейская культура тяжело и даже безнадежно больна. Первым ярким, но далеко не единственным выражением этого умонастроения явился «Закат Европы» — вышедший в 1918 г. труд знаменитого немецкого мыслителя, представителя философии жизни О. Шпенглера.

«Закат Европы» — наиболее известный пример нового понимания логики историко–культурной эволюции, философской рефлексии постклассического типа. Труд О. Шпенглера утверждает релятивизм, относительность прежних европоцентристских концепций культурного прогресса. В условиях, когда классическое толкование культуры обнаруживает свою несостоятельность, истоки ее развития мыслитель ищет не в разуме, а в жизни, находящейся в состоянии становления, развития, творческой самореализации. Жизнь как форма бытия культуры подчинена «идее судьбы», которая, по выражению автора, должна быть противопоставлена «познанию причины и действия, основания и следствия», т. е. прежним подходам к пониманию культурного развития. О. Шпенглер трактует культуру как живой развивающийся организм, проходящий закономерные стадии развития — рождение, расцвет, угасание. На последней стадии она закостеневает, теряет способность к органической жизни, превращается в цивилизацию; происходит ее закат, т. е. смерть. Именно на стадии цивилизации как «неизбежной судьбы культуры» находится, по О. Шпенглеру, современная ему Европа.

Наряду с О. Шпенглером кризис культуры констатируют и другие крупные мыслители первой половины XX в., представляющие разные направления философской мысли: Г. Зиммель, Н. Бердяев, А. Вебер, Т. Лессинг, Й. Хейзинга и др. Поиски истоков кризиса ведут их к размышлению о новых реалиях социокультурного развития. Становится ясно, что быстрые темпы индустриализации коренным образом меняют культурное пространство и повседневную жизнь миллионов людей, приводят к рождению массовой культуры. Еще Ф. Ницше в XIX в. увидел в массе («стаде», как он ее называл) носителя системы ценностей, глубоко чуждых самому духу культуры. В XX в. пришествие массы как угрозу европейской культуре констатируют О. Шпенглер, Н. Бердяев, теоретики Франкфуртской школы социальных исследований и др.

Особое место в осмыслении феномена массы сыграли труды

испанского философа Х. Ортеги–и–Гассета. В работе «Восстание масс» (1929) он впервые показал, что масса — большинство, сформировавшееся в эпоху промышленной революции и политического либерализма XIX в. — имеет не столько количественные, сколько качественные характеристики. Масса в его трактовке — это «безличный коллектив», «совокупность лиц, не выделенных ничем», довольных «собственной неотличимостью». Социально–психологические характеристики человека массы приводят к рождению массового общества, в рамках которого формируется массовая культура.

Массовая культура — это не просто подобная прежним формам культура масс и для масс. Это особая, присущая именно современности, система определенных социально–психологических и культурных механизмов, которая соответствует особенностям массового сознания в индустриальную и постиндустриальную эпохи. Так, видный представитель Франкфуртской школы социальных исследований Г. Маркузе показал, что массовая культура формирует «одномерного человека». Последний характеризуется стертым личностным началом, ориентируется на систему стереотипов, предлагающую готовые ответы на все, что происходит в окружающем его социокультурном пространстве. Еще один представитель этой школы — Э. Фромм — дал характеристику массовому человеку как «отчужденной» личности, т. е. потерявшей собственное Я, свой личностный потенциал, свою уникальность.

На этом фоне кристаллизуется еще одна чрезвычайно важная проблема постклассической культурной рефлексии — проблема человека как субъекта культуры и ее творца. Классический гуманизм мыслил человека существом разумным, разум воспринимался как основа свободного поведения и самореализации личности. В новых условиях рождается более сложное понимание человеческой индивидуальности и ее культуротворческих возможностей.

На трансформацию западноевропейских представлений о человеке, как известно, огромное влияние оказали марксизм и ницшеанство. Переосмыслив гегельянство, К. Маркс пришел к новой концепции личности: субъект определяется не мышлением, сознанием или разумом, но практическим, имеющим активный характер, действием. Ф. Ницше, констатировав смерть Бога в западной культуре, движущей силой нового общества обозначил «волю к власти», под которой понимал волю творческую, освобождающую от традиционных представлений и ценностей. Личность в ницшеанской концепции — это «сверхчеловек», совершающий постоянное усилие ради акта самоопределения, ради

внутреннего освобождения от разного рода ложных ограничений.

Новое понимание субъектности в культуре XX в. сформировалось благодаря трудам знаменитого австрийского врача и психоаналитика З. Фрейда. Он сумел обосновать наличие в человеке трех уровней сознания («оно», «Я», «Сверх-Я») и показать механизмы взаимодействия между ними. «Оно» — это бессознательное, мир безотчетных влечений человека, где половой инстинкт дополняется инстинктом разрушения. По Фрейду, бессознательное не может постоянно контролироваться сознанием («Я») и в результате оказывается ареной конфликтов вытесненных цивилизацией запретов, т. е. «Сверх-Я». Бессознательное перевернуло классические представления о человеке как о существе, всецело контролируемом разумом. Окончательно разрушенные З. Фрейдом культурные табу высвободили взрывную энергию, отныне питающую стремление к творческой свободе, к экспрессивному личностному самовыражению, разрушающую прежние модели индивидуального поведения и художественных практик.

Поиск индивидуальности в условиях внутренней, утратившей прежние ограничения свободы становится центральной проблемой культурной рефлексии и лейтмотивом творческих исканий первой половины XX в. Его острота, напряженность и противоречивость во многом определяется противоположной тенденцией — дегуманизацией, обезличиванием социально–культурных отношений в массовом обществе. Культурно–философская мысль чрезвычайно остро ставит вопрос о решающем значении человеческой субъективности в мире, где господствует отчуждение. Эта проблема становится стержневой в одном из самых значимых направлений культурфилософской мысли первой половины XX в. — экзистенциализме, представленном в первую очередь именами немецких мыслителей М. Хайдеггера, К. Ясперса, М. Бубера, а также французских философов Г. Марселя, Ж. — П. Сартра, А. Камю.

Экзистенциализм, уходящий корнями в умонастроения XIX в., стержнем своих исследований делает тему трагедии гуманистической культуры в реалиях радикально изменившегося мира. Занимаясь анализом человеческого бытия (экзистенции), мыслители, представляющие это направление, — при всех различиях их воззрений — так или иначе стремятся ответить на вопрос о возникновении враждебных человеку форм отчуждения, в столкновении с которыми реализуется уникальность и подлинность экзистенциальной свободы.

Главное противоречие, о котором размышляют экзистенциалисты, связано с тем, что нарастающая враждебность общества, господство жестко

выстроенной институциональной системы, уравнивающей человека в его обезличенном существовании, является результатом успехов социально–экономического развития, триумфального покорения природы, преобразования общественных отношений. Именно прогресс загоняет личность, утрачивающую предзаданные обществом, религией и т. д. ориентиры, некогда придававшие смысл ее существованию, в тупик. Положение экзистенциального, т. е. не желающего смириться с потерей индивидуальной свободы, субъекта воспринимается как изначально трагичное. Единственный выход — это преодоление чувства тревоги, страха («тошноты», по Ж. — П. Сартру) и существование на основе постоянного свободного выбора, позволяющего принимать собственные решения, формировать индивидуальную модель поведения, выходить за пределы обыденности, на уровень подлинной экзистенции. Так, Ж. — П. Сартр, наиболее глубоко разработавший проблему индивидуальной свободы, утверждает, что гуманистические ценности создаются каждым индивидом для себя. Они являются результатом его личных действий, которые и составляют смысл существования в мире. Отсюда следует важнейший вывод: человек — не просто субъект культуры, это источник культурного творчества и постоянного самообновления культуры. Бытие в целом зависит от индивидуальных духовных способностей каждого человека и возможностей его самореализации. Свободная деятельность экзистенциального субъекта — основа развития культуры.

Экзистенциализм как мировоззрение был наиболее глубоким выражением духовного состояния западной цивилизации первой половины XX в. В нем, как в зеркале, отразились как важнейшие направления поисков культурного сознания эпохи, так и основные особенности развития культуры в целом. Массовая, несущая дегуманизацию и деиндивидуализацию культура, с одной стороны, — личностное видение и творческое самосознание, с другой, — именно эти измерения культурного пространства формируют основные векторы культурной динамики времени.

Массовая культура в первой половине XX века: основные характеристики и тенденции развития

Продуктом быстрых темпов индустриального развития, как уже указывалось, является социокультурное пространство нового типа — массовое общество, решающую роль в котором играет массовая культура.

Начиная с XVIII в. в развитых странах западного мира идут процессы индустриализации и урбанизации, результатом которых становится создание крупного машинного производства, переселение бывших крестьян в города, изменение образа жизни и ценностных ориентиров огромных масс населения. Это период, когда быстрыми темпами разрушается традиционная культура, предполагающая регулярность воспроизводства социально–культурного опыта и персонализированные формы его трансляции. Увеличивающееся городское население нуждается в иных механизмах адаптации к резко меняющейся жизни. Интенсификация трудовой деятельности, вовлеченность в политические процессы, усложнившийся характер социальных связей — это и многое другое меняет психологию человека, генерирует новые культурные стереотипы. Прежний тип культурного сознания замещается другим, предполагающим большую универсализацию социального опыта, иные формы досуговой и рекреационной деятельности. Именно массовая культура создает новые культурные формы трансляции социального опыта, формирует потребительские вкусы.

Осмысление краеугольных особенностей массовой культуры первой половины XX в. предполагает понимание тех сложных и противоречивых функций, которые она выполняет в индустриальном обществе. Массовая культура является универсальной возможностью адаптации индивида, не опирающегося более на опыт традиции, к сложной и противоречивой реальности — к социокультурным нормам, новым знаниям и формам досуга, к восприятию социально востребованной информации. В этой ситуации многократно возрастает потребность в релаксации, снятии избыточного психологического напряжения, в упрощении сложных проблем и сведении их к понятным смыслам и мифологемам, построенным по принципу «добро–зло», «свой–чужой» и т. п. Ответом на эти вызовы становится появление общедоступных развлекательных форм досуга, в основу которых кладется стандартизированный культурный опыт, помогающий снять стресс, уйти от чувства одиночества, сделать выбор в соответствии с прокламированными ценностными установками, сводящими к примитивным сложные культурные смыслы. Новые культурные продукты рассчитаны на однозначную реакцию, обращены к простым чувствам людей, не требуют творческой переработки, предполагают пассивное принятие и бездумное потребление. Иными словами, новые формы культуры, с одной стороны, удовлетворяют запросам массового человека, с другой, формируют их у него, создают коммерчески ориентированную индустрию массовой культурной

продукции.

Уже к началу XX в. выявляется интернациональный характер обозначенных процессов. Массовая культура интегрирует ценности различных этнических типов, вовлекает новые территории в культурную динамику, развивающуюся в соответствии с алгоритмами западного мира.

Быстрому распространению массовой культуры способствуют научнотехнические открытия и разработки. Радио, телефон, телеграф меняют как скорости передачи информации, так и сам характер общественной и индивидуальной коммуникации. Новые технологии печати и репродуцирования, грамзапись, фотография и кинематограф делают массовую культурную продукцию бесконечно воспроизводимой и доступной самым разным слоям населения.

Известный немецкий философ первой половины XX в. В. Беньямин был первым, кто смог обозначить последствия изменившихся технологических возможностей производства и распространения массовых форм культуры и искусства. В своей работе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» он показывает, что в современную эпоху произведенная благодаря новым способам копирования, репродуцирования, тиражирования культурная продукция занимает самостоятельное место среди видов художественной деятельности. При этом она коренным образом меняет «отношение масс к искусству», трансформирует в целом характер восприятия художественного произведения. Фотографии и грампластинки, к примеру, лишают уникальное произведение «ауры», рождают «вкус к однотипному». Привычное, пишет В. Беньямин, «потребляется без всякой критики», «действительно новое критикуется с отвращением». В повседневном пространстве многократно увеличивается значение визуальных образов: они легче воспринимаются, не требуют сложной развернутой интерпретации, изменяют скорость культурной коммуникации. Рекламные плакаты, расходящиеся огромными тиражами незатейливые истории в картинках (комиксы), новый способ проведения досуга (кино) — эти и другие виды массовой продукции в итоге меняют человека массы, его чувственное восприятие, его отношение к прежней высокой культуре.

Создание всех видов тиражируемой массовой продукции с самых первых шагов определялось законами рынка. Спрос формировался рекламой, модой и другими социокультурными практиками, влияющими на ценностные ориентиры массового человека. Т. Адорно и М. Хоркхаймер, представители Франкфуртской школы социальных исследований, вводят понятие культурной индустрии, имея в виду стандартизированное и

серийное создание художественной продукции, которое подчиняется законам товарного производства и определяется прибылью. Они показывают, что за кажущимся разнообразием тиражированных визуальных образов, произведений беллетристики и кинофильмов скрывается схематичность лежащих в их основе сюжетных, композиционных и других моделей, немногочисленность их вариаций. Восприятие произведений в этой ситуации не требует эмоционального напряжения зрителя, читателя или слушателя. Оно становится пассивным и инфантильным, формирует человека массы. Таким образом, массовая культура открывает возможности манипуляции сознанием, утверждает и закрепляет определенные ценностные смыслы и модели поведения.

Рождение человека массы является одним из важнейших факторов формирования тоталитарного сознания и, как следствие, специфической тоталитарной культуры. Тоталитаризм XX в. в целом характеризуется стремлением к абсолютному контролю над политической, экономической, социальной и культурной жизнью социума и индивида. Еще Х. Ортега–и–Гассет в упоминавшейся работе «Восстание масс» связал тоталитарные режимы с «торжеством массового человека», пропитавшего все своим «плоским мышлением». Кто поручится, задавался он вопросом, что «диктат массы не принудит государство упразднить личность и тем окончательно погасить надежду на будущее?».

Тоталитарная культура

Официальная культура тоталитарных режимов Германии, СССР, Италии, Китая, Северной Кореи и других стран, несмотря на глубокие географические, политические и этнонациональные различия режимов, принципиально сходна. Тоталитарная культура, в любом ее варианте, противостоит авангарду и пытается осмыслить и подать себя как итог истории мировой культуры. Среди ее основных характеристик — всеобщность, унификация, политическая ангажированность, включенность в качестве инструмента в политическую систему.

Данный феномен рождается в условиях, где режим объявляет область культуры орудием своей идеологии и средством борьбы за власть, монополизирует все формы и средства художественной жизни страны, создает аппарат контроля и управления художественной сферой. Здесь утверждается догмат единства

культуры и выбирается одно официальное и общеобязательное художественное течение, все остальные объявляются враждебными и уничтожаются.

Мир должного изображается здесь в реалистических формах, рождая параллели с традиционной иконографией. Реалистическая конкретность наполняется религиозным пафосом, идеологическая интерпретация трансформирует данные естественных наук, жизнь людей преображается тотальной эстетизацией. Современность, подменяемая аналогиями с героическим прошлым и устремленностью к грандиозному будущему, исчезает. Идеологическая утопия трансформирует повседневность, а миф, реализованный в эстетико–политическом действии, замещает реальность.

Официальная художественная культура в тоталитарной системе перерабатывает идеологические догмы в образы и мифы, предназначенные для массового потребления. Специфика конкретных идеологем не является здесь определяющей, внедрение их в жизнь посредством культуры порождает почти тождественные административные, организационные, стилистические и языковые формы.

Тоталитаризм опирается на такие качества массового человека, как апатия, аморфность, желание быть «как все» и преклоняться перед харизматическим лидером. Немецкий мыслитель К. Мангейм в работе «Диагноз нашего времени» сравнил массового человека с потерянным ребенком, который в поисках опоры готов пойти за первым встречным. Масса, таким образом, готова подстраиваться под такую — основанную на особой идеологии — организацию общественной жизни, в которой интересы коллектива доминируют над частными. В этой ситуации открываются широкие возможности манипулирования массовым сознанием, создания мифов и идеологем, связанных с данной свыше ролью вождя, утопической идеей переустройства общества, образом врага и т. д. Массовая культура, подчиненная господствующей идеологии и развивающаяся под строгим надзором политической власти, апеллирует к упрощенным схемам мышления и примитивным чувствам, формирует культурное пространство, встраивающее человека в жесткую систему тотального контроля.

Особые черты массового человека как возникшего в индустриальную

эпоху нового социально–психологического типа обусловливают рождение специфических культурных и художественных практик, соответствующих уровню массового сознания, генерирующих и транслирующих массовые ценности.

Основой функционирования нового культурного пространства в первой половине XX в. являются тиражные формы передачи социальной и культурной информации. Благодаря огромным тиражам печатных изданий разного уровня, циркуляции рекламы, фотографии и т. д. складываются стереотипы культурных смыслов, распространяются основанные на клишированных форматах художественные артефакты, которые, в свою очередь, приобретают ценность именно как продукты массового потребления.

Ведущую роль в воздействии на публику в первой половине XX в. играет газета. Именно газета — возникшее в индустриальную эпоху средство массовой коммуникации — является в этот период главным медиа, ежедневно информирующим и агитирующим читателей, формирующим общественное мнение. Еще на протяжении второй половины XIX в., на фоне внедрения обязательного начального образования, способствовавшего преодолению неграмотности, шел процесс создания массовой периодики. К началу XX в. полиграфическая продукция (газеты и журналы) превращается в средство массовой информации. Совершенствование издательских технологий позволяет оперативно выпускать невиданное прежде количество печатной продукции, обеспечивая ею уже не узкие элитные группы, а действительно массовую аудиторию.

Так, к XX в. во Франции издавалась 471 ежедневная газета, в Англии — 247. В США в начале нового века выходило более 2000 ежедневных газет, подавляющее большинство городов имели одну газету или более. В Германии в это же время издавалось более 7000 газет и журналов разной периодичности. Значительная доля печатной продукции предназначалась для широких масс. На протяжении первой половины XX в. формировались отличительные особенности подобных изданий. Массовой прессе были присущи сенсационность, интерес к избирательным — эмоционально заряженным, нередко искаженным — фактам, скандальным известиям, призванным либо поразить, либо развлечь читателя. Информация в таких изданиях преподносилась в упрощенном виде, апеллировала к базовым примитивным чувствам публики, формируя тем самым ограниченное, одномерное мировосприятие. Использовавшийся набор журналистских «рецептов» приносил массовой прессе коммерческий успех.

У истоков массовой периодики стояли американцы Д. Пулитцер, еще в 1883 г. приобретший газету «New York World» и У. Р. Херст, владелец «New York Journal». Конкурентная борьба между крупнейшими нью–йоркскими издателями привела к рождению «новой журналистики». Стиль газет отличался броскими заголовками, агрессивной формой подачи материала, большим количеством иллюстраций. В этих газетах в качестве своеобразных «рисованных передовиц» впервые стали появляться серии политических карикатур, а также комиксы. Персонаж комиксов, публиковавшихся на страницах «New York World» и «New York Journal» — «желтый парень» — стал символом этих и подобных им изданий, которые получили наименование «желтой» прессы. Британец А. Хармсуорт, издатель газеты «Daily Mail», перенес североамериканский опыт в Европу. Он первый стал издавать таблоиды — газеты уменьшенного формата с еще большим количеством иллюстраций, которые пользовались огромной популярностью у массового читателя. «Я даю им то, что они требуют», — заявлял А. Хармсуорт. Расцвет таблоидой прессы пришелся на 1920-е годы: так, к 1930 г. американский таблоид «Daily News», несмотря на последствия экономического кризиса, имел беспрецедентный тираж — полтора миллиона экземпляров.

Англоамериканская таблоидная пресса вызвала многочисленные подражания в Европе, Азии и Латинской Америке. Так, в 1920-1930-е годы тип таблоидного издания внедряется в Мексике, Бразилии, на Кубе. В Гаване, к примеру, были созданы по американскому образцу таблоиды «La Prensa» и «La Voz» — предельно дешевые газеты, имевшие массовое распространение благодаря скандальному характеру своих публикаций и постоянному освещению так называемой «красной хроники» — криминальных историй во всех их неприглядных подробностях.

Новой культурной практикой, возникшей в эпоху массового общества и быстрыми темпами развивающихся тиражных технологий, *явилась массовая литература*, часто определяемая как беллетристика. Если газетная и журнальная продукция формировала социокультурное пространство благодаря информационным ресурсам, то массовая литература апеллировала к базовым запросам, к чувствам, близким каждому человеку. Феномен массовой литературы оказался возможностью трансляции художественных смыслов, генерируемых литературой «высокой», в обыденное сознание, трансляции, сводящей к минимуму критическое восприятие.

Стереотипные идеи, предельно простая литературная техника, предрасположенность массового человека к острым, щекочущим нервы

сюжетам и к неглубоким сентиментальным переживаниям обусловили головокружительные тиражи изданий литературной беллетристики, сделали последнюю важной частью культурной индустрии. Во многом этому способствовало формирование жестких жанрово–тематических и композиционных канонов, которые соответствовали ожиданиям массового читателя. Они преподносили литературный материал на основе понятных, часто мифологизированных сюжетных схем, затрагивающих просчитанные заранее механизмы восприятия.

Наиболее популярными в первой половине XX в. жанрами массовой литературы стали криминальные романы и детективы, а также женские романы. Наиболее яркое развитие детективный жанр получил в Англии. Эталонными образцами английского детектива первой половины XX в. стали произведения Г. К. Честертона, А. Кристи, Ф. Бидинга и др. Так, книги А. Кристи на сегодняшний день изданы тиражом свыше 4 млрд экземпляров и переведены на более чем 100 языков мира.

«Идеальным товаром на книжном рынке» был назван женский роман. Его основу, как правило, составляют базовые поведенческие и чувственные архетипы, восходящие к сказке о Золушке и удовлетворяющие бессознательные ожидания читателей. К лучшим образцам этого жанра, созданным в первой половине XX в., следует отнести роман американской писательницы М. Митчелл «Унесенные ветром», тираж которого только в год издания — 1936 — превысил миллион экземпляров.

Одной из важнейших тенденций развития культуры массового общества является рост значения визуальных практик. С одной стороны, визуальная продукция чрезвычайно быстро проникает в новое социокультурное пространство: технологии репродуцирования и фотография расширяют возможности создания и фиксации изображения. С другой стороны, визуальный образ более прост для восприятия, чем вербальный: он лучше запоминается, дается в целостности, одномоментно, ярко и броско, не требует вчитывания и размышления. В основе визуального образа лежит знаковая репрезентация, «сворачивающая» информацию и делающая ее доступной, упрощающая мышление, перестраивающая психофизиологический аппарат человека. Визуализация культурного пространства, таким образом, не просто совпадает с возникновением массового общества, но фактически становится доминантой формирования новой социокультурной реальности. С началом XX в. на смену вербально ориентированной парадигме культуры приходит парадигма визуально ориентированная.

Уже указывалось, что увеличение иллюстраций в массовой периодике

способствовало головокружительному росту тиражей. Действительно, технология изготовления полутоновых фотографических клише, которая находит широкое применение в газетном деле с начала XX в., производит революцию в иллюстрировании газет и журналов. Примерно в 1905-1906 гг. газеты начинают широко использовать событийную фотографию при освещении политических и общественных мероприятий, спортивных состязаний, катастроф, криминальных происшествий. Фоторепортеры заменяют художников, которых ранее крупные издания направляли на место событий для подготовки рисунков репортажного характера. После 1910 г. получает распространение технология многокрасочной печати журналов, позволившая значительно повысить качество воспроизведения иллюстраций.

С рубежа XIX — XX вв. в газетах и журналах начинают появляться комиксы — специальные вставки в виде забавных, упрошенных по своим графическим характеристикам рисунков с краткими текстами, образующими связное повествование. Комиксы — рассказы в картинках — родились из традиций лубка, «аллилуй» (изображений на религиозную тематику), приключенческих или сказочных альбомов–картинок, издававшихся в XIX в. В массовой культуре они приобрели значение самостоятельной визуальной практики, имеющей, как и в массовой литературе, устойчивую жанровую структуру. Наибольшей популярностью у массового читателя иллюстрированных изданий пользовались боевики, детективы, ужасы, фантастика, истории о супергероях.

Первый газетный комикс в США выходит в 1892 г. С 1911 г. комиксы в США уже издаются в виде полос, которые публикуются в будние дни и в качестве приложений к воскресным газетам, а также отдельными выпусками. Первые комиксы забавны, они апеллируют к простым чувствам. К 1920-м годам в Америке складывается система жанров, чрезвычайно быстро распространяющаяся по всему миру. В это же время рождаются персонажи — носители идеи, подобно всемирно известной собаке Снупи. Период расцвета американского комикса начинается с 1930-х годов, когда появляются знаковые персонажи — Бэтмен и Супермен. В Европе комиксы приобретают популярность с конца 1920-х годов, когда молодой бельгиец Ж. Реми под псевдонимом Эрже создает ставшего знаменитым во многих странах мира репортера Тентена и его преданного песика Милу. Персонажи Эрже посещают диковинные страны, раскрывают древние тайны, борются с бандитами. Из этих историй развивается искусство европейского комикса. Аккумулируя современные контексты, комиксы создают мифологию, которая выходит за рамки этого вида

массовой культуры, проникает в мультипликацию, кинематограф, декоративно–прикладное творчество. Из комиксов рождается целая индустрия, которая оказывает влияние на пространство масскульта в целом.

Одним из важнейших феноменов массовой культуры первой половины XX в., способствовавших визуализации социокультурного пространства, явился плакат. Само слово появилось еще в конце XIX в. как калька с немецкого «das Plakat». В Англии и США использовалось название «poster», происходящее от слова «почта». Считается, что в этих странах подобные листы появлялись прежде всего около многолюдных почтовых станций. Во Франции прижилось слово «affiche» — афиша. Так или иначе, в период становления массовой культуры этот вид визуальной практики стал языком универсальной коммуникации. Знаковая, апеллирующая к легко воспринимаемым архетипам основа зрительной информации сделала плакат визуальным посланием, максимально простым и доступным для понимания–запоминания.

В первой половине XX в. сложились основные виды плаката. Так, рекламный плакат пропагандировал потребительские ценности массового общества; он прошел длительный путь от опоры на стилистику модерна (выдающимися мастерами, работавшими в конце XIX — начале XX в., были Ж. Шере, П. Боннар, А. Тулуз–Лотрек, А. Муха и др.) через интерес к предметному изображению рекламируемого объекта (пионерами этого направления стали немецкие художники Л. Бернхард, Ю. Клингер, Л. Хольвайн) к более поздним, тяготеющим к абстрагированию способам представления рекламируемого продукта, выполненных в стилистике ар–деко и конструктивизма. Начиная с 1920-х годов, рекламные плакаты превращаются в важнейшее средство массовой коммуникации, так как не только визуально информируют огромную аудиторию о потребительских ценностях, но и продвигают социальные стандарты, визуальные и вербальные стереотипы, модели поведения.

Наряду с рекламным важное место в социокультурном пространстве первой половины XX в. занимают такие виды плаката, как киноплакат, политический, агитационный плакаты и т. д. Их стилистика отражает, с одной стороны, важнейшие художественные тенденции эпохи, с другой — свидетельствует о формировании особого визуального языка, обладающего механизмами «магического» воздействия на массовую аудиторию, транслирующего универсальные ценности массового сознания.

Характеристика путей визуализации социокультурного пространства массового общества включает анализ практик, возникших на основе технологических возможностей создания и фиксации образа. Фотография и

кинематограф явились исторически первыми техническими медиа, сделавшими массовую культуру бесконечно воспроизводимой и доступной, что открыло новые возможности конструирования социокультурной реальности. Техническим способом воспроизведенная действительность, кажущаяся достоверной и подлинной, на деле оказывается уже воссозданной человеком с фото- или кинокамерой в руках; это уже иной, смоделированный по определенным законам мир. Новые визуальные конструкции перестраивают эмпирически воспринимаемую реальность, создают ее образ в соответствии с манипуляционными, коммерческими и т. д. целями. Технически воспроизводимые изображения формируют качественно иное коммуникационное и культурное пространство.

Широкое использование технологий в создании массово востребованных визуальных изображений трансформирует оптическое восприятие человека. Кажущийся безусловно достоверным, фотографический снимок приводит к дроблению образа окружающего мира. Действительность утрачивает целостность, начинает складываться в причудливую мозаику, формировать реальность фрагментированную, «встраивающую» сознание в систему новых смыслов и ценностей. К этому важно добавить, что четкость, контрастность, внешняя объективность изображения действительности, произвольность выхваченных фотоаппаратом моментов прививают человеку потребность в зрелищных и легко усваиваемых формах восприятия мира. Фотография подготавливает рождение в конце XIX в. кинематографа, начинающего, в свою очередь, эпоху господства зрелищно–экранной культуры — наиболее востребованной на сегодняшний день формы массового культурного производства и потребления.

Чрезвычайно быстрое распространение технической новинки было обусловлено, как и в случае фотографии, эмоциональным ощущением документальности и достоверности. У зрителя возникало убеждение в подлинности того зрелища, которое разворачивалось перед ним на экране. Широкие массы нуждались в зрелищных формах досуга; с этой точки зрения предшественниками кино могут считаться ярмарочные и балаганные представления, цирки и мюзик–холлы, театральные фарсы и другие подобные развлечения, собиравшие многочисленную публику благодаря незамысловатым сюжетам, грубоватому юмору, возможности почувствовать себя частью толпы. Соединяя повествование и зрелище, кинематограф повышал оптический потенциал мировосприятия, расширял границы той сферы визуальной культуры, которая основана на синтезе техники и художественного творчества.

Кинематограф, историю которого принято вести от первого публичного киносеанса, устроенного братьями Люмьер в Париже в «Гран кафе» на бульваре Капуцинок 28 декабря 1895 г., оказался на первом этапе своего существования новой формой художественного творчества, не требующей для восприятия даже элементарной грамотности. Фотографическая природа движущегося визуального ряда создавала иллюзию реальности изображаемого, внушала веру в подлинность происходящего, рождала эмоциональное доверие к видимым комическим, мелодраматическим или фантастическим историям. На этой основе в массовом кино первой половины XX в. формируются такие жанры, как вестерн (основанный на мифологизации событий американской истории), фильм ужасов, приключенческий и детективный, фарсово–комедийный и др. Сюжеты кинофильмов — традиционные и новые — апеллируют к простым эмоциям и подаются зрителю в доступной форме: трагедия превращается в мелодраму, роман — в детектив, комедия — в фарс и т. д. Благодаря возможности перевести в дозволенные рамки те или иные негативные эмоции достигается психологическая разрядка. Сидящие рядом люди перестают быть самими собой, заражаются единым настроением, становятся частью массы; кинематограф, таким образом, включается в поток массовой коммуникации.

Становление кинематографа

Кинематограф — синтетическое явление, одновременно являющееся сочетанием всех искусств и принципиально новым искусством, возникшим в результате научно–технического прогресса. Кино увлекает зрителя действием, захватывает воображение. Его конкретная образность подавляет фантазию, но активизирует эмоции.

В конце XIX в. активно исследуется природа движущегося изображения, совершенствуется фотография. 28 декабря 1895 г. проводится первый киносеанс в Гран кафе на Бульваре Капуцинок в Париже, где демонстрируются фильмы братьев Люмьер.

Кино возникает как вид массовой культуры, как балаганное, развлекательное зрелище, однако в период между 1910-ми и 1930-ми годами оно становится искусством; в нем неразрывно сливаются эстетика и техника.

С первых лет существования кино формируются два магистральных направления, по которым в дальнейшем будет развиваться кинематограф. Братья Люмьер положили начало кинематографу, фиксирующему жизнь (документальное кино и художественные фильмы, близкие к реализму и натурализму). Ж. Мельес — кинематографу, преображающему действительность. Он создавал кинозрелище, прибегал к театрализации, использованию спецэффектов, делал первые шаги в разработке киноязыка.

До Первой мировой войны центром мировой кинематографии была Франция. В 1910-е годы складывается киноиндустрия, делаются первые шаги к осознанию кинематографа как искусства. Появились специальные киножурналы, где наряду с рекламой и фотографией присутствовали серьезные статьи о кино и его влиянии на общество.

В Соединенных Штатах в начале XX в. Э. Портер первым стал снимать фильмы для проекции на экран (в отличии от аппарата Эдисона) и показал новые возможности кинематографа («Большое ограбление поезда») по сравнению с искусством театра. В межвоенный период США становятся лидерами мирового кинематографа. В Голливуде был сосредоточен финансовый, технический, организационный и творческий потенциал, на основе которого была создана кинематографическая промышленность. Здесь работали крупнейшие продюсеры и режиссеры того времени, такие как новатор киноязыка Д. У. Гриффит («Рождение нации»), «отец вестерна» Т. Инс, основоположник американской эксцентрической комедии М. Сеннет (у него дебютировали Б. Китон и Ч. Чаплин).

В это же время начинает складываться система звезд, в которую входили киноактеры, достигшие всемирной популярности (М. Пикфорд, Р. Валентино).

Голливудскую продукцию отличали техническое совершенство и художественные штампы. Среди проходных картин встречались и подлинные шедевры, такие как работы переехавших в Голливуд из Европы Э. фон Штрогейма и Э. Любича. В это же время Ч. Чаплин разрабатывал новый тип эксцентрики, усложняя жанр комедии, разрабатывая проблему

противостояния личности и общества («Золотая лихорадка», «Огни большого города»).

Во втором десятилетии XX в. кинематограф официально был признан искусством, представленным как «десятая муза». В этот же период складываются национальные киношколы. С кинематографом США и Франции конкурируют киношколы Германии, Советской России, Англии, Дании, Италии, Чехии.

В Германии складывается кинематограф экспрессионизма, ставящий акценты на изобразительность и игру актеров. Он уводит от реальности в воображаемый мир при помощи контрастного монтажа, наложения кадров, применения двойной экспозиции («Кабинет доктора Калигари», режиссер Р. Вине, «Носферату, симфония ужаса» Ф. В. Мурнау). Одним из самых ярких режиссеров немецкого киноэкспрессионизма был Ф. Ланг («Метрополис»).

Революция 1917 г. привела в кинематограф молодых энтузиастов, заставила искать новые формы и методы, воплощать актуальную тематику. Кино в Советской России было признано делом государственной важности, что зафиксировал декрет Совнаркома о национализации киноотдела.

Вдохновляясь возможностями кино, Д. Вертов (Д. Кауфман) сформулировал идею фиксирующего реальность киноглаза, решал идеологические задачи (сборники «Киноправда»), использовал возможности киноязыка, создавая фильмы, производящие глубокое эмоциональное воздействие на зрителя. Документальные кинопоэмы «Шестая часть мира» и «Человек с киноаппаратом» прославляли революцию и конструировали образы новой жизни. Д. Вертов и его единомышленники, называвшие себя киноками, заложили основы советской школы кинодокументалистики, получившей мировое признание (И. Копалин, М. Кауфман).

Л. Кулешов пытался осмыслить специфику языка кино, особенности работы киноактера, связанные с максимальной выразительностью, а также исследовал безграничные возможности монтажа для конструирования смыслов («эффект Кулешова»).

Увлеченный массовостью кинематографа С. Эйзенштейн заменил традиционную фабулу на идею аттракциона («Стачка»), а вместо героев ввел типажи. Смена впечатляющих эпизодов,

смонтированных согласно идее режиссера, производила мощное воздействие на зрителя и получила название «монтаж аттракционов». Еще одним новаторством С. Эйзенштейна стала кинометафора. Все разработки С. Эйзенштейна не только содействовали развитию теории кино, но и обеспечили грандиозный успех его фильму «Броненосец “Потемкин”», сочетавшему эстетику хроники и композицию драмы. Эта работа открыла новые возможности кинематографа в управлении пространством, движением и временем. Продолжая свои теоретические разработки, Эйзенштейн снимает «Октябрь» и создает «романтический миф о революции», одновременно формулируя идею интеллектуального кино, создающего не только образы, но и понятия.

Франция сохраняла свои позиции одной из самых влиятельных кинематографий Европы. Здесь активно разрабатывается теория кино, формируется киноэстетика, вводится термин «фотогения» (Л. Деллюк). В 1920-е годы складывается кинематографический «Авангард», разрабатывавший приемы движения в кино и активно использовавшее технику и образы авангардной живописи (А. Кавальканти, А. Ганс, Ф. Леже). Вслед за художественными опытами дадаистов появилось «чистое кино» — фильмы без сюжетов, без героев, без смысла (М. Рей). Практики искусства сюрреализма находят также свое отражение и в кинематографе (Ж. Дюлак, Ж. Кокто, Л. Бунюэль).

Многие французские авангардисты в 1930-е годы вернулись к традиционной манере повествования, добавив в нее художественной киноизобразительности в духе художников–импрессионистов. Так родилось направление поэтического реализма (Р. Клер, Ж. Ренуар).

Во второй половине 1920-х годов в разных странах были сняты кинематографические шедевры, в которых отчетливо чувствовался грядущий приход звука в кино («Страсти Жанны Д’Арк» К. Дрейера, «Земля» А. Довженко).

«Великий немой», освоив разнообразные средства выразительности, утвердил себя как искусство. Разработав свою изобразительную сторону и достигнув необычайной зрительной силы, кино приступило к освоению звука.

Звук приходит в кино в 1927 г. с фильмом «Певец джаза» (А.

Кросленд). С этого момента кинематограф переживает глубокую трансформацию: идет процесс изучения возможностей звука (С. Эйзенштейн разрабатывает «звукозрительный контрапункт»), появляется новый киножанр — мюзикл, происходит возврат к литературоцентричности. Многие звезды немого кино не выдерживают новых реалий.

На рубеже 1930-1940-х годов ярким явлением в американском кинематографе становятся работы О. Уэллса («Гражданин Кейн»). В то же время происходит рождение жанра «нуар», где активно использовались сложные ракурсы и монтаж («Газовый свет» Д. Кьюкор), а также ведутся эксперименты с цветом.

Производство кинопродукции порождало собственные феномены, как, например, Голливуд. Первые киностудии в неизвестном до этого местечке недалеко от Лос–Анджелеса появляются в 1900-е годы, а уже со второго десятилетия XX в. Голливуд становится центром американской киноиндустрии, ориентированной на массового зрителя. Именно в Голливуде на протяжении первой половины XX в. складывается система звезд, на узнаваемость которых делается ставка при производстве кинофильмов. Всемирно узнаваемыми звездами немого кино стали М. Пикфорд и Д. Фэрбенкс; американские звезды звукового кино первой половины XX в. — Д. Гарленд, Б. Дэвис, К. Хепберн, Г. Купер, К. Гейбл, Д. Уэйн и др.

Звезды притягивают многие тысячи поклонников и обеспечивают кассовые сборы выпускаемых в прокат фильмов. Звезда, культурная икона — один из феноменов массовой культуры, благодаря которому в подвижном социальном пространстве формируются стандарты моды, поведения, интересов и потребностей. Система звезд Голливуда требовала закрепления за актером определенного амплуа, продуманного, привлекательного для аудитории имиджа. На ее основе выросла империя Голливуда. Система звезд распространилась на другие сферы массовой культуры, обеспечивая устойчивые механизмы ее функционирования.

Открытие иных миров: художественная культура

Не менее глубокие трансформации происходили с рубежа XIX — XX вв. в той сфере культуры, которая апеллировала к высоким —

концентрирующим духовный, интеллектуальный, художественный опыт поколений — ценностям. Уже упоминавшийся Х. Ортега–и–Гассет впервые противопоставил массовому человеку элиту, способную сохранять и воспроизводить основные смыслы культуры. Выше говорилось, что целый ряд специфических черт творческого — элитарного — сознания первой половины XX в. сформировался как реакция на процессы массовизации, нивелировавшие личностное измерение культурного пространства западного мира. Главной особенностью элитарной культуры этого времени стала обостренная субъективность восприятия и переживания действительности, ее стержнем — проблема человека в реалиях быстро меняющегося социума.

Модернистская парадигма творческого сознания в первую очередь основана на разрыве с прошлым, с ранее устойчивыми — освященными традицией — художественными формами. Это новый по сути тип творчества, возникший как бескомпромиссная реакция на механистический, стандартизованный, убивающий индивидуальность характер культуры индустриального, идущего быстрыми темпами по пути массовизации общества. Установка на новизну основана на присущем культуре этого времени кризисе рационализма, на предположении о решающей роли фантазии, освобождающей от власти жестких природных и социальных рамок.

С этим связан ряд особенностей модернизма. Так, модернистское творчество апеллирует к актуализации игрового начала; игра становится одним из важнейших способов воссоздания и переживания действительности. Интерес к игре — одна из значимых линий культурного сознания XX в. Достаточно вспомнить голландского мыслителя Й. Хейзингу, написавшего в 1938 г. блистательный труд «Homo Ludens» («Человек играющий»), в котором развивается идея игры — неутилитарной человеческой деятельности, предполагающей свободу выбора, — как генетической основы художественных практик. Игра, пишет И. Хейзинга, «есть процесс, в котором человек открывает возможность преодоления своей одномерности, а также и элементарности окружающих предметов, простоты и «линейности» взаимодействий с ними». В такой трактовке игра становится моделью модернистского творчества.

Еще одной особенностью модернизма как системы поисков художественной культуры первой половины XX в. является обращение к мифологическим пластам культурного сознания, оказывающимся своего рода альтернативой классическому художественному мышлению. В них модернизм ищет синтезирующее начало, противоположное рациональным

конструкциям классики. Они открывают творческой личности иной взгляд на мир, другие способы выражения внутреннего видения, выстраивают чуждые прежней логике образно–символические связи.

Этим определен новый уровень взаимодействия западной культуры с Востоком, т. е. с теми регионами (не обязательно связанными с географическим востоком), где сохраняет свое преимущественное значение традиционная культура. Если в XIX в. западный мир говорил о Востоке в первую очередь как о географическом понятии, а культурные заимствования ограничивались использованием ориенталистских мотивов в литературе и искусстве, то XX в. для Запада — это время более глубокого осмысления особенностей мировосприятия Востока. За новым интересом к восточной ментальности стоят стремления найти альтернативу «спрямленному» мышлению западного человека. Незаконченность, открытость, текучесть, иррациональность — эти черты мифологического сознания обозначают новые грани смысловых горизонтов, по–иному включают человека в мироздание, разворачивают творческие поиски от опоры на жизнь к открытию иных миров. Художественный язык модернизма, таким образом, формируется как опыт образного моделирования новой реальности, включающей в себя и усложнившийся мир, и его художественное переживание.

История художественной культуры первой половины XX в. — один из наиболее важных срезов модернистской культурной парадигмы. Искусство этого времени ярко отразило полные противоречий мировоззренческие и духовные поиски эпохи. Технические и технологические открытия, новые темпы и скорости, разочарование в идеях прогресса и разрушение представлений о духовных смыслах бытия — все это меняло представление о задачах и возможностях искусства, о его значении в современном социуме, о его восприятии в условиях массового технического тиражирования визуальных изображений.

Модернизм явился эпохой в развитии различных творческих практик первой половины XX в. В высшей степени яркое проявление он получил в литературе, в частности, привел к рождению феномена модернистского романа, представленного именами М. Пруста, Ф. Кафки. Д. Джойса, Т. Манна, Г. Гессе и др. В основе модернистского романа — проблема субъекта в его многообразных формах: история крушения гуманистических иллюзий, становления самосознания, последствия отчуждения. Новое мироощущение писатель–модернист передает благодаря таким выразительным возможностям, как «поток сознания», фрагментация действительности, открытый финал и др. Он идет на намеренное

разрушение норм языка и логики высказывания. Внутренний мир человека оказывается более психологизирован и интимен. Мир как целое в модернистских романах пересоздается благодаря апелляции к мифу, оказывается иррациональным и отчужденным.

Модернистские тенденции в европейском искусстве обозначились уже во второй половине XIX в. Творчество импрессионистов, постимпрессионистов, символистов и представителей других художественных течений этого времени свидетельствовало о поисках новых способов самовыражения. Мир воспринимался как сложный, многоуровневый, нестабильный. Видимое становилось лишь частью иного, более масштабного целого. Творческое сознание еще накануне XX в. искало новые, в сравнении с прежними формами, приемы художественного обобщения, стремилось проникнуть за пределы возможностей визуального восприятия, увидеть прежде невидимое и выразить его в зрительных образах.

Модернистское искусство предполагает другой в сравнении с реализмом характер взаимодействия со зрителем, требует иных уровней интеллектуальной и духовно–эмоциональной реакции. Вовлеченность зрителя в художественное целое строится на осмысленном или интуитивном доверии к возникающим ассоциациям и метафорическим связям, иногда провокативным или шокирующим, на желании принять участие в предложенной художником игре, на возможности значительной свободы интерпретации. Искусство модернизма во всех своих вариантах апеллирует к разным уровням психологической реакции, стремится к созданию синтетических художественных форм, активизирующих — в эпоху масскульта — рецептивные механизмы сознания.

Модернизм в художественной культуре первой половины XX в. — явление неоднородное. Он представлен, с одной стороны, авангардистами, открыто бунтующими против традиции, с другой — мастерами, для которых важнее не бунт, а поиск смыслов в ускользающей от понимания реальности. В творчестве последних соединились как исходная вера в прогресс, безграничную свободу личности, так и чувство трагического одиночества людей, бессмысленности человечности, дегуманизированности форм всеобщего.

Под авангардом принято понимать совокупность радикальных движений и направлений в художественной культуре первой половины XX в. Один из критериев, по которым выделяют авангардистские течения, — это программно экспериментаторский характер творчества. Авангард по–

разному представлен в художественных практиках первой половины XX в. Некоторые направления в силу своей специфики проявились только в отдельных видах искусства (например, фовизм, кубизм — в живописи, киноимпрессионизм — в кинематографе и др.), другие — в нескольких (например, экспрессионизм и сюрреализм — в изобразительном искусстве, кинематографе, литературе; футуризм и дадаизм — в изобразительном искусстве и литературе и т. д.).

Общими чертами всех авангардистских направлений являются разрушительный пафос по отношению к классическому искусству и традиционным ценностям культуры, отказ от реалистически–натуралистического изображения видимой действительности, претензии на создание принципиально нового художественного целого. Новаторство в искусстве трактуется как общественныи акт, меняющий не просто художественный язык, но и психологию зрителя. Но важно помнить, что за скандальным разрывом с классическими ценностями и эпатажным поведением скрывается изначально присущее авангарду желание «кричать» об исчерпанности прежних художественных поисков, различными способами заявлять о рождении искусства, глубже чувствующего в высшей степени противоречивую реальность. За радикализмом художественных акций самых разных представителей авангардного искусства скрывается осознаваемое или интуитивно ощущаемое — утопическое по своей сути — желание растревожить зрителя, изменить его мировосприятие, расширить границы его художественного опыта.

Авангард выглядит калейдоскопическим чередованием разнообразных художественных экспериментов. В произведениях авангардистов решающее значение приобретают идеи, для выражения которых их создатели разрушают видимые или мыслимые формы и замещают их художественными объектами, созданными на основе иных — нелинейных — связей. Авангардисты часто вовлекают зрителя в игру, предполагающую свободное ассоциативное восприятие замысла, который, в свою очередь, дает возможность разноуровневого прочтения, множественности интерпретаций. Авангардное творчество тем самым формирует новые способы художественного восприятия, соответствующие мировоззренческим парадигмам своего времени.

Историю авангарда в европейском искусстве принято начинать с середины первого десятилетия XX в.; он заявляет о себе в 1905 г. французским фовизмом и немецким экспрессионизмом.

Фовистами («дикими») прозвали группу молодых французских художников, представивших шокирующие парижскую публику картины на

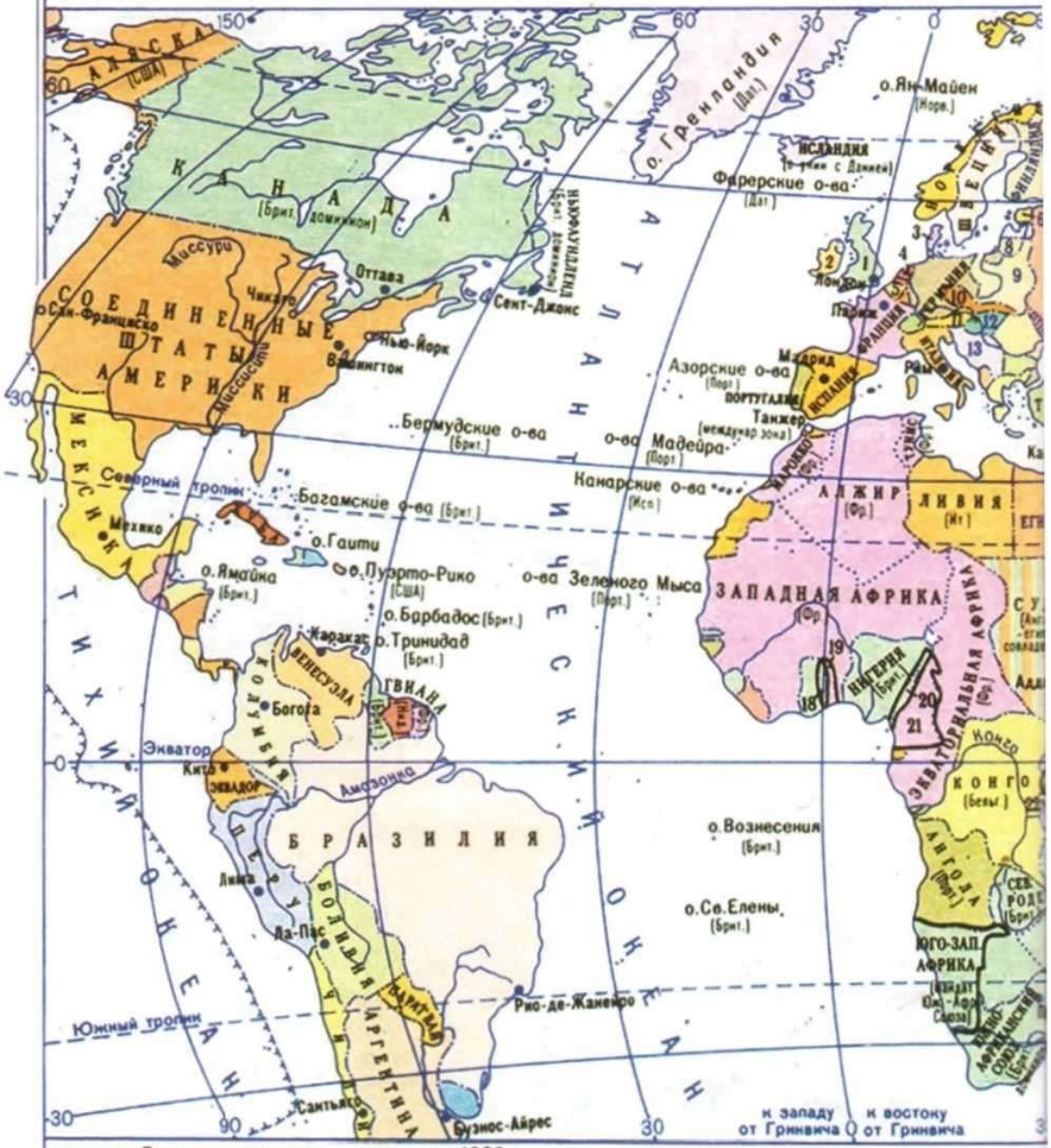
осеннем Салоне 1905 г. в Париже. Ядро группы составили А. Матисс, А. Дерен, А. Марке и М. Вламинк. Особенностью их произведений оказалось непривычное использование цвета: краска на картинах фовистов не имитировала реальность, а скорее, «кричала», цветовые сочетания были резкими и интенсивными. За этим вызовом — а именно так восприняла парижская публика эти произведения — стояло желание, по словам А. Дерена, «изобретать реальность», «воображать мир таким, каким хочется», и добиваться сильной ответной реакции.

Главной идеей фовистов явилось стремление выразить свое отношение к миру через апелляцию к психофизиологическим возможностям восприятия цвета. Цвет — главный элемент художественной системы фовистов, определяющий характер воздействия их живописи. Преувеличение роли цвета вызывает деформацию других элементов живописного произведения. Однако желание добиться усиленного звучания взаимодействующих цветов создает возможности для выражения эмоций, которые сильнее, чем визуальная реальность, воздействуют на зрительское сознание. Лидер фовистов А. Матисс писал: «Мне представляется невозможным рабски копировать натуру; я должен интерпретировать ее, подчинять духу картины. Когда все соотношения тонов будут найдены, в результате должен возникнуть живой аккорд цветов — гармония, подобная музыкальной гармонии». Мир на картинах фовистов опосредован, таким образом, внутренним видением художника, который стремится передать сложный комплекс ассоциативных ощущений.

Плакат «Британцы, вступайте в национальную армию. Боже, храни короля». 1914 г. Худ. А. Лит.

Немецкая открытка из серии «Чего хочет враг». 1918 г. Худ. И. Чирх. Перевод надписи: «Так бы выглядела германская земля, если бы французы достигли Рейна»

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИР



Границы государств на конец 1923 г.

Финляндия — Государства, образовавшиеся с 1917 г. по 1923 г.

Бывшие владения Германии и Османской империи, переданные по мандатам Лиги наций в управление

- Великобритании и ее доминионам
- Бельгии
- Франции
- Японии

Границы зоны в Тихом океане, в которой по решению Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. не разрешалось строить новые военно-морские базы и усиливать береговую оборону

Цифрами на карте обозначены:

в Европе

1 Великобритания
2 Ирландия (Брит. доминион)
3 Дания
4 Нидерланды
5 Бельгия
6 Эстония
7 Латвия
8 Литва
9 Польша
10 Чехословакия
11 Австрия
12 Венгрия
13 Югославия

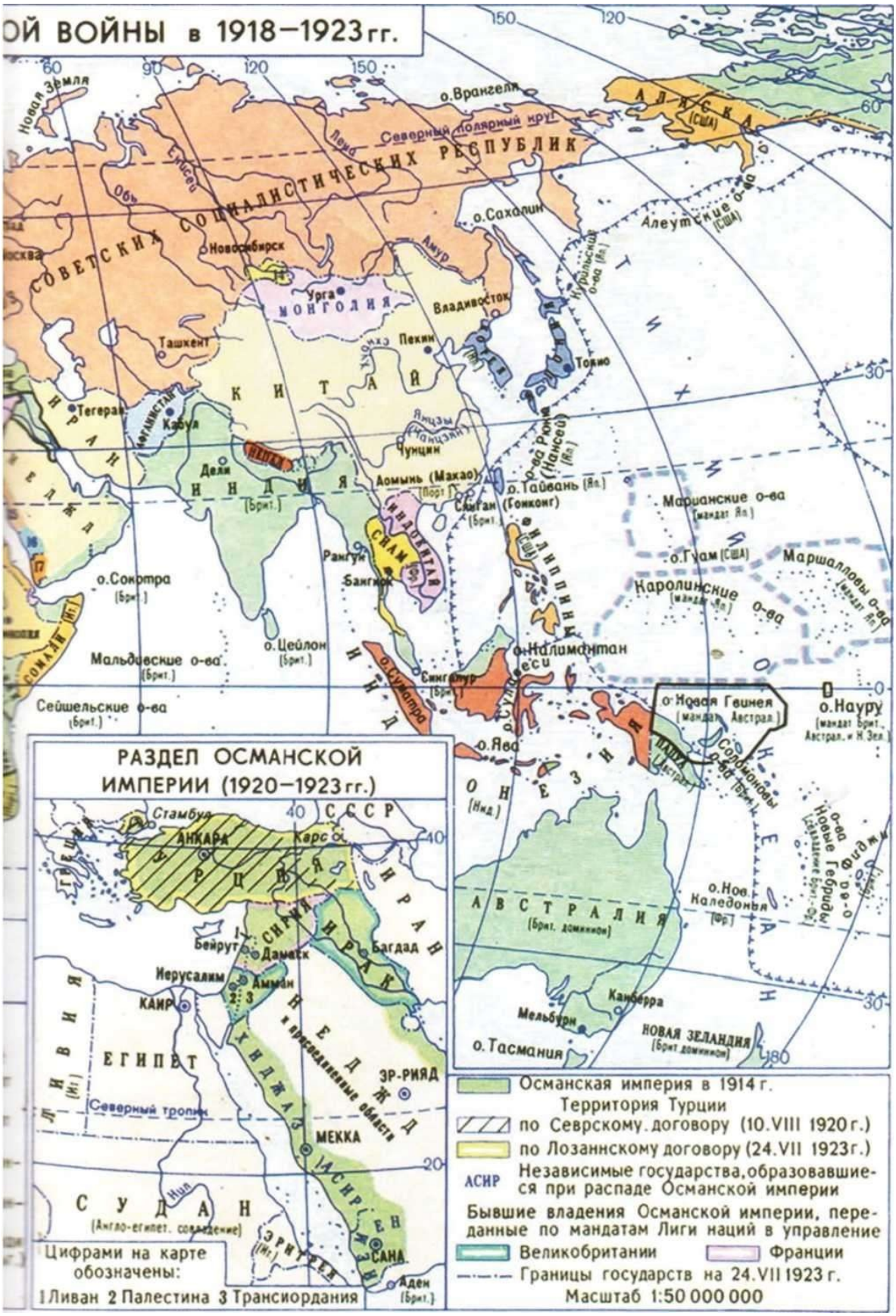
в Азии

14 Танну-Тувинская Народная Республика
15 Хиджаз
16 Асир
17 Йемен

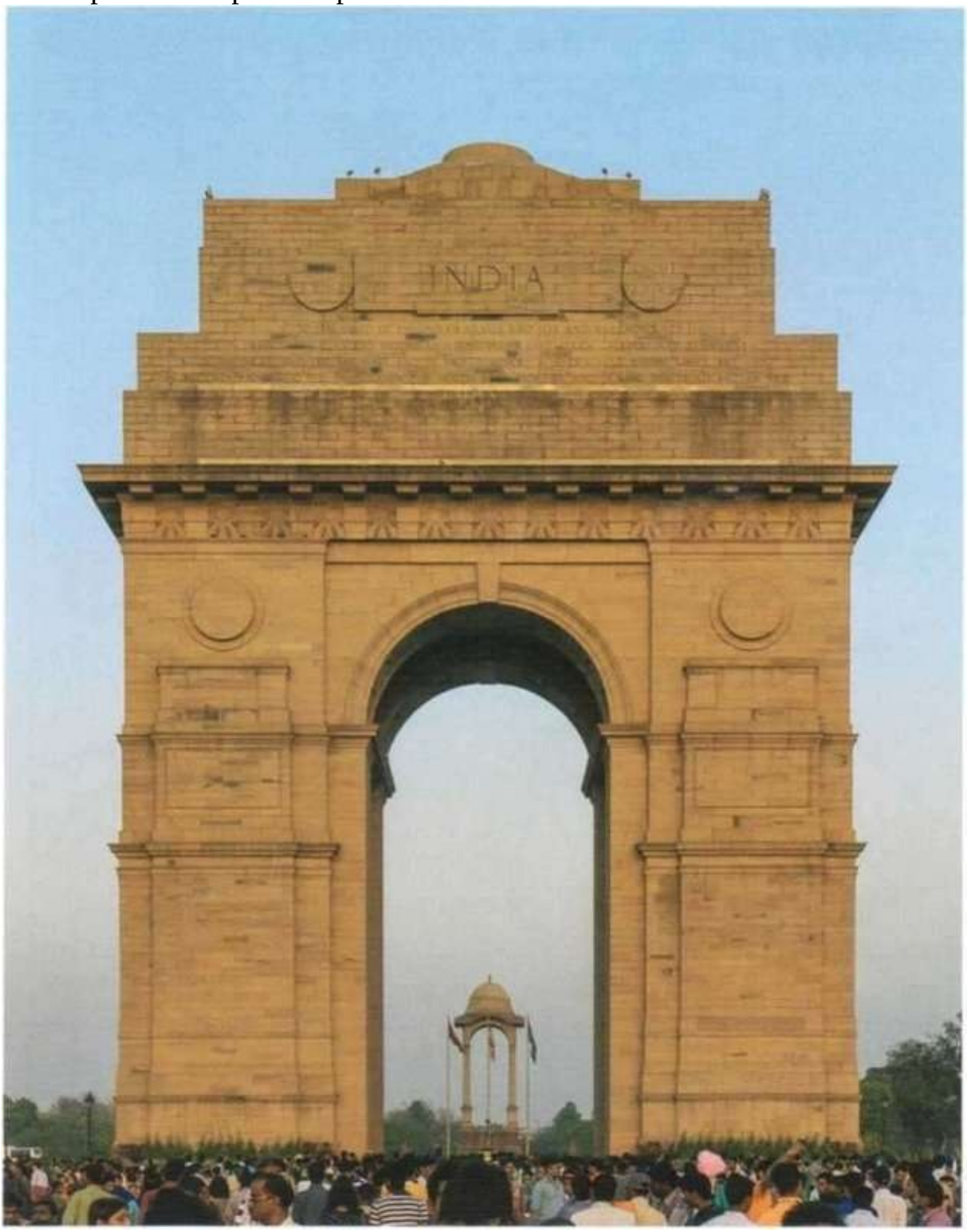
в Аф

18 Того (Брит.)
19 Того (Фр.)
20 Камер
дат Бр
21 Камер
дат Фр
22 Руанда
(манда

Масштаб 1:130 000 000


ОЙ ВОЙНЫ в 1918–1923 гг.
СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
Северный полярный круг
Новая Земля
о.Врангеля
АЛЯСКА (США)
Алеутские о-ва (США)
о.Сахалин
Курильские о-ва (Яп.)
Новосибирск
Урга
МОНГОЛИЯ
Владивосток
Ташкент
Пекин
Токио
Тегеран
Кабул
Чунцин
Дели
Аомынь (Макао) (Порт.)
о.Тайвань (Яп.)
Сянган (Гонконг) (Брит.)
Марианские о-ва (мандат Яп.)
о.Гуам (США)
Маршалловы о-ва (мандат Яп.)
Каролинские о-ва (мандат Яп.)
Рангун
Бангкок
о.Сокотра (Брит.)
о.Цейлон (Брит.)
Мальдивские о-ва (Брит.)
Сейшельские о-ва (Брит.)
о.Калимантан
Сингапур (Брит.)
о.Новая Гвинея (мандат Австрал.)
о.Науру (мандат брит., Австрал. и Н.Зел.)
о.Ява
Соломоновы о-ва (Брит.)
Новые Гебриды (совладение Брит.-Фр.)
о.Нов. Каледония (Фр.)
АВСТРАЛИЯ (Брит. доминион)
Канберра
Мельбурн
о.Тасмания
НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ (Брит. доминион)
РАЗДЕЛ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ (1920–1923 гг.)
Стамбул
АНКАРА
Карс
СССР
ТУРЦИЯ
ГРЕЦИЯ
СИРИЯ
ИРАК
Бейрут
Дамаск
Багдад
Иерусалим
Амман
КАИР
ЕГИПЕТ
ЛИВИЯ (Ит.)
Северный тропик
ХИДЖАЗ
НЕДЖД
ЭР-РИЯД
МЕККА
АСИР
ЙЕМЕН
САНА
СУДАН (Англо-египет. совладение)
ЭРИТРЕЯ (Ит.)
Аден (Брит.)
Нил
Цифрами на карте обозначены:
1 Ливан 2 Палестина 3 Трансиордания
Османская империя в 1914 г.
Территория Турции
по Севрскому договору (10.VIII 1920 г.)
по Лозаннскому договору (24.VII 1923 г.)
Независимые государства, образовавшиеся при распаде Османской империи
Бывшие владения Османской империи, переданные по мандатам Лиги наций в управление
Великобритании
Франции
Границы государств на 24.VII 1923 г.
Масштаб 1:50 000 000

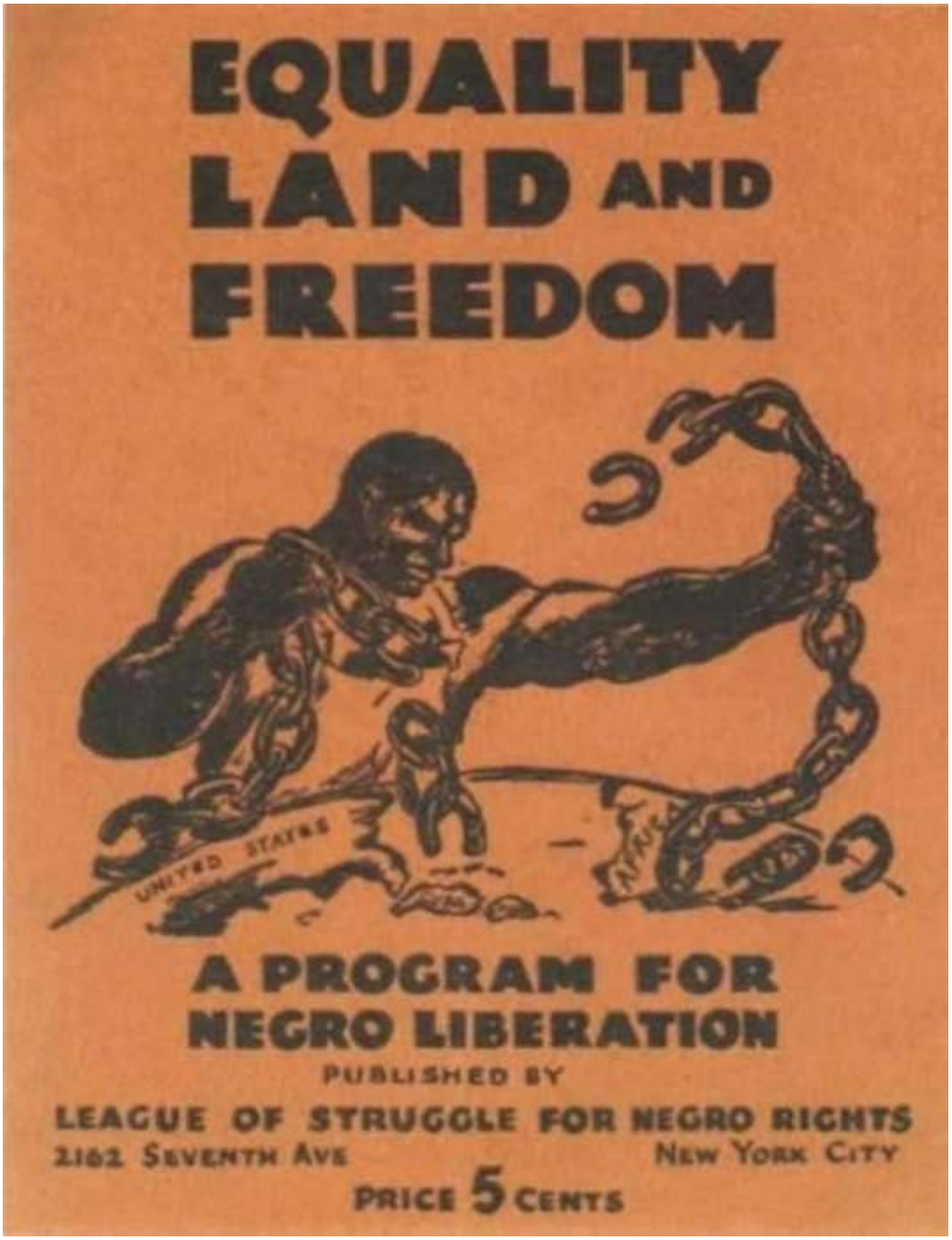
Мир после Первой мировой войны



Мемориал «Ворота Индии», посвященный индийским воинам, павшим в Первой мировой войне. 1931 г. Арх. Э. Лаченс. Нью–Дели

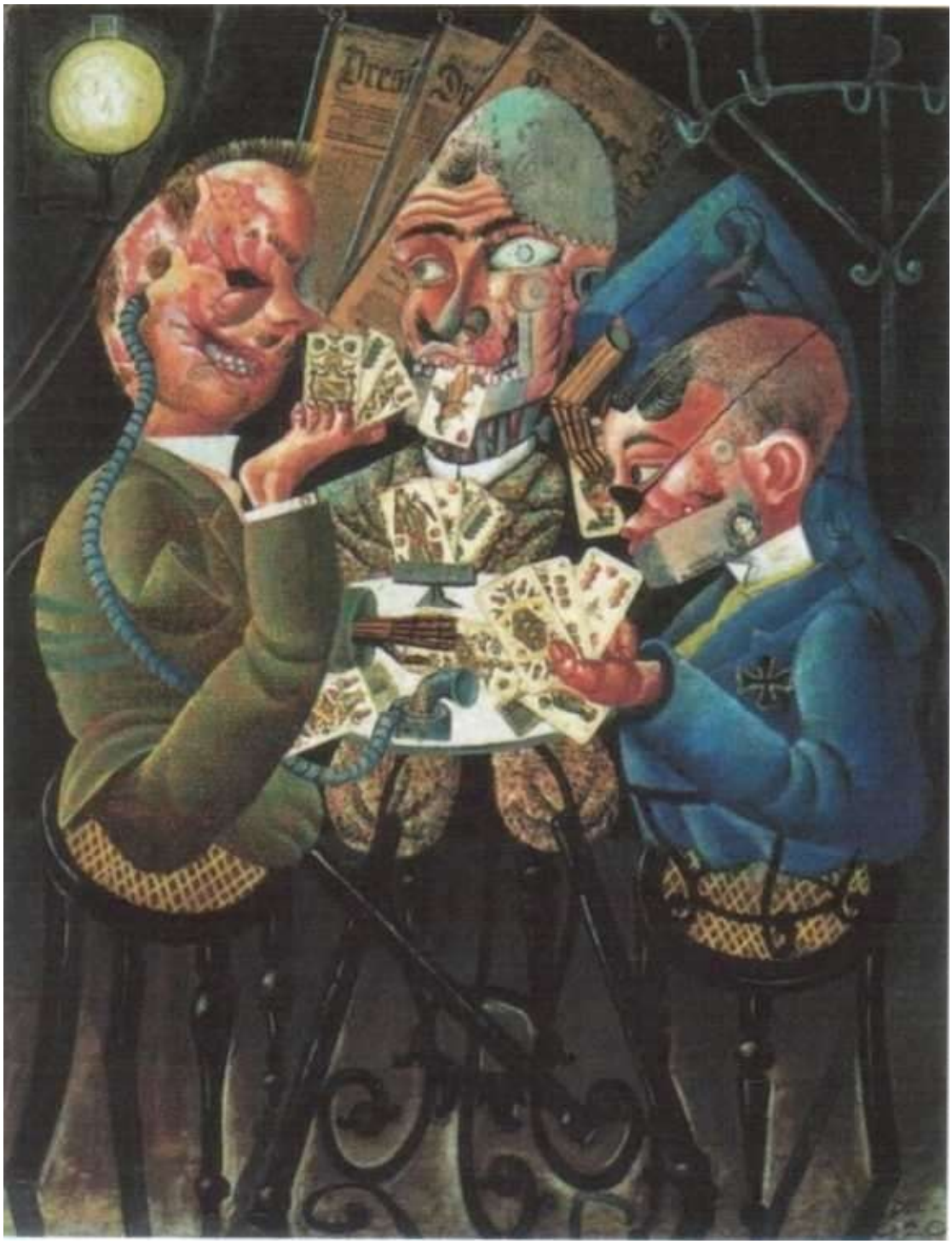
Памятник павшим в войне. Бронза. 1933 г. Скульптор А. Майоль. Баньюль–сюр–Мер (Франция)

Плакат российского Красного креста. 1914 г. Худ. А. Е. Архипов



Обложка программы, изданной Лигой борьбы за права негритянского населения. США. 1933 г.

М. Эрнст. Слон Целебес. 1921 г. Галерея Тейт Модерн, Лондон



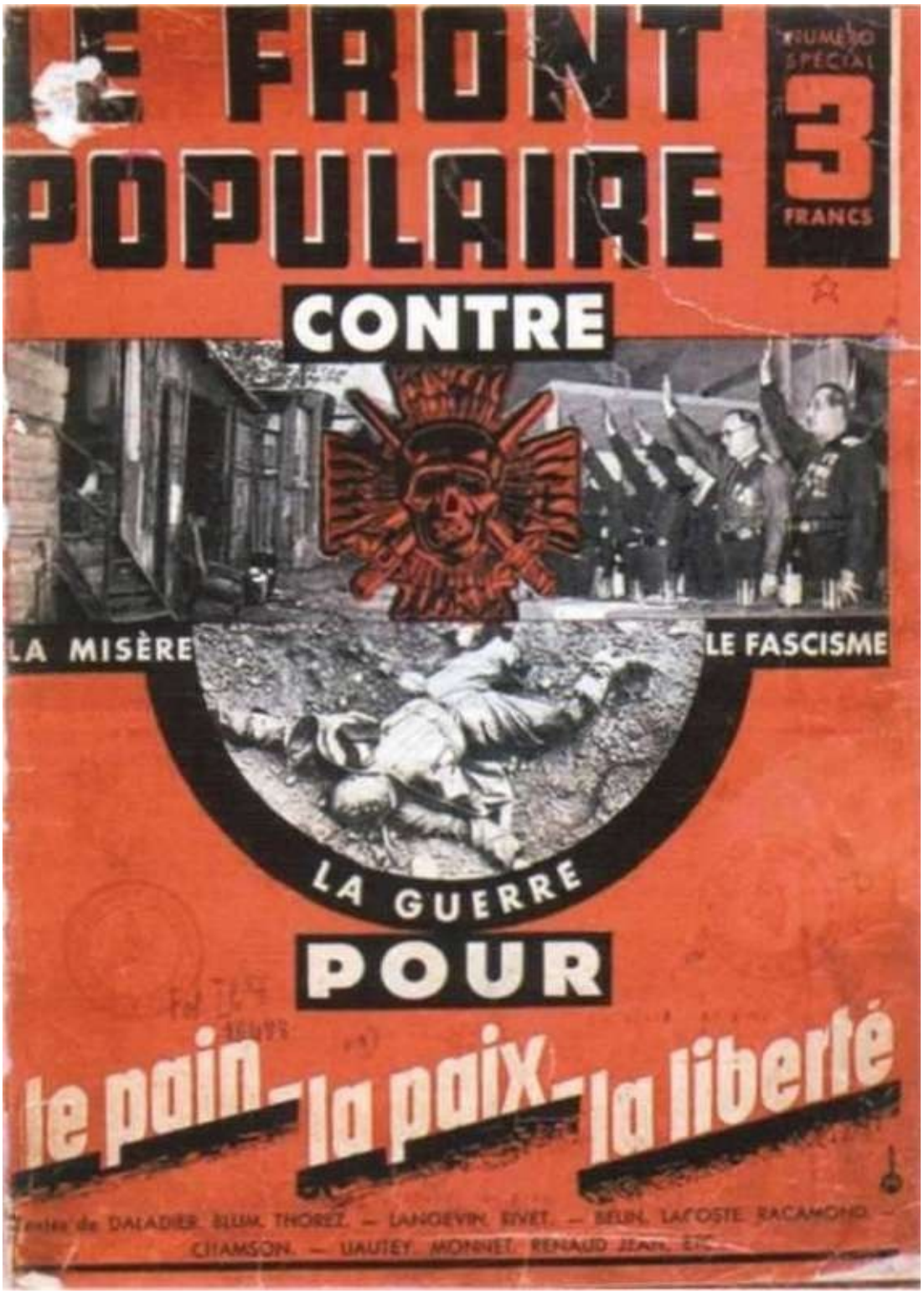
О. Дикс. Инвалиды мировой войны играют в карты. 1920 г. Национальная галерея, Берлин

Д. Ривера. Фреска «История Мексики — Мир сегодня и завтра». 1929 г. Национальный дворец в Мехико

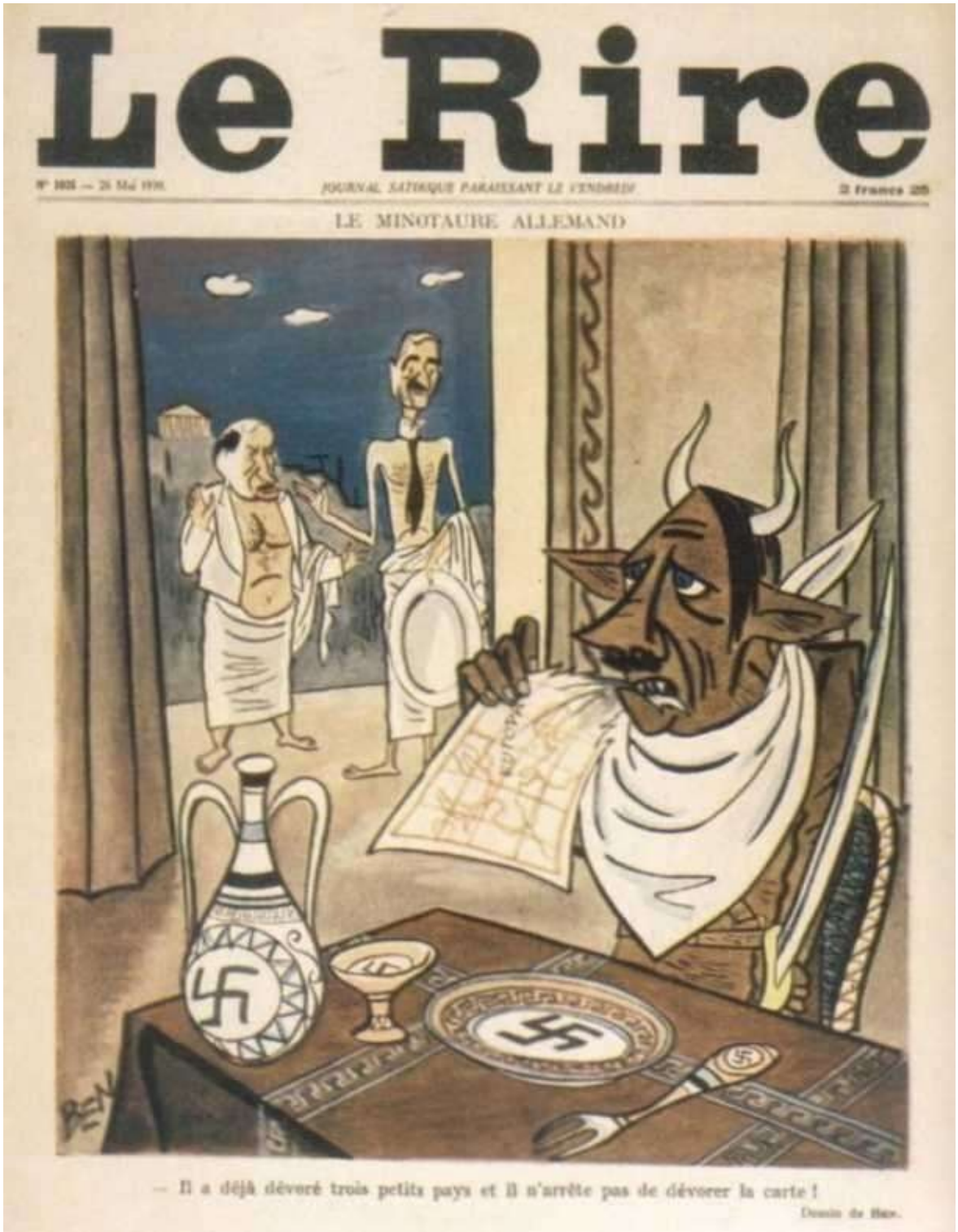
П. Пикассо. Герника. 1937 г. Музей королевы Софии, Мадрид

С. Дали. Мягкая конструкция с вареными бобами (предчувствие гражданской войны). 1936 г. Музей искусств, Филадельфия

Китайский плакат «Клянусь защищать народ от смерти». 1937 г.



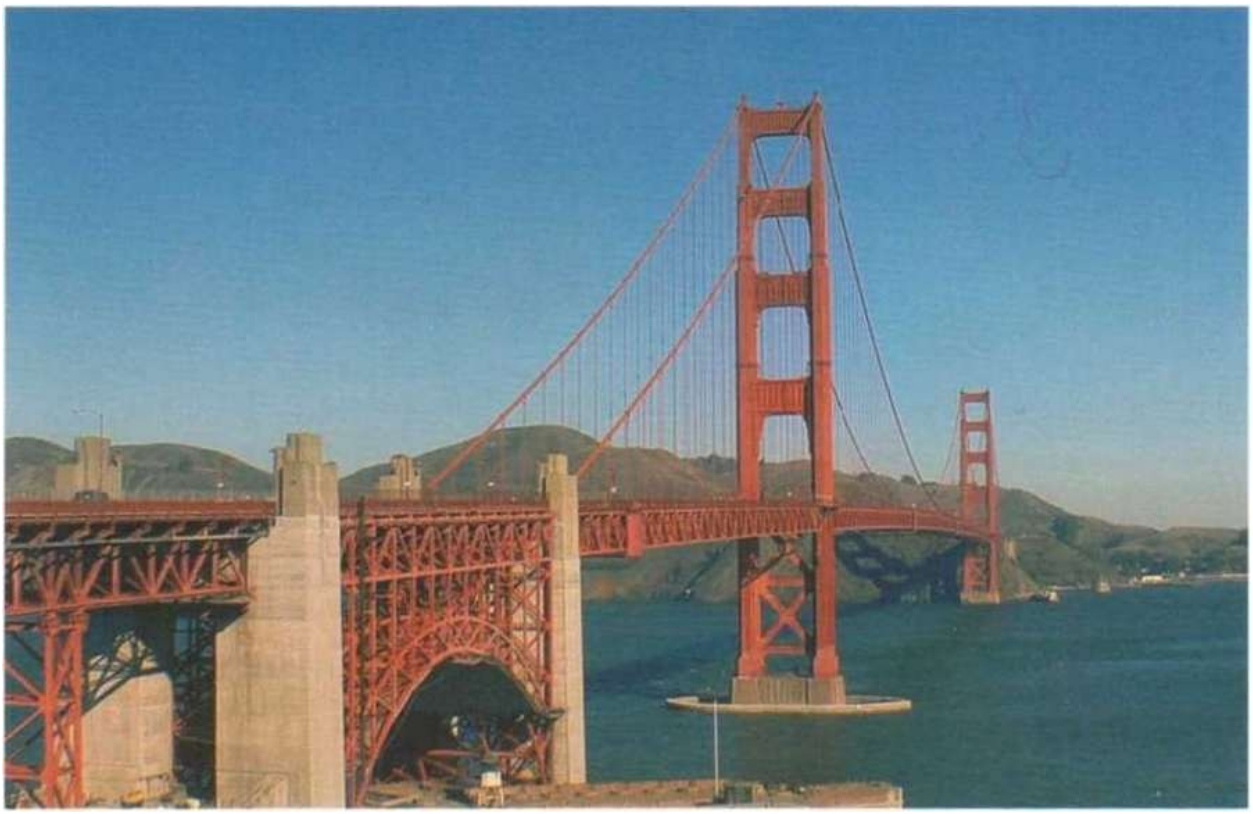
Обложка агитационной брошюры Народного фронта. «Народный фронт против нищеты, фашизма и войны. За хлеб, мир и свободу». Франция. 1936 г.



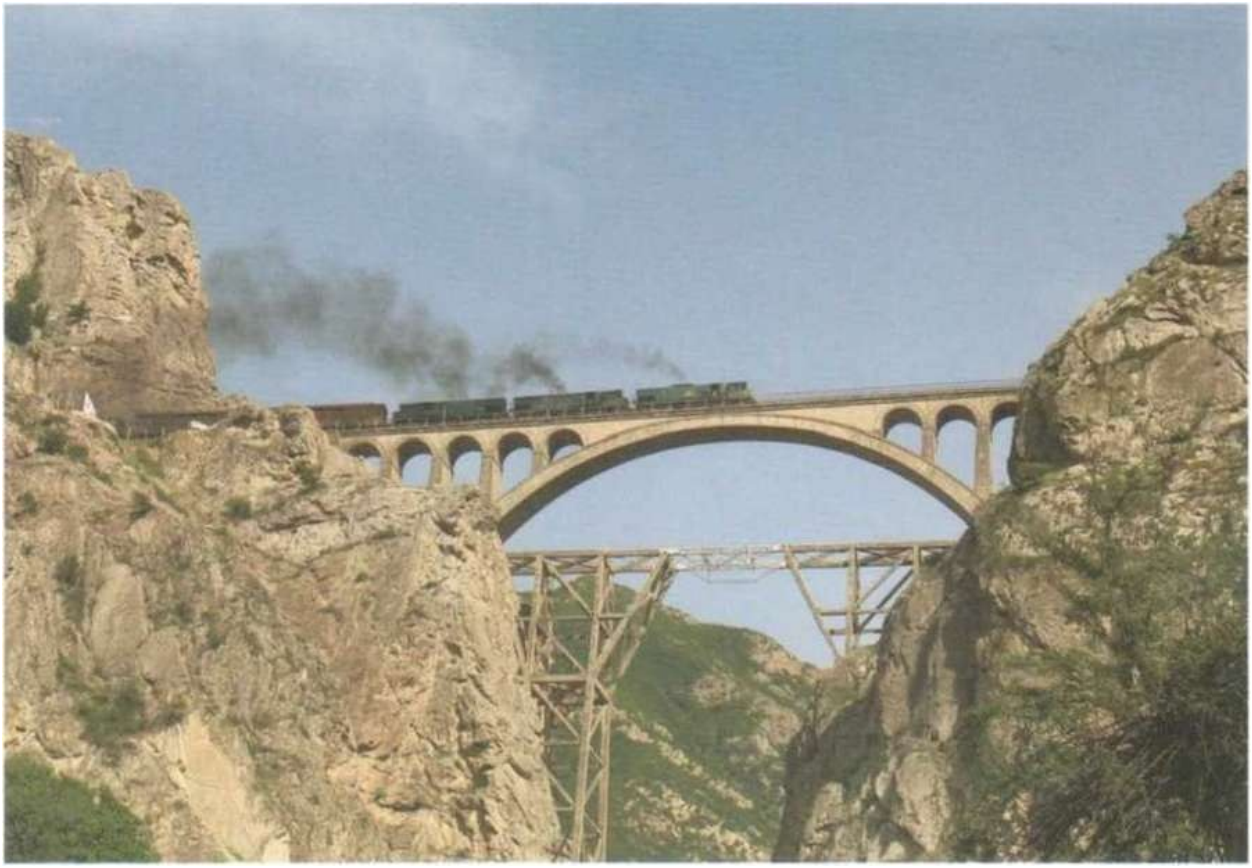
Обложка французского журнала «Le Rire» от 26 мая 1939 г. «Немецкий минотавр». Перевод подписи: «Он сожрал уже три страны и все не останавливается»

Электростанция в Баттерси. Лондон. 1933-1935 гг. (первый блок); 1953-1955 гг. (второй блок)

Плотина Гувера на реке Колорадо. США. 1931-1936 гг.



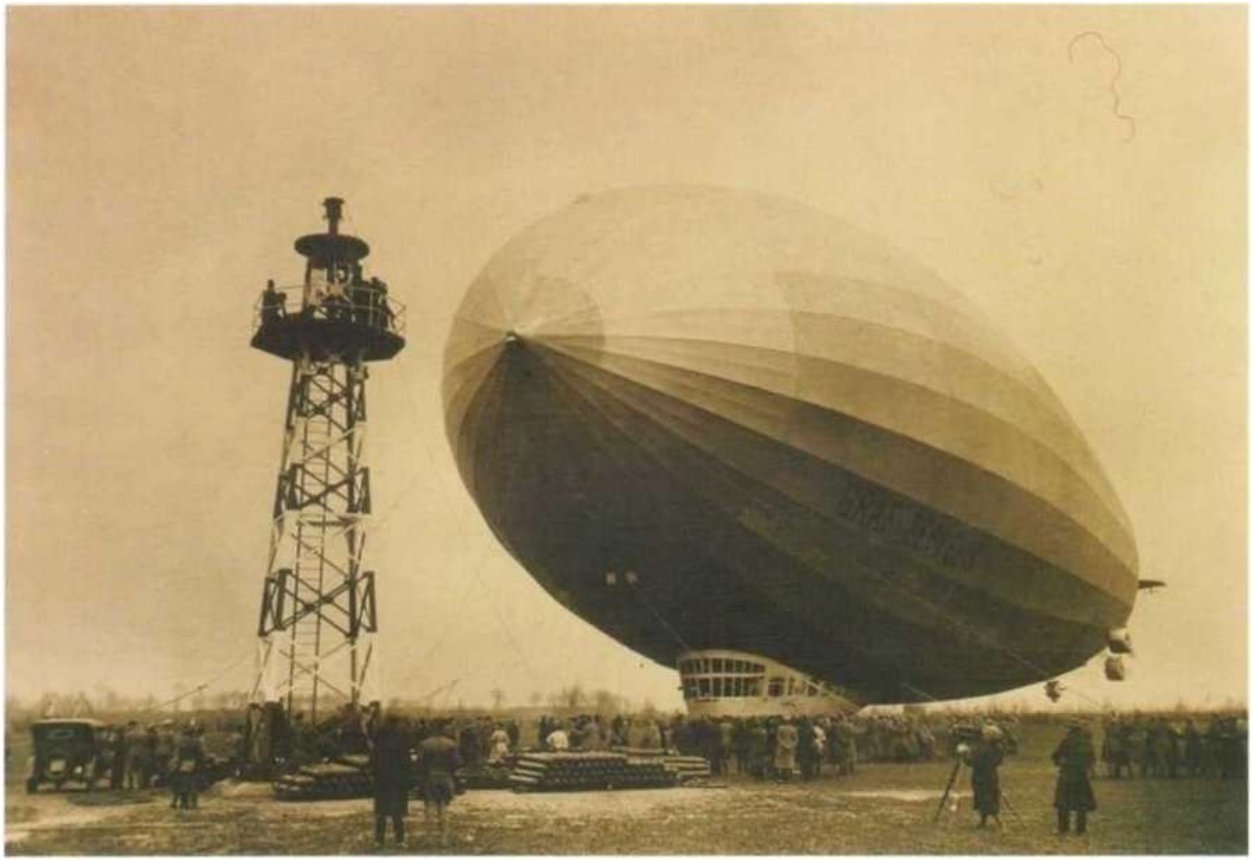
Мост Золотые Ворота в Сан–Франциско. 1933-1937 гг. Арх. И. Морроу



Мост Вереск в Иране. Построен австрийскими, датскими и немецкими инженерами в 1936 г.

Обложка журнала «Радиослушатель» с изображением Шуховской башни. 1928 г.

Штаб–квартира Британской вещательной корпорации BBC в Лондоне. 1928-1932 гг. Арх. Дж. Валь Майер. Р. МакГрат



Гигантский дирижабль «Граф Цеппелин». Германия. 1928 г.

Транспортный самолет Дуглас DC-3. Первый массовый транспортный самолет. США. 1936 г.

Рено AG. 1905-1921 гг. Получило название «Марнское такси», так как использовалось французской армией для переброски войск в битве на Марне. 1914 г.

Мерседес–Бенц 260 D. 1936-1940 гг. Первый дизельный легковой автомобиль

Станция метро «Маяковская» в Москве. 1938 г. Арх. А. Н. Душкин. Фрески выполнены по эскизам А. А. Дейнеки

Этот же этап в истории авангардистского искусства представляет творчество молодых немецких художников, создавших в 1905 г. объединение «Мост». Лидером группы стал Э. Л. Кирхнер, в разное время в группу входили такие художники, как М. Пехштейн, О. Мюллер, Э. Нольде, Э. Хеккель, К. Шмидт–Ротлуф. Группа «Мост» стала ядром живописного экспрессионизма в Германии. Творчество немецких экспрессионистов было способом выражения сильных чувств, переживания острых драматических состояний. Пластические приемы живописи немецких художников — деформированные линии, искаженные пропорции, интенсивные контрасты, экспрессия цветовых сочетаний — не изображали реальность, но были символическими эквивалентами заложенного в их искусства духовного и душевного напряжения. Живописные образы экспрессионистов формировались с нарушениями визуального правдоподобия, вне связи с логикой видимого мира. Как и фовисты, они преобразовывали на своих полотнах действительность в соответствии с собственной художественной концепцией, искали новые живописные возможности субъективной интерпретации реальности.

Следующим этапом в истории авангарда стал *кубизм*. Традиционно создание этого направления связывают с именем величайшего художника XX в. П. Пикассо. Он, однако, кубизм не открыл, а с невероятной смелостью и решительностью довел до конца живописные решения, интерес к которым проявился у многих художников начала XX столетия. В своих исканиях кубизм вышел за пределы чувственного опыта: если фовисты и экспрессионисты оставались еще на уровне личностной интерпретации реальности, то представители кубизма обратились уже к созданию новой реальности, более сложной и многомерной в сравнении с той, что доступна эмпирическому, опытному восприятию.

История кубизма начинается с 1907 г., с создания П. Пикассо шокировавшей многих картины «Авиньонские девицы». Пять женских тел — по первоначальному замыслу это должны были быть девицы из борделя — искажены, трактованы геометрически в продолжение популярных в среде парижских художников идей великого постимпрессиониста П. Сезанна. Однако П. Пикассо не только исследует форму, отталкиваясь от видимой действительности. Две правые женские фигуры свидетельствуют о том, что художник позволяет себе натуру «сломать», разъять на части, а затем собрать ее заново, но уже по законам, не соответствующим естественным формам, а создающим другую реальность. Тем самым

художник впервые взял на себя право, по выражению самого Пикассо, «работать не с натуры, а подобно самой натуре», творить по воображению новое художественное целое, устанавливать разные уровни приближения к реальности внутри картины.

На первом («сезаннистском») этапе П. Пикассо и последовавшие за его экспериментами художники (в первую очередь француз Ж. Брак и испанец Х. Грис) увлечены поиском пластических закономерностей формообразования, стремятся выявить рациональную основу в открывшейся им структурной бесконечности пространственных объектов. Творимая художественная реальность требует принципиально новых живописных решений. Они изучают внутреннюю конструкцию предметов, изображают ее согласно логике физических законов строения натуры, а не логике зрительных впечатлений. Обобщая форму, они стремятся к универсализации открытых ими выразительных возможностей нового художественного языка.

Празднование 80-летия П. Пикассо в г. Валлорисе (Франция): (слева направо) политик Ж. Дюкло, П. Пикассо с супругой Ж. Рок, актриса Л.

Бозе и ее муж матадор Л. М. Домингин. 30 октября 1961 г. РГАКФД

На следующей («аналитической») стадии кубисты ставят перед собой иные задачи. Экспериментируя, они расчленяют объекты на множество отдельных элементов, свободно их сопоставляют в далеком от имитационности ключе. Тем самым они позволяют себе устанавливать иные — символические — взаимосвязи внутри изображенных фрагментов реальности. Зритель получает право выбирать уровень «прочтения» установленных художником связей, свободно реагировать на предлагаемое столкновение абстрактных и фигуративных объектов, синтезировать разные уровни изображенной реальности. Как написал в 1912 г. Г. Аполлинер, «живописцы исходят не из человеческой меры, а из бесконечности Вселенной».

В завершающий («синтетический») период кубизма художники увлекаются созданием коллажей. Они начинают вводить в пространство своих произведений нехудожественные элементы: фрагменты старых газет, кусочки обоев, тканей или клеенки, части музыкальных инструментов, коробки из–под табака и проч. Эти эксперименты продолжают в игровой форме поиски символических эквивалентов, визуально создающих художественный образ новой, не имеющей отношения к натуре, реальности. И хотя кубизм как направление исчерпал себя к началу Первой мировой войны, его значение в истории художественной культуры XX в. переоценить невозможно: ориентировавшийся прежде в своей творческой практике на визуальный опыт, художник получает возможность опираться на внутреннее видение, творить собственный мир, выявлять более глубокое содержание реальности.

Еще одной вехой в истории художественных открытий нового столетия оказался возникший в Италии *футуризм*, рождением которого принято считать публикацию в феврале 1909 г. «Манифеста футуризма» итальянского поэта Ф. Т. Маринетти. В манифесте провозглашалось: «великолепие мира обогатилось новой красотой — красотой скорости. Гоночная машина … прекраснее, чем статуя Ники Самофракийской». Культ нового, пронизанного индустриальными ритмами будущего и необходимость разрушения великой классической культуры декларировались и в последующих эпатажных манифестах футуристов. В футуристическую группу входили поэты и литераторы, живописцы и скульпторы. Среди художников наиболее яркими фигурами были Д. Балла, Л. Руссоло, Д. Северини, У. Боччони.

Футуристы первыми в мире искусства столь остро почувствовали влияние на человеческую психику скоростей и ритмов нового

индустриального века. В художественной практике они искали пути непосредственного эмоционального выражения динамики современного мира. Чрезвычайно важным для футуристов оказался опыт кубизма, связанный с делением объекта на сопряженные между собой по новым законам фрагменты. Движение в своих произведениях они передают путем наложения симультанных, последовательных фаз на одно изображение: предметы делятся на фрагменты, пересекаются заостренными формами и углами, дополняются зигзагами, кругами, вращающимися эллипсами и спиралями. Рождающиеся формы в их художественной концепции оказываются пластическими эквивалентами нового, сокращающего время и пространство движения, а также психофизиологической реакции на него. Футуристы мечтают об искусстве, которое бы целостно воздействовало на все чувства человека, открывало бы ему новые измерения бытия. Они стоят у истоков кинетизма, акционизма, других более поздних форм синтетического искусства.

Одним из наиболее выдающихся прорывов в поисках художественного выражения открывшегося в ином измерении мира явилось *абстрактное (беспредметное) искусство*, в основу которого заложен принципиальный отказ от подражательного воспроизведения форм видимой реальности. Авангардистская абстракция окончательно утверждает право художника создавать произведения, визуализирующие в первую очередь внутреннее видение, устанавливающие иные — ассоциативные, знаковые, символические — связи между формальными элементами живописной композиции. В основу беспредметного творчества заложено рожденное современной эпохой понимание пространства и времени, не промеряемое эмпирически, но предполагающее сложный рационально–логический и эмоционально–духовный опыт восприятия. В абстрактном искусстве меняется характер художественной коммуникации: творческая личность, организуя беспредметные цвето–формы, апеллирует к более высокому уровню художественно–эстетического переживания зрителя.

В беспредметном искусстве начала XX в. сформировалось две основополагающие тенденции, соответствующие двум исторически сложившимся формам художественного осмысления мира. Первая — экспрессивная — делает акцент на эмоциональном отношении к духовным смыслам многомерного бытия, вторая — геометрическая — стремится к рациональному упорядочиванию его универсалий. В обоих случаях источником художественного образа является заряд субъективных психологических впечатлений, которые таит в себе экспрессивная или геометрическая абстрактная форма. Речь идет о вовлечении в искусство

действительности, понимаемой как синтез чувственного, абстрактно–логического и духовного опыта.

Беспредметное искусство явилось итогом сложных теоретических построений, соответствовало самым смелым творческим экспериментам своего времени. Оно формировалось, в числе прочего, под влиянием популярных на рубеже веков философских концепций, особую роль среди которых сыграло теософское учение Е. Блаватской. Последнее утверждало наличие в природе Универсального Абсолюта, высшей реальности, скрытой за оболочкой материальных процессов. Человек, согласно воззрениям теософов, не ограничен лишь физическим миром, ему необходимо развивать «новые чувства», для того чтобы наблюдать явления более тонкой материи. Эти «новые чувства» для многих мыслителей и творческих личностей были связаны с особым духовным наполнением бытия, возрождающим прежнюю синкретическую целостность человеческого существования.

Пионером абстракции считается В. В. Кандинский, русский художник, долго живший в Европе. Первые абстрактные произведения он создает в 1910 г., стремясь довести до логического конца идею творения новой художественной реальности. Теоретическому обоснованию своих живописных экспериментов он посвящает в это же время написанную работу «О духовном в искусстве». Позже он развивает и конкретизирует свои идеи в таких произведениях, как «Ступени», «Точка и линия на плоскости» и др. Увлеченный теософскими идеями, В. В. Кандинский исходит из представлений о существовании Духовного Космоса; задача художника — открытие этого высшего мира людям, расширение их зачастую мещанского кругозора, возбуждение «вибраций» их души.

Отныне, по В. В. Кандинскому, пространство картины теряет свое человеческое измерение. Этим, пишет он, «подчеркивается духовный характер космической энергии и ее независимость от пространства … Только при таком условии возможен полный синтез объективного и субъективного, реальности и фантазии». Формально–пластические элементы художественного образа могут создавать бесконечное количество абстрактных — построенных по законам линейной и цветовой гармонии — сочетаний, выражая тем самым бесконечность художественно осмысляемого мироздания. В теории В. Кандинского сама форма, даже если она совершенно абстрактна и подобна геометрической, имеет свое внутреннее звучание: «Треугольник, закрашенный желтым, круг — синим, квадрат — зеленым, снова треугольник, но зеленый, желтый круг, синий квадрат и т. д. — все это совершенно различные и различно действующие

существа… Так как количество красок и форм бесконечно, то бесконечно и число комбинаций… Этот материал неистощим». Так, согласно его воззрениям, художественно воссоздается та часть действительности, которая ускользала ранее от рационально организованного мышления, и действительность эту осознать иным способом невозможно. Питаемая новым чувствованием мира, художественная форма сохраняет свою структуру, но апеллирует теперь к бесконечности, моделирует ее художественно, вызывая у подготовленного зрителя новый, неизвестный ранее строй переживаний.

Представления о высшей, пронизанной духовными смыслами действительности и о художнике–демиурге, который призван эту действительность открывать людям, привели к рождению второго направления в беспредметном искусстве первой половины XX в. — геометрической абстракции. Первым европейским художником, который обращается к созданию подобных картин и к теоретическому обоснованию нового искусства, является голландец П. Мондриан. Увлеченный, с одной стороны, теософским учением Е. Блаватской о мистическом единении Души с Абсолютом, а с другой, открывший для себя конструктивные возможности кубизма, он обращается к созданию абстрактных геометрических структур, кодирующих, согласно его теории, универсальные законы мироздания. Со второй половины 1910-х годов он работает над композициями, призванными продемонстрировать равновесие вертикалей и горизонталей, которые выражают внеличностное начало и моделируют высшую совершенную гармонию. П. Мондриан и его последователи из группы «Де Стейл» («De Stijl») стремятся «сделать зрителей восприимчивыми к красоте чисто визуальных искусств». Они пропагандируют универсальный художественный язык — ясный, логичный, основанный на прямых линиях и геометрических, покрытых хроматическими цветами плоскостях. Неопластицизм — идущий от П. Мондриана вариант геометрической абстракции — открыл дорогу широкому спектру более поздних творческих практик, апеллирующих к поиску рационально обоснованных художественных форм.

После Первой мировой войны характер авангардистских поисков заметно меняется. Авангард утрачивает присущий ему прежде разрушительный характер. Многие художественные открытия довоенного авангарда глубоко проникают в визуальную культуру межвоенных десятилетий, впитываются массовым сознанием. Наиболее радикальное, стремящееся к эксперименту искусство обращается внутрь человеческого «Я», к выражению его противоречивых состояний.

Пространство межвоенного искусства, как и прежде, остается калейдоскопически пестрым и противоречивым. Самую заметную роль в европейской художественной жизни этого времени играет *сюрреализм* (фр. Surrealisme — сверхреальность). Вдохновляемые отголосками идей А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, теориями З. Фрейда, сюрреалисты выступают с критикой традиционной образности в искусстве, которую связывают с изображением осознаваемой действительности. Источником, питающим искусство, они объявляют иррациональную сферу подсознательного, ибо, согласно их воззрениям, истинная сущность человека лежит за пределами физической реальности. Сюжеты их произведений — особые состояния человеческой психики, выражающие подсознательные мотивы поведения, которые возможно выявить через автоматическое письмо или отслеживание параноидального бреда. Заявленное стремление к художественному воплощению подсознательных состояний рождает особую, сюрреалистическую логику художественно–образной структуры.

Изначальную сложность и непредсказуемость изучаемых психических реакций сюрреалисты художественно осмысляют через эмоциональное к ним отношение. Раз эти реакции непознаваемы, то и композиционные элементы в художественном произведении должны выстраиваться в не имеющее логики сочетание, возникающее от неосознанных эмоциональных побуждений. Сюрреалистическое творчество провозглашается новым методом познания мира. Оно основано на изображении реальных, легко узнаваемых предметов с принципиально нарушенными взаимосвязями, в системе которых эти предметы существуют. Алогичные, непредсказуемые сочетания рождают ощущение тайны, загадки, непознаваемости смыслов.

Сюрреализм в теории и в художественном творчестве — это не только стремление к созданию абсурдных образов во имя постижения бессознательного. За опытами визуальной провокации стоит авангардистское бунтарство, желание ниспровергать современный буржуазный социум (к слову, сюрреалисты издавали журнал «Сюрреалистическая революция»), утверждать свободу мышления, творчества и бытия. Они хотят выйти за пределы привычного культурного опыта, преодолеть границы прежнего искусства, визуализировать — в алогичном, ироничном, параноидально–критическом и т. д. ключе — новую эстетику, основанную на внутреннем видении, освобожденную от господствующих в обществе условностей. Сюрреализм как течение, безусловно, наиболее полно выразил сложнейший художественный опыт, по пути следования которому двигалось культурное сознание первой

половины XX в.

Наряду с авангардом новое искусство этого времени представлено художниками, обратившимися к антиклассической творческой практике для выражения того, к чему всегда искусство апеллировало, — к передаче глубинного личностного видения объективно воспринимаемой и субъективно переживаемой реальности.

Мастера, наделенные обостренным чувствованием мира, его проблем и противоречий, стремятся к возможности личного художественного эксперимента, заимствуя те или иные художественные приемы у авангардистов. Для них важны темы, связанные со страданием и болью, с воспоминаниями и лирическими переживаниями, нюансированными человеческими отношениями. Особенно много таких художников живет в первой половине столетия в Париже — своеобразной Мекке для творческого мира Европы. Это интернациональное сообщество самых разных, очень талантливых мастеров принято называть Парижской школой.

Художники Парижской школы создавали собственные пластические миры, далекие от канонов классики. Их объединяли не общие замыслы, цели или программы, а стремление к творческому поиску, дружескому и профессиональному общению. К лучшим мастерам Парижской школы относятся М. Шагал, А. Модильяни, Ж. Руо.

М. Шагал, впервые попавший в Париж, когда свои главные открытия делали фовисты и кубисты, использовал новые живописные приемы для выражения внутреннего мира, в котором причудливо сплетались различные уровни лирического и экспрессивного, вневременного и повседневного, национального и общечеловеческого. Как и другие художники его поколения, он разрушал привычные смыслы и визуальные связи между изображаемыми объектами, заменяя их другими, иррациональными, апеллирующими к примитиву и игре, наполненными визуально понятными символами и метафорами. Его персонажи, изображенные в неловких позах, повернутые вверх ногами, парящие в пространстве, оказываются частью органичного авторского мира — мира воображения, мечты, воспоминаний. Образы в его картинах наслаиваются, свободно смешиваются, как смешиваются в нашем сознании прошлое и настоящее, вымышленное и реальное, индивидуальное и всеобщее. Шагаловское творчество открыло новое — личностное — измерение того искусства, которое стремится к визуализации универсального человеческого опыта.

Переехавший в Париж итальянский художник А. Модильяни наиболее известен портретами, которые писал в последние несколько лет своей короткой жизни. Восприняв опыт кубизма, он использовал радикальные

пластические идеи для создания лирических, наполненных психологизмом образов близких ему людей. В своих портретах А. Модильяни упрощает форму, строит ее плоскостно, использует удлиненные угловатые линии, дополняет ее элементарными знаками, не изображающими, но обозначающими особенности лица модели. Этими, на первый взгляд примитивными, приемами, дополненными деликатным использованием цвета, художник добивается индивидуализации, утонченной психологической характеристики, выявления наиболее характерных внутренних особенностей своих персонажей. Открытия кубизма, преображенные творческим видением А. Модильяни, стали основой уникального, лирического по сути, утонченно–графического по воплощению, живописного стиля, одного из самых запоминающихся в истории модернизма.

Французский живописец Ж. Руо использовал современные ему художественные открытия для создания полных внутреннего драматизма, часто гротескных образов. Наиболее знамениты его построенные на резких цветовых контрастах цирковые сцены, а также картины, с невероятной экспрессивностью трактующее христианскую историю. Композиция большинства произведений Ж. Руо строится на основе отвлеченных элементов и цветовых пятен, вступающих в сложное ритмическое взаимодействие и рождающих эффект драматизма не только изображенной сцены, но драматизма человеческого существования в целом.

Представленные тенденции в развитии художественной культуры первой половины XX в. свидетельствуют, что модернизм явился реакцией на усложнение характера культурной динамики, на противоречивое состояние личности в условиях процессов отчуждения и дегуманизации. Такой качественно новый поиск возможностей художественного постижения и переживания мира, проявившийся в различных творческих практиках, изменил художественное сознание, открыл новые измерения творчества и бытия.

Своеобразие развития отечественной культуры

Развитие отечественной культуры первой половины XX в. характеризуется как особой сложностью и противоречивостью, так и ярко выраженным своеобразием. Причины этого следует искать, с одной стороны, в особенностях русской культурной традиции, с другой — в радикализме тех перемен, которые на этом этапе происходят в социальной,

экономической, политической истории нашей страны. Быстрые темпы модернизации, на путь которой Россия встает во второй половине XIX в., накладываются на сохраняющие свое значение традиционные формы культурного сознания, в том числе и на демократические, идущие от народников иллюзии по поводу общинного социализма. Это определяет неоднозначность происходящих культурных процессов.

На рубеже XIX-XX вв. устойчивый рост городского населения приводит к формированию в России массовой культуры. Страну захватывают общеевропейские процессы, свидетельствующие о близком конце прежних патриархальных форм потребления культуры. Современники фиксируют стремительный рост востребованных массой печатных изданий — популярной литературы, брошюр, журналов и газет. Так, знаменитый русский книговед и писатель Н. А. Рубакин в 1910-е годы пишет о том, что из объемных и дорогих книги превратились «в маленькие и дешевые, которые могут быть легко прочитаны и быстро циркулировать в толпе». В стране вспыхивает всеобщее увлечение кинематографом. В годы Первой мировой войны на каждую прочитанную книгу в среднем приходится пять–шесть посещений сеансов кинематографа, а на каждый проданный театральный билет — десять–двенадцать проданных билетов в кино. Кино, таким образом, намного превосходит по популярности театр и литературу, превращается в действительно массовое зрелище.

Оборотной стороной массовизации становится осознание роли творческой личности, противостоящей массе («грядущему Хаму», по выражению Д. С. Мережковского), косной, способной лишь воспроизводить готовые образцы и культурные стандарты. Особое значение в России приобретает и другая тенденция, связанная с идеей творческого подхода к жизни в целом, синтеза сферы искусства и неискусства; корни ее уходят в устойчивое стремление русской демократической интеллигенции просвещать народ, нести культуру в широкие массы. К началу XX в. эта идея оформляется в повышенное внимание творческой личности к среде нехудожественной, в попытки привлечения широких масс к активному культурному творчеству, в утопические мечтания о создании ценностей, преображающих мир и человека.

Высвободившаяся в результате кризиса утилитарных подходов к пониманию искусства и жизни энергия определила выдающийся творческий подъем, который получил название Серебряного века русской культуры. К нему принято относить те сферы русской культуры, которые, в полемике с позитивистскими формами мышления и реалистически

ориентированными культурными практиками, двигались по пути поисков духовного обновления и совершенствования общества. Глубинные истоки культуры Серебряного века — в мировоззренческих трансформациях, в переориентации сознания, в новом ощущении многомерности и непостижимости бытия. В первые два десятилетия XX в. с особой силой проявляется общий идеалистический подход к пониманию действительности. Культура Серебряного века формируется как интеллектуальная и художественная реакция на субъективное переживание неявленной, но органической полноты бытия, включающей в качестве важнейшей основы все пласты духовного мира человека. Ее особенностью является выдающаяся роль художника, синтетическое образно–ассоциативное видение которого наиболее полно отражает всю сложность и противоречивость духовных поисков эпохи. Новое мировосприятие питает русскую философскую мысль, определяет особенности символистских и модернистских направлений в литературе и искусстве.

Первая из упомянутых тенденций Серебряного века — это субъективно окрашенные мировоззренческие и художественные поиски интеллектуальной творческой личности. Они приводят к расцвету русской религиозной философии. Как и европейская, русская философская мысль этого времени ставит проблему кризиса культуры, но стремится решить ее, отталкиваясь в первую очередь от философии всеединства В. С. Соловьева. Русские философы размышляют о противоположной индивидуализму соборности — духовном коллективизме, сохраняющем свободу личности, о возможности через приобщение к культуре преодолеть негативные последствия современной цивилизации. Н. А. Бердяев, крупнейший представитель русской философии и религиозного экзистенциализма, сводит проблемы соотношения культуры и цивилизации к проблемам веры и безверия, сакрального и мирского. Секуляризация культуры ведет к ее перерождению, превращению в цивилизацию. Выход для Бердяева — в духовном возрождении, к которому должны прийти как экзистенциальная личность, стремящаяся к духовному обогащению, так и общество, совершенствующееся через приближение к Богу.

Особую роль в культуре Серебряного века приобретают литературные и художественные поиски. Творчество в целом воспринимается эпохой как возможность всеобщего спасения. Тяготевшее в XIX в. к отражению жизни, искусство превращается в ее порождающую модель. Целостное, синтетическое, апеллирующее к вневременности видение мира рождает творчество, формирующее мифопоэтический образ Универсума. На этой почве развивается символизм как основа интеллектуального и

эстетического познания и переживания мира.

Символизм начала XX в. — это первое проявление модернизма в русской культуре. Литературно–философские поиски русских символистов основаны на идее творческого переосмысления мира как результата утонченно эстетизированного, подсознательно–интуитивного созерцания его тайных смыслов, доступных художнику–творцу. Пафосом творчества «старших символистов» — В. Брюсова, Д. Мережковского, З. Гиппиус, Ф. Сологуба — становятся, в противоположность реализму и позитивизму, культ красоты и свобода самовыражения. Представители «младшего символизма» — А. Блок, А. Белый, Вяч. Иванов — решающее значение придают философско–художественной рефлексии. Апеллируя к национальной традиции, они размышляют в эсхатологическом ключе об исторической судьбе России, о смысле творчества. Отталкиваясь от идеи всеединства В. С. Соловьева, его надежды на духовное возрождение человечества, его понимания задач искусства как «превращения физической жизни в духовную», «младосимволисты» выдвигают программу творчества, в соответствии с которой художественный акт — это преобразование реальности, художник — это демиург, создающий новые миры, искусство — это сотворение нового человека. Символ — место встречи внутреннего и внешнего, интуицией постигаемая, по словам Вяч. Иванова, «тайнопись неизреченного» — становится способом постижения скрытых основ и законов мироздания, которые ведут к грядущему преображению мира, являются преддверием новой жизни в Вечности.

Наряду с литературно–философской сферой символизм как новый метод художественного мышления получает яркое воплощение в изобразительном искусстве. Творческие поиски М. Врубеля, а вслед за ним таких мастеров, как В. Борисов–Мусатов, П. Кузнецов, К. Петров–Водкин и др., свидетельствуют о появлении в России живописцев, тяготеющих к универсализму и в мировосприятии, и в творчестве. Живописное пространство утрачивает в произведениях символистов привычную прежде конкретность и определенность, натурное изображение сменяется поисками художественной деформации как возможности выражения по–новому воспринимаемой реальности. Художники–символисты приходят к созданию индивидуально окрашенного образа мира, творят собственный миф, отражающий универсальное синтетическое ощущение бытия.

Вторая — ориентированная на активное вторжение в жизнь и ее художественное преображение — тенденция в культуре Серебряного века наиболее ярко представлена авангардом. Авангардные течения в России

отличаются, в сравнении с европейскими, еще большим пафосом разрушения в отношении предшествующей культурной традиции. Русский авангард принципиально антиэстетичен, он стремится ворваться в жизнь и перестраивать ее на началах новой социальной утопии. Как и символизм, он апеллирует к иной, не связанной с эмпирическим опытом реальности, в основе которой лежит идея высшего миропорядка. Ведущие русские авангардисты стремятся выйти за прежние рамки эстетического, они верят в безграничные возможности искусства.

Наиболее показательным примером является футуризм. Он возникает под влиянием итальянского, но очень скоро заявляет о себе как о самостоятельном явлении. В творчестве русских поэтов–футуристов — В. Хлебникова, В. Маяковского, Д. и Н. Бурдюков, А. Крученых и др. — с особой силой звучит анархическое бунтарство. Ради создания искусства будущего, которое формировало бы нового человека, футуристы (кубофутуристы, как они себя называют) экспериментируют в области «заумного» словоупотребления, стихотворной ритмики, семантики поэтического языка. Согласно их представлениям, поэзия должна выйти за рамки книги и звучать на площади, включать в себя элементы частушек, поэтических лозунгов и рекламы, фольклорных заговоров и др. «Пощечина общественному вкусу» (название поэтического альманаха русских футуристов) должна была, с их точки зрения, изменить отношение к поэзии, преодолеть ее пассивное потребление, стать условием творчества, понимаемого как сотворчество поэта и публики.

Литературный футуризм в России тесно переплетается с футуризмом живописным. Художники–кубофутуристы, как и их собратья по литературному цеху, мечтают не просто о новом будущем, но о новом человеке в метафизически воспринимаемом пространстве, стремятся перекодировать предметный мир в соответствии с универсальными смыслами. Художественные формы в их живописных произведениях расчленяются, деформируются, делятся на фрагменты, имитируя тем самым множественность точек зрения и возможностей их восприятия.

Особое место в истории русского авангарда занимают эстетические поиски К. Малевича. От опытов кубофутуризма знаменитый авангардист приходит к алогизму как принципу создания художественного произведения. К. Малевич трактует алогизм как «логику высшего порядка», открывающую универсальные законы творчества. Уверовав в утопическую идею изменения мира через искусство, художник видит себя пророком, а свое искусство называет супрематизмом (от лат. supremus — наивысший). В своем главном произведении — картине «Черный квадрат

на белом фоне» — он полностью отрывается от эстетизма и изобразительного начала, сводит форму и цвет к емким и лаконичным символам, апеллирующим к трансцендентному. Супрематизм К. Малевича является художественным выражением наиболее радикальных мировоззренческих поисков эпохи.

События Октябрьской революции и Гражданской войны резко меняют основные векторы культурного развития России. Социально–политические реалии вносят в культурное пространство страны новое измерение — идеологическое, во многом ставшее катастрофой для высокой культуры. Провозглашение большевиками диктатуры пролетариата как стратегии строительства социализма приводит к официальному неприятию той части культуры, которая определяется как буржуазная, индивидуалистическая, чуждая идеям и ценностям рабочего класса. Многие представители Серебряного века оказываются в эмиграции и там продолжают свою деятельность.

Классовый подход, который советская власть кладет в основу своей политики, меняет конфигурацию культурных процессов и в начале 1930-х годов приводит к формированию тоталитаризма и соответствующей его духу культуры. Почвой для тоталитаризма становится массовая по своему характеру пролетарская культура, в рамках которой, несмотря на новые идеологемы, сохраняют значение традиционные формы культурного сознания, связанные с идеями всеобщего равенства и общинного социализма. В стране рождается особый — замешанный на коллективистских ценностях, жертвенном аскетизме, утопических ожиданиях лучшего будущего — вариант массовой культуры, который становится благоприятной средой для утверждения тоталитарной власти.

Культурная динамика 1920-х годов во многом определяется логикой обозначенных процессов, однако в этом десятилетии выходит еще далеко за рамки собственно пролетарской идеологии. Она питается, с одной стороны, энергией разбуженного революцией народа, с другой — опытами самых разных художественных групп и течений, среди которых левые, апеллирующие к пропаганде в пролетарских массах, отличаются особой активностью. Фактически они развивают народнические стратегии просвещения масс. Одна из главных линий ориентирована на создание пролетарской культуры, понимаемой как культура для пролетариата, говорящая его языком и отражающая его классовые интересы. Эта линия представлена в первую очередь деятельностью Пролеткульта — массовой культурно–просветительской и литературно–художественной организации «пролетарской самодеятельности», апеллировавшей к концепции «чистого»

пролетарского искусства. По мнению А. Богданова, главного идеолога Пролеткульта, всякое произведение искусства имеет классовый характер, оно не просто отражает действительность, но воспитывает, дает «строй мысли», направляет «коллективную волю и мышление». Деятельность Пролеткульта — это пестрый конгломерат левых художественно–эстетических воззрений и культурной практики, направленной на развитие творческой самодеятельности пролетариата.

Самые радикальные авангардисты восприняли революцию как глобальное, понимаемое в универсальном смысле крушение старого мира, как катастрофу, в огне которой должен родиться новый, построенный на началах разума и справедливости мир. Они провозглашали мировую революцию, призывали к разрушению границ между искусством и жизнью, говорили о новом творчестве как универсальной возможности переустройства бытия. На прямое общение с массами были направлены рождавшиеся в этой среде новые формы монументального и театрального искусства, литературы и музыки.

Так, пафосом нового мироустройства была пронизана деятельность пестрого по составу объединения литераторов под названием Левый фронт искусства (ЛЕФ). Отголоски футуристических идей лефовцы сочетали со стремлением служить делу революции, подчинить свое творчество интересам пролетариата. Лидеры ЛЕФ — В. Маяковский, Б. Арватов, О. Брик, В. Шкловский и др. — выступали за утилитарное искусство и примат «литературы факта» над вымыслом, разрабатывали теории «социального заказа» и «революции формы», призывали к созданию «производственного искусства», наиболее полно воплощенного в идеях и практике советского конструктивизма.

Конструктивизм занимает особое место в истории советской культуры 1920-х годов. Он являет собой уникальный пример слияния нового синтетического мировоззрения (жизнь должна быть радикально преобразована творчеством) и конкретной производственной деятельности, направленной на переустройство социума. Конструктивизм выходит за рамки прежнего художественного пространства, формирует принципиально новую модель взаимоотношений искусства и жизни.

Символ конструктивистской утопии — проект Башни III Интернационала, созданный В. Татлиным. Татлинская башня, утверждающая идею конструкции как «единицы современного пластического сознания» (Н. Пунин), моделирует характер восприятия революции представителями левой художественной интеллигенции. Конструктивисты выносят самые смелые художественные эксперименты

(«художественный труд») в жизнь, трактованную как целенаправленное творение нового мира. Высокие — элитарные по сути — жизнестроительные концепции облекаются ими в формы, близкие массовому сознанию: благодаря работе по оформлению советских праздников, парадов и демонстраций эти идеи проникают в жизнь, через новую рекламу и агитационные плакаты — в повседневное визуальное пространство, через конструктивистские формы дизайна посуды или одежды — непосредственно в быт и т. д. Апеллирующий к раскрепощенному массовому сознанию, конструктивизм 1920-х годов подводит итог левым утопическим исканиям в отечественной культуре первой половины XX в. С рубежа 1920-1930-х годов партийное руководство переходит к жесткой идеологической регламентации во всех видах культурных и художественных практик.

Тоталитаризм как безальтернативная основа отечественной культуры последующих десятилетий является итогом, с одной стороны, интенсивных процессов массовизации, с другой — разного уровня утопических поисков, корни которых лежат в особенностях национального менталитета. С начала 1930-х годов начинается процесс воплощения в жизнь жесткого идеологического контроля над личностью, санкционированный социальной телеологией пролетарской революции, который был предсказан еще в 1920 г. Е. Замятиным в его знаменитой антиутопии «Мы». На этой основе формируется советская культура тоталитарного типа, массовая по своим типологическим признакам, но обладающая в конкретно–исторических условиях Советской России этого времени рядом особенностей. Ее специфика определяется ведущей ролью идеологии как главной технологии управления массами, которую берет на вооружение советская власть. Этим она отличается от коммерческой по своему характеру массовой культуры Запада, ориентированной на потребительские ценности среднего класса. Советская массовая культура выполняет мифотворческие функции, которые соответствуют идеалам беднейших слоев населения страны, активно встраивавшейся в модернизационные процессы. Государство, вооруженное партийной идеологией, идет по пути формирования некритического массового сознания, готового опираться на предлагаемые ответы в условиях сложнейших вызовов исторического развития. Функции социализации обладающей таким типом сознания личности, ее адаптации к реалиям советской действительности реализует культура. Она оказывается механизмом формирования массового сознания, творит систему социальных мифов, создает художественный образ утопического общества будущего.

Важнейшей чертой новой советской культуры объявляется ее доступная массам форма. Еще в постановлении ЦК ВКП(б) «О политике партии в области литературы» от 1925 г. говорится о важности художественной формы, «понятной и близкой миллионам трудящихся». В документах первой половины 1930-х годов, в том числе выработанных знаменитым Первым съездом Союза советских писателей 1934 г., вопросы художественной формы облекаются в идеологему соцреализма как требования «верного» изображения реальности в ее «революционном развитии». Соцреализм как метод в литературе и художественной культуре советской эпохи предполагает формирование мифологического образа общества будущего, спроецированного в сознание широких масс. Творимая по воле партии и государства художественная утопия заменяет в массовом сознании противоречивую советскую реальность, отвлекает массы от адекватного ее восприятия. Наглядными визуальными символами нового социального пространства и ритуализированного времени становятся широко обсуждавшийся проект так и не построенного Дворца Советов, первые линии начавшего в 1935 г. свою работу московского метрополитена, открывшаяся в 1939 г. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (ВСХВ).

Наиболее востребованными в этих условиях становятся те виды массового искусства, которые наиболее убедительно воссоздают идеологические мифы — кинокомедия, цирк, эстрада. Особое значение в 1930-е годы получает жанр кинокомедии, наивысшие достижения которого связаны с именами режиссеров Г. Александрова и И. Пырьева, актерами — исполнителями главных ролей Л. Утесовым, Л. Орловой, М. Ладыниной, композитора И. Дунаевского. Название одной из комедий Г. Александрова — «Светлый путь» — не случайно становится стержневой мифологемой советской массовой культуры сталинского времени. В лучших советских кинокомедиях создавался миф о счастливой стране, где «так вольно дышит человек». Этот миф обладал особой силой проникновения в массовое сознание, сулил надежду на лучшее завтра тем, кто ему доверялся. Природа жанра, предполагающего апелляцию к сказке, позволяла советским кинокомедиям, как и лучшим фильмам Голливуда, уйти от лобовой пропаганды, создавать в эпоху социальных катаклизмов иллюзию достижимого светлого будущего.

В целом существование советской культуры 1930-1950-х годов следует определить как драматическое. Диктат партийной идеологии, сформировавший культуру тоталитарного типа, привел к растворению личностного начала в коллективном, уничтожению, во всяком случае на уровне социального пространства, творческой индивидуальности. Одна из

объективных тенденций культурной динамики XX в. — рождение массовой культуры в ее тоталитарном варианте — проявилась в нашей стране во всей ее противоречивости и трагичности. Философские, духовные, художественно–эстетические поиски творческой личности оказались уничтоженными или вытесненными на периферию. Развитие отечественной элитарной культуры было продолжено в среде русской эмиграции.

*** * ***

Катастрофические события Второй мировой войны оказываются важнейшим рубежом в истории культуры XX в. С одной стороны, они фактически подтверждают тот крах гуманистических идеалов, который напряженно осмыслялся культурным сознанием предшествующих десятилетий. С другой — они рождают новые векторы культурной динамики, меняют тенденции и алгоритмы функционирования социокультурного пространства. С 1950-х годов мировая культура вступает в новый этап своего развития.

Языки культуры второй половины XX века

Наука о культуре и проблемы терминологии

Трагедия Второй мировой воины обозначила границу между первой и второй половиной XX в. 1945 год открывает новый этап в истории мировой культуры, связанный со сложностью восприятия, художественным плюрализмом и непрерывным обращением к предшествующему культурному опыту. Культура вступила в новую фазу существования, породившую множество интерпретаций, осмыслений и противоречивых оценок.

В последние несколько десятилетий появился ряд терминов, с помощью которых анализируется современная культура. Термины эти первоначально возникли в самых разных сферах (чаще — в социологии и экономике). Рассуждая о культуре этого периода, говорят об обществе потребления, о развитии массовых коммуникаций, о массовой культуре и культуре элитарной, о постиндустриальной эпохе, о глобализации, о тоталитарном обществе, о ситуации постмодерна, о деконструкции, о постструктурализме и т. д. Используя эти слова и словосочетания (часть из которых уже была рассмотрена в предыдущем разделе), следует иметь в виду, что они ни в коем случае не являются терминами в строгом смысле, так как не являются однозначными. В области гуманитарного знания, если рассматривать всю совокупность гуманитарных и смежных с ними дисциплин, число которых заметно выросло во второй половине XX в. («лингвокультурология», «коммуникативистика», «гелотология» и т. п.) вообще не так много терминов как таковых. Когда же речь заходит о столь многоаспектном явлении, как культура, мы переходим в сферу слов, которые можно назвать скорее не терминами, а терминоидами. Они применяются для недостаточно понимаемых и формирующихся понятий. Нет никаких сомнений, что за каждым из них стоит глубокое содержание, но об их однозначности говорить не приходится.

Чрезвычайно важным для второй половины XX в. становится понятие «бренд», которое характеризует многие из упомянутых знаковых словосочетаний. Так, американский философ и политолог Ф. Фукуяма «запускает» бренд «конец истории» (хотя понятию этому более тысячи лет), и он моментально распространяется по планете. Французский

философ Ж. Батай вспоминает платоновский «симулякр», и, благодаря его соотечественнику Ж. Бодрийяру и другим, он тут же становится «расхожим». И «конец истории», и «симулякр» (псевдовещь), и множество других понятий — интересные и оригинальные научные «бренды».

Эволюция западной культуры рассматриваемого периода очень хорошо и даже символично отражается в «моде на приставки» в культурологической терминологии, которые также были заимствованы из других наук.

Середина века (примерно 1950-1960-е годы) — это, условно говоря, период нео («неореализм», «неокритика» и т. д.). В 1970-1980-е годы и отчасти в начале 1990-х доминирует приставка пост («постмодернизм», «постструктурализм»). Ближе к XXI в. в моду входит префикс транс («трансгуманизм», «трансгендер», «транснациональный»).

В элементе «нео» есть идея преемственности через обновление, в «пост» — преодоления через отрицание (еще более ярко эта идея представлена в еще одной популярной приставке этого периода — де, например, «деконструкция»), в «транс» — нет ни того, ни другого. «Транс» — это как бы «без усилий», «сквозь», «поверх», «не замечая», как в виртуальном пространстве интернета.

«Нео» — концепции подразумевают особое поддержание традиции, приспособление старого к новым условиям. При всей их революционности культура в них мыслится все еще традиционно, как нечто стабильное, конструктивное, положительное, как Космос, который надо спасти от Хаоса.

В «пост» — и «де» — концепциях культура превращается в Хаос. Или почти в Хаос (в постструктуралистской литературе встречается, например, слово «хаосмос»), который (Хаос) в Космос превратить уже нельзя. Это рождает трагическое ощущение, близкое к безнадежности, но сохраняет элементы неравнодушия. Корни этих концепций лежат в политическом и идеологическом кризисе 1960-х годов. Ключевой год здесь — 1968, год волнений во Франции и ввода войск стран организации Варшавского договора в Чехословакию. В этот момент присутствует искренний протест, сохранение «человеческих» качеств.

Постструктуралистские «ризомы», «симулякры», «гипертексты» и т. д. и т. п. — живые метафоры, напряженное терминотворчество, без присутствия жизни. «Транс» — концепции — порождение прагматико–технократического мышления.

Такая эволюция прослеживается во многих сферах. К примеру, очень существенная составляющая культуры XX в. — это феминистская

культура, которая проявляется в самых разных областях (от литературы до фотографии). Феминизм, возникший как суфражизм еще в XIX в., призван был отстаивать права женщин. Далее провозглашается тотальная борьба с «фаллогоцентризмом» вообще (Ю. Кристева и др.), затем следует тезис о полисексуальности («сколько людей, столько и полов»), наконец, современная цивилизация приходит к трансгендерным технологиям, с помощью которых можно совершенно беспрепятственно осуществлять полисексуальность.

Борьба с «тоталитарным мышлением» в 1960-е годы приходит к толерантности и мультикультурализму в конце XX — начале XXI в. Что такое «толерантность»? На поверхности это «терпимость», глубинно — равнодушие, «трансгуманизм», «транссоциальность» и «транскультура», точнее — «трансцивилизация».

К концу XX — началу XXI в. начинает все настойчивее заявлять о себе установка на воскрешение традиционных культурных и религиозных ценностей, на неотрадиционализм, таким образом можно предположить, что на рубеже веков культура переходит на новый виток развития.

Специфика культурной динамики второй половины XX в. характерна и для процессов, которые происходят в самой науке о культуре. В этот период широко распространяется понятие «культурология». Считается, что его впервые как название самостоятельной дисциплины предложил Л. Уайт. В англоязычном мире эта наука называется «cultural studies». Предтеча культурологии — культурная антропология, возникшая еще в конце XIX — начале XX в. (Ф. Боас, К. Леви–Стросс, Б. Малиновский и др.). Родина культурной антропологии — США. В Великобритании бытует также вариант «социальная антропология». В целом культурология находится где–то на стыке истории, социологии, антропологии и этнографии (этнологии). Свои «изводы» культурологии существуют и в немецкоязычном, и во франкоязычном, и других мирах. В Россию культурология пришла в конце 1980-х — начале 1990-х годов.

В середине XX в. в США появляется дисциплина «межкультурная (кросскультурная) коммуникация», которая также становится научно–академическим брендом. Количество подобных дисциплин год от года увеличивается. Вместе с тем основные идеи, которые формулируются в рамках современных наук о культуре (преимущественно англоязычных), были высказаны значительно раньше, по большей части в 1920-1930-е годы, и не только по–английски, а на самых разных языках (в том числе по–русски, на хинди или по–арабски) и в иных терминологических системах,

но эти системы не получили статус «бренда».

Ситуация в мировой науке о культуре типологически такова же, как и в самой культуре. В этом смысле англоязычный мир (а сейчас и американоязычный) и английский язык, в том числе в его американском варианте (то, что можно назвать современным планетарным глобалектом), играют двоякую роль.

С одной стороны, англоязычная «межкультурная коммуникация» объединяет, консолидирует мир, восполняя потребность частей «коммуницировать» друг с другом. С другой — становится препятствием для полноценного культурного взаимодействия. Эта тенденция усиливается к концу XX в., и особенно наглядно она прослеживается в литературе, кинематографе, театральном искусстве, т. е. в тех сферах культуры, которые непосредственно связаны с языком, речью.

В результате глобализация приводит одновременно и к производству общепланетарных культурных артефактов (например, голливудские фильмы), и к известному замыканию национально–региональных культур в себе, к возведению очень труднопреодолимых границ между культурами. К концу века все явственнее наблюдается тенденция не только к вынужденной культурной регионализации, но и к намеренной, осмысленной. При этом стержнем ее является языковой вопрос. Формально — вопрос о статусе языка. Все это можно назвать культурной регионализацией, можно — культурно–языковым сепаратизмом. В любом случае именно глобализм породил подобную ответную реакцию. В начале XXI в. данная тенденция набирает силу, хотя до конца XX в. вектор глобализации остается доминирующим.

Если в середине XX в. французы, итальянцы и другие еще составляли существенную конкуренцию англоязычной культуре, то к концу века ситуация меняется. Происходит своего рода подмена понятий. Можно сказать, что здесь мы имеем дело с эффектом «культурной синекдохи», когда за всю историю культуры последних десятилетий в массовом и «массово–научном» сознании выдается лишь ее часть, а все остальные культуры живут как «вещи в себе» и в лучшем случае становятся достоянием узкого круга профессионалов. Так, русскую культуру до 1990-х годов возможно представить своеобразным транслятором многих других культур, прежде всего культур народов, входивших в состав СССР, и отчасти культур стран социалистического лагеря. Произведения М. Турсун–Заде, Э. Межелайтиса, Ч. Айтматова, Р. Гамзатова стали явлениями мировой культуры благодаря ярким талантам авторов и, в не меньшей степени, благодаря переводу на русский язык. С прекращением

существования СССР бывшие республики и бывшие страны соцлагеря в культурном отношении резко регионализируются, часто отсекаются от мирового культурного контекста, от подлинного диалога культур.

Композитор Д. Д. Шостакович (сидит за столом) за работой во

время визита во Францию. 1950-е годы. РГАКФД

Культурная политика в условиях глобализации

Последняя четверть XX в. характеризуется столкновением глобальных процессов с тенденциями дробления культурного пространства, идеи регионализма и проблемы общемирового масштаба испытывают на прочность основы традиционных ценностей западной цивилизации.

Процесс глобализации, связанной с идеей формирования в планетарном масштабе единой общности и единой культуры, изначально был тесно связан с ходом технической революции и запущен еще в первой половине XX в. под влиянием тотальной урбанизации и индустриализации. Расширение информационного пространства вместе с доминантой массовой культуры, все сильнее определяющей содержание транснационального культурного взаимодействия, во второй половине XX столетия дали новые импульсы для интенсификации процессов культурной глобализации. Ответной тенденцией стала разработка проблематики идентичности, ее осознания и укрепления в историческом, культурном и политическом измерении.

Обозначенные тенденции определили значимость разработки методик активного воздействия на историко–культурный процесс. Истоками практик культурного моделирования и планирования стали концепции Б. Малиновского и А. Рэдклифф–Брауна, где были сформулированы принципы управления межкультурным взаимодействием.

На рубеже 1960-1970-х годов Римский клуб подверг анализу и критике доминирующую в западной культуре идею бесконечного роста и обновления (доклады Д. Медоуза «За пределами роста» и М. Месаровича и Э. Пестеля «Человечество на перепутье»). В это время рождается идея «управляемой формы» культурного развития.

В 1967 г. на круглом столе ЮНЕСКО был сформулирован термин культурная политика. Под ним понимается направление политики государства, связанное с планированием, проектированием, реализацией и обеспечением культурной

жизни страны и общества. Реализация культурной политики совмещает стратегический и тактический подходы, реализуемые в долгосрочных программах и точечных действиях.

Сфера культуры на современном этапе является и неотъемлемой частью внешней политики, где под влиянием актуальных проблем все чаше уделяется внимание культурному вектору. Это привело к появлению новой системы методов ведения международной политики в культурно–гуманитарной сфере, получившей название внешняя культурная политика, цель которой понимается как защита национальных интересов посредством развития культурных связей и продвижения культурного потенциала страны за ее пределами.

Попытка искусственного регулирование культурных процессов стала откликом на возрастающие угрозы тотальной конфронтации, порожденные процессом глобализации. Несмотря на стихийную природу большинства культурных процессов, в отдельных сферах удалость ввести системы регуляции и контроля, работающие на поддержку одних тенденций и нивелирование других. Однако наиболее масштабный проект в сфере культурной политики, связанный с идеей мультикультурализма, наглядно продемонстрировал проблему практического воплощения теоретических положений.

Таким образом, мы видим, что, во–первых, вторая половина XX в. — это время, когда мировая культура как будто бы усиленно рефлексирует. Элемент подобной «саморефлексии» был всегда, но рассматриваемый период дает особенно широкий спектр разнообразных концепций и теорий. Во–вторых, этот спектр, будучи очень широким, тем не менее в контексте развития массовых коммуникаций и глобализации значительно сужается. Популярной становится лишь часть из них (условно их можно назвать научными брендами, преимущественно англоязычного или, шире, «западноцентричного» происхождения). Отсюда — известная тенденциозность, избирательность современной науки о культуре.

Композитор И. Стравинский беседует с дирижером В. Ровницким. Польша, 1965 г. РГАКФД

Уже конец XIX в. и первая, так называемая постклассическая, половина XX в. дали картину развития культуры, напоминающую ускоренное движение кинопленки. Многочисленные «измы» в литературе, живописи, архитектуре и других областях (фовизм, кубизм, футуризм, конструктивизм) сменяют друг друга с невиданной ранее быстротой. Культура будто бы бурлит, «фонтанирует», ниспровергает классику, играет с реальностью и всячески провоцирует ее.

Но Первая мировая война, революционная смута в России, создание СССР, победа национал–социализма в Германии, Вторая мировая война — эти глобальные катаклизмы придают культуре первой половины XX в. глубоко трагическое звучание. Самые худшие предчувствия деятелей культуры модернизма сбываются, а лучшие терпят крах. Надежда на то, что «культура спасет мир», оказывается эфемерной. Война обнажает древнюю, темную, «хтоническую» сущность человека.

Вторая половина XX в., как уже было сказано, начинается с конца войны. В это время мир политически, культурно и идеологически «раздваивается». Если выражаться максимально радикально, то такое глобальное раздвоение можно назвать «планетарной шизофренией». Очень симптоматично, что тема шизофрении является одной из центральных в западной культуре второй половины XX в. Подобное раздвоение происходит и внутри самих «двух миров — двух систем». Западные мыслители открыто называют капитализм шизофренией (например, «Капитализм и шизофрения» Ж. Делёза и Ф. Гваттари), а официальная советская идеология признает инакомыслие психическим отклонением и ставит ему соответствующий диагноз.

Тема расщепления человеческой личности, безумия, абсурда очень ярко представлена в самых разных областях культуры и продолжает тематику, открытую модернизмом. Например, 1950 г. принято считать годом зарождения театра абсурда («антидрамы»). Крупнейшие его представители — Э. Ионеско и С. Беккет пытаются передать бессмысленность, пустоту, безнадежность человеческого существования. Они принципиально отвергают реализм, любую идеологию, любую социологию и философию, т. е. то, что хоть как–то упорядочивает жизнь. Они так и называли свой метод — «антитематическим», «антиидеологическим». Иррационален в своей основе мир и у французских экзистенциалистов середины века А. Камю и Ж. П. Сартра. Философский метод *шизоанализа*, введенный Ж. Делёзом и Ф. Гваттари, становится художественным методом многих деятелей культуры. Под его воздействием создаются тексты, «сходящие с ума».

В 1950-1970-е годы формируется постмодернистско–деконструктивистко–постструктуралистская доктрина, видящая мир децентрированным, лишенным единства, основы. Французским философом Р. Бартом провозглашается «смерть автора». Если XX век начинается с тезиса Ф. Ницше о том, что «все боги умерли», то М. П. Фуко ближе к концу века говорит о том, что «человек умер, остались структуры». Эта тема «конца человечества», «похорон человека», «смерти человека» повторяется в сотнях вариаций.

Одно из самых сильных воздействий на культуру XX в. в целом оказал фрейдизм. Фрейдисты второй половины века пытаются смягчить мрачную идею З. Фрейда о «неудовлетворенности культурой», на разные лады гуманизируя ее (К. Роджерс, А. Маслоу и др.). Но культура (театр, кино, живопись, словесность), прежде всего западная, словно завороженная, загипнотизированная, продолжает вглядываться в «хаос бессознательного»

и видеть такую же бытийную энтропию в реальности. Даже если на словах провозглашается, скажем, «новый реализм», по сути все равно происходит разрушение, деконструкция. Таков, например, «новый роман» 1950-1960-х годов (Н. Саррот, А. Роб–Грийе), сознательно отказывающийся от персонажей, характеров, логики и причинности.

В целом можно признать, что западная «серьезная», «высокая», «элитарная» культура середины — второй половины XX в. несет отпечаток трагичности и безнадежности. Редкие ее образцы можно охарактеризовать словом «жизнеутверждающий». Некоторые деятели культуры шли по пути протеста, кто–то бежал от реальности, проповедовал эскапизм. Иногда эти тенденции совмещались. Такова была, скажем, культура американских битников, «разбитого поколения» 1950-1960-х годов (А. Гинсберг, Дж. Керуак) или английских «сердитых молодых людей» 1950-х годов (Дж. Осборн, Дж. Брейн).

Однако существовала и отчетливая тенденция к уходу от действительности, причем не только в элитарной культуре, но и в массовой. Характерный пример — жанр фэнтези. Огромную популярность приобретают тексты Дж. Р. Толкиена, который вполне закономерно становится одной из знаковых фигур XX в.

Жанр фэнтези окончательно оформляется к 1960-м годам в двух разновидностях: в героической и комической. С развитием кинотехники этот жанр покоряет и киноискусство. Фэнтези можно рассматривать, с одной стороны, как отчетливый рефлекс неоязычества, а с другой — как неоромантизм, типологически повторяющий на новом витке развития «предромантизм» и романтизм конца XVIII — начала XIX в. («бегство» от реальности, героизация «цельной личности», «неоромантическая ирония», фольклорная подоснова текста).

Другой вариант неоромантических настроений середины XX в. на Западе — движение хиппи, «детей цветов». Расцвет этого движения приходится на 1960-1970-е годы. Если сфера фэнтези ориентируется в первую очередь на западноевропейский эпос (это причудливый эклектический сплав германской и кельтской мифологии с некоторыми примесями других), то движение хиппи как характерное средоточие культурных тенденций того времени заключает в себе еще большую онтологическую эклектику. Во–первых, это рок–н–ролл, содержащий в себе значительную долю афроамериканской культуры, во–вторых — квазихристианский пацифизм, в-третьих — буддийско–индуистско–даосская смесь. Первоначально буддизм воспринимается на Западе в целом (и у хиппи в частности) лишь в его японском варианте (дзэн, поздняя

японская разновидность древнего китайского буддизма чань). Христианское «ненасилие» гибридизируется с индуистскобуддийской «ахин(м)сой», христианская любовь к ближнему преобразуется в открытую сексуальность (так называемая сексуальная революция) во многом под влиянием поверхностно воспринятых тантрических культов. Те же языческие истоки и у культа наркотических веществ. Все это — глобальный отказ от общепринятых ценностей общества, в данном случае — от ценностей буржуазного общества потребления. При этом существуют хорошо известные культурные феномены, ставшие квинтэссенцией всей этой неоэклектики, которые в известной степени гармонизировали ее, дав образцы качественных культурных артефактов, таких, как творчество группы «Битлз».

Массовая и элитарная культура в условиях современного общества

В современном понимании термин «массовая культура» используется с 40-х годов XX в. (Д. Макдональд, М. Хоркхаймер). Исследованию данного явления посвящено множество трудов (уже упомянутые работы Х. Ортеги–и–Гассета, Ж. Бодрийяр и др.).

Казалось бы, простая дихотомия (массовая культура приспособлена для нужд большинства, неизбежно коммерциализована и относительно примитивна; элитарная более сложна, изысканна, понятна лишь рафинированному меньшинству) оказывается значительно сложнее, особенно в условиях современного общества. Тотальная коммерциализация современной культуры приводит к тому, что можно назвать «эффектом супермаркета» (М. Уэльбек, «Мир как супермаркет»). Здесь «общая», или, как формулируют исследователи, «доминирующая» культура стремительно распадается на множество субкультур (термин американского исследователя Д. Рисмена, 1950 г.) или контркультур (термин введен в 1960-е годы американским социологом Т. фон Роззаком). Разница между субкультурой и контркультурой заключается в степени маргинализированности.

Субкультуры и контркультуры существовали всегда, но, став предметом коммерциализации в обществе потребления, они, подобно товарам в супермаркете, всячески рекламируются, обрастая соответствующей атрибутикой. Любая, казалось бы, стихийно и даже протестно возникшая субкультура (хиппи, толкиенисты, хипстеры и т. д.) тут же коммерциализируется и дробится, появившиеся «субкультуры»

гибридизируются с другими, и все эти новообразования очень быстро включаются в контекст мирового культурного супермаркета, им отводится своя ниша, они находят своих потребителей. Например, подростковая культура подразумевает свой торговый «сопроводительный» набор в виде определенной музыки, одежды, фильмов для тинейджеров, которые целенаправленно сменяются различными «культурными» модами. Но рынок уже не удовлетворяется тинэйджерской нишей, и появляется ниша «претинов» (претинэйджеров, т. е. детей примерно с 9-10 до 13-14 лет), для которых создается своя «культура».

Конечно, существуют образцы массовой культуры в традиционном смысле слова, но они бесконечно тиражируются и становятся все менее долговечными и более «клиповыми» (от англ. clip — фрагмент, отрезок). С этим связано и доминирующее «клиповое мышление», характеризующееся восприятием окружающей действительности как набора разобщенных, отрывочных образов. Они сменяют друг друга, как в калейдоскопе. Время жизни массового артефакта стремительно сокращается. В начале XXI в. такие артефакты, наряду с различными другими (например, политическими) событиями, превращаются в так называемые информационные поводы, время жизни которых редко превышает 24 часа.

Вместе с тем практически любая суб– и особенно контркультура мыслит себя первоначально как элитарная, противопоставленная «большинству», по этическому, эстетическому или политическому принципу. Но неизбежно, стремясь завоевать культурное поле, «элитарная» субкультура становится в той или иной степени массовой, подхватывается рынком и на какое–то время занимает свою «полку» в «супермаркете».

Например, для литературных текстов «пропуск в массовость» дает экранизация. Подчас по–настоящему сложное, элитарно–рафинированное произведение приобретает статус массового. Те же тексты Дж. Толкиена, далеко не «примитивные», будучи экранизированными, «уходят в массы», где воспринимаются поверхностно. Сам феномен «массовой экранизации», наряду с типологически родственными мюзиклами, рок–операми и рядом других явлений, весьма показателен для второй половины XX в.

Культура всегда знала переходы из жанра в жанр (например, опера или балет по мотивам сказки или литературного произведения), но в последние десятилетия мы имеем дело со своего рода тотальной интержанровостью (термин, сравнимый с понятием «интертекстуальность»). Изначальный жанр становится все менее актуальным для большей части реципиентов культуры. Так, большинство людей сегодня не читают «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго, но знают одноименный мюзикл, для многих россиян

«Собачье сердце» М. Булгакова известно по экранизации, а в мире такая же судьба у «Доктора Живаго» Б. Пастернака и «Лолиты» В. Набокова — это в первую очередь фильмы. Произведения же, послужившие для них основой, для большинства потребителей культуры неизвестны и непонятны. Транслятором литературных текстов может быть и театр, при совершенно «произвольно–творческой» ее интерпретации режиссером. Вместе с тем выход фильма теперь часто сопровождается публикацией книги, написанной на основе его сценария.

Действительно, пользуясь терминологией постструктурализма, современная культура все больше бытует в режиме ризомы–грибницы (термин введен Ж. Делезом и Ф. Гваттари в 1976 г.). Речь идет о нелинейном способе организации, когда из любой точки самой культуры можно попасть в любую другую точку, причем предугадать, как и куда произойдет это попадание, практически невозможно. С одной стороны, строгий коммерческий расчет, с другой — броуновское движение, почти энтропия.

В этом смысле противостояние «элитарности» и «массовости» (не столько самих понятий, сколько их содержания) теряет свою актуальность. «Элитарное» неизбежно стремится быть «массовым» и наоборот. Миф об их неизбежной и непреодолимой противоположности — сродни мифу о противостоянии средневековой куртуазной и карнавальной культур, берущем свое начало в работах советского исследователя М. Бахтина.

В культуре XX в. можно наблюдать схожую картину. В 1980-е — 1990-е годы появляются произведения, которые находятся между этими полюсами: с одной стороны — серьезный культурный фон, с другой — облегченное, «захватывающее» изложение, например, в форме детектива. Классический литературный текст такого рода — «Имя розы» (1980) У. Эко (книга экранизирована Ж. — Ж. Анно в 1986 г.). Здесь искушенный, «элитарный» читатель принимает правила игры (для него это именно «игра»), а «массовый» читатель «приобщается к высокому». Но произведения У. Эко написаны специалистом в области семиотики и истории культуры, а продолжение тенденции в бестселлерах Д. Брауна уже превращается в пародию.

Сила слова: литература и театр

Литературный процесс второй половины XX в. представляет собой чрезвычайно пеструю картину. Трудно выявить в его истории некие

доминирующие тенденции. Историки культуры и литературы чаще всего говорят о ней как о литературе постмодерна (термин этот впервые употребляет Ж. — Ф. Лиотар в 1979 г.). Ей свойственен отказ от традиционного для классической литературы поиска истины, идеалов; вместе с этим пересматриваются все базовые традиционные взгляды на литературу и на культуру в целом. Больше нет драм, романов или элегий, а есть тексты, которые взаимодействуют с другими текстами в режиме «интертекстуальности», «аллюзивности», «скрытого цитирования», «прецедентности». Все может быть проинтерпретировано как угодно. Тексты дробятся, децентрируются на произвольные фрагменты, «дискурсы», которые свободно взаимодействуют.

Постмодернизм начинается с критики тоталитаризма, тоталитарной идеологии, а в дальнейшем понятие «тоталитаризм» максимально расширяется. Тоталитарным объявляется все, что является хоть как–то «центрированным», и даже понятия «идейное содержание произведения» или «система образов» под этим углом зрения становятся «проявлениями тоталитарного мышления». Тексты превращаются в некое броуновское движение дискурсов.

Пик популярности постмодернизма приходится на конец 1970 — начало 1980-х годов. Тексты англичан Дж. Барнса или П. Акройда, итальянца У. Эко, серба М. Павича или «французского чеха» М. Кундеры строятся именно так.

Постмодернизм проявляется в некоем умонастроении, которое в той или иной степени может отражаться в литературных произведениях в виде специфических приемов. Важно иметь в виду, что аналогичные умонастроения были и в прошлом. Например, исследователи пишут о том, что на современный английский постмодернизм повлиял писатель XVIII в. и один из первых сентименталистов Л. Стерн (т. е., иначе говоря, он был неким «протопостструктуралистом»), пишут о «постмодернизме» Н. Гоголя («Нос»), о связи маньеризма XVI — XVII вв. и барокко XVII — XVIII вв. с постмодернизмом и т. д. Подобных «сближений» существует множество. Таким образом, с онтологической точки зрения, постмодернизм не оригинален, он есть повторение старого на новом витке, хотя и в контексте, и с атрибутами XX в.

Итак, литература (и культура) второй половины XX века — это сложное и многогранное явление, частью которого является так называемый постмодернизм. Его можно рассматривать как подход к творчеству, который подразумевает принципиальный отказ от постановки традиционных, ключевых общечеловеческих, ценностных вопросов и

замену их формальными, техническими экспериментами с «текстом», с его «концептами» и «дискурсами».

Сама же литература в этот период продолжает быть все тем же, чем она была на протяжении веков, а именно художественным отражением–постижением действительности. Другое дело, что на современном этапе кардинально меняется сама реальность. Население Земли за столетие выросло в четыре раза. Завершилась самая кровопролитная война в истории человечества. Освоена атомная энергия. Поставлен грандиозный, не знавший аналогов в прошлом, коммунистический эксперимент. Открыта космическая эра, началась информационная эпоха, изобретен компьютер. И все эти «прорывы» прогресса, наряду с позитивными, дают свои негативные результаты. Есть от чего «постмодернистски растеряться» и отказаться от «активно–серьезного» отношения к жизни.

Одна из самых влиятельных литератур второй половины XX в. — французская. С 1945 г. до конца 60-х годов здесь доминируют социально–политические темы. Часто по отношению ко многим писателям применяется термин «ангажированность» (например, «анагжированный экзистенциализм» Ж. П. Сартра). Антифашизм, болезненная реакция на войну во Вьетнаме и особенно в Алжире (1954 — 1962), наконец, майские баррикады 1968 г. — все это было в центре внимания литературы. Политический подтекст присутствует и в «театре абсурда» Э. Ионеско («Носороги»). Очень сильны во Франции были левые, в том числе марксистские и просоветские настроения. Эта популярность стала ослабевать после ввода войск в Венгрию (1956), а затем в Чехословакию (1968). В 1970-1980-е годы литература стремительно деполитизируется и на первый план выходит повседневная жизнь и эстетические поиски.

Уже в 1950-е годы во французском «новом романе» выдвигается новая эстетическая доктрина — *шозизм* (буквально «вещизм»). Представители «нового романа» (другое название, данное этому направлению Ж. П. Сартром, — «антироман») противопоставили себя бальзаковской традиции, отказавшись от изображения вымышленных персонажей и событий. Это своего рода «эстетико–психологический документализм» («натурализм»), где все превращается в «вещи», в «объекты», которые произвольно чередуются, сменяя друг друга без всякой сюжетной логики, якобы «как в жизни». Из повествования выпадает герой как таковой. Глубинно такой подход к литературе был родственен появившимся в то же время «антидраме», «новой критике» и «новым волнам» в кинематографе.

В 1970-е годы такой метод закономерно исчерпывает себя, потому что он планомерно «расчеловечивает» литературу. Ослабевает к концу века и

интерес читателя к постмодернизму. Возвращается сюжетное повествование, как правило, изображение обычного, «простого» человека (романы Б. Клавеля). Другие авторы, такие как П. Модиано, в своих текстах изображают усталость, разочарованность современного человека в обществе, крушение идеалов.

В реалистической литературе этого времени воспроизводятся извечные образы «маленького» человека и человека «лишнего», не находящих своего места в современном обществе потребления. Они фатально «тонут», растворяются в «вещах», теряя индивидуальность. Можно говорить о своеобразной художественной нейтрализации «лишних» и «маленьких» людей, которые теперь лишены нереализованных сил и сочувствия автора.

Литература Великобритании, как и литературы других стран, пытается осмыслить историю Второй мировой войны и опыт своего участия в ней. Кроме того, на выбор рассматриваемых тем оказал влияние распад Британской империи (переход от «экспансивно–просветительской» концепции «бремени белого человека» (Р. Киплинг) к констатации неизбежного сужения своего прежнего мирового господства). И в британской общественно–политической мысли, и в литературе ставится вопрос о национальной идентичности, о «британской (англосаксонской) идее», «английскости». Центробежное колонизаторское мышление сменяется центростремительным. При этом национальное в первую очередь осмысливается через язык. В высшей степени показательна в этом смысле книга У. Черчилля «История англоязычных народов» (1956-1958), давшая импульс для многих литературно–философских доктрин.

Национальная рефлексия привела к активизации ретроспективно–исторического направления, к поискам корней, к вопросам о механизмах преемственности культуры. При этом историческая ретроспекция могла быть как реалистической (например, жанр исторического романа), так и мифолого–фантастической, фэнтезийной. Уже упоминавшееся британское фэнтези — одна из форм поиска национальной идентичности. В этом смысле, к примеру, трилогию «Властелин колец» (1966 г.) типологически можно сопоставить с предромантизмом середины XVIII в. («Песни Оссиана» Дж. Макферсона).

Другая глобальная тенденция британской литературы данного периода — усиление нонконформистских, оппозиционных настроений, «рассерженность» молодого поколения, несогласие с «рутиной» общественной жизни, косностью, пошлостью, конформизмом. Это направление вполне можно охарактеризовать термином марксистского

литературоведения, применявшегося по отношению к русской литературе, — критический реализм.

Немецкая литература (и восточногерманская, и западногерманская) дала мировой культуре целый ряд крупнейших имен, таких как Г. Гессе, Г. Белль, Г. Грасс. Фактически весь рассматриваемый период — от создания ФРГ и ГДР в 1949 г. до объединения Германии в 1990 г. — это время, казалось бы, двух совершенно разных литератур, которые, тем не менее, при всей идеологической противоположности шли в одном мировоззренческом направлении — изживании национал–социалистического прошлого. Официальные писатели ГДР в большей степени ощущали себя, как коммунисты–антифашисты, победителями. Писатели ФРГ переживали фашистское как травму. Но с двух сторон, пусть и в разных «тональностях» звучит тема раскаяния, вины, боли за свою страну и свой народ. При всех политических и идеологических конфликтах за сорок лет размежевания немцы не перестали чувствовать себя немцами, что ярко проявилось в той эйфории, которую ощутили все после крушения Берлинской стены.

Значимой тенденцией для немецкой литературы этого периода является постановка ключевых проблем человеческого существования, бытия культуры, цивилизации (одно из самых известных произведений такого рода — книга германо–швейцарского писателя Г. Гессе «Игра в бисер»). При том, что немецким писателям не чужды формальные литературные эксперименты, можно сказать, что немецкая литература больше тяготеет к классической парадигме: слишком серьезной была «травма прошлого».

1990-е годы принесли с собой новые проблемы. Объединение страны оказалось далеко не таким гладким, каким оно виделось ранее. К началу XXI в. здесь нарастает тема очередного крушения иллюзий. Как и другие европейские литературы, немецкая в это время находится в поисках новых творческих подходов к изображению стремительно изменяющегося мира.

Столь же фундаментальные социально–философские проблемы ставят в своих произведениях и немецкоязычные швейцарские писатели, такие как Ф. Дюрренматт и М. Фриш.

Социально–философская тематика характерна и для литератур Испании и Италии. В Италии после войны были очень сильны прокоммунистические настроения и установки «нового реализма». Ему на смену в 1960-е годы приходит новая авангардистская волна (И. Кальвино). Многие писатели–реалисты в 1960-1970-е годы переходят к жанрам экспериментального эссе, к усложненной притчевости (А. Моравиа).

Пожалуй, самым известным автором конца XX в. становится У. Эко, писатель–постмодернист и философ–семиотик («Имя розы», «Маятник Фуко»).

Настроения в 1940-1950-е годы в испанской литературе отчетливо выражены в самом названии доминировавшего тогда направления — тремендизм (от испанского «tremendo» — ужасный). Основоположник его — К. Х. Села. Пафос «тремендистов» заключался в остром переживании одиночества, смерти, трагизма существования человека. Падение франкистского режима открыло новую страницу в истории испанской литературы и культуры. В частности, активизируются региональные литературы (баскская, каталонская, галисийская).

Специфическая ситуация сложилась в Восточной Европе. Мировую известность здесь приобрели писатели–диссиденты, многие из которых эмигрировали (чехи М. Кундера, П. Когоут, поляки Ч. Милош, М. Хемар). С наибольшей отчетливостью эта тенденция очевидна именно в чешской литературе. Основная тема, вокруг которой так или иначе вращается практически вся литература Чехии, — 1968 год. Некоторые писатели (С. Лем, С. Мрожек, М. Павич), тоже приобретшие мировую славу, обратились к различным жанрам и методам, заведомо далеким от реализма: к фантастике, нелинейному письму, иносказательному гротеску. В 1990-е годы восточноевропейские литературы вошли в общеевропейский фарватер. Начинается активная критика «тоталитарного прошлого». Как это обычно и бывает в подобных ситуациях, критика резко политизируется и приобретает тенденциозный характер: в «неправильном прошлом» отрицается все, часто вопреки здравому смыслу и очевидным фактам.

Вторая половина XX в., выражаясь языком политики, сделала культуру в целом и литературу в частности более «многополярной». Например, Япония, одна из первых азиатских стран осознавшая роль культуры как «мягкой силы», дала миру таких писателей, как Я. Кавабата, К. Абэ, Х. Мураками. Достаточно посмотреть на «географию» Нобелевской премии, которая стремительно расширяется. Здесь широко представлены страны Латинской Америки и Африки, а также Исландия, Израиль, Австралия. Достойное место здесь занимают и отечественные лауреаты — И. Бунин (1933), Б. Пастернак (1958), М. Шолохов (1965), А. Солженицын (1970), И. Бродский (1987). Даже если взять в расчет нарастающую политическую ангажированность Нобелевской премии, тенденция к «мультикультурности» литературы очевидна.

1960-1980-е годы — время настоящего бума латиноамериканской литературы. Латиноамериканская словесность имеет свою многовековую

историю. но именно вторая половина XX в. становится ее «звездным часом».

Писатели многих стран Центральной и Южной Америки в полной мере освоили опыт мировой литературы, сохранив при этом свою национальную идентичность. В центре латиноамериканской литературы находится новый латиноамериканский роман. Писатели, относящиеся к этому направлению, очень разные, и название направления условно. Часто по отношению к творческому методу многих латиноамериканских писателей применяется термин «магический реализм», что подразумевает изображение действительности сквозь призму мифологического мышления. Латиноамериканская литература, представленная творчеством таких мастеров как Х. Л. Борхес, Г. Г. Маркес, Х. Кортасар, буквально заворожила мир сочетанием этнического колорита и глубокого интеллектуализма, бытового реализма, близкого к натурализму, и фантастики, социально–политической проблематики и фольклора.

Из Второй мировой войны США вышли сверхдержавой и безоговорочным лидером западного мира. Здесь стремительно развивается экономика, быстрее многих других стран Америка переходит к постиндустриальноинформационному обществу, что означает, что американцы сильнее других ощущают изменение статуса личности в новой реальности. Ровно на рубеже второй половины века (1950 г.) выходит книга Д. Рисмена «Одинокая толпа». Проблема сформулирована уже в самом названии. Человек перестает жить внутренней жизнью и переориентируется во внешний мир, растворяясь в нем (в пространстве СМИ, в пространстве тотального потребления).

В 1940-1950-е годы происходит «бунт битников», пришедших на смену «потерянному» поколению. В это же время литература и культура США жадно впитывают французскую экзистенциальную доктрину. Доминирующее настроение американской литературы середины века — пессимизм, разочарование, протест против цивилизации, культа потребления. В 1960-е годы американская литература заметно меняется, в нее входит рефлексирующий герой–интеллектуал, который не был популярен раньше. Преимущественно рефлексия эта тоже пессимистична по духу (романы С. Беллоу).

В конце 1960-х годов отчетливо проявляется направление, которое имеет целый'ряд весьма невеселых названий: «проза кошмаров», «школа черного юмора», «апокалиптический роман» (Дж. Барт). В эти же годы, как реакция на подобные направления, появляется новый журнализм, апеллирующий к «сырому факту» (Т. Вулф). К 1980-м годам в литературе

США возобладал постструктуралистско–постмодернистский метод (Э. Л. Доктороу, Дж. Гарднер), который приходит к своему кризису в 1990-е годы. К концу века писатели США все меньше затрагивают глобальные мировоззренческие темы.

Кино второй половины XX века: от неореализма к постмодернизму

Вторая мировая война сломала в идейном и материальном смысле все кинематографии Европы. Первыми на путь возрождения через преодоление травмы встали итальянские кинорежиссеры («Рим — открытый город» Р. Росселлини, «Похитители велосипедов» В. де Сика). Рожденный ими кинематограф неореализма нашел своих последователей во всех уголках земного шара от Японии до стран Латинской Америки. Кинематографисты обратились к жизни простых людей, разрешению их социальных и психологических проблем, провозглашению ценностей гуманизма. Новый этап режиссерского кино Европы базируется на этой основе — начинавшие как неореалисты Л. Висконти, Ф. Феллини, М. Антониони. П. П. Пазолини в своих фильмах 1950-1970-х годов поднимают вечные вопросы человеческого бытия. Эти же проблемы волнуют шведа И. Бергмана и японца А. Куросаву.

В конце 1950-х годов во Франции рождается кинематографическое направление, получившее название «новой волны». Вокруг журнала «Кайе дю синема» объединились молодые кинокритики, занятые формированием новой эстетики кино и воплощением ее в фильмах. Их идея заключалась в сочетании приемов Голливуда (жанр «нуар») и киноэкспериментов с актуальной европейской проблематикой («400 ударов» Ф. Трюффо, «На последнем дыхании» Ж. Л. Годар). Новый стиль вырабатывался через отрицание «поколения отцов», апелляцию к абсурдизму, съемку в духе документалистики, создававшую впечатление жизнеподобия. «Новая волна» также породила череду продолжателей в разных странах мира. Яркими ее наследниками станут немецкая «новая волна» 1970-х годов (В. Вендерс, Р. В. Фассбиндер), восточноевропейские «новые волны», «новая волна» в

кинематографе Японии и других азиатских стран.

В Великобритании 1950-х годов идеи бунта и обличения «поколения отцов» представляет движение «рассерженных молодых людей», нашедшее свое отражение как в литературе, так и в кинематографе (Т. Ричардсон). В США и Великобритании работал С. Кубрик, один из наиболее значимых режиссеров мирового кинематографа по новаторству подходов, разнообразию и глубине затрагиваемых проблем («Космическая одиссея 2001 года»).

Во второй половине XX в. США продолжают оставаться лидером кинопроизводства, но отстают от Европы в поиске средств художественной выразительности и идейного содержания кинокартин. Заметное еще в первой половине XX в. разделение на «продюсерский» американский и «режиссерский» европейский кинематографы дает о себе знать с новой силой.

Продолжая довоенную традицию, Голливуд пытается поддерживать свои силы за счет притока режиссеров из Европы. Так, англичанин А. Хичкок, переехавший в США, здесь разрабатывает приемы саспенса («Психоз»).

Главной тенденцией американского кино 1950-1960-х годов становится обращение к социальной тематике (У. Уайлер, С. Крамер, Т. Кертис). Проблемы молодежного бунта поднимают Д. Шлезингер («Полночный ковбой») и Д. Хоппер («Беспечный ездок»). Эти фильмы обозначили переход к «новому Голливуду», стремящемуся производить режиссерское кино по европейскому образцу, но ориентированному на массового зрителя (Р. Кормен). Ярким явлением становятся абсурдистские интеллектуальные комедии В. Аллена, больше ориентированные на европейского кинозрителя.

В 1980-е годы общий качественный уровень массового американского кино повышается за счет профессионализма и зрелищности, сохраняя тенденцию к упрощению (Ф. Ф. Коппола, С. Спилберг). Драматизм, внутренняя сложность и неоднозначность характерны для работ М. Скорсезе. Ярко заявляют о себе режиссеры, ставящие вопросы социально–политического характера (О. Стоун, М. Чимино, А. Паркер). Одновременно кино США продолжает подпитываться от внешних источников, таких как восточноевропейские киношколы (Р. Полански, М. Форман).

На рубеже 1980-1990-х годов кинематограф попадает под мощное влияние постмодернистских тенденций. Их можно почувствовать в творчестве режиссеров Великобритании (Д. Джармен, П. Гринуэй), Испании (П. Альмодовар), Франции (Ф. Озон). Идеи сюрреализма в пространство постмодернизма транслирует американец Д. Линч. Торжество постмодернистского китча провозглашается в работах К. Тарантино.

Одно из самых значимых явлений в кинематографе рубежа XX-XXI вв. — общий поворот на восток, попытка «освежить» западный кинематограф за счет новой художественной выразительности и ярких подходов азиатских режиссеров (В. Кар–Вай, К. Ки Дук).

Собственную революцию в киноэстетике пытались совершить кинематографисты проекта «Догма-95» во главе с датчанином Л. фон Триером. Их манифест становится ответом на технический прогресс и провозглашает «чистоту кадра» — отказ от всех ухищрений и излишеств, применяемых в погоне за идеальным изображением. Движение получило большой резонанс, но энтузиазм кинематографистов и зрителей был недолгим. Несмотря на непродолжительность существования «Догмы», Л. фон Триер на рубеже XX-XXI вв. перешел в ранг одного из самых влиятельных мировых кинематографистов. Его творчество продолжает традиции авторского европейского кино, подвергает проверке традиционные ценности и ставит провокационные вопросы («Танцующая в темноте»).

В отечественной культуре по отношению к периоду с середины 1950-х годов примерно до середины 1960-х чаще всего употребляют метафору «оттепель» (по названию повести И. Эренбурга, вышедшей в 1954 г.). После XX съезда КПСС (1956 г.) в советской культуре многое меняется. «Разморозка» политического курса оказала существенное воздействие на культуру, в которой, при всей закрытости СССР, развивались созвучные с мировыми глубинные тенденции (так, можно указать на схожесть некоторых внешних их проявлений, например, набирающего силу в 1960-е годы движения хиппи на Западе, туристического движения и авторской («бардовской») песни в СССР). В сущности метафору «оттепель» можно применить ко всей мировой культуре того периода. «Оттепель» — это общепланетарное умонастроение, общемировая тенденция.

Советская «оттепель» очень литературоцентрична. В середине 1950-х

годов появляются новые «толстые» журналы, печатаются свежие по своей тональности тексты. Набирает силу «деревенская проза» (В. Белов, В. Распутин), которая типологически близка к литературе латиноамериканских «почвенников». «Деревенской» прозе принято противопоставлять прозу «городскую» (Ю. Трифонов и др.), хотя нравственная, духовная проблематика у них схожа. Опыт войны осмысливается так называемой «лейтенантской прозой» (К. Симонов, Ю. Бондарев). В Европе эти же темы разрабатывали французские писатели–участники сопротивления и немецкие писатели–антифашисты.

Исследователи выделяют множество культурных «страт», «ниш», «пластов» в советской литературе данного периода, например, проза «звездных мальчиков» (В. Аксенов, А. Гладилин), «лагерная проза» (В. Шаламов, А. Солженицын), «проза сорокалетних» (В. Маканин, Ю. Ким). В отдельные «разделы» обычно помещают фантастику (А. и Б. Стругацкие, К. Булычев, И. Ефремов), детектив (Ю. Семенов), историческую прозу (Д. Балашов, В. Пикуль).

Новый культурный этап с середины 1950-х годов открывается поэтическим подъемом. Поэты собирают стадионы (Е. Евтушенко, Б. Ахмадулина, Р. Рождественский, А. Вознесенский и др.), но существует и «тихая» поэзия (А. Тарковский, Н. Рубцов).

Уникальный феномен советской литературы (и литератур стран соцлагеря) — «самиздат». Это не только «политический самиздат» (А. Солженицын, Л. Синявский, Ю. Даниэль, С. Довлатов, Вен. Ерофеев и др.), но и, например, миллионные распечатки стихов В. Высоцкого, переписывание от руки или перепечатывание самой разной литературы, включая неизданную прозу А. Платонова, М. Булгакова и др. «Самиздат» в широком смысле — это ярчайшее доказательство литературоцентризма советской культуры.

Схема «оттепель–застой–перестройка–постперестроечный период», по отношению к истории культуры, зачастую упрощает сложнейшие механизмы культурной эволюции. История в целом совсем «нелинейна», а история культуры «алинеарна». «Эпоха застоя», при том что негативная оценочность слова «застой» говорит сама за себя, была временем создания, вне зависимости от идеологического контекста, цензуры и преследования инакомыслящих, может быть, самого большого количества истинных шедевров советской литературы — роман «Белый Бим Черное ухо» Г. Троепольского (1971), повесть «Прощание с Матерой» В. Распутина (1971), повесть «А зори здесь тихие» Б. Васильева (1969) и др.

Вторая половина 1980-х — 1990-е годы — уникальная эпоха в истории

русской культуры, время, когда полномасштабно издается «самиздат», происходит реабилитация всего, что было наработано в советской и русской культуре в XX в. Этот процесс шел болезненно: не все, что было ранее под запретом, оказалось свободно от «политической антиконъюнктуры», и, напротив, не все «официально советское» заслужило стать мишенью критики. На долгие годы все антисоветское становится «правильным», все советское — «неправильным». Только к концу XX в. начинается движение к осознанию подлинной цельности советской и русской культуры. Это время для России стало эпохой освоения «мирового самиздата», того, что было неизвестно или запрещено в силу закрытости страны, во всех его лучших и худших образцах. В конце века в русскую литературу запоздало входит постмодернизм (В. Пелевин), который достаточно быстро подходит к концу своих возможностей. Роль литературы в жизни общества постепенно снижается. Как и в других литературах и культурах мира, в России рубеж веков в известном смысле — период межвременья, определенной исчерпанности культурного потенциала XX в. и недостаточной оформленности новых перспектив развития.

Первая половина XX в. — время формирования современной системы театра в целом. 1920-е годы — время революционных изменений в этой сфере культуры. Речь идет не только о театральном авангарде, но и о, казалось бы, традиционном психологическом театре. Здесь тоже многое было пересмотрено. Главным лицом в театре окончательно стал режиссер.

Эксперименты и новации первой половины XX в. нашли свое продолжение в послевоенной эпохе. Самым нашумевшим театральным явлением 1950-1960-х годов, как уже отмечалось выше, становится театр абсурда. В 1960-е годы приходит время документального театра. В канву спектакля «вплетаются» мемуары, письма, газетный текст и т. д. В дальнейшем элементы документализма, уже не в таком концентрированном виде, будут успешно использоваться многими авторами и режиссерами.

Начиная с 1970-х годов общие, интегральные для всей театральной культуры тенденции перестают существовать. Театральная культура словно бы дробится, что в конечном счете дает свой результат.

В целом вторая половина XX в. представляет пеструю палитру, настоящую театральную полифонию: мрачные гротески Х. Мюллера (Германия), экспериментальные и в высшей степени сложные для постановки пьесы Т. Бернхарда (Австрия), «гневные тексты» Дж. Осборна (Англия), политический театр Д. Фо (Италия), лирическая драматургия Т. Уильямса (США), «синтетический» театр Ж. Л. Барро (Франция), «бедный»

театр Е. Гротовского (Польша) и др.

Особую роль сыграл театр в СССР. С одной стороны, советский театр представляет собой яркое продолжение традиций национального театра конца XIX — первой половины XX в. С другой — он стал и эстетической, и нравственной, и отчасти политической «отдушиной». Люди шли в театр, чтобы увидеть и услышать то, что невозможно или не положено видеть и слышать за его пределами. Посещение театра стало своего рода «священнодействием».

Новое дыхание советская театральная культура получает после 1956 г. (XX съезд КПСС). В это время спектр творческих исканий становится необычайно широк: МХАТ, «Современник», «Ленком», БДТ, «Таганка», театр им. Вахтангова, традиционный Малый театр, множество театров–студий, возникших в 1990-е годы, целая плеяда выдающихся режиссеров (О. Ефремов, Ю. Любимов, Г. Товстоногов). В конце 1980-1990-х годов, несмотря на общий кризис, в отечественном театре появляются новые яркие имена (П. Фоменко, Л. Додин, К. Гинкас).

Музыка: от авангарда к полистилистике

Музыкальная культура XX в. шла по пути бесконечных попыток соединить несоединимое, прежде всего классику и авангард.

Такие эксперименты активно осуществлялись еще на рубеже XIX-XX вв. и в начале XX в. (например, нововенской школой, так называемой «шестеркой французских композиторов»). Поиски продолжаются и во второй половине XX в. Крупнейшие композиторы (К. Орф, П. Хиндемит, Б. Бриттен, З. Кодай, Л. Бернстайн, К. Пендерецкий), каждый по–своему и в разных жанрах (опера, балет, симфоническая музыка), идут по пути экспериментов с мелодикой и ритмикой, алеаторикой и сонорикой и т. д. Значимый вклад в мировую музыкальную культуру внесли И. Стравинский, Г. Свиридов, А. Хачатурян, Д. Шостакович. Всемирная популярность сопутствует великим музыкантам–исполнителям (А. Рубинштейн, С. Рихтер), оперным певцам (Л. Паваротти, П. Доминго). Славу лучшей обретает советская школа балета (Г. Уланова, М. Плисецкая).

В музыкальной культуре этого периода наблюдается все та же диалектика «массовости» и «элитарности», именно здесь ярко

проявляются их оппозиции и взаимодействия. Особенно сложно складывается в современных условиях судьба академической музыки, которой все труднее конкурировать с массовой продукцией и выживать в условиях глобального шоу–бизнеса.

Вторая половина XX столетия отмечена взаимодействием самых разных направлений: классическая музыка, джаз (классический, модальный, фьюжн, фри), блюз (белый, классический, техасский), рок (рок–н–ролл, хард–, арт–, панк–рок), поп (электро, диско), кантри, рэп, техно и др. В ходе эволюции музыкальной культуры XX в. формируется новая культурная парадигма, обусловленная идеей глобального синтеза.

1960-1980-е годы называют «эпохой мелодии», причем преимущественно в той области, которую принято относить к поп–культуре, в ее русле активно развиваются французская культура шансона (Э. Пиаф, И. Монтан) и советская авторская песня (Б. Окуджава, А. Галич, В. Высоцкий).

Ярко заявляет о себе рок–культура (обобщающее название для самых разных «неэстрадных» направлений). В отечественной традиции это явление трансформировалось в сторону текстовой доминанты, акцентирования поэтического начала.

Технический прогресс, возникновение электронных средств сохранения и передачи музыкальной информации значительно расширили акустические и пространственно–временные границы музыки с помощью синтеза техники и творчества. Все это привело к трансформациям в процессах сочинения, исполнения и восприятия музыки. Изменения произошли и в музыкально–интонационном мышлении в соответствии с формированием новой культурной парадигмы.

Современная музыкальная культура — это диалог музыкальных систем прошлого и настоящего, взаимодействие различных течений и жанров (в частности, синтез академической музыки с фольклором, джазом, роком). В русле полистилистики (А. Шнитке) практикуется разнородность, применяются такие технические приемы, как коллаж, намеренно соединяются различные стилистические явления. В результате рождаются произведения, которые становятся частью пространства постмодернизма.

Архитектура: между техникой и органикой

В науке часто используются термины «антропологизм» и «сциентизм», т. е. соответственно апелляция либо к «человеческому», а значит «природному», либо к «технологиям». Подобное противостояние антропологизма и сциентизма характерно для всей культуры XX в., особенно для второй его половины.

Существуют более или менее «техноемкие» области культуры. К наиболее «техноемким» областям можно отнести прежде всего архитектуру.

Архитектура XX в. — это постоянный спор и одновременно поиск компромисса между «природно–человеческим» (антропологическим) и «технократическим» (сциентическим) подходами.

Еще в первой половине XX в. сосуществовали, с одной стороны, архитектура модерна, с другой — «функционалистско–концептуалистский» метод. В иной терминологии речь идет об «интернациональном стиле» (чикагская школа) и об «органической (или органичной) архитектуре», которую иногда называют также новым экспрессионизмом.

Многие крупнейшие архитекторы XX в. творили и в первой, и во второй его половине. Одни остались приверженцами интернационального стиля (В. Гропиус, Л. М. Ван дер Роэ), другие последовательно отстаивали идею органичности. Классиком органической архитектуры является Ф. Л. Райт. Крупнейшим «органиком» был О. Нимейер.

Были и те, кто шел от интернационально–функционалистско–конструктивистских убеждений к природно–органическим — Ле Корбюзье, Э. Мендельсон, Э. Сааринен, К. Тангэ.

Для середины XX в. характерна доминанта технократического подхода. По всему миру строились однотипные дома, количество этажей не играло заметной роли, главенствовал метод. Однако в дальнейшем стали формироваться национальные школы, пытавшиеся совмещать «технику» и «органику». Крупнейшие из них — в США, Бразилии, Японии, Финляндии и ряде других стран.

Здесь можно отметить два наиболее значимых фактора, формирующих современную архитектуру: революция в строительной технике и переход от «архитектуры отдельного здания» к плановому строительству архитектурных комплексов и далее — к градостроительству.

Среди известнейших архитектурных творений, ставших символами эпохи — музей Гуггенхайма (Ф. Л. Райт), Малый дворец спорта в Риме

(П. Л. Нерви, А. Вителлоцци), город Бразилиа (О. Нимейер, Л. Коста), Оперный театр в Сиднее (Й. Уотцон), Центр средств массовой информации в Кофу (К. Тангэ), Аэровокзал компании TWA в Нью–Йорке (Э. Сааринен), шанхайская телевизионная башня в районе Пудун.

В 1980-1990-е годы центры самых смелых архитектурных экспериментов все чаще переносятся в Юго–Восточную Азию (Сингапур, Гонконг, Тайвань), а также в арабские страны Аравийского полуострова.

Несмотря на множество эпитетов–определений различных направлений в архитектуре этого периода («новое барокко», «брутализм» и др.), для 1970-1990-х годов есть общее наименование большинства очень разных направлений — все тот же постмодернизм. Одним из наиболее интересных его воплощений в архитектуре можно считать центр Помпиду в Париже (1977).

В СССР архитектуру конца 1940-1950-х годов часто называют сталинским ампиром, где знаковыми постройками становятся московские «высотки». С одной стороны, этот стиль не раз подвергался критике как вторичный и тенденциозный, но, с другой стороны, он продолжает оказывать большое воздействие на многих архитекторов (например, часть центральной набережной Шанхая Вайтань отстроена именно в этом стиле).

В 1960-е годы в СССР начинается «борьба с излишествами» в архитектуре и наступает эпоха типового индустриального строительства. Сформировался стиль «социалистического модернизма», по сей день впечатляющий лучшими своими образцами современных архитекторов.

Особое явление в архитектуре СССР — это так называемая бумажная архитектура, т. е. такие проекты советских архитекторов, выдвигавшиеся на международных конкурсах, которые создавались как фантастически–гипотетические, заведомо неосуществимые, по крайней мере на данном этапе развития технического прогресса, но содержащие смелые оригинальные идеи. В 1990-е годы начались попытки преодоления отрицательного в архитектурном наследии советского периода, но чаще всего в общем контексте градостроительства они были неудачными, близкими к безвкусице и грубому эклектизму.

Новая визуальная среда

Художественная культура второй половины века музеефицирует авангард и воспроизводит его художественные практики в режиме «нео», новые технические возможности дают

простор для эксперимента и синтеза, а визуальные образы становятся основой пространства коммуникации.

Абстрактный экспрессионизм, заявивший о себе в 1940-е годы, наследовал художественным течениям авангарда, скрещивая энергетику экспрессионизма с внерациональностью сюрреализма и абстрактного искусства. В середине XX в., благодаря техникам Д. Поллока, это направление перешло в зрелую фазу, позиционируя себя как «простое выражение сложной мысли» (М. Ротко).

Дадаизм, рожденный среди безумия Первой мировой войны, предоставил творцам второй половины XX в. обширный материал для вдохновения и воспроизведения. В 1947 г. коллажи Э. Паолоцци открывают эру поп–арта, ставшего «новым импрессионизмом» — художники вновь запечатлевали окружающую среду, но теперь порожденную обществом потребления (Р. Раушенберг, Э. Уорхол). Своеобразным вариантом поп–арта в странах восточного блока стал соц–арт (В. Комар и А. Меламид). Источником вдохновения здесь являлся соцреализм, воспроизводимый в абсурдистском протестном ключе.

Кинетические опыты дадаистов и развитие идей геометрической абстракции были продолжены экспериментами в сфере визуального восприятия, спровоцировавшими рождение оптического искусства (оп–арт, кинетическое искусство) в работах В. Вазарели.

Как реакцию на доминанту абстракции можно понимать гиперреализм (суперреализм, фотореализм), стремившийся воспроизвести реальность во всех деталях (Ч. Клоуз, Р. Гоингз).

Финальную точку в истории искусства модернизма на рубеже 1960-1970-х годов ставит минимализм, апеллирующий к советскому конструктивизму и ищущий порядка и ясности (С. Левитт, Д. Флавин).

Современному искусству важна идея, а не создание физического объекта. Наследуя реди–мейдам М. Дюшана, концептуализм сосредотачивается не «на том что», а «на том как» и отстаивает свободу художника в выборе средств выражения (М. Абрамович, Й. Оно, Б. Науман, И. Кабаков). Перформанс как субжанр концептуального искусства преобразил художественную среду и музейное пространство посредством интерактива, став

своеобразным «атракционом», соединяющим элитарное и массовое.

В хэппенинге (А. Капроу), работающем во взаимосвязи изобразительного искусства и театра, происходит переход к созданию «произведения–процесса» или акции, к «произведению–событию» (А. Капроу). Нередко хэппининг становится формой акционизма и используется экологическими или социально–политическими движениями.

Видеоарт применяет новые технические возможности (экраны, мониторы, видеокамеры) для создания художественных объектов и производства концептуальных фильмов–экспериментов (Н. Д. Пайк), демонстрируемых в специальных выставочных пространствах.

В последней четверти XX в. недоверие к метанарративам (Ж. — Ф. Лиотар) в художественной культуре оборачивается множественностью постмодернизма с его неоконсервативной (Ф. Джонс, Д. Шнабель) и постструктуралистской (Б. Крюгер, Д. Хольцер) составляющими.

На рубеже XX-XXI вв. доминирующей тенденцией становится коммерциализация современного искусства, конструирование арт–брендов (Д. Хёрст, Т. Мураками). Ответом арт–бизнесу здесь выступают художники стрит–арта, мастера графитти и представители художественного андеграунда, формирующие альтернативную художественную среду (JR, Бэнкси).

Визуализация современной культуры происходит посредством повсеместного использования зрительного канала восприятия, помогающего в адаптации к виртуальной реальности и новой культурной среде. Искусство и повседневность сращиваются, стирая границы между реальностью и иллюзией.

Культура в пространстве информационного потребления

На рубеже XX — XXI вв. печатные СМИ, радио и телевидение все больше уступают место интернету, «бумажная» культура книги — «цифровой». Происходит интенсивная «оцифровка» культуры, активно ведутся споры о влиянии на нее новейших СМИ и интернета. Однозначно определить это влияние на данный момент непросто, но некоторые

тенденции уже обрисовываются достаточно ясно.

Культура традиционно понималась как последовательная смена определенных направлений (стилей, методов): барокко, классицизм, сентиментализм, романтизм, реализм, модернизм, постмодернизм. Подобное развитие — процесс сложный, но все же он протекает во времени, и основные вехи его определимы.

Интернет — это не временная, а пространственная субстанция. Не случайно мы говорим: «пространство интернета», «информационное пространство», а не «время интернета», «информационное время». В этом смысле Интернет — вневременной, внеисторический феномен. Это действительно «грибница» (ризома), а не «древо». Он конденсирует и нейтрализует все направления (методы, стили) культуры. Они не чередуются, а сосуществуют.

Образно говоря, в современном информационном пространстве есть и «классицизм» (с его «жанрово–форматным» мышлением), и «сентиментализм» (Интернет полностью повторяет все жанры этого направления, от «эпистолярия» соцсетей и форумов до «блогов–дневников»), и «романтизм» (само слово «виртуальный» есть не что иное, как «несуществующий в действительности», т. е. романтический).

На предыдущем этапе идея будущего была определяющей — это и проекты футуристов, и устремленность в «светлое завтра» советской культуры. Современное информационное пространство не направлено в будущее. Оно ориентировано на «сейчас», на «данный момент». Многие исследователи пишут об отсутствии образа будущего в современной культуре (даже жанр современной фантастики чаще всего рисует некую параллельную реальность, а не то, что может быть в будущем). Реклама обещает нам счастье «здесь и сейчас». Как уже отмечалось, мы живем в «конце истории».

Не ориентируясь на будущее, информационное пространство не ориентируется и на прошлое. Кроме того, этимология слова «культура» содержит в себе «трудовой» компонент значения (культивировать, возделывать). Интернет же — явление в большей степени рекреативное, а не трудовое. Это информационное пространство потребления, пространство потребления информации, т. е. цифровой информационный супермаркет.

Но реальное время никто не отменял, история культуры продолжает развиваться в режиме реального, а не виртуального времени. Появление Интернета не влечет за собой культурный апокалипсис. XX век знал целую череду глобальных опасений: что театр будет «убит» кинематографом,

кинематограф — телевидением, наконец, телевидение — Интернетом. Но пока ни одно из этих опасений не оправдалось. Можно предположить, что культура обладает мощнейшей способностью к регенерации, которая еще недостаточно изучена.

Образование и наука

Развитие образования и науки в XX столетии продолжало заложенные еще в XIX в. тенденции и традиции, но при этом на всех уровнях был количественно резко расширен контингент учащихся, преподавателей и ученых. Демократизация затронула и институциональные, и ценностные основания академической деятельности; всемерно возросла роль науки в социальной, экономической и политической жизни человечества. Прежние мечты философов–просветителей и реформаторов педагогики получили шанс на полномасштабную реализацию в несхожих общественных, географических и идеологических условиях и контекстах. Перелом наметился уже в межвоенную эпоху, когда расширение доступа к системе образования стало одним из программных лозунгов левых политических движений, и на этот вызов так или иначе реагировали все общественные силы. Главными показателями эволюции системы образования и науки стала ее массовизация и переход в большинстве европейских стран к всеобщему начальному, а затем и среднему образованию, укрепление связи науки с просвещением (пересмотр и модернизация учебных программ и педагогических установок), становление к концу XX столетия транснациональных трендов развития в этой сфере и тенденций к формированию глобального общества знания. Эти установки и тенденции будут рассмотрены главным образом на примере Запада и СССР, поскольку в минувшем столетии именно там формировались основные образцы и сами исходные характеристики каналов распространения просвещения и науки.

В целом трагический и сложный опыт Первой мировой войны подтверждает, хотя зачастую и парадоксальным образом, тезис об усиливающейся связи науки с общественно–историческим процессом по мере углубления процесса модернизации, становления современного типа общества. Занятия академическими исследованиями еще не обеспечивают сами по себе нейтральности, бескорыстия и безопасности получаемых результатов, поскольку эта связь науки и общества никогда не осуществляется автоматически, сама собою, но затрагивает любого ученого не только как гражданина или агента политики, но также и в его преимущественной роли носителя универсального знания о закономерностях объективного мира. Во всех этих случаях ключевой остается тема политической, исторической и интеллектуальной

ответственности ученого.

С началом Первой мировой войны оказались подорваны те принципы научного интернационализма, которые казались само собой разумеющимися для поколений европейских и американских ученых. Развитие науки, рассмотренное с социально–исторической точки зрения, представляет собой не просто систематическое приумножение сведений о природе и человеке, но процесс становления важнейшей для современного мира институциональной формы знания, теснейшим образом связанный с общественными условиями. Для XX в. в особенности изменение исторических и политических обстоятельств является не просто фоном и контекстом, но внутренне организующим принципом эволюции науки как института; вместе с тем научные успехи, притязания и открытия получают все больший социальный резонанс и осознаются в качестве важных атрибутов национально–государственного развития. В этом смысле интернациональный характер развития науки не является ее природным, самим собой разумеющимся признаком, но выражается скорее в двух ипостасях: в качестве идеологического принципа действует в первую очередь в сознании самих ученых, а реально — складывается как общий результирующий вектор взаимодействия гетерогенных и различных национальных и дисциплинарных контекстов.

Интенсификация научных обменов (интернациональных конгрессов, развитие ориентированных на международную аудиторию журналов) на рубеже XIX-XX вв. сопровождалась как подкреплением образа единой общемировой науки, так и в еще большей степени нарастанием конкурентных отношений между представителями различных национальных сообществ. Интернационализм в науке развивался на разных уровнях: а) общей институциональной координации и согласования планов мероприятий (на уровне Академий наук); б) личных обменов и контактов ученых разных стран; в) в наименее строго фиксируемом, но наиболее содержательном плане широкой интернациональной исследовательской кооперации уже в самой научной работе: от привлечения всего актуального международного комплекса исследовательских средств — инструментов и литературы — до общих объектов изучения.

Война резко вторглась во все эти сферы. На основании высочайше утвержденного законодательного постановления Совета министров Российской империи от 31 октября 1914 г. в течение последующих месяцев из состава научных учреждений и высших учебных заведений были исключены все германские подданные, а в начале 1916 г. из императорской Академии наук — списком (и без уведомлений) 51 ученый из Германии и

Австро–Венгрии (кроме лиц славянского происхождения). «Война манифестов» осени 1914 г., самым известным эпизодом которой был коллективный меморандум девяноста трех немецких интеллектуалов (видных университетских профессоров и нобелевских лауреатов Германии), идеологически обеспечила разрыв отношений внутри мирового научного сообщества. Общим в этих манифестах была апелляция к общественному мнению нейтральных стран и прежде всего США, идея вооруженной защиты своей культуры, понимаемой как универсальная, от вражеского милитаризма, с которым будто бы сроднились наука и культура противников.

В ходе Первой мировой войны оказался подорванным интернациональный дух научного сотрудничества (в подобном же положении оказалась и идея международной солидарности пролетариата). Ряд созданных в начале века международных научных организаций постигла судьба Второго Интернационала. В первую очередь это затронуло Международную ассоциацию академий. Хотя Берлинская Академия и передала свои ведущие (до 1918 г.) полномочия Нидерландской и заручилась в этом поддержкой Петербургской Академии и Лондонского Королевского общества, Французская Академия категорически отказывалась поддерживать даже косвенные отношения с научными учреждениями противника. Не состоялись намеченные на 1914 г. конгресс ориенталистов в Оксфорде, по антропологии и доисторической археологии в Мадриде (1915), исторический конгресс в Петербурге (1918); из намечаемых до войны крупных научных форумов был в ограниченном формате проведен лишь конгресс американистов в Вашингтоне с минимальным представительством от держав центрального блока. Поэтому естественным шагом было создание по инициативе ученых стран Антанты нового руководящего органа в области международных научных связей, поскольку картель пяти немецких академий вместе с Австрийской располагал во время войны реальными возможностями (при привлечении нейтральных академий, вроде шведской или нидерландской) заблокировать работу Международной ассоциации академий или участие в ней держав союзников. Особенно последовательной начиная с 1914 г. в деле академической изоляции Германии и Австро–Венгрии была позиция французской и бельгийской сторон, особенно постоянного секретаря Французской Академии наук Э. Пикара. Важную роль при создании Международного исследовательского совета играл астрофизик Дж. Э. Гейл, секретарь по международным делам Национальной академии наук США, вначале настроенный на сохранение международных исследовательских

организаций даже в условиях войны (при том, что сам президент США В. Вильсон был противником создания сепаратного научного объединения без участия немцев!).

После предварительной встречи представителей союзников в Лондоне на конференции в Брюсселе в июле 1919 г. был создан Международный исследовательский совет (а двумя годами позже — Международный союз академий для гуманитарных наук). Будучи тесно связанными с Лигой Наций, они состояли из специализированных интернациональных советов по той или иной дисциплине.

Бойкот немецкой науки в первой половине 1920-х годов стал важным фактором утраты Германией и немецким языком как средством научной коммуникации тех приоритетных позиций, которыми они обладали на рубеже XIX-XX вв. Процесс возвращения немецкой науки в мировое научное сообщество после Локарнской конференции и приема Германии в Лигу Наций затянулся на 5 лет — с 1926 по 1931 г., когда МИС получил новый Устав и был переименован в Международный совет научных союзов, а окончательно немецкие, равно как и советские академические учреждения вошли в него уже только после окончания Второй мировой войны.

Для академических (научных и образовательных) систем в XX в. характерно наличие нескольких базовых векторов их развития. Первый связан с регулирующей деятельностью государства (или местных муниципалитетов), и эти органы порой выступают как монопольный или даже единственный агент образовательной политики. Вторая группа факторов связана с влиянием бизнеса и ролью частного сектора в образовании. Свои функции и значимость в третьей группе сохраняют институты церкви и церковного обучения, особенно в области низшего и среднего образования (но не только). Наконец, последний момент — это значимость самого научного и педагогического сообщества, его способность к саморегулированию и самоорганизации. Количественный рост и расширение контингента школьников, студентов и преподавателей, особенно в первой половине XX в., подразумевали преимущественное влияние государства — но так было далеко не во всех странах. Традиционно сильным было вмешательство государства — независимо от его политических ориентиров — в бывшей Российской империи, во Франции, в Германии и в скандинавских странах (в двух последних группах стран с учетом регионального компонента образовательной политики). Неравномерной оставалась и роль частного бизнеса, который в США, Великобритании и странах третьего мира традиционно удерживает

за собой элитный сектор обучения — как и в XIX в., в данном случае образовательные механизмы выступают как формы социальной дифференциации и воспроизводства неравенства. В этих условиях церковь наравне с государством выполняет роль важного гаранта вертикальной социальной мобильности и своеобразного меритократического эгалитаризма — через расширенный доступ к образованию для выходцев из самых разных слоев социума.

Рассмотрим различные модели образовательной политики на примере Советской России, Германии и США.

Научная и образовательная политика и СССР, и Германии в 1930-е годы в целом характеризуется двумя причудливо сочетавшимися тенденциями. С одной стороны, она так или иначе укладывалась в общую логику модернизационных процессов, связанных с установками на демократизацию и охват широких масс, а также корреляцией между образованием и наукой, распространением «гумбольдтианской модели» университетов, установлением тесной связи между наукой и промышленным развитием, формированием модели «национальной науки», но при этом с сохранением международного масштаба деятельности. С другой стороны, речь идет о довольно специфических вариантах модернизации, характеризующихся тоталитарным государственным режимом, всецело доминирующей государственной идеологией, высокой степенью централизации бюрократического государственного управления, жестким партийно–государственным контролем с применением самых разных форм и методов.

В Германии коренные преобразования были осуществлены в 1933-1934 гг. под лозунгами формирования немецкого народного единства, и упор в области просвещения и науки делался не столько на прямую партийную индоктринацию, сколько на идейную самоорганизацию и лояльность. Специфика советского развития, в свою очередь, отчасти была унаследована новым режимом от прежнего (многонациональное население, высокая степень централизации системы управления образованием, отделение Академии наук как «главного» научного учреждения от университетов), а отчасти диктовалась содержанием активно проводимой государственной идеологии и той ролью, которую она играла в жизни советского общества. Большевики, только придя к власти, заявили о курсе радикальных (в том числе насильственных) преобразований, направленных на построение принципиально нового типа «бесклассового» общества (социалистического, а затем и коммунистического) и, соответственно, «нового типа человека». Важную роль в этих масштабных преобразованиях

должна была играть система образования. Но при этом политика в научной и образовательной сфере догматически определялась заявленной программой. Гораздо в большей степени она формировалась по ходу дела под воздействием самых разных факторов, что порой делало ее достаточно противоречивой и непоследовательной. Тем не менее общей тенденцией стало создание иерархической единой и полностью контролируемой правящим режимом системы образования, обеспечивавшей нужную государству политическую лояльность и социальную мобильность населения.

В Советской России уже в период формирования новых органов власти были созданы учреждения, которые должны были контролировать образовательную и научную сферы. Это, в первую очередь, созданный в июне 1918 г. (на смену Государственной комиссии по народному просвещению, существовавшей с ноября 1917 г.) Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос), во главе которого стоял литературный критик и публицист А. В. Луначарский, а заместителем стал историк М. Н. Покровский, возглавлявший также Научный отдел Наркомпроса. Еще одним структурным подразделением был так называемый Отдел мобилизации научных сил. Именно его руководитель Л. Г. Шапиро в январе — феврале 1918 г. провел встречи с непременным секретарем Академии наук С. Ф. Ольденбургом, в ходе которых был выработан определенный режим взаимодействия Академии и советского правительства. Академия наук, изначально выступившая с резкой критикой «большевистского переворота», затем отказалась от нее взамен на финансовую и материальную поддержку исследований. Официально Академия стала называться Российской академией наук (позднее — Академией наук СССР), а ее финансирование осуществлялось через Наркомпрос и Центральную комиссию по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ). Для Академии наук этот шаг давал возможность выживания, а советское правительство нуждалось в первую очередь в прикладных научных исследованиях, которые могли реализовать сотрудники Академии. В марте 1919 г. в структуре Наркомпроса произошли изменения. Был создан возглавляемый М. Н. Покровским Государственный ученый совет, просуществовавший до 1933 г. Он состоял из четырех секций — научно–политической, научно–технической, научно–художественной и научно–педагогической — и должен был выполнять функции «Госплана Наркомпроса». Сама постановка задачи, конечно, была утопичной, но ГУС играл в 1920-е годы весьма заметную роль в научной и образовательной политике.

Согласно официальным декларациям, советская школа не только

давала ученику определенные знания и навыки, но и воспитывала, формировала особый тип мировоззрения и личности. Эта цель не просто декларировалась, но и существенным образом влияла как на организацию процесса обучения на всех уровнях, так и на его содержание. 16 октября 1918 г. ВЦИК РСФСР издал «Положение о единой трудовой школе», а Государственная Комиссия по просвещению опубликовала «основные принципы единой трудовой школы», в которых была в общих чертах намечена стратегия реформирования школы в советском государстве. Согласно им, а также ряду последовавших за ними законодательных актов (в первую очередь декретов СНК и ВЦИК), объявлялась государственная монополия на школьное образование, существование частных школ было запрещено, вводилось бесплатное обучение и совместное обучение детей обоего пола, школа отделялась от церкви, дети любой национальности получали право на образование на родном языке. Школьная система предусматривала девятилетнее обучение: первая ступень для детей от 8 до 13 лет, вторая — от 13 до 17. Впрочем, достаточно быстро, столкнувшись со сложностью реализации этой программы на практике, ее подкорректировали, и хотя девятилетняя школа была сохранена, основным типом школы была провозглашена семилетняя с двумя ступенями обучения, 3 и 4 года соответственно.

Наряду с детским обучением была развернута масштабная система ликвидации безграмотности взрослого населения (Ликбез). Согласно декрету СНК от 26 декабря 1919 г., все взрослое население до 50 лет обязано было учиться грамоте на родном или русском языке (по желанию), а все грамотные могли быть привлечены к обучению неграмотных на основе трудовой повинности. Согласно официальной советской статистике, в период с 1917 по 1927 г. было обучено грамоте около 10 млн взрослых. Отчасти в этой связи в июле 1920 г. СНК было также введено обязательное профессионально–техническое обучение для всех рабочих в возрасте от 18 до 40 лет. На основании этого были созданы так называемые школы фабрично–заводского ученичества (ФЗУ) и школы крестьянской молодежи (ШКМ), количество которых в предвоенные годы неуклонно возрастало. В 1920/21 учебном году насчитывалось 43 школы ФЗУ, в 1923/24 — 506, а в 1931/32-3970.

Что касается общей тенденции образовательной политики в национальных республиках, то со значительной долей условности ее можно обозначить с конца 1920-х годов как движение от «коренизации» образования в сторону русификации и унификации. Союзные республики сохранили свои наркомпросы, а позднее министерства, но все важнейшие

стратегические решения принимались в Москве.

Еще одной новой структурой была система партийного образования, основной задачей которой являлась система подготовки партийных кадров. В целом достаточно сложно организованная и многофункциональная система советского партийного образования начала формироваться еще в 1918 г. и уже к началу 1920-х годов включала в себя различные учебные заведения нескольких уровней (советско–партийные школы, Коммунистические университеты и Социалистическая (с 1924 г. Коммунистическая) академия).

В отношении высшей школы основные направления государственной политики были связаны с формированием лояльной к советской власти и управляемой системы высших учебных заведений. Была поставлена задача массового привлечения к получению высшего образования представителей трудящихся масс. В 1922-1923 гг. были созданы специальные учебные заведения — рабочие факультеты (существовали до середины 1930-х годов) для подготовки молодежи из рабочих и крестьян для поступления в высшие учебные заведения «в кратчайшие сроки». Окончившие рабфаки пользовались преимущественным правом поступления в высшие учебные заведения. Наряду со старыми учебными заведениями создавались и новые, «коммунистической» направленности. Однако уже с начала 1930-х годов от крайностей этой политики пришлось отказаться. Так, например, в 1934 г. были восстановлены ранее ликвидированные ученые степени, университетская структура и распорядок жизни высшей школы стали носить более традиционный характер.

Преподавание точных и естественнонаучных дисциплин в целом было сохранено, хотя и здесь периодически наблюдалось решительное вмешательство власти как на уровне средней, так и на уровне высшей школы; гуманитарные и социальные дисциплины, рассматриваемые как формы идеологической борьбы, подверглись существенному пересмотру. Так, в начале 1920-х годов из программы средней школы была исключена традиционная история, замененная на предмет под названием «история развития общественных форм», а в университетах историко–филологические и юридические факультеты были официально преобразованы в факультеты общественных наук (ФОН). В области литературы учебный курс наполнялся новым содержанием, в соответствии с формирующимся пантеоном классиков, а курс философии должен был строиться исключительно на марксистко–ленинских основаниях.

Впрочем, в первой половине 1930-х годов произошел поворот государственной политики в этом отношении. В среднюю школу был

возвращен курс «гражданской истории», а с 1934 г. в университетах были открыты исторические факультеты; в 1936 г. в структуре АН СССР был создан Институт истории. Речь шла не только о стремлении поставить историю на службу идеологии, но и о характерном для конца 1930-х годов обращении к славным страницам прошлого (в первую очередь имеющим отношение к военным победам над иноземными захватчиками).

В Германии после Ноябрьской революции 1918 г. социал–демократы пытались осуществить ряд демократических реформ образовательной системы — при этом часто встречая сопротивление консерваторов и сторонников традиционного религиозного воспитания. Вопрос о светском содержании образования (при сохранении большинства религиозных школ) стал летом 1919 г. главным предметом «школьного компромисса», позволившего принять в итоге Веймарскую конституцию. Следует также учесть, что министерства отдельных земель могли спускать сверху в первую очередь рекомендованные учебные программы, а не детальные учебные планы и циркуляры; школы на местах пользовались довольно большой автономией, как в смысле противодействия переменам, так и более активного внедрения экспериментальных методов обучения. В апреле 1919 г. новый министр культуры Пруссии социал–демократ К. Гениш назначил берлинского востоковеда К. Г. Беккера (уже занимавшегося экспертизой будущих международных связей немецкой науки) помощником статс–секретаря, и в последующем именно Беккер стал одним из определяющих фигур общегосударственной и прусской образовательной политики (в том числе и в должности министра в 1925— 1930 гг.); его курс затем продолжил христианский социалист и член СДПГ А. Гримме.

Современники и историки сходятся во мнении, что во времена Веймарской республики большинство университетских преподавателей занимали по отношению к установившемуся режиму негативную или скептическую позицию (и лишь часть оставалась, по образному выражению историка Ф. Майнеке, «республиканцами разума», в душе оставаясь обычно «монархистами сердца»), В сфере естественных наук важную роль продолжали играть специализированные институты Общества кайзера Вильгельма; для поддержки фундаментальных исследований в начале 1920-х годов было основано Общество помощи немецкой науки — прообраз будущего Немецкого исследовательского общества. Одним из создателей и руководителей этого общества, наряду с известным химиком и нобелевским лауреатом Ф. Хабером, был опытный функционер бывшего прусского министерства культов Ф. Шмит–Отт. Политика Беккера и социал–демократов, попытка осторожного контроля

правительства и государственных органов над «внутренними делами науки» вызывали явную неприязнь академического сообщества. Среди студенчества, особенно после инфляционного всплеска 1923 г., наблюдался явный рост правоконсервативных настроений.

В Пруссии большинство учащихся должны были с 1919 г. посещать одну из народных школ (Volksschule), которая должна была выполнять задачу социального и культурного «выравнивания» выходцев разных социальных групп. В основе учебного плана начальной школы лежало «Родиноведение» (Heimatskunde) с важными элементами практического освоения окружающей сельской и городской жизни, из которого затем выделялись базовые учебные предметы. Традиционно большое внимание уделялось физической подготовке, пешим экскурсиям и прогулкам. С 1 июня 1925 г. все типы заведений следующего профиля были объединены в систему «промежуточного образования» (Mittelschulwesen). Этой системой предусматривалось и общее, и предпрофессиональное образование, которым и ограничивалось большинство выпускников, выходящих непосредственно на рынок труда — на основе удостоверения об окончании промежуточной школы. Для получения аттестата, открывающего дорогу в университет, торговую или техническую высшую школу, требовались дополнительные усилия.

Еще до 1933 г. в разных дисциплинах формируются течения, связанные с крайне шовинистическим, антисемитским и антимодернистским мировоззрением — от арийской физики до схожих направлений в археологии или медицине. Адепт «народно–политической антропологии» Э. Крик стал одним из создателей педагогической доктрины нацизма, хотя после 1933 г. более успешным в административном плане здесь оказался дрезденский философ и поклонник Ницше А. Боймлер, работавший в ведомстве А. Розенберга и ставивший акцент на расово–научную суть нового воспитания. Для идейного подчинения школы в первые месяцы после 30 января 1933 г. заметно негативную роль сыграл национал–социалистический учительский союз во главе с Г. Шеммом, организованный еще весной 1929 г. Базой преобразования учебной и научной деятельности стали чрезвычайные законы «О защите немецкого народа» от 4 февраля 1933 г. и «О защите народа и государства» от 28 февраля 1933 г., а для очистки преподавательского корпуса средней и высшей школы и научного персонала от нежелательных в расовом и политическом отношении лиц главную роль сыграл «Закон о восстановлении профессионального чиновничества» от 7 апреля 1933 г. (превративший всех учителей, независимо от типа школ, в государственных

служащих). Дополнительно 25 апреля 1933 г. был принят закон «Против переполненности немецких школ и высших учебных заведений» (еще ранее было подписано аналогичное по духу «Соглашение земель о сокращении наплыва обучающихся в высших учебных заведениях»). Количество уволенных менялось в зависимости от города или специальности — если в Берлине или Франкфурте в социальных или даже естественных науках сокращения коснулись от трети до половины сотрудников, то в традиционных университетах в малых городах они затронули меньшую часть персонала. Нацисты внутри вузов и в органах управления спешили воспользоваться студенческим энтузиазмом в поддержку «национальной революции». Печальной страницей истории германской мысли стала ректорская речь философа М. Хайдеггера «Самоутверждение немецкого университета», где он призвал соединить академическую «повинность» познания мира с военным и трудовым служением «фюреру немецкого народа».

Ключевым событием в жизни университетов первых лет нацизма стал Gleichschaltung — унификация, фактически отменившая все прежние академические свободы. Но такие оригинальные авторы, как Хайдеггер или юрист К. Шмит, уже к 1935-1936 гг. были отодвинуты на периферию академической политики в пользу более послушных и лояльных функционеров и профессоров. При всех знаковых эксцессах, вроде наступательного давления «арийской физики», упор был сделан скорее на политическую лояльность профессионалов и самоочистку науки и высшей школы от колеблющихся. Попытки ученых старой школы, подобно М. Планку, защитить неугодных или ослабить вмешательство политики в науку не спасло от прямого вовлечения исследователей и профессуры в мобилизационные меры нацистского руководства или даже военные преступления. В социальных науках победила установка на прикладные исследования, порой с применением передовых количественных методов и подходов — но вне критического духа беспристрастного поиска. Показательной стала судьба В. Гейзенберга, хотя и претерпевшего от идеологических нападок в первые годы после прихода нацистов к власти, но в целом согласившегося работать на немецкое государство, вплоть до разработки атомного проекта в начале 1940-х годов.

В школьном деле нацистская унификация также была поэтапной. Единые учебные программы были приняты в 1937 г., а стандартные учебники начали создаваться только в годы войны. Особую проблему представляли церковные школы — с середины 1930-х годов в Мюнхене по итогам своеобразного родительского референдума эти институты

полностью перешли на светскую основу; в масштабах всей страны летом 1938 г. такое голосование было заменено решениями бургомистров, и конфессиональные школы были перепрофилированы или ликвидированы. В целом за период с 1931 по 1940 г. в Германии количество частных школ различного уровня сократилось в 5 раз, хотя они и не были устранены полностью. В отличие от СССР, где с начала 1930-х годов прерогатива в коммунистическом воспитании принадлежала педагогическим коллективам, в Германии на первостепенное влияние в деле выращивания «новой элиты» претендовал Гитлерюгенд и примыкающие политико–пропагандистские или «трудовые» организации, которые скорее конкурировали с учебным персоналом.

Кризис начала 1930-х годов по–разному затронул академическую среду в различных странах, порой приводя к поляризации настроений. Усиливались созданные в годы Первой мировой войны профсоюзы академических работников и преподавателей. Во Франции и Англии после катастрофических студенческих потерь Первой мировой войны следующее поколение выпускников даже престижных учебных заведений питало заметные левые симпатии (рост влияния фабианства в Англии, в том числе в Лондонской школе экономики и в неформальной группе шести престижных университетов Англии, так называемых «краснокирпичных университетах»; кружке П. Низана и Р. Арона при парижской Высшей нормальной школе и т. п.). В Веймарской Германии молодые экономисты консервативного плана Э. Залин и А. Зальц публично поставили под сомнение положения знаменитой речи М. Вебера о науке как призвании и профессии (известный «спор о науке»). Тема кризиса науки и прежнего университета стала предметом размышления испанского философа Х. Ортеги–и–Гассета («Миссия университета», 1931) а также в связи с созданием учебных заведений нового типа (Высшая школа политики М. Шелера). Основоположник социологии знания К. Манхейм во второй половине 1920-х годов анализировал феномены поколений и конкуренции в духовной сфере как раз в свете европейских перемен, начавшихся с лета 1914 г.

Для понимания природы массовых социальных и идейных сдвигов 1930-1940-х годов необходимо еще раз указать на значение Первой мировой войны. Ее роль для научной жизни не сводилась исключительно к цифрам разрушений и потерь, ущербу от разрыва научных связей. Парадоксальным образом можно говорить об определенном прогрессе в науке, сближении ее с государственной и общественной жизнью — не только в смысле военных, оборонных заказов или внутри– и

внешнеполитической пропаганды. Крушение старой Европы означало также и своеобразную демократизацию науки, вынужденное преодоление ее характера как привилегированного занятия узкого круга ревнителей «чистого знания», что прокладывало путь к современной системе включенности социального института науки в развитие технологической цивилизации (это, в частности, отмечал в своих статьях В. И. Вернадский («Война и прогресс науки», «Задачи науки в связи с государственной политикой в России») в 1915-1917 гг.). Как отмечал американский историк Г. Поль, «не использование науки и технологии в военных целях было новым в Первой мировой войне, но характер и число произошедших изменений, по–видимому достаточных, чтобы превратить предыдущие отношения в своего роду доисторическую эпоху. Беспорядочность сменилась институциализацией, случайность консультаций — регулярностью и постоянными запросами, а зависимость от прометеевских открытий — безостановочными улучшениями существующих технологий. Технологический прорыв Первой мировой войны не был чисто техническим».

Одним из важных аспектов этой эволюции было становление системы специализированных научно–исследовательских институтов (по образцу Общества кайзера Вильгельма в Германии), помимо университетов, политехнических школ и аристократических ученых коллегий — академий и научных обществ. Фактически в годы Первой мировой войны был в форсированном виде повторен тот переход от «республики ученых» к национально–государственному принципу организации науки, который однажды уже произошел в истории науки в XVII в. Результатом войны стало активное и прямое участие государства в делах науки, создание специальных правительственных органов по координации и поддержке научных исследований. Эти новые организационные формы вышли за пределы чрезвычайных задач военного времени и продолжали действовать, развиваться и совершенствоваться и в условиях последующей мирной работы.

Межвоенный период в истории науки — это время укрепления и становления национальных научных школ и академических сообществ, при этом важнейшую роль в данном процессе занимает рост государственной организации и финансирования науки. Национальный фактор после 1914-1918 гг. является определяющим не только в социально–политическом процессе, но и в научном развитии в целом. Специфика и сложность становления самодостаточной национальной науки (включая роль идеологического и поколенческого факторов) объясняется помимо

сильного давления государства также и более общим объективным процессом становления крупных централизованных национальных научных школ (с опорой на научно–исследовательские институты) на месте прежнего «космополитического» сообщества выдающихся университетских профессоров начала века, зачастую с европейским образованием и связями. Одной из форм организационной и содержательной перемены состава самого понятия и института науки и научной деятельности в первой половине XX столетия было создание советской модели развития науки.

В США в 1917 г. по инициативе Дж. Э. Гейла был создан Американский национальный исследовательский совет, в Великобритании — Департамент научных и индустриальных исследований, во Франции — Государственный секретариат (управление) изобретений и Секция приложения наук к промышленности в рамках Академии наук, Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС) и Комиссия по изучению племенного состава населения (КИПС) — в составе Российской академии наук (последняя — с 1917 г.) Для межвоенного развития важную роль играет выход на интернациональную арену крупных американских частных фондов, в которых сами ученые выступают не только как соискатели, исполнители или консультанты, но и сами становятся крупными администраторами программ или кураторами целых направлений.

В связи с этим следует указать и на одно очень важное исключение в системе строительства самодостаточной науки: в середине 1920-х годов своего рода заменой прежних довоенных командировок (в том числе математика П. Александрова) стали стипендии фонда Рокфеллера. На его стипендии стажировались у В. Паули в Лейпциге и М. Борна в Гёттингене создатели отечественной ядерной физики — Я. И. Френкель, Ю. А. Крутков, В. А. Фок. Во многом благодаря этим командировкам (оформленным через Наркомпрос) был обеспечен рывок советской школы в физике, занявшей видное место в общем развитии этой дисциплины, особенно по сравнению с отечественной физикой начала века.

В СССР начало 1930-х годов стало временем «культурной революции» — нового наступления властей и особенно ревнителей снизу на «бастионы старой науки». В 1930 г. все высшие учебные заведения, кроме педагогических институтов и университетов, были постепенно переданы в ведение соответствующих наркоматов и ведомств. В сентябре 1932 г. для общего учебно–методического руководства техническими вузами при ЦИК СССР был создан Комитет по высшему техническому образованию,

переподчиненный в 1935 г. СНК СССР. Также при СНК СССР был создан в 1936 г. Всероссийский комитет по делам высшей школы, преобразованный в 1946 г. в Министерство высшего (впоследствии высшего и среднего) образования. В том же году наркомпросы союзных республик, включая РСФСФ, были преобразованы в республиканские министерства просвещения. Общесоюзное Министерство просвещения существовало с августа 1966 по март 1988 г. При этом сложившаяся система управления образованием и наукой неоднократно подвергалась различным реформам.

Монополизировав контроль над сферой (в первую очередь начального и среднего) образования, Наркомпрос был важнейшим, но не единственным государственным органом, реализующим государственную политику в научной сфере. Еще в августе 1918 г. при ВСНХ был создан Научно–технический отдел, при котором в качестве коллегиального органа была сформирована Научная комиссия, в работе которой непосредственное участие принимали и крупные ученые. Возглавлял НТО молодой специалист–геолог Н. Горбунов. НТО координировал научные исследования прикладного характера, связанные с металлургией, электротехникой, химией. К концу 1927 г. этот орган руководил деятельностью 36 различных исследовательских институтов. Для сравнения — Наркомпрос в этот период имел в своем подчинении только 11 научных институтов. Впрочем, противоречия между государственными органами управления наукой и образованием не стоит преувеличивать. Все они формировались на заседаниях Совнаркома, который и определял стратегические задачи их деятельности, а потом контролировал их выполнение. Руководство научной деятельностью осуществлялось и через структуры, созданные при ЦИК (например, Ученый комитет, созданный в 1926 г.) и через партийные структуры (в первую очередь Агитационно–пропагандистский отдел ЦК РКП (б)).

Несколько в ином положении на протяжении 1920-х годов оставалась Академия наук. Она, будучи крупнейшим и авторитетнейшим научным учреждением страны, при демонстрации лояльности по отношению к советской власти получила определенную автономию в управлении. Государственная власть, безусловно, нуждалась в результатах научных исследований для развития оборонной, энергетической и промышленной сфер. Для координации действий академических и государственных учреждений в 1922 г. был создан просуществовавший два года Особый временный комитет науки (ОВКН), в состав которого наряду с академиками В. А. Стекловым, П. Л. Лазаревым и А. Е. Ферсманом входили представители Наркомпроса, Наркомфина, ВСНХ, Народных

комиссариатов внешней торговли и путей сообщения. С 1926 г. в составе Совнаркома были созданы Отдел научных учреждений и Комиссия по работам Академии наук СССР, возглавляемая А. С. Енукидзе. После ликвидации этих структур в 1929 г. их функции отчасти взял на себя Ученый комитет ЦИК СССР, фактически ставший, вплоть до своей ликвидации в 1938 г., важнейшим государственным органом управления наукой. Решительное наступление на Академию наук началось в конце 1920-х годов. Еще в 1925 г. был весьма помпезно, с приглашением иностранных гостей, отпразднован ее юбилей. В январе 1929 г. Академия, сохранившая права выбора своих новых членов, забаллотировала трех кандидатов–коммунистов, избиравшихся в числе 42 новых академиков. В газетах появились требования реорганизовать Академию наук и давались политические характеристики академиков, указывавшие на их якобы контрреволюционное прошлое. В августе того же года для чистки Академии наук в Ленинград была направлена правительственная комиссия во главе с Я. П. Фигатнером. В июне–декабре 1929 г. по решению этой комиссии были уволены 128 штатных сотрудников (из 960) и 520 сверхштатных (из 830). В конце 1929 г. начались аресты органами ОГПУ сотрудников Академии наук. Всего с декабря 1929 по декабрь 1930 г. по «академическому делу» были арестованы свыше 100 человек (главным образом специалисты в области гуманитарных наук). Среди арестованных и впоследствии приговоренных во внесудебном порядке комиссией ОГПУ к различным срокам заключения и ссылки были такие известные ученые, как историки С. Ф. Платонов, Ю. В. Готье, Е. В. Тарле, С. В. Бахрушин и другие.

Вскоре после этого последовала реорганизация самой Академии наук, изменившая ее структуру. Она была подчинена ВЦИК (с 1933 г. — СНК), а в 1934 г. президиум и 15 научно–исследовательских институтов были переведены в Москву. В систему АН СССР на тот момент входили около 80 научно–исследовательских институтов, в дальнейшем их число неуклонно увеличивалось. К 1985 г. в составе АН СССР насчитывалось уже более 5 тыс. различных научных учреждений.

Только к концу XX в. стало очевидно, что советский — и отчасти немецкий — опыт сосредоточения научных исследований в отдельных институтах, вне прямой связи с системой образования оказался наиболее пригодным для решения задач индустриальной эры, преимущественно в мобилизационном ключе. Хотя во Франции в самом конце 1930-х годов Национальный центр научных исследований был создан еще по этой модели, соседние страны в тот период демонстрировали более

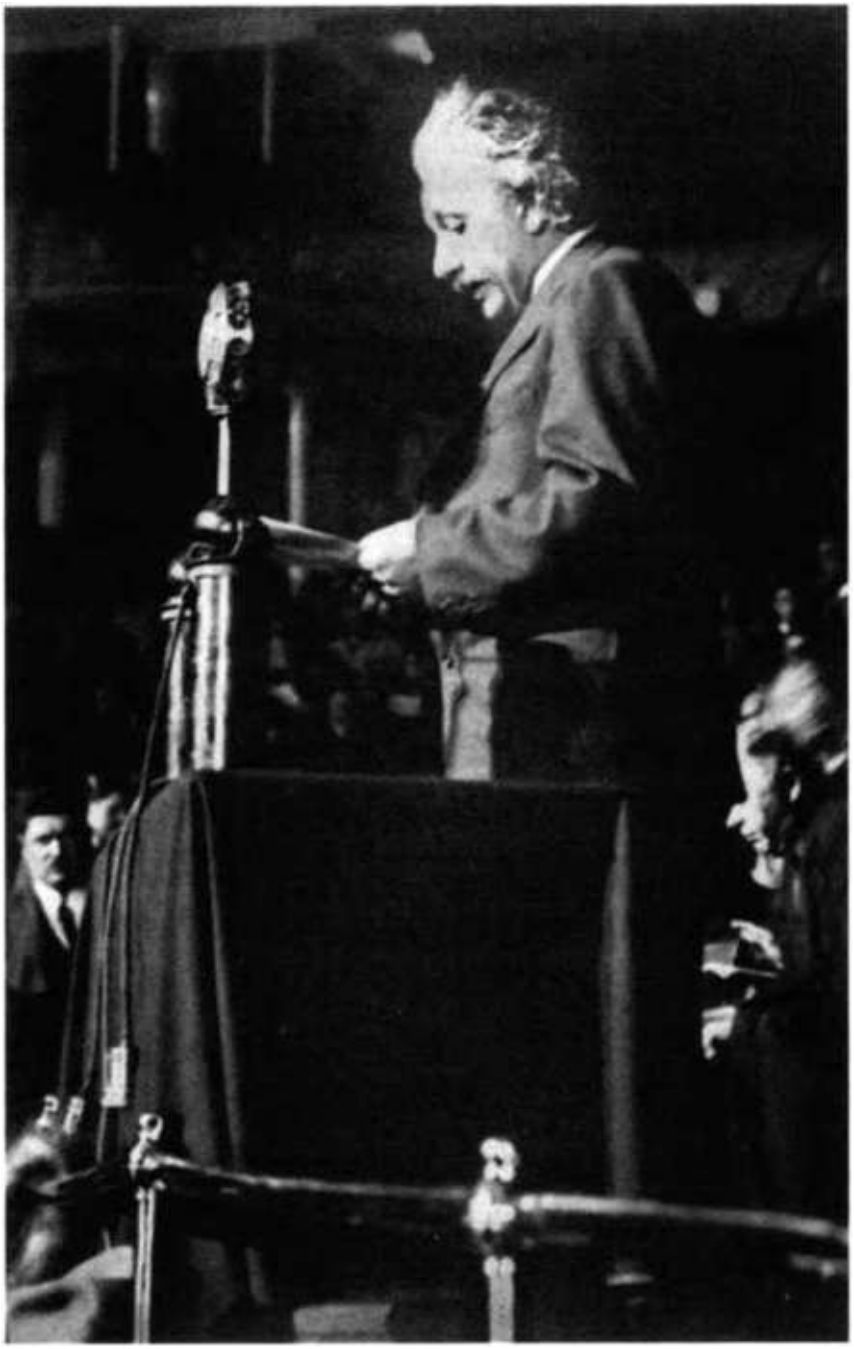
разнообразные и гибкие формы поддержки и продвижения науки с участием предпринимательских и филантропических ресурсов (Сольвеевские конгрессы в Бельгии и т. д.). В Европе и Америке, а также странах Азии победила модель исследовательского университета, наиболее полно реализовавшаяся в США. Но в Америке 1930-х годов процесс перемещения ведущих научных направлений еще только начинался. Атмосфера Великой депрессии даже ставила перед некоторыми журналистами вопрос о возможности введения чрезвычайного и временного моратория на научные исследования. Р. Хатчинс, многолетний президент Чикагского университета, сформулировал подобные чувства в виде ярких метафор: «Ключи, которые должны были открыть ворота рая, привели нас в более обширную, но еще более тяжкую тюрьму. Для нас этими ключами были наука и свободный разум человека. Они нас обманули». Но годы депрессии не остановили в Северной Америке рост среднего образования; напротив, именно тогда в этой сфере и произошел важный перелом. Если в 1930 г. среднюю школу заканчивали 29% 17-летних молодых людей, то в 1940 г. — уже более 50%. Отчасти эту перемену можно объяснить желанием оттянуть выход молодежи на совсем не благоприятный для нее тогда рынок труда.

Созданный в 1940 г. в США Национальный комитет оборонных исследований мог для своих потребностей обращаться не только к федеральным лабораториям, но и привлекать в рамках контрактов неправительственные учреждения. В июне 1941 г. для более результативного проведения научных работ военно–оборонного характера было создано Управление научными исследованиями и разработками. Ему надлежало ведать проектами военного значения и координировать программы университетских исследований, промышленных и патентных разработок и стратегии производства современного оружия, в том числе курируя исполнение научно–технических проектов в различных ведомствах, связанных с оборонными заказами. В частности, речь шла о том, чтобы разблокировать рынок промышленных разработок и патентов от монополизации крупными корпорациями в пользу небольших конкурирующих фирм и агентств. Крупнейшей фигурой и воплощением научной политики администрации в военные и послевоенные годы стал видный ученый–электротехник В. Буш. Именно он смог обосновать необходимость сохранения общенациональной системы поддержки и координации научных исследований и на послевоенные годы. Как и Хейл во время Первой мировой войны, Буш сдержанно относился к перспективе прямого вмешательства государства в выработку стратегий научного

исследования. Еще на посту вице–президента и декана Инженерной школы Массачусетского технологического института Буш особенно активно добивался расширения фронта исследований за счет правительственных и частных фондов, сохраняя при этом автономность и фундаментальный характер университетской науки. Парадоксальным образом республиканец и противник «Нового курса», Буш оказался одним из главных архитекторов так называемой Big Science, которая включала и академические учреждения, и исследовательские и научнотехнические подразделения крупных корпораций, и государственные институты, особенно военного профиля.

Одним из главных научных свершений, имевших крупнейшие политические последствия, в США во время Второй мировой войны стал так называемый Манхэттенский проект, объединивший усилия более сотни тысяч ученых, военных, строителей, проектировщиков. Начало ему было положено в секретном послании А. Эйнштейна президенту Ф. Д. Рузвельту, в котором была высказана крайняя озабоченность проводимыми в Германии разработками нового сверхмощного оружия на основе ядерной энергии и необходимость адекватного и опережающего американского ответа. Результатом стали концентрация усилий многих ученых, спасшихся от нацистской угрозы в Европе (включая Р. Оппенгеймера и Н. Бора), и наступление атомной эры как в мировой политике, так и в использовании человечеством планетарных ресурсов.

Переломом в социальной стратегии развития университетского образования в США стало принятие по инициативе администрации Рузвельта известного «Билля Джи–Ай» (The Servicemen’s Readjustment Act) о льготах при поступлении в университеты для множества вчерашних солдат (всего им воспользовались только для поступления в колледж более 2200 тыс. ветеранов). Это резко изменило социокультурные характеристики студенчества и американского среднего класса в целом. Если в 1940 г. численность студентов во всех колледжах и университетах Северной Америки составляла 1,5 млн человек (и в годы войны практически не росла), то уже в 1950 г. — 2,7 млн; в 1960 г. она выросла до 3,6 млн и удвоилась еще в течение следующего десятилетия, достигнув отметки в 7,9 млн в 1970 г. Решение Верховного суда по делу Брауна (1954) запретило расовую сегрегацию в государственных школах.



А. Эйнштейн выступает с докладом на тему «Наука и цивилизация» в Лондонском королевском зале искусств и наук имени Альберта. 3 октября 1933 г. РГАКФД

В послевоенной Европе правительства разных стран также принимали решения о резком расширении доступа к высшему образованию. Так, в Великобритании в 1938 г. было только 69 тыс. студентов очной формы обучения, а к 1963 г. их стало 215 тыс., и это число также удвоилось к 1970 г. В число перемен входила и деконфессионализация школы (зачастую

усилиями коммунистических или «народно–демократических» режимов стран Восточного блока).

В СССР самыми массовыми образовательными учреждениями как по количеству, так и по числу учащихся были средние и начальные школы. Стандартная система распределения изучаемых в них дисциплин показана в таблице.

Набор предметов, составлявших школьную программу общеобразовательной школы в 1977/78 учебном году, в учебных часах в неделю[32]

Предметы	Класс										Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Русский язык	12	11	10	6	6	4	3	2	-	-	54
Литература	-	-	-	2	2	2	2	3	4	3	18
Математика	6	6	6	6	6	6	6	6	5	5	58
История	-	-	-	2	2	2	2	3	4	3	18
Основы советского государства и права	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1
Обществознание	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	2
Природоведение	-	1	2	1	-	-	-	-	-	-	4
География	-	-	-	-	2	3	2	2	2	-	11
Биология	-	-	-	-	2	2	2	2	1	2	11
Физика	-	-	-	-	-	2	2	3	4	5	16
Астрономия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1
Техническая подготовка	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	2
Химия	-	-	-	-	-	-	2	2	3	3	10
Иностранный язык	-	-	-	4	3	2	2	1	1	1	14
Рисование	1	1	1	1	1	1	-	-	-	-	6
Музыка и пение	1	1	1	1	1	1	1	-	-	-	7
Труд	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	20
Начальная военная подготовка	-	-	-	-	-	-	-	-	2	2	4

Система профессионально–технического обучения была реформирована еще в 1940-е годы. Были созданы три типа учебных заведений — ремесленные училища с двухгодичным сроком обучения для подготовки квалифицированных рабочих, железнодорожные училища с двухгодичным сроком обучения и шестимесячные школы фабрично–заводского обучения (ФЗО) для подготовки рабочих массовых профессий. В 1959-1963 гг. все типы профессиональных училищ и школ системы «трудовых резервов» были преобразованы в профессионально–технические училища для лиц, окончивших неполную среднюю школу, под общим руководством Главного управления трудовых резервов при Совете

министров СССР. Профиль профессиональной подготовки училищ (и техникумов) варьировался в зависимости от «потребностей народного хозяйства». Массовость и быстрота реагирования стали важнейшими принципами образовательной политики в этой сфере.

Еще в середине 1930-х годов было заявлено о переходе на всеобщее семилетнее образование, хотя фактически реализовать эту цель удалось только в 1950-е годы. В 1940 г. была введена плата за обучение в 8-10 классах, техникумах, педагогических училищах, сельскохозяйственных и других средних специальных учебных заведениях, вузах (ликвидирована в 1956 г.). В 1958 г. на волне реформ периода оттепели (с попытками в ряде пунктов вернуться к утопическим программам 1920-х годов о сближении школы с жизнью) в качестве обязательного было введено уже восьмилетнее образование.

В целом в СССР сложилась довольно стройная система образования, включавшая несколько ступеней: дошкольные образовательные учреждения (ясли и детские сады), начальная и средняя общеобразовательные школы, средние специальные учебные заведения (профессионально–технические училища и техникумы), высшие учебные заведения.

Можно выделить несколько типов высших учебных заведений — университеты, формально продолжавшие традиции университетов дореволюционных, политехнические институты, готовившие «инженеров широкого профиля», отраслевые высшие учебные заведения — технические, сельскохозяйственные, экономические, медицинские, педагогические, художественные, военные, театральные. Как правило, эти последние курировались соответствующими министерствами.

Важнейшим показателем развития системы образования считалось увеличение числа учебных заведений различных типов и количества учащихся. Например, число общеобразовательных школ всех типов, согласно официально статистике, в 1956 г. достигло 213 тыс., а число учащихся в них превысило 30 млн. В этом же году в техникумах и других средних специальных учебных заведениях обучались около 2 млн студентов и столько же в вузах. В 1960/61 учебном году в стране насчитывалось 739 вузов, в которых обучались (включая заочные и вечерние отделения) 2 млн 396 тыс. человек. Выпуск 1961 г. составил 342,1 тыс. человек, из них более 120 тыс. получили различные инженерные специальности. К 1965 г. число высших учебных заведений достигало уже 756. В последующие годы их число еще более возросло.

В ходе советской модернизации весьма востребованными были

выпускники политехнических и ведомственных институтов. «Спрос» на инженеров и прочих специалистов по решению прикладных научно–практических задач и относительная открытость этого профессионального слоя сделали инженеров наиболее многочисленной частью советской интеллигенции.

Для политики советского государства в сфере науки важную роль играл принцип разделения научных исследований на фундаментальные и прикладные. В количественном отношении число специалистов, задействованных в решении прикладных задач, было гораздо более значительным. Важнейшими центрами фундаментальных научных исследований были различные учреждения Академии наук, ведомственные научно–исследовательские институты и университеты. Существовали также республиканские Академии наук (в каждой союзной республике, кроме РСФСР) и региональные академические отделения и центры. Так, в 1957 г. в Новосибирске было открыто Сибирское отделение АН СССР, а в 1987-м — Дальневосточное и Уральское.

Рассматривая науку в первую очередь как некий ресурс для решения своих различных внутри– и внешнеполитических задач в условиях полного огосударствления системы научных учреждений, власть применяла самые разные методы для направления научных исследований в нужное ей русло. С одной стороны, существовала достаточно разветвленная система поощрений ученых, в первую очередь денежных и материальных. Это в первую очередь Ленинские (учрежденные в 1925 г. и регулярно вручаемые с 1956 г.) и Сталинские (1940-1954; с 1967 по 1991 г. — Государственные) премии за выдающиеся научные исследования, различные надбавки (например, за ученые степени) и льготы. Успешное продвижение вверх по академической карьерной лестнице ученого, доказавшего свою нужность и «идеологическую правильность», рассматривалось как образцовый вариант социальной мобильности. Более того, государство могло позволить определенные «вольности» ученым, исследования которых имели принципиальное значение для решения тех или иных политических и общественных задач (П. Капица, Л. Ландау после 1953 г.). С другой стороны, практиковалась довольно жесткая система контроля и запретных мер, крайней формой которой были массовые аресты. В 1930 — начале 1950-х годов большое количество ученых, порой целые научные школы и направления, были с разными формулировками объявлены «ошибочными» или «вредительскими», а их представители были отстранены от научной деятельности, арестованы, отправлены в лагеря или расстреляны. Среди них были ученые с мировым именем, например, биолог Н. И. Вавилов и

экономист Н. Д. Кондратьев. Трагической страницей в истории отечественной науки стали разгром генетики и кибернетики, объявленных «буржуазными лженауками», кампания по борьбе с космополитизмом, жертвами которой стали представители и естественных, и гуманитарных наук, «дело врачей».

Насколько эффективной в целом была советская образовательная и научная политика? Наиболее очевидными оказались достижения в области естественных, точных и технических наук. В крупнейших научных центрах были созданы выдающиеся научные школы, получившие международное признание. Это относится в первую очередь к самым разным областям физики и математики. В значительной степени это связано с утилитарно–прагматическим отношением власти к научным исследованием. Поддерживалось то. что способно было привести к усилению «военной и экономической мощи страны». В случае необходимости в условиях жесткой централизации и планирования такая выборочная поддержка была, по мнению некоторых исследователей, весьма эффективной и позволяла добиться необходимого результата. Яркими примерами этого является «атомный проект» или развитие исследований в сфере космонавтики. Но поскольку в условиях бюрократической централизации набор приоритетных областей исследования определялся политической верхушкой, некоторые перспективные (даже с точки зрения потенциального практического применения) сферы научного исследования остались без внимания или оказались под запретом (например, генетика в конце 1940-х годов).

Борис Кустодиев. Профессор Петр Капица и профессор Николай Семенов. 1921 г. Музей–кабинет П. Л. Капицы

Важным индикатором научного развития и интернационального характера мировой науки являются с начала XX столетия Нобелевские премии (их дополняют премии Филдса по математике). Статистика и динамика изменения числа нобелевских лауреатов наглядно свидетельствует о смещении неформального центра научных коммуникаций и производства знания из Европы и Германии в Соединенные Штаты Америки. В этом плане СССР с восемью нобелевскими лауреатами советского времени (не считая премий по

литературе и премий мира) заметно и явно отставал в этом неформальном состязании умов.

В 1963 г. ректор Калифорнийского университета К. Керр поставил вопрос о трансформации в современном обществе прежних флагманов образовательной системы в «мультиверситеты» — многофункциональные и комплексные образования, весьма сильно отличающиеся от своих классических и средневековых прообразов. Запуск первого искусственного спутника Земли в СССР привел к принятию в США 2 сентября 1958 г. Закона об образовании в целях национальной обороны, согласно которому штатам и муниципальным образованиям были предоставлены значительные ресурсы и полномочия для продвижения качества и научного содержания образования.

Наряду с традиционно лидирующими богатыми частными университетами «Лиги Плюща» (Гарвардский, Колумбийский, Корнельский), а также Мичиганским и Чикагским университетами в первые десятилетия холодной войны благодаря продуманной и наступательной политике на рынке оборонных и промышленных заказов вперед вырвались также Массачусетский технологический институт и Стэнфордский университет. Важной основой сближения университетов с высокотехнологичным бизнесом в сфере научно–исследовательских и опытно–конструкторских разработок стал вступивший в действие в декабре 1980 г. закон Бэя–Доула, который пользуется репутацией «самого удачного закона, принятого в США за последние 50 лет». Согласно ему, сами университеты получили возможность учреждать коммерческие стартовые (start–up) компании на основе изобретений, научных разработок и технологий, запатентованных и лицензированных университетами. В то же время в начале 1980-х годов весьма острой была общенациональная дискуссия о качестве американского образования, где шла речь о перспективах утраты конкурентноспособности страны по сравнению с Японией, Германией и Южной Кореей.

Политические преобразования, связанные с распадом СССР, естественно, вызвали изменения и в сфере образовательной и научной политики как в Российской Федерации, так и в бывших союзных республиках. В целом эти преобразования можно охарактеризовать как сложное и в значительной степени хаотичное (особенно на территории России) взаимодействие элементов «старой» советской системы, оказавшихся даже в принципиально новых условиях достаточно живучими, с новыми «несоветскими». При этом последние были связаны как с попытками войти в глобальное образовательное пространство и

использовать опыт научно–образовательной политики зарубежных стран, так и с поисками принципиально новых оригинальных форм образовательной и научной деятельности, соответствующих изменившимся экономическим, политическим и социальным потребностям общества. В определенном смысле можно говорить о том, что основной тенденцией государственной политики в научно–образовательной сфере в Российской Федерации в 1990-е годы стал частичный уход государства из этой сферы.

Происходившие в средней школе изменения были связаны с провозглашенной еще в 1984 г. школьной реформой. Несмотря на заявленную масштабность, фактически основным результатом этой реформы стал переход на 11-летний срок обучения и частичный пересмотр школьных программ. В 1988 г. было объявлено о «новом курсе» школьной реформы, связанном с «отказом от тотальной унификации средней школы и всесторонней демократизацией и гуманизацией образования». При сохранении государственного контроля над средней школой — обязательный государственный образовательный стандарт, единая форма аттестата — самые разные участники образовательного процесса (регионы, школы, творческие коллективы, учителя) получили гораздо больше самостоятельности. Появились новые типы образовательных учреждений (гимназии, лицеи, колледжи). Стали возникать частные и общественные школы самого разного профиля и направленности. Появились новые предметы, новая учебная литература. Впрочем, доминирующей тенденцией для большинства средних школ в отношении содержания образования является порой весьма своеобразный синтез элементов советской образовательной традиции в качестве базовых и доминирующих с различными, порой причудливыми вкраплениями.

Схожие процессы разворачивались в сфере высшего образования. Здесь также был в значительной степени ослаблен государственный контроль. В ходе заявленных реформ появилось большое количество новых, в том числе частных, учебных заведений. Были созданы новые, в какой–то степени не имевшие аналогов ранее, учреждения, позволяющие получить образование по «новым» «несоветским» специальностям (компьютерные технологии, культурология, политология, теология). Высшее образование в этих условиях радикально демократизируется и теряет свой прежний статус, хотя профессиональное сообщество и государство пытаются поддерживать качество образования (например, в 1996 г. была введена система государственной аккредитации для частных вузов). Однако в непростых социально–экономических реалиях подчас реанимируются прежние бюрократические методы управления

образованием.

Уход государства из сферы науки, вызванный политическими, экономическими и идеологическими причинами, при сохранении в целом «советской» системы основных научных учреждений (Академия наук, ведомственные НИИ, университеты и вузы) привел к тому, что эта система стала давать очевидные сбои. Она была создана государством в ходе предшествующей политики в этой сфере и эффективно работала именно в условиях государственного патронажа (определения приоритетов, материальной поддержки, поддержания социального статуса). При изменении внешних условий функционирования требовались серьезные структурные сдвиги, для которых нужны были ответственная рефлексия и достаточное время. В силу недостатка того и другого изменения воспринимались достаточно болезненно. Это привело к упадку социального статуса науки, фактической стагнации или даже закрытию ряда научных учреждений и массовому оттоку из науки большого количества в первую очередь молодых специалистов. Впрочем, определенные возможности изменения или преодоления структурной инерции проявились уже в первой половине 1990-х годов. Для вполне конвертируемых в международное профессиональное научное сообщество успешных представителей точных, технических или естественных специальностей появилась возможность включения в работу международных научных коллективов и даже переезда для работы в крупных зарубежных научных и образовательных центрах, что впоследствии стало восприниматься в обществе как «утечка мозгов».

В мировом образовательном и исследовательском пространстве все большую важность приобретает мобильность, возможная в условиях совместимости учебных программ. Так, в европейской образовательной политике выделяют три этапа интеграции: первый, начавшийся регулярными встречами министров с начала 1970-х годов (1971-1983; включая «Программу действий в сфере образования» 1976 г.), второй, связанный с появлением крупных программ (COMME, ERASMUS), и третий, после подписания Маастрихтского договора (с 1992 г.), когда был запущен так называемый Болонский процесс. На встрече министров образования в Болонье летом 1999 г. был дан старт процессу формирования единого образовательного пространства, включающему студенческую и преподавательскую мобильность, зачет прослушанных курсов в университетах–партнерах, взаимное признание дипломов и аттестатов.

К концу XX в. меняются национальный и гендерный состав студенческого и научного кадрового корпуса. Рост числа университетов и

тенденции к превращению массового образования практически во всеобщее в ряде развитых стран приводит к формальному или неформальному выделению круга ведущих учреждений этого профиля в каждой стране.

*** * ***

В области естественных наук крупнейшим открытием первых десятилетий XX в. стала теория относительности А. Эйнштейна и проникновение в неизведанные ранее законы развития микромира и макромира (в том числе происхождения и устройства Вселенной). В математике были особенно важны открытия, связанные с проблематикой информации; в прикладном плане это было необходимо и в связи с развитием вычислительной техники и систем коммуникации. В области химии новые открытия позволили получить новые материалы (каучук, нейлон, пластмассы), использовать явление радиоактивности, открывать (в том числе синтезировать) новые элементы периодической таблицы Менделеева. Для биологии новая эра означала открытия генетики, роли ДНК, РНК и формулирование синтетической теории эволюции. Биология клетки и организма и успехи химии дали толчок развитию медицины, включая открытие антибиотиков и успешную борьбу с прежними опасными недугами и эпидемиями; появились возможности новых хирургических операций и трансплантации органов, начались исследования стволовых клеток и возможности клонирования живых организмов. Техника стала не просто прикладной областью науки, но первостепенной областью приложения ведущих научных сил — особенно в совершенствовании транспорта и двигателей, управлении энергетикой и каналами коммуникации. Мобилизации двух мировых войн сказались на знаниях о ресурсной среде обитания человека (геология, география), а прикладная сфера биологии усовершенствовала развитие сельскохозяйственных технологий в самых разных сферах (от почвоведения до переработки продуктов).

Значительную эволюцию в XX в. прошли в своем развитии знания о человеке и его мире. Конец Первой мировой войны сказался на перемене ценностных и мировоззренческих установок в области гуманитарных наук. Прежние упования на общность культурного горизонта населения Европы, незыблемое уважение прав личности и постепенный прогресс цивилизации — все это оказалось опровергнуто реальностью кровавых боев и

взаимными пропагандистскими кампаниями, обличающими культуру и науку «врага».

В области философии неокантианство сменилось новыми течениями, из которых особенно популярными были феноменологические учения Э. Гуссерля и М. Шелера, а также разными версиями философии жизни в духе Ф. Ницше или Г. Зиммеля. Прежний акцент на изучение теоретической логики наук о природе или наук о культуре сменился упором на непосредственный анализ событийности в рамках философии экзистенциализма (М. Хайдеггер, К. Ясперс в Германии), который во многом воспринимал и синтезировал феноменологические идеи и принципы, заложенные еще Дильтеем и Бергсоном в конце XIX столетия. Экзистенциализм был и философским, и литературным феноменом, который в середине XX в. особенно остро отражал мироощущение человека, в одиночку противостоящего вызовам и угрозам окружающего мира (и только на основе общности этого переживания с другими индивидами также способного и на коллективные действия).

Столкновением философских стратегий стал известный спор в швейцарском Давосе весной 1929 г., противопоставивший М. Хайдеггера и Э. Кассирера. Формально спор шел об интерпретации положений Канта, однако за этим стоял выбор в пользу широты историко–философского анализа, европейской либеральной традиции (Кассирер) или глубинного изучения оснований новоевропейской метафизики, чреватого фундаментализмом (Хайдеггер). Вступление Хайдеггера в НСДАП в 1933 г., уже после назначения Гитлера на пост рейхсканцлера, и его речь о самоутверждении немецкого университета стали символом тоталитарного помрачения немецкой мысли.

Политическая пристрастность философской мысли XX в. не сводилась, конечно, к правым, фашистским или нацистским устремлениям. Так, Б. Кроче и Д. Лукач развивали в межвоенную эпоху идеи Гегеля в либеральном или левом ключе, и их мысль нашла во второй половине XX столетия немало приверженцев, в том числе и благодаря А. Кожеву. Материалы парижских лекций этого русского эмигранта, в свое время близкого к левым евразийцам, в самом конце 1930-х годов также открывали французской и европейской публике нового Гегеля и интерпретировали идеи и ключевые положения «Феноменологии духа» в духе экзистенциализма. Философия отчуждения Лукача, постулаты марксистской критики товарного фетишизма, социологический анализ массовой культуры и эмансипационное толкование психоанализа легли в основу теоретических представлений теоретиков Франкфуртской школы (Т.

Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Э. Фромм). Совершенно уникальным в этом кругу веймарских интеллектуалов был опыт В. Беньямина, соединявшего еврейский мессианизм с приверженностью к марксистскому материализму. Влияние феноменологии Гуссерля, а также опыт построения «истории искусств без имен» (Г. Вёльфлин) вместе с художественным опытом авангарда позволили состояться крупнейшей новации в литературной теории XX в. — русскому формализму в том виде, как он сложился в петроградском Обществе изучения поэтического языка (ОПОЯЗ; В. Шкловский, Ю. Тынянов, Б. Эйхенбаум) и Московском лингвистическом кружке (Р. Якобсон, Г. Винокур). Хотя формализм ориентировался на левую эстетику, а поклонники американской «новой критики» в 1920-1940-е годы исповедовали более консервативные художественные и политические взгляды, но и те и другие формировали базовые для структуралистской эстетики и литературной теории принципы восприятия автономного произведения словесного искусства. Идеи Франкфуртской школы, взгляды Брехта и теории формализма отразились на формировании самосознания и концептуального инструментария гуманитарных наук 1960-х годов, на которых особенно сказалось влияние «новой левой» историографии США. В истории искусства аналитические установки истории духа или социологии культуры все же не смогли превзойти достижений Э. Гомбриха, а также «иконологического подхода», предложенного Э. Панофским и его соратниками, опиравшимися на наследие А. Варбурга и Гамбургского института истории искусств (после 1933 г. он переехал в Лондон).

Для творческой атмосферы в гуманитарных науках 1920-1940-х годов важным было влияние диаспор: если в российской возобладали идеи сохранения культурной и национальной идентичности, то в немецкой и австрийской эмиграции (главным образом в Америке и Великобритании) победила установка на творческую трансформацию прежних принципов и взаимодействие с либеральной и прагматической традициями принимающих стран. Для середины века был характерен переход через национальные и дисциплинарные границы, особенно в рамках общих идейных течений (феноменология, гештальт–психология или утвердившийся в Чехословакии усилиями деятелей пражского лингвистического кружка структурализм, развитый в США Р. Якобсоном, К. Леви–Строссом и отчасти Э. Кассирером). Другим примером успешного идейного трансфера стала эволюция взглядов теоретиков «Венского кружка» в США — там наследие позитивизма Э. Маха стало основой логического эмпиризма. Вместе с идеями Л. Витгенштейна и К. Поппера

именно эта эпистемология стала в 1940-1960-е годы господствующей и для естественных, и для гуманитарных наук, в особенности ориентированных на запросы «научности» и «актуальности».

Социальные и гуманитарные науки в структуре советского режима должны были в первую очередь выполнять идеологическую функцию, и контроль политической власти над ними был гораздо более жестким. Кроме того, считая их более «понятными», представители политической верхушки считали себя вполне компетентными, чтобы напрямую вмешиваться в научные дискуссии и высказывать свое мнение, которое приобретало статус «истины в последней инстанции». В результате о существенных в мировом научном контексте достижениях советской гуманитарной науки можно говорить или по отношению к периоду становления государственной системы контроля над наукой, т. е. к 1920-м годам (например, формальная школа в литературоведении), либо по отношению к достаточно маргинальным с точки зрения государственно–бюрократического контроля областям исследования. Ярким примером в этом отношении является получившая широкое признание в 1970-е годы теория карнавальной культуры, созданная М. М. Бахтиным, с точки зрения советской академической иерархии бывшим «всего лишь» преподавателем педагогического института в Саранске. Чем более специализированными и профессионализированными (или эмпирически ориентированными) были научные направления, тем в большей степени им удавалось «спрятаться» от непосредственного государственно–идеологического контроля. Ярким примером такого бегства от контроля служит знаменитая московско–тартуская семиотическая школа, формирование которой началось в 1960-е годы.

Процессы осовременивания происходили в разных дисциплинарных и национальных сообществах с несовпадающей скоростью, на что влияли и политические, и культурные факторы. Расширение экспериментальной и источниковой базы исследований, математизация понятийного аппарата, запрос на экспертное измерение общественных процессов или оптимизацию государственного управления особенно затронули социальные дисциплины. В экономической науке влияние политических установок было вполне очевидным. В Европе и США подходы, сформулированные Дж. М. Кейнсом, стали рецептом трансформации капитализма (особенно в программе «Нового курса» Ф. Д. Рузвельта). В Австрии межвоенного времени Ф. фон Хайек и Л. Мизес предложили более либеральную модель саморегуляции экономики, сводящую к минимуму вмешательство государства. Применение кибернетических идей и

подходов, внедрение теории игр и новое понимание экономической рациональности сформировало — усилиями выходцев из Германии и Австрии в эмиграции — основные постулаты современной экономической теории. По отношению к ним прежние принципы «исторической школы», неорикардианства или экономико–антропологические штудии (К. Полани) отошли на второй план, как и экономические теории рыночного социализма, особенно популярные в Польше и Чехословакии в 1950-1960-е годы. В свою очередь, взгляды М. Фридмена на стратегии регулирования экономики стали основой и неоконсервативного поворота М. Тэтчер и Р. Рейгана, и посткоммунистических реформ в Восточной Европе и Советском Союзе после «бархатных революций» 1989-1991 г.

Господствующим течением гуманитарного знания в 1960-1970-е годы стал структурализм (благодаря лингвистическим трудам Р. Якобсона, этнологическим работам К. Леви–Стросса и философии М. Фуко). Именно тогда эксплицитно оформилось противостояние базовых познавательных и гуманитарно–научных установок, которые можно обозначить как аналитическую и герменевтическую. Эти академические стратегии также были составными частями, соответственно, сциентистских и антисциентистских идейных комплексов. Неслучайны прямые переклички по обе стороны железного занавеса: споров «физиков» и «лириков» в СССР периода оттепели и дискуссий об идее «двух культур» Ч. П. Сноу в Великобритании. И в том, и в другом случае речь шла о новом измерении субъективности, о растущей роли техники и искусственного интеллекта, об ответственности ученого. Герменевтика Х. Г. Гадамера (с ее явными консервативными истоками) и критическая теория Франкфуртской школы в Германии и США явно тяготели к антисциентизму и выделению деятельностного начала в базовых познавательных подходах. В противовес этому в американской социологии, например, мейнстримом до конца 1970-х годов оставался структурнофункциональный подход. Этот круг идей, связанный с именем Т. Парсонса и Р. Мертона, соотносился современниками с кибернетическими идеями Н. Винера и установками системного подхода (его пионером считают биолога Л. фон Берталанфи). Речь шла о поиске общей методологии для прикладных дисциплин, технически совершенных и в идеале алгоритмизированных. Социальные науки во второй половине XX в. стали своего рода «третьей силой» между господствующими естественными и традиционными гуманитарными дисциплинами. Но и для них оставалась важной проблема увязки общей социальной теории (например, идей М. Вебера и Э. Дюркгейма) и прикладных социальных исследований, включая опросы, обработку

данных и т. д. Для исторической науки XX в. также характерно усиление внимания к социальным детерминантам постижения прошлого — и во французской школе «Анналов», и в американской историографии (где немалую роль играет и интерес к географическим параметрам эволюции обществ), и в немецких версиях описания «структурной истории», преимущественно ориентированной на постижение индустриального мира. Впрочем, в этой дисциплине сохраняется и влияние разных форм интеллектуальной истории, в частности истории ментальностей и истории понятий (с 1970-х годов, особенно в Германии).

В психологии межвоенные исследования в духе бихевиористской традиции или гештальт–психологии были дополнены марксистскими подходами (Л. С. Выготский и С. Л. Рубинштейн в СССР). С одной стороны, важной чертой развития психологии стала связь ее с потребностями позднемодерного общества (практики тестирования, применение шкал и количественных методов, психология труда в рамках фордизма). С другой стороны, для растущей популярности и академического признания психологии решающими были и социокультурные факторы (для разных версий психоанализа Фрейда и его последователей или для гуманистической психологии, ориентированной на терапию). С практикой обучения и деятельностью постверсальских международных образовательных организаций была связана педагогика развития швейцарского ученого Ж. Пиаже, так же как открытия таких антропологов, как Б. Малиновский, М. Мид и К. Леви–Стросс соответствовали трансформациям колониального мира и послевоенной деятельности ЮНЕСКО. Для самосознания науки, отличавшегося отпозитивистскихмоделей в духе Венского кружка, в 1940-1960-е годы были особенно значимы работы Г. Башляра, Ж. Кангийема (повлиявших на мировоззрение М. Фуко), антропологические подходы М. Полани и Л. Флека. Вместо привычной позитивистской версии непрерывного кумулятивного развития науки была предложена идея прерывистого и неравномерного накопления научного знания («Слова и вещи», «Археология знания» М. Фуко; «Структуры научных революций» Т. Куна).

1960-е годы стали временем постепенного признания марксизма как направления гуманитарных исследований. Если раньше последовательные левые или марксисты в западном научном сообществе обычно принадлежали к числу историков–экономистов (как М. Добб, Р. Тоуни в Великобритании) или политически ангажированных естествоиспытателей (как химик Дж. Бернал), то теперь число марксистов росло во всех академических дисциплинах. В противовес экзистенциалистскому

марксизму Ж. — П. Сартра и Р. Гароди в середине 1960-х годов немалой популярности во Франции и в Великобритании достиг структуралистский марксизм Л. Альтюссера, который, как и влиятельный британский историк рабочего класса Э. П. Томпсон, предостерегал от чрезмерного увлечения марксистов идеями отчуждения в противовес анализу объективных экономических или политических отношений. Субъективные составляющие марксистского мировоззрения и внимание к культурной эмансипации, помимо сторонников Франкфуртской школы, по разные стороны «железного занавеса» оказались общими для авторов югославского журнала «Праксис» или сторонников идей, изложенных в «Тюремных тетрадях» А. Грамши еще в 1920-1930-е годы. В СССР в условиях оттепели в рамках неофициального марксизма можно найти и элементы критики сциентизма (Э. Ильенков и М. Мамардашвили), и противоположные по духу попытки аналитического переопределения марксистской философии (А. Зиновьев и Г. Щедровицкий). С 1970-х годов многие элементы марксистской критики позитивизма получили развитие в подходах так называемой социальной эпистемологии, а также в критике своего рода самодовольства господствующего научного мировоззрения. Приметой интеллектуального климата 1980-х и 1990-х годов стало распространение идей постмодернизма; прежние устойчивые «большие нарративы» в среде гуманитарных наук были подвергнуты разнообразной критике со стороны адептов бурно развивающихся постколониальных, феминистских и гендерных исследований. Важной чертой изменения общего интеллектуального пейзажа стало внимание к экологической проблематике на стыке естественнонаучных и гуманитарных подходов.

В контексте холодной войны мирное применение атомной энергии (запуск электростанций на основе ядерных реакторов с середины 1950-х годов в СССР) и освоение космоса (запуск спутника Земли, полет Ю. Гагарина и высадка американцев на Луну) могли расцениваться как побочные моменты развития военного потенциала соперничающих сверхдержав, однако эти величайшие достижения существенно продвинули вперед научно–техническую мысль, несмотря на режим секретности и атмосферу состязания двух антагонистических социально–политических систем.

Стартовая площадка для запуска космических ракет на мысе Канаверал. 1962 г. РГАКФД

Ответом на рост военной напряженности и угрозу гибели цивилизации стали попытки самих ученых наладить формы сотрудничества и взаимопонимания, несмотря на «железный занавес», в духе классического интернационализма, с учетом социальных и политических вызовов современности. Одним из примеров таких начинаний стало инициированное А. Эйнштейном, Б. Расселом («Манифест Рассела–

Эйнштейна» 1955 г.) и поддержанное канадским филантропом и предпринимателем С. Итоном Пагуошское движение ученых за мир и предотвращение ядерной войны. Оно объединило ученых разных стран, включая СССР и его союзников (заслуги активистов движения оценены Нобелевской премией мира в 1995 г.). Другим примером независимой экспертной работы наиболее квалифицированных ученых разных специальностей стало создание в конце 1960-х годов при содействии итальянского предпринимателя А. Печчеи «Римского клуба», положившего начало компьютерному моделированию и обсуждению глобальных экологических и социально–экономических проблем. Параллельно в этой работе по оценке перспектив безопасности активно участвовали специальные общественно–правительственные или научные организации крупнейших стран — такие, как RAND-корпорация в США или Институт мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР (в период, когда во главе его стояли Е. С. Варга и Н. Н. Иноземцев). По инициативе СССР и США в 1978 г. в нейтральной Австрии близ Вены был создан специальный Институт прикладного системного анализа, где экономисты, математики, биологи и специалисты по информатике и высоким технологиям из указанных двух стран и других регионов мира должны были обсуждать проблемы междисциплинарного познания ключевых тенденций современного природного и общественного развития (на основе идей «системного анализа» Л. фон Берталанфи).

Для послевоенного мира и во второй половине XX в. наиболее крупными общественно–мобилизационными кампаниями, связанными с негативными влиянием политики на свободу научного творчества, стали так называемая борьба с космополитизмом в СССР (дополненная разгромом генетики), атаки маккартистов в прессе, университетах и лабораториях США против мнимых проводников «антиамериканской деятельности» на волне шпиономании в 1950-е годы, и культурная революция в Китае конца 1960-х годов. Во время этих кампаний многие ученые вынуждены были сменить тему и масштаб своих работ, покинуть рабочие места и кафедры или даже оказаться за решеткой (в социалистических странах).

Студенческие волнения и бунты 1968-1969 гг. стали свидетельством кризиса прежней академической системы и привели в результате к серьезному расширению доступа к высшему образованию для непривилегированных слоев и переменам в содержании и стандартах гуманитарной подготовки.

Относительная стабилизация международной ситуации второй

половины 1960-х годов (несмотря на войну во Вьетнаме) позволила ставить вопросы об общей интеллектуальной динамике развития и общих характеристиках развития стран разного социально–политического строя. Важнейшим таким понятием стал концепт «научно–технической революции» (вместе с «научно–техническим прогрессом») — именно они позволяли обсуждать в странах Восточного блока темы модернизации, роли интеллектуалов, значимости так называемого «духовного производства» и даже конвергенции двух систем без риска быть обвиненным в ревизионизме или отступлении от марксистско-ленинской доктрины. Примерно с начала 1980-х годов утопические надежды на немедленный и прямой эффект от социального внедрения научных достижений сменяются осознанием сложной и неравномерной динамики мирового интеллектуального развития (проблематика образования в разных странах и регионах мира была тут особенно важна). Тематика научно–технической революции сменяется анализом экономики знаний и факторов формирования глобального общества знаний.

Одной из форм общественно–политического признания значимости науки становится та роль, которую играли в западном мире с 1920-х годов А. Эйнштейн или Б. Рассел, а также в условиях холодной войны Ж. — П. Сартр или А. Д. Сахаров с 1960-1980-х годов; важным элементом их высокой репутации была и способность критики существующих порядков. Наука в XX в. продолжает быть не только частью массовой культуры (это проявляется в растущей сети музеев и парков науки и техники по всему миру). Широчайшее распространение получает такой жанр, как научная фантастика в кино и литературе. Нередко талантливые писатели–фантасты сами выступают не только как популяризаторы или энтузиасты истории науки, но и как вдумчивые мыслители и эссеисты, размышляющие об этических дилеммах и «последних целях» научного поиска (как А. Азимов, Р. Брэдбери или С. Лем).

В ходе напряженных, порой весьма болезненных и эклектических «поисков себя» научным сообществом постсоветских гуманитариев после 1991 г. (с обращением к самым разным интеллектуальным и научным традициям, от русской религиозной философии начала XX в. до теории этногенеза Л. Н. Гумилева) в качестве наиболее продуктивного варианта развития был выбран путь освоения основных достижений западной науки и встраивания в международное научное сообщество, т. е. фактически те же ориентиры, что оказались значимы и для естественных и точных наук. Однако потребовался длительный период, растянувшийся фактически на все последнее десятилетие XX в., когда на русский язык, остававшийся

основным (а для многих и единственным) для многих российских ученых–гуманитариев, были переведены и изданы огромными тиражами не доступные ранее работы многих классиков мировой гуманитарной и общественной мысли от Т. Парсонса до Ж. Делёза. Одновременно с этим в сфере гуманитарных наук формируется система научных стажировок, проведения масштабных международных мероприятий, совместных проектов, участия в международных грантовых программах (наиболее масштабной была российская программа Института открытого общества — фонда Дж. Сороса). Появляются и собственно российские фонды (как частные, так и государственные), поддерживающие грантами научные исследования.

Тема устойчивого развития человеческой цивилизации не сошла с повестки дня и после окончания ядерного противостояния главных военных блоков и свертывания холодной войны в конце 1980-х годов. Важнейшей общепланетарной проблемой стала экологическая угроза — поскольку и глобальное потепление, и ухудшение озонового слоя Земли, и освоение мировых лесов и океана, и техногенные аварии затрагивают примерно в равной степени все человеческие сообщества, независимо от степени их экономического и финансового благополучия. Наряду с экономическим, культурно–географическим (по линии «Север–Юг») и гендерным неравенством и перспективами исчерпания ресурсов эти темы остаются одними из насущнейших для научных и политических споров XXI в.

Религия, государство и общество

Религии и секулярность в XX веке

Главным нервом истории религий в XX в. было столкновение их с радикальными формами секуляризма и связанными с ними политическими религиями (особой сакрализацией идеологии, движения или политического режима, предполагающей мифологизацию как ключевой организации / партии, так и основных положений соответствующей идеологии). Политическая религия настаивает на своем эксклюзивном характере, отрицая как иные идеологии или движения, так и автономию индивида; это неминуемо приводит ее к столкновению с традиционными религиями. «Она либо стремится полностью их уничтожить, либо пытается установить с ними отношения символического сосуществования, инкорпорировав традиционную религию в собственную систему мифов и верований и отведя ей чисто инструментальную и вспомогательную роль», — писал итальянский исследователь фашизма Э. Джентиле.

Таким образом, одной из существенных проблем изучения истории религий в XX в. является вопрос о различении тех процессов, которые были обусловлены естественным развитием обществ, и тех, что определялись действиями политических режимов, носивших по сути насильственный характер, радикально изменявших социальную и культурную ткань общества и проявления религиозности, которые были глубоко вплетены в эту ткань.

Нет сомнений, что процесс секуляризации (первоначально это слово обозначало изъятие церковного имущества и земель в пользу государства) в XX в. приобретал новые черты. Начавшаяся на заре Нового времени, как переосмысление роли традиционных институтов и роли церкви в жизни западноевропейского общества в контексте формирования буржуазного общества, национальных государств и бурного развития науки, секуляризация привела к формированию общества, в котором сосуществуют как различные религиозные убеждения, так и религиозное безверие и сомнение. Приобщение людей к достижениям науки и культуры (просвещение) считалось залогом общественного развития и противопоставлялось традиционному религиозному мировосприятию. На уровне индивидуального и массового сознания происходил тот процесс,

который известный немецкий социолог и историк М. Вебер назвал «расколдовыванием мира». Речь шла прежде всего о вытеснении религии из общественной и политической сферы, объявления ее «частным делом» индивида. Однако здесь таилось и противоречие: последовательно проводимая секуляризация общественной жизни сама вторгалась в область частных верований, навязывала себя как единственно возможный образ мысли. В XIX-XX вв. существенным фактором «естественной» секуляризации было разрушение под воздействием объективных социальных процессов традиционных сообществ, общин, большой семьи, которые ранее были основной социальной базой традиционных религий.

Однако в XX в. — как никогда ранее — мощными движущими силами секуляризации выступили государственные системы (подробнее об этом ниже). Если и ранее, в XVII—XVIII вв. государства были готовы прибегать к репрессивным мерам по отношению к религиозным институтам, преследуя свои прагматические цели (например, изгнание ордена иезуитов из ряда европейских стран), то теперь речь шла не об уничтожении тех или иных религиозных институтов, а об искоренении религиозной традиции как таковой.

Для XX столетия были характерны две секуляризационные модели: американская, демонстрирующая терпимость по отношению к различным религиозным убеждениям и предлагающая религиозным институтам действовать в рамках системы свободной конкуренции, и модель, возникшая под влиянием французского Просвещения, враждебно относящаяся к публичным проявлениям религии. Эта враждебность может быть относительно мягкой, как в современной Франции, где любые религиозные действия или символы неукоснительно исключаются из политической жизни, но частная религиозность охраняется законом. Жесткий вариант французской секуляризационной модели в XX в. продемонстрировали государства коммунистического типа.

Вместе с тем XX в. показал иллюзорность порожденной эпохой Просвещения и широко распространенной в XIX столетии идеи о неизбежности полной секуляризации общества и сознания. Возникла концепция десекуляризации, которая описывает процесс возвращения религии в общественную, публичную, медийную сферу. Ее сформулировал крупный американский социолог и теоретик П. Бергер. Речь в этом случае не идет о механическом возвращении к Средневековью, к тому положению, какое религия занимала в частной и общественной жизни в ту эпоху, а о принципиально новом явлении, которое показывает жизнеспособность религии и в новых условиях модерного мира. Все более отчетливо

наблюдаемые процессы десекуляризации показывают, что конфликт между рационально–научным взглядом на мир и «иррационально» — религиозным, который был характерен для рубежа XIX-XX вв., исчерпан. Общество как на частном, так и на публичном уровне готово примирить эти взгляды.

Одновременно Новейшее время демонстрировало процессы трансформации традиционных религий или отдельных религиозных практик в модерные конструкты, например, в маркер идентичности — национальной, культурной, групповой. Примером такой трансформации могут служить ситуации, когда люди, заявляющие о своем личном неверии в Бога, называют себя православными (Россия) или считают себя членами национальной церкви (Швеция), или участвуют в паломничестве к религиозно почитаемым объектам (Испания). В XX в. религии нередко оказывались вовлечены в процесс конструирования идентичности политических наций, что особенно ярко можно было наблюдать на примере государств Восточной Европы. Это, однако, вело не только к консолидации на религиозной основе, но и к включению религиозного фактора в политические и национальные конфликты. В современной историографии остается дискуссионным вопрос о соотношении тех или иных религиозных традиций (в частности, православия) и национализма. Согласно одной гипотезе, восточноевропейские Православные церкви были склонны к тому, что можно назвать «сакрализацией нации/национального государства» вследствие унаследованного из византийской традиции «цезарепапизма» (объединения в одних руках светской и церковной власти) или, в другой интерпретации, концепции «симфонии» (слияния) между церковью и государством. С точки зрения других исследователей, православная традиция, в силу ряда внешних обстоятельств, оказалась не подготовлена к встрече с вызовом модерного национализма, и поэтому Православные церкви стали скорее пассивными участниками процесса конструирования национальной идентичности.

Религии и государства

Так или иначе, главный вызов религиям в XX в. был брошен государствами и сконструированными ими политическими религиями. При этом он сопровождался невиданным насилием не только в отношении священнослужителей, но и масс верующих. Фактически речь шла о новом витке секуляризационного движения, но в данном случае — о

насильственной секуляризации. Наиболее показательным примером в этом отношении является СССР.

В процессе захвата власти в России большевики декларировали веротерпимость и право каждого выбирать свои убеждения. Эта политика сознательно противопоставлялась имперскому прошлому, в котором Православная церковь (согласно коммунистической пропаганде) была «служанкой самодержавия» и участвовала в преследовании инакомыслия и иноверия. Идея создания льготных условий национальным и религиозным меньшинствам как пострадавшим от «царизма» ярко выражена в идеологии первых лет советской власти. В «Декларации прав народов России» (2 ноября 1917 г.) отменялись все национальные и национально–религиозные привилегии и ограничения, а в «Обращении к трудящимся мусульманам России и Востока» «верования и обычаи, национальные и культурные учреждения» объявлялись «свободными и неприкосновенными».

Нормативно–правовым актом, определившим на законодательном уровне политику советского государства, стал «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах» (20 января 1918 г.; опубликованный затем и вошедший в историю под названием «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»). Декрет объявлял полную свободу совести, равенство всех религий перед законом, запрещал упоминание вероисповедной принадлежности в официальных документах. Одновременно декрет продемонстрировал жестко секулярную направленность новой власти: декрет лишил «церкви и религиозные общества» прав юридического лица и собственности, запретил преподавание религии в общеобразовательных учебных заведениях, запретил церковную благотворительность. Советское законодательство после опубликования декрета больше не использовало понятие «церковь». Уже в этом декрете из церковных институтов назывались только «церковные и религиозные общества», подчиненные «общим положениям о частных обществах и союзах». Этот документ вызвал удовлетворение представителей других конфессий России, поскольку лишал Православную церковь ее традиционных привилегий. Вместе с тем национализация имущества религиозных объединений, в том числе культового, значительным числом верующих была воспринята как кощунство.

При этом советская власть отказалась вести диалог с церковью, не признала права церквей на внутреннюю автономию, создавая тем самым предпосылки для вмешательства в их внутреннюю жизнь. Декрет и последовавшие за ним документы свидетельствовали о начале системной

борьбы с влиянием религиозных институтов. Политика в отношении религии показывает стабильное расхождение теоретических марксистских концепций и практических большевистских мер. Одновременно в этой сфере на протяжении всего советского периода особенно четко видна разница между пропагандистскими установками, спускаемыми сверху, и их пониманием и реализацией на местах. Если теоретические постулаты предполагали терпимое отношение к проявлениям религиозности и акцент в борьбе с ними делали на атеистическом просвещении, то на практике преобладала тенденция к насильственному вытеснению религиозных символов и их носителей. Формирующаяся политическая религия утверждала свое превосходство над старыми религиозными традициями через их унижение, противопоставляя их ритуалам и практикам собственные культы, ритуальные действия, своих жрецов и свои святые места. Коммунистическая агитация использовала многие формы, сложившиеся в христианском культе, меняя при этом их содержание. В работах исследователей общим местом стали сопоставления демонстраций с крестными ходами, посещение мавзолея — с паломничествами к святым местам, портретов и бюстов вождей — с иконами, революционных песен — с молитвами и т. п. Формирование культа В. И. Ленина началось еще при его жизни; его личность стала обрастать типичными чертами сверхчеловека–божества.

В начальный период острие борьбы было направлено против Православной церкви, которая осознавалась советской властью как опасный политический противник и конкурент в борьбе за сознание православного населения России. К концу Гражданской войны большевистское руководство воспринимало Церковь как враждебную контрреволюционную организацию, которую необходимо обезвредить в ближайшее время. Систематический характер антицерковные акции приобрели с марта 1922 г., когда в ходе развернувшейся кампании по изъятию церковных ценностей советское руководство поставило задачу уничтожения Православной церкви как сколько–нибудь значимого общественного института. В ходе этого наступления с небывалым до этого размахом стали использоваться такие рычаги давления на церковь и верующих, как репрессии, поощрение внутрицерковных разделений (в частности, так называемого обновленческого раскола — движения, возникшего после Февральской революции 1917 г., вставшего в оппозицию к патриарху Тихону; просуществовало до середины 1940-х годов) и массированная антирелигиозная пропаганда. Фактически эти цели и методы претворения их в жизнь сохраняли свою актуальность до конца

1930-х годов. Современными исследователями обнаружены и в значительной степени опубликованы документы, свидетельствующие о том, как партийными и карательными органами обсуждались и реализовывались соответствующие мероприятия.

В 1929 г. было принято новое законодательство — постановление ВЦИК и СНК РСФСР и других союзных республик «О религиозных объединениях», которое жестко ограничивало их жизнь сферой «отправления культа» и прямо запрещало любую хозяйственную, благотворительную и образовательную деятельность. Это постановление с некоторыми поправками оставалось в силе до 1990 г. Принятие постановления «О религиозных объединениях» означало начало нового витка преследования духовенства и верующих. К этому моменту Российская церковь подошла ослабленной предшествовавшей антирелигиозной политикой: в ней существовало несколько расколов, появление которых было во многом инспирировано тайной политикой власти, около 60% ее епископов было репрессировано или удалено со своих кафедр в административном порядке, власти препятствовали созыву Поместного собора и выборам нового Патриарха, поэтому с 1925 г. Церковью управляли местоблюстители Патриаршего престола. Начиная с 1929 г. репрессивная политика касалась уже не только православных и католиков — как в основном было в 1920-е годы, — но всех религиозных объединений страны: теперь массированно преследовались мусульмане, протестанты, иудеи, т. е. те религиозные традиции, которые ранее были терпимы как проявления национальных особенностей соответствующих народов.

В 1929-1931 гг. наступление на Православную церковь и другие религиозные организации страны шло в рамках коллективизации сельского хозяйства. Поскольку насильственно «коллективизированное» крестьянство автоматически считалось местными властями «неверующим», сельские церкви и молитвенные здания закрывались в массовом порядке без соблюдения даже минимальных формальностей. В этот период в разных частях страны были закрыты от 40% до 90% действовавших ранее православных церквей. Одновременно в течение 1930-х годов на Церковь обрушились несколько волн репрессий, наиболее разрушительной из которых была волна, совпавшая с годами большого террора. Только по самым общим подсчетам, к концу 1930-х годов было репрессировано более 300 тыс. представителей православного духовенства и верующих, из которых не менее трети были расстреляны. Параллельно в 1937 г. местные власти начали массированную кампанию закрытия еще существовавших

церквей.

Вместе с политикой прямого террора и административных притеснений и в 1920-е, и в 1930-е годы в СССР проводилась политика социальной сегрегации духовенства и верующих. Согласно нормам уже первой советской Конституции 1918 г., духовенство было лишено как активного, так и пассивного избирательного права, т. е. попадало в категорию «лишенцев». Помимо ущемления политических прав это означало ограничение в праве на образование детей (прежде всего на высшее образование), повышенное налогообложение (до 75% заработка священнослужителя) и повышенные ставки коммунальных платежей, ограничение прав на социальное обеспечение, часто — выселение семей из крупных городов. С введением в стране в начале 1930-х годов карточной системы лишенцы не получали продовольственных и промтоварных карточек, что для многих грозило голодной смертью. Верующие не могли свободно посещать даже немногие оставшиеся храмы, в том числе потому, что с началом индустриализации была введена 5-дневная (в других случаях 10-дневная) рабочая неделя с плавающим графиком выходных, и воскресенье перестало быть постоянным выходным днем.

Однако чисто административные меры против религии и насильственное закрытие церквей не могли покончить с верой многих миллионов граждан СССР. Это со всей отчетливостью проявилось уже в середине 1930-х годов. В 1936 г. в ходе обсуждения новой Конституции страны, провозгласившей построение в СССР социализма и в связи с этим отменившей ряд дискриминационных положений предыдущего советского законодательства, заметно возросла активность духовенства и верующих, которые теперь в обоснование своих прав ссылались на новые положения Основного закона страны. В ходе подготовки к выборам в Верховный Совет СССР, которые по новой Конституции были прямыми и всеобщими и должны были впервые состояться в декабре 1937 г., верующие во многих местах попытались выдвинуть своих кандидатов для участия в выборах или же просто во всеуслышание заявляли о своих попранных правах, требовали открытия церквей и т. д. Проведенная в январе 1937 г. всесоюзная перепись населения дала скандальные, с точки зрения власти, результаты: более 50% жителей Советского Союза, участвовавших в переписи, назвали себя верующими, и 75% из них — православными.

Сама церковная жизнь после закрытия церквей ни в коей мере не прекращалась, хотя и претерпевала ощутимые изменения. Изгнанные из обителей монахи и монахини в большинстве продолжали вести монашескую жизнь, рассеявшись по деревням и маленьким городам.

Члены приходов, лишившихся своего храма, часто продолжали собираться вместе и в доступной им форме совершать богослужения (в частных домах, в лесах, у почитаемых природных объектов, например, родников). Часто происходили категорически запрещенные советским законодательством крестные ходы по полям, продолжали совершаться паломничества к почитаемым святыням — как правило, закрытым монастырям и церквам, где когда–то хранились чудотворные иконы и мощи святых. По подсчетам, сделанным в 1940-е годы, число участников крупнейших из таких ежегодных паломничеств (к бывшей Курской Коренной пустыни, в с. Великорецкое в Кировской области, к Светлому озеру в Горьковской области и др.) достигало нескольких тысяч человек в каждом случае.

Преследования верующих, развернувшиеся в Советском Союзе, были беспрецедентны по своему размаху. Однако и в других частях света в XX столетии происходили столкновения между различными политическими режимами и религиозными объединениями, которые порой принимали форму настоящих гонений. Жесткие преследования в отношении Католической церкви развернулись в Мексике, где в 1917 г. была принята новая антиклерикальная конституция, лишавшая ее собственности и — что было особенно болезненно — права преподавания вероучительных дисциплин в школе. Радикализм мексиканских правительств левой ориентации привел к вооруженному восстанию «кристерос» (от испанского произношения имени Христа; 1926-1929), фактически — к религиозной гражданской войне. Однако преследования духовенства и верующих продолжались и по ее окончании, вплоть до 1940 г. В послевоенный период преследования как против христиан, так и против мусульман развернулись в коммунистической Албании. Особенно активные гонения развернулись в 1967-1969 гг. Религиозное имущество национализировалось, церкви, монастыри и мечети разрушались. Запрещалось давать христианские и мусульманские имена детям. В ноябре 1969 г. Албания была официально провозглашена первой в мире атеистической страной. В конце 1970-х годов было объявлено об окончательном искоренении всех религиозных предрассудков. Православная церковь Албании была фактически уничтожена. В живых осталось около 15 священников.

В Китае во второй половине XX в., после провозглашения атеизма государственной идеологией, религия также подверглась целенаправленным преследованиям, которые затронули как традиционные китайские верования, так и буддизм, все конфессии христианства и ислам. В период «культурной революции» (1966-1976), в ходе которой было объявлено о необходимости избавиться от всех старых обычаев и идей, а

также форм общественной жизни, была развернута радикальная борьба с религиозными институтами. Искоренялись любые проявления религиозности: было уничтожено множество храмов и иных культовых построек и скульптур, монахи были изгнаны из монастырей, подверглись репрессиям служители церквей, были осквернены и пришли в запустение священные места. Исследователи, в свою очередь, были лишены возможности заниматься изучением проблем, связанных с религией. Даже из Национального Пекинского музея исчезли многочисленные статуи Будды. В Тибете, который в 1951 г. оказался под контролем Китая, и в Синьцзян–Уйгурском автономном районе (северо–запад Китая) борьба с буддистскими в первом случае и исламскими во втором случае религиозными институтами шла в контексте борьбы с проявлениями местного сепаратизма. Только с 1980-х годов в Китае стала постепенно возрождаться религиозная жизнь. ЦК Коммунистической партии Китая объявил о свободе вероисповеданий, обратил внимание на защиту объектов религиозного назначения, имеющих историческую ценность. В 1980 г. Госсоветом КНР был принят нормативный документ о полном восстановлении прав собственности религиозных объединений на ранее принадлежавшие им объекты недвижимости и о возвращении зданий, занятых в период «культурной революции», христианских храмов, буддистских кумирен, даосских храмов и др. их первоначальным владельцам.

Параллельно с репрессивной политикой государственная власть в СССР нащупывала рычаги подчинения религиозных институтов собственному контролю и использования их в своих интересах — как внутренних, так и внешнеполитических. Эпизодически такие поиски предпринимались уже в 1930-е годы (например, в рамках противодействия международной кампании в защиту верующих в СССР в 1930 г.), но стали особенно интенсивны с началом Второй мировой войны. Это привело к созданию нового баланса между государством и религиозными институтами. В 1943 г. после 18-летнего перерыва состоялись выборы патриарха Московского и всея Руси, Церковь получила возможность открыть духовные учебные заведения, возобновить издательскую деятельность, начали открываться храмы. К началу 1949 г. в СССР действовали более 14 тыс. православных церквей и молитвенных домов (самое большое число за весь период с конца 1930-х по начало 1980-х годов). В том же 1943 г. в СССР был создан новый государственный орган, ответственный за религиозную политику советской власти, — Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР. Позднее (весной

1944 г.) начал работу Совет по делам религиозных культов, в ведение которого входили все остальные религиозные организации страны. В 1965 г. оба эти Совета были объединены в один Совет по делам религий при Совете министров СССР. Именно эту новую систему государственно–церковных отношений, в рамках которой задача уничтожения Православной церкви и других религиозных институтов была снята с повестки дня, но контроль над ними и ограничения их по–прежнему сохранялись, советское руководство стремилось предложить в качестве образца своим сателлитам в Центральной и Восточной Европе. При этом в условиях противостояния с Ватиканом было предпринято перекраивание конфессиональной карты Восточной Европы, заключавшееся в насильственной ликвидации Греко–католических церквей в СССР, Чехословакии и Румынии и присоединении бывших «униатских» приходов к Православным церквам соответствующих стран. Эта акция создала условия для жесткого религиозного противостояния в этом регионе в 1980-1990-е годы.

Однако социалистические государства в странах Центральной, Восточной и Южной Европы, несмотря на их внешне идеологически враждебное отношение к религии и церкви, при создании системы государственно–церковных отношений не слишком строго следовали теоретическим постулатам об отделении церкви от государства. На практике, несмотря на открыто негативное отношение к предшествующему политическому строю, как государством, так и церквами воспроизводились привычные механизмы взаимодействия. Так, конституции Югославии (1946), Болгарии (1947) и Румынии (1948) провозглашали принцип свободы совести, отделения церкви от государства и школы от церкви, но вместе с тем закрепляли и автономный характер внутренней жизни религиозных организаций. Церкви сохраняли право собственности на недвижимость, предметы культа, имели право на субсидии со стороны государства. В отличие от довоенной практики СССР церкви, имеющие национальный характер, не объявлялись врагами новой политической системы. Была сформулирована задача превращения церквей в «народный» институт. В любом случае для всех стран было характерно активное участие коммунистических государственных органов во внутренней жизни церквей. Пожалуй, наиболее мягкой была ситуация в ГДР, где отсутствовало государственное законодательство, регламентирующее характер деятельности и организационного устройства церковных институтов.

Вместе с тем и восточноевропейские государства не отказывались от использования авторитета религиозных объединений и их лидеров в своих

интересах, прежде всего во внешней политики. Например, некоторая нормализация отношений Католической церкви с польским социалистическим правительством произошла в конце 1950-х годов на базе признания необходимости сохранения новой западной польской границы. Имея мощные местные Католические церкви, руководство ряда стран Восточной Европы не могло себе позволить жесткую конфронтационную линию по отношению к Ватикану, а стремилось достигать компромиссов для поддержания стабильности, что соответствовало основным направлениям Восточной политики Ватикана. Особое значение получила международная деятельность представителей религиозных объединений Восточной Европы в условиях холодной войны. Все это позволило религиозным институтам выжить, найти новый modus vivendi с враждебной властью, организовать с нею прагматическое сотрудничество, а на новом историческом этапе — вернуться в общественную жизнь после ее падения (как правило, в 1990-е годы).

Свои особенности имела религиозная политика нацистской Германии. Она реализовывалась на фоне построения национал–социализма, политической религии особого типа, основанной на идее о превосходстве арийской расы, и характеризовалась стремлением перестроить идейную базу традиционных церквей, прежде всего протестантских, на базе национал–социализма. В этом контексте было создано движение «Немецкие христиане», которые пытались соединить расовые теории национал–социализма и христианство. Они, в частности, поддерживали идеи «позитивного христианства», отрицавшие библейское учение о грехопадении человека. В середине 1930-х годов движение насчитывало около 600 тыс. членов. Между тем такие вероучительные эксперименты кардинально искажали облик и учение христианских церквей, что вызывало протесты верующих. Оппозиция в 1934 г. создала «Исповедующую церковь», которая стремилась утвердить свою верность традиционному христианскому учению. Христиане разных конфессий участвовали в движении Сопротивления как в самой Германии, так и в оккупированных странах.

При этом сами власти Третьего рейха, утверждая национал–социализм как политическую религию, рассматривали «Немецких христиан» лишь как временных попутчиков, которые должны прекратить свое существование одновременно с полным торжеством новой идеологии. Последняя по своей сути была враждебна всем иным религиозным традициям, и ее теоретики вполне отдавали себе в этом отчет, компромиссы же с существующими религиями (а чаще циничное использование их) рассматривали как

временную тактическую меру. Так, ими предпринимались попытки использовать авторитет Православной церкви в своих интересах. В 1930-е годы властями Третьего рейха были предприняты попытки создания на базе русских эмигрантских приходов самостоятельной Православной церкви Германии, которая имела бы лидирующее положение среди православных Центральной и Восточной Европы. Речь шла о грубом вмешательстве во внутрицерковные дела, поскольку предполагалась безоговорочная «унификация» православных приходов разных юрисдикций — подчинение их одному церковному руководству. С 1937 г. власти перешли к репрессиям против религиозной оппозиции в рейхе. Были арестованы лидеры «Исповедующей церкви» М. Нимеллер, Д. Бонхеффер и др., развернулись преследования католиков и протестантов. Но самой масштабной репрессивной кампанией нацистской Германии, направленной против этноконфессиональной общности стал Холокост — политика по уничтожению еврейского населения Европы.

Холокост

Холокост (от англ. holocaust, древнегреч. Ὁλοκαύστος — всесожжение) — это наиболее распространенное название политики уничтожения евреев, осуществлявшейся нацистами в Третьем рейхе, в странах–сателлитах Германии и на оккупированных территориях. На иврите чаще употребляется слово «Шоа» — Катастрофа, на идише — «дритер хурбм» — Третье разрушение, что ставит геноцид в отношении европейского еврейства в один ряд с разрушением Первого и Второго Иерусалимских храмов и тем самым подчеркивает религиозный характер произошедшего. Отличие Холокоста от других примеров геноцида или массовых репрессий заключается в том, что только здесь государством была поставлена задача полного уничтожения целого народа — «окончательного решения еврейского вопроса», чему была подчинена вся государственная машина, рационально и планомерно двигавшаяся к ее реализации. В основе нацистской идеологии лежало представление о борьбе за власть между человеческими расами. Арийская раса рассматривалась как высшая, созидающая и охраняющая человечество, призванная в будущем восстановить исконную расовую иерархию. Евреи, напротив, преподносились

как особая раса, паразитирующая на теле человечества. С точки зрения нацистов, разрушительная, финальная война между расами была неизбежна.

В свете идеологии нацизма нетрудно понять, почему дискриминационные меры в отношении евреев начали осуществляться сразу после прихода нацистов к власти в 1933 г. Евреи должны были к своим немецким именам присоединять еврейские: мужчины — Израиль, женщины — Сарра; носить на одежде нашивки в виде шестиконечных звезд. Их вытесняли с государственных должностей и из общественной жизни, ограничивали в передвижении, их имущество подлежало конфискации. Еврейские ученики подвергались унизительной дискриминации в школах (их лишали завтраков, участия в школьных мероприятиях, прав на награды за отличную учебу, подвергали издевательствам). В парках появились отдельные скамьи — для евреев и для арийцев. Однако немецкие евреи долго не могли поверить, что их многовековой совместной жизни с немецким народом пришел конец. Пиком предвоенной дискриминационной политики стала «Хрустальная ночь» с 9 на 10 ноября 1938 г., ночь инициированных властью погромов, названная так за слой битого оконного стекла, устилавшего землю после них. Предлогом для нее стало покушение на третьего секретаря немецкого посольства во Франции, совершенное 17-летним евреем Гершелем Гриншпаном, семья которого была незадолго перед тем принудительно выслана из Германии в польский город Збоншин. В ходе «Хрустальной ночи» были подожжены и разрушены около 1000 синагог, еврейские магазины и жилые дома, 91 еврей был убит, около 30 тыс. задержаны и отправлены в концентрационные лагеря. Впервые после прихода нацистов к власти евреев арестовывали только за их национальность. Евреи Германии из одной из самых ассимилированных и процветающих общин Европы превратились в отверженных.

Не удивительно, что начиная с 1933 г. росла еврейская эмиграция из Германии. Ее пик пришелся на 1939 г., когда рейх покинули более 140 тыс. евреев. Драматизм ситуации заключался в том, что не все страны спешили принять еврейских беженцев, а даже те, что принимали их, разными способами ограничивали эмиграцию. Примером может служить судьба парохода «Сент–

Луис», одного из последних транспортов с беженцами, покинувших Германию накануне войны. Судно вышло из Гамбурга, имея на борту почти тысячу пассажиров–евреев, и направилось на Кубу, однако по прибытии корабля в Гавану власти не разрешили беженцам спуститься на берег. «Сент–Луис» направился к побережью Соединенных Штатов, принявших в 1933-1939 гг. около 60 тыс. еврейских эмигрантов. На этот раз власти США разрешили беженцам въехать в страну при условии выплаты 453 тыс. долл. Благотворительные организации Америки не успели собрать эту сумму в срок, и корабль снова отплыл в Германию. Тем временем Англия, Бельгия и Франция согласились принять беженцев. Однако большинство пассажиров «Сент–Луиса», получивших убежище в странах континентальной Европы, погибли в ходе «окончательного решения еврейского вопроса». Некоторые страны принимали только определенные категории беженцев. Так, Англия за девять месяцев до начала войны в рамках операции «Киндертранспорт» приняла и разместила в патронатных семьях около 10 тыс. еврейских детей из рейха. Дети въезжали в Соединенное королевство без родителей и сопровождающих. Для них это было спасением, но одновременно это означало разделение семей, часто навсегда. Часть евреев, которые нашли временное убежище во Франции, Польше и других странах Восточной и Южной Европы, стали жертвами Холокоста после начала Второй мировой войны.

С ее началом антиеврейская политика нацистов ужесточилась, прежде всего это касалось евреев Польши, где перед войной проживали 3 млн 300 тыс. евреев — около 20% еврейского населения мира. На захваченной польской территории нацисты начали переселять евреев в гетто — изолированные от внешнего мира городские кварталы с исключительно еврейским населением. Создание их не было одномоментным; оно растянулось до 1943 г. и шло параллельно с уничтожением польских евреев. Самым большим гетто было Варшавское, в котором было сконцентрировано около 445 тыс. человек. Существовали и небольшие гетто, в которых находились от нескольких сотен до нескольких тысяч человек. С созданием гетто расистская теория стала реальностью: евреи, которым нацистская концепция не оставляла места в человеческом обществе, действительно были от него изолированы. Условия

жизни в гетто были очень тяжелыми. Плотность жителей была весьма высока (например, Варшавское гетто занимало 2,4% территории города, хотя на ней проживало около трети его населения), а возможности для заработка ограничены. Официальный паек составлял 184 калории на человека, что составляло менее 10% необходимого минимума. Скученность населения, плохие санитарные условия, отсутствие работы — все это вело к голоду, болезням и высокой смертности. Евреям гетто были навязаны многие антирелигиозные постановления: запрещалось молиться группами, официально не существовали синагоги. Были запрещены школы. Поэтому религиозная, культурная жизнь и образование принимали в гетто нелегальные формы. Жизнь в гетто ставила перед евреями сложные нравственные дилеммы. Происходило расслоение жителей гетто: тогда как львиная доля боролась за выживание или медленно умирала, 3-5% населения зарабатывали капитал на контрабанде продовольствия. Органам еврейского самоуправления (Юденратам) каждый день приходилось принимать сложные решения — жертвовать жизнями одних своих собратьев, чтобы сохранить жизни других.

Новый этап в антиеврейской политике наступил с началом войны Третьего рейха против СССР. Она носила иной характер, чем война в Западной Европе, нацистская пропаганда представляла ее как «священную войну» против сил зла, ее целями были завоевание «жизненного пространства для немецкого народа» и искоренение советского «еврейско–большевистского режима», который рассматривался как попытка «еврейства установить мировое господство». Тем самым война против СССР была той самой финальной войной рас, о которой говорила нацистская идеология. Начало войны стало и началом массового уничтожения евреев на оккупированных территориях, а с ним — и «окончательного решения еврейского вопроса». На оккупированной территории с самого начала вторжения действовали четыре оперативных отряда СС (Эйнзацгруппы), в задачу которых входило уничтожение «враждебных элементов»: коммунистов, партизан, саботажников, евреев. Эти группы организовывали массовые «акции» — расстрелы еврейского населения. Иногда «акции» начинались через считанные дни после захвата местечка или города. Так было в Киеве, где

расстрелы евреев в Бабьем Яру, природном овраге на окраине города, начались через десять дней после начала оккупации. Здесь за два дня ликвидировали 33 771 еврея. Трагедия Бабьего Яра стала символом уничтожения всех евреев Советского Союза. В других местах «акциям» предшествовало создание гетто, население которых уничтожалось в течение нескольких лет. Так, Виленское гетто, несмотря на постоянно проводившиеся расстрелы его жителей, было окончательно ликвидировано в сентябре 1943 г.

Массовые «акции» невозможно было осуществить силами одних Эйнзац–групп, в которых служили около 3 тыс. человек, без участия, зачастую добровольного, местных жителей. Причем речь идет не только о военизированных формированиях коллаборационистов, но и рядового населения, вчерашних соседей евреев. Активное участие местного населения в антиеврейских акциях принимало крайние формы в Прибалтике, Молдавии, на Западной Украине. Первая волна кровавых погромов и расправ прошла еще до начала массового и организованного истребления оперативными отрядами СС. Именно от рук местных пособников в первые дни оккупации погибли тысячи евреев. Так, во Львове местные националисты по собственной инициативе между 30 июня и 3 июля 1941 г. убили 4 тыс. евреев.

Начало вторжения в СССР стало поворотным пунктом реализации программы «окончательного решения еврейского вопроса». Сейчас большинство исследователей считают, что приказ о полном уничтожении был устно отдан Гитлером главе СС Гиммлеру весной 1941 г. Летом того же года, одновременно с первыми «акциями» в Советском Союзе стали уничтожать сербских евреев. В октябре приступили к строительству первого лагеря рядом с деревней Хелмно в Польше, который начал действовать в декабре 1941 г. В первой половине 1942 г. были построены еще три лагеря: Белжец, Собибор и Треблинка, ориентированные на уничтожение польских евреев. Здесь систематически начали использовать умерщвление газом (концентрированным углекислым, который вырабатывали бензиновые двигатели). Характерно, что немецкий персонал лагерей не превышал 10-20 военнослужащих СС; остальные 90-120 человек, как правило, набирались из советских

военнопленных, в основном украинцев и латышей. В тот же период в лагере Освенцим недалеко от Кракова был создан филиал — Освенцим-2 — Биркенау, где массовое убийство приобрело индустриальный размах. В этом огромном лагере, где в момент его максимального расширения находилось до четверти миллиона узников, действовали четыре газовые камеры, в каждой из которых можно было убить до 2 тыс. человек одновременно. Рядом с ними работали четыре крематория, где сжигали трупы. В камерах Освенцима применяли новое средство умерщвления — газ «Циклон-Б». От 75% до 80% прибывавших в лагерь сразу направлялись в газовые камеры, остальные использовались на внутрилагерных работах, но и их периодически уничтожали. Именно Освенцим-2 стал местом убийства евреев со всей Европы. Ежедневно сюда прибывали от трех до пяти железнодорожных эшелонов по 1500-3000 человек в каждом.

Депортации в лагеря смерти начались осенью 1941 г. из рейха, в 1942 г. настал черед евреев из оккупированных стран. Почти все военные и гражданские институты Германии и завоеванной Европы участвовали в реализации нацистских планов: местные органы управления составляли списки обреченных, полиция занималась их поиском и концентрацией в пересыльных пунктах, железнодорожный транспорт обеспечивал доставку, химические предприятия изготавливали средства уничтожения, Министерство иностранных дел Германии координировало действия стран–сателлитов… Причем депортации не прекращались и тогда, когда транспортная система Германии с максимальным напряжением работала на военные нужды, например, во время летнего наступления 1942 г. или в мае — июне 1944 г., когда в Освенцим были депортированы венгерские евреи. Как отмечают израильские исследователи И. Гутман и Н. Галиль, «уничтожение евреев производилось последовательно и педантично, словно машиной, но приводили в действие эту машину люди, посвятившие свой опыт, профессионализм и совесть служению небывалому преступлению». При этом нацисты само перемещение к месту смерти превратили в часть системы уничтожения. Многие депортируемые умирали уже в пути.

Массовое уничтожение было остановлено нацистами поздней осенью 1944 г. после того, как в сентябре были

опубликованы данные советско–польской комиссии по расследованию злодеяний нацистов в лагере смерти Майданек, освобожденном Красной армией в июле 1944 г. В ноябре в Польше состоялся суд над шестью представителями лагерной администрации. Этот суд и отчеты комиссии вызвали всемирный резонанс. Вследствие этого в СС было принято решение о срочной ликвидации концлагерей, находившихся на пути армий–освободительниц, и сокрытии следов своих преступлений. Оставшиеся узники зимой и ранней весной 1945 г. чаще всего пешком направлялись в глубь рейха; изможденные, многие из них умирали в пути или становились жертвами конвоя и местного населения. Впрочем, газовые камеры Освенцима–Биркенау работали до освобождения лагеря советской армией 27 января 1945 г. Ее солдаты обнаружили 600 трупов — останки узников, убитых за несколько часов до освобождения.

Результаты Холокоста были чудовищны. В странах Восточной Европы (Польша, Литва, Словакия и др.) погибло 80-90% довоенного еврейского населения. В Западной Европе многое зависело от особенностей оккупационной политики в каждой из стран. Было уничтожено 77% еврейского населения Голландии, 44% Бельгии, 20% довоенного французского еврейства. В целом 36% евреев Западной Европы погибли в Катастрофе. Всего же в ходе Холокоста было уничтожено более 30% еврейского населения Земли. Причем численность евреев в мире и сегодня почти на 3 млн уступает предвоенному уровню. Европейское еврейство практически перестало существовать. Если в начале XX в. в Европе проживал 81% от всего еврейского населения планеты, то сегодня — лишь около 15%, причем половина из них — граждане бывшего СССР.

В годы Катастрофы люди демонстрировали как самые низкие стороны человеческой природы, так и высоту духа. В этой связи нельзя не сказать о тех, кто с риском для своей жизни и жизни своих близких спасал евреев от гибели. Это были крестьяне и интеллигенты, бедняки и зажиточные люди; у кого–то из них до войны были друзья–евреи, кто–то прежде не сталкивался с ними; одни исходили из своих религиозных и идейных убеждений (как православные священники, католические монахи и протестантские пасторы), другие не думали ни о какой идеологии. Среди спасителей были одиночки,

или целые семьи, или селения и даже общества целых стран. Так было, например, в Дании, жители которой организовали переправку датских евреев на рыбачьих лодках в нейтральную Швецию, или в союзной Германии Болгарии, где протест политических, церковных и профсоюзных деятелей сделал невозможной депортацию болгарских евреев в лагеря смерти. Многие спасители поплатились за свои действия и погибли вместе с евреями во время карательных операций, или были убиты после войны националистами, или пострадали другим образом, лишившись работы и пенсий. Другие стали известны и получили мировое признание при жизни или после смерти, как немец О. Шиндлер или швед Р. Валленберг. Но очень многие остались безвестны или сознательно скрыли свои имена.

Режимы в Италии и Германии поначалу нуждались в поддержке церкви. Итальянский фашизм возник как откровенно атеистическое и антикатолическое движение, но затем поменял свою окраску. Придя к власти, Муссолини сделал ряд демонстративных шагов навстречу Католической церкви. Были установлены распятия в школах, больницах и судах, восстановлена должность капелланов в армии, в начальной школе введено обязательное преподавание закона Божьего. Церковь со своей стороны также шла навстречу новому режиму. Это объяснялось ее традиционным антикоммунизмом, опасениями перед возможным успехом левых сил, усталостью от хаоса послевоенных лет, а в Италии и необходимостью решения застарелого «римского вопроса». Так назывался комплекс проблем во взаимоотношениях Святого престола и итальянского государства, возникший в 1870 г., после объединения Италии, когда де–факто была ликвидирована светская власть пап на территории Рима и Папской области. Вершиной взаимодействия фашистского режима и Католической церкви в Италии стало заключение в 1929 г. Латеранских соглашений между итальянским государством и Святым престолом. Соглашения состояли из Трактата, Конкордата и Финансовой конвенции, согласно которым было создано государство Ватикан; Католическая церковь признавала итальянское государство и, в свою очередь, получала ряд привилегий, которых не имела с эпохи объединения Италии. В 1933 г. был заключен конкордат между Святым престолом и нацистской Германией. В нем, с одной стороны, оговаривалось невмешательство церкви в политику, а с другой — государство гарантировало свободу совести и внутреннюю самостоятельность церкви. И в Италии, и в

Германии заключение соглашений было воспринято как выражение поддержки церкви новым режимам, хотя немецкие католические епископы и пытались объяснить, что заключение конкордата не является «одобрением религиозных и церковных заблуждений национал–социализма».

Однако период заигрывания фашистского и нацистского режимов с Католической церковью был недолгим. Главной целью Муссолини и Гитлера после укрепления их власти было включение церкви в качестве составного элемента в тоталитарный режим, ее подчинение интересам своей внутренней и внешней политики, инструментализация религии. Столкновения между Католической церковью и фашистским режимом в Италии начались уже в 1930-1931 гг. Объектом преследований со стороны властей стали католические организации мирян, занимавшиеся социальными вопросами и воспитанием молодежи. В Германии наступление на католические общественные организации началось уже в 1934 г. Был закрыт «Христианский крестьянский союз», разогнаны конфессиональные профсоюзы, закрывались молодежные организации, активные христиане увольнялись с государственной службы. В 1937 г. Гитлер заявил о том, что все члены нацистской партии порывают с церковью, поскольку она является «врагом немецкого народа». Все эти меры вызвали отпор со стороны итальянских и немецких христиан. Папа призвал итальянских епископов взять под свою опеку католические общественные организации, что затрудняло их преследования фашистами. Учителя католических школ в Германии стремились удержать молодежь от вступления в нацистские организации, продолжали воспитывать своих учеников с опорой на христианские ценности, а не ценности, проповедовавшиеся национал–социализмом.

Но в Германии власти готовы были пойти еще дальше. Во второй половине 1930-х годов под руководством идеолога нацизма А. Розенберга был разработан «План национал–социалистической религиозной политики», рассчитанный на 25 лет. Предполагалось, что за это время будет создана обязательная для всех граждан «государственная религия», а традиционные христианские конфессии постепенно исчезнут. Предпочтение отдавалось неоязыческому «германско–нордическому религиозному движению». Планировалось, что через 10-15 лет движение должно было получить государственное признание, а воспитанная в нацистском духе молодежь сменить связанное с Церковью старшее поколение.

Между тем в Италии конфликт с режимом еще не означал полного

разрыва с ним. Так, Католическая церковь поддержала вторжение Италии в Эфиопию в 1935 г., выступила на стороне правых сил во время гражданской войны в Испании. Последнее было легко объяснимо, поскольку испанское республиканское правительство развернуло преследования католиков и католических организаций в 1932-1933 гг. Вообще Католическая церковь в рамках франкистского режима в Испании занимала особое положение. Католицизм был важной составляющей его идеологии, сам Франко был ревностным католиком, поэтому здесь речь не шла ни о инструментализации религии, ни о курсе на ее уничтожение. Церковь поддерживала франкистский режим добровольно и сознательно.

Вторая мировая война поначалу разделила христианское сообщество Германии. Часть священнослужителей призвала паству исполнить гражданский, воинский долг; другая отнеслась к войне скорее скептически. Критически восприняло войну и итальянское духовенство. Ватикан выступил фактически с позиций религиозного пацифизма. Не получила одобрения Святого престола и война против СССР, хотя от своего традиционного антикоммунизма Ватикан не отказывался. С началом Второй мировой войны фашистский и нацистский режимы усилили репрессии против духовенства и верующих (в Германии в первые месяцы войны натиск был ослаблен, но потом возобновился с новой силой). Впрочем, задача окончательно сломить церковь, уничтожить ее не ставилась. В Германии осуществление этой задачи было отложено до ожидаемой победы в войне, которая так и не наступила.

Таким образом, мы видим, что отношения с церковью политических религий в Европе (особенно в Италии и Германии) прошли три фазы: заигрывание с церковью, попытки заручиться ее поддержкой на начальном этапе, затем инструментализация церкви, стремление «встроить» ее в укрепляющийся режим, наконец, преследования духовенства и верующих, курс на уничтожение традиционной религии или по крайней мере на ее максимальную маргинализацию. Но третьей фазе не суждено было завершиться. Церковь пережила тоталитарные режимы.

Религии и международные отношения

В условиях глобальных международных конфликтов, имевших место в XX в., религиозные институты не могли остаться в стороне. Уже в ходе Первой мировой войны религиозные институты и религиозная риторика оказывались востребованы противоборствующими сторонами. В

частности, в России пресса активно писала о походе агрессивного «германского протестантизма» против традиционных церквей. Стремление мобилизовать религиозный фактор в своих интересах особенно заметно проявилось в период Второй мировой и холодной воин. Так, с началом Второй мировой воины советское руководство осознало, что авторитет Церкви может способствовать привлечению на сторону СССР симпатий народов Восточной Европы и общественности Англии и США — союзников СССР по антигитлеровской коалиции. В связи с этим власть отказалась от курса на уничтожение Православной церкви и решила допустить ограниченное расширение церковной жизни в СССР. В 1940-е годы политика советского руководства по мобилизации религиозного фактора в своих интересах прошла несколько этапов. В 1942-1943 гг. основное внимание уделялось выстраиванию через церковные каналы благоприятных для СССР отношений с союзными державами. В 1944-1948 гг. советское руководство прикладывало усилия для создания «системы православного единства» вокруг Москвы, способствуя поднятию авторитета Русской церкви среди других Поместных Православных церквей. Если в странах Восточной Европы, где к этому времени утвердились просоветские режимы, это было возможно, то в Греции и на Ближнем Востоке такие задачи оказались мало реалистичными, тем более, что эти усилия СССР встречали противодействие со стороны других держав. В частности, поставление нью–йоркского митрополита Афинагора на Константинопольский патриарший престол в 1948 г. рассматривалось современниками в русле попыток США и Великобритании (вполне успешных) противостоять политике советского руководства по распространению влияния Русской церкви на восточные православные патриархаты. Поэтому с 1949 г. Русская церковь постепенно переориентирует свою внешнеполитическую активность на участие в международном движении сторонников мира и в других международных организациях (данное направление оставалось актуальным вплоть до распада СССР). Пусть и в меньшем масштабе, но подобные задачи ставились и перед другими религиозными организациями страны. Так, представители Всесоюзного совета евангельских христиан–баптистов оказались особенно востребованными в связи с их взаимодействием с мощными протестантскими организациями в США и в скандинавских странах.

Особняком стояла международная деятельность Католической церкви, которая в силу своего наднационального характера стремилась играть важную роль в мировой политике. Уже во время Первой мировой войны,

1 августа 1917 г. папа Римский Бенедикт XV (1914-1922) обратился к главам воюющих держав с нотой (в тот момент не имевшей успеха) с призывом прекратить напрасное кровопролитие и начать переговоры о мире. Мирным инициативам Святого Престола были посвящены многочисленные пастырские послания папы Пия XII накануне и в годы Второй мировой войны (знаменитое обращение к конфликтующим странам от 24 августа 1939 г., энциклика «Summi pontificatus» от 27 октября 1939 г., рождественское выступление 1944 г. и др.), а также его активная дипломатическая деятельность, в том числе участие в качестве посредника в различных этапах попыток мирных переговоров. В достаточно разностороннюю миротворческую деятельность Ватикана (поддержанную духовенством многих стран) в годы Второй мировой войны входили и такие компоненты, как выступления в защиту мирного населения и невоенных объектов, а также военнопленных, поддержка и защита лиц неарийской национальности и антифашистов. В первые же дни войны при Государственном секретариате Ватикана было создано Информационное статистическое бюро беженцев, пропавших без вести, военнопленных. Ватикан стремился участвовать и в определении будущего Германии и ее союзников.

Глава римско–католической церкви Иоанн Павел II на приеме у первого секретаря ЦК ПОРП Э. Терека. 1979 г. РГАКФД

Необходимость вмешательства Церкви для разрешения международных конфликтов осознавалась государствами особенно остро в связи с началом холодной войны, усилением международной

напряженности и атомной угрозой. Уже в период Карибского кризиса (октябрь 1962 г.) папа Иоанн XXIII предпринял попытку выступить посредником между лидерами конфликтующих сторон. Миротворческая миссия Церкви получила дальнейшее весьма активное развитие после Второго Ватиканского собора (1962-1965). До этого папа Павел VI участвовал в подведении итогов Второй мировой войны и приложил усилия к тому, чтобы на континенте были признаны послевоенные реалии; он также внес вклад в подготовку и проведение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975). Его Заключительный акт был подписан делегатом Ватикана, секретарем по государственным делам Церкви монсеньором А. Казароли. Еще более активную роль в миротворческой и пацифистской деятельности играл папа Иоанн Павел II (1978-2005), который в ходе своих многочисленных зарубежных поездок формулировал и уточнял концепцию Церкви по вопросам войны и мира. Он поддерживал деятельность ООН и переговоры различных уровней в области ограничения стратегических вооружений, осуждал оружие массового уничтожения.

Так религиозные объединения мира оказались включены в глобальную политику как ее участники. При этом, как уже отмечено, подобная включенность позволила религиозным объединениям Восточного блока выработать новый modus vivendi в отношениях со своими атеистическими правительствами.

Религии в глобальном мире

Религиозные традиции оказались немаловажными участниками глобализационных процессов, придавая им особый колорит. Многие из них именно в XX в. вышли за свои веками не менявшиеся этнокультурные границы. Кроме того, частью глобализационных процессов стали два мощных религиозных всплеска — активизация ислама и динамическое распространение протестантизма евангелического толка, особенно харизматических направлений (от греческого χάρισμα — дар благодати). Если активизация ислама произошла в традиционно мусульманских регионах, то харизматический протестантизм проник в том числе и в те уголки земного шара, где исторически христиан не было. Пятидесятнические церкви (христиане веры евангельской) стремительно разрастались на протяжении XX в. Принципиальным моментом их учения является тезис о получении каждым верующим зримых даров Святого

Духа, например, дара говорения на иных языках. В своей проповеди пятидесятники активно используют поп–культуру, что делает их привлекательными для молодежи. Это наиболее экспансивная форма протестантизма, получившая распространение во всем мире, в особенности в Латинской Америке и Африке. Считается, что это происходило потому, что в пятидесятничестве есть такие элементы, которые с легкостью ассимилируют местные духовные практики. Некоторые исследователи даже считают, что за создание глобальной религиозной сети конкурируют лишь три религиозные традиции: пятидесятничество, ислам и католицизм. По приблизительным оценкам, пятидесятническое движение к концу века насчитывало около 500 млн членов.

Выход за свои традиционные этнокультурные границы стал важнейшей чертой и в истории православия в XX в. К концу века оно стало достоянием народов, которые прежде были связаны как с другими христианскими традициями (как в Западной Европе и Америке), так и вообще нехристианскими религиями (как в Японии, Корее, Китае, Африке). Сегодня православное богослужение совершается на самых разных языках мира: не только на греческом, церковно–славянском и румынском, но и на английском, французском, немецком, испанском, японском, корейском, языках коренных народов Африки. Этот процесс готовился еще в XIX в., прежде всего русскими миссионерами в Америке, Китае, Японии, а также русскими священниками, знакомившими западноевропейцев с православной культурой через многочисленные переводы. Но массовая эмиграция православных из России и других стран сделала это знакомство особенно интенсивным.

Масштабные политические и социальные катаклизмы в православных странах в XX в. привели к тому, что православная диаспора стала массовым явлением. Прежде всего это касалось русской эмиграции, между мировыми войнами достигавшей нескольких миллионов человек. В церковном отношении речь шла уже не об организации отдельных приходов, а о возникновении многочисленных епархиальных структур. Уже в межвоенный период существовали русские эмигрантские епархии в Европе и на Дальнем Востоке, после Второй мировой войны они находились уже на всех континентах. Проблема диаспоры касается не только Русской, но и других Церквей, поскольку в XX столетии массовая эмиграция затронула и другие православные народы — греков, румын, сербов, арабов и др. В результате сегодня сложилась новая для истории Вселенского Православия ситуация, когда в одном регионе присутствуют несколько епископов, представляющих разные Церкви. Однако такое

положение не соответствует основополагающим нормам церковного устроения, принятым в православии, согласно которым издревле действует принцип «один город — один епископ». Поэтому в настоящее время проблема правильной с точки зрения канонов и церковной практики организации православной диаспоры — одна из самых дискутируемых среди Православных церквей. В XX в. значительное число прихожан православных приходов на всех континентах составляли люди, изначально принадлежавшие к другим культурным традициям и пришедшие к православию в зрелом возрасте. Это явление обусловливалось двумя встречными процессами: с одной стороны, миссионерскими усилиями православных и, с другой стороны, живым интересом к православию со стороны представителей других религиозных традиций.

Связь с промышленно развитыми странами привела к появлению мусульманского населения в новых для них странах в результате экономической миграции. Мусульмане появились в Северной и Южной Америке, переселяясь в основном из Индии и Индонезии в страны Карибского бассейна. За четверть века мусульманское население удвоилось в Африке южнее Сахары, что стало результатом процессов урбанизации и роста торговли. С 1960-х годов в западноевропейские страны в качестве гастарбайтеров прибывали мусульманские иммигранты, в основном из бывших колоний.

Буддизм также вышел в XX в. за пределы традиционно буддистских регионов Азии и получил распространение в странах Европы и Америки. Этому способствовали два основных фактора. Прежде всего это развитие научного изучения буддизма и формирование ведущих буддологических школ (франко–бельгийской, англо–германской и русской), а также появление квалифицированных переводов буддийских священных текстов на европейские языки, благодаря которым буддийская философия стала доступной европейским интеллектуальным кругам. Восхищение европейцев вызывали и коллекции шедевров буддийского искусства, собранные к началу XX в. ведущими музеями Европы — Британским музеем, Парижским музеем восточных искусств Гиме, Эрмитажем и др. В начале XX в. идеи буддизма находят широкий отклик в среде известных литераторов Запада (Г. Майринк, Р. Музиль, Г. Гессе, А. Дёблин, Я. Гашек) и др. представителей творческой интеллигенции. Буддизм привлекал представителей западной культуры тем, что воспринимался ими как способ преодоления ограниченности вербального познания и как инструмент анализа внутреннего мира человека. Но особенно интенсивный рост числа последователей буддизма в Европе отмечался в 1960-е годы, когда идеи

буддизма приобрели широкую популярность в молодежных протестных движениях хиппи и битников. В философии буддизма и его концепциях ненасилия, внутреннего самосовершенствования и отрицания привязанности к материальному миру западная молодежь видела альтернативу прагматизму и бездуховности «общества потребления». К среде хиппи принадлежал и известный ныне буддистский проповедник датчанин О. Нидал (род. в 1941 г.), пропагандирующий в адаптированной для европейцев форме учение тибетской школы Карма Кагью.

В XX в. усиливается стремление к диалогу между различными конфессиями на основе идеи сохранения христианских ценностей в стремительно меняющемся мире. Формируется экуменическое движение (от греч. οἰκουμένη — «обитаемый мир, вселенная») за сближение и объединение различных христианских церквей (конфессий). Исторически экуменическое движение связано с протестантизмом, но в развитие идеи межхристианского диалога в 1920-1950-е годы внесли значительный вклад представители русской православной эмиграции. Процессы по оформлению экуменического движения привели к тому, что в 1948 г. на первой Генеральной ассамблее в Амстердаме, в которой приняли участие 147 церквей из 44 стран, был создан руководящий орган экуменического движения — Всемирный Совет Церквей (ВСЦ). В условиях острого противостояния политических систем во время холодной войны ВСЦ провозгласил необходимость защищать свободу человека, особенно религиозную, от любых форм тирании и империализма. Была сформулирована концепция так называемого ответственного общества как альтернативы капитализму и коммунизму. Состав участников ВСЦ и его структура расширялись и усложнялись. На III Ассамблее ВСЦ в 1961 г. в его состав вошли и Православные церкви Восточной Европы — Русская, Болгарская, Польская, Румынская. Католическая церковь не вошла в состав ВСЦ, однако ее представители постоянно участвовали в работе экуменических форумов в качестве наблюдателей. ВСЦ ведет широкую социальную деятельность, уделяет большое внимание помощи беженцам, голодающим, жертвам стихийных бедствий вне зависимости от их религиозной принадлежности. В комиссиях ВСЦ ведется и интенсивная богословская работа, которая ставит своей задачей поиск путей для сближения конфессий.

Аналогичные процессы происходили и в исламском мире. Еще в 1920-е годы в мусульманских странах появились движения исламской солидарности, часто носившие антиимпериалистический характер и возникавшие в ходе образования независимых государств. В 1926 г.

основателем Саудовской Аравии Абдель Азиз ибн-Саудом был созван в Мекке первый Всемирный мусульманский конгресс. Сейчас самой крупной исламской международной организацией является Организация исламского сотрудничества (до 2011 г. — Организация исламская конференция, ОИК). Эта организация была основана в 1969 г. на конференции глав мусульманских государств в Рабате с целью укрепления исламской солидарности, распространения идеи ислама, поддержания постоянных контактов с ведущими религиозными деятелями и учеными, налаживания и развития тесных отношений с адептами ислама, проживающими в немусульманских странах, а также «поддержки священной войны мусульман везде, где бы она ни возникла». В ОИК были представлены лидеры и правительства мусульманских стран–участниц конференции. Активность ОИК усилилась в конце XX в., когда в мире возникли серьезные конфликты на конфессиональной основе. В течение 1990-х годов она в той или иной форме принимала или пыталась принять участие в разрешении индо–пакистанского и косовского конфликтов, конфликтов в Афганистане и Чечне. ОИК является притягательной для мусульманских стран постсоветского пространства, таких как Казахстан, Узбекистан, Киргизстан, Азербайджан и др., тем более, что ОИК обладает широким спектром фондов и финансовых подразделений, призванных оказывать содействие развитию экономики исламских стран. Ныне Организация исламского сотрудничества занимается также разработками моделей бесконфликтного существования и сотрудничества европейской и мусульманской цивилизаций и поиском мер противодействия международному терроризму.

Глобализационные процессы стали одной из причин серьезной турбулентности и кардинальных сдвигов в странах Ближнего Востока. При активном содействии Ирана усилились влияние шиитских групп и их противостояние с суннитскими направлениями. Параллельно дробление происходит в суннизме, одна из причин этого — появление радикальных движений (таких, как запрещенная в России организация «Исламское государство»). Радикализм подобных образований является серьезным вызовом для самого ислама, последователи которого ведут жаркие дискуссии о том, как следует относиться к объявленному этими движениями вооруженному джихаду. Одновременно развитие новых информационных технологий ведет к разрушению традиционных территориальных общин — джамаатов, появлению виртуальных общин с влиятельными «электронными» муфтиями и имамами, которые могут формировать сообщество своих последователей по всему миру. Это

приводит к нарушению монолитности исламских региональных сообществ, способствует их «мозаичности».

Пробуждение «религиозных масс»

Помимо секуляризации, в XX в. отмечается и противоположная тенденция — все более широкое вовлечение рядовых верующих в церковную жизнь, а также массовые религиозные и околорелигиозные поиски членов уже, казалось бы, секуляризованных обществ, что привело к широчайшему распространению в XX в. религиозных организаций нового типа, новых религиозных движений (НРД). В данном случае речь идет о религиозных объединениях, сложившихся преимущественно после Второй мировой войны. К настоящему времени насчитывается более 600 таких образований на территории Великобритании, от 1500 до 2000 в США; предположительно, их может быть более 10 тыс. в странах Дальнего Востока и «третьего мира». Классифицировать эти организации логично в соответствии с теми исходными традициями, которые они модернизируют, т. е. подразделить их на неохристианские, неоиудаистские, неовосточные (неоиндуистские и необуддийские), неоязыческие, новый оккультизм (преимущественно движение «Нью Эйдж»), к которому принадлежат также психоделия, герметизм и современный сатанизм. При этом учение многих подобных организаций носит синкретический, смешанный характер. По мнению исследователей, более всего они привлекают своими оккультными и мистическими практиками, посредством которых люди надеются поправить свое здоровье, достичь духовного совершенства, а главное — приобщиться к сверхъестественному началу, будь то фетишизированная Природа, могущественные божества или же космический Абсолют. Многие НРД позиционируют себя в качестве нерелигиозных организаций, хотя этому противоречит часто встречающаяся практика создания новых священных текстов, якобы в полноте и первоначальной чистоте воплощающих те истины, которые сохраняются в традиционных религиях лишь частично. Так, в Церкви Объединения Сан Мьен Муна высшим вероучительным авторитетом обладает трактат под названием «Принцип», а неокришнаиты считают главными своими священными книгами объемистые комментарии А. Ч. Бхактиведанты, основателя Международного общества Сознания Кришны, к классическим произведениям Древней Индии — «Бхагавад–гите» и «Бхагавата–пуране». Но большинство новых религиозных движений используют в качестве

священных текстов высказывания своих лидеров. НРД часто стремятся играть заметную общественную роль, а иногда — и участвовать в международной политике (например, рериховское движение). При этом далеко не всеми государствами и исследователями характер деятельности этих организаций расценивается как конструктивный.

Практически во всех религиях в XX в. изменилась роль мирян, рядовых верующих, не обладающих никаким специальным посвящением, которые ранее, как правило, воспринимались лишь как пассивная аудитория для наставлений священнослужителей. Теперь же степень их участия в жизни соответствующих религиозных объединений значительно возросла. Так, в контексте усиления участия мирян в жизни церквей следует рассматривать и стремительный рост числа последователей протестантских течений, которые вернулись к тезису о священстве каждого христианина и провозгласили миссионерскую проповедь необходимой деятельностью каждого верующего.

В Католической церкви в первой половине XX в. стремительно росло число мирянских структур. Это была в первую очередь сеть организаций «Католическое действие». Ее истоки восходят ко второй половине XIX в., но заслуга создания полноценной и разветвленной организационной структуры принадлежит папе Пию XI (1922-1939), который сформулировал основные принципы этой организации и определил их как «участие мирян в апостольстве иерархии». Организации «Католического действия» особое распространение получили в Италии, но возникли также в Испании, Франции и ряде других стран. Пик деятельности этой организации пришелся на 1920-1940-е годы. После Второго Ватиканского собора ее значение снизилось, но различные ассоциации «Католического действия» продолжают существовать и сегодня. Особую роль в обновлении (итал. «aggiornamento») принципов христианской жизни в Католической церкви сыграл Второй Ватиканский собор (1962-1965), созванный папой Иоанном XXIII. Собор провозгласил принцип открытости церкви современному миру. Принятые в результате долгих дискуссии постановления касались всех сторон церковной жизни — богословия, богослужения, церковно–административного устройства, отношения к другим конфессиям и секулярному миру. Произошли кардинальные изменения и в церковном устройстве, в том числе был введен принцип коллегиального участия епископов в управлении церковью; была усилена роль мирян в церкви. В результате литургической реформы богослужения стали совершаться на национальных языках. После Второго Ватиканского собора получили большее распространение новые формы объединений мирян и организации

монашеской жизни. Крупнейшие из них — «Легион Марии», созданный в Ирландии в 1921 г., «Pax Christi», возникший после Второй мировой войны главным образом для миротворческой и благотворительной деятельности, а также «Opus Dei», основанный в Испании в 1928 г. с целью распространения в обществе принципов католического учения. Последняя организация, в частности, не стремится отрывать людей от их мирских занятий, а напротив, призывает их исполнять свои общественные и церковные обязанности с максимальным тщанием, «освящать свой труд». Особая роль отводится мирянам, которых Католическая церковь рассматривает как «партнеров» духовенства в «формировании морального сознания и ответственности за экономические программы и политику», культуру, здравоохранение и т. д.

Активное распространение объединений мирян стало в XX в. характерной чертой и в жизни Православных церквей. Эти объединения, как правило, существовали под руководством священнослужителей и представителей иерархии, но в целом выходили за границы традиционных приходских и епархиальных структур. Так, 1920-е годы стали временем расцвета церковно–общественных движений в Русской православной церкви. Большинство из них начинали свое существование как объединения мирян для зашиты храмов и церковных святынь от поругания во время Гражданской войны, но очень скоро распространили свою деятельность на другие сферы общественной и церковной жизни: на образовательную и просветительскую деятельность, работу с детьми, молодежью, неблагополучными социальными группами (алкоголиками, малоимущими, рабочими и т. п.). Наиболее известны и многочисленны в то время были Александро–Невское братство в Петрограде, братство Алексия, митрополита Московского в Москве, Объединенный союз православных приходов Москвы. Все эти объединения были уничтожены к началу 1930-х годов. В Греции еще в 1900-е годы начали действовать различные братства мирян. Наиболее известное из них — братство «Зои» («Жизнь») представляло собой народное движение, объединявшее сотни тысяч верующих. Эти организации вели широкую просветительскую, издательскую, благотворительную деятельность, создавая кружки, студенческие общества, объединения рабочей молодежи и др. В 1953 г. было основано Всемирное братство православной молодежи «Синдесмос».

Изменилась роль мирян и в буддистской среде. Эта роль перестала быть пассивной, мирянские объединения стали ставить своей задачей распространение буддийского учения среди населения, воспитание молодежи в духе моральных принципов буддизма, заниматься

общественной и благотворительной работой в пользу монахов и мирян. Так, в Таиланде, где более 90% населения исповедуют буддизм, в XX в. стали играть значительную роль Буддийская ассоциация Таиланда, Молодежная буддийская ассоциация Таиланда, Группа буддизма и обычаев, Буддийская молодежная ассамблея, Центр буддийского образования. После студенческих волнений в Таиланде в начале 1970-х годов власти активизировали привлечение буддизма в публичную политику.

В исламе не существует разделения на духовенство и мирян, поэтому говорить о растущей роли последних было бы не вполне точно. Но и в исламском мире в XX в. активизировались массовые религиозные движения, не связанные с традиционными богословскими школами. Одним из них было, например, такое международное религиозно–политическое движение как «Братья–мусульмане» (в 2003 г. организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации). Это движение возникло в 1928 г. в Египте, но очень скоро распространило свое влияние и на соседние страны (Сирию, Иорданию, Тунис, Ливию). К концу Второй мировой войны в его рядах было более полумиллиона членов. «Братья–мусульмане» выступали за усиление роли ислама в жизни традиционно мусульманских обществ, а конечную свою цель видели в построении исламского государства, противопоставляя эту идею западной идее государства светского. При этом члены движения отстаивали примат активной деятельности над пропагандой, поэтому «Братья–мусульмане» широко занимались благотворительностью, воспитанием, религиозным образованием. Каждая ячейка организации содержала мечеть, школу и спортивный клуб. В 1940-е годы «Братья–мусульмане» стали создавать свои вооруженные отряды для борьбы с колониализмом, но затем не раз обращали оружие и против светских режимов в арабских странах.

Российский ислам в результате советского антирелигиозного проекта оказался лишен возможности общения с единоверцами в мире, были практически полностью уничтожены исламские институты, религиозная жизнь сводилась к элементам бытовых практик, была нарушена традиция передачи знаний о религии. Поэтому в постсоветский период имело место не столько «возрождение» ислама, сколько «реисламизация». В итоге официальные структуры российского ислама переживают глубокий кризис, большой популярностью пользуются неформальные лидеры и наставники, транслирующие самые разные, в том числе и радикальные идеи и ценности в своих часто «виртуальных» джааматах. В мировой практике стало заметно движение «хиджры», переселения верующих мусульман на территорию с исламским правлением, успеху которой содействует наличие

сети вербовщиков по всему миру.

В целом радикализация ислама стала характерной чертой второй половины XX в. Условия для этого возникли в первой четверти века, когда крах Османской империи привел к потере давней модели исламского государства. В 1922 г. турецкий султан был лишен светской власти, а в 1924 г. он потерял звание халифа, духовного лидера всех мусульман. Поэтому очень скоро, в частности, в идеологии «Братьев–мусульман» возникла идея воссоздания исламского государства, построенного на законах исламского религиозного законодательства — шариата. После Второй мировой войны, когда недавно возникшие независимые мусульманские государства были поставлены перед выбором двух вариантов развития: капиталистического или социалистического, появилась идея третьего пути, исламской альтернативы. Так возник политическим ислам, исламизм, который иногда интерпретируется как вариант политической религии. В его основе лежит идея исламской альтернативы: создания исламского государства, исламской экономики, углубленной исламизации общества, жизни по шариату. В конце XX в. наблюдалась резкая радикализация политического ислама. Развитие новых информационных технологий принципиально поменяло расклад сил внутри ислама, обеспечив беспрецедентную скорость продвижения радикальных идей и мобилизации их сторонников. Процесс радикализации стал серьезным вызовом исламу как религиозной системе, и поиск богословского ответа на вопросы, раздирающие исламское сообщество изнутри, является его первоочередной задачей. При этом нужно иметь в виду, что параллельно продолжает существовать другой ислам, достаточно открытый и готовый гибко реагировать на вызовы современности.

*

Религиозные традиции в XX в. прошли непростой путь. Большинство из них столкнулись с небывалым государственным насилием, когда под вопрос было поставлено само существование древних религиозных институтов, а часто — и религиозных традиций в целом. Они оказались включены в масштабные глобализационные процессы и вышли за пределы традиционных ареалов своего существования, вступили в идейный и культурный обмен, приобретя новых адептов и новые черты. Кроме того, XX в. был временем интенсивных духовных поисков миллионов людей на всех континентах, которые обретали смысл жизни и ответы на свои

экзистенциальные вопросы в учении традиционных религий и новых, недавно возникших религиозных движений. К концу века стало очевидно, что, несмотря на угрозу со стороны воинствующего секуляризма, религия и религиозные институты не перестали существовать, но нашли в себе силы вернуться и в общественное пространство, и в личную жизнь многих людей. Это дало основание теоретику десекуляризации П. Бергеру сказать, что мир XX в. столь же «яростно религиозен», как и мир предшествующих столетий.

Мир в первой половине XX века

Первая мировая война

На рассвете 2 августа 1914 г. войска немецкого рейхсвера перешли границу Германской империи в районе Трира и вторглись в пределы суверенного государства Великого герцогства Люксембург, нейтралитет которого обеспечивался целой серией международных правовых договоров. Целью этого вероломного акта было как можно скорее захватить люксембургские железные дороги, важные для Германии в стратегическом отношении. В ночь на 4 августа германские войска начали операцию по захвату Бельгии — королевства, «вечный» нейтралитет которого также гарантировали все великие европейские державы, в том числе и Пруссия. Именно в этот день немецкий канцлер Т. Бетман–Гольвег назвал международный договор о нейтралитете Бельгии от 1830 г. «клочком бумаги», поразив своим неприкрытым цинизмом весь мир. Так началась Первая мировая война.

С захвата Бельгии и Люксембурга немцы приступили к осуществлению своего стратегического плана ведения военных действий — плана Шлиффена, названного так в честь бывшего начальника германского Генерального штаба. Краеугольной основой этого плана была идея о неизбежности ведения Германией войны на два фронта — против России на востоке и против Франции на западе. Исходя из этого, на начальной стадии войны предполагалось сконцентрировать основные силы на Западном фронте с целью скорейшего уничтожения французской армии, а против России выставить только войска, необходимые для совместных действий с австрийцами.

Рейхстаг голосует за войну. 1914 г. РГАКФД

Основой плана Шлиффена стал замысел некоего гигантского решающего сражения, в котором армия противника подлежала уничтожению одним сверхмощным ударом — т. е. с помощью молниеносной войны или блицкрига. Всего на начальном этапе войны против Франции предполагалось использовать 85% всех сухопутных сил рейха. Кроме того, согласно плану Шлиффена, атаковать Францию предстояло не через франко–германскую границу, вдоль которой были расположены хорошо укрепленные крепости, а через территории Бельгии, Люксембурга и, если потребуется, Голландии, обойдя тем самым французские войска справа и выйдя им в тыл. Нейтралитет этих государств германской стороной изначально не принимался в расчет.

Что же касается Восточного фронта против России, то там задачей германских войск была стратегическая оборона. Только 15% сухопутных сил Германии планировалось разместить против России на первом этапе войны. Сосредоточиваемые в Восточной Пруссии войска должны были задержать вторжение русских сил и замедлить их наступление к Нижней Висле до переброски главных сил германцев с Западного фронта после поражения французов. Приступить к такой переброске намечалось через 6 недель после начала операций на западе. Пока французы не будут окончательно разбиты, главная тяжесть борьбы с русскими войсками на Восточном фронте должна была пасть на австро–венгерские войска.

Толпа в Берлине слушает приказ кайзера о всеобщей мобилизации. 1914 г. РГАКФД

Стоянка самолетов в годы Первой мировой войны. 1914-1916 гг.

РГАКФД

Одной из главных особенностей плана Шлиффена была скоротечность боевых действий. Германский генеральный штаб исходил из того, что для затяжной войны Германия не имела ни достаточных материальных средств, ни людских ресурсов. Несколько недель давали берлинские стратеги на разгром французской и русской армий, а сам кайзер громогласно пообещал нации 1 августа, что «немецкий солдат вернется с победой домой раньше, чем опадут листья с деревьев».

К моменту начала первых боевых операций численность армий Тройственного союза существенно уступала Антанте — 3 млн 568 тыс. солдат и офицеров против 6 млн 179 тыс. Однако германские стратеги рассчитывали подавить противника своей огневой мощью — немцы обладали 2244 тяжелыми пушками и гаубицами, не считая крепостной артиллерии, против 1013 орудий у Антанты. Имели немцы превосходство перед своими противниками и в других видах высокотехнологичного вооружения, например, авиации.

Верховным главнокомандующим германской армии был кайзер Вильгельм II, однако фактически операциями руководил начальник Генерального штаба. В августе 1914 г. Германия выдвинула на Западном фронте против Франции семь армий, а против России — одну усиленную армию под командованием генерала М. Притвица.

Союзными Германии австро–венгерскими войсками руководил начальник Генерального штаба генерал Конрад фон Гетцендорф, хотя формально главнокомандующим считался эрцгерцог Фридрих. На Восточном фронте австро–венгерские войска состояли из трех усиленных армий; еще две армии были направлены против Сербии.

Войскам Центральных держав на Западе противостояли пять французских армий, бельгийская армия под командованием короля Альберта и английский экспедиционный корпус под командованием генерала Дж. Френча. На Балканах держали фронт четыре сербские армии под командованием генерала Р. Путника.

Россия на своей западной границе в начале войны имела шесть армий, на основе которых были сформированы Северо–Западный и Юго–Западный фронты. Верховным главнокомандующим 20 июля (2 августа) был назначен Великий князь Николай Николаевич. Русский Генеральный штаб возглавил генерал Н. Н. Янушкевич.

Первые дни войны на Западном фронте, казалось, сулили немцам успех. Уже к вечеру 5 августа передовые германские части подошли к линии фортов хорошо укрепленной бельгийской крепости Льеж, которые

пали к 16 августа. Малочисленная бельгийская армия, лишенная помощи со стороны своих союзников, была не в состоянии оказать серьезного сопротивления противнику и под натиском врага к ночи 18 августа отошла за р. Диль. К этому времени в Антверпен уже переехали бельгийское правительство и король Альберт. 20 августа германские войска заняли Брюссель и вышли на линию Брюссель — Намюр–Динан, готовясь вступить в сражение с французскими силами.

Таким образом, немцам потребовались три недели, чтобы войти в бельгийскую столицу, значительно больше, чем отводилось планом Шлиффена. Невзирая на явное превосходство противника, бельгийцы оказали агрессорам мужественное сопротивление, заставили немцев на несколько недель «завязнуть» в Бельгии. Это дало возможность англичанам перебросить войска на континент, а французам более тщательно подготовиться к обороне.

Нарушение бельгийского нейтралитета германской армией французский Генеральный штаб считал вполне вероятным, а поэтому в разрабатываемых планах развертывания всегда учитывал и такую возможность. К 20 августа к франко–бельгийской границе подошли французские армии левого крыла, на помощь французам с 9 августа с Британских островов спешно были переброшены и первые экспедиционные английские части. Силы противоборствующих сторон на этом участке фронта оказались приблизительно равными, и к 20 августа они полностью развернулись для решения главных задач. В этих условиях обеими сторонами была задумана стратегическая наступательная операция, целью которой являлся разгром основных сил противника. В исторической литературе эта операция получила название «Пограничное сражение».

В ходе этого сражения войска противников двигались навстречу друг другу, в результате чего в период с 21 по 25 августа произошли крупные встречные бои в Арденнах и в междуречье Самбры и Мааса. В пограничном сражении германским войскам сопутствовал успех. К 25 августа они овладели стратегически важной бельгийской крепостью Намюр и продолжили наступление в направлении Парижа.

В результате пограничного сражения стратегическая обстановка на французско–германском фронте резко изменилась. Французские армии на всем фронте северо–западнее Вердена вынуждены были отойти. «Пограничное сражение кончилось неудачей», — отмечал французский маршал, а в те дни главнокомандующий армиями Севера и Северо–Востока Ж. Жоффр. Поражение французских армий создало непосредственную угрозу Парижу. Теперь немцы отстояли от французской столицы всего

лишь чуть более чем на 50 км. Оборону города возглавил генерал С. Галлиени. 2 сентября французское правительство и все зарубежные посольства во Франции временно покинули Париж и перебрались в Бордо.

Однако в то время как французское командование сделало для себя из пограничного сражения поучительные выводы, германское командование переоценило свои успехи. В ставке кайзера считали, что французская армия уже разгромлена и осталось лишь окружить ее остатки и уничтожить. Полагая, что цели войны на Западе достигнуты, германское командование решило приступить к переброске войск на Восток, как это и предусматривалось планом Шлиффена. К этому немцев побуждало также и сложившееся положение в Восточной Пруссии, где у Гумбиннена русские нанесли серьезное поражение 8-й германской армии.

В трудных условиях отхода после поражения в пограничном сражении французское командование возлагало большие надежды на своего союзника — Россию. Так, маршал Жоффр 27 августа говорил военному министру А. Мильерану: «Слава богу, мы имеем благоприятные известия от русских в Восточной Пруссии. Можно надеяться, что благодаря этому немцы будут вынуждены отправить войска отсюда на Восток. Тогда мы сможем вздохнуть». Надежды французского командующего оправдались, российская армия честно и самоотверженно выполнила свой союзнический долг. В результате активных действий русских армий немцы уже 26 августа отправили на русский фронт два армейских корпуса и кавалерийскую дивизию.

Целый ряд эффективных организационных мероприятий, осуществленных французским главным командованием, мужественное сопротивление французских войск принесли свои плоды. Перегруппировка была закончена. Войска остановились и заняли извилистую линию фронта от Вердена до Парижа. Армии занимали выгодное охватывающее положение по отношению к противнику, и командование решило, что момент для перехода в наступление назрел.

Вечером 4 сентября Ж. Жоффр отдал приказ о переходе на следующий день в наступление. Накануне сражения на западном крыле фронта французам удалось создать двойное превосходство в силах. Вместе с французскими войсками перешла в наступление и британская армия. К ночи с 8 на 9 сентября английские части и основные силы 5-й французской армии вклинились между 2-й и 1-й германскими армиями и те оказались зажатыми с юга. Развязка сражения на р. Марне наступила 9 сентября и принесла успех союзным войскам. В этот же день командующие германскими армиями приняли решение об отступлении.

Главнокомандующий французской армией генералиссимус Ж. Жоффр. РГАКФД

Так произошло важное событие — германские армии отступили от Парижа. В истории это событие получило название «Чудо на Марне». Марнская битва 5-12 сентября была крупной наступательной операцией союзников стратегического масштаба. В этой операции с обеих сторон участвовали главные силы противников в составе пяти германских и шести армий союзников общей численностью около 2 млн человек. Битва на Марне стала переломным моментом в ходе всей Первой мировой войны. В этой операции окончательно рухнули планы кайзеровской Германии провести блицкриг. В связи с этим 14 сентября начальник генерального

штаба Г. Мольтке под предлогом болезни был отстранен от должности и на его место назначен военный министр генерал–лейтенант Э. фон Фалькенгайн.

Исход Марнского сражения в значительной степени предопределился активными действиями русских армий в Восточной Пруссии, в результате которых были существенно ослаблены силы немцев на направлении главного удара — Парижа.

Но стабилизация фронта перед мощными укреплениями противников под Парижем не означала, что стороны лишались возможности маневра на других фронтах, охвата и окружения неприятеля. На западном театре военных действий еще имелись свободные пространства. В этих условиях германскому командованию необходимо было перебрасывать войска на этот фланг быстрее противника.

Французский Генеральный штаб со своей стороны тоже предпринимал необходимые меры для использования столь благоприятной обстановки. В течение 30 дней — с 16 сентября по 15 октября обе стороны стремились охватить открытый фланг противника и первыми достичь берега моря, перебрасывая с разных участков все новые и новые силы к своим открытым флангам западнее Уазы и далее на северо–запад. Эти действия вошли в историю как «бег к морю». Однако противникам не удалось осуществить своих замыслов: войска сталкивались в новых районах, останавливались и закреплялись. Так постепенно позиционный фронт продвигался к северу. Результатом этих действий явилось лишь то, что фронт все больше и больше удлинялся, и, наконец, противники уткнулись в побережье Северного моря, удлинив западный фронт на 180 км. Так безрезультатно для немцев закончился «бег к морю».

Компенсировать свои стратегические неудачи немецкое командование решило во Фландрии, где с утра 20 октября началось наступление рейхсвера. Однако ощутимого успеха здесь также добиться не удалось. Во многом это было вызвано мужеством бельгийцев. Не имея достаточно сил для обороны, но, не желая покидать последний клочок родной земли, бельгийское командование 25 октября решило затопить низкий левый берег Изера, открыв шлюзы во время прилива. С утра 28 октября вода мощным потоком хлынула с моря и залила германские траншеи. Германцы вынуждены были покинуть позиции и отойти за р. Изер.

После изнурительных боев к 12 ноября обе стороны пришли к заключению, что дальнейшая борьба во Фландрии уже не может дать им желательного результата. Так созрело решение о переходе к обороне. Таким образом, Фландрское сражение закончилось для германцев безрезультатно.

Союзные же армии успешно оборонялись, остановили наступление врага и не допустили его продвижения по морскому берегу.

Сражение во Фландрии стало последним на западноевропейском театре в маневренных условиях. В результате трех с половиной месяцев напряженной борьбы противники оказались стоящими перед укрепленными позициями друг друга на огромном фронте протяженностью 700 км, имея фланги, прикрытые естественными препятствиями или территорией нейтральных государств — Голландии и Швейцарии. Все надежды на достижение скорой победы окончательно были потеряны. Так на Западном фронте начался позиционный период войны.

Что же касается русского фронта, то первая военная кампания мировой войны открылась здесь Восточно–Прусской операцией. Необходимость ее проведения нашим командованием мотивировалась стремлением «поддержать французов ввиду готовящегося против них главного удара немцев». Собственно, еще 13 июля 1912 г. в Париже состоялось совещание начальников Генеральных штабов русской и французской армий. На нем была одобрена точка зрения российского Генерального штаба, изложенная его тогдашним начальником генералом Я. Г. Жилинским, согласно которой российский Генеральный штаб в первые дни войны сконцентрирует против Германии военные соединения численностью не менее 800 тыс. сабель и штыков.

Верное своим союзническим обязательствам, русское командование приступило к разработке плана операции по захвату Восточной Пруссии сразу же после начала войны. Войскам ставилась задача овладеть Восточной Пруссией и создать тем самым плацдарм для дальнейшего наступления в глубь Германии. 1-армии под командованием генерала П. К. Ренненкампфа предписывалось наступать в обход Мазурских озер с севера и отрезать немцев от Кёнигсберга. 2-й армии под командованием генерала А. В. Самсонова предстояло вести наступление в обход этих озер с запада, не допуская отвода германских дивизий за Вислу. Общая идея операции заключалась в охвате немецкой группировки с обоих флангов.

Однако коррективы в план русского командования внесла обстановка, сложившаяся на западноевропейском театре войны. Одержав победу над союзными армиями в пограничном сражении, к началу сентября немцы вышли на р. Марна между Парижем и Верденом. В этих условиях французское правительство запросило помощь у России. Идя навстречу пожеланиям союзника, попавшего в беду, Николай II и его генералы решили ускорить переход к активным военным действиям в Восточной Пруссии.

Общее соотношение сил к началу операции было более благоприятно для русской армии. Северо–Западному фронту, в составе которого было 17,5 пехотных и 8,5 кавалерийских дивизий, 1104 орудия, 54 самолета, противостояла германская армия, насчитывавшая 15 пехотных и 1 кавалерийскую дивизию, 1044 орудия, 56 самолетов, 2 дирижабля.

Операция началась наступлением 1-й армии, соединения которой 17 августа вступили на территорию Восточной Пруссии. В первом же бою близ г. Сталупена противник был наголову разбит, его войска отступили к р. Ангерапп. 20 августа в районе Гумбиннена состоялось одно из крупнейших сражений войны, в ходе которого русскому командованию удалось нанести крупное поражение противнику. Однако вместо преследования отступавших германских войск генерал Ренненкампф бездействовал. Благоприятнейший момент был упущен. Армия Ренненкампфа понесла большие потери и была измотана длительными маршами.

Успешно развивалось и начавшееся 20 августа наступление 2-й армии под командованием генерала Самсонова. В тяжелейших условиях русские солдаты за трое суток преодолели 80 км и перешли государственную границу империи. Но продвигаясь в глубь Восточной Пруссии, командующий армией потребовал изменить направление наступления в сторону северо–запада — Алленштейна, чтобы воспрепятствовать отводу германских войск за Вислу. Решение командования о наступлении 2-й армии к Висле, а не на соединение с частями 1-й армии было неверным и не отвечало истинному положению дел. Все расчеты строились на том, что немцы окончательно разгромлены и в беспорядке отступают к Кёнигсбергу. По существу операция считалась уже законченной, и даже предполагалось в ближайшее время перебросить войска из Восточной Пруссии на другое направление. На самом деле обстановка была совершенно иной.

Действительно, командующий немецкой 8-й армией генерал М. Притвиц уже хотел оставить Восточную Пруссию, однако, убедившись в пассивности войск Ренненкампфа, изменил план отступления за Вислу. Во время операции царские генералы всю оперативную информацию передавали по радио открытым текстом, и она стала легкой добычей штаба германской армии. В результате немцы приняли решение двинуть основную часть своих сил против 2-й армии генерала Самсонова. Немецкая группировка была усилена кадрами: ее руководство было снято с занимаемых постов за нерешительность и заменено опытными генералами П. Гинденбургом и Э. Людендорфом.

26 августа германские части атаковали авангард 2-й армии. Русские

войска оборонялись мужественно, казалось, все попытки германцев потеснить их обречены, но на следующий день после начала наступления немцы передали по радио от имени командира русского первого корпуса ложный приказ оставить позиции. В итоге к концу 27 августа положение 2-й армии резко ухудшилось. Два дня русским войскам пришлось вести тяжелые оборонительные бои.

29 августа немцы замкнули окружение двух русских корпусов и еще одной дивизии 2-й армии. Не снеся позора, покончил с собой генерал Самсонов. К исходу 9 сентября противник прорвал слабую оборону русских войск в районе Мазурских озер, поставив тем самым под удар левый фланг 1-й армии. От окончательного разгрома ее спасла лишь нерешительность немецкого командования, опасавшегося контрудара русских, которого, впрочем, так и не последовало.

13 сентября командование Северо–Западного фронта отдало приказ, по которому 1-й армии предписывалось отойти за Неман, а 2-й — за Нарев. Восточно–Прусская операция завершилась. Она обернулась для русской армии потерями в 245 тыс. человек, в том числе 135 тыс. пленными. Однако противнику не удалось разгромить русские армии, они были лишь вытеснены к государственной границе. Устойчивость Северо–Западного фронта не была нарушена, и по–прежнему оставалась угроза их вторжения в Восточную Пруссию.

Действия русской армии имели и огромное стратегическое значение. Вторжение в Восточную Пруссию серьезно ослабило ударную группировку немцев на западе и стало одной из причин их поражения в битве на Марне. Не дав разгромить своего союзника, верховное командование русской армии сорвало выполнение плана Шлиффена, чем направило ход мировой войны совсем не в то русло, на которое рассчитывали немецкие стратеги.

Куда успешней для русской армии события развивались в районе Карпат. Здесь фаза активных боевых действий войск Юго–Западного фронта началась также преждевременно и тоже в связи с обращением союзников о помощи. Так 14(1) августа 1914 г. Н. Н. Янушкевич телеграфировал начальнику фронта Н. И. Иванову о том, что Франция просила «поддержать ее наступлением не только армиями Северо–Западного фронта, но и Юго–Западного». В связи с этим было решено, не дожидаясь полного развертывания своих армий, атаковать австро–венгерские войска в Галиции, нанести им поражение и воспрепятствовать их отходу на юг за Днестр и на запад к Кракову. Русское командование намеревалось осуществить грандиозный охватывающий маневр с целью окружения основных сил австро–венгерской армии.

Так 19 (6) августа наступлением 3-й русской армии началась Галицийская битва, развернувшаяся между Днестром и Вислой. Оно развивалось почти беспрепятственно, слабые части войск прикрытия противника поспешно отходили, а боевые столкновения были редкими. За шесть дней армия продвинулась на 90 — 100 км. Впрочем, на день раньше 3-й армии начала наступление 8-я армия под командованием генерала А. А. Брусилова. Здесь противник также не оказал серьезного сопротивления. За восемь дней боев 8-я армия прошла 130 — 150 км и развернулась на фронте в 45 км.

2 сентября (20 августа) противник оказался обращен в беспорядочное бегство в район Жолкиева, что создало угрозу охвата левого фланга австрийской армии. Австро–венгерскому командованию стало ясно, что удерживать Львов не было смысла. Оно решило оставить город, куда 3 сентября (21 августа) вступили подразделения 8-й армии. «Сегодня, 21 августа, в 11 часов утра, — доносил Брусилов, — разъезды 12-й кавдивизии вошли в оставленный неприятелем город Львов; встречены жителями очень приветливо». На следующий день наши войска овладели Галичем, а в ночь на 5-6 сентября (23-24 августа) захватили Миколаев. В дальнейшем командование Юго–Западного фронта решило продолжать наступление, поставив задачу форсировать р. Сан и организовать преследование противника. Однако неожиданно перед войсками фронта возникли трудности: после обильных дождей поднялась вода в Сане, а мосты были снесены. Переправа главных сил замедлилась, и австро–венгерским частям удалось оторваться от русских. После арьергардных боев они к 22 (9) сентября отошли к р. Бислоке, а к 26 (13) сентября — рекам Дунаец и Бялы. Так закончилась битва за Галицию.

Галицийская битва стала одной из крупнейших стратегических операций Первой мировой войны, она длилась с 18 (5) августа по 26 (13) сентября 1914 г. В ходе ее боевые действия развернулись на фронте 400 км. В итоге русского наступления австро–венгерские войска потерпели серьезное поражение: их потери составили около 400 тыс. человек, включая 100 тыс. пленных, русских войск — 230 тыс. человек. Но австро–венгерским армиям удалось избежать полного разгрома.

Победа в Карпатах создала опасность вторжения нашей армии в германскую Силезию. В связи с этим в ходе Варшавско–Ивангородской операции германские и австрийские войска сделали попытку сорвать наступление русских войск в Силезию, выйдя в тыл войск Юго–Западного фронта. Однако 9 октября (26 сентября) наступление врага на Варшаву было отражено, а 18 (5) октября в ходе контрнаступления русских

противник был отброшен на исходный рубеж. Провалом закончились и попытки противника окружить в районе Лодзи 2-ю и 5-ю русские армии в ходе Лодзинской операции, начавшейся 11 ноября (29 октября) 1914 г. Более того, войска Юго–Западного фронта нанесли ощутимое поражение австро–венгерским дивизиям и вышли на подступы к Кракову и Ченстохову. В дальнейшем, исчерпав наступательный потенциал, к ноябрю 1914 г. стороны перешли к обороне на всем протяжении Восточного фронта.

Осенью 1914 г. на стороне Центральных держав выступила Турция. 18 (5) ноября султан Мехмед V Решад был провозглашен Верховным главнокомандующим. Турки начали вести войну сразу на трех фронтах: Кавказском, Палестинском и Месопотамском. На Кавказе туркам противостояла русская армия, которой официально командовал царский наместник на Кавказе граф И. И. Воронцов–Дашков, но фактически всеми действиями руководил начальник генерального штаба кавказской армии Н. Н. Юденич. Русским войскам под его руководством 22 (9) декабря — 7 января (25 декабря) 1915 г. под Саракамышем удалось наголову разгромить турок.

В пользу союзников по Антанте к концу 1914 г. сложилась ситуация и на других фронтах Первой мировой войны. Так, австрийцы потерпели поражение не только в Галиции, но и в Сербии, в Китае в руках Японии оказалось Цзяочжоу, а также Каролинские, Марианские и Маршалловы острова, ранее принадлежавшие Германской империи. Остальные тихоокеанские владения кайзера Вильгельма были захвачены Британией. Лишились немцы практически и всех колоний в Африке, которые оказались отрезанными от метрополии.

Вступление в войну Османской империи. Шейх уль-Ислам объявляет священную войну. Стамбул, 1914 г.

Мировая война 1914-1918 гг. велась не только на суше, но и на море. Причем на просторах океана военно–морские силы Антанты, прежде всего Великобритании, имели серьезное преимущество над своими противниками. Поэтому не случайно, что в ходе кампании 1914 г. на море англичанам удалось 8 декабря разгромить эскадру германского адмирала М. фон Шпее у Фолклендских островов.

В пользу англичан оказались и результаты Гельголандского сражения, произошедшего 28 августа. В тот день британским морякам под командованием адмирала Д. Битти удалось потопить три германских крейсера и один эсминец. Подавляющее преимущество на море позволило англичанам начать с 5 ноября блокаду Германии, которая нанесла серьезный ущерб экономике противника.

Впрочем, одна из главных неожиданностей в войне на море случилась 22 сентября, когда только за один день германская подводная лодка «U-9» под командованием О. Веддигена сумела потопить три британских крейсера. Это дало немцам призрачную надежду на то, что новый вид оружия позволит им не только эффективно противостоять блокаде, но и самим нанести существенные военные и экономические потери владычице морей Британии.

Сражения на других морях — Черном, Балтийском и Средиземном в 1914 г. носили локальный характер и не могли существенно повлиять на

расстановку сил на театрах военных действий.

Если в целом оценить итоги военной кампании 1914 г., то следует подчеркнуть, что основным ее итогом стал крах блицкрига — краеугольного камня плана Шлиффена. Немцы и на Востоке, и на Западе «завязли» всерьез и надолго. На всем протяжении Западного фронта — от Швейцарии до Северного моря — и Восточного фронта — от Балтики до Карпат — возникла сплошная линия фронтов, война стала приобретать позиционный характер. Это потребовало поиска новых путей для решения стратегических задач.

В ходе нескольких месяцев войны было израсходовано огромное количество накопленных боеприпасов, запасов вооружения не хватало. Для его пополнения требовалось немедленно переводить промышленность воюющих держав на военные рельсы, принять эффективные меры по развертыванию производства вооружения и боеприпасов. Невиданные доселе потери личного состава требовали от сторон срочного решения мобилизационных задач.

Случилось то, чего больше всего боялись немецкие штабисты — Германский рейх теперь был вынужден вести затяжную войну, шансы выиграть которую у Берлина были минимальны.

Война и дипломатия

Начало военных действий кардинально изменило систему международных отношений. Отныне главной задачей стран Антанты и противоборствующей ей коалиции Центральных держав стало, во–первых, привлечение на свою сторону как можно большего числа союзников, а во–вторых, укрепление собственных рядов.

Уже 5 сентября (23 августа) 1914 г. представители России, Англии и Франции подписали соглашение, по которому союзники брали на себя обязательство в течение всей войны не заключать с противником сепаратный мир и не выходить из войны без взаимного согласия. В дальнейшем, вплоть до октября 1917 г., союзники строго придерживались этого соглашении. Таким образом, Антанта де–юре превратилась из политического в военный союз.

Тем не менее в стане Антанты развернулась острая дипломатическая борьба. Шла она по поводу «призов», которые должна была получить каждая из стран после успешного окончания военных действий. Одной из наиболее дискуссионных тем стала судьба Османской империи, которая в

те годы продолжала контролировать значительную часть арабского мира.

Впервые вопрос о будущем этой страны был поставлен на повестку дня сразу же после начала войны английским министром иностранных дел Э. Греем, который заявил, что в случае присоединения Турции к Германии она должна перестать существовать. Немного позже англичане, крайне заинтересованные в активизации русской армии на Восточном фронте, заявили, что после победы над Германией судьба Константинополя и проливов будет решена в соответствии с интересами России.

Этот вопрос стал одной из главных тем в межсоюзнических отношениях, особенно после того, как 25 февраля 1915 г. британские и французские военные корабли обстреляли турецкие форты у входа в пролив Дарданеллы и приступили к осуществлению Дарданелльской операции. Полагая, что она закончится для союзников быстрым успехом, в ее проведении изъявили желание принять участие также и греки, что вызвало крайне негативную реакцию в Петрограде: там опасались, что Афины потребуют в качестве награды Константинополь. В случае успеха задуманной операции проливы в любом случае переходили под контроль Англии и Франции, что заставило Россию потребовать от своих союзников официальных заверений в передаче ей после войны проливов и Константинополя. В ход пошли даже прямые угрозы со стороны российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова. Наиболее негативно относившимся к передаче Константинополя России французам он без обиняков заявил, что уйдет в отставку, а министром в таком случае вполне может стать человек, который с симпатией относится к идее замирения с противником.

Сергей Дмитриевич Сазонов (1860-1927) сыграл значительную роль в формировании и осуществлении внешней политики Российской империи на заключительном этапе ее существования. В июле 1909 г. он был назначен товарищем министра иностранных дел, а в ноябре 1910 г. занял пост министра, на котором он проработал до июля 1916 г.

Потомственный дворянин Сазонов родился в Московской губернии и получил весьма неплохое образование. В 1883 г. он успешно закончил Александровский императорский лицей и был направлен на службу в Министерство иностранных дел. В 1888 г. началась его заграничная служба в российских посольствах и миссиях, где он проработал почти 20 лет. Сазонов был секретарем посольства, советником и поверенным в делах в Лондоне,

секретарем, а затем чрезвычайным и полномочным посланником при папском престоле. Важную роль в его продвижении по службе сыграли хорошие отношения с тогдашним министром иностранных дел А. П. Извольским и родство с председателем Совета министров П. А. Столыпиным, с коим они были женаты на родных сестрах.

По своим политическим воззрениям Сазонов был умеренно либеральным монархистом, а заняв пост министра, продолжил курс на укрепление Антанты, но при этом стремился сохранить нормальные отношения и с Германией. Коренным вопросом внешней политики России Сазонов считал борьбу за Черноморские проливы, который, по его мнению, возможно было решить лишь в ходе европейской войны. Только эта цель и могла оправдать участие в войне России и ее огромные жертвы. Сазонов сделал немало, чтобы убедить союзников России по Антанте признать права страны на обладание Босфором и Дарданеллами. Решение этой коренной для внешней политики России задачи было продиктовано потребностями торгово–экономического развития страны, а также стратегической необходимостью, подтвержденной вековым историческим опытом.

В 1918-1920 гг. Сазонов был членом правительств Колчака и Деникина, представлял их интересы на Парижской мирной конференции. Умер в эмиграции в Ницце.

Угрозы подействовали, и 12 марта 1915 г. Лондон официальной нотой гарантировал передачу России г. Константинополя с прилегающими территориями. Они включали в себя западное побережье Босфора и Мраморного моря, Галлиполийский полуостров, Южную Фракию по линии Энос — Мидия и, кроме того, восточное побережье Босфора и Мраморного моря до Исмитского залива, все острова Мраморного моря, а также острова Имброс и Тенедос в Эгейском. Однако все это обусловливалось, во–первых, победой союзников по Антанте в войне, а во–вторых, компенсацией Англии и Франции за счет других территорий Азиатской Турции. Причем британцы в качестве основной платы потребовали присоединения к сфере своего влияния доселе нейтральной зоны Персии, что давало им возможность прибрать к рукам обширные нефтяные месторождения. 10 апреля к русско–английской сделке с большой неохотой присоединилась и Франция, которая также рассчитывала на арабские

владения Османской империи — Сирию, Ливан и др.

Куда меньше споров между союзниками вызывала проблема территориальных изменений в Европе, которые должны были произойти после окончания войны и разгрома коалиции Центральных держав. Так или иначе, но союзники сходились во мнении, что после того, как будет сокрушена германская военная машина, Франция возвратит себе утерянные Эльзас и Лотарингию, Дания — Шлезвиг и Гольштейн, Бельгия также получит компенсацию за счет Германии, а Австро–Венгрия превратится в триалистическую монархию. При этом под эгидой России будет создана объединенная Польша, а Сербия получит Боснию и Герцеговину. Не исключалась возможность и других территориальных изменений на Балканах. Кроме того, союзники были едины в том, что Германия непременно должна будет лишиться всех своих заморских колоний.

Однако планы Антанты по послевоенному переустройству мира, как впоследствии показали документы, обнаруженные в немецких архивах, были эталоном скромности по сравнению с аппетитами правителей Второго рейха. В Берлине мечтали ни много, ни мало о новом и коренном переделе всего мира: под немецкий контроль должны были быть переданы все английские, французские и бельгийские колонии, Бельгия превратилась бы в немецкий протекторат, Франция могла лишиться части побережья Ла–Манша, железорудного бассейна Бриэ, западных Вогезов, крепостей Бельфор и Верден. С России причитались Польша, прибалтийские губернии и «территории, расположенные к югу от них», Финляндия и даже Кавказ. Некоторые из этих земель следовало, по мнению немецких стратегов, включить в состав Великой Германии, а другие — сделать «буферными» государствами, находящимися в полной зависимости от Берлина. Само собой, все страны — противники рейха — были бы обязаны выплатить огромные репарации и контрибуцию, а Россия помимо всего прочего заключить с Германией торговый договор и стать фактически ее аграрным придатком.

Более «скромными» были планы Австро–Венгрии. Они ограничивались установлением полного господства империи Габсбургов на Балканах и подавлением любых устремлений славянских народов к независимости. Например, Сербию в Вене предлагали разделить между Австрией и Венгрией, или в крайнем случае сохранить ее в качестве самостоятельного государственного образования в урезанном виде и с населением не более полутора миллионов человек. У Черногории австрийцы намечали отобрать Адриатическое побережье и сделать все возможное для недопущения в будущем объединения Сербии и

Черногории. Также предполагалось «подкорректировать» в пользу габсбургской монархии границы на Балканах и в других местах: Польше, Трансильвании. Но как отмечают российские историки, «у правителей Австро–Венгрии не было ни продуманных военных целей, ни планов реализации не только в начале войны, но и в конце ее».

Следует, однако, подчеркнуть, что и в германских политических и финансовых кругах не существовало полного единства взглядов касательно «целей войны» — одни стремились к южным морям и колониям, другие вожделенно посматривали на восток Европейского континента.

Например, начальник германского Генерального штаба Э. фон Фалькенгайн уже осенью 1914 г. стал придерживаться мнения, что коль скоро разгромить Францию и осуществить «план Шлиффена» не удалось, а война на два фронта вступила в затяжную фазу, сепаратный мир и «замирение» с Россией самым благоприятным образом скажется на положении Германии. Его, как и О. Бисмарка, пугали безбрежная территория России и огромные людские резервы страны. Он полагал, что в этих условиях наилучшим вариантом для Германии была бы ликвидация протяженного от Балтийского моря до Карпатских гор Восточного фронта и последующая концентрация усилий на Западе. «Россию разгромить невозможно — с ней можно только договориться», — такова была позиция начальника германского Генерального штаба.

Военный министр Э. фон Фалькенгайн. РГАКФД

Генерал–адмирал А. фон Тирпиц. РГАКФД

Есть сведения и о том, что генерал Э. фон Фалькенгайн выступал против разгрома России и по политическим соображениям. По его мнению, второе после русско–японской войны поражение царской империи неизбежно революционизирует страну, что закончится трагедией не только для нее одной, так как грядущий русский бунт будет представлять серьезную опасность для внутриполитической стабильности Германии.

Идею поиска компромисса с Россией поддерживал и министр иностранных дел Второго рейха Г. фон Ягов.

Кроме того, твердым сторонником заключения скорейшего мирного договора с Россией и отказа от предъявления ей каких–либо претензий был

и влиятельнейший морской министр А. Тирпиц. Главным соперником рейха он, безусловно, считал Англию: «Политическим мозгом Антанты всегда был Лондон; он же становился все более и ее военным мозгом… Никакое расчленение царской империи, которое имели в виду германские дипломаты и демократия, не могли нам помочь, если главный враг оставался для нас недосягаем». «Я не знаю, найдется ли в мировой истории пример большего ослепления, чем взаимное истребление русских и немцев ad majorem gloriam англосаксов», — писал позднее гросс–адмирал Тирпиц в своих воспоминаниях.

Несколько отличного мнения придерживался рейхсканцлер Т. Бетман–Гольвег. Он поначалу весьма сдержанно относился к идее возможности прийти к соглашению с Россией, полагая, что она еще не готова к переговорам с Германией. Тем не менее он надеялся, что грядущие победы Гинденбурга и оккупация всей Польши германскими и австро–венгерскими войсками смогли бы в ближайшем будущем создать основу для «взаимопонимания» между двумя враждующими странами. Например, информируя 24 ноября германское министерство иностранных дел о мирной инициативе датского короля, канцлер присовокупил: «По моему мнению, ответ должен быть отсрочен до тех пор, пока не наступит решение на Востоке».

Иной позиции придерживался заместитель министра иностранных дел А. Циммерман, за спиной которого стоял генерал Э. Людендорф. Главным врагом, по мнению Циммермана, для немцев всегда была и оставалась Россия. Соответственно, до тех пор, пока немцы самым решительным образом не рассчитались с ней, сохранялась бы угроза существованию Второго рейха. Исходя из этого, возможным виделось только военное решение проблемы. Россию первой было необходимо «поставить на колени».

Наименее опасным врагом Германии Циммерман считал Францию, которая была вынуждена вступить в войну «не по своей склонности». Франция, по его мнению, вообще держалась лишь благодаря массированной военной помощи Англии и надеждам на русский «паровой каток», который должен был раздавить немцев. Поэтому именно ее он видел готовой к началу переговоров о мире с немцами, хотя о каких–либо территориальных уступках Парижу не могло быть и речи. В качестве самого главного врага рассматривал Россию и другой видный немецкий военачальник — П. фон Гинденбург. Именно на Востоке, как он полагал, и лежал ключ к победе во всей мировой войне.

Таким образом, к концу 1914 г. ни среди немецких военных, ни в

правительстве не существовало даже какого–либо подобия единства мнений. Некоторые германские государственные и политические деятели считали возможным пойти на компромиссы с отдельными противниками во имя достижения главной цели, другие полагали, что в этом мире все проблемы решаются только при помощи грубой военной силы. Но сути дела это не меняло: основной задачей берлинских стратегов было установление такого миропорядка, при котором доминирующая роль принадлежала бы исключительно Великой Германии.

Следует также подчеркнуть, что у Центральных держав вообще не было согласованных военных целей. За все годы войны им так и не удалось выработать по этому поводу общую программу. Невозможным оказалось даже согласовать интересы между Германией и Австро–Венгрией, а состоявшиеся по этому поводу 15-16 ноября 1916 г. переговоры в Берлине закончились фактически безрезультатно. Двум ближайшим союзникам на этой встрече удалось лишь договориться о взаимных гарантиях территориальной целостности.

Помимо укрепления коалиционных отношений другой главной целью дипломатии союзников по Антанте и Тройственному союзу сразу же после начала Первой мировой войны стало привлечение на свою сторону новых «братьев по оружию». Это была сложная задача, требовавшая немалых усилий.

Не заставила себя долго уговаривать только Япония, быстрее всех сумевшая сориентироваться в новой ситуации. Уже 15 августа Токио направил Берлину ультиматум, в котором потребовал себе Цзяочжоу — фактически немецкую колонию на территории Китая. На ответ немцам было дано восемь дней, но они проигнорировали требования японцев, и 23 августа 1914 г. Япония объявила Германии войну, после чего быстро захватила все владения немцев в Китае. Вступив в войну, Страна восходящего солнца преследовала цель укрепить свои колониальные позиции в дальневосточном регионе. Тем не менее этот шаг Токио означал, что Россия до поры до времени может не волноваться за свои дальневосточные владения, и укреплял тем самым сплоченность членов Антанты.

Куда сложнее обстояли дела с вовлечением в войну Турции. Борьба между Антантой и Центральными державами за влияние над этой страной не утихала ни на минуту. Собственно, Стамбулу не приходилось ожидать ничего хорошего ни от одной, ни от другой стороны. Если Россия, Англия и Франция страстно желали расчленить одряхлевшую Османскую империю и поделить между собой, то немцы стремились превратить ее в своего

бесправного вассала. И все же в турецком правительстве преобладали германофилы, полагавшие, что Берлин поможет Турции решить ее территориальные проблемы за счет балканских соседей. Таким образом, 2 августа 1914 г. между Германией и Турцией был подписан секретный договор, по которому Турция обязалась вступить в войну на стороне Берлина. В распоряжение германского Генерального штаба по сути была передана турецкая армия, а в день подписания секретного договора в Османской империи была объявлена всеобщая мобилизация. Правда, публично турки поспешили заявить о нейтралитете, объяснив его полной неготовностью своей армии к ведению боевых действий.

Больше всех из стран Антанты на данном этапе не была заинтересована во вступлении в войну Турции Россия, которой тогда пришлось бы открывать новый фронт на Кавказе. Именно поэтому она предложила своим союзникам удовлетворить ряд требований султанского правительства: гарантировать Турции в случае сохранения ею нейтралитета и демобилизации армии территориальную неприкосновенность, возвратить о. Лемнос и отменить так называемый режим капитуляций. Характерно, что на это предложение российского министра иностранных дел Сазонова английская дипломатия в лице Грея ответила лишь согласием гарантировать территориальную неприкосновенность Турции только на период войны и отвергла все другие предложения.

Но пока на берегах Босфора шло активное тайное дипломатическое зондирование, на фронтах в Европе потерпел крах немецкий план блицкрига. В новой стратегической ситуации как никогда возросла заинтересованность Германии во вступлении Турции в войну на своей стороне.

В Берлине было принято решение действовать молниеносно и форсировать развитие событий. Сумевшие прорваться к Стамбулу два немецких крейсера «Гебен» и «Бреслау» были формально переданы военно–морскому флоту Османской империи. При этом экипажи на них остались прежние. Германский контр–адмирал В. Сушон, под сильнейшим давлением немцев, был назначен командующим турецкими военно–морскими силами. Именно он 29 октября 1914 г. отдал приказ офицерам и матросам сменить фуражки и бескозырки на фески и под турецким флагом атаковать города на Черноморском побережье России — Севастополь, Одессу, Феодосию и Новороссийск. Это была чистейшая провокация, которая достигла своей цели. В тот же день российский посол в Константинополе М. Н. Гирс затребовал свои паспорта, а 2 ноября Россия объявила войну Турции. 5 и 6 ноября ее примеру последовали Англия и

Франция. Так Османская империя оказалась втянута в гибельную для себя войну.

Кампания 1915 года

Безусловный крах стратегии блицкрига имел куда более важные последствия для Германии и ее союзников, чем для стран Антанты. В те годы над Британской империей по–прежнему не заходило солнце, ее колонии были богаты и многолюдны, а флот Его Величества, как и раньше, господствовал на бескрайних просторах мирового океана. Великой колониальной державой продолжала оставаться и Франция. Казалось, неисчерпаемые людские, сырьевые и продовольственные ресурсы имела и бескрайняя Россия. Находящиеся в блокаде Центральные державы, напротив, были практически лишены возможности вести внешнюю торговлю, продовольственные запасы Германии были ограничены и не рассчитаны на продолжительную и упорную войну на два фронта, не хватало Берлину и важнейших стратегических материалов. Поэтому, осознав, что победы на два фронта в войне на истощение им никогда не одержать, немцы решили разбить противника по частям.

К началу 1915 г. в столицах европейских держав стали подводить итоги военной кампании 1914 г. Великобритания и Франция, логично полагая, что победа над Германской империей и ее сателлитами возможна лишь при условии достижения абсолютного превосходства над ней, все внимание в наступающем году решили обратить на наращивание собственного военноэкономического потенциала. Именно поэтому в Лондоне и Париже решили перейти к стратегической обороне, предполагая активно действовать только в Восточном Средиземноморье.

Что же касается России, то Ставка Верховного главнокомандующего запланировала на 1915 г. ведение широких наступательных операций. Первоначальный план, разработанный генерал–квартирмейстером Ставки генералом Ю. Н. Даниловым, предусматривал ведение наступления на северо–западном направлении в сторону Восточной Пруссии с последующим перенесением удара на Берлин, а на юго–западном направлении планировалась оборона.

Такой план кампании 1915 г. вызвал серьезные разногласия в высшем командовании российской действующей армии. Данилова поддержал главнокомандующий Северо–Западным фронтом генерал Н. В. Рузский, который опасался восточнопрусской группировки германских войск,

нависавшей над дислоцированными в Польше российскими армиями. Но с резкими возражениями против предложенного плана выступили главнокомандующий Юго–Западным фронтом генерал Н. И. Иванов и начальник штаба генерал М. В. Алексеев. Они полагали, что в интересах России следует прежде всего разгромить куда более слабую и раздираемую внутренними противоречиями Австро–Венгрию. По их мнению, путь на Берлин лежал не через Восточную Пруссию и Кёнигсберг, а через венгерскую равнину и Вену.

К сожалению, Ставка Верховного главнокомандующего не проявила твердости в своем решении. Был найден компромиссный и, как часто бывает, самый худший вариант: решено было готовить одновременный удар и по Восточной Пруссии, и против Австро–Венгрии. Между тем такое одновременное наступление по двум расходящимся направлениям ни в коей мере не соответствовало реальным возможностям российской армии. На такое наступление у России не было ни сил, ни средств.

Что же касается Центральных держав, то, в отличие от Антанты, перспектива затягивания войны не сулила им никаких выгод. Однако в отношении направления главного удара и способа скорейшего окончания войны в Берлине единогласия не было. По мнению Э. фон Фалькенгайна, окончательную победу следовало искать не на Востоке, а на Западе Европы. Условия для этого к 1915 г. сложились самые благоприятные: Великобритания еще не развернула полностью свои силы, а Франция сильно ослабла в первый год войны. Однако командование группы немецких армий на Востоке в лице генералов П. фон Гинденбурга и Э. Людендорфа и австро–венгерское командование в лице К. фон Гётцендорфа настойчиво требовали первоочередного разгрома России. Скорейшая ликвидация Восточного фронта должна была, по их прогнозам, заставить Париж и Лондон пойти на подписание мира, выгодного для Берлина и Вены.

Надо отметить, что веские основания для первоочередного удара по Российской империи у германского высшего военного командования имелись. На Восточном фронте еще были возможности для ведения маневренной войны, а потому не требовалось прорывать хорошо подготовленную в инженерном отношении позиционную оборону противника. К тому же сильный удар по России предотвращал вторжение русских армий в Восточную Пруссию и Австро–Венгрию. Россия для главного удара была выбрана немцами не случайно: ее армии находились в 1,5 раза ближе к Берлину, чем французские войска, и создавали реальную угрозу выхода на венгерскую равнину и разгрома Австро–Венгрии.

В окончательной форме германо–австрийский план кампании был согласован и принят в январе 1915 г. Он предусматривал на Западе активную оборону всего фронта протяженностью в 700 км, а на Востоке планировался разгром российской армии и отбрасывание ее как можно дальше в глубь страны. Здесь было решено нанести два мощных удара по сходившимся направлениям с конечной целью окружения значительной части российских войск в «польском котле» и последующего их уничтожения. Успех такой наступательной операции, по оценкам Берлина и Вены, заставил бы Россию капитулировать и подписать сепаратный мир. Соответственно, после победы на Востоке освободившиеся силы Германии и Австро–Венгрии могли быть переброшены на Запад для разгрома французских и британских войск.

Итоги боевых действий в 1914 г. поставили перед воюющими державами новые сложные проблемы. Реальная перспектива затяжной войны означала необходимость обеспечения действующих армий и новых формирований материальнотехническими средствами вооруженной борьбы. Небывалые по длительности и напряжению сражения миллионных армий на фронтах протяженностью в тысячи километров потребовали огромного расхода снарядов, винтовок, орудий. Жизнь опрокинула все расчеты мирного времени на размеры военных запасов и сроки их расходования. Россия, например, планировала иметь годовой запас 76-мм снарядов на орудие 1000 штук, а выяснилось, что его можно было израсходовать в течение 16 дней. Франция в битве на Марне ежедневно расходовала 240 тыс. снарядов при расчетной норме мирного времени всего 13 тыс. Во Франции мобилизационных запасов снарядов к 75-мм орудиям хватило до сентября, а запаса винтовок — до ноября 1914 г. В России запас винтовок был исчерпан за два–три месяца войны, а патронов и снарядов — к середине декабря 1914 г.

Начальник Генерального штаба Австро–Венгрии фельдмаршал К. фон Гётцендорф. РГАКФД

Стратеги и политики большинства государств фактически не предприняли каких–либо реальных мер к мобилизации промышленности. Поэтому возраставший расход боеприпасов и вооружения при недостаточном их производстве обусловил кризис снабжения уже к концу 1914 г., который в той или иной мере охватил все воюющие страны. Так, Франция уже с сентября 1914 г. стала испытывать нехватку снарядов, ее

промышленность могла удовлетворить лишь 1/15 потребности армии в 75-мм снарядах. В ноябре страна стала ощущать перебои в снабжении винтовками и орудиями. К февралю 1915 г. во французской армии не хватало 700 тыс. винтовок и до 1500 75-мм орудий.

Снарядный голод переживала и английская армия. В начале 1915 г. на одно орудие приходилось в день всего от 4 до 10 снарядов — в 6-7 раз меньше предварительных расчетных норм. Австро–Венгрия и Германия ощущали острую нехватку винтовок, иногда даже пополнения посылались на фронт невооруженными. Оружие из тыловых частей стали передавать в действующие войска, а взамен поступали русские и французские трофейные винтовки.

Но самый острый кризис боевого снабжения имел место в России с ее более отсталой по сравнению с противниками военно–технической базой. В начале 1915 г. для нужд армии необходимо было выпускать в месяц 200 тыс. винтовок, 2 тыс. пулеметов, 400 орудий, 200 млн патронов и 1,5 млн снарядов. Русская же промышленность ежемесячно давала лишь 30-32 тыс. винтовок, 216 пулеметов, 115-120 орудий, 50 млн патронов и 403 тыс. снарядов, удовлетворяя, таким образом, потребности армии в среднем на 15-30%. Такое положение весьма неблагоприятно отражалось на боевых действиях войск. Вынужденные меры в виде перевооружения тыловых частей армии и флота устаревшими берданками и австрийским трофейным оружием, что позволило освободить для действующих частей 500 тыс. винтовок, не могли существенно изменить положение.

Для эффективной ликвидации кризиса боевого снабжения требовалась срочная перестройка всего народного хозяйства на военный лад и такая организация военного производства, которая бы удовлетворяла все увеличивающиеся потребности армии в материальных средствах борьбы.

Так или иначе, но первой к мобилизации промышленности для обеспечения нужд войны в августе 1914 г. приступила Германия, затем Франция — в сентябре, Англия — в октябре 1914 г. Россия в полном объеме начала решать эту задачу лишь с 1915 г.

Кроме того, Германия, обладая наиболее развитой военной индустрией, еще в мирное время предусмотрела ряд мероприятий на случай войны: заготовку сырья и фабрикатов, льготы по призыву квалифицированных рабочих в армию, частичное привлечение гражданской промышленности к военному производству и т. д. Вследствие этого мобилизацию народного хозяйства Германия произвела быстрее других стран. К концу 1914 г. свыше 7500 крупных предприятий металлургической, машиностроительной, автомобильной, химической и

других отраслей промышленности были переведены на выпуск продукции военного назначения. Например, для производства артиллерийского оружия было использовано 182 завода, а детали к винтовкам изготовлялись на 150 частных заводах. Быстрая перестройка промышленности позволила Германии с начала 1915 г. производить ежемесячно 100 тыс. винтовок, 800 пулеметов, 2900 орудийных стволов и до 7,5 млн снарядов, что обеспечивало в основном потребности армии в этих видах оружия и боеприпасах.

Таким образом, экономика Германии в крайне тяжелых условиях блокады сумела показать завидную прочность и эффективность. Более того, немецкому руководству удалось не только успешно мобилизовать и перевести на военные рельсы свою промышленность, но и, в отличие от России, сохранить в стране в условиях войны социальный мир.

Достаточно быстро поставили на военные рельсы свою промышленность и такие развитые в техническом отношении страны, как Франция и Англия. К весне 1915 г. во Франции уже работали на войну 25 тыс. различных заводов, фабрик и мастерских, что дало возможность увеличить к середине года в сравнении с августом 1914 г. производство винтовок в 31 раз, 75-мм орудий — в 11 раз, снарядов — в 14 раз. Англия подняла с сентября 1914 по апрель 1915 г. производство снарядов в 20 раз, ручных гранат — в 40 раз, а патронов — в 80 раз. К снабжению армии были привлечены доминионы и колонии: Канада, Австралия, Новая Зеландия и др. Только Канада ежемесячно производила для Англии в 1915 г. до 1,5 млн различных снарядов. И все же и Англия, и Франция вынуждены были в начале новой кампании сделать крупные заказы боеприпасов и оружия в Америке.

В Российской империи процесс мобилизации промышленности неоправданно затянулся. Но и здесь десятки и сотни средних и мелких частных предприятий в спешном порядке приспосабливались к производству военной продукции. Так, Сормовский машиностроительный завод налаживал производство орудий, Коломенский и Брянский металлургические заводы — снарядов. Иваново–Вознесенская и Никольская Саввы Морозова хлопчатобумажные фабрики занимались обточкой снарядов и изготовлением ручных гранат. Показательно, что даже такое, казалось бы, сугубо мирное предприятие, как знаменитый Самарский пивной завод, был перепрофилирован на производство патронов для винтовок и пулеметов. Строились новые оружейные, пороховой и патронный казенные заводы. Заново налаживалось производство «траншейной артиллерии» (37-мм орудий), бомбометов и

минометов, в которых выявилась большая потребность.

Несмотря на все предпринятые меры, производство военной продукции в России росло относительно медленно. В сравнении с началом войны к августу 1915 г. выпуск винтовок, пулеметов, орудий и снарядов увеличился примерно в 2-2,5 раза, а патронов — в 1,5 раза. Надежды на получение военных поставок из–за границы не оправдались. В 1915 г. поступило всего 260 тыс. винтовок, 150 млн патронов, 1,19 млн снарядов и 397 орудий, что составляло в винтовках и патронах 8%, в снарядах — 13% от объема заказов, а в орудиях еще меньше. Союзники не проявляли особого рвения к тому, чтобы ускорить доставку вооружения в Россию. Ставя собственные интересы на первый план, они под различными предлогами оставляли просьбы русского правительства ускорить выполнение военных заказов без особого внимания и усиленно накапливали запасы оружия и снарядов.

Тем не менее, несмотря на крайне сложную ситуацию с вооружением, первыми начали наступательные операции зимой 1915 г. на Восточном фронте именно русские части. Так, в районе Восточной Пруссии в ходе Августовской операции в феврале 1915 г. и Праснышской наступательной операции в феврале–марте 1915 г. германским войскам пришлось отойти к границам Восточной Пруссии и занять оборону на заранее подготовленных позициях. Общим итогом двух зимних операций на северном участке Восточного фронта стало то, что немцам не удалось охватить российские армии с севера. Однако план русской Ставки по овладению Восточной Пруссией также не был выполнен. Активные действия наших войск, тем не менее, вынудили противника перебросить на Восточный фронт крупные соединения с Западного. Это существенно облегчило положение союзников, дало им возможность более эффективно подготовиться к отражению атак германских войск.

Важные события происходили в начале зимы 1915 г. и в полосе ЮгоЗападного фронта, где российское командование готовило прорыв вражеской обороны в Карпатах силами 8-й армии. Здесь весь январь и февраль 1915 г. в заснеженных горах шли ожесточенные кровопролитные бои, в ходе которых армии генерала Брусилова пришлось очистить предгорья Карпат и отойти к Пруту и Днестру. Но вновь сформированная 9-я российская армия пришла на помощь 8-й, и тем самым наступавший неприятель был остановлен. В стратегическом отношении утрата части ранее захваченной территории в Прикарпатье для русских компенсировалась занятием сильной австро–венгерской крепости Перемышль. 22 марта ее 120-тысячный гарнизон сдался. Это стало крупной

победой российского оружия.

Сдача Перемышля и ряда важных перевалов в Карпатах всерьез обеспокоила военное командование Центральных держав — создавалась угроза выхода российских войск на Венгерскую равнину. После этого события было принято решение перебросить с Западного фронта на восток новые германские дивизии и провести большую наступательную операцию, вошедшую в историю под названием «Горлицкий прорыв». По замыслу германского командования удар планировалось нанести между Вислой и Карпатами мощной группировкой преимущественно немецких войск с задачей не только отбросить русских от гор, но и вывести из войны Российскую империю.

Командование противника самым тщательным образом подготовилось к операции по прорыву фронта: для удара на главном направлении в предгорье Карпат в районе Горлице с Западного фронта были сняты четыре корпуса. Их объединили в 11-ю армию под командованием генерала А. фон Макензена. В ударную группировку были включены также австро–венгерские части. Таким образом, наступавшие германско–австрийские войска обеспечили себе превосходство в живой силе в два с лишним раза, в легкой артиллерии — более чем в 3 раза, в тяжелой артиллерии — в 40 раз, в пулеметах — в 2,5 раза. Именно на превосходство в артиллерии крупных калибров делалась главная ставка в предстоящем прорыве русского фронта.

Наступление началось 2 мая (19 апреля) 1915 г., а главный удар у Горлице пришелся на позиции 10-го армейского корпуса. Через час после начала атаки в российских пехотных батальонах первого эшелона оборонительной линии осталось не более четверти солдат, которые отчаянно и стойко защищали свои разрушенные окопы. Подавляющее огневое превосходство наступающего противника обрекло российские войска на чрезвычайно большие потери и неудачи. Уже в начале Горлицкой операции в российских фронтовых частях стал сказываться недостаток винтовочных патронов и снарядов для полевой артиллерии.

Горлицкая операция длилась 52 дня, но она стала одной из самых крупных оборонительных операций Первой мировой войны. Ввиду явного превосходства в силе и средствах успех ее оказался на стороне противника. 22 (9) июня австро–германские войска вступили во Львов. После оставления Галиции стратегическое положение российских армий, действовавших севернее, т, е. в Польше, серьезно ухудшилось: теперь противник «нависал» над ними с трех сторон.

Однако в стратегическом отношении германо–австрийское командование задачу не выполнило. Юго–Западный фронт русских не был

разгромлен, как планировалось, но был вынужден отступить. Потери русских войск в результате Горлицкой операции убитыми, ранеными и пленными по разным оценкам составили от 400 до 550 тыс. человек. Э. Людендорф признавал в своих мемуарах: «Фронтальное оттеснение русских в Галиции, как бы оно ни было для них чувствительно, не имело решающего значения для войны… К тому же при этих фронтальных боях наши потери являлись немаловажными».

Летом 1915 г. российские армии по–прежнему действовали в составе двух фронтов: Северо–Западного в составе восьми армий под командованием генерала М. В. Алексеева, сменившего 30 (17) марта на этом посту Н. В. Рузского, и Юго–Западного в составе всего трех армий под командованием генерала Н. И. Иванова. Противник был также объединен в два фронта: германский Восточный с главнокомандующим генерал–фельдмаршалом П. фон Гинденбургом, в который входили пять армий и армейская группа, и австро–венгерский Галицийский фронт.

Если взглянуть на карту военных действий Восточного фронта лета 1915 г., то хорошо видно, что он представлял собой дугу. Размер выпуклости фронта в полосе ее хорды от Осовца до Сокаля составлял 300 км, а в глубину, от Брест–Литовска до левого фланга 2-й армии — 200 км. Именно здесь и находилась главная группировка российских армий.

Напрашивалась мысль о том, что «польский мешок» неплохое место для следующего наступления немцев. К тому же верховное командование Центральных держав торопилось с разгромом России: соотношение сил на французском фронте все более очевидно стало складываться явно не в пользу Германии. Поэтому было решено окружить российскую группировку в Польше и нанести ей полное поражение. Общее командование операцией было возложено на генерал–фельдмаршала Макензена.

В июле–августе 1915 г. в Польше и в Прибалтике разгорелись оборонительные бои российских армий. Однако первые наступательные операции германских и австро–венгерских войск показали, что о разгроме противостоявших им российских соединений речь идти не могла: если они и отходили, то в полном боевом порядке, нанося сильные контрудары.

Отход армий Северо–Западного фронта сопровождался наступлением противника. Между противоборствующими сторонами произошло несколько сражений: Грубешовское, Холмское, Красноставское, Люблинское. Удача была вновь на стороне рейхсвера. Российским войскам пришлось взорвать укрепления мощной в фортификационном отношении

Ивангородской крепости, которая на протяжении многих лет сооружалась специально на случай войны России с Германией. 5 августа (22 июля) немецкие войска вступили в Варшаву.

Вскоре российские войска отступили на линию выпрямления Восточного фронта и закрепились на ней. Несмотря на то что они понесли большие потери, полного их окружения на левобережье Вислы германскому командованию достичь так и не удалось.

Со стратегической точки зрения выход российских войск из «польского мешка» имел в ходе Первой мировой войны принципиальное значение. Армии, находившиеся в Польше, постоянно ожидали сильных неприятельских ударов на окружение из Восточной Пруссии и Галиции. С точки зрения общего хода противоборства сторон, когда закончился маневренный начальный период войны, было важно найти такой оборонительный рубеж, который можно было удержать наименьшим количеством сил.

Последней крупной операцией 1915 г. на Восточном фронте стал Свенцянский прорыв немецких войск, осуществленный с 9 по 19 сентября (27 августа — 6 сентября). От внимания германского командования не ускользнуло то обстоятельство, что стык между новыми фронтами русских — Северным и Западным — прикрывался только двумя кавалерийскими отрядами, высланными от соседних армий этих фронтов. Германское командование решило прорвать фронт в этом месте и осуществить глубокий охват русских армий в направлении на Минск. Удар встык двух фронтов наносил германский кавалерийский корпус, усиленный двумя отдельными дивизиями кавалерии и пехотой. Конные заслоны русских были отброшены к флангам их армий, и противник с боем взял железнодорожную станцию Ново–Свенцяны, а 18 (5) сентября вступил в Вильно. В дальнейшем продвижение 8-й и 10-й германских армий было остановлено, и российские войска отбросили немцев к озерам Свирь и Нарочь. Потеряв значительную территорию, российское командование все же с трудом смогло стабилизировать фронт на линии Западная Двина — Двинск — Вилейка — Барановичи — Пинск.

Занятие германскими и австро–венгерскими войсками Польши, Галиции, Литвы и Курляндии не привело к разгрому российских армий и к выходу России из войны путем заключения сепаратного мира. Анализ обстановки, сложившейся на Восточном фронте к осени 1915 г., убедил высшее военное командование Германии и Австро–Венгрии в том, что новые крупные наступательные операции здесь вряд ли возможны. Уже осенью кампания на восточноевропейском театре военных действий

фактически считалась законченной для обеих сторон.

Тем не менее, с политической и стратегической точки зрения, военные успехи стран Центрального блока на Восточном фронте оказали негативное воздействие на международное общественное мнение. Улучшилось внутреннее и внешнее положение Австро–Венгрии — главного союзника Германии, она даже вернула себе Галицию.

После поражений лета 1915 г. резко осложнилась обстановка как в политической элите и среди высшего военного командования России, так и в обществе в целом. От былого патриотического подъема не осталось и следа. Тягостное впечатление производили публикуемые в газетах списки сотен тысяч русских солдат, погибших на полях сражений, еще сотни тысяч оказались во вражеском плену, где содержались в тяжелых условиях. В результате в России начала расти усталость от войны, в которой страна не имела четких целей, разделяемых всеми слоями общества.

После поражений 1915 г. вследствие дворцовых интриг бывший Главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич был высочайшим указом отстранен от должности. Он был назначен императорским наместником на Кавказе и главнокомандующим Кавказской армией. Функции Верховного главнокомандующего 5 сентября (23 августа) возложил на себя император Николай II, который имел воинское звание полковника и не был способен осуществлять военно–стратегическое руководство Россией в мировой войне. В ходе этого конфликта подавляющее большинство членов российского правительства, высшего армейского командования и общественных кругов выступили категорически против такого решения монарха, пытаясь убедить его оставить во главе армии пользовавшегося авторитетом в войсках Николая Николаевича. Однако самодержец настоял на своем решении, отклонив все возражения.

Несмотря на неудачи русской армии в ходе кампании 1915 г., в целом события этого года на Восточном фронте знаменовали собой крушение плана Центральных держав о выводе России из войны. Успехи, одержанные армиями Германии и Австро–Венгрии в ряде операций, мало изменили общее стратегическое положение обеих коалиций. При этом одной из причин неудач российской армии в этой кампании было то, что ей пришлось вести борьбу с противником, не получая адекватной помощи от союзников по Антанте. Между тем в 1915 г. на Восточном фронте находилось 54% всех сил Центральных держав (годом раньше — 33%). Это обеспечило Великобритании и Франции необходимое время для накопления военных сил и материальных средств. Затишье на Западном

фронте помогло союзникам значительно усилить здесь свой военный потенциал. Соотношение сил на Западе уверенно стало меняться в пользу союзников по Антанте.

Что же касается военных действий на западноевропейском театре в 1915 г., то они, в отличие от бурных событий на Восточном фронте, носили совсем иной характер. Там образовался позиционный Западный фронт от побережья бельгийской Фландрии до границы со Швейцарией. Борьба противников приняла здесь характер действий за улучшение оборонительных позиций. На первый план воевавшие стороны выдвинули оборону. Так началась затяжная траншейная война.

Теперь вместо одной линии окопов, как это было в 1914 г., стали появляться две–три. За первой линией обороны в 1-1,5 км воюющие стороны возводили новые оборонительные линии. Траншеи располагались всего в 100-150 м друг от друга, а окопы соединялись между собой разветвленной системой ходов сообщений. Под землей строились надежные укрытия для людей. Перед позициями устанавливались густые полосы проволочных заграждений. Построение такой линии обороны на Западном фронте повлекло за собой поиск иных, чем до войны, методов прорыва сплошной обороны противника. У воевавших сторон появились новые инструкции для войск, в которых рекомендовались планомерные и методические действия. Теперь ликвидация вражеской позиционной обороны, хорошо укрепленной в инженерном отношении, стала невозможной без сильной артиллерийской подготовки из орудий крупных калибров.

Весной 1915 г. союзники запланировали нанести по германскому выступу два сильных удара: в Шампани силами 4-й французской армии удар наносился у Сен–Миеля; в Артуа — силами 10-й французской и 1-й британской армий у Арраса. Одновременно производились отвлекающие частные наступательные операции, носившие местный характер. По сути это были испытания новых методов прорыва сплошной позиционной обороны неприятеля и отработка активных способов наступления.

Германское командование посчитало, что одним из таких новых методов может стать химическое оружие. Именно немцы первыми 22 апреля у бельгийского города Ипра применили химическое оружие — хлор. В ходе первой газовой атаки было отравлено более 15 тыс. человек, а противнику удалось продвинуться на 6 км.

Император Всероссийский Николай II с Цесаревичем Алексеем в форме Сводно–Казачьего лейб–гвардейского полка. 1913 г. РГАКФД

Французские солдаты в траншее после атаки. РГАКФД

Имперское командование ответило на наступательные операции Антанты в Артуа и в Шампани атакой у Ипра. Впервые за всю историю человечества наступление это велось с применением нового боевого средства — химических отравляющих веществ в виде удушливого газа хлора. Немецкое военное руководство отводило этой операции важное место в плане активной обороны своего Западного фронта и готовилось к ней тщательно и скрытно, что ему вполне удалось. Немцы и ранее использовали средства химического нападения в виде огнеметов и химических снарядов, но в ограниченных размерах. В Ипрской наступательной операции они впервые применили химическую газобаллонную атаку. Для нее был выбран изгиб в немецкой обороне севернее Ипра, на стыке 2-й британской армии

и 20-го французского корпуса. Равнинная местность и северозападные ветры в этом районе благоприятствовали проведению газовой атаки.

В течение нескольких суток специально созданные для этого подразделения специалистов–химиков в ночное время на фронте в 6 км установили 150 газобаллонных батарей — 6 тыс. баллонов с хлором. 22 апреля в 17 час. с попутным ветром на позиции 5-го британского армейского корпуса начался пуск удушливого газа. За пять минут было выпущено 180 тыс. кг хлора. Желтовато–зеленое облако высотой в человеческий рост двинулось на британские позиции, стало с каждым дуновением ветра проникать в окопы и укрытия для людей. За облаком хлора в сомкнутом строю, с марлевыми повязками на лицах, следовали солдаты и офицеры частей 26-го германского корпуса.

Очевидцы первой в истории войн газовой атаки так описывают ее: «Сначала удивление, потом ужас и, наконец, паника охватила войска, когда первые облака дыма окутали всю местность и заставили людей, задыхаясь, биться в агонии. Те, кто мог двигаться, бежали, пытаясь, большей частью напрасно, обогнать облако хлора, которое неумолимо преследовало их». Английская «Таймс» так рассказывала о последствиях отравления хлором: «Лица, руки людей были глянцевого серо–черного цвета, рты открыты, глаза покрыты свинцовой глазурью, все вокруг металось, кружилось, борясь за жизнь. Зрелище было пугающим, все эти ужасные почерневшие лица, стенавшие и молящие о помощи… Воздействие газа заключается в заполнении легких водянистой слизистой жидкостью, которая постепенно заполняет все легкие, из–за этого происходит удушение, вследствие чего люди умирали в течение 1 или 2 дней».

Оставленные британцами окопы и артиллерийские позиции без выстрелов занимались немцами. В этой атаке от хлора пострадали 15 тыс. человек, из них 5 тыс. умерли.

Результатом газовой атаки стало то, что полоса шириной в 10 км и в глубину 7 км оказалась практически необороняемой. Воспользовавшись этим, немцы беспрепятственно вышли севернее Ипра к Изерскому каналу. Однако первая газовая атака оказалась плохо подготовленной, поскольку немецкое командование не имело здесь резервов, чтобы развить тактический успех. Командование союзников подтянуло к

образовавшемуся разрыву шириной в три с половиной километра британский кавалерийский корпус и четыре пехотные дивизии. Угроза прорыва фронта немцами была тем самым ликвидирована.

Несомненный успех первого применения химического оружия стимулировал его дальнейшее активное применение воюющими сторонами. В том же 1915 г. 31 мая на Восточном фронте немцы применили против русских войск еще более высокотоксичное отравляющее вещество под названием «фосген» (полный хлорангидрид угольной кислоты). В ходе этой атаки погибли 9 тыс. человек. 12 мая 1917 г. произошло еще одно сражение при Ипре, и снова немецкие войска использовали против неприятеля химическое оружие — на этот раз боевое отравляющее вещество кожно–нарывного и общетоксического действия — дихлордиэтилсульфид. Из–за места первого применения этот газ получил название иприт. Так этот маленький бельгийский городок стал, как позже Хиросима, символом одного из величайших преступлений против человечества. В Первую мировую войну на солдатах были «опробованы» и другие отравляющие вещества: дифосген (1915 г.), хлорпикрин (1916 г.), синильная кислота (1915 г.). Перед окончанием войны стали активно применяться отравляющие вещества на основе мышьякорганических соединений, обладающие общетоксическим и резко выраженным раздражающим действием — дифенилхлорарсин, дифенилцианарсин. Тогда же были испытаны в боевых условиях и некоторые другие отравляющие вещества широкого спектра действия. За годы Первой мировой войны всеми воюющими государствами было применено 125 тыс. т отравляющих веществ, в том числе 47 тыс. т — Германией. Химическое оружие унесло в этой войне 800 тыс. человеческих жизней.

После неудачных наступательных операций союзников в Артуа и в Шампани у высшего военного командования Германии не возникало серьезных опасений за устойчивость своего позиционного фронта на Западе, и оно стало смелее перебрасывать значительные силы оттуда на Восток. А наличие густой и протяженной сети железных дорог позволяло делать это довольно быстро. Уже к маю 1915 г. на русский фронт были переброшены 90 пехотных и 54 кавалерийских полка.

Высшее российское военное командование обратило внимание

правительств Великобритании и Франции на этот факт и просило активизировать боевые действия на Западном фронте. Однако эта просьба осталась без ответа. Именно по этому поводу английский премьер Д. Ллойд Джордж написал свое признание: «История предъявит счет военному командованию Франции и Англии, которое в своем эгоистическом упрямстве обрекло своих русских товарищей по оружию на гибель, так как Англия и Франция так легко могли спасти русских и таким образом помогли бы лучше всего и себе. Английские и французские генералы не научились понимать того, что победа над немцами в Польше оказала бы большую поддержку Франции и Бельгии, чем незначительное продвижение французов в Шампани или даже захват холма во Фландрии».

Подводя итоги военной кампании 1915 г. на Западном и Восточном фронтах, следует отметить, что Центральным державам сопутствовал успех на Востоке, который в тот год стал основным фронтом военных действий (здесь действовали 116 пехотных и 24 кавалерийские германские и австровенгерские дивизии, а на западе — 90 немецких).

В пользу Берлина и его союзников сложилась и ситуация на Балканах. После вступления на стороне Центральных держав в войну 11 октября 1915 г. Болгарии в октябре–ноябре в ходе болгаро–австро–германского наступления им удалось разгромить Сербию. Остатки ее армии были эвакуированы на о. Корфу. Полным провалом для союзников по Антанте закончилась и Дарданелльская десантная операция, целью которой было прорваться к Константинополю и вывести из войны Турцию.

Действия воюющих сторон на море в течение 1915 г. ограничивались тактическими столкновениями. Однако в феврале германское командование решило начать неограниченную подводную войну при помощи своего подводного флота, рассчитывая таким образом прервать поставки в Англию из США, Канады и других стран продовольствия и вооружения. Подводная война, в ходе которой были потоплены пассажирские суда с американскими гражданами на борту, резко обострила отношения между самой крупной нейтральной державой — США — и Германией. Протесты Вашингтона заставили германское командование отдать приказ временно ограничить войну на море только борьбой с военными судами противника.

Как бы то ни было, но главную задачу кампании 1915 г. — вывести из войны Россию — немцам выполнить так и не удалось. Перед Берлином и Веной продолжала стоять реальная перспектива продолжения войны на два фронта. Более того, после вступления в войну на стороне Антанты 23 мая Италии Центральным державам в срочном порядке пришлось открывать в Альпах новый фронт. И хотя наступление итальянцев в 1915 г. под Изонцо

не смогло кардинально изменить расклад сил коалиций, австрийцы были вынуждены перебросить на итальянский фронт несколько дивизий.

Не выполнили свои стратегические планы и союзники по Антанте. Кампания 1915 г. выявила явную несогласованность действий высшего военно–политического руководства Антанты, что позволяло германцам свободно маневрировать своими силами между Западным и Восточным фронтами. Но все решающие сражения Первой мировой были еще впереди.

Союзники укрепляют ряды

В 1915 г. между противоборствующими группировками продолжались не только бои на полях сражений, но и дипломатические битвы. Как и прежде, в этом плане на повестке дня и для союзников по Антанте, и для Центральных держав стояли две важнейшие задачи: привлечение на свою сторону новых союзников и борьба за укрепление коалиций.

К этому времени самой крупной европейской страной, еще не втянутой в мировой конфликт, оставалась Италия. С самого начала войны правительство этой страны стало строить предположения, на чьей стороне окажется победа и за счет каких союзников можно будет получить наиболее ценный приз. Член Тройственного союза, Италия 3 августа 1914 г. заявила, что война вызвана нападением Австро–Венгрии на Сербию, а Тройственный союз по своей сути исключительно оборонительный, поэтому Рим не считает себя с этого момента связанным какими–либо союзническими обязательствами и заявляет о своем нейтралитете. Возмущенный кайзер оставил на письме итальянского короля, извещавшего, что обстоятельства возникновения войны не подходят под формулировку casus foederis в тексте договора о Тройственном союзе, краткую пометку: «Негодяй». Собственно, итальянцы не могли не понимать, что в силу своего географического положения и безраздельного господства на Средиземном море англо–французского флота, а также экономической зависимости от Англии и Франции их страна имела мало шансов на успех в войне против Антанты.

Пока велись переговоры о внешнеполитической ориентации Рима, итальянцы в октябре 1914 г. оккупировали о. Сасено, расположенный у входа в Валонский залив на Адриатическом побережье Албании. В декабре того же года они оккупировали и саму Валону. После битвы на Марне и краха немецкого плана блицкриг общественное мнение Италии стало все больше и больше склоняться в пользу Антанты. Однако требования,

которые итальянцы предъявили Антанте, а они замахнулись на обширные земли в Средиземноморье и территории южных славян, показались чрезмерными России и Франции. Характерно, что Петроград выступал против численного увеличения коалиции. На то у России были свои причины: во–первых, пришлось бы расплачиваться с Италией за ее лояльность Антанте южнославянскими территориями, а во–вторых, Рим требовал со стороны России гарантий в том, что она не ослабит свой нажим на галицийском направлении. Лишь под сильным давлением Англии российская дипломатия изменила свою позицию, и союзники подписали 26 апреля 1915 г. в Лондоне договор с Италией, по которому Рим обязался через месяц начать военные действия против Центральных держав. 23 мая 1915 г. Итальянское королевство объявило войну Австро–Венгерской империи.

Одновременно с борьбой за привлечение на свою сторону Италии между воюющими коалициями развернулась острая дипломатическая борьба за страны Юго–Восточной Европы. К середине 1915 г., не считая отсталой и раздробленной Албании, в этом регионе оставалось только два государства, не определившихся со своими предпочтениями, — Болгария и Румыния. Причем особо важное значение для Антанты приобретала позиция софийского руководства, в силу того, что к 1915 г. Болгария оказалась своеобразным ключом ко всему Балканскому полуострову. К тому же из всех балканских стран Болгария обладала самой боеспособной армией. В случае ее вступления в войну на стороне Центральных держав Сербия оказывалась в безвыходном положении, и, наоборот, присоединение Софии к Антанте отрезало от Европы Турцию, обеспечивало Сербии тыл и давало надежду на то, что примеру Болгарии последуют Греция и Румыния. Кульминация борьбы противников за Болгарию пришлась на лето 1915 г.

Российское руководство прекрасно понимало значение Болгарии и с первых же дней войны попыталось привлечь ее на свою сторону. Наша дипломатия лелеяла надежду на восстановление славянского блока времен Первой Балканской войны, но сделать это можно было только одним способом — уговорить соседей Болгарии Грецию и Сербию пойти ей на уступки и вернуть земли, захваченные в ходе Второй Балканской войны. Министр иностранных дел Сазонов уделил этому особое внимание, но задача оказалась практически невыполнимой. Греция вообще отказалась говорить на эту тему, а сербы в принципе согласились передать своим соседям часть Македонии, но лишь после получения компенсации за счет балканских владений Австро–Венгрии. Позиция российского министра вызвала разногласия и в стане союзников. Англия, которая высоко ценила

свои тесные связи с Грецией, полностью поддержала Афины и активно противодействовала политике русского правительства.

В этом смысле Берлину и Вене привлечь на свою сторону Болгарию было куда проще. Во–первых, основные притязания Софии распространялись на их противника Сербию, потому болгарам была обещана не только вся Македония, но и часть сербских земель. А в случае присоединения Румынии к Антанте болгарам была гарантирована еще и часть территории этой страны, причем не только Южная Добруджа, но и северная ее часть. Во–вторых, для болгарского царя Фердинанда из немецкой Саксен–Кобург–Готской династии не существовало проблемы выбора союзнической ориентации — он всей душой был на стороне Центральных держав.

На окончательное решение болгарского царя оказало существенное влияние и положение дел на фронтах: русские войска в 1915 г. терпели одно поражение за другим, а Дарданелльская десантная экспедиция Англии и Франции окончилась неудачей. Таким образом, 3 сентября было подписано болгаротурецкое соглашение о союзе, а еще через несколько дней — 6 сентября — союзный договор с Германией и Австро–Венгрией. Теперь Тройственный союз превратился в Четверной.

Продолжительная «война на истощение» поставила перед державами задачу координации военно–политической деятельности союзников. При этом для стран Антанты данная проблема была намного более значимой. В блоке Центральных держав роль Германии была доминирующей, она не испытывала необходимости координировать свои военно–политические планы с союзниками — во главе их армий стояли или немцы, или люди, беспрекословно выполнявшие исходившие из Берлина приказы и директивы. Например, турецкий флот возглавлял адмирал В. Сушон, официально состоявший в подчинении германского главнокомандующего флотом адмирала Г. фон Узэдома, при этом всеми кораблями турецкого военно–морского флота командовали германские офицеры. Действиями турецкой армии фактически руководил генерал–фельдмаршал К. фон дер Гольц. Другим не менее известным «турецким» военачальником был маршал Л. фон Сандерс. Немецкие офицеры, прикомандированные к его миссии, были распределены по всем турецким армиям, соединениям и частям в качестве начальников штабов.

Германскими советниками с огромными полномочиями были наводнены и болгарские войска. Характерно, что двумя армиями этой страны из четырех командовали немецкие генералы — Ф. фон Шольц и А. фон Штейбен.

Роль младшего партнера по отношению к Берлину уже давно исполняла и Австро–Венгрия. Исходя из этого, немецкое высшее военное командование могло не утруждать себя «играми в демократию» в отношениях с союзниками, консультациями с ними, совместным обсуждением стратегических проблем и разработкой планов на будущее. Германская «вертикаль власти» работала четко, все решения и директивы Объединенного верховного командования младшими партнерами Берлина по Четверному союзу выполнялись беспрекословно и не подлежали обсуждению. При этом представители военно–политических элит Австро–Венгрии, Болгарии и Османской империи часто наведывались в штаб–квартиру германской армии для обсуждения тех или иных проблем, пытаясь выглядеть в глазах собственного населения как «равноправные» партнеры Великой Германии.

Координация военной деятельности союзников по Антанте в 1914 — 1915 гг. была на весьма низком уровне, эпизодические дипломатические переговоры по некоторым проблемам или редкие совместные совещания военных были крайне неэффективны. Каждый из участников коалиции на начальном этапе войны пытался обеспечить себе как можно больше преимуществ. Однако при этом Англия и Франция действовали в более тесном контакте и зачастую пытались решить важнейшие задачи, связанные с ведением войны, за счет России.

Фактор отсутствия координации между союзниками самым негативным образом сказался в ходе отступления русской армии 1915 г. Поэтому недопустимость подобной ситуации стала серьезно беспокоить военно–политическую элиту не только в Петрограде, но и в Лондоне и Париже.

В сложившейся ситуации французы первыми предприняли попытку как можно теснее увязать стратегические планы союзников для достижения конечной победы в войне. По инициативе главнокомандующего генерала Ж. Жоффра 7 июля 1915 г. в г. Шантильи под Парижем собралась первая межсоюзническая конференция по проблемам разработки и координации планов ведения войны союзниками. Россию на ней представлял военный атташе в Париже полковник граф А. А. Игнатьев. Председательствовал военный министр Франции Ф. Мильеран, высказавший пожелание, чтобы на конференции была выработана «единая линия поведения» союзных армий на ближайшее будущее. При этом он заявил, что во избежание опасности того, что противник, «последовательно перенося свой главный удар на каждую из союзных армий, выведет их одну за другой из строя», необходимо оказывать первоочередную помощь тем армиям союзников,

которые испытывают на себе главный натиск врага. Однако на первой конференции создать центральный координирующий межсоюзнический орган не удалось, хотя была намечена перспектива совместных военных усилий союзников на вторую половину 1915 г. и было решено оказать поддержку России в виде наступательной операции объединенными усилиями французов и англичан при поддержке бельгийцев в Шампани и Артуа. Стоит отметить, что проведение этой операции в дальнейшем было перенесено на более позднее время, когда ее значение для русской армии оказалось не столь велико.

Наличие многих нерешенных проблем в межсоюзнических отношениях в преддверии военной кампании 1916 г. вызвало необходимость новой встречи представителей Антанты. Вторая межсоюзническая конференции была проведена в том же Шантильи с 6 по 9 декабря 1915 г. Именно на ней было намечено общее наступление стран Антанты на лето следующего года, а также выработаны предложения союзным правительствам по экономическим и политическим мероприятиям, связанным с особенностями ведения коалиционной войны. Однако предложение Франции о создании при французской Ставке межсоюзнического органа по руководству военными действиями вновь не получило положительного разрешения.

Новый общий стратегический план Антанты исходил из того, что целей войны следовало добиваться только на трех главных фронтах: Восточном, Западном и Итальянском. Кроме того, в утвержденном на конференции в Шантильи плане рекомендовалось штабам союзных армий при подготовке военных действий исходить из необходимости оказывать друг другу поддержку в пределах возможного, не позволяя тем самым противнику перебрасывать резервы с одного фронта на другой.

В Шантильи глава российской делегации генерал Я. Г. Жилинский высказал от имени Ставки предложение о нанесении главного удара по центральной коалиции не во Франции, а на Балканах — по наиболее слабым ее звеньям: Австро–Венгрии и Болгарии. Наступление предполагалось вести силами трех союзных армий: русским Юго–Западным фронтом в Карпатах, англо–французским экспедиционным корпусом в Салониках и итальянцами из района Изонцо в общем направлении на Будапешт. Тем самым обеспечивалось «постепенное сжимание и окружение Германии». Одновременно предлагалась организация совместных наступательных операций российских войск на Кавказском фронте и британских сил против Турции в виде концентрического удара на г. Мосул в северной Месопотамии. Однако

союзники отклонили российские предложения, исходя из первостепенной важности для них французского фронта.

В марте 1916 г. по уже установившейся традиции в Шантильи на третьей конференции были определены и окончательные сроки общего наступления союзников по Антанте в кампанию 1916 г. Операции было решено начать до 1 июля, причем в разное время — сначала в бой должны были вступить русские и итальянские армии и тем самым оттянуть на себя силы и резервы противника с Западного фронта, а затем за дело должны были приняться французы и англичане. Многие военные историки полагают, что именно эти два фактора: неодновременность начала операции и перенос ее начала на более позднее время представляли собой решающие недостатки, сказавшиеся на результатах военных действий. Но, как бы то ни было, на третьей межсоюзнической конференции впервые за годы войны стратегические решения союзников по поводу грядущей кампании были согласованы в их основных положениях.

Год 1916. «Верденская мясорубка» и брусиловский прорыв

Долгих семнадцать месяцев мировой бойни к началу 1916 г. не дали сколько–нибудь существенного стратегического преимущества ни одной из противоборствовавших коалиций, хотя положение стран Центрального блока после завоевания Польши, возвращения Галиции и разгрома Сербии несколько улучшилось. Восточный фронт теперь был отодвинут от границ Германской империи на 200-300 км. Вся борьба, однако, была еще впереди, и противники, собрав силы, стали готовиться к новой военной кампании. При этом неиспользованных людских и материальных ресурсов у Антанты было больше.

Например, к началу 1916 г. в Великобритании в полной мере стал действовать закон о всеобщей воинской повинности, что позволило заметно увеличить численность сухопутных сил страны. В декабре 1915 г. из 70 британских дивизий во Франции находились 34, уже к апрелю следующего года их число увеличилось до 47, а в конце июня — до 54. В декабре 1915 г. главнокомандующим британскими войсками во Франции вместо фельдмаршала Дж. Френча был назначен генерал Д. Хейг — сторонник более решительных действий.

Центральным державам увеличить численность своих армий было сложнее, поэтому они сделали основной упор на рост военного производства. Так, Германия и Австро–Венгрия в условиях полной блокады

со стороны стран Антанты развернули мощное военное производство, что позволило им в короткие сроки в полтора–два раза увеличить выпуск вооружений. К началу 1916 г., например, производство винтовок, самолетов и снарядов увеличилось в полтора раза, а пулеметов и орудий — в 3,5 раза. Кроме того, по добыче угля, выплавке чугуна и стали Германия по–прежнему превосходила Францию и Россию, вместе взятые. Не стоит упускать из внимания, что в начале 1916 г. по–прежнему оставались оккупированными германской армией самые развитые в индустриальном отношении северо–восточные французские департаменты, где до начала войны размещалось 75% производственных мощностей страны по добыче каменного угля, 84% — по выплавке чугуна, 63% — стали и 60% — по обработке металла.

Английский военный министр, лорд Г. Китченер — главный организатор всеобщей мобилизации в Великобритании. РГАКФД

Тем не менее Франции, так же как и Англии, удалось заметно увеличить собственное военное производство. Они с успехом сумели мобилизовать экономические и людские возможности своих огромных колоний и доминионов, прежде всего Индии, Канады, Австралии, Новой Зеландии. Благодаря эффективным и разносторонним мерам Антанта ликвидировала отставание от Четверного союза в производстве вооружения и боеприпасов, в особенности орудий крупных калибров и пулеметов.

Так, за 1915 г. Франция умножила производство винтовок в полтора раза, орудий — в 5,8 раза, а патронов — более чем в 50 раз. За это же время

Великобритания увеличила производство пулеметов в 5 раз, а самолетов — более чем в 10 раз. В этих странах появились новые отрасли военной промышленности: по производству боевых химических отравляющих веществ и средств противохимической зашиты. К концу 1916 г. заводы Франции производили до 6 тыс. химических снарядов в сутки; французская армия была полностью обеспечена противогазами. В Англии началось серийное производство нового и очень грозного вида оружия — танков, против которых в те годы не существовало эффективных способов борьбы.

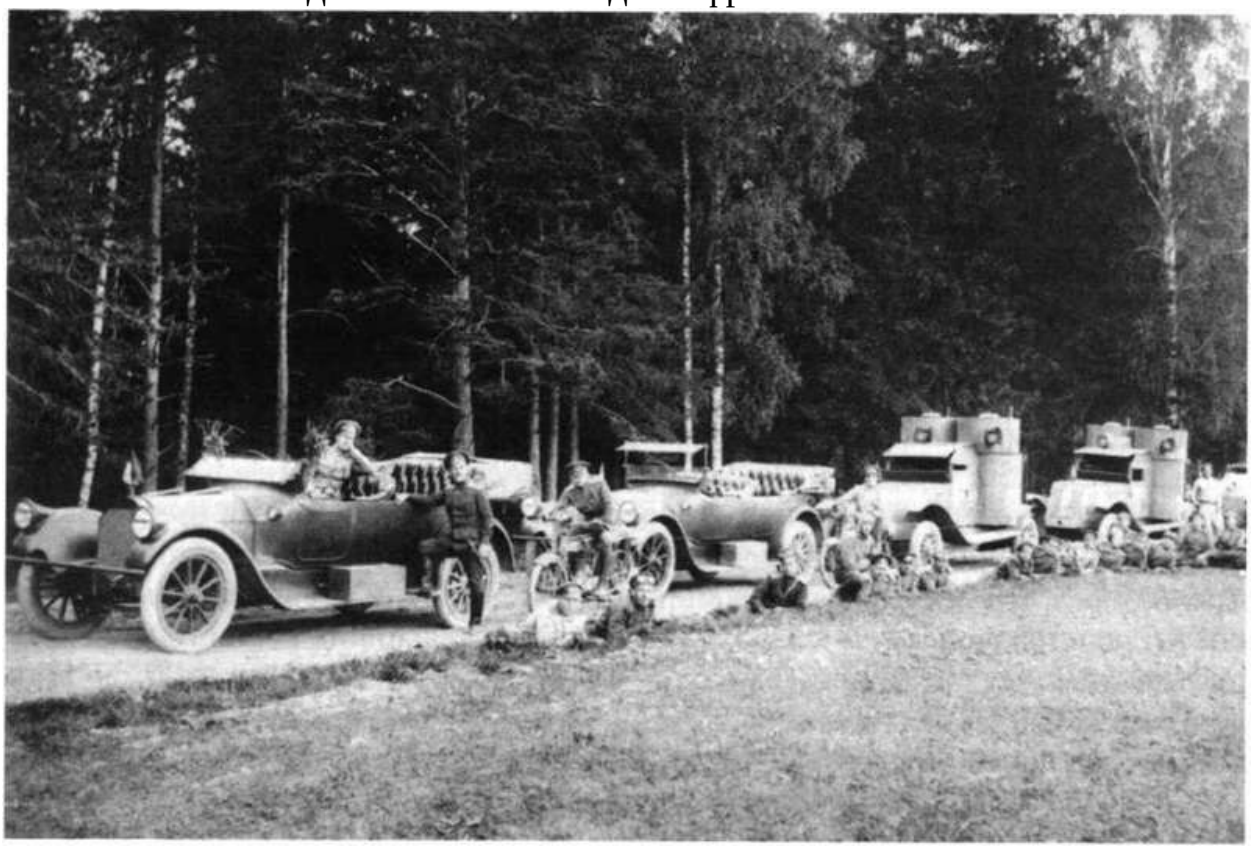
Смогла увеличить собственное военное производство и выйти из кризиса со снабжением армии и Россия. Успешно выполнялась разработанная в конце 1915 г. главным артиллерийским управлением чрезвычайная программа строительства 37 новых военных заводов, из которых две трети предполагалось ввести в строй на протяжении 1916 г. К концу 1915 г. России удалось ослабить кризис в деле снабжения фронта винтовками, пулеметами, легкими орудиями и боеприпасами к ним. К январю 1916 г. производство винтовок в стране выросло в 3 раза, различных типов орудий — в 4-8 раз, а боеприпасов различных видов — от 2,5 до 5 раз. Несмотря на эти несомненные успехи, Россия к началу 1916 г. продолжала отставать от Германии в производстве многих современных технических средств ведения войны, прежде всего тяжелой артиллерии и самолетов.

Те же тенденции прослеживаются и в отношении мобилизационных возможностей противоборствующих сторон. Великобритания, например, привлекла в свою действующую армию призывные контингенты собственных колоний и доминионов, сумев тем самым увеличить за 1915 г. численность армии на 1 млн 200 тыс. человек. Франция, также набрав новые африканские дивизии, увеличила число своих штыков на 1,1 млн, а Россия за счет более эффективного использования собственных мобилизационных возможностей дополнительно получила 1,4 млн новобранцев.

Таким образом, в начале 1916 г. общая численность армий стран Антанты достигла 18 млн человек, а численность армий стран Четверного союза составила 9 млн человек. Антанта располагала 365 дивизиями (136 дала Россия, 99 — Франция, 80 — Великобритания), Центральные державы — лишь 286 дивизиями (из них немецких было 159, австро–венгерских — 63).

Усиление военной мощи вооруженных сил Антанты непосредственным образом сказалось и на стратегических планах союзников. Военно–политическое руководство Великобритании и

Франции, как уже отмечалось, решило в связи с этим в 1916 г. перейти к активным боевым действиям на Западном фронте.



Броневые машины «Austin», присланные в Россию из Великобритании во время Первой мировой войны. РГАКФД

Сенегальцы перед посадкой в поезд. Франция, 1916-1918 гг. РГАКФД

Что же касается Германии и ее союзниц, то в их планах главный удар теперь намечался не на Восточном, а на Западном фронте. По мнению начальника германского Генштаба, 1915 г. показал, что у России еще достаточно резервов, ее армия вполне боеспособна, и, исходя из этого, он посчитал, что дальнейшее наступление на Украине и в направлении Петрограда не сулило каких–либо весомых результатов. Серьезное увеличение вооруженных сил Франции и прежде всего Великобритании, которую Э. фон Фалькенгайн по–прежнему считал главным противником, заставило его спланировать сильный удар на Западном фронте.

Рейхсверу предстояло наступление на верденский укрепленный район, имевший четыре мощнейшие оборонительные позиции. Верден имел очень важное политическое и оперативно–тактическое значение для Франции — он был опорой восточного крыла французского фронта и плацдармом для возможного наступления французской армии с целью ликвидации германского выступа, нависшего над Парижем. Потеря Вердена не только неизбежно привела бы к нарушению целостности всей французской обороны, но и открыла бы рейхсверу ворота в тыл центральной группы французских войск и путь к Парижу.

Германское верховное командование к началу Верденской операции сумело достичь большого превосходства над французами в силах и особенно в огневых средствах. Так, на направлении главного удара немцы

превосходили противника по числу дивизий в 4 раза, в артиллерии — более чем в 4 раза. С учетом минометов превосходство в артиллерии увеличивалось до пяти с половиной раз. Намного больше у немцев было и тяжелой артиллерии.

Начало операции первоначально планировалось на 12 февраля, но из–за плохой погоды откладывалась со дня на день вплоть до 21-го. К этому времени французское командование уже располагало достоверными сведениями о готовящемся наступлении и силах немцев. Они попадали к французам через перебежчиков и военнопленных, но помогла союзникам и агентурная разведка России. В достоверности полученной информации не приходилось сомневаться, что позволило французам значительно усилить войска верденского укрепрайона, перебросив сюда дополнительно 6 пехотных дивизий и 6 артиллерийских полков.

Утром 21 февраля 1916 г. германцы начали артиллерийскую подготовку атаки и продолжали ее почти 9 часов. В 16 час. 45 мин. немецкая пехота поднялась в атаку. Однако после первого дня наступления, когда была взята первая линия французских траншей, продвижение атакующих замедлилось. Французы цеплялись за каждый участок местности, стойко обороняли каждое укрепление, оказавшееся неразрушенным артиллерийским огнем. Однако когда резервы французов иссякли, немцы добились крупного тактического успеха, овладев фортом Дуомон, а затем и Веврской долиной.

В этих непростых условиях генерал Ж. Жоффр потребовал от оборонявшихся остановить наступление противника под Верденом любой ценой. Командующий обороной Вердена генерал А. Ф. Петен и его штаб установили французским войскам «единую позицию сопротивления». Форты бесперебойно обеспечивались продовольствием и боеприпасами. Гарнизону разрешалось оставлять форт только в случае его полного окружения неприятелем.

Продвинувшись первоначально вперед на 5-8 км, немецкие ударные корпуса понесли большие потери и постепенно утрачивали необходимую для дальнейшего наступления боеспособность. Стороны засыпали друг друга сотнями тысяч снарядов, бросая в бой все новые и новые резервные дивизии. Но наступление на Верден не принесло немцам запланированного успеха. Французы после ряда контратак с большими потерями вышли к своей третьей оборонительной линии. Осознав бесперспективность надежд на победу и принимая во внимание вступление Румынии в войну на стороне Антанты, германское командование 2 сентября 1916 г. прекратило свое наступление. Французы же в октябре и декабре 1916 г. сумели шаг за

шагом почти полностью восстановить первоначальное положение своих войск.

Высшие чины рейхсвера за провал наступления под Верденом поплатились своими постами. 29 августа был снят со своей должности Э. фон Фалькенгайн. Руководство войной теперь перешло к новому начальнику Генерального штаба П. фон Гинденбургу и его правой руке первому генерал–квартирмейстеру Э. Людендорфу.

В мировую военную историю сражение за Верден вошло под названием «верденской мясорубки». Эта была самая крупная и продолжительная операция Первой мировой войны и стоила она воюющим сторонам огромных жертв — до 1 млн человек. За 10 месяцев тяжелых боев немцы потеряли до 600 тыс. человек, французы — 350 тыс. Через «верденскую мясорубку» прошли 69 французских и 50 немецких дивизий. Некоторые из этих дивизий за время сражения под Верденом потеряли до 70 и более процентов личного состава.

В итоге под Верденом потерпел крушение германский стратегический план кампании 1916 г. Немцы потерпели поражение, не выполнив ни одну из поставленных задач. Им не удалось захватить крепость Верден и обескровить французскую армию, а также предотвратить переход союзников в наступление на берегах р. Соммы. Главной причиной поражения Германии в «верденской мясорубке» стало превосходство союзников в силах и средствах и действенная помощь, оказанная союзникам по Антанте со стороны России.

Второй крупнейшей операцией на Западном фронте в период кампании 1916 г. стала наступательная операция англо–французских армий на Сомме. Она длилась с 1 июля по 18 ноября 1916 г. и в ней участвовали три французские и две британские армии, всего 64 дивизии. Наступавшим союзникам в сражении на Сомме приходилось прорывать позиционную оборону, которая укреплялась немцами на протяжении почти двух лет.

Важнейшим событием битвы на Сомме стало проведение 15 сентября англичанами первой в истории танковой атаки. Правда, из 49 танков на исходное положение в тот день вышли только 32 машины, а в самой атаке участвовали только 18 танков. Остальные или застряли в грязи, или остановились в дороге из–за поломки моторов. Английские танки были несовершенны: их скорость едва достигала 3,7 км в час, запас хода был 19 км, горючего хватало только на 6 часов, танки имели плохой обзор, температура в них порой достигала 70°. Тем не менее при поддержке танков английская пехота за пять часов продвинулась вперед на 4-5 км.

В операции на Сомме с обеих сторон участвовали 150 дивизий, до

10 тыс. орудий, 1000 самолетов. Однако запланированное наступление французских и британских армий не принесло им успехов. Позиционный фронт германцев союзники не преодолели. Ценой огромных потерь им удалось отвоевать лишь территорию в 240 кв. км. На фронте в 35 км союзные армии продвинулись вперед не более чем на 10 км.

Подводя итоги военной кампании 1916 г. на Западном фронте следует подчеркнуть, что хотя сторонам так и не удалось достичь решительных успехов, она показала, что стратегическая инициатива уже перешла на сторону Антанты. Сражения под Верденом и на Сомме стали предвестниками скорого крушения еще недавно, казалось, непобедимой германской военной машины.

Военная ситуация в 1916 г. непросто складывалась и на Восточном фронте, где активные боевые действия начались с проведения Нарочской операции. Необходимость в ней была вызвана тяжелым положением французов под Верденом. На проведении этой операции настаивал генерал Ж. Жоффр, который просил начальника штаба российской Ставки генерала М. В. Алексеева безотлагательно начать подготовку наступления с целью в очередной раз оттянуть с Западного фронта как можно больше германских сил. Однако наступательная операция российских войск у оз. Нарочь, проведенная с 18 по 29 (5-16) марта, успеха не имела — в очередной раз самым негативным образом здесь сказалась спешка в подготовке, недостаток боеприпасов и тяжелой артиллерии. Тем не менее свою стратегическую задачу российская армия с честью выполнила: для отражения ее наступления Э. фон Фалькенгайн спешно перебросил с Западного фронта четыре полнокровные дивизии, после чего немецкие атаки под Верденом были временно прекращены.

К самому началу 1916 г. Россия держала против Центральных держав три фронта: Северный, Западный и Юго–Западный. На всех трех фронтах числилось 1732 тыс. штыков и сабель против 1061 тыс. у неприятеля, т. е. общий перевес русских выражался в 671 тыс. человек. Это позволяло надеяться на успех планируемого наступления.

Операция на Восточном фронте готовилась в строжайшей тайне, однако всю намеченную программу подготовки к ней так и не удалось претворить в жизнь. Атаки австрийцев в Трентино против Италии и просьба союзного командования ускорить начало наступления вынудили русскую Ставку изменить сроки проведения операции. Король Италии Виктор Эммануил III обратился с личной телеграммой к Николаю И, прося помощи наступлением войсками Юго–Западного фронта. И в который уже раз Россия пошла навстречу своим союзникам по оружию.

Рано утром 4 июня (22 мая) 1916 г. мощная артиллерийская канонада возвестила о начале наступления Юго–Западного фронта под командованием Брусилова. В состав фронта входили 643,5 тыс. штыков, 71 тыс. сабель, 2,2 тыс. орудий. Наибольший успех был достигнут на направлении действий 8-й армии под командованием генерала А. М. Каледина. Здесь был взят важный в стратегическом отношении г. Луцк, неприятель оказался разгромлен на ковельском и владимиро–волынском направлениях. Позиции австро–венгерских войск оказались прорванными на фронте в 70-80 км и в глубину на 25-35 км. Уже за первые три дня наступления армии Юго–Западного фронта добились больших успехов. Только в плен сдались более 100 тыс. австровенгерских солдат и офицеров, было взято много трофеев.

Однако успех начавшегося наступления не поддержал в назначенные сроки Западный фронт. Его командующий генерал А. Е. Эверт после неудачной атаки в направлении Барановичей начал оттягивать сроки общего наступления фронта, что негативно сказалось на общей стратегической ситуации.

Австро–венгерское и германское командование в первые дни думало, что к серьезным последствиям наступательный порыв противника не приведет. Однако прорыв российских войск в район Луцка изменил такое мнение: возникла угроза потери Ковельского железнодорожного узла. 8 июня в Берлине прошло совещание начальников генеральных штабов Центральных держав. На нем было принято решение о срочном сосредоточении близ Ковеля ударной группировки с целью вырвать инициативу у русских, нанести им сильный контрудар, но решение это оказалось уже запоздалым.

Тем не менее под Ковель из Франции немцы быстро перебросили армейский корпус, а австрийцы с Итальянского фронта — две пехотные дивизии, а также воинские соединения и отдельные части с различных участков восточноевропейского театра. Но и такими экстренными мерами исправить положение противнику не удалось.

16 (3) июня австрийцы и немцы нанесли сильный контрудар в направлении Луцка. Однако русские войска успешно отразили его. И в это же самое время на южном участке Юго–Западного фронта был достигнут ощутимый успех. Левофланговая 9-я армия генерала П. А. Лечицкого нанесла поражение противостоявшей ей 7-й австро–венгерской армии, форсировала Прут и 18 июня овладела Черновцами. Российские передовые части вышли на берега р. Серет.

Через неделю, к 25 (12) июня, на Юго–Западном фронте наступило

временное затишье. К этому времени фронт взял около 200 тыс. пленных. 219 орудий, 196 минометов и 644 пулемета; общие потери противника превысили 400 тыс. человек.

28 (15) июля войска Юго–Западного фронта возобновили наступление. И опять фронт противника был прорван во многих местах, а австро–венгерские части начали новое беспорядочное отступление. Однако форсировать с ходу р. Стоход близ Ковеля нашим войскам не удалось — отступавший противник сумел уничтожить все переправы через нее. К тому же командующий фронтом уже не располагал резервами для развития успеха и не надеялся их получить ни от Ставки, ни с других фронтов. Между тем, характеризуя обстановку тех дней, Э. Людендорф писал, что «это был один из наисильнейших кризисов на Восточном фронте. Надежды на то, что австро–венгерские войска удержат неукрепленную линию Стохода, было мало. Протекали очень тревожные дни. Мы отдавали все, что могли, и знали, что если противник нас атакует, то нам неоткуда ждать помощи».

Чтобы ликвидировать прорыв, германское и австро–венгерское командование сняли с Западного и Итальянского фронтов в общей сложности 30,5 пехотных и 3,5 кавалерийских дивизий. Это серьезно облегчило положение французов под Верденом и итальянцев в Трентино.

Военный и морской министр А. И. Гучков и генерал А. А. Брусилов. 1917 г. РГАКФД

В ходе второго этапа наступления российские войска заняли города Галич, Броды, Станислав. К середине сентября наступление войск Юго–

Западного фронта завершилось. Оно вошло в мировую военную историю как Брусиловский прорыв и имело большое моральное и военно–политическое значение. В ходе Брусиловского наступления противник потерял убитыми, ранеными и пленными до 1,5 млн человек. Только пленными австро–венгерские войска потеряли свыше 400 тыс. человек. Трофеями русских стали 581 орудие, 1795 пулеметов, 448 бомбометов и минометов. Потери российских войск в ходе наступления составили около 500 тыс. человек. Сам же Брусилов так оценил итоги операции Юго–Западного фронта: «По сравнению с надеждами, возлагавшимися на этот фронт весной 1916 г., его наступление превзошло все ожидания. Он выполнил данную ему задачу — спасти Италию от разгрома и выхода ее из войны, а кроме того, облегчил положение французов и англичан на их фронте, заставил Румынию стать на нашу сторону и расстроил все планы и предположения австро–германцев на этот год».

Операция 1916 г. на Юго–Западном фронте могла быть более результативной, поддержи его усилия другие русские фронты. Но фронт Брусилова не поддержала ни наша Ставка, ни англо–французское командование на Западном фронте, что было наглядным примером отсутствия должной координации действий союзников по Антанте, ведь первые орудийные выстрелы на Сомме прозвучали тогда, когда наступление Юго–Западного фронта прекратилось.

Брусиловский прорыв имел и важное политической последствие: он положил конец колебаниям нейтральной Румынии, и 17 (4) августа 1916 г. она подписала политическую и военную конвенции со странами Антанты. 27 (14) августа Румыния объявила войну Австро–Венгрии. В ответ войну Бухаресту объявили Германия, Турция и Болгария, что повлекло за собой далеко не однозначные последствия.

Вооруженные силы Румынии состояли из четырех армий общей численностью около 600 тыс. человек. Больше половины румынских дивизий имели устаревшую артиллерию, а командный состав значительно уступал противнику по своей подготовке.

28 августа румынские войска начали наступление в Трансильвании против австрийцев и венгров. Оно развивалось крайне медленно и успеха не имело. Более того, странам Четверного союза удалось нанести румынам тяжелый ответный удар. В наступление перешла Дунайская армия под командованием А. фон Макензена, состоявшая из немецких, болгарских и турецких соединений. Румынские войска были наголову разгромлены сначала на Дунае у г. Туртукая, затем в Трансильвании. 6 декабря неприятельские войска заняли румынскую столицу. У румын к концу года

осталось под знаменами едва 70 тыс. солдат и офицеров, чуть больше десятой части имевшегося в августе состава. Российской армии пришлось брать на себя новый фронт.

Созданная в сентябре 1916 г. русско–румынская Добруджанская армия повела тяжелые бои в Добрудже, отступая к устью Дуная. В результате четырехмесячных боев почти вся Румыния была занята войсками Четверного союза. В их руки попал значительный источник продовольствия, сырья и нефти. Новый фронт на востоке, получивший название Румынского, стабилизировался лишь в районе устья Дуная, проходя несколько западнее российской государственной границы.

Вступление румын в войну на стороне Антанты дорого обошлось России. Русская Ставка была вынуждена отправить уже в скором времени на Румынский фронт всю 9-ю армию и управления 4-й и 6-й армий, объединивших 35 пехотных и 11 кавалерийских дивизий. Главнокомандующим Румынским фронтом номинально считался король Фердинанд. Фактически руководство войсками было сосредоточено в руках его помощников — русских генералов В. В. Сахарова и сменившего его в апреле 1917 г. Д. Г. Щербачева. Теперь Восточный фронт увеличился почти на 500 км и простирался от Балтийского до Черного моря.

1916 год был успешным для русской Кавказской армии. В ходе Эрзурумской и Трапезундской наступательных операций российским войскам удалось нанести жестокое поражение туркам, захватить важную крепость Эрзурум и крупный морской порт Трапезунд. Это значительно облегчило непростое положение англичан у Суэца и в Месопотамии.

Важнейшим событием 1916 г. в войне на море стало Ютландское сражение английского и германского флотов в конце мая — начале июня. Всего в сражении участвовали 250 надводных кораблей, в том числе 58 линейных кораблей и крейсеров. Вследствие численного преимущества, несмотря на большие, чем у противника, потери, британским морякам под командованием адмирала Дж. Джеллико удалось одержать победу. Немцы так и не смогли прорвать блокаду, Британия по–прежнему продолжала безраздельно господствовать на просторах мирового океана. Кайзеровский надводный флот с тех пор не покидал своих баз. Ютландский бой до сих пор остается крупнейшим в мировой истории морским сражением по количеству участвовавших в нем боевых единиц.

С поражением Румынии закончилась кампания 1916 г. на фронтах Первой мировой войны. Ни одной из воюющих сторон вновь не удалось достичь поставленных стратегических целей: Германии разгромить Францию, а Австро–Венгрии — Италию. Несогласованные действия

Антанты также не позволили ей нанести решительное поражение странам Четверного союза. Тем не менее в 1916 г. перевес был, несомненно, на стороне Антанты: союзники добились превосходства над противником и по численности вооруженных сил, и по количеству вооружения. После Брусиловского прорыва австро–венгерская армия вплоть до окончания войны потеряла возможность вести серьезные наступательные операции. Теперь стратегическая инициатива полностью перешла в руки Антанты. Видный российский историк, участник войны А. М. Зайончковский не без основания полагал, что «1916 г. был годом перелома, подорвавшим в корне военную мощь Центральных держав… Это был год, определивший победу Антанты в будущем».

Год 1917. Россия выходит из войны

Новый 1917 г. воюющие коалиции встретили с разным настроением. Унылым оно было в стане Центральных держав. Морская блокада привела к резкому спаду производства вооружения и предметов военного снабжения в Германии, до минимума сократились возможности подвоза продовольствия и стратегического сырья. Более того, в 1916 г. страну постиг жестокий неурожай, в стране начался голод. Полностью Берлин исчерпал и мобилизационные ресурсы, в войска были призваны все способные носить оружие. Сам Э. Людендорф с болью в сердце признавал, что положение страны к началу 1917 г. было «почти безысходным».

Еще хуже ситуация обстояла в Австро–Венгрии. В стране подходило к концу сырье и продовольствие, были исчерпаны людские ресурсы. Аналогичная ситуация складывалась и в других двух странах Четверного союза — Болгарии и Турции.

В последней попытке собрать всю свою волю и силу в кулак осенью 1916 г. немцы приняли «программу Гинденбурга», согласно которой военное производство в Германии должно было увеличиться в 2, а по некоторым видам вооружения в 3-3,5 раза. Была введена всеобщая обязательная трудовая повинность для всех граждан в возрасте от 16 до 60 лет. Но, несмотря на все предпринятые действия, достичь уровня, в полной мере удовлетворявшего потребности германской армии, так и не удалось.

Непросто складывалась ситуация и в странах Антанты. Там тоже ощущался недостаток всего необходимого, хотя и не в такой мере, как у Центральных держав. Тем не менее, после того как в январе 1917 г. самая промышленно развитая держава в мире — США — сначала разорвала

дипломатические отношения с Германией, а затем — в апреле — присоединилась к Антанте, в распоряжении союзников оказались колоссальные людские, сырьевые и производственные ресурсы, хотя Соединённые Штаты уже давно стали арсеналом Антанты и в немалой степени удовлетворяли ее потребности в вооружении и амуниции. Ускоренными темпами началась подготовка и обучение сотен тысяч американских солдат и офицеров для участия в боях в Европе.

В пользу Антанты складывалась и расстановка сил на полях сражений — она имела к началу 1917 г. 425 дивизий против 331 у противника, а общая численность вооруженных сил достигала 27 млн человек против 10 млн у Центральных держав.

В этой ситуации в ноябре 1916 г. в Шантильи в четвертый раз собрались представители союзных армий. После недолгих консультаций в штаб–квартире французской армии были приняты решения, которые сводились к следующему: 1) союзные армии должны подготовить к весне 1917 г. совместные и согласованные операции, которые имели бы целью придать кампании этого года решающий характер; 2) чтобы не позволить противнику вернуть себе инициативу, в течение зимы должны продолжаться уже начатые наступательные операции в том размере, который допускается климатическими условиями отдельных фронтов; 3) к первой половине февраля должны быть подготовлены совместные наступательные действия теми силами и средствами, которыми к тому времени будут располагать союзные армии; 4) если обстоятельства позволят, то общие наступательные операции с наиболее полным использованием тех средств, которые каждая армия будет иметь возможность ввести в дело, будут начаты на всех фронтах, как только окажется возможность их согласовать.

Непростая обстановка на фронтах и необходимость еще большей координации совместной деятельности и разработки планов военных действий на 1917 г. вызвали необходимость проведения в конце января 1917 г. еще одной встречи представителей союзных армий. На этот раз ее решено было провести в Петрограде. Главной задачей этой конференции было уточнение итогов последней встречи в Шантильи. Важнейшим итогом дискуссий союзников в российской столице стало заявление Антанты о необходимости довести войну до победного конца именно в 1917 г. Особое место на конференции занял вопрос о предоставлении союзниками военно–технической помощи России. И хотя такая помощь была обещана, заявки русских были сокращены.

Как бы то ни было, главным практическим результатом Петроградской

конференции стало решение о проведении совместного наступления союзников на всех фронтах в период между 1 апреля и 1 мая. При этом ранее французская сторона упорно настаивала на том, чтобы русская армия перешла к активным действиям не позднее 15 марта, что было нереально.

1917 год начался не вполне удачно для российской армии. Согласно разработанным вместе с союзниками планам, в конце 1916 — начале 1917 г. русское командование решило провести в районе Риги наступательную операцию, получившую название Митавской. Операция носила частный характер, а выполнение ее задач было возложено на 12-ю армию Северного фронта.

Удар на Митаву оказался полной неожиданностью для германского командования. Резервов у немцев на этом участке не оказалось. Представилась реальная возможность, развивая наступление, заставить противника оттянуть свой фронт от Западной Двины. Но этого не было сделано. В результате наступление свелось только к некоторому улучшению расположения русских войск. Митавская операция оказалась безрезультатной.

В ходе операции вскрылось и истинное состояние российской армии. Давно назревавшее среди солдатских масс недовольство войной вылилось в открытые революционные выступления. Наиболее широкий размах они получили в сибирских частях, считавшихся самыми дисциплинированными и боеспособными. Генерал Н. В. Рузский отмечал, что «Рига и Двинск — несчастье Северного фронта, особенно Рига. Это два распропагандированных гнезда». С этим был согласен и генерал А. А. Брусилов, главнокомандующий Юго–Западным фронтом. Армия не хотела больше воевать.

Так политический фактор вмешался в события Первой мировой войны. После Февральской революции внутриполитическое положение в России кардинально изменилось. Новая власть приняла ряд указов, касающихся ситуации, сложившейся в армии.

Особо важную роль в этом смысле сыграл приказ № 1 от 14 (1) марта 1917 г., изданный Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Он предписывал во всех воинских частях немедленно выбрать комитеты из представителей от нижних чинов, а также избрать, где это еще не было сделано, по одному представителю от рот в Совет рабочих депутатов. В политическом отношении воинская часть подчинялась Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам. Распоряжения, исходившие от Государственной думы, подлежали исполнению только в том случае, если они не противоречили приказам и постановлениям Совета рабочих и

солдатских депутатов. Смертная казнь за дезертирство и невыполнение приказа теперь также отменялась.

Приказ № 1 оказал огромное революционизирующее влияние на солдат действующей армии и тыловых воинских формирований, способствовал прогрессирующей деморализации армии и дальнейшему падению дисциплины в войсках.

Тем не менее в феврале 1917 г. Россия из войны не вышла и вопрос об организации крупного наступления на русском фронте, предусмотренного общим планом союзников, встал со всей остротой перед Временным правительством и верховным главнокомандованием уже в первые дни после революции. К сожалению, западные союзники России, требуя от нее перехода в наступление в соответствии с общим планом действий, не смогли понять всей сложности внутриполитической ситуации в России, чтобы откорректировать планы.

31 (18) марта в Ставке было проведено совещание представителей центральных управлений Военного министерства. Его участники пришли к выводу, что русская армия не сможет начать наступление в намеченный срок, т. е. во второй половине апреля. Отмечался упадок дисциплины в войсках, расстройство железнодорожного транспорта и связанные с этим нарушения снабжения армии всем необходимым, нехватка продовольствия, невозможность отправки на фронт пополнений вследствие неблагонадежности запасных частей. Было высказано веское мнение об отказе от весеннего наступления и переходе к обороне.

В этой обстановке Ставка решила запросить мнение главнокомандующих фронтами. Мнения по этому вопросу разделились. Главнокомандующие Западным и Юго–Западным фронтами были сторонниками скорейшего перехода в наступление, так как, по их мнению, чем быстрее войска будут втянуты в боевую работу, «тем они скорее отвлекутся от политических увлечений». В ответе главнокомандующего армиями Юго–Западного фронта А. А. Брусилова говорилось: «… На военном совете всех командиров фронта под моим председательством единогласно решено: 1) армии желают и могут наступать, 2) наступление вполне возможно. Это наша обязанность перед союзниками, перед Россией и перед всем миром». Только главнокомандующий Северным фронтом Н. В. Рузский считал необходимым «отказаться в ближайшие месяцы от выполнения наступательных операций и сосредоточить все усилия на подготовке к упорной обороне».

Несмотря на это мнение, главнокомандующий М. В. Алексеев 12 апреля (30 марта) подписал директиву № 2647 о подготовке наступления

на русском фронте. Направления главных ударов назначались: для Юго–Западного фронта — Галиция, для Западного фронта — Вильно и для Северного фронта — Митава. Кавказскому фронту ставилась задача удерживать свое положение.

Началась усиленная подготовка к новому наступлению. 29(16) июня артиллерия Юго–Западного фронта открыла огонь по позициям австро–венгерских войск. 1 июля (18 июня) в атаку были брошены 11-я и 7-я армии. Большой успех выпал на долю войск 8-й русской армии, которая 6 июля (23 июня) прорвала оборону противника южнее Станислава. 10 июля (27 июня) она заняла Галич, на следующий день — Калуш. Однако боеспособных частей для продолжения наступления не хватало. Из–за отказов войск выходить на позиции перегруппировка задерживалась. 19 (6) июля германское командование нанесло контрудар. Русские войска почти не оказывали противнику сопротивления, массами снимаясь с позиций и уходя в тыл. Отход прекратился только 28 (15) июля.

На Северном фронте 23 (10) июля перешла в наступление 5-я армия. Заняв первую линию окопов противника, солдаты отказались продвигаться дальше и вернулись на исходные позиции. Не лучше обстояло дело на Западном фронте, где 22 (9) июля развернула боевые действия 10-я армия. После весьма эффективной артиллерийской подготовки ее войска двинулись в атаку, прошли церемониальным маршем две–три линии окопов противника, побывали на его батареях, принесли прицелы с орудий противника и… вернулись в свои окопы.

Наступление Румынского фронта, начатое 20 (7) июля на фокшанском направлении силами 4-й и 6-й русских, 1-й и 2-й румынских армий, на первых порах тоже протекало успешно. Однако уже 25 (12) июля ввиду неблагоприятной обстановки на Юго–Западном фронте оно было прекращено по приказу нового главы Временного правительства А. Ф. Керенского. В свою очередь, 6 августа (24 июля) армии фельдмаршала А. фон Макензена контратаковали русские и румынские войска. Ожесточенные бои, стоившие германцам 47 тыс. убитыми и ранеными, закончились 13 августа (30 июля) их незначительным продвижением.

Таким образом, летнее наступление русских войск потерпело неудачу. Говоря об итогах этого последнего наступления бывшей императорской армии в ходе Первой мировой войны, необходимо подчеркнуть, что после 17 (4) июля политическое положение в России переменилось коренным образом. Окончилось двоевластие, а вся полнота власти перешла в руки Временного правительства. 31 (18) июля 1917 г. А. А. Брусилов был

освобожден от должности верховного главнокомандующего и отозван в Петербург. На его место был назначен генерал Л. Г. Корнилов.

После провала июньского наступления на фронте начался взрыв возмущения, население многомиллионной империи охватила непреодолимая жажда мира, усилилось массовое бегство солдат с полей сражений.

Закончилась катастрофой для русской армии и Рижская операция, проведенная в августе 1917 г. Именно после Рижской операции 7 сентября (25 августа) 1917 г. генерал Л. Г. Корнилов двинул войска на Петроград, потребовав отставки Временного правительства, восстановления смертной казни для солдат в тылу, чистки офицерского корпуса, восстановления исключительного права офицеров производить повышения и понижения, интеграции комиссаров Временного правительства в офицерский корпус, запрета в армии пьянства, азартных игр, любых митингов и политической агитации. Временное правительство игнорировало все эти требования, и тогда Л. Г. Корнилов решился на отчаянный шаг. Но было уже поздно: войска, верные главкому, были распропагандированы большевиками. Мятеж захлебнулся. С этих пор русскую армию ничего уже спасти больше не могло. Она потерпела сокрушительное поражение, не столько на полях сражений, сколько в собственном тылу. Октябрьский переворот лишь поставил точку в этом процессе.

Что же касается положения на Западном фронте, то там, в соответствии с решением Петроградской конференции 1917 г., тоже велась подготовка к наступлению. Для перехода в наступление определялся срок с 1 апреля до 1 мая. План наступления был составлен в соответствии с указаниями нового главнокомандующего французскими армиями генерала Р. — Ж. Нивеля. Он намечал осуществить прорыв германского фронта и замкнуть кольцо окружения в районе Сен–Кантен — Гиз.

Командование рейхсвера сознавало возможность перехода Антанты весной 1917 г. в наступление, но, не имея сил для отражения наступления, сочло за лучшее отвести свои войска на заранее подготовленную и хорошо укрепленную позицию Зигфрида.

Приказ об отходе германских войск на позицию Зигфрида был отдан Вильгельмом II 4 февраля. С 9 февраля 1917 г. начали осуществляться мероприятия, предусмотренные планом: из района ухода германских войск предварительно вывозили произведения искусства, сокровища; большая часть населения, особенно работоспособного, эвакуировалась; местность опустошалась, сжигались мосты, деревни и сады, портились железные дороги. После основательного опустошения района германская армия

16 марта начала отход на позицию Зигфрида. Отход германской армии на эти позиции оставил перед союзниками полосу разрушенного, труднопроходимого для техники пространства.

Тем не менее наступательная операция союзников началась 9 апреля. В первый день наступления англичанам удалось овладеть первой оборонительной позицией, вклиниться в немецкую оборону и продвинуться до артиллерийских позиций на всем 20-километровом фронте, но развить успех они не смогли. Успех сопутствовал только канадским дивизиям.

Наступлению основных сил французских армии на направлении главного удара тоже предшествовала артиллерийская подготовка, проведенная с 7 по 12 апреля. Утром 16 апреля французская пехота 5-й и 6-й армий пошла в атаку. Германские войска оставили первую позицию и отошли в зону недосягаемости артиллерийского огня, поставив впереди себя пулеметные огневые точки с расчетами в бетонных колпаках, и французы попали под огонь неподавленных пулеметов и артиллерии.

Извещенное об огромных потерях, французское правительство настояло прекратить операцию Р. — Ж. Нивеля. В итоге в «бойне Нивеля» французы потеряли только убитыми и ранеными 180 тыс. человек, англичане — 160 тыс. Надежды Р. — Ж. Нивеля на прорыв германского фронта не оправдались. Союзникам не удалось организовать взаимодействие двух своих наступательных группировок. Последствием неудачной апрельской операции было смещение генерала Р. — Ж. Нивеля со своего поста и его замена А. Ф. Петеном.

Следует отметить, что по договоренности с французским правительством Россия в 1916 г. направила на Западный фронт свои войска в составе 1-й и 3-й бригад. Русские солдаты зарекомендовали себя умелыми воинами, попытки германцев сломить их морально–боевой дух не удались. Русские бригады участвовали в апрельском наступлении 1917 г. и проявили большое мужество. Французский военный министр П. Пенлеве отмечал, что русские «храбро рубились под Бримоном». При штурме этого форта погибло 70% русских солдат. Всего в апрельской операции потери составили 5183 человека из 20 тыс. русских солдат, находившихся во Франции.

После неудачи апрельского наступления союзники больше не предпринимали совместных крупных операций на Западном фронте. Только в августе 1917 г. французское командование решило провести небольшую операцию под Верденом.

Не оказала какого–либо заметного влияния на ход войны и операция у

г. Камбре, задуманная и проведенная англичанами в ноябре 1917 г.

На Итальянском фронте 24 октября 1917 г. австрийцы начали наступление в районе Капоретто и, прорвав оборону противника, нанесли крупное поражение итальянцам, разгромив их 300-тысячную группировку. Лишь с помощью срочно переброшенных в Альпы 11 английских и французских дивизий наступательный порыв австрийцев удалось погасить.

Антанте в 1917 г. успех сопутствовал лишь только на Ближневосточном театре военных действий, где 11 марта англичане взяли Багдад, а в конце года Газу и Иерусалим.

Как бы то ни было, но самым главным итогом 1917 г. стали социальные катаклизмы в России. Мировая война послужила катализатором революционных процессов в нашей стране. Она явилась одной из главных причин свержения царизма, способствовала дальнейшему развитию революционных событий, приведших к победе большевиков. Революции в России, отсутствие согласованных действий союзников сорвали стратегический план Антанты. Германии удалось отразить удары противников на суше, но все ее попытки «поставить на колени» противника при помощи неограниченной подводной войны привели только лишь к вступлению в войну на стороне Антанты США.

16 января 1917 г. министр иностранных дел Германии А. Циммерман направил немецкому посланнику в Мексике Экхардту ставшую потом знаменитой на весь мир инструкцию. В ней сообщалось: «Мы намерены 1 февраля объявить неограниченную подводную войну. Несмотря на это, будет сделана попытка сохранить нейтралитет Америки. В случае, если нам это не удастся, мы предлагаем Мексике союз на следующих условиях: совместное ведение войны и совместное заключение мира. Широкая финансовая помощь и наше согласие на то, чтобы Мексика вернула себе путем завоевания территории в Техасе, Нью–Мексике и Аризоне…».

Задолго до этого, в августе 1914 г., наши моряки сумели добыть сверхсекретные шифры и коды связи германского Генштаба. Наши военные, не задумываясь, поделились своей находкой с британскими союзниками, которые смогли теперь контролировать связь немцев с американским континентом. Не стала для них секретом и депеша Циммермана.

Когда 1 марта 1917 г. все ведущие американские газеты на первых полосах опубликовали инструкции министра

иностранных дел Германии, для широкого американского общественного мнения это оказалось полным шоком. Даже президент Вильсон, для себя уже решивший вступить в войну на стороне Антанты, поначалу отказался верить в подлинность документа. Лучшего подарка для соответствующей идеологической обработки миллионов американцев, убеждения их в существовании угрозы национальной безопасности Соединённых Штатов и необходимости подключения страны к антигерманской коалиции, лучшего повода для вступления в войну трудно было себе представить. По пацифистам и изоляционистам был нанесен удар такой силы, от которого они больше так и не смогли оправиться.

2 апреля 1917 г. президент Вильсон произнес перед членами обеих палат Конгресса речь, в которой была объявлена война Германии. Конгресс поддержал президента. Так Вашингтон впервые за свою историю вступил в большую европейскую политику.

После Октябрьской революции Россия фактически вышла из войны. 2 декабря Советская Россия заключила с германо–австрийским блоком соглашение о перемирии, а позднее приступила к мирным переговорам, закончившимся подписанием 3 марта 1918 г. Брестского мира. Восточный фронт Первой мировой прекратил свое существование.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что революционные события 1917 г. в России серьезно отразились и на внутриполитической ситуации во многих воюющих странах. Большевистские лозунги о немедленном мире без аннексий и контрибуций с симпатией были восприняты многими слоями населения в Европе, измученной почти четырьмя годами кровопролитной и бесцельной войны. В этих условиях миссию миротворца, уже не в первый раз, решил на себя взять американский президент В. Вильсон, который 8 января 1918 г. озвучил свое видение предпосылок для окончания военных действий, отличное от большевистских деклараций. Программа В. Вильсона состояла из 14 пунктов, среди которых были требования освобождения Германией всей русской территории, начала открытых мирных переговоров, освобождения Бельгии, возвращения Франции Эльзаса и Лотарингии, беспристрастного разрешения всех колониальных споров, создания международной организации, призванной решать впредь мирным путем споры между государствами и др.

В дальнейшем 14 пунктов Вильсона стали основой для мирных переговоров между противниками, но в январе 1918 г. главные участники двух враждебных коалиций были по–прежнему полны решимости принудить противника к миру при помощи чисто военных решений.

Год 1918. Крах Второго рейха

Развал Восточного фронта и последовавший за этим сепаратный русско–германский Брестский мирный договор существенно изменили ситуацию на фронтах мировой войны. Отныне Германия, Австро–Венгрия и Турция, державшие ранее против России значительную часть своих вооруженных сил и техники, получили возможность использовать их на Западном и других фронтах. Но коренным образом положение Центральных держав измениться уже не могло. Потерю России Антанта сумела в какой–то мере компенсировать привлечением на свою сторону крупнейшей мировой экономической державы — США.

К началу 1918 г. союзники по Антанте, уже без России, имели в своем распоряжении 274 дивизии, Центральные державы могли выставить 275 дивизий. Еще 86 дивизий немцев и их союзников находились на западных территориях России, а 9 — на Кавказе. Однако это равенство было кажущимся: мобилизационные возможности Антанты значительно превосходили возможности Четверного союза: Франция и Великобритания стали активно призывать в свои вооруженные силы военнообязанных в колониях и доминионах.

Кроме того, к этому времени существенно увеличился поток американских войск и различных военно–стратегических грузов, прибывавших в Европу во все больших размерах. Если в конце декабря 1917 г. численность американских солдат во Франции составила 180 тыс. человек, то в марте 1918 г. она уже превышала 320 тыс.

С началом кампании 1918 г. государства обеих коалиций встали перед проблемой скорейшего окончания войны. Но особенно остро этот вопрос встал перед Германией и ее союзниками — им все труднее было обеспечить фронт даже самым необходимым. Так, части рейхсвера фактически были поделены на три категории: из 244 дивизий 56 считались ударными, остальные — ограниченного действия или пригодными лишь для обороны. В резерве оставались всего 950 тыс. человек, способных встать под ружье. В тылу положение было еще более плачевным: все попытки эффективно наладить вывоз продовольствия и вооружения из России и Украины

потерпели крах из–за хаоса, царившего в стране. Последствия блокады тоже давали о себе знать, в Германии все отчетливей ощущалась угроза голода. Пока США еще не успели перебросить в Европу основную часть своих войск, Э. Людендорф настаивал на решительных наступательных действиях на Западном фронте.

13 февраля 1918 г. главнокомандующий немецкой армии П. фон Гинденбург на совещании высшего военного и политического руководства Германии в Хомбурге разъяснил стратегические планы своего командования: «Нанесение решительного удара на Западе представляется самой огромной военной задачей». Он отдавал себе совершенно ясный отчет в том, что основная тяжесть военных действий в 1918 г. ляжет на плечи самой Германии, поскольку все ее союзники исчерпали свои ресурсы. От них в новой военной кампании требовалось только одно — держать оборону на своих фронтах в Италии, на Балканах и в Месопотамии до полной победы германской армии на Западном фронте.

Вместе с тем выход России из войны сделал самоочевидным для высшего командования Антанты, что на Западном фронте в самое ближайшее время развернется решительное германское наступление. В соответствии с этим непреложным фактом союзники строили свои стратегические планы на 1918 г.

В новых условиях для более эффективного управления войсками Антанта произвела реорганизацию своего верховного командования. Первый шаг к его объединению был сделан еще на союзной конференции в Рапалло, близ Генуи, 6-7 ноября 1917 г., где было решено образовать Высший военный совет союзников. Членами его стали главы правительств и представители генеральных штабов Великобритании, Франции, Италии и США. В конце января 1918 г. в Версале состоялось заседание этого Совета, который принял план союзных действий на открывавшуюся военную кампанию. В основу его легли идеи, высказанные начальником Генштаба французской армии генералом Ф. Фошем, который полагал, что сильного германского наступления на Западном фронте надо ожидать уже в начале 1918 г., а потому союзникам первым делом следует подготовиться к надежной обороне.

Крупное германское наступление, как и следовало ожидать, началось на Западном фронте, где были сосредоточены 194 немецкие дивизии, объединенные в четыре группы армий. Общая численность немецких войск на Западном фронте составляла к началу наступления около 4 млн человек. Они имели более 15 тыс. артиллерийских орудий, около 3 тыс. самолетов и 10 танков. Этим германским силами противостояли 176 пехотных и 10

кавалерийских дивизий стран Антанты, основу которых составляли французские войска. Силы союзников насчитывали около 5 млн человек, около 16 тыс. артиллерийских орудий, свыше 3,8 тыс. самолетов и более 800 танков.

Основной удар немецкое командование решило нанести между городами Краузилем и Ла–Фером силами трех армий, надеясь здесь прорвать неприятельскую позиционную оборону. К середине марта на фронте наступления шириной в 70 км были сосредоточены 62 германские дивизии и примерно 6 тыс. орудий. Против немцев на этом участке оборонялись 3-я и 5-я британские армии, которые имели в своем составе 32 пехотные и 3 кавалерийские дивизии, 216 танков, около 3 тыс. орудий и около 500 самолетов. Таким образом, на участке прорыва германскому командованию огромными усилиями удалось создать почти двукратное превосходство в силах и средствах над англичанами.

Сражение началось утром 21 марта 1918 г. 26 марта немецкие войска, наступавшие в Пикардии, вынудили обескровленную 5-ю британскую армию отойти к побережью Северного моря, а 6-ю французскую — к Парижу. Таким образом, на стыке двух союзных армий образовался разрыв шириной в 15 км, открывавший прямую дорогу к Амьену, до которого оставалось всего 35 км. Именно в этот день генералу Ф. Фошу поручили координировать действия союзников на Западном фронте. Еще через некоторое время английское, французское и американское правительства доверили ему и общее руководство военными операциями.

Став, таким образом, Верховным главнокомандующим стран Антанты и получив звание маршала Франции, Ф. Фош стал проводить в жизнь свои стратегические идеи. Суть их заключалась в активном, контратакующем противодействии наступлению Германии на Западном фронте. Прежде всего началось претворение в жизнь тактики «измора» немецкой военной машины. В результате принятых мер темп наступления германских армий снизился, а бои стали приобретать местное значение. К вечеру 5 апреля был отдан приказ о прекращении наступления по всему фронту. Тем не менее немецкие армии «вдавили» фронт союзников на 60 км, хотя прорвать его так и не смогли.

Несмотря на неудачу, германское командование продолжило наступательную операцию в Пикардии крупным атакующим ударом во Фландрии 9-29 апреля 1918 г. Однако во Фландрии повторилась та же картина, что и в Пикардии. Сначала германские войска ценой больших потерь потеснили англичан и в ходе сражения разбили две дивизии участника Антанты с марта 1916 г. — Португалии. Но пришедшие на

помощь французские резервы достаточно быстро восстановили линию обороны. Под ударами контратакующих союзников германское наступление слабело с каждым днем и, наконец, полностью приостановилось. Общие потери сторон составили почти 200 тыс. человек.

В конце мая немцами была проведена новая наступательная операция на р. Энн против 6-й французской армии. Наступавшим германским войскам вновь удалось добиться успехов в первые дни операции и вклиниться в оборону французов на 20 км. Поначалу французская оборона и артиллерия оказались полностью подавленными шквалом артиллерийского огня и тысяч химических снарядов германцев. Пытаясь закрыть прорыв и защитить столицу, в район сражения из Северной группы союзных армий перебросили еще 10 пехотных дивизий, а из резервных сил — 4 пехотные дивизии и кавалерийский корпус. В результате 5 июня наступление было прекращено. До Парижа немцам оставалось пройти всего 70 км.

Несмотря на ряд успехов в ходе наступательных операций, положение Германии на Западном фронте летом 1918 г. стало ухудшаться. Ее военный потенциал с каждым днем неуклонно истощался. Рейхсвер спешно пополнялся выписанными из госпиталей и призывниками 1920 г. Но пополнений не хватало.

В этих условиях Австро–Венгрия перебросила на Западный фронт несколько своих пехотных дивизий, но их качество было плачевным: несколько сотен солдат 106-й австрийской дивизии прибыли во Францию босиком, у этой дивизии не было даже ни одного орудия. Но еще больше тревожило командование моральное состояние немецких и австро–венгерских войск, которое все более ухудшалось. Положение Антанты было несравненно лучше: начался непрерывный приток американских войск, военной техники, боеприпасов.

В отчаянной надежде спасти ситуацию германское командование запланировало еще одну крупную наступательную операцию — на р. Марне. После этого оно собиралось нанести новый удар по британским войскам во Фландрии. Наступление, назначенное на 15 июля, для поднятия морального духа войск было названо в приказах командования «сражением за мир». Ставка вновь была сделана на сильную артиллерийскую подготовку и внезапность удара атакующей пехоты. Однако воздушная разведка союзников смогла установить место готовящегося прорыва фронта, а попавший в плен немецкий офицер на допросе назвал точную дату готовящегося наступления — 15 июля.

Французы смогли хорошо подготовиться к ожидаемому наступлению

противника. Основная масса войск с первой линии обороны была отведена в глубину, а в передовых окопах оставались только пулеметные расчеты и боевое охранение. Вся окружающая местность была заражена отравляющими веществами. Назад была оттянута и артиллерия, которая покинула передовые батарейные позиции.

В итоге передовые позиции, на которые обрушивалась вся тяжесть артиллерийской подготовки, по существу оказались оставлены оборонявшимися французскими войсками. За три дня боев немцы потеряли 50 тыс. человек, после чего германское командование было вынуждено отдать приказ о прекращении наступательной операции. В ночь на 21 июля 7-я немецкая армия отошла на северный берег Марны.

Провал крупного наступления на Марне означал крах стратегического плана высшего командования Германии вывести войну из позиционного тупика и добиться если не победы, то хотя бы такого успеха, который позволил бы Берлину заключить с Антантой «почетный мир».

В то время как союзные армии отражали натиск немцев, маршал Ф. Фош готовился перейти в решительное наступление. Летом соотношение сил на Западном фронте окончательно переменилось в пользу союзников. К середине июля у них было 200 пехотных и 10 кавалерийских дивизий, 19 804 артиллерийских орудия (из них 8323 большой и особой мощности), 5400 самолётов и 1500 танков. Общая численность личного состава армий Антанты определялась в 3,6 млн человек, почти половину из них составляли французские войска. Германия на Западном фронте имела 209 пехотных дивизий, 18 100 артиллерийских орудий (из них 7300 большой и особой мощности), 3000 самолетов и 3,3 млн человек, танков у немцев почти не было, а их резервы были практически исчерпаны.

Немецкие раненые у д. Курси. Франция, 1916-1918 гг. РГАКФД

Согласно плану Ф. Фоша, было решено нанести удары в оба фланга Марнского выступа. Наступать предстояло 10, 6 и 5-й французским армиям. На участке прорыва в 50 км шириной маршал сосредоточил 25 пехотных и 3 кавалерийские дивизии, более 2 тыс. орудий и 500 танков.

«Вторая Марна» в кампании 1918 г. началась ранним утром 18 июля сильной артиллерийской подготовкой. После этого французская пехота при поддержке танков пошла в атаку. Внезапность наступления оказалась полной, и немецкие войска, застигнутые врасплох, вынуждены были отступить. 19 июля в наступление перешли 5-я и 9-я французские армии. 2 августа французы заняли г. Суассон, а еще через два дня контрнаступление Антанты на Марне победно завершилось. Таким образом, германская угроза Парижу была ликвидирована. Фронт отодвинулся от столицы Франции на 40 км.

Явный успех в сражении на Марне дал возможность командованию Антанты провести еще ряд наступательных операций против противника, чтобы ликвидировать в линии Западного фронта те выступы, которые противник захватил в начале 1918 г. Германское же командование пока еще не представляло всей серьезности своего положения и рассчитывало при

первом же удобном случае снова перейти в наступление. Командующие группами армий даже получили соответствующую директиву.

Первой наступательной операцией союзников стала Амьенская. Союзники под Амьеном имели трехкратное превосходство в силах, подавляющее — в артиллерии и авиации и абсолютное — в танках. 8 августа союзная артиллерия открыла невиданный по мощности огонь по неприятельской обороне. Под прикрытием огневого вала в атаку двинулись дивизии 4-й британской армии в сопровождении танковой армады, насчитывавшей 415 машин. Это наступление стало полной неожиданностью для противника. За один день 8 августа немецкие войска потеряли 27 тыс. человек убитыми и пленными, около 400 орудий, а также большое количество различного военного имущества. Амьенская операция завершилась 13 августа.

Именно Амьен окончательно закрепил стратегическую инициативу на Западном фронте за Антантой. День 8 августа 1918 г., по признанию Э. Людендорфа, стал «самым черным днем германской армии в истории мировой войны».

Амьенская победа дала возможность Антанте провести более широкие наступательные операции и окончательно вытеснить противника на «линию Зигфрида». В июле численность американских войск во Франции превысила 1 млн человек и продолжала расти, а 10 августа три американских корпуса под командованием генерала Дж. Першинга заняли выступ фронта к югу от Вердена.

12 сентября 1-я американская армия начала Сен–Миельскую операцию. На фронте наступления в 64 км американцы сосредоточили 17 пехотных дивизий, 2900 орудий, 273 танка и 1100 самолетов. Наступавшим противостояли 7 сильно потрепанных дивизий противника, причем одна из них была австро–венгерская, при 560 орудиях и 200 самолетах. И вновь победа оказалась на стороне Антанты. За четыре дня боев немцы потеряли 16 тыс. человек пленными и более 400 орудий. Потери 1-й американской армии составили всего 7 тыс. человек. Сен–Миельская операция стала первой, в которой американские войска в мировой войне действовали самостоятельно.

Новая военно–стратегическая обстановка на Западном фронте позволила союзному командованию перенести запланированное общее наступление с 1919 на осень 1918 г. Маршал Ф. Фош решил нанести новый удар на огромном северном и центральном участках Западного фронта в 420 км, поставил задачу своим войскам вступить в Бельгию и освободить оккупированную французскую территорию.

Наступление союзников началось утром 26 сентября после мощной артиллерийской подготовки. А 28 сентября последовало наступление самой северной группировки союзников — Фландрской, левый фланг которой упирался в морское побережье. После перехода в наступление 1-й и 2-й британских армий в Арденнах и удара фландрской группировки союзников германские войска с 2 октября начали повсеместный отход с «линии Зигфрида». Во многих местах такой отход был дезорганизованным. 5 октября германское правительство обратилось к правительству США с просьбой о перемирии и начале переговоров на основе 14-ти пунктов Вильсона.

Однако немцев спасти уже ничего не могло. 14 октября армии Антанты повели наступление уже по всему фронту от берега Северного моря до р. Маас, редко где встречая сопротивление немцев. Линия фронта, которую удерживали немецкие войска, к концу октября фактически развалилась. Германская кайзеровская армия перестала существовать.

Столь же печально для Центральных держав развивались события и на других фронтах. На Салоникском фронте в начале осени союзники по Антанте наголову разбили своих противников. Болгарское правительство поспешило заключить 29 сентября перемирие, которое означало фактическую капитуляцию Болгарии.

12 октября сербская армия заняла Ниш, а 1 ноября она вступила в Белград. Одновременно часть войск 2-й сербской армии была направлена в Черногорию. 22 октября неприятель оставил черногорскую столицу Цетинье. К концу октября вся Черногория была освобождена.

Капитуляция болгар предрешила участь и еще одной союзницы Берлина — Турции. 19 сентября началась Палестинская наступательная операция союзников. К полудню турецкий фронт был прорван от берега моря в глубину на 40 км. 20 сентября кавалерийские части англичан достигли г. Назарета, 1 октября войска генерала Э. Алленби вступили в Дамаск, а 26 октября заняли другой крупный город Сирии — Алеппо. Одновременно французская эскадра вошла в порт Бейрут. Турецкие армии Сирийско–Палестинского фронта фактически прекратили свое существование. 31 октября все боевые действия на этом фронте были прекращены.

На Итальянском фронте 27 октября войска Антанты начали общее наступление своими главными силами. Австро–венгерские войска оказались на пороге катастрофы, хотя не только в силу итальянского наступления. Венгерские дивизии еще 25 октября отказались воевать и убыли на родину, поскольку Будапешту угрожали войска Антанты. Части,

состоявшие из чехов и хорватов, также отказались повиноваться командованию. Бой вели только те дивизии, которые в своем большинстве состояли из австрийцев. Командующий австрийскими войсками эрцгерцог Иосиф–Август, исчерпав свои последние резервы и видя полный развал фронта, понял, что дальнейшее сопротивление невозможно. Утром 28 октября командование 6-й австро–венгерской армии отдало приказ отступать. Вслед за военным поражением Австро–Венгрии наступил ее полный развал. Так было покончено с последним союзником Второго рейха — Австро–Венгерской империей.

7 ноября 1918 г. между германской делегацией под руководством М. Эрцбергера и союзным командованием в лице генерала Ф. Фоша в штабном вагоне на станции Ротонд в Компьенском лесу начались переговоры о перемирии. По условиям союзников в течение 15 дней немцы обязывались очистить все оккупированные территории и передать победителям большую часть вооружения. Почти весь немецкий флот также передавался союзникам, а блокада Германии сохранялась. Германия должна была также отказаться от Брестского и Бухарестского договоров. Перед берлинским руководством ставились и другие условия, а на ответ давалось 72 часа.

Находясь в безвыходном положении, 11 ноября 1918 г. немцы приняли условия перемирия. В 11 часов дня 11 числа 11 месяца 1918 г. в Компьенском лесу грянул 101 залп артиллерийского салюта. Это были последние выстрелы Первой мировой войны.

Версальско–Вашингтонская система международных отношений

Версальско–Вашингтонский миропорядок как система

Международные отношения играют значительную роль в истории современной цивилизации. Оставаясь по своей сути преимущественно политическими, они представляют собой также систему экономических и культурных связей между социальными общностями, заключенными в государственные либо межгосударственные рамки.

Структура таких отношений, состоящая из отдельных элементов — государств, их объединений, а также международных организаций, — имеет несколько иерархически соподчиненных пространственно–временных уровней, которые формируются в результате взаимодействия указанных элементов между собой и с внешней средой. При этом очевидно, что изучение пространственного аспекта позволяет выделить глобальный, региональный, субрегиональный и двусторонний уровни данной системы. Вместе с тем временной аспект, подразумевающий историко–социологический подход, предоставляет возможность их рассмотрения в хронологической последовательности как переходную эпоху от Венского (многополярного) (1815-1914) к Ялтинскому (биполярному) (1945-1991) миропорядку.

Хорошо известно, что так называемая Версальско–Вашингтонская система аналогично Вестфальской и Венской возникла в результате длительных и широкомасштабных военных действий. Однако в отличие от двух предшествовавших она явилась первой, по–настоящему глобальной системой, юридические основы которой, заложенные в ходе работы целой серии международных конференций 1919-1922 гг., рассматривались их участниками как обязательные для исполнения всеми государствами, межгосударственными объединениями и международными организациями. Другой характерной чертой миропорядка, сложившегося после Великой войны 1914-1918 гг., стала попытка сочетания ценностей демократии, принципов коллективной безопасности и права государств отстаивать свои национальные интересы, а наций — добиваться государственного суверенитета. Наконец, еще одной важнейшей особенностью устройства международных отношений в период с 1919 по 1939 г. следует признать

создание и деятельность абсолютно новой для политиков и народов организации — Лиги Наций, этого универсального, по мнению его творцов, объединения государств как гаранта всеобщего мира и гармонии их интересов.

Лига Наций (1919-1946) — крупнейшая межгосударственная организация, созданная странами–победителями в Первой мировой войне. Устав Лиги Наций был принят на Парижской мирной конференции 1919-1920 гг., а ее штаб–квартирой стала Женева (Швейцария), в то время как Палата международного правосудия заседала в Гааге (Нидерланды). Общее количество государств — членов Лиги варьировалось на протяжении 1920 — 1930-х годов, поскольку сначала происходило расширение ее состава за счет приема новых стран (Германии — с 1926 г. или СССР — с 1934 г.), а затем некоторые государства покинули эту организацию (Бразилия — в 1926, Япония и Германия — в 1933, Италия — в 1937 г. и т. д.), членство других было прекращено самой Лигой (Эфиопии — в 1936, Австрии — в 1938, Чехословакии — в 1939, Латвии, Литвы и Эстонии — в 1940 г.), а СССР был исключен в связи с советско–финляндской войной в 1939 г. Таким образом, за четверть века существования Лиги Наций ее членами становились 63 страны. Главными органами этой универсальной, но прежде всего, конечно, политической структуры выступали Ассамблея, Совет и Секретариат. Помимо них под эгидой Лиги Наций действовали специализированные организации труда и здравоохранения, а также комиссии (по делам беженцев, по вопросам борьбы против рабства), комитет по исследованию правового статуса женщин и постоянный центральный опиумный совет. В истории Лиги Наций можно проследить два этапа: с 1920 по 1931 г., когда ведущее место заняло урегулирование локальных конфликтов (между Финляндией и Швецией вокруг Аландских островов, Польшей и Литвой за Виленскую область, Грецией и Болгарией за Фракию и т. д.), и с 1932 по 1939 г., когда агрессивные шаги некоторых держав вкупе с провалом организации всемирной конференции по контролю над вооружениями обусловили начало кризиса организации. Несмотря на целый ряд успехов в области гуманитарного сотрудничества, борьбы против торговли людьми и

распространения наркотических веществ, Лиге Наций не удалось предотвратить Вторую мировую войну, с началом которой деятельность организации была фактически парализована. Тем не менее опыт коллективного решения многих острых проблем оказался в дальнейшим востребованным ООН, которая создавалась усилиями бывших постоянных членов Лиги Наций в 1945-1947 гг.

Несмотря на то что многие современные историки, например, один из крупнейших британских исследователей Э. Хобсбаум, предлагают рассматривать период с 1914 по 1945 г. в качестве «Второй Тридцатилетней войны» (проводя аналогию с общеевропейским кризисом 1618-1648 гг. и подчеркивая переходный характер обеих хронологических отрезков как эпох общеевропейских войн и революционных потрясений), мы, разделяя в целом указанную широкую интерпретацию событий, все же считаем оправданным использование более узкого подхода применительно именно к истории международных отношений с точки зрения их системности. В этой связи указанные хронологические рамки четко соотносятся с установлением ВерсальскоВашингтонской системы, отмеченным началом работы Парижской мирной конференции 18 января 1919 г., и крахом миропорядка межвоенного периода, обусловленным развязыванием нацистской Германией военных действий в Европе 1 сентября 1939 г.

Характеризуя внутреннюю динамику процесса создания, укрепления и кризиса Версальско–Вашингтонского миропорядка, отметим три его периода, которые проанализированы в данной главе:

— с 1919 по 1922 г. — как стадию формирования системы международных отношений в ходе серии многосторонних глобальных, региональных, субрегиональных конференций, а также двусторонних переговоров;

— с 1923 по 1931 г. — как стадию укрепления и дальнейшего развития системы, которая связывалась многими современниками с наступлением так называемой «эры пацифизма»;

— с 1932 по 1939 г. — как стадию кризиса и распада системы, обусловленных перманентным нарастанием конфликтного потенциала в международных отношениях, который в конечном итоге привел к возникновению очагов Второй мировой войны сначала на Дальнем Востоке, а затем и в Центральной Европе.

Формирование Версальско–Вашингтонского миропорядка, 1919-1922 годы

Заключение перемирия между Германией и державами Антанты 11 ноября 1918 г. в Компьенском лесу под Парижем на 36 дней с правом продления знаменовало собой начало долгого перехода человечества от войны к миру, перехода, который окончательно совершился лишь к концу 1922 г. Однако движение в этом направлении не стало прямым, поступательным процессом, а характеризовалось чередованием приливов и отливов активности держав, сочетанием мирных и военных методов урегулирования ситуации в том или ином регионе, использованием участниками отмеченного перехода не только политических, но и социально–экономических средств достижения своих целей.

В историографии традиционно считается, что основные положения мирного урегулирования 1919-1922 гг. были озвучены как 14 пунктов программы американского президента В. Вильсона перед членами обеих палат Конгресса 8 января 1918 г. Однако немногие специалисты обратили внимание на то обстоятельство, что за три дня до этой судьбоносной речи, 5 января 1918 г., премьер–министр Великобритании Д. Ллойд Джордж своим выступлением на конгрессе тред–юнионов в Лондоне предвосхитил многие положения В. Вильсона (о свободе морей, равенстве в торговле, урегулировании территориальных споров в Европе, осторожном отношении к Советской России и т. д.), который, в свою очередь, придал им «звучание особой моральной силы». Кроме того, не следует также забывать, что американская «Программа мира», как и выступление британского премьер–министра, отразили реакцию правящих элит Антанты на Декрет о мире, принятый II Всероссийским съездом советов 8 ноября 1917 г. Наконец, необходимо принять во внимание и неоднократную корректировку Вильсоном большинства пунктов своего проекта на протяжении завершающего года войны в публичных выступлениях 11 февраля, 4 июля и 27 сентября 1918 г.

> **Дэвид Ллойд Джордж** (1863-1945) — британский государственный деятель, один из крупнейших либеральных политиков XX в., родился в валлийской семье учителя, но очень рано лишился отца и поэтому воспитывался матерью и дядей Р. Ллойдом, чью фамилию он добавил к своему имени. Сдав экзамены на занятие адвокатской должности, Ллойд Джордж

очень скоро почувствовал вкус к занятию политикой, став в 1890 г. членом парламента от либеральной партии. В течение полувека он постоянно заседал в парламенте, зарекомендовав себя блестящим полемистом и организатором. За свою долгую политическую карьеру Ллойд Джорджу довелось занимать различные государственные посты: с 1905 по 1908 г. — министра торговли, затем до 1915 г. — министра финансов, а после создания коалиционного правительства — сначала министра вооружений, а потом военного министра. Поистине «звездным часом» «маленького валлийца», как современники называли невысокого Ллойд Джорджа, стали завершающие годы Первой мировой войны и последовавший турбулентный период послевоенного восстановления (1918-1922), когда он являлся премьер–министром Великобритании. Сосредоточив в своих руках основные нити государственного управления, он способствовал осуществлению серии реформ, поддержав введение избирательного права для женщин и создание Лиги Наций. Важнейшим достижением Ллойд Джорджа стало формирование Версальско–Вашингтонской международно–правовой системы, в которой не нашлось места Советской России и Веймарской Германии. Тем не менее именно британский премьер стремился к нормализации отношений с Москвой, особенно в торгово–экономической области. Отойдя от активной политической деятельности во второй половине 1930-х годов, уделял много внимания разработке программы экономических реформ по рецептам выдающегося британского экономиста Дж. Кейнса, названных впоследствии «новый курс Ллойд Джорджа», и написанию многотомных мемуаров. За три месяца до смерти был возведен в дворянское достоинство, став графом Двайфора. Выразительный памятник Ллойд Джорджу украшает площадь перед Вестминстерским аббатством в центре Лондона.

Квинтэссенцией американской внешнеполитической концепции стала идея создания особой международной организации с целью «поддержания ничем не нарушаемой безопасности морских путей, для всеобщего и ничем не ограниченного их использования всеми нациями мира и для предотвращения каких бы то ни было войн…». По мнению В. Вильсона, посредством использования такого механизма удалось бы создать новый мировой порядок, базирующийся на демократических правовых

основаниях вместо силы. Будущее сообщество государств виделось главе Белого дома как гармоничное целое, в основе которого лежал бы принцип самоопределения наций и разрешения всех споров, возникающих между ними, через систему коллективного арбитража в рамках нового международного форума.

Если на протяжении войны, особенно до вступления в нее США, союзники предпочитали молчаливо соглашаться с Вильсоном, то возникшая после Компьена проблема подготовки и проведения мирной конференции заставила каждого из членов Антанты раскрыть собственное видение нового миропорядка. При этом наибольшую гибкость и маневренность проявила многоопытная британская дипломатия. Так, английский план мирного урегулирования предусматривал пять принципиально важных позиций: решение территориального вопроса в пользу Франции, Бельгии, Италии и т. д., лишение Германии военно–морского и значительной части торгового флота, принуждение Берлина к выплате репараций, перераспределение германских колоний и зависимых от Османской империи территорий в свою пользу, поддержка новых независимых государств, возникших на обломках Австро–Венгерской и особенно Российской империй. Идеалом британской политической элиты в отношении последней стала бы федерализация и даже конфедерализация России, которая в результате уже не представляла бы угрозы интересам Лондона на Востоке — в Китае, Индии, Персии, Турции, а также в Центральной и Восточной Европе.

В отличие от американцев и англичан французские государственные деятели обладали значительно меньшим пространством для дипломатического маневрирования. Если первые и вторые по логике географического положения были, как тогда казалось, надежно защищены от атаки армии любой великой сухопутной державы, то французы должны были проявить решительность, чтобы либо политически (путем расчленения), либо экономически (путем взимания колоссальных репараций) максимально ослабить Германию, лишив ее малейшей надежды на успех возможного реванша. В Париже не забывали, что демографический и промышленный потенциалы их восточного соседа к началу Первой мировой войны в 1,5-2 раза превосходили французские возможности. Впрочем, для Франции существовали также два варианта обеспечения национальной безопасности сугубо дипломатическими методами: продолжение союза с англо–саксонскими державами и создание противовеса Германии в Восточной Европе за счет «клонирования» Антанты, хотя и в более скромных масштабах. В итоге Париж выступал за

приведение к нулю всякого политического, экономического и этнокультурного влияния немецкой нации на Европейском субконтиненте, что фактически означало бы реставрацию геополитической конфигурации Западной Европы времен Наполеона III. Отсюда с неумолимой логикой выступало стремление французов придать Лиге Наций как коллективному органу жандармские функции для пресечения любых нарушений формируемого послевоенного статус–кво.

Задачи двух других великих держав, входивших в Антанту, — Италии и Японии — были скромнее. Первая из них стремилась получить территории Южного Тироля, Далмации и некоторые районы турецкой Малой Азии, обещанные союзниками Риму в случае выступления против Центральных держав. В свою очередь, руководители Страны восходящего солнца намеревались прибрать к рукам германские колонии в бассейне Тихого океана и установить особый договорный режим с Китаем в политической и экономической сферах. Особый интерес японцев вызывал стратегически важный Шаньдунский полуостров, где ими была оккупирована область Цзяочжоу, взятая Германией у Китая в долгосрочную аренду еще в конце XIX в.

Столкновением интересов указанных держав и попытками их лидеров достичь компромиссных решений были отмечены международные конференции, участники которых конструировали Версальско–Вашингтонскую систему. К числу наиболее значимых форумов, проходивших в рассматриваемый период, специалисты относят Парижскую, Вашингтонскую и Генуэзскую конференции, хотя параллельно им, либо в промежутках между ними состоялось несколько десятков двух– и многосторонних встреч, консультаций и переговоров по конкретным вопросам послевоенного урегулирования.

При сравнении Венского конгресса 1814-1815 гг. и Парижской конференции 1919-1920 гг., вполне уместном, с точки зрения исторической компаративистики, бросаются в глаза три немаловажных отличия: во–первых, отсутствие среди гостей французской столицы представителей побежденных держав, а также России; во–вторых, активное участие американской делегации в работе Парижского форума и, в-третьих, значительное расширение повестки дня за счет учреждения 58 специализированных комитетов, занимавшихся конкретными вопросами (в Вене их было всего 8).

Важной характерной чертой переговорного процесса на берегах Сены являлось то обстоятельство, что официальные постановления конференции 1919 г. фактически сводились к согласованным решениям не 27 стран–

участниц и даже не «Совета десяти», включавшего главы делегаций великих держав и сопровождавших их министров иностранных дел, а к компромиссам, достигнутым лидерами Великобритании, Франции и США: Д. Ллойд Джорджем, Ж. Клемансо и В. Вильсоном. При этом, как свидетельствуют источники, британскому премьеру в целом удавалось играть ключевую роль медиатора между нередко полярными точками зрения французской и американской делегаций.

Помимо хорошо известных статей Версальского, Сен–Жерменского, Нейиского, Трианонского и Севрского договоров, которые в 1919-1920 гг. оформили послевоенное территориальное устройство Европы и Ближнего Востока (см. карту на вклейке), наиболее важное значение имели попытки держав–победительниц конституировать Лигу Наций, определить послевоенный статус Германии, утвердить появление на политической карте новых суверенных государств, ввести в действие принципиально новую для практики международных отношений мандатную систему и найти средства реинтеграции России в создаваемый миропорядок. Существенные противоречия в подходах членов Антанты к экономическим вопросам, обусловленные различиями в оценках размера компенсаций материального ущерба со стороны Германии и ее союзников, а также в конструировании механизмов выплаты этих компенсаций, заставили участников Парижской конференции отложить поиск развязок по этой проблеме на определенное время.

Специалисты справедливо считают, что принятый Парижской конференцией Устав Лиги Наций, вошедший в качестве составной части в Версальский мирный договор 28 июня 1919 г., стал ярким свидетельством компромисса между американским, британским и французским проектами. Он предусматривал создание институтов, напоминающих мировое правительство: Ассамблеи всех членов Лиги и Совета, в состав которого входили представители пяти великих держав–победительниц и четыре регулярно переизбираемых делегата от остальных государств. Положительной стороной деятельности указанных органов являлась возможность коллективных экономических и даже военных санкций против агрессора. Однако их практическое применение серьезно затруднялось необходимостью консенсуса для принятия такого решения, а также отсутствием четкой дефиниции для «государства–агрессора» в Уставе Лиги.

Продолжительные дебаты участников конференции вызвал германский вопрос. Фактически Версальский договор превращал Германию из великой державы во второстепенное европейское государство. Мало того, что она

лишалась 13% своей территории и всех колоний, но в дополнение на нее накладывались серьезные военные и экономические ограничения. Достаточно сказать, что предусматривалось сокращение сухопутной армии до 100 тыс. человек, ликвидация всего флота, за исключением нескольких надводных боевых кораблей, и немедленная единовременная контрибуция в размере 5 млрд долл, наличными или имуществом. Помимо этого, были арестованы и секвестированы германские активы в зарубежных банках на сумму 7 млрд долл., а патенты на изобретения немецких ученых переходили к союзным державам. И все же британской дипломатии при поддержке американцев удалось не допустить претворения в жизнь французского плана конфедерализации Германии с возвращением ее к границам первой половины XIX в., т. е. в эпоху до объединения страны канцлером О. фон Бисмарком «железом и кровью».

Значимой проблемой, непосредственно связанной с определением статуса Германии, стал вопрос о создании и юридическом признании новых государств в Центральной, Восточной и Юго–Восточной Европе. Несмотря на то что организаторы Парижской конференции громогласно заявляли о стремлении строго придерживаться принципа самоопределения наций, на практике его осуществление столкнулось с реалиями исторически сложившихся и географически обусловленных границ. В итоге на месте бывших многонациональных империй возникли суверенные образования, в составе которых наряду с титульной нацией неизбежно оказались анклавы компактно проживавших в них этнических меньшинств, причем нередко довольно крупных. Например, в Чехословакии из 15 млн населения 3 млн составляли немцы, 1 млн — венгры, 500 тыс. — поляки, не говоря уже о более малочисленных народах. Кроме того, словаки отнюдь не жаждали, как это в дальнейшем показали события 1939 и 1992 гг., образовывать единое государство с доминировавшими в нем чехами. Аналогичная ситуация сложилась и с Королевством СХС (с 1929 г. — Югославия), которое объединило сербов, хорватов, словенцев, венгров, боснийцев и другие этнические группы, а также с Румынией, в состав которой были включены обширные территории, населенные миллионами венгров, жителей Бессарабии и Северной Буковины.

Отдельного упоминания заслуживает Польша, юридическое признание которой произошло на Парижской конференции. Воссоздание независимого Польского государства, подготовленное более чем вековой борьбой поляков против насильственных разделов XVIII в., сопровождалось появлением на карте Европы страны, руководство которой видело основной путь укрепления суверенитета в агрессивных действиях

по всем азимутам. В итоге на протяжении 1919-1920 гг. Польша вступила в военные конфликты разной интенсивности и длительности фактически с большинством соседей: Литвой, Украиной, Чехословакией и Советской Россией. Противоречивым оставался вопрос и с так называемым «Польским коридором», дававшим Варшаве выход к Балтийскому морю через порт Гданьск, который, тем не менее, оставался под контролем Лиги Наций. Таким образом, в состав Польши было включено несколько миллионов немцев Западной Пруссии и Познани, а территория Веймарской республики оказывалась разрезанной на две части пресловутым «Польским коридором».

Петр I Карагеоргиевич, король Сербии (1903-1918 гг.), король сербов, хорватов и словенцев (1918-1921 гг.). РГАКФД

Проведенная Д. Ллойд Джорджем, Ж. Клемансо и В. Вильсоном перекройка европейских границ стала причиной возникновения нескольких локальных конфликтов: между Югославией и Италией вокруг городов Триест и Фиуме, Грецией и Болгарией вокруг Восточной Фракии, Венгрией и Румынией вокруг части Трансильвании, Польшей и Чехословакией вокруг города Тешина, Германией и Польшей вокруг Верхней Силезии,

Германией и Францией вокруг Саара, Польшей и Литвой вокруг Вильно, Германией и Литвой вокруг города Мемеля, Советской Россией и Польшей вокруг западных областей Украины и Белоруссии, СССР и Румынией вокруг Бессарабии, наконец, СССР и Финляндией вокруг Аландских островов и части Карелии. Хотя часть этих территориальных споров была решена в ходе плебисцитов и референдумов 1920-х годов, большинство из них превратилось со временем в «мины замедленного действия», способные стать внутренними детонаторами коллапса Версальской системы. Хорошо известна крылатая фраза французского главнокомандующего, маршала Ф. Фоша, заявившего по поводу Версальского договора: «Это не мир, это перемирие на двадцать лет». Как вспоминал позднее один из видных британских дипломатов, «мы приехали в Париж, уверенные в том, что вот–вот будет создан новый порядок; мы уехали оттуда, убедившись в том, что новый порядок — это лишь искаженный до неузнаваемости старый».

Не менее горячие споры участников Парижской конференции вызвало учреждение мандатной системы, неразрывно связанное с определением судьбы бывших германских колоний и турецких владений на Ближнем Востоке. Лига Наций брала на себя управление этими территориями, но не прямо, а косвенно, через поручение (мандат) Великобритании, некоторым ее доминионам, Франции, Японии и Бельгии. Устанавливалось три категории подмандатных территорий: «А» — для районов с арабским населением, входившим в Османскую империю с перспективой предоставления независимости в ближайшем будущем; «Б» — для бывших германских колоний в Африке (за исключением Намибии) с неопределенным временным периодом получения ими суверенитета; «С» — для Намибии (германской Юго–Западной Африки) и островных архипелагов на Тихом океане, также ранее принадлежавших Германии и перешедших под мандат Японии фактически на праве колониальных владений. Угрозы Токио внести на рассмотрение конференции Декларацию о равенстве рас, либо покинуть Париж, не подписав мирного договора, вынудили США и европейские державы пойти на уступки Стране восходящего солнца по вопросу о передаче под японский контроль территорий, ранее арендованных Германией в Китае. Однако основная борьба по вопросам мирного урегулирования в Азии развернулась уже на Вашингтонской конференции.

Особенно трудновыполнимыми стали статьи мирного договора, подписанного в Севре под Парижем. Они касались Турции, территория которой не только ограничивалась полуостровом Малая Азия, но и

окружалась небольшими буферными государствами (Армянским, Курдским) и подмандатными территориями Франции и Великобритании, а Босфор и Дарданеллы открывались для торговых и военных судов всех держав под международным контролем. Не удивительно поэтому, что спустя всего лишь два года очередная греко–турецкая война 1920-1922 гг. и армяно–турецкая война 1920 г. заставили членов Антанты вернуться к рассмотрению турецкого вопроса на Лозаннской мирной конференции 1922-1923 гг.

Вопрос о возвращении России в систему международных отношений стал еще одним «камнем преткновения» для творцов Версальско–Вашингтонского порядка. При его обсуждении столкнулись разные точки зрения: от полного неприятия большевистского режима и необходимости масштабной интервенции в Советскую Россию (позиция Франции, Италии и Японии), через умеренный вариант силового решения проблемы путем косвенной финансово–технической поддержки антибольшевистских сил (мнение Великобритании, а впоследствии и США), до невмешательства во внутренние дела большевистского государства (первоначальная точка зрения администрации США и некоторых малых европейских стран). Итогом дебатов стало проведение Антантой непоследовательной политики в отношении Москвы, что особенно проявилось в колебаниях британской дипломатии. С одной стороны, Лондон выступал за содействие белым правительствам и национальным движениям на окраинах России, а с другой — среди политической элиты Великобритании возрастали опасения по поводу возобновления великодержавной политики Петроградом в случае поражения большевиков. Кроме того, многие государственные деятели на берегах Темзы выражали глубокие сомнения в способности новых соседей Советской России — так называемых лимитрофных национальных государственных образований — превратиться в надежный барьер распространению «большевистской заразы». Неслучайно бывший российский посланник в Лондоне К. Д. Набоков констатировал в одном из писем (август 1919 г.): «Англия на словах сочувствует нам, а на деле поощряет самостийность Балтийских провинций России. Стремясь парализовать немецкое влияние, берет себе в союзники местное правительство, чем достигает противоположного результата, ибо возбуждает негодование русских. Англичане задерживают помощь под предлогом германофильства русских».

Колебания среди стран–победительниц по поводу судьбы России и ее обширного рынка, нашедшие отражение в известных зондажах относительно созыва специальной конференции всех действовавших

русских правительств на Принцевых островах (Мраморное море) в 1919 г. и решении Верховного Совета Антанты об отмене экономической блокады большевистского правительства 16 января 1920 г., объяснялись несколькими причинами. К наиболее существенным необходимо отнести ситуацию на фронтах Гражданской войны, настроения среди военнослужащих союзных армий, высадившихся в некоторых стратегически важных пунктах российского морского побережья, внутриполитическую нестабильность в Великобритании, Франции, Италии, сохранение германской угрозы интересам союзников в Восточной Европе, слабость возникших государств на постимперском пространстве. К этому надо добавить японский фактор, а именно — возраставшее политическое присутствие и расширявшееся экономическое проникновение Страны восходящего солнца на Дальнем Востоке. Усиление позиций Токио угрожало окончательным вытеснением Великобритании и Франции из Тихоокеанского бассейна с одновременным закрытием Китая для американских инвестиций.

В свою очередь, большевистское правительство во главе с В. И. Лениным считало первоочередной задачей выживание в условиях Гражданской войны и активной поддержки белогвардейцев со стороны Антанты. Умело играя на разногласиях внутри различных сил Белого движения, апеллируя к стремлению наций, ранее входивших в состав Российской империи, добиться автономии или суверенитета и учитывая противоречия в подходах бывших союзников к русскому вопросу, Москва сумела выйти из периода войн и революционных потрясений с относительно небольшими территориальными потерями. Особенно заметными дипломатическими достижениями Советской России следует признать урегулирование ситуации на юге — в Закавказье и Центральной Азии, где сочетанием военных, дипломатических и экономических мер (вплоть до прямого предоставления национальным лидерам Турции, Ирана, Афганистана, Китая финансовых субсидий и снабжения их вооружением) удалось к концу 1922 г. официально закрепить границу Советского Союза. Таким образом, кремлевское руководство вынуждено было прийти к некоей средней линии между романтической концепцией перманентной мировой революции и реальной политикой мирного сосуществования «капиталистических стран» и «оплота мирового социализма».

Завершение серии конференций по политическим вопросам (с января 1920 по январь 1923 г. состоялось 24 конференции по наиболее крупным проблемам), определенная внутренняя стабилизация вновь созданных государств Центральной и Восточной Европы и переход большевистского

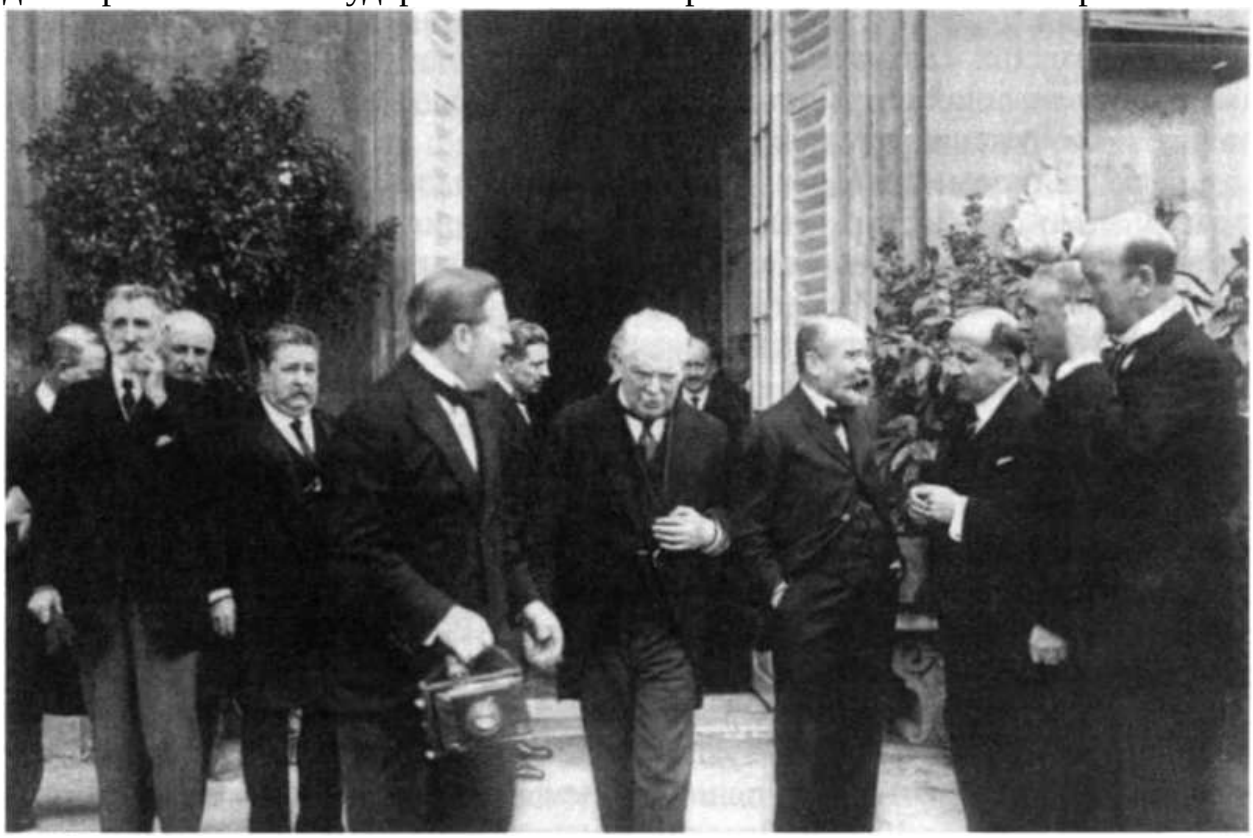
руководства в 1921-1922 гг. к более прагматичному курсу в рамках новой экономической политики открывали перспективу урегулирования отношений с бывшими союзниками в хозяйственной сфере. В этой связи серьезной попыткой восстановить экономические основы межгосударственных отношений в рамках новой, Версальской системы стал созыв Генуэзской конференции, решение о котором было принято Верховным Советом Антанты 6 января 1922 г. Примечательно, что впервые после окончания войны среди приглашенных делегаций в Геную должны были прибыть полномочные представители побежденных стран: Германии, Австрии, Венгрии и Болгарии. Специальное приглашение в Геную получила также делегация РСФСР.

На конференции, проходившей с 10 апреля по 19 мая, обсуждались четыре группы вопросов: политические, хозяйственные, финансовые и транспортные. Накануне форума союзники пришли к соглашению снять с повестки дня проблему немецких репараций и коррекции некоторых статей мирных договоров. В итоге основными проблемами, вызвавшими оживленную полемику делегаций, явились вопрос о долгах России западным кредиторам и выплате компенсации бывшим иностранным владельцам за потерю их собственности, национализированной большевистским правительством. Характерно, что США отказались прислать официальную делегацию на конференцию, хотя и внимательно следили за ее ходом. Вместе с тем Советская Россия смогла заручиться поддержкой представителей только что признанных республик Балтии (кроме Литвы) и Польши, заинтересованных в смягчении условий возврата долгов Российской империи, часть которых могла лечь на их плечи.

Провал переговоров на Генуэзской, как и на последовавшей за ней летом 1922 г. Гаагской конференциях по русскому вопросу был легко прогнозируем, хотя в отдельные моменты казалось, что, уступая давлению стран Антанты в условиях паралича экономики и массового голода, советская делегация готова согласиться на предлагаемые ей условия. Однако Москва справедливо опасалась навязываемой ей схемы — погашение царских долгов в обмен на получение германских репараций, вероятность реализации которой открывала ст. 116 Версальского договора. Складывавшаяся обстановка оставляла для большевистского руководства два тактических маневра: выдвижение контрпретензий к Антанте по компенсации ущерба за иностранную интервенцию и подписание сепаратного договора с Германией.

Соответствующие дипломатические демарши были сделаны советской делегацией. Сначала бывшие союзники получили встречные финансовые

претензии Москвы, а затем 16 апреля 1922 г. в Рапалло близ Генуи Советская Россия и Германия подписали договор, по которому обе стороны отказывались от взаимных денежных требований. По сути дела Рапалльское соглашение стало для Антанты и прежде всего для британской делегации во главе с Д. Ллойд Джорджем повторением, правда, на этот раз — экономическим, «кошмара» Брест–Литовского мира. Оно продемонстрировало англичанам и французам бесперспективность дальнейшей изоляции Советской России, но в то же время усилило сомнения руководителей западных стран в возможности бесконфликтного восстановления политических и экономических связей между ней и ведущими демократиями. Таким образом, бесспорный тактический выигрыш Москвы, выразившийся в привлечении к сотрудничеству Германии, обернулся крупным стратегическим проигрышем, связанным с активизацией усилий по конструированию «санитарного кордона» вокруг СССР, призванного стать, по выражению Ж. Клемансо, первым употребившим эту метафору, «железным занавесом», который бы отделил демократические государства от тоталитарного большевистского режима.



Премьер–министр Великобритании Д. Ллойд–Джордж и министр юстиции Франции Луи Барту выходят из зала заседаний Гэнуэзской конференции. Италия, 1922 г. РГАКФД

Проведение серии международных конференций в Европе не привело к урегулированию ситуации в Тихоокеанском бассейне. Решению этой задачи был посвящен последний из крупнейших переговорных форумов начального этапа становления послевоенной системы — Вашингтонская конференция, проходившая с 12 ноября 1921 по 6 февраля 1922 г. Именно на ней администрация США рассчитывала взять дипломатический реванш за неприятие европейцами внешнеполитических инициатив американцев, претендовавших на мировое лидерство в ходе Парижской и последующих многосторонних встреч. Кроме того, вопросы, обсуждавшиеся на берегах Потомака, в отличие от европейских проблем, самым непосредственным образом затрагивали интересы Соединенных Штатов. Место изоляционизма, проявившегося в отказе Конгресса ратифицировать Версальский и другие послевоенные договоры, должен был занять здоровый прагматизм в духе реальной политики на Дальнем Востоке. Свою роль в процессе возрастания дипломатической активности США сыграла и победа на выборах 1920 г. президента–республиканца У. Гардинга, который в отличие от демократа В. Вильсона рассматривал именно Восточную Азию как перспективную зону американских интересов, сталкивавшихся на берегах Тихого океана с растущими «аппетитами» японцев, поддерживавших союзные отношения с британцами. Общая неопределенность послевоенной ситуации в этом обширном регионе осложнялась гонкой морских вооружений ведущих держав.

Таким образом, главными пунктами повестки дня Вашингтонской конференции стали, во–первых, утверждение территориальных изменений в бассейне Тихого океана и определение статуса бывших германских островных территорий, во–вторых, ограничения морских вооружений и, в-третьих, обсуждение ситуации в Китае, представители которого в 1919 г. отказались подписать Версальский договор в связи с передачей Японии области Цзяочжоу на Шаньдунском полуострове, ранее находившейся под контролем Германской империи. Несмотря на то что этот форум проходил вдали от Европы, среди 14 стран–участниц вновь не оказалось Советской России и Германии, от приглашения которых предпочли воздержаться его организаторы. В то же время делегация Дальневосточной республики (ДВР), буферного демократического государства, расположенного между РСФСР и Японией, прибыла в столицу США неофициально в качестве наблюдателя. Примечательно также, что Китай был представлен только пекинским правительством, тогда как правительство Сунь Ятсена в Гуанчжоу не получило признания держав.

Первым правовым актом, подписанным 13 декабря 1921 г., явился

Договор четырех держав (США, Японии, Великобритании и Франции) о взаимных политических гарантиях неприкосновенности их островных владений на Тихом океане со сроком действия 10 лет. Фактически этим документом блоковый принцип поддержания статус–кво (англо–японский союз 1902-1921 гг.) заменялся подобием системы коллективной региональной безопасности. По мнению некоторых наблюдателей, Договор четырех держав стал ключевым элементом всей Вашингтонской системы. Впрочем, американские эксперты расценили его подписание как успех прежде всего американской дипломатии, сумевшей ликвидировать особые отношения Великобритании и Японии на Дальнем Востоке и укрепить престиж Соединенных Штатов как новой великой тихоокеанской державы.

Вторым значимым международным соглашением, заключенным теперь уже пятью государствами (к вышеупомянутым странам добавилась Италия) 6 февраля 1922 г., определялись военно–технические параметры соотношения их сил на море, поскольку в силу острых разногласий проблема ограничения сухопутных и воздушных армий была исключена из первоначальной повестки форума. Участники согласились с предложением американской делегации положить в основу договора принцип пропорционального баланса тоннажа линейных боевых судов по формуле 5:5:3:1,75:1,75 соответственно для США, Великобритании, Японии, Франции и Италии. Кроме того, подписанты договорились о запрещении строительства новых линкоров водоизмещением свыше 35 тыс. т. Срок действия договора пяти держав устанавливался до 1 января 1937 г. Его подписание было более выгодно Великобритании и США: первая стремилась сократить колоссальные расходы на содержание крупнейшего в мире флота, а руководство США, помимо этого, преследовало цель успокоить американскую общественность, охваченную изоляционистскими и пацифистскими настроениями. В то же время и Токио сумел извлечь из договора стратегическую выгоду, добившись запрещения строительства новых военно–морских баз в бассейне Тихого океана на расстоянии меньше 5-6 тыс. км от Японских островов.

Активную роль на Вашингтонской конференции пыталась играть делегация Китая, выступавшая с претензией на признание за ним статуса великой державы. Поэтому программа китайских представителей содержала пункты об отмене режима неравноправных договоров и капитуляций, навязанного стране во второй половине XIX — начале XX в. европейскими государствами, США, Японией и Россией. В итоге сложных многочасовых переговоров также 6 февраля 1922 г. девять участников конференции подписали договор, а по сути — декларацию, об уважении

суверенитета, территориальной целостности и административной неприкосновенности Китая. С экономической точки зрения это фактически означало распространение принципа «открытых дверей» на всю территорию страны, исключавшего впредь создание каких–либо закрытых сфер интересов и влияния отдельно взятых держав, что, несомненно, явилось победой дипломатии США. Резюмируя, следует подчеркнуть, что Договор девяти держав завершил процесс включения Китая в мировую политическую и экономическую системы. Однако добиться равного с другими участниками Вашингтонской конференции (за исключением британских доминионов) международно–правового статуса Пекину все же не удалось.

В заключение стоит упомянуть два вопроса форума, имевших непосредственное отношение к ситуации вокруг Советской России: во–первых, заявление Японии о последующем выводе своих войск с территории ДВР, сделанное под нажимом других государств, и, во–вторых, резолюцию конференции о возвращении имущества управления Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) ее законному владельцу — России.

Решения, принятые на Вашингтонской конференции 1921-1922 гг., знаменовали собой окончание послевоенной перестройки международных отношений. Поэтому сложившийся миропорядок по праву получил наименование Версальско–Вашингтонской системы. Однако ее правовой фундамент требовал дальнейшего укрепления и развития. Неизбежные упущения «отцов–основателей» и неискоренимые слабости системы были обусловлены комплексом факторов как объективного, так и субъективного характера.

Помимо отсутствия практического опыта восстановления межгосударственных связей после длительного военного противостояния глобального масштаба на процесс реконструкции оказывало влияние принципиально различное понимание его участниками целей и задач своей деятельности. Если В. Вильсон стремился исходить из неких универсальных, как мы бы сказали сегодня, общечеловеческих принципов, большинство европейских лидеров превыше всего ставили национальные интересы, отвергая мессианские претензии американского президента.

Отмеченное столкновение концептуально противоположных подходов и личных амбиций в период формирования развитого индустриального общества, сопровождавшееся национальными движениями и революционными катаклизмами, которые находили все более широкий отклик в колониальных и зависимых (включая подмандатные) странах, привело к появлению на свет глубоко противоречивой, в определенном

смысле гибридной Версальско–Вашингтонской системы международных отношений.

При внимательном рассмотрении оказывалось, что ее фундамент составляли международно–правовые акты трех типов: во–первых, традиционные военно–политические союзы (примером служат франко–бельгийский оборонительный пакт 1920 г. или так называемая Малая Антанта — альянс Чехословакии, Румынии и Югославии, созданный при активной поддержке Франции в 1920-1921 гг.); во–вторых, региональные гарантийные соглашения наподобие Вашингтонского договора четырех держав; наконец, многосторонние конвенции, содержавшие принципы коллективной безопасности, которые заключались под эгидой Лиги Наций, такие, как ее Устав. Перечисленные уровни договоренностей относились к политической сфере, но не следует забывать и об экономических проблемах, решение которых нередко, как в случае с репарациями, тормозило, либо вообще блокировало поиск развязок по другим геополитическим вопросам.

Именно в этих кардинальных противоречиях заключались неустранимые слабости, имманентно присущие Версальско–Вашингтонской системе, оформившей передышку между мировыми войнами продолжительностью в два десятилетия.

«Эра пацифизма» в международных отношениях, 1923-1931 годы

Большая часть 1920-х годов отнюдь не случайно вошла в историю международных отношений как «эра пацифизма». Дело в том, что именно в этот период институты Версальско–Вашингтонской системы развивались и совершенствовались, а общественные движения под лозунгами разоружения, решения международных проблем за столом переговоров и недопущения новой мировой войны ограничивали попытки политических элит ведущих держав прибегнуть к силовым методам в спорных ситуациях.

Большинство специалистов справедливо рассматривают пацифизм как реакцию на шок, испытанный европейцами в ходе Первой мировой войны. Однако хорошо известно, что первые организации противников войн и насилия возникли еще в конце XIX в. под влиянием идей непротивления злу насилием, которые в наиболее законченном, концептуальном виде излагал Л. Н. Толстой. Другой духовный источник пацифизма следует искать в некоторых течениях протестантизма, например, в квакерстве XVII-XIX вв. Социальной базой движения сторонников мира стал средний класс,

особенно гуманитарная интеллигенция, формирование которой как раз и проходило в переходную эпоху становления индустриального общества.

В этой связи обращают на себя внимание два постулата европейского пацифизма: принципиальный отказ от войны как инструмента политики и стремление к формулированию концепции этнокультурной общности всех европейских народов. Отсюда прямо следовал проект континентального объединения всех стран этой части света, за исключением Великобритании и СССР, в Соединенные Штаты Европы. По мнению сторонников такого объединения, создание «Пан–Европы» (по названию опубликованной в 1923 г. книги, автором которой являлся австрийский граф Р. Куденхов–Калерги) давало возможность небольшим европейским государствам при поддержке примирившихся между собой Франции и Германии успешно противостоять давлению глобальных держав: Британской империи, США, СССР, а в будущем — Японии и Китаю.

Значительную роль в процессе стабилизации послевоенного миропорядка играла Лига Наций, под эгидой или при поддержке которой проводилось большинство международных конференций. Прежде всего следует отметить увеличение ее состава за счет новых членов (например, Германии и ее бывших союзников). Фактически к началу 1930-х годов из крупных государств только Советский Союз оставался вне рамок Лиги. На протяжении 1920-х годов ей также удалось выступить посредником в разрешении локальных конфликтов, организовав серию плебисцитов и референдумов среди населения спорных территорий, например, в Верхней Силезии, Мемельской области, провинции Фриулия и т. п. Безусловным достижением Лиги Наций следует назвать принятую на ее Ассамблее 2 октября 1924 г. рекомендацию всем странам ратифицировать так называемый Женевский протокол о мирном урегулировании межгосударственных споров. Характерно, что под давлением пацифистских организаций в 1923-1924 гг. была образована Комиссия по изучению военно–технических аспектов разоружения, а в 1925 г. — Подготовительный комитет всемирной конференции, действовавший до декабря 1930 г. и сформулировавший проект концепции сокращения военного потенциала держав.

Действуя в том же направлении, Лига Наций всемерно поддержала идею министра иностранных дел Франции А. Бриана заключить с США, которые на протяжении 1920-х гг. казались Парижу едва ли не единственными возможными союзниками из крупных держав в силу противоречий с Великобританией, Германией и СССР, договор о запрете войны как средства национальной политики. И хотя Вашингтон постарался

превратить широкий концептуальный проект французов в более ограниченное двухстороннее арбитражное соглашение, идея отказа от военно–силового подхода в международных отношениях нашла горячую поддержку американской общественности. На этой волне 13 апреля 1928 г., через неделю после подписания соглашения, государственный секретарь США Ф. Келлог выступил с предложением заключить многосторонний договор о неприменении силы. Поскольку в качестве формы договора была предложена декларация, содержащая общие принципы осуждения войны и не предусматривающая карательных санкций против агрессора, правительства пятнадцати государств, включая СССР, приняли участие в церемонии его подписании, состоявшейся в Париже 27 августа 1928 г. Впоследствии к Парижскому договору, вошедшему в историю как пакт Бриана — Келлога, присоединились практически все государства мира. Что же касается Советского Союза, то он постарался использовать этот международно–правовой акт для укрепления безопасности своих западных и южных границ, введя его в действие по согласованию с Польшей, Эстонией, Латвией, Литвой, Румынией, Турцией и Ираном в 1929 г.

Любопытно, что члены Лиги Наций приняли участие в обсуждении упоминавшегося выше панъевропейского проекта, представленного на X сессии этой организации в сентябре 1929 г. И хотя никто из представителей государств–членов не отверг меморандум французской стороны относительно федерализации связей между европейскими странами, среди большинства государственных деятелей сложилось мнение о завуалированном плане Парижа установить свою гегемонию в Европе дипломатическими методами. Тем более, что Лондон, Вашингтон и Москва стремились торпедировать очередной проект А. Бриана.

Помимо обсуждения военно–политических вопросов представители Лиги Наций участвовали в работе группы экспертов под руководством Ч. Дауэса (1923-1924) и комитета О. Юнга (1929-1930) над проблемой репараций и долгов (см. ниже). К позитивным моментам деятельности этой организации необходимо также отнести подготовку Женевских конвенций 1925 г. о гуманитарных аспектах ведения войн, в частности, о статусе военнопленных и запрещении применения оружия массового поражения (отравляющих газов), которые развивали и конкретизировали статьи Гаагских конвенций 1899-1907 гг. Много усилий эксперты Лиги Наций потратили на содействие программам помощи беженцам, перемещенным лицам, голодающему населению ряда стран, включая Советскую Россию.

Вместе с тем плодотворная деятельность Лиги Наций встречала сопротивление части правящих кругов большинства мировых держав —

политиков, мысливших категориями поддержания «баланса сил», генералов, заинтересованных в раздувании военных бюджетов, банкиров и промышленников, стремившихся монополизировать процесс технического переоснащения предприятий и создания новых мощностей, наконец, авантюристов и демагогов, наподобие Б. Муссолини в Италии и А. Гитлера в Германии, выступавших за ревизию Версальско–Вашингтонской системы. Не последнюю роль в нейтрализации усилий Лиги Наций играл Коминтерн, который при явной и тайной поддержке советского руководства продолжал подготовку к мировой революции. Наконец, стоит упомянуть и национально–освободительные движения в колониальных и зависимых странах, которые расшатывали установленный мировой порядок под влиянием событий в Советской России. Наибольший резонанс в общественном мнении западных демократий вызвала борьба народов Афганистана, Ирака, Персии, Турции, Индии, Китая, Сирии, Египта, Марокко против метрополий или администраций держав, получивших мандаты на управление зависимыми территориями.

Говоря о принципиально значимых проблемах периода стабилизации Версальско–Вашингтонской системы, целесообразно выделить две группы вопросов: совершенствование послевоенного миропорядка в направлении укрепления региональной безопасности и поиск путей решения проблемы репараций.

Подписание мирного договора между Антантой и Османской империей в Севре под Парижем 10 августа 1920 г. означало фактическую ликвидацию последней. Под контролем турецкого правительства оставалась Анатолия и Стамбул, тогда как остальные территории бывшей империи передавались либо в качестве мандатов союзникам (Великобритании, Франции, Италии, Греции), либо вновь образованным государствам Ближнего Востока. Что касается зоны Черноморских проливов, то контроль над ней была призвана осуществлять созданная международная комиссия. Однако действия националистических сил под руководством М. Кемаля, опиравшихся на финансовую и военную помощь Советской России, свели на нет статьи Севрского договора. В результате греко–турецкой войны 1920-1922 гг. кемалистское правительство восстановило свою власть над всей Малой Азией и европейской частью Турции, хотя войска Антанты (преимущественно британские) продолжали оккупацию Проливов.

Разрешить сложный комплекс противоречий в Восточном Средиземноморье смогла международная конференция, открывшаяся в Лозанне 20 ноября 1922 г. и продолжавшаяся с перерывом до 24 июля

1923 г. В ее работе приняли участие делегаты от десяти государств, включая Советскую Россию, получившую приглашение от организаторов только после настойчивых дипломатических демаршей. США прислали своих наблюдателей. Конференция дезавуировала большинство пунктов севрского договора: союзники отказались от установления политического и финансового контроля над республиканской Турцией, а также от самоопределения армянского и курдского населения на землях бывшей империи. Однако правительство М. Кемаля вынуждено было признать британскую аннексию Кипра, протекторат Лондона над Египтом и Ираком, права Италии на ряд островов и Ливию в дополнение к переходу под мандатное управление держав Сирии, Палестины и некоторых других территорий. Конвенция о режиме Черноморских проливов была принята в варианте, предложенном главой британского МИД лордом Дж. Н. Керзоном: провозглашалась их демилитаризация и разрешался свободный проход судов всех держав в мирное, а нейтральных государств — в военное время. Поскольку советский проект Черноморской конвенции не получил поддержки остальных участников переговоров в Лозанне, делегация СССР, руководимая наркомом иностранных дел Г. И. Чичериным, отказалась подписать итоговый документ.

Рейхсканцлер Ф. фон Папен и министр иностранных дел Германии К. фон Нейрат на Лозаннской конференции. Швейцария, 1932 г. РГАКФД

Между тем стабилизация в Европе казалась достаточно хрупкой, о чем свидетельствовала оккупация франко–бельгийскими войсками

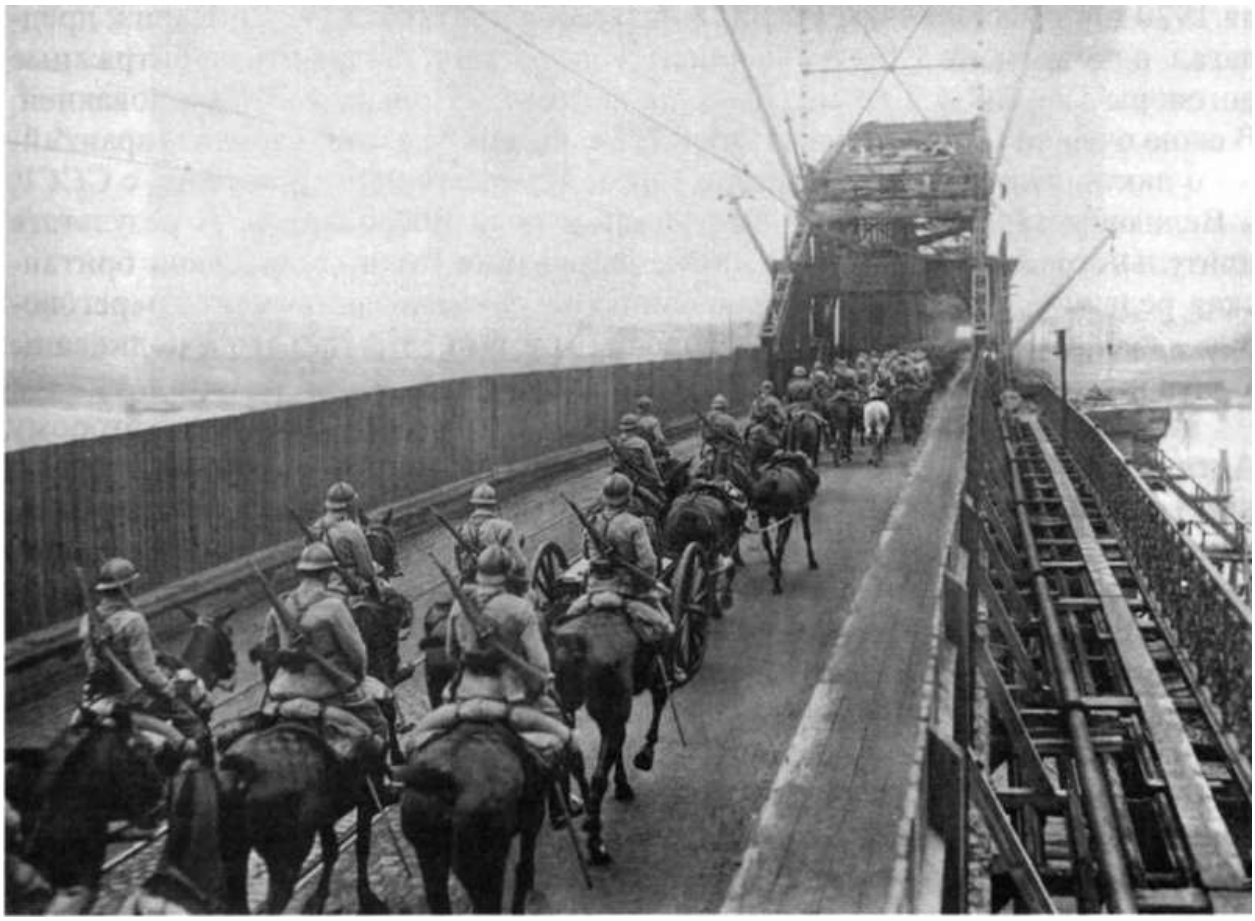
промышленного Рура в январе 1923 г. по причине невыплаты Германией очередного транша репараций. И хотя под давлением Лондона и Вашингтона, а также в результате «пассивного сопротивления», организованного Берлином, французы и бельгийцы вынуждены были покинуть Рурскую область к 1925 г., для всех было ясно, что европейская безопасность требует дальнейшего укрепления. Тревога за восстановление военного потенциала Германии в связи с требованиями немцев ликвидировать дисбаланс в вооружениях подталкивала Париж к мерам по обеспечению неприкосновенности восточных рубежей. Поэтому руководство Франции в конце 1924 г. выступило с проектом франко–бельгийско–британского союза, дополняющим альянс Парижа и Брюсселя 1920 г. и развивающим статьи Женевского протокола 1924 г. Париж предлагал одновременно с подписанием соглашения заключить арбитражные договоры Германии с ее соседями на востоке — Польшей и Чехословакией. В свою очередь, Германия в январе 1925 г. выдвинула свой вариант гарантийного пакта, шантажируя Францию угрозой дальнейшего сближения с СССР, а Великобритания и Италия выступили в роли посредников. В результате длительного дипломатического маневрирования была согласована британская редакция Локарнских соглашений (по наименованию места переговоров — небольшого швейцарского города Локарно), которые были подписаны 1 декабря 1925 г. в Лондоне.

Главным из них явился Рейнский гарантийный пакт, согласно которому Англия и Италия брали на себя обязательства не допускать пересмотра границ Германии с Францией и Бельгией. Другим итогом Локарно стали арбитражные договоры Германии с Польшей и Чехословакией, которые, однако, умалчивали о неприкосновенности восточных границ Веймарской республики. Наконец, Парижу также удалось подписать гарантийные пакты с Варшавой и Прагой, по которым французское правительство могло оказать им помощь только после принятия соответствующего решения Советом Лиги Наций. Таким образом, Локарнские соглашения, с одной стороны, укрепили Версальско–Вашингтонскую систему, а с другой — означали, как и договоренности в Лозанне, начало ее ревизии, поскольку Германия вернулась в «концерт» крупнейших европейских государств и стала все настойчивее отстаивать там свои интересы. Как указывал известный политический деятель и эксперт в области международных отношений Г. Киссинджер, соглашения в Локарно представляли собой «некий сплав концепции традиционного альянса с новыми принципами коллективной безопасности».

Этот же процесс восстановления связей, хотя и более медленными

темпами, развивался в отношениях СССР с другими государствами. Если с ближайшими соседями на западе, востоке и юге Советской России удалось восстановить контакты на протяжении 1919-1922 гг., то из крупных держав только Германия к началу 1923 г. поддерживала дипломатические отношения с Москвой. Это заставляло кремлевское руководство активизировать попытки добиться юридического признания советского режима. В известной мере, как это ни парадоксально, шлагбаум на этом пути был поднят решениями Гаагской конференции лета 1922 г., когда невозможность выработки коллективного подхода Запада к русскому вопросу по проблемам долгов, реституции иностранной собственности и концессий побудила правительства отдельных государств, не ожидая общих решений, приступить к налаживанию диалога с большевиками. Определенную роль в положительной динамике сыграло интервью известного британского предпринимателя Л. Уркварта и книга побывавшего в России в 1922 г. крупного французского политического деятеля Э. Эррио. Оба они призывали к восстановлению деловых отношений между западными демократиями и Москвой.

В итоге 1924 г. открыл полосу широкого дипломатического признания СССР после шести лет изоляции. Так, 1 февраля были установлены официальные отношения Советского Союза с Великобританией, в феврале — марте — с Италией, Норвегией, Грецией, Австрией и Швецией, затем с Данией и Китаем, наконец, 28 октября — с Францией. Как свидетельствуют секретные документы Политбюро ЦК ВКП(б), в этот период советская верхушка обсуждала даже возможность признания Версальского мирного договора в обмен на «исправление» границ с Польшей и Румынией при содействии Франции. В том же 1924 г. были установлены официальные связи СССР и Мексики, а в 1925 г. были нормализованы отношения с Японией, хотя статьи Портсмутского мира 1905 г. оставались в силе. Таким образом, к 1926 г. только США из крупных держав не поддерживали контакты с Советским Союзом по дипломатическим каналам.



Французские оккупационные войска в Рурской области. 1923 г. РГАКФД

Следует отметить, что поиск методов обеспечения региональной безопасности осуществлялся не только в Европе и Азии, но и в Латинской Америке. Здесь еще с 1910 г. действовал созданный по инициативе США Панамериканский союз (ПАС) для координации отношений между Вашингтоном и его южными соседями. Особое значение в этой связи имела V конференция ПАС, состоявшаяся в чилийской столице Сантьяго, участники которой 5 мая 1923 г. подписали соглашение о предотвращении конфликтов между американскими государствами, вошедшее в историю как «договор Гондра» — по имени министра иностранных дел Парагвая, инициировавшего его обсуждение. Документ вводил в практику межгосударственных отношений по образцу Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг. процедуру арбитража, который в конфликтных ситуациях осуществлялся представителями пяти американских государств, составлявших Международную следственную комиссию. Это означало, что страны за пределами Западного полушария лишались всякого права вмешательства в региональные споры.

Как уже отмечалось, проблема репараций и долгов являлась второй по значимости после обеспечения международной безопасности. Отсутствие урегулирования по данному вопросу серьезно тормозило стабилизацию международных отношений вообще и так называемой Генуэзской валютно–финансовой системы в частности. На Парижской конференции 1919-1920 гг. вопрос о репарациях оказался вынесенным за рамки переговорного процесса, однако, как продемонстрировал кризис вокруг Рура 1923 г., требовалось найти его решение в кратчайший срок.

Еще 5 мая 1921 г. Д. Ллойд Джордж вручил германскому послу в британской столице уведомление о балансе общей суммы репарационного долга в размере 132 млрд марок золотом. Ежегодные выплаты в начальный период его погашения составляли около 1 млрд марок с последующим увеличением до 2,5 млрд. Однако международное банковское сообщество во главе с Дж. П. Морганом и другими крупными американскими финансистами требовало уменьшить явно нереальную сумму долга и размер платежей для страны, экономика которой была серьезно подорвана войной. Последовал ряд отсрочек, которые, разумеется, не могли привести к урегулированию проблемы.

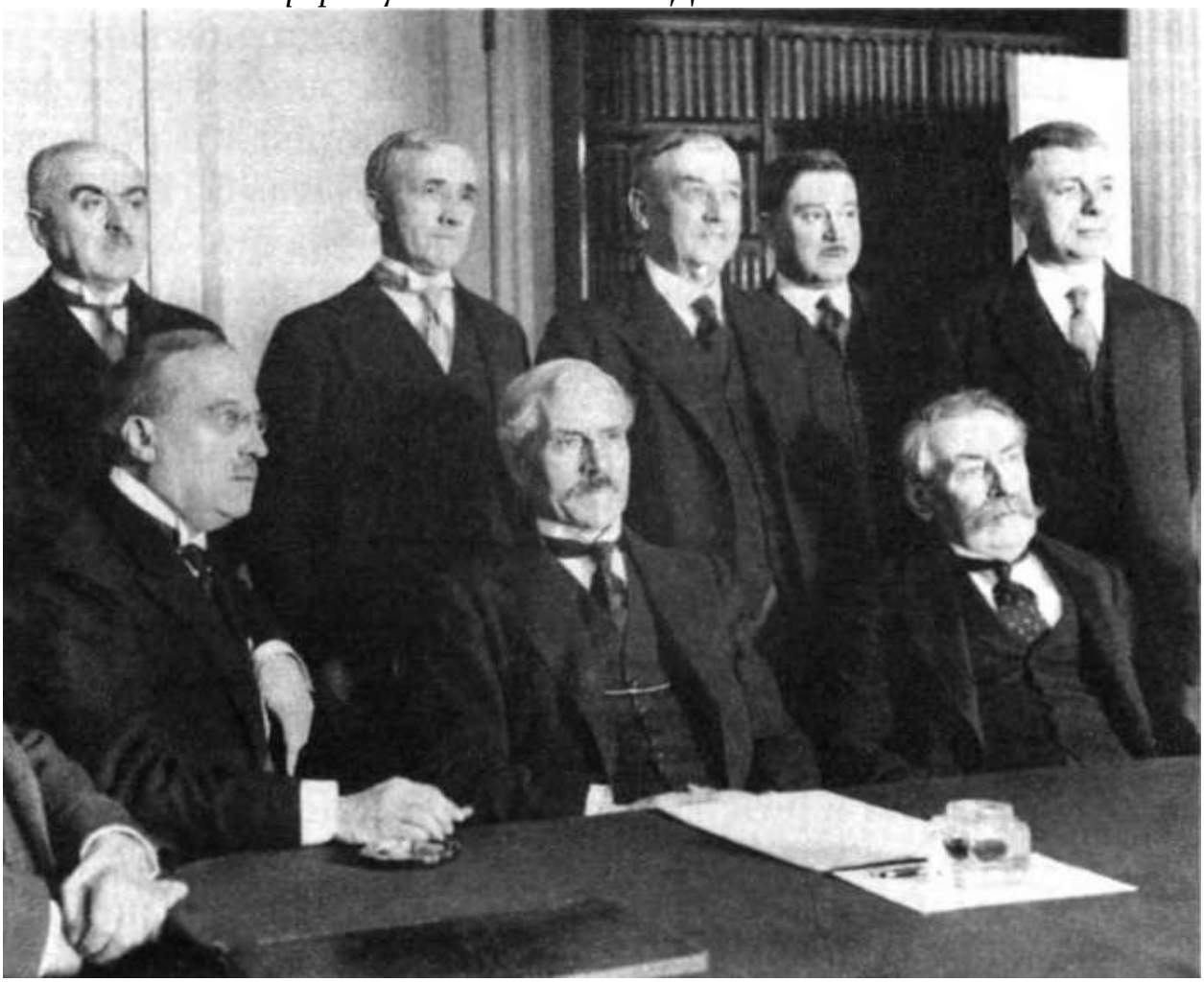
С целью выработки четкой и выполнимой схемы репараций была создана группа экспертов под председательством американского банкира Ч. Дауэса. Ей удалось подготовить график погашения репарационных долгов Германией, который получил одобрение участников конференции в Лондоне 16 июля 1924 г. Кроме того, аналитики подготовили проект сокращения общего объема репараций, предложили лимиты ежегодных платежей и рекомендовали предоставить крупные кредиты для восстановления экономики. Тем самым существенно урезались французские аппетиты, а финансовый контроль над репарациями переходил в руки англичан и американцев. По данным статистики, за период действия «плана Дауэса» с 1924 по 1929 г. Германия выплатила 10 млрд марок репараций, получив в то же время кредиты на сумму 25 млрд марок. Существенную роль в разрешении репарационной проблемы сыграл крупнейший политический деятель Веймарской Германии Г. Штреземан, выступавший не против репараций вообще, а за принятие реалистической схемы их выплаты.

В сентябре 1928 г. на очередной конференции союзников и Германии удовлетворение требований последней относительно вывода войск из Рейнской области увязывалось с принятием окончательного графика погашения репарационных долгов. Дело в том, что правящие круги Веймарской республики через политиков и дипломатов открыто

декларировали невозможность для страны выплачивать по 2,5 млрд марок ежегодно. Несмотря на разногласия между державами и резкие дипломатические демарши Франции, новый комитет экспертов с участием немецких представителей (в отличие от комиссии Ч. Дауэса) под руководством президента американской компании «Дженерал Электрик» О. Юнга сумел за несколько месяцев подготовить новый план репарационных платежей.

Он предусматривал снижение ежегодных выплат до 2 млрд марок с рассрочкой на 59 лет. При этом взносы разбивались на две части: безусловную, не подлежащую отсрочке, и условную, которую можно было перенести на два–три года в случае экономических трудностей. Период выплат также делился на два этапа: 37 лет и 22 года. Отличие второго этапа состояло в том, что Германия обязывалась платить державам ежегодно суммы, эквивалентные объему платежей кредиторов Германии как погашение их собственных долгов друг другу. Для осуществления схемы выплат создавался Банк международных расчетов в Берне. После продолжительных дискуссий в Гааге «план Юнга» был принят в 1930 г. как руководство к действию, однако мировой экономический кризис внес свои коррективы в реализацию с таким трудом согласованного графика.

Гаагская конференция. 1929 г. РГАКФД



Морская конференция в Лондоне 1930 г. Сидят слева направо: премьер–министр Франции А. Тардье, премьер–министр Великобритании Дж. Р. Макдональд, министр иностранных дел Франции А. Бриан. РГАКФД

Уже в 1931 г. по инициативе США был введен мораторий на германские платежи в связи с Великой депрессией. На международной конференции в Лозанне в 1932 г. участники согласовали новую, облигационную схему расчетов с Германией, которая, однако, так и не вступила в силу, поскольку нацистское правительство А. Гитлера решительно отказалось от выполнения каких бы то ни было условий Версальского и связанных с ним договоров.

Итоги развития международных отношений в 1920-е годы свидетельствовали о том, что творцам Версаля и Вашингтона так и не удалось преодолеть противоречия и достигнуть стабильности системы. Более того, к традиционным франко–германским разногласиям добавились трения в отношениях между США, Англией и Японией. Значимым

дестабилизирующим фактором продолжал оставаться Советский Союз, находившийся, несмотря на дипломатическое признание, в целом вне Версальско–Вашингтонского порядка. Борьба сторонников изоляционизма и так называемых интернационалистов среди политической элиты США также не способствовала его укреплению. Наконец, как хорошо известно, серьезный удар по международному статус–кво нанес глобальный экономический кризис конца 1920-х — первой половины 1930-х годов, заставивший державы временно отказаться от принципов свободной торговли в пользу самого жесткого протекционизма. Это открыло шлюзы для торговых и таможенных войн, сопровождавшихся ликвидацией «золотого стандарта» в международных валютных отношениях.

Версальско–Вашингтонская система вступала в полосу кризиса.

Кризис и распад Версальско–Вашингтонской системы, 1931-1939 годы

По мнению большинства специалистов, начало необратимого процесса распада Версальско–Вашингтонской системы относится к 1931-1932 гг., когда она перестала устраивать не только государства, проигравшие в Первой мировой войне, но и большинство победителей. Пожалуй, одной из немногих крупных стран, еще продолжавших «цепляться» за статьи Версаля, являлась Франция, само сохранение которой на политической карте Европы зависело от соблюдения ранее достигнутых договоренностей.

Первые признаки грядущего разрушения появились уже в 1930 г., когда Германия и Австрия подписали соглашение о таможенном союзе, что было расценено наблюдателями как попытка начать процесс присоединения (аншлюса) Вены к Берлину, а Япония на Лондонской конференции того же года по ограничению морских вооружений высказалась за модификацию статей договора пяти держав, заключенного в Вашингтоне в феврале 1922 г. Несмотря на то что под давлением Великобритании, Франции, Италии и Чехословакии Германия и Австрия вынуждены были дезавуировать соглашение 1930 г., а Япония вместе с Англией и США даже ужесточили режим ограничений по линейным судам, добившись, тем не менее, равенства по подводным лодкам, крейсерам и эсминцам, описанные события свидетельствовали о накоплении «системных сбоев» в функционировании Версальско–Вашингтонского порядка. К их числу можно отнести и «малые войны» в Латинской Америке: на протяжении 1932-1939 гг. между Боливией и Парагваем за контроль над областью Чако с ее нефтяными месторождениями (Чакская

война), а также в 1932-1933 гг. между Перу и Колумбией за территорию, обеспечивающую выход к Амазонке (война за «трапецию Летисии»).

Первый по–настоящему тревожный сигнал прозвучал в связи с оккупацией японскими войсками нескольких крупных центров Маньчжурии в сентябре — октябре 1931 г. И хотя формального разрыва отношений между Пекином и Токио не последовало, поскольку лидер Китая Чан Кайши занимал выжидательную позицию, вопрос о японской агрессии был передан китайской стороной на обсуждение в Лигу Наций. Резолюция, принятая Советом Лиги, носила компромиссный характер, предлагая обоим участникам конфликта воздерживаться от дальнейших силовых действий. Но последовательное расширение зоны японской оккупации заставило Лигу направить в Маньчжурию специальную комиссию под председательством лорда В. Литтона. Ситуация еще больше осложнилась, когда 1 марта на территории Маньчжурии японцами было образовано марионеточное государство — Маньчжоу–го во главе с последним представителем маньчжурской династии Цин, бывшим императором Пу И. В докладе комиссии Литтона содержались достаточно реалистичные оценки ситуации вокруг Маньчжурии. Характерно, что в нарушение Устава Лиги Наций выводы комиссии не содержали предложений о каких–либо санкциях в отношении Японии как державы–агрессора. Наоборот, подчеркивались ее особые интересы в зоне конфликта и рекомендовался созыв международной конференции для определения статуса Маньчжурии.

Между тем, пока Лига Наций обсуждала доклад комиссии Литтона, японские войска продолжили наступление на юг Китая, захватив часть провинций в непосредственной близости от Пекина. Одобрение Ассамблеей Лиги Наций рекомендаций комиссии Литтона вызвало энергичный протест Токио, объявившего о выходе Японии из этой организации 27 марта 1933 г. Так одно из государств–основателей послевоенного миропорядка нанесло по нему ощутимый удар, поскольку был нарушен Вашингтонский договор девяти держав.

В дальнейшем военное присутствие Японии на Дальнем Востоке только нарастало параллельно с постепенным отказом Токио от своих обязательств по ограничению вооружений. Неприятие Вашингтоном требования Японии увеличить ее квоту в балансе морских сил после принятия США новой программы ускоренного строительства боевых судов привело к тому, что Страна восходящего солнца объявила в декабре 1934 г. об отказе соблюдать договор пяти держав 1922 г. и Лондонский протокол 1930 г. после окончания срока действия этих документов. Полным

провалом завершилась и последняя попытка Великобритании сдержать милитаризацию бывших партнеров по переговорам на очередной морской конференции, проходившей в Лондоне в конце 1935 — начале 1936 г. Вскоре после ее открытия Япония, а вслед за ней и Италия демонстративно покинули этот форум, хотя оставшиеся Англия, Франция и США все же смогли подписать новое соглашение в этой области, которое на этот раз лишь фиксировало качественные лимиты водоизмещения боевых кораблей и калибра их орудий. Окончательный выход Токио из договоров по морским вооружениям состоялся в декабре 1936 г. после секретного решения японского кабинета о принятии курса на подчинение Восточной и Юго–Восточной Азии с полным вытеснением оттуда Великобритании, Франции и США. Логичным завершением этого процесса явилась прямая агрессия Японии против Китая в июле 1937 г. без официального объявления войны. Этому предшествовало заключение Антикоминтерновского пакта между Берлином и Токио 25 ноября 1936 г., несмотря на противоречия в подходе двух держав к китайскому вопросу (Германия активно развивала торгово–экономическое сотрудничество с режимом Чан Кайши).

Следует подчеркнуть, что хотя формально главным противником обоих участников пакта объявлялось международное коммунистическое движение и его лидер Советский Союз, подписанный документ мог быть интерпретирован и как акт, недружественный правительствам тех государств, в состав которых входили коммунисты или близкие к ним левые силы, как, например, во Франции или Испании. Кроме того, Антикоминтерновский пакт «связывал руки» Великобритании в Европе, поскольку означал усиление японской угрозы английским владениям в Азии.

Завершая рассмотрение деструктивных процессов в азиатско–тихоокеанском регионе на протяжении 1930-х годов, следует остановиться на политике двух держав, игравших там ключевую роль — США и СССР. По мере расширения очага японской агрессии в Китае Вашингтон предпринял ряд шагов для защиты своих интересов, опираясь на договоры 1922 г. и пакт Бриана — Келлога 1928 г. В частности, государственный секретарь Г. Стимсон направил ноты Японии и Китаю (январь 1932 г.), которые содержали категорический отказ США признать японские захваты китайской территории и любые договорные акты, которые могли быть навязаны Пекину со стороны Токио в нарушение принципа «открытых дверей». Примечательно, что попытка экспедиционного корпуса Страны восходящего солнца захватить крупнейший китайский финансовый и

промышленный центр Шанхай в том же 1932 г. встретила решительный отпор объединенных военно–морских сил США и Англии, направленных ими из военных баз в Пёрл–Харборе и Сингапуре.

Политика СССР в отношении событий на Дальнем Востоке носила более противоречивый характер. С одной стороны, Москва опасалась втягивания в японо–китайское противостояние, только что, в 1929 г., урегулировав советско–китайский инцидент на КВЖД и не обладая значительным военным потенциалом в этом регионе. Но, с другой стороны, переход Японии от отдельных нарушений ранее заключенных договоров к открытому пересмотру статус–кво угрожал стабильности дальневосточных границ Советского Союза. В частности, озабоченность Москвы вызывали боевые действия между китайскими и японскими частями в непосредственной близости от советской территории, сопровождавшиеся переходом границы отступавшими войсками Чан Кайши и слухами о военной помощи, которую кремлевское руководство якобы оказывало его правительству. Не добавляло региональной стабильности и создание Маньчжоу–го, вассала Японии. Поэтому, хотя советские представители с высоких трибун международных конференций, а затем и в Лиге Наций клеймили японских агрессоров, на деле Москва стремилась занимать осторожную позицию по дальневосточному вопросу, что проявилось, например, в отказе пропустить через территорию СССР комиссию лорда Литтона, следовавшую в Маньчжурию, а также предоставить ее экспертам материалы о положении дел в Северо–Восточном Китае. Не поддержала Москва и американскую доктрину Стимсона в отношении целостности Китая.

Новое обострение ситуации вокруг КВЖД в 1932-1933 гг. вынудило советское руководство продать дорогу Маньчжоу–го (а фактически — Японии) в марте 1935 г. Одновременно Москва приняла меры к укреплению союзнических связей с Монголией, которая прикрывала с юга советскую территорию вместе с расположенными на ней важнейшими промышленными и культурными центрами, а также стратегической Транссибирской магистралью. В марте 1936 г. СССР и МНР подписали протокол о взаимной помощи в случае угрозы нападения. Согласно этому документу в Монголию вводился ограниченный контингент советских войск, а в монгольскую народную армию направлялись инструкторы, вооружение и боеприпасы.

Подготовительные меры, принятые Москвой на дальневосточных рубежах в середине 1930-х годов, позволили отразить атаки японских сил на советские пограничные территории в районе оз. Хасан (Приморье)

летом 1938 г. и р. Халхин–Гол в Монголии летом 1939 г., хотя второй из названных конфликтов вылился в малую войну продолжительностью четыре месяца при участии с обеих сторон более 130 тыс. солдат и офицеров.

Активизация политики СССР в регионе с середины 1930-х годов нашла отражение как в попытках поставить перед мировым сообществом вопрос о заключении тихоокеанского пакта безопасности, который был призван заменить Вашингтонские соглашения, так и в переходе к оказанию военно–технической помощи Пекину, объединившему усилия с коммунистами в рамках Единого антияпонского фронта после начала широкомасштабной агрессии Токио в 1937-1938 гг. Провал Брюссельской конференции по Китаю в ноябре 1937 г. и географическая близость двух держав открывали хорошие перспективы для взаимовыгодного сотрудничества, поскольку в Москве учитывали то обстоятельство, что военные действия Японии в Китае отвлекают Токио от выполнения планов прямого вооруженного вторжения в пределы Советского Дальнего Востока. Неслучайно поэтому 21 августа 1937 г. СССР и Китайская республика подписали договор о ненападении, противопоставив его германо–японскому Антикоминтерновскому пакту, хотя сотрудничество режима Чан Кайши с нацистской Германией продолжалось вплоть до конца 1941 г. Договорное взаимодействие Москвы и Пекина выразилось в предоставлении советской стороной крупных кредитов Китаю на закупку вооружения и в направлении в эту страну нескольких тысяч военных советников.

Нарастанию кризисных явлений в европейской части Версальско–Вашингтонского миропорядка противодействовали попытки Лиги Наций, отдельных государств и общественных антивоенных движений не допустить возникновения здесь второго после дальневосточного очага новой мировой войны. Так, после длительного согласования в феврале — июле 1932 г. состоялась Женевская конференция по разоружению, собравшая представителей более 60 стран. Однако различия в подходах ведущих держав оказались непреодолимыми, и поэтому работа этого форума, продолжавшаяся с перерывами до 1934 г., так и не принесла ощутимых результатов.

Ситуацию тупика решила исправить Франция, представив в 1932 г. проект создания международных вооруженных сил с полицейскими функциями, командование которыми по сути дела переходило в ее руки (план министра иностранных дел А. Тардье). Однако Германия и Италия по понятным причинам высказались против этой идеи. Одновременно Берлин

настойчиво зондировал возможность утверждения баланса вооружений между главными военными державами Европы. Переговоры делегаций Великобритании, Франции, Италии, Германии и США завершились к удовлетворению немецкой стороны подписанием декларации пяти держав, которая признавала равноправие в вооружениях для всех государств, включая бывших членов Четверного союза периода Первой мировой войны, в рамках существующего международного порядка. Иными словами, в декабре 1932 г. был сделан новый шаг к пересмотру Версальских договоренностей.

Декларация пяти держав побудила Италию представить на рассмотрение ее участникам (кроме США) весной 1933 г. так называемый Пакт согласия и сотрудничества, основная идея которого заключалась в координации действий четырех указанных западноевропейских государств как по политическим, так и по иным проблемам. Речь, таким образом, шла о формировании мирового правительства, которое бы взяло на себя инициативу глубокой коррекции Версальско–Вашингтонской системы. В поддержку итальянского проекта выступила Великобритания, против — Франция и члены Малой Антанты, не заинтересованные в тотальной ревизии прежних соглашений. Однако подписание смягченного варианта договора в Риме 15 июля 1933 г. не привело к вступлению его в силу, поскольку французское правительство отказалось внести этот документ в парламент для ратификации. Кроме того, свое недовольство компромиссным вариантом выразили новые руководители Германии — нацисты. Поэтому Парижу ничего не оставалось делать, как попытаться прибегнуть к последнему средству обеспечения статус–кво в Европе — заключению Восточного пакта, который объединил бы соседей Германии и Италии в противодействии курсу правительств этих стран на демонтаж послевоенной системы международных отношений. Однако ирония исторического момента состояла в том, что решающая роль в проектируемом альянсе отводилась Советскому Союзу — самой мощной державе Восточной Европы, которая, однако, изначально находилась за пределами Версальско–Вашингтонского порядка. Ситуация осложнялась глубоким взаимным недоверием Парижа и Москвы, а также малых восточноевропейских стран и СССР, порожденным бурными годами революций и интервенции.

Заключив с Москвой в конце ноября 1932 г. пакт о ненападении, Париж продолжил дипломатическое наступление, представив проект регионального соглашения на советско–французских переговорах (май 1934 г.). По сути документ являлся дополнением Локарнских соглашений,

поскольку предусматривал оказание помощи стране–жертве возможной агрессии со стороны ее непосредственного соседа. Однако неучастие самой Франции в Восточном пакте снижало его эффективность, хотя он и предусматривал заключение отдельного франко–советского гарантийного договора. Дипломатические консультации лета — осени 1934 г. не привели к согласованию статей пакта. Его противниками выступили не только правительства Германии, ряда соседних государств (Польши, Финляндии), члены образованной в том же году Балканской Антанты в составе Румынии, Югославии, Греции и Турции, но и такие влиятельные державы, как Великобритания и Италия. Да и в самой Франции имелись силы, которые продолжали отрицать возможность сотрудничества с Советской Россией.

Со своей стороны в первой половине 1930-х годов сталинское руководство, традиционно занимавшее позицию ревизии Версаля, которая заключалась в возвращении Советского Союза к границам бывшей Российской империи и восстановлении геополитического статуса мировой державы, решило модифицировать тактику ведения дел с «капиталистическим окружением». Это было связано с активизацией участия Советского Союза в серии форумов по вопросам разоружения, нормализацией отношений с США в ноябре 1933 г., вступлением в Лигу Наций (18 сентября 1934 г.) и провозглашением на VII конгрессе Коминтерна (июль–август 1935 г.) стратегической (на самом деле, конечно же, тактической) линии на сотрудничество всех антифашистских сил. Следует подчеркнуть, что параллельно Москва стремилась поддерживать взаимовыгодные экономические отношения с Германией, Италией и Японией (примером служил советско–итальянский договор о дружбе, ненападении и нейтралитете, подписанный 2 сентября 1933 г.). Много внимания Кремль уделял также и укреплению своих западных и южных границ, заключив со своими соседями 3-5 июля того же года в ходе Лондонской экономической конференции конвенцию об определении агрессии.

Убедившись в дипломатической пробуксовке переговоров о Восточном пакте, Москва выступила с инициативой подписания гарантийного договора между СССР и странами Балтии даже без участия Германии и Польши. Однако соседи Советского Союза вновь заняли выжидательную позицию, в то время как Франция продолжала выступать за обязательное участие в пакте Берлина и Варшавы. Тогда советское руководство, серьезно обеспокоенное растущей угрозой со стороны нацистской Германии, предложило сначала узкий трехсторонний — франко–чешско–советский, а

затем и двухсторонний — франко–советский договор о взаимопомощи. Важно отметить, что этот документ, подписанный 2 мая 1935 г., содержал положение о том, что стороны придут на помощь друг другу, даже если Лига Наций воздержится от соответствующего решения, хотя военной конвенции между Парижем и Москвой заключено так и не было. И все же подписание советско–французского договора, который спустя две недели получил дополнение в виде советско–чехословацкого пакта о взаимопомощи, вступавшего в действие при условии поддержки со стороны Франции, могло напоминать современникам русско–французский альянс конца XIX — начала XX в. Усиление блоковых мотивов во внешней политике ведущих государств на практике умаляло роль международного регулятора — Лиги Наций, что, в свою очередь, означало упоминавшуюся «мягкую» коррекцию Версаля.

Признаки франко–советского сближения сопровождались поворотом Германии, а вслед за ней и Италии, воодушевленной активными действиями Японии в Восточной Азии, к форсированной ликвидации послевоенного порядка в Европе. 14 октября 1933 г., т. е. спустя всего девять месяцев после прихода к власти, правительство А. Гитлера заявило о том, что покидает Женевскую конференцию по разоружению, а через пять дней Германия вышла из Лиги Наций.

Эти демарши Берлина получили поддержку фашистской Италии, которая, хотя и не прекратила своего членства в Лиге, тем не менее понизила статус представительства на форуме по ограничению вооружений до наблюдателя. Улучшение отношений между двумя тоталитарными государствами было необходимо Б. Муссолини для осуществления экспансии в Африке и на Балканах, несмотря на негативное отношение Рима к планам Гитлера по аншлюсу Австрии (в июле 1934 г. после убийства нацистами канцлера этой страны Э. Дольфуса, выступавшего за более тесное сотрудничество с Римом, итальянские войска были даже выдвинуты к австрийской границе), а также невзирая на проблему Южного Тироля, присоединенного после Первой мировой войны к Италии, но населенного преимущественно немцами. Стремясь подготовить почву для захвата Эфиопии, одной из двух африканских стран, еще сохранявших независимость, фашистский диктатор в январе 1935 г. заключил соглашения с Францией о признании экономического преобладания Италии в этой стране с вековыми традициями. Политика лавирования между западными демократиями и нацистской Германией позволяла Риму получать уступки с обеих сторон.

Полпред СССР во Франции В. П. Потемкин и министр иностранных дел Франции П. Лаваль за подписанием франко–советского пакта о взаимной помощи. Париж, 1935 г. РГАКФд

Прием генеральным секретарем ЦК ВКП (б) И. В. Сталиным министра иностранных дел Великобритании Э. Идена; присутствуют министр иностранных дел СССР В. М. Молотов, посол СССР в Великобритании И. М. Майский. Москва, 1935 г. РГАКФД

Между тем нацистский режим предпринимал все новые и новые шаги по превращению Версальского договора в клочок бумаги, тем более, что выход Третьего рейха, как теперь называлась страна, из Лиги Наций развязал А. Гитлеру руки. В январе 1935 г. на плебисците в Саарской области большинство населения высказалось за воссоединение с Германией, а в марте того же года фюрер подписал закон о восстановлении всеобщей воинской обязанности. Организованная Великобританией, Францией и Италией конференция в Стрезе (Италия) выявила глубокие разногласия между державами. В то время как Париж предлагал применить к Германии санкции, Лондон выступал за «умиротворение» Берлина путем вовлечения его в коллективные соглашения наподобие Рейнского гарантийного пакта 1925 г. В свою очередь, правительство Б. Муссолини заняло выжидательную позицию, стремясь не обострять отношений ни с

Францией, ни с Англией. Итогом этих дипломатических консультаций, состоявшихся в середине апреля 1935 г., явилась общая декларация, осуждающая германские действия, но не содержащая мер по противодействию им.

Заключение франко–советского договора о взаимопомощи подтолкнуло Великобританию, внутри консервативного руководства которой соперничали две группы политиков — приверженцы и противники умиротворения тоталитарных держав, к подписанию двухстороннего соглашения с Германией по военно–морским вопросам. Согласно этому документу, датированному 18 июня 1935 г. и вызвавшему протест Франции, общее водоизмещение боевого флота Германии должно было составлять не более одной трети от суммарного тоннажа британских ВМС. Тем самым Лондон, так же как и остальные великие державы, вступил на путь разрыва с прежней политикой сохранения Версальской системы. Консервативное правительство предполагало, как представляли сторонники умиротворения, за счет тактических уступок странам–ревизионистам Версаля и Вашингтона уберечь морские коммуникации и целостность Британской империи.

Новым свидетельством курса, взятого Лондоном в отношении итало–эфиопского конфликта, стало объявление нейтралитета, поддержанного Францией и США. Убедившись в отсутствии иных барьеров, помимо осуждающей резолюции Лиги Наций, правительство Б. Муссолини санкционировало 3 октября 1935 г. вторжение экспедиционных войск на территорию Эфиопии. Попытки англо–французского посредничества провалились, и к маю 1936 г. оккупация африканской страны итальянцами была завершена, что было признано Лигой Наций как свершившийся факт. Наблюдатели расценили бессилие Лиги как еще одно свидетельство приближающегося краха Версальского миропорядка.

Подводя итог начальному периоду этого процесса — с конца 1931 по середину 1936 г., следует обратить внимание на формулирование частью политической элиты европейских демократических государств внешнеполитической концепции умиротворения агрессоров. Ее сердцевину, по мнению большинства специалистов, составляли представления о балансе сил, равноудаленности от тоталитарных государств как нацистской Германии, так и сталинского СССР, постепенной ревизии Версальской системы, даже за счет малых стран, при сохранении обширных колониальных владений, свободы морских коммуникаций и торговли. При этом более последовательно политику умиротворения проводили англо–саксонские державы, стремившиеся играть роль арбитров

в региональных конфликтах. Для Великобритании на протяжении 1930-х годов все очевиднее становилась жизненная необходимость поддержания хороших отношений с США, поскольку полномасштабная война с любой великой державой являлась немыслимой без хотя бы дружественного нейтралитета Вашингтона. В то же время уязвимое для сухопутной армии противника географическое положение Франции, экономика которой к концу 1930-х годов все еще не оправилась от Великой депрессии, неустойчивость восточноевропейских союзников и недоверие к политике Москвы (французы не допускали советских наблюдателей на свои ежегодные военные маневры вплоть до 1937 г.) заставляли Париж полагаться на партнерство с Лондоном, закрывая глаза на зигзаги британской внешней политики, руководители которой опасались повторения шока Первой мировой войны.

Именно поэтому французское правительство Народного фронта, не питавшее иллюзий относительно германо–итальянского вмешательства в очередной локальный конфликт — гражданскую войну в Испании, вызванную мятежом франкистов в июле 1936 г., испытывало колебания в решении вопроса о помощи испанским республиканцам. Нажим, оказанный Великобританией на Лондонской международной конференции по ситуации в Испании, привел к отказу правительства Л. Блюма от дипломатической и материальной поддержки противников Ф. Франко. Вместе с англо–саксонскими демократиями Франция заняла позицию невмешательства. 23 августа 1936 г. к декларации о невмешательстве присоединился и Советский Союз, опасаясь оказаться в изоляции перед лицом складывающегося германо–итальянского альянса и стремясь не обострять отношения с крупными державами после урегулирования ситуации вокруг Черноморских проливов на конференции в Монтре (Швейцария). И хотя спустя два месяца Москва объявила о выходе из режима невмешательства и начала оказывать значительную материальную помощь республиканцам, СССР все же не рискнул пойти на открытую конфронтацию с остальной Европой.

К марту 1939 г. франкисты взяли верх над республиканцами. В Испании был установлен авторитарный режим генералиссимуса Ф. Франко, дружественный нацистской Германии и фашистской Италии. Поражение демократических сил в крупной европейской стране, занимающей, кроме того, важное стратегическое положение на морских путях, изменило соотношение сил в пользу держав–агрессоров. Для Британии ситуация обострилась в связи с опасностью утраты контроля над Средиземным морем, соединявшим метрополию и колонии. Для Франции

возникла угроза войны на трех фронтах — восточном против Германии, юго–восточном против Италии и южном против Испании. Советский Союз столкнулся с перспективой полной изоляции в связи с образованием уже упоминавшегося Антикоминтерновского пакта (6 ноября 1937 г. к нему присоединилась Италия) и проводимой западными демократиями политики умиротворения правототалитарных режимов. Именно в этот период, т. е. на протяжении 1936-1938 гг., в стране развернулась кампания массового террора и репрессий против любых проявлений инакомыслия, сопровождавшаяся шпиономанией на всех уровнях государственной власти.

Двусмысленная позиция ведущих держав по испанскому вопросу развязала руки А. Гитлеру для дальнейшего демонтажа остатков Версаля. На протяжении лета 1936 — осени 1937 гг. нацистская дипломатия последовательно готовила союзников и противников Германии к аншлюсу Австрии. Пригласив к себе австрийского канцлера К. фон Шушнига 12 февраля 1938 г., фюрер потребовал от него принять серию требований Берлина, открывавших путь к потере Австрией своего суверенитета. Последняя попытка Шушнига назначить плебисцит по вопросу независимости австрийского государства провалилась после решения Гитлера 13 марта 1938 г. о включении Австрии в состав Третьего рейха на правах одной из его провинций. Какой–либо реакции осуждения со стороны Франции, переживавшей очередной внутриполитический кризис, или Великобритании, правительство которой возглавляли «умиротворители» Н. Чемберлен и Э. Галифакс, так и не последовало, а инициатива Москвы по созыву конференции для согласования шагов по предотвращению «ползучей агрессии» членов Антикоминтерновского пакта была отвергнута Лондоном. Между тем аншлюс создавал для Германии чрезвычайно выгодную геостратегическую конфигурацию в центре Европы, поскольку через Австрию проходили транспортные коммуникации, связывающие Берлин и его союзника — Рим.

Завершающим актом коллапса Версальско–Вашингтонской системы, помимо уже рассмотренного массированного наступления японских войск в Китае, стала ликвидация суверенитета Чехословакии. Повод к ней А. Гитлер нашел в так называемом судетском вопросе — проблеме самоопределения 3,5 млн немецкого меньшинства в составе населения Чехословацкой республики, проживавшего компактно в районе Судетских гор на ее западной границе. Первая попытка отторгнуть Судеты путем открытого военного шантажа в мае 1938 г. окончилась для нацистов неудачей, так как дипломатические представители Великобритании и

Франции предупредили Германию о начале европейской войны в случае агрессии против Чехословакии.

Осенью того же года ситуация вновь обострилась. С трибун нацистских митингов фюрер громогласно требовал добиться скорейшего решения судетского вопроса. Франция, обеспокоенная перспективой выполнения союзных обязательств по отношению к Чехословакии, обратилась к Великобритании с просьбой об организации многосторонних переговоров. Советский Союз занял выжидательную позицию, поскольку неоднократные запросы Москвы, направленные в Париж и Прагу, относительно вступления в силу статей оборонительных пактов, остались без ответа. В то же время А. Гитлер инициировал выдвижение территориальных претензий к Чехословакии со стороны Польши (по Тешинской Силезии, населенной преимущественно поляками) и Венгрии (по Закарпатской Украине с преобладанием венгерского и вкраплениями румынского населения).

Дипломатические консультации между лидерами Франции и Великобритании в середине сентября 1938 г. привели к согласованию компромиссного решения проблемы, согласно которому Судеты передавались Германии. В свою очередь, Берлин предоставлял гарантии сохранения суверенитета и целостности оставшейся территории Чехословакии. С серьезными предостережениями в адрес Гитлера выступили в этот момент президент США Ф. Д. Рузвельт и король Швеции Густав V. Франция объявила частичную мобилизацию, а Великобритания привела свой флот в состояние боевой готовности. Чехословацкая армия также готовилась к отражению немецкой агрессии. Складывавшаяся обстановка заставила фюрера пойти на переговоры с западными державами, которые состоялись в Мюнхене 29-30 сентября 1938 г. Примечательно, что инициатива Москвы о международной конференции по чехословацкому вопросу, выдвинутая накануне Мюнхенской встречи, была проигнорирована Западом, скептически оценивавшим военный потенциал сталинского режима. Забегая вперед, следует отметить, что игнорирование Великобританией и Францией дипломатических усилий Советского Союза осенью 1938 г. самым негативным образом повлияло на процесс объединения антифашистских сил в месяцы, предшествовавшие нападению Германии на Польшу.

В ночь на 30 сентября 1938 г. Мюнхенское соглашение было подписано главами правительств Германии, Италии, Великобритании и Франции. Чехословацкая делегация оказалась поставленной перед свершившимся фактом: 1 октября Судетская область переходила под

контроль Германии. В обмен Гитлер по требованию Н. Чемберлена подписал англо–германскую декларацию о намерении сторон никогда не воевать друг с другом и решать все проблемы на переговорах.

Однако обещанный британским премьером «вечный мир» с Германией, который первоначально вызвал эйфорию в Лондоне и некоторых других европейских столицах, продолжался считанные недели. Стабилизации ситуации не помогло и подписание франко–германского соглашения о неприкосновенности новых, по сути отменявших Версальское разграничение, рубежах в Европе, подписанное 6 декабря 1938 г. А. Гитлер взял решительный курс на ликвидацию Чехословакии. С одной стороны, нацистская дипломатия содействовала сепаратистским выступлениям словаков и закарпатских русинов, а с другой — оказывала возраставшее давление на центральное правительство в Праге. Разорвав недавно подписанные соглашения, фюрер 15 марта 1939 г. отдал приказ о вступлении германских войск на оставшуюся после Мюнхенской сделки территорию независимой Чехословакии, из состава которой выделилось Словацкое государство, вступившее в особые «союзные» отношения с Германией. Часть областей бывшей Чехословакии перешли под контроль Польши и Венгрии.

Студенческая демонстрация, высмеивающая притязания фашистской Италии на французские территории. Великобритания, 1938 г. РГАКФД

Открытая аннексия Чехословакии и последовавшая вслед за ней в апреле 1939 г. оккупация Италией территории Албании, рассматриваемой государствами–агрессорами в качестве плацдарма для вторжения на Балканы, свидетельствовали о крахе Версальского порядка и конце политики умиротворения. 22 мая 1939 г. Германия и Италия заключили так называемый Стальной пакт — военный союз, направленный на тотальный пересмотр европейских границ. Он стал ответом на обмен нотами между Великобританией и Францией 22 марта того же года. В них обе стороны подтверждали обязательства взаимной помощи в случае нападения на них третьей державы. Примечательно, что 31 марта 1939 г. Н. Чемберлен заявил в парламенте, что Лондон вместе с Парижем не пойдет на новые уступки Берлину и Риму. Он предложил Польше гарантии против угрозы А. Гитлера решить проблему так называемого Польского коридора и морского порта Гданьск (Данциг) силовым путем (в секретной директиве 3 апреля фюрер установил 1 сентября 1939 г. в качестве даты нападения на Польшу).

Предвоенные летние месяцы 1939 г. характеризовались небывалой дипломатической активностью двух противостоявших друг другу коалиций держав в Европе. Обе они стремились разыграть «советскую карту», в то время как сталинское руководство предпочитало маневрировать между англо–французским и германо–итало–японским альянсами, стремясь получить максимально возможные уступки и выиграть время для подготовки к новому мировому конфликту. 31 мая новый народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов предложил западным демократиям заключить трехсторонний оборонительный пакт с гарантиями безопасности для малых стран Центральной и Восточной Европы. Это предложение стало ответом на зондажи Лондона и Парижа относительно совместного противодействия агрессии Германии и Италии.

Однако британское руководство откладывало начало прямых переговоров с Москвой. Как свидетельствуют документы Форин офис, рассекреченные после Второй мировой войны, кабинет Н. Чемберлена продолжал закулисные консультации с Берлином в попытках отодвинуть вторжение гитлеровских войск в Польшу. В Лондоне и Париже рассчитывали, что шантаж Гитлера перспективой новой Антанты и как следствие войной Германии на два фронта, охладит воинственный пыл фюрера. В свою очередь, государства–соседи СССР на западной границе опасались угрозы как со стороны Берлина, так и Москвы, возражая против обязательств пропустить советские войска через свои территории для отпора нацистской агрессии. Одновременно Великобритания провела серию дипломатических консультаций с Японией, которые 24 июня 1939 г. завершились подписанием соглашения Арита — Крейги (по фамилиям японского министра иностранных дел и британского посла в Токио) о признании «особых интересов» Страны восходящего солнца в Китае. Наблюдатели расценили этот акт как «дальневосточный Мюнхен», поскольку Япония подталкивалась западными демократиями к агрессии против СССР.

Наконец, 12 августа 1939 г. начались переговоры военных делегаций СССР, Великобритании и Франции, хотя уровень представительства на них европейских партнеров существенно уступал советскому. К 21 августа французская делегация выразила принципиальное согласие подписать трехстороннюю военную конвенцию, однако британская сторона продолжала занимать выжидательную позицию. Как показали дальнейшие события, отсрочка подписания этого документа явилась роковой.

Следует отметить, что, по мнению большинства историков, идея согласования интересов Германии и СССР стала занимать сталинское

руководство еще с конца 1938 г. Серьезное влияние на Кремль, как отмечалось выше, оказала Мюнхенская сделка западных держав, лишавшая Москву стратегической инициативы в Европе. На протяжении первой половины 1939 г., и особенно после поражения республиканской Испании, ликвидации независимости Чехословакии и оккупации Италией Албании обе стороны — Германия и Советский Союз — избегали взаимной резкой критики, столь характерной для 1933-1938 гг. Для Кремля, как показывают источники, отсутствовала принципиальная разница между капиталистическими западными государствами. И. В. Сталин, так же как и А. Гитлер, стремился избежать войны на два фронта (против Японии на Дальнем Востоке и Германии в Европе). Для фюрера главной задачей в этот период являлось обеспечение тыла на востоке Европы в случае войны против Франции и Англии. Другая проблема Третьего рейха состояла в необходимости удовлетворения возраставших потребностей нацистской военной машины в сырье за счет расширения его поставок из союзных государств и СССР.

Первые зондажи относительно возможности советско–германского урегулирования были сделаны на торговых переговорах в июле 1939 г. 3 августа министр иностранных дел И. фон Риббентроп передал советскому представителю в Берлине пожелание германской стороны разрешить все проблемы двусторонних отношений, центральное место в которых занимала судьба Польши. В ответ Москва заявила о согласии на переговоры, которые должны были привести к подписанию пакта о ненападении, сдерживанию Японии (напомним, что в этот момент еще продолжалась «малая» советско–японская война в районе р. Халхин–Гол) и предоставлению совместных гарантий странам Балтии.

Для ускорения переговорного процесса (поскольку германские войска уже концентрировались на польской границе) Гитлер направил личное послание Сталину, который согласился принять Риббентропа 23 августа 1939 г. В ночь на 23 августа пакт о ненападении сроком на десять лет и секретный протокол к нему были подписаны в Кремле.

Согласно протоколу в сфере влияния СССР оказывались Финляндия, Эстония, Латвия, польская территория к востоку от рек Нарев, Висла и Сан, а также Бессарабия. Германская сфера охватывала Литву и Западную Польшу. Пакт ставил точку в переговорах Москвы с западными демократиями о союзе. Договор о ненападении нарушал советско–французские договоренности 1935-1936 гг. о необходимости взаимных консультаций при заключении военно–политического соглашения с третьей стороной. 24 августа делегациям Великобритании и Франции было

заявлено о прекращении консультаций и предложено покинуть Москву.

Заключение советско–германского договора стало неожиданным для мировой общественности. В Лондоне, Париже, Риме, Токио и Вашингтоне не могли представить себе, что острейшие противоречия по идеологическим вопросам уйдут на второй план в момент совпадения стратегических интересов СССР и Германии. Специалисты продолжают дискутировать по поводу роли и значения пакта 23 августа 1939 г. для начала Второй мировой войны и последовавших событий. Одни историки придерживаются концепции вины И. В. Сталина, который согласился на сделку с А. Гитлером, совершенную втайне от мирового общественного мнения и принесшую в жертву национальные чаяния государств, расположенных между Германией и СССР. Другие склонны оправдывать Кремль в совершении этого шага, приводя аргументы «двойной игры» британской и французской дипломатий. По их мнению, политика соглашательства с Берлином позволила Москве выиграть время для лучшей подготовки к войне, вернуть утраченные территории, отодвинуть на запад стратегические рубежи, снять угрозу распространения агрессии Японии на советский Дальний Восток.

И. В. Сталин и министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп после подписания договора о ненападении между Германией и Советским Союзом. Москва, 1939 г. РГАКФД

Не претендуя на исчерпывающую оценку советско–германского

договора, выскажем мнение, что очевидная тактическая победа сталинского руководства явилась пирровой, обернувшись в перспективе стратегическим проигрышем, последствия которого наша страна ощущает до настоящего времени. Речь идет о миллионах людей, отдавших жизни на полях Второй мировой войны, а также о том моральном ущербе, который был нанесен престижу России сталинским руководством, заключившим сделку с гитлеровским режимом. Можно констатировать, что СССР после 23 августа фактически поменялся ролями с западными демократиями, переняв их тактику. В то время как Великобритания и Франция вынуждены были объявить Германии войну после нападения на Польшу, Москва решала свои геополитические задачи.

Подводя итоги генезиса, развития и краха Версальско–Вашингтонского миропорядка, следует подчеркнуть, что, несмотря на все свои внутренние противоречия и слабости, отразившие переходный характер эпохи, само его существование дало богатейший опыт сотрудничества как крупных, так и малых стран в их стремлении решать сложные проблемы взаимных отношений по–новому, с учетом мнения широких социальных слоев и общественных движений.

Советская Россия и СССР: революция и модернизация

Начало Великой российской революции

К началу 1917 г. в России обострился социальный кризис, сложившийся еще в начале века в ходе модернизации России и включавший аграрный, рабочий и национальный «вопросы», а также проблему неэффективности самодержавия. Революция 1905-1907 гг. и последующие реформы не разрешили эти противоречия в достаточной степени, чтобы предотвратить новую революцию, задачей которой было так или иначе решить эти «вопросы» и проблемы, вставшие перед страной. В деревне сохранялось малоземелье крестьян, крестьяне искали работу в городе, сбивая цену рабочей силы. Недовольство городских низов соединялось с протестом средних слоев, в первую очередь интеллигенции, против бюрократических и аристократических порядков. Окружение императора подвергалось острой критике в прессе и Государственной думе, однако полномочия даже этого, избиравшегося на неравноправной основе представительного органа власти были слишком малы, чтобы изменить ситуацию.

Первая мировая война обострила социальные противоречия, существовавшие в Российской империи, особенно в городе, где уровень жизни рабочих падал из–за инфляции. Миллионы людей, прежде занятых производительным трудом, ушли на фронт, который потреблял 250-300 млн пудов из 1300-2000 млн пудов товарного хлеба. Это пошатнуло продовольственный рынок. Управленческие ошибки и дезорганизация транспорта приводили к сбоям поставок продовольствия в крупные города. В России впервые возник дефицит дешевого хлеба. В столицах выстраивались длинные очереди за хлебом — «хвосты». При этом можно было купить более дорогие булки и кондитерские изделия. Но для их приобретения у рабочих не было достаточных доходов. 22 февраля произошел локаут на Путиловском заводе в Петрограде. Свою роль в начале волнений сыграла и агитация социалистов, приуроченная к международному дню трудящихся женщин (23 февраля — здесь и далее до 14 февраля 1918 г. даты даются по юлианскому календарю, если не оговорено другое). В этот день в столице начались стачки и демонстрации

рабочих, сопровождавшиеся разгромом булочных и столкновениями с полицией.

24 февраля появились лозунги «Долой самодержавие!», что свидетельствовало о перерастании продовольственных волнений в революцию. 25 февраля, сразу же после того как ему сообщили о происходящем, император отправил военному губернатору Петрограда С. Хабалову телеграмму: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны против Германии и Австрии». «Эта телеграмма… меня хватила обухом… — вспоминал потом генерал Хабалов. — Как прекратить завтра же?.. Государь повелевает прекратить во что бы то ни стало… Что я буду делать? Как мне прекратить? Когда говорили: “Хлеба дать” — дали хлеба, и кончено. Но когда на флагах надпись “Долой самодержавие!”, какой же тут хлеб успокоит! Но что же делать? — царь велел: стрелять надо…» Вечером 25 февраля демонстранты, привыкшие к относительной безопасности своих действий, были встречены ружейным огнем. Кровопролитие привело к новому витку конфронтации.

Толпа перед Казанским собором. Петроград, 1917 г. РГАКФД

27 февраля восстали войска Петроградского гарнизона. По инициативе социал–демократов был создан Совет рабочих депутатов, состоящий из представителей рабочих коллективов и социалистических партий. Волнения переросли в революцию, которая вышла за пределы столицы. В Москве начались массовые демонстрации рабочих.

26 февраля было принято решение правительства объявить перерыв в заседаниях Думы. 27 февраля либеральная часть депутатов создала Временный комитет Государственной думы (ВКГД) «для водворения порядка в г. Петрограде и сношения с организациями и лицами» во главе с председателем Думы М. Родзянко. Как государственное учреждение, Дума обеспечивала какую–то видимость законности всему движению, и войска двинулись присягать ей к Таврическому дворцу.

27 февраля Совет провел в том же дворце свое первое заседание, посвященное организации порядка и снабжения войск. Вскоре Совет стал пополняться представителями восставших частей и превратился в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов (Петросовет).

28 февраля революционное движение победило в Петрограде и перекинулось в окрестности столицы. В Кронштадте восставшие матросы убили адмирала Р. Вирена и других офицеров. Воинские части присягали на верность Думе, но реально подчинялись Петросовету, с которым они были связаны организационно через своих делегатов. Рабочие выполняли распоряжения ВКГД только в том случае, если на это имелась санкция Петросовета. Опираясь на организованные революционные силы, Петросовет фактически взял власть в столице в свои руки.

ВКГД требовал сформировать правительство, «пользующееся доверием страны», т. е. созданное депутатами. Но победа революции в Петрограде еще не означала успеха в масштабе страны. Понимая это, император Николай II не спешил идти на уступки. В этих условиях генералитет, часть которого находилась под влиянием пропаганды либеральных политических кругов, опасался как наступления реакции в случае подавления восстания в Петрограде, так и гражданской войны в случае его расширения. Начальник штаба Верховного главнокомандующего М. Алексеев считал, что Петроград находится под контролем лидеров думского большинства. По инициативе Алексеева и командующего северо–западным фронтом Н. Рузского Николай II был фактически блокирован в Пскове 1 марта.

Революция распространялась на крупные промышленные центры вместе с телеграфными сообщениями о событиях в столице. На сторону

революции перешел гарнизон в Москве, волнения развернулись в Нижнем Новгороде, Твери, Саратове, Иваново–Вознесенске и др.

Колонны демонстрантов с плакатами, гласящими «Да здравствует демократическая республика», «Требуем созыва Учредительного собрания», направляется с Красной площади на Воскресенскую (ныне площадь Революции). Москва. 1917 г. РГАКФД

События быстро вышли из–под контроля Думы и военного руководства. Партии социал–демократов и социалистов–революционеров смогли установить через Советы рабочих и солдатских депутатов тесную связь с солдатской массой. 1 марта был принят Приказ № 1 Петросовета войскам, который устанавливал, что во всех частях необходимо «немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов». Также приказ провозглашал: «вне службы и строя в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане». Отменялось отдание чести вне службы, старое титулование офицеров, воспрещалось грубое обращение с солдатами. В дальнейшем эти

положения были распространены на всю армию.

Думским лидерам казалось, что частными уступками можно взять революционные массы под контроль. Либералы выступили за отречение Николая II от престола и соответствующим образом информировали генералитет. 2 марта под давлением командующих фронтами Николай II отрекся от престола. Фактически история Российской империи на этом завершилась.

Свержение самодержавия стало результатом социального кризиса (прежде всего в крупных городах), стихийного восстания в столице, которое привело в действие либеральные политические силы и генералитет, сыгравшие важную роль в отстранении Николая II от власти. Участие широких масс рабочих и солдат в свержении самодержавия (без чего переворот не смог бы увенчаться успехом) и возникновение органов самоорганизации рабочих и солдат привели к тому, что революция не остановилась на либеральных задачах и приобрела более радикальный социальный характер. События, известные как Февральская революция 23 февраля — 2 марта 1917 г., стали первым этапом более длительного и глубокого процесса — Великой Российской революции 1917-1922 гг.

От Февраля к Октябрю 1917 года

Отречение императора и прекращение вооруженного противостояния разрядило социальную обстановку как в Петрограде, так и в остальной России. Договорившись с Советом о проведении демократических преобразований, думские лидеры 2 марта сформировали либеральное Временное правительство во главе с видным земским деятелем Г. Львовым. Его ядром была партия кадетов. Социал–демократы отклонили приглашение войти в буржуазное правительство. В правительство вошел только один социалист — депутат–трудовик (с марта — эсер), член Исполкома Совета А. Керенский.

Правительство взяло в свои руки всю полноту власти и приняло ряд мер, расширивших гражданские права. Была введена монополия государства на торговлю и распределение хлеба.

Большое влияние по всей стране приобрели Советы рабочих и солдатских депутатов и Советы крестьянских депутатов, а также фабрично–заводские комитеты (фабзавкомы). В Советах лидировали социалисты — умеренные социалистические партии. Крупнейшей из них была Партия социалистов–революционеров (эсеров, ПСР). Социал–

демократы — меньшевики, входившие в фактически распавшуюся Российскую социал–демократическую рабочую партию (РСДРП), были расколоты на правое течение «оборонцев» (лидеры Ф. Дан и др.), выступавших за сотрудничество с либералами, и более радикальных «интернационалистов» (лидеры Ю. Мартов и др.). Еще более радикальные «межрайонцы» (лидеры Л. Троцкий и др.) и другие группы тяготели к союзу с большевиками. В августе «оборонцы» и «интернационалисты» объединились в РСДРП (объединенная). Лидеры социалистов принадлежали в значительной степени к интеллигенции, опиравшейся на крестьян (эсеры) и квалифицированных рабочих (меньшевики). Социалисты искали компромисс между радикальными массами трудящихся и «цензовыми элементами» — состоятельной интеллигенцией и предпринимателями, без которых эффективное функционирование капиталистической экономики представлялось сомнительным. Однако стремление социалистов консолидировать общество столкнулось с его растущей поляризацией.

Из–за войны и революционных событий усиливался экономический кризис, ухудшавший и без того тяжелое положение трудящихся. Это порождало массовое отчаяние, стремление вырваться из сложившегося положения одним скачком, нереальные ожидания и в итоге — стремление к быстрым и решительным мерам, качественно изменяющим общество, — социальный радикализм. Силой, которая взяла на себя консолидацию радикально настроенных солдатских и рабочих масс, стали большевики. Несмотря на раскол РСДРП в 1912 г., партия большевиков называлась РСДРП, претендуя на это общее для социал–демократов название.

Особое значение для судеб революции имело возвращение 3 апреля в страну лидера большевиков В. Ленина, который, вопреки сопротивлению умеренных лидеров большевизма (Л. Каменев и др.), настоял на новом курсе — борьбе за установление власти Советов.

Положение трудящихся продолжало ухудшаться, что стало питательной средой для социального радикализма, возглавленного большевиками. В социальном отношении большевизм стал движением не только части рабочего класса, но и радикальных городских низов, в дальнейшем — маргинализированной части рабочих, крестьян и интеллигенции, стремящихся радикально изменить свое социальное положение. Руководящее ядро большевизма приобретало технократический характер. Объективно выражая интересы технократии как социального слоя управленцев в индустриальном обществе, большевики стремились к скорейшему созданию индустриального общества, управляемого из одного

центра и работающего по единому плану.

В ряде регионов Российского государства (Украина, Прибалтика, Туркестан, Закавказье и др.) росло влияние национальных движений и представительных органов (например, Центральная рада на Украине), выступавших за национально–территориальную автономию «национальных окраин».

Социалисты и широкие массы Петрограда надеялись на скорейший мир «вничью» без аннексий и контрибуций. Настояв на необходимости официально подтвердить готовность России воевать до победы, лидер конституционных демократов и министр иностранных дел П. Милюков спровоцировал волнения и столкновения в Петрограде («Апрельский кризис» 20-21 апреля). Чтобы восстановить устойчивость правительства, либералам пришлось привлечь в него 5 мая социалистов (В. Чернов, М. Скобелев, И. Церетели, А. Пешехонов). Однако либералы блокировали предложения части социалистов о проведении социальных реформ (запрет земельных сделок до Учредительного собрания, чтобы помещики не могли распродать землю, введение планирования промышленного производства и др.), способных несколько снизить напряжение в обществе. Правительство в большинстве своем выступало за отказ от социальных преобразований до созыва Учредительного собрания.

Боевой отряд студентов на авто возле гостиницы «Метрополь». Москва, 1917 г. РГАКФД

Авторитет правительства падал. В условиях, когда правительство не опиралось на представительные органы власти, любой межпартийный

конфликт мог вести к распаду системы власти и опасным уличным столкновениям. Среди социалистов и большевиков усиливалось влияние идеи о том, что источником и опорой власти до созыва Учредительного собрания могут быть органы Советов. В мае прошел Всероссийский съезд крестьянских Советов, а в июне — Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Эти съезды опирались на миллионы активных граждан. Большевики доказывали, что Советы являются более демократической формой власти, чем парламент и муниципалитеты.

Правительство надеялось повысить свой авторитет и укрепить отношения с союзниками с помощью успехов на фронте. 18 июня было начато наступление российской армии под Калушем. Но поскольку в результате реализации Приказа № 1 российская армия уже потеряла свою боеспособность, наступление провалилось, и 6 июля противник перешел в контрнаступление.

3 июля 1917 г. попытки правительства направить часть Петроградского гарнизона на фронт, где началось наступление, совпали с выходом кадетов из правительства в знак протеста против предоставления автономии Украине. Правительство оказалось в состоянии глубокого кризиса, а в этот момент недовольные солдаты во главе с анархистами и некоторыми особенно радикальными большевиками вышли на улицы Петрограда под лозунгом «Вся власть Советам!»

Реалистично оценивая силы своей партии, лидеры большевиков не стремились к немедленному захвату власти. Однако после того как массовое выступление началось, большевики вынуждены были его возглавить, чтобы не растерять авторитет в среде радикальных масс. Под давлением вооруженных и возбужденных демонстрантов ЦИК Советов обсуждал возможность создания многопартийного социалистического правительства, опирающегося на Советы. Но умеренные социалисты предпочли сохранить старую систему и нанести удар по большевикам. Отказ большинства социалистических лидеров Советов поддержать идею советского социалистического правительства обрекал выступление 3-4 июля на провал. Ленину и некоторым другим лидерам большевиков пришлось уйти в подполье.

Министр–председатель Всероссийского Временного правительства А. Ф. Керенский среди офицеров. Петроград, 1917 г. РГАКФД

8 июля правительство возглавил А. Керенский. 24 июля социалистические партии восстановили правительственную коалицию с либералами.

Правые политические круги, опираясь на военную силу главнокомандующего Л. Корнилова, надеялись установить «твердый порядок» и решить вставшие перед страной проблемы путем милитаризации тыла и восстановления способности армии к наступлению. Государственное совещание ведущих политических сил 12-15 августа не смогло остановить политическую поляризацию.

26 августа начался конфликт между Л. Корниловым и А. Керенским. По указанию Корнилова кавалерийский корпус под командованием А. Крымова двинулся на Петроград с намерением разогнать Советы и левые партии, а возможно — и правительство. Выступление военных привело в движение левую часть общества. Советы, профсоюзы, войсковые комитеты, социалистические партии и движения (в том числе большевики) мобилизовали десятки тысяч солдат, матросов и рабочих на борьбу с

Корниловым. Войска, двигавшиеся на столицу, подверглись агитации петроградских левых активистов, которые разъясняли солдатам контрреволюционность их действий. Солдаты не хотели поддерживать активное продолжение войны и введение жесткой дисциплины, за которые выступал Корнилов. Левая агитация имела успех, и корниловское выступление провалилось. 1 сентября Корнилов был арестован. В тот же день Россия была провозглашена республикой.

События корниловского выступления вновь нарушили равновесие в системе власти. Обсуждалась возможность создания многопартийного социалистического правительства, которое, наконец, приступит к проведению назревших социальных преобразований.

На Демократическом совещании левых и демократических сил в сентябре это обсуждение продолжилось, но премьер–министр Керенский, вопреки позиции своей партии эсеров, 26 сентября создал кабинет с кадетами. Этим он еще сильнее сузил политическую базу своего правительства, так как его уже не поддерживали ни кадеты, ни левое и центристское крылья социалистов, а Советы в условиях бездействия правительства пред лицом кризиса стали переходить под контроль большевиков.

Социально–экономическая ситуация ухудшалась. Норма душевого пайка в Петрограде и Москве была снижена летом с фунта до трех четвертей фунта. Острую нужду в хлебе испытывали армия и губернии центральной России. В июле произошло 43 голодных бунта в городах, в августе — 100, в сентябре — 154. Крестьяне нападали на усадьбы и начали делить помещичьи земли.

С середины сентября Ленин настаивал на вооруженном восстании — взятии власти большевиками, опирающимися на большевизированные Советы. Однако часть ЦК РСДРП(б) (Л. Каменев, Г. Зиновьев) продолжала сопротивляться этому курсу — неудача вооруженного восстания на этот раз могла привести к полному разгрому партии. В ходе напряженной внутрипартийной борьбы радикальное течение возобладало 10 октября, когда ЦК большевиков взял курс на вооруженный захват власти от имени Съезда Советов.

Значительная часть гарнизона поддержала большевиков, потому что большевики выступали за скорейший мир с Германией.

Керенский продолжал считать, что обладает военным перевесом над большевиками. 24 октября правительство объявило о закрытии большевистской прессы. Это дало большевикам желанный повод для того, чтобы привести в действие сочувствовавшие им войска и отряды

вооруженных рабочих (Красной гвардии).

24-25 октября контролируемые большевиками части заняли ключевые объекты столицы. В Неву вошла эскадра во главе с крейсером «Аврора». На стороне большевиков, штаб которых находился в Смольном институте, оказался многократный перевес сил. Временное правительство было блокировано в Зимнем дворце, который защищали подразделения военных училищ (юнкера) и женский батальон. Керенский выехал на фронт за помощью. В. Ленин прибыл в Смольный, где начал формировать новое правительство — Совет народных комиссаров (СНК).

Одновременно с переворотом проходила работа II съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Из не менее 739 делегатов большевиков было только 338, т. е. меньшинство. Но представители меньшевиков и эсеров, подвергнув большевиков резкой критике за начавшийся переворот, покинули съезд в знак протеста. Однако левые эсеры остались. С учетом вновь прибывших делегатов на съезде осталось 625 депутатов, 390 из которых были большевиками, а 179-левыми эсерами.

В ночь на 26 октября восставшие проникли в Зимний дворец и арестовали оставшихся там министров Временного правительства. Съезд советов передал власть большевистскому СНК во главе с Лениным, избрал Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК), игравший роль временного представительного органа советской власти. Съезд принял Декрет о земле, который провозглашал передачу земли крестьянам без всякого выкупа, и Декрет о мире, который провозглашал готовность немедленно заключить мир без аннексий и контрибуций, для чего вступить в мирные переговоры с Германией и ее союзниками.

Октябрьский этап революции

Октябрьский переворот в Петрограде положил начало новому этапу Великой российской революции, который традиционно называется «Октябрьская революция». В ходе этого этапа в России была установлена советская власть и были проведены ее первые преобразования. Сразу после Октябрьского переворота по всей России развернулась борьба сторонников и противников советской власти. Керенский еще предпринимал попытки отбить Петроград, но его поход 31 октября завершился неудачей из–за низкой популярности премьера в войсках. Победой большевиков 2 ноября закончилась вооруженная борьба в Москве, а к концу года советская власть была установлена в большинстве крупных городов России.

29 октября Всероссийский исполком железнодорожного профсоюза (Викжель), во главе которого стояли социалисты и беспартийные рабочие, под угрозой политической стачки инициировал переговоры между враждующими сторонами в целях предотвращения гражданской войны. Викжель выступал за создание «однородного социалистического правительства» без кадетов и с участием большевиков. На переговорах делегация большевиков во главе с Л. Каменевым поддержала этот проект, основанный на компромиссе наиболее влиятельных на тот момент левых сил. Но лидеры правого крыла социалистов требовали ухода большевиков из правительства, а Ленин и Троцкий настаивали на сохранении за большевиками ключевых постов в любой левой коалиции. Ленин получил поддержку большинства ЦК, лидеры умеренного крыла большевиков 4 ноября подали в отставку из СНК и ЦК.

Эскалация конфликта между массовыми партиями вылилась в скоротечную гражданскую войну, в которой победили большевики и поддержавшие их левые эсеры, анархисты, эсеры–максималисты и другие леворадикальные сторонники Советов. В феврале 1918 г. потерпело поражение выступление против советской власти на Дону под руководством атамана А. Каледина. После этого созданная в ноябре–декабре под руководством Л. Корнилова и М. Алексеева Добровольческая армия отступила в степи. Скоротечная гражданская война конца 1917 — начала 1918 г. была выиграна сторонниками советской власти. Однако продолжались локальные боевые действия партизанского типа.

28 ноября 1917 г. был принят Декрет об аресте вождей гражданской войны — так были названы руководители партии кадетов. 7 декабря была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем при СНК, сочетавшая функции следствия и суда. Однако демократические настроения, преобладавшие тогда в среде сторонников Советов, препятствовали развертыванию репрессий. В ноябре 1917 — феврале 1918 гг. смертная казнь была формально отменена.

У большевиков не было достаточных связей с крестьянским большинством страны. Обеспечить «союз рабочего класса и крестьянства» мог союз большевиков и партии левых эсеров (ПЛСР), отколовшихся от ПСР после Октябрьского переворота. С помощью левых эсеров большевикам удалось получить поддержку части крестьянских Советов. На базе Советов, руководимых большевиками и левыми эсерами, 10 декабря был создан объединенный рабоче–крестьянский ВЦИК. Коалиция большевиков и одной из социалистических партий придала диктатуре форму союза пролетариата и крестьянства. 9 декабря левые эсеры вошли в

правительство в качестве младших партнеров.

Однако крестьяне, не получая в обмен в достаточном количестве промышленных товаров, не хотели отдавать городу хлеб за обесценивавшиеся деньги. В результате остро встала проблема снабжения города и армии продовольствием. В январе 1917 г. царский аппарат собрал 32,5 млн пудов хлеба, в апреле уже новая власть — 18 млн, в мае — 52,7 млн, в июне — 33,3 млн, в ноябре, даже в условиях неразберихи и смены власти, — 33,7 млн пудов хлеба. В декабре 1917 г. было собрано всего 6 млн пудов, в январе 1918 г. — 2 млн, в апреле — 1,6 млн, в мае — 0,1 млн, в июне 1918 г. — 21 тыс. В Петрограде начался голод.

14 ноября был введен рабочий контроль над производством. В условиях развала капиталистической промышленности рабочие поддерживали введение контроля над работой предприятий со стороны избранных ими органов, как правило, фабрично–заводских комитетов (ФЗК). В случаях острых конфликтов с предпринимателями или их попыток изъять капитал из производства ФЗК брали управление предприятиями в свои руки, иногда добиваясь при этом национализации фабрик и заводов. Лишение капиталистов возможности управления предприятиями происходило без определенного плана и получило название «красногвардейская атака на капитал». Рабочее самоуправление еще не приобрело опыта хозяйствования, тем более в ситуации распадающихся хозяйственных связей. Назначение на предприятия государственных управляющих не спасало ситуацию, так как их компетентность, как правило, была низкой.

Первые меры советской власти не позволили переломить настроение избирателей, особенно в деревне. Выборы в Учредительное собрание, проходившие с 12 ноября, принесли большевикам разочарование — они набрали 23,5% голосов, в то время как другие социалистические партии получили 58%. Раскол партии социалистов–революционеров отнял у них около 40 мандатов, но они все равно остались крупнейшей парламентской фракцией (более 300 депутатов, а с национальными партиями эсеров — более половины Собрания). С работой Учредительного собрания избиратели связывали надежды на бескровное разрешение вопросов, стоявших перед страной: аграрного, рабочего, национального и вопроса об организации государственной власти.

5 января 1918 г., в день созыва Учредительного собрания, прошли демонстрации в его поддержку, которые были обстреляны и разогнаны силами большевиков. Большевики и левые эсеры потребовали от Собрания полного признания советской власти и ее мероприятий. В ответ на отказ

большинства депутатов подчиниться ультиматуму большевики сначала устроили обструкцию, а затем вместе с левыми эсерами ушли из парламента. Оставшиеся депутаты обсудили и приняли 10 пунктов Основного закона о земле, соответствовавшего принципам партии эсеров, которая обобщила крестьянские наказы. Когда на следующий день депутаты вновь собрались у Таврического дворца, они нашли двери закрытыми — большевики заявили о роспуске Собрания и отобрали у верховного органа власти помещение. Эсеры и другие сторонники Учредительного собрания не смогли оказать сопротивление его разгону, что не позволило установить новую легитимность и завершить революцию демократическим путем. Большевистский режим устоял, доказав свою жизнеспособность. Однако система согласования общественных интересов была разрушена, и страна встала перед перспективой широкомасштабной гражданской войны.

Благодаря начатой в январе 1918 г. по закону о социализации земли передаче земли в руки крестьян вырос авторитет советской власти в деревне.

Советская власть считалась рабоче–крестьянской. Новая правящая элита теперь формировалась из наиболее активной и радикальной части социальных низов и части прежней элиты, готовой принять большевистские принципы или по крайней мере сохранять лояльность новому режиму. В ядре большевизма складывалась новая технократия — управленческая элита, стремящаяся к форсированной модернизации. Старая буржуазно–помещичья элита подверглась дискриминации, а затем и частичному уничтожению.

Российская коммунистическая партия (большевиков) — РКП(б) (как с марта 1918 г. стала называться большевистская партия) стремилась восстановить целостность социального организма на нерыночной основе. Производство и распределение должно было осуществляться государственными структурами, а также подчиненными им фабзавкомами, кооперативами и т. п. Резкий рост роли государства в экономической системе привел к невиданному даже для царской России росту бюрократии. Технократия и бюрократия стали новой правящей элитой общества, сменившей аристократию и буржуазию.

В 1917 г. Ленин, как и анархисты, рассчитывал на самоорганизацию масс, которые, лишь при общем руководстве коммунистов и их союзников, смогут создать основы коммунистических отношений. Ведь эти отношения в соответствии с теорией марксизма естественно вытекают из краха капитализма. Большевики рассчитывали, что фабзавкомы, органы рабочего

контроля, профсоюзы и Советы будут работать по единому плану. Для управления промышленностью 2 декабря был создан Высший совет народного хозяйства (ВСНХ). Банковская система была национализирована, что подорвало рыночный обмен. Сферы компетенции разных уровней управления экономикой не были четко определены, развернулись конфликты между органами самоуправления, регионального управления, что порождало экономический хаос. Нужно было выбирать — или самоорганизация, самоуправление, низовая демократия, или «строительство» нового строя, управляемой из единого центра экономики и строгое принуждение к выполнению решений государственного центра. Советская самоорганизация была для Ленина средством, а коммунизм — целью. Он взял курс на усиление централизации управления, предложил завершить «красногвардейскую атаку» на капитал и заменить ее систематической национализацией.

Проблема мировой революции и Брестский мир

Октябрьская революция как начало преобразований, направленных на достижение социализма, стала не только этапом в развитии Российской революции 1917-1922 гг., но и важным поворотом в развитии мировых процессов. В 1917 — начале 1918 г. ее международное значение определялось выдвижением большевиками инициативы по немедленному заключению демократического мира без аннексий и контрибуций, с правом наций на самоопределение.

9 (22) декабря 1917 г. начались мирные переговоры между Россией и державами Четверного союза в Брест–Литовске. Большевики приняли тактику затягивания переговоров в ожидании мировой революции. Зато их предложения приобрели мировую популярность. Однако государства Антанты не признали большевистское правительство и не присоединились к переговорам, рассчитывая на победу над Германией.

5(18) января 1918 г. германский генерал М. Гофман предъявил советской делегации карту, на которой была обозначена линия немецкой сферы влияния, почти совпадающая с линией фронта. К западу от нее Германия обещала провести «самоопределение» Польши, Литвы и Курляндии под своим контролем, планируя создать марионеточные государства.

Ленин считал, что можно пойти на любой мир, чтобы начать строить социализм. И тогда конструктивный пример России обеспечит мировое

торжество коммунистических идей. Левые коммунисты во главе с Н. Бухариным и левые эсеры считали, что капитуляция перед империализмом исключает успешное решение социалистических задач. Россия будет зависима от империализма, который к тому же отнимает у России часть ресурсов, без которых нельзя возродить экономику. Левые эсеры понимали также, что выполнение немецких условий углубит продовольственный кризис, и расплачиваться придется крестьянству, интересы которого левые эсеры представляли в рабоче–крестьянском союзе. Немецкий ультиматум уязвлял и патриотические чувства населения России, и принципы революционеров. В. Ленин предложил все же принять немецкий ультиматум, так как считал, что советские отряды и разлагающаяся старая армия не смогут оказать успешного сопротивления немецкому наступлению.

Нарком иностранных дел Л. Троцкий пытался сблизить позиции левых и правых большевиков с помощью рискованной внешнеполитической игры. Если развал армии неизбежен, ее нужно распустить, получив таким образом поддержку солдат в дальнейшей политической борьбе в России. Положение противника также тяжело — он не в состоянии продолжить войну. Велик шанс, что Германия не решится наступать. Можно рискнуть — отказаться от заключения мира до лучших (для Германии и России) времен. Тогда тяжелый выбор, разделивший партию надвое, становится излишним. Лозунг этой рискованной игры Троцкого: «Ни мира, ни войны, а армию распустить».

Продовольственный кризис в Германии и Австро–Венгрии обострился. В январе стачки охватили Берлин, Вену и Будапешт. Но решающее слово по–прежнему принадлежало германскому руководству, а оно не намерено было упускать «плоды победы» — приобретение Прибалтики и продовольственных запасов Украины, которые позволяли стабилизировать социальную ситуацию еще на несколько месяцев, на последнем этапе Первой мировой войны.

Многое зависело от Центральной рады Украины, которая, контролируя Киев и центральную часть Украины, вступила в конфликт с большевиками и в поиске международной опоры стала сближаться с Германией и Австро–Венгрией. Центральная рада 9(22) января 1918 г. провозгласила независимость Украинской народной республики (УНР). Но 26 января (8 февраля) 1918 г. советские войска, в рядах которых сражались и украинцы, взяли Киев.

В этих условиях 27 января (9 февраля) 1918 г. представители Центральной рады решили отгородиться от большевиков немецкими

штыками и подписали договор с державами Четверного союза. Это определило судьбу Украины в 1918 г. и резко ослабило позицию России на переговорах. 9 февраля германский император Вильгельм II потребовал от своих дипломатов предъявить ультиматум Троцкому — сдать всю Прибалтику до Пскова и Нарвы. Но Троцкий не стал дожидаться неизбежного ультиматума. 10 февраля он заявил, что отказывается подписать аннексионистский мирный договор, заявив, тем не менее, о прекращении состояния войны и демобилизации армии.

Немцы не могли позволить себе длительного продолжения войны на восточном фронте. Но быстрый удар они могли нанести и 18 февраля перешли в наступление. Лишь на отдельных участках фронта российская армия смогла оказать им сопротивление. Противник занял Ревель, Псков, Киев и продолжал продвигаться по Украине.

23 февраля Ленин с большим трудом добился принятия германских условий мира в ЦК большевиков. Тем самым было обеспечено принятие этого тяжелого решения и другими органами советской власти, в которых большевики преобладали. В ночь на 24 февраля вопреки сопротивлению левых эсеров и отдельных левых коммунистов ВЦИК санкционировал подписание мира, что было сделано в Брест–Литовске 3 марта 1918 г. По условиям Брестского мира Россия отказывалась от прав на Финляндию, Украину, Прибалтику и часть Закавказья.

В марте–апреле Украина была оккупирована Германией. Центральная рада была больше не нужна немецкому командованию, и она была разогнана. 29 апреля 1918 г. было создано правительство гетмана П. Скоропадского, опиравшегося на немецкие войска, аграрные верхи и российские офицерские формирования. На Украине происходили вооруженные выступления, организованные националистами, большевиками, левыми эсерами и анархистами. Это затруднило изъятие продовольствия, хотя и те ресурсы, которые удалось отправить в Германию и Австро–Венгрию, помогли руководству этих государств стабилизировать ситуацию в них до осени.

Оккупация Украины с последующей экспансией германских войск в пределы собственно Российской республики (Ростов–на–Дону и др.) нарушала связи центра России с хлебными районами. Это усугубляло продовольственную проблему и еще сильнее обостряло отношения горожан и крестьянства. Левые эсеры 18 марта вышли из правительства и развернули агитационную кампанию против большевиков в Советах. Капитуляция перед Германией настроила против большевиков миллионы людей независимо от их социального происхождения.

Постепенно разворачивалась интервенция Антанты. В январе–апреле 1918 г. Румыния захватила Бессарабию. В марте 1918 г. британский контингент с согласия советской власти высадился в Мурманске для охраны военного имущества. 2 августа войска Антанты высадились в Архангельске и развернули боевые действия против Советской республики. В 1918-1922 гг. наиболее активное участие в интервенции приняли Великобритания, Франция, США и Япония. Они действовали на севере России, на Украине, в Закавказье, Средней Азии, Сибири и на Дальнем Востоке.

После начала революции в Германии в ноябре 1918 г. Россия денонсировала Брестский мир, и с конца 1918 г. Красная армия развернула наступление в Прибалтике, Белоруссии и на Украине. Надеясь, что развернувшийся после Первой мировой войны мировой революционный подъем вот–вот перерастет в мировую революцию во главе с коммунистами, большевики при любой возможности пытались оказать поддержку, в том числе и военную, очагам социалистических выступлений в Европе и националистическим антиимпериалистическим выступлениям в Азии. В марте 1919 г. из коммунистических партий мира был создан Коммунистический интернационал (Коминтерн). Но в середине 1918 г. большевики все еще не могли справиться с острыми внутренними проблемами.

Гражданская война и «военный коммунизм»

После заключения Брестского мира тяжесть продовольственного снабжения городов и хлебопотребляющих регионов России ложилась на крестьян Поволжья, Северного Кавказа и Сибири.

13 мая 1918 г. был принят декрет «О чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию», известный как Декрет о продовольственной диктатуре. В условиях роста дефицита продовольствия в городах и распада рыночных связей продовольствие отчуждалось у крестьян насильственно по символической цене. Этим занимались продотряды. В июне 1918 г. были созданы комитеты бедноты (комбеды), которые стали опорой политики большевиков на селе. Советы, сопротивлявшиеся этой политике, распускались. Росла социальная напряженность в деревне. Получив землю, крестьяне теряли ее плоды. Падало влияние большевиков и среди рабочих. Они участвовали в движении «уполномоченных», которые организовывали стачки в

Петрограде, Сормово и др. 9 мая в Колпино произошли столкновения со стрельбой между красногвардейцами и рабочими.

В этой ситуации через территорию России эвакуировался во Францию корпус, созданный из бывших военнопленных чехов и словаков. В конце мая местные большевистские власти попытались разоружить чехословацкие части. 25 мая они восстали. К чехословацким солдатам присоединились вооруженные отряды противников советской власти. Поволжье и Урал перешли под власть «Комитета членов Учредительного собрания» (Комуч), возникло автономное Сибирское правительство. Проводился террор против сторонников советской власти. Россия раскололась на несколько частей, началась широкомасштабная (фронтальная) Гражданская война 1918-1920 гг.

7-8 августа 1918 г. под руководством меньшевиков и эсеров началось восстание рабочих в Ижевске. В первые дни были убиты видные местные большевики, но затем контроль над событиями установил Ижевский Совет, который формально отменил смертную казнь, признал власть Комуча и передал власть Прикамскому Комитету членов Учредительного собрания.

В мае развернулось восстание донского казачества, атаманом был избран П. Краснов. На Дон с Кубани из похода вернулась Добровольческая армия, которую после гибели Корнилова при неудачном штурме Екатеринодара 13 апреля возглавил А. Деникин. Отдохнув на Дону, армия снова двинулась на Кубань и 16 августа взяла Екатеринодар. Донская армия Краснова пыталась взять важный центр обороны красных на Волге г. Царицын, но неудачно. После ухода немцев с Украины Краснов был разбит красными. Заняв казачьи районы, большевики начали политику «расказачивания». Казаки были лишены своих старинных привилегий, значительная часть их земли разделялась между окрестными крестьянами и народами Кавказа. Малейшее неповиновение казаков каралось расстрелом. В ответ казаки подняли восстание в тылу красных, что помогло Добровольческой армии прорваться на Дон. 8 января 1919 г. Деникин возглавил Вооруженные силы юга России, в которые вошли и Добровольческая, и Донская армии.

С началом широкомасштабной Гражданской войны в Российской социалистической федеративной советской республике (РСФСР) сформировалась система, получившая позднее название «военный коммунизм». Была национализирована промышленность, торговля заменялась государственным распределением. Важнейшие решения принимались уже не в Советах, а узким кругом руководителей в Совнаркоме и ЦК РКП(б), ас 1919 г. — в еще более узком Политбюро ЦК

РКП(б). Затем эти решения проводились коммунистами через советские структуры, где у них было большинство. V съезд Советов принял 10 июля 1918 г. Конституцию РСФСР, по которой вся власть в стране принадлежала Советам. Верховная власть передавалась съездам Советов, которые формировали ВЦИК и Совнарком. Представительство рабочих и крестьян на съездах было разным. Городские Советы посылали на съезд одного делегата от 25 тыс. избирателей, а губернские — от 125 тыс. Буржуазия лишалась избирательных прав.

Во время V съезда против власти большевиков выступила прежде союзная им ПЛСР. 5 июля 1918 г. левые эсеры убили германского посла В. Мирбаха. ЦК левых эсеров надеялся, что после убийства посла Брестский мир будет сорван и удастся возобновить войну против Германии, которая теперь будет антиимпериалистической. 6 июля большевики арестовали делегацию ПЛСР на V съезде Советов. В Москве развернулись бои. 7 июля конфликт завершился разгромом левых эсеров.

Большевики до начала 1920-х годов «терпели» существование оппозиционных революционных партий на советской территории. Полулегально действовали РСДРП и ПЛСР, время от времени такую возможность получала и ПСР. В Советах были представлены максималисты, готовые сотрудничать с большевиками анархисты, партии, образовавшиеся в результате выхода из ПЛСР сторонников сотрудничества с большевиками — Партия народников–коммунистов, Партия революционного коммунизма. На Украине с большевиками сотрудничали также левые эсеры–боротьбисты и левые социал–демократы («независимые»). Эти два течения в 1919-1920 гг. создали Украинскую коммунистическую партию и Украинскую коммунистическую партию (боротьбистов). В дальнейшем значительная часть членов этих просоветских партий вступила в партию большевиков.

В условиях начавшейся широкомасштабной Гражданской войны и антисоветского террора советская власть стала применять террор против своих реальных и мнимых политических противников. Первой политической казнью по приговору революционного трибунала стал расстрел бывшего командующего Балтийским флотом капитана А. Щастного 22 июня 1918 г.

Радикальные противники большевиков на советской территории перешли к индивидуальному террору. 20 июня был убит комиссар Союза коммун Северной области по делам печати, пропаганды и агитации В. Володарский. Ленин считал, что это удачный повод для массовой расправы с противниками режима: «Тов. Зиновьев! Только сегодня мы услыхали в

ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы… удержали. Протестую решительно!.. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров».

30 августа террористом был убит руководитель Петроградской ЧК М. Урицкий. В тот же день на митинге был ранен Ленин. Виновной в покушении была объявлена эсерка Ф. Каплан. 5 сентября был объявлен красный террор, жертвами которого стали тысячи людей, многие из которых не были уличены в каких–то преступлениях, а просто брались в заложники как «представители буржуазии». Массовый красный террор развернулся в прифронтовой полосе.

Авторитарные тенденции возобладали и на территории, занятой противниками Советской республики. Милитаризация жизни, рост влияния офицерства, усиление правых социально–политических группировок привели к эволюции политической системы вправо. 23 сентября различные антибольшевистские силы России создали в Уфе Директорию во главе с эсером Н. Авксентьевым — либерально–социалистическое коалиционное правительство, подобное Временному правительству 1917 г. Таким образом, была ликвидирована власть Комуча. В ночь на 18 ноября 1918 г. военные свергли и Директорию, передав власть верховному правителю адмиралу А. Колчаку. Его диктатура была поддержана кадетами и Деникиным, который признал Колчака верховным правителем 30 мая 1919 г. Реальная власть на местах принадлежала офицерству. Белый террор был направлен не только против большевиков, но и против более широких слоев, недовольных военной диктатурой.

Сильные группировки белых действовали против Петрограда (с июня 1919 г. под командованием Н. Юденича) и на севере России (с мая 1919 г. под командованием Е. Миллера).

Война «красных» и «белых» проходила на фоне не прекращавшихся выступлений рабочих и крестьян под антиавторитарными лозунгами. Иногда это приводило к образованию устойчивых повстанческих движений, способных длительное время защищать свою территорию. Наиболее крупным из этих образований стал район, контролировавшийся повстанческой бригадой (затем дивизией и армией) под командованием анархиста Н. Махно. Здесь утвердилось самоуправление крестьянских общин, повстанческих отрядов и рабочих коллективов, которое махновцы развивали в форме Советов. Уже в феврале 1919 г. махновские съезды Советов начали открыто критиковать большевистскую диктатуру, хотя белые оставались главным противником. В район не допускались ЧК, здесь

не было продовольственной диктатуры и монополии одной партии на власть. Махно неоднократно вступал в союз с Красной армией, и каждый раз она наносила внезапный удар по непокорному «союзнику». Несмотря на это, махновское движение продолжалось до 1921 г. В марте–апреле 1919 г. Поволжье было охвачено «Чапанным» восстанием, лидеры которого выступали за Советы, но против коммунистов. Восстания поменьше против красных и белых происходили по всей стране.

Парад Красной армии на Красной площади. Народный комиссар по военным делам РСФСР Л. Д. Троцкий принимает парад. Москва, 1918 г. РГАКФД

Значительную роль в борьбе с большевизмом играли также национальные движения, но их задачи были территориально ограниченными. Брестский мир и Гражданская война привели к распаду России как единого государства. Национальные «окраины» России стали жить самостоятельной жизнью, хотя в них и сохранялись силы, стремящиеся к возвращению в единое общероссийское государство. Коммунистические партии признавали право народов на формальную государственность при условии создания советского правительства,

подконтрольного компартии.

Следуя провозглашенному ранее принципу «права наций на самоопределение вплоть до отделения», Советское государство в декабре 1917 г. предоставило независимость Финляндии. В январе 1918 г. власть в стране перешла к левым социалистам, которым помогала Советская Россия. В апреле 1918 г. «красные финны» были разгромлены совместными действиями «белой» финской армии под командованием К. Маннергейма и германских интервентов. В 1919 г. советские войска, в которых сражались и уроженцы Прибалтики, заняли часть Эстонии, Латвии и Литвы. Но с помощью внешней поддержки сторонникам независимости этих государств удалось одержать победу и заключить мирные договоры с Россией в 1920 г.

После эвакуации немецких войск в ноябре–декабре 1918 г. большая часть Украины оказалась под контролем Директории УНР, созданной национальными партиями (лидеры В. Винниченко и С. Петлюра). 17 декабря 1918 г. отряды сторонников УНР — гайдамаков — заняли Киев. В Восточной Галиции образовалась Западноукраинская народная республика, здесь развернулась вооруженная борьба между украинскими и польскими силами. В январе 1919 г. ЗУНР вошла в УНР как автономная часть. С севера на Украину вошла Красная армия. В январе 1919 г. она заняла Харьков, где был создан Совнарком Украинской советской социалистической республики (УССР) во главе с Х. Раковским. К марту 1919 г. почти вся территория восточной, центральной и южной Украины оказалась под контролем Красной армии, в союз с которой на время вошли Н. Махно, Н. Григорьев и другие повстанческие лидеры. Силы Директории продолжали обороняться на западе страны. В 1919 г. Украина стала ареной военной конфронтации между РККА и белой армией А. Деникина. В качестве «третьей силы» в боях участвовали махновцы и петлюровцы. В союзе с последними в мае–июне 1920 г. на Украину было осуществлено вторжение польских войск (в ходе советско–польской войны 1919-1920 гг.). Отразив нападение, Красная армия вторглась в Польшу, дошла до Варшавы, но в августе 1920 г. потерпела поражение. После советско–польской войны Украина и Белоруссия по условиям Рижского мира 18 марта 1921 г. были разделены между советскими республиками (с 1922 г. — СССР) и Польским государством. Попытка коммунистического движения «прощупать штыком» Европу не удалась.

Драматическая борьба развернулась на Кавказе. 11 декабря 1917 г. социал–демократами, эсерами и национальными партиями был создан Закавказский комиссариат во главе с Е. Гегечкори. 23 февраля 1918 г. он созвал Закавказский сейм из депутатов Учредительного собрания,

избранных от Закавказья. Сейм провозгласил Закавказскую федеративную демократическую республику. В условиях германо–турецкого наступления Закавказская республика распалась на Армению, Азербайджан и Грузию, а сейм 26 мая самораспустился. 25 апреля власть в Баку перешла к Бакинскому СНК во главе с лидером коммунистов Закавказья С. Шаумяном. Но в условиях германо–турецкого наступления и английской интервенции эта Бакинская коммуна пала 31 июля. Власть в условиях английской и турецкой оккупации перешла к национальной азербайджанской партии Мусават, лидеры которой еще 27 мая 1918 г. провозгласили независимую республику Азербайджан. Но после победы над «белыми» Красная армия вернулась на Кавказ и 28 апреля 1920 г. вошла в Баку, где была провозглашена Азербайджанская советская социалистическая республика.

Республика Армения образовалась 28 мая 1918 г. Власть перешла к националистической партии дашнаков. В условиях поражения в армяно–турецкой войне (сентябрь–декабрь 1920 г.) и наступления РККА 29 ноября 1920 г. в Армении была установлена советская власть. Восстание дашнаков в феврале–апреле 1921 г. потерпело поражение.

26 мая 1918 г. была провозглашена независимость Грузии. Власть перешла к наиболее авторитетной политической силе страны с начала века — социал–демократам во главе с Н. Жордания. Созданная ими Грузинская демократическая республика была оккупирована германо–турецкими, а затем английскими войсками. После ухода интервентов в 1920 г. активизировалась повстанческая деятельность большевиков. 16 февраля Красная армия вторглась в Грузию и 25 февраля 1921 г. вошла в Тбилиси.

Успехи Красной армии в Закавказье были обеспечены тем, что в каждом регионе значительная часть общества сочувствовала коммунистам, связывая с приходом советской власти решение острых социальных проблем и воссоединение с Россией, прекращение смуты. Часть национальной интеллигенции составила костяк республиканских компартий, сочетая левые идеи с национальными. На Северном Кавказе и в Средней Азии не меньшую роль, чем национальный, играл также исламский фактор.

11 мая 1918 г. возникла Северокавказская республика, опиравшаяся на поддержку Турции. После эвакуации турецких войск из Закавказья республика распалась. Часть населения поддерживала советскую власть, часть продолжала жить по традиционным законам, отбиваясь от «белых» и «красных». Но главным своим врагом горцы считали казаков, «расказачивание» обеспечило советской власти авторитет среди части

горского населения. В июле 1918 г. Терские казаки создали Временное военное правительство казаков и крестьян Терского края во главе с меньшевиком Г. Бичераховым в Моздоке и атаковали большевиков и горцев. Сторонники правительства Бичерахова потерпели поражение, но к Кавказу подошли войска Добровольческой армии Деникина. В июне 1919 г. возникло исламское Северокавказское эмирство шейха Узун–Хаджи со столицей в Ведено, действовавшее против «белых» в союзе с большевиками. В 1920 г. Северный Кавказ был занят РККА, и союзники–исламисты разгромлены. В сентябре 1921 г. было подавлено восстание Саид–Бека, начавшееся в августе 1920 г. В январе 1921 г. была провозглашена Горская советская республика.

После разгрома восстания кыргызов 1916 г. степи Казахстана контролировались уральским казачеством. В Оренбурге утвердилась власть атамана А. Дутова и национальный режим казахской партии «Алаш». В январе 1918 г. большевики взяли Оренбург.

В Ташкенте была провозглашена автономная Туркестанская советская республика; в Коканде 28 ноября 1917 г. — Туркестанская автономия. Бухарское и Хивинское ханства получили независимость. Поражение белого движения позволило РККА занять казахские степи и войти в Среднюю Азию. В 1919 г. большинство лидеров Алаш–орды и башкирского национального движения перешли на сторону советской власти. В 1920 г. РККА вышла в южные районы Туркестана. 2 февраля 1920 г. была взята Хива, 26 апреля провозглашена Хорезмская народная советская республика, 2 сентября взята Бухара, 8 октября 1920 г. провозглашена Бухарская народная советская республика. Но борьба советской власти с повстанцами–басмачами продолжалась до начала 1930-х годов.

На пространстве бывшей Российской империи образовалось несколько советских республик, контролируемых из Москвы через структуры РКП(б).

Победа большевизма в гражданской войне и кризис «военного коммунизма»

Режим «военного коммунизма», существовавший в России в 1918—1921 гг., воспринимался большевиками как переход к коммунизму. Эта политика сосредоточила в руках руководства РКП(б) ресурсы, необходимые для ведения войны. В январе 1919 г. был введен колоссальный продовольственный налог — продразверстка. С его помощью за первый год продовольственной диктатуры и начала продразверстки (до июня 1919 г.) у

крестьян удалось изъять 44,6 млн пудов хлеба, а за второй год (до июня 1920 г.) — 113,9 млн пудов. Напомним, что только за ноябрь 1917 г. еще не разгромленный продовольственный аппарат Временного правительства собрал 33,7 млн пудов. Армия потребляла 60% рыбы и мяса, 40% хлеба, 100% табака. Рабочие и крестьяне голодали.

Из дневника А. В. Жиркевича. 5 января 1919 года

«Яковлев рассказал мне о тех истязаниях, которым подвергают мужиков–чувашей по деревням, вымогая с них контрибуцию. Например: бьют с размаху по голому телу железными шомполами. Между приехавшими к Яковлеву мужиками оказались и подвергшиеся истязаниям. Это так возмутило Яковлева, что он (по словам его) захватил с собой одного из пострадавших, приказал ему все рассказать откровенно. По дороге они встретили сани Измайлова. Яковлев подвел к нему мужика и, рассказав о пытках, воскликнул: «Да разве так можно обращаться с людьми, где же свобода!»

Мужик подтвердил Измайлову, что большевики обращаются так жестоко лишь с жителями чувашских селений, а соседние деревни не трогают из боязни раздражить русское население и встретить там отпор. Яковлев представил мне, в каких выражениях, с какими жестами и интонацией он заявил протест Измайлову. И я им любовался: лицо его покраснело, глаза засверкали, кулаки сжались и в голосе появились властный тон и негодующие ноты. (Ранее, когда заходила речь о насилиях, чинимых большевиками над беззащитными, смирными чувашами, я замечал в нем не раз такое воодушевление, делающее его грозным, своеобразно красивым.) Он уверяет, что Измайлов даже от него отшатнулся в испуге, обещал ему послать куда следует запрос.

Шел разговор о дороговизне в Симбирске. К празднику стоят такие цены: фунт мяса — 8 р., десяток яиц — 20 р., 1 пуд пшеничной муки — 150 р., коробка спичек — 5-7 р., 1 ф. масла — 48 р., бутылка молока — 3 р.

Катя твердо надеется на Бога. Не могу равнодушно видеть, как, идя на базар, она, зажав в руке кошелек, отвешивает перед иконами поклоны, просит Божьей помощи при покупках. Откуда

> у нее берутся силы, физические, конечно?! А силы духа (вера, надежда, любовь) у нее неисчерпаемы… Боюсь, что она ради семьи сжигает себя на медленном огне. И никто ведь не видит ее подвигов, не знает о них!
>
> Яковлев встретил на улице освобожденного из тюрьмы осунувшегося старого Мотовилова, который выразил ему обиду в том смысле, что все его забыли. Это звучит более чем странно со стороны гордого, с «мухой в носу» дворянина, который свысока смотрел на таких выходцев из народа, каким является И. Я., и несмотря на то, что Яковлев бывал у него по делам на дому, не удостаивал его ответным визитом». (Жиркевич А. В. Потревоженные тени… Симбирский дневник / Сост., предисл. и прим. Н. Г. Жиркевич–Подлесских. М., 2007).

Крестьяне пытались выменять хлеб на промтовары у горожан. Таких «мешочников», заполонивших железные дороги, преследовали советские репрессивные органы, стремившиеся пресечь неподконтрольный государству обмен. В 1919-1920 гг. под давлением рабочих и крестьянских выступлений предпринимались попытки смягчить эту систему. Большевистское руководство было вынуждено маневрировать. С одной стороны, необходимо было и по военным, и по идеологическим причинам концентрировать ресурсы в руках диктатуры, с другой стороны — нажим на крестьянство отталкивал его от советской власти. В 1919 г. войска Колчака (в марте–апреле) и Деникина (в сентябре–октябре) опасно приблизились к Москве, а Юденича в октябре — к Петрограду. Но в ходе ожесточенных сражений к концу года основные силы «белых» были разгромлены, несмотря на помощь оружием и снаряжением из–за рубежа, а также прямое военное вмешательство иностранных государств в некоторых районах бывшей Российской империи. Красная армия под общим командованием И. Вацетиса (с 1 сентября 1918 г.) и С. Каменева (с 9 июля 1919 г.) нанесла поражение белым армиям и заняла Украину, юг России и Сибирь. 7 февраля 1920 г. Колчак был расстрелян, 4 апреля Деникин передал командование Врангелю и покинул Россию. Для предотвращения военного столкновения между Россией и Японией в марте 1920 г. было принято решение о создании «буфера» — Дальневосточной республики (ДВР).

Белое движение продолжало войну, но в ноябре 1920 г. Русская армия под командованием П. Врангеля была разгромлена в Крыму. Широкомасштабная гражданская война в европейской части России

завершилась, однако локальные военные конфликты продолжались.

26 мая 1921 г. во Владивостоке произошел переворот, и был создан неподконтрольный ДВР Приамурский земский край, которым руководило правительство С. Меркулова, опиравшееся на белые вооруженные формирования и японские войска. 12 апреля 1922 г. войска ДВР во главе с В. Блюхером одержали победу под Волочаевкой. После вывода японских войск и новых поражений «белые» оставили Владивосток 25 октября 1922 г. Гражданская война на Дальнем Востоке в целом завершилась, хотя отдельные столкновения продолжались и в 1923 г. 15 ноября 1922 г. ДВР была включена в состав РСФСР как Дальневосточная область.

Благодаря своей радикальной решительности и организованности большевизм сумел мобилизовать большие ресурсы (в том числе человеческие), чем разрозненные белые армии. Высокая социальная мобильность позволяла выходцам из низов сделать быструю карьеру, что порождало надежды у более широких слоев и воспринималось как доказательство социальной справедливости, демократизма советского режима. Террор ЧК подавлял публичную критику режима. Радикальные лозунги большевизма дезориентировали другие революционные силы, не сразу определившие, что РКП(б) преследует цели, обратные задачам антиавторитарного крыла Российской революции. Но, даже «поняв», что такое «красные», рабочие, крестьяне и левая интеллигенция в большинстве своем не переставали враждебно относиться к «белым».

Поражение «белых» было предопределено, прежде всего их элитаризмом, социальным реваншизмом, пугавшим массы, и великодержавными лозунгами, мобилизовавшими на борьбу с ними национальные меньшинства России, а также опасениями крестьянства потерять землю в случае победы «генералов». Отбросив демократическую и социально–ориентированную программу социалистов, «белые» в глазах большинства населения не имели существенных преимуществ в сравнении с большевиками. Выступая за «порядок», белые генералы не могли остановить грабежи, практиковали массовые произвольные аресты и казни. В этих условиях «красные» казались значительным массам населения все же «меньшим злом». В то же время большевики восстанавливали государственный порядок и дисциплину, планировали индустриальную модернизацию страны, чем привлекли на свою сторону часть технократически и государственнически настроенной старой элиты, включая офицерство, инженеров и деятелей науки и культуры.

Победа над армиями Деникина, Юденича, Врангеля, Колчака и т. д. лишала смысла состояние «военного коммунизма». Для многих

коммунистов победа над «белыми» означала возможность проведения демократических преобразований в духе идей «отмирания государства». «Рабочая оппозиция» в РКП(б) во главе с А. Шляпниковым и А. Коллонтай в соответствии с программой партии предлагали передать власть съездам производителей, отказавшись от диктата Совнаркома, ЦК и карательных органов. Идея передачи значительных полномочий профсоюзам выдвигалась и внутрипартийной группой «Демократического централизма».

Одновременно Троцкий предложил, «перетряхнув» (почистив) профсоюзы, сделать их государственными органами. Это вызвало протесты профсоюзного руководства. Началась жаркая дискуссия о профсоюзах, которая на деле стала спором о том, каким станет социальное устройство после войны.

В то время, когда фракции обсуждали детали будущей рабочей демократии, в партии усиливалось влияние аппаратчиков, для которых карьера была важнее идеологических споров. На X съезде эти «солдаты партии» поддержали признанного вождя Ленина. Позднее иерархия «освобожденных работников» станет опорой Сталина. С этого времени споры на съездах и в ЦК заканчивались в пользу той позиции, которую поддерживало большинство Политбюро ЦК.

Пока большевики спорили, крестьянская война усилилась. Огнем восстаний были охвачены Украина, Тамбовщина, Сибирь, Северный Кавказ и другие регионы. Восставшие выдвигали требования прекращения продразверстки, свободы торговли, ликвидации большевистской диктатуры. Кульминацией этой фазы революции стали рабочие волнения в Петрограде и Кронштадтское восстание моряков 28 февраля — 18 марта 1921 г., которое выступило за перевыборы Советов со свободой агитации левых партий, прекращение коммунистических репрессий и «полное право действия крестьянам над всею землею так, как им желательно».

Эти требования, не посягая на идею Советов, грозили подорвать монополию большевиков на власть. Ленин считал эти события самым большим внутренним политическим кризисом Советской России. В таких условиях коммунисты закрепили свое отрицание плюрализма — X съезд РКП(б) в марте 1921 г. принял решение о запрещении в партии фракций и группировок. Усилились репрессии против оппозиционных партий, которые в результате в 1922-1925 гг. прекратили легальное существование. Одновременно произошла вспышка гонений против Российской православной церкви и высылка инакомыслящих представителей интеллигенции на так называемых «философских пароходах». Всего в

эмиграции оказалось около 2 млн жителей бывшей Российской империи. Здесь были и солдаты белых армий, и противники большевизма от монархистов до анархистов, и просто люди, бежавшие от бедствий Гражданской войны и разрухи. Несмотря на тяжелые условия жизни большинства эмигрантов, они создали «вторую Россию», продолжившую культурную и политическую традицию начала века.

Несмотря на то что Кронштадтское восстание было подавлено, крестьянская война продолжалась, и сохранять «военный коммунизм» было далее нельзя. Это было чревато полной катастрофой режима и экономики. Летом 1921 г. разразился голод в Поволжье. Разрастались начавшиеся еще во время Гражданской войны эпидемии. X съезд РКП(б) принял решение об отмене продовольственной разверстки, положив начало серии мер, известных как новая экономическая политика (НЭП). Первый рывок «к коммунизму» завершился. Это привело к постепенному оттоку крестьян из повстанческих движений, которые во второй половине 1921 г. были в основном подавлены.

К 1922 г. определилась победа коммунистов (большевиков) в Российской революции. Но итоги революции были обусловлены не только их политикой, но и сопротивлением широких народных масс «военному коммунизму». Большевикам пришлось пойти на уступки крестьянскому большинству страны, но они носили исключительно экономический характер. Вся полнота политической власти и «командные высоты» экономики оставались в руках руководства РКП(б), что давало ему возможность в любое время возобновить политику, близкую к «военному коммунизму». Лидеры большевизма рассматривали НЭП в качестве кратковременного отступления, передышки.

Несмотря на неустойчивость и временность системы НЭПа, он закрепил важнейший социально–экономический итог революции — крестьянство получило землю в полное распоряжение, что в 1922 г. было закреплено советским законодательством. Была создана относительно устойчивая социально–экономическая модель, ориентированная на дальнейшую индустриальную модернизацию. Политический режим обеспечивал высокую вертикальную мобильность.

Итоги революции должны были быть оформлены в новые государственные формы. 1 июня 1919 г. РСФСР, Украинская ССР, Литовско–Белорусская ССР, Латвийская ССР заключили военно–политический союз, объединявший их армии, ведомства и экономические системы. Однако отношения между республиками не были ясно оформлены. Не ясен был и их внешнеполитический статус. Необходимо

было создать единую систему государственной власти на месте различных формально независимых советских республик. Обсуждались разные формы их объединения — от конфедерации до создания единого унитарного советского государства. Этот вопрос не был по–настоящему принципиальным, так как реальная власть принадлежала партии, а она была централизованной. И. Сталин предложил план «автономизации», в соответствии с которым союзные большевистские государства (Белоруссия, Украина, Закавказье) должны были войти в Россию на правах автономных республик. Этот план мог вызвать недовольство населения национальных республик, так как их снова включали в Россию — в прошлом Российскую империю. Это означало, что в таком образовании русские снова могли получить привилегии по сравнению с другими народами, могли возникнуть трудности в развитии их культур.

Ленин решил, что для предотвращения роста националистических настроений коммунистической власти необходимо сохранить союз советских республик. Россия должна была войти в этот союз на общих основаниях. Коммунисты не сомневались, что в будущем произойдет мировая революция, и в Советский Союз войдут новые республики — Германия, Франция, Америка. Их было бы невозможно включать в состав России на правах автономий. Точка зрения Ленина возобладала, и 30 декабря 1922 г. образовалось единое федеративное государство — Союз Советских Социалистических республик (СССР). Первоначально в него вошли Российская Советская Федеративная Социалистическая республика (РСФСР), Закавказская Советская Федеративная Социалистическая республика (ЗСФСР), Украинская и Белорусская Советские Социалистические республики (УССР и БССР). Договор об образовании СССР предусматривал создание объединенного Центрального исполнительного комитета Советов СССР, который формально стал высшим органом власти в периоды между съездами советов СССР. Он формировал Совнарком СССР (в действительности его состав определялся Политбюро ЦК РКП(б)).

С образованием СССР были закреплены права народов на развитие своей культуры постольку, поскольку это не мешает решать другие задачи коммунистического режима. В связи с тем, что основные задачи революции получили то или иное решение, можно говорить о завершении Великой Российской революции к 30 декабря 1922 г., когда началась история нового государства — СССР.

Новая экономическая политика

В марте 1921 г. X съезд РКП(б) по предложению Ленина провозгласил переход от продовольственной разверстки к фиксированному продовольственному налогу. Новая модель «смычки» с крестьянством стимулировала сельскохозяйственное производство, так как «излишки» продовольствия оставались в руках крестьян и могли продаваться. Это решение стало началом НЭПа — экономического курса, проводившегося в 1921-1929 гг. Он сочетал рыночно–налоговые методы взаимоотношений государства с частными производителями (прежде всего с крестьянством) и административное управление промышленностью.

НЭП стал первой системой государственного регулирования индустриально–аграрной экономики в условиях мирного времени (до этого такое регулирование в Европе вводилось только в условиях войны).

Были разрешены свободная торговля, частное предпринимательство. В частные руки перешел ряд предприятий легкой и пищевой промышленности, большая часть торговли. В то же время государство продолжало удерживать «ключевые высоты» экономики — тяжелую промышленность и транспорт. Но и государственные предприятия переходили на рыночные отношения. Они объединялись в самоокупаемые тресты, которые должны были реализовывать свою продукцию на рынке. В реальности сохранялось командное управление трестами, их убытки компенсировались дотациями. Одновременно расцвела коррупция.

В городе частные предприятия действовали преимущественно в легкой промышленности, где трудились 11% рабочих и производилось 45% товаров. Эффективность частного бизнеса снижалась из–за больших налогов, которые выдавливали его в сферу торговли. Внешние формы «буржуазности» стали «визитной карточкой» НЭПа. Снова стали работать дорогие рестораны, на улицах появились модно одетые люди, звучала легкая музыка. Разбогатевшие люди — «нэпманы» могли более открыто использовать свои богатства. Сторонники прежнего эгалитаризма смотрели на них с ненавистью.

После первых успехов НЭПа обнаружились первые трудности. Кризис сбыта 1923-1924 г. показал, что руководство государственной собственностью и регулирование хозяйства были неустойчивыми.

В 1924 г. была введена твердая валюта (обесценившиеся старые деньги отменили); продналог теперь приобрел денежную форму. Заготовка хлеба в 1924 г. прошла относительно успешно — план был выполнен на 86%.

Кризис затоваривания удалось преодолеть. Стабилизировались цены на хлеб. Реформы 1925 г. облегчили аренду земли, разрешили ограниченное применение наемного труда на селе.

Росло число союзных республик СССР. Из территории РСФСР были выделены несколько автономных республик, некоторые из них потом были преобразованы в союзные республики. В 1936 г. ЗСФСР была разделена на Азербайджанскую, Армянскую и Грузинскую ССР. Большая часть Средней Азии вошла в Туркестанскую АССР. Сохранялись Хорезмская и Бухарская народные советские республики, формально находившиеся в союзных отношениях с РСФСР. К северу от Туркестана располагалась Киргизская (с 1925 г. — Казакская) АССР. В 1924-1925 гг. было проведено национально–государственное размежевание, по которому на месте Туркестанской АССР, Бухарской и Хорезмской республик были образованы Узбекская и Туркменская ССР, Кара–Киргизская автономная область (АО) в составе РСФСР (с 1926 г. — Киргизская АССР, с 1936 — ССР), Таджикская АССР в составе Узбекской АССР (с 1929 г. — союзная республика). В 1936 г. Казакская АССР стала Казахской ССР. В 1936 г. Каракалпакская АССР (преобразована из АО в 1932 г.) была передана Узбекистану.

При проведении территориальных размежеваний центр руководствовался экономическими соображениями и рекомендациями наиболее влиятельных партийных национальных групп. Советская политика в этот период предполагала национальную консолидацию в рамках республик — расширение сферы действия языка «титульной» нации и привлечение национальных кадров в руководство. Эта политика получила название «коренизация» (например, украинизация в УССР).

В январе 1924 г. была принята Конституция СССР, соответствовавшая положениям декларации и договора об образовании СССР. По ней союзные республики имели формальное право выхода из СССР. Конституция 1924 г. сохраняла принципы, заложенные в Конституции РСФСР 1918 г.

Проявившиеся в 1922 г. разногласия по поводу создания СССР стали частью более острых разногласий в партии, в центре которых оказался Ленин. Бюрократизация партии вызывала его беспокойство. Он чувствовал, что управление страной постепенно ускользает из рук вождей революции. Узкий слой революционеров постепенно срастался с бюрократией.

В мае 1922 г. Ленин тяжело заболел. Реальная власть перешла к коллективному руководству членов Политбюро РКП(б) — Л. Троцкого, Л. Каменева. Г. Зиновьева, И. Сталина, Н. Бухарина, А. Рыкова и других.

Партийная иерархия (номенклатура) стала стержнем бюрократической системы. Ключевым организатором бюрократии стал избранный 3 апреля

1922 г. на только что учрежденный пост Генерального секретаря ЦК РКП(б) И. Сталин. Его поддерживали председатель Совета труда и обороны Л. Каменев и председатель Петросовета и исполкома Коминтерна Г. Зиновьев. Пользуясь болезнью Ленина, «триумвират» Сталина, Каменева и Зиновьева постепенно концентрировал власть в своих руках. Опасность бюрократизма персонифицировалась в глазах Ленина в Сталине, который прежде всегда подчинялся Ленину, а теперь стал проявлять большую самостоятельность.

Ленин нанес удар по Сталину там, где генеральный секретарь считался специалистом — в национальном вопросе. Сначала Ленин подверг критике сталинский план «автономизации», а затем развернул атаку на Сталина по поводу «грузинского дела» — конфликта грузинских руководителей и первого секретаря Закавказского крайкома Г. Орджоникидзе. Комиссия ЦК во главе со Сталиным и Дзержинским поддержала Орджоникидзе и осудила «национал–уклонистов». Узнав об этих событиях, Ленин написал статью «К вопросу о национальностях или об “автономизации”», в которой подверг Сталина, Дзержинского и Орджоникидзе резкой критике за великорусский шовинизм и бюрократизм.

«К вопросу о национальностях» стала одной из статей Ленина, которые позднее получили название его «завещания». В нем умирающий вождь пытается нащупать выход из того положения, когда аппарат «в сущности унаследован от старого режима» «и только чуть–чуть подмазан советским миром». А ведь этот аппарат власти — господствующий в стране.

Ленин выступил за культурную революцию, способную преодолеть культурную отсталость населения и его беспомощность перед бюрократией, и за сочетание личного и общественного интереса в самоуправляющемся коллективе (кооперативе). Столкнувшись с «запаздыванием» мировой революции, Ленин заявил, что в стране есть все необходимое для построения социализма.

В письме к XII съезду партии Ленин критически охарактеризовал лидеров ЦК. При этом он отметил: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». Ленин предложил заменить Сталина на посту Генерального секретаря. Но новый приступ болезни вывел Ленина из политической жизни.

21 января 1924 г. Ленин умер. Его тело было помещено в мавзолей. Был объявлен ленинский призыв в партию. С нарушением обычных правил приема в нее набирались сотни тысяч новых членов. Люди, политически неопытные, мечтающие об административной карьере, которой помогал

партбилет, новобранцы становились опорой большинства Политбюро ЦК РКП(б). Они не стремились вникать в суть партийных дискуссий.

В период НЭПа в СССР существовала авторитарная государственно–политическая система. Оставаясь единственной легальной политической организацией, партия большевиков оказывалась в центре воздействий со стороны различных социальных сил. Это приводило к развитию фракционности и подрывало монолитность партии — основу ее власти.

Еще при жизни Ленина начался конфликт «триумвирата» и Л. Троцкого. В октябре 1923 г. сторонники Троцкого обвинили Политбюро в нарушении внутрипартийной демократии. Была объявлена дискуссия о демократии, в которой Политбюро одержало победу, так как ее поддержало большинство большевистской бюрократии, опасавшейся стремления Троцкого «обновить» кадры.

Осенью 1924 г. был опубликован очередной том сочинений Троцкого, относящихся к 1917 г. В предисловии организатор Октябрьского переворота напомнил о том, что Каменев и Зиновьев были против свержения Временного правительства. Это было тяжкое, но чисто личное обвинение, и в ответ оно вызвало не менее личные обвинения Троцкого в том, что до 1917 г. он был меньшевиком. В развернувшейся «литературной дискуссии» Троцкий и Зиновьев взаимно ослабили авторитет друг друга.

Активно боролся против Троцкого и «теоретик партии» Бухарин, который считал, что троцкистские планы наступления на кулака несут угрозу эволюционному движению к социализму.

В начале 1925 г. Зиновьев и Каменев также пришли к выводу, что продналог не дает достаточных средств для индустриализации и заявили о необходимости усилить нажим на крестьянство. Сталин и его окружение рассчитывали на эволюционные планы накопления ресурсов для индустриализации, которые отстаивали Н. Бухарин, А. Рыков и их сторонники, а также работавшие в государственных органах специалисты, еще недавно занимавшие видное место в социалистических партиях (В. Громан, Н. Кондратьев и др.). Нейтралитет Троцкого, который еще не успел примириться с идейно близкими Зиновьевым и Каменевым, привел к изоляции этой «Новой оппозиции», преимущественно в Ленинградской партийной организации, и к ее поражению на XIV съезде РКП(б) 18-31 декабря 1925 г. На этом съезде партия была переименована во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков) — ВКП(б).

Ленинградская парторганизация подверглась чистке, вожди оппозиционеров постепенно снимались с ключевых государственных постов, оставаясь пока в ЦК. Между тем Троцкий, Зиновьев и Каменев

нашли общий язык на основе критики текущей политики. Возникла «объединенная» (левая) оппозиция в ВКП(б), которую не устраивал отказ от курса на мировую революцию, так как отечественная промышленность за счет внутренних резервов развивалась недостаточно быстро, перспектива построения социализма в одной стране казалась сомнительной. По тем же причинам оппозиционеры считали необходимым усилить нажим на крестьянство и прежде всего кулаков, чтобы получить средства на индустриализацию. Вожди оппозиции, привыкшие чувствовать себя хозяевами партийно–государственного аппарата, никак не могли свыкнуться с положением, когда аппарат стал хозяином партии. Оппозиция выступала за широкую внутрипартийную демократию, но не за демократию в стране. В этом смысле бюрократию гораздо больше устраивал уравновешенный и осторожный Сталин. Отсутствие возможности публично отстаивать свои взгляды (печать контролировалась партийным руководством) ставило оппозицию под удар клеветы — ее требования в ответах Бухарина и его сторонников доводились до абсурда.

Но и объективно крестьянское большинство страны поддерживало умеренную новую экономическую политику, расширение рыночных отношений на селе, происходившее в 1925-1926 гг. НЭП позволил восстановить довоенный уровень промышленного производства. Осуществлялся план электрификации России ГОЭЛРО, принятый в 1921 г. Но НЭП не давал достаточных средств для преодоления технологического отставания от ведущих капиталистических стран. Сохранение такого отставания делало СССР экономической периферией капитализма, что было неприемлемо для коммунистов.

В условиях стабилизации капитализма СССР и фактически подчиненный советскому руководству Коминтерн стали более осторожными в помощи революционным движениям в Европе. 16 апреля 1922 г. в Рапалло был заключен договор, урегулировавший советско–германские отношения. Между двумя «изгоями» Версальской системы развернулось экономическое и военное сотрудничество. В 1924 г. западные государства начинают одно за другим признавать СССР. В то же время СССР и Коминтерн активизировали революционную работу в Азии, поддерживали советниками и оружием китайскую партию Гоминьдан. В 1925 г. в Китае вспыхнула революция. С благословения Коминтерна коммунисты вступили в Гоминьдан, надеясь взять под контроль Китайскую республику. Левая оппозиция в ВКП(б) критиковала эту политику союза с китайской «буржуазией».

В 1927 г. лидер Гоминьдана Чан Кайши разорвал союз с коммунистами

и разгромил их. Это означало крупный провал политики Коминтерна, о возможности которого предупреждала левая оппозиция. Разоблачая международную политику Сталина и Бухарина, оппозиционеры грозили партии внешним вторжением, на которое империализм якобы решился после победы над китайской революцией. А внутри СССР НЭП привел, по мнению оппозиционеров, от революции к «термидору».

Левая оппозиция организовала множество полулегальных собраний, через которые проходили тысячи членов партии и беспартийных, что угрожало основам большевистского режима.

В октябре 1927 г. Троцкому и Зиновьеву удалось оказаться на официальной трибуне в Ленинграде. Увидев опальных вождей революции, толпа ринулась к ним, выкрикивая имена Троцкого и Зиновьева. Ободренные оппозиционеры решили организованно выступить на демонстрации 7 ноября 1927 г. в Москве. Выдвижение оппозиционных лозунгов на юбилейной демонстрации привело к физическому избиению оппозиционеров, аресту многих из них. XV съезд ВКП(б) в декабре 1927 г. исключил лидеров левой оппозиции из партии. Но жизнь во многом подтверждала правоту их аргументов — НЭП вступил в полосу кризиса.

Кризис новой экономической политики

Заготовительная кампания 1926 г. кончилась неудачей. Крестьяне не желали расставаться с хлебом, не имея возможности приобрести в достаточном количестве и качестве необходимые им промышленные товары. Прирост промышленной продукции в 1926-1927 гг. на 18% считался недостаточным, но на большее не было ресурсов. В 1927 г. в столицах впервые за несколько лет появились хлебные очереди.

Вскоре после окончания XV съезда, осудившего «троцкизм» и фракционность, в Политбюро вновь разгорелась внутренняя борьба. Очередная неудача хлебозаготовок убедила Сталина и его сторонников в том, что модель НЭПа, оправдавшая себя в короткий период 1924-1925 гг., не в состоянии дать неповоротливой индустриально–бюрократической машине достаточно средств, чтобы построить современную индустрию. Для снабжения городов и индустриального рывка нужен был хлеб, и Сталин решил взять его опробованными несколько лет назад военно–коммунистическими методами. Его поддержало большинство Политбюро ЦК ВКП(б).

«Чрезвычайные меры» дали хлеб в 1928 г., но отбили у крестьян

желание производить его «излишки». Производство продовольствия упало.

Кризис нэп вызвал острый конфликт в руководстве ВКП(б), который первое время развивался подспудно. Главный редактор «Правды» Н. Бухарин, председатель СНК А. Рыков и руководитель профсоюзов М. Томский критиковали возвращение к методам «военного коммунизма». Однако этот «правый уклон» не вылился, в отличие от левой оппозиции, в публичный вызов Сталину и его политике.

Конфликт фракций Сталина и Бухарина был основан на расхождении стратегий модернизации. Сталин решил превратить крестьян из самостоятельных хозяев в работников крупных «коллективных хозяйств» («колхозов»), подчиненных государству. Официально планы ускоренной коллективизации обосновывались необходимостью повышения производительности сельскохозяйственного труда путем внедрения машин, прежде всего тракторов. Но в России еще не было заводов по их серийному производству. Колхозы были нужны коммунистической партии, чтобы управлять крестьянством и таким образом получить продовольствие для обеспечения «строек пятилетки», для продажи на внешнем рынке, чтобы на полученные средства приобрести современные технологии. Так формировался план ускоренной индустриализации (строительства современной промышленности) и коллективизации (объединения крестьянских хозяйств в колхозы).

В сентябре 1928 г. ВСНХ опубликовал план индустриального развития на пять лет (этот срок был назван «пятилеткой»). Основные затраты направлялись на развитие тяжелой промышленности. Бухарин выступил со статьей «Заметки экономиста», в которой критиковал под видом троцкизма политику форсированной индустриализации и защищал легкую промышленность, которая быстрее дает прибыль. Однако Бухарин не смог предложить реалистичный план выхода из кризиса, в котором оказалась социально–экономическая система НЭПа.

В конце 1928 — начале 1929 г. правые коммунисты проиграли аппаратную борьбу Сталину. Об этих противоречиях публично не сообщалось. В апреле 1929 г. на пленуме ЦК после острой полемики правый уклон был осужден. В августе 1929 г. началась уже открытая травля Бухарина «и его школы». Шельмуемые в прессе бухаринцы уже не могли ответить своим противникам публично. В ноябре 1929 г. лидеры «правых» признали ошибочность своих взглядов. В том же году Зиновьев, Каменев и некоторые другие лидеры «левой оппозиции» покаялись в своих заблуждениях и были восстановлены в партии, назначены на второстепенные посты. Они считали, что Сталин во многом воспринял их

идеи. Отказавшийся «капитулировать перед партией» Троцкий был 10 февраля 1929 г. выслан из страны. В августе 1929 г. в СССР была введена карточная система, рыночная экономика сворачивалась. В июне 1929 г. принудительная продажа «излишков» крестьянами государству стала обязательной.

Несмотря на то что модель НЭПа была неустойчива, ее опыт учитывался при переходе в 1930-е годы к государственному регулированию экономики развитых индустриальных стран.

Становление советской культуры

Революция породила в обществе огромный энтузиазм и творческую энергию. Широкие народные массы стремились приобщиться не только к политической жизни, но и к культуре, творчеству. У представителей творческой интеллигенции это вызвало противоречивые чувства. Для одних это было покушением на элитарность, высокое качество культуры, вторжение «хама» (выражаясь словами Д. Мережковского), грубой толпы, которая не должна диктовать творцу свои правила. Другие литераторы и художники приветствовали тягу трудящихся к новой культуре, готовы были поставить свое творчество на службу революции.

Революцию поддержали такие видные представители интеллигенции, как поэты В. Маяковский и А. Блок, режиссеры Е. Вахтангов и В. Мейерхольд. В то же время в годы Гражданской войны и вскоре после нее Россию покинули такие крупные российские писатели и поэты, как А. Аверченко, К. Бальмонт, И. Бунин, З. Гиппиус, Д. Мережковский, А. Куприн, М. Цветаева, А. Толстой, композиторы и музыканты С. Прокофьев, С. Рахманинов, И. Стравинский, певец Ф. Шаляпин и многие другие выдающиеся деятели русской культуры. Одни видели в революции катастрофу, другие бежали от неустроенности жизни.

В ноябре 1917 г. была создана Государственная комиссия по просвещению, которая должна была помочь развитию революционной культуры, основанной на коммунистических («пролетарских») принципах.

Большевики стремились обеспечить доступ к культурным ценностям для широких народных масс. Но новой культуры пока не существовало. Ленин считал, что она должна не отрицать прежнюю «буржуазную» культуру полностью, а развивать ее достижения. Ленин утверждал, что настоящим коммунистом может стать лишь тот, кто усвоил всю ту сумму знаний, которую «выработало человечество». Для начала государство

должно было ликвидировать неграмотность и обеспечить создание новой «пролетарской» интеллигенции. А пока новая интеллигенция не сформировалась, пришлось привлекать на сторону революции и старую интеллигенцию, ведь без ее знаний нельзя было добиться развития экономики, здравоохранения, просвещения и т. д. Важной задачей считалась борьба с религией и победа над ней научного мировоззрения. В 1917-1918 гг. были национализированы и сделаны более доступными для народных масс Эрмитаж, Русский музей, Третьяковская галерея и многие другие музеи. Были национализированы также частные коллекции, театры и кинематограф.

Большевики стремились привлечь к сотрудничеству ученых. Уже в апреле 1918 г. было принято постановление СНК «О привлечении Академии наук к решению народнохозяйственных задач». В качестве первостепенной задачи в нем называлось «разрешение проблем равномерного распределения в стране промышленности и наиболее рациональное использование ее хозяйственных сил».

В 1918 г. была создана «Социалистическая академия общественных наук» (с 1924 г. — Коммунистическая академия) во главе с историком–марксистом М. Покровским, которая развернула широкую пропаганду марксизма и распространение марксистской методологии на все сферы социальных и исторических исследований.

Новую «пролетарскую» культуру попытались создать члены литературно–художественной и культурно–просветительной организации «Пролетарская культура» (Пролеткульт). Он возник накануне Октябрьской революции на I Петроградской конференции пролетарских культурно–просветительных организаций в октябре 1917 г. Сначала пролеткультовцы признавали, что пролетариат должен овладеть всем культурным достоянием прошлого. Но теоретики Пролеткульта — А. Богданов и другие считали, что любое произведение искусства отражает мировоззрение определенного класса и поэтому несет опасность для другого. Следовательно, пролетариату требуется создавать собственную культуру.

Пролеткульт стремился вовлечь пролетарские массы в процесс непосредственного коллективного культурного творчества (вплоть до создания коллективных произведений). Местные организации Пролеткульта были местом, где рабочая молодежь осваивала навыки творчества. Сначала Пролеткульт получил поддержку большевиков и финансами, и помещениями для студий и театров. В Пролеткульте участвовали несколько сот тысяч человек.

Однако Пролеткульт так и не стал официальным выразителем позиции

большевиков в области культуры. Классическая литература стала печататься миллионными тиражами. РКП(б) подчеркивала, что коммунистические идеалы соответствуют гуманизму русской классической культуры.

Одной из задач социальных преобразований большевики считали ликвидацию неграмотности. Накануне 1917 г. только 27% населения страны умело читать и писать. Неграмотные люди не могли бы строить новое современное индустриальное общество. 26 декабря 1919 г. был принят декрет СНК «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», сокращенно — ликбез. Все население от 8 до 50 лет в обязательном порядке должно было обучаться грамоте. Для обучающихся устанавливался сокращенный рабочий день с сохранением заработной платы, курсам и кружкам ликбеза предоставлялись помещения для занятий, началось строительство новых школ. В 1920 г. была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности. В результате в течение 1917-1920 гг. грамотой овладели около 7 млн человек. Конечно, ликбез давал только самые начальные познания, но он стал важным импульсом для дальнейшего образования населения.

В сентябре 1918 г. было принято «Положение о единой трудовой школе РСФСР». В революционной школе отменялись экзамены, задания на дом, ученическая форма. Слово «учитель» отменялось, он становился школьным работником («шкрабом»). Управление школой передавалось в руки «школьного коллектива», куда входили все ученики и школьные работники — от учителя до сторожа.

Упразднялась плата за обучение. При институтах и университетах создавались рабочие факультеты (рабфаки), на которых малообразованные рабочие и крестьяне готовились к поступлению в вузы по укороченной программе. Так формировалась новая интеллигенция, не связанная с элитарной культурой дореволюционных господствующих классов.

12 апреля 1918 г. Совет народных комиссаров принял декрет «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей, и выработке проектов памятников Российской социалистической революции». Первым новым памятником стал памятник А. Радищеву в Петрограде. Была принята целая программа «монументальной пропаганды»: в Москве, Петрограде и других городах возводилось множество памятников из дешевых недолговечных материалов, которые использовались как средство пропаганды нового строя. Закладка и открытие памятников проводились в торжественной обстановке, с митингами. Агитаторы разъясняли, какому революционеру воздвигнут памятник и что хорошего этот человек сделал для народа.

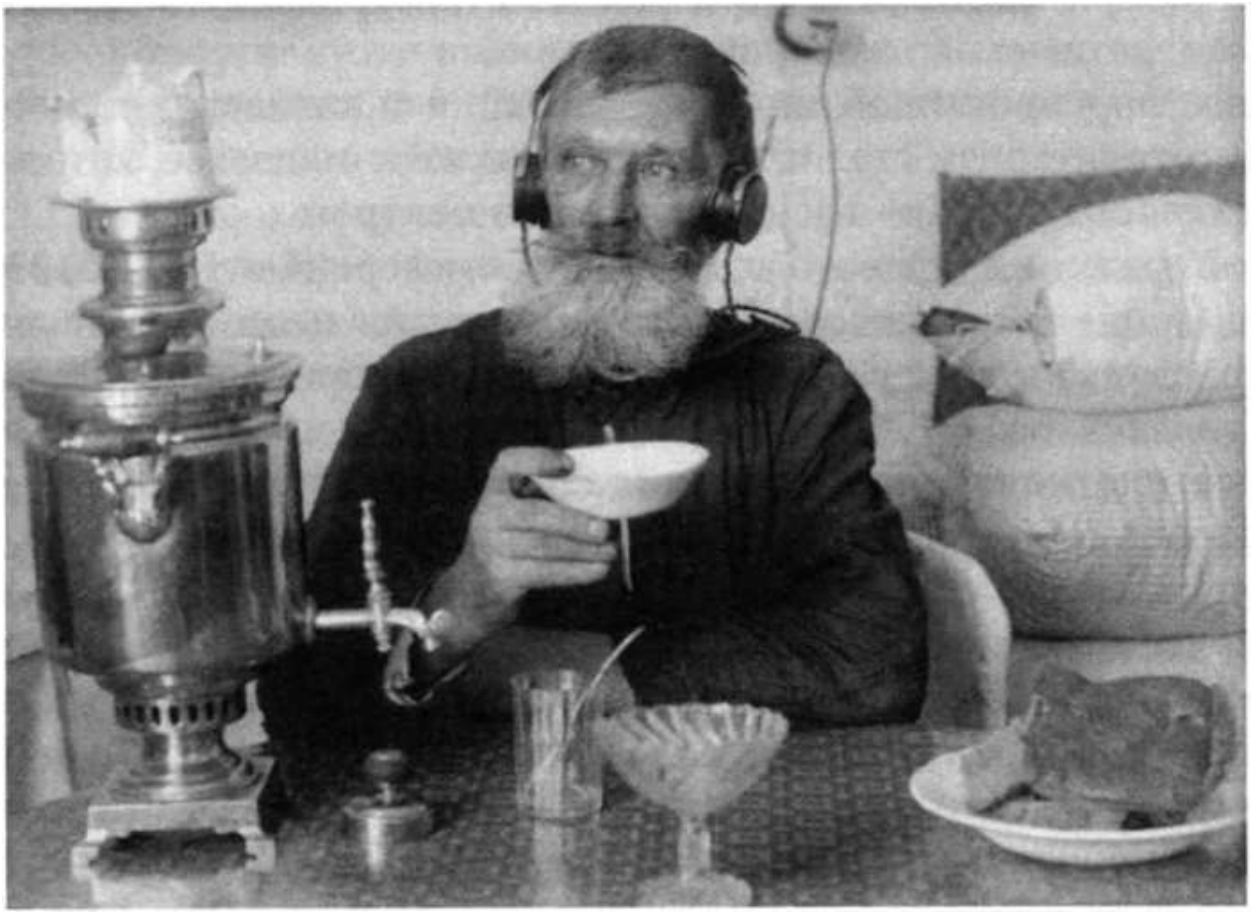
Большое распространение получили революционные плакаты. В условиях, когда большая часть населения была неграмотна и малограмотна, плакаты оказались удачным средством агитации. Образы плакатов были яркими и доходчивыми. Плакатами оклеивались здания городов и сел, витрины магазинов, дома, заборы, вагоны агитационных поездов и борта пароходов. Такие плакаты, как «Ты записался добровольцем?» Д. Моора, вошли в золотой фонд советского искусства. Поэт Маяковский работал и как художник в «Окнах РОСТА» (телеграфного агентства), изображая новости в виде наглядных картинок. В дальнейшем укреплению позиций коммунистической идеологии способствовало распространение радио и кино.

Во время Гражданской войны появилось множество новых театров, где актеры и режиссеры опробовали новые средства актерского искусства. «Театр революции» проводил на улицах массовые представления с участием зрителей, например «Взятие Зимнего дворца».

Появились игровые агитационные фильмы: «О попе Панкрате, тетке Домне и явленной иконе в Коломне» (режиссер Н. Преображенский, по басне Д. Бедного), «Уплотнение» (режиссер А. Пантелеев), «Восстание» (режиссер А. Разумный). После завершения войны советский кинематограф добился новых успехов. Классикой мирового кинематографа стал фильм С. Эйзенштейна «Броненосец Потемкин» (1925 г.).

Эта работа революционной интеллигенции способствовала росту поддержки коммунистического режима, энтузиазма людей, приобщению населения к культурной жизни.

Борьбу за преобладание коммунистической идеологии в литературе в 1920-е годы вела Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП) — организация, видевшая задачи культуры в обслуживании непосредственных интересов социалистического строительства. Но РАПП приходилось вести ожесточенную борьбу с другими группировками, также лояльными советской власти, но претендовавшими на самостоятельный поиск форм творчества (ЛЕФ, «Серапионовы братья» и др.).



Рабочий спичечной фабрики «Сибирь» слушает радио. Томск, 1929 г. РГАКФД

В то же время в 1920-е годы из эмиграции начинают возвращаться некоторые видные деятели культуры (например, писатели А. Толстой и А. (Максим) Горький). Не пролетарским, а крестьянским поэтом, «попутчиком» коммунистов считался поэт С. Есенин, пользовавшийся огромной популярностью. Происходил синтез культурных традиций народов СССР и коммунистического идейного проекта.

Советское государство стремилось поставить интеллигенцию на службу промышленной модернизации и коммунистической агитации. Но коммунисты не доверяли старым специалистам («спецам»), которые во время революции поддерживали другие партии и теперь не во всем соглашались с ними. Государство нуждалось в их знаниях и вынуждено было терпеть «спецов» на важных постах, но надеялось как можно скорее создать новую молодую коммунистическую интеллигенцию.

Выступая перед представителями интеллигенции, Н. Бухарин заявил: «Мы будем штамповать интеллигентов, будем формировать их, как на фабрике». Однако это была нелегкая задача. Интеллигенция стремилась к

свободе творчества, даже сторонники нового строя продолжали вдохновляться революционным романтизмом и не желали проходить революционную «штамповку».

Первая пятилетка

После разгрома «правого уклона» Сталин стал безусловным лидером партии. С разгромом оппозиций и уклонов, прекращением дискуссий партийно–государственный аппарат становился тоталитарной структурой. В условиях форсированной индустриализации и коллективизации, а затем и террора тоталитаризм стал преобладать также в обществе, которое все более управлялось партийно–государственным центром.

После поражения «правого уклона» XVI конференция ВКП(б) 23-29 апреля 1929 г. приняла напряженный «оптимальный» план Первой пятилетки, который предусматривал резкий рост вложений в промышленность (он противопоставлялся более скромному «отправному» плану). Если за предыдущее десятилетие капиталовложения составили 26,5 млрд руб., то теперь планировалось 64,6 млрд, при этом вложения в промышленность повышались значительно быстрее — с 4,4 млрд до 16,4 млрд руб. 78% вложений в промышленность направлялись на производство средств производства, а не потребительской продукции. Это означало изъятие огромных средств из хозяйства, которые могли дать отдачу только через несколько лет. Промышленная продукция должна была вырасти за пятилетку на 180%, а производство средств производства — на 230%.

Однако план пятилетки, разработанный на пределах возможностей советской экономики, находился под угрозой срыва в условиях меняющейся международной конъюнктуры из–за начавшегося мирового экономического кризиса. В условиях падения цен на сырье Сталин решил действовать быстрее и решительнее, форсировать индустриальный скачок.

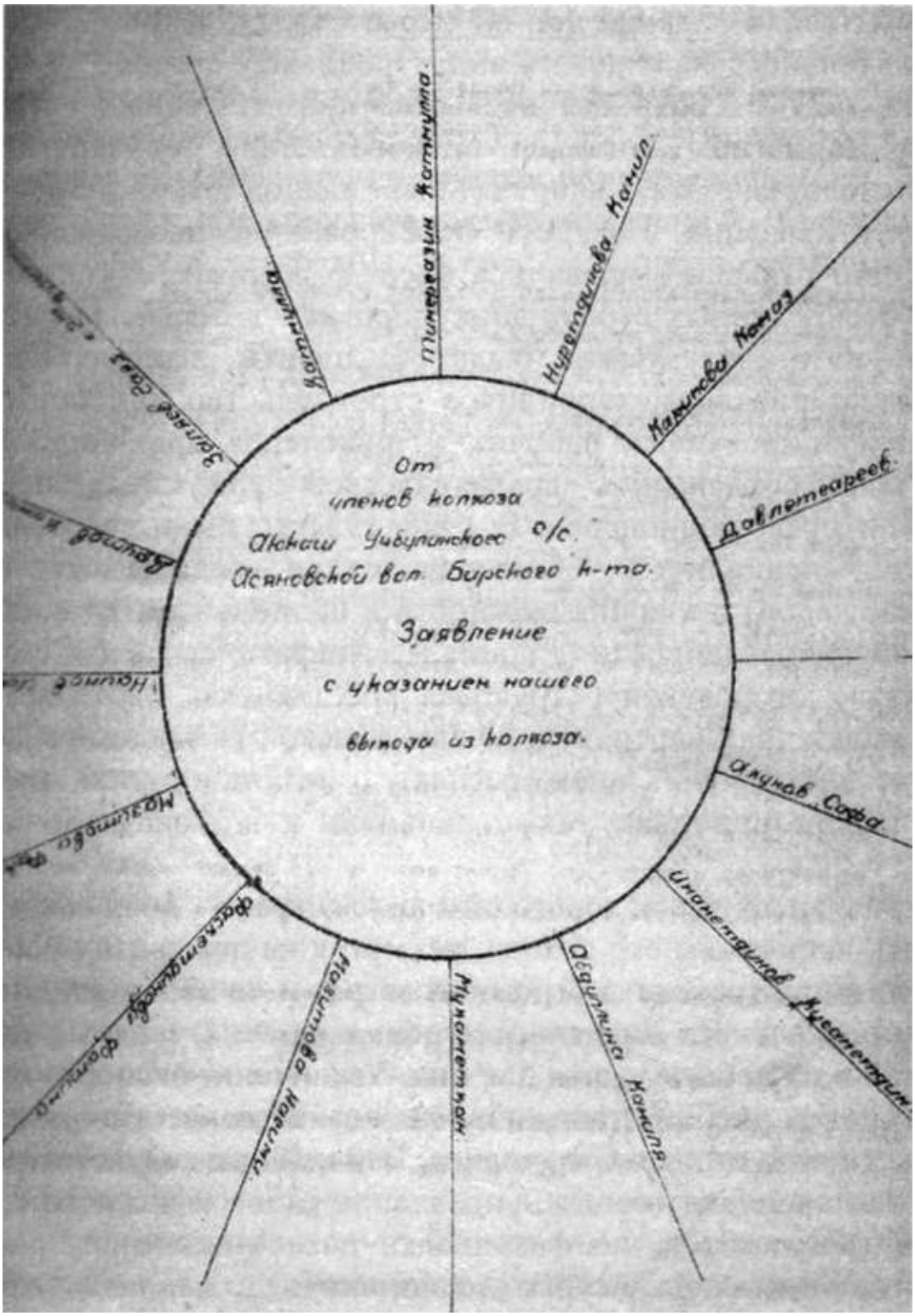
К концу 1929 г. сроки строительства промышленных гигантов были сокращены, нормативы поставок продовольствия государству увеличены. Для выполнения этих напряженных планов были резко увеличены темпы коллективизации. Началось форсированное промышленное строительство. Одни отрасли вырывались вперед, за ними не успевали другие. Директора бесчисленных строек конкурировали в борьбе за ресурсы, хотя официально пятилетка должна была обеспечить планомерное развитие. Ресурсы разбазаривались, торопливое строительство при постоянной нехватке

квалифицированных рабочих и инженеров приводило к авариям. Эти катастрофы объяснялись «вредительством буржуазных специалистов» и тайных контрреволюционеров. В 1928-1931 гг. были арестованы и осуждены сотни специалистов, обвинявшихся во вредительстве (например, «Шахтинское дело») и в принадлежности к подпольным организациям разной идейной направленности — социал–демократической («Союзное бюро меньшевиков»), эсеровской («Трудовая крестьянская партия»), либеральной («Промышленная партия») и монархической («Академическое дело»). Чтобы скомпрометировать инакомыслящую интеллигенцию, арестованных по политическим причинам также обвиняли в шпионаже и организации диверсий.

Индустриальный рывок дорого обходился стране — доля накопления превысила треть национального дохода, несмотря на дешевизну рабочей силы. Индустриализация требовала огромных затрат и на ввоз техники, и на поддержание минимального жизненного уровня рабочих, занятых как на самих стройках, так и на добыче сырья для них. Увеличение экспорта и снабжения растущих городов хлебом стало главной задачей коллективизации — неотъемлемой части индустриального скачка. Важнейшим результатом коллективизации стало непосредственное управление работой каждого крестьянина формально избираемыми, но фактически назначаемыми руководителями, от которых уже нельзя было скрыть «излишки».

Крестьянство неохотно расставалось со своим имуществом, с землей. Государство не могло обеспечить коллективизацию добровольно, без репрессий. Был введен порядок «раскулачивания» (ликвидация хозяйства и высылка «кулака»), решение о котором принимали местные коммунисты и лидеры бедноты. При этом под раскулачивание могли попасть не только зажиточные крестьяне, но и середняки. Часть кулаков арестовывалась и даже расстреливалась. Массы «раскулаченных» превращались в почти даровую рабочую силу, направлявшуюся на «стройки пятилетки».

Коллективизация вызывала активное сопротивление крестьян, включая саботаж и восстания. Чтобы избежать социального взрыва, руководство ВКП(б) санкционировало знаменитую статью Сталина «Головокружение от успехов» от 2 марта 1930 г. Эта статья и последовавшее за ней постановление ЦК ВКП(б) были использованы коммунистами для укрепления авторитета верхов партии, осудивших насилие при проведении коллективизации как «перегибы» на местах. Через несколько месяцев насильственная форсированная коллективизация была возобновлена.



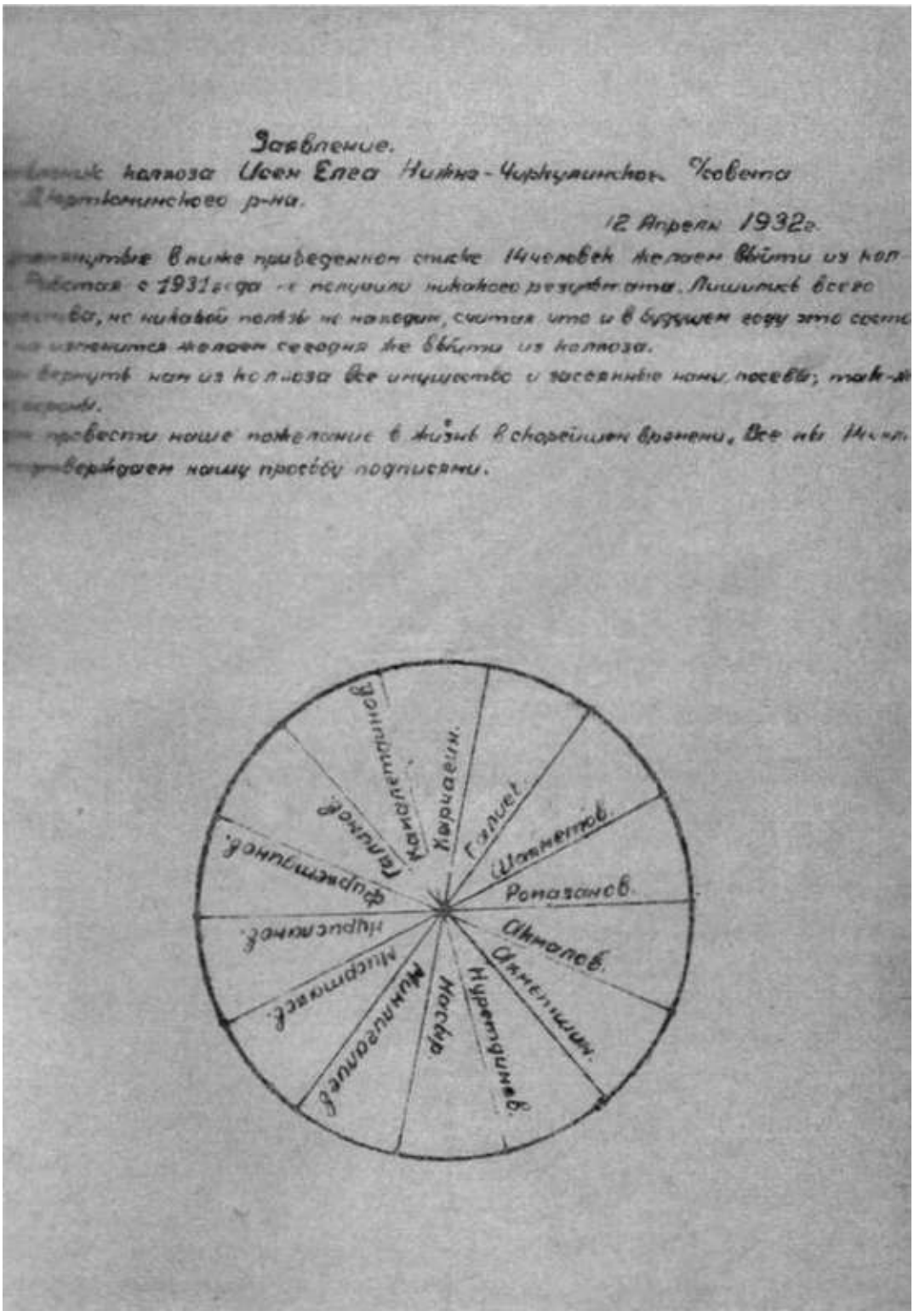
Заявление о выходе из колхоза. Башкирская АССР, 1932 г. ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 82. Д. 11. Л. 189.

Для проведения форсированной индустриальной модернизации срочно требовались огромные продовольственные ресурсы. В 1931-1932 гг.,

несмотря на снижение урожайности с 8 ц с га в 1928 г. до 7 в 1932 г. (валовой сбор зерна упал с 733 млн ц до 699 млн ц), было экспортировано 11 млн ц хлеба. В 1932 г. государственные заготовки были снижены в сравнении с 1931 г. всего на 13% и составили 190 млн ц. Зато в 1933 г. заготовки резко выросли до 231 млн ц.

Государственные и колхозные структуры безжалостно изымали у крестьян хлеб в соответствии с нормами, превышавшими возможности значительной части крестьян. Не осталось семян ни для питания крестьян, ни для посева. В 1932-1933 гг. это вызвало голод в ряде регионов страны. Особенно сильно пострадали Украина, Казахстан, южные области России и Поволжье. От голода и сопровождавших его болезней умерли несколько миллионов человек. Но об этой трагедии почти не было известно в городах — они снабжались лучше, а крестьянам запрещалось покидать голодающие районы. Только по завершении пятилетки в голодающие районы была направлена продовольственная помощь. Тяжелое продовольственное положение на границе голода сохранялось в советской деревне до 1950-х годов.

Внешнеторговый оборот СССР резко вырос. Так, в 1929 г. американские фирмы поставили в СССР оборудования на 262,5 млн руб. В 1930 г. импорт из США обошелся уже в 921,4 млн руб., из Германии — в 879,1 млн руб. Экспорт в эти страны составил: в США — 142,6 млн руб., в Германию — 716,4 млн руб. В 1929 г. СССР взял кредитов под импортные операции на 456 млн руб. и под экспортные — на 159 млн руб. В 1930 г. размер кредитов возрос по импортным операциям до 689 млн руб., а по экспортным — до 181 млн руб. В 1932 г. суммарный внешний долг СССР составлял 1 млрд 400 млн руб. К 1934 г. он сократился в три раза, составив всего 450 млн руб. В октябре 1936 г. долг составил всего 86 млн руб. Советское руководство сумело вернуть долги за индустриализацию за счет форсирования вывоза продовольствия, нефти, руды, леса.

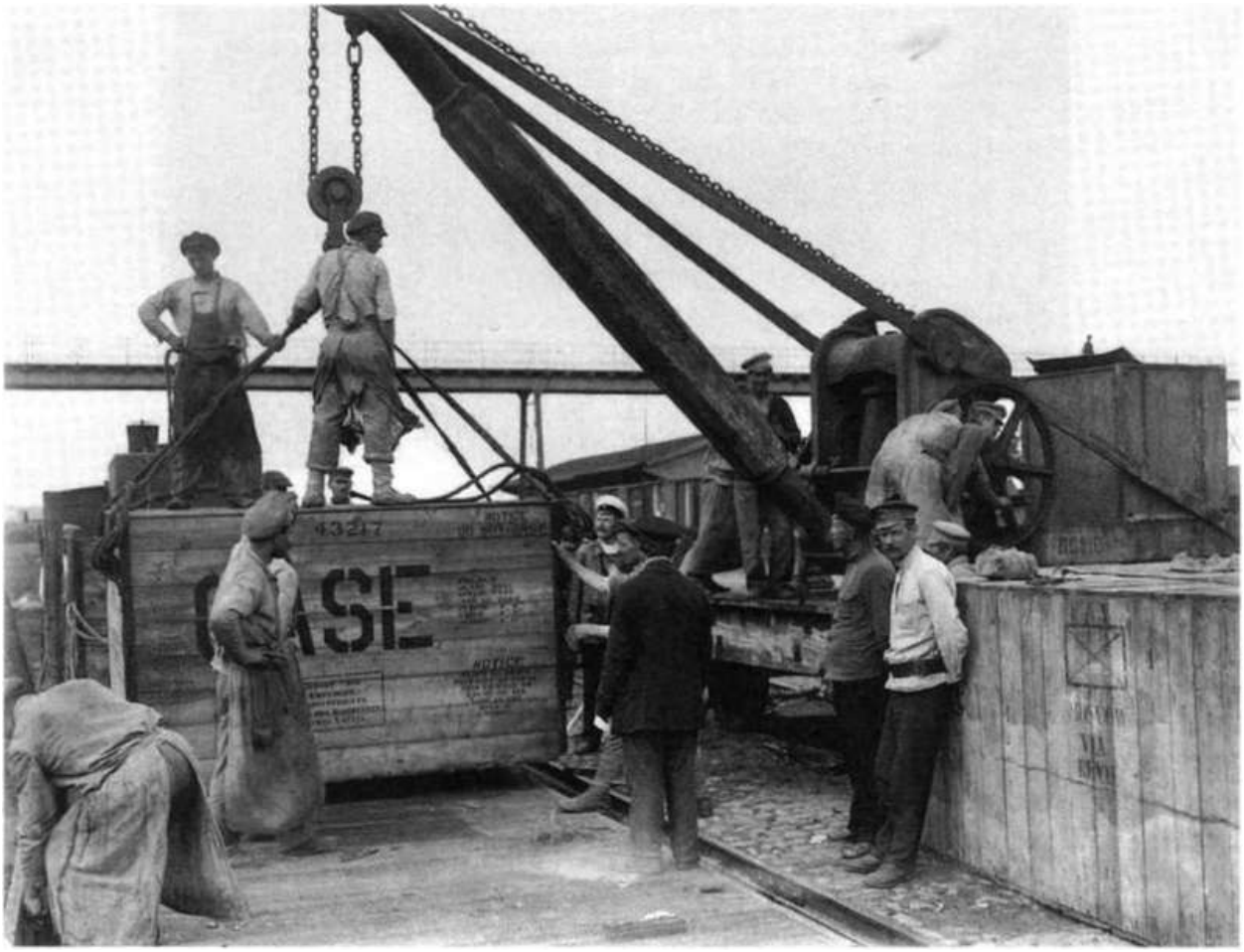


Заявление о выходе из колхоза. Башкирская АССР, 1932 г. ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 82. Д. 11. Л. 190.

Форсированная индустриализация 1930-х годов была основана на энтузиазме работников и использовании принудительного труда,

применении разработок отечественных инженеров и закупке (а иногда и безвозмездном заимствовании) зарубежных технологий. В советско–американском сотрудничестве участвовали такие известные фирмы, как «Ford Motor Company», «General Electric», «Standard Oil», «Cooper Engineering Company», и др.

По официальным данным, за Первую пятилетку было построено и пущено более 600 предприятий, в том числе Днепрогэс, Нижегородский и Московский автомобильные, Сталинградский и Челябинский тракторные, Магнитогорский и Кузнецкий металлургические, Уральский и Краматорский машиностроительные заводы, Туркестано–сибирская железная дорога. Однако после официальных заявлений о пуске предприятия продолжалась работа по ликвидации недоделок, которые мешали вывести производство на мощность, хотя бы близкую к проектной. Так, в январе 1932 г. был пущен Нижегородский автозавод. При проектной мощности НАЗ (с 1933 г. — ГАЗ) в 20 500 автомобилей в год удалось выпустить 13 439. В 1932 г. в СССР было произведено 23 879 автомобилей, а в 1933 г. — 49 710. Это было меньше плана, но в десятки раз больше, чем в 1929 г.



Разгрузка прибывших американских тракторов. 1925-1929 гг. РГАКФД

Строительство плотины левого берега на Днепрострое. УССР, 1930 г. РГАКФД

При этом заводы пятилетки могли эффективно действовать лишь вместе — как части единой производственной цепочки. В эту цепочку было включено множество предприятий, с достройкой которых пока приходилось ждать, потому что ресурсов на все не хватало. Первая пятилетка позволила создать костяк новой индустриальной системы, а доводить его до ритмичной работы приходилось уже во время Второй пятилетки (1934-1938 гг.). Отношение незавершенного строительства к общему объему капиталовложений выросло в 1929-1932 гг. с 31% до 76%. В 1930 г. было объявлено о ликвидации безработицы. В 1926-1928 гг. среднегодовые темпы роста промышленного производства составляли 21,7%, а в годы Первой пятилетки — 19,2% (при гораздо больших вложениях). Но в это время СССР преодолел технологический барьер, который не удалось взять во время НЭПа, в основном восстанавливавшего производственный потенциал Российской империи.

О строительстве магнитогорского комбината

«Холодные ветры нарушали работу его больших печей. Газопроводы, воздушные линии, водопроводные трубы — все замерзало. Повсюду нависали тонны льда, под тяжестью которого иногда обрушивались металлоконструкции. Одна из четырех доменных печей большую часть времени была на капитальном ремонте.

Все мы хорошо запомнили работы по разборке после сильнейшего взрыва, происшедшего на домне № 2 в 1934 г. Мы занимались этим круглые сутки в течение двух месяцев. Из–за неправильного обращения со сливным вентилем была прожжена водяная рубашка, и несколько кубических метров воды вылилось на расплавленный чугун. Последовавший в результате этого взрыв снес крышу с литейной, сильно повредил с одной стороны доменную печь, серьезно пострадали все люди, находившиеся в это время поблизости. Домна № 2 два месяца была закрыта на ремонт, вследствие чего страна потеряла около пятидесяти тысяч тонн чугуна. Сам ремонт обошелся в полтора миллиона рублей, и там были заняты строители, которые могли выполнять другую работу. Пытались найти виновника этого несчастного случая, к суду было привлечено несколько человек, однако никто не был осужден. На протяжении двух недель, предшествовавших этой катастрофе, все люди, чья работа была связана с этой доменной печью, знали, что сливной вентиль плохо функционирует. Мастер говорил об этом начальнику производства, который сообщил директору, а тот, в свою очередь, доложил Завенягину, и он позвонил Орджоникидзе, народному комиссару тяжелой промышленности СССР. Никто не понимал всей опасности плохой работы сливного вентиля и никто не хотел взять на себя ответственность и остановить доменную печь, когда стране был крайне необходим чугун.

Отсутствие опыта и небрежность приводили к большим потерям и в системе транспортного обеспечения доменных печей. Все время не хватало передвижных ковшей, в основном потому, что железнодорожные рабочие не могли ставить их прямо под чугунной лёткой, из которой чугун заливали в ковши, или же не выводили вовремя ковши из–под нее. В обоих случаях расплавленный чугун переливался через края, что вызывало разрушение осей, колес и железнодорожных путей.

> В первые годы, когда я наблюдал за работой бригад в литейном цехе, у меня часто возникало ощущение, что это взрослые дети играют с новой игрушкой. Я отчетливо помню большого монгола с жидкой бородкой, пошевеливающего в лотке с раскаленным до белизны, расплавленным чугуном шестидесятифутовым аншпугом, он улыбался, весело ругаясь. Молодой бригадир–комсомолец подошел к нему и похлопал его по плечу: «Чугун — видишь?» Монгол улыбнулся, причем когда он рассматривал этот странный новый мир доменных печей и чугуна, где он теперь очутился, голова его, несомненно, была наполовину занята мыслями о предстоящем обеде. Такие сценки должны были бы способствовать (еще предстоит разобраться, действительно они способствовали этому или нет) развитию новой романтической пролетарской литературы, но они, несомненно, не улучшали качество работы у доменных печей.
>
> К 1935 г. условия сильно изменились к лучшему. Когда я пришел сюда в поисках работы, меня поразил внешний вид домны № 2. Она была чистой, как бильярдный стол, стены были побелены, инструменты аккуратно висели на своих местах. Бригада спокойно и умело занималась своим делом» (Скотт Дж. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. М., 1991).

С 1934 г. СССР стал вывозить машины и оборудование, пока скромно: 393 станка, 626 электромоторов, 134 трансформатора и др. на сумму 1,6 млн руб.

В условиях новой разрухи Сталин решил объявить об успешном окончании индустриального рывка. Выступая на пленуме ЦК и ЦКК 7 января 1933 г., он заявил, что пятилетка выполнена досрочно за четыре года и четыре месяца.

Фактические итоги «досрочно выполненной» пятилетки были гораздо скромнее сталинских замыслов 1930 г. Несколько меньший «оптимальный» план 1929 г. был выполнен по производству нефти и газа, торфа, паровозов, сельхозмашин. По производству электроэнергии, чугуна, стали, проката, добычи угля и железной руды не был выполнен даже скромный «отправной» план 1929 г. Производство тракторов соответствовало «отправному» плану. Производство нефти, даже по опубликованным данным, достигло 22,2 млн т при запланированных в 1930 г. 40-42 млн т, стали — 5,9 млн т при запланированных 12 млн т, тракторов — 50 тыс. шт.

при запланированных в ноябре 1929 г. 201 тыс. шт., выработка электроэнергии — 13,1 млрд кВт ч. при запланированных в 1930 г. 33-35 млрд.

Важным результатом Первой пятилетки было создание военно–промышленного комплекса — военной промышленности и ее инфраструктуры, которая могла обслуживать также гражданское хозяйство.

В 1930 г. было объявлено о ликвидации безработицы. Однако различие в уровне доходов между полуголодными крестьянами и бюрократическими верхами было многократным. Для чиновничества, части интеллигенции и квалифицированных рабочих была создана система специального распределения.

Вторая пятилетка, принятая в феврале 1934 г. на XVII съезде ВКП(б), должна была обеспечить налаживание производства на предприятиях, возведенных в ходе Первой пятилетки, преодоление возникших в 1930—1933 гг. диспропорций. Было несколько улучшено финансирование производства предметов потребления, ослаблен нажим на сельское хозяйство. Планировалось удвоить промышленное производство.

Несмотря на внедрение машин, даже в промышленности продолжал преобладать ручной труд. Для того чтобы увеличить производительность труда, рабочим ставили в пример лучших рабочих — «стахановцев». В 1938 г. было объявлено, что планы пятилетки перевыполнены. Производство чугуна выросло в 2,35 раза, стали — в 3 раза, автомобилей — в 8,38 раза. За Вторую пятилетку было построено 4500 крупных предприятий. Во время Второй пятилетки были достроены Магнитогорский, Ново–Липецкий, Криворожский металлургические заводы, «Запорожсталь», «Азовсталь» и др.

В 1930-е годы были созданы новые отрасли промышленности (автомобиле– и авиастроение, электротехническая, химическая промышленность и др.). Была проведена частичная электрификация промышленности и городов. Из страны, ввозящей оборудование, СССР превратился в страну, которая обеспечивает свои основные потребности в нем.

5 декабря 1936 г. была принята новая Конституция, которая «гарантировала» демократические нормы и свободы. Записанные в ней свободы остались на бумаге. Было провозглашено, что «в основном» в СССР построен социализм.

Культура 1930-х годов

Одновременно с индустриализацией и коллективизацией ВКП(б) проводила политику «культурной революции», которая должна была окончательно покончить с неграмотностью населения и расширить доступ трудящихся к благам официальной культуры. Неграмотный человек не мог работать с новой техникой на предприятиях, которые возводились во время пятилеток.

Одновременно резко усилился идеологический контроль партии над сферой культуры, произошел переход к прямому обслуживанию деятелями культуры задач власти. Писатели и художники должны были звать людей к вершинам коммунизма, прославлять существующую власть и лично Сталина.

Время правления Сталина оставило свой след в архитектуре в виде помпезных классических зданий, прославлявших силу и труд. Такие сооружения, как здания Выставки достижений народного хозяйства (открылась в 1939 г. как сельскохозяйственная выставка), отличаются монументальностью и украшены скульптурами, символизирующими союз рабочего класса и крестьянства, народов СССР. Идея этого союза вдохновила и скульптора В. Мухину на создание скульптуры «Рабочий и колхозница» для советского павильона на Всемирной выставке в Париже в 1937 г.

В 1932 г. в школу были возвращены дореволюционные методы обучения: уроки, предметы, оценки. В 1935 г. под редакцией Сталина был подготовлен школьный учебник истории, и этот предмет стал основным в идеологическом воспитании школьников. В школе вводилась твердая дисциплина. Это позволяло упорядочить процесс образования, хотя пострадала его творческая сторона. В 1933 г. было введено обязательное четырехклассное образование, а в 1937 г. — семилетнее. В 1939 г. 90% взрослых людей до 50 лет могли читать и писать.

К концу 1930-х годов Советский Союз вышел на первое место в мире по числу учащихся и студентов, которое возросло за 30-е годы в четыре раза. Для партийной учебы в 1938 г. была подготовлена «История ВКП(б). Краткий курс», излагавшая сталинскую версию истории партии и Советского государства, обличавшую противников Сталина.

В 1932 г. ЦК ВКП (б) принял решение распустить многочисленные объединения деятелей культуры (в том числе коммунистические) и создать вместо них официальные советские творческие союзы. В августе 1934 г. был создан Союз писателей СССР, затем Союз советских композиторов, Союз советских архитекторов, в республиках — союзы советских художников.

Государство обеспечило высокие стандарты жизни писателей и художников, но только тех, кто принадлежал к официальным союзам. Члены творческих союзов получали высокие гонорары, возможность пользования домами творчества и мастерскими. Но если автор отклонялся от «линии партии», он мог быть исключен из союза и превратиться в безработного, лишенного всех благ жизни элиты.

Также государство обеспечивало и развитие науки, заботилось о благосостоянии ученых, особенно членов Академии наук СССР (до 1925 г. — Российская академия наук), в которой в 1928-1930 гг. было обеспечено твердое коммунистическое большинство. Создавались филиалы АН в союзных республиках, на базе которых в дальнейшем создавались республиканские АН. Во второй половине 1930-х годов количество НИИ и научных работников выросло вдвое.

Обязательным художественным методом новых творческих союзов стал социалистический реализм, основы которого были разработаны председателем Союза писателей М. Горьким. Социалистический реализм должен был изображать жизнь не столько такой, какая она есть, сколько такой, какой она должна стать, бичевать недостатки прошлого и частные недостатки советской жизни, но предлагать пути их решения, прославлять советского человека, его самоотверженность в труде и защите завоеваний социализма. Однако идеологический контроль не останавливал художников в их стремлении к красоте, драматизму и зрелищности. Значительных успехов в этот период достигли театральное искусство и молодой советский кинематограф. Такие фильмы, как «Цирк» Г. Александрова, «Трактористы» И. Пырьева, «Чапаев» братьев Г. и С. Васильевых, «Александр Невский» С. Эйзенштейна и другие, вошли в золотой фонд не только отечественного, но и мирового кинематографа.

В 1936 г. было учреждено звание народного артиста СССР, которого первыми были удостоены театральные режиссеры К. Станиславский и В. Немирович–Данченко, актеры В. Качалов, Б. Щукин, И. Москвин, А. Нежданова.

Советских людей вдохновляли песни на музыку таких композиторов, как И. Дунаевский и М. Блантер. Больших успехов достигли оперное искусство и балет. Коммунистические идеологи следили за тем, чтобы искусство было «понятно народу» и не превращалось в элитарное, понятное только подготовленным людям. В результате такие выдающиеся композиторы, как Д. Шостакович, а позднее С. Прокофьев, подвергались официальной критике за «формализм».

В новых условиях продолжали творить талантливые писатели «старой

школы». Вернувшийся из эмиграции А. Толстой закончил роман о Гражданской войне «Хождение по мукам», написал роман «Петр I», соответствовавший новому курсу Сталина в культуре — прославлению «прогрессивных» явлений дореволюционной России, в частности прогрессивных царей и полководцев, укреплявших державу. Это было существенное изменение коммунистической идеологии, которая в 1920-е годы предпочитала обличение дореволюционной России.

Курс на укрепление советского патриотизма позволял писателям публиковать произведения, в которых остро критиковались действия некоторых коммунистических руководителей, хотя не подвергалась сомнению правота коммунистического режима в целом («Тихий Дон» М. Шолохова), брались под защиту «заблуждающиеся» противники коммунистов («Дни Турбиных» М. Булгакова). Даже воспевая коллективизацию в «Поднятой целине», М. Шолохов показывает сложность и неоднозначность этого явления.

Произведения, еще дальше выходившие за рамки «социалистического реализма», не издавались. Такие писатели, как А. Ахматова, М. Булгаков, А. Платонов, О. Мандельштам и другие, нередко писали не для печати, а «в стол», для будущих поколений.

Террор

Итоги форсированных индустриализации и коллективизации вызвали массовое недовольство (в том числе и недовольство партийных кадров). В условиях однопартийности ВКП(б) стала единственным каналом «обратной связи» в государственной системе и потому испытывала на себе сильное давление со стороны внепартийных социальных слоев, которые отстаивали свои интересы по партийным каналам. Партийцы неизбежно становились проводниками разных интересов, в то время как сталинское руководство стремилось к монолитности партии.

В партийно–государственной иерархии существовало множество бюрократических группировок, роль которых особенно возросла как раз после того, когда Сталин и его соратники победили всевозможные оппозиции. Теперь партийцы делились не по взглядам, а по принципу «кто чей выдвиженец», «кто с кем служил». Лидерами этих кланов были члены ЦК, как правило, не запятнавшие себя участием во фракциях 1920-х годов.

На XVII съезде ВКП(б) 26 января — 10 февраля 1934 г. ораторы восхваляли Сталина и успехи пятилетки, но он не мог быть уверен в

искренности всех этих речей. 1 декабря 1934 г. был убит первый секретарь Ленинградского обкома партии С. Киров. Это убийство было использовано Сталиным как повод для постепенного развертывания террора против партийных кадров. Уничтожая сотни тысяч людей, преданных идее коммунизма, Сталин мог преследовать цели устранения элиты, саботирующей его курс и представлявшей потенциальную опасность или (и) разгрома реально складывающегося заговора для устранения вождя и изменения государственного курса (обе возможности обсуждаются современной историографией).

После убийства Кирова последовали судебные процессы, призванные связать этот террористический акт с известными деятелями левой оппозиции: расправа над «троцкистско–зиновьевской группой», которую обвинили в непосредственной подготовке убийства, январский процесс 1935 г. над Зиновьевым, Каменевым и другими оппозиционерами, признавшими моральную ответственность за убийство Кирова, а также «кремлевское дело» 1935 г., направленное против сотрудников Кремля и Каменева. Началась подготовка к публичным процессам, на которых бывшие оппозиционеры должны были признаться во вредительстве и сотрудничестве с иностранными державами и таким образом скомпрометировать любую оппозицию. Морально сломленные бывшие лидеры оппозиции пошли на сделку со Сталиным, вероятно надеясь на спасение.

19 августа 1936 г. ветераны большевизма Г. Зиновьев, Л. Каменев, Г. Евдокимов, И. Бакаев, С. Мрачковский, И. Смирнов и другие были осуждены на публичном судебном процессе и расстреляны. В сентябре НКВД возглавил Н. Ежов.

23-30 января 1937 г. прошел процесс «Параллельного антисоветского троцкистского центра» (Ю. Пятаков, Г. Сокольников, К. Радек, Л. Серебряков, Н. Муралов и др.). Пятаков, Сокольников и другие были расстреляны, зато Радеку и Сокольникову на время сохранили жизнь за сотрудничество со следствием. Несмотря на то что коммунистическая элита была вынуждена признать итоги процесса, влияние группировки, стремившейся прекратить террор хотя бы на этом рубеже, становилось все сильнее. Лидером этого направления в 1936-1937 гг. был нарком тяжелой промышленности Г. Орджоникидзе. Решающее обсуждение предстояло на февральском пленуме 1937 г. Орджоникидзе и другие лидеры бюрократических кланов боролись за иммунитет своих ведомств со стороны центральной власти и прежде всего карательных органов. Это сделало бы невозможным дальнейшее тоталитарное преобразование

общества и предопределило бы начало эрозии режима. Однако Орджоникидзе не выдержал напряжения конфликта со Сталиным и накануне пленума покончил с собой.

На состоявшемся сразу после гибели Орджоникидзе февральско–мартовском пленуме ЦК ВКП(б) Сталин, опираясь на результаты двух первых публичных процессов над бывшими лидерами ВКП(б), подвел идеологическую основу под удар, который обрушится на партию несколькими месяцами позднее. Процессы «доказывали» — вредителем или пособником вредителей может быть объявлен любой член партийно–государственного руководства. И с этими «зазнавшимися царьками», бюрократами необходимо бороться. Сталин выступал против образования группировок в структуре ВКП(б). Одним из важнейших итогов пленума стало согласие ЦК на арест Бухарина и Рыкова, обвиненных в связях с заговором Каменева и Зиновьева. Решения пленума открыли путь к кровавой чистке партийно–государственного аппарата. Однако Сталин создавал впечатление у партноменклатуры, что дело ограничится «троцкистами» и «бухаринцами».

В середине мая Политбюро провело перетасовки командных кадров, дабы нарушить действительные или возможные планы военных заговорщиков. 22-29 мая 1937 г. были арестованы маршал М. Тухачевский и другие военные руководители. Начальник Главного политического управления Я. Гамарник покончил с собой, понимая, что его ждет. За короткий срок арестованные признались в заговоре, дав показания на своих многочисленных сослуживцев. В ночь на 12 июня 1937 г. после однодневного закрытого суда они были расстреляны. Чистка армии волнами продолжалась до 1938 г., полностью обезопасив сталинскую группировку от угрозы военного переворота. Погибли тысячи командиров, имевшие опыт Гражданской войны.

Сталина и его окружение не останавливала опасность случайно уничтожить тех, кто в реальности не собирался сопротивляться сталинской политике. Столкнувшись с угрозой своему режиму (реальной или потенциальной), он наносил «удары по площадям» и таким образом в корне ликвидировал ее. Ценой такого способа сохранения режима стала гибель сотен тысяч людей, не причастных ни к каким оппозиционным структурам, перемещение в лагеря миллионов людей, заподозренных в недовольстве.

Разгром военных обеспечил Сталину достаточный перевес сил для ликвидации партийных кланов. В мае 1937 г. начались массовые аресты высших партийных чиновников, ранее не участвовавших в открытых оппозициях. Попытки сопротивления и протеста уже не имели под собой

«материальной силы» и пресекались. Но чиновники, приходившие на освободившиеся после арестов места, были тесно связаны с «разоблаченными врагами народа», поэтому машина репрессий должна была уничтожить несколько слоев руководителей, прежде чем группировки и «заговоры» могли считаться ликвидированными.

Одновременно режим заботился и о том, чтобы сомнение в правильности курса Сталина не возникло позднее. Вождю было важно, чтобы не воскрес альтернативный коммунизм, подобный троцкизму. Сам Троцкий был скомпрометирован тяжелыми обвинениями на политических процессах, но упорно доказывал в зарубежной прессе абсурдность обвинений Сталина. К тому же в условиях сложных внешнеполитических маневров Сталина, трудно совместимых с принципами прежней левацкой политики Коминтерна (коалиционная политика «Народного фронта», затем — сближение с нацистской Германией), возникла угроза перехода части кадров международного коммунистического движения под влияние Троцкого. 20 августа 1940 г. Троцкий был убит агентом Коминтерна. Но со временем идейные коммунисты могли прийти к тем же выводам, что и левая оппозиция. Сталин внимательно следил за настроениями интеллигентов и уничтожал тех, кого подозревал в оппозиционных взглядах.

Были уничтожены коммунистический публицист М. Кольцов, выдающийся режиссер, идейный коммунист В. Мейерхольд, писатели и поэты, критиковавшие Сталина и его окружение даже с помощью намеков (например, Б. Пильняк). При этом не были арестованы выдающиеся русские литераторы А. Ахматова, М. Булгаков и другие, хотя их взгляды не были коммунистическими.

При этом в маховик террора мог попасть любой человек, высказавший малейшую крамолу, а также случайные жертвы. С августа 1937 г. проводились «массовые операции», по подозрению в неблагонадежности репрессиям подвергались целые группы населения — социальные и национальные: бывшие кулаки, «ведущие антисоветскую деятельность», бывшие члены оппозиционных партий, этносы, связанные с зарубежными государствами (например, латыши, корейцы). Местным органам НКВД спускались разнарядки на количество арестов. Выполняя их, НКВД уничтожал и отправлял в лагеря людей часто даже без подозрения на вину.

В то же время часть людей, критически относившихся к коммунистическому режиму, равнодушно и даже одобрительно воспринимала уничтожение большевистских лидеров, с политикой которых также было связано немало бедствий. Сохранялось влияние религии,

других традиционных элементов народной психологии, в которой отношение к коммунистическому режиму смешивалось с многовековыми стереотипами взаимоотношения с «грозной» властью.

Во время террора народу и миру были продемонстрированы культурные и технические достижения СССР, например авиаперелеты через Северный полюс в США экипажей под командованием В. Чкалова и М. Громова. Празднования в честь одних героев уравновешивали сообщения об уничтожении других.

Публичным пиком террора стал третий показательный процесс 2-13 марта 1938 г. над «правыми» (Н. Бухарин, А. Рыков и др.) и «троцкистами» (Х. Раковский, Н. Крестинский и др.). Мобилизация партийных и беспартийных масс на кампании в поддержку террора позволила также «выпустить пар» недовольства низким уровнем жизни, тяжелыми условиями труда и т. д. (снижение темпов роста промышленности стало еще одним результатом террора).

В середине 1938 г. Сталин счел выполненными задачи, ставившиеся перед террором. В конце 1938 г. сталинское руководство приступило к корректировке репрессивной политики. 8 декабря 1938 г. был снят с поста Ежов. В 1939 г. преемник Ежова Л. Берия провел новую чистку НКВД (на этот раз от излишне «ретивых» ежовских кадров) и пересмотр дел части заключенных. Массовые репрессии стали более упорядоченными.

Количество жертв террора колоссально. По данным КГБ СССР, в 19301953 гг. репрессиям подверглись 3 778 234 человека, из которых 786 098 были расстреляны, а остальные направлены в лагеря и тюрьмы. В 1937 — 1938 гг. были арестованы 1 372 329 человек, из которых 681 692 расстреляны, в лагерях умерли 115 922 заключенных. Всего в 1934-1947 гг. в лагерях умерли 962,1 тыс. человек, из которых более половины — во время войны. Таким образом, можно говорить о более чем миллионе погибших в результате террора 1930-х годов при населении страны в 162 млн человек. В начале 1938 г. в заключении находились около 1,9 млн человек, а в начале 1953 г. — около 2,5 млн человек.

На организованных партией мероприятиях изредка происходили выступления против террора. Случалось, что советские люди предупреждали знакомых об угрозе ареста, отказывались подписывать письма и участвовать в митингах в поддержку террора. Но миллионы советских людей верили, что в стране раскрыт разветвленный заговор реакционеров и фашистов, поддерживали удар по бюрократии, угнетавшей простых людей, и считали Сталина восстановителем справедливости, организатором «всех наших побед».

Угрозы безопасности СССР в 1930-е годы

В 1930-е годы к востоку и западу от СССР стали возникать «очаги войны» — регионы, где международные соглашения грубо нарушались государствами–агрессорами. В 1937 г. Япония развязала широкомасштабную войну с Китаем. Китайские войска понесли большие потери и вынуждены были отступить в глубь страны. СССР оказал военно–техническую помощь Китаю. В китайском небе сражались советские летчики. Советское руководство считало, что пока Китай сопротивляется, японцам будет трудно напасть на советский Дальний Восток. Однако напряженность советско–японских отношений нарастала. В июле–августе 1938 г. на оз. Хасан шли ожесточенные бои, японцы продвинулись в глубь советской территории, но были отброшены. В мае 1939 г. развернулись бои на границе Монгольской Народной Республики и созданного японскими оккупантами государственного образования Маньчжоу–го в районе р. Халхин–Гол. СССР пришел на помощь союзной ему Монголии. В августе 1939 г. советские войска под командованием Г. Жукова окружили японскую армию, противник был полностью разгромлен. Эта победа имела значительные последствия. Японское руководство пришло к выводу, что в ближайшие годы не следует нападать на СССР.

Еще более опасный очаг агрессии сложился в Европе в результате прихода нацистов во главе с А. Гитлером к власти в Германии. Стремясь к мировому господству, Гитлер грубо нарушал Версальский договор. В 1936 г. между Германией и Японией был заключен союз, к которому на следующий год присоединилась Италия. Формально он был направлен против Коминтерна и СССР и назывался «Антикоминтерновский пакт». Но, как показали дальнейшие события, участники пакта планировали завоевание всего мира.

В 1930-е годы в условиях растущих внешних угроз СССР стремился к выходу из международной изоляции. Индустриализация требовала устойчивых внешнеэкономических связей. Советская дипломатия достигла значительных успехов в этом направлении. 16 ноября 1933 г. СССР был признан США. 18 сентября 1934 г. СССР вошел в Лигу Наций, которая прежде считалась коммунистами империалистической организацией. Таким образом, СССР показал, что он готов сотрудничать с гарантами Версальского мира против Германии. Франция, также обеспокоенная нарастанием германской угрозы, 2 мая 1935 г. заключила с СССР договор о взаимопомощи в случае нападения на одну из сторон. Подобные договоры

были заключены Францией и СССР с Чехословакией. По инициативе VII конгресса Коминтерна, проходившего в 1935 г., в разных странах стали создаваться блоки коммунистов, социалистов и левых либералов — Народные фронты. Противодействуя фашизму, СССР оказал помощь республиканскому правительству Народного фронта Испании в условиях гражданской войны 1936-1939 гг. в этой стране, в которую вмешались Германия и Италия на стороне противников республики — франкистов. Советские летчики и танкисты вступили в бой с фашистами, оказав большую помощь республиканцам. На некоторое время советская помощь уравновесила итало–германскую поддержку франкистов. Советские представители и деятели Коминтерна активно вмешивались во внутренние дела Испании, борясь против сторонников демократического социализма, отличающегося от модели «социализма» СССР. Противники коммунистической партии и Сталина арестовывались. Создание такого режима в Испании вызвало разочарование среди широких масс республиканцев. Республика терпела поражения на фронтах. До последней возможности СССР пытался поставлять технику и вооружение в Испанию вопреки сопротивлению не только фашистских государств, но и Великобритании и Франции, проводивших политику «невмешательства» в дела Испании и «умиротворения» Германии и Италии. В апреле 1939 г. Республика пала.

Борьба в Испании показала Сталину, что опасно рассчитывать на помощь Великобритании и Франции, которые не желают всерьез бороться с агрессорами. СССР готов был оказать вооруженную помощь следующей жертве фашистской агрессии — Чехословакии, но ее основной союзник Франция вместе с Великобританией заключили в Мюнхене 30 сентября 1938 г. договор с Германией и Италией об отделении от Чехословакии населенной немцами стратегически важной Судетской области и передаче ее Германии. В ноябре 1938-марте 1939 г. территорию Чехословакии разделили Германия, Польша и Венгрия.

После Мюнхенского соглашения и падения республиканской Испании СССР оказался в изоляции. После захвата Германией Чехии в марте 1939 г. стало ясно, что Гитлер не соблюдает Мюнхенские соглашения и теперь угрожает Польше. Великобритания и Франция дали новые гарантии территориальной неприкосновенности странам Восточной Европы и летом 1939 г. вступили в переговоры с СССР о взаимной поддержке в случае войны с Германией. Но при этом Великобритания и Франция не стали давать конкретных обещаний СССР. Польша и Румыния, как и во время Судетского кризиса, не соглашались даже в случае германской агрессии

пропускать советские войска через свою территорию, опасаясь коммунистической оккупации. А иначе советская армия не могла войти в соприкосновение с немецкой. На посту наркома иностранных дел СССР сторонника политики «коллективной безопасности» М. Литвинова сменил В. Молотов, который не был настроен идти на уступки Великобритании и Франции. Учитывая судьбу Испании и Чехословакии, Сталин и его окружение не доверяли англичанам и французам и решили согласиться на сближение с Германией как с реальной силой в Европе.

В ночь с 23 на 24 августа 1939 г. неожиданно для всего мира в Москве был подписан пакт о ненападении между Германией и СССР, который также получил известность как пакт Молотова — Риббентропа по именам глав внешнеполитических ведомств двух стран. Пакт имел секретные приложения, по которым Германия и СССР делили Восточную Европу на сферы влияния, где предоставляли друг другу полную свободу рук. СССР мог действовать в Финляндии, Латвии, Эстонии и Бессарабии. Польшу Германия и СССР договорились также разделить на сферы влияния. Линия разграничения проходила по рекам Нарев, Висла и Сан, т. е. через центральную часть Польши. Гитлер получал свободу рук к западу от линии раздела сфер влияния. Теперь он спокойно мог развязать войну против Польши и поддерживавших ее Великобритании и Франции, не опасаясь противодействия СССР. Советский Союз получил возможность, на время оказавшись вне начавшейся Второй мировой войны, лучше подготовиться к предстоящим военным конфликтам и расширить свою территорию за счет Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии, Северной Буковины и Прибалтики.

Что построили в СССР?

Представители разных историософских школ продолжают дискутировать о том, что же было построено в СССР. Для одних СССР — «реальный социализм», для других — тоталитаризм, для третьих — этап развития российской цивилизации, для четвертых — государственный капитализм, для пятых — этакратическое (бюрократическое) индустриальное общество. Все эти точки зрения совместимы, поскольку разногласия в значительной степени носят терминологический и даже эмоциональный характер.

Идея «реального социализма» исходит из того, что в СССР марксистская концепция социалистического (коммунистического) общества

была реализована настолько, насколько это вообще было возможно. То есть «реальный социализм» — это не капитализм, так как капитализм не может существовать без господства частной собственности. Сторонники концепции «реального социализма» доказывают, что в СССР не было также эксплуатации и эксплуататорских классов, с чем представители других идейных течений (в том числе и левые по взглядам) не могут согласиться, указывая на очевидные признаки угнетения трудящихся бюрократическим классом. В любом случае в СССР существовала властная элита, но ее господство обеспечивалось не частной собственностью, а государственной, что определило качественные отличия советского общества от классических капиталистических обществ.

Часть социалистов (в том числе марксистов) считает, что суть капитализма — не в частной собственности, что бюрократия в целом тоже может быть самостоятельным собственником, и поэтому в СССР был особенный государственный тип капитализма. Но если это и «капитализм», то развивавшийся качественно иначе, чем рыночные экономики. Место биржи занимал Госплан, место акций — приказ о назначении на должность, место безработицы и перепроизводства — дефицит ресурсов и рабочей силы. Очевидные различия советской модели как с «реальным капитализмом», так и с заявленным проектом социализма (т. е. с теми критериями социализма, о которых писали социалистические теоретики, включая К. Маркса и В. Ленина) требуют идентифицировать советскую модель как нечто третье.

Итак, «реальный социализм» — это такое общество, которое имело некоторые черты сходства как с идеей социализма, так и с реальностью капитализма, точнее — развитого индустриального общества. От теоретической концепции марксизма «реальный социализм» унаследовал отказ от идеи частной собственности, плановое хозяйство, социальную «программу–минимум» — бесплатное образование и медицинскую помощь, поддержку слабых групп населения (стариков, инвалидов и др.). Но, как показывает опыт «реального капитализма», «социальное государство» совместимо с частной собственностью. В СССР была создана специфическая модель индустриального общества и «социального государства», которая исключала частную собственность на средства производства и была основана на государственном управлении экономикой. Это была этатистская модель индустриального общества.

«Реальный социализм» обеспечил решение ряда задач, которые в соответствии с марксистской теорией должен был решить капитализм. Прежде всего речь идет о переходе от аграрного общества к

индустриальному. Индустриальное общество отличается от предыдущего (аграрного, традиционного) множеством показателей — и более высокой производительностью труда, и урбанизацией, но все эти показатели вытекают из самого характера деятельности, который возникает при индустриализме. Эта деятельность основана на инновации, тесно связанной с узкой специализацией и связанной с ней стандартизацией. Так организована не только работа фабрики, но и других государственных и общественных институтов, делопроизводства, образования и др. Сочетание инновации и специализации обеспечивает высокую производительность труда, концентрацию производства в городах и перемещение туда населения.

В СССР формировалось индустриальное общество, которое находилось от классического капитализма столь же далеко, как и от теоретической модели социализма. Оно было ближе к модели западных обществ, возникшей в 1930-1950-е годы. Их роднил индустриализм, государственное регулирование экономики, система социальных амортизаторов (социальные гарантии и перераспределение материальных благ в пользу менее защищенных слоев).

Роль государства в СССР была значительно выше, чем в других моделях индустриального общества. Ближе других к СССР подошла в этом отношении нацистская Германия, что дало почву для развития теории тоталитаризма. Эта теория создавалась в 1950-е годы как идеологическое оружие против СССР, она подчеркивала общность государственных систем Советского Союза и нацистской Германии. Советские авторы не оставались в долгу, доказывая, что нацизм имеет много общего с государственно–монополистическим капитализмом США. Обе стороны оказались правы, потому что в различных обществах всегда можно найти что–то общее и различное. Но этот спор показал, что во многих современных обществах можно встретить элементы «тоталитаризма», например репрессии против инакомыслия, стремление менеджера к тотальному управлению своим персоналом и т. д. Однако обсуждение темы тоталитаризма показало, что термин «тоталитарный режим» может использоваться и как нейтральный, строго научный инструмент, показывающий специфику группы государственно–политических систем, в частности СССР 1930-1950-х годов.

Тоталитарный режим (тоталитаризм) — это открытое стремление государственно–политического центра к монолитности власти и к управлению всеми сторонами жизни общества, которое реализуется с помощью репрессий, уничтожающих неуправляемые общественные

явления. Эти уничтожающие репрессии направлены и против группировок внутри самой системы власти, которая стремится к поддержанию своей монолитности. Правда, при всем стремлении сталинской системы к контролю над умами населения, ее власть никогда не была тотальной. Тоталитарным был режим, но не общество. Даже при Сталине сохранялись и расходившееся с официальной идеологией религиозное мировоззрение, и оставшиеся вне поля зрения НКВД критические разговоры обывателей, и «аполитичная» культурная жизнь.

Под критерии понятия «тоталитаризм» подходит ситуация в СССР в 1930-х — первой половине 1950-х годов. Уже в середине 1950-х годов советское общество перешло от тоталитарного к более мягкому авторитарному варианту развития. Дискуссионным является отнесение к тоталитаризму советской власти в период «военного коммунизма». Черты авторитаризма были присущи советской власти с первых месяцев ее существования (аресты оппозиционеров, разгон Учредительного собрания и др.), но в авторитарную систему советский режим сложился в период широкомасштабной Гражданской войны, формируя также и тоталитарные институты. Однако в этот период в советском режиме сохранялся и признанный допустимым внутренний плюрализм. Ограниченным было вмешательство в культурную жизнь. В 1920-е годы можно говорить об авторитарном режиме в СССР, и только с началом первой пятилетки партийно–государственный центр, покончивший с открытым плюрализмом в правящей партии, стал претендовать на непосредственное управление всеми социально–экономическими и культурными процессами. Таким образом, на некоторых этапах развития СССР ему были присущи черты тоталитаризма, но не они определяют логику его эволюции на протяжении всей советской истории.

Тоталитаризм является вполне органичной «надстройкой» над сверхцентрализованной индустриальной системой, когда все общество превращается в единую фабрику под руководством одной администрации. Элиты США, Великобритании, Франции и других стран предпочли более мягкую систему согласования интересов между фирмами, бизнес–группами и бюрократическими группами (иногда организованными тоталитарно), которая и известна как капитализм. Столкнувшись с кровавыми издержками тоталитаризма, коммунистическая бюрократия также предпочла перейти к более гибким формам господства. Это облегчило советскому обществу завершение перехода к индустриальному обществу.

Индустриальная модернизация началась еще в Российской империи,

завершившись к началу 1960-х годов, когда большинство населения Советского Союза стало жить в городах. Но решающий этап модернизации пришелся на правление Сталина, точнее на 1930-е годы. Именно тогда сталинская система с жестокостью, не уступавшей периоду первоначального накопления капитала, сконцентрировала ресурсы, необходимые для построения промышленной базы, на основе которой создавался советский вариант индустриального общества и «социального государства».

Экстренный, форсированный характер модернизации вызвал огромные жертвы, ее цена оказалась чрезвычайно высока. Тем более, что стремительность модернизации привела к растрате ресурсов и разрушениям в сфере сельского хозяйства. Образовавшаяся в результате система оказалась недостаточно гибкой, страдавшей множеством социальных болезней, которые сказывались на развитии советского общества всю его историю.

В то же время эволюционный путь модернизации в XX в. привел большинство стран мира (особенно за пределами Европы) к модели зависимого капитализма, к закреплению отставания «третьего мира» от «первого». Своеобразие пути СССР, вырвавшегося из капиталистической периферии, привлекало революционные и антиимпериалистические силы Азии, Африки и Латинской Америки и даже развитых стран. Миллионы людей видели в пути, опробованном СССР (и идеализированном коммунистической пропагандой), пример для подражания.

Знакомство с реалиями советской жизни вызывало разочарование у значительной части революционеров, увлеченных идеей коммунистического эксперимента. Коммунистическое движение в СССР и за его пределами расслаивалось на левые и правые течения.

Явный отход СССР от эгалитаризма и демократизма Октябрьской революции вызвал к жизни теорию «термидора» — возвращения России к «нормальному» иерархическому буржуазному обществу, как это произошло с Францией после якобинцев. Российский «термидор» вел бы к превращению СССР-России в экономически зависимое, а возможно, и полуколониальное государство или группу государств. Но в 1920-1930-е годы страна достигла качественно иного уровня своего развития, пройдя гораздо больший путь, чем Франция в конце XVIII — начале XIX в. Если «термидор» — это откат к прошлому, то СССР уходил от прошлого необратимо. Если «термидор» — вытеснение революционного наследия признаками «нормального», общемирового развития, то его элементы были неизбежны.

Хоть и своей дорогой, СССР шел по общему пути индустриальной модернизации. СССР не стал ни воплощением идеалов социализма, ни «империей зла». Он явился своеобразным вариантом индустриального общества. И своеобразие это вытекало из трех основных источников — культурного наследия народов России, социалистического проекта и того направления, которое придали ему коммунистические лидеры.

Европа: между авторитаризмом и демократией

Возвращение к миру или путь к новой катастрофе?

Хотя Компьенское перемирие, подписанное 11 ноября 1918 г., положило конец боевым действиям на фронтах Первой мировой войны, ее опыт продолжал доминировать в общественной жизни и сознании миллионов европейцев. Как и в годы войны, происходила перекройка государственных границ, экономика функционировала на военный лад, власти разных стран продолжали призывать людей напрячь последние силы, так и не сумев объяснить им, ради чего же они терпели лишения все предшествующие годы.

В той или иной степени в Первую мировую войну были втянуты 32 государства, объединявшие вместе с колониями 87% населения Земли. Четыре года войны радикально изменили геополитическое пространство Европы от Ла–Манша до Волги. Из него исчезли Российская, Австро–Венгерская, Германская, Османская империи, более того, был дискредитирован сам имперский дух, отождествлявшийся с империализмом. Число государств на континенте увеличилось почти в два раза, малые нации Центральной и Восточной Европы получили шанс самостоятельного развития. Вместе с царствующими династиями война похоронила традиционные институты власти, на смену которым пришли демократические принципы и парламентские учреждения. Европа, в 1914 г. состоявшая из 17 монархий и 3 республик (Швейцария, Франция, Португалия), пять лет спустя имела в своем составе уже 13 республик и 13 монархий. Последние не являлись образцами классического самодержавия, волю монархов связывали конституционные акты и законодательные органы.

Самым страшным итогом мировой войны стали человеческие потери — около 10 млн погибших на фронтах, более 20 млн солдат и офицеров вернулись домой калеками и инвалидами. Ветеранам войны не так просто было вернуться в ритм мирной жизни — их рабочие места были заняты или исчезли, в семьях их нередко встречало отчуждение, обещанные награды и пенсии заставляли себя ждать. Если для военнослужащих стран Антанты речь шла о недооценке их собственного вклада в общую победу, то для проигравших ментальные последствия войны были несравненно

более тяжелыми. Вернувшиеся с полей сражений солдаты видели, как рушатся традиционные политические системы в странах Четверного союза, а массы приходят в движение, выдвигая радикальные социальные требования.

Никогда еще в мировой истории столь сильно не были поколеблены властные устои и привычные авторитеты на большей части европейского континента. Австрийский писатель Стефан Цвейг писал: «Весь ужас обнаружился только теперь, когда в стране развеялся пороховой дым и стал явным урон, причиненный войной. Разве можно и дальше пользоваться моральным кодексом, позволявшим четыре года подряд убивать и грабить, называя это героизмом и аннексией? Разве может народ и далее верить обещаниям государства, которое аннулировало все неугодные ему обязательства, данные гражданам? Ведь те же самые люди, та же камарилья стариков, так называемых “мудрейших”, затмила нелепость войны своим еще более нелепым миром».

Э. М. Ремарк. «На Западном фронте без перемен»

«Перемирие скоро будет заключено, теперь я тоже верю в это. И тогда мы поедем домой. На этом моя мысль приостанавливается, и я никак не могу сдвинуть ее с места. Что влечет меня туда с такой неотразимой силой, что меня там ожидает? Жажда жизни, тоска по дому, голос крови, пьянящее ощущение свободы и безопасности. Но все это только чувства. Это не цели. Если бы мы вернулись домой в 1916 г., неутихшая боль пережитого и неостывший накал наших впечатлений вызвали бы в мире бурю. Теперь мы вернемся усталыми, в разладе с собой, опустошенными, вырванными из почвы и растерявшими надежды. Мы уже не сможем прижиться. Да нас и не поймут, — ведь перед нами есть старшее поколение, которое, хотя оно провело вместе с нами все эти годы на фронте, уже имело свой семейный очаг и профессию и теперь снова займет свое место в обществе и забудет о войне, а за ними подрастает поколение, напоминающее нас, какими мы были раньше; и для него мы будем чужими, оно столкнет нас с пути. Мы не нужны самим себе, мы будем жить и стариться, — одни приспособятся, другие покорятся судьбе, а многие не найдут себе места. Протекут годы, и мы сойдем со сцены».

Россия, первой устремившаяся к революционному выходу из войны, дальше всех пошла по пути радикальных преобразований. Свержение монархии повлекло за собой разрушение авторитарных институтов власти в центре и на местах, выдвинуло народные массы на историческую авансцену. Приход к власти большевиков открыл собой новый этап российской революции, сочетавший в себе реализацию смелых социальных проектов и ожесточенную гражданскую войну. Развитие Советской России вызывало в остальном мире крайние чувства, от энтузиазма и подражания до ненависти и презрения, но мало кого могло оставить равнодушным.

Революционная волна, зародившаяся в России, девятым валом прокатилась по всей Европе, оставив тот или иной след практически в каждой стране. Она наложила свой отпечаток на становление новой системы международных отношений. Однако и здесь косные традиции старых элит глушили ростки новых подходов. Попытки определить цену победы на Парижской мирной конференции сводились к масштабу наказания Германии и ее союзников. Вопрос о цене, которую следует заплатить за сохранение наступившего мира, был отодвинут на задворки дипломатического торга. В результате два межвоенных десятилетия оказались для европейцев только короткой передышкой перед новыми страшными испытаниями.

Заложенные в Версальско–Вашингтонской системе механизмы урегулирования межгосударственных конфликтов должны были противостоять «революционному хаосу», который политические элиты западных стран отождествляли с Советской Россией. Впервые в истории одна из мировых держав была выведена за рамки «цивилизованного мира», став вначале объектом военной интервенции, а затем — внешнеполитической изоляции. В послевоенные годы были заложены основы полярности как в сфере международных отношений, так и в социально–политическом устройстве европейских стран.

Демографические последствия войны заключались не только в невиданных доселе боевых потерях. Постоянное недоедание, болезни, физическое и психическое перенапряжение делали свое дело и в глубоком тылу. «Брюквенная зима» 1917 г. в Германии, ставшая символом организованного голода, привела к гибели полумиллиона немцев. Эпидемия «испанки» зимой 1918/19 г. унесла в разных странах от 20 до 40 млн жизней.

Сотни тысяч людей в период войны были изгнаны из мест своего постоянного проживания, интернированы в лагерях для лиц «враждебной национальности». Еще большие масштабы приняла добровольная или

вынужденная эвакуация перед лицом наступавшего противника. Окончание боевых действий привело к новому всплеску миграционных потоков, который вошел в историю как новое великое переселение народов. В результате свою родину были вынуждены покинуть около 4,5 млн человек. Миграционные потоки привели к моноэтничности отдельных государств, но в то же время добавили остроты социальным проблемам. США, являвшиеся традиционным пристанищем для «лишних людей», в первые послевоенные годы ужесточили правила въезда в страну.

Показателями послевоенного кризиса в демографической сфере являлись значительное преобладание женщин над мужчинами, падение рождаемости, относительный рост лиц пожилого возраста. Старики, которые рассчитывали на своих не вернувшихся с фронта сыновей как на кормильцев, оказались социально незащищенными. На государственные пособия даже в самых развитых странах могли рассчитывать только от половины (Германия, Великобритания) до пятой части (Франция) пожилых людей. Весомая часть социальных расходов государственного бюджета тратилась на различные виды военных пенсий.

Первая мировая война превратила в пустыню значительные пространства европейского континента, где была полностью уничтожена транспортная инфраструктура, годами не возделывались поля, люди были вынуждены ютиться в землянках и полуразрушенных домах. Военные расходы составили 180 млрд долл. в ценах тех лет, уничтоженные материальные ценности невозможно было подвергнуть точному подсчету. К 1919 г. валовой внутренний продукт европейских стран снизился на 30% по сравнению с 1913 г.

В годы Первой мировой войны активизировалось вмешательство государства в сферу экономики. На военное положение были переведены ключевые отрасли промышленности и транспорта. В рамках провозглашенного властями «гражданского мира» рабочие этих отраслей были лишены права на забастовку, тарифная автономия была заменена принудительным государственным арбитражем.

Резко выросло производство вооружений, для финансирования которого использовались военные займы. Напротив, производство потребительских товаров и продовольствия для гражданского населения было сведено к минимуму, который считался необходимым для достижения победы. Британский историк Эрик Хобсбаум дает предельно точную характеристику того, как экономические отношения в годы войны превращались в механизмы уничтожения: «Массовой войне требовалось массовое производство. А производство, в свою очередь, требовало

организации и управления — даже если целью являлось уничтожение человеческих жизней максимально быстрыми и эффективными способами, как в немецких концентрационных лагерях. Предельно обобщая, тотальную войну можно назвать самым большим предприятием, неизвестным до этого человечеству, которое требовало четкой организации и руководства». И опыт этого предприятия не исчез из социальной памяти после подписания Компьенского перемирия.

Годы войны привели к значительному возрастанию роли государства в повседневной жизни людей. Введение карточной системы на продукты и товары первой необходимости, замораживание платы за жилье, регулирование поставок сырья и цен на потребительском рынке — вот только некоторые примеры того, как государственные органы отказались от роли «ночного сторожа» и превратились в вездесущего контролера, заглядывающего буквально на каждую кухню. Неизбежным следствием стал рост численности и влияния административно–распределительного аппарата, который потреблял немалую долю общественного богатства, нередко отстаивая корыстные и клановые интересы.

В условиях социальной нестабильности и революционного подъема власти не решились аннулировать уступки профсоюзам, данные в годы войны для обеспечения «гражданского мира» в своих странах. В то же время номинальный рост зарплаты не привел к серьезному улучшению материального положения рабочих. Денежную прибавку съедала инфляция и дороговизна «черного рынка». В 1920-е годы настоящим социальным бедствием стала безработица, вызванная демобилизацией массовых армий и общим спадом производства.

Окончание боевых действий поставило перед странами — участницами войны задачу реконверсии, т. е. перевода экономики на мирные рельсы. Она не ограничивалась сменой номенклатуры производимой на предприятиях продукции и восстановлением разрушенной инфраструктуры (в наиболее тяжелом положении здесь находились Бельгия и Северная Франция). Следовало прежде всего оздоровить финансовую систему, разрушенную инфляционными методами оплаты военных расходов. Так, дефицит государственного бюджета Германии к концу войны достиг 137 млрд марок, Франции — 144 млрд франков. Инфляция, ускорившаяся в послевоенные годы, стала причиной нового передела общественного богатства. Она обесценила денежные накопления простых людей и в то же время позволила государствам избавиться от значительной части своих военных долгов.

На поиск оптимальных путей реконверсии накладывали свой

отпечаток как идеологические дискуссии в элитах, так и социальные движения «снизу». Социалисты, представлявшие интересы значительной части рабочего движения, настаивали на сохранении жесткого государственного регулирования, на использовании его для защиты жизненных интересов трудящихся масс. Сверхприбыли, полученные магнатами тяжелой индустрии и военно–промышленного комплекса в годы войны, следовало изъять и направить на социальные нужды.

Их либеральные оппоненты продолжали верить в волшебную силу рынка, возвращение к которому сможет решить ключевые проблемы послевоенных лет. Отсутствие готовых рецептов и нестабильная политическая ситуация приводили к тому, что процесс реконверсии сопровождался откатами и наступлениями, выступая в конечном счете как отражение компромисса между различными социально–политическими силами в той или иной стране.

Перестройка экономики на мирный лад не была и не могла быть простым возвратом к довоенной эпохе. Технические изобретения и новые технологические процессы, утвердившиеся в годы войны, изменили не только лицо мирового хозяйства, но и всю человеческую цивилизацию. Уголь уступал лидирующее место жидкому топливу, автомобиль становился привычной частью транспортной инфраструктуры, разного рода «эрзацы», открытые германскими учеными в условиях военной блокады страны, продолжали производиться на химических предприятиях всего мира и в послевоенную эпоху.

Электричество и радио превратились в неотъемлемую часть повседневной жизни значительного числа европейцев. В Германии и Франции за 1913-1928 гг. производство электроэнергии выросло в четыре раза, в США — в шесть раз. Государства стимулировали перевод железных дорог на электрическую тягу, линии электропередачи дотягивались до деревень, облегчая крестьянский труд. Сельские жители перестали жить «по солнышку», уже не чувствовали себя оторванными от городской цивилизации.

Довоенный объем европейской торговли не был достигнут даже к концу послевоенного десятилетия. Сказывались последствия военной автаркии, новые границы, нестабильность национальных валют. Немалую роль играл и политический фактор — например, враждебность Чехословакии и Польши по отношению к Германии нарушала естественные торговые связи между соседними регионами. Из–за не решенной до конца проблемы репараций державы–победительницы и проигравшие находились в состоянии торговой войны. В попытках

оградить национальную экономику многие правительства возвращались к политике защитных пошлин.

Сокращалась и доля Европы в мировом экспорте. США и Япония сумели вытеснить Великобританию с азиатских рынков. Для французской и германской экономик весьма чувствительной была потеря российского рынка. Несмотря на заявления Лиги Наций о наступлении либеральной эры мировой торговли («политика открытых дверей»), на практике сохранялись силовые методы борьбы за ресурсы. Великобританию и Францию интересовали прежде всего нефтеносные бассейны на Ближнем Востоке и Каспии. С этим был связан захват Баку британским экспедиционным корпусом в конце 1918 г. Через год был разрешен конфликт Великобритании и Франции вокруг Мосульского нефтеносного бассейна в Ираке.

Вслед за США другие государства все более активно стали использовать финансовые рычаги для обеспечения своих внешнеполитических интересов. Так, в феврале 1921 г. Франция предоставила Польше заем в 400 млн франков при обязательстве последней закупать только французское вооружение. После того как германский капитал потерял свои доминирующие позиции в странах Восточной Европы, этот регион испытывал отчаянную нужду в иностранных инвестициях. В Венгрии иностранное участие составляло около половины, в Румынии — более трех четвертей совокупного акционерного капитала.

В то время как Россия и государства, возникшие на развалинах Четверного союза, в первые послевоенные годы вели борьбу за существование, страны победившего блока могли гордиться тем, что им удалось отстоять либеральные ценности западной цивилизации. Хотя война явилась самым ярким выражением кризиса этих ценностей, победа Антанты воспринималась мировым общественным мнением как выражение их исторического преимущества над любыми разновидностями деспотии.

Память о военных испытаниях стала важным фактором «большой политики» Европы. В центре Лондона и Парижа возникали первые памятники национальным героям. Армейская верхушка заняла прочное место в правящих кругах держав–победительниц, генералы с успехом проявляли себя в партийной борьбе накануне выборов. Напротив, в Германии отношение к армии раскололо общество. Для многих немцев она оставалась «непобежденной на поле боя», но было немало и тех, кто указывал на роль военщины в развязывании и бессмысленном затягивании всемирной бойни.

Масла в огонь общественных дискуссий подлил вопрос о политических виновниках войны. Версальский договор возлагал единоличную ответственность на Германию, но ее общественное мнение видело в этом часть диктата победителей. Споры были перенесены на страницы многотомных публикаций дипломатической переписки кануна войны. В пивных ветераны рассуждали об упущенных шансах и вслух мечтали о реванше или шансе добить противника. На улицах дети продолжали громить «бошей», «австрияков», «макаронников». Западная Европа еще дышала закончившейся войной, на востоке континента она продолжалась, приняв облик войны гражданской. В таких условиях пацифистские движения, выступавшие за примирение между народами, имели мало шансов на успех.

Политическая жизнь в 1920-е годы характеризовалась ростом числа партий, участвовавших в борьбе за депутатские мандаты. В странах Центральной и Восточной Европы, переживших революционные потрясения, партии сохраняли идеологическую платформу и лидеров, но меняли свои названия на более современные и привлекательные. Самыми популярными прилагательными в политическом лексиконе тех лет были «христианский», «национальный», «демократический».

Другой характерной чертой послевоенной эпохи стала профессионализация политики. Огромный объем задач, связанных с реконверсией, демобилизацией, внешнеполитическими кризисами, предъявлял к государственным деятелям особые требования. Правящая элита рекрутировалась уже не только из наследственной аристократии, но и из преуспевающих предпринимателей. Повышение в годы войны роли первых лиц и исполнительной власти в целом делало отнюдь не беспочвенными опасения оказаться перед лицом военной или гражданской диктатуры даже в западноевропейских странах.

Если правящие круги Антанты смогли сбить накал социальных конфликтов и удержать свои страны в рамках эволюционного развития, то Центр и Восток европейского континента к моменту окончания боевых действий на фронтах Первой мировой войны были охвачены революционным брожением. Сложное переплетение социальных и национальных конфликтов далеко не везде вылилось в открытую гражданскую войну. Однако практически ни в одном из государств этого региона не было и намека на возвращение «гражданского мира».

В движение пришла и мировая периферия. Колониальные и зависимые страны рассчитывали на благодарность победителей не меньше, чем население метрополий. Лидеры национально–освободительного движения

предлагали собственные варианты развития своих стран, несовместимые с произволом колониальной администрации и выкачиванием их природных богатств.

Принципиальное значение для дальнейшей судьбы европейских стран имели и социально–психологические последствия войны. Формирование массовых армий вело к вынужденному соприкосновению сословий и социальных слоев, которые до тех пор имели весьма приблизительное представление друг о друге. Офицерам из аристократических семей и крестьянам, одетым в солдатские шинели, приходилось жить в одном блиндаже. Возвращаясь к мирной жизни, и те, и другие испытывали дискомфорт, тоску по боевому товариществу.

События 1914-1918 гг. изменили человеческий взгляд на мир и стереотипы социального поведения. Беспрекословное подчинение любому приказу стало привычкой, и люди, вернувшиеся с войны, чувствовали себя достаточно неуютно в условиях «излишней свободы». Трудности послевоенной реконструкции накладывались на повсеместное разочарование итогами войны, которые явно не стоили такого количества загубленных жизней. Массы впавших в отчаяние людей ждали ярких вождей, чтобы с их помощью наполнить свою жизнь новым смыслом.

Искалеченное мировоззрение фронтовиков видело мир в черно–белом цвете, отдавало приоритет радикальным методам решения политических проблем. Усталость от военных лишений влекла людей в заманчивые сети радикальных идеологий. Их пророки обещали построить «дивный новый мир» быстрее и лучше нерешительных либералов. Последние начали бояться прогресса, который они еще совсем недавно воспевали. Массовое сознание идеализировало довоенное прошлое, не осознавая в полной мере, что возврат к нему невозможен.

Это стало благодатной почвой для формирования антидемократических движений с праворадикальной идеологией, воспевавших достоинства собственной нации и даже расы, противопоставлявшей их остальному, якобы «испорченному» миру. Парламентской рутине и мягкотелости либералов они противопоставляли военную дисциплину и беспрекословное подчинение воле вождя. Их боевые отряды копировали регулярные армии и уличным террором наводили ужас на политических противников.

Авторитарные режимы, приходившие на смену демократическому правлению в европейских странах на протяжении 1920-х годов, зачастую складывались как результат победы одной из партий гражданской войны. Таков был режим адмирала Хорти в Венгрии (1920-1944), обрушивший

репрессии на коммунистов после падения Советской республики в этой стране. К авторитаризму вел и паралич власти, выраставший из равновесия противоборствующих партий в условиях социальной нестабильности. Такая ситуация сложилась в Испании, в которой установилась военная диктатура генерала Примо де Ривера (1923).

Авторитарное правление отличал поиск некоей общенациональной идеологии, способной сплотить общество перед лицом внешней угрозы и преодолеть внутриполитические конфликты. Тот или иной лидер выступал в роли «отца нации», выразителя ее воли и надпартийного арбитра. В то же время он не посягал на традиционные мировоззренческие институты вроде католической церкви. Диктатуры, особенно выросшие из гражданских войн, проводили реформы в интересах социальных низов (прежде всего аграрные), однако не были заинтересованы в политической мобилизации народных масс.

Непостижимые ужасы военных лет поставили под сомнение рациональную организацию мира, в немалой степени дискредитировав научный подход к анализу природных и общественных явлений. В ходе послевоенных социально–политических потрясений мысли и выводы ученых уступили свое место озарению, харизме, ораторскому популизму. Сбылись предупреждения Фридриха Ницше о том, что достижения современной науки могут стать инструментами разрушения человеческой цивилизации. Нишу религиозной веры все увереннее заполняла вера политическая. «Бог умер», утверждал немецкий философ, однако на вакантное место нашлось немало претендентов.

Главным, что объединяло многочисленные идеологии межвоенной эпохи, был взгляд на современность как на кризис, «прохождение через смерть» (Н. А. Бердяев). В худшем случае это был окончательный «закат Европы», в лучшем — рождение в муках принципиально новой цивилизации, основные характеристики которой не смогли предвидеть лучшие умы XIX в. Не было недостатка и в рецептах помощи «новому миру» — как правило, они сводились к тотальному разрушению старого. Этот процесс принимал самые различные формы — от революционного насилия левых радикалов до политического терроризма одиночек, от авангардистских экспериментов в искусстве до бытового декаданса.

Война 1914-1918 гг. дала толчок к пониманию единства и целостности мира, и в то же время нанесла удар по европоцентризму и вере в необратимость прогресса. Она поставила крест на «эре благоразумия», которой представлялась просвещенной интеллигенции западных стран довоенная эпоха. Досталось и победителям, и побежденным. Рывок

Германии к мировому господству был остановлен, однако и Великобритания лишилась ведущей роли в международных делах. Уникальность Европы оказалась мифом, она попала в финансовую зависимость от США, ее колониальные владения почувствовали на себе первый натиск национально–освободительного движения.

Своими варварскими методами война ускорила становление индустриального общества в странах, которые еще не покинули аграрной стадии развития. Она выступала в роли смотра достижений технической и предпринимательской мысли, ставя отстающие нации перед задачей «догнать и перегнать» передовые державы. Советская Россия и капиталистическая Америка предлагали полярные примеры ее решения. Однако реальный вектор модернизации складывался из перипетий партийно–политической борьбы в национальных масштабах.

Переход от воины к миру в Великобритании и Франции

Несмотря на потрясения периода Первой мировой войны и утрату доминирования сразу по нескольким экономическим позициям, Британская империя сохраняла в Европе и мире ведущее положение, а победа в войне была воспринята как знаковый символ приоритета английских национальных ценностей и консервативно–либеральных идей, торжество парламентских устоев, пусть даже и в облике конституционной монархии, над любыми разновидностями деспотизма. Инстинктивным результатом было обращение правящей элиты к казавшейся блистательной довоенной «викторианской эпохе» в поисках стимулов для сплочения нации и преодоления вызовов времени.

Однако накопившиеся проблемы были слишком серьезными, чтобы избежать таким образом качественной системной трансформации общественно–политических и экономических основ Британской империи. Разрыв связей между поколениями, между безвозвратным довоенным прошлым, пережившим военную трагедию настоящим и сомнительным будущим ощущался чрезвычайно остро, несмотря на эйфорию победы. Атомизация общества как следствие либерально–индивидуалистической трактовки понятия свободы личности достигла своего апогея и пришла в неразрешимое противоречие с начавшимся «веком масс», осознанием ими своих гражданских прав и коллективной роли в историческом развитии. Восстановление либеральных ценностей как итог победы в войне должно было произойти в новых социально–политических реалиях и доказать свою

жизнеспособность и приспособляемость к переменам.

Идеология компромисса и демократизации самой либеральной идеи стала краеугольным камнем послевоенной внутренней политики Великобритании, что не спасало от социальных конфликтов, но давало надежду на постепенную интеграцию общества и защиту от революционных потрясений. И в действительности, и иллюзорно в политику возвращалась публичность, отличительной чертой становился профессионализм в противовес любой военной чрезвычайщине, а расширение электората вынудило верхи политической элиты всерьез задуматься о привлечении масс и опоре на них, что подразумевало исполнение хотя бы некоторых назревших требований народа, отложенных во время войны.

Камертоном перемен среди политических сил Великобритании выступили лейбористы. Еще в июне 1918 г. они вышли из «национальной коалиции», в конце 1918 г. включили в свою новую программу требование национализации некоторых важнейших отраслей экономики, а в новый устав — положение о введении индивидуального членства в партии. Казалось бы, все это вкупе с общим движением послевоенной ситуации влево, фактором влияния событий в Советской России на массы могло бы обеспечить лейбористам успех на первых послевоенных выборах в парламент. Но наличие колебаний в руководстве партии, неуверенность в своих силах, а также явный кредит доверия общества премьеру Д. Ллойд Джорджу, не только уже обозначившему вектор реформ, но активно использовавшему победно–патриотический настрой («Сделаем Англию страной, достойной своих героев»), — все это обеспечило победу консервативно–либеральной коалиции на «выборах хаки» в декабре 1918 г. Показательно, что все политические силы шли на эти выборы под лозунгом «реконструкции». Но если манифест лейбористов «Труд и новый социальный порядок» выдвигал в ее рамках программу широких социально–политических реформ («демократический контроль» над производством, обязательный минимум заработной платы по всей стране, реформа налогового законодательства в сторону увеличения налога на богатых, активизация государства в борьбе с безработицей и т. п.), то консервативно–либеральная коалиция ограничилась эксплуатацией послевоенного эмоционального настроя, обещав лишь трудоустройство демобилизованным солдатам, обязательное школьное образование до 14 лет и бесплатную начальную школу, содействие государства в решении жилищных проблем граждан. Однако этого вкупе с торжеством победителя («За все заплатят немцы!») оказалось достаточно, чтобы обеспечить

правительственным силам серьезный перевес: 484 места из 707 в палате общин. Ллойд Джордж остался премьером, но многие ключевые посты в правительстве заняли консерваторы, их лидер Э. Бонар Лоу стал лордом–хранителем печати, а Дж. Н. Керзон — министром иностранных дел. Примкнувший к либералам У. Черчилль получил пост военного министра.

Выборы, несмотря на кажущуюся преемственность, выявили целый ряд болевых моментов партийно–политической системы Великобритании. Раскол Либеральной партии сделал противников коалиционной линии Ллойд Джорджа фактическими маргиналами активной политики: сторонники Г. Асквита заняли лишь 26 мест в палате общин. Лейбористы, напротив, решительно заявили о себе как о ведущей силе оппозиции, завоевав в 6 раз больше голосов, чем на довоенных выборах 1910 г. Пока это дало им только 60 мандатов, но тенденция роста их влияния была настолько очевидной, что заставляла консервативно–либеральную коалицию искать устойчивого компромисса не только в отношениях между собой, но и с широкими слоями общества. Основой его стало признание идеи социальной ответственности государства за всех своих граждан, к чему давно тяготел Ллойд Джордж, и, соответственно, проведение социально ориентированных реформ для смягчения последствий войны и напряженности в обществе.

Структурная перестройка промышленности, инициированная еще в конце войны, привела на начальном этапе практически к полному демонтажу органов и самого принципа государственного регулирования и контроля над экономикой. На путях стимулирования частного предпринимательства правительство рассчитывало достаточно быстро преодолеть сложности перехода на мирное производство и достигнуть устойчивого роста. Несмотря на закономерный взрыв отложенного потребительского спроса, этого за пять послевоенных лет достичь так и не удалось. Невозможность возврата к «золотому XIX в.» из–за необратимой концентрации и монополизации экономики делала вопрос о сохранении видоизмененной государственной активности и новых формах помощи предпринимательству особенно актуальным на историческую перспективу. Экономический подъем все более и более приобретал тревожные формы спекулятивного бума и выразился в основном в росте цен почти в 2,5 раза, непропорционально быстро росли налоги. Коренным образом изменилось международное финансовое положение Великобритании: из мирового кредитора она все больше превращалась в должника, и на обслуживание государственного долга в первые послевоенные годы уходило до 40% бюджета. В 1919 г. правительство объявило об отказе от золотого стандарта

фунта стерлингов, что было, безусловно, разумно в создавшихся условиях, но потрясло традиционные устои мышления многих англичан. Государство превратилось в единоличного контролера над массой бумажных денег, но одновременно и приняло на себя гораздо большую ответственность за стабильность рынка финансов.

В еще большей степени общество будоражили социальные реформы Ллойд Джорджа. Постепенно и скорее несознательно в этой сфере правительственной политики совершался коренной поворот XX в.: от уступок к согласию, от конфронтации к эволюции, от социального эксперимента к системе. Очень медленно, под сильным давлением лейбористской оппозиции и рабочего движения, государство осознавало свои возможности не только в качестве гаранта стабильности и порядка, к тому же силовыми методами, но и в качестве интегрирующей социальной силы и поддержки граждан, органа целенаправленного перераспределения национального дохода. Важнейшей характеристикой этого процесса в Великобритании было сохранение и упрочение демократических механизмов государственной машины, несмотря на все сложности преобразований. Расширенными программами социального страхования, в том числе по безработице, стали охвачены сотни тысяч англичан, хотя и это многим казалось недостаточным. Знаковые моменты несло в себе начало организованного жилищного строительства, впервые происходившее при активном участии государства. В 1919 г. создается министерство здравоохранения.

Весьма осторожное движение правящей элиты навстречу вышедшим на авансцену истории массам, тем не менее, не успевало за их ожиданиями и надеждами. Рост цен в разы опережал повышение заработной платы, стабильно высоким оставался уровень безработицы. Реальное улучшение уровня жизни «поколения героев» так и не наступало, что вызывало разочарование и, наряду с общемировыми революционными настроениями, стимулировало обострение социальной ситуации в стране. К осени 1920 г., когда после недолгого оживления начался первый послевоенный экономический кризис, проявились отчетливые признаки недовольства, а весь период 1918— 1921 гг. стал одним из наиболее мощных всплесков рабочего движения.

Лидерство в этом процессе традиционно сохраняли британские тред–юнионы, все больше ощущавшие силу сплочения и единства в борьбе за выполнение требований трудящихся о повышении заработной платы и сокращении рабочей недели. Как отличительную черту английского массового рабочего движения надо отметить не только его достаточно

высокую степень организованности, но и замкнутость на экономических требованиях, невысокую степень политизированности. Это давало определенную надежду на социальный компромисс. Еще в сентябре–октябре 1919 г. в стране прошла всеобщая забастовка железнодорожников, поддержанная другими тред–юнионами. После неудачной попытки использования войск правительство пошло на соглашение с бастующими, и уровень заработной платы удалось хотя бы сохранить. Так называемый Тройственный союз (1917) — альянс профсоюзов железнодорожников, транспортников и шахтеров — прочно занимал лидирующие позиции в движении тред–юнионов, представляя собой весьма авторитетную силу.

В июле–августе 1920 г. в Великобритании на волне левых настроений сформировалась Британская коммунистическая партия, однако она так и не смогла завоевать сколько–нибудь прочного положения в массах. Поданная ею заявка на коллективное членство в Лейбористской партии была отклонена, что было явным признаком того, что идеи коммунизма и влияние Коминтерна не имеют в Великобритании серьезной питательной почвы.

Тем не менее вкупе с ширящейся солидарностью в забастовках и распространением движения «Руки прочь от России!» (против интервенции в Советскую Россию с созданием советов действия) эти моменты дали правительству повод для жесткой реакции: в августе 1920 г. был введен закон о «чрезвычайных полномочиях», фиксирующий традиционный набор средств для подавления волнений: право короны и правительства вводить осадное положение и использовать войска. Накал рабочего движения в тот период достиг своей высшей точки к апрелю 1921 г., когда было объявлено о досрочном прекращении государственного контроля над угледобычей, что означало для шахтеров, добивавшихся национализации отрасли, угрозу резкого снижения заработной платы и массовых увольнений. 15 апреля 1921 г. стало «черной пятницей» для английских рабочих: лидеры «Тройственного союза» отказались от проведения всеобщей забастовки солидарности с шахтерами, движение пошло на спад, радикальные формы протеста применялись все реже, одновременно стали заметны признаки стабилизации социальных взаимоотношений в стране. Вновь созданный в 1921 г. Генеральный совет конгресса тред–юнионов левых настроений не проявлял.

В этих условиях, ощутив, что основные внутриполитические задачи «реконструкции» позади, руководство Консервативной партии решило вернуться к довоенным принципам функционирования политического механизма и разорвало коалицию с либералами. Иллюзию стабильности

английского консерватизма и традиционных устоев общества подкрепили внеочередные парламентские выборы в ноябре 1922 г., позволившие Э. Бонар Лоу сформировать однопартийное правительство, а сменившему его С. Болдуину заявить даже о конце «эпохи потрясений». При этом лейбористы со 138 местами впервые уверенно вышли на второе место. Политическая философия дозированных реформ ллойд–джорджизма потерпела поражение. Протекционизм, отказ от системных социальных преобразований, борьба с принимавшими все более радикальные формы национальными движениями в Шотландии и Ирландии (в декабре 1921 г. был подписан компромисс об образовании Ирландского свободного государства, но в стране продолжались столкновения) сплотили и самих консерваторов, и оппозиционные силы. Выбор предпочтительной модели политического действия совсем скоро был сделан самой эпохой.

В послевоенной Франции процессы «реконструкции» во многом носили сходный характер, но в силу другой расстановки политических сил, республиканской традиции и, возможно, иного национального темперамента имели место и существенные особенности. В еще большей степени, чем Англию, страну охватила эйфория победы над Германией, хотя и цена ее была неизмеримо более высокой. Человеческие потери, разруха в оккупированных немцами регионах, требовавших колоссальных вливаний, резкий рост государственного долга и нестабильность финансовой системы в целом давили на общество, но все вытеснялось национал–патриотическим угаром и чувством высокомерного превосходства над давним врагом. К тому же после войны чрезвычайную активность проявлял левый край политического спектра, в забастовочном движении частым явлением было выдвижение политических лозунгов, вплоть до самых радикальных. Идя навстречу послевоенным чаяниям масс, правительство «отца победы» Ж. Клемансо приняло в марте–апреле 1919 г. законы о введении 8-часового рабочего дня и обязательности коллективных договоров.

В русле стремлений к «реконструкции» убедительную победу на выборах в ноябре 1919 г. с лозунгами «Германия за все заплатит» и «Единение, труд, солидарность между классами, экономический либерализм, умиротворение религиозных споров» одержали правоцентристские партии «Национального блока», в котором присутствовали все оттенки республиканского движения. Правительство сформировал бывший социалист весьма правых взглядов А. Мильеран. «Национальный блок» не был лишь предвыборным альянсом, но знаменовал собой рождение взамен идеологии нации–республики новой

национальной идеи правого толка, строившейся на стремлении к внешнеполитической гегемонии Франции, с одной стороны, и признании существования биполярной социальной системы — с другой. Противостояние полюсов этой системы, элиты и масс, приобретало довольно острые формы и расшатывало традиционный «республиканский синтез» общественных сил. Консолидация правоцентристских партий вызвала и раскол в среде социалистов на почве отношения к социал–реформистской линии, приведший к образованию в декабре 1920 г. партии французских коммунистов, секции Коминтерна. В отличие от Великобритании, социал–реформистской ориентации продолжало придерживаться лишь меньшинство социалистов, тоже воссоздавших свою партию как секцию II Интернационала. Профсоюзное движение в лице Всеобщей конфедерации труда повторило судьбу социалистов, но в новое радикально ориентированное профсоюзное объединение (Унитарная Всеобщая конфедерация труда) вошло лишь «революционное меньшинство» ВКТ. Все это ненадолго ослабило позиции левых, разобщило протестное движение, хотя в мае 1920 г. страну потрясла всеобщая стачка железнодорожников. Влиятельными были и христианские профсоюзы (1919), исповедовавшие «социальную доктрину христианства». Поляризация общества и дробление политических сил надолго стали отличительными чертами французской социально–политической жизни.

Франция практически не ощутила послевоенного экономического оживления, войдя без паузы в тяжелый кризис, низшая точка которого пришлась на 1921 г. Несмотря на протесты и необходимость срочных мер, правительства «Национального блока» твердо придерживались позиций широкого экономического либерализма, рассчитывая на механизм саморегулирования рынка, дефицит бюджета при этом рос галопирующими темпами. В этих условиях большая часть надежд на оживление экономики относилась к поступлениям извне, в частности германским репарационным платежам. Летом 1922 г. Германия заявила о невозможности продолжения выплат, в ответ в январе 1923 г. Франция и Бельгия оккупировали Рурскую область. Дивиденды от этой «полицейской операции» (Р. Пуанкаре) ожидались не только в материальном исчислении, но прежде всего — в духовно–эмоциональном, в подтверждении лелеемой мечты о гегемонии Франции в Европе. Однако когда политика Франции не была поддержана другими державами–победительницами, а в Руре началось движение сопротивления, в результате чего Франция, неся оккупационные расходы, не получила даже тех объемов угля и стали, которые поставлялись ранее, «Национальный блок» взорвался изнутри: после падения стоимости франка

наполовину и вывода войск осенью 1923 г. коалиция развалилась. Решение репарационной проблемы Франция была вынуждена передать на рассмотрение международного сообщества.

Демократический транзит в Германии и Австрии

Если страны–победительницы совершили переход от войны к миру без революционной смены политических режимов, то положение в странах Четверного союза было прямо противоположным. Народные массы требовали от властей ответа за то, почему принесенные ими жертвы не привели к обещанной победе, но обернулись национальным позором и новыми лишениями, которые перекладывались на плечи грядущих поколений. Не пережили Первой мировой войны Германская, Австро–Венгерская и Османская империи. Хотя условия будущего мира должны были обсуждаться на особой международной конференции, ни для кого не было секретом, что побежденных ждут серьезные территориальные потери, и их заставят заплатить по военным счетам.

Четыре года войны на истощение привели Германию на порог национальной катастрофы. Огромные и невосполнимые потери на фронте, голод в тылу, изнуряющая работа под лозунгами войны до победы — все эти факторы расшатывали устои императорской власти, которая все больше выступала в качестве прикрытия военной диктатуры. «Гражданский мир» образца 1914 г. сменили массовые выступления трудящихся, которые требовали скорейшего окончания войны, решительных мер по борьбе с голодом и скорейшей демократизации политической системы.

Требование держав Антанты, чтобы перемирие подписало германское правительство, «опирающееся на народное доверие», предоставляло генералитету удобный шанс переложить ответственность за поражение и тяжелые условия будущего мира на плечи гражданских политиков. 3 октября 1918 г. был сформирован новый кабинет министров во главе с принцем Максом Баденским. На следующий день он предложил державам Антанты заключить перемирие на основе четырнадцати пунктов Вильсона.

Реформы сверху, которые политическая элита страны откладывала на период после завершения войны, опередила революционная волна. В обстановке политической агонии новый канцлер даже не пытался взять под свой контроль ситуацию в вооруженных силах. Пользуясь этим, руководство военно–морского флота во главе с адмиралом Шеером самостоятельно отдало приказ о выходе в море для решающей битвы с

британским флотом. 30 октября матросы военно–морской базы в Киле выступили против самоубийственного приказа. Сопротивление офицеров и аресты превратили мятеж в политическое восстание, выдвинувшее республиканские лозунги.

В начале ноября оно перекинулось на корабли в Гамбурге и Любеке, охватило сухопутные гарнизоны на Севере Германии и расходящейся волной пошло по всей стране. По примеру русской революции повсеместно создавались советы рабочих и солдатских депутатов, бравшие на себя ответственность за налаживание новой жизни, обеспечение продовольственного снабжения и демобилизацию воинских частей. Вильгельм II, покинувший Берлин уже 29 октября и находившийся в ставке верховного главнокомандования, оказался перед вопросом о своей собственной судьбе.

Лидер Социал–демократической партии Германии (СДПГ) Фридрих Эберт настаивал на отречении императора в пользу кронпринца, считая, что иначе события начнут развиваться по сценарию анархии и гражданской войны. Правление СДПГ бросилось вдогонку за революционными событиями, объявив на 9 ноября забастовку в Берлине. Массы рабочих стекались в центр города, в парк перед императорским дворцом. Столичный гарнизон перешел на сторону восставших.

В полдень Макс Баденский был вынужден подписать распоряжение о передаче своих полномочий Эберту. Вечером 10 ноября в цирке Буша собрался совет рабочих и солдатских депутатов Берлина, выборы в который прошли накануне. Подавляющим большинством голосов делегаты утвердили паритетное распределение шести мест в революционном правительстве — Совете народных уполномоченных (СНУ) — между представителями социалистических партий. Ни об империи, ни об императоре уже никто не вспоминал. Вильгельм II отправился искать политического убежища в нейтральной Голландии.

Программа СНУ отражала взгляды умеренных социал–демократов. Отдавая дань марксистской терминологии, она опирались на либерально–демократические традиции — будущее государственное устройство должно быть определено не «классово–ограниченными» советами, а демократическим волеизъявлением всех немцев. С точки зрения лидеров СДПГ реальной альтернативой западноевропейской политической модели выступала только теория и практика большевизма.

Им противостояли левые социалисты, покинувшие ряды социал–демократии и в 1917 г. образовавшие собственную Независимую социал–демократическую партию (НСДПГ). В нее вошли и группы

интернационалистов, которые объединились в «Союз Спартака» и были готовы вести за собой массы для решающего штурма как экономических, так и политических устоев капитализма. Формирование советов рабочих и солдатских депутатов в крупнейших немецких городах рассматривалось ими как подтверждение универсальности опыта русской революции, выборы в Конституционное собрание отвергались ввиду неизбежной победы на них буржуазных сил. Моральная и материальная поддержка большевиков способствовала сплочению левых радикалов в Коммунистическую партию Германии (КПГ), организационно оформленную 31 декабря 1918 г. Именно ее скорейший приход к власти отождествлялся левыми радикалами с диктатурой пролетариата.

На протяжении ноября–декабря 1918 г. вопрос о том, какая из революционных программ возьмет верх, оставался открытым. Многое зависело от того, сумеют ли партийные лидеры уловить настроения масс и мобилизовать их в свою поддержку. Опираясь на мандат, выданный им берлинским съездом советов, члены СНУ от социал–демократов большинства день за днем поворачивали вектор общественных настроений в удобном для себя направлении. Советы рассматривались ими скорее как «неизбежное зло», нежели как рычаг дальнейшего развития революции, которое следовало поскорее ввести в рамки законности и парламентаризма. Тем не менее советское движение являлось неотъемлемой частью германской революции, дав выход политической энергии социальных низов и заполнив собой образовавшийся в первые дни после свержения монархии вакуум власти.

Работа Всегерманского съезда советов рабочих и солдатских депутатов (16-20 декабря 1918 г.) подтвердила «управляемость» советского движения. Съезд одобрил внесенную СНУ резолюцию о скорейшем созыве Национального собрания, призванного демократическим путем выработать новую конституцию. Советы пытались сохранить за собой контролирующие функции, приняв важные решения о демократизации армии и социализации горнодобывающей промышленности, однако они остались благими пожеланиями.

Рабочие массы, прежде всего в Берлине и крупнейших промышленных центрах Германии, были настроены гораздо более радикально. Значительное влияние на них сохраняли комитеты «революционных старост», нелегально созданные на крупнейших предприятиях в годы войны. В отличие от умеренных профсоюзных лидеров старосты выступали за немедленное установление рабочего контроля над предприятиями и их социализацию.

Устранение левого социалиста Эмиля Эйхгорна с поста главы берлинской полиции в начале января 1919 г. переполнило чашу терпения тех, кто ожидал развития событий по сценарию социальной революции. По столице поползли слухи о союзе социал–демократов и военщины для ее удушения, на улицах вновь появились вооруженные рабочие и солдаты. Стихийная демонстрация протеста вылилась в осаду правительственной резиденции, захват общественных зданий в центре Берлина и завершилась кровопролитными столкновениями. Она вошла в историю как «спартаковское восстание».

Обратившись в критический момент за помощью к регулярным армейским частям, правительство Эберта было вынуждено смириться с их произволом. 15 января были убиты лидеры КПГ Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Попытки захвата власти снизу, которые предпринимались их сторонниками зимой–весной 1919 г., являлись отзвуками уходившей грозы, слабость которых лишь подчеркивала истощение политической энергии масс.

На общем фоне социально–политических потрясений, вызванных Первой мировой войной, германская революция выглядела достаточно осторожной. Скорее оказавшиеся у власти, нежели захватившие ее социал–демократы во главе с Эбертом руководствовались принципом «не навреди». Принятие решений о будущем страны было отдано Национальному собранию. В ходе выборов, прошедших 19 января 1919 г. (в них впервые принимали участие женщины), СДПГ и НСДПГ не получили даже половины голосов. Это предопределило компромиссный характер будущей конституции.

Хотя Национальное собрание работало в Веймаре, судьбы Германии решались в Париже, где проходила мирная конференция. Франция настаивала на том, что «немцы должны заплатить за все», и в конечном счете утвердила свою точку зрения в Версальском договоре. Это дискредитировало самые передовые положения Веймарской конституции, принятой 31 июля 1919 г. Она не могла исправить того факта, что общественное мнение воспринимало первую Германскую республику как результат военного поражения, а демократию — как составную часть диктата победителей.

Из конституции Веймарской республики (11 августа 1919 года)

Статья 1

Германский рейх — республика.

Государственная власть исходит от народа.

Статья 17

Каждая земля должна иметь конституцию вольной республики. Народное представительство должно избираться на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права всеми гражданами Германского рейха, мужчинами и женщинами, на началах пропорционального представительства.

Статья 20

Рейхстаг состоит из депутатов германского народа.

Статья 21

Депутаты являются представителями всего народа. Они подчиняются только своей совести и не связаны мандатами.

Статья 22

Депутаты избираются всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов на началах пропорционального представительства, мужчинами и женщинами, достигшими 20-летнего возраста.

Статья 41

Рейхспрезидент избирается всем германским народом.

Избран может быть каждый немец, которому исполнилось 35 лет.

Статья 50

Все распоряжения и постановления Рейхспрезидента, в том числе в отношении вооруженных сил, действительны лишь после их подписания рейхсканцлером или соответствующим рейхсминистром. Такая подпись означает принятие ответственности.

Последующие годы не принесли Германии ни экономической стабильности, ни политического умиротворения. Версальский синдром, охвативший все слои немецкого общества, являлся удобным инструментом сведения партийно–политических счетов. Ревизия Версаля стала главной осью политической жизни в стране. На правом фланге плодились легенды о «преданной армии», «подкупленных демократах», «ударе кинжалом в спину» Веймарской Германии. Военная элита, оставшаяся не у дел после завершения войны, все активней включалась в политический процесс и вносила в него собственные представления о праве и чести.

После того как правительство объявило о радикальном сокращении армии (этого требовал Версальский договор), часть реакционно настроенных офицеров решилась на мятеж. 13 марта 1920 г. армейские части вошли в Берлин и захватили правительственные учреждения. О принятии на себя всей полноты власти заявил сотрудничавший с мятежниками прусский чиновник Вольфганг Капп. Однако путчисты не получили поддержки населения, единым фронтом против них выступили правительство, профсоюзы, рабочие и демократические партии. Через три дня мятежники либо были арестованы, либо скрылись за пределами Германии.

Поражение капповского путча стало важной вехой в истории ранней Веймарской республики, усилив в ней влияние левых сил. Однако первые выборы в парламент — рейхстаг, состоявшиеся 6 июня 1920 г., принесли им очередное поражение. За ними последовала чехарда министерских кабинетов, каждый из которых не имел солидной поддержки ни в самом рейхстаге, ни за его пределами. После того как стала известна сумма репараций, которую предстояло заплатить Германии по итогам Первой мировой войны, в стране началась неудержимая инфляция.

Правительство Йозефа Вирта, приведенное к присяге в мае 1921 г., провозгласило «политику исполнения» требований Антанты. Хотя выплата репараций всячески задерживалась, эта политика стала питательной средой для нового всплеска антиверсальских настроений. В свою очередь, победители решили продемонстрировать твердость по отношению к поверженной Германии. 11 января 1923 г. французские и бельгийские войска начали оккупацию Рурской области, дававшей 70% добычи угля и 50% производства стали. Население и предпринимательские круги оккупированных территорий начали тактику «пассивного сопротивления», срывая поставки сырья и готовой продукции странам Антанты.

В стране была полностью разрушена финансовая система, доллар стал стоить несколько миллиардов марок. Это привело к возрождению примитивных форм товарообмена: рабочие стали получать зарплату произведенными изделиями, горожане вновь отправились на «менку» по деревням. Казначейство не успевало выпускать деньги, хотя на него работали полторы сотни типографий.

Внутриполитическим кризисом поспешили воспользоваться радикальные силы слева и справа. В октябре 1923 г. неудавшуюся попытку захвата власти в Саксонии и Тюрингии предприняли коммунисты, вошедшие в правительства этих земель. А. Гитлер, преобразовавший к тому времени немногочисленную Германскую рабочую партию (январь 1919 г.,

Мюнхен) в сплоченную широковещательной и многообещающей программой «25 пунктов» (февраль 1920 г.), а также принципом единоличного руководства фюрера Национал–социалистическую германскую рабочую партию (НСДАП), попытался повторить успех фашистов уже на немецкой почве. 9 ноября Гитлер и его сторонники устроили «пивной путч» в Мюнхене, который в тот же день был разгромлен силами местной полиции. Несколько дольше продержались сепаратисты в рейнских провинциях Германии, опиравшиеся на поддержку французских оккупантов. Попавший в тюрьму после неудачи путча Гитлер изложил свои откровения в книге «Майн Кампф», практически никем тогда адекватно не оцененной. Самым важным уроком для его движения стала переориентация на парламентски–легальный захват власти и массовость.

Разномастный характер противников Веймарской республики определил их достаточно пассивное поведение. Уверенные, что ее дни сочтены, они скорее выжидали, чем готовили ее неизбежную гибель. Население, измотанное инфляцией и нуждой, в целом пассивно отнеслось к перспективе новых революций. События осени 1923 г. показали не только кризисное состояние общества в целом, но и известный запас прочности нового государственного устройства. Веймарская конституция содержала в себе достаточно рычагов для нейтрализации сил, заинтересованных в насильственной смене политического режима.

Следует отдать должное искусному лавированию главы правительства Густава Штреземана, за три месяца нахождения у власти показавшего себя выдающимся государственным деятелем. Сказалась и твердая поддержка рейхспрезидента Эберта, полномочия которого осенью 1922 г. во изменение конституции были продлены еще на три года. Пруссия, традиционный оплот консерватизма и военных кругов, на сей раз выступила бастионом демократии, не поддержав ни левых, ни правых радикалов.

После принятия весной 1924 г. плана Дауэса, урегулировавшего репарационный вопрос, Германия вступила в период экономической и политической стабилизации. Ежегодные суммы платежей увязывались с прогрессом немецкой экономики, для стабилизации национальной валюты Германии выделялся международный кредит. Репарации финансировались за счет приватизации железных дорог и введения косвенных налогов на потребительские товары, включая главный национальный продукт — пиво. Экономический подъем во многом держался на инвестициях из США, к 1929 г. в Германии был достигнут довоенный уровень промышленного производства. Надежды на лучшее были столь высоки, что при общем невысоком уровне жизни, отказе от 8-часового рабочего дня, более низкой

зарплате по сравнению с другими развитыми странами Европы в Германии на несколько лет почти прекратились крупные забастовки и волнения. СДПГ приняла в 1925 г. новую, Гейдельбергскую программу, в которой основной упор сделала на идею «хозяйственной демократии» и классовое сотрудничество.

За четыре года стабилизации реальная заработная плата выросла на 60%. Произошел почти полный охват работавшего по найму населения профсоюзами, которые превратились в одну из самых влиятельных лоббистских групп за кулисами германской политики. Но даже в эти годы число безработных в Германии не опускалось ниже 7% от самодеятельного населения.

Нацистская партия во второй половине 1920-х годов с трудом преодолевала серьезный кризис, вызванный резким отказом от экстремистских форм действия и активностью внутрипартийной «левой оппозиции», расходившейся с Гитлером в коренных вопросах о возможных союзниках, радикализме во внутренней и компромиссах во внешней политике. Но и для республиканских партий даже ситуация относительного процветания не принесла блестящих дивидендов. Видимость стабильности не затушевывала существование многочисленных групповых интересов, в том числе среди представителей военной и промышленной элиты, находящихся в принципиальной конфронтации с идеалами демократической республики. Правоконсервативные силы в лице Немецкой национальной народной партии (ННПП), «принципиальной оппозиции» веймарскому государству, стабильно сохраняли влияние в обществе и в рейхстаге, обладая там большим количеством мандатов, периодически входя и в правительство.

В 1925 г. Эберта на посту рейхспрезидента страны сменил фельдмаршал Пауль фон Гинденбург, ставленник военных, аристократических кругов и правоконсервативных партий. Искренне пытаясь сыграть роль «отца нации», второй и последний президент первой Германской республики не смог подняться над клановыми и классовыми интересами. Вскоре после выборов берлинская пресса писала о нем как о «якоре стабильности в бушующем море политических страстей»; гораздо слабее были голоса тех, кто рассматривал Гинденбурга как балласт на корабле Веймарской республики.

Она все так же оставалась «демократией без демократов», либеральные ценности сводились для большинства немцев к бесконечным голосованиям и господству бульварной прессы. Социальная зависть молодежи находила выход в антисемитизме, отныне увязывавшемся с

демократией (евреи получили в годы Веймара все политические права). Отношение к побежденной Германии за рубежом давало немцам лишний повод убедиться в том, что право силы стоит гораздо выше силы права. Выход негативных тенденций и антидемократических сил на авансцену германской истории являлся лишь вопросом времени.

Ощущение близкого конца не покидало монархическую элиту Австро–Венгрии с начала осени 1918 г. Наряду с сокрушительными поражениями на фронтах Первой мировой войны этому способствовал крах «гражданского мира» в тылу, а также подъем национального движения в Восточной Европе под влиянием российской революции. Крестьяне прятали продовольствие, в городах обыденным явлением становились голодные бунты. Полицейские репрессии уже не могли удержать население в повиновении. В армии день ото дня усиливалось брожение и пацифистские настроения, прежде всего в славянских формированиях.

Пытаясь вернуть себе политическую инициативу, власти Вены объявили о проведении реформ, однако это уже не могло спасти монархический режим от полного краха. 16 октября 1918 г. император Карл I издал манифест о трансформации империи в федеративное государство, учитывающее право каждой нации на самоопределение. Но он так и не вступил в силу. С 30 октября начались стихийные демонстрации рабочих в Вене и других промышленных центрах страны, на фронте активизировалось создание советов солдатских депутатов.

И ноября 1918 г. Карл подписал манифест, в котором отказался от какого–либо участия в государственном управлении. Писатель Стефан Цвейг заметил по этому поводу: «Для построения государства нужны тысячелетия, но превратиться в пыль оно может всего за несколько часов». На следующий день временное Национальное собрание провозгласило создание демократической республики Австрии, которая в перспективе должна была влиться в единое государственное образование германской нации.

Если в Берлине ноябрьские события 1918 г. создали новую форму правления в уже существующей стране, то в Вене было провозглашено новое государство. Выступая формально правопреемницей монархии Габсбургов, Немецкая Австрия отличалась от нее так же, как эта монархия — от Священной Римской империи. Непосильный груз блестящего прошлого давил на австрийцев не меньше, чем на немцев — унижение проигранной войны.

Главой правительства стал лидер умеренного крыла австрийской социал–демократии Карл Реннер, считавшийся в партии экспертом по

национальному вопросу. Однако его попытки реанимировать Дунайскую империю как федерацию независимых республик не увенчались успехом. Австрия сохранила в своем составе только коронные владения Габсбургов, разделенные на девять федеральных земель. В страну стекались немецкие беженцы из славянских частей империи, провозгласивших свою независимость. В результате в Вене оказалось сосредоточено около трети населения всей республики.

16 февраля 1919 г. состоялись выборы в Конституционное собрание Австрии. Симпатии избирателей распределились поровну между Социал–демократической и Христианско–социальной партиями. Коалиционное правительство смогло провести важные реформы — бы введен восьмичасовой рабочий день, заложены основы производственного самоуправления, отменены сословные привилегии. Пролетарские организации сохранили определенную часть завоеваний революционной эпохи: Совет рабочих депутатов продолжал свою деятельность и после созыва Конституционного собрания, на специальных складах хранилось оружие, принадлежавшее отрядам рабочей самообороны.

Принятие австрийской конституции, которая вступила в силу 1 октября 1920 г., не привело к внутриполитической стабилизации в стране. Христианские демократы настояли на делегировании землям значительных полномочий, что только усугубило латентный конфликт промышленных центров и консервативных сельских регионов республики. Наряду с партиями значительную роль в политической жизни страны стали играть военизированные формирования — рабочий шуцбунд, праворадикальный хаймвер, различного рода фашистские союзы. Идеи реванша в общественном сознании австрийцев переплетались с надеждами на «великогерманское объединение», запрещенное Версальским договором.

В октябре 1922 г. Австрия справилась с гиперинфляцией, стабилизировав свою валюту на отметке 80 тыс. крон за один доллар США. Страна оказалась под жестким финансовым контролем специального комиссара Лиги Наций. Он единолично распоряжался доходами от пошлин и акцизов, являвшихся обеспечением международного займа. В рамках режима санации правительство пошло на увольнение 100 тыс. чиновников всех рангов и резкое сокращение социальных программ, которые буржуазная пресса называла рудиментом революционной эпохи.

Вторая половина 1920-х годов стала периодом постепенного подъема и модернизации австрийской экономики. Усилилось проникновение в нее иностранного капитала, в основном английского и американского. Инвестиции направлялись в крупные инфраструктурные проекты, такие

как строительство гидроэлектростанций и перевод железнодорожного транспорта на электрическую тягу.

Уникальным социально–политическим явлением Австрийской республики 1920-х годов стал феномен Красной Вены. Столица, находившаяся под контролем социал–демократических бургомистров, стала пионером в области социального обеспечения и здравоохранения. Рабочие в массовом порядке переселялись из убогих казарм в просторные и комфортные жилища, построенные за счет городского бюджета, за десятилетие в Вене почти в два раза снизилась детская смертность.

Именно в Вене в июле 1927 г. разразился социально–политический конфликт, символизировавший конец недолгой эпохи стабилизации в Австрии. Оправдание судом фашистских убийц привело к беспорядкам и поджогу Дворца юстиции, собравшаяся перед ним толпа была расстреляна полицейскими. Реакционные силы, симпатизировавшие австрийским фашистам, имели все основания для торжества — миф о силе рабочего класса, о «социализме в одном городе» был развеян. После венского расстрела ситуация в стране развивалась по наихудшему сценарию. Конфронтация социалистического и правоконсервативного лагерей стала приобретать черты, характерные для эпохи гражданской войны.

Зарождение тоталитарных движений. Установление фашистского режима в Италии

Первые послевоенные годы в перенесшей невиданные потрясения Европе повсеместно были наполнены жаждой стабильности, возвращения к довоенной, мирной повседневности, порядку и уверенности в будущем. Однако трудности «реконструкции», революционные взрывы, осознание подлинных масштабов военной трагедии, неудовлетворенность результатами или горечь поражения делали простой возврат в прошлое невозможным. Цивилизационный кризис периода Первой мировой войны продолжался в умах смятенных и отчаявшихся за эти годы людей, как элиты, так и масс, пугая глобальными вопросами о смысле исторического развития всего человечества, сломе старого мира, крушении устоявшихся ценностей эпохи ушедшего века и цивилизационном тупике. Правые и левые, консерваторы и либералы, социалисты и коммунисты, националисты и интернационалисты — все они нуждались в надежде на лучшее будущее и преодоление изъянов прошлого, которые каждый трактовал по–своему. Всем были необходимы яркие лидеры с программой

действий, наполнявшей смыслом неустойчивое послевоенное существование.

Расширение электората, выход массы, еще вчера маломобильной и политически непросвещенной, на историческую сцену придали идеологическим баталиям совершенно новую окраску: наряду с харизмой вождя решающими факторами успеха становились наличие массовой базы движения в разнородных слоях общества, способность объединить поляризованные интересы, сплотить людей вне классовых и иных рамок, манипулировать их инстинктами, чувствами и действиями. Обоснованность и реалистичность предлагаемых панацей отступала на задний план. Стереотипы социального поведения не только фронтовиков, но и общества в целом были настолько преобразованы четырьмя годами беспрекословного подчинения, всеобщей милитаризации и самоограничений, что многие, особенно в странах без долгой демократической традиции, видели средство спасения от всех бед в сильной власти, способной покончить с кажущимся бессилием парламентаризма, и в сильном лидере, способном эту власть установить и удержать. Граница между допустимостью такой власти и диктатурой в сознании практически отсутствовала, насилие стало чуть ли не нормой. Вооруженные отряды разного толка, из бывших солдат, молодежи, люмпенов, испуганных и обозленных социальных аутсайдеров стали распространенным явлением политической жизни начала 1920-х годов и постоянным фактором дестабилизации обстановки, ощущавшим себя вне рамок гражданского общества. К ним присматривалась и политическая элита, зачастую чувствовавшая необходимость выбирать «из двух зол»: между коммунизмом и тоталитаризмом (фашизмом).

Революционные потрясения и левые эксперименты, радикализм перемен по русскому образцу отвечали надеждам лишь части тех, кому нечего было терять. Остальным смысл вероятного насилия все же виделся в защите порядка и стабильности. Большинство западноевропейского общества было далеко от признания очистительной миссии в сломе привычного мира, страхом и неуверенностью сердце бюргера любого масштаба наполнял даже рост влияния социал–реформистских идей, целью которых на самом деле все более становилась интеграция понятия социализма и связанных с ним преобразований в существующую картину мира. Но необходимость перемен ощущалась очень остро.

Наряду с левым радикализмом в ряде стран, наиболее болезненно перенесших войну, зарождались и крепли парадоксальные настроения псевдореволюционного консерватизма, истоки которого следует искать в

дои послевоенных трудностях модернизации, крайнем обострении национального чувства и ущемленного национализма, гипертрофированной этатистской традиции, элементарной боязни потерять даже то немногое, что имели. Сторонники этих идей отвергали и либеральные идеалы, считая их нежизнеспособными в новом мире, и легитимистский консерватизм, основанный на примитивном восстановлении старого порядка, и большевистско–коммунистические эксперименты, раскалывавшие общество до хаоса и гражданских войн. В новом, тоталитарном обществе должно было господствовать добровольное единение во имя высшей цели всеобщего блага нации, расы, «народного сообщества», во имя создания нового человека, свободного от пороков индивидуалистического рационализма и прагматизма.

«Национальная революция» в понимании идеологов таких движений должна была совершаться изнутри, «легитимно», в полной мере используя парламентско–демократические институты гражданского общества. Кулиса легальности в равной степени успокоительно действовала и на обывателя, и на интеллектуала, лишая воли к сопротивлению «законной власти». Несмотря на элементы путча, в чем–то заимствованные у противников–марксистов, основу такой революционности и быстрых системных перемен должно было составлять движение за силу власти большинства, массовость. В подрыве либеральной демократии ее же средствами, прежде всего с помощью избирательного права или референдумов, состояло принципиальное новшество фашистских партий и группировок.

Еще одно отличие от прежних методов политического действия состояло в том, что им нужна была не безгласно ведомая, а мобилизованная, по возможности фанатизированная масса сторонников, включающая в себя в идеале всех членов общества, без различий по социальному, возрастному, половому признаку. Призывы к высоким национальным целям льстили самолюбию «маленьких людей», заставляли чувствовать свою востребованность, вкупе с театрализацией массовых мероприятий наполняли смыслом незаметное существование. «Стальная гроза» Первой мировой войны в этом примитивно–интуитивистском видении мира знаменовала «сумерки богов» и «закат Европы», катарсис грядущих катастроф означал возврат к «естественному человеку», формирование когорты новых героев, чья миссия состоит в спасении человечества.

Фашисты по–настоящему не были ни традиционалистами–консерваторами, ни революционерами–модернистами, не принимая в чистом виде ни прошлое, ни современность. Фразеология и тех, и других

была необходима им исключительно в своих прагматических целях для формирования массовой опоры, готовой обеспечить своим вождям абсолютную власть. И для достижения этого они готовы были привлечь на свою сторону максимальное количество сторонников, так что сам фашизм парадоксально являлся порождением эпохи демократизации, хотя был воинствующе антилиберален.

Эклектика идеологии, популизм и устрашение оказались действенными практически повсеместно, но наиболее результативными фашистские движения оказались в тех странах, где обстановка была наименее стабильной, а проблемы наиболее острыми, где присутствовали не просто разочарование итогами войны, а горечь и национальная обида: в Италии и Германии. В первой общество живо откликнулось на тезис об «украденной победе», во второй — на легенды о «непобежденной армии» и «ударе кинжалом в спину». Особое внимание обращалось и на активную эксплуатацию «образа врага»: мирового коммунизма, евреев и т. п., освобождавшего обывателя от ответственности и размышлений о собственной неполноценности. Видимость крушения старого мира и традиционалистских режимов с устоявшимися механизмами управления придавала этим «врагам» характер вселенского зла.

Для Италии, «побежденной среди победителей», получившей от своего вступления в войну на стороне Антанты слишком мало по сравнению с ожиданиями, опасность социального взрыва и рост влияния левых стали в неспокойной обстановке первых послевоенных лет повседневной реальностью. Либеральное государство показало себя хронически неспособным решить накопившиеся еще ко времени объединения страны проблемы диспропорций в экономике, разницы в развитии между Севером и Югом, отношений с Ватиканом, низкого уровня жизни большинства населения, коррупции и засилья мафиозных структур. Более того, практически единственной политической силой в стране, имевшей хотя бы четкую структуру и программу, были социалисты, в рядах которых начинал свою карьеру и будущий вождь фашистов Б. Муссолини.

Первые послевоенные годы остались в исторической памяти итальянцев как «красное двухлетие», вслед за которым к власти пришли фашисты. После утраты в начале 1919 г. либералами парламентского большинства страну сотрясало невиданное по масштабам стачечное движение с мощным зарядом леворадикальных требований, вплоть до рабочего контроля над производством, а правительствам приходилось идти на серьезные уступки в социальной сфере. Введение 8-часового рабочего дня выглядело, может быть, сравнительно безобидным мероприятием на

фоне вынужденного признания парламентом части самовольных захватов земель крестьянами Юга. В руководстве Итальянской социалистической партии (ИСП) серьезные позиции удерживали сторонники программы–максимум, приветствовавшие диктатуру большевиков в России, также сильны были всякого рода сектанты, тяготевшие к террористическим методам времен краснорубашечников Гарибальди. В январе 1921 г. левые радикалы окончательно раскололи ИСП, образовав Коммунистическую партию Италии (КПИ), однако «красное двухлетие» к тому времени уже было близко к завершению. Захваты предприятий и земли не нашли поддержки большинства общества, а опытный сторонник либерального реформизма Дж. Джолитти, с июля 1920 г. возглавивший очередное правительство, ценой обещания ввести рабочий контроль сумел заставить руководство рабочего движения отказаться от леворадикальных форм действия.

Альтернатива наступлению левых уже организовалась к тому времени в сплоченные «Фашио ди комбаттименто» («Боевые союзы», март 1919). В их программе каждый простой итальянец мог найти требования, отвечающие своим интересам: всеобщее избирательное право без ограничений, гарантированные гражданские свободы, созыв Учредительного собрания, отмена любых привилегий, роспуск сената и полиции, всеобщее разоружение в мире, введение прогрессивного налогообложения, участие рабочих в управлении, раздача крестьянам земли помещиков, доступное всеобщее образование, секуляризация церковного имущества, конфискация военных прибылей.

57% рядовых участников фашистского движения составляли бывшие фронтовики, 13% — студенты. Их дуче (вождь) Муссолини так определил профиль нового движения: «Мы позволяем себе роскошь быть аристократами и демократами, консерваторами и прогрессистами, реакционерами и революционерами, сторонниками легальности и нелегальщины в зависимости от обстоятельств времени, места и окружающей среды». Апология беспринципности на деле только внешне выглядела таковой, поскольку Муссолини был настроен на создание сильного государства, пробуждение «молодого духа нации», величие Италии, имперские амбиции, и во всем этом не было места левым экспериментам, которыми он сам еще недавно увлекался.

Его удар был направлен против прямых соперников — социалистов, показавших себя реальной угрозой существующему порядку и государству. Вместо продолжения политики реформ Джолитти правящие круги Италии, напуганные социалистическими идеями, уставшие от бессилия, все более

склонялись к мысли допустить фашистов к пробе властью, реализовать их в качестве противоядия от революционных потрясений. Джолитти с удивительной наивностью какое–то время вообще полагал, что социалисты и фашисты смогут уравновесить влияние друг друга на политическом поле и показать ценность умеренного либерализма как гаранта спокойствия.

Ни одна из политических сил в Италии не ощутила необходимости противостоять наступлению фашизма, большинство было дезориентировано его «народным характером» и патриотическими идеями. Либералы создавали с фашистами избирательные блоки против социалистов и католиков, социалисты, воспринимавшие террористические выходки своих противников чуть ли не как массовый психоз, избрали совершенно проигрышную в этой ситуации тактику не отвечать насилием на насилие, а в августе 1921 г. успели даже заключить с фашистами «пакт умиротворения», фиксировавший взаимный отказ от враждебности. Коммунисты видели в фашистах одно из многочисленных проявлений грядущего краха либерального государства, который они сами приветствовали всеми средствами, поэтому приход к власти фашистов должен был означать лишь ускорение этого процесса…

«Чего мы добиваемся? — писал Муссолини в марте 1921 г. — Говорим об этом без ложной скромности: управления нацией». Именно этой цели недоставало всем его противникам, управляемой нации не было в Италии за все время существования единого государства. В мае Муссолини был избран депутатом парламента. Весной 1922 г. фашисты открыто вступили в борьбу за власть на местах и в стране в целом, причем дуче не отвергал ни парламентского пути, ни варианта государственного переворота. В сентябре он объявил о намерении предпринять «поход на Рим», но что подразумевалось под этим, уточнять не стал. В конечном счете было решено, что захватившие ключевые позиции в провинциях фашисты должны будут войти в столицу тремя колоннами с разных сторон и предъявить ультиматум о смене власти. Сам дуче превентивно потребовал предоставить фашистам важнейшие посты в правительстве. 29 октября король Виктор–Эммануил дрогнул и пригласил его в Рим для переговоров, Муссолини ответил, что приедет только в статусе премьер–министра, — и 30 октября 1922 г. триумфатором появился в столице. «Революция в спальном вагоне» была выиграна легитимно и практически бескровно, и, несмотря на коалиционный состав правительства, теперь ничто не должно было помешать достижению «великого будущего» для Италии.

На пример итальянского фашизма ориентировался не только германский национал–социализм, но и военно–авторитарные режимы,

установившиеся в странах Пиренейского полуострова. Примо де Ривера, пришедший к власти в Испании в 1923 г., проводил политику бонапартизма, лавируя между антиклерикальными требованиями трудящихся масс и традиционным авторитетом церкви, а также между королем и армией. Однако репрессии только умножали ряды противников Риверы в разных слоях общества. Наиболее ярким примером его провальной внутренней политики стала борьба с автономистским движением в Каталонии. Несмотря на растущее проникновение в Испанию иностранного капитала, она оставалась аграрной страной, подавляющее большинство крестьян страдало от безземелья, на кабальных условиях арендуя сельскохозяйственные угодья у крупных латифундистов. Так и не добившись заметной стабилизации ситуации в Испании, в начале 1930 г. Примо де Ривера объявил о своей отставке. Вскоре в стране началась буржуазно–демократическая революция, в 1936 г. переросшая в гражданскую войну.

Португалия накануне Первой мировой войны являлась одной из немногих республик на континенте, это было главным завоеванием демократической революции 1910 г. Однако новая форма правления не принесла стабильности — за пятнадцать последующих лет в Португалии сменилось более сорока правительств, которые так и не смогли приблизить страну к уровню промышленного развития передовых государств Европы. Настроения недовольства зрели в офицерском корпусе, в 1926 г. реакционно настроенные офицеры совершили военный переворот. Один из министров правительства, назначенного путчистами, Антониу де Оливейра Салазар, до того момента профессор экономики, занялся воплощением на практике своих теоретических познаний. Сторонник государственного дирижизма и социальной доктрины католицизма, он добился внутриполитической стабилизации и сократил до минимума бюджетный дефицит. Став впоследствии премьер–министром, Салазар осуществил ряд крупных инфраструктурных проектов, обеспечил себе долговременную поддержку армии и церкви и оставался у власти вплоть до 1968 г. В эти годы в Португалии подавлялась оппозиционная деятельность, а вся полнота власти находилась у правительственной партии «Национальный союз».

Восточная Европа в 1920-е годы

По итогам Первой мировой войны восточноевропейский политический ландшафт отличало значительно большее разнообразие, чем

до 1914 г.: на территориях четырех бывших империй — Австро–Венгерской, Османской, Российской и Германской — отныне помещалось 12 средних и малых государств — Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария, Югославия (до 1929 г. — Королевство сербов, хорватов и словенцев), Греция и Албания. Все эти весьма различные державы были молодыми и неокрепшими, включая те из них (Греция, Румыния, Болгария и провозгласившая независимость в конце 1912 г. Албания), что имели свою государственность до начала мировой войны. Их объединяло прежде всего то, что право на существование на карте Европы они получили от победивших великих держав в рамках Версальско–Вашингтонской системы международных отношений.

Само по себе обретение независимости уже было большой геополитической удачей по сравнению с тщетными усилиями в том же регионе так называемых формирующихся государств (Украинская держава гетмана Скоропадского, Белорусская народная республика, Украинская народная республика, Западно–Украинская народная республика, Венгерская и Словацкая советские республики), просуществовавших совсем недолго и не признанных победителями в войне, или на фоне отсутствия после 1918 г. малейшей реальной возможности для создания собственного государства у ряда сложившихся наций (хорваты, словенцы).

Самим же политикам Восточной Европы казалось, что их послевоенная державность является естественным продолжением древних и средневековых государственных традиций, хотя в реальности они к началу 1920-х годов пытались проводить куда более современную политику, сочетавшую ценности XIX столетия как «века национализма» и обещания социальных реформ в интересах «всего народа». Ставка на национализм оказалась ошибочной — в первую очередь потому, что большинство государств региона оказалось многонациональными, а рецепта эффективной политики в отношении этнических меньшинств так и не было выписано, несмотря на многочисленные документы Лиги Наций по этому вопросу. Обещания в социальной сфере в условиях колоссальных послевоенных трудностей в экономике почти повсеместно, за исключением Чехословацкой республики (ЧСР), были далеки от действительности. Избранная практически повсюду в Восточной Европе в качестве стартовой площадки для послевоенной государственности модель парламентской демократии также не оправдала возлагавшихся на нее надежд, опять–таки за исключением ЧСР.

Уже в 1920-е годы все 12 стран Восточной Европы оказались в

своеобразной «мертвой зоне» европейской политики — это произошло в условиях, когда США ушли из Европы, а декларированная победителями в войне, прежде всего Францией, идея «санитарного кордона», который был призван сдержать рост могущества Советской России и Германии, провалилась уже к 1920 г., после передачи ЧСР спорной с Польшей территории Тешинской Силезии. Польско–чехословацкий конфликт и более десятка других противоречий между странами региона оказались принципиально нерешаемыми в течение всего межвоенного периода. Союзные отношения среди государств Восточной Европы были скорее исключением (оформившаяся с 1920 г. так называемая Малая Антанта в составе Чехословакии, Румынии и Югославии; Балтийская Антанта 1934 г. как альянс Эстонии, Латвии и Литвы; не реализованная договоренность 1934 г. о создании Балканской Антанты из Греции, Югославии, Румынии и Турции). В итоге ни немногочисленные союзники, ни Антанта не могли стать для молодых государств надежной точкой опоры, вследствие чего и внутреннюю, и внешнюю политику им с первых лет независимости пришлось выстраивать самим, начиная, как это случилось, к примеру, с Польшей, Литвой или Албанией, с многолетних усилий по оформлению собственных границ и их международному признанию.

После Первой мировой войны оказались неприменимыми на практике и традиционные идеологические конструкции, в том числе идея славянского единства, вполне актуальная до начала 1910-х годов в обновленном варианте «неославизма». 4 из 12 государств региона были славянскими, в том числе самая крупная из них по площади Польша (388,6 тыс. кв. км) и третья по этому показателю Югославия (248, 7 тыс. кв. км), однако проявления солидарности славян на пространстве Восточной Европы просматривались гораздо реже, нежели геополитические противоречия между ними.

Межвоенная Польша, известная также как II Речь Посполитая (в качестве преемницы ушедшей в историю в 1795 г. I Речи Посполитой), состоялась как одно из самых крупных европейских государств того времени. Но первоначальная эйфория от обретения независимости спустя 123 года уже в конце 1918 г. переросла в разочарование, вызванное осознанием того, что признание победителями в войне государственного статуса Польши не означало легитимации какого–либо варианта ее государственных границ и необходимость прибегать в этом вопросе к силовому решению. В итоге на оформление рубежей II Речи Посполитой ушло три года — с конца октября 1918 по октябрь 1921 г.

Формирование государственной территории проходило в условиях

острейших внутриполитических споров, в первую очередь между сторонниками Ю. Пилсудского, назначенного 11 ноября 1918 г. командующим вооруженными силами и 14 ноября временным начальником государства, и национал–демократами во главе с Р. Дмовским, имевшими опыт дипломатической работы в эмиграции в деле возрождения Польши. Примечательно, что режим парламентской демократии был внедрен в государстве намного раньше установления его границ — уже в феврале 1919 г. собрался Законодательный сейм, который принял так называемую Малую конституцию, определившую полномочия парламента, правительства и начальника государства. 17 марта 1921 г. была принята постоянная конституция Польши, провозглашавшая республику и принадлежность верховной власти народу. Центральное положение в системе власти занимала нижняя палата парламента — сейм, утверждавший правительство; полномочия президента Польши были серьезно урезаны.

К моменту принятия конституции борьба за границы Польши была в основном завершена. 18 марта 1921 г. в Риге был подписан мирный договор, завершивший польско–советскую войну (боевые действия между сторонами фиксировались уже с начала 1919 г.). Не имевший никакого военного образования Пилсудский проявил себя неплохим военным стратегом в ходе сражения под Варшавой в августе 1920 г., окончившегося наступлением польской армии, позволившим существенно расширить восточные рубежи Польши. Он оказался и не менее ловким дипломатом, удержавшимся в 1919 г. от сотрудничества с А. И. Деникиным во время наступления белых армий на Москву и избежавшим в итоге неминуемых территориальных потерь в случае реализации концепции «единой и неделимой России».

В октябре 1920 г. с подачи Пилсудского была успешно опробована геополитическая технология: его соратник Л. Желиговский вооруженным путем захватил Вильно и округу, провозгласив здесь квазинезависимое государство Срединная Литва, после референдума 1922 г. вошедшее в состав Польши. Такое изменение границ было признано Антантой уже в марте 1923 г., несмотря на прежние решения о закреплении этих земель за Литвой. Однако расширение границ II Речи Посполитой за пределы этнической территории польского народа привело к тому, что поляки составляли в новом государстве не более 2/3 населения, а оставшуюся треть формировали крупные национальные меньшинства, как правило, враждебные политике властей в Варшаве, — украинцы, белорусы, немцы, евреи. В таких условиях стратегическую инициативу на обширных

восточных окраинах Польши, так называемых кресах, приобретали и большевики, проводившие в УССР и БССР результативную и объективно антипольскую национальную политику, и украинские националисты, создавшие в 1929 г. Организацию украинских националистов (ОУН).

Маршал Ю. Пилсудский. Польша, 19301931 гг. РГАКФД

Режим парламентской демократии и после мартовской конституции 1921 г. оставался крайне нестабильным. В сейме формировалось до 26 фракций, часто враждовавших между собой по мельчайшим вопросам и превращавших нижнюю палату парламента в ограниченно дееспособный орган власти. Президент, избиравшийся в сейме, не только не стал альтернативой парламенту, но и превратился в объект охоты. Уже 16 декабря 1922 г. первый президент Польши Г. Нарутович, приведенный к присяге всего пятью днями раньше, был застрелен на художественной выставке в Варшаве правым экстремистом Э. Невядомским. До майского переворота 1926 г., приведшего к власти Пилсудского, в стране сменилось 13 правительств, причем кабинеты, формировавшиеся путем парламентской коалиции, обычно существовали не более полугода, что приводило к разгулу коррупции среди не надеявшихся усидеть в своих креслах чиновников. Лишь внепарламентское правительство национал–демократа В. Грабского (декабрь 1923 — ноябрь 1925 г.) смогло провести ряд необходимых стране реформ, в том числе стабилизацию финансов с помощью введения в 1924 г. твердой денежной единицы — злотого.

Экономическое положение Польши до конца 1920-х годов оставалось стабильно тяжелым. Страна, скроенная из части территорий Австро–Венгрии, Российской и Германской империй, не только страдала от последствий Первой мировой войны, но и утратила ориентацию в пространстве рынков сбыта, лишившись, в частности, традиционных покупателей своего текстиля в России и Китае. Сформировать сходу единое экономическое пространство не удалось, а враждебность к Польше всех соседей (за исключением маленького участка границы с Румынией) создавала большие трудности во внешней торговле.

В результате к маю 1926 г. Польша стала первой страной Восточной Европы, в которой созрели условия для поворота от парламентской демократии к авторитаризму. Режим «сеймократии» не устраивал ни армейскую верхушку, ни торгово–промышленные круги, ни миллионы рядовых граждан. В таких условиях Пилсудский, оставивший политику в 1923 г., 12-14 мая 1926 г. спланировал и с помощью своих многочисленных сторонников успешно осуществил государственный переворот. Поход заговорщиков на Варшаву привел к кровавым уличным столкновениям и гибели около 300 человек, но большинство польского общества эту акцию поддержало, устав от политической нестабильности и коррупции. Действующая власть во главе с премьером В. Витосом и президентом С. Войцеховским не смогла защитить себя и уступила дорогу нелегитимному

режиму личной диктатуры Пилсудского.

В соседней Чехословацкой республике режим парламентской демократии, напротив, сформировался и укрепился без существенных потрясений. В годы Первой мировой войны чешские политики Т. Г. Масарик и Э. Бенеш при поддержке словака М. Р. Штефаника провели значительную подготовительную работу для формирования новой государственности. Страны Антанты признали Чехословацкий национальный совет в эмиграции в качестве временного правительства еще до окончания войны, а Т. Е Масарик во время пребывания в США заключил в 1918 г. важные соглашения: в Питтсбурге — со словацкой эмиграцией и в Филадельфии — с американскими русинами. 28 октября 1918 г. в Праге было объявлено о независимости «чешско–словацкого народа», а 14 ноября временное национальное собрание провозгласило Чехословакию республикой и избрало президентом Т. Г. Масарика.

Сконструированное чешскими политиками государство площадью 140,3 тыс. кв. км с согласия Антанты включило в себя Словакию и Подкарпатскую Русь. В ЧСР изначально сформировалось многонациональное пространство (по переписи 1921 г. из 13 621 тыс. человек чехов и словаков насчитывалось 8760 тыс., русин 461 тыс., немцев 3123 тыс., венгров 745 тыс., поляков 76 тыс.). При активной помощи Франции ЧСР к середине 1919 г. военным путем решила проблему присоединения Словакии из состава Венгрии, не помогло и провозглашение 16 июня 1919 г. Словацкой советской республики как сателлита Венгерской советской республики. Попытки судетских немцев заявить о своем праве на самоопределение были проигнорированы, в 1920-е годы острота национальных противоречий ощущалась не слишком отчетливо, при этом власти в Праге действовали в интересах чешской политической элиты, задвигая в долгий ящик не только немецкий, венгерский и польский, но и словацкий вопросы.

Февральская конституция 1920 г. закрепила вектор развития ЧСР по модели парламентской демократии, который уверенно выдерживался в реальности. Удалось добиться равновесия властей и рационального распределения полномочий между президентом, парламентом и правительством. На властные процессы активно влияла так называемая группировка «Града», включавшая в себя помимо политиков видных представителей промышленных и финансовых структур. При любом раскладе выборов позиции президента Т. Г. Масарика и бессменного при нем главы МИД Э. Бенеша оставались неизменно прочными.

Большим успехом ЧСР стало устойчивое развитие экономики.

Получив в наследство около 70% промышленного потенциала Австро–Венгрии, страна смогла не только сохранить его, но и приумножить, а в «золотые годы» (1924-1929) и существенно модернизировать, сделав упор на развитие электроэнергетики, военной промышленности, автомобилестроения, производства обуви и др. По ряду показателей межвоенная Чехословакия входила в десятку промышленно развитых государств мира. Поступательно развивались социальная сфера и качество жизни населения, что значительно сужало возможности местных коммунистов.

Куда больше проблем принесло с собой развитие по модели парламентской демократии провозглашенного 1 декабря 1918 г. на югославянских землях Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС). По воле Антанты власть в новом государстве досталась сербской династии Карагеоргиевичей, при этом усилия хорватских и словенских политиков получить в рамках Королевства СХС даже формальную автономию успеха не имели. Видовданская конституция, принятая в июне 1921 г., закрепила централизм в качестве основы государственного устройства. Роль королевской власти в 1920-е годы была еще достаточно скромной на фоне скупщины (парламента), но правящий монарх Александр Карагеоргиевич (до 1921 г. принц–регент, затем король) активно поддерживал умозрительную идею о «народном и государственном единстве». В итоге административное деление Королевства СХС, введенное в 1921-1922 гг., включало в себя 33 небольшие области, умышленно выделенные не по национальному признаку.

Король сербов, хорватов и словенцев Александр I Карагеоргиевич (1921-1929 гг.), с 1929 г. король Югославии. РГАКФД

На практике теория о «едином народе с тремя именами» в жизнь так и не воплотилась. Выяснилось, что она не устраивала ни сербских политиков, ни хорватов и словенцев, ни представителей тех народов, которые не были упомянуты в названии государства. Югославянское пространство оставалось расколотым и по национальному, и по религиозному признакам (по переписи 1921 г. 46,7% населения страны исповедовало православие, 39,3% — католичество, 11,2% — мусульманство). Огромные трудности возникли и с формированием единой экономики, в которой были заинтересованы хорватские и словенские промышленные круги.

Хорватские политики и прежде всего харизматичный лидер Хорватской крестьянской партии С. Радич изначально встали в оппозицию белградскому режиму и опирались при этом на массовую поддержку. В таких условиях механизмы парламентской демократии в 1920-е годы работали с большими перебоями, порождая значительную коррупцию во властных структурах, а после убийства в июне 1928 г. Радича, совершенного сербским депутатом П. Рачичем прямо на заседании скупщины, король Александр стал склоняться к установлению собственной диктатуры.

Оказавшаяся в стане проигравших в мировой войне Болгария в отличие от большинства соседей не была отягощена национальным вопросом. В условиях второй за пять лет национальной катастрофы (первая произошла в 1913 г. после поражения во Второй Балканской войне) модель конституционной монархии сохранилась, но еще 3 октября 1918 г. царь Фердинанд отрекся от престола в пользу своего 24-летнего сына Бориса III. Молодой монарх долгое время активно не вмешивался в политическую жизнь, которая до середины 1920-х годов отличалась бурным и противоречивым развитием. Дополнительным раздражителем стало подписание Болгарией 27 ноября 1919 г. мирного договора в Нейи, лишавшего страну выхода к Эгейскому морю и всех завоеванных во время мировой войны территорий и накладывавшего на Софию неподъемные репарации на период до 1956 г. В этих условиях власть в Болгарии получили аграристы из Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС) и их харизматичный лидер А. Стамболийский, делавшие ставку на эгалитаризм и радикальные реформы в интересах крестьянского большинства. Ради единоличного пребывания у власти БЗНС активно использовал фальсификации на выборах и прочие недемократические методы, которые противники аграристов определили как «оранжевый большевизм» (оранжевый использовался в качестве партийного цвета).

При таком понимании парламентской демократии и традиционные софийские партии, и коммунисты, бывшие второй по популярности после БЗНС политической силой в стране, были полностью лишены доступа к власти. Стамболийский и его соратники сделали упор на свое влияние в регионах, недооценив политические процессы в Софии. Правая оппозиция при активном участии болгарского офицерства в июне 1923 г. свергла власть БЗНС путем государственного переворота, Стамболийский был подвергнут жестокой казни. Следом, уже в сентябре 1923 г. новые власти ловко спровоцировали на преждевременный путч болгарских коммунистов, а в апреле 1925 г. сторонники Коминтерна были надолго исключены из

политической жизни страны после устроенного коммунистами теракта в соборе «Св. Неделя» в Софии, в результате которого вместо царской семьи и правительства погибли более 100 простых болгар.

Придя к власти путем переворота, правые политики из Демократического сговора до конца 1920-х годов в дальнейшем не выходили за рамки парламентской демократии, правительства А. Цанкова и А. Ляпчева активно использовали в качестве инструмента власти Народное собрание. При этом ни аграристам, ни правым не удалось провести эффективные реформы в аграрной области, низким оставался и уровень промышленного развития.

Четыре государства Восточной Европы были созданы на территории бывшей Российской империи. Провозглашение независимости Финляндии 6 декабря 1917 г. положило начало длительной борьбе за границы нового государства с Советской Россией, включавшей в себя и гражданскую войну на финских землях, и две локальные советско–финские войны (март 1918 — октябрь 1920, октябрь 1921-март 1922). Восточная граница Финляндии была определена Тартуским мирным договором с РСФСР 14 октября 1920 г., в итоге было создано обширное, но с большими малонаселенными северными территориями государство площадью 382,8 тыс. кв. км. 9 октября 1918 г. Финляндия была провозглашена монархией, королем был избран гессенский принц Фридрих Карл, но уже меньше чем через год страна стала президентской республикой, что зафиксировал акт о форме правления (конституция) от 17 июля 1919 г. Первым президентом страны стал в июле 1919 г. К. Ю. Стольберг, в 1925 г. его сменил аграрий Л. Реландер. Парламент также занимал важное место в финляндской политической жизни, получив с 1922 г. право контролировать деятельность Государственного совета (правительства).

Независимость Эстонии была провозглашена 24 февраля 1918 г., но потребовалось еще почти два года, чтобы после ряда вооруженных конфликтов этот факт был признан Тартуским мирным договором с РСФСР от 2 февраля 1920 г. В качестве формы государственного устройства небольшое государство площадью 47,5 тыс. кв. км изначально избрало парламентскую демократию, что было закреплено в конституции Эстонии, принятой 15 июня 1920 г. Как и в Польше, парламент был главным звеном в системе власти, что влекло за собой частую смену правительств: с 1920 по 1934 г. страной управляли 23 кабинета министров.

Латвия провозгласила независимость 18 ноября 1918 г. в форме парламентской республики. Первый глава правительства К. Ульманис формально занимал свой пост до 1921 г., но лишь 11 августа 1920 г.

мирный договор между Латвией и РСФСР завершил крайне напряженный период борьбы за власть, включавший в себя и краткий (до мая 1919 г.) период существования советской республики. Самое большое из прибалтийских государств площадью около 75 тыс. кв. км по конституции, принятой 15 февраля 1922 г., провозглашалось демократической республикой. В 1920-е годы режим парламентской демократии функционировал без особых потрясений, но уровень экономического развития существенно снизился по сравнению с периодом до 1914 г., резко уменьшилось и население Риги.

Самым небольшим по площади (около 45 тыс. кв. км) прибалтийским государством стала межвоенная Литва со столицей в Каунасе. Независимость была провозглашена 16 февраля 1918 г. в период германской оккупации, а 11 июля того же года было объявлено о создании Литовского королевства. После окончания Первой мировой войны в Вильно была образована советская республика, в феврале 1919 г. объединенная с белорусскими землями в так называемый Литбел, реально просуществовавший в Литве только до апреля того же года. Московский договор от 12 июля 1920 г. с РСФСР обеспечил признание Литвы со стороны большевиков, но потеря Вильно в октябре того же года стала самой главной проблемой для нового государства на весь межвоенный период. Для обеспечения надежного выхода к морю в январе 1923 г. литовцам пришлось устроить вооруженное восстание в Клайпеде (Мемеле) — только после этого в феврале того же года Мемельский край был признан за Литвой Советом послов Антанты. Конституция Литвы от 1 августа 1922 г. закрепила создание режима парламентской республики, которая уже в конце 1926 г. уступила место авторитарному режиму А. Сметоны и его партии — Союза литовских националистов. Государственный переворот 17 декабря 1926 г. был совершен с особым цинизмом, в день 60-летия действующего президента К. Гринюса, которого спустя несколько дней сменил Сметона.

Еще раньше тенденция к авторитаризму проявилась в Венгрии. Провозглашенная 16 ноября 1918 г. Венгерская народная республика продержалась менее чем полгода: 21 марта 1919 г. была установлена Венгерская советская республика во главе с Б. Куном, просуществовавшая до 6 августа того же года. Диктаторские методы местных коммунистов были вскоре подхвачены местными правыми: после краткого периода восстановления республики 1 марта 1920 г. было объявлено о восстановлении монархии. Однако трон Королевства Венгрия так и оставался вакантным вплоть до его упразднения в 1944 г.: все это время

регентом оставался адмирал австро–венгерского флота М. Хорти, постепенно эволюционировавший от толерантности к парламентскому строю в виде двухпалатного государственного собрания к личной диктатуре. Ограничения, наложенные на страну Трианонским мирным договором от 4 июня 1920 г., серьезно осложнили экономическое развитие Венгрии в 1920-е годы.

Разгромленная в годы Первой мировой войны Румыния получила от Версальской системы роскошный подарок: территория королевства увеличилась почти вдвое — до 295 тыс. кв. км, в том числе за счет находившейся до войны в составе Российской империи Бессарабии, а население — почти в три раза, до 18 млн человек. В стране функционировал режим конституционной монархии с парламентской демократией, закрепленный конституцией от 29 марта 1923 г. В 1927 г. после смерти короля Фердинанда трон занял его малолетний внук Михай, которого в 1930 г. сверг с престола собственный отец Кароль II. Главной задачей румынских властей в межвоенный период стало сохранение приращенных территорий, которым в 1920-е годы пока еще ничто не угрожало непростым.

Несмотря на то что Греция формально оказалась в стане победителей в мировой войне, в 1919-1922 гг. стране пришлось вести войну с турками, окончившуюся в итоге поражением: по Лозаннскому миру 1923 г. Афины отказались от притязаний на Западную Анатолию и Восточную Фракию. 23 марта 1924 г. Греция была провозглашена республикой, король Георг II был низложен. Режим парламентской демократии был закреплен конституцией от 2 июля 1927 г., хотя попытка установить авторитарный режим была предпринята уже в июне 1925 г., когда генерал Т. Пангалос совершил государственный переворот и распустил парламент. Объявив себя в январе 1926 г. диктатором, Пангалос удержался у власти лишь до августа того же года, после чего была восстановлена республика. Экономическое положение Греции все 1920-е годы оставалось непростым.

Суверенитет Албании был признан Лигой Наций только 17 декабря 1920 г., до 1925 г. существовало княжество Албания, а установленная конституцией 2 марта 1925 г. республика была лишь прикрытием авторитарного режима А. Зогу, который одновременно являлся президентом, премьер–министром, министром иностранных дел и главнокомандующим армией. Спустя три года диктатура Зогу обрела династическую форму: по новой конституции 1 декабря 1928 г. Албания объявлялась «демократической, парламентарной и наследственной монархией».

Таким образом, в 1920-е годы в большинстве стран Восточной Европы были установлены режимы парламентской демократии, копировавшие западноевропейский, прежде всего французский образца Третьей республики, опыт. Однако очень быстро выяснилось, что подобная система плохо приживалась на неподготовленной почве, а тенденции к авторитаризму в ряде стран четко обозначились уже в середине первого межвоенного десятилетия.

Недолгая иллюзия: годы стабилизации в Европе

Значительное улучшение экономической конъюнктуры к 1924 г. и постепенное повышение уровня жизни дали возможность институтам либеральной демократии продолжить адаптацию к условиям XX в., а к людям ненадолго вернулась вера в существование стабильного мира. Раны войны затягивались, многие пытались начать жизнь заново, наверстать упущенные возможности и удовольствия, реализовать стремления к современной, более свободной морали и этике общения. Одновременный взрыв интеллектуально–художественного модернизма и массовой культуры оживил жизнь в городах, содействовал приспособлению к новым условиям, разнообразию духовных и материальных потребностей. Интеллектуалы стремились постичь область иррационального и подсознательного, особую притягательность получила теория З. Фрейда о психосексуальных истоках поведенческих реакций человека. Простые люди увлекались дешевыми изданиями бульварной литературы, ходили в мюзик–холлы и в кино, в одночасье ставшее одним из самых доступных развлечений и пережившее вскоре звуковую революцию, по мере сил пытались создать себе мир домашнего уюта, досуга и культа потребления без лишних катаклизмов и мировоззренческих коллизий. Область эксперимента и новаторства сместилась в сторону быта, повсеместно произошла демократизация моды и даже повседневной одежды, улицы заполнили автомобили и автобусы вместо конных экипажей, из радиоприемников были слышны джазовые мелодии… «Безумные годы» предъявляли свои права и соблазняли новыми возможностями.

Основой наметившегося социального и политического консенсуса во второй половине 1920-х годов в Великобритании, Франции и некоторых других странах Европы стали надежды на изменение жизни без революционных потрясений и тоталитарных мер, на интеграцию в той или иной степени в существующую систему и рабочего класса, и народных

масс в целом — путем активной социальной политики, для осуществления которой появились дополнительные возможности, и реструктуризации партийно–политической властной системы с включением в нее социал–реформистских партий в качестве полноправных игроков. Все это должно было в будущем расширить социальную базу государства и укрепить существующую систему.

Наиболее ярко эта трансформация проявилась в Великобритании, в которой впервые были сформированы лейбористские правительства и положено начало апробации реформистской политики партии, называвшей себя рабочей. Это было тем более необходимо, потому что стабилизация в Англии проходила крайне неравномерно, оказалась весьма непрочной: даже в этот период безработица не опускалась ниже 10%, и обществу пришлось адаптироваться к таким цифрам. Прошедшие в конце 1923 г. выборы не выявили преобладания ни одной из трех основных политических сил, что означало прежде всего поражение для правительства консерваторов. После скорого получения им вотума недоверия формирование нового кабинета в январе 1924 г. впервые было решено предоставить лидеру лейбористов Дж. Р. Макдональду, ставшему и министром иностранных дел. Большинства в парламенте у его партии не было, что лишало его правление серьезных перспектив и, действительно, продержался он менее года, объявив в октябре об отставке. Но прецедент был создан. Наибольшую активность Макдональд проявил в международной сфере, но и во внутренней политике увеличил пособия по безработице, расширил далее систему социального страхования, попытался отказаться от доминанты протекционизма в торговле. Умеренность и постепенность не отвечали чаяниям многих членов партии, но сам Макдональд обоснованно подчеркивал стремление своего правительства к защите общенациональных, а не узкоклассовых интересов, именно этим поддерживая кредит доверия сторонников консерваторов и либералов. Тем не менее он не был продолжительным, осенью 1924 г. на внеочередных выборах консерваторы убедительно вернули себе симпатии избирателей, получив абсолютное большинство в палате общин. Показательно, что новая программа партии была проникнута идеей «консервативного реформизма», что отражало веяния времени и претендовало на синтез с некоторыми тезисами либералов.

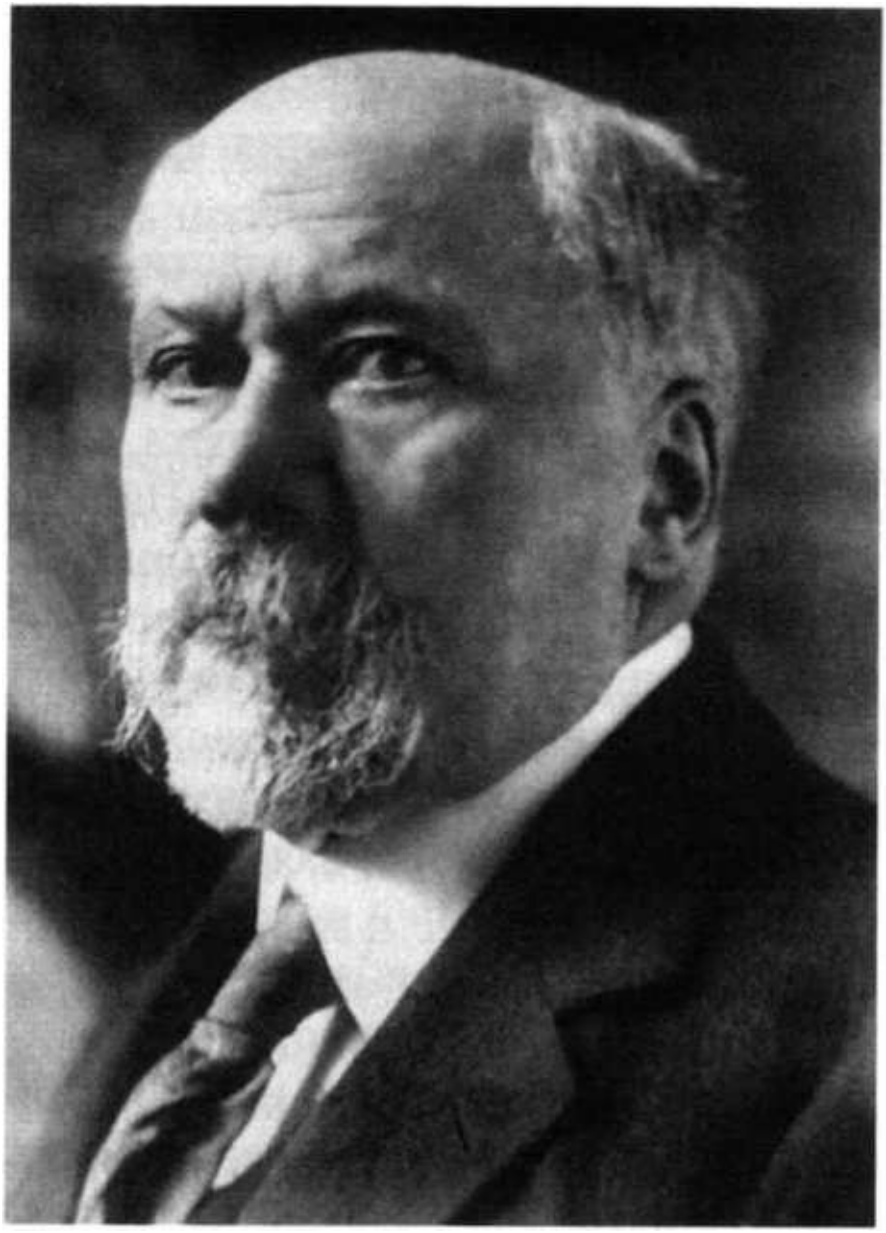
Однопартийное правительство С. Болдуина находилось у власти полный срок своих полномочий, вплоть до кануна Великой депрессии в 1929 г., уничтожившей иллюзорную стабильность. Основой его деятельности стало укрепление финансовой системы и активная дефляционная политика, связанная с введением в 1925 г. золотого

стандарта фунта стерлингов. Наряду с позитивными итогами она привела к стагнации старых отраслей британской промышленности, что наряду с высокой безработицей не могло не вызвать очередного роста социальной напряженности в стране. На фоне общего благополучного фона снижение реальной зарплаты в угольной отрасли вызвало резко негативную реакцию рабочего класса в целом, напомнив о его протестном потенциале. В мае 1926 г. в Англии прошла первая в истории всеобщая стачка, продолжавшаяся восемь дней, участие в ней приняли около 4 млн человек. Страна была полупарализована, руководил забастовкой Генеральный совет Британского конгресса тред–юнионов, степень организованности комитетов и советов действия была чрезвычайно высока, и, несмотря на преимущественно экономический характер требований, их серьезность подчеркивали лозунги национализации шахт и даже рабочего контроля. Стремления коммунистов перевести конфликт в политическую сферу вплоть до восстания поддержки большинства не находили. После прекращения по решению Генсовета всеобщей стачки без определенных результатов одни лишь шахтеры продолжали сопротивление еще несколько месяцев, но и оно закончилось поражением.

Итогом стало продолжение правительственного курса и ужесточение рабочей политики с принятием в 1927 г. законов о сужении круга лиц, могущих претендовать на пособия по безработице, и о трудовых конфликтах и роли в них тред–юнионов, которым было запрещено организовывать всеобщие стачки, а также забастовки солидарности. Многие положения экономического законодательства были нацелены на повышение эффективности и рентабельности производства, но на деле приводили к снижению зарплаты и количества работников, с чем профсоюзы вынуждены были смириться. Тем не менее идею социального партнерства продолжила развивать специальная правительственная комиссия, разработавшая общие принципы консенсуса в области трудовых отношений, что благотворно повлияло на обстановку в обществе.

Во Франции к 1924 г., с одной стороны, были в основном преодолены послевоенные проблемы, инвестиции в восстановление пострадавших регионов наряду с новыми возможностями от присоединения Эльзаса–Лотарингии и репарациями дали свой результат, но с другой — очевидная неудача с гегемонистскими амбициями при оккупации Рура привела к потере авторитета партиями «Национального блока». Кризис правых совпал с формированием левоцентристской коалиции, когда партия радикал–социалистов нашла в себе силы на союз с Социалистической партией. Верно оценил новые возможности прежде всего один из лидеров

радикалов Э. Эррио, стремившийся к превращению своей партии в гаранта национальной стабильности и консенсуса, противодействуя и левому, и правому экстремизму. Левый блок или «Картель левых» добился серьезного успеха на выборах в мае 1924 г. с программой демократических перемен: введение прогрессивного налогообложения, унификация системы социального страхования, закон о политической амнистии, отказ от жесткого диктата во внешней политике. Не все удалось провести в жизнь из–за незавидного финансового положения Франции и отсутствия пространства для бюджетных маневров. Рост социальных расходов требовал средств, государство фактически вынуждено было продолжить для этого политику скрытой эмиссии, пагубность которой не вызывала сомнений. После отставки Эррио программа реформ негласно была свернута, бюджет отягчали начавшиеся колониальные войны, и летом 1926 г. коалиция развалилась. Лидером нового блока радикалов с левым центром и правыми республиканцами, названного «Национальным единением», стал Р. Пуанкаре, провозгласивший главной целью достижение финансовой стабильности, что ему удалось в полной мере.



Французский политический деятель Р. Пуанкаре. РГАКФД

Были повышены косвенные налоги, сокращены государственные расходы, в том числе на социальные программы, проведена серьезная девальвация франка. Правительство широко применяло практику «делегированного законодательства», принимая без обсуждения в парламенте подзаконные акты, в том числе по самым важным вопросам, тем самым укрепляя свою роль. Принятые меры действительно стабилизировали национальную валюту и позволили вернуться со временем к системной социальной политике, но только в 1928 г. Франция уверенно перешагнула рубеж превращения в страну преобладающего городского населения и индустриально–аграрного развития. В отличие от

Англии в стране наблюдалась даже нехватка рабочей силы, что вынудило обратиться к активной политике привлечения трудовых мигрантов. В целом период правления Пуанкаре стал для Франции самым успешным как в экономической, так и в политической сфере за весь межвоенный период.

Общеевропейские тенденции поисков национального согласия и консенсуса между политическими силами, в том числе с участием ранее находившихся в состоянии конфронтации левых, еще явственнее проявлялись в малых странах Западной Европы, в Скандинавии. В период с 1920 по 1926 г. в Швеции, упразднившей имущественный ценз и предоставившей избирательные права женщинам, три раза приходило к власти коалиционное правительство во главе с лидером социал–демократов Я. Брантингом, в 1929 г. ее пример подхватила Дания, коалиция с участием социал–демократии находилась у власти в 1925-1926 гг. в Бельгии. В скандинавских государствах отчетливо проявилось складывание социал–реформистской модели управления, отличавшейся в тот период как последовательной дефляционной и протекционистской линией в экономике, так и первоочередным вниманием к социальной сфере. Основой этой модели было стремление к достижению конструктивного социального партнерства путем перераспределения прибыли в процессе постепенных реформ. Состояние пенсионной системы, социального страхования, здравоохранения, образования резко улучшилось и являло собой пример разумного сочетания государственных и личных интересов. Приоритетное внимание к социальным гарантиям государства сохранилось даже в годы Великой депрессии, когда реформистские правительства за счет стимулирования экспорта при низком курсе национальной валюты, налоговой коррекции и роста дефицита бюджета все же сохраняли уровень социального обеспечения, разворачивали общественные работы и субсидировали сельское хозяйство. Несколько особняком в этом процессе стояла Норвегия, в которой экономическое развитие даже во второй половине 1920-х годов оставляло желать лучшего, и, соответственно, в политической жизни гораздо активнее проявляли себя правые, националистические группировки, вплоть до профашистских, активно искавшие ответственных за упущения и ошибки.

Тенденции к стабилизации в Италии развивались вместе с процессом установления фашистского режима, проходившим, с одной стороны, настойчиво и необратимо, с другой — достаточно постепенно, чтобы эти события в общеевропейском масштабе опрометчиво не принимались всерьез, расценивались как своего рода региональный эксперимент в отдельной, к тому же не передовой стране. Внешне многое осталось на

своих местах: действовала конституция, главой Италии считался король, какое–то время собирался парламент, действовали даже другие политические партии. Но реальный объем власти в руках у фашистов постоянно расширялся и приобрел в конце концов принципиально иной характер тоталитарной диктатуры. В декабре 1922 г. был создан Большой фашистский совет (БФС) во главе с Муссолини, замкнувший на себе практически всю полноту властных полномочий, вооруженные сквадристы в 1923 г. получили статус Добровольной милиции национальной безопасности. Муссолини, преследуя цель сформировать к себе доверие в имущих кругах, внешне парадоксально взял курс на либерализм в экономике, объявив о приватизации инфраструктурных предприятий, сохранив и увеличив объем государственных ссуд банкам и другим финансовым учреждениям, крупным землевладельцам Юга. Параллельно была трансформирована система налогообложения, в частности введен 10-процентный налог на заработную плату рабочих. В 1926 г. лире вернули золотой стандарт.

Установление фашистской диктатуры было ускорено после того, как режим выстоял в «кризисе Маттеотти». Социалист Дж. Маттеотти, выступивший с обличением избирательных уловок фашистов, был убит в июне 1924 г., что вызвало в первый и последний раз за время фашизма массовые антиправительственные выступления. Оппозиционные фашистам депутаты создали «Авентинский блок», потребовав отставки Муссолини и роспуска парламента, однако из–за бездействия короля отказались перейти к самостоятельным действиям по свержению Муссолини. В результате фашизм смог не только устоять, но перешел к началу 1925 г. в наступление на остатки традиционной государственности и общественного плюрализма. В 1925 г. Муссолини как премьер освободился от ответственности перед парламентом, в 1926 г. правительство получило чрезвычайные полномочия, тут же распустив или заставив объявить о самороспуске все остававшиеся к тому времени за пределами влияния фашизма партии и профсоюзы и поставив любое сопротивление вне закона. Наряду с расширением террора в 1927 г. были созданы его головные органы: Особый трибунал и тайная полиция. «Хартия труда» 1927 г., ставшая основным документом в регулировании трудовых отношений, ввела абсолютный запрет на стачки, параллельно сформулировав одну из главных идей фашизма в виде «корпоративного государства». Отныне вся итальянская нация являлась не чем иным, как сообществом «производителей», делом чести которых являлась гармония в отношениях между собой в общенациональных интересах. По отраслям экономики создавались 22 корпорации,

объединявшие всех занятых на производстве, от владельцев до чернорабочих, и осуществлявшие сотрудничество в рамках «морального, политического и экономического единства» нации. Был восстановлен 8-часовой рабочий день. Индивидуализм должен был уступить место корпоративному духу, арбитром и регулятором которого выступало фашистское государство. В 1929 г. Латеранские соглашения разрешили еще один болевой вопрос: Ватикан и Итальянское королевство взаимно признали друг друга, тем самым начав именно при фашистском правлении эпоху мирного сосуществования и лояльности.

Всеми этими мероприятиями фашизм не только радикально преобразовал политический климат в государстве и обществе, но фактически продолжил специфическими методами дело реального объединения Италии в единое целое. Муссолини «заставил в Италии поезда ходить по расписанию», достиг значительных успехов в борьбе даже с таким сильным врагом и конкурентом, как мафия, постепенно за счет ужесточения государственного контроля смог вернуться к активной социальной политике в пользу широких слоев народа, организовал и сделал доступным досуг. Фашистская идеология представляла собой пеструю смесь из имперских идей величия Италии, национализма, традиционного консерватизма, смягченного идеями патерналистского этатизма. Даже с католицизмом фашизм достиг эфемерного согласия на почве взаимных уступок и ненависти к демократии, либерализму, коммунизму и революциям. До начала сближения с нацизмом в середине 1930-х годов режим отличался необычной терпимостью в расовом вопросе, а градус политического террора так и остался неизмеримо ниже, чем в Германии. Цементирующим моментом долгое время оставался культ дуче — пропаганда представляла его как всемогущего, но человечного вождя итальянской нации, хранящего баланс между всеми институтами общества.

Диктатура и демократия — две линии развития в Европе 1930-х годов

Мировой экономический кризис и эволюция западного общества

«Черный четверг», обвал курсов акций на Нью–Йоркской бирже, случившийся 24 октября 1929 г., стал для миллионов европейцев таким же водоразделом эпох, как и 1 августа 1914 г. За последующую неделю рынок ценных бумаг в США потерял 40% своей стоимости, что составляло около 30 млрд долл. Тот, кто на первых порах считал, что кризис затронет лишь воротил финансового капитала и крупных акционеров, со временем понял,

что его последствия касаются каждого. Отток американских инвестиций усилил падение уровня промышленного производства в Европе, которое в ряде стран сократилось почти наполовину, откатившись к показателям начала века. Банкротство банков и предприятий привело к резкому скачку безработицы и падению уровня жизни тех, кто еще сохранил свое рабочее место.

Государственные лидеры на первых порах видели в происходивших событиях обычный кризис перепроизводства, который продлится недолго и оздоровит экономику. Однако эпоха свободной конкуренции осталась в прошлом, а последующий этап развития капитализма привел к появлению в его толще опасных тенденций, на которые пока еще не были найдены адекватные ответы. Речь идет о крайней концентрации производства и доминировании корпоративного капитала. В годы «просперити» его могущество достигло своей наивысшей точки.

После наступления кризиса монополистические объединения — картели, тресты — в полной мере задействовали рычаги влияния на государственные органы. Ради удержания своих позиций на мировом рынке они заключали тайные международные сделки, ради сохранения чистой прибыли шли на сокращение объемов производства. Тяготы кризиса перекладывались на плечи того сектора экономики, в котором еще доминировали рыночные законы. Мелкие и средние предприниматели, которые не могли рассчитывать ни на государственную поддержку, ни на отсрочку долгов, массово разорялись.

Впервые в истории экономический кризис в такой степени разрушил сложившуюся систему общественных отношений. Цены на сырье и продовольствие понизились в несколько раз, но покупать их было некому. Товарные запасы уничтожались в невиданных масштабах — апельсины давили бульдозерами, зерном топили печи, молоко выливали в реки, кофе и сахар выбрасывали с кораблей в море. И все это происходило на глазах людей, которым нечем было кормить своих детей.

Экономический кризис перекроил повседневную жизнь «маленького человека» во всех европейских странах. В годы стабилизации зарплаты росли гораздо медленнее, чем прибыли финансовых дельцов, но рабочим и служащим казалось, что они получают свою долю растущего общественного богатства. Современные экономисты справедливо отмечают, что слабость массового спроса стала одной из важных причин кризиса, начавшегося в 1929 г. Основная часть капиталовложений в предшествующие годы направлялась не в производственную сферу, а на финансовые спекуляции, оседала на бирже. Оттуда в западный мир и

пришла катастрофа Великой депрессии.

Призрачное «благосостояние для всех» рухнуло буквально как карточный домик. Ежедневно тысячи людей оказывались за воротами своих предприятий и учреждений. Газеты тех лет писали, что безработица стала «самой распространенной, самой коварной и разрушительной болезнью нашего поколения». Общее количество безработных в 1932 г. достигло 26 млн человек, еще несколько миллионов работали неполный рабочий день. В одной только Германии без работы оставалось 6 млн человек (20% самодеятельного населения страны), причем пособия выплачивались менее чем половине из них.

То, что казалось безвозвратно ушедшим в прошлое — нищета и голод, вернулось в качестве прямой угрозы физическому существованию миллионов европейцев. Это вело к распаду семей и росту числа беспризорных детей, обострилась проблема алкоголизма, резко выросло число самоубийств. От горьких вопросов обыденной жизни: как сохранить или найти работу, чем кормить семью, менять ли место жительства, миллионы людей поневоле поднимались до серьезных обобщений: кого винить в произошедшем и как жить дальше.

Сокращение в годы Великой депрессии притока налоговых поступлений ставило крест на государственных социальных программах. В попытках сохранить бюджетное равновесие западные страны одна за одной повышали ставку учетного процента, и это стало роковым решением, которое ускоряло сокращение промышленного производства, тормозя и потребительский спрос, и деловые инвестиции. Свой вклад в нагнетание ситуации внесла и бульварная пресса. Первые же сообщения о развале финансовой системы привели к тому, что население стало изымать из банков свои вклады, подталкивая их к банкротству.

Под давлением кризиса зашатались и национальные валюты. Великобритании пришлось отказаться от привязки фунта стерлингов к золотому стандарту уже в 1931 г., за ней последовали ее доминионы и Скандинавия. Боясь повторения гиперинфляции, потрясшей их страны в первые послевоенные годы, правительства Германии, Венгрии и ряда других стран проводили жесткую дефляционную политику («политику дорогих денег»), которая стала оковами для возрождения предпринимательской инициативы.

Кризис привел в расстройство всю систему международных отношений, прежде всего ее мирохозяйственную составляющую. Следуя лозунгу «спасайся, кто и как может», европейские страны и США начали вести друг против друга торговые войны, вводя заградительные

таможенные тарифы и экспортные квоты. Объем мировой торговли составил всего лишь треть от предкризисного уровня. В июне 1931 г. президент США Г. Гувер выступил с меморандумом о замораживании на один год выплат по кредитам (сюда относились и германские репарационные платежи). Однако это запоздавшее решение не смогло уменьшить масштабы Великой депрессии.

В каждой из стран антикризисная политика вырабатывалась на ощупь, методом проб и ошибок. В Веймарской Германии правительство, считая одной из своих главных задач сохранение сбалансированного бюджета, безжалостно урезало социальные программы. В то же время под давлением рейхспрезидента П. фон Гинденбурга оно тратило огромные средства на поддержку крупных сельскохозяйственных владений остэльбского юнкерства, что не приносило никакой отдачи. Пришедший к власти А. Гитлер сделал ставку на общественные работы и накачивание экономики государственными инвестициями, Б. Муссолини проводил курс на стабильность национальной валюты и автаркию, поставив под прямой государственный контроль часть промышленных предприятий.

Предтечей кейнсианских рецептов антикризисного регулирования стала деятельность правительственной коалиции в Швеции. Возглавивший ее социал–демократ Пер Альбин Ханссон гарантировал крестьянам твердые закупочные цены, повысил социальные пособия и расширил круг их получателей. Не страшась растущего дефицита государственного бюджета и планомерно расширяя инвестиции, шведское правительство сумело добиться создания в стране к 1935 г. около 40 тыс. новых рабочих мест.

Кризис по–новому расставил акценты в духовной и политической жизни Европы. Простым людям казалось, что Великая депрессия, последовавшая за Великой войной, окончательно похоронила надежды на способность человечества к поступательному прогрессивному развитию. Кризис принес с собой резкий всплеск политической активности масс, которая находила свой выход в самых различных формах. «Марши голодных», захваты предприятий или вылазки фашистских штурмовиков объединяло одно — большая политика покинула кабинеты государственных мужей и выплеснулась на улицы, стала делом (и уделом) буквально каждого человека.

В сложном положении оказались и властные элиты в демократических странах, ибо чрезвычайное время требовало быстрых и жестких решений, которые почти невозможно было провести через хитросплетения законодательных и исполнительных институтов. Буржуазно–

демократические партии, равно как и умеренные социалисты, теряли массовую поддержку, избиратель стал отдавать свои симпатии правым и левым радикалам, обещавшим пусть болезненный, но немедленный выход за рамки прогнившей системы.

В сознании масс вновь расцвели «политические религии», как правило, националистического и даже расистского толка. Свой вклад в разжигание национальной ненависти внесли геополитические построения политиков–популистов, вроде концепции «жизненного пространства». Расписывая прелести «золотого века», утраченного с приходом в мир демократии и капитализма, эти политики конструировали образ врага, на борьбу с которым были готовы броситься их все более многочисленные сторонники. Время рационализма и компромиссных решений прошло, политика стала искусством невозможного.

Одним из политизированных мифов, которыми жила кризисная Европа, был миф о «заре на Востоке». Вновь оказался востребованным советский пример: в то время как на Западе хозяйственная жизнь стремилась к нулю, в СССР началась реализация первого пятилетнего плана, обещавшего двузначные цифры экономического роста. Это привело к неожиданному росту влияния коммунистов — компартия Германии на выборах в рейхстаг в ноябре 1932 г. оказалась третьей по влиянию политической силой, уступив только социал–демократам и национал–социалистам. Радикализм пропагандистской риторики и политической практики КПГ объяснялся прежде всего тем, что среди ее членов число безработных доходило до 85%.

Великая депрессия стала очередным шагом в дискредитации «больших теорий» XIX в.: ортодоксального либерализма и классического марксизма. Если первый строился на уверенности в способности рынка к саморегулированию, то второй видел панацею от всех бед современного общества в том, что рыночные отношения будут заменены экономическим управлением, которое будут осуществлять сами трудящиеся.

Реальный ход преодоления последствий кризиса показал, что потенциал социального реформизма был далеко не исчерпан. К поискам третьего пути между его либеральным и консервативно–фашистским полюсами подключилась католическая церковь. В 1931 г. появилась энциклика папы Пия XI Quadragesimo Anno, вызвавшая широкий отклик у католиков во всем мире. Она критиковала социалистическое движение за разжигание классовой борьбы, а либералов — за индивидуализм и невнимание к социальным проблемам. В качестве позитивной программы предлагалось взять за основу «органическое» (т. е. сословно–

корпоративное) устройство общества, помогать отдельным людям не напрямую, а создавая условия для раскрытия их способностей (принцип субсидиаризма).

Многие аспекты социальной доктрины католицизма были в 1930-е годы взяты на вооружение авторитарными режимами, которые ориентировались на идеал «корпоративного государства». Однако призывы папской энциклики к диалогу и компромиссу, к уважению не абстрактной личности, а конкретного человека, способного к самосовершенствованию, наконец, к адресной поддержке различных профессиональных и социальных групп будут востребованы и в последующие десятилетия.

Как и любой кризис глобального масштаба, Великая депрессия оставила после себя не только радикальные идеологические течения, но и новую порцию социального опыта. С представлениями и практикой «свободного рынка» было покончено навсегда, государственный дирижизм стал постоянным фактором экономической жизни. Он по–разному проявлялся в Советском Союзе и фашистской Италии, во Франции Народного фронта и США эпохи «нового курса», но общий вектор развития был задан всерьез и надолго — хозяйственная жизнь требовала контроля и регулирования со стороны государства в не меньшей степени, чем жизнь социальная. После 1945 г. этот опыт позволит Европе в течение тридцати лет наслаждаться «экономическим чудом», вновь поверив в способность человечества управлять собственным прогрессом.

Выход из кризиса, который растянулся до второй половины 1930-х годов, не в последнюю очередь был связан с масштабными заказами, которые тяжелая и военная индустрия получила от военных ведомств своих стран после того, как в воздухе запахло войной. Возвращения к временам «просперити» так и не произошло — бесшабашные послевоенные годы заслонила тревога перед новыми военными испытаниями. Европейское общественное мнение уже не пугал жупел «мирового большевизма», агрессивные реваншистские намерения однозначно увязывались с политикой фашистских режимов. Переход от череды локальных конфликтов к новой мировой войне был лишь вопросом времени.

Крах Веймарской республики. Упрочение фашизма в Италии. Авторитарный режим в Австрии

Падение производства и экономический кризис, начавшиеся в Германии уже с середины 1929 г., сразу же приобрели масштаб новой национальной катастрофы, обрекая на эфемерность и мечты каждого человека о нормальной жизни, и надежды на лучшее будущее германского государства в целом. Бедственное положение людей, массовая безработица

выявили не только экономические проблемы, но пагубные социально–психологические комплексы. Большинство из тех, кто не успел создать новый фундамент для стабильного существования, особо остро чувствовали себя изгоями, неудачниками или обманутыми какой–то враждебной силой, легко впадали в пессимистическую агрессию. Корень всех бед сразу же с новой силой стали видеть в бессильной и чуждой республике, национальном предательстве и просто непрофессиональном управлении демократических политиков. Германия достойна лучшей роли, чем вечная пария мирового сообщества, — таково было общее мнение немцев, вне зависимости от каких–либо градаций. Общественное недоверие и разочарование экстраполировалось на властные структуры Веймарской республики: избиратели не считали их дееспособными, а те, кто вершил ими, не знали, как сделать их таковыми. С первых месяцев кризиса проявился и без того назревавший поворот к консерватизму и реакции, ответственность за неудачи была возложена сразу на все республиканско–демократическое сообщество, но в основном — на либеральные и социал–реформистские партии. В марте 1930 г. ушло в отставку последнее правительство парламентского большинства Г. Мюллера, страна перешла к управлению с помощью чрезвычайных президентских декретов, тем самым республика вступила на путь агонии.

Новый кабинет Г. Брюнинга (партия Центра) взял курс на жесткое антикризисное регулирование и экономию, что задевало интересы предпринимателей, но еще сильнее — среднего класса и бедствовавшего большинства общества в целом. Великая депрессия сделала социальное сотрудничество невозможным. Отклоненная рейхстагом правительственная программа была введена в действие президентским указом, это воочию давало понять реальный расклад сил во властных структурах. Реакция немцев оказалась неожиданной для самих новых героев дня: на очередных внеочередных выборах осенью 1930 г. прирост голосов за НСДАП составил 800%. Их фракция из 107 депутатов мгновенно стала второй по численности в рейхстаге после СДПГ, и не считаться с этим новым выражением всегерманского отчаяния и надежды на силовую панацею стало невозможно. Эффект кулисы легальности, эксплуатация ущемленных национальных чувств, видимость ориентации на сплочение немцев и посулы сильного государства сделали свое дело. Великая депрессия превратила А. Гитлера из австро–баварского провинциала в политика первой величины, НСДАП как партия кризиса сполна проявила свой мобилизующий потенциал. Третье место на выборах заняли коммунисты, что шокировало и элиту, и обывателей: налицо была поляризация общества

в пользу радикализма любого толка. «Канцлер Голод», Г. Брюнинг, которому по–прежнему доверял старый президент Гинденбург, оказался в рейхстаге самым непопулярным за все время веймарской правительственной чехарды. Но ему ничего не оставалось, как в условиях обвального спада продолжить линию на поддержку крупного предпринимательства и спасение финансовой системы от коллапса. Утеря доверия президента грозила ему немедленной отставкой, что и произошло в мае 1932 г. Правительство Брюнинга не смогло стать консервативным противовесом наступающему нацизму, но невольно доказало возможность альтернативного правления с позиции силы и чрезвычайных актов.

На президентских выборах в марте–апреле 1932 г., проходивших в условиях углубления кризиса, П. фон Гинденбург сумел одержать победу с 53% голосов, но Гитлер с 36,8% и Тельман с 10,2% вместе почти догнали его. Экономическая ситуация продолжала ухудшаться, и тенденция дальнейшего раскола общества и краха либеральных ценностей была очевидной: на выборах в рейхстаг летом 1932 г. нацисты завоевали большинство в 37,36% и опять–таки с 5,93% националов, а также гипотетически с 14,56% коммунистов получали более половины голосов в рейхстаге. Германские коммунисты, верные коминтерновскому определению социал–демократии как социал–фашизма, отказывались от единого рабочего фронта, но и не мыслили союза с нацистами, заклятыми врагами и конкурентами в борьбе за массы. Однако кризис, дойдя до высшей точки, окончательно дестабилизировал психику немцев. Радикальные силы внезапно проявили опасные тенденции к соглашательству друг с другом на почве отрицания буржуазно–республиканской традиции. Ситуативный блок, куда вошли и нацисты, и коммунисты, добился вотума недоверия канцлеру Ф. фон Папену, Гитлер возглавить коалиционное правительство тогда отказался. В ноябре в Берлине мощная забастовка берлинских транспортников, на 5 дней парализовавшая движение в столице, тоже проходила с совместными митингами правых и левых радикалов, что казалось угрозой для большинства общества, в том числе для правящих кругов. Налицо были практически все условия для установления диктатуры: кризис парламентской системы; негативный настрой масс, особенно средних слоев по отношению и к либеральной демократии, и к марксизму; в правящих кругах набирали вес так называемые доиндустриальные группировки (военные и т. п.), склонные к авторитаризму; чувство социальной неуверенности, поляризация и восприимчивость к радикальным идеям достигли своего апогея; во властной системе ключевые позиции оказались

у одного человека — президента; чувство национального унижения усиливало все негативные моменты до масштабов вселенской катастрофы.

Сменивший Ф. фон Папена на посту канцлера генерал К. фон Шлейхер после неудачной попытки расколоть нацистскую партию переговорами о сотрудничестве с бывшей главой «левой оппозиции» в НСДАП Г. Штрассером стал склонять П. фон Гинденбурга к введению чрезвычайного положения в стране. Но президент–фельдмаршал не хотел отходить от конституционного пути развития и использовал, как тогда казалось не ему одному, буквально последнюю возможность: 30 января 1933 г. он привел к власти коалиционный кабинет НСДАП и ННПП во главе с канцлером А. Гитлером, лидером наиболее влиятельной партии. Легальная «национальная революция» началась.

В первые месяцы после прихода к власти нацисты сосредоточили внимание на коренном переустройстве политической системы Веймарской республики изнутри, а также на интеграции в режим как можно большего количества немцев. В этом они оперировали волшебными лозунгами «национального возрождения», «унификации» и построения «народного сообщества», противиться которым или прочувствовать их истинный смысл было не так просто. Созданное в марте 1933 г. министерство пропаганды во главе с И. Геббельсом успешно внедряло в массы, с одной стороны, мысль о легальности и закономерности перемен, с другой — ощущение того, что в Германии произошла не простая смена власти, а национально–патриотическая революция. Притягательность нового начала охватила общество, жертвы перестали казаться напрасными, подогреваемые ежедневной навязчивой риторикой оживились национальные надежды. Правда, поначалу они в основном касались оправданности любых чрезвычайных мер для наведения порядка. После поджога рейхстага 27 февраля 1933 г. и новых выборов в рейхстаг, несмотря на все усилия, не давших нацистам квалифицированного большинства, Гитлер добивается принятия 24 марта 1933 г. закона о чрезвычайных полномочиях правительства, выводящего его за пределы контроля парламента и позволяющего издавать законы без оглядки на конституцию. Атакующий динамизм наступления нацизма теперь мог развернуться в полной мере.

КПГ была запрещена, ее функционеры арестованы, к лету ее судьбу разделила гораздо более влиятельная СДПГ, все остальные партии «благоразумно» объявили о своем самороспуске в целях «сплочения» немецкого народа, профсоюзы всех направлений также были распушены, а взамен образован единый Германский трудовой фронт из работодателей и

работников. Превращение многоцветной веймарской политической палитры в единообразно–коричневую было закреплено законом от 14 июля 1933 г., вводившим запрет на образование новых партий, а в декабре НСДАП была объявлена «носительницей немецкой государственной мысли», юридически закреплено единство партии и государства: фюрер и рейхсканцлер теперь лично определял состав рейхстага и назначал высших чиновников. В июле 1934 г. партийные решения были объявлены обязательными для исполнения всеми государственными органами. Рейхстаг, и без того потерявший всякое значение, формировался теперь из НСДАП и подотчетных ей организаций, которых к тому времени было образовано великое множество, ведь с их помощью любой гражданин подлежал включению в нацистскую «народную общность», будь то по возрастному, половому, территориальному или профессиональному признаку. Штурмовые отряды (СА), «Гитлерюгенд», союзы национал–социалистических врачей, учителей, женщин, доцентов, ректоров университетов и профессоров, водителей, служащих и т. п. активно обобществляли каждый свой человеческий материал, но пальму первенства, может быть, стоит отдать Имперскому союзу германских домохозяек…

Весной 1933 г. провинциальные ландтаги потеряли право формировать земельные правительства, законы «Об унификации земель с рейхом» от 7 апреля 1933 г. и «О рейхсштатгальтерах» от 30 января 1935 г. предоставили это штатгальтеру (наместнику), главной задачей которого было «обеспечение выполнения политических директив рейхсканцлера». Впоследствии эта должность слилась с гауляйтером НСДАП и была передана в ведение министерства внутренних дел. В начале 1934 г. ландтаги вообще ликвидировали, а заодно и рейхсрат. В 1935 г. были уничтожены остатки самоуправления общин, бургомистры теперь назначались министром внутренних дел сроком на 12 лет. После смерти президента Гинденбурга в августе 1934 г. и его пост был упразднен за ненадобностью, А. Гитлер стал пожизненным «фюрером и рейхсканцлером немецкого народа». Монополия власти НСДАП была закреплена конкордатом с католической церковью, базировавшимся на ее невмешательстве в политику, и огосударствлением протестантской церкви. К 1936 г. нацистская унификация Германии завершилась.

Фашистская молодежь. Германия, 1933 г. РГАКФД

Наряду с выстраиванием государства и общества по нацистскому образцу Гитлер предпринял единственную, но радикальную акцию по чистке собственной партии от остатков «левой оппозиции» и прочих наивных людей, слишком буквально понимавших призывы к «национальной революции». 30 июня 1934 г. во время «Ночи длинных ножей» были арестованы и расстреляны наиболее одиозные командиры штурмовиков, претендовавшие на влияние в государстве, а также другие потенциальные оппозиционеры (Э. Рем, Г. Штрассер, Э. Юнг, К. Шлейхер и др.).

Формирование диктатуры с самого начала сопровождалось использованием методов устрашения и террора, которые все более приобретали значение одной из опор государства, но не единственной и даже не главной. Традиционные отношения государства и индивидуума претерпели существенную модернизацию и базировались на правовой доктрине, подразумевавшей наиболее полную реализацию личных интересов в их осознанном подчинении партийно–государственным при

отсутствии любых форм оппозиционности. Масса, состоящая из активных фанатизированных членов, была предпосылкой успеха фашистских идей, поэтому основой социализации личности стала абсолютная лояльность тоталитарной идеологии, формировавшая неделимое «народное сообщество» или нацию, что воспринималось и немцами, и итальянцами как долгожданный итог подлинного объединения страны. Структура государственной власти формально базировалась на народовластии, хотя в реальности плебисцитарная демократия нацизма была построена на предрешенности результатов референдумов, превращенных в средство одобрения политики режима. Реальная же власть была сосредоточена в верхах партийно–государственной элиты, хотя принцип «фюрерства» повсеместно создавал иерархическую структуру маленьких и больших вождей, каждый из которых кем–то командовал и кому–то подчинялся. Культ А. Гитлера, лично руководившего партией, единственного, кто обладал правом на непогрешимость и абсолютную истину, замыкал эту пирамиду, давая ощущение групповой защищенности и встроенности в технократический механизм.

Национал–социализм имел гораздо более агрессивно–тоталитарную природу, чем итальянский фашизм, сохранявший до сближения с Германией во второй половине 1930-х годов многие традиционные устои общества, и именно поэтому воочию воплотил в себе угрозу всей западной цивилизации, рассматривая любые ее институты и ценности лишь с точки зрения прагматической утилитарности. Даже этатизм в его системе имел функциональное значение, самодовлеющий характер приобрели лишь понятие расы и ее биолого–мировоззренческая чистота как залог спасения мира. Сакрализованы были не только расовый отбор по принципам евгеники и создание таким образом «нового человека», но и формирование нового расово иерархичного мирового порядка, предполагающее биологические предпосылки господства высшей расы и уничтожение «недочеловеков», — уродливая и страшная пародия на интеграцию Европы и мира. По расовым законам 1935 г. все население Германии было разделено по признаку «крови» на «граждан» — арийцев, обладавших всей полнотой прав, и «подданных», все более бесправных в зависимости от степени «смешанности крови». Преодолеть эти барьеры стало невозможно, само понятие «народ» было резко сужено до термина «ариец». Соблюдение расовой чистоты — «платья бессмертия» — и верная служба народу являлись отныне высшими ценностными ориентирами для немцев. В 1938 г. расовые законы принимает Муссолини. Масштабы исполнительно проводившейся расовой политики, хладнокровного вытеснения и

уничтожения «неполноценных» после краха нацизма ужаснули весь мир, в том числе добропорядочных немецких бюргеров, ранее предпочитавших не замечать смысла «перемещений в трудовые лагеря» и прочих акций террора.

Публичное сожжение книг на одной из площадей Берлина. Германия, 1933 г. РГАКФД

Многочисленные мифы — «крови и почвы», «чистой расы», «нации–семьи», авторитарного вождя, равноправной «народной общности», «силы через радость» и т. п. — составляли основу психологического воздействия на сознание людей и действенности фашистской идеологии. Детально проработанная пропаганда, на службу которой были поставлены культура, искусство, средства массовой информации, наука, спорт и даже туризм, не оставляла лакун для сомнений. Однако ее воздействие не было бы эффективным, если бы фашистские режимы не имели реальных успехов — и прежде всего в социально–экономической сфере, в борьбе с Великой депрессией. За счет мобилизации ресурсов и резкого усиления государственного вмешательства (БФС, Национальный совет корпораций и Институт промышленной реконструкции (ИРИ, 1933) — в Италии, Генеральный совет немецкого хозяйства (1933), территориальные и

отраслевые палаты, четырехлетние планы развития экономики — в Германии), а также милитаризации экономики и подготовки к войне фашистские режимы быстрее достигли позитивных результатов, чем демократические. Немцы поверили в Гитлера к 1936 г., когда в Германии, единственной среди европейских стран, была ликвидирована безработица, в Италии кризис усилиями фашистского государства так и не достиг катастрофических масштабов, и Европа смотрела тогда на эти страны с изрядной долей любопытства и сочувствия, но не ужаса. Либеральные ценности свободы и плюрализма явно проигрывали по сравнению с материально стабильным существованием. Незамедлительно развернувшаяся в фашистских странах социальная политика для широких масс в виде поддержки многодетных, жилищного строительства, организации досуга, воспитания и образования прибавила им сторонников и изнутри, и вовне. Но и имущие слои общества долгое время испытывали удовлетворение: разумный компромисс с государственной властью принес им защиту от социальных катаклизмов и уничтожение рабочих организаций, организованное по «принципу фюрерства» (беспрекословное подчинение работников) «органическое хозяйство», а также модернизацию и динамичную промышленную среду.

К середине 1930-х годов, несмотря на резкую активизацию внешней политики государств фашистского толка, было сложно предугадать, насколько безграничны их политические и идеологические цели. Германский рейх, ведомый Гитлером, не имел ни воли к сопротивлению, ни возможности остановить оказавшуюся антинациональной и безрассудной экспансию и агрессию. Они были органическими составляющими фашистской системы, более того, оживляли и укрепляли подобные движения и режимы в других государствах.

В конце 1920-х — начале 1930-х годов многие страны Европы вступили на реакционно–авторитарный путь развития. Это свидетельствовало о глубоком кризисе ценностей и принципов западноевропейской демократии. В советской исторической науке авторитарные режимы межвоенной эпохи именовали фашистскими, хотя на самом деле они копировали лишь отдельные элементы идеологии и практики «классического» фашизма.

Английский историк Эрик Хобсбаум предложил интересную типологию политических систем, противопоставлявших себя западным демократиям, подчеркнув, что их объединяла праворадикальная идеология и ненависть к социалистическому движению. «За двадцать лет отступления либерализма ни один по–настоящему либерально–демократический режим

не был свергнут слева. Опасность шла исключительно справа. Правые в тот период представляли собой не только угрозу конституционному и представительному правлению, но идеологическую угрозу либеральной цивилизации как таковой».

Значительная часть авторитарных режимов межвоенной эпохи апеллировала к исторической традиции. Адмирал Миклош Хорти, возглавивший Венгрию после разгрома Советской республики, провозгласил в стране королевство, а себя назначил регентом при отсутствующем монархе. Военно–аристократическими декорациями было оформлено правление маршала Маннергейма в Финляндии и маршала Пилсудского в Польше. Одержавший победу над республиканцами в ходе гражданской войны в Испании генерал Франсиско Франко подавал себя как истового католика и в конечном счете восстановил в стране монархию.

Политика как призвание и профессия

«В принципе имеется три вида внутренних оправданий, то есть оснований легитимности (начнем с них). […] В данном случае нас интересует прежде всего второй из них: господство, основанное на преданности тех, кто подчиняется чисто личной “харизме” “вождя”. Ибо здесь коренится мысль о призвании (Beraf) в его высшем выражении. Преданность харизме пророка или вождя на войне, или выдающегося демагога в народном собрании (Ekklesia) или в парламенте как раз и означает, что человек подобного типа считается внутренне “призванным” руководителем людей, что последние подчиняются ему не в силу обычая или установления, но потому, что верят в него. Правда, сам “вождь” живет своим делом, “жаждет свершить свой труд”, если только он не ограниченный и тщеславный выскочка. Именно к личности вождя и ее качествам относится преданность его сторонников: апостолов, последователей, только ему преданных партийных приверженцев. В двух важнейших в прошлом фигурах: с одной стороны, мага и пророка, с другой — избранного князя–военачальника, главаря банды, кондотьера — вождизм как явление встречается во все исторические эпохи и во всех регионах» (Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990).

Наряду с консервативными ценностями эти режимы делали ставку на национализм и подчинение себе всех проявлений независимой общественной жизни. Однако масштаб подобных мероприятий был несравним с тем, что происходило в нацистской Германии и фашистской Италии. Понимая, что без массовой поддержки в XX в. не выжить, авторитарные вожди предпочитали мобилизации нейтрализацию. Особой формой последней и являлось «корпоративное государство», подражавшее старому сословному строю, еще не расколотому классовой борьбой, в котором каждая социальная группа занимала стабильную нишу и не претендовала на изменение своего традиционного статуса.

Наиболее последовательно подобные установки нашли свое отражение в политической системе Австрии после того, как страна погрузилась в пучину экономического кризиса. 7 декабря 1929 г. были приняты поправки в конституцию, которые превратили Австрию в президентскую республику. Частью верхней палаты парламента стал Совет сословий. Страна находилась под сильным влиянием режима Муссолини, который поддерживал военизированные формирования фашистского толка — хаймвер. Опираясь на них, ставший канцлером представитель Союза сельских хозяев Энгельберт Дольфус в марте 1933 г. добился устранения законодательных институтов из политической жизни страны.

Такая же участь постигла и австрийские партии, как коммунистов, так и национал–социалистов. Говоря о том, что он наносит удар по левым и правым радикалам, Дольфус видел своим главным врагом организованное рабочее движение, исподволь подготавливая расправу над мощной Социал–демократической партией. В стране появились лагеря для интернирования политических противников, пресса подвергалась все более жесткой цензуре. На место партий был поставлен Отечественный фронт, находившийся под покровительством власти и рекламировавший возврат к патриархальным ценностям Дунайской монархии и прежде всего к гармонии сословного устройства доиндустриальной эпохи.

После одной из провокаций (12 февраля 1934 г. Дольфус приказал обыскать Рабочий дом в Линце, где хранилось оружие рабочего шуцбунда) по всей Австрии вспыхнули вооруженные столкновения. Восстание оказалось стихийным и неподготовленным, даже в столице шуцбундовцы зачастую не могли добраться до тщательно спрятанного оружия. Дольфус объявил чрезвычайное положение и сместил социал–демократического бургомистра Вены. Армия и полиция получили полную свободу рук, для обстрела позиций повстанцев в рабочих кварталах использовалась тяжелая артиллерия.

Объявленная СДПА всеобщая забастовка провалилась — ввиду огромной безработицы мало кто был готов рисковать своим рабочим местом. Историки рассматривают февральские события в Австрии как кратковременную вспышку гражданской воины, вызванной провокацией хаимвера. Чувствуя себя победителем, Дольфус нанес решающий удар по основам демократии. 1 мая 1934 г. вступила в силу конституция «христианского корпоративного государства» Австрии, слово республика исчезло из политического лексикона. Вся власть сосредоточивалась в руках правительства, вместо представительных учреждений создавались Федеральный совет и советы земель, носившие консультативный характер. Отечественный фронт был провозглашен единственным выразителем воли австрийского народа, любая иная политическая деятельность в стране преследовалась.

Дальнейшие события показали, что в феврале 1934 г. Дольфус одержал пиррову победу, так и не сумев взять под контроль почувствовавшие вкус власти профашистские силы. В ходе путча 25 июля того же года, организованного венскими национал–социалистами при тайной поддержке Гитлера, Дольфус был убит. Однако путчисты не добились своих целей и после пятичасовых переговоров покинули здание кабинета министров. Новым канцлером страны стал Курт Шушниг, сделавший ставку на сближение Австрии с Италией и Ватиканом. Шушниг сохранил авторитарные методы управления страной, в ее духовной и общественной жизни ключевые позиции вернула себе католическая церковь.

Политические противники называли сложившийся в Австрии режим «австрофашизмом», что было верно лишь отчасти. В отличие от Германии и Италии местная сословная и политическая элита сумела сохранить в своих руках рычаги власти, но ей так и не удалось выделить из своей среды харизматичного вождя, а ценности клерикальной олигархии выступали слабой заменой последнего. «По сути дела речь идет об авторитарном режиме в фашистском облачении, об имитации фашизма, в лучшем случае об авторитарной полуфашистской диктатуре», — справедливо утверждает австрийский историк Э. Ханиш.

В последние годы своего существования Австрия подвергалась растущему нажиму со стороны нацистской Германии. Перейдя от фазы накапливания сил к открытой экспансии, Гитлер лишь выжидал удобного момента для того, чтобы включить соседнюю страну в орбиту Третьего рейха. Австриец по рождению, он терпеть не мог свою родину, считая ее насквозь прогнившей, а Вену, где он провел молодые годы, — рассадником еврейского образа жизни. Однако им руководила не жажда мести, а вполне

прагматичные расчеты. Промышленный и человеческий потенциал Австрии был необходим Гитлеру для того, чтобы подготовиться к масштабной войне за мировое господство.

После серии германских ультиматумов в феврале–марте 1938 г. Шушниг решился провести референдум о государственной самостоятельности страны, назначенный на 13 марта 1938 г. За день до этого части вермахта перешли австро–германскую границу, встречая восторженный прием местного населения. Геббельсовская пропаганда тут же заговорила о «марше цветов», хотя по сути дела это был хорошо отрежессированный спектакль. Вскоре его главным действующим лицом стали гестаповцы, устроившие масштабную зачистку политического пространства страны. Ее еврейское население подверглось репрессиям и унижениям, зажиточная часть евреев была вынуждена эмигрировать. Австрия оказалась первым государством Европы, исчезнувшим с политическом карты континента вследствие гитлеровском агрессии. Теперь с вызовом тоталитарных режимов пришлось иметь дело уже не только соседям Германии и Италии, но и крупнейшим европейским державам.

Сопротивление демократических стран наступлению фашизма

Великая депрессия, в полном мере проявившая крах традиционных представлений о саморегулировании свободного рынка, роли государства и механизмов общественного согласия, тем не менее не привела к повсеместному свертыванию демократии. Параллельно с осознанием того, что в существующем мире что–то в корне неправильно, в странах с историческим преобладанием либеральных ценностей и устойчивом парламентском традицией поиски выхода из кризиса велись при априорном согласии на продолжение существования демократических институтов. Для этого было необходимо наличие некоторых условий, главными из которых было убеждение большинства в том, что нерушимом основой государства являются легитимность и компромисс, вера в возможность общественного примирения без изменения существующего порядка.

Демократия как механизм согласования интересов разных групп общества, как оказалось, обладала резервами самосохранения в Англии, Франции, США, скандинавских странах, хотя в общемировых масштабах она явно сдавала позиции. Но важнейшем предпосылкой общественного согласия всегда и везде было процветание или хотя бы возможность материальном поддержки низов общества, что в период мирового

экономического кризиса 1929-1933 гг. становилось все более проблематичным. Праворадикальные движения активизировались повсеместно, но там, где традиционные системы оказались дееспособными, шансов на успех они не получили.

Тем не менее в экономике Великая депрессия надолго покончила с либерализмом и стабильностью. Практически все западные страны вынуждены были отказаться от золотого стандарта национальных валют и свободы внешнеторговых операций, а первоочередное внимание сосредоточить на проблеме хроническом безработицы не менее четверти трудоспособного населения, грозившем вылиться в катастрофические по масштабам социальные протесты. В Великобритании к началу кризиса у власти находилось второе правительство лейбористов под руководством Дж. Р. Макдональда, сформированное под лозунгами предвыборном программы «Лейборизм и нация», предлагавшем весьма осторожную программу реформ. По мере развертывания кризиса основные усилия правительства оказались связаны с общественными работами, переселением людей из особо «депрессивных» областей, расширением страхования по безработице. Средства, которые оно могло выделить на эти программы, быстро обесценивались, реальные результаты казались ничтожными, резко росли дефицит бюджета и неустойчивость фунта, ситуация грозила выйти из–под контроля. Под давлением предпринимателей, настаивавших на приоритете мер по оживлению экономики, правительство вынуждено было перейти к политике сокращения пособий по безработице и заработной платы рабочих, что расходилось с сутью идеологии лейборизма. В августе 1931 г. Макдональд опять подал в отставку, но стабильность парламентской системы Великобритании осталась непоколебимой.

Новое правительство, осознавая острую необходимость поддержки максимально возможным количеством членов общества, было коалиционным и соответственно названо «национальным». Состояло оно из сторонников консенсуса во всех трех основных партиях, при этом Макдональда за согласие его возглавить лейбористы исключили из своих рядов, решающим же влиянием в кабинете обладали консерваторы, сразу настоявшие на «охранительном» протекционизме в торговле (введение пошлин на 95% импортных товаров). Лейбористы, несогласные с переносом центра тяжести антикризисных мер на спасение национальной валюты и финансового рынка, теряли влияние, резко снизились и число членов партии, и ее поддержка на выборах в 1931 г. Принятие в 1934 г. новой программы «За социализм и мир» фиксировало приверженность

лейбористов идеям реформ в условиях демократического легитимизма наряду с окончательным отказом от любых форм революционного действия. Это повышало шансы лейбористов на продолжение интеграции в политическую систему страны в экономически более благоприятной среде, но подъем стачечного движения, «голодные походы» безработных на Лондон в 1930-1934 гг. получили искреннюю поддержку лишь левого крыла партии.

Экономия госрасходов «национального правительства» проходила в основном за счет продолжения политики 10-процентного снижения зарплаты госслужащим и сокращения пособий по безработице (в 1934 г. был принят новый Акт о страховании, упорядочивший систему пособий), одновременно были запущены программы по удешевлению кредита и росту инвестиций государства в инфраструктуру и военное производство. В общих чертах систему социальных гарантий все же удалось сохранить, более того, в 1938 г. были узаконены недельные оплачиваемые отпуска для работников. К 1934 г. Англия смогла прервать полосу кризисного развития, однако структурные диспропорции и общее стагнирующее развитие британской экономики ставили на повестку дня насущную необходимость ее системной перестройки и модернизации. С 1935 г. правительство возглавляли консерваторы С. Болдуин, затем Н. Чемберлен.

Схожие проявления Великой депрессии во Франции, включая необычайно высокий уровень безработицы, привели к аналогичному ответу: при сохранении всех атрибутов системы парламентарной демократии усиливались «национальные», «дирижистские» силы, нацеленные на активную роль государства в регулировании и даже планировании экономики. В условиях традиционно не отличавшейся стабильностью французской политической жизни «дирижисты» настаивали на сохранении и даже расширении системы социального страхования и допускали вмешательство государства в сферу трудовых отношений. В развернувшейся общественной дискуссии стало ясно, что принципиальных противников этого курса очень мало, но в оценке степени активности государства, а также в определении первоочередных приоритетов (экономика или социальная сфера) существовали серьезные различия. К тому же в пестрой политической атмосфере Франции оказалось практически невозможно создать коалицию, которой бы доверяло большинство населения, поэтому после отставки Р. Пуанкаре в июле 1929 г. и последующего развала «Национального единения» с кризисом безуспешно боролись «внепартийные» кабинеты во главе с лидерами правореспубликанского толка. Один из них, А. Тардье, сформулировал

концептуальную программу особого пути Франции («Час решений», 1932), включавшую не только «дирижистские» методы в экономике, но и ориентацию на конституционные реформы в сторону сильной власти, ограничения свобод и авторитарного управления государством. Но его идеи не получили в обществе широкого отклика, возможно, из–за того, что на волне кризисного отчаяния левым силам удалось создать второй Левый блок, а также на фоне агонии Веймарской республики в соседней Германии.

Блок радикалов и социалистов, пришедший к власти в мае 1932 г., свидетельствовал о потенциальной силе единства левых сил во Франции, новое правительство опять возглавил Э. Эррио. Но серьезных успехов он добиться не смог. В жестких условиях кризиса и поправения международного климата было слишком рискованно проводить национализацию стратегических отраслей промышленности и сокращать военные расходы, что предлагали социалисты, увеличение налоговой нагрузки на предпринимателей тоже не способствовало оживлению деловой активности, а рост бюджетного дефицита заставлял сокращать социальные расходы. В начале 1934 г. Левый блок окончательно развалился.

Несмотря на то что либерализм в Великобритании, Франции и других странах Европы нашел в себе силы устоять во время Великой депрессии, воздействие примера антикризисной стратегии «народных» фашистских режимов, а также общий рост социальной нестабильности проявились в виде оживления как авторитарных и радикально–националистических сил, так и движений откровенно фашистского толка. Инстинкт самосохранения демократически настроенных сил сделал невозможным выход таких организаций с пространства политической периферии, противоборство отдельных «вождей» лишало их перспективы объединения, но сама тенденция фашизации представителей не только люмпенских, но даже средних слоев общества в это трудное время была показательной. В Дании и Нидерландах в парламентах и местных органах власти оказалось по несколько фашиствовавших депутатов, в Норвегии в 1933 г. возникла по образу и подобию гитлеровской НСДАП партия «Национальное единение» В. Квислинга. Даже в Англии, символе стабильности, аристократ О. Мосли, ко всему прочему бывший член второго лейбористского правительства, основал в 1932 г. Британский союз фашистов, цели которого заключались в ликвидации парламентаризма и установлении диктаторской власти, и начал создавать свою систему массовых профашистских организаций. Но стоило на одном из фашистских митингов разразиться драке, превратившейся в

избиение противника, как влияние О. Мосли резко упало. Попытавшись прорвать изоляцию в глазах общества, он организовал в 1936 г. антисемитскую кампанию и вновь попытался пройти со своими сторонниками по Лондону, выбрав для этого рабочий район Ист–Энда. Разрешенное полицией шествие встретили баррикады на Кейбл–стрит, и опять произошла схватка. В результате Мосли окончательно дискредитировал себя, поскольку британские фашисты не способствовали порядку, а напротив, провоцировали нестабильность.

Приезд в Москву французского премьер–министра Э. Эррио накануне заключения советско–французского пакта о ненападении. 1932 г. РГАКФД.

Во Франции с ее наиболее устойчивой республиканской традицией и антигерманскими настроениями фашизм до немецкой оккупации в 1940 г. тоже не имел шансов на успех. Наибольшую активность на правом фланге демонстрировали скорее авторитарно–националистические, этатистские и клерикальные движения, имевшие только отдельные черты фашизма, в основном в виде корпоративных идей или атрибутики. Десяток подобных лиг: «Боевые кресты», «Французское действие» («Аксьон франсэз»), «Патриотическая молодежь», «Французская солидарность» и другие остались маргинальными союзами, до поры до времени не

претендовавшими на самостоятельную политическую роль, даже избегавшими употреблять слово «фашизм».

Их единственной крупной акцией стала демонстрация 6 февраля 1934 г. в Париже. Для мобилизации своих сторонников праворадикальные движения воспользовались «делом Стависского» — коррупционным скандалом, который бросил тень на правительство Левого блока. Несколько десятков тысяч сторонников «Аксьон франсэз» и «Боевых крестов» направились к зданию парламента, рассчитывая при удачном стечении обстоятельств взять его штурмом. Однако силы полиции, применив оружие, рассеяли демонстрантов, 17 человек были убиты. Правым радикалам удалось сорвать голосование по новому составу правительства Левого блока, его место занял кабинет «национальной консолидации», который возглавил Гастон Дюмерг.

Если на правом фланге политического спектра Франции в годы мирового кризиса доминировала консолидация, то социалистическое движение страны оставалось разрозненным, ведя ожесточенную междоусобную борьбу. Это сковывало возможность развертывания массового антифашистского движения, разработки общей программы оздоровления экономики и социальной жизни. Влиятельная компартия Франции следовала установкам Исполкома Коминтерна, который, в свою очередь, находился под полным контролем Сталина. Согласно тактике «класс против класса» коммунистам запрещалось какое–либо сотрудничество с организациями социалистов, включая выдвижение совместных кандидатур на выборах.

Неудавшийся штурм парламента 6 февраля 1934 г. в корне изменил ситуацию. Новость о фашистском выступлении в Париже усилила позиции тех коминтерновских деятелей, которые выступали за радикальный пересмотр сектантской тактики. Георгий Димитров одобрил курс ФКП на установление политического сотрудничества с социалистами, рассчитывая, что в случае успеха он ляжет в основу новой линии всего коммунистического движения. Лидер французских коммунистов Морис Торез на партийной конференции в Иври (23-25 июня 1934 г.) выступил за то, чтобы коммунисты активно включились в защиту демократических завоеваний французов.

27 июля ФКП и социалистическая партия (СФИО) подписали пакт о единстве действий, предполагавший координацию усилий по борьбе с фашистской угрозой, в защиту социальных и политических прав трудящихся. Партии отказывались от взаимной критики, что открывало возможность проведения согласованной предвыборной кампании. Осенью

1934 г. Торез расширил свое понимание единства антифашистов, отправив предложение о сотрудничестве и партии радикалов. Такая перспектива получила название Народного фронта. На протяжении следующего года в ходе взаимодействия трех партий она получила более конкретные очертания, расширила число своих сторонников.

Программа Народного фронта, опубликованная 10 января 1936 г., включала в себя не только защиту демократии, но и комплекс далеко идущих социально–экономических мероприятий. Речь шла об оздоровлении финансового сектора, о государственном контроле над основными параметрами промышленного развития. Социальные мероприятия подразумевали сокращение рабочей недели с сохранением заработной платы, увеличение пособий по безработице. Крестьянам программа обещала финансовую поддержку и введение твердых цен на производимую ими продукцию. Хотя эти меры не означали «введения социализма», о чем трубила бульварная пресса Парижа, они представляли собой ясную альтернативу политике правых партий.

По итогам парламентских выборов (26 апреля — 3 мая 1936 г.) партии, подписавшие программу Народного фронта, добились впечатляющего успеха (57% голосов) и смогли сформировать коалиционное правительство. Его возглавил социалист Леон Блюм. Коммунисты после некоторых колебаний отказались от министерских портфелей, считая, что их массовая база (и, вероятно, кураторы в Москве) не поймет столь резкого «поправения» партии. В то же время ФКП пообещала безусловную поддержку правительству Народного фронта, если оно будет выполнять положения согласованной программы действий.

Решительную поддержку новой коалиции оказали французские рабочие, летом 1936 г. они провели серию забастовок, в которых участвовали до 2 млн человек. Предпринимателей охватил «великий страх» перед грядущими потрясениями, сравнимый со страхом лета 1789 г. Под давлением снизу парламент принял пакет социальных законов, в разработке которых принимали участие лидеры профсоюзов. Были введены 40-часовая рабочая неделя, двухнедельные оплачиваемые отпуска и коллективные договоры. Рабочим ряда отраслей повысили заработную плату, фронтовикам увеличили пенсии. На один год увеличилось время обучения детей в средней школе, было создано министерство спорта и культуры, выделены субсидии на развитие народного творчества и художественной самодеятельности. Социальные программы финансировались за счет роста налогообложения зажиточных слоев французского общества.

Уже в 1936 г. были сделаны первые шаги по реформированию

Французского банка, национализации железных дорог и части военной промышленности. Однако дальнейшее развитие левого варианта политики государственного дирижизма натолкнулось на сопротивление влиятельных финансово–промышленных кругов. Началось бегство капиталов за рубеж, рост бюджетных расходов привел к истощению золотого запаса Франции. Коммунисты выбросили популистский лозунг о том, что за все должны заплатить богачи. Правительству пришлось на 30% девальвировать национальную валюту, что подстегнуло инфляцию и свело к минимуму рост доходов той части населения, которая жила на заработную плату. Не получив чрезвычайных полномочий на проведение дальнейших реформ, летом 1937 г. в отставку подал Леон Блюм.

Коалицию Народного фронта разъедали не только противоречия, связанные с выбором путей реализации экономической программы. Закон о запрете военизированных фашистских организаций, принятый 18 июня 1936 г., нашел в стране всеобщее одобрение. Гораздо меньшей оказалась решимость правительства оказать помощь республиканской Испании, где мятежники во главе с генералом Франко получали щедрую поддержку от фашистской Италии и нацистской Германии. Исходя из внешнеполитических соображений, Блюм высказался за проведение политики невмешательства, что вызвало острую критику коммунистов.

Генерал Ф. Франко на фронте. Испания, 1937 г. РГАКФД

Несмотря на сохранявшуюся поддержку снизу, партии Народного фронта расходились и во взглядах на первоочередные меры во внутренней политике, и в оценках стратегических перспектив европейского развития. Точку в истории антифашистского Народного фронта во Франции поставило подписание премьер–министром Эдуардом Даладье, представлявшим радикальную партию, Мюнхенского соглашения с Гитлером и Муссолини. От имени ФКП Торез заявил о том, что это событие «войдет в историю как день самого большого предательства интересов Франции, мира и демократии, которое когда–либо совершалось республиканским правительством». Фракция коммунистов единственная голосовала против ратификации Мюнхенского соглашения в Национальном собрании.

Деятельность правительств Народного фронта не только поставила надежный заслон наступлению праворадикальных сил и фашистских организаций во Франции. Она продемонстрировала способность левых сил к постановке и решению позитивных задач по выводу страны из экономического и внутриполитического кризиса, стала одним из практических воплощений социал–либерального реформизма, опыт которого будет востребован уже в послевоенные годы.

Народный фронт и революция в Испании

16 февраля 1936 г. Народный фронт победил на выборах в Испании. С 1931 г., после свержения монархии, в Испании развернулась революция, в 1934 г. произошло восстание социалистов и коммунистов в Астурии. Испанское общество было расколото на три основных сектора — республиканский, анархистский и традиционалистский, в котором усилились фашистские тенденции. Приход к власти Народного фронта в феврале 1936 г. способствовал дальнейшей политической поляризации. 17—18 июля националистическое офицерство и фашистские организации подняли мятеж против Республики, который привел к гражданской войне 1936-1939 гг.

Начало гражданской войны, всеобщее вооружение активных граждан в Республике привели к глубокой социальной революции. Некоторое время Республика была открыта социальному творчеству снизу. Реальная власть оказалась в руках множества организаций, созданных гражданами, партиями и профсоюзами. Во многих регионах страны возникли местные центры власти — Центральный комитет антифашистских милиций Каталонии, правительство Страны Басков, Арагонский совет и др. В эти органы входили представители партий Народного фронта и профсоюзов — социалистического Всеобщего союза труда (ВСТ) и синдикалистской Национальной конфедерации труда (НКТ). Советы и хунты пользовались широкой автономией. Особенное значение среди этих автономных районов играла Каталония, где было сосредоточено около 70% промышленного потенциала республиканской зоны. Колонны каталонских анархо–синдикалистов заняли часть провинции Арагон, которая стала одной из продовольственных

баз Республики. Крестьяне здесь захватили помещичьи земли, на которых создали сельскохозяйственные коммуны. 7 октября 1936 г. конфискация земель бежавших помещиков (а бежали почти все) была подтверждена республиканским законом. В июле–сентябре волна захватов предприятий рабочими (коллективизация, синдикализация) сделала профсоюзы хозяевами экономики в Каталонии и ряде других регионов Республики.

4 сентября 1936 г. к власти в Республике пришло правительство широкой антифашистской коалиции во главе с лидером левого крыла Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) Ф. Ларго Кабальеро. В правительство вошли представители партий Народного фронта, включая коммунистов. Через два месяца в критические для Республики дни в правительство вошли также представители НКТ — одной из основных сил, проводивших уже с июля преобразования, основанные на производственной демократии. В основном они проводились на северо–востоке страны, в Каталонии и в Арагоне. Однако преобразования не ограничились анархо–синдикалистской сферой влияния, их поддержал и социалистический профсоюз ВСТ.

24 октября 1936 г. по инициативе НКТ и Федерации анархистов Иберии (ФАИ) правительство Каталонии (Женералитат) декретировало коллективизацию большей части промышленности региона. Работа коллективизированных предприятий координировалась экономическим советом Каталонии и Генеральным индустриальным советом.

Рабочие чувствовали себя хозяевами предприятия, на ассамблеях предприятия высказывались идеи, помогавшие менеджерам и профсоюзным лидерам находить выход в тяжелой экономической ситуации военного времени. Оперативное руководство предприятием осуществлял избранный ассамблеей комитет. Коллектив стал силой, воздействующей на каждого рабочего. Воровство и даже недисциплинированность воспринимались как вызов коллективу.

Особое значение в условиях гражданской войны имело военное производство, особенно если учесть, что до войны современное оружие в Испании практически не производилось. В Каталонии было налажено массовое производство стрелкового

оружия, патронов и даже броневиков.

Несмотря на тяжелую экономическую ситуацию, вызванную войной и расколом страны, коллективизированная промышленность не допустила резкого падения производства. С июля по декабрь 1936 г. производство промышленности Каталонии упало на 29% и стабилизировалось до июня 1937 г. (когда началось разрушение синдикалистской системы военно–политическими методами). Металлургия росла до мая 1937 г. — почти в полтора раза от довоенного уровня.

Участие анархо–синдикалистов в системе власти (с октября в Женералитате Каталонии, а с ноября — в правительстве Ларго Кабальеро) существенно облегчило проведение преобразований, поскольку государство не пыталось подавить коллективизированный сектор в этот период, а возникающие трения решались в рабочем порядке.

Цены в Каталонии контролировались НКТ, а в обмене между синдикатами деньги вообще не употреблялись. Благодаря существованию разветвленной сети синдикатов удалось организовать бартерный обмен между отраслями и между городом и деревней.

Достижением анархо–синдикалистов стало сведение к минимуму безработицы. Несмотря на обстановку экономического кризиса военного типа, рабочие не увольнялись, а снижался рабочий день (в текстильной отрасли — до трех дней в неделю). Борьбе с безработицей способствовал и отток людей на фронт. В августе 1937 г. в Каталонии было 81 048 безработных (29 720 полностью, 51 328 частично).

Благодаря революции, многие рабочие и крестьяне впервые смогли посетить театр и кино. Количество детей, обучавшихся в школах Барселоны, возросло с июля 1936 по июль 1937 г. с 34 431 до 116 846. Так закладывались основы культурного процесса, который даст результаты десятилетия спустя.

Коллективистский сектор в Испании представлял собой демократическую и социалистическую альтернативу как марксистско–ленинской модели социализма, так и фашизму.

Вольная и оптимистическая обстановка в тылу не соответствовала положению на фронте. Оправившись от первых неудач и вооружившись с помощью Италии и Германии, франкисты начали наступление на Мадрид. Их армия была лучше

вооружена и организована. Современное оружие можно было получить только за границей. Но страны Запада, приверженные идее «умиротворения», объявили о политике «невмешательства» в гражданскую войну и отказались продавать оружие республиканцам. Они боялись распространения испанской революции на свои страны, не поддерживали нарушения права частной собственности во время захвата земли и предприятий, опасались столкновения с Германией в случае защиты законного республиканского правительства. Первоначально в международный комитет по невмешательству вступили также Германия, Италия и СССР. Но фашистские страны, на словах обещая прекратить поддержку антиреспубликанского режима Ф. Франко, на деле продолжали участвовать в войне. Тогда и СССР направил республиканцам оружие и военных советников. В Испанию прибывали добровольцы левых взглядов со всего мира, которые вступали в интернациональные бригады, сражавшиеся против франкистов. Правительство Ларго Кабальеро сумело в короткие сроки объединить усилия антифашистов и создать боеспособную армию. В ноябре 1936 г. ворвавшаяся в Мадрид армия Франко была остановлена.

В период правления Ларго Кабальеро военное строительство Республики основывалось на сочетании принципов милиционности на уровне подразделений и регулярности — на уровне управления частями. Милиционная самоорганизация бойцов иногда затрудняла управляемость, но добавляла энтузиазма и самоотверженности бойцам. Важно было найти правильный баланс с принципами регулярной армии, и при Ларго его искали. Это сочетание не уберегло Республику от поражения в Малаге в феврале 1937 г., но позволило отстоять Мадрид и одержать победу над итальянским «добровольческим» корпусом под Гвадалахарой в марте 1937 г.

Перелом в развитии Испанской революции произошел во время майских столкновений 1937 г. в Барселоне, когда произошел раскол широкого антифашистского фронта, и стало ясно — стратегия анархо–синдикалистов и левых социалистов (кабальеристов) трудно совместима с этатизмом коммунистов и умеренных социал–демократов (приетистов). Президент М. Асанья, враждебно относившийся к синдикалистскому эксперименту, поддержал приетистов и коммунистов.

Правительство широкой антифашистской коалиции сменилось более узким по составу правительством Народного фронта во главе с социалистом Х. Негрином. Отсутствие лидеров крупнейших профсоюзных организаций в правительстве (сторонники Ларго Кабальеро продолжали сохранять свои руководящие позиции в ВСТ до осени) ослабляло координацию борьбы с франкизмом, но облегчало решение внутриполитических задач победившей группировки.

Правительство Негрина взяло курс на прекращение революционных преобразований. Социальная демократия сменилась авторитаризмом. Правда, это не помогло выиграть войну. Парализовав революцию, новое испанское руководство ослабило стимулы борьбы за победу. Создание авторитарного режима вызвало разочарование среди широких масс, деморализовало республиканцев. В 1937-1938 гг. война шла с переменным успехом, но в апреле 1938 г. территория Республики была расчленена надвое, а в феврале 1939 г. пала Каталония. По мере сворачивания социальных преобразований трудящиеся Испании теряли важные стимулы к защите Республики. 2 марта 1939 г. в Испанской республике начался мятеж против Негрина и коммунистов. Его инициатор С. Касадо и его сторонники надеялись договориться о капитуляции без репрессий. Франко не согласился с этим — его устраивала только безоговорочная капитуляция. Мятежники добились отъезда Негрина из страны, но сами оказались в тупике. Однако продолжать сопротивление в условиях такого раскола республиканцы уже не могли, тем более, что и так были деморализованы. Мятеж Касадо спровоцировал распад республиканского фронта. Крах Республики произошел тогда, когда до начала Второй мировой войны оставалось пять месяцев. 1 апреля Республика была уничтожена.

Демократическая альтернатива фашизму и коммунизму потерпела неудачу не только в Испании. В 1938 г. была фактически свернута и политика Народного фронта. Европа стремительно двигалась ко Второй мировой войне. Коминтерн не пережил ее и был распущен в 1943 г., чтобы не мешать укреплению Антигитлеровской коалиции. Но это не значит, что в Кремле были готовы отказаться от единства коммунистического движения и контроля за революционным процессом.

Авторитарный поворот в Центральной и Восточной Европе

Начавшийся в 1929 г. мировой экономический кризис оказал крайне негативное влияние не только на народное хозяйство, но и на политические институты всех стран Восточной Европы, включая индустриально развитую Чехословацкую республику. Во многом под влиянием кризиса и его последствий наметившийся в ряде стран региона поворот к авторитаризму стал почти всеобщей региональной тенденцией, не затронувшей лишь исчезнувшую с карты Европы уже в марте 1939 г. ЧСР, а также Финляндию в период до «зимней войны» 1939-1940 гг.

Наступление авторитаризма в значительной степени вызывалось внутренними причинами и прежде всего тем обстоятельством, что национальное самоопределение в сочетании с парламентской демократией не смогли автоматически разрешить социальные проблемы и удовлетворить обещания, привлекательные для широких масс населения. Политическим и военным элитам на пространстве от Прибалтики до Албании в 1930-е годы показалось, что в условиях авторитарных диктатур, сложившихся при сохранении монархии или как мутация республиканского строя, будет легче сохранить независимость и одновременно укрепить властные структуры. Эта иллюзия развеялась уже в конце десятилетия, когда перед диктаторами Восточной Европы встал небогатый выбор между исчезновением их стран с карты Европы и уязвимым положением сателлита стран «оси» во Второй мировой войне. Именно тогда идея неповторимой и непоколебимой державности на почве национализма окончательно превратилась в мираж.

Устойчивость политических структур Чехословацкой республики в условиях кризиса, поразившего страну с 1930 г., оказалась значительно выше, чем крепость экономических институтов. Практическое отсутствие безработицы сменилось к 1933 г. более чем 900-тысячным отрядом потерявших работу, почти наполовину упало промышленное производство, продукция которого не находила сбыта, несмотря на авантюрные попытки отыскать новые рынки в Азии и даже в Латинской Америке. Выход из кризиса в экономике ЧСР обозначился только в 1936 г., но издержки политического плана были минимальны: речь шла лишь о некотором расширении полномочий исполнительной власти и введении в 1934 г. хлебной монополии, позволившей аграриям продавать свою продукцию по достаточно высоким ценам.

Прежняя система управления страной, сконструированная Т. Г. Масариком и Э. Бенешем, продолжала функционировать, нетронутой

оставалась и модель национальных отношений, дававшая решающее преимущество чехам в ущерб словакам и национальным меньшинствам. В декабре 1935 г. 85-летний Масарик уступил президентский пост 51-летнему Бенешу, но модель власти и после этого оставалась прежней. После прихода Гитлера к власти ликвидация ЧСР стала заветной целью трех соседних государств — Германии, Польши и Венгрии, с 1934 г. тесно координировавших свою деятельность в этом направлении и делавших ставку на свои проверенные кадры, в частности на Судето–немецкую партию гитлеровского сторонника К. Генлейна. Попытки ЧСР отвести угрозу с помощью дипломатии оказались уязвимы, включая трехсторонние соглашения между Чехословакией, Францией и СССР, подписанные в мае 1935 г.: по ним Москва могла оказать помощь Праге только с согласия Парижа.

Ситуация стала критической после аншлюса Австрии в марте 1938 г.: всего за полгода Гитлер и его союзники умело спровоцировали международный кризис вокруг ЧСР, в который ввязались Великобритания и Франция, следовавшие своей политике умиротворения агрессора в целях предотвращения новой большой войны в Европе и не считавшие зазорным пожертвовать в своих интересах ими же созданной чехословацкой государственностью. В итоге британский и французский премьеры Н. Чемберлен и Э. Даладье вместе с А. Гитлером и Б. Муссолини 29-30 сентября 1938 г. в Мюнхене договорились о передаче Германии части территории ЧСР с преимущественно немецким населением. 30 сентября поставленные перед фактом чехословацкие власти приняли решение не сопротивляться агрессору, хотя армия ЧСР имела на тот момент 34 хорошо вооруженные дивизии и 1500 боевых самолетов. Министр иностранных дел К. Крофта заявил в день принятия мюнхенского ультиматума: «Мы подчиняемся решениям, принятым в Мюнхене без нас и против нас […] Мы подчиняемся и будем стараться обеспечить своему народу спокойную жизнь». В 23.40 30 сентября свой ультиматум ЧСР о передаче части Тешинской Силезии, причем без консультаций с Гитлером, предъявила Польша. К началу ноября 1938 г. часть Словакии и Подкарпатской Руси (с Ужгородом) по решению международного арбитража в Вене получила Венгрия. Суммарные потери ЧСР составили около трети территории (41 098 кв. км), на которой проживали почти 4,9 млн человек.

В ЧСР менее чем на полгода установился режим так называемой Второй республики: 5 октября 1938 г. президент Э. Бенеш ушел в отставку, его сменил 66-летний коллаборант Э. Гаха, который вместе с новым главой МИД Ф. Хвалковским пытался исполнить все указания из Берлина.

14 марта 1939 г. по указанию Гитлера в Братиславе была провозглашена независимость Словакии, а на следующий день Чехия и Моравия были оккупированы Германией и превращены в протекторат Третьего рейха. Так закончилась история самого демократичного и развитого экономически государства Восточной Европы.

Немецкие солдаты маршируют в Вене перед Г. Герингом. 1938 г. РГАКФД

Другие славянские страны в 1930-е годы вступили на путь авторитарной эволюции. В Польше Пилсудский создал режим так называемой «санации», имевший целью очистить государство от коррупции и несправедливости. Сам диктатор благоразумно сосредоточил в своих руках лишь два рычага власти: армию и внешнюю политику. Хорошо понимая опасность усиления самых опасных соседей Польши, Пилсудский инициировал политику «равноудаленности», в соответствии с которой в 1932 г. был заключен полноценный советско–польский договор о ненападении, а в 1934 г. — польско–германская декларация о ненападении, оставлявшая открытым вопрос о границах договаривающихся стран.

Не приносящие славы внутренние дела оказались уделом более молодых соратников Пилсудского, которым и доставались проклятия широких масс в условиях, когда из 20 межвоенных лет только 6 пришлись на время относительно нормальной экономической конъюнктуры.

Появление нового океанского порта в Гдыне и разработка вице–премьером Э. Квятковским во второй половине 1930-х годов масштабных экономических реформ были редкими исключениями на фоне перманентного кризиса народного хозяйства, не всегда пересекавшегося с мировым.

Демонтаж институтов парламентской демократии проходил постепенно, для этой цели использовались новые политические технологии, к примеру, созданный в 1928 г. властями Беспартийный блок сотрудничества с правительством, а также цензура, заключение неугодных политиков в Брестскую крепость, а после 1934 г. и в специально созданный концентрационный лагерь в Картуз–Березе. Польские тюрьмы принимали и активистов, сопротивлявшихся курсу Варшавы по ассимиляции непольского населения. В июне 1934 г. ОУН при активном участии 25-летнего С. Бандеры осуществила убийство ближайшего соратника Пилсудского министра внутренних дел Б. Перацкого.

23 апреля 1935 г. по инициативе Пилсудского вступила в силу новая конституция Польши, закреплявшая режим «санации» и расширявшая полномочия президента. Однако тогдашний глава государства И. Мосцицкий этими расширенными правами так и не воспользовался: уже 12 мая скончался Пилсудский, а в сложившейся после его смерти «диктатуре без диктатора» часть президентских полномочий получил новый глава вооруженных сил маршал Э. Рыдз–Смиглы. Внешняя политика оказалась в зоне ответственности главы МИД полковника Ю. Бека. Осенью 1938 г. он превратился в национального героя после аннексии у Чехословакии богатой угольными залежами части Тешинской Силезии, так называемого Заользья площадью 805 кв. км. При этом польские войска в районе Богумина вступили в неожиданное соприкосновение с гитлеровской армией, а месть нацистов за несогласованное с ними вторжение в ЧСР последовала очень скоро. Гитлер потребовал от Варшавы признания за Германией прав на вольный город Данциг (Гданьск) и экстерриториального коридора в Восточную Пруссию. В этой ситуации Ю. Бек предпочел обратиться за помощью в Лондон: после того как в марте 1939 г. Великобритания предоставила Польше гарантии независимости, Германия 28 апреля объявила о денонсации декларации о ненападении 1934 г.

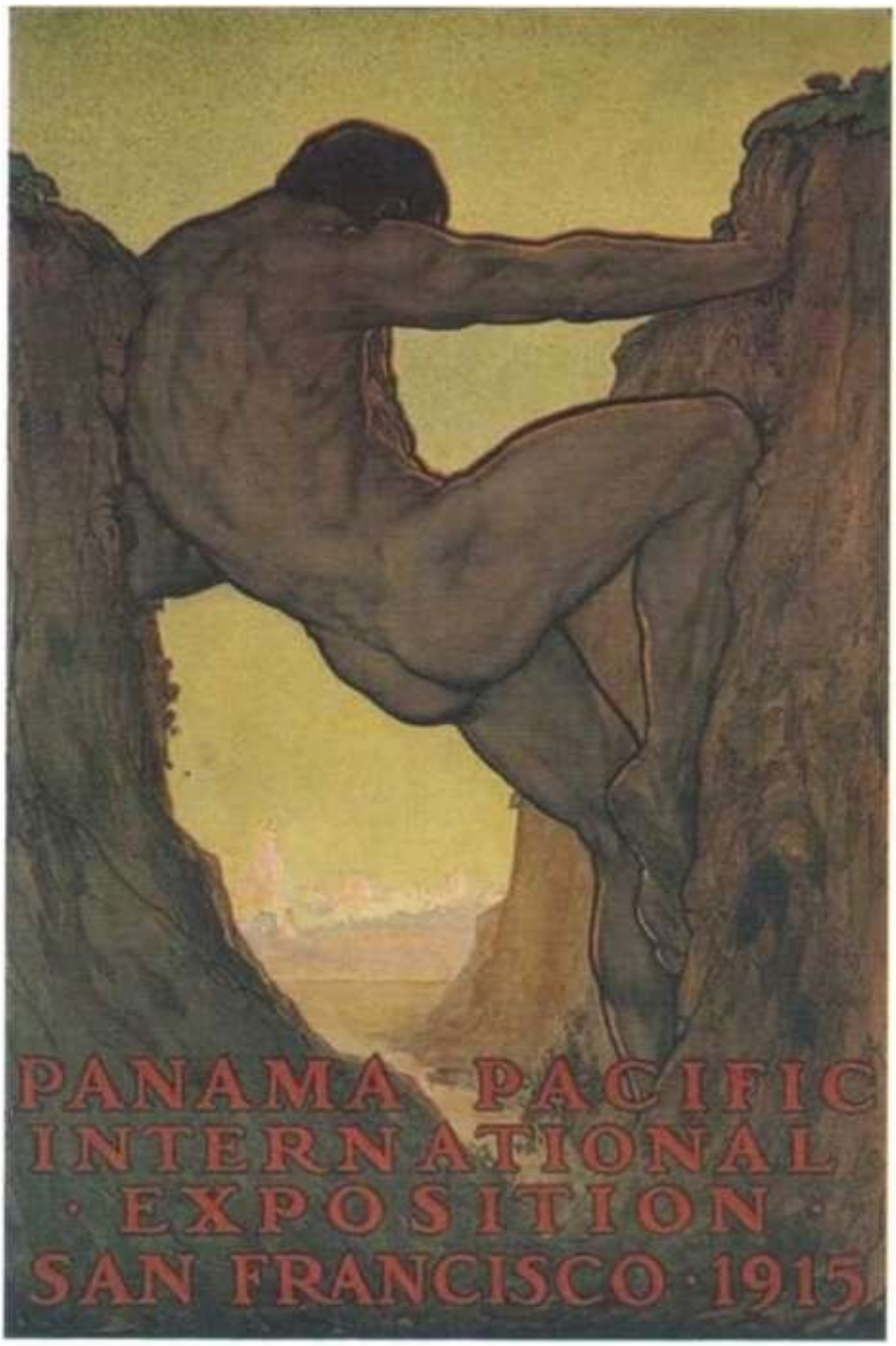
Отныне Польша стала приоритетной целью для гитлеровской агрессии. Ю. Бек категорически отказался рассматривать СССР в качестве возможного партнера в условиях надвигавшейся войны. В таких условиях 23 августа 1939 г. был заключен советско–германский договор о ненападении. 1 сентября германские войска без объявления войны

вторглись на польскую территорию. Польша, как и Чехословакия годом ранее, фактически была принесена в жертву Великобританией и Францией, которые объявили войну Германии, но к активным боевым действиям так и не приступили.

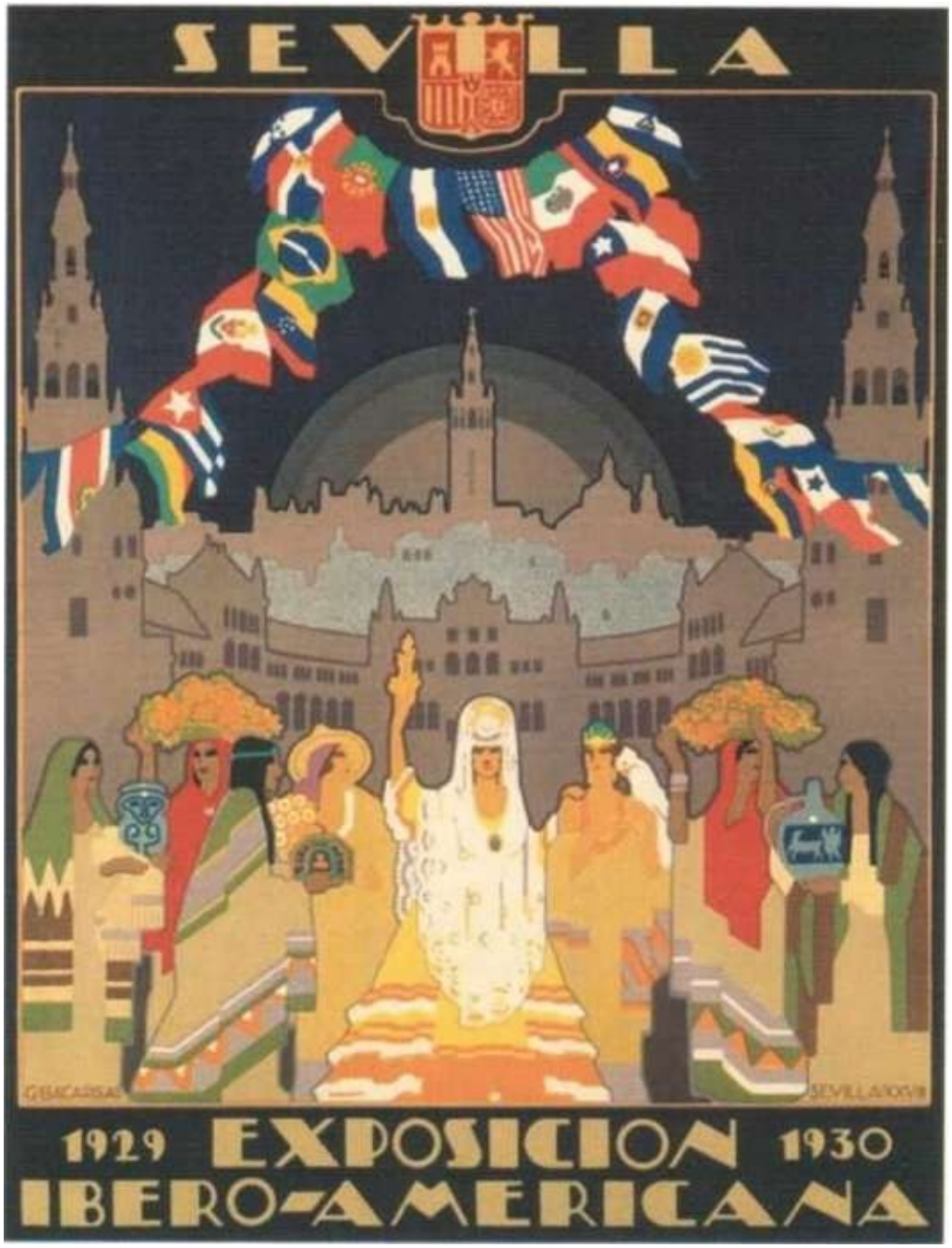
Маршал Ю. Пилсудский с министром иностранных дел Польши Ю. Беком, рейхсминистром просвещения и пропаганды Й. Геббельсом и юристом Х. Дж. фон Мольтке в Варшаве. 1934 г. РГАКФД

А. Бурдель. Монумент «Франция». 1922 г. Музей современного искусства, Париж

Н. Габо. Конструктивная голова. 1916 г. Галерея Тейт, Лондон



«Тринадцатый подвиг Геракла». Худ. П. Наль. 1914 г. Плакат для ПанамоТихоокеанской выставки в Лос–Анджелесе 1915 г., посвященный открытию Панамского канала



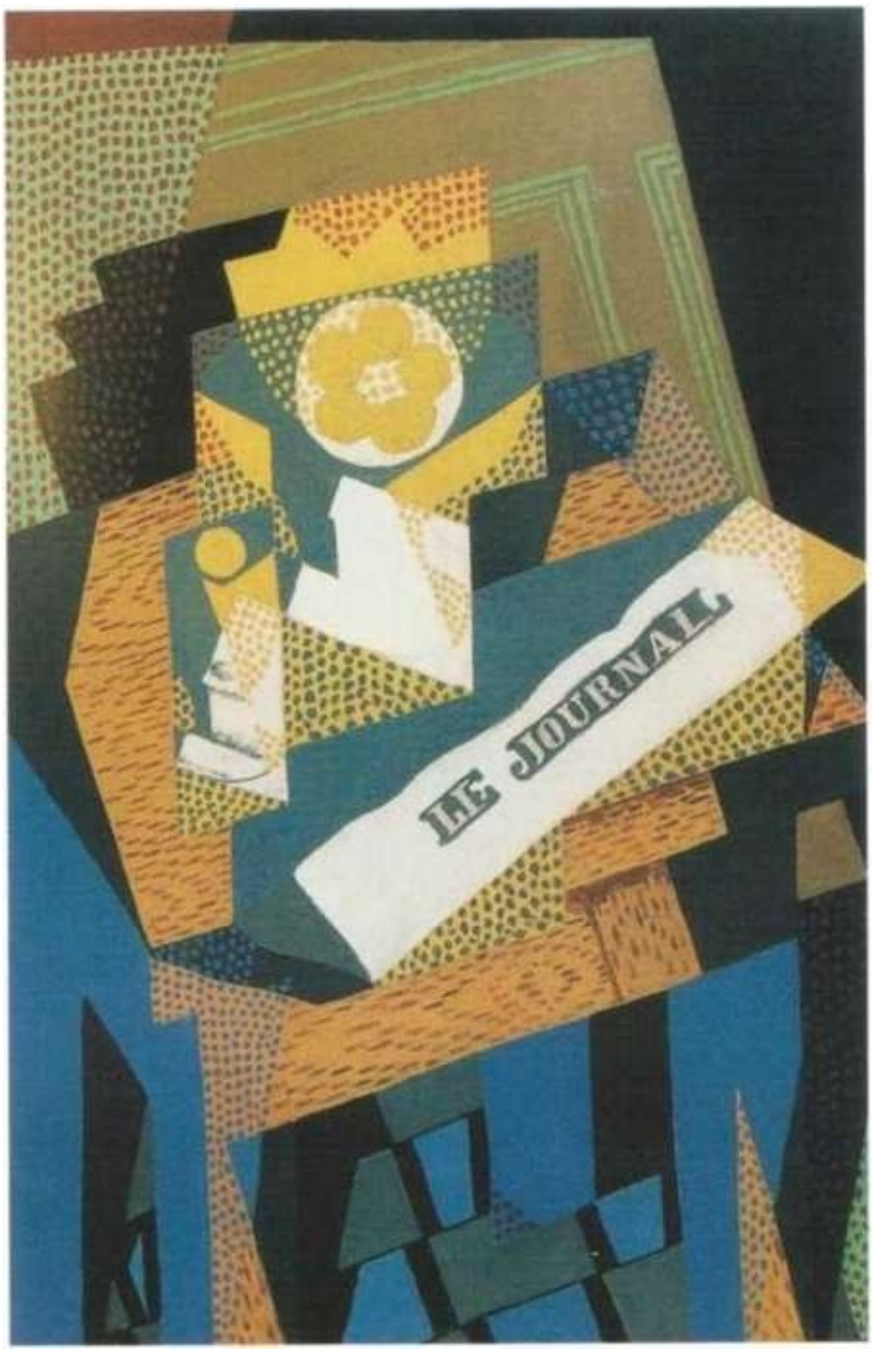
Плакат иберо–американской выставки в Севилье. 1929 г.

Плакат Всемирной выставки в Чикаго «Век прогресса». 1933 г. Худ В. Парсел

Всемирная выставка в Париже. 1937 г. Слева — павильон Германии (арх. А. Шпеер), справа — павильон СССР (арх. Б. М. Иофан) с композицией «Рабочий и колхозница» (скульптор В. И. Мухина)

К. Малевич. Солдат первой дивизии. 1914 г. Музей современного искусства, Нью–Йорк

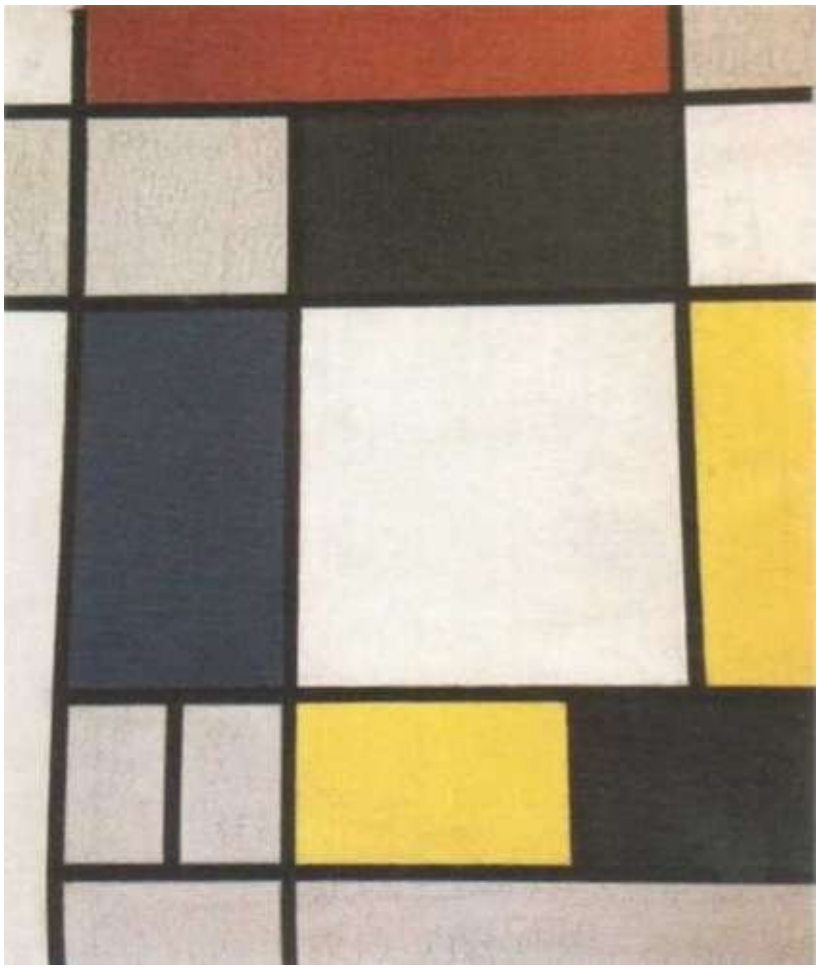
В. Кандинский. Супрематическая композиция. 1916 г. Частное собрание



Х. Грис. Газета и ваза для фруктов. 1916 г. Художественная галерея Йельского университета, Нью–Хейвен

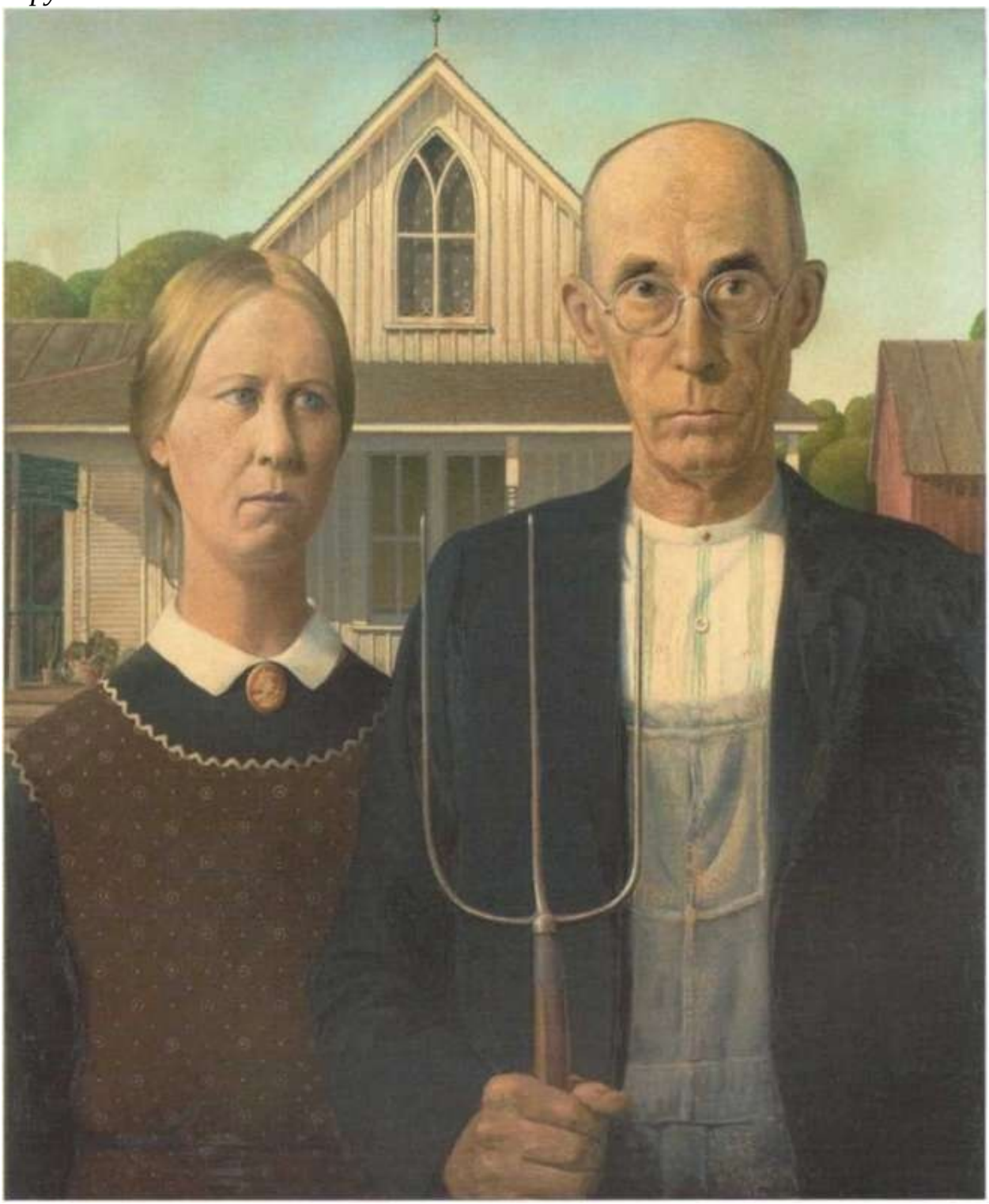
М. Шагал. Над городом. 1918 г. Государственная Третьяковская галерея, Москва

К. С. Петров–Водкин. 1918 год в Петрограде. 1920 г. Государственная Третьяковская галерея, Москва

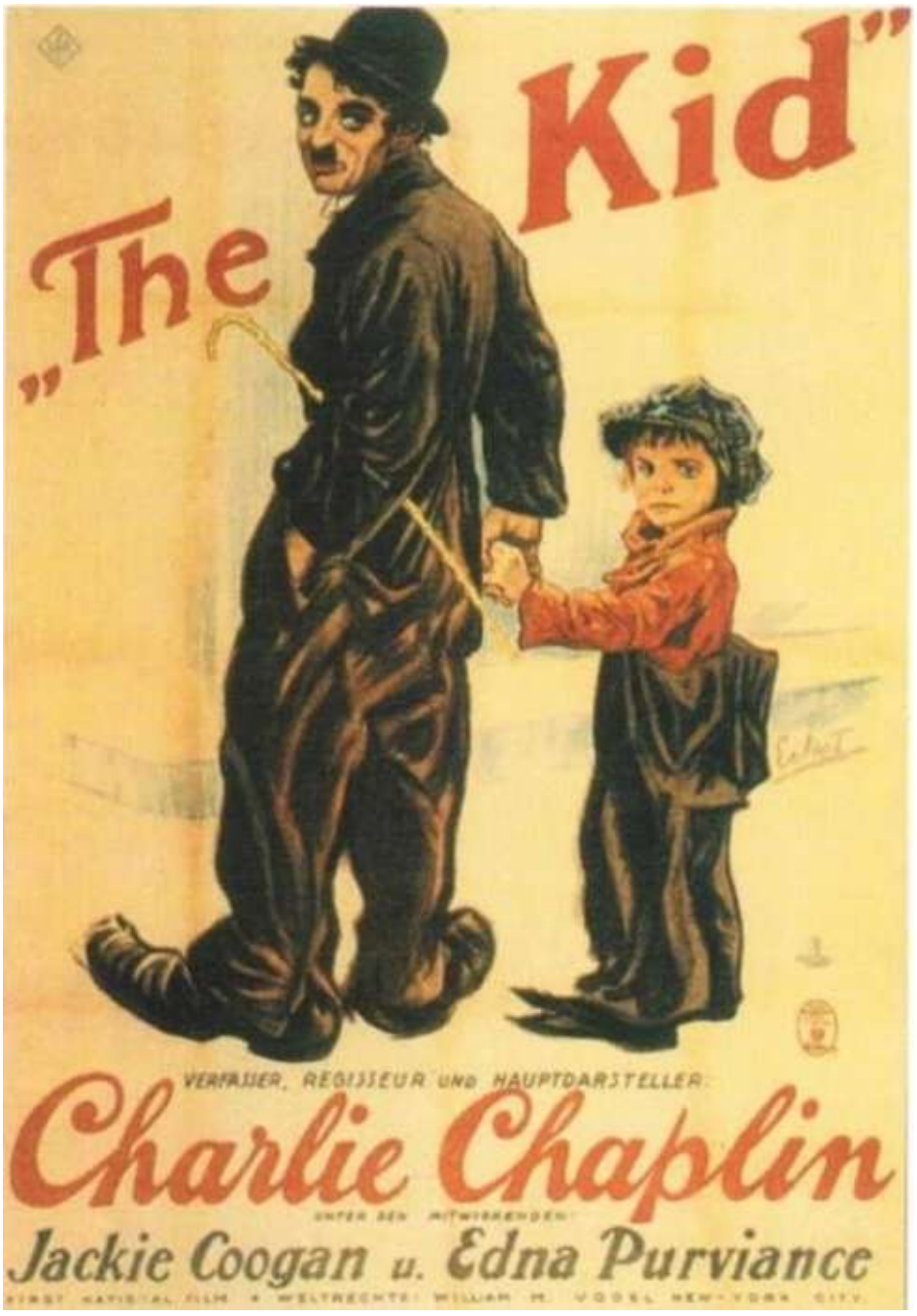


П. Мондриан. Композиция с желтым, красным, синим, черным и серым. 1920 г. Стеделийк музеум, Амстердам

Р. Магритт. Вероломство образов. 1928-1929 гг. Музей искусства округа Лос–Анджелес



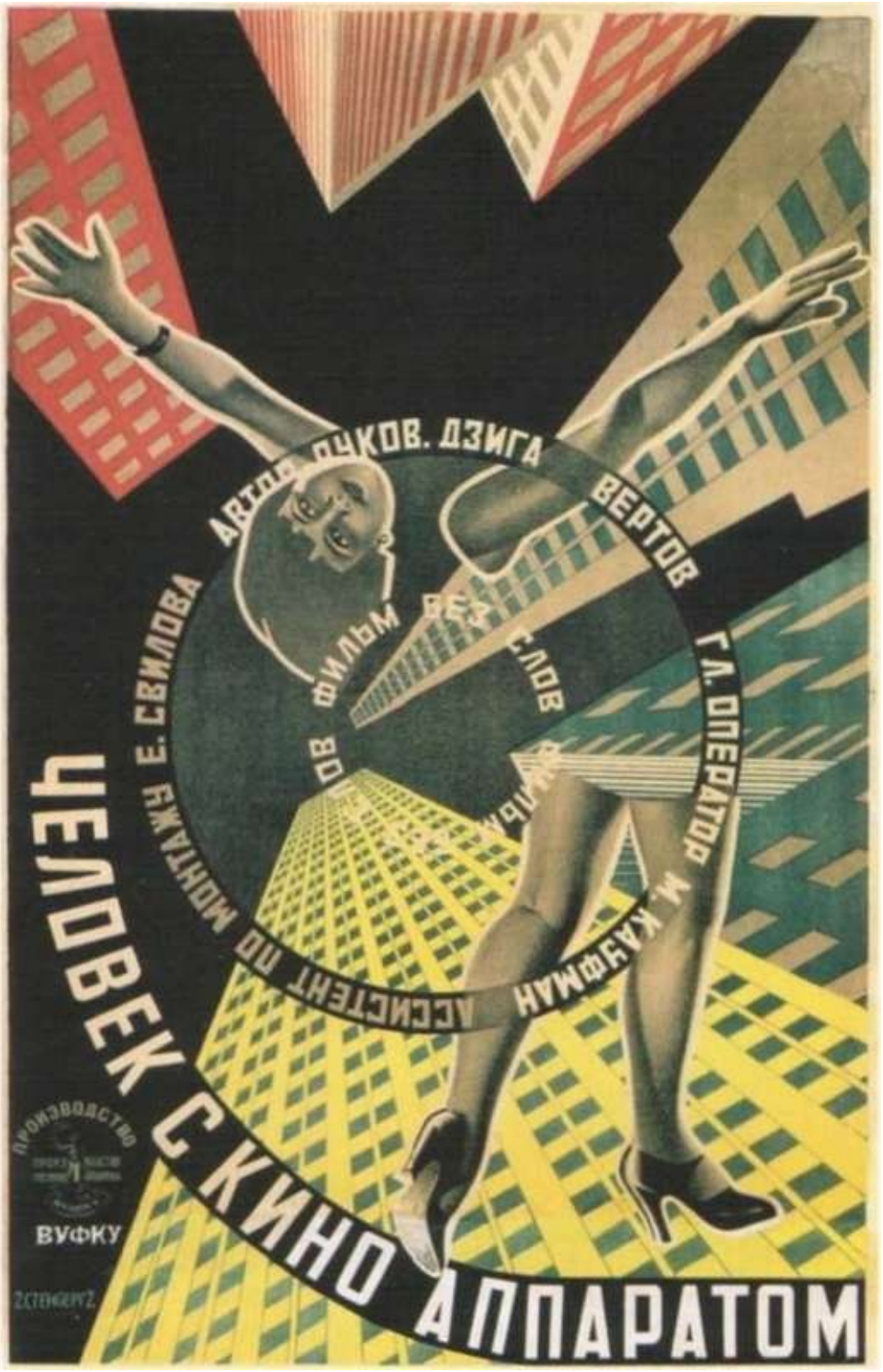
Г. Вуд. Американская готика. 1930 г. Музей современного искусства. Нью–Йорк



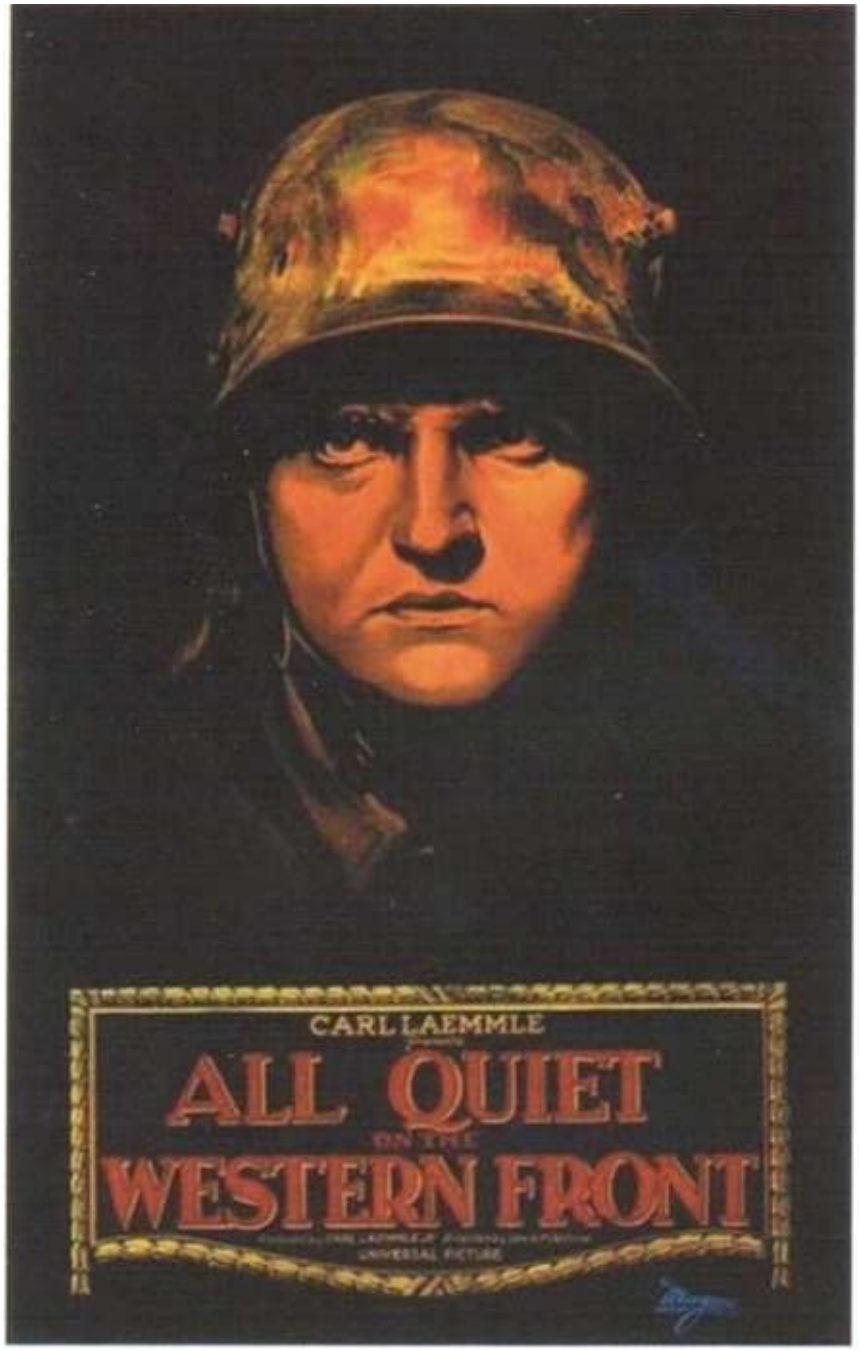
Афиша к фильму «Малыш» (реж. Ч. Чаплин). 1921 г.

Афиша к фильму «Броненосец Потемкин» (реж. С. Эйзенштейн). 1926 г. Худ. А. М. Лавинский

Афиша к фильму «Метрополией (реж. Ф. Ланг). 1927 г. Худ. Х. Шульц–Нойдамм



Афиша к фильму «Человек с киноаппаратом» (реж. Д. Ветров). 1929 г. Худ Г. А. Стенберг



Афиша к фильму «На Западном фронте без перемен» (реж. Л. Майлстоун), 1930 г.

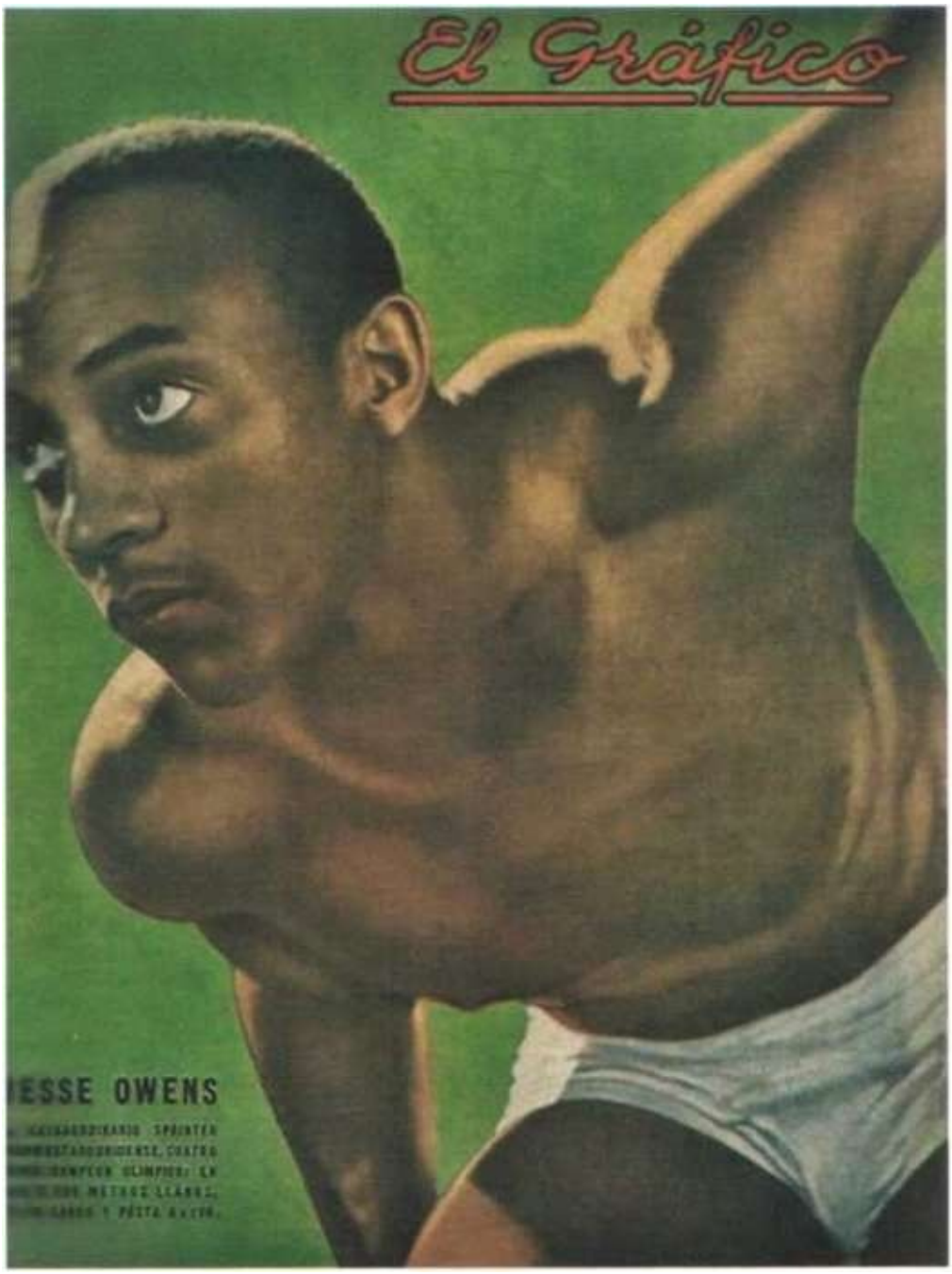
Уолт Дисней (1901-1966) — американский режиссер, художник, продюсер, один из пионеров мультипликации

Луи Армстронг (1901-1971) — американский джазовый музыкант

Гленн Миллер (1904-1944) — американский джазовый музыкант, композитор, один из основателей свингового жанра в джазовой музыке

Стадион Уэмбли. Арх. Дж. У. Симпсон, М. Эйртон. Лондон. 1923 г. Фото 1980-х годов

Плакат Олимпийских игр в Антверпене. 1920 г. Худ В. ван дер Вен



Американский легкоатлет Джесси Оуэнс — четырехкратный чемпион Олимпийских игр 1936 г. в Берлине. Обложка журнала «El Grafico» (Аргентина). 22 августа 1936 г.

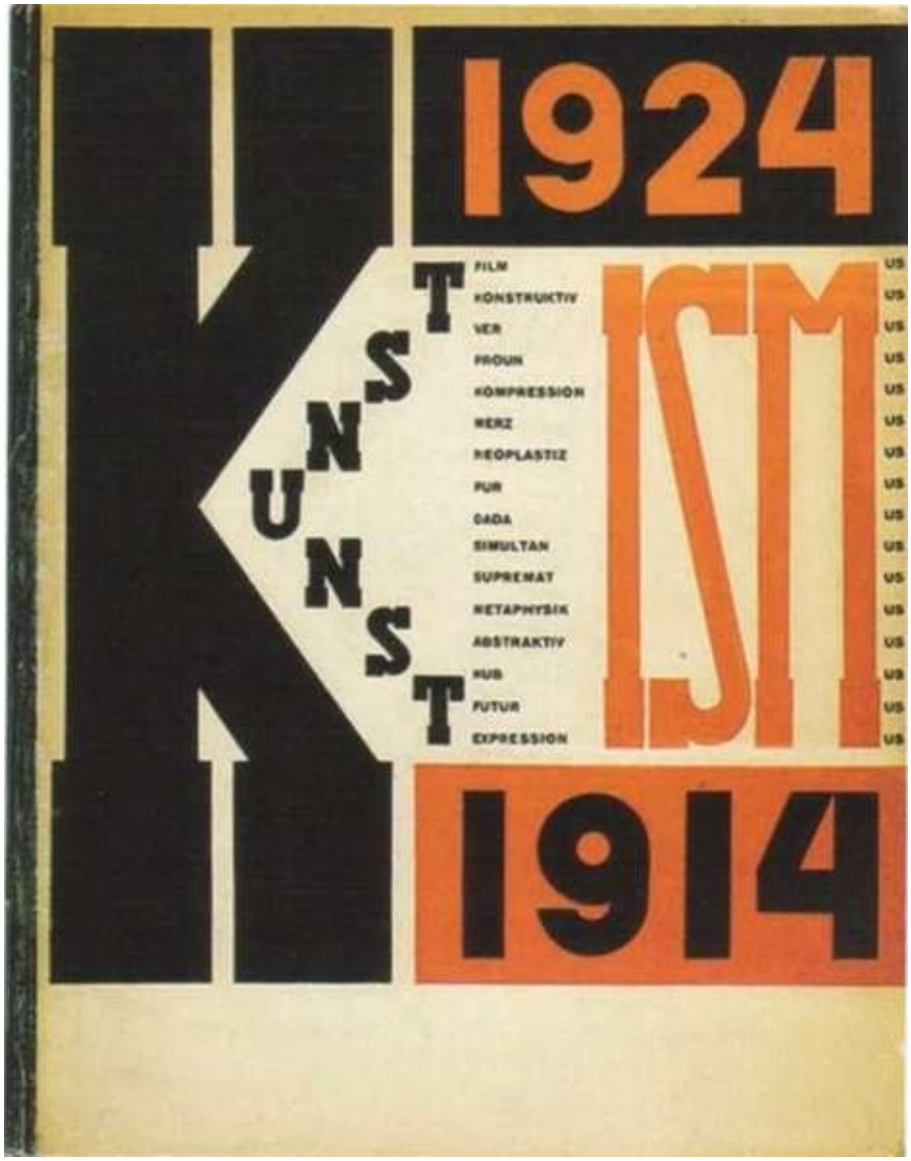
Норвежская фигуристка и актриса Соня Хени — чемпионка Олимпийских игр 1928, 1932 и 1936 гг.

Дебаркадер Брянского (ныне Киевского) вокзала в Москве. 1918 г. Арх. В. Г. Шухов

Здание ИГ Фарбен во Франкфурте–на–Майне. 1931 г. Арх. Х. Пёльциг

Здание архитектурной школы Баухауса в Дессау, Германия. 1928 г. Арх. В. Гропиус

Гостиница «Москва» со стороны Манежной площади в Москве. 1935 г. Арх. А. В. Щусев. Фото 1976 г.



Обложка книги: Эль Лисицкий, Г. Арп. Измы искусства. 1914-1924 гг. Цюрих, 1925

Рекламный плакат Ленинградского государственного издательства. 1925 г. Худ. А. М. Родченко

Учитывая это обстоятельство и тот факт, что к середине сентября польские власти уже покинули Варшаву и не контролировали ситуацию в стране, СССР также приступил к активным действиям. 17 сентября Красная армия перешла советско–польскую границу и без серьезного сопротивления заняла западноукраинские и западнобелорусские территории, вскоре включенные в состав СССР, а также Вильно и Виленский край, которые в октябре 1939 г. по решению Сталина в целях скорейшей деполонизации были переданы «буржуазной Литве». В ночь с 17 на 18 сентября высшие гражданские и военные власти Польши перешли румынскую границу и были интернированы, а в первой декаде октября последние очаги сопротивления польской армии гитлеровцам были ликвидированы. Новая советско–германская граница была проведена в соответствии с заключенным 28 сентября 1939 г. договором о дружбе и границе, по которому этнически польские земли практически полностью отошли к Германии. 92 тыс. кв. км межвоенной польской территории было непосредственно включено в состав Третьего рейха с насильственным отселением оттуда поляков, а остальные земли составили генерал–

губернаторство с центром в Кракове. В итоге уже осенью 1939 г. II Речь Посполитая перестала существовать.

Государства южных славян избрали путь монархической диктатуры. Первым на это отважился король Александр Карагеоргиевич. 6 января 1929 г. он совершил государственный переворот, ввел самодержавное правление, а название страны было изменено на Королевство Югославия. Административно–территориальное деление государства было укрупнено — были учреждены 9 бановин, не соответствовавших историческим регионам. Декларация от 4 июля 1930 г. официально объявила югославянство «общенародной идеологией» и зафиксировала наличие «единой и великой югославянской нации»: власти по–прежнему пытались насадить сверху модернистский и оторванный от реальности крестьянской страны проект национальной политики. 3 сентября 1931 г. король октроировал конституцию, закрепившую неограниченную власть монарха.

9 октября 1934 г. Александр Карагеоргиевич был убит в Марселе вместе с французским министром иностранных дел Л. Барту. Покушение в известной мере стало следствием национальной политики югославских властей: непосредственным исполнителем выступил македонский террорист, проходивший подготовку в лагере хорватских фашиствующих радикалов усташей. Как и в Польше, в Югославии сложилась ситуация «диктатуры без диктатора», а регентом при малолетнем короле Петре II стал двоюродный брат покойного Александра принц Павел. Попытки возглавлявшего правительство в 1935-1939 гг. экономиста М. Стоядиновича изменить к лучшему внутреннюю ситуацию успеха не имели. Нерешенность национальных проблем реально угрожала распадом государства, а в апреле 1939 г. власти круто изменили прежнюю политику — после соглашения югославского премьера Д. Цветковича и лидера хорватов В. Мачека Хорватия была выделена в отдельную бановину.

Югославский король Александр I и премьер–министр Франции Л. Барту едут в экипаже. 1934 г. РГАКФД

Во второй половине 1930-х годов существенно изменилась внешнеполитическая ориентация страны: власти в Белграде отошли от традиционного союза с Францией в пользу Великобритании, а в 1937 г. были заключены невозможные ранее договор о «вечной дружбе» с Болгарией и соглашение с Италией о дружбе и нейтралитете. Но фактически перед лицом потенциальной агрессии со стороны Германии и Италии югославское государство оставалось в одиночестве: даже дипломатические отношения с СССР были установлены только в конце июня 1940 г., уже после разгрома гитлеровцами Франции.

Монархическая диктатура в Болгарии была установлена в октябре 1935 г., уже после того, как опыт диктаторского правления в результате государственного переворота 19 мая 1934 г. получил генерал К. Георгиев. При его недолгом правлении произошла сходная с югославской административная реформа, когда из 16 округов создали 7 более крупных областей. Царь Борис III, решившись стать самодержцем, говорил о своей

приверженности «идеям 19 мая», в частности закону от 14 июня 1934 г. о запрете всех политических партий и организаций в стране. Царь получил право распускать Народное собрание и назначать правительство.

Молодой и хорошо образованный монарх, способный вести содержательную беседу с А. Эйнштейном, в первые годы диктатуры пользовался значительной популярностью в болгарском обществе. Но после советско–германского договора о ненападении 23 августа 1939 г. имидж царя Бориса потускнел, когда между СССР и Болгарией установились более тесные отношения. Просоветские настроения рядовых болгар не позволили в итоге властям Софии вступить в войну против СССР после июня 1941 г., несмотря на тесные союзнические отношения Болгарии с Германией и Италией.

Авторитаризм в Финляндии вынужденно обозначился лишь во время уже третьей по счету советско–финской войны (30 ноября 1939 — 13 марта 1940). До этого при президентах П. Э. Свинхувуде (1931-1937) и К. Каллио (1937— 1940) механизмы парламентской демократии пытались использовать в целях примирения политических сил и сплочения финского общества. Во внешней политике К. Каллио решительно противился попыткам СССР отодвинуть границу с Финляндией подальше от Ленинграда, эта линия продолжалась и после августа 1939 г. и в конце концов привела к военному конфликту, в котором у финских властей, несмотря на ожесточенное сопротивление армии и единение местного общества, не было шансов на позитивный исход. В Финляндии было введено военное положение, в управлении государством стал играть видную роль верховный главнокомандующий маршал К. Г. Маннергейм. 12 марта 1940 г. был заключен мирный договор, по которому Финляндия потеряла около 40 тыс. кв. км, или 11% своей территории. Граница от Ленинграда была отодвинута на 150 км, была обеспечена безопасность Мурманска, к СССР отошли Карельский перешеек, Западная Карелия, часть Лапландии и другие территории, но планы по советизации Финляндии так и не были реализованы. Намереваясь взять скорый реванш за поражение, финские политики приняли курс на тесный союз с гитлеровской Германией.

Эстония, Латвия и Литва, подписавшие 12 сентября 1934 г. в Женеве договор о создании Балтийской Антанты, пытались использовать методы авторитарного правления с целью укрепления позиций властных элит на фоне негативных процессов в экономике и социальной сфере, проявлявшихся не только в годы мирового кризиса, но и во второй половине 1930-х годов. В Таллине и Риге взяли на вооружение литовский

опыт установления диктатуры. А. Сметона удерживал власть в Литве вплоть до июня 1940 г., в 1931 и 1938 гг. он был переизбран на пост президента и даже успел в этом качестве въехать в Вильнюс, переданный Советским Союзом по договору от 10 октября 1939 г. Тем же соглашением в Литву был введен 20-тысячный контингент Красной армии. Отказ Сметоны согласиться с увеличением численности советских войск обернулся его отставкой с поста президента 14 июня 1940 г. и бегством в Германию. Введение дополнительных советских войск 15 июня предопределило радикальную смену власти: преемник Сметоны А. Меркис удержался на должности всего 2 дня, после чего его сменил коммунист Ю. Палецкис. В середине июля 1940 г. были проведены выборы в народный сейм Литвы, 21 июля была провозглашена Литовская ССР, уже 3 августа принятая в состав Советского Союза.

15 мая 1934 г. премьер–министр Латвии К. Ульманис совершил государственный переворот, распустил парламент и запретил все политические партии. Конец диктатуры наступил почти синхронно с литовскими событиями. 5 октября 1939 г. был подписан советско–латвийский договор, согласно которому в стране было размещено 25 тыс. советских военнослужащих, в том числе в портах Вентспилс и Лиепая. 17 июня 1940 г. в страну были введены дополнительные части Красной армии, а 14-15 июля состоялись выборы в Народный сейм Латвии. 21 июля Ульманис ушел в отставку, вскоре он был вывезен в глубь территории СССР, а в 1941 г. репрессирован. Полномочия президента получил сторонник советизации профессор–микробиолог А. Кирхенштейн, тогда же, 21 июля 1940 г., была провозглашена Латвийская ССР, принятая в состав СССР 5 августа.

12 марта 1934 г. был совершен государственный переворот в Эстонии, в результате которого диктатором стал К. Пяте, получивший в 1938 г. пост президента. 28 сентября 1939 г. был заключен советско–эстонский договор, допускавший размещение в стране 25 тыс. советских военнослужащих, в том числе частей Балтийского флота. 17 июня 1940 г. в Эстонии появился дополнительный контингент войск Красной армии, 21 июня новым премьером стал литератор–социалист И. Варес. В июле Пяте ушел с поста президента и вскоре был сослан в Уфу, а сама эта должность была упразднена. По итогам состоявшихся в середине июля парламентских выборов 21 июля была провозглашена Эстонская ССР, принятая в состав СССР 6 августа.

В Венгрии диктаторский режим адмирала М. Хорти в 1930-е годы хорошо вписывался в политический ландшафт Восточной Европы. Система

диктаторской власти поддерживалась и с помощью неформальных организаций, в частности, руководимого самим Хорти Союза рыцарей, насчитывавшего более 20 тыс. членов. С 1932 г. премьер–министр Д. Гёмбёш взял курс на создание крупной правой партии по итальянскому образцу, но законченной идеологии фашистского типа в Венгрии так и не сложилось. Во внешней политике проводился курс на ревизию Трианонского договора, с этой целью укреплялось сотрудничество с Германией и Италией, которые обеспечили в ноябре 1938 г. режиму Хорти территориальные приращения за счет ЧСР по первому Венскому арбитражу, а в августе 1940 г. по Второму венскому арбитражу за счет Румынии. К концу 1930-х годов были приняты законы о дискриминации еврейского населения, и к началу Второй мировой войны Венгрия была уже сателлитом стран «оси».

Президент Эстонской республики К. Пяте. 1933 г. РГАКФД

Глава румынского правительства И. Антонеску. Румыния, 1941 г. РГАКФД

Диктаторский режим в Румынии установил в 1938 г. король Кароль II, но монархическая диктатура удержалась всего два года. В июне 1940 г.

Румыния вынуждена была передать СССР Бессарабию и Северную Буковину, в конце августа с подачи Германии и Италии пришлось расстаться с Северной Трансильванией в пользу Венгрии, а уже 7 сентября под нажимом Муссолини Болгария заняла Южную Добруджу. Лишившись значительных территорий, Кароль II не смог удержать и собственную власть. В начале сентября генерал И. Антонеску совершил государственный переворот, стал премьер–министром и 6 сентября заставил Кароля II отречься от престола в пользу сына Михая. 23 ноября 1940 г. Румыния официально присоединилась к державам фашистской «оси».

В Греции для установления диктатуры потребовалось восстановление монархии. 10 марта 1935 г. власть захватил генерал Г. Кондилис, провозгласивший себя регентом, а по итогам плебисцита 3 ноября того же года на трон из эмиграции вернулся король Георг II. Диктаторские полномочия в августе 1936 г. получил ставший премьер–министром генерал И. Метаксас, при котором в список запрещенной литературы попали даже труды Платона и Фукидида. Когда же в октябре 1940 г. в Грецию вторглись итальянские войска, Метаксас смог нанести им поражение и даже захватить часть территории Албании.

Наконец, в Албании диктаторский режим короля Ахмета Зогу находился под нарастающим давлением со стороны фашистской Италии. Муссолини не удовлетворился соглашениями от 19 марта 1936 г., по которым режим в Тиране оказался в самой тесной военной, финансовой и торговой зависимости от Рима. В апреле 1939 г. итальянские войска оккупировали Албанию, Зогу бежал из страны, с 16 апреля королевский трон занял итальянский монарх Виктор Эммануил III, а коллаборационистское правительство возглавил Ш. Верладжи.

Таким образом, ни почти повсеместное установление авторитарных режимов, ни сохранение в виде исключения парламентской демократии не привели к укреплению государственности стран региона на уровне, достаточном для того, чтобы сохранить ее в начавшейся 1 сентября 1939 г. Второй мировой войне. Несбыточными оказались и внешнеполитические расчеты: идея «санитарного кордона», которая теоретически позволяла средним и малым государствам Восточной Европы надеяться на защиту со стороны великих держав, была дискредитирована задолго до июня 1940 г., когда с захватом гитлеровцами Франции она перестала существовать даже формально.

Северная Америка: от просперити к великой депрессии

После окончания войны в США произошел всплеск леворадикальных настроений. Забастовочная волна прокатилась в 1919 г.: количество стачечников в стране по сравнению с 1917 и 1918 гг. увеличилось в три с половиной раза и достигло 4160 тыс. человек. В Сиэтле, крупном портовом городе на тихоокеанском побережье США, 60 тыс. рабочих призвали бороться за «социализацию» предприятий. Мэр Сиэтла назвал забастовщиков «большевиками» и «революционерами». Под напором местной и федеральной власти, мобилизовавшей в свою поддержку не только полицию, но и морских пехотинцев, стачечники вынуждены были сдаться. Другим радикальным массовым выступлением рабочих в 1919 г. стала стачка сталелитейщиков, охватившая 10 штатов и 365 тыс. человек. Как и рабочие Сиэтла, сталелитейщики оказались восприимчивы не только к экономическим требованиям, но и к призывам радикальных преобразований общества. Третьим громким массовым выступлением рабочих в 1919 г. стала массовая забастовка шахтеров, охватившая 400 тыс. человек. Объединенный союз горняков выдвинул требование национализации угольных шахт. Шахтеры прекратили забастовку в марте 1920 г., после того как предприниматели согласились повысить их заработную плату в среднем на 27%.

На волне радикальных настроений 1919 г. оформилась Коммунистическая партия США. Весной того года левые социалисты, провозгласившие необходимость последовать примеру российских большевиков, смогли завоевать большинство на выборах исполкома Социалистической партии. Однако умеренные социалисты добились исключения из партии левых лидеров и их сторонников. Среди левых возникли внутренние разногласия, в результате чего осенью 1919 г. образовались две коммунистические организации — Коммунистическая партия Америки и Коммунистическая рабочая партия Америки. В рядах первой объединились главным образом социалисты–иммигранты, а второй — уроженцы США. Несмотря на различия, обе партии были привержены революционному коммунизму и стратегии ленинского Коминтерна, и в мае 1920 г. они на этой общей идейной платформе слились в единую Коммунистическую партию.

Нарастание левого радикализма вызвало распространение

анархистских настроений и волну террористических актов. Борьбу с левыми возглавил генеральный прокурор США (Attorney General) М. Палмер. В тридцати штатах законодательные собрания приняли законы о борьбе с левой опасностью. Из числа арестованных по подозрению в подстрекательстве к мятежу 500 человек были высланы из США (все иммигранты, не имевшие американского гражданства). Самыми громкими жертвами «красной истерии» («redscare») стали итальянские рабочие–иммигранты Н. Сакко и Б. Ванцетти. В мае 1920 г. они были арестованы по обвинению в убийстве кассира в местечке Брейнтри (штат Массачусетс). Суд приговорил обоих, не отрицавших наличия у них анархистских взглядов, к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение в 1927 г.

Дело Сако и Ванцетти

Никола Сакко (1891-1927) и Бартоломео Ванцетти (1888-1927) прибыли в США из Италии в начале XX в. и начали трудовую деятельность чернорабочими. После окончания Первой мировой войны в США активизировались левые движения, возникла коммунистическая партия. Были сильны анархисты, среди которых оказались Сакко и Ванцетти. На массовые стачки и анархистские террористические акты правительство ответило репрессиями. В начале мая 1920 г. накануне рабочего митинга в Бостоне Сакко и Ванцетти были арестованы и обвинены в убийстве кассира обувной фабрики в местечке Саут–Брейнтри (Массачусетс).

Суд продолжался полтора месяца в мае–июле 1921 г. Оба подсудимых привели обоснованные алиби, но свидетели с их стороны, все итальянцы, некоторые анархисты, были проигнорированы судом присяжных. Был вынесен смертный приговор. Он вызвал протест во всем мире. В разных городах США и за рубежом проходили стачки, митинги, демонстрации в защиту Сакко и Ванцетти. В пользу помилования Сакко и Ванцетти высказался римский папа. Власти США были непреклонны. Сакко и Ванцетти были казнены на электрическом стуле 23 августа 1927 г.

23 августа 1977 г. губернатор Массачусетса М. Дукакис объявил о невиновности Сакко и Ванцетти, обвинил их судей в ненависти к иммигрантам и политической предвзятости.

Под жернова «красной истерии» попали не только выразители левых взглядов, но и многие американцы «второго сорта», возомнившие себя равноправными гражданами послевоенной Америки. В первую очередь к ним относились чернокожие американцы, особенно жители северо–восточных штатов, а также чернокожие ветераны американской армии. В 1919 г., отстаивая свои права, они организовали серию бунтов, самым крупным среди которых стал чикагский (в ходе него были убиты 38 и ранены 537 человек).

«Красная истерия», выплеснувшаяся на радикалов, была социально–психологическим феноменом, характерным не только для верхов общества, но и для большинства белой Америки. Оно не хотело перемен, напротив, жаждало стабильности. Отражением настроений стали первые послевоенные президентские выборы, состоявшиеся в 1920 г. Подавляющее большинство избирателей отвергло не только левую альтернативу, но и отказало в поддержке находившейся до того в течение 8 лет у власти Демократической партии, приобретшей имидж сторонницы либерально–прогрессистских реформ. Две трети избирателей высказали поддержку консервативно–индивидуалистической платформе Республиканской партии и ее кандидату У. Гардингу, провозгласившему лозунг возвращения к «нормальности» («return to normalcy»). Под «нормальностью» понимался общественно–политический режим, укоренявшийся в последней четверти XIX в., т. е. капитализм в жестко индивидуалистическом варианте. Большинство избирателей приняли эту установку. Эпоха ее почти безраздельного господства вместила в себя восемь лет, но в исторической памяти американцев, да и в научной литературе трактуется более расширительно, как десятилетие просперити (процветания).

1920-е годы стали одним из самых удачных десятилетий в экономической истории американского капитализма. Они оказали огромное воздействие на социальное, особенно социокультурное развитие США. Это влияние не было пресечено даже экономическим коллапсом 1929-1933 г. Оно впоследствии возродилось, а современная Америка в ряде важных отношений, особенно в социокульурном, стоит «на плечах» 1920-х.

На всем протяжении десятилетия наблюдались повышенные инвестиции в отрасли, ориентированные на массового потребителя, снижение издержек производства за счет рационализации в организации труда, резкого и постоянного повышения его производительности, продолжающейся индустриализации «вширь» и «вглубь», концентрации производственных мощностей и централизации процессов управления и

контроля над ними. Валовой национальный продукт увеличился за десятилетие почти на 50%, при том, что все население выросло на 16% (с 105,7 до 122,8 млн), а количество занятых в народном хозяйстве на 14% (с 42,2 до 48,7 млн). Рост ВНП осуществлялся в первую очередь за счет увеличения производительности труда, которая выросла в США за десятилетие на 43%.

В промышленности наряду с энергетикой на ведущих позициях находились машиностроение, нефтяная, сталелитейная и химическая отрасли. Впечатляющими были успехи автомобилестроения: производство автомобилей увеличилось с 1,5 млн в 1921 г. до 4,8 млн в 1929 г. В 1929 г. в США имелось 23 млн легковых автомобилей. Машину имел каждый пятый американец, в то время как в Великобритании один автомобиль приходился на 43 человека, в Италии на 325. Быстрыми темпами развивалась радиопромышленность. Среди новых отраслей одну из ведущих позиций заняла киноиндустрия.

В развитии экономики продолжались концентрация и централизация производства и капиталов. За десять лет в промышленности было зафиксировано около 8 тыс. поглощений и слияний. Поглощения и слияния вели к возникновению олигополий — групп крупных корпораций, которые доминировали в той или иной отрасли. Между корпорациями формально сохранялась конкуренция, но на практике они достигали взаимопонимания, устанавливая такой ценовой режим, который благоприятствовал в первую очередь им, а не потребителям.

Крупный бизнес был главным бенефициарием экономического роста 1920-х годов. Его плоды способствовали улучшению положения и других слоев, но распределение благ, как и в предшествующий исторический период, было в высшей степени неравномерным. Наиболее весомые достижения десятилетия — приобретение автомобиля и собственного дома — достались американскому меньшинству, в которое можно включить верхний и средний классы. Вместе оба не превышали 25% населения. В Америке 1920-х годов более двух третей американцев находились в нижнем классе. В него вошли те, чей уровень доходов был ниже прожиточного минимума и у кого не было возможности прочно включиться в рождавшееся общество потребления. Американцев, доходы которых были на уровне этого минимума и ниже, насчитывалось не менее 70% (цифры, приводимые разными исследователями, колеблются от 70 до 78%). Ниже черты бедности — 1500 долл. в год для семьи из 4 человек и 750 долл. для одного человека — находились 40% американцев. 80% американцев не имели никаких накоплений. Средняя зарплата промышленного рабочего к

концу 1920-х годов достигла чуть более 1300 долл. в год и была ниже официального прожиточного минимума. Рабочим семьям удавалось достигать этого минимума или несколько его превосходить в том случае, если на работу отправлялись и муж, и жена. Разрыв в положении верхних слоев американцев и большинства общества, в сравнении с предшествующими периодами, еще больше углубился. В 1929 г. на долю верхних 20% приходилось 54,4% совокупных денежных доходов, а на долю нижних 80% — 45,6%.

Увеличение разрыва в положении верхних и нижних социальных слоев не повлекло, однако, нарастания социального напряжения и конфликтов. Десятилетие просперити предстает как один из самых социально спокойных периодов в американской истории. Объяснение в значительной степени лежит в социально–психологической сфере. В 1920-е годы большинство американцев разделяли индивидуалистическую ментальность и следовали господствующим социокультурным нормам. Среди новых норм на ведущую позицию выдвинулся консюмеризм — приобретение и потребление товаров, которые обеспечивали комфортное существование и воспринимались в общественном сознании как метка принадлежности к респектабельным слоям общества. Потребительское сознание и потребительская культура в качестве основополагающего общенационального феномена оформляются именно в 1920-е годы. Тогда стали закладываться материальные основания массового производства товаров индивидуального и семейного комфортного потребления (автомобили, холодильники, стиральные машины и др.), а также стали возрастать возможности их приобретения не только средним, но отчасти и нижним классом. Для среднеобеспеченных и, тем более, для нижних слоев американцев главная возможность была связана с приобретением подобных товаров в кредит. Массы нижних слоев, «заразившиеся» потребительской психологией, брали кредиты, часто не задумываясь о реальных возможностях погашать долги. Роль кредитования покупателей в приобретении товаров массового спроса иллюстрируют цифры: к концу 1920-х годов в кредит приобреталось 85% мебели, 80% фонографов, 75% стиральных машин, 70% холодильников, более половины производимых пылесосов.

Роль потребительской ментальности (консюмеризма) как противоядия от классового самосознания и важного инструмента достижения социального мира и согласия осознавали дальновидные представители предпринимательского класса. Следуя примеру, поданному еще в начале века Г. Фордом, они воспринимали схемы, ставшие известными как

«благодетельный капитализм», включавший такие меры, как приобретение рабочими акций предприятия, предоставление оплачиваемых отпусков, пособий в случае болезни, создание компанейских профсоюзов (инициировались самими предпринимателями). Вместе с тем уже все предприниматели были твердыми противниками независимых действий рабочего класса. Число участников профсоюзного движения в десятилетие просперити снизилось с 5 до 3,4 млн человек. В 1928 г. был установлен годовой рекорд снижения стачек — всего 629, как и числа их участников — 230 тыс. человек.

Классический классовый конфликт в 1920-е годы резко пошел на убыль, а на первый план вышли конфликты иного рода. Главный среди них можно определить как социокультурный. Культурные сдвиги 1920-х включили резкое изменение соотношения между традиционными и современными ценностями. Современные ценности все увереннее выдвигались на ведущую позицию, при этом к ним приобщались не только численно возобладавшие городские слои, но во все возрастающем количестве также и сельские. Размыванию различий между городской и сельской субкультурами способствовала революция коммуникативных национальных связей, включавшая такие инструменты подчинения сельской культуры городской, как автомобили, радио, реклама.

Тематика радиопередач была разнообразной, по преимуществу развлекательной, но также просветительской и общественно–политической (с 1920-х годов по радио стали транслироваться съезды обеих национальных политических партий). Все больше времени стала занимать реклама, ставшая основным источником прибыли радиостанций. Коммерческая реклама выдвигалась на ведущую позицию и в печатной продукции. Рекламная печатная продукция в 1920-е годы составляла 50% всего типографского производства. Производство массовой культуры во все большей степени учитывало значение массовой психологии и массовых инстинктов. Прибыль стала извлекаться из тех запросов «толпы», которые, по меркам традиционной религиозной культуры, доминировавшей в массовом сознании в XVII — XIX вв., были аморальными. Но массы все реже посещали церковь, зато все чаще читали «желтые» издания, начавшие активно распространяться в те же 1920-е.

Городские массы активно приобщались к посещению спортивных состязаний и кино. Посещение спортивных состязаний уверенно выходило на ведущую позицию в национальной массовой культуре. В 1920-е годы наиболее популярными видами спорта стали бокс, американский футбол и бейсбол. Выдающиеся спортсмены в качестве национальных кумиров

впервые начали успешно соперничать с ведущими бизнесменами и политиками. Каждую неделю сто миллионов американцев посещали 20 тыс. кинотеатров. Эти новые «храмы» по посещаемости превзошли прежние религиозные.

Массовая культура стремительно раскрепощала нравы американцев, в первую очередь горожан. 1920-ми годами многие исследователи датируют начало американской «сексуальной революции». В это время в США достигает пика популярности австрийский психолог З. Фрейд, доказывавший, что сексуальная активность является краеугольным камнем человеческой жизнедеятельности. Наиболее радикальные перемены произошли в поведении и нравах «продвинутой» части женской половины Америки. Еще десятилетием ранее общественная мораль запрещала женщинам курить в общественных местах или даже вести автомобиль без сопровождения мужчины. В 1920-е все подобные запреты рухнули. Символом женского раскрепощения стала девушка–флэппер (flapper): она коротко стриглась «под мальчика», носила прямое платье, открывавшее резинки на чулках, всячески подчеркивала свое свободное поведение и независимость от традиционных общественных норм. Флэпперы утверждали равное с мужчинами право на курение, ненормативную лексику, сексуальную активность, в целом неограниченную поведенческую свободу, в первую очередь для себя, но их усилия влияли на изменение ментальности более широких слоев американских женщин.

Главную оппозицию индивидуалистическому феминизму составили защитники традиционных семейных ценностей (как мужчины, так и женщины), а в более широком смысле — поборники традиционных морально–нравственных норм, воспринявшие в штыки не только «сексуальную революцию», но всю совокупность радикальных социокультурных нововведений 1920-х. В стране впервые обозначился культурный раскол. Границы между поборниками новых и старых культурных норм проходили внутри каждого социального класса, а главной была территориальная граница — оплотом новой культуры были мегаполисы и индустриальные центры, а традиционализма — провинциальная Америка.

Первой широкой атакой поборников традиционного «американизма» против «аморальных» норм явился антиалкогольный закон. В 1919 г. подавляющим большинством штатов была ратифицирована 18-я поправка к федеральной Конституции, запрещавшая с 1920 г. «производство, продажу и перевозку алкогольных напитков, а также их ввоз в Соединенные Штаты». Тринадцать лет практики «трезвого образа жизни» (18-я поправка

была отменена в 1933 г.) показали, что сухой закон был не просто антиалкогольной мерой. Его значение оказалось более широким — он сплачивал защитников традиционных ценностей. Для поборников традиционной культуры сухой закон был как бы рычагом, с помощью которого можно было приостановить и выкорчевать преступность (алкоголь объявлялся ее главной причиной), сексуальную распущенность, прочие пороки современности, разрушавшие американские нравственные устои.

«Зеленый змий» оказался искусней и изощренней его душителей, обрушив на Америку, наряду с резким ростом скрытого алкоголизма, стремительное увеличение преступности, связанной с незаконным производством и оборотом спиртного, двойными стандартами в образе жизни тех, кто формально поклонялся ценностям американизма, но не хотел отказываться и от алкогольных удовольствий. Противники закона воспользовались его изъянами, например, тем, что, запретив производство и продажу спиртных напитков, закон не запрещал их употребление. Запросы тех, кто хотел пользоваться сохраненным правом употреблять спиртное, были в полной мере удовлетворены стремительно оформившейся армией бутлегеров. Через тринадцать лет после принятия сухого закона федеральная власть должна была признать поражение в борьбе с носителями современной морали. Антиалкогольная поправка к Конституции США была отменена.

В 1920-е годы одним из агрессивных защитников традиционных ценностей выступил Ку–клукс–клан. В десятилетие просперити он обрел второе дыхание, а главной причиной реанимации стало обновление и расширение стратегических целей. Прежде Ку–клукс–клан сосредоточивался на распространении расистских настроений и борьбе с освобожденными неграми. Теперь его деятельность включала защиту американских «первооснов» от разрушительных влияний политических и культурных радикалов, иммигрантов, евреев, католиков, спиртных бутлегеров. Клан, вставший также на защиту религиозных ценностей, заручился поддержкой влиятельных протестантских церквей, в первую очередь баптистской и методистской. В первой половине 1920-х годов ряды ку–клукс–клановцев увеличились с 5 тыс. до 4 млн человек, во второй половине влияние Ку–клукс–клана стало падать, в значительной степени по причине нравственного «перерождения» его лидеров. Многие из них не избежали соблазнов хищений из разбухшей «партийной» кассы, стали приобщаться к «сладкой жизни» и сами погрязли в пороках, искоренение которых объявляли главной жизненной целью. Коррупционные скандалы,

связанные с «отцами» клана, отвратили от него массу бескорыстных поборников «чистоты» американских первооснов.

Парад организации Ку–клукс–клан в г. Питсбурге. РГАКФД

Но в годы подъема, опираясь на многомиллионную поддержку белых американцев, ку–клукс–клановцы, вместе с другими национал–патриотическими организациями, повлияли на принятие ряда важных консервативных мер. Среди них выделялись ограничительные иммиграционные законы 1921 и 1924 гг. Федеральный закон 1921 г. ввел иммиграционную квоту, согласно которой ежегодное число иммигрантов любой национальности не должно было превышать 3% численности соответствующей этнической группы в США на 1910-й год. Вследствие этого закона приток иммигрантов в США сократился в 2,5 раза. В 1924 г. была полностью запрещена иммиграция из Восточной Азии (удар был направлен против китайцев и японцев). Для европейцев иммиграционная квота была снижена с 3 до 2%, при этом процент определялся в соответствии с численностью той или иной этнической группы в США не на 1910-й, а на 1890-й год, после которого в Соединенные Штаты хлынули иммиграционные потоки из восточной и южной Европы.

В политическом отношении десятилетие просперити явилось периодом безраздельного господства Республиканской партии. В 1920 г. президентом был избран У. Гардинг. В 1923 г. после смерти Гардинга высший пост в государстве занял вице–президент К. Кулидж, который в 1924 г. одержал победу на очередных президентских выборах. В 1928 г. президентом Соединенных Штатов стал Г. Гувер. Президенты США эпохи просперити были типичными «серыми лошадками», невыразительными личностями (за исключением Г. Гувера, обладавшего и политической, и интеллектуальной индивидуальностью). Во всех предвыборных платформах Республиканской партии, в обращениях и посланиях всех президентов главными лозунгами были решительное сокращение налогов, неукоснительное свертывание государственных расходов, а следовательно, государственного регулирования экономики и социальных отношений, превышение бюджетных доходов над расходами, максимальная свобода бизнеса. Кулидж в знаменитом высказывании о «главном занятии» американцев объявлял бизнес основой жизнедеятельности всего американского народа, а не какого–то одного класса: «Главное занятие американского народа есть бизнес» («The chief business of American people is business»).

Республиканскую партию и ее президентов трудно назвать традиционалистами в полном смысле, ведь они выступали поборниками современных промышленных технологий, потребительских стандартов, современных форм бизнеса. Но в ряде принципиальных отношений они были твердыми традиционалистами. Это касалось оснований их государственной экономической политики. Определенные нововведения в идейно–политическую доктрину Республиканской партии были внесены Г. Гувером. Он выдвигал и защищал два разнящихся варианта индивидуализма: один обозначался как грубый индивидуализм, а другой определялся как просвещенный индивидуализм и включал в себя коллективистские и социальные начала. На протяжении 1920-х годов Г. Гувер соблюдал определенный паритет в отстаивании двух концепций, но в 1930-е годы в жесткой полемике с последователями Ф. Д. Рузвельта, склонился в пользу грубого индивидуализма, что в последующем стало причиной восприятия Гувера массовым общественным сознанием в качестве апологета именно этого варианта. Но в 1920-е годы он доказывал, что индивиды должны взаимодействовать на основе совокупности накопленных историей социальных, нравственных, политических и иных цивилизованных норм. Облагораживание взаимоотношений индивидуумов должно носить добровольный характер, взаимопонимание между

капиталом и трудом, всеми другими социальными институтами и группами не может навязываться государством с помощью законов, указов, инструкций.

Практические следствия исповедовавшейся Гувером концепции «просвещенного индивидуализма» были минимальны, по сути не влияли на политику республиканской администрации. В 1920-е годы в сфере бизнеса фактически перестало действовать антимонопольное законодательство. Вместе с тем Верховный суд США объявлял правомерными антимонополистические иски и постановления против «агрессивных» профсоюзов, дезавуировав тем самым те положения либерального закона Клейтона 1914 г., которые выводили рабочие объединения из–под действия антитрестовского законодательства. Как и прежде, отсутствовало федеральное социальное страхование по безработице, старости, болезни, инвалидности.

Важнейшей целью финансово–экономической политики республиканского правительства являлось снижение налогов, в первую очередь прямых. В 1921 г. прогрессивный налог на доход свыше 1 млн, установленный при президенте–демократе В. Вильсоне в 66%, был снижен до 50%, в 1924 г. — до 40%, а в 1926 г. — до 20%. В эти же годы примерно наполовину были снижены максимальные налоги на наследство и недвижимость. Каждый супермиллионер, среди них и Эндрю Меллон, бессменный министр финансов и автор налоговых законопроектов, ежегодно сберегал сотни тысяч, а то и миллионы долларов, в то время как экономия налогоплательщика из нижнего или среднего класса составляла несколько десятков долларов.

Вторая ведущая общенациональная партия — Демократическая — критиковала политику республиканцев как узкоклассовую и со своей стороны обещала установить социальную справедливость в налогообложении, тарифной политике, вывести профсоюзы из–под антитрестовского законодательства, помочь фермерам, реанимировать практику антимонопольного законодательства. Ряд лидеров демократов приходили к эклектической позиции, которая воспроизводила консервативно–индивидуалистические принципы Республиканской партии, добавляя к ним использовавшуюся прежде либерально–реформистскую риторику. Иллюстрацией идеологической беспомощности партии служит предвыборный манифест «Американское кредо», предложенный Дж. У. Дэвисом, демократическим кандидатом в президенты 1924 г. Центральным в нем оказалось суждение Т. Джефферсона — «Наилучшее правительство то, которое правит меньше всего».

Реалии эпохи просперити не благоприятствовали партиям, заявлявшим об оппозиции двухпартийной системе. Еще на исходе Первой мировой войны практически сошла с исторической арены Прогрессивная партия. Остатки ее сторонников попытались объединить разрозненных последователей прогрессистско–популистской политической традиции, но добились некоторого успеха только на президентских выборах 1924 г. В 1920-е годы произошло серьезное ослабление американского социализма. Причины были заключены как в правительственных репрессиях и экономическом подъеме страны, так и в особенностях эволюции социализма. После Первой мировой войны Социалистическая партия была ослабленной, но все же сохранявшей определенный потенциал. Но уже тогда в партии возникла угрожавшая ее существованию опасность раскола. Созданная левыми социалистами Коммунистическая партия США объявила себя непримиримой противницей любого соглашательства, в том числе и с «оппортунистической» соцпартией. В 1920-е годы компартия США записала в свою программу неприемлемую для американцев цель установления диктатуры пролетариата.

В целом соотношение политических сил в 1920-е годы характеризовалось доминированием консерватизма. Его выразитель Г. Гувер, вступая в президентскую должность 4 марта 1929 г., был преисполнен оптимизма, обещая американцам продолжение и укрепление экономического процветания, социального мира и общественного прогресса. Менее чем через восемь месяцев произошло непредвиденное. «Черный четверг» 24 октября и «черный вторник» 29 октября 1929 г. на нью–йоркской бирже дали толчок финансовому краху, подкрепленному беспрецедентным по глубине общим экономическим кризисом. В течение гуверовского президентства страна падала в пропасть, и в 1933 г. десятилетие просперити представлялось канувшим в Лету золотым веком.

Внешняя политика США десятилетия просперити имела исходным моментом провал желания В. Вильсона утвердить ведущую роль Соединенных Штатов в мире посредством Лиги Наций. Во времена Вильсона США не располагали военно–политическими ресурсами для того, чтобы возглавить и направлять мировое сообщество через посредство мирового коллективного органа и негласного признания ведущими нациями их лидерства. Это послужило причиной отклонения республиканцами, преобладавшими в законодательной ветви власти, внешнеполитической стратегии Вильсона и официального одобрения ими изоляционизма, главный постулат которого гласил отказ от участия в каких–либо военно–политических блоках. США предпочли им «свободу

рук». Американский бизнес наращивал проникновение во все регионы мира, а государственная власть стремилась максимально усилить как экономическое, так и политическое влияние в мире.

В 1920-е годы США увеличивали экспорт капиталов и товаров. Государство всячески поощряло мировое распространение американских материальных и духовных ценностей, исходя, как и прежде, из убеждения в превосходстве американской цивилизации над всеми иными, и видело главную опасность в левом, антикапиталистическом радикализме. Российский большевизм и Коминтерн оставались для всех республиканских правительств опасностью номер один. Дипломатическое признание советской России исключалось. Левый радикализм был неприемлем и в меньших масштабах, даже если его представители не приходили к власти, а выступали реальной оппозицией в той или иной стране. В качестве «меньшего зла» американская администрация предпочитала праворадикальных диктаторов, с которыми нередко заключались беспринципные сделки, противоречившие национальным идеологическим заповедям.

Менее опасным, но реальным, требовавшим бдительности и соответствующей реакции было соперничество в собственном цивилизационном лагере. Здесь главными экономическими и политическими соперниками выступали Франция и Великобритания, занявшие господствующую позицию в Лиге Наций. Получив от нее мандаты на управление большинством территорий бывших Германской и Османской империй, две ведущие европейские державы стремились единолично распоряжаться их ресурсами, перекрывая к ним, прежде всего к нефти, доступ для США. Франция, кроме того, стремилась при помощи созданной ею «малой Антанты» и ослабления Германии утвердить политическую гегемонию в Европе.

Для достижения внешнеполитических целей США активно использовали экономические рычаги. Главными стали займы иностранным государствам. В годы войны Соединенные Штаты прочно утвердились в качестве основного мирового кредитора: займы союзникам составили более 7 млрд долл. (из них 3,6 млрд были предоставлены Великобритании и около 2 млрд — Франции). После войны потребность истощенных европейских стран в американских кредитах, теперь уже на восстановление экономики, не ослабла. В течение нескольких лет США выделили им более 3 млрд долл. (из них 1,4 млрд Франции и около 0,6 млрд — Великобритании). Общий долг иностранных государств (исключая Германию) США вырос до более, чем 10 млрд долл. Главным должником

являлась Великобритания. Финансовое доминирование США расширяло их возможности в ходе политических переговоров.

Высокая экономическая и политическая активность США на мировой арене сочеталась, как ни парадоксально, с приверженностью страны на протяжении всего межвоенного периода доктрине изоляционизма. Совокупность данных дает основание говорить о поддержке изоляционизма большинством американских избирателей. Но мотивы их, как и политиков, различались. К демократическому направлению принадлежало меньшинство изоляционистов. Демократические средства массовой информации настойчиво распространяли ту идею, что мировая война была следствием имперских амбиций великих европейских держав, и по этой причине Америке впредь нужно держаться подальше от европейских союзов, блоков, противоречий. Другую, более влиятельную часть изоляционистов представляли деятели главным образом из Республиканской партии, которые выступали за односторонние, не связанные союзами усилия по достижению экономического и политического доминирования США в мире. Ряд исследователей полагают, что они не могут быть поименованы «изоляционистами», но по формальному признаку они ими были.

На практике американское государство в отношениях с другими странами, среди них великими державами, действовало в высшей степени энергично и ничего «изоляционистского» в его реальной политике не было. Ганс Моргентау, самый известный американский исследователь–международник середины XX в., назвал внешнюю политику президентов США 1920-х годов «штурмовой дипломатией». Это означало, что американская дипломатия энергично, упреждающе предлагала европейским партнерам не только повестку дня, но и решения, энергично их продвигала, и в результате на международных конференциях принимались ее проекты и планы.

Во внешнеэкономической политике власть следовала уже апробированным доктринам дипломатии доллара и открытых дверей. Инициатива бизнеса по освоению зарубежных рынков всячески поощрялась. В этом случае доктрине изоляционизма не было места даже в риторике. Как изъяснился глава Американской фермерской федерации, «экономическая изоляция не является ни желательной, ни возможной». Страна лидировала по экспорту как товаров, так и капиталов.

Государство, предоставляя «зеленый свет» экспорту товаров и капиталов, не отказывалось от определенной регулирующей роли. Это касалось прежде всего деятельности американских инвестиционных

банков. Во второй половине 1920-х годов власть определила пять нежелательных случаев предоставления банками зарубежных займов: 1) кредиты, используемые заемщиком для ликвидации бюджетного дефицита; 2) используемые для военных целей; 3) используемые против американских компаний; 4) займы государствам, не признанным США; 5) займы государствам, отказывающимся или уклоняющимся от выплаты долгов США. Подчинить банки государственному контролю удавалось с трудом, и он все более ослабевал, особенно после того как с европейскими государствами были заключены компромиссные договоры о погашении военных долгов. Главным финансовым клиентом США быстро стала Германия. По итогам Версальского мира Германия должна была выплатить ее европейским победителям непомерную сумму в 33 млрд долл, (не считая долгового процента). В этой ситуации решительную поддержку Германии оказали США. Еще в ходе Версальской конференции В. Вильсон настаивал на облегчении репараций для Германии. Американская сторона руководствовалась политическими соображениями: чрезмерное ослабление Германии создает почву для подъема в ней левого радикализма, чреватого повторением русского примера.

К политическим соображениям добавлялись весомые экономические. В возрожденной Германии стали видеть одно из главных приложений для американских капиталов и экспорта товаров. В 1923 г. по поручению американского правительства чикагский банкир Ч. Дауэс подготовил план реструктуризации германского долга. Одобренный странами–победительницами, план Дауэса оказался удачей, реанимировав германскую экономику. Сумма репараций сохранялась, но сроки завершения выплат отодвигались на неопределенное время. За шесть лет кредиты Германии в три раза превысили сумму ее репарационных отчислений. Экономика Германии пошла вверх (подъем продолжался вплоть до мирового экономического кризиса 1929— 1933 гг.) Но и США оказались в выигрыше: капиталовложения в германскую экономику приносили 9% годовых при среднеевропейской норме в 6,5%

В 1928 г., когда экономический подъем Германии замедлился, план Дауэса был заменен еще более либеральным проектом другого видного американского финансиста — О. Д. Янга. Согласно ему, ежегодные выплаты Германии снижались еще на 20%, а годовой процент до 5,5. Окончательная выплата предполагалась в 1988 г. В 1932 г. в условиях мирового экономического кризиса президент США объявил о годовых «каникулах» для репарационных долгов, а с 1933 г. (установление фашистского режима в Германии) германские выплаты США практически

прекратились.

Центральная роль США в решении финансовых проблем Германии упрочила их доминирующую позицию, в сравнении с Великобританией и Францией, в воздействии на экономику Европы в целом. Соединенные Штаты оттесняли двух главных соперников и в военно–политических вопросах. Первая решительная попытка Вашингтона «поправить» версальскую систему была предпринята на Вашингтонской конференции 1921 г., в которой приняли участие ведущие мировые державы, участвовавшие в Версальской конференции. США предложили ряд сенсационных мирных инициатив. Многие инициативы США были одобрены, в результате чего Вашингтонская конференция стала дополнением Версальской конференции, и версальская система международных отношений трансформировалась в версальско–вашингтонскую. Главными инициативами США, одобренными странами–участниками конференции, стали три.

Первая — «Договор четырех держав» (США, Великобритания, Франция и Япония). Великие державы согласились гарантировать неприкосновенность островных территорий на Тихом океане, а также коллективную ответственность за обеспечение мира в Тихоокеанском регионе. Вторым главным соглашениям явился «Договор пяти держав» — США, Великобритании, Японии, Франции, Италии. Договор устанавливал соотношение мощности флотов пяти держав следующим образом: США — 5; Великобритания — 5; Япония — 3; Франция — 1,75; Италия — 1,75. В проигрыше оказалась Великобритания, отказавшаяся от традиционного «стандарта двух держав», т. е. от наличия у нее двойного превосходства над морским флотом любой другой державы. Третье основное соглашение — Договор девяти держав (США, Великобритания, Япония, Франция, Италия, Бельгия, Голландия, Португалия, Китай) — стало знаковым, с точки зрения признания мирового авторитета Соединенных Штатов. Договор формально закрепил дорогой для США принцип «открытых дверей» на мировом рынке.

Сохраняя пристальный интерес к европейским делам, США в качестве основного объекта экономической экспансии и политического контроля имели, как и прежде, Латинскую Америку. При всем том, что влияние Соединенных Штатов в Латинской Америке усиливалось, нарастали трудности удержания ее в своей сфере влияния, что требовало от американской дипломатии разнообразия стратегических методов. Многие латиноамериканские страны демонстрировали политическую самостоятельность, отказывались видеть в США «старшего брата», а в

случае международных конфликтов апеллировали к иным арбитрам, например, к Лиге Наций. Большинство из них, вопреки позиции США, вступили в Лигу Наций с момента создания. Но Лига Наций не смогла сколько–нибудь эффективно воздействовать на латиноамериканские конфликты. Уже в 1921 г., когда два латиноамериканских конфликта были включены в ее повестку, Лига уклонилась от их разрешения. Мотив — реальное значение «доктрины Монро» и регулирующей роли США на американском континенте.

США продолжали теснить из Латинской Америки главного конкурента — Великобританию. К концу 1920-х годов иностранные капиталовложения в латиноамериканскую экономику достигли 15 млрд долл., при этом на долю США приходилось 5,5 млрд долл. — увеличение по сравнению с довоенным периодом в 4,5 раза. В сравнении с предшествующим периодом США проявляли особенный интерес к латиноамериканской нефти. США, как и прежде, использовали в отношениях с Латинской Америкой принципы «кнута и пряника», «разделяй и властвуй», разнообразные и противоречивые приемы, но объединяющей целью было обеспечение экономического доминирования и политического контроля в регионе. В сравнении с предшествующим периодом сокращалось количество интервенций. Если в первые два десятилетия XX столетия США совершили двадцать интервенций в страны Карибского бассейна и Центральной Америки, то в следующие 20 лет только две интервенции. Американская власть давала понять, что признает латиноамериканские правительства, если они будет сотрудничать с Соединенными Штатами, не будут препятствовать их бизнесу.

Важным направлением американской внешнеполитической стратегии оставалось дальневосточное. США опирались на решения Вашингтонской конференции 1921 г., соответствовавшие их интересам. Их главными контрагентами на Дальнем Востоке выступали Япония, Китай и СССР. Поскольку Япония являлась одним из гарантов вашингтонских решений, США не считали ее главным соперником в борьбе за влияние на Китай и видели в ней заградительный барьер против СССР. Ситуация поменялась, когда Япония перешла к открытой имперской политике в дальневосточном регионе. В 1928 г. Япония совершила первые агрессивные действия против Китая. Реакция США на экспансионистские устремления Японии была смешанной. Некоторое время они продолжали рассматривать Японию как противовес СССР. В 1930 г. они даже согласились на расширение японской квоты военно–морских вооружений. С 1931 г. американская общественность и руководство склоняются к тому, что Япония фактически

разорвала вашингтонские соглашения 1921 г. В январе 1932 г., сразу после того как Япония захватила еще часть китайской территории, госсекретарь США Г. Стимсон в дипломатических нотах заявил, что США остаются гарантом целостности Китая, как и других принципов Вашингтонской конференции 1921 г. Однако европейские гаранты вашингтонских решений 1921 г. отказались поддержать США. В 1932 г. к рассмотрению конфликта Японии и Китая обратилась Лига Наций. Но Япония продолжала агрессивную войну против Китая, а в марте 1933 года вышла из Лиги Наций.

Противоречивым было отношение США к СССР. Все американские администрации 1920-х годов категорически отказывались установить дипломатические отношения с СССР. Вместе с тем в отношении США к Советскому Союзу возникла тенденция прагматического сорта. Возраставшую активность в отношениях с СССР проявлял американский бизнес, в том числе его видные представители. Мотив извлечения высокой прибыли перевешивал в сознании рисковых и предприимчивых американцев политические предубеждения и запреты. К 1928 г. на американский бизнес приходилось 25% всех иностранных инвестиций и импорта в СССР. Одна треть тракторов, экспортировавшихся Г. Фордом, поступала в СССР, что составляло 85% от всего его тракторного парка. Кроме Форда с Советским Союзом, игнорируя запреты Госдепартамента, активно сотрудничали такие титаны американского бизнеса, как А. Гарриман и Дж. Хаммер. Подъем в советско–американских экономических отношениях продолжался до мирового экономического кризиса 1929 г., после чего они резко пошли на спад.

Экономический кризис 1929-1933 гг. стал главной причиной смены у руля американского государства Республиканской партии Демократической. Серьезные изменения претерпела как внутренняя, так и внешняя политика США. В годы кризиса общий спад производства составил 30%. В ряде отраслей он был гораздо большим, например, в строительстве 72%, в угледобывающей промышленности 42%, а в сталелитейной 400%. Треть американских фермеров лишились своих хозяйств. Безработица выросла в 8 раз, при этом частичная безработица была гораздо выше, а по данным АФТ в 1932 г. полностью занятыми были только 10% рабочих. После «черных» дней 24 и 29 октября 1929 г. резко опустились котировки акций самых прибыльных корпораций.

Подобной экономической катастрофы США не знали ни до, ни после 1929-1933 гг. Основополагающую причину кризиса раскрывал новый лидер демократов Ф. Д. Рузвельт в ходе своей предвыборной президентской

кампании 1932 г., как и в своих реформаторских разработках последующего периода. Рузвельт указывал, что быстрый рост производительности труда и товарной продукции, наблюдавшийся в Америке 1920-х годов, не подкреплялся радикальным налогообложением корпораций и перераспределением стремительно возраставших прибылей с учетом интересов большинства общества. Производительные мощности нации беспрерывно увеличивались, а ее потребительские возможности в силу эгоизма и всевластия крупного бизнеса изменялись слабо. В таких условиях перепроизводство, безработица, экономический крах стали неизбежными. Далее следовал основополагающий реформаторский лозунг Рузвельта: основные усилия правительства должны быть направлены на радикальное преобразование сферы распределения, утверждение распределительной справедливости. Радикальная реформа системы распределения, направленная на расширение покупательной способности (спроса) основной массы населения, нижнего и среднего классов, образно обозначалась самим Рузвельтом как «заправка насоса».

В либерально–реформистскую веру Рузвельт обратился в начале XX в., будучи студентом Гарвардского университета. Искренность и прочность его убеждений были впервые испытаны на практике в период пребывания Рузвельта на посту губернатора штата Нью–Йорк (избран на этот пост в 1928 г. и переизбран в 1930 г.). Рузвельт начал жестко критиковать президента Гувера в 1929 г. после начала острого экономического кризиса. В течение короткого времени нью–йоркский губернатор предложил серию смелых мер помощи фермерам, безработным, другим категориям сограждан, которых он позднее назовет «забытыми американцами». В 1932 г., когда Демократическая партия решала вопрос о выдвижении кандидата на новые президентские выборы, Рузвельт, одержав победу в четвертом туре голосования, стал без промедления отстаивать смелые либерально–прогрессистские предложения, нареченные Новым курсом. Рузвельт выступал твердым приверженцем капиталистической цивилизации и не мыслил альтернативное развитие Америки в рамках выбора между капитализмом и социализмом. Он признавал реальным для Америки выбор между двумя «школами мысли — либеральной и консервативной». В отличие от консерватизма, отдававшего развитие Америки в распоряжение «естественных сил», либерализм, в рузвельтовской трактовке, защищал целенаправленные усилия государства по преобразованию общества и объединению вокруг него с целью исправления социальных и экономических пороков разных классов и слоев. Эта трактовка, тождественная социальному либерализму, оформилась еще

в Прогрессивную эру, но с легкой руки Рузвельта она окончательно стала отождествляться с либерализмом в целом, в то время как классический либерализм необратимо приобрел имидж консерватизма.

Из инаугурационной речи Ф. Д. Рузвельта 20 января 1937 года

«… Я вижу в стране десятки миллионов граждан — существенную часть нашего населения, которые в этот самый момент лишены большинства из того, что считается жизненно необходимым даже по самым низким современным стандартам.

Я вижу миллионы семей, пытающихся прожить на столь скудный доход, что каждый день их жизни омрачен нависшей угрозой семейной катастрофы.

Я вижу миллионы, лишенных образования, отдыха и возможности улучшать собственную жизнь и участь своих детей…

Я вижу треть нации в плохом жилье, плохо одетую, плохо питающуюся.

Если я хоть сколько–нибудь понимаю дух и цель нашей страны, мы не станем прислушиваться к Комфорту, Оппортунизму и Робости» (Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша. 1789 — 2001 гг. / Ред. Э. А. Иванян. М., 2001. С. 392-393).

В основе общественно–политического курса Ф. Д. Рузвельта лежали твердые либерально–демократические убеждения и заповеди. Но для успешной политической практики в рушащейся цивилизации этого было недостаточно. Необходимы были последовательные и регулярные смелые эксперименты. Как высказался Рузвельт во время президентской кампании 1932 г., «страна нуждается, и, если я правильно понимаю ее настроения, она требует смелого и настойчивого эксперимента. Здравый смысл требует выбрать метод и испытать его, а если не получится — честно признайтесь и попробуйте другой».

Избранный президентом Ф. Д. Рузвельт и президент Г. Гувер едут к Капитолию на церемонию инаугурации. 4 марта 1933 г. Библиотека Конгресса США

В начале реформаторской деятельности Рузвельт добился весьма широкой поддержки своих мероприятий. Его поддержала даже часть оппозиционной Республиканской партии, исходившая из того, что страна столкнулась с реальной угрозой национальной катастрофы, и Рузвельту должен быть предоставлен реальный шанс на смелые эксперименты по

спасению американской цивилизации. Но уже во второй половине 1933 г., а наиболее полновесно в 1934 и 1935 гг. зазвучала острая критика президента со стороны как радикалов, так и консерваторов. На ведущей позиции среди оппонентов Рузвельта обосновались «левые» и «правые» радикалы, поставившие под угрозу сохранение Рузвельтом массовой социальной опоры.

В левом политическом спектре 1930-х годов были различимы разные течения. Первое течение — революционный социализм — было представлено Коммунистической партией США, влияние которой в условиях коллапса капиталистической экономики возросло среди рабочих, а также части интеллигенции. Поначалу партия выступала непримиримой противницей рузвельтовских реформ, но в середине 1930-х годов поменяла цель борьбы за «Советскую Америку» на цель создания народного демократического фронта с участием либералов и Ф. Д. Рузвельта. Политический зигзаг коммунистов был предопределен решениями Коминтерна, объявившего в 1935 г. на своем VII конгрессе в Москве главной опасностью фашизм (правый радикализм) и призвавшего своих сторонников блокироваться со всеми антифашистскими силами. Главной выразительницей второго течения — демократического социализма — в 1930-е годы, как и прежде, выступала Социалистическая партия США. Как это ни парадоксально, именно она, а не компартия заняла непримиримую позицию в отношении Нового курса, являясь главным раздражителем для Рузвельта «слева». Лидер социалистов Н. Томас не видел в США реальной опасности фашизма, поэтому идея антифашистского фронта с либералами в условиях Соединенных Штатов представлялась Томасу новым образцом коммунистического догматизма. В отношении всех левых оппонентов Рузвельт успешно использовал основополагающий политический маневр: включал в свою программу реформы, которые способствовали созданию в капиталистических США социального государства и дополнению политической демократии отчасти демократией социальной.

Радикальные социальные реформы приобрели такую популярность, что их поспешили превратить в боевые лозунги не только лево–, но и праворадикальные критики Рузвельта. Наиболее колоритным и влиятельным среди них оказался луизианский политик Хью Лонг. Лонг добился политической известности в 1928 г., будучи избранным губернатором штата Луизиана от Демократической партии. В 1934-1935 гг. Лонг замахнулся на большее — президентское кресло — и бросил вызов Рузвельту. Программные заявления Лонга были просты и доходчивы. Лейтмотив — решительная конфискация сверхбогатств. Лонг требовал

обложить беспрецедентными налогами недвижимость, состояния, наследства миллионеров. Первый миллион, разъяснял он, будет освобожден от налога, второй миллион обложен налогом в 1%, третий — в 2, четвертый — в 4, пятый — в 8, шестой — в 16, седьмой — в 32, восьмой — в 64%, а с девятого миллиона будет взиматься 100-процентный налог. Миллионеры таким образом сохранялись, но мультимиллионеры ликвидировались. Огосударствленные при помощи налогов богатства распределялись между малоимущими. В 1935 г. в клубы Лонга было вовлечено 7 млн человек, он превратился в самую серьезную радикальную опасность для Рузвельта, но в сентябре карьера и жизнь луизианского популиста прервались — он был смертельно ранен молодым человеком по имени Карл Уэйс. Дело Лонга было продолжено его ближайшим сподвижником Дж. Смитом. С весны 1935 г. Рузвельт решительно провел законы о пособиях по безработице, пенсиях по старости, широком признании прав профсоюзов, предложил резко повысить налоги на корпорации и мультимиллионеров. К президентским выборам 1936 г. он сумел нейтрализовать как левых, так и правых радикалов.

Снятие опасности социального радикализма вывело на первый план опасность противоположного толка — консерватизм. Его главным выразителем выступал крупный бизнес, банки и промышленные корпорации. Отношения Рузвельта с бизнесом были неоднозначны на различных этапах, но в начальный период Нового курса им было присуще определенное равновесие — реформы, вызывавшие болезненную реакцию бизнеса, смягчались мерами, которые прямо отвечали интересам банковского и промышленного капитала. Обострение отношений правительства и бизнеса произошло в начале 1934 г. в связи с принятием закона о контроле над выпуском ценных бумаг и в целом биржевой деятельности. Рузвельт неизменно подчеркивал, что тень не должна быть брошена на весь бизнес, частное предпринимательство и индивидуализм, что, наоборот, эти фундаментальные установления должны быть защищены от капиталистических цезарей — «жирных котов».

Драматизм беспрецедентной для американской истории схватки главы государства и бизнеса усугублялся тем, что на стороне бизнеса выступала большая часть государственных институтов, среди которых ударной силой оказалась судебная ветвь. Рузвельт столкнулся с оппозицией со стороны Верховного суда США с самого начала реформ. Двенадцать предшествующих лет пребывания у власти республиканцев привели к тому, что их назначенцы возобладали в высшем судебном органе. В первые полтора года Нового курса Верховный суд не решался на открытую схватку

с Рузвельтом, но в январе 1935 г. начал бескомпромиссный «крестовый поход» против политики президента. Всего в 1935 — начале 1936 г. Верховный суд отменил, как антиконституционные, 11 рузвельтовских законодательных актов. Рузвельт сразу после победы на президентских выборах 1936 г. объявил приоритетной задачей радикальную реформу судебной власти.

Ключевым положением президентской реформы, предложенной на рассмотрение Конгресса США 5 февраля 1937 г., являлось увеличение состава Верховного суда на шесть человек, что должно было обеспечить в нем твердое большинство выдвиженцев Рузвельта, а значит, сторонников Нового курса. Реакция высшего законодательного органа оказалась для Рузвельта шокирующей неожиданностью: не только консервативные оппоненты, но и большое число либералов, включая республиканско–демократический прогрессивный блок, решительно высказались против столь откровенного, в их глазах, посягательства на демократические первоосновы США и опасный прецедент политического авторитаризма. Против Рузвельта решительно ополчилась и консервативная, и либеральная пресса. Развязка одного из самых драматических эпизодов в истории Нового курса оказалась неожиданной. Консервативные «старцы» Верховного суда, не выдержав политического напряжения и положившись на инстинкт самосохранения, дрогнули. Начиная с марта 1937 г. последовали важные уступки Верховного суда. В 1937-1938 гг. два консервативных члена Верховного суда вышли в отставку, и Рузвельт уже по собственному законному праву заполнил вакансии либеральными судьями.

Современные историки выделяют в эволюции рузвельтовского Нового курса три этапа, которые также подчас обозначаются как «три Новых курса». Повестка первого Нового курса была определена весной 1933 г. На том этапе, охватившем 1933-1935 г., основные усилия президента и его команды были направлены на преодоление кризиса и включали по преимуществу приемы экономического планирования и регулирования, а социальные нововведения находились на втором плане. Такая политика способствовала «вытаскиванию» экономики из кризиса, но мало содействовала разрешению острых социальных коллизий. С весны 1935 г. был запущен второй Новый курс, главной целью которого были социальные реформы. Это помогло Рузвельту одержать триумфальную победу на президентских выборах 1936 г. Далее последовал третий Новый курс, охвативший 1937-1940 гг. Он оказался сложен и неоднозначен. С одной стороны, стратегические расчеты привели Рузвельта к решению о

приостановке радикальных реформ и консолидации того, что уже было сделано, но, с другой стороны, неожиданный экономический спад 1937 г. побудил к возобновлению, пусть и не в прежнем объеме, новаторских экономических и социальных экспериментов. К 1940 г. перестройка американской капиталистической цивилизации на либерально–реформаторской основе была завершена.

В области промышленно–аграрной политики Рузвельта особое значение имели два закона. Первый — Национальный закон о восстановлении промышленности от 16 июня 1933 г. (НИРА) вводил систему кодексов «честной конкуренции». Всего было разработано и после утверждения главой государства введено в качестве обязательных 541 основной и 185 дополнительных кодексов. 90% американских промышленных предприятий вступили в соглашения, определявшие объемы и цену производимой продукции, минимальную заработную плату рабочих и максимальную продолжительность рабочего дня. Закон просуществовал два года и был отменен решением Верховного суда США.

Второй важный закон — о восстановлении сельского хозяйства (ААА) от 12 мая 1933 г. Главными целями закона стали повышение цен на сельскохозяйственную продукцию и восстановление их паритета с ценами на промышленные товары. Предполагалось также предоставление фермерам льготных кредитов для модернизации производства и рефинансирования фермерской задолженности. Средством повышения цен на сельхозпродукцию стало сокращение посевных площадей и поголовья скота, за что государством выплачивались специальные премиальные.

Обширным было финансовое законодательство. Банковская система находилась в состоянии коллапса и, по мнению многих современников, Рузвельт мог ее национализировать. Но президент предпочел использовать государство для спасения тысяч частных банков. Правительственная Реконструктивная финансовая корпорация в кратчайший срок выявила «перспективные» и «безнадежные» банки, протянув первым без промедления руку помощи. Уже через месяц после принятия банковского закона возобновили деятельность 70% банков, а к концу июня 1933 г. 90%. Частная банковская система была реанимирована. Чтобы спасти ее, Реконструктивная финансовая корпорация выдала кредитов на 1171 млн долл. шести тысячам банков. Эффективность государственной помощи оказалась высочайшей — из шести тысяч банков, которым были выданы государственные кредиты, не смогли спастись только 106, в связи с чем государство понесло весьма скромный ущерб — 13,6 млн долл.

Чрезвычайный банковский закон 9 марта 1933 г. был дополнен

другими, среди которых выделялись два. Один из них вводил страхование банковских вкладов — обязательное для национальных банков и добровольное для банков штатов. Для осуществления реформы была создана Федеральная корпорация страхования депозитов. Согласно закону вклады размером до 10 тыс. долл. подлежали страхованию на 100%, от 10 до 50 тыс. долл. — на 75%, свыше 50 тыс. долл. — на 50%. Уже к началу 1934 г. 80% банков застраховали свои депозиты. Другой важный банковский закон отделил депозитные функции банков от инвестиционных, что ограничило злоупотребления в сфере кредитования бизнеса.

В финансовой сфере противоречивой, в ретроспективе важнейшей, оказалась бюджетная политика. В 1932 г. во время избирательной кампании Рузвельт выступал твердым защитником сбалансированного бюджета, резко критиковал Гувера за создание дефицита, обещал сократить расходы федерального правительства на 25%. Эта ортодоксальная риторика находилась в очевидном и резком противоречии с обещаниями Рузвельта не пожалеть средств на помощь «забытым американцам». Подобная помощь не могла не привести к резкому росту бюджетного дефицита, а ликвидировать его Рузвельт намеревался исключительно с помощью сокращения численности государственных чиновников. Финансовая концепция Рузвельта затрещала по швам, как только он оказался у руля федеральной власти. Не сокращающийся, а наоборот, быстро увеличивавшийся бюджетный дефицит был вынужденной уступкой требованиям жизни: сбалансировать бюджет в 1933, 1934 или 1935 г., признал позднее Рузвельт, означало совершить преступление против народа. И все же Рузвельт цеплялся за концепцию сбалансированного бюджета до 1937 г. И только новый финансовый и экономический спад 1937 г. склонил его в пользу принятия доктрины дефицитного финансирования антикризисных мероприятий, которая в самой практике Нового курса восторжествовала гораздо раньше.

Экономика США в первые четыре года Нового курса достаточно последовательно выходила из беспрецедентного экономического кризиса. В конце 1937-1938 гг. произошел некоторый новый спад производства, который был, после возобновления и расширения Рузвельтом антикризисных мер, преодолен. В 1939-1940 гг., т. е. еще до вступления США в войну и начала ими массового военного производства, показатели ВНП 1929 г. были превзойдены. Безработица вернулась к уровню 1937 г. и была в полтора раза ниже, чем в 1933 г. Вступление США во Вторую мировую войну ускорило восстановление этих показателей и одновременно создало условия для нового, во многом беспрецедентного взлета

американской экономики.

На втором этапе Нового курса главными стали социальные реформы. Среди них первой фундаментальной мерой оказался закон Вагнера, одобренный 5 июля 1935 г. Закон легализовал профсоюзы, в правовом отношении уравнял, а в чем–то даже возвысил их над предпринимателями. Согласно принципу «закрытого цеха», бизнесмены могли нанимать только тех рабочих, которые вступили в профсоюз.

1930-е годы ознаменовались вторым после рубежа XIX-XX вв. серьезным подъемом рабочего движения. Бастовали как профсоюзы, так и неорганизованные рабочие. Широкое распространение приобрели «сидячие забастовки». Рабочие отказывались покидать свои места, препятствуя использованию предпринимателями штрейкбрехеров. Впервые массовый характер приобрело объединение в тред–юнионы малоквалифицированных рабочих и создание отраслевых профсоюзов в противовес узкопрофессиональным цеховым. В рамках Американской федерации труда, ведущего национального профсоюза, объединявшего рабочих в тред–юнионы по узкопрофессиональной принадлежности, в 1935 г. возник комитет производственных профсоюзов, преобразовавшийся в 1938 г. в Конгресс производственных профсоюзов (КПП). Большую роль в создании отделений КПП играли коммунисты. В течение одного года в КПП объединились 4 млн рабочих ведущих промышленных отраслей — сталелитейной, автомобильной, электротехнической, химической и др. В целом численность профсоюзов с 1933 по 1939 г. выросла с 2,7 до 8,8 млн человек. КПП в отличие от АФТ пытался активно участвовать в политической борьбе, создав для этой цели Беспартийную рабочую лигу, которая на практике твердо поддерживала Ф. Д. Рузвельта, расширяя и укрепляя коалицию Демократической партии. Благодаря активности рабочих и активной поддержке их правительством профсоюзы в годы президентства Рузвельта одержали победы в 80% стачек, а реальная заработная плата американских рабочих с 1935 по 1945 г. выросла на 80%.

Второй важной социальной реформой стал закон о социальном страховании по старости и безработице, одобренный в августе 1935 г. Он заложил основы федерального социального страхования. Наконец, третьей важной социальной мерой стал закон о справедливых условиях труда 1938 г. Он ввел минимальную почасовую заработную плату и максимальную продолжительность рабочего дня.

Созданная Рузвельтом коалиция Демократической партии, включившая рабочий класс, фермерство, большинство чернокожих американцев, как и поддержавшую Новый курс часть бизнеса, может быть

определена как широко демократическая. Изменилось соотношение сил внутри Демократической партии. В самом начале Нового курса о разрыве с Рузвельтом объявили консервативные деятели его партии, среди них кандидат в президенты США на выборах 1924 г. Д. Дэвис и кандидат на президентских выборах 1928 г. А. Смит. В 1934 г. они образовали Лигу свободы, поставившую своей целью очищение Демократической партии от сторонников Рузвельта и возвращение к идейно–политическим доктринам 1920-х годов. Но Рузвельт и его сторонники смогли переломить соотношение сил в партии в свою пользу и сделать его необратимым.

После фактического откола от демократов крайних консерваторов в партии наличествовали три основных течения: консервативное, центристское, а также леволиберальное, в котором были такие видные политики, как Р. Вагнер, Ф. Перкинс, Г. Гопкинс, Г. Уоллес и Г. Икес. Рузвельт стоял над фракциями и осуществлял сложные примирительные маневры, которые обеспечивали поддержку его мероприятий большинством партии и сохраняли ее единство, крайне необходимое в условиях жесткой конкуренции с другими партиями. Удерживая единство большинства партии, Рузвельт вместе с тем в критические моменты воспринимал в качестве общепартийных требования левых либералов, хотя те неизменно оставались фракцией меньшинства. Политическое искусство и харизма Рузвельта проявлялись в том, что две другие фракции, бывшие в большинстве, поступались своими принципами и принимали выбор президента. В результате партия в целом сдвигалась влево и радикально обновлялась. Эта трансформация демократов нанесла сокрушительный удар по другим политическим партиям. Малые партии, от лево- до праворадикальных, к концу 1930-х годов потерпели фиаско, а Республиканская партия на целых двадцать лет оказалась в политическом нокдауне. Важнейшим для изменения соотношения сил двух главных партий стал переход на сторону демократов большинства городских избирателей, при этом они включили в себя жителей наиболее крупных промышленных городов, ранее голосовавших за Республиканскую партию. Среди городских избирателей, поддерживавших демократов, был особенно заметен рост числа организованных рабочих.

На сторону Демократической партии перешло большинство иммигрантов. Особенно весомой стала поддержка демократов со стороны ирландской и еврейской общин (85% последней голосовали за Рузвельта в 1936 и 1940 гг.). Еще в большей степени, чем среди белых американцев, влияние демократов возросло среди чернокожих избирателей. Это произошло, несмотря на то что Рузвельт не покушался на расовую

сегрегацию, суды Линча и лишение негров гражданских и политических прав в южных штатах. Чернокожие избиратели северных штатов были благодарны Рузвельту за социальные законы в интересах нижних слоев, к которым они в подавляющем большинстве относились, и в 1936 г. предпочли Демократическую партию Республиканской. Демократам отдали голоса около 70% чернокожих избирателей.

Резко возросла поддержка Рузвельта среди женщин, хотя Новый курс не включал специальных мер в поддержку женского равноправия. Женщин привлекала социальная политика Рузвельта, как и осуществленные им впервые в американской истории назначения женщин на важные правительственные посты (самое известное — назначение Фрэнсис Перкинс министром по трудовым отношениям). Был заметен рост влияния Демократической партии среди фермерства. Демократы доминировали не только в сельских районах Юга, традиционном оплоте партии, но добились поддержки со стороны фермерства Среднего Запада, прежде отдававшего предпочтение республиканцам. В южных штатах демократов поддерживали 80% избирателей. Демократы впервые за 70 лет добились превосходства над республиканцами и в северных штатах, где на их сторону перешли 20% бывших приверженцев Республиканской партии.

Реформы Нового курса не привели к принципиальному изменению классовой структуры США. Вместе с тем большая часть нижнего класса, упрочив свое материальное положение, подошла вплотную к границе среднего класса.

Вступление Ф. Д. Рузвельта в президентскую должность открыло новую веху не только во внутренней, но и во внешней политике США. Он был убежден, что американские ценности являются демократической панацеей для всех стран и народов, альтернативой коммунизму и фашизму, тоталитаризму и авторитаризму любых сортов. Его вера в исключительность и одновременно универсализм американской демократии дополнялась приверженностью вильсоновской внешнеполитической концепции. Но американское общественное мнение 1930-х годов, как и в прежнее десятилетие, демонстрировало приверженность изоляционизму. Рузвельт, озабоченный в первую очередь внутренними проблемами, предпочитал не дискутировать с изоляционистами. Во второй половине 1930-х годов изоляционисты смогли провести четыре закона о нейтралитете, закреплявших принцип «невмешательства» в европейские распри. Со всеми этими настроениями и влияниями Ф. Рузвельт, будучи сам англофилом и рассматривая нацизм с момента прихода к власти в Германии Гитлера как главный источник

возможной мировой трагедии, не считаться не мог.

В момент вступления в президентскую должность главной внешнеполитической проблемой для Рузвельта был поиск возможностей выхода из экономического кризиса. В качестве основополагающей внешнеполитической стратегии выхода США из кризиса Рузвельт избрал экономические договоры с заинтересованными иностранными государствами. Среди них оказался СССР. Предоставление Соединенными Штатами режима экономического благоприятствования Советскому Союзу, как и установление с ним дипломатических отношений в середине ноября 1933 г., в исторической ретроспективе выглядит поразительным событием. Даже в благоприятные периоды мирного существования, разрядки и в постсоветскую эпоху США демонстрировали в отношении СССР — России зачастую более враждебное отношение. Феномен советско–американских отношений 1930-х годов объясняется конкретно–историческими реалиями 1930-х годов и личной позицией Ф. Рузвельта, продемонстрировавшего незаурядную политическую волю в преодолении американских антисоветских стереотипов.

Ф. Рузвельт, выступивший против антисоветской ортодоксии Республиканской партии, как и антисоветских взглядов В. Вильсона, по собственной инициативе, практически сразу после вступления в президентскую должность, поставил задачу незамедлительного признания Советского Союза. Для него было характерно осознание конкретно–исторических реалий, требовавших сотрудничества с СССР. Одна из реалий — возможность поправить при помощи СССР, твердо и успешно вставшего на путь индустриализации, экономические трудности США. Другая основополагающая конкретно–историческая причина была внешнеполитической. В ходе переговоров с советской стороной Рузвельт указал на наличие «двух главных источников военной опасности» и ясно дал понять, что в американских глазах таковыми являются Япония и Германия. Это совпадало с советской оценкой. Переговоры о признании СССР были проведены в течение двух недель, а дипломатические отношения установлены 16 ноября 1933 г.

Первый посол США в СССР У. Буллит был преисполнен благих намерений. Он приложил немало усилий для облегчения американскому капиталу реального выхода на советский рынок, инвестиций в экономику, в первую очередь в ударные стройки сталинских пятилеток. Энтузиазм сменился у Буллита охлаждением, разочарованием и ненавистью к СССР в 1935 г. в значительной мере под воздействием начатых Сталиным массовых политических репрессий. Буллит стал рассматривать сталинский режим как

большее зло, чем гитлеровский нацизм. Это не совпадало с оценками Рузвельта. Первый американский посол в СССР был заменен. Второй посол США в СССР Дж. Дэйвис, приступивший к обязанностям в ноябре 1936 г., был твердым сторонником укрепления отношений с Москвой. В улучшении отношений с СССР ему пришлось преодолевать сопротивление американского госдепартамента, в первую очередь восточноевропейского отдела. Но на стороне Дейвиса был Рузвельт, полагавший, что позиция посла в большей степени соответствует национальному интересу США.

Одним из серьезных внешнеполитических нововведений Рузвельта после прихода к власти явилась политика «доброго соседа» в отношении Латинской Америки. Экономические и политические причины подталкивали Соединенные Штаты к модификации латиноамериканской политики. В годы экономического кризиса и под его воздействием в Латинской Америке резко усилились право– и леворадикальные тенденции. Ряд стран продемонстрировали приверженность праворадикальной, подчас близкой к фашизму модели выхода из кризиса. В борьбе с левой и правой угрозами, согласно стратегии доброго соседа, США не могли добиться успеха при помощи средств большой дубинки. Ф. Рузвельт достаточно последовательно воплощал доктрину «доброго соседа» в жизнь. В мае 1934 г. было одобрено соглашение, отменявшее поправку Платта к кубинской Конституции 1901 г. и ликвидировавшее право США совершать интервенции на Кубу. Страна наделялась суверенитетом (но база США в Гуантанамо сохранялась). В ноябре 1934 г. были выведены американские войска из Гаити. В 1936 г. был ликвидирован фактический протекторат США в Панаме. Военные соединения США из Панамы выводились, право интервенций в нее отменялось. После этого военных контингентов США не осталось ни в одной латиноамериканской стране. В 1939 г. после одобрения соглашений с Панамой сенатом США Панама стала полностью независимым и суверенным государством. В 1934 г. Рузвельт подписал закон, предоставлявший независимость Филиппинам с 1946 г. (До этого года устанавливался переходный период, а колониальный статус Филиппин заменялся статусом доминиона.)

Для США среди двух внешнеполитических опасностей, обозначенных на переговорах с СССР в ноябре 1933 г., главной становился германский нацизм. Впервые Рузвельт попробовал оспорить американскую изоляционистскую ортодоксию в «карантинной» речи 5 октября 1937 г. Не называя агрессоров по именам, он отметил, что 10% населения земли угрожают остальным 90%, разрушают нормы международного права и морали. Эпидемия беззакония стремительно распространяется в мире,

бездействие далее недопустимо, агрессоры — «больные» — должны быть посажены на «карантин», т. е. отгорожены до выздоровления от остального мира. В течение последующих двух лет президенту пришлось филигранно лавировать между компромиссами с доминировавшим в стране изоляционизмом и стратегией сдерживания европейского и азиатского агрессоров. В отношении Германии он полагался на усилия двух главных европейских демократий, Британии и Франции. В отношении Японии Рузвельт на Британию не рассчитывал. Лондон вел себя на Дальнем Востоке откровенно пассивно. Американской власти приходилось изобретать средства сдерживания Японии, не обостряя вместе с тем отношений с изоляционистским большинством политического класса и общества. Избранная Рузвельтом стратегия противоборства с Японией включила как основное средство стремительное наращивание в тихоокеанском регионе американской военно–морской мощи. Еще в июне 1933 г. Рузвельт президентским указом выделил на программу строительства современного военно–морского флота 238 млн долл. С этого момента программа успешно выполнялась, последовательно расширяясь и углублялась.

В апреле 1939 г. Рузвельт обратился к Гитлеру и Муссолини с посланием, в котором запрашивал гарантии ненападения в течение десяти лет на тридцать конкретно названных стран Европы и Америки. Гитлер использовал послание, чтобы высмеять ненавистного Рузвельта в германском рейхстаге. Гитлер добился ораторского успеха, но Рузвельт выполнил поставленную перед собой задачу: заклеймил фюрера как агрессора перед американским народом. В сентябре 1939 г., после нападения Германии на Польшу и объявления Великобританией и Францией, в соответствии с имевшимся между ними и Польшей договором, войны Германии, Рузвельт открыто занял антигерманскую позицию. Созвав чрезвычайную сессию Конгресса, он убедил его принять четвертый, смягченный закон о нейтралитете (4 ноября 1939 г.). Вводился принцип «плати и вези», позволявший воюющим странам закупать вооружение в США и вывозить его на своих судах. Поскольку Великобритания доминировала в Атлантике, закон отвечал ее интересам. В то же время Рузвельт отказался, несмотря на насаждавшееся в американских СМИ мнение о переходе СССР на сторону Германии и реальном осуждении Москвой Британии и Франции, пойти на разрыв дипломатических отношений с Советским Союзом. Рузвельтовская realpolitik не ставила СССР на одну доску с Германией и резервировала возможность восстановления той расстановки сил, в которой германский нацизм и

советский коммунизм были врагами, а с СССР был возможен альянс против гитлеровского режима.

В 1940 г. Рузвельт нанес сокрушительное поражение на президентских выборах своему республиканскому оппоненту и вновь стал главой американского правительства. Рузвельт баллотировался на третий срок вопреки американской демократической традиции. Но его соратники доказывали, и Рузвельт внял им, что опасность, нависшая в 1940 г. над США, была не меньшей, если не большей, чем в 1932 г. во время экономического коллапса. Отказаться от выдвижения на третий срок в такой ситуации было бы изменой интересам мира и американской демократии. Президентские выборы 1940 г. показали, что нация осознала эту опасность и выдала Рузвельту второй, после 1932 г., карт–бланш.

Вступление США во Вторую мировую войну дало толчок мощному подъему американской экономики. Механизмы государственного регулирования национальной экономики были дополнены новыми институтами стимулирования экономического роста. В октябре 1942 г. была создана федеральная Служба экономической стабилизации, в мае 1943 г. Служба военной мобилизации (с осени 1944 г. Служба военной мобилизации и реконверсии). Возглавил государственную администрацию регулирования экономики Дж. Бирнс. В период войны она разместила государственные подряды частным корпорациям на сумму около 200 млрд долл., в два раза превосходившую ВНП 1940 г. и равнявшуюся ВНП 1944 г. Объем промышленного производства в США за годы войны вырос более, чем вдвое. В 1942 г. возник дефицит рабочей силы, и администрация готова была ввести закон о всеобщей трудовой повинности. Но законопроект был отклонен Конгрессом США.

Сельское хозяйство в годы войны вышло из кризиса, цены на сельхозпродукты установились на уровне 110% от паритета, что способствовало преодолению задолженности массой фермерских хозяйств. В октябре 1942 г. был принят федеральный закон об «экономической стабилизации», который наряду с зарплатой и квартплатой замораживал цены на сельхозпродукцию. Но под строгий контроль цены на сельхозпродукцию поставить не удалось.

Многие профсоюзы жестко противились замораживанию зарплаты, используя в качестве главного средства противодействия забастовки. Два главных национальных профсоюза — Американская федерация труда и Комитет производственных профсоюзов — в годы войны поменялись местами во взаимоотношениях с правительством. АФТ заняла в отношении регулирующей роли государства позицию сотрудничества, а КПП в

значительной мере перешел в оппозицию. Сразу после начала войны с Японией Рузвельт провел национальную конференцию бизнеса и профсоюзов, целью которой был отказ бизнеса от локаутов, а профсоюзов от забастовок. По завершении конференции Рузвельт объявил о передаче всех конфликтов на арбитражное решение созданного для этой цели Национального управления труда, в которое вошли представители государства, бизнеса, профсоюзов. Позиция правительства была поддержана большинством общества, включая компартию США. Особую позицию занял КПП, не отказавшийся от стачечной борьбы. За годы участия США в войне было проведено более 14 700 забастовок. Общее количество стачечников составило 6,7 млн человек. В годы войны численность профсоюзов увеличилась с 9 до 14,3 млн человек.

Военный период сопровождался ограничением политических прав американцев. В 1940 г. был принят закон Смита, вводивший во второй и третьей статьях штраф до 10 тыс. долл. и тюремное заключение до 10 лет в отношении лиц, призывающих к «свержению» правительства США. В ряде штатов были приняты законы, ограничивавшие право рабочих на забастовки. В июне 1943 г. Конгресс США, преодолев вето президента, одобрил закон Смита–Коннэли, ограничивавший право на стачки на оборонных предприятиях и наделявший президента правом брать под прямое управление предприятия, пораженные стачками.

19 февраля 1942 г. был принят президентский указ о принудительном переселении около НО тыс. американцев японского происхождения, проживавших в штатах Калифорния, Орегон, Аризона и Вашингтон, в специальные резервации во внутренних районах США. В начале 1945 г. они были возвращены на прежние места проживания.

В годы войны было достигнуто максимальное единение большинства общества и власти. В 1944 г. Э. Браудер, руководитель компартии США, объявил о ее ликвидации в связи с установлением, по его утверждению, в США классового единства и согласия. Компартия была воссоздана З. Фостером и его сторонниками летом 1945 г.

В период между двумя мировыми войнами произошли важные изменения в общественно–историческом развитии северного соседа США — Канады. После обретения Канадой внутреннего самоуправления в 1867 г. в обществе нарастали дискуссии о путях дальнейшего исторического развития. Большинство, поддерживая ослабление имперской зависимости от Лондона, вместе с тем склонялось к одобрению британской общественно–политической модели как основополагающей для страны. По британскому образцу в Канаде развивалась двухпартийная система, а ее

участники восприняли английские названия — консерваторы и либералы. Канадские консерваторы и либералы, подобно обеим главным партиям Великобритании, отличались склонностью к компромиссам, неприятием политического насилия. В большей мере склонность к восприятию британской модели проявляли консерваторы, «отцы–основатели» самоуправляющейся Канады, и в меньшей степени — либералы. Либералам было свойственно в большей мере оглядываться на опыт республиканского южного соседа.

Отношение канадского общества в целом к США было противоречивым. Неоднократные попытки США в XVIII-XIX вв. отторгнуть канадские провинции от Великобритании и включить их в собственное государство породили в канадском обществе повышенную бдительность в отношении внешней политики Вашингтона. Вместе с тем канадцы меньше всего хотели отгородиться «китайской стеной» от Соединенных Штатов. Их неизменно привлекал экономический динамизм южного соседа, последовательно опережавшего Великобританию по разным показателям технологического, промышленного и аграрного развития. Канадский бизнес явно хотел быть «сообщающимся сосудом» с американским бизнесом, свободно заимствуя его передовые достижения. Либеральная партия, поклонница фритредерства, отстаивала необходимость утверждения режима свободной торговли в отношениях с США, в то время как консерваторы отстаивали протекционизм.

В период Первой мировой войны Канада, подчинявшаяся внешнеполитическим решениям Великобритании, участвовала в боевых действиях на стороне Антанты. После окончания войны она, как и Великобритания, вступила в Лигу Наций. Во внутриполитическом развитии Канады послевоенного десятилетия господствующей была тенденция, характерная для британского, а не американского исторического вектора. В Канаде упрочились позиции либерализма, смещавшегося, как и внутренняя политика в целом, «влево». Как и в Великобритании, двухпартийная система резко пошатнулась под напором сильной третьей партии. В Британии это была Лейбористская партия, потеснившая либералов, а в Канаде Национальная прогрессивная партия, возникшая в 1920 г. и одобрившая программу демократических и отчасти радикальных политических, социальных и экономических реформ. Но в отличие от Великобритании канадская третья партия теснила не либералов, которые сами готовы были к демократическим реформам, а консерваторов. На национальных выборах 1921 г. Национальная прогрессивная партия заняла второе место, оттеснив на третью позицию консерваторов. После этого

либералы, занявшие первое место, при поддержке прогрессистов обратились к реформам, означавшим демократические нововведения.

После Первой мировой войны возросла активность суфражисток, также способствовавших усилению демократического и ослаблению консервативного политического фланга. 1920 год ознаменовался крупным успехом суфражистского движения: женщинам на национальных выборах было предоставлено право голоса. И если в Британии такая реформа поспособствовала триумфу лейбористов, то в Канаде она явилась важной причиной успеха на выборах 1921 г. политического дебютанта, Национальной прогрессивной партии. Среди демократических социальных мер тандема либералов и прогрессистов важное место заняло развитие программы социального страхования, в частности одобрение в 1927 г. закона о пенсионном обеспечении по старости. Как и в Британии, принявшей подобный закон еще до Первой мировой войны, пенсионные выплаты были скромными, но они оказались спасительными для многих пожилых канадцев после начала в 1929 г. мирового экономического кризиса. Канада, как и Британия, опережала США в развитии социального государства.

Принципиальное значение для внутриполитической демократизации Канады имели события 1926 г. Несмотря на то что либералы вкупе с прогрессистами добились большинства мест на национальных выборах 1925 г., канадский генерал–губернатор, назначенец Великобритании, поручил сформировать правительство консерваторам. Сделал он это на том основании, что консерваторы получили в парламенте несколько больше мест, чем собственно либералы (но последние в блоке с прогрессистами имели большинство). Либералы и прогрессисты, проявив принципиальность, объявили действия генерал–губернатора противозаконным отходом от системы внутреннего самоуправления Канады. Они добились проведения внеочередных парламентских выборов в 1926 г., одержали победу, после чего генерал–губернатор в процесс формирования канадского правительства уже никогда не вмешивался.

Важным приобретением Канады явился британский имперский акт 1926 г., гласивший, что Великобритания и доминионы являются равными по статусу «государственными единицами», суверенными как во внутренней, так и во внешней политике. Они становились Британским содружеством наций, связанным монархией, которая в каждой равноправной части царствовала, но не правила. В 1931 г. Вестминстерский статут британского парламента упрочил принципы 1926 г. Вместе с тем статут закреплял за Великобританией роль верховного арбитра во

взаимоотношениях и разногласиях между федеральным центром и провинциями Канады. Эта забота Лондона о поддержании прав провинциальных канадских властей обернулась для Канады серьезными минусами, когда она столкнулась с необходимостью решать проблему жестокого экономического кризиса 1929 — 1933 гг.

Либеральное правительство У. Кинга, находившееся у власти в год начала кризиса, не сочло нужным прибегнуть к реальным антикризисным мерам в значительной степени по причине объемных государственных прав провинций. Сменившее его в 1930 г. консервативное правительство Р. Беннета, склонившееся к одобрению кейнсианских подходов, не спешило приступить к их практической реализации. Бессилие правительств как либералов, так и консерваторов решать проблемы кризиса способствовало росту влияния оппозиции «слева» и «справа». Оппозицию «слева» возглавила Федерация Кооперативного Содружества, возникшая в 1932 г. и пришедшая в качестве мощной третьей партии на смену Национальной прогрессивной партии. Партия намеревалась заменить капиталистическую систему кооперативным содружеством реформистско–социалистического типа, радикально преобразовав как производственную, так и распределительную сферы. Реагируя на вызовы партии Федеративного Кооперативного Содружества, либералы и консерваторы дрейфовали в направлении социального либерализма и социального консерватизма.

Подписание канадского торгового пакта. Слева направо: госсекретарь США К. Хэлл, премьер–министр Канады У. Кинг, президент США Ф. Д. Рузвельт. 1935 г. Библиотека Конгресса США

На уровне провинций присутствовали разнообразные тенденции. В Квебеке, провинции с преобладанием франкоязычного населения, возобладал праворадикальный популизм. Лидер партии Юнион насиональ (Национальный союз) М. Дюплесси, подобно американскому губернатору из Луизианы Х. Лонгу, завоевал симпатии масс обещаниями дешевого кредита, обуздания и жесткого налогообложения миллионеров, государственной социальной поддержки бедных семей. Вместе с тем, победив на провинциальных выборах в 1936 г., Дюплесси начал жестко преследовать «левых», насаждать антикоммунизм, клерикализм, франкоязычный национализм, антисемитизм и авторитаризм. Управляя Квебеком с небольшими перерывами до конца 1940-х годов, Дюплесси немало поспособствовал социокультурному и общественно–политическому

отгораживанию этой франкоязычной провинции от Канады.

В других провинциях Канады, в первую очередь таких, как Альберта и Саскачеван, к власти чаще приходили правительства либерально–реформистского и даже реформистско–социалистического толка. Это способствовало сдвигу канадского общества в годы кризиса, как и во время последовавшей Второй мировой войны, в направлении социализации его капиталистических оснований. Такая тенденция проявилась и в политике национального правительства. В 1940 г. либеральное правительство У. Кинга одобрило закон о страховании по безработице, распространявшийся на Канаду в целом. Далее последовали законы о детских пособиях, вспомоществовании бедным семьям и другие, укреплявшие даже в трудные военные времена канадское социальное государство.

Во Вторую мировую войну Канада вступила через неделю после того, как 3 сентября 1939 г. Великобритания и Франция, выполняя союзнические обязательства перед Польшей, приняли решение о необходимости вступить в схватку с нацистским агрессором. Оставаясь на протяжении войны в составе антигитлеровской коалиции, Канада все более сближалась с Соединенными Штатами, укреплявшими роль гегемона западной цивилизации на фоне ослабевающих позиций Великобритании.

Латинская Америка: панорама социально–политических процессов

Война за независимость Латинской Америки (1810-1826) явилась начальным актом процесса модернизации, который охватил поначалу только государственно–политическую сферу, не проникнув, однако, в толщу социально–экономических отношений. Восприняв передовые формы политической организации общества, молодые латиноамериканские республики не преодолели монополию власти старых олигархических кланов, представлявших класс крупных земельных собственников–латифундистов, которые приспособили республиканские институты для охраны собственных интересов. В первую очередь она сказалась на демографической ситуации. Латинская Америка оставалась аграрной зоной, производство в которой в значительной степени диктовалось требованиями мирового рынка, находившегося под контролем европейских, прежде всего английских, банкиров и торговцев. Крупный английский капитал подчинял Латинскую Америку и другим способом: олигархические режимы делали значительные заимствования у дельцов Сити с целью укрепления военно–чиновничьего аппарата, финансового обеспечения военных операций при конфликтах с соседями и полицейских акций внутри страны.

Вместе с тем в Латинской Америке на протяжении всего XIX в. происходили существенные изменения, ставшие особенно заметными на рубеже столетий. Сложилась новая демографическая ситуация. Помимо естественного прироста населения большую роль стала играть иммиграция из Европы и Азии. Только за период с 1880 по 1914 г. из Европы в Латинскую Америку выехали на постоянное место жительства около 12 млн человек. Это была преимущественно аграрная иммиграция. Большая часть европейцев нашла применение своим навыкам и знаниям в сельском хозяйстве и в области культуры. Особенно тянула европейцев богатая неосвоенными землями Аргентина, куда с 1880 по 1914 г. прибыли более 4 млн человек. Многие европейцы обосновались в Бразилии, Уругвае, Чили и Мексике. Основную массу европейских иммигрантов составляли итальянцы, испанцы, немцы, а также восточные славяне, литовцы и евреи. Если принять во внимание тот факт, что в 1900 г. все население Латинской Америки составляло 63 млн человек, то станет очевидной значимость иммиграционной европейской компоненты в жизни

стран региона. В последующие десятилетия демографические процессы в Латинской Америке отличались постоянным динамизмом: в 1900 г. ее население составляло 2,7% от всего населения земного шара, в 1920 — 4,9, в 1940 — 5,5, в 1960 — 6,83, в 2000 г. — около 9%.

Иммигранты частично оседали в городах, где их, как вихорь, захватывал начавшийся с конца XIX в. промышленный переворот. Для строительства железных и шоссейных дорог, сооружения портов и других элементов инфраструктуры были использованы земли индейцев, которых сгоняли силой, а в случае их сопротивления беспощадно уничтожали. Как правило, земли, принадлежавшие общинам, переходили в руки латифундистов и иностранных компаний. Концентрация огромных земельных массивов в руках аграрной олигархии в XIX — начале XX в. предопределила специфику аграрных отношений в Латинской Америке. Крестьянские хозяйства фермерского типа, за исключением некоторых стран, в частности Коста–Рики, были малочисленны. В основном жители сельских районов, лишенные земли, становились батраками, арендаторами или субарендаторами, а также уходили в города, где пополняли растущую год от года армию безработных. Этот земельный «голод», эта «власть земли» в течение XX в. найдут свое выражение в многочисленных попытках проведения аграрных реформ, в манифестах различных политических сил, во всех революциях.

Промышленный пролетариат в конце XIX — начале XX в. сложился в странах, задававших тон в индустриальном развитии. По мере роста городского населения формировались средние слои. Удельный вес пролетариата и средних слоев и их роль в обществе постоянно возрастали. В дополнение к традиционным партиям либералов и консерваторов стали создаваться новые политические партии — социалистов и радикалов, коммунистов (первая коммунистическая партия была создана в Аргентине в 1918 г.).

Численно росла буржуазия, которая в целом делилась на две категории: компрадорская, связанная экономически с иностранным капиталом и обслуживавшая в первую очередь латифундистов, и национальная, ориентированная на развитие внутреннего рынка и требовавшая от власти защиты от конкуренции мощных иностранных фирм. Неустойчивым было положение многочисленной мелкой буржуазии, постоянно находившейся на грани разорения. Укреплялась интеллигентская прослойка, связанная с университетами, инженерным ремеслом, газетно–издательским делом, адвокатурой, литературным трудом, театральной сценой, музыкой.

На вершине социальной пирамиды находилась олигархия, под которой в Латинской Америке понимаются группы крупных собственников, часто несколько семейных кланов, захвативших большую часть национальных богатств и контролировавших управление государством (40 семейств в Перу, 14 кофейных грандов в Сальвадоре, три «барона» олова в Боливии и т. п.)

Вплоть до конца XIX в. политическая борьба в странах Латинской Америки была окрашена в основном в консервативные и либеральные тона. Блок консервативных сил составляли аграрная олигархия, бюрократия, духовенство, являвшееся в большинстве латиноамериканских стран крупным земельным собственником, и высшее офицерство латиноамериканских армий, верой и правдой служившее олигархии во время многочисленных гражданских войн и государственных переворотов. Либеральный лагерь — это прежде всего представители торговой и начинавшей формироваться финансовой буржуазии, интеллигенция и служащие. В идеологическом плане эта часть общества придерживалась в основном национал–реформистской идеологии, формировавшейся в 1920-е — 1930-е годы и сохранившей свое влияние до настоящего времени. Национал–реформизм исходит из того, что политическая партия, выступающая выразителем национальных интересов и способная осуществить «национальную революцию», должна быть многоклассовой, включающей весь спектр общества, во главе с мелкой буржуазией. В ее задачи входит: добиться ликвидации зависимости от «иностранных экономических интересов» посредством диверсификации экономики и индустриализации; уничтожить латифундизм путем осуществления аграрной реформы; установить системы представительной демократии, проводить независимую внешнюю политику и т. п. Реализация всех этих целей в дальнейшем — прерогатива «антиимпериалистического государства», являющегося надклассовой силой, объединяющего большую часть общества и осуществляющего программу реформ. Добиться этого можно, используя институты парламентской демократии, но не исключается и революционное насилие. Воинственность термина «антиимпериалистический» не должна вводить в заблуждение читателя. В концепции национал–реформистов он служит для осуждения прежде всего капитала США за установление им контроля над экономикой стран Латинской Америки и ее деформацию. Он используется для достижения политической независимости от Белого дома. Наиболее значительными партиями этого типа являются: Народная (апристская) партия Перу, Перонистская партия в Аргентине, Партия мексиканской революции в

Мексике, Партия демократического действия (Венесуэла), Националистическое революционное движение (Боливия), Партия национального освобождения (Коста–Рика), Доминиканская революционная партия. На левом фланге еще в конце XIX — начале XX в. стали создаваться новые политические партии — социалистов и радикалов, к которым после Первой мировой войны добавились коммунисты, объединившиеся в небольшие боевитые организации.

В процессе политической борьбы в XIX в. всевластие олигархии во многих странах было существенно ограничено, а в ходе революций и путем принятия ряда социально–политических актов XX в. окончательно подорвано. Особое место в обновленческих тенденциях социально–экономического и политического характера имела революция в Мексике.

На рубеже XIX — XX вв. особую роль в развитии континента стал играть внешний фактор. Ведущие европейские страны, создавая колониальные империи в Азии и Африке, не упускали из виду и Латинскую Америку. Но их возможности здесь были ограничены экономической экспансией, поскольку прямая агрессия против латиноамериканских стран потребовала бы чрезмерных усилий. К тому же они не могли не считаться с политикой уже занявших ведущие позиции в мировой экономике США, которые, не собирались отказываться от заявленного еще в годы Войны за независимость Латинской Америки тезиса доктрины Монро — «Америка для американцев».

В 1902 — 1903 гг. разразился Венесуэльский кризис, когда Великобритания и Германия попытались путем применения военной силы «выбить» из южноамериканской страны долги за полученные ею прежде займы от банков западных стран. Соединенные Штаты также потребовали выплаты долга, но выступили против предпринятой Германией и Великобританией бомбардировки венесуэльских портов, а дело о долгах согласились перенести в арбитражный суд. Суд не нашел взаимоприемлемое решение, а подключившийся к проблеме Гаагский международный трибунал вынес определение в пользу европейских держав. В ответ на это американский президент Т. Рузвельт огласил переход к новой политике (ее часто называют политикой «большой дубинки»), опиравшейся по–прежнему на доктрину Монро, но с явно выраженным стремлением США взять на себя лидерские функции на всем американском континенте.

К этому времени США уже обрели опыт в силовом решении латиноамериканских проблем. Политическая история Латинской Америки начала двадцатого столетия ознаменовалась рождением двух независимых

государств — Кубы (1902) и Панамы (1903). В обоих случаях «повивальной бабкой» их суверенитета не случайно оказались США.

Еще в XIX в. Вашингтон стремился распространить свое влияние на о. Куба (было предпринято несколько попыток купить его у Испании, в 1848 — 1851 гг. известный авантюрист Н. Лопес несколько раз организовывал из американских портовых городов высадку на Кубу с целью свержения испанской колониальной администрации). Это удалось осуществить после американо–испанской войны 1898 г., когда США фактически разработали для Кубы ее первую конституцию и «нашли» для нее первого президента — Томаса Эстрада Пальму, давно принявшего американское гражданство. Конгресс США в 1901 г. принял так называемую «поправку Платта» (О. Платт — председатель комиссии Конгресса по подготовке кубинской конституции), которая формально закрепила существенные привилегии для США на Кубе и значительно ограничивала молодое государство в самостоятельности.

Столь же показательна и судьба Панамы, на территории которой США решили построить межокеанский канал. Колумбия, в состав которой входила Панама до начала ноября 1903 г., не шла на компромиссы с США по этому вопросу, и тогда Вашингтон, поддержав там сепаратистские силы и осуществив «опереточную» революцию, в течение двух недель добился провозглашения независимости Панамы и соответствующего разрешения на строительство Панамского канала.

Два важнейших феномена второй половины XIX в. в этом регионе — отмена рабства и промышленная революция в наиболее развитых странах — в корне изменили социальную структуру латиноамериканского общества, способствовали развитию капиталистических отношений. В то же время это развитие серьезно подорвало общинный уклад, игравший важную роль в аграрных отношениях Мексики, Перу, Парагвая, Боливии и Гватемалы.

Особое значение в обновленческих тенденциях социально–экономического и политического характера имела революция в Мексике.

Мексиканская революция

Мексиканская революция (1910-1917) стала кульминацией всего исторического развития страны в XIX и начале XX столетия. В этот период Мексика представляла собой «социальный вулкан».

Правившая с конца 70-х годов XIX в. диктатура Порфирио Диаса не

только не справилась с острыми социально–экономическими и политическими противоречиями, но и значительно усугубила их.

Согласно статистике 1910 г., население Мексики составляло 15 160 345 человек, из них городское население — около 3,5 млн, сельское — почти 12 млн человек; 84% мексиканцев были неграмотны; 96,6% сельского населения не владели землей, в то время как всего лишь тысяче латифундистов принадлежало 97% земельных угодий.

Модернизация экономики приняла устойчивый характер (Мексика, имевшая в середине 1870-х годов всего 640 км железных дорог, в 1902 г. располагала уже 15 тыс. км.). Но какой ценой! Осуществлялась она исключительно за счет жертв, приносимых простым народом. Во время бума строительства железных и шоссейных дорог (80-е годы XIX — начало XX в.) у индейских общин (эхидо) и мелких землевладельцев было отнято около 60 млн га. Десятки тысяч людей, пытавшихся защитить свои наделы и родные деревни, территории обитания, были уничтожены, сотни тысяч переселены в горные районы, места с более суровым климатом и полным отсутствием необходимой инфраструктуры. Правда, не только мексиканское крестьянство было абсолютно бесправным и лишенным какой–либо перспективы. Практически в бесправном положении находились и средние слои, и мексиканская буржуазия, ютившаяся на задворках экономики. Основные отрасли экономики страны полностью контролировал иностранный капитал. Например, в быстро поднимавшейся нефтяной промышленности 61,5% инвестиций являлись английскими, а 38,5% приходилось на долю США. Вместе с тем американский капитал контролировал горнодобывающую промышленность и железные дороги.

За сухой статистикой 1910 г. легко узнается социально–политический портрет страны, оказавшейся в предреволюционной ситуации.

Среди предпосылок революции наряду с проблемой земельного «голода» и отсутствием контроля над национальными богатствами важное место занимала политическая составляющая. Когда в 1876 г. «дон Порфирио» пришел к власти путем военного переворота, свергнув президента С. Лердо де Техаду, он сделал главную ставку на лозунг «За эффективное избирательное право: нет переизбранию!» Но в 1910 г., когда П. Диас (1830-1915), престарелый диктатор (в том году ему исполнилось 80), объявил о своем желании баллотироваться в седьмой раз на пост президента, этот же лозунг бумерангом возвратился и вновь был предложен стране. Выдвинул его один из самых богатых людей Мексики Франсиско Индалесио Мадеро (1873-1913). П. Диас опирался на латифундистов, армию и церковь, а за границей он надеялся на помощь Великобритании и

США. Говоря о предреволюционной Мексике, нельзя не сказать несколько слов и об американо–мексиканских отношениях. США буквально боготворили П. Диаса. Лучшая иллюстрация к этому — слова государственного секретаря США Э. Рута, произнесенные в 1907 г.: «Если бы я был поэтом, то писал бы в его честь оды, если бы являлся композитором — сочинял бы триумфальные марши, если бы родился в Мексике, то почувствовал бы, что исключительная верность и преданность ему, демонстрируемые в течение всей жизни, явно недостаточны за те благоденствия, которые Мексика получила в годы его правления». Однако абсолютное большинство мексиканцев не разделяло столь восторженных оценок.

«Чаша терпения» лопнула во время очередной избирательной кампании «вечного» президента. Главным политическим противником П. Диаса выступил юрист из богатой землевладельческой семьи все тот же Франсиско Мадеро. Еще за два года до выборов он в конце 1908 г. завершил книгу «Президентские выборы 1910 г.». Ознакомившись с несколькими главами рукописи, отец автора, опасаясь за жизнь сына и судьбу всего клана, посоветовал не публиковать ее, но Франсиско настоял на своем: «Ничто не помешает мне выполнить мою миссию и ничто не устрашит: ни нищета, ни тюрьма, ни смерть». В начале 1909 г. книга вышла в свет. Тогда же Мадеро создал партию противников переизбрания — антиреэлексионистов, которая вскоре завоевала значительную популярность в народе.

Несмотря на то что впервые появилась серьезная оппозиция, П. Диас не отступал от своих планов и в июне 1910 г. был вновь «избран» главой государства. Арестованному незадолго до этого Ф. Мадеро с помощью уплаты большого залога удалось выйти на свободу.

Пребывание в застенках придало ему ореол мученика, борца за общенациональные интересы, сделало признанным лидером в борьбе против «порфиризма».

5 октября 1910 г. Мадеро обнародовал свой основной программный документ «План де Сан–Луис де Патоси», содержавший прежде всего политические требования, в основном связанные с электоральным процессом и регламентацией важнейших положений выборов президента страны. 20 ноября того же года Мадеро призвал народ к вооруженному выступлению против диктатуры. Эту дату обычно считают началом революции. Казалось, что это был роковой шаг, который приведет к неизбежному фиаско, ведь на стороне Диаса была классическая для латиноамериканских стран того времени триада — армия, церковь,

олигархия, контролировавшие важнейшие сферы жизни мексиканского общества.

Дальнейшее развитие событий показало, что не столь трезвый расчет Мадеро, сколько общая атмосфера в стране, атмосфера неприятия и отторжения диктаторского режима, способствовала успешному началу борьбы.

Огромное радикализирующее воздействие на начавшуюся революцию оказали крестьянские массы, объединившиеся в вооруженные отряды, во главе с Э. Сапатой и Панчо (Франсиско) Вильей. В отличие от Мадеро они не предполагали завоевание политической власти и ограничились только требованием перераспределения земли и возвращения отнятых общинных угодий. Так возникли два потока революции: политический, который нес либеральные круги к власти, и социальный, смысл которого заключался в реализации векового стремления крестьянства быть хозяином на родной земле. В борьбе против опостылевшей диктатуры они были едины, но их разводило в разные стороны представление об обновленной Мексике. Массовый характер революции, придавший ей невиданный в истории континента динамизм, превратил ее в революцию народную, демократическую.

25 мая 1911 г. диктатура пала. Президенты Ф. Мадеро (1911-1913) и В. Карранса (1917-1920) обещали политические и социальные реформы, прежде всего в аграрной сфере. Однако большая часть этих обещаний оказалась нереализованной. Например, придя к власти, незначительная прослойка национальной буржуазии во главе с Ф. Мадеро столкнулась при реализации отдельных пунктов своей программы с резкой враждебностью американских компаний и вынуждена была отступить. Вооруженные силы США оккупировали в 1914 г. мексиканский порт Веракрус, в 1916-1917 гг. войска генерала Першинга вторглись в северную Мексику.

Теме отношении ключевой мировой державы с латиноамериканскими странами посвящены сотни исследований. В середине XX в. американский философ Филмер С. Нортроп поставил вопрос о том, что могло бы способствовать взаимопониманию США и стран Латинской Америки. Его ответ был чрезвычайно прост и логичен: такое взаимопонимание возможно в том случае, если каждая из Америк попытается ассимилировать ценности другой. В этой формуле на протяжении почти двух столетий самых разнообразных отношений срабатывает только одна ее составляющая — латиноамериканская. Что же касается США, то, провозглашая порой «зоной своих жизненных интересов» почти весь мир, они особое внимание уделяют Латинской Америке, прибегая при этом подчас к самым грубым

формам давления на страны региона.

Антимексиканская кампания в годы революции имела место не только в США, но и в Англии, нефтяные тресты которой не могли смириться с попыткой президента Мексики Каррансы национализировать месторождения «черного золота».

Несмотря на столь непримиримое отношение к мексиканской революции крупнейших держав того времени, а скорее, в силу этого, в принятой 5 февраля 1917 г. конгрессом Мексики конституции большое внимание было уделено защите национальных интересов. В частности, статья 27 требовала пересмотра всех контрактов и концессий, заключенных с иностранными компаниями с 1876 г., и объявления недействительными тех из них, которые противоречили национальным интересам. Согласно данной статье, иностранцы имели право приобретать земли или получать концессии в Мексике, но при этом они не могли прибегать к помощи своих правительств для защиты этой собственности. Здесь же отмечалось, что отнятые у индейских общин (эхидо) земли должны быть им возвращены, а безземельные крестьяне должны наделяться землей за счет раздробления латифундий. В целом за период с 1920 по 1940 г. в Мексике «практически исчез класс старых местных и иностранных землевладельцев, располагавших от 60 до 70% национального богатства».

Целый ряд важнейших прав и свобод декларировался статьей 123: восьмичасовой рабочий день, право объединения в профсоюзы, ограниченное право на забастовку, минимум заработной платы. Мексиканская конституция 1917 г. была в то время одной из самых демократических, однако реализация главных ее статей требовала существенной ломки социально–экономических отношений, что дало основание исследователям Д. Ходжесу и Р. Ганди назвать ее «программой социальной революции… в рамках закона».

Первая мировая война и Латинская Америка

В 1913 г. на долю латиноамериканских стран приходилось: 17,9% общемирового экспорта зерновых, 11,5 — продуктов животноводства, 62,1 — кофе, какао и чая (средний показатель для всех трех статей экспорта, вместе взятых), 37,6 — сахара, 14,2 — овощей и фруктов, 25,1% — каучука и кожи. Три первых места в торговле с Латинской Америкой занимали соответственно США, Великобритания и Германия, у которой экспорт в Латинскую Америку в 1913 г. превышал суммарный объем экспорта в

страны Азии и Африки.

Статистика экспортно–импортных операций убедительно показывает, сколь существенны были коррективы, внесенные Первой мировой войной в эти показатели. Война способствовала монополизации Соединенными Штатами Америки внешней торговли Латинской Америки, прежде всего за счет потери Германией латиноамериканского рынка. В торговых операциях с латиноамериканскими странами участвовали 397 германских фирм, из которых 53 имели в Южной и Северной Америке постоянные офисы. Структура товаров была чрезвычайно широкой: 74 фирмы поставляли инструменты, 73 — текстильные товары, 63 — продукцию пищевой промышленности, 62 — бумагу, 55 — дерево, кожу, каучук, 53 — станки, 46 — различные приспособления, изготовленные из железа и стали, 43 — сельскохозяйственную технику, 42-химикаты.

Начала осваивать латиноамериканский рынок и «империя» Круппа. С помощью различного рода интриг, подкупов и махинаций ей удалось в острейшем соперничестве с французами продать Бразилии в канун войны партию своих орудий, по всем параметрам уступавших 75-мм пушке конкурентов. Среди латиноамериканских товаров большое значение для Германии имела чилийская селитра, закупки которой постоянно возрастали: 1880 — 1884 гг. — 191 400 т, 1900 г. — 727 тыс. т, 1912 г. — 1 699 600 т.

Важную роль в германской экспансии в Латинскую Америку играл финансовый капитал. Пальма первенства принадлежала крупнейшим банкам страны — «Немецкому банку» и «Дрезднер банку», филиалы которых имелись в Бразилии, Венесуэле и Чили. В свою очередь, «Бразильский банк для Германии» действовал в Гамбурге. Наибольшие германские инвестиции приходились на долю Аргентины (60 млн долл.) и Чили (40 млн долл.).

Первая мировая война так же, как и во внешней торговле, на длительный период вывела Германию из числа главных действующих лиц в сфере капиталовложений и кредитования латиноамериканской экономики. Сократились также доли Великобритании в торговле с Мексикой и в объеме всех иностранных инвестиций в эту страну. В то же время США максимально использовали сложившуюся из–за мировой войны ситуацию. В 1914 г. их инвестиции в страны Латинской Америки составляли 1 млрд 641 млн долл., а в 1919 — уже 2 млрд 395 млн долл. Так, «Нэшнл Сити бэнк» открыл свои отделения в Аргентине (ноябрь 1914 г.) и в ряде других латиноамериканских стран. Его примеру последовали другие финансовые учреждения, создавшие в 1917 г. Американскую корпорацию внешних

банковских операций. Деловые круги США стремились прибрать к рукам собственность германских владельцев — это произошло в Перу и в Гватемале. Американцы теснили англичан в Аргентине и Уругвае, проявляя большой интерес к железным дорогам, мясоперерабатывающей и другим отраслям промышленности. Таким образом, имевшее место в годы войны перемещение капиталов из Европы в США способствовало упрочению позиций последних в их борьбе с Великобританией, Германией и Францией за сферы влияния и приложения капитала в Латинской Америке.

6 апреля 1917 г. США объявили войну Германии, и теперь лишь оставалось ждать, как скоро даст о себе знать фактор «континентальной солидарности» и за ними последуют государства Латинской Америки. В течение 1917 г. войну Германии объявили Бразилия, Куба, Гватемала, Гаити, Гондурас, Никарагуа, Панама и Коста–Рика. Группа стран (Боливия, Эквадор, Перу и Уругвай) лишь прервали дипломатические отношения, а Мексика, Аргентина, Чили, Венесуэла, Колумбия, Парагвай и Сальвадор заявили о своем нейтралитете. В последнем списке наиболее строптивыми оказались Чили и Аргентина. Несмотря на беспрецедентное дипломатическое и военное давление со стороны США (в аргентинские порты были направлены даже американские военные суда), они не объявили войну Германии. Впрочем, объявление войны другими латиноамериканскими странами носило чисто формальный характер и было продиктовано скорее желанием доказать свою верность принципам панамериканизма. В конечном итоге ни одна из армий латиноамериканских стран не участвовала в боевых операциях на Европейском континенте.

Экономическое развитие в 1920-е годы

Однако война дала толчок развитию целых отраслей народного хозяйства в латиноамериканских странах. Во–первых, пришлось производить самим то, что раньше ввозилось из–за границы. Во–вторых, воюющие страны нуждались в дополнительных поставках стратегических товаров (сырья и продовольствия) из так называемых колониальных и зависимых стран, к которым в ту пору относили и Латинскую Америку.

Вплоть до последней трети XIX в. слаборазвитая инфраструктура, отсутствие путей сообщения на огромных пространствах континента являлись серьезным препятствием для экспорта продовольственных товаров и сырья, для формирования и расширения национальных рынков. Такое положение было связано в большинстве стран со слабостью и

практически полным отсутствием национального капитала, который можно было бы использовать на эти цели. Английские, французские капиталы, а в конце XIX в. и инвестиции США в корне изменили ситуацию в ряде государств, особенно в Аргентине и Мексике. В обоих случаях решающую роль сыграл английский капитал.

До 1929 г. две трети всего совокупного общественного продукта Латинской Америки производилось в сельской местности. В начале XX в. кофе составлял основу экономики Бразилии, Колумбии, Венесуэлы, Коста–Рики, Никарагуа и Гватемалы. Вплоть до 1920-х годов Бразилия продавала и значительное количество какао, пока эта культура не получила широкое распространение в Африке. В 1899 г. была создана американская компания «Юнайтед фрут компани», получившая в латиноамериканской историографии и публицистике название «банановой империи», так как под ее контролем находилось практически все производство этого продукта в странах Центральной Америки и Карибского бассейна. Важную роль в экономике ряда стран играло и играет производство сахара (Куба, Бразилия, Перу, Доминиканская республика, Гаити).

Более развитый экспортный сектор Аргентины, Бразилии, Мексики, Чили, а также Уругвая (пшеница, мясо, кожа) наряду с иностранными инвестициями способствовал в 1910-1920-е годы XX в. тому, что темпы их экономического роста оказались намного выше, чем в таких странах, как Венесуэла (в 1900 г. в стране было только 800 км железных дорог, а английские инвестиции в ее экономику составляли лишь 2% всех капиталовложений Великобритании в Латинской Америке), Эквадор, Парагвай, Гаити, Доминиканская республика и государства Центральной Америки.

В начале XX в. месторождения нефти были только разведаны, поэтому Венесуэла также присутствовала в этом списке. Но в последующие десятилетия «черное золото» начинает играть огромную роль в жизни этой страны, а также Мексики, Эквадора, Аргентины, Бразилии, Перу и Колумбии.

Индустриализация в Латинской Америке имеет свою специфику. Под ней обычно понимается процесс замещения импорта национальными продуктами. По мере развития промышленности это имеет место сначала в сфере потребительских, затем так называемых промежуточных товаров и, наконец, в отраслях, производящих средства производства. Раньше других на путь замещения первых двух видов товаров вступили Аргентина, Мексика, Бразилия, Чили, Уругвай и Колумбия (конец XIX — начало XX в.). Исследователи называют индустриализацию в этих странах

индустриализацией типа А. К типу Б относят Перу, Венесуэлу, Эквадор, Коста–Рику, Гватемалу, Боливию, Сальвадор, Никарагуа, Гондурас и дореволюционную Кубу. Хронологически это 30-50-е годы XX в. Тип В — страны с неразвитой промышленностью: Гаити, Доминиканская республика, Парагвай и в значительной мере Панама. Фактически данная классификация является своеобразной иерархией промышленного развития латиноамериканских стран. Что касается третьего пункта импортозамещения — его смогли реализовать во второй половине XX в. только страны первой группы и в какой–то степени Венесуэла и Перу.

Важную роль в темпах роста экономики наиболее развитых стран играли иностранные инвестиции. В канун Первой мировой войны они составляли в Латинской Америке 8 млрд 500 млн долл., из них 3700 млн принадлежали Великобритании, 1700 млн — США, 1200 млн — Франции, 900 млн Германии, 1 млрд — другим странам. В последующие годы наблюдался бурный рост американских инвестиций. К 1919 г. они возросли на 50%, а в 1929 г. достигли 5244 млн долл., вплотную приблизившись к британским капиталовложениям, которые после Второй мировой войны окончательно потеряли пальму первенства.

Мировой экономический кризис 1929-1933 годов в регионе

Так называемая Великая депрессия, потрясшая практически весь мир, особенно тяжело отразилась на экономике, социальных отношениях и политической жизни латиноамериканских стран. Глубина воздействия кризиса на этот регион во многом определялась монокультурностью его экономики и огромной зависимостью от рынка стран Запада и в первую очередь США, страны, в которой начался кризис и которая стала его эпицентром. Торговые операции с США покрывали, например, примерно половину внешней торговли стран Карибского бассейна. Доля США во внешней торговле латиноамериканских стран, естественно, была различной. В то же время отдельные страны в значительно большей степени зависели от американского рынка. В конце 1930-х годов Панама поставляла в США 89% своих экспортных товаров, а Куба закупала там же 71% своего импорта. Южная Америка к этому времени все еще была относительно слабым звеном во внешней торговле США в Западном полушарии. Если Бразилия реализовывала 30% экспорта и импорта на американском рынке, то страны тихоокеанского побережья — 25%, а государства атлантического побережья — лишь 10% своего товарооборота.

Анализ внешней торговли стран Латинской Америки (как, впрочем, и другие показатели) показывает, что в экономическом развитии семь стран региона (Аргентина, Бразилия, Чили, Мексика, Венесуэла, Колумбия и Куба) намного опередили остальные 13 независимых государства: в 1938 г. на долю этой семерки приходилось 89% экспорта и 84% импорта Латинской Америки.

Влияние кризиса особенно заметно сказалось на состоянии внешней торговли. Объем торговли США со странами Латинской Америки в 1929 г. составил примерно по 1 млрд долл, как в импортных, так и экспортных операциях, а в 1933 г. импорт США сократился до 212 млн долл., экспорт — до 291 млн долл. В наибольшей степени от него пострадали экспортеры минерального сырья и поставщики на мировой рынок продукции сельского хозяйства — тростникового сахара, кофе и какао. Например, в Чили горнорудная промышленность с 1929 по 1932 г. сократила производство на 75%. Цены на это сырье упали на 40%. Массовая безработица стала повсеместным явлением. В целом по Латинской Америке в период кризиса стали безработными 7 млн человек.

Латиноамериканские правительства пытались ответить на кризис различными средствами. Среди них следует отметить следующие: введение жесткой протекционистской политики; ограничение утечки капитала; сокращение импорта и попытки увеличения экспорта; запрещение отдельных статей импорта, связанного с дорогостоящими товарами не первой необходимости; установление государственных монополий на отдельные товары; прекращение выплаты иностранного долга всеми странами, кроме Аргентины. Правительства Аргентины, Бразилии, Мексики, Чили и Колумбии критически пересмотрели все основные направления своего экономического развития. В сложившейся ситуации они стали уделять значительно больше внимания индустриализации стран, развивая прежде всего те отрасли, продукция которых позволила бы государству заменить импортируемые товары. Так называемая импортозамещающая тенденция промышленного развития стала после кризиса 1929-1933 гг. определяющей в экономическом развитии многих стран Латинской Америки на долгие годы. Начался процесс, получивший название «развитие вовнутрь», вместо ранее практиковавшегося «развития вовне».

Эти меры серьезно повлияли и на внешнюю политику. Аргентина, Бразилия, Чили и Мексика предприняли попытки существенно уменьшить зависимость от США, изменить характер своих торговых и экономических связей с этой страной, в чем получили определенную поддержку не только

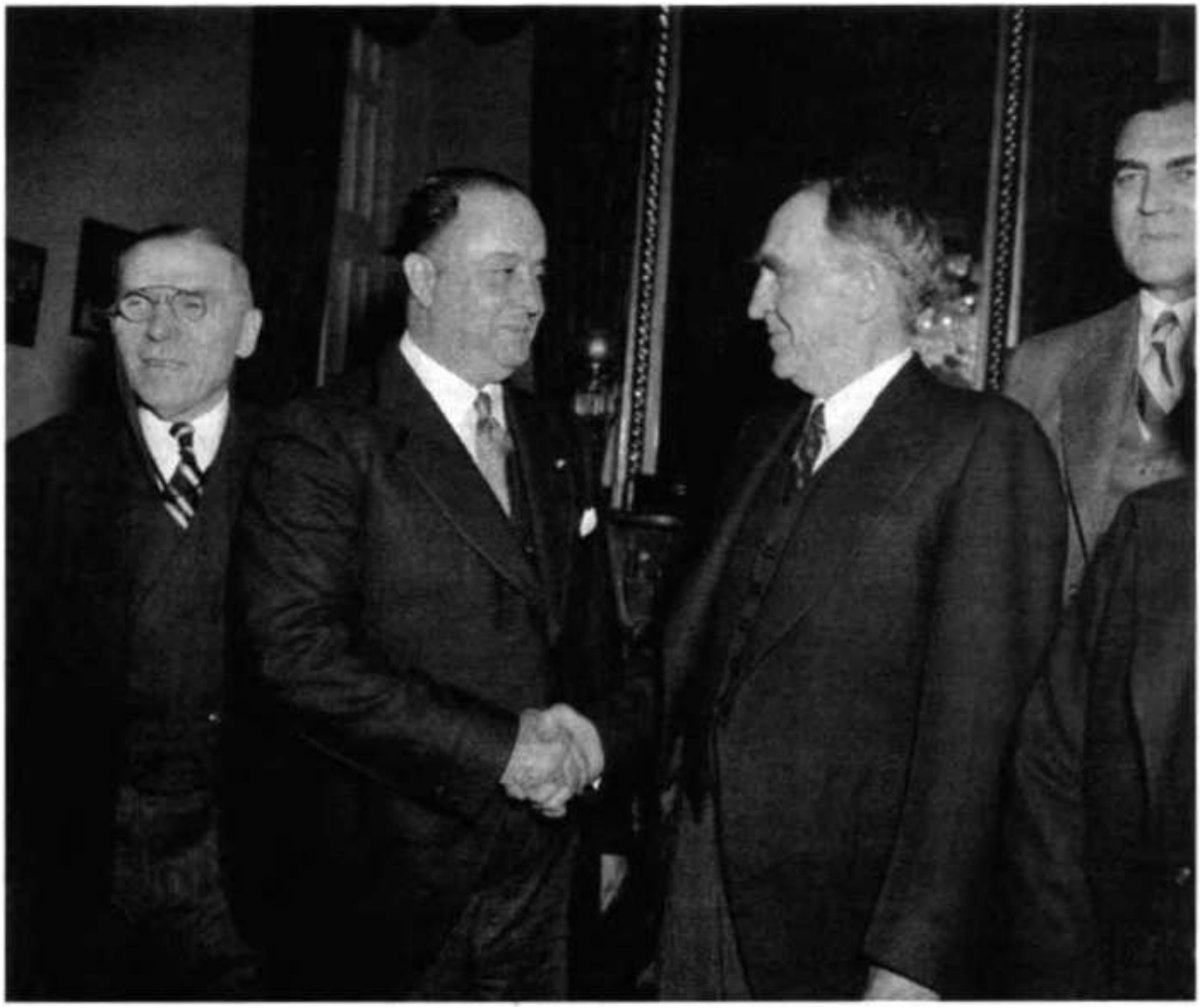
от Великобритании, но и укреплявшей свои позиции в Латинской Америке Германии в годы кризиса и добрый десяток лет после него. Во время Второй мировой войны значительно сократилась возможность латиноамериканских правительств пользоваться кредитами крупнейших иностранных банков.

Пабло Неруда. «Гимн возвращения» (перевод Л. Мартынова)

Родина, родина, плотью и кровью я снова с тобою.
Встреть же меня, как сына. Слышишь: я полон
песен и плача!
Прими же
эту слепую гитару,
этот разум, блуждавший по миру!
Я уходил, чтоб с сынами земли повстречаться,
вышел я павших искать с именем твоим снежным,
вышел я дом построить из твоей древесины свежей,
раненых героев твоей озарить звездой!
Нынче в твоем существе я хочу позабыться.
Дай же мне светлую ночь струн своих проникновенных,
дай твою ночь корабля, дай твое звездное небо.
Родина, хочется мне тень поменять. И хочу я
новою розой владеть. И хочу положить я
руку на тонкий твой стан. И на выжженных морем
скалах сидеть я хочу. Колебанье пшеницы
остановить я хочу и в колосья вглядеться.
Флору я изберу, высохшую от селитры,
нить ледяную спряду из колокольного звона.
В честь твоей красоты сотку я венец прибрежный
из одинокой твоей и прославленной пены.
Родина моя, окружена ты
сонмом воинственных вод. Соединились
сера в тебе и орел.
В горностайно–сапфирной
южнополярной руке твоей искрится капля
чистого света людского, чтоб им озарилось
и воспылало враждебное небо.

Родина, свет свой храни! Колос надежды
да не погибнет в слепой атмосфере смятенья,
ибо достался на долю земли твоей дальней
свет этот трудный —
судьба людская.
Ты защищаешь цветок небывалый,
что расцветает, загадками полон,
здесь, в необъятной Америке спящей!

Выход из кризиса, проблемы стабилизации общества и внутреннего рынка решались в Латинской Америке вплоть до начала Второй мировой войны. По своей глубине и социально–политическим последствиям кризис был более серьезным, нежели только его экономические показатели. Он не только способствовал структурным переменам в Латинской Америке, но и максимально осложнил этот процесс. Прежде всего возникшие трудности с инвестициями иностранного капитала «растянули» процесс диверсификации латиноамериканской экономики на несколько десятилетий, и это при том, что в годы Второй мировой войны большой спрос на латиноамериканское стратегическое сырье существенно увеличил возможности развития национальных экономик.



Спикер Палаты представителей У. Б. Банкхэд приветствует президента Никарагуа А. Сомосу в кабинете, где они провели краткую беседу во время посещения Капитолия. 1939 г. Библиотека Конгресса США

Кризис привел к смене существовавших политических режимов во многих странах Латинской Америки. При этом особенно заметна тенденция к возникновению и укреплению авторитарных форм власти. Среди них: диктатуры Р. Трухильо (Доминиканская республика), клана Сомосы (Никарагуа) и Х. Убико (Гватемала), всевластье Ф. Батисты (Куба), военный переворот в Аргентине привел к власти генерала Х. Ф. Урибуру, в Мексике утвердился режим максимато, когда реальной властью в стране обладал П. Э. Кальес, взявший себе титул «Великого руководителя — «Jefe Maximo». Либеральная революция в Бразилии в итоге окончилась установлением диктатуры режима Ж. Варгаса.

Латинская Америка стала в 1930-х годах объектом острейшего противоборства политических сил, вступивших в решительную схватку на

мировой арене. Многих последователей в странах континента нашли итальянский фашизм и германский нацизм. Отчетливо проявили себя две тенденции: активная деятельность вновь возникших праворадикальных организаций и использование латиноамериканскими правительствами в своей политической практике средств и методов европейских фашистских государств — корпоративизма и силового подавления оппозиции. В противовес фашизации континента консолидировались левые и демократические силы, сумевшие в ряде случаев не только воспрепятствовать распространению фашизма, но и выдвинуть программы глубоких социальных и политических преобразований. Выступив с лозунгами Народного фронта они добились в ряде стран существенных успехов — сформировали собственные правительства (Чили) или оказали существенное влияние на действовавшие власти (Колумбия, Мексика, Коста–Рика). В те же годы быстро набирал силы национал–реформизм, опиравшийся на средние предпринимательские слои и националистически настроенную интеллигенцию, которые уповали на деятельное участие в экономических процессах государства, способного взять курс на индустриализацию, вывести национальную экономику из подчинения интересам иностранного капитала, парализовать влияние левых сил и прежде всего коммунистов на трудящиеся массы (наиболее характерно это было для Мексики, Бразилии, Перу, а позднее и Аргентины).

Военные режимы и диктатуры в Латинской Америке

Аргентинский экономист Р. Пребиш (1901-1986) выдвинул теорию «замкнутого политического цикла», для которого характерно чередование периодов демократизации латиноамериканского общества и возврата к режимам «твердой руки», т. е. диктаторским формам правления. С последними, как правило, ассоциируется власть военных. Математически не точная, эта теория, однако, имеет вполне видимую тенденцию, отмеченную также известным мексиканским социологом и историком П. Гонсалесом Касановой, который, обобщив наиболее существенные исследования в этой области, опубликовал в конце 1980-х годов книгу «Военные и политика в Латинской Америке», где раскрыл характер участия военных в управлении государством в различные периоды латиноамериканской истории. Начиная с Войны за независимость (1810-1826), военные

приобрели в политической жизни Латинской Америки исключительное значение. В книге большой интерес представляет статистика. Прежде всего нельзя не обратить внимания на динамику военных переворотов в XIX и XX вв. Им подсчитано, что с 1840 по 1879 г. совершалось почти четыре военных переворота в год (3,75), с 1880 по 1920 г. этот показатель сократился до 1,80, а с 1930 по 1966 г. вновь возрос до 2,73. Большинство военных переворотов порождали длительные периоды социальной, политической и экономической неустойчивости Еще более красноречив анализ 1763 правительств стран Латинской Америки, находившихся у власти в период с 1804 по 1985 г. В течение этого времени 44,8% правительств были военными и 38,4% — гражданскими (остальные смешанными). Военные правительства правили 47,6% времени указанного периода, гражданские — 42,5%. Больше всего военных правительств было на первых этапах становления независимых государств: 1801-1830 гг. (57%), 1831-1880 (55,7%). В последующие годы отмечена такая динамика: 42% в 1881-1944 гг., 34,3% в 1945-1963 гг., 50,5% в 1964-1977 гг., 48,1% в 1978-1983 гг.

В XX в. характер военных переворотов существенно изменился. Теперь чаще всего за ними стояла крупная буржуазия, связанная с иностранным капиталом, а сам переворот осуществлялся представителями регулярной армии, диапазон которых весьма широк: от сержанта Батисты на Кубе до генералитета различных латиноамериканских армий.

Это отнюдь не соответствовало интересам народа той страны, в которой военные захватывали власть, удерживаемую ими иногда по нескольку десятилетий. Аргентинский военный теоретик подполковник М. Орасио Орсолини даже ввел в научный оборот понятие «армии–партии с собственной идеологией». Такое определение в основном правомерно и для многих других армий региона. «Собственная идеология» латиноамериканских военных по существу всегда являлась зеркальным отражением тех процессов, которые происходили и происходят в обществе. Ее спектр весьма широк: от крайне левых до ультраправых тенденций, она то пронизана общенациональными, патриотическими мотивами, то направлена на защиту интересов иностранного капитала, иностранных

монополий и союзных с ними олигархических сил.

Яркими примерами патриотической ориентации в 1920-е годы были борьба «армии свободных людей» Аугусто Сесара Сандино в Никарагуа и «движение тенентистов» в Бразилии во главе с молодым офицером Луисом Карлосом Престесом. Борьба Сандино носила национально–освободительный, антиамериканский характер и была направлена прежде всего на прекращение оккупации Никарагуа войсками США. В то же время тенентисты (от португальского слова tenentes — лейтенанты) в сложный период трансформации бразильского общества выступали за расширение демократических основ и социальный прогресс. Позднее большой патриотический потенциал обнаружили военные режимы Веласко Альварадо (1968-1975) в Перу и Омара Торрихоса (1968-1981) в Панаме, тем же отмечен и режим военного правления в Суринаме (1980-1987).

Генетически очень тесно связаны с военными режимами крайне правой ориентации диктаторские формы правления, имевшие место в XX в. во многих странах Латинской Америки. Характерные черты латиноамериканских диктатур правого толка этого периода: авторитарные формы правления — попрание основных норм демократии и демократических свобод, подмена конституции диктатурой штыка, превращение воинских штабов, казармы в главное правовое поле той или иной страны, в центры принятия политических решений.

Среди возникших в первой половине столетия наиболее одиозных режимов были диктатуры Х. Мачадо на Кубе (1925-1933), Р. Трухильо в Доминиканской республике (1930-1961), Х. Убико в Гватемале (1931-1944) и клана Сомосы в Никарагуа (1937-1979). Присущие всем им кровавые репрессии в широких масштабах, забвение национальных интересов в угоду крупным иностранным монополиям, использование государственной казны в целях личного обогащения, сервилизм по отношению к Вашингтону привели к социальным и политическим взрывам, вылившимся в революции на Кубе (1933-1935), в Гватемале (1944-1954) и в Никарагуа (1979).

Экономический национализм

В мексиканской историографии и в исследованиях целого ряда авторов других стран существует несколько различных взглядов на периодизацию Мексиканской революции: 1910-1917 гг., с 1910 г. до наших дней, 1910—1940 гг. Обоснование верхней границы последнего варианта во многом связано с годами правления Ласаро Карденаса (1934-1940).

Он родился в небогатой семье. Прежде чем стать президентом, Карденас прошел труднейшую школу жизни и познал сполна все тяготы, выпавшие на долю простого люда. Именно поэтому он начал последовательно выполнять статьи 27 и 123 конституции, от которых более всего зависела жизнь большинства мексиканцев и которые были призваны изменить лицо страны. В 1937 г. были частично национализированы железные дороги, а годом позже и собственность иностранных нефтяных компаний. Основным направлением его внутренней политики стало проведение аграрной реформы. Весьма характерно, что одним из главных аргументов при ее реализации стали слова знаменитого борца XVI в. за права индейцев Бартоломе де Лас Касаса: «Индейцы не могут быть спасены до тех пор, пока им не будет возвращена земля». Для Мексики эта проблема была чрезвычайно актуальной, так как в конце XIX — начале XX в. большинство индейских общин (эхидо) были разорены. О масштабах и темпах проведения аграрной реформы может красноречиво свидетельствовать такой факт: только 2 мая 1935 г. землю получили 36 856 глав семейств, им было выделено 552 936 га. В целом же за период с 1920 по 1940 г. в Мексике «практически исчез класс старых местных и иностранных землевладельцев, располагавших от 60 до 70% национального богатства». Наиболее радикальными в этом отношении были аграрные преобразования, проведенные Л. Карденасом.

Концепция реформ и система взглядов на национальные проблемы, известная в историографии под названием «карденизм», включали также целый ряд аспектов, связанных с политической реорганизацией общества. К ним прежде всего следует отнести смену акцентов правительства по отношению к роли рабочего класса и крестьянства. Карденас решил их сделать своими союзниками. Они наряду с мелкой и средней буржуазией составили основу преобразованной в 1938 г. правящей партии Мексиканской революции (ПМР). Некоторые исследователи заговорили даже о социализме Карденаса, но президент был весьма далек от него и разделял лишь специфические идеи «мексиканского социализма», перспективы которого, правда, видел только в отдаленном будущем. По существу Карденас выражал интересы революционной демократии, объединившейся с левым флангом национал–реформизма. В послевоенный

период, будучи в отставке, он включился в международное движение сторонников мира, став одним из его лидеров.

Мировой экономический кризис 1929-1933 гг. потряс политические устои многих латиноамериканских стран. В 1930 г. пали правительства Боливии, Перу и Аргентины. Колумбийские консерваторы, до этого в течение 40 лет удерживавшие власть, уступили ее либералам. Огромные изменения произошли в Бразилии. «Либеральная революция» 1930 г. положила конец власти олигархии в этой стране и предопределила почти на четверть века доминирующую роль в ее политической жизни Ж. Варгаса (1883-1954), бывшего губернатора штата Риу–Гранди–ду-Сул.

Он родился в семье состоятельного скотовладельца потомственного гаучо в бразильской пампе. Однако ему не суждено было стать ни скотоводом, ни земледельцем. Университет, профессия юриста, политическая карьера (депутат Национального конгресса, министр финансов, губернатор) — таковы основные вехи жизни Ж. Варгаса до 1930 г.

Для него как политика характерно использование основных приемов латиноамериканского популизма и национал–реформизма, отвергающего как либеральные, так и марксистские ценности и направленного на парализацию социально–политической активности рабочего класса посредством приобщения его к сотрудничеству с правящим режимом. «Старые политические формулы, — говорил он в 1931 г., — защищавшие права человека, теряют свою силу. Вместо индивидуализма, синонима чрезмерной свободы, и коммунизма, новой разновидности рабства, должно быть отдано предпочтение более совершенной координации всех инициатив в масштабе государства и признание классовых организаций как соучастников административного управления».

Он был верен этому выбору во внутренней политике и последовательно проводил его в жизнь, навязывая свои патерналистские формулы и оставаясь прагматичным, жестким, бескомпромиссным в отношениях с теми, кто привел его к власти, с лидерами национальной буржуазии, объединенными в Либеральный альянс с политическими оппонентами. В 1934 г. он все еще зависел от них, они должны были его «избрать», а скорее, назначить, президентом — и они это сделали. Была провозглашена новая конституция, которую он поддерживал до определенного момента.

Фактически установленная в 1930 г. военная диктатура Варгаса вызывала недовольство самых разнообразных социальных сил бразильского общества. Стачечное движение, мятеж крупных

землевладельцев в штате Сан–Паулу (1932), восстание гарнизона в г. Ресифи (1935), другие проявления недовольства вынуждали Варгаса прибегать к полицейскому террору и к иным жестким способам подавления противников его режима. В 1935 г. под эгидой компартии была создана Унитарная конфедерация профсоюзов Бразилии, включавшая в себя 300 тыс. человек. В том же году Луис Карлос Престес возглавил Национально–освободительный альянс, объединивший оппозиционные силы от коммунистов до левых либералов.

В этой ситуации Ж. Варгас пошел на крайние меры. В ноябре 1935 г. он разгромил Альянс и, существенно укрепив свои позиции, 10 ноября 1937 г. заявил: «Конституция 1934 г. мертва! Да здравствует Конституция 1937 г.». Это была конституция провозглашенного им «Нового государства», скроенная по меркам основных законов тоталитарных государств Европы. Сам Варгас стал именоваться не иначе как «руководителем нации». Он разогнал конгресс, запретил все политические партии (ранее уже был запрещен Национально–освободительный альянс), были объявлены незаконными все профсоюзы, кроме корпоративных, созданных министерством труда, запрещались забастовки.

Конституция 1937 г. расширяла президентские полномочия и сокращала парламентские, а также автономию штатов. По существу «Новое государство» и его основной закон были созданы под влиянием фашистской идеологии, исходя из принципов корпоративного государства. Однако расчетливый прагматик, симпатизировавший фашистской идеологии, Варгас решил, что в разразившейся мировой войне Гитлер и его союзники не возьмут верх: уже в начале 1942 г. Бразилия объявила войну «державам оси». В 1945 г. Ж. Варгас согласился на возвращение к нормам парламентской демократии.

Президент Бразилии Ж. Варгас общается с президентом США Ф. Д. Рузвельтом во время конференции на борту американского крейсера на р. Потенжи в заливе Натал. 1943 г. Библиотека Конгресса США

Ж. Варгас был горячим патриотом и понимал, что великую Бразилию можно было создать в тех исторических условиях только с помощью иностранного капитала. Однако попытки привлечь его в страну и при этом ограничить роль зарубежных монополий и связанных с ними бразильских предпринимателей в национальной экономике встретили резкое противодействие со стороны как не сломленной олигархии, активно поддержанной бразильской крупной буржуазией, так и главным образом США. Ж. Варгас дважды терял власть в результате государственных переворотов (1945 и 1954 гг.). В ходе последнего из них Варгас в августе 1954 г. покончил жизнь самоубийством, но перед тем обратился с прощальными словами к нации, которая не позволила изменить национально ориентированный курс, намеченный Ж. Варгасом.

В соседней Аргентине огромное влияние на политическую жизнь страны с начала 1940-х годов в течение нескольких десятилетий оказывал Хуан Перон (1896-1974). Впрочем, использование прошедшего времени в

данном контексте абсолютно неправомерно, ибо перонизм по–прежнему остается чрезвычайно популярен в этой стране и после смерти его основателя, о чем свидетельствуют победы на президентских выборах в конце 1980-х и в 1990-е годы Карлоса Менема. Что же предопределило огромную популярность Перона и основанного им идейно–политического течения?

Началом восхождения Перона на олимп власти можно считать 1930 г., когда армейские части, возглавляемые генералом Хосе Феликсом де Урибуру, свергли президента страны, политика демократических взглядов, Ипполито Иригойена. Работавший тогда в генеральном штабе Перон оказался среди мятежных войск. Затем он был личным секретарем министра обороны, профессором военной истории, военным атташе в Чили и, наконец, после военного переворота 1943 г. стал вице–президентом Аргентины (1944-1945).

Для Аргентины 1920-1940-х годов были характерны не только высокий по сравнению с соседними странами уровень жизни, но и значительно большее по сравнению с другими латиноамериканскими государствами влияние левых идеологий, выражавшееся в более зрелом и массовом рабочем движении и в существенном влиянии Коммунистической партии на политическую жизнь страны. Огромная роль СССР в победе над фашизмом в годы Второй мировой войны усилила оба эти фактора.

Х. Л. Борхес. «Улицы Буэнос–Айреса» (Перевод С. Гончаренко)

Улицы Буэнос–Айреса,
вы — сердцевина моего сердца.
Не бодрые проспекты,
замученные спешкой пешеходов,
а вы, переулки тихих предместий,
вы, незнакомые с кроткими кронами деревьев,
улицы окраин,
где мрачные лачуги,
подавленные бессмертным пространством,
боятся утонуть в долгом просторе
равнины и неба.
Всем, кто истосковался по живой душе человечьей,
вы обещаете счастье:

на ваших перекрестках братаются жизни,
вырвавшиеся на волю из заточенья квартир.
Низкий поклон вам хотя бы за то, что по вашей брусчатке
шагает с решительностью заблужденья
надежда.
Ваши извивы — как колыхание флагов,
реющих на семи ветрах поднебесья.
Пусть же на древке моих стихов
заплещут эти знамена.

После возвращения к представительной демократии Перон победил на президентских выборах 1946 г., выступив под лозунгом достижения гармонии труда и капитала. Другим его лозунгом было создание здоровой экономики, свободной «от иностранного капитализма и мировых экономических гегемоний».

«Мы были кругом в долгах, — говорил Перон. — Все богатства страны находились в руках иностранцев: железные дороги, суда, импорт и экспорт, банки… Тогда я задавал вопрос: “Хорошо, чем же я управляю?..” “Ничем”, — ответили мне. Я был настоящим безумцем, собираясь произвести экономическую революцию при таком положении вещей».

Тем не менее он ринулся в этот омут противостояний и конфликтов. За годы пребывания у власти (1946-1955) ему удалось сделать многое: выкупить у англичан 47 тыс. км железных дорог, воздушный флот, телефонные и газовые компании, погасить внешний долг, поставить под контроль внешнюю торговлю и распределение валюты. Весьма дальновидной была его политика в рабочем вопросе. Говоря о тактике своих политических противников из Демократического союза, он отмечал: «Они защищают капиталистическую систему… пренебрегая интересами рабочих, хотя и делают им небольшие уступки. А вот мы защищаем положение рабочего и считаем, что, только резко укрепив его благосостояние и участие в управлении государством и в трудовых отношениях, можно будет ожидать, что выживет капиталистическая система свободной инициативы, т. е. то хорошее, что она имеет по сравнению с коллективистскими системами».

Взгляды Перона на характер национального развития нашли отражение в хустисиалистской (от исп. justicia — справедливость) доктрине, созданной им на основе национальных течений, националистических доктрин 1930-х годов и ключевых постулатов

национал–реформизма: социальная гармония, классовое сотрудничество, антиимпериализм.

В 1930-1940-е годы Перон находился под определенным влиянием фашистской идеологии, и лозунг Б. Муссолини «Ни Москва, ни Уоллстрит» был очень близок ему и стал своеобразным идеологическим ориентиром в поисках «третьего пути». Выгодный для Германии «благосклонный нейтралитет» Аргентины в годы Второй мировой войны и объявление войны «державам оси» только в самом ее конце во многом связаны как с рядом экономических и демографических факторов, так и с прогерманской позицией наиболее влиятельных аргентинских политиков, в том числе и самого Перона.

Говоря об эпохе Х. Перона, нельзя не сказать об огромной роли, которую играла во всех проводимых им преобразованиях в 1940-х — начале 1950-х годов его жена — Эва Перон. Иногда в историографии их политический дуэт даже называют «двуглавым правлением».

У Х. Перона было довольно много и весьма могущественных противников, среди них иностранные компании и стоявшие за ними правительства развитых государств, местное духовенство, бывшее в первые годы правления союзником, а после ущемления некоторых своих интересов ставшее непримиримым противником, часть генералитета. Отдельные аспекты, а порой и всю перонистскую модель развития внутри страны не поддерживали радикалы, социалисты и коммунисты.

Х. Перон столкнулся с той же дилеммой, что и Ж. Варгас: или идти на уступки своим оппонентам внутри и вне страны, или продолжать политику реформ в рамках «экономического национализма». Он выбрал второе, и, как следствие этого, 16 сентября 1955 г. в стране произошел государственный переворот. Перон вынужден был эмигрировать в Парагвай, заявив там, что перонистская партия только «расседлала коня в ожидании рассвета». И «рассвет», казалось, наступил: в 1973 в результате выборов он вернулся к власти, но силы его были на исходе, и через несколько месяцев он скончался.

Имя Аугусто Сесара Сандино (1895-1934) в 1930-е годы было столь же популярно в мире, как имена Че Гевары или Фиделя Кастро во второй половине XX столетия. Его называли «генералом свободных людей». А. Сандино был сыном владельца небедного крестьянского хозяйства в Никарагуа и по всем традициям должен был унаследовать судьбу и собственность своего отца, но, отстаивая честь своей матери (она родила сына вне брака с отцом), вступил в острый конфликт с обидчиком — одним из руководителей местных консерваторов. В итоге Сандино пришлось

оставить родные края и устроиться горняком на шахте, принадлежавшей американской компании. За шесть лет работы на шахте А. Сандино не только окреп физически, но через чтение и общение с образованными людьми вырос интеллектуально и духовно. У него выработалось патриотическое сознание, которое формировалось самой обстановкой в стране, с 1912 г. оккупированной войсками США, и опытом работы на шахте, где он усвоил, какой может быть социальная несправедливость. Авторитет Сандино, как человека справедливого и решительного, распространился на весь департамент Нуэва–Сеговия, где располагалась шахта. Поэтому мало кого удивило, что Сандино во главе кучки смельчаков в октябре 1926 г. поднялся в горы, чтобы начать борьбу с коррумпированным правительством и его американскими покровителями. 16 июля 1927 г. отряд Сандино выбил из г. Окаталь отряд американских оккупационных сил, что вызвало подъем патриотических настроений в стране и приток в сандинистские отряды новых сил. Через 5 лет сандинисты, требовавшие отстранения коррупционеров во власти, решения в пользу крестьян земельного вопроса и главное — гарантий против вмешательства во внутренние дела Никарагуа американцев, превратились в мощную военно–политическую силу и взяли под контроль половину территории страны. Американцы и выполнявшее их волю никарагуанское правительство оказались не в состоянии уничтожить движение во главе с А. Сандино и поменяли тактику. К тому же их действия в Никарагуа вызвали волну возмущения во всем мире. В январе 1933 г. начался вывод из Никарагуа частей американского экспедиционного корпуса. Пришедший к власти в Вашингтоне в результате выборов 8 ноября 1932 г. демократ Франклин Д. Рузвельт решил избавить курс США в отношении латиноамериканских стран от наиболее одиозных, агрессивных черт предшествовавшего периода. Он провозгласил политику «доброго соседа», в соответствии с принципами которой силовые методы заменялись дипломатическими и финансово–экономическими. Американская дипломатия выразила готовность выступить посредником в урегулировании гражданского конфликта в Никарагуа, высказалась за его демилитаризацию. А. Сандино пошел навстречу идее прекращения гражданской войны, согласился сесть за стол переговоров с представителями власти, но заплатил слишком большую цену за свои добрые намерения и доверчивость: в конце февраля 1934 г. он был предательски задержан офицерами Национальной гвардии во главе с А. Сомосой по пути на переговоры и расстрелян вместе с самыми близкими соратниками. Обезглавленное движение пошло на убыль, а Сомоса,

поддержанный американцами, стал президентом и установил в стране диктаторский режим.

Восточная Азия: война, революция, имперское строительство

Формирование Версальско–Вашингтонской системы и новый баланс сил

Парижская мирная конференция, подводившая итоги Первой мировой войны и заложившая основы нового миропорядка, оказала существенное влияние и на ситуацию в Восточной Азии.

Япония была формально признана одной из Великих держав и вошла в Совет пяти вместе с США, Великобританией, Францией и Италией, затем в Совет Лиги Наций в качестве постоянного члена. Однако от решения ряда важных вопросов ее отстранили: она не попала в Совет четырех, поскольку во главе делегации находился не действующий, как это предполагалось регламентом, а бывший глава правительства Сайондзи Киммоти (после «рисовых бунтов» лета 1918 г. премьер–министр Хара Такаси не рискнул покинуть страну). Главные решения принимал Совет трех в составе президента США В. Вильсона, премьер–министра Великобритании Д. Ллойд Джорджа и премьер–министра Франции Ж. Клемансо.

Угрожая отказом от подписания мирного договора и от участия в Лиге Наций, Япония закрепила за собой бывшие германские права и привилегии на Шаньдунском полуострове (решение Совета трех от 30 апреля и статьи 156-158 Версальского договора) и получила в управление по мандату Лиги бывшие островные владения Германии в Тихом океане к северу от экватора, но не добилась включения в Устав Лиги Наций положения о равенстве рас. Против выступили делегации Британской империи и США, видевшие в нем попытку устранить ограничения на иммиграцию японцев, хотя предложение преследовало глобальные цели. Япония хотела сделать свое вхождение в «клуб» Великих держав, объединенных не только цивилизационной и культурной, но и расовой общностью, окончательным и бесспорным.

Китайская делегация во главе с министром иностранных дел Лу Цзенцзяном представляла «северное» (пекинское) правительство, находившееся под контролем аньхойской милитаристской клики. Она добилась возвращения Китаю германских прав и привилегий в Тяньцзине и Ханькоу и аннулирования обязательств, связанных с компенсацией за

восстание ихэтуаней (статьи 128-133 Версальского договора), но потерпела неудачу в шаньдунском вопросе, после чего покинула конференцию и отказалась подписать мирный договор. На это решение повлияли патриотические демонстрации молодежи в Пекине и Шанхае, известные как «движение 4 мая» — первое в стране массовое движение против «империалистов» и их «пособников», которое ускорило распространение идей марксизма и социализма. Рассчитывая на поддержку американцев и англичан, делегация Китая (в отличие от Франции и Италии) не поддержала предложение Японии о признании равенства рас.

Из других азиатских стран на конференции был представлен только Сиам (Таиланд), ставший членом Лиги Наций. Попытки групп корейских и вьетнамских националистов, которые возглавляли Ким Кю Сик и Нгуен Ай Куок (будущий Хо Ши Мин), добиться — со ссылкой на провозглашенный Вильсоном принцип «права наций на самоопределение» — если не представительства, то заслушивания их требований завершились неудачей из–за отсутствия поддержки.

Корейцы ссылались на провозглашенную 1 марта 1919 г. в ходе демонстрации в Кэйдзё (японское название Сеула) «Декларацию независимости Кореи», которая никем не была признана. С начала войны Япония стремилась предстать в глазах союзников по Антанте либеральной и прогрессивной страной, в том числе в колониальной политике. Массовые выступления в марте–апреле, участники которых требовали не только независимости Кореи, но и смягчения порядков и проведения реформ в рамках колониального режима, в ряде мест переросли в вооруженные столкновения. Не желая обнаружить «слабость», местные власти подавили выступления (японские и корейские данные об убитых и раненых различаются на порядок), но правительство пошло на смягчение режима, сторонником чего был премьер Хара. Замена генерал–губернатора Хасэгава Ёсимити адмиралом в отставке Сайто Макото дала старт кадровым перестановкам и реформам. Первыми мерами «культурного правления», сменившего «военное правление», были: ограничение прав и функций всесильной военной жандармерии кэмпэй и замена ее в деле поддержания порядка гражданской полицией, подчиненной генерал–губернатору; допуск гражданских лиц на посты губернаторов провинций; повышение жалованья служащим–корейцам; либерализация системы образования; разрешение новых периодических изданий на корейском языке. Символичным выглядело запрещение японцам, кроме военных, носить мечи при чиновничьем мундире — раньше этим правом обладали даже школьные учителя.

Конференция не приняла решений по русскому вопросу, поэтому союзная интервенция на Дальнем Востоке России, в которой принимали участие Япония, США, Великобритания, Франция и чехословацкий корпус, продолжалась. Предполагалось, что силы каждой из стран–участниц не будут превышать 7-10 тыс. человек, но к концу 1918 г. японцы имели там свыше 70 тыс., к концу 1921 г. — 150 тыс. человек. Решение об участии Японии в интервенции было принято весной–летом 1918 г. кабинетом Тэраути Хисаси под влиянием министра иностранных дел Мотоно Итиро и его преемника Гото Симпэй. Считавшиеся русофилами, они стремились сохранить режим, с которым наладили сотрудничество в годы войны, и укрепить экономические позиции Японии в Приморье. Против интервенции выступали политики, не считавшие Россию перспективным партнером: они предлагали принять меры по защите жизни, прав и собственности японцев на ее территории, эвакуировать их и закрыть границы. Лондон и Париж поддержали японскую интервенцию. Вильсон, по словам его советника Э. М. Хауза, опасался, «как бы японские войска, раз они уже попали в Сибирь, не остались там».

Поражения «белых» армий в европейской России побудили союзников пойти на сворачивание интервенции и помощи антибольшевистским силам. 16 декабря 1919 г. Великобритания, Франция и США решили вывести войска с территории России. Японцы начали частичную эвакуацию, но уходить не собирались, так как развернули на местах активную экономическую деятельность: скупали драгоценные металлы и другие полезные ископаемые, пушнину, лес; взяли под контроль большинство рыболовных промыслов и железных дорог, планируя продолжать их строительство. Сознавая, что интервенция не оправдала возлагавшихся надежд, а расходы на нее привели к росту национального долга, особенно на фоне начавшегося в марте 1920 г. кризиса, кабинет Хара приступил к поиску компромисса с «красными», которые не возражали против примирения. Совнарком РСФСР нотой от 24 февраля 1920 г. соглашался признать за Японией «особые экономические и торговые интересы на Дальнем Востоке» на условиях эвакуации войск, но Москва не контролировала положение на далекой окраине. «Николаевский инцидент» — массовое убийство японцев отрядом «командующего Николаевским фронтом» Я. Тряпицына в Николаевске–на–Амуре — уничтожил перспективы нормализации отношений. В начале апреля японские войска вошли в Хабаровск и Владивосток, в мае оккупировали северный Сахалин «до организации законного правительства и благоприятного разрешения вопроса» о компенсации за «николаевский инцидент».

Выход был найден путем создания буферного государства. Японцы понимали, что удержать силой обширную российскую территорию не удастся, но надеялись контролировать ее с помощью зависимой власти, пользующейся минимальной поддержкой населения. Большевики, стремясь избежать открытой войны, решили создать «буфер, который будет закрывать японскому империализму доступ в глубину Сибири». 6 апреля 1920 г. была провозглашена Дальневосточная республика (ДВР), которую 14 мая признала Советская Россия. Токио согласился иметь с ней дело и 1 июля сообщил о готовящейся эвакуации войск из Забайкалья. 17 июля правительство ДВР обязалось не вводить коммунистический строй и не допускать пребывания на своей территории Красной армии. 25 июля японские войска начали уходить из Забайкалья, завершив эвакуацию к концу октября. Чита стала столицей ДВР, которая 29 октября объявила об объединении всех областей Дальнего Востока России.

26 мая 1921 г. во Владивостоке при поддержке японцев произошел антибольшевистский переворот, приведший к власти Приамурское временное правительство Н. Д. и С. Д. Меркуловых, однако кампания японских и «белых» войск против ДВР в июне–июле 1921 г. окончилась неудачей. 26 сентября в Дайрене начались переговоры между японцами и читинским правительством, которое контролировалось Москвой. 22 декабря «белые» заняли Хабаровск, но 14 февраля 1922 г. были выбиты оттуда войсками ДВР. Токио предложил двусторонний договор на следующих условиях: нейтралитет ДВР в случае войны «между Японией и третьей державой», т. е. РСФСР; демилитаризация Владивостока; «открытые двери» для японских товаров и капитала; закрепление рыболовных и прочих прав, ранее полученных от местных «правительств»; аренда северного Сахалина. Чита настаивала на скорейшей и полной эвакуации войск как главном условии диалога. Переговоры продолжались до 16 апреля 1922 г., не дав результатов.

24 июня 1922 г. новое японское правительство во главе с Като Томосабуро решило до 1 ноября эвакуировать войска из Приморья. 30 июня читинский МИД предложил начать переговоры между РСФСР, ДВР и Японией. Открывшаяся 4 сентября в Чаньчуне конференция с участием объединенной делегации РСФСР и ДВР, с одной стороны, и японской делегации — с другой, безрезультатно завершилась через три недели. 19 октября армия ДВР подошла к Владивостоку и предложила японцам эвакуироваться во избежание «инцидентов». 25 октября японские войска покинули территорию России, кроме северного Сахалина. В тот же день Владивосток был занят «красными». 13 ноября на всем Дальнем Востоке

была объявлена советская власть, и 15 ноября ДВР официально вошла в состав РСФСР.

Парижская мирная конференция оставила ряд проблем нерешенными, а ее последствия породили новые споры и конфликты. 11 августа 1921 г. президент США У. Гардинг обратился к Великобритании, Франции, Италии и Японии с предложением созвать международную конференцию по вопросу ограничения морских вооружений и для обсуждения положения на Тихом океане и в Восточной Азии. 4 октября он пригласил на конференцию Китай, Нидерланды, Бельгию и Португалию, поскольку три последних страны имели колонии или экономические интересы в регионе. Прежде чем дать ответ Япония запросила повестку дня (остальные страны приняли предложение без оговорок) и после отказа США заранее предоставить информацию ответила согласием. Вопреки официальным заявлениям было ясно, что Вашингтон и «Лондон плюс доминионы» пытаются ограничить японскую экспансию.

Конференция открылась 12 ноября 1921 г. в Вашингтоне. Результатом стал подписанный 6 февраля 1922 г. договор об ограничении тоннажа военных флотов в соотношении 5:5:3:1,75:1,75 для США, Великобритании, Японии, Франции и Италии. Японские националисты сочли это несправедливым — почему у нас меньше чем у других?! — но на деле договор ставил Японию в равное, если не преимущественное положение. Сфера действий ее флота ограничивалась одним океаном, а не двумя (США) или тремя (Великобритания), а установленный лимит тоннажа позволял увеличить силы. Договор предусматривал, что США не будут укреплять Филиппины, Гуам и Алеутские острова; Великобритания — Гонконг и острова к востоку от 110° восточной долготы; Япония — острова Формоза (Тайвань), Пескадорские (Пэнхуледао), Курильские, Рюкю, Бонин (Огасавара) и Амами–Осима. 13 декабря 1921 г. США, Великобритания, Япония и Франция отдельно подписали договор о своих островных владениях на Тихом океане, обязуясь уважать права и владения друг друга, решать все вопросы на конференции и консультироваться в случае наступательных действий других держав. Он формально отменил англо–японское союзное соглашение 1911 г., срок действия которого истекал 13 июля 1921 г., и положил конец союзу Лондона и Токио. Это было сделано под давлением США.

Вторым ключевым вопросом стало положение в Китае. Его представляла делегация «северного» правительства, которое с 1920 г. контролировала чжилийская клика У Пэйфу и Цао Куня. При поддержке США и Великобритании она проводила антияпонскую и антисоветскую

политику, но была вынуждена учитывать интересы хозяина Маньчжурии «старого маршала» Чжан Цзолиня, возглавлявшего фэнтяньскую клику и ориентировавшегося на Токио.

Япония добивалась подтверждения полученных в Париже прав, поскольку Китай не подписал мирный договор, но была вынуждена уступить давлению США и Великобритании. 4 февраля 1922 г. она заключила с Китаем соглашение о передаче ему бывших германских прав и привилегий в Шаньдуне; соглашение 29 марта определило порядок эвакуации войск с полуострова. Урегулирование проблемы открыло путь к договору девяти держав от 6 февраля, который закрепил суверенитет, независимость, территориальную и административную неприкосновенность Китая и действие в нем принципов «открытых дверей» и «равных возможностей». Требования Китая об отмене экстерриториальности иностранцев и о тарифной автономии не были удовлетворены. Договор свел на нет японо–американское «соглашение Лансинг–Исии» от 2 ноября 1917 г. о признании «специальных интересов» Японии в Китае, аннулированное 14 апреля 1923 г. Пекинское Национальное собрание 10 марта 1923 г. аннулировало неравноправные договоры 1915 г. с Японией.

К. Хаусхофер считал, что Вашингтонская конференция была для Японии тем же, чем Версальская для Германии. Вполне согласиться с этим трудно, но оформившийся на них мировой порядок — Версальско–Вашингтонская система — создавал предпосылки нового конфликта уже на двух океанах.

Стремление Японии к господству в регионе. Ситуация в Китае

По итогам войны Япония не только добилась признания в качестве Великой державы, но стала «центром силы» Восточной Азии. Раздираемый борьбой локальных режимов и клик, Китай, несмотря на Вашингтонский договор, превратился в объект политики Держав, которые, формально признавая пекинское правительство «центральным», имели дело с хозяевами положения на местах. Война вытеснила из Китая германский и российский капитал и сократила присутствие британского и французского, чье место поспешил занять японский капитал. Советская Россия сохранила владения Российской империи в регионе, но не была признана соседями де–юре. Воздерживаясь по недостатку сил от прямой экспансии, она не прекращала революционную и антиколониальную пропаганду, стремясь

максимально ослабить «капиталистическое окружение».

Главным орудием коминтерновской политики в Восточной Азии служила созданная 1 июля 1921 г. Коммунистическая партия Китая (КПК), «кузницей кадров» — Коммунистический университет трудящихся Востока в Москве. Мощным, но неуправляемым союзником была ведущая сила китайского националистического движения — партия Гоминьдан и контролируемое ей «южное» (кантонское) правительство. Лидер Гоминьдана Сунь Ятсен с 1920 г. контактировал с советскими представителями, позиционируя себя как самого перспективного партнера для переговоров по всему спектру двусторонних отношений, особенно после того как в апреле 1921 г. собрал в Гуанчжоу старый парламент и добился своего избрания президентом Китайской республики, что не было признано другими режимами и иностранными державами. В соответствии с коминтерновской тактикой «единого фронта» КПК наладила сотрудничество с левым крылом Гоминьдана, призывала коммунистов вступать в его ряды, участвовать в жизни партии и проникать в руководство с целью добиться ее «реорганизации». Совместное заявление Сунь Ятсена и полпреда в Пекине А. А. Иоффе 26 января 1923 г. в Шанхае продемонстрировало советскую поддержку кантонскому правительству, однако последнее осталось региональным режимом и не могло участвовать в решении практических проблем вроде судьбы КВЖД.

Эти вопросы представителям РСФСР и ДВР, затем СССР приходилось обсуждать с «северным» правительством, сопротивлявшимся проникновению «красных» на подконтрольную территорию. После напряженных переговоров 31 мая 1924 г. в Пекине был заключен пакет соглашений, урегулировавших советско–китайские отношения. Стремившийся расширить сферу своего влияния Чжан Цзолинь конфликтовал с чжилийцами, поэтому 10 мая 1922 г. президент Сюй Шичан лишил его всех должностей. На Маньчжурию власть Пекина не распространялась, и 14 мая «старый маршал» в ответ провозгласил автономию Трех восточных провинций (Фэнтянь, Гирин, Хэйлунцзян). Заявив, что провинции «не могут быть признаны частью Китайской Республики», Чжан Цзолинь подтвердил верность прежним международным договорам империи и республики с оговоркой, что отныне «любой договор, касающийся Маньчжурии, может быть заключен Пекинским правительством с одобрения маршала». «Центральному» правительству пришлось согласиться, и 20 сентября 1924 г. в Мукдене было подписано отдельное «Соглашение о КВЖД, судоходстве, передемаркации границы, тарифном и торговом соглашениях». 15 марта 1925 г. Пекинское

правительство ратифицировало его как «приложение» к соглашению от 31 мая.

С 1921 г. под советским контролем находились независимые от Китая с 1912 г. Внутренняя Монголия и Урянхайский край, где было провозглашено создание Монгольской народной республики (9 июля 1924 г.) и Танну–Тувы (14 августа 1921 г.; с 1926 г. Тувинская народная республика). Изолированные от контактов с другими странами, они развивались по советскому сценарию «перехода от феодализма к социализму»: искоренение частной торговли и кустарных промыслов, ликвидация «эксплуататорских классов» и духовенства, борьба с религией, коллективизация, индустриализация — что сопровождалось периодической критикой «перегибов» и репрессиями против «врагов народа». В обеих странах установилась фактическая диктатура: в МНР с 1936 г. Хорлогийна Чойбалсана (министр внутренних дел, председатель Совета министров, главнокомандующий Народно–революционной армией), в ТНР с 1932 г. Салчака Токи (генеральный секретарь ЦК Тувинской народно–революционной партии).

Стремление к господству в Восточной Азии оставалось целью внешней политики Японии вне зависимости от того, какое правительство находилось у власти. Период 1918-1932 гг., когда формирование кабинета неоднократно — но не всегда — поручалось главе парламентского большинства, называют «демократией Тайсе», хотя официально эпоха Тайсе закончилась 25 декабря 1926 г. со смертью императора и вступлением на трон его двадцатипятилетнего сына Хирохито, ставшего императором Сева. Желая смягчить внутриполитическую напряженность, первый партийный кабинет Хара призвал предпринимателей к уступкам при решении трудовых конфликтов, ослабил контроль за легальными формами политической деятельности в стране и смягчил режим управления колониями.

Маршал Х. Чойбалсан, посол СССР в МНР И. А. Иванов, дивизионный командир М. С. Никишев. Халхин–Гол, 1939 г. РГАКФД

С 1919 по 1936 г. генерал–губернаторами Тайваня назначались гражданские лица; в Корее высшая власть оставалась в руках военных, хотя начиная с 1919 г. права гражданских чиновников были существенно расширены. Хара был сторонником постепенной интеграции Тайваня и Кореи в метрополию и ассимиляции их населения (по аналогии с островами Рюкю), что предполагало ускорение экономического и промышленного развития, снятие ограничений на получение образования местным населением при условии необходимого уровня знания японского языка, расширение прав местных властей и самоуправления, а в будущем — распространение на колонии законодательства метрополии вплоть до представительства в парламенте (это право они получили только в апреле

1945 г. и не успели им воспользоваться). Власти усилили пропаганду ассимиляции, в том числе через получение образования в колониях (императорские университеты основаны в 1925 г. в Сеуле и в 1928 г. в Тайбэе) и в самой Японии, представляя это как перспективный «социальный лифт». С 1910 по 1937 г. общее число учащихся в корейских школах выросло в 11 раз (со 110 тыс. до 1211 тыс.), а в государственных начальных школах в 45 раз (с 20 тыс. до 901 тыс. человек).

Политику Хара, павшего от руки правого радикала, продолжали «финансовый гений» Такахаси Корекиё и адмирал Като Томосабуро. Через несколько дней после смерти Като и до назначения его преемника, 1 сентября 1923 г. Японию постигло стихийное бедствие: Великое землетрясение Канто в районе Токио–Иокогама унесло жизни более 150 тыс. человек и причинило ущерб на 5 млрд иен. Следующие бюрократические кабинеты Ямамото Гомбэй и Киёура Кэйго оказались неэффективными и недолговечными. Выборы 10 мая 1924 г. принесли победу оппозиции, а кресло премьера — экс–министру иностранных дел Като Такааки, который считался либералом, хотя испортил репутацию как автор «21 требования», предъявленного в 1915 г. Китаю. При нем были приняты законы о всеобщем избирательном праве для мужчин (март 1925 г.) и об охране общественной безопасности (апрель 1925 г.). Первый отменил имущественный ценз, но сохранил возрастной ценз и ценз оседлости и не дал избирательные права военнослужащим, чиновникам ряда ведомств, студентам и лицам, содержащимся за счет благотворительности, т. е. не допустил до участия в выборах политически неблагонадежные и социально нестабильные категории, и препятствовал вовлечению армии, полиции и государственных служащих в политику. Второй закон показал решимость противостоять левому радикализму и коммунистической пропаганде, предусматривая суровое наказание не только за создание организаций «с целью изменить государственный строй или уничтожить систему частной собственности» и членство в них, но даже за умысел на это. Созданная в 1922 г. Коммунистическая партия Японии выдвинула лозунг свержения монархии, что сразу ставило ее вне закона; не имея поддержки внутри страны, она была орудием Коминтерна, который определял и финансировал ее деятельность.

Внешняя политика кабинетов Като и его преемника Вакацуки Рэйдзиро, за которую отвечал глава МИД Сидэхара Кидзюро, определялась стремлением демонстрировать приверженность либеральным принципам. 20 января 1925 г. Япония официально признала СССР и заключила с ним Конвенцию об основных принципах взаимоотношений. Выражая интересы

«старых концернов», которых китайские рынки и позиция Держав интересовали больше, чем китайские территории, кабинеты предпочитали экономическую, а не военную экспансию. Оппозиционная партия Сэйюкай и армейские круги требовали проводить активную «континентальную политику» военными и экономическими средствами. Стремление Японии к господству в регионе ограничивалось ее экономическим потенциалом, сильный удар по которому нанес финансовый кризис марта–апреля 1927 г., когда многие банки прекратили операции из–за паники на рынке, а ссудная политика поставила на грань банкротства полугосударственный Тайваньский банк.

Кризис привел к смене власти. 19 апреля 1927 г. правительство возглавил лидер Сэйюкай, бывший военный министр Танака Тиити, с которым связывались надежды на реформы и «активную» политику. «Шоковая терапия» (мораторий на отсрочку платежей, принудительное слияние мелких банков, рационализация производства) в сочетании с «вбросом» бюджетных средств в Японский банк и увеличением выпуска кредитных билетов прекратили панику и временно оживили экономику, хотя ударили по малому и среднему бизнесу. Оппозиция требовала экономии, прекращения инфляции, повышения курса иены и восстановления золотого стандарта путем снятия запрета на вывоз золота. Всеобщие выборы 20 февраля 1928 г., впервые проводившиеся по новому избирательному закону, закончились «патовой» ситуацией: правительство осталось у власти за счет всего нескольких мандатов. Стремясь продемонстрировать решительность, оно провело масштабные репрессии против левых, разгромив коммунистическое движение.

Наибольший резонанс вызвала внешняя политика кабинета Танака, в котором премьер занимал посты главы МИД и министра колоний. Главным направлением «дипломатии Танака», которую противопоставляли «дипломатии Сидэхара», стало расширение экспансии в Китае. Сидэхара полагал, что интересы Японии на континенте ограничиваются тем, что уже принадлежит ей. Танака рассматривал Маньчжурию и Внутреннюю Монголию как обособленный от «собственно Китая» регион, который должен находиться под контролем Японии.

Китай продолжал оставаться ареной междоусобной борьбы. В январе 1924 г. Гоминьдан и КПК при участии Коминтерна образовали «единый фронт» против местных «милитаристов» и иностранных «империалистов» с опорой на Национально–революционную армию (НРА), для подготовки офицеров которой при помощи СССР была создана академия Вампу. При этом Сунь Ятсен и военный руководитель Гоминьдана Чан Кайши не

порывали связей с Японией, рассчитывая использовать ее против внутренних противников и Великобритании. В октябре 1924 г. Гоминьдан разгромил пробританскую кантонскую группировку («бумажные тигры») и начал готовить поход против пекинского режима, который тогда возглавлял лидер чжилийских милитаристов Цао Кунь. Против него выступили Чжан Цзолинь, не прекращавший борьбу с чжилийцами и готовый помогать врагам своих врагов, и военный правитель провинции Шэньси Фэн Юйсян, сотрудничавший с СССР. Заняв Пекин и свергнув Цао Куня, 24 ноября 1924 г. они поставили во главе правительства экс–премьера Дуань Цижуя из аньхойской клики, выбранного в качестве компромиссной фигуры. Прибывший в Пекин Сунь Ятсен вступил в переговоры с ним, рассчитывая добиться созыва Национального собрания, но 12 марта 1925 г. умер. Режим не устоял, когда против него объединились У Пэйфу и Чжан Цзолинь. Расстрел демонстрации в Пекине 18 марта 1926 г. стал поводом для отрешения от власти уже ненужного милитаристам Дуань Цижуя. 20 апреля войска чжилийско–фэнтяньской коалиции заняли столицу.

Идея Северного похода против «милитаристов» получила поддержку профсоюзов, студенчества, КПК и эмиссаров Коминтерна (рассматривался вопрос о принятии Гоминьдана в его ряды). Начальный этап национальной революции был отмечен «движением 30 мая» 1926 г. — выступлением шанхайских студентов против подавления забастовок на японских фабриках в Циндао. Полиция британского сеттльмента открыла огонь по демонстрантам, и 1-2 июня в Шанхае начались всеобщая забастовка и волна митингов, призывавших к бойкоту британских и японских товаров. На рейде появились иностранные военные корабли, над городом нависла угроза интервенции. Чжан Цзолинь и Фэн Юйсян осудили действия «империалистов» и перешли от слов к делу. 13 июня 2 тыс. солдат под командованием Чжан Сюэляна, сына и наследника «старого маршала», заняли Шанхай под предлогом его защиты от иностранцев, но, не желая обострять конфликт с Великобританией, приступили к «наведению порядка» путем репрессий против профсоюзов и студенчества. «Движение 30 мая» усилило антииностранные настроения и радикализировало левые круги, убедившиеся в ненадежности союза с милитаристами.

Все это беспокоило Чан Кайши, стремившегося к единоличной власти и видевшего себя главой объединенного Китая. 20 марта 1926 г. он обвинил коммунистов в подготовке мятежа и изгнал их из академии Вампу и НРА. Одновременно он постарался ослабить левое крыло Гоминьдана: его лидеру Ван Цзинвэю, доверенному лицу Сунь Ятсена, пришлось бежать из Гуанчжоу. Однако для реализации далеко идущих планов требовалась

советская помощь. 15 мая Гоминьдан и КПК заключили новое соглашение. 1 июля появился манифест о начале Северного похода, в котором Чан Кайши принял на себя высшую военную и политическую власть. В провинциях Хунань и Хубэй НРА нанесла серьезное поражение чжилийской клике У Пэйфу, заняла Ханькоу (7 сентября) и Учан (10 октября), затем отвоевала Наньчан и Цзюцзян в провинции Цзянси (конец ноября) у Сунь Чуаньфана (этот генерал, отколовшись от чжилийской клики, выступал как самостоятельная сила и подавил организованное коммунистами 24 октября восстание в Шанхае). К концу года силы Гоминьдана и НРА контролировали семь провинций. На севере их сторону принял Фэн Юйсян, объявивший свои войска северной группой НРА и призвавший бойцов вступать в Гоминьдан. Чжан Цзолинь до времени оставался в стороне от борьбы, но решил воспользовался ей для расширения сферы своего влияния. Под предлогом «борьбы с большевизмом» он начал сотрудничать с США и Великобританией и принимать их помощь, что означало отход от прояпонской ориентации. Почти при всех китайских армиях и режимах имелись иностранные, в том числе японские, военные советники.

1 января 1927 г. столица «южного» правительства была перенесена в Ухань. Инциденты с английскими полицейскими в Ухани и Цзюцзяне 3 и 6 января привели к взрыву недовольства и ликвидации английских концессий в этих городах; Лондон ограничился формальным протестом. Второе восстание в Шанхае в феврале было подавлено, но третье, начавшееся всеобщей забастовкой 21 марта, свергло власть Сунь Чуаньфана. 22 марта в город вступили войска НРА. 24 марта они заняли Нанкин, который подвергся обстрелу с американских и британских кораблей. Тем временем пленум Гоминьдана в Ухани 10-17 марта попытался ограничить власть Чан Кайши и реформировал правительство, предложив два портфеля коммунистам. Москва считала, что лидер националистов станет сговорчивее, если сделать ему некоторые уступки, но 12 апреля в Шанхае Чан Кайши произвел антикоммунистический переворот и начал «белый террор». 16 апреля он объявил о создании «национального правительства» в Нанкине, которому намеревался подчинить всю страну. Уханьское правительство во главе с Ван Цзинвэем и Сунь Кэ исключило его из партии, в чем было поддержано профсоюзами и коммунистами во главе с Лю Шаоцы и Мао Цзэдуном.

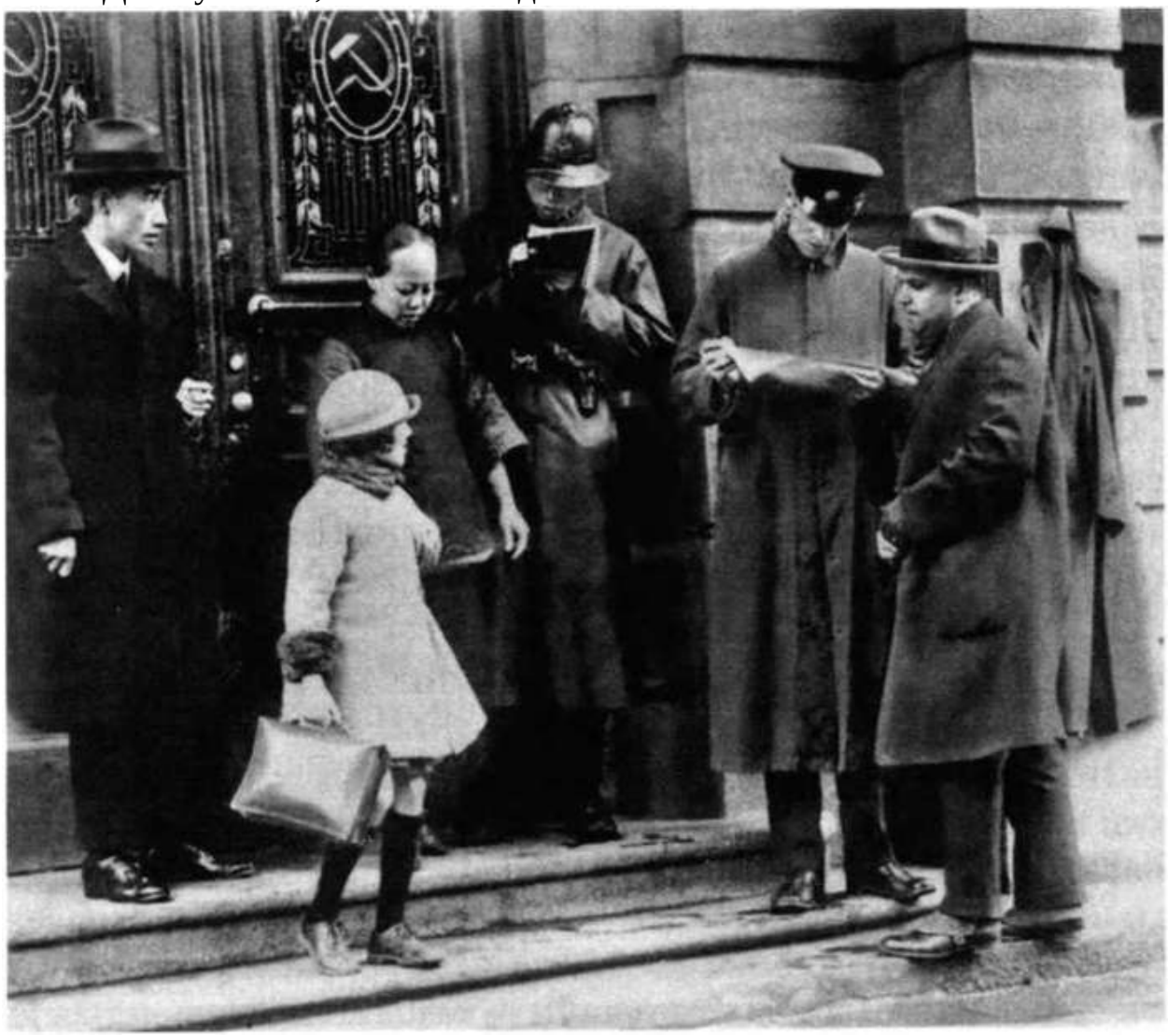
На обоих флангах Гоминьдана имелись сторонники воссоединения, поскольку в расколотом виде партия не могла претендовать даже на частичное объединение страны. Ван Цзинвэй и его группа порвали с

коммунистами и 15 июля начали репрессии против «красных», профсоюзных активистов и крестьянских «отрядов самообороны». В августе было подавлено восстание в Наньчане, в декабре в Кантоне. Поражение КПК и Коминтерна стало очевидным. 16 сентября правительства официально объединились. После переворота 12 апреля Чан Кайши направил эмиссаров в Токио, где ему дали понять, что Япония может поддержать объединение Китая под его эгидой. Однако когда НРА начала продвижение к Шаньдуну, Танака 27 мая решил направить туда войска для «предотвращения неблагоприятных инцидентов» и «защиты жизни и имущества» японских подданных. 6 июля они были переброшены из Циндао в Цзинань, а контингент в Циндао усилен.

Потерпев ряд военных и политических поражений, Чан Кайши в сентябре 1927 г. объявил о своей отставке и, рассчитывая на скорое возвращение к власти, отправился в Токио для переговоров с Танака. Премьер подтвердил, что готов помогать ему на основе борьбы с коммунистами и признания «специальных прав» Японии в Маньчжурии и Монголии, но соглашение достигнуто не было. В ноябре Чан Кайши, добившись поддержки США и Великобритании, снова объявил себя действующим главой НРА и в начале января 1928 г. сформировал «национальное» правительство, противопоставив его пекинскому, которое с 18 июня 1927 г. возглавлял Чжан Цзолинь, объявивший себя верховным главнокомандующим. 15 декабря 1927 г. гоминьдановский режим разорвал дипломатические отношения с СССР и ликвидировал на своей территории все советские учреждения. 10 апреля 1928 г. он возобновил Северный поход «против милитаристов и коммунистов». Видя в этом прямую угрозу, японское правительство отправило дополнительные войска в Циндао, которые заняли Цзинань. 1 мая в город вступила НРА, что привело к вооруженному столкновению и предъявлению японцами ультиматума. Стремясь завершить «решительный бой Нанкина с Пекином», Чан Кайши уступил и согласился на дипломатическое урегулирование. Чжан Цзолинь призвал его к объединению сил против Японии, однако тот отказался. 2 июня «старый маршал» объявил об отводе войск в Маньчжурию и днем позже покинул столицу. Утром 4 июня он погиб в результате взрыва поезда, который был организован группой офицеров Квантунской армии; огласка этого факта через год привела к отставке Танака (1 июля 1929). Северный поход закончился, когда 5 июня войска НРА вошли в Пекин (вскоре переименованный в Бэйпин), но остановились у границ Маньчжурии.

5 августа 1928 г. Лига Наций признала нанкинское правительство в качестве единственного национального, но его первым

внешнеполитическим успехом стал заключенный 25 июля договор с США о признании тарифной автономии Китая. До конца года ее признали почти все европейские страны, имевшие с ним отношения. Япония согласилась на это позже других и только 3 июня 1929 г. признала национальное правительство. Нанкин не смог добиться отмены права экстерриториальности: от него не отказались Великобритания, США, Франция и Япония — но иностранные державы вернули Китаю больше половины остававшихся у них концессий (20 из 33). Национальное правительство установило дипломатические отношения с Польшей, Грецией и Чехословакией и заключило с ними договоры на основе равенства и взаимной выгоды. Весной 1931 г. оно собиралось потребовать от Японии возвращения всех арендованных территорий, концессий и специальных прав в Маньчжурии, включая Дальний, Порт–Артур и ЮМЖД. Разумеется, Токио никогда не пошел бы на это.



Английская полиция просматривает документы посетителей советского консульства в Шанхае. 1920-е — 1930-е годы. РГАКФД

Несмотря на внутриполитические и внешнеполитические успехи, нанкинское правительство объединило лишь часть того, что обозначалось словом «Китай» на географических картах. Локальные режимы, не признанные Державами, продолжали де–факто контролировать отдельные провинции. Одни формально признавали власть «центра» в обмен на невмешательство в их дела, другие открыто не подчинялись. К первым принадлежал Чжан Сюэлян, 8 июня 1928 г. поздравивший Чан Кайши с вступлением в Пекин. «Молодой маршал» был введен в состав правительства и назначен заместителем главнокомандующего и командующим Северо–восточной армией. Унаследовав от отца полноту власти в Маньчжурии, он с согласия Нанкина продолжал антияпонскую и антисоветскую политику. 10 июля 1929 г. его полиция захватила телеграф КВЖД и советские учреждения. 17 июля СССР объявил об отзыве представителей с территории Китая, включая КВЖД, которая перешла под контроль местных властей. Москва хотела решить конфликт миром, но усилия дипломатов не помогли. 17 ноября Особая дальневосточная армия под командованием В. К. Блюхера вступила на территорию Маньчжурии и через два дня получила предложение о переговорах. 22 декабря в Хабаровске было заключено соглашение о восстановлении на КВЖД статус–кво; три дня спустя советские войска были эвакуированы.

Напряженными оставались отношения между Чан Кайши и Ван Цзинвэем, имевшим политическую базу в Гуанчжоу и участвовавшим в создании там альтернативного «национального» правительства в конце мая 1931 г. Только в январе 1932 г., перед лицом японской агрессии, лидеры договорились о «разделении труда»: первый взял на себя руководство военными делами, второй — гражданскими. Противниками нанкинского режима были Фэн Юйсян и Янь Сишань, пытавшиеся создать правительство в Пекине. С 1928 г. в провинциях к югу от Янцзы под руководством КПК и военных советников из СССР формировались части китайской Красной армии и создавались «советские районы». С ноября 1930 до сентября 1931 г. Чан Кайши предпринял против них три карательных похода, но заметных успехов не добился.

Меморандум Гото

Анализ «дипломатии Танака» обычно сводится к политике в

Китае, хотя он также пытался добиться взаимопонимания с СССР по китайскому вопросу и расширить экономические связи. Для этого в Москву были отправлены неофициальные, но одобренные кабинетом миссии во главе с промышленником Кухара Фусаносукэ (ноябрь–декабрь 1927 г.) и Гото Симпэй (декабрь 1927-январь 1928 г.), принятые высшими советскими руководителями, включая И. В. Сталина. В подготовленном Гото меморандуме говорилось:

«Так как хаотическое положение в Китае все более увеличивается, если оставить его таким, как оно есть, этим будет вызвана громадная опасность для Восточной Азии и тем самым для всего мира, так что трудно предвидеть, какие большие события в результате произойдут. Две соседствующие страны — Япония и СССР будут вовлечены в эти события. Само собой понятно, что единственным, наилучшим путем для сохранения длительного мира в Восточной Азии является достижение совместного соглашения между Японией, СССР и Китаем.

Так как в Китае при настоящих условиях неурядицы отсутствует политический центр, следует опасаться, что трудно будет найти ответственного партнера для переговоров. Все же так как, принимая во внимание все повторяющиеся нагромождения горестных событий в Китае, положение в Китае становится настолько серьезным, что дальнейшее промедление недопустимо, и так как участие самого Китая, несмотря на наши лучшие желания и стремления, кажется невозможным, — ничего другого не остается, как чтобы обе страны — Япония и СССР — впредь до изменения обстановки путем совместных шагов овладели бы положением и определили бы основные линии стабилизации мира в Восточной Азии.

Это лежит в интересах самого Китая и, несомненно, способствовало бы пробуждению самосознания китайского народа, и тем самым был бы найден кратчайший путь к тому, чтобы побудить Китай к участию в нашем деле. Одновременно это послужило бы уяснению Китаем позиции Вашего Правительства в отношении коммунистического движения в Китае в том смысле, что само Советское Правительство вовсе не участвовало в коммунистических беспорядках и что оно не имеет никакого желания в дальнейшем принимать в них участие…

Важно, что каждое из государств стремится, отказываясь от

эгоистических планов, готовое к жертвам, способствовать стабилизации международного мира, устранять причины бедствия и совместно обсуждать и проводить в жизнь соответствующие мероприятия» (перевод НКИД СССР).

Предложения Гото о политическом сотрудничестве и его концессионные планы не заинтересовали советское руководство. Единственным практическим итогом визита стало заключение 23 января 1928 г. рыболовной конвенции. 27 августа 1928 г. Япония присоединилась к Антивоенному пакту («пакт Бриана — Келлога»).

Преемником Танака на посту главы правительства стал лидер партии Минсэйто Хамагути Осати; Сидэхара снова возглавил МИД. Курс нового кабинета предполагал экономию государственных средств, дефляцию и урегулирование национальной задолженности, отмену эмбарго на вывоз золота и восстановление золотого стандарта. Однако утечка золотой монеты существенно превысила ожидаемую, что привело к падению цен и прибылей, массовым увольнениям, социальной нестабильности и росту числа конфликтов в городе и деревне. Японская экономика не справилась с последствиями Великой депрессии, из–за которой резко упали и экспорт, и импорт.

Падение цен на сельскохозяйственную продукцию ударило по японским колониям. В Корее резко выросла арендная плата за землю, а рост безработицы в городах лишал крестьян побочного заработка, что привело к росту конфликтов, порой принимавших политическую окраску. В 1932 г. генерал–губернаторство начало «кампанию по оздоровлению сельского хозяйства» для помощи арендаторам в виде низкопроцентных займов на приобретение земли в собственность, налоговых льгот и обучения современным методам земледелия. До 1940 г. этим воспользовались около 500 тыс. семей: экономическое положение улучшилось у 21% участников программы и только у 1% ухудшилось. Желая предотвратить конфликты, местные власти нередко поддерживали арендаторов в спорах с землевладельцами. Проводившееся параллельно с этим повышение налогов на землю вызвало недовольство собственников: многие продавали свои владения и вкладывали деньги в другие отрасли экономики.

На Тайване экономические конфликты не перерастали в политические из–за отсутствия радикального национализма и неорганизованности трудящихся, а также успешной борьбы с коммунистической и

антияпонской пропагандой. Основное беспокойство властям причиняли восстания аборигенов, из которых наиболее известен «инцидент в Ушэ» в октябре 1930 г. — кровопролитный конфликт между племенем атайял и полицией в провинции Тайтю.

В ходе советско–китайского конфликта 1929 г. на КВЖД Япония, в отличие от США, Великобритании и Франции, заняла позицию благожелательного нейтралитета в отношении СССР. В 1930 г. кабинет Хамагути добился одобрения Лондонского соглашения по ограничению морских вооружений, но это стоило жизни премьеру, который был тяжело ранен радикалом–националистом и не смог вернуться к работе. 14 апреля 1931 г. Вакацуки сформировал правительство, в котором сразу начались разногласия. По требованию министра финансов Такахаси оно отказалось от золотого стандарта, ввело эмбарго на вывоз золота и вернулось к политике инфляции. Военный министр Араки Садао требовал увеличения военного бюджета и расширения экспансии в Маньчжурии и Монголии, которые открыто называли «жизненно важной линией» Японии. Появились слухи, что в Маньчжурии «что–то затевается». Общественное мнение, разогретое усилиями националистических кругов, поддерживало экспансию, видя в ней возможный выход из постигших страну трудностей.

От «маньчжурского инцидента» к японо–китайской войне

«Маньчжурский инцидент», как в историографии называют оккупацию Маньчжурии Квантунской армией, начался в ночь с 18 на 19 сентября 1931 г. взрывом у полотна линии ЮМЖД в Лютяогоу, к северу от Мукдена. Была ли это провокация или случайность, но ответная реакция оказалась молниеносной: утром 19 сентября Мукден был занят Квантунской армией, к середине дня она контролировала всю полосу отчуждения ЮМЖД, а к 21 сентября оккупировала Чанчунь, Аньдун, Инкоу и Гирин (Цзилин). Действия проводились по заранее подготовленному и отработанному плану, авторами которого были офицеры штаба Квантунской армии подполковник Исивара Кандзи и полковник Итагаки Сэйсиро. Они не имели санкции императора, кабинета и военного министра — которые в принципе не исключали силовое решение «маньчжурской проблемы» — и поставили перед фактом собственное начальство. Командующему Квантунской армией генералу Хондзё Сигэру осталось сказать: «Что должно было случиться, то и случилось». Военный министр Минами Дзиро заявил, что «отступление не в традициях японских

воинов», хотя в Токио оперативной информацией с мест не располагали ни МИД, ни военное министерство и генеральный штаб.

Китайское правительство заявило протест Японии и 21 сентября обратилось в Лигу Наций. Конфликт сразу попал в повестку дня Совета Лиги и ее Ассамблеи. Нанкин развернул пропагандистскую кампанию, сделав ставку на «пассивное сопротивление», помощь Держав и мировое общественное мнение, чтобы выиграть время для подготовки к войне. На его стороне выступил госсекретарь США Г. Стимсон, который 22 сентября заявил японскому послу, что маньчжурская проблема касается не только Японии и Китая. 24 сентября Токио ответил, что не имеет к Китаю территориальных претензий и выведет войска в пределы прежней дислокации. Однако практически все слои японского общества одобряли действия армии как «патриотические» и осуждали «нерешительность» правительства.

Настаивая, что конфликт в Маньчжурии — двусторонняя проблема, Япония отвергла резолюцию Совета Лиги Наций с предложением вывести войска и приступить к переговорам с Китаем при участии нейтральных стран, принятую 24 октября всеми голосами против одного (Япония). Не входившие в Лигу Наций США поддержали ее курс. Продолжая наступать, японские войска 19 ноября заняли Цицикар, 3 января 1932 г. Цзинчжоу — последний опорный пункт Чжан Сюэляна, 6 февраля Харбин. Ответом стала «доктрина Стимсона»: 7 января в ноте правительствам Японии и Китая США заявили о непризнании «любой ситуации, договора или соглашения», которые противоречат Пакту Бриана — Келлога, т. е. являются результатом разрешения проблем военными средствами. 11 марта Лига Наций единогласно присоединилась к этой формуле (Япония и Китай в голосовании не участвовали).

Другим региональным конфликтом, получившим международную огласку, стала высадка в конце января 1932 г. японских войск в Шанхае. Поводом стало убийство в городе нескольких японцев, хотя, возможно, это была провокация с целью отвлечь внимание от событий в Маньчжурии. Кровопролитный конфликт был ликвидирован лишь после вмешательства дипломатов и резолюции Ассамблеи Лиги Наций. Последовавшие за этим переговоры завершились 5 мая подписанием перемирия на японских условиях: китайские войска оставили Большой Шанхай, японские были отведены на территорию иностранного сеттльмента. Пойдя на уступки, нанкинское правительство начало подготовку к военным действиям против Японии, но этому мешали нехватка средств, низкий уровень развития промышленности, разногласия в правительстве (Ван Цзинвэй против Чжан

Сюэляна), продолжение военных действий против коммунистов (3 июня начался очередной «поход») и локальных режимов.

Закреплением успеха японской экспансии стало провозглашение 1 марта 1932 г. нового государства Маньчжоу–го со столицей в Чанчуне, переименованном в Синьцзин. 9 марта его верховным правителем был объявлен последний китайский император Пу И. 15 сентября Япония признала Манчьжоу–го и установила с ним дипломатические отношения: вплоть до 1945 г. командующий Квантунской армией по совместительству занимал пост посла. «Независимое» государство полностью контролировалось японскими чиновниками и военными, а состоящий из китайцев Государственный совет лишь утверждал подготовленные ими решения. Главной целью японцев было использование природных ресурсов Маньчжурии в интересах метрополии, однако предпочтение отдавалось не вывозу, а переработке сырья, для чего начались интенсивная индустриализация региона (металлургия, машиностроение, нефтяная и газовая промышленность) и модернизация инфраструктуры (железные и шоссейные дороги, телеграф, телефон). Необходимый капитал обеспечили правительство и «новые концерны», создавшие ряд совместных компаний. В управлении экономикой Манчьжоу–го участвовали «бюрократы–реформаторы», внедрявшие методы государственного регулирования и планирования, не применимые в самой Японии.

Как и в колониях, японцы развернули в Маньчжурии переселенческую политику под лозунгом «служения империи на территориях Азии», привлекая крестьян (прежде всего молодых), которые получали земельные наделы большего размера, чем имели ранее, дома и хозяйственные постройки. Ее целями были модернизация сельского хозяйства, создание базы для долгосрочного господства в регионе, включая дальнейшую экспансию в Северный Китай и Внутреннюю Монголию, частичная «разгрузка» аграрных районов метрополии. Использование систем линцзу (соседская община в городе) и баоцзя (круговая порука в деревне) обеспечивало контроль за местным населением. Для поддержания внутренней и внешней безопасности были созданы армия и полиция Маньчжоу–го под контролем японцев. Идеологическую и пропагандистскую работу вело Общество согласия, бывшее единственной массовой политической организацией. В отличие от СССР, максимально ограничившего внешние сношения МНР и ТНР, Япония добивалась международного признания Маньчжоу–го, но не преуспела в этом.

Еще 10 декабря 1931 г. Совет Лиги Наций постановил отправить на Дальний Восток комиссию для изучения ситуации и выработки

рекомендаций по урегулированию конфликта. В нее вошли представители Великобритании, Франции, Италии и Германии как постоянных членов Совета Лиги и Японии и Китая как конфликтующих сторон. США согласились принять участие в работе, СССР отказался со ссылкой на соблюдение нейтралитета, что было воспринято как нежелание портить отношения с Токио. 30 сентября 1932 г. отчет «комиссии Литтона», известной под этим названием по имени председателя, был вручен представителям сторон и 2 октября официально опубликован. Китай был признан «организованным государством», Маньчжурия — «китайской территорией», Маньчжоу–го — детищем Квантунской армии, а не выражением воли местного населения.

МИД Японии и военное министерство заявили, что отдельные наблюдения и факты верны, но выводы и рекомендации неприемлемы. Опубликованный 19 ноября ответ Токио был составлен в дипломатичных тонах, но утверждал, что комиссия была дезинформирована и проявила поспешность и предвзятость. Аргументы сводились к следующему: 1) Маньчжурия жизненно необходима Японии как сырьевая база, поэтому та более всех заинтересована в мире и стабильности; 2) Япония не претендует на маньчжурские или китайские земли в качестве колоний, но лишь стремится защитить свои законные, закрепленные международными договорами права; 3) последние десятилетия в Маньчжурии и во всем Китае царил хаос; 4) японцы принесут в Маньчжоу–го стабильность и процветание, что будет выгодно всем его торговым партнерам. В ответе от 3 декабря Китай парировал ссылку на «хаос» напоминанием о серии политических убийств в Японии с начала 1931 г. и на попытку военного переворота 15 мая 1932 г., в разгар работы комиссии, закончившуюся убийством премьера Инукаи Цуёси. Другие аргументы Токио были адресованы Державам и Лиге: 1) по принципам и обстоятельствам создания Маньчжоу–го формально мало чем отличалось от Польши, Чехословакии или Югославии; 2) Маньчжоу–го подавалось как надежный барьер против «коммунистической угрозы»; 3) политика Японии сравнивалась с «Manifest Destiny» США; 4) Япония — лучший торговый партнер для Держав, нежели Китай.

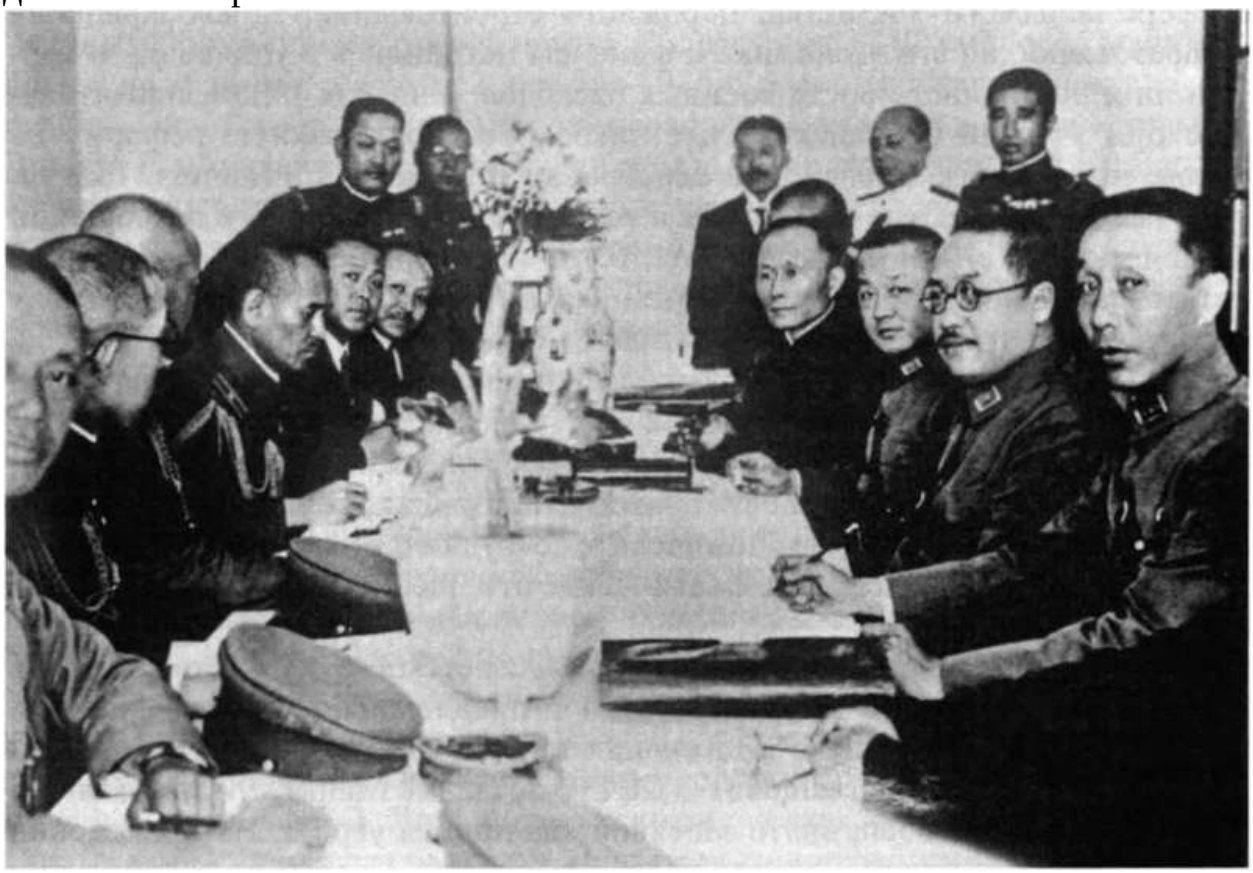
Лига Наций поддержала Китай, но не смогла принять реальные меры для исправления ситуации в его пользу. Когда рассмотрение вопроса на Ассамблее Лиги перешло в финальную стадию, представителем Японии был назначен бывший вице–президент ЮМЖД Мацуока Ёсукэ, выступавший за выход из этой организации. 24 февраля 1933 г. настал «судный день»: Ассамблея признала суверенитет Китая над Маньчжурией и

одобрила отчет «комиссии Литтона» 42 голосами против одного. Мацуока заявил, что попытки его правительства сотрудничать с Лигой исчерпаны, покинул зал заседаний и в тот же день выехал из Женевы. 27 марта были опубликованы императорский эдикт и правительственное сообщение о выходе из Лиги Наций.

Экспансия продолжалась. В начале января 1933 г. японцы захватили Шанхайгуань, что означало перенесение военных действий на территорию «собственно Китая», 25 февраля вторглись в провинцию Жэхэ, 10 марта начали наступать вдоль Великой стены и к середине апреля достигли провинции Чахар. Чан Кайши возложил вину за поражение на Чжан Сюэляна и от правил его в отставку. Делегация «представителей» Жэхэ обратилась к Пу И с просьбой принять провинцию в состав Манчьжоу–го. Группа влиятельных политиков во главе с Ван Цзинвэем призвала к компромиссу, пока наступление японцев не сделало положение безнадежным. 31 мая 1933 г. в Тангу было подписано перемирие, завершившее военные действия на условиях Японии: под ее контролем оказалась «демилитаризованная зона» площадью в 13 тыс. кв. км. Великая стена фактически стала границей между Китаем и Японией. Лондон и Вашингтон заявили о непризнании японских захватов, но от вмешательства воздержались.

17 апреля 1934 г. политический мир был взбудоражен заявлением начальника Департамента информации японского МИД Амо Эйдзи о том, что «поддержание мира и порядка в Восточной Азии, естественно, является обязанностью восточноазиатских стран», что Япония готова сотрудничать с Китаем, но если тот «пойдет по пути использования других держав для устранения Японии и нарушения мира в Восточной Азии… Япония не будет молчать». Сказанное было интерпретировано как претензия на монопольное господство в Китае и вызвало протесты. 26 апреля министр иностранных дел Хирота Коки дал объяснения американскому и английскому послам: «1. Япония не только не посягает и не намерена посягать в будущем на независимость Китая и его интересы, но чистосердечно желает сохранения его целостности, единства и процветания. Однако обеспечение целостности, единства и процветания должно быть предоставлено самому Китаю. 2. Япония не намерена посягать на какие–либо интересы других держав в Китае… Япония уважает принцип “открытых дверей” и “равных возможностей” в Китае, а также все прочие действующие ныне в Китае договоры и соглашения. 3. Однако Япония не может сложа руки наблюдать за действиями держав, нарушающими мир и порядок в Восточной Азии, в какой бы форме эти

действия ни проявлялись».



Подписание соглашения о перемирии между представителями Квантунской армии и Китайской армии. Токио, 1933 г. РГАКФД

После перемирия в Тангу Ван Цзинвэй и Чан Кайши 28 июля 1933 г. провозгласили «политику спасения родины», объявив первоочередной задачей уничтожение коммунистов (это поручили «прощенному» Чжан Сюэляну) и борьбу с сепаратизмом: к началу 1934 г. их власть распространялась только на половину из 18 провинций «собственно Китая». Несмотря на разногласия и конфликты, оба лидера избрали курс на компромисс с Японией; 17 мая 1935 г. статус дипломатических представителей был взаимно повышен до ранга посла. Летом 1935 г. нанкинское правительство пошло на уступки при заключении перемирий в провинциях Хэбэй и Чахар, но смогло сорвать учреждение «автономного» режима в пяти провинциях Северного Китая. Японцам пришлось ограничиться «автономными правительствами» Восточного Хэбэя во главе с Инь Жугэном (24 ноября 1935) и Внутренней Монголии во главе с князем Дэ Ваном (22 декабря 1935). В 1936 г. Дэ Ван объявил о создании независимого государства, известного как Мэнцзян, со столицей в Калгане и заключил «союз» с Манчьжоу–го. Оно несколько раз меняло название, но

на протяжении всего существования до 1945 г. оставалось под полным контролем японцев.

Лига Наций поддерживала нанкинский режим и оказывала ему помощь в сфере сельского хозяйства, дорожного строительства, здравоохранения и образования, но его экономика и финансы находились в упадке из–за коррупции и постоянного роста военных расходов. 1 ноября 1935 г. правительство при участии британских советников провело денежную реформу на основе национализации резервов серебра; в тот же день Ван Цзинвэй был тяжело ранен в результате покушения и уехал лечиться в Европу. 6 декабря Чан Кайши сменил его во главе правительства (Исполнительного юаня), укрепил позиции своей группы при реорганизации кабинета и взял под контроль внешнюю политику, в которой наметился отход от компромиссного курса. В течение 1936 г. он, апеллируя к необходимости единства перед внешней угрозой, предотвратил вооруженное выступление «кантонцев», требовавших немедленно объявить войну Японии, провел административные реформы и усилил контроль над провинциями, нанес ряд поражений коммунистам и сепаратистам, расширил экономическое сотрудничество с Лондоном и Берлином и связи с Москвой (дипломатические отношения были восстановлены в декабре 1932 г.).

С начала «Маньчжурского инцидента» советское руководство избрало тактику нейтралитета и 31 декабря 1931 г. предложило Японии заключить пакт о ненападении, однако в правящих кругах Токио не нашлось сторонников политического соглашения с СССР. Создание Маньчжоу–го изменило баланс сил и было воспринято Москвой как прямая угроза. На протяжении 1932 г. двусторонние отношения осложнялись, что завершилось конфиденциальным отказом Токио 13 декабря 1932 г. от заключения пакта. Советская сторона придала гласности историю переговоров и перевела пропагандистскую войну, ранее шедшую по линии партийной печати и Коминтерна, в новую официальную фазу.

Источником напряженности оставалась КВЖД, китайская доля которой официально перешла к Маньчжоу–го, а фактически под японский контроль. На дороге и в полосе отчуждения вспыхивали инциденты, когда местные власти прибегали к насилию и открыто нарушали советские права. Москва считала возможной продажу КВЖД фактическому хозяину территории, по которой она проходит: молва приписывала наркому по иностранным делам М. М. Литвинову грубоватую, но точную формулировку «лучше продать, чем проспать». С 1930 г. СССР вел переговоры с режимом Чжан Сюэляна, прервавшиеся после оккупации

Маньчжурии. Затем в процесс вступили японцы, сопровождавшие зондажи демонстрацией силы. 2 мая 1933 г. Литвинов передал японскому послу предложение продать дорогу Маньчжоу–го, официально обнародованное четыре дня спустя. 23 мая японское правительство решило купить ее и приступить к переговорам, формально выступая в качестве посредника. Переговоры начались 26 июня в Токио и завершились через 21 месяц, в течение которых двусторонние отношения существенно осложнились. Подписанное 23 марта 1935 г. соглашение отразило взаимные уступки сторон. После продажи КВЖД советские граждане выехали в СССР; тысячи их были репрессированы по «харбинскому» Приказу НКВД № 00593 от 20 сентября 1937 г.

Ситуация «борьбы всех со всеми» приводила к неожиданным союзам. В начале 1936 г. Чжан Сюэлян вступил в тайные переговоры с коммунистами, против которых еще недавно возглавлял карательные экспедиции, и уклонился от очередного «похода» гоминьдановцев, который закончился крупным поражением Красной армии. В согласии с КПК «молодой маршал» пошел на крайнюю меру и 12 декабря 1936 г. арестовал Чан Кайши в своем штабе в Сиане, куда тот прибыл с требованием об участии в новом «походе». Лидеру Гоминьдана был предъявлен ультиматум: прекратить гражданскую войну, заключить соглашение с коммунистами о едином антияпонском фронте и начать активную подготовку к войне. Чан Кайши оказался под угрозой физического устранения, которое принесло бы выгоду его противникам — от Ван Цзинвэя до Мао Цзэдуна. 23 декабря он принял ультиматум (но не подписал никаких документов) и через два дня вылетел с Чжан Сюэляном в Нанкин. Бывший хозяин Маньчжурии предстал перед судом, приговорившим его к 10 годам тюрьмы за «измену». Чан Кайши заменил приговор домашним арестом, не оговорив срок. Чжан Сюэлян, которого гоминьдановцы увезли с собой на Тайвань, вышел на свободу только в 1991 г.

Курс на расширение военной, политической и экономической экспансии Японии был закреплен в «Основных принципах национальной политики», принятых 7 августа 1936 г. Они предусматривали: «1. Достижение взаимного благоденствия в Восточной Азии путем искоренения осуществляемой великими державами политики господства и утверждения принципа истинного сосуществования… 2. Осуществление мероприятий по усилению государственной обороны… 3. Ликвидация угрозы с севера, со стороны Советского Союза, путем здорового развития Маньчжоу–го и укрепления японско–маньчжурской обороны; обеспечение

готовности встретить во всеоружии Англию и Америку путем дальнейшего экономического развития… 4. Расширение нашего национального и экономического продвижения на юг, в особенности в район стран Южных морей». Армии предписывалось быть готовой к отражению атаки с севера, а в случае необходимости «нанести первый удар по расположенным на Дальнем Востоке вооруженным силам» СССР. Флоту ставилась задача добиться преимущества над американскими силами на Тихом океане.

Документ отражал компромисс между сторонниками двух вариантов экспансии: северного (континентального), вплоть до войны с СССР, за который ратовала армия, и южного (морского), в сторону колоний европейских стран, который выдвигал флот. Оба были чреваты втягиванием в глобальный конфликт, поэтому стране требовалась умелая дипломатия. В МИД росло число сторонников «активной» политики, но старшее поколение ориентировалось на сотрудничество с Лондоном и Вашингтоном. Внутриполитические меры предусматривали создание «единого общественного мнения» и руководство им через господство националистических идей в образовании, СМИ и культуре, усиление борьбы с инакомыслием, «стабилизацию жизни народа, его физическое укрепление и идейное оздоровление», т. е. милитаризацию воспитания. Япония двигалась в сторону авторитаризма, но о создании однопартийной системы, запрете партий или диктатуре речь не шла.

За пять лет между началом «Маньчжурского инцидента» и принятием «Основных принципов» в стране произошли большие изменения. Военный мятеж 15 мая 1932 г. и убийство премьера Инукаи положили конец эпохе партийных кабинетов. Его преемники адмиралы Сайто Макото и Окада Кэйсукэ возглавляли «правительства национального единства». Рост военных расходов, обеспеченный государственными займами, привел к развитию тяжелой промышленности, прежде всего металлургии и машиностроения, и к перестройке экономики на военный лад. Нефтяная отрасль перешла под контроль государства. Сложившаяся конъюнктура была на руку не только «старым концернам», но и «новым», занятым в военной промышленности и связанных с ней отраслях и активно участвовавшим в модернизации Манчьжоу–го. В аграрном секторе продолжался застой. Мятеж «молодых офицеров» 26-29 февраля 1936 г. в Токио, среди организаторов которого было много выходцев из деревни, показал степень социальной напряженности и напугал власти. Руководители мятежа были казнены, в армии прошла масштабная чистка вплоть до бывшего военного министра Араки, считавшегося идеологом радикальных националистов. Кабинет возглавил министр иностранных дел

Хирота, не связанный с военными и считавшийся мастером компромиссов.

Попыткой выйти из международной изоляции, в которой Япония оказалась после ухода из Лиги Наций, стало заключение с Германией 25 ноября 1936 г. Соглашения против Коммунистического Интернационала (Антикоминтерновский пакт), которое подготовили внешнеполитический советник Гитлера И. фон Риббентроп и военный атташе в Берлине Осима Хироси. Пакт называли «военным союзом агрессоров», но это не более чем «протокол о намерениях» политического и идеологического характера. Риббентроп пытался заинтересовать пактом лидеров других стран, включая Ван Цзинвэя и Чан Кайши, поскольку на отношениях между Берлином и Нанкином заключение соглашения не сказалось.

«Китайский инцидент» и путь к войне на Тихом океане

Ночная перестрелка 7 июля 1937 г. у моста Лугоуцяо (мост Марко Поло) недалеко от Пекина стала началом войны, будущие масштабы которой тогда никто не предвидел. Как и в случае «Маньчжурского инцидента», незначительное событие, причина которого осталась неизвестной, дало японским войскам повод для активных действий. Кабинет принца Коноэ Фумимаро под давлением армии занял жесткую позицию: рассчитывая быстро локализовать конфликт, 11 июля он решил отправить в Северо–Восточный Китай подкрепления и потребовал признать вину за «поступки, враждебные Японии или оскорбляющие ее». Командовавший местными войсками генерал Сун Чжэюань по указанию из Нанкина принес извинения и заключил перемирие, что вызвало недовольство антияпонских кругов. Тем не менее 27 июля Япония предъявила Китаю ультиматум сроком на сутки, требуя передать под ее контроль Пекин, окруженный с трех сторон. По истечении срока войска заняли бывшую столицу, 29 июля Тяньцзинь и 30 июля начали наступление по всему фронту.

Конфликт мог быть решен только победой одной из сторон. Взяв 6 августа Нанькоу, японцы выступили в сторону провинции Чахар и к концу сентября овладели всей Внутренней Монголией. Два с половиной месяца шли бои за Шанхай, который пал 11 ноября. 13 декабря был взят Нанкин; правительство заранее выехало в Ханькоу. События, последовавшие за взятием города, после войны получили известность как «Нанкинская резня»: по утверждениям различных авторов, японские войска уничтожили от 30-40 до 300 тыс. человек мирного населения.

Случаи убийств, насилия и грабежей, бесспорно, имели место, однако в истории событий остается много неясного, а официальная версия на протяжении десятилетий подвергается критике со стороны историков. Они указывают на отсутствие современных (т. е. довоенных) свидетельств, подтверждающих эти цифры, а также дипломатических протестов Китая и поддерживавших его держав, хотя в то время они делались и по куда менее значительным поводам. Чан Кайши обратился к США и Великобритании с просьбой о дипломатическом вмешательстве. 3-24 ноября в Брюсселе проходила конференция по урегулированию дальневосточного конфликта (от участия в ней Япония уклонилась), ограничившаяся «порицанием» обеих стран за нарушение Вашингтонского договора 1922 г.

29 ноября Япония через германского посла в Китае сообщила условия мира: запрет антияпонской деятельности; расширение демилитаризованных зон; автономия Внутренней Монголии; борьба с коммунистами; пересмотр таможенных законов. Чан Кайши отверг ультиматум, но согласился продолжать переговоры при посредничестве Берлина. 20 декабря германскому послу в Токио передали новые условия: отказ от «прокоммунистической и антияпонской» политики; создание нейтральных зон со «специальными органами власти»; экономическое сотрудничество с Японией и Маньчжоуго; уплата контрибуции. Милитаристы настаивали на разрыве контактов с Чан Кайши. 10 января 1938 г. кабинет Коноэ сообщил немцам о прекращении переговоров, но в качестве «последнего шага» предложил передать Чан Кайши окончательные условия, включая признание Маньчжоу–го, формирование трехстороннего экономического блока и размещение японских войск «в определенных районах» Северного и Центрального Китая «для обеспечения безопасности». Неприемлемость условий была очевидна. 13 января Токио официально объявил о прекращении переговоров, 16 января об отказе рассматривать режим Чан Кайши в качестве партнера. К концу октября 1938 г. были заняты Кантон и Ухань; правительство переместилось в Чунцин.

Японские войска вступают в Пекин. На заднем плане: Башня лучников (Цианмен) перед входом в Запретный город. 13 августа 1937 г. Associated Press

Китайские солдаты в 1938 г. Ханкоу. Фото Р. Капы

Японские солдаты роют окопы под Шанхаем. 1937 г. РГАКФД

22 января 1938 г. японский парламент принял закон «О всеобщей мобилизации нации», создавший в стране режим военного времени; 10 февраля аналогичный закон был принят в Маньчжоу–го. Учитывая возможность затяжной войны, власти усилили государственный контроль в экономике, взяли курс на накопление стратегических материалов и продовольствия и на контроль над его источниками за пределами империи, на энергосбережение и импортозамещение. Это обеспечило Японии «запас прочности» при вступлении в войну на Тихом океане, но его было недостаточно для противостояния США и Великобритании.

Милитаризации подверглось и управление колониями. На Тайване она началась в сентябре 1936 г., с назначением генерал–губернатором адмирала в отставке Кобаяси Сэйдзо, который задался целью превратить остров в плацдарм для экспансии на юг. В 1937 г. главной целью политики было объявлено «превращение в императорских подданных» — форсированная японизация путем «духовной мобилизации», включая насаждение

национальной религии Синто, замену китайских имен на японские, изгнание китайского языка из начальных школ и резкое ограничение публикаций на нем. Полученное японское образование после войны помогло многим тайваньцам сделать карьеру, особенно в бизнесе и науке, но усилия по ассимиляции не дали результатов даже при несравненно менее развитой, чем у корейцев, национальной самоидентификации.

В результате увеличения инвестиций в экономику Кореи, более всего в добычу полезных ископаемых, металлургию и химическую промышленность, в 1938 г. там работали 1203 японские компании (в 1929 г. — 484) с персоналом в 231 тыс. человек (46 тыс. человек в 1922 г.); в производстве были заняты 2,1 млн корейцев. Строительство шоссейных и железных дорог, имевших стратегическое значение, велось за счет генерал–губернаторства, бюджет которого оставался дефицитным. Укреплялись позиции местного бизнеса, особенно мелкого и среднего, развивался внутренний рынок. Материальный прогресс, особенно по сравнению с годами Великой депрессии, оставлял меньше почвы для развития антияпонских настроений, хотя с началом войны в Китае режим вновь ужесточился. К концу 1930-х годов модернизация колоний достигла пика.

Жители колоний не подлежали призыву в японскую армию и не допускались в ее ряды, но с 1938 г. могли вступать в нее добровольцами. Несмотря на недоверие к ним со стороны японских чиновников и военных, за период до конца войны на Тихом океане в армии в общей сложности служили не менее 360 тыс. корейцев и 207 тыс. тайваньцев.

Япония добилась военных успехов, но не решила ни одну из стратегических задач: режим Чан Кайши отказался признать себя побежденным и контролировал значительную территорию, а его армия не была разгромлена; Державы признавали его единственным законным правительством Китая и оказывали ему помощь; «автономные» режимы и Манчьжоу–го оставалась непризнанными в мире; коммунисты продолжали вооруженную борьбу. Японцам требовалось в Китае новое правительство, которое не только сотрудничало бы с ними, но могло претендовать на легитимность и признание. 14 декабря 1937 г. в Пекине было сформировано Временное правительство Северного Китая во главе с Ван Кэминем, 28 марта 1938 г. в Нанкине — «правительство реконструкции» во главе с Лян Хунчжи. Оба «режима» имели откровенно марионеточный характер и не пользовались никакой поддержкой на местах.

Принятые 30 ноября 1938 г. «Принципы установления новых отношений между Японией и Китаем» предусматривали создание военного и экономического блока с участием Маньчжоу–го. Для реализации этой

программы требовался сильный и популярный, но прояпонски настроенный китайский лидер. Наиболее перспективной кандидатурой был Ван Цзинвэй, занимавший пост вице–председателя Гоминьдана. 20 декабря он с группой сторонников бежал из Чунцина в Ханой и заявил о разрыве с Чан Кайши, после чего был снят со всех постов, исключен из партии и объявлен изменником. 22 декабря премьер Коноэ повторил условия мира с Китаем. 29 декабря Ван Цзинвэй ответил заявлением «О мире, антикоммунизме и спасении родины»: выразил готовность к сотрудничеству, но призвал Японию отказаться от «традиционной политики пренебрежительного отношения к Китаю» и скорее осуществить полный вывод войск.

Первые прямые контакты Ван Цзинвэя с японскими лидерами состоялись только в июне 1939 г., когда в Токио он вел переговоры с премьер–министром Хиранума Киитиро и председателем Тайного совета Коноэ (в начале января они поменялись постами, совершив «рокировку»). 28 августа он собрал своих сторонников на 6-ю всекитайскую конференцию Гоминьдана, которая избрала его председателем партии, сместив с этого поста Чан Кайши. «Национальное правительство» во главе с Ван Цзинвэем было создано в Нанкине 30 марта 1940 г., когда главы марионеточных режимов Ван Кэминь и Лян Хунчжи «объединились» с ним. В ноябре Ван Цзинвэй направил Чан Кайши предложение провести переговоры «без участия японцев», но его послание было публично сожжено до прочтения. 30 ноября Япония заключила с нанкинским правительством договор о дружбе и взаимопомощи. Новая попытка Токио вступить в переговоры с Чунцином через Нанкин летом 1941 г. окончилась провалом.

Правящие круги Японии считали урегулирование «Китайского инцидента» первоочередной задачей, подчинив этому остальные действия. Когда в 1938 г. по инициативе И. фон Риббентропа, назначенного министром иностранных дел, между Берлином, Римом и Токио начались переговоры об «укреплении» Антикоминтерновского пакта и его превращении в военно–политический союз, в Японии эту идею сразу поддержали военные круги, увидев в ней отказ Германии от помощи Чан Кайши и возможность скорее завершить войну. Дипломаты предлагали направить пакт только против СССР, не связывая себя обязательствами на случай войны в Европе. Переговоры по этому вопросу с конца 1938 по август 1939 г. вели послы в Берлине и Риме Осима Хироси и Сиратори Тосио, сторонники скорейшего заключения союза. Глава МИД Арита Хатиро, считавший главным направлением дипломатии Азию, с одобрения

премьера Хиранума фактически саботировал переговоры, избегая конкретных ответов и уклоняясь от принятия обязательств. 20 апреля 1939 г. Риббентроп предупредил обоих послов, что в случае проволочек Германии придется нормализовать отношения с СССР. Сиратори сообщил об этом в Токио, но Арита проигнорировал информацию. 21 августа Риббентроп вызвал Осима и сказал, что едет в Москву заключать пакт о ненападении.

Как сообщали из Токио советские дипломаты, «известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление»: «Союз Японии с Германией и Италией и антикоминтерновский пакт превращаются в пустую бумагу. Вся ответственность возлагается на правительство, которое не сумело предусмотреть этого». 28 августа кабинет подал в отставку со ссылкой на «новую, сложную и запутанную обстановку» в Европе. Причиной провала был не сам курс на союз с Германией и Италией, но нежелание принимать решения и брать на себя ответственность. Единственным достижением Арита было заключенное 24 июля соглашение с Великобританией, признавшей, что «вооруженные силы Японии в Китае имеют специальные нужды в целях обеспечения их собственной безопасности и поддержания общественного порядка в районах, находящихся под их контролем», и заявившей, что она «не имеет намерений поощрять любые действия или меры, препятствующие достижению японскими вооруженными силами упомянутых выше целей». Однако после обнародования соглашения США денонсировали договор о торговле и мореплавании с Японией, действие которого прекращалось через полгода. Отношения двух стран вступили в фазу активной конфронтации.

В качестве компромиссной фигуры правительство возглавил отставной генерал Абэ Нобуюки, не имевший политического опыта. 4 сентября 1939 г. Токио заявил о «неучастии в европейской войне». 13 сентября главной задачей внешней политики было названо урегулирование «Китайского инцидента» путем поддержки сил, которые согласятся на союз с Японией и Маньчжоу–го. На втором месте стояла нормализация отношений с СССР — завершение военного конфликта на р. Халхин–Гол, начавшегося 11 мая как «разведка боем» со стороны Квантунской армии. Советско–германский пакт о нейтралитете оставил Японию без единственного союзника в критический момент. Соглашение о прекращении боевых действий было подписано после поражения японцев 16 сентября; командование Квантунской армии было полностью заменено.

Кабинет Абэ и сменившее его правительство во главе с бывшим

морским министром Ёнаи Мицумаса оказались недолговечными. Успехи вермахта в Европе весной и летом 1940 г. обнадеживали сторонников союза с Германией, которые под лозунгом «Не опоздать на автобус!» настаивали на смене внешнеполитического курса. Военные круги требовали развернуть экспансию в направлении французских и голландских колоний, оставшихся без метрополии. В мае 1940 г. Япония добилась от генерал–губернатора Голландской Индии (Индонезии) частичного снятия ограничений на экспорт стратегического сырья. 19 июня она потребовала прекратить китайский транзит через Французский Индокитай. Ультиматум пришлось принять: 25 июня на территории колонии появились японские инспекторы; 22 сентября было заключено соглашение о вводе войск в Индокитай. Сторону Японии принял Таиланд, взамен получивший от Индокитая по договору от 9 мая 1941 г. часть территории Камбоджи и Лаоса на западном берегу Меконга. Все это способствовало блокаде гоминьдановского режима с юга. Даже Великобритании пришлось 18 июля 1940 г. согласиться на требование Японии о закрытии на три месяца Бирманской железной дороги — важного источника снабжения Чунцина.

В августе–декабре 1940 г. коммунисты предприняли наступление в Северном Китае, известное как «битва ста полков», и нанесли поражение силам нанкинского режима, но вмешательство японцев свело успех на нет. Выступившая против них Новая 4-я армия формально входила в состав НРА, поэтому Чан Кайши, отмежевавшись от операции, отдал приказ о ее расформировании. В течение 1940-1941 гг. японцы при поддержке войск Нанкина и Маньчжоу–го с переменным успехом вели локальные операции против «партизанских» или «освобожденных районов», находившихся под контролем КПК и получавших советскую помощь.

Кроме «Китайского инцидента» перед руководством Японии стояли два неотложных вопроса: выбор позиции в глобальном противостоянии блоков и авторитарная перестройка в форме «новой политической структуры» внутри страны. Кабинет Ёнаи уклонялся от решения обоих и был вынужден уйти. 22 июля 1940 г. Коноэ сформировал правительство и возглавил движение за создание «новой структуры» и Ассоциации помощи трону как ее основы. «Программа новой структуры» от 17 августа предусматривала «полное уничтожение существовавшей в прошлом системы индивидуализма в политической, экономической и культурной областях» и базировалась «на единой государственной идеологии, помогающей народу целиком посвятить себя служению императору». «Новая структура» должна была стать «руководящей силой», которая, «сотрудничая с правительством, возьмет на себя роль политического

руководителя народа»: «При принятии правительством курса государственной политики через парламент или по другим соответствующим каналам окажет правительству помощь путем дачи советов и рекомендаций, а при проведении правительством в жизнь этого курса будет сотрудничать с ним, способствуя тому, чтобы народ проявлял полное понимание этой политики». К концу 1940 г. в «новую структуру» влились все политические партии, организации, профсоюзы и т. д. Усмотрев в Ассоциации помощи трону потенциального конкурента, чиновники при поддержке военных добились ее «реорганизации» весной 1941 г. Ассоциация превратилась во вспомогательный орган бюрократической системы и утратила политическое значение, хотя формально существовала до января 1945 г.

Важнейшими внешнеполитическими акциями кабинета Коноэ, в котором МИД возглавил Мацуока Ёсукэ, стали Тройственый пакт с Германией и Италией (27 сентября 1940) и Пакт о нейтралитете с СССР (13 апреля 1941). Тройственный пакт закрепил «признание и уважение руководящего положения» Японии в «Великой Восточной Азии» при установлении «нового порядка», поскольку «предоставление каждому государству возможности занять свое место в мире» необходимо для «сохранения длительного мира». Пакт о нейтралитете разрядил атмосферу напряженности и взаимного недоверия: ни Япония, ни СССР войны не хотели и нападать друг на друга не собирались, но не исключали подобных действий с другой стороны. Несмотря на это, Мацуока после 22 июня 1941 г. оказался единственным членом правительства, выступавшим за немедленное вступление в войну против СССР на стороне Германии; остальные соглашались лишь при условии полного разгрома Красной армии вермахтом. Когда конфликт достиг апогея, Коноэ 16 июля подал в отставку и два дня спустя сформировал новый кабинет, удалив из него строптивого министра.

Правительство отказалось от планов участия в войне против СССР, избрав «южный вариант» экспансии. Для этого требовалось обеспечить нейтралитет США и предотвратить полное прекращение американского экспорта в Японию. Проходившие с марта 1941 г. переговоры оказались безрезультатными из–за антияпонской позиции президента Ф. Д. Рузвельта. Принятые 6 сентября «Принципы осуществления государственной политики империи» предусматривали начало войны, если к октябрю «не появятся перспективы на возможность удовлетворения наших требований». Замена Коноэ на посту премьера военным министром Тодзио Хидэки 18 октября сопровождалась попыткой «начать все сначала». 5 ноября были

одобрены два варианта плана урегулирования отношений с США. Первый предполагал вывод японских войск из Индокитая по завершении «Китайского инцидента», затем из самого Китая, за исключением северной части и Внутренней Монголии, — в обмен на возобновление торговых отношений в прежнем объеме, совместную эксплуатацию Голландской Индии и прекращение помощи режиму Чан Кайши. Позиция США побудила выбрать второй, более жесткий вариант, переданный 20 ноября Рузвельту. Переговоры было решено закончить 25 ноября.

Официальный ответ от 26 ноября, известный как «нота Хэлла» по фамилии госсекретаря К. Хэлла, требовал вернуться к положению до «Маньчжурского инцидента»: вывести все японские войска из Китая, включая Маньчжурию (США не признавали Маньчжоу–го), и Индокитая и признать режим Чан Кайши как единственное национальное правительство. Это было неприемлемо для Японии, о военных приготовлениях которой в Вашингтоне знали, но дали ей «сделать первый выстрел». 26 ноября ударные силы японского флота вышли в море по направлению на Пёрл–Харбор. 1 декабря совещание высших сановников под председательством императора приняло решение начать войну 8 декабря по токийскому времени. Ответ на «ноту Хэлла» был передан в Вашингтон по телеграфу 6 декабря с приказом вручить его 7 декабря в 13 часов по местному времени. Расшифровка и перепечатка послания затянулись, поэтому оно было вручено на полтора часа позже, когда японская авиация бомбила Пёрл–Харбор. Уже зная о случившемся и о содержании ноты (американцы «раскололи» японские шифры и читали секретную переписку), госсекретарь устроил сцену «праведного гнева». Японский ответ был пропагандистским ходом, не способным что–либо изменить, как и послание Рузвельта императору, врученное главе МИД Того Сигэнори в четверть первого ночи 8 декабря по токийскому времени.

8 декабря 1941 г. был опубликован императорский эдикт об объявлении войны США и Великобритании. 11 декабря Германия и Италия объявили войну США. Конфликт стал мировым.

Южная Азия в макроструктуре Британской империи

Система британского правления и государственные образования

Южная Азия представляет собой политико–географический регион с единой культурно–цивилизационной основой и общей историей, которая является цементирующим началом в развитии отношений входящих в него стран. К началу XX в. территории Индостана, на которых расположились нынешние государства Южной Азии (Индия, Пакистан, Бангладеш, Непал, Шри–Ланка, Бутан, Мальдивы), находились в разной степени зависимости от Британской империи. Первая половина XX в. прошла под знаком движения к независимости, которая была достигнута основными странами региона к 1947 г. В ходе этого процесса формировались современные политические институты и представления о государственной власти, происходила модернизация индийского общества на базе синтеза западных моделей общественного устройства и саморазвития индийских структур, вместе с тем усиливалось раздробление национальных элит и колониальной верхушки англо–индийского общества, росло стремление к самоуправлению, постепенно охватывающее все более широкие слои населения.

К началу XX в. территория Индостана распадалась на две крупные составляющие: Британскую Индию, делившуюся на провинции, под прямым управлением Великобритании, и так называемую «туземную Индию» или «индийскую Индию», включавшую в себя многочисленные княжества, под косвенным управлением англичан. Расположенные у южной оконечности Индостана островные государства — Цейлон (с 1972 г. — Шри–Ланка) и Мальдивы — также находились под британской юрисдикцией: первое являлось самостоятельной британской королевской колонией, второе — протекторатом. Примыкавшие к Британской Индии с севера Непал, Бутан и Сикким представляли собой контролируемые англичанами территории.

Центром общественно–политической и экономической жизни Индостана в первой половине XX в. была Британская Индия, занимавшая большую часть территории Южной Азии. Именно здесь происходили процессы и события, судьбоносные для южноазиатского региона в целом. К

началу XX в. Британская Индия представляла собой страну с достаточно развитыми (в сравнении с многими другими странами афро–азиатского колониального мира) государственно–политическим механизмом и партийной системой. В 80-е годы XIX в. здесь сложились основы централизованного колониального аппарата управления, включая государственную бюрократию — Индийскую гражданскую службу, комплектовавшуюся выходцами из метрополии, — и колониальную англо–сипайскую армию, были введены многие процессуальные юридические нормы, принятые в Великобритании. Индия представляла собой колониальную автократию, управляемую чиновниками, назначавшимися из метрополии. В состав английского правительства был включен министр, именовавшийся государственным секретарем по делам Индии и Бирмы (последняя входила в состав Британской Индии до 1935 г.). Во главе государственно–колониального аппарата стоял генерал–губернатор, носивший титул вице–короля Индии. Вице–король подчинялся непосредственно министру по делам Индии, неся ответственность перед английским правительством и парламентом.

В административном отношении Индия делилась на собственно Британскую Индию, которая занимала 3/5 территории Южной Азии, и вассальные Англии княжества, общее число которых достигало 600. Британская Индия состояла из губернаторских провинций (Бенгалия, Мадрас, Бомбей, Бихар, Орисса, Ассам, Панджаб, Бирма, Центральные провинции, Соединенные провинции) и комиссарских (Северо–Западная пограничная провинция, Дели, Аджмер, Мервара, Белуджистан, Кург, Андаманские и Никобарские острова). Губернаторы провинций назначались министром по делам Индии или вице–королем. Комиссарские провинции находились под непосредственным управлением генерал–губернатора. В княжествах англичане применяли систему косвенного управления, предоставив значительную автономию во внутренних делах индийским князьям — махараджам и навабам. В области внешней политики князья и население княжеств считались британскими подданными: им не разрешалось вступать в договорные отношения ни друг с другом, ни с иными государствами. Индийские княжества управлялись вице–королем, посылавшим туда своих эмиссаров — английских резидентов. Мелкие княжества, вкрапленные в территорию Британской Индии, управлялись губернаторами данных провинций через специальных английских агентов.

В провинциях Британской Индии шли процессы модернизации социально–экономических и политических структур, развития

национализма и партийной системы современного типа, религиозно–реформаторских идей, движения за самоуправление; княжества же представляли собой политические образования, в которых власть правителей основывалась на традиционных формах государственного господства, освященных религиозными институтами — индусскими, мусульманскими или сикхскими. Княжества долгое время оставались за пределами политической жизни Индостана.

Изменения британской колониальной политики в Индии в начале XX века

С начала XX в. шло усиление роли социальных групп, связанных с процессами модернизации индийского общества, развитие национального самосознания политизированных слоев населения и распространение националистических идей. Процесс формирования партийной системы, отразивший рост национального индийского капитала, происходил в условиях колониально–автократической государственности. Требования политических элит включали осуществление принципа экономического протекционизма в отношении национального предпринимательства, устранение зависимости социального статуса от расовой и национальной принадлежности и прекращение дискриминации индийцев при комплектовании государственно–административного аппарата. Деятельность социальных слоев современного типа, формирующихся в центрах преобразовательной деятельности британской колониальной администрации, была сосредоточена на борьбе за расширение местного представительства в органах власти. В их активности эклектически соединились критика одиозных проявлений колониализма и конформизм по отношению к британской администрации. Выразителем политических интересов образованной верхушки индийского общества стал Индийский национальный конгресс (ИНК), созданный в 1885 г. Отцами–основателями Конгресса явились так называемые «умеренные» — М. Г. Ранаде, Д. Наороджи, Г. К. Гокхале, С. Банерджи, возглавившие либеральное направление национального движения.

К началу XX в. внутри Конгресса образовалось радикальное направление (так называемые «крайние»), возглавлявшееся Б. Г. Тилаком, который призывал к использованию массовых движений протеста в процессе борьбы за предоставление Индии статуса доминиона в составе Британской империи. Сторонниками Тилака в ИНК были Л. Л. Рай, А.

Гхош, Б. Ч. Пал. Решение администрации в 1905 г. разделить Бенгалию на две провинции: Восточную (с преобладанием мусульманского населения) и Западную (с индусским большинством) повлияло на рост протестных движений. ИНК призвал население бойкотировать в знак протеста английские товары под лозунгом «свадеши» (отечественное производство) и выступил также с требованием «свараджа»(самоуправления). В 1907 г. на сессии в Сурате произошел раскол в рядах ИНК. «Крайние» требовали от Конгресса решительных действий в отношении властей и поддержки народных выступлений, в то время как его руководство продолжало проводить умеренную тактику. Первые два десятилетия XX в. были отмечены постоянным противоборством двух направлений в Конгрессе — либерального («умеренных») и радикального («крайних»).

Сложная конфессиональная структура индийского общества способствовала формированию общественно–политических организаций, отражавших требования религиозных общностей и считавших недостаточным свое участие в деятельности общеиндийского Конгресса, основанного на принципах секуляризма. Общественно–политические организации, отстаивающие интересы своей религиозной общины, начинают возникать среди всех конфессиональных групп индийского общества: индусов, мусульман, сикхов, христиан и др. Наибольшее значение имели политические организации индусов, составлявших абсолютное большинство населения, и мусульман, наиболее многочисленного меньшинства. В 1906 г. было объявлено о создании партии, которая брала на себя задачу защиты политических интересов мусульман — Мусульманской лиги (МЛ). В том же году возникла партия индусов — Хинду махасабха (ХМС, Великий союз индусов) и ряд других организаций, стоявших на позициях индусского коммунализма. Были заложены семена раскола национального движения по конфессиональному принципу. Полиэтничность индийского общества объективно предполагала зарождение национальных движений на субрегиональном уровне и создание организаций, представляющих интересы отдельных народов и отстаивающих идеи «региональных национализмов» или «этнонационализмов»: маратхского, бенгальского, тамильского и т. д., нередко в противовес общеиндийскому национализму ИНК. Кастовый фактор сыграл немаловажную роль в развитии политической деятельности в Индии в целом и антиколониального движения — в частности. Несмотря на декларируемые эгалитаристские принципы, в том числе и в отношении участия всех кастовых групп, а также «неприкасаемых» в деятельности ИНК, верхушка Конгресса была представлена в основном выходцами из

брахманских слоев. Конфликты на кастовой основе, знаменовавшие нарастание противоречий между традиционно доминирующими в политической жизни страны брахманскими слоями и среднестатусными земледельческими и торгово–ростовщическими кастовыми группами, а также низкокастовыми и внекастовыми («неприкасаемыми»), свидетельствовали о приобщении к активной деятельности все более широких слоев населения.

Наряду с развитием партийно–политической системы приверженность властей автократическим методам правления уступала место использованию более гибких форм господства. В 10-е годы XX в. управление огромной, почти 300-миллионной полиэтнической и поликонфессиональной страной, в которой набирали мощь движения социального и политического протеста, методами прямого военно–политического диктата становилось нецелесообразным и малоэффективным с точки зрения наиболее дальновидных политических деятелей метрополии. Британская колониальная администрация добивалась лояльности социальных слоев, включающих формирующиеся местные предпринимательские элементы, интеллигенцию, средние слои города, профессиональные группы, за счет частичных уступок и ограниченного допущения их к политической деятельности. Различные подходы к вопросу о формах и методах колониальной политики Великобритании в Индии определялись степенью активности национально–освободительного движения в колонии и политической направленностью сил, находившихся у власти в метрополии. В первые два десятилетия XX в. колониальная политика формировалась двумя силами — консерваторами и либералами. Стремление к политическому компромиссу проводилось достаточно последовательно либеральными и либерально–коалиционными правительствами Ллойд Джорджа, в то время как ужесточение колониального режима, вплоть до репрессивного подавления антианглийских выступлений, было характерно для консерваторов во главе с Дж. Чемберленом. Так, агрессивная жесткая линия, начатая вице–королем Индии лордом Керзоном (1899-1905) была смягчена принятием в 1909-1910 гг. подготовленного вице–королем Минто и министром по делам Индии Морли Закона об индийских советах, получившего название реформы Морли — Минто. Увеличение до половины числа выборных членов Законодательного совета при вице–короле и создание выборного большинства в Законодательных советах при губернаторах крупнейших провинций, предусмотренные законом, изменяли положение политически активных верхов индийского общества. При всей ограниченности и

неоднозначности реформы, значение ее состояло в расширении участия местных имущих слоев в законодательных органах власти и официальном санкционировании избирательного процесса как средства политической активности элитарных групп. Закрепление системы выборов по куриям и введение особой избирательной курии для мусульман предопределяло соединение политики с общинным сознанием.

В 1911 г. английский король Георг V был коронован в качестве императора Индии и объявил, что раздел Бенгалии отменяется, а столица Британской Индии переносится из Калькутты в Дели. Перенос столицы в Дели в 1911 г. послужил началом бурного строительства нового административно–политического, делового и культурного имперского центра. Период возведения грандиозного правительственного комплекса — Нью–Дели (1911-1931) — стал временем крупных изменений в географии индийской политической жизни. Националисты из северных и центральных хиндиязычных районов Индии стали играть все большую роль в принятии политических решений, оттесняя на периферию традиционных лидеров из Калькутты, Бомбея, Мадраса.

Вовлечение Индии вслед за метрополией в Первую мировую войну обозначило новый этап в политической жизни Индостана. Обогащение индийских предпринимательских слоев в результате размещения английских военных заказов на местных предприятиях, усиление роли Индии в рамках Британской империи в связи с участием в войне, как непосредственным, так и косвенным, укрепили уверенность политической элиты колониального общества в необходимости добиваться самоуправления конституционными методами. На объединительном съезде в Лакхнау в 1916 г. «крайние» воссоединились с «умеренными» в ИНК. На съезде было достигнуто соглашение с МЛ. Согласно измененному Уставу МЛ, ее целью объявлялось достижение самоуправления в рамках Британской империи, что создавало предпосылки для единых действий Лиги и Конгресса. В 1915 г. президентом МЛ на ее очередной сессии был избран М. А. Джинна, ставший впоследствии ключевой политической фигурой в движении индийских мусульман за самоопределение. На начальном же этапе своей деятельности Джинна был активным деятелем ИНК и признанным поборником индусско–мусульманского единства. В 1910-е годы в Индии получило широкое распространение так называемое движение гомруля (движение за самоуправление). Лиги гомруля создавались в разных районах Индии, и в 1916 г. оформился центр этого общественного движения — Всеиндийская Лига гомруля. В 1918 г. на ежегодной сессии Конгресса было выдвинуто требование

самоопределения, подразумевавшее необходимость опоры на народные движения.

Лидером, сумевшим превратить ИНК в массовую партию, стал М. К. Ганди. В 1915 г. Ганди возвратился в Индию из Южной Африки, где он, занимаясь адвокатской практикой, возглавлял движение против дискриминации индийцев, используя методы ненасильственного сопротивления. Ганди успешно провел в Индии ряд кампаний гражданского неповиновения, получивших название сатьяграха («упорство в истине»), часто выступал в прессе и на митингах, что сделало его к началу 1920-х годов одной из наиболее популярных фигур в среде индийских националистов.

Модернизационные процессы в индийской экономике

На рубеже XIX — XX вв. Британская Индия представляла собой аграрносырьевой придаток метрополии с многоукладной и диспропорциональной экономикой, в рамках которой сосуществовали, переплетались и динамично взаимодействовали между собой традиционные архаичные социально–экономические институты и современные типы организации производства, связанные с разными этапами становления капитализма.

Экономическое развитие Британской Индии было подчинено интересам метрополии, превратившей страну в источник сырья и рынок сбыта британских товаров, а с начала XX в. и в сферу приложения британского капитала. Капиталистическая трансформация экономических структур Индостана была обусловлена стремлением английских властей включить его в орбиту своего влияния и в мировой рынок. Становление капиталистического уклада отражало периферийный характер индийского капитализма в рамках мировой экономической системы, а также его неравномерность и ограниченность районами колониальной преобразовательной деятельности властей. Развитие торговли между Индией и Британией выражало процесс дальнейшего разделения труда между английской обрабатывающей промышленностью и индийским сельским хозяйством. Главными статьями индийского экспорта были хлопок, шерсть, джут, пальмовое волокно, рис, пшеница, пряности, индиго, опиум, плантационные культуры. Неэквивалентный обмен в торговых отношениях колонии и метрополии обусловил вывоз из страны огромных материальных ценностей по ценам значительно более низким, чем их

себестоимость. Основными объектами английских капиталовложений были железные дороги, ирригационное строительство, плантационное хозяйство (чай, кофе, каучук), строительство предприятий фабрично–заводской и горнодобывающей промышленности. Англичане владели наиболее крупными предприятиями страны. Им принадлежали джутовые фабрики в Калькутте, значительная часть текстильных фабрик в Бомбее и других провинциях, большинство механических и железнодорожных мастерских, а также шахт. Свыше половины всех английских капиталовложений в Индии приходилось на долю колониального государственного аппарата. С начала XX в. последовательно возрастало значение управляющих агентств — организаций английских колониальных монополий в Индии, а также английских колониальных банков.

Развитие капиталистического уклада в рамках многоукладной индийской экономики происходило неравномерно: в центрах преобразовательной деятельности англичан, ограниченных преимущественно районами Калькутты, Бомбея и Мадраса, позднее Дели, шло складывание промышленных и сельскохозяйственных зон, основанных на капиталистических формах хозяйствования и эксплуатации; в центральных районах Декана, в северных и северо–восточных областях господствовали традиционные докапиталистические формы производственных отношений и организации ремесла и сельского хозяйства. Развитие товарно–денежных отношений в стране, складывание внутреннего рынка, рост местного предпринимательства на территориях Бенгалии, Мадрасской и Бомбейской провинций способствовали становлению индийского торгово–ростовщического, а затем и промышленного капитала, представители которого, выступая первоначально на правах младшего партнерства по отношению к англичанам, постепенно начинали претендовать на паритетные отношения, а затем и бороться за лидерство. Возникновение фабричной промышленности на базе индийского капитала происходило главным образом «сверху» — путем основания крупных конкурентоспособных фабрик на базе накопления, концентрации и централизации капитала в сфере обращения (главным образом связанной с компрадорской деятельностью) и последующего импорта зарубежного оборудования. Это обусловило доминирование в структуре индийского капитала нескольких десятков групп индийского крупного бизнеса, переросшего в монополистический капитал. Специфика их формирования обусловила ряд характерных черт: преобладание среди их представителей выходцев из традиционных торгово–ростовщических каст и общин (парсов Бомбея,

гуджаратских банья, раджастханских марвари, южноиндийских четтиаров и т. п.), гипертрофия финансово–посреднической деятельности в ущерб производственной, преобладание предприятий легкой и пищевой промышленности.

Специфическая колониальная социально–экономическая структура характеризовалась дуализмом: сосуществованием узкого сформировавшегося капиталистического уклада с доминированием горстки противостоящих друг другу иностранных и индийских групп крупного бизнеса, с одной стороны, и широкой сферы традиционного докапиталистического и раннекапиталистического сельского хозяйства и кустарной промышленности — с другой. В то время как в провинциях Британской Индии первая тенденция становилась ведущей, территории большинства княжеств представляли собой классические образцы традиционных обществ с аграрной патриархальной экономикой. При этом резкое экономическое и социальное неравенство и низкий уровень потребления были устойчивыми чертами сложившейся социально–экономической структуры на всей территории Южной Азии. Проблемы неполной занятости и выключенности из производительной деятельности значительных массивов населения, проживающих за чертой бедности, на фоне тяжелой демографической ситуации существенно влияли на общий уровень основных показателей экономического роста.

Индия в межвоенный период

Изменение международно–правового и политического климата в послевоенном мире способствовало осознанию необходимости отказа от традиционных силовых методов управления колониями и достижения политического компромисса и разделения ответственности с элитами колониальных обществ. Наряду с созданием очагов современной экономической жизни происходила модернизация индийского законодательства, введение норм буржуазного права, распространение современного образования, включая открытие университетов в Бомбее, Калькутте и Мадрасе. В 1919 г. английским парламентом был принят Закон об управлении Индией (реформы Монтегю–Челмсфорда). Положение реформы о порядке выборов в Законодательное собрание предусматривало не только сохранение мусульманской курии, введенной еще в 1909 г., но и раздельное голосование индусов и мусульман и предоставляло последним определенные привилегии. Традиционная для англичан политика

противопоставления индусов и мусульман получила свое законодательное закрепление. Введение системы ответственного управления в провинциях изменяло характер государственной власти в Индии: на смену полной автократии пришла такая структура власти, в которой ранее неограниченная власть вице–короля и губернаторов провинций стала сочетаться с выборным началом и ограниченной ответственностью министров–индийцев перед Законодательным собранием. Она получила название — диархия (двойственное управление). Вместе с тем, наряду с политическим маневрированием и рядом важных уступок, британская сторона предприняла и ряд открыто репрессивных акций против участников национально–освободительного движения, наиболее одиозной из которых по своей варварской жестокости стала «Амритсарская бойня», кровавая расправа над участниками многотысячного митинга протеста в Амритсаре (Панджаб).

В 1920 г. на чрезвычайном съезде ИНК в Калькутте была принята предложенная Ганди программа несотрудничества, а проходивший в том же году очередной съезд в Нагпуре закрепил победу Ганди. Конгресс стал основывать свою деятельность на идейных установках этого лидера. Значение деятельности М. К. Ганди как политика и национального лидера определилось тем, что он упрочил консолидацию различных слоев политизированной верхушки индийского общества, соединив идеологию либералов и радикалов (его апелляция к ненасилию удовлетворяла «умеренных», а призывы к массовым действиям воодушевили «крайних»). В его общественно–политических и философских взглядах нашли выражение интересы и других слоев индийского общества: крестьянства, ремесленников, кустарей, мелких торговцев. Ганди имел отклик и в среде фабрично–заводских рабочих. Призыв к единству был основан на морально–этических ценностях, способных объединить имущих и неимущих, брахманов и неприкасаемых, индусов и мусульман, преодолеть этнические перегородки и возродить индийские культурные традиции.

Ганди и его наследие

Идеи Махатмы Ганди не потеряли своей актуальности в современной Индии. Гандистские методы политической борьбы (несотрудничество и гражданское неповиновение — сатьяграха) используются сегодня партиями и общественными движениями различного спектра как универсальное средство оппозиционной

деятельности, а гандистские доктрины являются составной частью программных установок ведущих политических сил (как ИНК — Индийского национального конгресса, так и противостоящих ему партий, например, БДП — Бхаратия джаната парти, и коалиционных объединений — Объединенных фронтов), провозглашающих своей конечной целью воплощение гандистских идеалов. Кампании гражданского неповиновения как в массовой, так и в индивидуальной форме являются в независимой Индии мощным оружием отстаивания своих взглядов общественными движениями и отдельными лицами. Вместе с тем некоторые положения Ганди, прежде всего связанные с его экономическими воззрениями (отрицание необходимости создания крупных промышленных комплексов и отстаивание идеи приоритетного развития кустарных промыслов) в наибольшей степени подверглись переосмыслению индийским обществом.

Актуальна ныне и разработанная Ганди «Конструктивная программа», направленная на решение внутренних проблем индийского общества и его внутреннюю консолидацию, включая борьбу за налаживание отношений между индусской и мусульманской общинами и ликвидацию «неприкасаемости», за закрепление принципов «общеиндийской нации» и единой неделимой Индии, за воплощение идеи о социальной консолидации индийского общества и утверждении общедемократических эгалитаристских принципов. Освобождение понималось им не только как борьба с британским раджем, но и как устранение внутренних барьеров, разделяющих индийский социум, и достижение сарводайи, всеобщего благоденствия. На доктрине сарводайи строятся современные концепции «индийского социализма».

Основной политической целью, которую поставил перед Индией Ганди, стало поэтапное и постепенное продвижение к независимости, а главной политической задачей для достижения этой цели — объединение всех социальных, кастовых, этнических и конфессиональных групп и партийных сил под единым руководством наиболее авторитетной и представительной общеиндийской организации — Конгресса. В сатьяграхе, сочетавшей активную оппозицию колониальному режиму с ненасилием, Ганди видел универсальную форму национальной и социальной

консолидации индийского общества. Проведение массовой общеиндийской кампании гражданского несотрудничества должно было пройти два этапа. Первый этап предполагал такие формы бойкота колониального режима, как отказ от почетных должностей и званий, бойкот официальных приемов, бойкот английских школ и колледжей, бойкот английских судов, бойкот выборов в законодательные органы, бойкот иностранных товаров, второй — уклонение от уплаты государственных налогов.

Основной метод политической борьбы был определен как мирный, конституционный, основанный на философском принципе ахимса (непричинение зла всему живому), характерном для религий Индостана — индуизма, джайнизма, буддизма. Проповедуя ахимсу, Ганди принял обет брахмачари (воздержания от мирских соблазнов и искушений) и вел целомудренный аскетический образ жизни. Ганди был убежден в том, что политический и духовный лидер должен быть нравственно–этическим ориентиром общества. Образ праведного гуру, традиционно харизматический в Индии, превращал Ганди в наставника–мудреца и возвышал над другими политиками, его называли «Махатма» (Великая душа), «Бапу» (Отец). Аскеза Ганди, включавшая в себя как целибат, так и постоянные посты и голодовки, основывалась на традиционных для индуизма представлениях о брахмачаринах как носителях тапаса, внутренней энергии, способной преобразовывать мир.

Морально–этическое совершенствование и консолидация индийского общества в процессе борьбы за независимость составляли основу деятельности Ганди. Наряду с проведением массовых кампаний гражданского несотрудничества Ганди предлагал Конгрессу так называемую «Конструктивную программу», направленную на решение внутренних проблем индийского общества и состоявшую из следующих пунктов: всемерное развитие ручного ткачества и прядения, борьба за налаживание отношений между индусской и мусульманской общинами, борьба за ликвидацию «неприкасаемости». Первый пункт знаменовал собой укрепление движения «свадеши», направленного на развитие национальной промышленности и кустарного производства (прялка становится символом ИНК); второй — был направлен на закрепление принципов «общеиндийской нации» и единой неделимой Индии; третий — был связан с воплощением идеи о социальной консолидации индийского общества и донесением до участников освободительного движения общедемократических эгалитаристских принципов. «Конструктивная программа» предусматривала открытие национальных школ, проведение антиалкогольной пропаганды, создание обществ в защиту коров для

привития принципа ахимсы. Ее осуществление тесно связывалось с программами развития индийской деревни, включая создание органов местного самоуправления — панчаятов. Борьба с дискриминацией на кастовой основе становится одним из важнейших направлений деятельности Конгресса. Она развивается в двух аспектах: улучшение экономического положения низких каст и вовлечение «неприкасаемых» в общественно–политическую жизнь за счет резервирования за ними определенного количества мест в представительных органах.

Ганди привнес в индийскую политическую жизнь образность и фразеологию, заимствованные им из традиционных религиозно–философских систем Индостана, однако его принцип соединения религии и политики существенно отличался от понимания этого принципа религиозно–общинными деятелями ХМС и других подобных организаций. Универсалистский принцип в подходе к религии, как проявлению высшей духовности, предполагал равную истинность и полную совместимость всех религиозных систем, являлся объединяющим фактором в противостоянии общему врагу.

В 1920 г. была начата первая в истории страны общеиндийская кампания гражданского неповиновения. Она проходила в форме митингов, демонстраций, харталов на фоне разворачивания крестьянского движения и стачечной борьбы, перерастая временами рамки ненасилия. Кровавые события февраля 1922 г. (сожжение толпой крестьян обстрелявших их полицейских в местечке Чаури–Чаура, Соединенные провинции) послужили для Ганди предлогом для прекращения сатьяграхи.

В годы Первой мировой войны значительное развитие среди мусульман получило Халифатистское движение, направленное на защиту турецкого султана–халифа, считавшегося главой суннитов, и против намерения стран Антанты расчленить Османскую империю. Антибританские настроения халифатистов радикализовали деятельность индийских мусульман и позволили Ганди привлечь халифатистов к участию в сатьяграхах. Подключение халифатистов к кампании гражданского неповиновения и тесные связи Ганди с лидерами этого движения создавали предпосылки для совместных действий двух основных конфессий — индусов и мусульман. Однако МЛ, возглавляемая М. А. Джинной, не поддержала гандистской тактики и осудила как массовое несотрудничество, так и Халифатистское движение. В 1921 г. Джинна покинул ИНК. Практика одновременного проведения сессий МЛ и ИНК (1916-1921 гг.) сменилась периодом конфронтации.

В начале 1920-х годов в ИНК существовали две основные группы,

получившие название «противников перемен» и «сторонников перемен». Первые (Ч. Раджагопалачария, Р. Прасад и др.), поддержав Ганди, выступили за проведение политики, основанной на несотрудничестве с колониальными властями во всех сферах общественно–политической жизни, включая бойкот законодательных органов. Вторые (М. Неру, Ч. Р. Дас и др.) были против бойкота законодательных органов и продолжали считать конституционную борьбу за увеличение в них индийского представительства наиболее значимой формой национально–освободительного движения. Они предлагали такую форму участия в органах власти, которая бы не разрушала приверженности Конгресса гандистским идеалам несотрудничества: вхождение в них и бойкот их изнутри с целью видоизменения этих органов. В 1923 г. «сторонники перемен» провозгласили создание Свараджистской партии (сварадж — самоуправление), разработав программу и линию поведения. В 1924 г. был заключен «Пакт Ганди — Дас», согласно которому Свараджистская партия уполномочивалась осуществлять свою деятельность в законодательных органах от имени Конгресса и в качестве его составной части. В 1924-1928 гг. Ганди ушел от политической деятельности и сосредоточился на осуществлении «Конструктивной программы» через посредство созданной им Всеиндийской ассоциации ручных ткачей.

В середине 1920-х годов в ИНК оформилось левонационалистическое течение, представлявшее собой молодое поколение конгрессистов, требовавших активизации деятельности Конгресса. Лидерами и идеологами левого крыла в ИНК стали Дж. Неру и С. Ч. Бос. Возникновение левого крыла и включение в руководство партией его представителей усилило влияние Конгресса в массах, обеспечив ему ведущие позиции во Всеиндийском конгрессе профсоюзов и в рабочих и крестьянских союзах, повсеместно создаваемых в Индии в 1920-е годы. В 1927 г. состоялся Мадрасский съезд ИНК, на котором Дж. Неру и С. Ч. Бос были избраны генеральными секретарями Конгресса. Съезд принял историческую резолюцию о главной цели национально–освободительного движения в Индии — достижении полной независимости и получении республиканского статуса.

Поступательное движение по пути реформ ассоциировалось у ведущих деятелей ИНК с понятием социалистического переустройства общества. Социалистическая фразеология широко использовалась ИНК в период борьбы за независимость. «Конгрессистский социализм» подразумевал не ликвидацию частной собственности на средства производства, а ограничение «стяжательских инстинктов». Он предполагал

осуществление эгалитаристских принципов: отмену кастовых ограничений, упразднение неприкасаемости, создание условий для развития племен и малых народностей, введение равноправия полов и т. п. Социализм в трактовке лидеров ИНК означал по сути систему общедемократических преобразований. «Индийский социализм» строился на принципах социального компромисса (консенсуса), секуляризма и предотвращения конфликтности на этноконфессиональной почве. Элементы социалистической фразеологии нашли свое отражение в Уставе и других документах ИНК.

В первые десятилетия XX в. получила развитие деятельность революционно–подпольных организаций как на территории Британской Индии, так и за ее пределами, осуществляемая представителями индийской эмиграции. Лидеры зарождавшегося индийского коммунистического движения принимали участие в деятельности Коминтерна. На II конгрессе Коминтерна, проходившем в Москве в 1920 г., прозвучало знаменитое выступление М. Н. Роя, деятеля Коминтерна и индийского коммунистического движения, который сориентировал не только индийских коммунистов, но и представителей других коммунистических организаций колониальных стран Азии на борьбу с собственной национальной буржуазией, наряду с иностранной, и завоевание авангардных позиций в освободительном движении. В 1925 г. была создана Коммунистическая партия Индии (КПИ). Однако в ее рядах не было единства. Коммунистические лидеры стояли на различных позициях по ряду вопросов: о легальных и нелегальных методах борьбы и отношении к терроризму; о налаживании отношений с ИНК или конфронтации с ним; о курсе на буржуазно–демократическую или социалистическую революцию; о вхождении в Коминтерн и подключении к международному коммунистическому движению или признании «национального характера» индийского коммунизма и выработке самостоятельного курса, стратегии и тактики; о развертывании деятельности в рабочих и профсоюзных организациях и крестьянских союзах или в установке на революционный переворот на основе военной интервенции извне и использовании армии как изначального фактора революции. Малочисленность КПИ, острая фракционная борьба, общая изоляционистская установка Коминтерна в период с 1924 по 1935 г. в отношении национально–освободительного движения, а также отсутствие на начальных этапах деятельности попыток налаживания работы в рабочей и крестьянской среде обусловили ее длительный отрыв от партийно–политических сил, участвовавших в антиколониальной борьбе. Однако привнесение коммунистического и

социалистического комплекса идей в общественно–политическую мысль Индии расширяло спектр представлений индийских политических деятелей о возможных путях переустройства и организации постколониального общества, существенно радикализовало индийское национально–освободительное движение. Среди индийских коммунистов стали появляться деятели, отличавшиеся конструктивным подходом к оценке политической ситуации в стране и сыгравшие позитивную роль в дальнейшем развитии коммунистического движения (М. Ахмад, Ш. А. Данге, А. К. Гхош и др.).

В 1928 г. радикально настроенные конгрессисты провели съезд общеиндийской Лиги независимости, во главе которой встали Дж. Неру и С. Ч. Бос, а на съезде Конгресса в Лахоре в 1929 г., председателем которого был избран также Дж. Неру, было принято решение о проведении новой общеиндийской кампании гражданского несотрудничества. Руководителем ее, как и в 1920— 1922 гг., стал М. К. Ганди. В основу кампании гражданского неповиновения 1930 г. было положено требование отмены британским правительством соляной монополии и налога на соль (отсюда и название «соляной поход»). Кампания была начата в апреле 1930 г. и проходила по той же программе, что и в начале 1920-х, предполагавшей бойкот английских товаров, отказ от занимаемых постов, от участия в Законодательном собрании и т. п. Она приобрела огромный размах и объединила представителей самых различных слоев индийского общества, включая крестьянство и фабрично–заводских рабочих. Английские власти, запретив проведение кампании несотрудничества, объявили Конгресс и другие политические организации, принимавшие участие в сатьяграхе, вне закона. В мае 1930 г. был арестован Ганди, а к концу 1930 г. тюремному заключению подверглось около 60 тыс. человек.

МЛ не приняла участия в кампании несотрудничества. Ее лидеры негативно относились к гандистским методам борьбы, будучи приверженцами умеренного конституционализма. Отход от ИНК консолидировал мусульман: большинство мусульманских политиков отказывалось обсуждать вопросы будущего конституционного устройства до решения индусско–мусульманской проблемы. Мусульманам–конгрессистам все труднее становилось находить общий язык с лидерами МЛ. В 1930 г. известный мусульманский общественный деятель, философ и поэт М. Икбал выступил с предложением о предоставлении Панджабу, Северо–Западной пограничной провинции (СЗПП), Белуджистану и Синду статуса независимого государства. Однако оно не было принято Лигой: на этом этапе речь шла лишь о расширении провинциальной автономии.

М. Ганди со своим помощником Катари. Индия, 1930 г. РГАКФД

Наряду с обособлением мусульманских организаций происходил процесс укрепления партий, выступавших с лозунгами «хиндутвы» (индуизации индийского общества). Помимо ХМС, крупнейшей индусской партии в Британской Индии, в 1925 г. была создана Раштрия Сваямсевак Сангх (РСС) — Союз добровольных служителей родины — как культурно–просветительская организация, призванная служить делу консолидации индусской общины. Ее основатель К. Б. Хедгевар, а затем продолжатель его дела М. С. Голвалкар явились, наряду с руководителем ХМС В. Д. Саваркаром, создателями теории построения индусской государственности («хинду раштра») в Индии.

В июне 1930 г. был опубликован доклад британской Комиссии Саймона с рекомендациями относительно будущего конституционного устройства Индии. Английское правительство наметило проведение серии переговоров с ведущими политическими силами Индии для обсуждения доклада. В 19301932 гг. последовательно состоялись три конференции «круглого стола» в Лондоне. В них приняли участие ведущие индийские политические партии и князья. ИНК бойкотировал 1-ю и 3-ю конференции,

однако принял участие в работе 2-й. На ней наметилось два кардинально различных подхода к общинному вопросу. ИНК рассматривал разрешение общинной проблемы в качестве венца конституции, предусматривающей самоуправление, МЛ — как ее фундамент, что предполагало необходимость решения всех спорных проблем индусско–мусульманских отношений до определения нового государственного статуса страны. Другие партии, принявшие участие в конференции, прежде всего ХМС, были сосредоточены на вопросе о распределении мест в конституционных органах между представителями общин.

Со второй половины 1920-х годов изменилась концепция колониальной политики Великобритании в Индии в связи с переменами в политической жизни метрополии: снижением политической роли либералов и приходом к власти лейбористов, потеснивших консерваторов. Концепция лейбористов в колониальном вопросе заключалась в идее постепенной трансформации империи в Британское содружество наций, представляющее собой объединение суверенных народов на правах равного экономического и политического партнерства при общности демократического государственного устройства и политических традиций конституционализма. Формирование общественных слоев, связанных с новыми национальными финансово–промышленными группами в метрополии, определило налаживание контактов с различными силами внутри индийского национального движения. Главным методом реализации колониальной политики 1-го и 2-го лейбористских правительств Дж. Р. Макдоналда середины 1920-х — начала 1930-х годов становится концепция Содружества наций, реализуемая в серии конституционных реформ. Венцом деятельности лейбористов явился Вестминстерский статут 1931 г., который провозгласил юридическое равноправие доминионов и метрополии и стал официальным признанием их самостоятельности во внутренних делах. В 1935 г. английский парламент принял новый Закон об управлении Индией, созданный на основе рекомендаций Комиссии Саймона и конференций «круглого стола», вошедший в историю как Конституция 1935 г.

После проведенных на основании Конституции выборов в 1937 г. победивший в большинстве избирательных округов ИНК сформировал провинциальные правительства, которые приступили к осуществлению аграрных преобразований и созданию национальной промышленности. Во второй половине 1930-х годов в ИНК возникла еще одна фракция, получившая название Конгресс–социалистическая партия (КСП) во гл.с Дж. Нарайяном, стоявшая в то время на позициях, близких западным

социал–демократам. КСП способствовала сближению ИНК и КПИ, продолжавшемуся с 1935 по 1939 г., и созданию единого антиимпериалистического фронта накануне Второй мировой войны.

В сентябре 1939 г. Великобритания объявила Индию воюющей стороной, и ведущие политические партии страны приняли декларации об отношении к войне. Резолюция ИНК осуждала фашизм и объявляла о поддержке военных усилий Британии при условии официального признания английским правительством права Индии на самоопределение. Отказ властей от конгрессистского проекта реорганизации политической власти и усиление репрессивного законодательства на время участия Индии в войне («Закон об обороне Индии») подвели Конгресс, оказавшийся в сложном положении необходимости одновременной борьбы против фашизма и против метрополии, ставшей участницей антигитлеровской коалиции, к идее обращения к методам гражданского несотрудничества. В октябре 1940 г. Ганди объявил о начале новой кампании гражданского неповиновения. Возобновление кампании и активизация антибританской деятельности ИНК привели к массовым арестам конгрессистов и запрету этой организации в августе 1942 г., вызвавшим волну антиколониального протеста по всей стране — так называемую «Августовскую революцию 1942 г.». Лишь в 1944 г. Конгресс возобновил свою деятельность. Внутри ИНК также не было единства. Покинувший Конгресс перед войной С. Ч. Бос и созданная им организация «Форвард блок» в целях ускорения свержения британского колониального господства пошли на союз с державами «оси», основав из пленных индийцев и эмигрантов Индийский легион в Германии и, с помощью милитаристской Японии, Индийскую национальную армию на территории Юго–Восточной Азии из представителей индийской диаспоры.

Конгрессистская сатьяграха времен Второй мировой войны не нашла поддержки у других политических сил Индии, прежде всего у МЛ, а также ХМС, выступивших против курса ИНК. В марте 1940 г. в Лахоре состоялась 27 сессия Лиги, вошедшая в историю как Пакистанская сессия, поскольку в принятой на ней резолюции основной целью провозглашалось создание самостоятельной государственности мусульман Британской Индии. Превращение идеи образования мусульманской государственности в главный лозунг политической борьбы стало началом нового этапа деятельности МЛ. Были разработаны различные проекты выделения из состава Индии территорий, населенных мусульманами, и переселения на них мусульман из преимущественно индусских регионов.

В 1941 г. была создана организация Джамаат-и ислами («Исламское общество»), призванная обеспечить культурное объединение мусульман и распространение исламских ценностей среди членов общины, но не поддержавшая идею создания Пакистана. Ее основатель маулана Абул Ала Маудуди проповедовал идеи исключительности мусульманской общины и возвращения ей тех позиций в Южной Азии, которыми она владела в эпоху Могольской державы. При содействии этой организации в Индии в 1940-е годы возникли боевые группировки, способствовавшие разжиганию индусско–мусульманской розни. Отрицательно отреагировали на идею создания Пакистана некоторые региональные мусульманские организации, в частности, Юнионистская партия Панджаба, предвидевшая негативные последствия неизбежного раздела своей провинции в случае реализации планов Джинны.

В то время как британские власти запретили ИНК в 1942 г., в том же году они легализовали КПП, выступившую с поддержкой военных усилий Англии как действенного участника антигитлеровской коалиции. Возникшее противостояние ИНК и КПИ продолжалось как на завершающем этапе борьбы за независимость, так и в первое десятилетие независимого развития.

В 1942 г. начала свою работу миссия С. Криппса. Согласно ее предложениям, английская сторона обязалась предоставить своей колонии статус доминиона сразу же после окончания войны. Серия переговоров 1944— 1945 гг. между представителями политических партий Индии при участии британской колониальной администрации не привела к единому решению о принципах будущего государственного устройства страны. Конгресс давал согласие на образование Пакистана при решении этого вопроса путем плебисцита после предоставления стране независимости, Лига же настаивала на признании Конгрессом идеи образования Пакистана до достижения суверенитета. В 1945 г. в Индию была направлена английская правительственная делегация во главе с министром по делам Индии Петик–Лоуренсом для разработки конституционного механизма передачи власти индийцам в соответствии с политикой лейбористского правительства К. Эттли.

Вторая мировая война способствовала значительным изменениям как в раскладе политических сил и группировок в национально–освободительном движении и их отношениях с метрополией, так и в социально–экономическом положении страны. Годы войны ознаменовались в Индии продовольственным кризисом, перешедшим в тяжелый голод: по неполным подсчетам, голодало не менее 125 млн человек, т. е. почти 1/3

населения. Увеличение налогообложения, арендной платы, рост цен на продовольственные товары, усиление ростовщического гнета и спекуляций привели к обезземеливанию и обнищанию основной массы крестьянства и поставили на грань выживания не только городскую бедноту, но и значительную часть разорившихся мелких торговцев, ремесленников, рабочих мелких и средних предприятий. Ситуация грозила стать взрывоопасной для британских властей, не предпринимавших сколь–нибудь действенных мер для нормализации экономики и не способных бороться с набирающим силы национально–освободительным движением, получавшим растущую поддержку со стороны окрепшего за годы войны индийского национального предпринимательства. В 1940-е годы колониальный аппарат претерпел значительные преобразования. Изменилось соотношение британских чиновников и индийцев (в пользу последних), многие представители британской администрации считали дальнейшее пребывание в колонии бесперспективным и неоправданно дорогостоящим в связи с растущими затратами на развитие аппарата подавления антибританских движений. Возникший во время войны большой спрос на промышленные изделия, особенно на вооружение и обмундирование англо–индийской армии, а также для английских и индийских войск, действовавших в Северной Африке, объективно стимулировал развитие промышленного производства. В условиях ослабления конкуренции английских товаров рост промышленной продукции произошел в металлургической, металлообрабатывающей и химической промышленности, т. е. в отраслях, имевших военное значение, а также в хлопчато–бумажной и пищевой, обслуживавших нужды армии. Усилился процесс концентрации производства и централизации индийского капитала, существенно окрепли монополистические группы — Тата, Бирла, Далмия–Джайн, Сингхания, Хирачанд Валчанд и др. Появились смешанные англо–индийские компании. Проникновение на индийский рынок в годы войны американского капитала и обострение англо–американской конкуренции в Индии объективно способствовали укреплению позиций местных предпринимателей по отношению к английским монополиям. Федерация индийских торговых и промышленных палат (ФИТПП) ассоциировала себя с интересами растущего национального капитала и выступала с поддержкой идеи индийской независимой государственности.

Особенности внутреннего развития княжеств Индостана

Индийские княжества занимали 45% территории субконтинента, а население всех княжеств (их насчитывалось около 600) превышало 90 млн человек, что составляло 24% населения Индостана. Значительную роль в политической и экономической жизни Индии играли примерно 50 княжеств, наиболее крупных по территории и населению. Среди них выделялись три важнейших княжества: Джамму и Кашмир, Хайдарабад и Майсур.

Англичане для удобства администрирования разделили княжества на несколько основных групп в зависимости от числа залпов, которыми приветствовались князья при торжественных церемониях. Княжества первой группы полностью контролировали вопросы, связанные с внутренней политикой, издавали законы. Они были известны под названием «салютных княжеств», т. е. княжеств, правители которых имели право на получение приветственного салюта при посещении столицы и проведении торжественных церемоний. Таких княжеств насчитывалось 118, т. е. примерно 1/5 часть от общего числа, и количество залпов в их честь варьировалось от 21 до 9. Список «салютных княжеств» представлял собой важный документ, ибо он упорядочивал иерархию князей. Правители 5 крупнейших княжеств — низам Хайдарабада и махараджи Джамму и Кашмира, Майсура, Гвалиора, Бароды — были удостоены 21-залпового салюта; князья Индора, Траванкура, Колхапура, Бхопала, Мевара и Калата — 19. За ними следовали княжества, различавшиеся по количеству залпов: 17, 15, 13, 11, 9. Махараджи вели борьбу за увеличение количества присужденных им салютов, ибо их число заключало в себе не только соответствующий статус и престиж, но и несло право на обладание целым рядом привилегий. Вице–короля Великобритании приветствовали 31 залпом, а самого британского монарха — недосягаемым для простого смертного числом — 101. Следом за «салютными княжествами» следовала группа княжеств, в честь правителей которых салюты не были предусмотрены. Эти княжества в гораздо большей степени находились под юрисдикцией британских властей. Они могли принимать законы лишь с одобрения британской колониальной администрации и вершить суд только в отношении мелких правонарушений. В них исполнительная, законодательная и судебная власти контролировались специально назначаемыми в них британскими чиновниками — резидентами и агентами.

Соблюдению протокола и детальной разработке ритуала взаимоотношений между князьями и высшими представителями британской власти придавалось огромное значение. Кроме салютов, князья

наделялись целым рядом почестей, варьировавшихся в зависимости от их значимости. Стремясь создать себе опору в лице лояльной индийской знати, британцы даровали князьям гербы, создаваемые знатоками британской геральдики. Князья оказывали военную поддержку Британской империи, и она учредила для них специальные награды — Орден Звезды Индии, Имперский Орден короны Индии, Орден Британской Индии. Их посвящали в рыцарское достоинство и производили в баронеты, они имели право свободного допуска к вице–королю и государственному секретарю по делам Индии. Союз князей и Британской империи скреплялся официальными документами: британские монархи от Виктории до Георга VI санкционировали их власть. Князья были непременными участниками имперских конференций наряду с представителями доминионов, входивших в Британскую империю, принимали участие в подписании Версальского мирного договора и деятельности Лиги Наций. Князья традиционно рассматривались как опора в борьбе с националистами Британской Индии.

В 1921 г. была создана Палата князей как совещательный орган при вице–короле, призванный решать вопросы реорганизации княжеств по пути преобразования их в конституционные монархии. Монархические идеалы государственного правления князей шли вразрез с демократическими устремлениями лидеров политических организаций на территории Британской Индии. Идея свараджа, владевшая умами националистов в Британской Индии, трактовалась в княжествах как потеря их независимости от лидеров ИНК.

Соседи Британской Индии в южноазиатском регионе

Политические образования Южной Азии, располагавшиеся на прилегающих к Британской Индии территориях и находившиеся в разной степени зависимости от Великобритании, имели долгую историю культурных и экономических контактов, равно как и противоречий и напряженности в отношениях населяющих их народов. Политические деятели так называемых «малых стран» региона всегда пристально следили за событиями в Индии и во многом заимствовали политический опыт лидеров индийских общественных движений, однако отстаивали право на собственный путь развития и провозглашали свои государственно–национальные ценности, подчеркивая самостоятельность избираемых политических и экономических стратегий развития.

Цейлон являлся британской королевской колонией, наделенной самостоятельной от Индии колониальной администрацией во главе с генерал–губернатором, подотчетным Департаменту по делам колоний в метрополии. Национально–освободительное движение на острове было разобщено и незрело, и возникшая тенденция к преодолению межобщинной розни не возобладала. Первая политическая организация, объединившая представителей трех крупнейших общин острова — сингалов–буддистов, тамилов–индусов и мавров–мусульман, была образована лишь в 1919 г. по образцу Индийского национального конгресса (ИНК), возникшего на три с половиной десятилетия раньше. Она получила аналогичное название — Цейлонский национальный конгресс (ЦНК), однако этой организации не суждено было сыграть ту роль, которая была отведена историей ИНК. В 1921 г. внутри ЦНК произошел раскол, приведший к отделению тамильской общинной организации Тамил махаджана сабха (Великий народный союз тамилов), начавшей борьбу за увеличение тамильского представительства в Законодательном совете, что закрепило традицию построения политических партий по национально–религиозному принципу. Наряду с ЦНК, представлявшим интересы сингальской части населения, были сформированы Всецейлонский тамильский конгресс, отстаивавший права так называемых «цейлонских тамилов», Цейлонский индийский конгресс, защищавший «индийских тамилов», а также Цейлонская мусульманская лига, выражавшая требования цейлонских мавров. «Цейлонские» тамилы, укоренившиеся на острове еще в добританский период, имели прочные экономические позиции, особенно в торговле и банковском деле. Они считали себя полноправными жителями острова, в то время как «индийские» тамилы составляли ограниченную в гражданских правах группу плантационных рабочих, лидеры которых боролись за допуск к самостоятельному политическому представительству. В то время как в деятельности ИНК в Индии отчетливо обозначились два направления — либеральное и радикальное, ЦНК целиком и полностью воспроизводил в своей деятельности программу индийских «умеренных». В ЦНК на всем протяжении борьбы за независимость преобладали умеренные конституционалисты, харизматичных лидеров типа Ганди, стоявших во главе массовых кампаний гражданского неповиновения, цейлонское национально–освободительное движение не породило. Идея сатьяграхи — ненасильственного несотрудничества — получила распространение только среди тамильской общины и использовалась не для общецейлонских акций против британского правления, а для противодействия сингальскому

большинству. ЦНК не превратился в массовую партию и, в отличие от ИНК, где сосуществовали гандисты и свараджисты–конституционалисты, целиком состоял из приверженцев последних. На Цейлоне разработка социал–демократических программ осуществлялась вне умеренного ЦНК, в отличие от Индии, где комплекс идей, связанных с социалистическим переустройством общества, разрабатывался внутри ИНК, в котором возникли фракция Дж. Неру и С. Ч. Боса и Конгресс–социалистическая партия Дж. Нарайяна. В 1935 г. здесь была создана Социалистическая партия Цейлона — Ланка самасамаджа пакшая (ЛССП). Коммунистическая партия возникла лишь в годы Второй мировой войны (в 1943 г.).

Эволюция британского законодательства на Цейлоне происходила в тесной связи с конституционным развитием Британской Индии. Вместе с принятием в 1909-1910 гг. Закона об индийских советах (реформа Морли — Минто) на Цейлоне также была произведена реформа Законодательного совета (реформа Маккаллума). Сохранение принципа общинного представительства в Законодательном совете приводило к тому, что дальнейшее развитие движения за конституционные реформы пошло по пути борьбы различных этноконфессиональных (сингалы–буддисты, тамилы–индусы, мавры–мусульмане, бюргеры–христиане) групп за увеличение своего представительства в этом органе государственной власти. Аналогом реформы Монтегю — Челмсфорда 1919 г. в Индии стала реформа Мэннинга 1921 г. на Цейлоне, вводившая представительное правление при выборном большинстве Законодательного совета. В 1923 г. была принята Конституция Мэннинга — Девоншира, закреплявшая диархическую систему правления. За английским губернатором Цейлона оставалось право вето. Сохранение принципа общинного представительства имело здесь свои особенности по сравнению с Индией, где традиционная для англичан политика противопоставления индусов и мусульман получила свое законодательное закрепление: на Цейлоне основными конкурирующими группами стали два этноса — сингалы, составлявшие большинство населения острова, и тамилы, вторая по численности группа. Конкуренция двух моноэтнических групп отодвигала религиозную конфронтацию (буддизм — индуизм) на второй план, в отличие от Индии, где полиэтничность как индусов, так и мусульман обрекала их на поиск прежде всего религиозной идентичности. Однако буддизм постепенно приобретал все большее значение для сингальских националистов, начинавших отождествлять понятия «нация» и «религия»: сингало–буддийский национализм формировался и набирал силу в ходе антиколониальной борьбы.

На Цейлоне в 1927 г. начала свою деятельность Комиссия Дономора (аналог комиссии Саймона 1928 г. в Индии), результатом работы которой стало принятие Конституции 1931 г. (в Индии конституция была принята в 1935 г.). В 1937 г. британское правительство поручило генерал–губернатору Колдекотту выработку рекомендаций относительно будущего государственного устройства Цейлона. Обсуждение «Депеши реформ» Колдекотта продолжалось вплоть до начала Второй мировой войны, когда английское правительство пообещало внести существенные изменения в систему управления Цейлоном после окончания войны. В годы Второй мировой войны на Цейлоне (в г. Канди) располагался штаб вооруженных сил союзных войск, противостоящих японской агрессии в Юго–Восточной Азии, порты Коломбо и Тринкомали были превращены в военные базы.

В отличие от Цейлона, представлявшего собой классический образец британской королевской колонии, соседний **Мальдивский султанат** никогда полностью не терял независимость, за исключением короткого периода в XVI в., когда страна управлялась португальцами из Гоа. С 1887 по 1965 г. Мальдивы находились под протекторатом Великобритании, но постоянного управленческого присутствия англичан на островах никогда не было. Правители Мальдивского султаната осуществляли внутреннюю политику, англичане же были «ответственны» за оборону и внешние сношения — система управления, полностью соответствующая системе британского управления на территории княжеств индийского субконтинента. В 1932 г. была принята первая конституция страны, предусматривающая выборы султана из среды местной знати.

Непал представлял собой замкнутое, изолированное от внешнего мира государство, сложившееся к началу XIX в. и превращенное господствующим кланом Рана с середины того же столетия в зависимый от англичан аграрносырьевой придаток Британской Индии, находившийся в особых договорных отношениях с британской колониальной администрацией. Политическая стагнация, культурный и экономический застой стали характерными чертами режима Рана. Хотя в 1923 г. Непал был признан англичанами независимым государством, контроль над внешней политикой продолжал сохраняться. Интриги и распри внутри правящей верхушки представляли собой практически единственную форму политической активности. Искусственно отрезанный от политических процессов, происходивших в Южной Азии в период развития национально–освободительного движения. Непал позже других стран региона встал на путь создания современной партийно–политической системы. Политические организации, возникшие здесь в 30-е годы XX

столетия и призывавшие к установлению парламентской монархии, были разгромлены, уцелевшая часть их создателей организовала эмигрантские политические группы на территории соседней Индии, в Калькутте и Бенаресе. Они составили основу созданной в 1947 г. партии Непальский национальный конгресс (ННК), действия которой постепенно были перенесены на территорию Непала. Основным методом политической борьбы ННК стали кампании гражданского неповиновения, а главным требованием участников сатьяграхи — введение конституции, гарантирующей демократические свободы и введение принципа выборности в законодательные органы власти.

Бутан и **Сикким**, несмотря на ряд различий, имели общие черты: обе страны являли собой монархии, несопоставимые по уровню развития производительных сил с другими областями региона. Они являлись отсталыми аграрными странами с преобладанием натурального хозяйства и архаичных социальных отношений, на протяжении XIX в. и до 1947 г. находившимися под контролем британских колониальных властей.

*** * ***

Первая половина XX в. стала периодом развития двух ведущих линий, в южноазиатском регионе; определивших отношения между региональными силами и метрополией: 1) политического диалога, тяги к западной системе образования и образу жизни, заимствования западных моделей политического и экономического развития и 2) противоборства между властными структурами метрополии и национальными силами колоний и зависимых территорий, нарастания конфликта между светскими западными демократическими институтами и традиционными моделями политического устройства. Развитие движения за независимость происходило под воздействием стереотипов западной цивилизации — идей равенства и прав личности, самоопределения народов, однако для придания ему национального колорита и патриотического звучания понадобилось обращение к культурным и религиозным ценностям народов Индостана.

Движение за политическую независимость в своем развитии прошло через несколько этапов. Первый этап охватывает период до начала 20-х годов XX в., когда социальная база национального движения была ограничена представителями образованной элиты крупных городских промышленных центров, а основной формой движения была умеренно–конституционная деятельность. С начала 1920-х годов, ознаменовавшихся

приходом в Конгресс Ганди, который внес в деятельность этой организации принципиально иные подходы в организации форм и методов антиколониального движения, основанные на гражданском несотрудничестве, шел процесс демократизации национально–освободительной борьбы и подключения к ней слоев, ранее не участвовавших в политике: ремесленников, кустарей, крестьян, фабрично–заводских рабочих, мелких торговцев и т. п.

К середине 1930-х годов ИНК, абсорбировав все возможные формы антиколониальной борьбы, впитав в себя настроения самых различных слоев индийского общества, институционализируется как политическая партия, являющаяся выразителем общенациональных интересов и выходящая за рамки буржуазно–националистической организации. ИНК получает частичный доступ к политической власти, узаконенный Конституцией 1935 г., и вступает в последнюю фазу борьбы, завершившуюся в 1947 г. предоставлением стране статуса доминиона в рамках Содружества наций. Вместе с тем середина 1930-х годов становится временем размежевания Конгресса и Лиги, закончившегося расколом национально–освободительного движения в начале 1940-х годов, когда цели и задачи этих двух организаций становятся разными: ИНК борется за создание единой независимой государственности в границах Британской Индии, Лига — за создание на территории Британской Индии отдельного государства Пакистан для индийских мусульман.

Концепция взаимоотношений «колония–метрополия» также менялась на протяжении первой половины XX в. С 80-х годов XIX в. и до начала XX в. ИНК выступал с программой усовершенствования системы правления в Британской империи. Требование предоставления Индии статуса доминиона было впервые озвучено на сессии ИНК в 1906 г., в то время как требование предоставления полной независимости («сампурна сварадж») и республиканского статуса было сформулировано конгрессистами к 1927 г. Поэтапное продвижение к независимости представляло собой последовательное чередование гандистских и свараджистских инициатив (начало каждого десятилетия — 1920-х, 30-х, 40-х годов — ознаменовывалось проведением общеиндийских кампаний ненасильственного несотрудничества, середина и конец — конституционной деятельностью свараджистов и следованием гандистской «конструктивной программе»).

Колониальный период стал этапом становления институтов демократии в Индии, заложил основы современной государственности и политической жизни, предопределил особенности функционирования

политической системы в период независимости. Итогом первой половины XX столетия стало не только завоевание народами Индии независимости, но и складывание политической системы — многопартийной, с решающим преобладанием на общеиндийском уровне ИНК, с течением времени все более приобретающего черты политической партии со строго централизованным руководством. Индийские политические деятели прошли не только школу противостояния с колониальными властями, но и успели получить определенный опыт государственного управления. Представители социальных верхов индийского общества имели частичный доступ к власти, как в качестве чиновников колониальной администрации (и составили к 1947 г. около половины Индийской гражданской службы), так и в качестве министров провинциальных правительств, образованных ИНК в 1937 г. и просуществовавших до начала Второй мировой войны. Несмотря на определенное расширение электората и социальной базы политических партий современного типа, процесс политизации индийского общества развивался медленными темпами. Так, ко времени достижения Индией независимости уровень грамотности достигал 14-15% (в начале XX в. он составлял 5-6%). Традиционалистские ценности, превалировавшие на уровне массового сознания, предопределили харизматичный тип политического руководства и популистский тип программных установок.

В формировании партийно–политической системы преобладали центростремительные тенденции, ядром и центром притяжения неизменно оставался ИНК. Он вмещал в себя не только разнородные по своему составу и направленности фракции, но и практиковал систему так называемого двойного членства, дающую возможность представителям любой другой партии одновременно и сохранять первоначальную основополагающую принадлежность к своей партии, и считать себя находящимися в рядах Конгресса. Таким правом в первой половине XX в. пользовались не только силы, примыкавшие по своим идеологическим установкам к ИНК, но и те, чьи воззрения казались малосовместимыми с гандистскими представлениями о ненасильственных формах борьбы, союзе индусской и мусульманской общин, социально–классовом мире. ИНК выработал концепцию компромиссного согласования несхожих групповых интересов — систему консенсуса, которая была положена в основу политической стратегии этой партии.

Первая половина XX в. — важный период с точки зрения внутреннего развития индийского социума и поиска историко–культурной идентичности индийцев. В эти годы в недрах южноазиатского общества, гетерогенного по

своим этническим, конфессиональным, социальным и кастовым характеристикам, происходило складывание взаимосвязей и, одновременно, противоречий внутри нарождающейся местной партийной системы современного типа, возникновение политических культур на базе различных групповых интересов, осознаваемых в процессе самоидентификации основными общинами Южной Азии. В поисках «национальной идеи» были сформированы основные направления общественно–политической мысли, определяющие развитие региона и в настоящее время: индийский светский национализм, индусский национализм, мусульманский национализм, сикхский национализм, этнонационализмы в среде наиболее консолидированных народов региона — маратхов, бенгальцев, тамилов и др., кастовые самоидентификации, включая антибрахманизм и консолидацию каст среднего статуса, с одной стороны, и движения «неприкасаемых» — с другой. Противоборство «арийский Север — дравидский Юг» стало важной линией демаркации внутри индусской общины. Таким образом, выработка принципов самоопределения и самоосознания индийцев определила развитие исторического процесса в первой половине XX в. На их основе были созданы системы общеиндийских и региональных политических партий, секуляристских и конфессиональных объединений, кастовых ассоциаций и федераций. Первая половина XX в. характеризовалась как формированием общерегиональных тенденций в развитии Южной Азии, так и проявлением особенностей развития отдельных районов Индостана, произошло складывание основных субрегиональных центров.

Ближний и Средний Восток: территориальная организация, политические системы, национальные движения

Регион накануне и в годы Первой мировой войны

В преддверии войны ситуация в регионе носила сложный характер. Важнейшие страны — Османская империя, Иран и Афганистан — представляли собой слабые государства, зависимые от политики ведущих европейских держав, боровшихся за укрепление собственного влияния в регионе и ослабление позиций конкурентов. Соперничество Великобритании и Франции на Ближнем Востоке, Великобритании и России — на Среднем осложнялось с начала XX столетия активной политикой Германии и ее союзников, стремившихся компенсировать поздний старт в борьбе за колонии и сферы влияния.

Обозначились и перемены в отношениях западных держав к странам региона. В них на первое место вышли задачи по диверсификации вывоза капитала. Они реализовывались прежде всего в проектах по развитию средств сообщения (железные дороги, паровое судоходство, телеграф), что позволяло расширить поставки западных промышленных товаров, более эффективно осуществлять разработку местных месторождений угля, нефти, различных металлов, проводить переориентацию сельского хозяйства региона на производство той земледельческой продукции (технические культуры, табак, чай), которая удовлетворяла бы запросы «мирового города». Не менее важное значение имели усилия различных европейских советников по модернизации государственного аппарата, особенно банковской системы, что позволяло им эффективно контролировать состояние местных финансов.

Разумеется, воздействие перемен в экономике и социальной жизни стран региона было неодинаковым, в наибольшей степени они сказались на Османской империи, в силу ее близости к центру мировой капиталистической системы, в наименьшей — на Афганистане, из–за его социально–экономической отсталости и трудной доступности. Впрочем, и в рамках одного социума перемены в городах были ярче выражены, нежели в сельской местности, различалось и их восприятие представителями

старшего поколения и молодежью, образованной элитой и неграмотными низами. Значение всех этих новых явлений было велико, ибо они свидетельствовали о начале социальной революции в регионе, связанной с разрушением традиционных порядков, определявших жизнь местного населения на протяжении многих веков.

Новая ситуация, в которой оказались страны региона, означала не только усиление эксплуатации основной массы населения и ухудшение условий его существования, но и глубокие перемены в общественном сознании. Особого внимания заслуживает реакция тех социальных слоев, которые способствовали трансформации общественных порядков и государственных институтов: военной и гражданской бюрократии, новой разночинной интеллигенции, торгово–промышленных элементов. Начавшийся процесс модернизации Ближнего и Среднего Востока несомненно обеспечивал возрастающую роль этих групп, создавая условия для продвижения их представителей в политическую элиту, где они теснили позиции консервативно настроенных крупных землевладельцев и влиятельных религиозных деятелей. С их активностью связано и развитие процесса формирования национального самосознания. Местная образованная элита использовала воспринятые ею на Западе идеи национализма для выражения недовольства засильем иностранных компаний, экономическим и политическим подчинением своих стран диктату западных держав.

Изменить ход событий противники власти западных монополий предполагали с помощью реформ, призванных ускорить пробуждение национального самосознания и устранить иностранное влияние. В подобных преобразованиях приоритет отдавался просветительской деятельности, ориентированной на расширение сферы образования, распространение современных знаний в обществе. Такие усилия должны были способствовать формированию нового общественного сознания, основанного на чувствах любви к родине и уважения к культуре своего народа. Свои замыслы сторонники национальной идеи и патриотических устремлений предполагали реализовать мирными и легальными методами — посредством издания газет и журналов, создания просветительских и культурных обществ, сотрудничества с либерально настроенными деятелями западных держав. Однако малая эффективность предпринимаемых усилий и негативная реакция западных стран вынуждали наиболее радикально настроенных турецких, иранских и афганских просветителей обратиться к иным методам борьбы за реализацию своих замыслов, которые предполагали в той или иной форме

участие широких народных масс. В исторической литературе они трактуются как выражение процесса «пробуждения Азии», поскольку они охватили значительную часть Востока. В них широкое участие приняло и население многих районов Ближнего и Среднего Востока.

Вместе с тем резкое обострение борьбы между ведущими державами мира за верховенство в мировой капиталистической системе открывало перед странами региона перспективы преодоления зависимости.

Сразу после начала Первой мировой войны младотурецкое правительство попыталось в одностороннем порядке отменить режим капитуляций. В течение некоторого времени оно воздерживалось от открытой поддержки Германии, надеясь, что страны Антанты, заинтересованные в нейтралитете Османской империи, согласятся с этим решением. Правители Ирана и Афганистана также провозгласили нейтралитет.

Однако после того как ни одна из противостоящих сторон не согласилась на отмену капитуляций, лидеры младотурок пошли на подписание германотурецкого военного союза. 29 октября 1914 г. германские корабли, вошедшие в состав османского флота, обстреляли российские порты Одессу, Севастополь, Феодосию, Новороссийск, турецкие войска пересекли границу и вступили на территорию России. В ответ на эти действия Россия, а затем Великобритания и Франция объявили войну Османской империи. В свою очередь, султан провозгласил джихад странам Антанты. Так младотурки вовлекли страну в мировую войну.

По плану германского командования турецкие войска должны были вести наступательные операции против России на Кавказе и против Англии на Синайском полуострове. Позже державы Антанты начали военные действия на Месопотамском фронте и на Балканах. Здесь туркам пришлось держать оборону. За участие в войне младотуркам пришлось заплатить очень дорогую цену. Практически везде войска Османской империи терпели неудачи — за исключением провальной для союзников Дарданелльской операции и взятия османскими войсками Кут–эль–Амары. Вступление Османской империи в войну на стороне Центральных держав и ее военные поражения ставили вопрос об окончательном разделе владений оттоманов. Несмотря на существовавшие между державами Антанты традиционные разногласия по этому поводу, им удалось прийти к компромиссным решениям. Так, в 1915 г. было подписано соглашение, в соответствии с которым после победы Проливы должны были отойти России, а на территории Аравийского полуострова должно было быть создано независимое государство. К маю 1916 г. державы Антанты

окончательно договорились о разделе азиатских владений Османской империи на основах, предусмотренных соглашением Сайкс — Пико. В соответствии с соглашением, России отходили Проливы и Константинополь, Юго–Западная Армения, часть Северного Курдистана. Франция получала Западную Сирию, Ливан, Киликию и Юго–Восточную Анатолию. Британия — Центральную и часть Южной Месопотамии, порты Хайфа и Акка. Палестина переходила под международный контроль. Оставшиеся арабские провинции Османской империи делились на французскую (Восточная Сирия и Центральный Курдистан) и Британскую (Заиорданье, Южный Курдистан, Южная Месопотамия) зоны влияния. На этих территориях планировался англо–французский кондоминиум. В 1917 г. свою долю получила и Италия — Юго–Западную Анатолию, а также зону влияния — часть Западной и Центральной Анатолии. Соглашение имело большое значение для последующей судьбы региона. Искусственные границы, прочерченные зачастую без учета географических, этнических, религиозных, культурных особенностей тех или иных территорий, стали причиной многих последующих кризисов. События последних лет, разворачивающиеся на Ближнем Востоке, могут быть рассмотрены, среди прочего, и как ревизия сложившейся по результатам соглашения Сайкс — Пико (и последующих решений стран Антанты) политической карты Ближнего Востока.

Практически одновременно прошли тайные переговоры между английским верховным комиссаром Египта Г. Мак–Магоном и шерифом Мекки Хусейном ибн Али аль-Хашими об условиях сотрудничества с Антантой. Последний видел себя в качестве будущего правителя независимого Хиджаза или же более обширного арабского государства. В своих расчетах на обретение Хиджазом независимости он небезосновательно полагался на поддержку со стороны Британии. Впрочем, Хусейн ибн Али претендовал и на лидерство в арабском национальном движении, активно развивавшемся после младотурецкого переворота 1908 г. и пользовавшемся поддержкой Франции. К началу Первой мировой войны, убедившись в бесперспективности проектов сближения с младотурками, лидеры арабского движения принимают решение о начале борьбы за отделение от Османской империи. Еще весной 1914 г. в Хайле, столице Шамарского эмирата, прошла встреча представителей национального движения и правителей аравиискиx владении. Впрочем, идея создания единого антиосманского фронта провалилась — не в последнюю очередь из–за позиции правителя Неджда Ибн Сауда, претендовавшего на весь Аравийский полуостров.

После вступления Османской империи в войну, Британия подталкивает Хусейна к началу вооруженной борьбы. Его сын Фейсал весной 1915 г. встречается с лидерами национального движения. В мае 1915 г. был составлен так называемый Дамасский протокол, оговаривавший условия выступления арабов против Османской империи, в том числе гарантию Великобританией создания независимого арабского государства, включающего Палестину, Сирию, Месопотамию и Аравийский полуостров (кроме Адена). Также от Британии требовалась гарантия отмены капитуляций. Создаваемое арабское государство должно было заключить с ней оборонительный союз и предоставить на 15 лет экономические привилегии. В ответ на эти требования в письме от 24 октября 1915 г. от лица британского правительства Мак–Магон обещал признать арабское государство, однако без территорий Западной Сирии, Ливана, Киликии и британских протекторатов в Аравии. Это письмо стало известно как соглашение Мак–Магон — Хусейн.

В условиях подготовки османского правительства к вооруженной экспедиции с целью смещения Хусейна, последний призвал арабов к началу антиосманского вооруженного восстания. 5 июня 1916 г. началось восстание племен в Хиджазе. Известия об успехах повстанцев, поддержанных англичанами, и о провозглашении независимости Хиджаза оказали большое воздействие на положение в других арабских провинциях империи, увеличились случаи неповиновения и дезертирства солдат–арабов в османской армии. 2 ноября 1916 г. в Мекке Хусейн был провозглашен королем арабской нации, хотя Британия и Франция согласились признать за ним только титул короля Хиджаза.

События, последовавшие за началом хиджазского восстания, создали благоприятные возможности для активизации действий британских войск на Месопотамском фронте, которые привели к сдаче турками Багдада. К концу 1917 г. были захвачены практически все арабские территории Османской империи.

Чтобы ослабить недовольство населения политикой «триумвирата» Энвер–паши, Талаат–паши и Джемаль–паши, младотурецкие правители развернули репрессии против немусульманского населения, обратившись к массовым арестам, казням, депортациям больших масс мирных жителей. Так, в 1915 г. в результате вывода армянского населения из прифронтовой полосы на северо–востоке Малой Азии погибло большинство из 1,5 млн человек, учтенных здесь накануне войны. Оставшиеся в живых армянские семьи были брошены в специальные лагеря на территории Сирии и Палестины или вынуждены бежать за границу. Закон о депортации был

применен также к греческому населению и даже к арабам. Все эти меры лишь ускоряли неизбежный развал империи.

Параллельно с успехами наступления британская сторона прилагала усилия для пересмотра достигнутых соглашений с союзниками. Тяжелая ситуация во Франции и коллапс России в 1917 г. способствовали достижению успеха на этом направлении. В качестве одного из инструментов укрепления своего влияния на Ближнем Востоке, в частности, в Палестине, Великобритания использовала активно развивавшееся с конца XIX в. сионистское движение — общественно–политическое течение, направленное на возрождение еврейского народа и еврейской государственности на территории исторического Израиля (Эрец–Исраэль). Развивавшаяся с 1870-х годов эмиграция европейских евреев в Палестину, на «Землю обетованную» и идеи создания там еврейского «национального очага», а затем и независимого государства создавали для Великобритании возможности укрепления своего влияния через поддержку этих инициатив. 2 ноября 1917 г. глава Форин Офис Артур Бальфур в своем официальном письме представителю британской еврейской общины лорду Ротшильду сообщил, что «Правительство Его Величества с одобрением рассматривает вопрос о создании в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия для содействия достижению этой цели». Этот документ получил название «декларации Бальфура». Она закрепляла лидерство Британии в будущем разрешении палестинского вопроса, однако была встречена резко негативно арабским национальным движением.

Публикация Советской Россией соглашения Сайкс — Пико и декларация Бальфура вызвали возмущение в арабском национальном движении. Эмир Фейсал, командующий арабами, начинает сепаратные переговоры с младотурками, однако к тому моменту победа Антанты становится решенным делом. Попытки Хусейна добиться от Британии подтверждения соглашения Мак–Магон — Хусейн также не приводят к успеху.

В октябре 1918 г., когда военное поражение стало неизбежным, младотурки были вынуждены отказаться от власти. Противники иттихадистов, возглавившие новое правительство, немедленно начали переговоры о заключении перемирия. 30 октября 1918 г. в порту Мудрое (о. Лемнос) на борту английского военного корабля «Агамемнон» был подписан документ, вошедший в историю под названием Мудросского перемирия. На этом война для турок закончилась. Одновременно в Лондоне между британцами и французами было подписано соглашение о режиме

оккупации. На территориях Ливана, Западной Сирии, Киликии вводилась французская гражданская администрация, на территориях Палестины и Месопотамии — британская, на территориях Восточной Сирии и Заиорданья — арабская во главе с Фейсалом. Ни одна из сторон не была удовлетворена осуществленным в соответствии с соглашением Сайкс — Пико разделом, рассчитывая добиться большего. Формально Османская империя просуществовала еще несколько лет, но фактически она исчезла с политической карты мира с окончанием Первой мировой войны и последовавшим за этим расчленением султанских владений державами–победительницами.

Не менее драматично сложилась судьба Ирана в те же военные годы. 2 ноября 1914 г. шахское правительство заявило о нейтралитете страны. Тем не менее ее территория тогда же превратилась в арену вооруженного противоборства германо–турецких войск, с одной стороны, британских и русских — с другой. Уже в ноябре турецкие части вторглись на территорию Иранского Азербайджана, заняв часть его западных районов, включая Тебриз. Ответное наступление русских войск в январе 1915 г. привело к освобождению Тебриза и переносу военных действий в соседние иранские провинции. Одновременно британские войска развернули свои действия в юго–западных районах страны, где Англо–персидская нефтяная компания усиленно вела разработку нефтяных месторождений.

На дальнейший ход боевых операций очень сильно влияло негативное отношение населения Ирана к англо–русскому военному присутствию в стране, что позволило германской миссии и ее агентуре развернуть антибританскую и антироссийскую пропаганду. Германии удалось привлечь на свою сторону большинство депутатов третьего меджлиса. В ноябре 1915 г. иранское правительство отказалось вести переговоры с Великобританией и Россией о вступлении в войну на стороне Антанты.

Ввод в Иран новых английских и российских военных частей вынудил Ахмед–шаха в ноябре 1915 г. уволить в отставку германофильский кабинет Мостоуфи–эль Мемалека и распустить меджлис. Однако часть бывших министров и депутатов меджлиса выехала в г. Кум, где они при поддержке германского посла и турецкого атташе образовали «Временное национальное правительство», которое начало действовать через созданные в разных районах страны националистические комитеты «Возрождения нации» и «Защиты иранской независимости», пользовавшиеся поддержкой значительной части местного населения. Сформированные ими вооруженные отряды пытались противостоять российским войскам, но были разбиты, что вынудило членов «Временного национального

правительства» бежать из Кума на юго–восток страны. Часть националистов ушла в те западные районы, где действовали германо–турецкие войска. Здесь сформировалось другое «национальное правительство». Оно тоже просуществовало недолго, поскольку из–за наступления казаков корпуса генерала Н. Н. Баратова в начале 1916 г. министрам и депутатам распущенного меджлиса пришлось перебраться на турецкую территорию.

Революционные перемены в России на протяжении 1917 г. решительно изменили отношения двух стран. Февральские события и Приказ № 1 лишили российскую армию боеспособности, весна и лето 1917 г. прошли для нее в бесконечных митингах, съездах, лекциях и т. п., в войсках началось брожение, личный состав требовал возвращения домой. Октябрь 1917 г. окончательно прервал старую линию российской политики в Иране. Уже в обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 3 декабря 1917 г. декларировалась отмена условий англо–русской Конвенции 1907 г. В начале 1918 г. советское правительство официально заявило, что приняло решение аннулировать в одностороннем порядке действие англо–российского соглашения 1907 г. о разделе Ирана на сферы влияния и выразило готовность строить отношения с Ираном на равноправной основе. В соответствии с решением об эвакуации войсковых контингентов из Ирана, к весне 1918 г. русские части покинули его территорию. Одновременно были опубликованы тайные договоры, заключенные Россией с Великобританией и другими государствами, которые касались Ирана и нарушали его права как независимого государства.

Уход русских войск привел к возникновению военно–политического вакуума в северном Иране и позволил англичанам фактически установить свой контроль над всей страной. В августе 1918 г. было сформировано иранское правительство во главе с Восуг эд-Доуле, которое тут же начало свои переговоры с англичанами о новом англо–иранском соглашении, по которому Лондон получал право направить во все ведомства и министерства своих советников с весьма широкими полномочиями. Таким образом, вовлечение Ирана в Первую мировую войну привело к ситуации, при которой Иран оказался перед угрозой превращения в британский протекторат.

Единственной страной региона, которой удалось избежать участия в мировой бойне, был Афганистан. Этому способствовала его изолированность от внешнего мира, а также то обстоятельство, что после англо–афганской войны 1878-1880 гг. он утратил право на самостоятельные

отношения с другими государствами. Однако в годы правления эмира Хабибуллы расхождения во взглядах на пути достижения независимости усилились. Среди элиты страны выделялись три группировки: пробританская, «староафганцы» — приверженцы ксенофобских и консервативно–охранительных взглядов, «младоафганцы» — национально ориентированные сторонники реформ. Накануне войны и младоафганцы, и староафганцы выступали за расширение афгано–германских связей. Тем не менее с началом Первой мировой войны, 24 августа 1914 г. Хабибулла провозгласил нейтралитет Афганистана и придерживался этого курса до конца своего правления, несмотря на активность сторонников прогерманской и протурецкой ориентации в своем окружении. Он рассчитывал заставить Лондон увеличить субсидию Афганистану и предоставить стране после войны самостоятельность во внешней политике.

Страны региона в межвоенный период

Окончание Великой войны и начало работы Парижской мирной конференции привели к существенным изменениям в жизни региона. Среди прочих участников открывшейся 18 января 1919 г. конференции присутствовала и делегация арабского государства во главе с эмиром Фейсалом, признанная, впрочем, лишь как делегация Хиджаза. Находясь под давлением со стороны арабского национального движения, требовавшего от него самых энергичных действий для решения вопроса о будущем арабского государства, он в то же время был вынужден считаться с жесткой позицией, занятой Францией и Великобританией. Важнейшим вопросом, от которого зависела судьба бывших арабских владений Османской империи, был вопрос о мандатной системе, ставшей фактически новой формой доминирования старых колониальных держав в регионе.

На заседании Высшего совета Антанты в Сан–Ремо в апреле 1920 г. были приняты решения, в соответствии с которыми Великобритания получила мандаты на Палестину, Трансиорданию и Ирак, а Франция — на Сирию и Ливан. Соглашение Лейг — Гардинг в декабре 1920 г. окончательно определило границы и условия мандатов. Так завершился раздел арабских владений Османской империи. Нужно отметить, что окончательный вариант границ отличался от предусмотренных соглашением Сайкс — Пико и лучше соответствовал этническим границам в регионе (за исключением курдского вопроса).

Новый этап в истории региона начался мощной волной народных

выступлений, объединенных общей целью — обретением национальной независимости. В них соединились протест широких слоев населения, вынужденных испытать все тяготы военных лет, и стремление представителей местной предпринимательской и интеллектуальной среды к освобождению от политической и экономической зависимости от колониальных империй. Подъем освободительной борьбы, вспыхнувшей в арабском мире в послевоенные годы, затронул эти подмандатные территории в разной степени. Особенно сильно он ощущался в северных районах Сирии в 1922-1924 гг., в южных районах Сирии и Ливане в 1925-1927 гг., в Ираке и Палестине в 1920 г., менее явно — на территории Аравии.

Эти выступления подтолкнули правительство Британии к идее о необходимости пересмотра традиционных методов управления подчиненными территориями в форме протекторатов и мандатов в пользу непрямых методов — создания на зависимых территориях государственных образований и заключение с ними союзных договоров, в соответствии с которыми Британия могла бы сохранять там военное присутствие и контролировать внешнюю политику и финансы страны. Так, после подавления антибританского восстания в Ираке на его территории было создано королевство, во главе которого встал эмир Фейсал. 10 октября 1922 г. был подписан союзный договор между Британией и Ираком, согласно которому англичане сохранили контроль над внешней политикой, финансами и армией Ирака, мандат также сохранялся вплоть до 1932 г. В 1922 г. Британия получает отдельный мандат на выделенную из территории подмандатной Палестины Трансиорданию, которая становится эмиратом во главе с другим сыном шерифа Мекки Хусейна ибн Али — Абдаллахом. В 1928 г. эмират также заключает союзный договор с Британией.

Менее удачными были попытки проведения подобной политики в Египте, который был официальным протекторатом Великобритании. Поскольку к моменту окончания Первой мировой войны там уже были такие государственные структуры, как парламент, правительство, он виделся естественным вариантом для осуществления новой линии британской колониальной политики. Однако именно большая социально–политическая развитость Египта и стала препятствием для осуществления британских планов: национально–ориентированные правящие круги страны, объединенные вокруг партии Вафд, требовали предоставления Египту полной независимости и, более того, сохранения Судана в составе государства. Уже в 1919 г. в Египте вспыхнуло мощное восстание, подавленное с большой жестокостью. В 1921 г. началось новое восстание.

28 февраля 1922 г. Британия отменяет протекторат и предоставляет Египту формальную независимость. Королем Египта и Судана стал сын хедива Исмаила–паши Ахмед Фуад I (1922-1936). Однако эти действия не изменили позицию вафдистов, не позволявших провести через парламент союзный договор с Британией.

Франция проводила на своих подмандатных территориях еще более жесткую политику. Сирия была разделена на штаты во главе с французскими губернаторами, Ливан лишился автономии. Проводилась политика культурной, языковой и религиозной ассимиляции местного населения. Всю первую половину 1920-х годов на территории французского мандата сохранялось военное положение: проводимая французским правительством политика вызывала постоянные волнения и выступления местного арабского населения. Размах повстанческого движения вынудил Францию начать политический диалог с местными националистами. В 1926 г. они получили право на создание национальных правительств для Сирии и Ливана, следом ливанцы получили свою конституцию и парламент, а в 1928 г. было созвано Учредительное собрание Сирии. Еще через два года сирийцам была дарована конституция, в которую была включена статья о сохранении мандатного режима.

Несмотря на различия в проводимой Британией и Францией политике, тенденция формирования на подмандатных территориях будущих независимых государств была вполне ощутима и наблюдаема.

Общая тенденция борьбы с зависимостью от ведущих держав ярко выразилась в освободительной борьбе турецкого народа против государств Антанты в 1919-1922 гг. Ее первые проявления относятся к 1919 г., когда стало ясно, что державы–победительницы не намерены считаться со статьями Мудросского перемирия и приступили к реализации плана расчленения территории Турции. Оккупация войсками стран Антанты ряда областей Анатолии стала толчком к появлению партизанских отрядов, начавших борьбу против иностранных оккупантов. Практически одновременно в различных провинциях Анатолии стали образовываться патриотические объединения, получившие названия «обществ защиты прав» и бравшие на себя организацию народного сопротивления. Консолидации их усилий во многом способствовала активность таких государственных и общественных деятелей Турции, как генерал Мустафа Кемаль (1881-1938). Под его руководством в Эрзеруме (в июле–августе 919 г.) и Сивасе (сентябрь 1919 г.) прошли объединительные конгрессы этих обществ Анатолии, на которых были приняты резолюции о готовности их участников «до последней капли крови защищать свою родину от

всяких вторжений». Избранный участниками конгрессов Представительный комитет во главе с Кемалем фактически стал временным правительством на территории всей Анатолии. Он выдвинул идею созыва национального парламента, представил на его обсуждение декларацию, получившую название «Национальный обет», в основу которой легли принципы, утвержденные в Эрзеруме и Сивасе. Утверждение этого документа турецким парламентом показало тщетность расчетов англичан и султана на «послушание» турок. Тогда было решено прибегнуть к репрессиям. 16 марта 1920 г. в Стамбул были введены британские войска, парламент перестал функционировать, поскольку многие депутаты были арестованы и сосланы на о. Мальту. Своей фетвой шейх–уль–ислам объявил анатолийское движение мятежом, а Кемаля преступником.

Внешне мирные отношения между кемалистами и султанским правительством завершились открытым конфликтом. После разгона парламента Кемаль собрал в апреле 1920 г. в Анкаре новый законодательный орган — Великое Национальное Собрание Турции, которое провозгласило себя единственной законной властью в стране. Из числа депутатов ВНСТ было избрано правительство, которое возглавил Мустафа Кемаль. Оно решительно отвергло выработанный державами Антанты на конференции в Сан–Ремо проект мирного договора с Турцией, предполагавший раздел страны. Образованные из партизанских отрядов воинские части быстро разгромили «халифатскую армию», посланную султаном для разгона «мятежников». Однако в июне на подавление освободительного движения были направлены регулярные воинские части Греции. Только что сформированная армия кемалистов смогла остановить их наступление лишь в январе 1921 г. в ходе сражения у селения Иненю. Еще более важным событием для Анкары стало подписание 16 марта 1921 г. в Москве «Договора о дружбе и братстве» между Советской Россией и Турцией, существенно укрепившего международное положение новой Турции.

Самым трудным этапом войны за независимость стали военные действия, развернувшиеся в ходе генерального наступления греческой армии летом 1921 г. Опираясь на свое численное и техническое превосходство, греки прорвали оборону турецких войск и вышли к р. Сакарья, рассчитывая быстро дойти до Анкары. Однако в ходе длительного сражения они были остановлены и не смогли осуществить свой замысел. Анкарское правительство сумело воспользоваться довольно долгим затишьем в военных действиях для того, чтобы с помощью Москвы

укрепить свой военный потенциал, а также нормализовать отношения с Францией и Италией, решивших вывести свои войска с турецкой территории. Все это позволило Кемалю успешно провести в конце августа — начале сентября 1922 г. контрнаступление турецкой армии, приведшее к полному разгрому греческих войск и освобождению территории страны от интервентов.

В преддверии начинавшихся в Лозанне переговоров о заключении мирного договора Турции с державами Антанты Кемалю и его соратникам нужно было окончательно решить проблему двоевластия в стране. Для этого в ВНСТ был внесен проект закона о ликвидации султаната. Его принятие 1 ноября 1922 г. означало и прекращение существования султанского правительства, и передачу ВНСТ всей полноты власти в стране. Отстраненный от власти Вахидеддин был лишен и сана халифа.

После долгих и утомительных дискуссий, продолжавшихся около девяти месяцев, переговоры в Лозанне закончились подписанием Лозаннского мирного договора и целого ряда приложений к нему. Наиболее важным достижением турецкой делегации на конгрессе было сохранение Турцией почти всей территории, на которой настаивал Национальный обет, за исключением Мосула и Александретты. Не менее значимым было и упразднение режима капитуляций, обеспечивавших особый статус иностранцев в Турции. Тем самым Лозаннский договор не давал иностранным державам никаких предлогов для вмешательства во внутренние дела страны.

Успех в Лозанне позволил завершить реорганизацию государственной власти. 30 октября 1923 г. Турция была провозглашена республикой, а через год был ликвидирован последний атрибут государственного строя Османской империи — халифат. Спустя еще месяц ВНСТ утвердил Конституцию Турецкой республики, еще раз подтвердив движение страны по пути политической модернизации.

В каджарском Иране принявшие широкий размах народные выступления были нацелены на борьбу против заключенного в августе 1919 г. англо–иранского соглашения, позволявшего Лондону усилить свой контроль над общественно–политической и экономической жизнью страны. На протяжении последующих двух лет протестное движение нашло поддержку не только в демократической среде, но и у националистически настроенной части правящей верхушки, а также у многих ведущих религиозных авторитетов.

Одновременно большевики не оставляли идеи распространения идей революции в странах Востока, в том числе — в Иране. Нестабильная

внутриполитическая ситуация в стране давала основу для реализации этих планов. В 1920 г. созданная ранее в Баку левая партия «Адалят» («Справедливость») была переименована в Коммунистическую партию Ирана, которая начала вести активную агитационную работу в северных областях страны. Поскольку на тот момент власть в Закавказье уже была захвачена большевиками, создавались условия для экспорта революции. Вошедший в порт Энзели в мае 1920 г. отряд красноармейцев Ф. Раскольникова поддержал действовавших на территории Гиляна так называемых дженгелийцев во главе с мирзой Кучек–ханом — антиправительственное национальное движение партизанского характера, — в результате чего летом 1920 г. была провозглашена Гилянская Советская Республика. Это образование использовалось Советами как средство давления на иранское правительство, в том числе для удаления британских войск из Ирана.

В итоге 26 февраля 1921 г. в Москве был подписан договор о дружбе и добрососедских отношениях между Советской Россией и Ираном, по которому были аннулированы все договоры и соглашения властей Российской империи с государством Каджаров, был ликвидирован режим капитуляций. Иранской стороне были переданы все денежные средства и имущество русских учреждений в Иране, а также закрыты все концессии, полученные правительством России и частными лицами. Стороны договорились в равной степени пользоваться правом свободного плавания по Каспийскому морю. В то же время, в соответствии со ст. 6 договора, Советская Россия имела право ввести войска на территорию Ирана в случае возникновения угрозы для ее границ, либо для ее союзников. После подписания договора британские войска были выведены из Ирана, так же, как и советские — из Гиляна, что дало возможность правительству ликвидировать Гилянскую Советскую Республику.

На фоне всех этих событий меджлис в начале 1921 г. отказался ратифицировать англо–иранское соглашение 1919 г. Учитывая изменившуюся внутриполитическую обстановку в Иране, а также создание советских республик в Закавказье и в Средней Азии, Лондон был вынужден изменить свою политику, сделав ставку на «сильного человека» — военного министра Реза–хана, способного подавить очаги национального и демократического движения, а равно и сепаратистские выступления племенных вождей. К 1924 г., став премьер–министром Ирана, Реза–хан, опираясь на поддержку консервативных сил в иранском обществе, действительно избавился от всех своих конкурентов и расправился со сторонниками демократических преобразований, а год

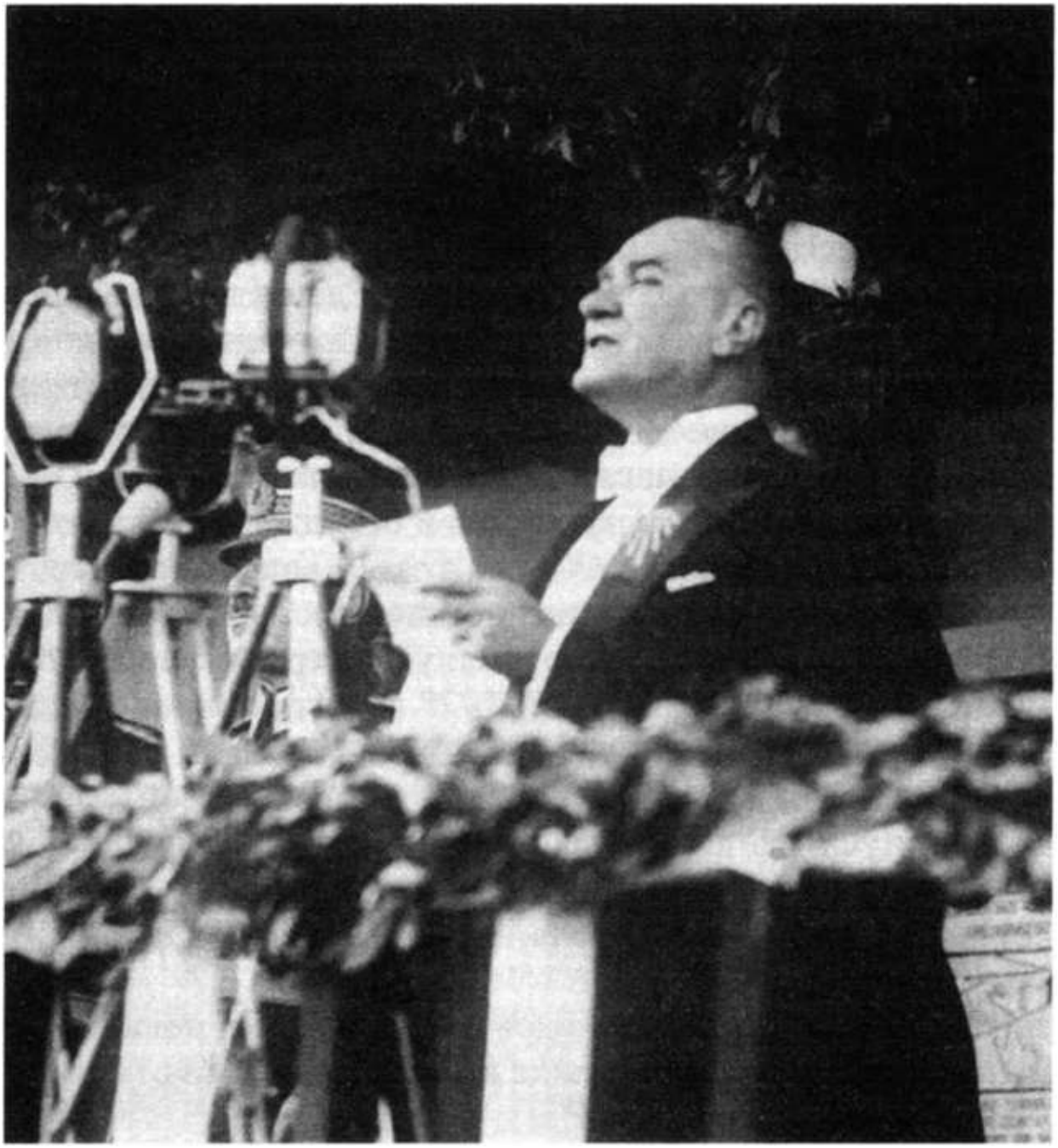
спустя добился низложения Ахмед–шаха Каджара и был провозглашен шахом Ирана.

Не менее значимые перемены произошли в Афганистане. В 1919 г. эмир Хабибулла был убит заговорщиками. К власти пришел приверженец идей реформ и национальной независимости эмир Аманулла (1919-1929). 28 февраля 1919 г. новый правитель провозгласил полную независимость Афганистана, что обеспечило ему поддержку армии и широких масс населения. Это решение уже в конце марта было поддержано Советской Россией, правительство которой, в свою очередь, было признано Афганистаном. Между сторонами начинаются дипломатические контакты. В 1921 г. был подписан советско–афганский договор о дружбе. Англия отвергла предложение нового афганского правительства об установлении между двумя государствами равноправных отношений и развязала третью англо–афганскую войну (майавгуст 1919 г.). Упорное сопротивление афганских войск и мощный подъем антиимпериалистической борьбы на Востоке, в том числе в Индии, вынудили Лондон отказаться от продолжения военных действий. В августе того же года в Равалпинди был заключен прелиминарный мирный договор, а в 1921 г. подписан англо–афганский договор, в соответствии с которым признавалась независимость Афганистана. Впрочем, условия договора содержали пункт о признании границы с Британской Индией по так называемой «линии Дюранда», что создавало проблему пуштунов и белуджей, земли которых были аннексированы Британией в конце XIX в., а затем вошли в состав Пакистана. В 1920 г. были установлены дипломатические отношения, а в 1921 г. подписан договор о дружбе с Ираном. Эмир Аманулла берет курс на нейтрализм во внешней политике государства. В 1927-1928 гг. он посещает с визитами Британскую Индию, Египет, Италию, Германию, Францию, Великобританию, СССР и Иран с целью развития межгосударственных связей и демонстрации независимого статуса Афганистана. В то же время Аманулла поддерживает антиколониальные антибританские настроения среди пуштунских племен и ведет соответствующую пропаганду, что вредит афгано–британским отношениям.

Период конца 1920-х — 1930-х годов ознаменовался новыми серьезными изменениями в жизни региона. Прежде всего необходимо отметить дальнейшую эрозию колониальных порядков и мандатной системы, сформировавшейся после Первой мировой войны. Одновременно продолжают складываться предпосылки для обострения ситуации в регионе, что даст о себе знать после окончания Второй мировой войны. Уже к середине 1920-х годов накал освободительной и антиколониальной

борьбы сменился спадом. Сложившаяся в регионе ситуация характеризовалась четко выраженной общей тенденцией поиска собственной модели дальнейшего развития, позволившей бы решить проблему отсталости. Приоритет в разработке такого рода политики принадлежал вождям кемалистской Турции. Ее опыт оказал существенное влияние на направленность соответствующих усилий новых правителей Ирана и Афганистана.

Митинг женщин в Анкаре по случаю опубликования декрета о предоставлении женщинам избирательных прав. 1930 г. РГАКФД



Первый президент Турции Мустафа Кемаль Ататюрк. РГАКФД

Сущность экономических начинаний правительства Мустафы Кемаля заключалась в обеспечении государственной поддержки национального предпринимательства в виде налоговых и иных льгот деловой элите страны за счет увеличения налогового бремени основной массы населения и выкачивания средств на нужды промышленного развития из аграрного сектора. Одновременно с решением экономических вопросов в стране продолжались реформирование общественно–политического строя,

направленное на укрепление республиканских институтов, и преобразования в области просвещения, быта и культуры, призванные преодолеть отсталость турецкого общества от передовых государств Запада.

Мировой экономический кризис, разразившийся в 1929 г., привел к существенному ухудшению хозяйственной жизни и условий внешней торговли, что обусловило переход к политике этатизма (государственного капитализма). Она была отмечена более значительной ролью государства в регулировании экономики в ущерб частной инициативе, чему в немалой степени способствовало широкое сотрудничество Турции с СССР в первой половине 1930-х годов. Поддерживавший этот курс Мустафа Кемаль после принятия закона о введении в стране фамилий в 1934 г. получил от ВНСТ фамилию Ататюрк (отец турок).

Время правления Реза–шаха в Иране оказалось сложным. С одной стороны, были предприняты шаги по укреплению правящего режима путем создания регулярной армии, проведены реформы в области судопроизводства, реорганизованы на современных началах государственные финансы и стабилизировано денежное обращение, ликвидирован режим капитуляций и предприняты меры по развитию промышленности и железнодорожного сообщения, осуществлен переход на светскую систему просвещения. Вместе с тем шах сохранил в целостности старую систему крупного частного землевладения, наиболее развитая отрасль промышленности — нефтяная — осталась в полном владении иностранного капитала, представленного Англо–Персидской нефтяной компанией (с 1935 г. — Англо–Иранская нефтяная компания). Попытки Реза–шаха ограничить английское влияние в стране позволили нацистской Германии во второй половине 1930-х годов осуществить широкое проникновение во все сферы политической и экономической жизни государства.

Реза–Шах Пехлеви

История Ирана в межвоенный период неотделима от личности его правителя, основателя династии Пехлеви — Реза–шаха (16.03.1878 — 26.07.1944). Будущий шах Ирана родился в Мазендеране, в деревне Алашт в семье мелкого землевладельца, офицера иранской армии. В 1900 г. Реза вступил в Персидскую казачью бригаду — созданное и руководимое русскими

офицерами армейское подразделение, сыгравшее важную роль в иранской истории конца XIX — начала XX в. Проявив способности к военной службе, Реза–хан делает военную карьеру в бригаде. Его не минули революционные потрясения в Иране в 1905-1911 гг., он и сам интересуется политической жизнью.

Великая война стала тяжелым временем для Ирана: страна превратилась в поле противостояния держав Антанты (России и Великобритании) и Центральных держав (Германии и Османской империи). Однако именно война и последовавшая за ней революция в России сыграли важную роль в судьбе Реза–хана. В годы военного лихолетья он дослужился до генеральского чина, а впоследствии возглавил казачью дивизию (бывшую бригаду). После коллапса России и ухода русских из Персии, в стране образовался определенный вакуум силы, чем воспользовалась Великобритания, навязав Ирану неравноправный договор 1919 г., вызвавший возмущение в стране. Слабость правительства, падение авторитета шаха и общая обстановка смуты и неопределенности создавали благоприятную возможность для переворота. 21 февраля 1921 г. казаки Реза–хана заняли Тегеран и свергли правительство. Реза–хан вынудил Ахмад–шаха Каджара назначить его главнокомандующим, а затем — военным министром в новом правительстве. В этот период был подписан договор 1921 г. с Советской Россией, разорван неравноправный договор с Великобританией, восстановлен контроль правительства над северными провинциями, были подавлены повстанцы и сепаратисты, забастовки на нефтяных промыслах. На этой волне Реза–хан продолжает последовательно укреплять свою власть. 26 октября 1923 г. он был назначен премьер–министром. Под давлением Реза–хана 31 октября 1925 г. меджлис низложил династию Каджаров, после чего в декабре того же года Учредительное собрание провозгласило его новым шахом Персии. 25 апреля 1926 г. состоялась коронация, офицер казачьей дивизии стал шахиншахом Ирана под именем Резашах Пехлеви.

Вступив на престол, Реза–шах проводит мероприятия, направленные на централизацию управления страны. Сохранив меджлис, шах, тем не менее, сосредоточивает в своих руках все рычаги исполнительной власти. Он проводит жесткую репрессивную политику в отношении прессы, профсоюзов и общественного движения, борется с сепаратистскими

устремлениями ханов на окраинах. Укрепив свою власть, Реза–шах приступает к серии масштабных преобразований, призванных модернизировать страну. При нем был введен в легальное поле земельный оборот, легализована собственность на землю: за помещиками и чиновниками закреплялись занятые ими крестьянские земли, в 1930 г. был принят закон о запрете захватов земель, в 1934 — закон о продаже государственных земель. При активном участии государства в стране шло строительство заводов и фабрик, развиваются металлургия, химическая, текстильная, пищевая промышленность, производство цемента, сахара. Стремительно расширяется инфраструктура. Так, был осуществлен масштабный проект строительства Трансиранской железной дороги, идет сооружение шоссейных и грунтовых дорог. Правительство предпринимает меры, направленные на ограничение влияния зарубежных фирм. Была укреплена финансовая система страны. Начинает свою деятельность Национальный банк Ирана, был введен контроль над иностранной валютой, британский Шахиншахский банк лишился права эмиссии (получив, впрочем, ряд льгот). Была сформирована система светского образования, учрежден Тегеранский университет. Страна перешла на светское право: в 1926 г. выходит проект уголовного, в 1928 г. — гражданского кодексов. Судебная система приобретает светский характер, в компетенции шариатских судов остаются только вопросы морали и семейное право. Складывается система государственной медицины, на новых началах реформируется госслужба, создается регулярная армия. Наконец, в 1935 г. выходит фирман об обязательном снятии с женщин чадры; женщины получили доступ к высшему образованию и право работать в государственных учреждениях.

Преобразования Реза–шаха вдохновлялись идеями иранского национализма, представлением о самобытности и величии Ирана, сумевшего сохранить свою идентичность даже в условиях многовекового господства иноземных поработителей. В 1935 г. официальное название государства было изменено на национальное — «Иран».

Во внешней политике Реза–шах придерживался курса лавирования между Великими державами. Однако с середины 1930-х годов он все больше сближается с Германией. В условиях начавшейся Второй мировой войны это сыграло роковую роль в

судьбе Реза–шаха: после того как в августе 1941 г. север и юг страны были заняты советскими и британскими войсками, Реза–шах отрекся от престола в пользу своего сына и покинул страну. Он скончался в Йоханнесбурге 26 июля 1944 г.

Пришедшее к власти в Кабуле младоафганское правительство, заключив в 1921 г. дружественные договоры с соседними странами, попыталось использовать опыт и поддержку своих союзников, чтобы с помощью реформ добиться преодоления глубокой отсталости страны. Вдохновляемый идеями младоафганцев, эмир Аманулла проводит ряд реформ, направленных на модернизацию государства. В 1923 г. была принята конституция, провозглашались права и свободы подданных, упразднялось рабство, законодательным путем были предписаны начинания по созданию светского, в том числе женского образования, светских судов и представительных органов, вместо натуральных налогов были введены денежные, разрешена частная собственность на землю, ее купля–продажа. Правительство обратилось к проектам создания фабрично–заводской промышленности, но вскоре выяснилось, что афганцы, располагавшие определенными капиталами, накопленными в торгово–ростовщических операциях, не готовы вкладывать их в рискованное промышленное предпринимательство. Поэтому основной упор был сделан на концентрацию этих средств в акционерных обществах (ширкетах), которым власти предоставили кредиты и монопольные права на внешнеторговые операции. Накопленные таким образом средства должны были использоваться для ирригационного, дорожного и промышленного строительства. Действительно, к концу 1920-х годов появились первые шоссейные дороги, было построено несколько небольших промышленных предприятий, оборудование для которых было закуплено в Европе. Однако многие из таких реформ не были осуществлены на практике как в силу сопротивления консервативных сил, так и обострения межэтнических отношений. Младоафганцы способствовали обеспечению господствующего положения пуштунов, противопоставили себя другим этнорелигиозным группам афганского общества. Недовольство последних вылилось в острый межнациональный конфликт, который привел в начале 1929 г. к свержению Амануллы. Однако и власть мятежного лидера — таджика Бачеи Сакао — продержалась недолго, и в конце того же года контроль над страной вновь оказался в руках поддерживаемых Великобританией представителей пуштунской верхушки — Мухаммеда Надир–шаха (1929-1933) и Мухаммеда Захир–шаха (1933-1973). Новые правители страны в целом

продолжали курс Аманулллы на нейтрализм во внешней политике и на преодоление социально–экономической отсталости Афганистана, но при этом должны были учитывать уроки событий 1929 г. Поэтому в новой Конституции 1931 г. предпочтение было отдано консолидации афганского общества.

В годы мирового экономического кризиса колониальные державы, поняв, что надвигается новая волна освободительной борьбы арабского населения на Ближнем и Среднем Востоке, пошли на некоторые уступки своим подмандатным странам в надежде предупредить возникновение единого фронта националистов, либералов и коммунистов. Так, заботясь о сохранении своих интересов в Ираке (контроль над добычей нефти в Мосуле и сохранение стратегического плацдарма в регионе) британские власти в 1930 г. согласились на пересмотр англо–иракского договора 1924 г. и на подписание нового договора, который предусматривал провозглашение независимости страны и прекращение действия мандата через два года, при условии сохранения за Британией военных баз и контроля над внешней политикой. Отметим, что вслед за достижением независимости в Ираке развернулась борьба за власть, во многом вращавшаяся вокруг выбора внешнеполитического курса страны. Приверженцы панарабской ориентации выступали с антибританских позиций и стремились к прогерманской внешней политике. В рамках этой тенденции был заключен ряд международных договоров: с Саудовской Аравией (1931, 1936) и с Трансиорданией (1936). Альтернативный взгляд предполагал тесное сотрудничество с Турцией и Ираном и сохранение союза в Великобританией.

Египет в этот же период идет на компромисс с Великобританией, подписав 26 августа 1936 г. союзный договор. Он предусматривал сохранение косвенного контроля Британии над внешней политикой страны, а также сохранение британского военного присутствия в Каире, Александрии и в зоне Суэцкого канала сроком на двадцать лет. Более того, в случае войны, либо ее непосредственной угрозы, Египет должен был предоставить свою территорию и ресурсы в распоряжение Британии. В свою очередь, Британия также пошла на ряд уступок вафдистам. В 1937 г. Египет стал членом Лиги Наций. Причина подписания договора состояла в обострении международной обстановки в регионе в середине 1930-х годов. В той или иной степени в нем были заинтересованы обе стороны. В то же время этот договор привел к расколу внутри Вафд, впервые проигравшей парламентские выборы. Так или иначе, сотрудничество с Великобританией продолжалось вплоть до конца Второй мировой войны, обеспечив

последней надежный тыл. Для Египта соглашение носило во многом вынужденный характер, и как только военная угроза миновала, в стране вновь началась борьба за полную независимость, восстановление суверенитета над долиной Нила и обретение лидерства в арабском национальном движении.

Сложная ситуация сложилась в Палестине. В отличие от других подмандатных территорий, населенных арабами, здесь британские власти не могли пойти на создание арабского государства, поскольку такой шаг требовал отказа от декларации Бальфура. На фоне активно идущей с 1920-х годов скупки земли в Палестине разнообразными сионистскими организациями и растущей еврейской миграции враждебность местного арабского населения значительно увеличилась. Август 1929 г. ознаменовался столкновением арабских и еврейских религиозных радикалов у Стены плача, с этого времени вооруженные столкновения двух этнорелигиозных групп становятся постоянным явлением. В течение 1930-х годов палестинские арабы инициируют вооруженные выступления против британских властей с требованием отмены мандата. В условиях растущей нестабильности британские власти пытались скорректировать свою политику. Так, еще в 1930 г. был опубликован так называемый меморандум Пассфилда (по имени министра колоний), подвергавший некоторой ревизии декларацию Бальфура. Хотя изложенные в нем идеи (равная ответственность британского правительства по отношению к арабам и евреям, отказ рассматривать создание «еврейского национального очага» в качестве основной цели и т. д.) не получили тогда реализации, они стали первым шагом к пересмотру политики. В течение второй половины 1930-х годов правительство Британии направляет в Палестину комиссии, призванные разработать варианты раздела подмандатной территории, однако их деятельность не приводит к успешному результату — предложения не устраивают ни арабов, ни евреев. Равным образом и организация в 1939 г. в Лондоне круглого стола по палестинской проблеме с участием Британии, Египта, Ирака, Саудовской Аравии, Йемена, Трансиордании, палестинских лидеров и глав «Еврейского агентства» заканчивается безрезультатно. После этого Британия совершает поворот в своей политике: в мае 1939 г. была опубликована Белая книга — так называемый «Меморандум Макдональда», в которой утверждалось, что Палестина не может принадлежать только евреям или арабам, в течение десяти лет будет отменен мандат и будет создано совместное арабо–еврейское государство, устанавливались квота на еврейскую иммиграцию (75 тыс. человек в год) и ограничения на покупку земли евреями. Еврейская

община встретила документ резко негативно: было принято решение начать вооруженную борьбу с британскими властями. Уже летом 1939 г. идут вооруженные нападения на войска и полицию, теракты, демонстрации и т. п. Вторая мировая война на какое–то время снизила накал борьбы.

В Сирии и Ливане французские власти попытались отыграть назад уступки, сделанные в 1920-е годы. В начале 1930-х годов парламенты этих стран распускаются, а конституции упраздняются. Однако это приводит только к новому всплеску национально–освободительной борьбы. В 1936 г., после продолжавшейся 42 дня всеобщей забастовки в Сирии, французские власти согласились на восстановление разогнанного ими сирийского парламента, на отмену в будущем мандата и амнистию политзаключенным. Однако по заключенному франко–сирийском договору Париж сохранял за собой военные базы в Сирии и контроль над сирийской армией. Тогда же был подписан близкий по содержанию договор с Ливаном, хоть и с сохранением большего контроля со стороны Франции. Впрочем, подписанные при правительстве Народного фронта договоры не были ратифицированы новым правительством в 1939 г., Франция вернулась к колониальным методам управления, а после начала Второй мировой войны ввела на территории военный режим.

Свидетельством ослабления колониального могущества в регионе может служить появление еще одного формально независимого арабского государства, обязанного своим рождением успешным войнам за объединение Аравии правителя ваххабитского эмирата Неджд Ибн Сауда (1880-1953). Еще в 1915 г. заключив с Великобританией союзный договор, Ибн Сауд начинает экспансию. Закрепив за собой район Эль–Хасы, он разбил Шамарский эмират и захватил его столицу Хаиль. Натолкнувшись в результате попытки захватить Хиджаз на британский ультиматум, Ибн Сауд меняет направление захватов и присоединяет южное княжество Асир. И Шамарский эмират, и Асир были аннексированы. На конференции правителей арабских владений в Кувейте в 1923 г. Британия потребовала от Ибн Сауда отказа от завоеваний. В ответ на его отказ Британия разрывает союзный договор, а Ибн Сауд продолжает экспансию. В 1924 г. Ибн Сауд снова идет войной на Хиджаз, против Хусейна, провозгласившего себя (после упразднения халифата в Османской империи) халифом всех мусульман. На этот раз Ибн Сауду удается занять Хиджаз. В 1927 г. Ибн Сауд провозглашен королем Хиджаза, Неджда и присоединенных областей. На конгрессе мусульман в Мекке ему удается добиться признания своей династии хранительницей Мекки и Медины. Великобритания также была вынуждена признать новое государство и подписать с ним договор о

дружбе. В свою очередь, Ибн Сауд отказался от продолжения экспансии против британских протекторатов на полуострове. В 1932 г. владения Ибн Сауда были объединены в одно государство, которое получило название Саудовская Аравия. В течение 1930-х годов Ибн Сауд пытается решить задачу снижения зависимости страны от Британии за счет налаживания новых внешнеполитических связей. Были подписаны договоры с Германией (1929), с Италией (1933), налаживались контакты с СССР. Все это, однако, не решило внешних и внутренних проблем государства. Уже с конца 1920-х годов ему пришлось решать проблему восстания ихванов — фанатиков–ваххабитов, бывших некогда военной основой его экспансии, но после оформления государства препятствовавших налаживанию нормальных отношений с соседями. Совместно с Британией эту проблему удалось разрешить. В результате были подписаны договоры с Кувейтом, Ираком, Трансиорданией, Египтом. Оказавшись в трудном положении из–за падения доходов в годы экономического кризиса в силу сокращения притока паломников в Мекку, Ибн Сауд за небольшой заем согласился в 1933 г. передать концессию на разведку и добычу нефти американским концернам. Спустя пять лет были найдены огромные запасы нефти, а в 1939 г. саудовская нефть стала поступать на мировой рынок, обозначив включение США в межимпериалистическую борьбу за ресурсы Ближнего и Среднего Востока.

Другим аравийским государством, начавшим борьбу за независимость в этот же период, становится Йеменское Мутаваккилийское Королевство. Имам местных зейдитов шейх Яхья бен Мухаммед Хамид–ад–Дин провозгласил независимость и объявил себя королем. Резонно опасаясь, что Яхья может выдвинуть претензии на южноаравийские протектораты Британии с этнически близким населением (в частности — на Аден), Британия пошла на вооруженный конфликт с Йеменом, продолжавшийся в течение 1920-х годов. Используя сухопутные войска и авиацию, Британия блокирует горный Йемен, препятствует его внешнеторговым связям. На юге Йемена идут постоянные столкновения британских войск и йеменских племен. Имам стремится к укреплению государственности, борется с сепаратизмом и пытается добиться международного признания. Яхье удается заключить договоры о дружбе и торговле с Италией (1926) и с СССР (1928), однако это не приводит к решающему изменению ситуации в его пользу.

Отношения между двумя аравийскими государствами складывались непросто. В 1934 г. началась саудовско–йеменская война из–за спорных территорий Асира, Наджрана и Джизана. Результатом победы саудовских

войск стало подписание 20 мая 1934 г. мирного договора в Таифе, в соответствии с которым Асир и Джизан вошли в состав Саудовской Аравии, а Наджран был разделен. Отношения между государствами были урегулированы. Более того, еще ранее в том же году был подписан британско–йеменский договор, по которому Британия признавала независимость Йемена, а Яхья соглашался отсрочить решение вопроса об Адене и других южноаравийских владениях на сорок лет. Но в целом попытки Йемена и Саудовской Аравии уравновесить влияние Британии за счет внешнеполитического маневрирования остаются безуспешными.

Важно отметить, что вновь возникшие независимые государства на территории Аравийского полуострова — Саудовская Аравия и Йемен — носили архаичный, полусредневековый характер, базируясь на религиозной идеологии и традиционной социальной структуре. Актуальной задачей после завоевания независимости стала модернизация социальных, политических и идеологических основ жизни общества.

Угрозу приближающейся мировой войны страны региона ощутили уже во второй половине 1930-х годов, поскольку к тому времени в зоне Средиземноморья уже шли военные действия: Италия в 1935-1936 гг. осуществила оккупацию Эфиопии, вскоре после этого началась гражданская война в Испании (1936-1939). О том же свидетельствовала активизация дипломатических переговоров, определявших расклад будущих военных союзов. В них заметную роль играла и Турция, сначала поддержавшая в 1934 г. идею создания Балканской Антанты (союза Греции, Турции, Румынии и Югославии), а затем добившаяся создания в 1937 г. Саадабадского пакта (блока Турции, Ирана, Ирака и Афганистана), определявшего неприкосновенность общих границ, отказ от агрессии, невмешательство во внутренние дела его участников.

Заручившись поддержкой своих соседей, Анкара вступила в переговоры с Францией и Англией, заинтересованных в более тесных связях с турками в канун Второй мировой войны. Для того чтобы обеспечить подписание в 1939 г. англо–франко–турецкого договора, по которому Турция обязывалась выступить на стороне Англии и Франции в случае возникновения военных действий в бассейне Средиземного моря, Парижу пришлось пойти на территориальные уступки Анкаре, согласившись на передачу ей Александреттского санджака (Хатая), который, на основе полученного Францией мандата на управление Сирией, входил в состав подмандатной территории. Это решение заложило основу для будущего турецко–сирийского конфликта. Добившийся принципиального согласия Франции на уступку санджака Мустафа Кемаль

Ататюрк не дожил до подписания франко–турецкого соглашения по этому вопросу, скончавшись в 1938 г. Новым президентом страны был избран Исмет Иненю, при котором внешнеполитические предпочтения Турции заметно сдвинулись в сторону гитлеровской Германии, о чем свидетельствовали и провал в 1940 г. советско–турецких переговоров о пакте взаимопомощи и подписание германо–турецкого договора о дружбе и ненападении 18 июня 1941 г.

Прогерманские настроения в канун войны были характерны не только для Турции, но и для Ирана и Афганистана в силу отрицательного отношения к политике Лондона. Не менее сильным было негативное восприятие Англии и Франции у населения подмандатных территорий в регионе, за исключением Палестины, куда с середины 1930-х годов хлынула волна еврейских беженцев из европейских стран, подвергшихся агрессии нацистской Германии.

Ограниченность активных военных действий в годы Второй мировой войны в странах Ближнего и Среднего Востока позволила Турции, Ирану и Афганистану удержаться от непосредственного участия в боевых операциях на стороне Германии и ее союзников или на стороне антигитлеровской коалиции. Но война не прошла мимо них. Показательным примером может служить Турция. После начала военных действий в Европе турецкое правительство для укрепления вооруженных сил страны провело мобилизацию сразу нескольких возрастных категорий, увеличив численность армии с 300 тыс. до 1 млн человек. Возникшая в итоге проблема нехватки рабочей силы в сельском хозяйстве отразилась на падении сборов зерна: к 1944 г. их величина упала до половины довоенного уровня, хлеб ухудшенного качества стал выдаваться по карточкам, его цена резко возросла. В 1940 г. правительство приостановило действие «закона о труде», что позволило официально увеличить рабочий день до 11-12 часов, а неофициально до 14-16 часов. На всех предприятиях был отменен еженедельный выходной день. Изменился и государственный бюджет. Прямые военные расходы достигли 55-60%, а вместе с косвенными приблизились к размерам военных ассигнований стран, принимавших непосредственное участие в войне. Для мобилизации необходимых денежных средств правительство вводило новые налоги, прибегало к внутренним и внешним займам, практиковало инфляционный выпуск бумажных денег, из–за чего количество денег в обращении выросло более чем в пять раз, а национальный доход упал на 23%.

Хотя уже в 1943 г. стало ясно, что ход военных действий изменился в пользу стран антигитлеровской коалиции, правящая верхушка Турции

никак не хотела отказаться от тесного сотрудничества с Берлином, поскольку на долю Германии приходилось 90% турецкой экспортной продукции и до 70% турецкого импорта. Лишь в августе 1944 г. турецкое правительство официально заявило о разрыве экономических и дипломатических отношений с Берлином, при этом многие германские фирмы не прекратили своей активности в Турции. Показательно, что лишь в конце февраля 1945 г. Анкара пошла на объявление войны Германии и Японии.

Заметное усиление активности сторонников Германии в иранских правительственных кругах и в армии накануне и в начальный период Второй мировой войны было с тревогой отмечено и в Лондоне, и в Москве. Советская сторона летом 1941 г. приняла предложение премьер–министра Англии У. Черчилля о временном вводе на территорию Ирана воинских контингентов в целях самообороны. Иранская армия оказала слабое сопротивление войскам союзников, что позволило осуществить согласованную операцию в течение нескольких дней. Вступление союзных войск в северные и южные области Ирана привело к отставке правительства и отречению Реза–шаха в пользу своего сына Мохаммеда Реза Пехлеви. Новый шах и министры вновь сформированного правительства выразили желание сотрудничать с Лондоном и Москвой. Большая часть германских подданных и местных активных сторонников прогерманской ориентации была интернирована или арестована, что существенно изменило общественную обстановку в стране. Об этом свидетельствовала активизация иранских демократических сил и объединений, выступивших за организацию антифашистского движения и борьбу с внутренней реакцией, за расширение сотрудничества со странами антигитлеровской коалиции.

В общественно–политической жизни Афганистана в предвоенные годы также ощущалась явная активизация деятельности германской и итальянской агентуры в правительственных кругах и в армии с целью организации провокаций в афгано–советских и афгано–индийских пограничных районах.

В связи с обращениями советского и английского правительств в сентябре 1941 г. афганские власти приняли меры по высылке из страны подданных государств профашистской ориентации. Несмотря на провозглашенный еще 7 сентября 1939 г. нейтралитет и строгое соблюдение отказа от участия в военных действиях, Афганистан, так же как Турция и Иран, испытывал значительные экономические затруднения, связанные с нарушением мировых хозяйственных связей, а также с

необходимостью дополнительных расходов на повышение уровня военной готовности афганской армии.

О значимости прогерманского влияния на арабское население региона можно судить по событиям в Ираке, где еще в предвоенные годы развернулось острое противостояние пробританской политической верхушки во главе с премьер–министром Нури аль-Саидом с националистически настроенной оппозицией, которую активно поддерживал германский посланник в Багдаде. Разрыв дипломатических отношений между Великобританией и Германией послужил сигналом для введения в Ираке чрезвычайного положения и усиления репрессий в отношении оппозиции, особенно сильной в иракской армии. Подобные акции властей вызвали широкое недовольство в стране, вылившееся в военный переворот 1 апреля 1941 г. Созданное участниками переворота правительство национального спасения во главе с Рашидом Али аль-Гайлани попыталось освободиться от британского господства, обратившись за поддержкой к Берлину. Однако в «тридцатидневной войне» иракской армии против английского экспедиционного корпуса и частей Аравийского легиона поставки германского военного снаряжения, осуществлявшиеся самолетами абвера, не могли серьезно повлиять на исход военных действий. К концу мая 1941 г. иракская армия прекратила сопротивление англичанам. Правительство Гайлани пало. Контроль Великобритании над Ираком был восстановлен. Однако лишь в 1943 г., расправившись с руководителями армейской оппозиции и проведя масштабную чистку правительственных учреждений, правительство Нури Саида решилось объявить войну Германии.

Северная Африка: социальные потрясения и поиск новых путей развития

К началу XX в. страны Северной Африки находились в разной степени зависимости от европейских метрополий. Еще в конце XIX столетия североафриканские владения Османской империи, а также султанат Алауитов в Марокко были внедрены в систему мирохозяйственных связей, созданных западным капиталом. Бывшая еще в XIX в. мировой державой Османская империя в XX столетии превращалась во все более периферийный и зависимый элемент этой системы. Поэтому арабские территории Северной Африки находились под контролем западных держав и были фактически отторгнуты от Стамбула: Алжир был французской колонией, Тунис — французским протекторатом, Марокко уже подпало под французское и испанское влияние. Триполитания, Киренаика и Феззан (современная Ливия), как и Египет, формально еще оставались частями Османской империи, но в их экономику внедрялся итальянский капитал, а Египет с 1882 г. находился под оккупацией Англии; наконец, в Судане с 1899 г. был создан режим англо–египетского совладения (кондоминиума) при явном преобладании британской стороны.

В начале XX в. в странах Северной Африки все более нарастало европейское присутствие. В Египте и Судане сельское хозяйство превращалось в монокультурное. Основу египетского и суданского экспорта составил длинноволокнистый хлопок — сырье для английской текстильной промышленности. Под протекцией британских властей европейские предприниматели скупали земли под плантации хлопчатника. В начале XX в. ведущие компании, банки, текстильные фабрики, средства транспорта и связи Египта находились в собственности иностранцев. В Алжире в эти годы оформилось самобытное привилегированное меньшинство населения — алжиро–европейцы. Эта разноязыкая масса иммигрантов (французов, испанцев, итальянцев, греков, мальтийцев и др.), как правило, получавших французское гражданство, заметно отличалась по языку, нравам и образу жизни от французов метрополии. Новые поколения алжиро–европейцев, родившиеся в стране, считали Алжир своей родиной и были главной опорой колониальной администрации. Полагаясь на защиту французской армии и французские капиталовложения, верхушка алжиро–европейцев (так называемые сеньоры колонизации) стремилась

самостоятельно распоряжаться Алжиром, иногда даже склоняясь к сепаратизму. Фактически в Алжире в начале XX в. сложилась своеобразная система «колониального двоевластия», в которой алжиро–европейская элита сохраняла внешнюю лояльность Парижу, но оказывала нажим на власти метрополии и диктовала свою волю местной администрации. Европейские колонии деятельно осваивали Тунис. Только в Марокко, ставшем французским протекторатом в 1912 г. (позже контроль над частью территории Франция уступила Испании), и в Ливии, завоеванной итальянцами в ходе Триполитанской войны 1911-1912 гг., присутствие европейцев было еще незначительным.

При всем разнообразии административно–территориального деления и неравномерности общественно–экономического развития арабо–мусульманские общества Северной Африки были довольно похожи. Социальное расслоение в них было выражено не вполне явно, а основой общества было племя, которое являлось коллективным собственником земли. Экономика была по преимуществу аграрной, но значительная часть населения вела кочевой образ жизни; как в кочевье, так и на селе господствовали патриархальные общественные отношения. В городах преобладало основанное на ручном труде цеховое производство. Первоначальное накопление капитала у арабских предпринимателей было затруднено ограничениями личной инициативы, свойственными османской общественной жизни. Наконец, политика европейских властей и приток дешевых и качественных западных товаров разрушали традиционное ремесло, но также препятствовали становлению национального производства. В целом товарно–денежные отношения в Северной Африке конкурировали с натуральным обменом, а внутренние рынки провинций складывались медленно. Североафриканские общества начала XX в. почти везде отличались социальной рыхлостью. Они, как правило, были слабо структурированы и разделены по кланово–племенным и общинно–этническим признакам. Мировоззрение местных элит (землевладельцев, вождей племен, духовных лиц) по большей части было еще архаично.

В то же время ростки национального самосознания начали пробиваться среди наиболее образованной прослойки общества — офицеров, интеллигенции, предпринимателей. Осознанию себя не просто мусульманами или османскими подданными, но арабами со своими национальными интересами способствовало и колониальное присутствие Европы, и внедрение в городах европейского образования, и развитие национального предпринимательства. В начале XX столетия арабское националистическое движение получило мощный импульс к развитию,

пришедший из самой османской метрополии — Стамбула. В июле 1908 г. в Малой Азии произошло вооруженное восстание против власти султана Абдул–Хамида II, организованное младотурками. Развивая националистические идеи младотурок, североафриканские интеллигенты в 10-х годах XX в. создавали младоарабские организации. Если арабский национализм в сиро–палестинском регионе и Ираке был в основном реакцией против османского господства, то в Северной Африке националистические идеи были в большей степени основаны на антиевропейских настроениях.

Так, группы младоалжирцев и младотунисцев состояли преимущественно из европеизированных студентов и учащихся. Они в условиях колониального общества восприняли идеи обновления и возрождения своих стран на основе политической философии Запада. Младоарабы Магриба выражали желание наиболее «осовременившихся» кругов алжирского и тунисского общества обеспечить свои интересы и стать модернизированной элитой, с которой Западу придется считаться. Наиболее яркими фигурами среди них были алжирцы Ахмед Будерба и Джалаль Сарруи, создавшие в 1902 г. культурную ассоциацию «Ар–Рашидийя» («Следующая верным путем») и тунисец Али Баш–Хамба, основавший в 1907 г. партию «Тунис аль–фатат» («Молодой Тунис»). В Египте, оказавшемся в условиях британской оккупации и господства иностранного капитала, общественность разошлась во мнениях относительно будущего страны. «Западники» во главе с Ахмедом Лютфи ас-Сейидом и Саадом Заглюлем выступали за развитие демократических свобод, частного предпринимательства, против средневековых османо–мамлюкских порядков. Патриоты–исламофилы, наоборот, стояли на проосманских и явно антизападнических позициях. Лидером этого крыла египетских политиков и интеллектуалов был Мустафа Камиль. В 1907 г. он возглавил «Партию родины» («Хизб аль–ватан»), которая требовала эвакуации английских войск и возвращения автономного Египта под действенную власть Стамбула.

Первая мировая война оказала глубокое воздействие на страны Северной Африки. Страны Антанты использовали территории, базы, коммуникации, а также материальные и людские ресурсы зависимых от них Египта, Судана, Алжира, Туниса, Марокко. Ключевой страной Северной Африки все годы войны оставался Египет, крайне значимый для Великобритании как мощная продовольственная база и как опорный пункт на морском пути в Индию. Если бы германо–османским войскам удалось

захватить или вывести из строя Суэцкий канал, стратегическое положение Британии стало бы чрезвычайно сложным. Поэтому с началом войны (1914 г.) Лондон упразднил османский сюзеренитет над Египтом. Правитель страны — хедив Аббас II — был низложен, было объявлено военное положение, а власть перешла к командующему английскими войсками. Египет стал протекторатом Великобритании. В том же году на престол Египта был возведен принц Хусейн Камиль с титулом султана, а в 1917 г. ему наследовал принц Ахмед Фуад, ранее служивший в итальянской армии и не имевший связей в Египте. Это обстоятельство вынуждало его ориентироваться на мнение британских колониальных кругов. Располагая надежным тылом в Египте, англичане за годы войны укрепили зону канала. К началу 1916 г. здесь были сосредоточены 275 тыс. британских военнослужащих. В 1915 и 1916 гг. османское командование предприняло три попытки атаковать Суэцкий канал при поддержке германо–австрийских войск. Но англичане держались стойко, и канал остался непреодолимой преградой для османской армии. С моря к нему также трудно было подобраться, поскольку английский флот прикрывал средиземноморское и красноморское побережья Египта.

Хотя боевые действия против османских и германских войск велись только в зоне Суэцкого канала и на Синае (1915-1916 гг.), североафриканцев не миновали тяготы войны — инфляция, товарный дефицит, рост налогов, реквизиции продовольствия и фуража, мобилизация в британские «трудовые корпуса», французскую армию и вывоз на работы во Францию. В то же время военное положение выступило как своего рода протекционистский барьер, защищавший египетскую, тунисскую и алжирскую промышленность от конкуренции. Прекратился подвоз промышленных товаров из–за границы, ослабла зависимость североафриканских экономик от метрополий, а военные усилия Великобритании и Франции повысили их спрос на сырьевые запасы региона. В силу этих обстоятельств местные предприниматели (как европейские, так и арабо–берберские) смогли усилить свои позиции в экономической жизни Египта, Алжира, Марокко, Туниса. В большей степени это удалось европейцам — промышленникам, контролировавшим добычу полезных ископаемых (железных руд, фосфоритов) и землевладельцам, основавшим в годы воины множество мелких предприятии пищевой и хлопкообрабатывающей промышленности. Арабо–мусульманские предприниматели получили гораздо меньше выгод от внезапного ослабления конкуренции со стороны колониальных метрополий, поскольку действовали главным образом в мелкой торговле,

сфере услуг, ростовщичестве и спекуляции недвижимостью.

В годы войны местный капитал развернул бурную деятельность, заполняя образовавшийся товарный вакуум, однако укрепление позиций арабских и берберских предпринимателей никоим образом не избавило их от контроля англичан и французов. Например, с октября 1916 г. египетский фунт обеспечивался уже не золотом, а английскими казначейскими обязательствами. Тем самым Египет фактически вступил в «стерлинговую зону», а британцы смогли оплачивать свои военные расходы в Египте бумажными деньгами, не тратя золота. Политическое самовыражение арабских элит в годы войны также было ограничено цензурой и запретом на издание националистической прессы. Поэтому национальный капитал Северной Африки, не принадлежавший к иноэтническим меньшинствам (алжиро–европейцам, грекам, мальтийцам, евреям, армянам), воспринимал сохранение колониального режима как угрозу своему благосостоянию и общественному статусу. В итоге трудности военного времени усиливали националистические настроения и недовольство французским контролем и британской оккупацией.

По сути дела коренное население Северной Африки не проявляло явно дружественной позиции по отношению к обеим воюющим сторонам. Когда в первые месяцы войны была объявлена прокламация османского султана Мехмеда V о джихаде против Великобритании, Франции и России, она по большей части вызвала равнодушие. Тем не менее австро–германо–османский блок поддерживал арабские националистические силы и повстанческие движения и стремился использовать их в своих интересах. Египетские националисты из «Хизб аль–ватан» всю войну занимались антибританской пропагандой из–за границы, в Марокко местные арабские и берберские племена неоднократно восставали и создавали для французской и испанской администраций протектората немало затруднений. Али Баш–Хамба, уехавший в эмиграцию, с помощью младотурок и германской разведки готовил в Тунисе антифранцузское вооруженное восстание. Османская разведка содействовала усилению бедуинских набегов на итальянские позиции в Триполитании, что вынуждало итальянские войска к постоянной обороне населенных пунктов.

В целом же разведывательная, пропагандистская и диверсионная работа патриотических сил Египта и Магриба не могла изменить судьбы региона, поскольку ни ватанисты, ни младотунисцы не были в состоянии использовать стихийное недовольство низов из–за тягот военного времени. Тем не менее Первая мировая война виделась североафриканским националистам как свидетельство моральной, экономической и

политической несостоятельности колониальной системы. Это обстоятельство порождало у них надежды на освобождение от европейского присутствия по окончании военных действий.

В первые годы после войны Северная Африка окончательно превратилась в вотчину Англии и Франции, причем Британия устойчиво сохраняла первенство. Для Англии и Франции власть над арабскими странами Африки была важна главным образом из–за их интересов в самом регионе. Британское правительство расценивало Египет и Судан как производителя хлопка для своей текстильной промышленности, а также как сферу приложения своих инвестиций и рынок для товаров метрополии. Точно так же Магриб служил для Франции крупным поставщиком людских ресурсов, снабжал ее промышленность сырьем, а Алжир являлся второй родиной для более чем миллиона французских граждан. Деловые интересы Франции были заметны в Египте, где французские предприниматели также делали значительные капиталовложения. Вместе с тем владение Северной Африкой было ценно для Англии и Франции тем, что помогало поддерживать свою репутацию мировых держав. Так, морской путь в Индию и на Дальний Восток шел через Суэцкий канал. Важные воздушные пути Британской империи также проходили через Египет. Один из них шел через Синай на Ирак и Индию, а другой — через дельту Нила на Судан и далее в Тропическую и Южную Африку. Через Магриб проходили сухопутные, морские и воздушные линии к французским владениям в Западной Африке. Глобальные интересы Лондона и Парижа были защищены военными базами, выстроенными в прибрежных районах Северной Африки.

Позиции Франции и Британии в Египте, Судане и Магрибе оставались неприкосновенны вплоть до середины 30-х годов XX в. В это время им начали угрожать Италия и Германия. К 1931 г. Италия планомерно оккупировала почти всю современную территорию Ливии и всемерно поддерживала с нее антианглийские движения в Египте и Тунисе. Агентура Третьего рейха вела разведку в Судане. Наконец, ряд арабских националистов в борьбе против колониального контроля Великобритании и Франции ориентировался на Берлин или Рим. В Африке центром прогерманской деятельности стал Египет, где в 30-х годах XX в. возникли ульранационалистические группы вроде партии зеленорубашечников «Мыср аль–фатат» (Молодой Египет). Происки фашизма в Северной Африке усилились после создания Антикоминтерновского пакта Германии и Японии и создания «оси» Берлин–Рим–Токио (1936-1937). Но все же

бросить прямой вызов британским и французским интересам Германия и Италия были не в силах. СССР в межвоенный период также еще не был готов утвердить свое присутствие на севере Африканского континента.

В межвоенный период арабские страны Африки были по–прежнему зависимы от Европы в ввозе большинства промышленных товаров (текстиль, горючее, металл, машины и др.). Неудивительно, что мировой экономический кризис, начавшийся в США в 1929 г., нанес по их экономикам столь же значительный удар, как и по индустриально развитым странам. Более того, логика колониального развития в конечном счете возложила тяготы кризиса именно на колонии. Экономика многих арабских стран Африки специализировалась на добыче или выращивании одного–двух видов сырьевых товаров для метрополии (хлопок, цитрусовые, фосфаты и т. п.). Поэтому кризис, который нарушил хозяйственные связи в мире, поставил под угрозу единственный источник получения этими странами валютных средств. Неудивительно, что в начале 30-х годов XX в. сельскохозяйственные и промышленные показатели североафриканского региона заметно упали.

Но в то же время экономики Египта, Судана и Магриба на несколько лет освободились от воздействия Европы. По существу кризис заново смоделировал ситуацию времен Первой мировой воины, когда застои в европейской экономике парализовал систему эксплуатации колоний. Поэтому в арабском мире, как и в начале XX в., вновь началась перестройка национального хозяйства на внутренний рынок и постепенное развитие местной промышленности. Иными словами, в годы кризиса капиталы египетских, суданских и магрибинских землевладельцев, купцов и всякого рода посредников активно переливались из застойных сфер (сельского хозяйства и торговли) в более динамичные (национальное промышленное производство и кредитные операции). Этот перелив капиталов способствовал развитию индустрии в регионе и позволил несколько смягчить удары мирового кризиса.

В странах Северной Африки, как и во всем арабском мире в период между мировыми войнами, происходил беспрецедентный рост населения. По приблизительным подсчетам, основанным на колониальных переписях и оценках, население арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки в 1914 г. насчитывало порядка 35-40 млн человек, а в 1939 г. оно было уже не менее 55-60 млн человек. При этом лишь малая часть этого прироста была обязана иммиграции (в первую очередь въезду и расселению европейцев в Марокко и в Ливии), тем более, что и эмиграция из Северной Африки арабского мира была не меньшей (главным образом,

жители стран Магриба выезжали во Францию). Основной причиной демографического роста стало сохранение традиционно высокой рождаемости при быстром снижении смертности. Эта тенденция особенно заметна в североафриканских городах, где в начале XX в. европейским колониальным властям удалось организовать приемлемый уровень общественной санитарии и медицинского ухода. Тем самым был установлен контроль над эпидемиями, и местное население сразу стало расти.

Прирост населения привел к заметным структурным переменам в обществах Северной Африки. Первое, что заметно в североафриканской жизни межвоенной эпохи, — с социальной авансцены все в большей степени сходит кочевник. В 20-30-е годы XX в. распространение железной дороги и автомобиля привело к кризису саму основу кочевой экономики — разведение верблюдов и транспортировку товаров. Свобода передвижений египетских, ливийских, магрибинских бедуинов также постепенно сходила на нет, поскольку войска колонизаторов более действенно ограничивали их миграции, чем османские гарнизоны. В 1930-1940-х годах кочевники все чаще предпочитают жить вблизи городов и переходят к полуоседлому и оседлому образу жизни. Наконец, распространение в регионе таких видов европейской военной техники, как пулемет и самолет, фактически упраздняет кочевника в качестве вооруженной силы. Массовое участие кочевников в боевых действиях в итоге прекращается, и классический бедуин в 30-е годы XX в. становится маргиналом. Он сохраняет свои позиции лишь в пустынях, где из–за скудности водных ресурсов мобильное скотоводство остается единственно возможным укладом.

В оседлых ареалах сельской местности в межвоенный период заметны два процесса. Во–первых, почти везде в странах Северной Африки расширились обрабатываемые площади и еще больше распространилось круглогодичное орошение (особенно в Марокко, Алжире, Египте и Судане). А во–вторых, традиционный и современный секторы сельского хозяйства в это время окончательно размежевались. На одном полюсе североафриканского села возникали крупные частные или акционерные владения, пользовавшиеся плодородной и орошаемой землей. Они принадлежали колонистам или европейским государствам и производили на экспорт хлопок, зерновые, вино, оливковое масло и фрукты. В них использовались тракторы и удобрения, а работали главным образом наемные рабочие, причем в ряде мест (в Магрибе) труд на земле чаще всего обеспечивался иностранцами. На другом полюсе находились малые и средние участки, которыми на общинных правах владели местные селяне.

Обычно такие участки были менее плодородны, хуже снабжены водой, а их владельцы или арендаторы не имели ни достаточных для развития хозяйства объемов капитала, ни доступа к банковскому кредиту. Они выращивали зерновые, фрукты и овощи традиционными методами для своего потребления и для местного рынка.

Как в том, так и в другом случае население сельской местности становилось избыточным. Плодородная земля, да еще после внедрения удобрений и механизации, больше не нуждалась в большом количестве труда. На мелких же участках рост численности населения снижал и без того низкий подушевой доход. Кроме того, шариатская система наследования нередко разделяла малые участки на еще более малые, чем уменьшала их конкурентоспособность. Наконец, в Египте даже расширенные обрабатываемые площади долины Нила уже с трудом могли содержать выросшее сельское население. Избыток жителей сельской местности перемещался в города, причем скорость и масштабы этого перемещения были беспрецедентны. Кроме того, в межвоенную эпоху миграции североафриканских селян в города дали новый общественный результат. Раньше они пополняли городское население, часто сокращавшееся по причине войн и эпидемий. Теперь они непрерывно увеличивали его ряды, которые и сами быстро росли в силу успехов здравоохранения и сохранения стабильной политической обстановки. Поэтому население городов Северной Африки (особенно крупных) росло быстрее, чем население стран региона в целом. Здесь показателен пример Каира, который в 1917 г. имел население 800 тыс. человек, а в 1937 г. — 1 млн 300 тыс. человек. Другой пример — в 1900 г. менее чем 15% населения Египта жило в городах с населением более 20 тыс. человек, а в 1937 г. эта цифра составляла уже более 25%. Подобная же картина наблюдалась в Магрибе, где арабо–берберское население городов за двадцать межвоенных лет более чем удвоилось.

Мировой кризис 1929-1933 гг. и перестройка экономических связей Северной Африки оказали серьезное воздействие на баланс общественных сил в странах региона. Наиболее драматические социальные сдвиги произошли на селе. Крестьяне Судана, Египта, Магриба оказались в тяжелом положении вследствие кризиса, поскольку лишились возможности сбывать продукцию по ценам, покрывающим их расходы. В Магрибе эти обстоятельства дополнялись воздействием засухи 1933-1934 гг. Отсюда происходили голод, долговая кабала и бегство в города. Только сельская верхушка сумела приспособиться к новым условиям и перестроить свои хозяйства с учетом потребностей внутреннего рынка. Те же проблемы

возникали перед городским населением, особенно местными рабочими: безработица в их среде росла, заработная плата снижалась, продолжительность рабочего дня увеличивалась. Серьезно пострадали городские кустари и ремесленники, поскольку платежеспособный спрос на их товары в 1930-е годы заметно сократился.

В том, что касается верхушки североафриканских обществ, мировой кризис произвел разносторонний эффект. От него главным образом пострадали торгово–предпринимательские круги, занимавшиеся посреднической деятельностью. Сокращение экспорта местных товаров и импорта из метрополий отразилось на их прибылях. Кризис нанес ущерб и владетелям земель, жившим по старинке и сдававшим их крестьянам на условиях натуральной издольщины. В годы кризиса крестьянство обнищало, и это в известной мере подорвало позиции арабских и берберских землевладельцев. Зато гораздо меньше пострадали от кризиса национальные производители товаров и услуг, работавшие на внутренний рынок. Кризисная конъюнктура на мировом рынке им даже помогла. За отсутствием импорта промышленных товаров из метрополии они заполняли эту брешь дешевыми товарами собственного производства; после массового разорения кустарей–ремесленников они нанимали их в качестве рабочих–надомников; за счет падения цен на сырье и инструменты они снижали свои издержки и т. д. Поэтому в ряде стран (в Египте и Тунисе) арабские фабриканты в начале 1930-х годов не только сохранили свои предприятия, но даже расширили их. То же самое можно сказать об относительно крупных финансово–промышленных группах (например, таков был союз египетских предприятий, сплотившихся в 1920-е годы вокруг банка «Мыср»). Эти банковские группы меньше всего подверглись воздействию кризиса и оказались вполне способны выдержать его удары.

Все эти существенные сдвиги в североафриканских обществах и экономике отразились на политическом развитии стран региона. Но не меньшее влияние на политическое мышление берберов и арабов Магриба оказало крушение османского культурно–исторического пространства. После Первой мировой войны окончательно распалась имперская политическая структура, в пределах которой большинство народов Северной Африки жили в течение четырех столетий. С провозглашением Турецкой Республики ушла в историю и сама Османская династия. А ведь она рассматривалась арабами как блюстительница независимости исламского мира, и пусть ненадежная, но все же защита против европейского владычества. Теперь у мусульман Египта, Судана и Магриба

не было «своей» империи.

Первая мировая война породила множество новых мыслей и чувств у политически сознательных арабов и берберов. Раньше их борьба за независимость велась против Европы и иногда против Османов, а сами они воспринимали себя лишь как часть мусульманского мира. Теперь мысль о свободе получила новые измерения. Противник остался один — христианская Европа, но и воссоздание Халифата в XX в. тоже оказалось утопией. В 1920-е годы сначала в элитарном, а затем и в массовом сознании постепенно укрепляется понятие о свободе как самоопределении национальных общностей — египтян, тунисцев, марокканцев и т. д., т. е. идея создания арабских государств. В этом немалое влияние на североафриканцев оказал пример Турции и ее лидера Мустафы Кемаля Ататюрка. По сути дела он взял новый курс развития, альтернативный османскому имперскому пути: создал общество на основе национального сплочения, жестко разделил государство и религию и нарочито отвернулся от Востока, чтобы стать частью Запада. Успех Ататюрка, бросившего вызов Европе, возбуждал среди арабских и берберских верхов недовольство своим положением и желание к перемене своего политического статуса.

В итоге надежды образованных египтян, суданцев, магрибинцев и поиск ими своего места в мире приводили их к двум стратегиям: либо поднять население на вооруженную борьбу, либо договориться с колонизаторами о предоставлении большей степени свободы. Первая из этих стратегий была традиционна для арабского мира — она опиралась на богатый опыт «священной войны» против «неверных». Так действовали мусульманские вожди всех времен, от Салах ад-Дина аль-Айюби (XII в.) до Абд аль-Кадира Алжирского (XIX в.). В 20-е годы XX в. рядовые североафриканцы и большая часть их верхов руководствовались именно этой моделью политического поведения. Поэтому в межвоенный период наблюдалось еще немало попыток антиевропейских вооруженных восстаний и мятежей (например, революции 1919 и 1921 гг. в Египте или создание Рифской республики в Марокко в 1921— 1926 гг.). Вторая же стратегия — прийти к компромиссу с колонизаторами — требовала, чтобы в той или иной стране Северной Африки присутствовали более или менее организованные арабо–мусульманские политические силы.

В большинстве стран Северной Африки межвоенного периода уровень политической сознательности был еще совсем невысок. Только в двух странах местные лидеры смогли создать политические партии подлинно национального масштаба. Во–первых, это Тунис, где в 1920 г. была создана партия Дустур (Конституционная партия), а во–вторых, Египет, где в 1919 г.

возникла партия Вафд (Партия делегации, от названия египетской делегации на Парижской мирной конференции). Примечательно, что в обеих этих странах сложилась длительная традиция преобладания крупных городов над сельской глубинкой. Однако как Вафд, так и Дустур пустили корни и в провинциальных городах и деревнях, а поэтому могли претендовать на то, что представляют тунисский или египетский народ в целом. Наряду с партийными вождями вполне перспективны для переговоров с Европой были и арабские монархи, например, Хашимиты, правившие после войны в Хиджазе, Трансиордании и Ираке; Саудиды, выгнавшие Хашимитов из Хиджаза в 1925 г.; Алауиты в Марокко или князья Персидского залива. В целом здравомыслящие североафриканские политики межвоенной эпохи понимали, что ниспровергнуть колониальные империи в скором времени им не удастся. Поэтому они ставили себе скромную, но гораздо более реальную цель — достичь внутри империй максимальной степени самоуправления.

Ассоциация «братья–мусульмане»: идеология и политическое действие

«Братья–мусульмане» (Аль–Ихван аль–муслимун) — одна из ведущих исламистских религиозно–политических сил в мире XX и начала XXI в. Основана в 1928 г. в Исмаилии (Египет) Хасаном аль-Банной. На раннем этапе развития ассоциацию «Братьев–мусульман» отличали сравнительная религиозная терпимость, политическая умеренность, апелляция к духовности, соединение исламского мистицизма (суфизма) и патриотических настроений.

В 40-50-е годы XX в. в атмосфере противостояния режиму короля Фарука (1936-1952 гг.), а затем правлению «Свободных офицеров» во главе с Гамалем Абдель Насером, «Братья–мусульмане» выработали основные теоретические положения, разделяемые по сей день большинством приверженцев исламского фундаментализма: принцип универсальности, всеобщности и неразделимости ислама на духовную и политическую составляющие; призыв к возврату ислама в его первоначальное, существовавшее при пророке Мухаммаде, состояние; освобождение исламского вероучения от многовековых наслоений традиции; отказ от засилья комментариев к священным текстам; ценности панисламизма и

возрождения халифата; необходимость идейной, политической и вооруженной борьбы за «истинно исламское правление».

В силу постоянной оппозиции правящим кругам Египта, Сирии и других арабских стран «Братья–мусульмане» неоднократно мигрировали, пережив три крупные волны рассеяния (1954, 1965 и 1981 гг.). В Сирии ассоциация была в числе организаторов беспорядков 1980-1982 гг. В Египте «Братья–мусульмане» приняли деятельное участие в событиях «Арабской весны» (2011-2012). В 2012 г. представитель «Братьев» Мухаммад Мурси был избран президентом Арабской Республики Египет (низложен в ходе переворота, предпринятого вооруженными силами АРЕ в 2013 г.).

В ряде стран (Тунис, Судан, Йемен) ассоциация и основанные ею политические партии являются легальными. В других странах (Египет, Сирия, Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн, Россия) «Братья–мусульмане» признаны террористической организацией и их деятельность запрещена.

Этим подвижкам вполне отвечали перемены в колониальном мышлении лидеров Запада. В 1920-е годы представления европейских лидеров относительно колоний были еще вполне классическими для империализма начала XX столетия — нужно использовать арабов, подавлять их восстания, разделять их вождей и властвовать над ними в целом. Именно поэтому в Северной Африке 1910-1930-х годов еще заметны остаточные признаки территориальной экспансии Европы — как, например, силовое «умиротворение» Марокко французами (1912-1934 гг.) или закрепление итальянцев в Ливии (1911-1931 гг.). Но уже в середине 1930-х годов перед европейскими правительствами встал вопрос о моральной и финансовой цене их колониальной политики. Мировой экономический кризис наглядно показал верхам Великобритании и Франции, что колонии и протектораты на севере Африки обходятся слишком дорого. Поэтому в 1930-1940-х годах началась перестройка отношений между Европой и арабскими националистами: интересы метрополий все более реализовывались на основе политического компромисса с арабскими верхушками, а не при помощи затратного и ведущего к потерям силового вмешательства.

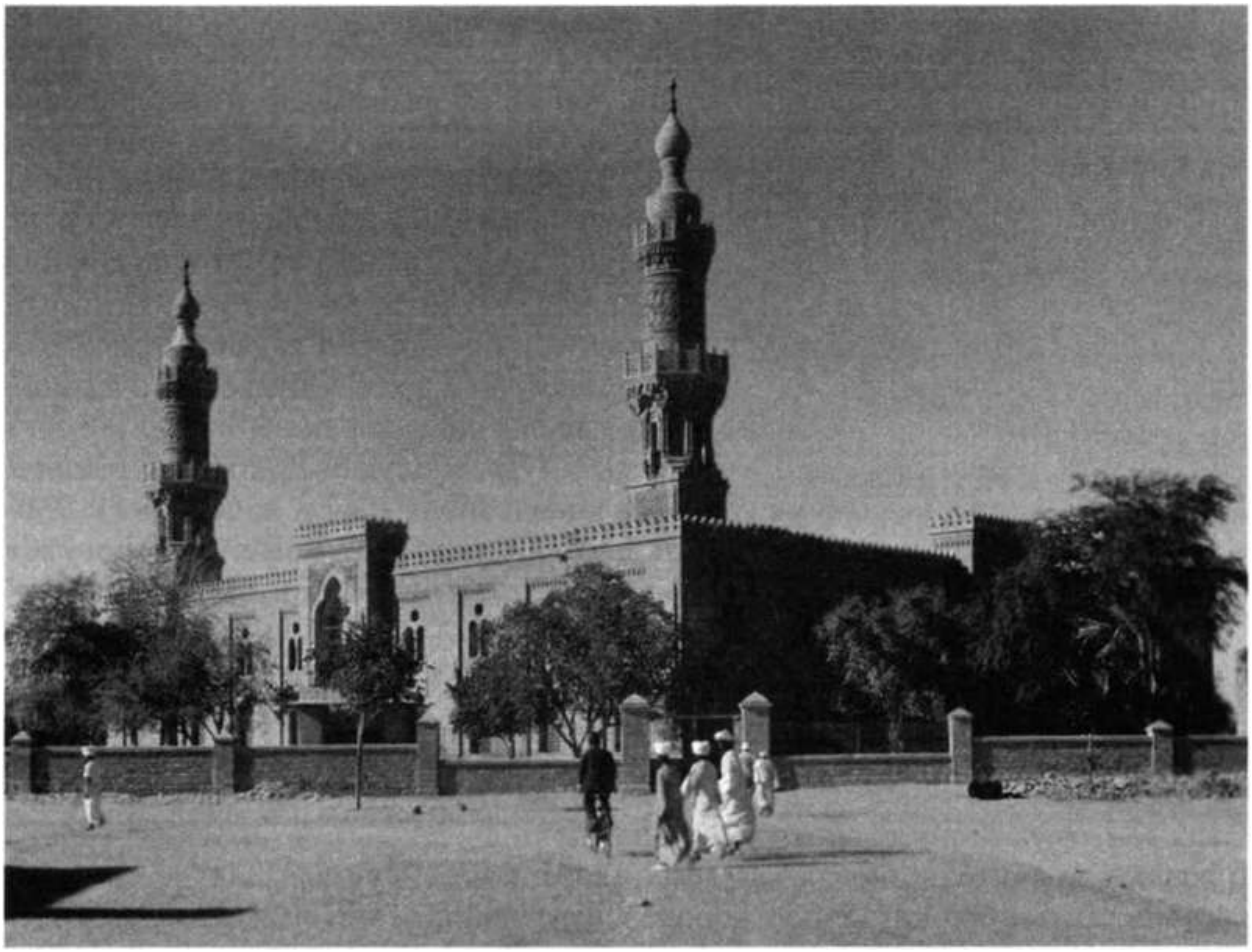
В новой схеме отношений колонизаторы оставляли за собой верховный контроль за финансами, армией и основами внешней политики страны. Зато ответственность за местное управление и иногда малая

степень свободы на международной арене была передана североафриканским правительствам. Для придания большего веса этим реформам метрополии повышали юридический статус верхов «туземного» населения (реформы 1919 г. в Алжире и 1922 г. в Тунисе), предоставляли странам Северной Африки «ограниченный суверенитет», «внутреннюю автономию» и т. п. Сходная политика проводилась Великобританией и в Египте. Формальную независимость Египет получил в 1922 г., а в 1936 г. между Египтом и Британией был заключен договор о дружбе и союзе. Согласно договору, английская военная оккупация Египта была завершена (кроме зоны Суэцкого канала), а вскоре Египет вслед за Ираком вступил в Лигу Наций. Сложнее складывалась ситуация во французских владениях, где европейское население претендовало на самоуправление от имени Франции. В Алжире, Тунисе и Марокко межвоенной эпохи сложилось своего рода «колониальное двоевластие». Европейские предприниматели и землевладельцы Магриба сохраняли внешнюю лояльность Парижу, но постоянно оказывали нажим на метрополию и диктовали свою волю ее губернаторам. В силу этого власти Франции не могли устоять перед колониальными лоббистами. Даже в период правления Народного фронта (1936-1938 гг.) французское правительство так и не пришло к компромиссу с местными элитами в духе англо–иракского или англо–египетского договора.

В межвоенный период происходит бурное проникновение в страны Северной Африки элементов современности — в образе жизни, мышлении, образовании и культуре. В городах распространяются бытовые удобства (водопровод, канализация, газ, электричество), появляются новые виды транспорта (трамвай, троллейбус, автобус), улучшаются дороги. Благодаря этим переменам растет площадь городской застройки и исчезает традиционная замкнутость кварталов. Развиваются средства массовой информации (газетное дело, граммофонная запись, радио и кинематограф). Пионером арабского кино выступил Египет, а в 1930-х годах египетские фильмы показывали уже по всему арабскому миру. При всех издержках колонизации она дала жителям Северной Африки очень много. В межвоенный период они познакомились с достижениями европейской науки и техники, современными средствами связи и коммуникации, новейшими орудиями и средствами ведения сельского хозяйства, с возможностями вывоза своей продукции в метрополию, выезда туда на заработки и получения европейского образования. В Ливане, Египте, Алжире создаются университеты современного типа, куда поступали и школьники из арабских семей.

Межвоенная вестернизация еще была верхушечной, а на периферии региона (в Мавритании. Ливии, Судане) новые веяния затронули лишь очень тонкую прослойку европеизированной элиты и интеллигенции. Однако важно другое — вестернизация повсюду привела к разрыву духовно–культурного единства североафриканских обществ. Привнесенные европейские ценности и нормы поведения с трудом уживались в арабском сознании с собственным исламским наследием и образом жизни. Поэтому в межвоенный период в Северной Африке параллельно развернулись два культурных конфликта. С одной стороны, это противоречие между традиционными и новыми порядками, когда европейские достижения вызывали надежду на раскрепощение с их помощью. Однако, с другой стороны, все более ясным становилось несовпадение между идеями развития европейских стран (секуляризм, свобода, прогресс, демократия и др.) и их колониальной политикой. Ответ североафриканских обществ на этот вызов был противоречивым. Он состоял как в безудержном стремлении «стать Европой», так и в нарастании патриотических, «почвеннических» и даже исламско–фундаменталистских настроений. Ярким выразителем последних стала ассоциация «Братья–мусульмане», основанная Хасаном аль-Банной в г. Исмаилия (Египет) в 1928 г.

С началом Второй мировой войны правительства Великобритании и Франции стремились укрепить свой контроль над странами Северной Африки. Хотя Египет формально объявил о выполнении союзных обязательств перед Лондоном, в его руководстве были сильны профашистские настроения. Король Фарук, часть его придворных, премьер–министр Али Махир и начальник штаба египетской армии генерал Азиз аль-Мысри тайно связывали с победой Германии и Италии надежды на избавление от британского присутствия. Антибританские эмоции пронизывали пропаганду «Братьев–мусульман» и ультранационалистической партии «Мыср аль-Фатат». Ливия, как колония Италии, с первых дней войны стала площадкой для подготовки боевых действий в Египте. Во французских владениях правительство Э. Даладье стремилось выкорчевать все следы уступок «туземцам», сделанные Парижем в эпоху Народного фронта. На основании законов военного времени в Магрибе была введена цензура, ограничены демократические свободы, распущены профсоюзы, подверглись полицейскому преследованию партийные структуры.



Судан. Хартум. Главная мечеть. 1936 г. Библиотека Конгресса США.

Военно–политическая ситуация в Северной Африке быстро изменилась после разгрома вермахтом армии Франции (июнь 1940 г.) и вступления в войну Италии. Стратегические позиции Великобритании ослабли, а фокус противостояния «оси» и антигитлеровских сил переместился из Западной Европы на восток Средиземноморья. Уже в сентябре 1940 г. итальянская армия начала наступление из Ливии и Эфиопии на Судан и Египет. В декабре 1940-мае 1941 г. британские войска предприняли успешное контрнаступление, завладев восточной частью Ливии (Киренаикой), Эфиопией, Эритреей и Сомали. В ответ германское командование сформировало и перебросило в Ливию бронетанковый «Африканский корпус» под командованием генерала Э. Роммеля (февраль 1941 г.), впоследствии усиленный авиационным корпусом А. Кессельринга и итальянскими войсками (декабрь 1941-январь 1942 г.). Роммель после тяжелых боев за г. Тобрук (ноябрь 1941 г.) отступил из Киренаики, но в конце января 1942 г. взял г. Бенгази и оттеснил англичан к ливийско–египетской границе. К своей стратегической задаче (захват Каира и зоны

Суэцкого канала) он смог вернуться только в мае 1942 г., когда итало–германские войска внезапно начали наступление и обошли с юга британские позиции в Ливийской пустыне. Преследуя спешно отступавших англичан, Роммель вторгся в Египет и в начале июля 1942 г. подступил к Эль–Аламейну (около 100 км к западу от Александрии). Здесь итало–германское наступление было с трудом приостановлено силами 8-й британской армии.

Ненадежное положение на фронте и открытые симпатии части египетской верхушки к нацизму вынуждали британские власти к решительным действиям. В этой ситуации неожиданно сошлись имперские интересы Британии и устремления Вафда, враждебного как Британии, так и королевскому двору. 4 февраля посол Великобритании в Египте М. Лэмпсон жестко потребовал от короля оздоровить идейно–политическую обстановку в стране и создать правительство с участием лидера Вафда Мустафы Наххаса. Отказ Фарука привел к окружению королевского дворца танковыми подразделениями и угрозе низложения короля. Лэмпсон предложил Фаруку подписать либо акт об отречении от престола, либо указ о назначении Наххаса премьером. Король предпочел второе, что вскоре привело к массовым арестам сторонников нацизма, в том числе среди членов правящей династии.

В магрибинских владениях Франции после утверждения власти марионеточного правительства Виши преобладали сторонники «почетного мира» Франции и Германии. Державы «оси» вплоть до осени 1942 г. эксплуатировали Алжир и французскую зону Марокко: из этих стран в Германию и Италию вывозились фосфориты, железная руда, цветные металлы и продовольствие. Алжир и Тунис поставляли продовольствие и снаряжение для «Африканского корпуса» Э. Роммеля. В 1940 г. по требованию рейха колониальные власти Алжира начали строительство стратегической линии — Транссахарской железной дороги. Она должна была соединить порт Оран на западе Алжира и французские территории Западной Африки для вывоза местных полезных ископаемых в Германию и Италию. В испанской зоне Марокко правительство Ф. Франко (объявившее себя невоюющей стороной) с согласия правительства Виши оккупировало международный порт Танжер, а в декабре 1942 г. официально ввело его в состав испанских заморских территорий.

Деятельность антифашистского подполья в Магрибе в первые годы войны не была особенно успешной. Нелегальные структуры коммунистов, националистов (Партии алжирского народа в Алжире, партии Новый Дустур в Тунисе) и сторонников генерала Ш. де Голля действовали

порознь, а проводимые ими акции (саботаж, порча военной и гражданской техники, диверсии в портах, на железных дорогах и линиях связи) имели ограниченный успех. Не вполне удачной была и их антифашистская пропаганда, поскольку в 1940-1942 гг. среди арабо–берберского населения Магриба были еще сильны прогерманские иллюзии. Тем временем администрация президента США Ф. Рузвельта, готовясь к будущему вторжению в Северную Африку, в феврале 1941 г. заключила с правительством Виши экономическое соглашение («соглашение Вейгана — Мэрфи»), согласно которому планировались крупные поставки американских товаров в Алжир, Тунис и Марокко.

Арабский служащий британских Королевских военно–воздушных сил.

1940-1942 гг. Библиотека Конгресса США

Решительный перелом в военно–политическом положении Северной Африки наступил осенью 1942 г., когда британские войска нанесли сокрушительный удар по итало–германским позициям при Эль–Аламейне (конец октября — начало ноября 1942 г.). Прорыв линии обороны (4 ноября) вынудил Роммеля быстро отступить в Ливию. Положение итало–германских войск осложнялось дефицитом горюче–смазочных материалов и боеприпасов. Германия, скованная на Восточном фронте, оказывала «Африканскому корпусу» незначительную поддержку, а британский флот и авиация блокировали морскую доставку горючего и боеприпасов из Италии. Уже 23 января 1943 г. британская 8-я армия, преследуя Роммеля, взяла Триполи и вскоре подступила к тунисско–ливийской границе.

Параллельно с британским наступлением в портах французской Северной Африки — Алжире, Оране, Касабланке — высадились 110 тыс. англо–американских солдат во главе с генералом Д. Эйзенхауэром (8 ноября 1942 г.). После недолгого сопротивления главнокомандующий французскими войсками в Северной Африке адмирал Ж. Дарлан отдал приказ о прекращении огня и был впоследствии назначен главой новой администрации французских владений. Высадка союзников в Северной Африке полностью прервала связи стран Магриба и Франции. Французские части, расквартированные в североафриканском регионе, заняли выжидательную позицию и игнорировали как указания из Парижа поддержать Роммеля и итальянцев, так и призывы Дарлана оказать сопротивление фашистским оккупантам. Стихийная итало–германская оккупация Туниса (ноябрь 1942-май 1943 г.) завершилась полным разгромом фашистских войск и их капитуляцией.

По окончании боевых действий в Северной Африке британское и американское руководство постановили сделать Алжир основной площадкой для будущего освобождения Франции. В июне 1943 г. в Алжире был образован Французский комитет национального освобождения (ФКНО). Первоначально его возглавляли Ш. де Голль и генерал А. — О. Жиро, совершивший побег из германского плена и связанный с колониальными кругами Алжира. Союзники полагали, что компромиссная фигура Жиро поможет наладить контакт и компромисс между Движением сопротивления и правительством Виши. Неудача этого начинания привела к тому, что в ноябре 1943 г. бывшие вишисты были выведены из состава ФКНО и руководство Комитетом целиком перешло в руки генерала Ш. де Голля. После перестройки ФКНО на северо–западе Африки возобновилось действие гражданских и политических свобод. Были вновь созваны

распущенные представительные органы, амнистированы арабские националисты, осужденные по обвинению в сотрудничестве с нацизмом. Началось создание новых партий. В Марокко в конце 1943 — начале 1944 г. были созданы Марокканская коммунистическая партия и националистическая Партия независимости (Истикляль) под руководством Ахмада Балафреджа, Алляля аль-Фаси и Мухаммада аль-Язиди.

Экономика Египта, Судана и стран Магриба в годы войны развивалась в условиях нарушения связей с колониальными метрополиями. Временное прекращение импорта товаров из Великобритании и Франции и ослабление конкуренции со стороны их промышленности стимулировало развитие местного мелкого и среднего предпринимательства, особенно в Египте и Тунисе. Это обстоятельство несколько смягчило трудности военного времени (падение производства, инфляция, рост цен, мобилизация трудоспособного населения, применение принудительного труда, реквизиции продовольствия и скота, засуха 1941-1943 гг.). Тем не менее работы по восстановлению разрушенной технологической и транспортной инфраструктуры начались только в 1943 г. Военная разруха, снижение уровня жизни населения, голод и обнищание в деревне, переселение крестьян в города вызывали массовое недовольство и радикализацию общественных настроений.

Патриотические силы Египта и Судана военной поры в целом здраво оценивали свои возможности по противодействию политике Лондона. Зато у магрибинских политиков последние годы войны породили неверное предчувствие скорого краха французского колониализма. Свою роль в появлении этой иллюзии сыграл разгром вермахтом французской армии в 1940 г., что рассеяло бытовавшие в Магрибе представления о несокрушимой военной мощи метрополии. На мировосприятие алжирских, тунисских, марокканских националистов сильно повлияли и обещания Ш. де Голля — довести «туземные общества» до того уровня развития, когда они смогут участвовать в управлении собственными делами. В марте 1944 г. был издан ордонанс ФКНО, который предоставил права французских граждан верхушке мусульманского населения (вождям племен, предпринимателям, чиновникам, части интеллигенции, отставным офицерам). В ответ патриотические круги Алжира во главе с Фархатом Аббасом предложили идею федерации автономного Алжира с «обновленной и антиколониалистской Францией» и создали ассоциацию «Друзья манифеста и свободы». Новый Дустур, выступая за «внутреннюю автономию» Туниса и сохранение национальной самобытности, также заметно усилил свои ряды и пропагандистские усилия.

В последние годы войны территории Алжира, Туниса и Марокко использовались силами антигитлеровской коалиции для подготовки освобождения Франции и наступления на Италию. В 1944-1945 гг. десятки тысяч магрибинцев активно участвовали в боях с фашизмом в составе французской армии. После открытия Второго фронта (июнь 1944 г.) ФКНО был преобразован во Временное правительство Франции, а в августе 1944 г. переехал в Париж. В то же время колониальная администрация Магриба по–прежнему контролировалась правыми силами, отнюдь не разделявшими взгляды Ш. де Голля и готовыми на любые меры для сохранения своего господства. Это подтвердил исключительно жестокий разгром стихийного и слабо подготовленного боевиками Партии алжирского народа вооруженного антифранцузского восстания в Восточном Алжире (май 1945 г.). Ливия же после поражения итало–германских войск оказалась, как бывшая колония фашистского государства, под контролем английских (Триполитания, Киренаика) и французских (Феззан) оккупационных властей. Как французы, так и англичане стремились превратить свои зоны оккупации в самостоятельные территории и всемерно восстанавливали племенные структуры, а также статус и благосостояние традиционных элит Ливии. Они надеялись с их помощью закрепить свое влияние в Ливии после войны.

Тропическая и Южная Африка: трансформация колониального общества

Какими бы бурными ни были в XX в. изменения в жизни всего человечества, перемены в регионах «Юга» — наиболее разительны. Многие народы там прошли за это столетие путь от родового общества до современной государственности. Они были почти изолированы от внешнего мира, и лишь XX век втянул их в широкие международные связи. Какое же напряжение — психическое, нервное, интеллектуальное — испытали на себе те несколько поколений, на долю которых пришлись такие громадные перемены! «Десять тысяч лет в одну жизнь» — так и назвал книгу воспоминаний один из общественных деятелей «Юга».

Эти народы в XX в. оказывали все большее влияние на судьбы человечества — хотя бы уже потому, что их удельный вес в численности народонаселения нашей планеты очень быстро возрастал. Но характер влияния нелегко определить, поскольку эти народы — их историческое прошлое и настоящее — исследованы наукой неизмеримо меньше, чем история Западной Европы и Северной Америки.

Все это относится к Тропической и Южной Африке.

Итоги колониального раздела

Колониальный раздел мира, произошедший в последней четверти XIX в., был прежде всего разделом Африки. Если в начале 1870-х годов колониальные владения составляли лишь несколько процентов территории Африканского материка, то к XX в. он был поделен почти полностью.

Накануне Первой мировой войны в Тропической и Южной Африке суверенными государствами считались Эфиопия, сумевшая разгромить в 1896 г. итальянскую армию, посланную для ее завоевания, и Либерия, основанная афроамериканцами. Остальная территория Тропической и Южной Африки входила в состав европейских колониальных империй.

Самыми обширными и богатыми были владения Великобритании. В южной и центральной части континента: британский доминион ЮжноАфриканский Союз (ЮАС, ныне — Южно–Африканская Республика), Бечуаналенд (ныне — Ботсвана), Басутоленд (Лесото), Свазиленд, Южная Родезия (Зимбабве), Северная Родезия (Замбия). На

востоке: Кения, Уганда, Занзибар, Британское Сомали. На северо–востоке: Англо–Египетский Судан, формально считавшийся совладением Англии и Египта. На западе: Нигерия, Сьерра–Леоне, Гамбия и Золотой Берег (ныне — Гана). В Индийском океане — о. Маврикий и Сейшельские острова.

Колониальная империя Франции по размерам не уступала Британской, но население ее колоний было в несколько раз меньше, а природные ресурсы — беднее. Большинство французских владений находилось в Западной и Экваториальной Африке и немалая часть их территории приходилась на Сахару, прилегающую к ней полупустынную область Сахель и тропические леса. Это Французская Гвинея (ныне — Гвинейская Республика), Берег Слоновой кости (Кот-д'Ивуар), Верхняя Вольта (Буркина Фасо), Дагомея (Бенин), Мавритания, Нигер, Сенегал, Французский Судан (Мали), Габон, Чад, Среднее Конго (Республика Конго), Убанги–Шари (Центрально–Африканская Республика), Французский Берег Сомали (Джибути), Мадагаскар, Коморские острова, Реюньон.

Португалия владела Анголой, Мозамбиком, Португальской Гвинеей (Гвинея–Бисау), включавшей Острова Зеленого Мыса (Республика Кабо–Верде), Сан–Томе и Принсипи.

Бельгия владела Бельгийским Конго (Демократическая Республика Конго, а в 1971-1997 гг. — Заир), Италия — Эритреей и Итальянским Сомали, Испания — Испанской Сахарой (Западная Сахара), Германия — Германской Восточной Африкой (ныне — континентальная часть Танзании), Руандой и Бурунди, Камеруном, Того и Германской Юго–Западной Африкой (Намибия).

Основными стимулами, которые привели к жаркой схватке европейских держав за Африку, считаются экономические. Действительно, надежда на эксплуатацию природных богатств и населения Африки имела первостепенное значение. Но нельзя сказать, что эти надежды сразу же оправдались. Юг континента, где обнаружились крупнейшие в мире месторождения золота и алмазов, стал давать огромные прибыли. Но во многих других регионах до получения доходов необходимы были сперва крупные вложения для разведки природных богатств, создание коммуникаций, приспособление местной экономики к нуждам метрополии, подавление протеста коренных жителей и изыскание эффективных способов, чтобы заставить их работать на колониальную систему. Все это требовало времени и отнюдь не завершилось к началу Первой мировой войны.

Не сразу оправдался и другой аргумент идеологов колониализма. Они

утверждали, что приобретение колоний откроет в самих метрополиях множество рабочих мест и устранит безработицу, поскольку Африка станет емким рынком для европейской продукции и там развернется громадное строительство железных дорог, портов, промышленных предприятий. Если эти планы и осуществлялись, то медленней, чем предполагалось, и в меньших масштабах.

Несостоятельным оказался и довод, будто в Африку переместится избыточное население Европы. Потоки переселения оказались меньше, чем ожидалось, и в основном ограничились Югом континента, Анголой, Мозамбиком, Кенией — странами, где климат и другие природные условия подходили для европейцев. Страны Гвинейского залива, получившие название «могила белого человека», мало кого соблазнили.

Но одними лишь экономическими и социальными факторами не объяснить «схватку за Африку» и те жаркие противоречия между европейскими странами, к которым она приводила в дальнейшем. Нельзя недооценивать роль шовинистских амбиций, стремлений к имперскому величию, к поддержанию великодержавного престижа. Манипулирование патриотизмом, национальными чувствами приводило к тому, что идеи новых и новых колониальных приобретений поддерживались в европейских государствах даже теми слоями населения, которые в сущности ничего не получали от этих захватов.

Сложности взаимных представлений

«Миру белого человека», который тогда господствовал на планете, достался от прошлых веков пестрый букет представлений об Африке. Правда, отошла в прошлое идея античности: «из Африки всегда приходит что–то новое», как и мысль Руссо о «благородном дикаре». Зато широко распространилась уверенность в расовой неполноценности людей с черным цветом кожи, рожденная или усиленная веками работорговли и «схваткой за Африку».

Широко бытовало мнение, что у Тропической и Южной Африки нет истории, что эти общества статичны, абсолютно неспособны к развитию, если нет вмешательства извне. О крупных каменных сооружениях Зимбабве, возведенных в доколониальные времена, английский путешественник Теодор Бент писал: «всем прекрасно известно, что негры из–за характера своего мышления никогда не могли бы совершить столь сложную работу».

История государственных образований доколониального периода не привлекала внимания европейцев. Само появление этих государств обычно объясняли тем, что в давние времена из Азии в Африку пришли скотоводы–хамиты и навязали свою культуру аборигенам — пассивным земледельческим народам. В фундаментальном труде немецких историков, многотомной «Истории человечества», переведенной на русский язык перед Первой мировой войной, говорилось: «Громадная и неуклюжая по своему виду, с негостеприимными берегами, выжженными большею частью лучами тропического солнца, Африка… угрюма и загадочна, как сфинкс в египетской пустыне. И какова земля, таков и народ. Едва известный подвижным расам Азии и Европы в течение тысячелетий, своим цветом кожи уже как бы отверженный от ряда благородных народов, прожил он, замкнувшись, неисчислимые годы, не выходя из естественных границ своей территории для дружеского сношения или неприятельского нападения… Если мы можем сравнить историю рас Европы с деятельностью в ясный солнечный день, то история Африки только тяжелый ночной сон; спящего он успокаивает или тревожит, так что он с беспокойством поворачивается на своем ложе; но другие его не знают, а проснувшийся скоро забывает о нем».

С предрассудками соседствовала романтизация Африки. В обыденном сознании европейцев Африка долго оставалась таинственной и загадочной — фантастическая природа, непроходимые дебри, невиданные звери, необозримые алмазные россыпи, неисчерпаемые богатства золотом.

Восхищение вызывали прежде всего природа и животный мир. Но все же была и идеализация африканцев и их жизни, по сравнению с которой, как писал В. И. Немирович–Данченко, «вся эта Европа, суетливая, жалкая в гоньбе за наживой, жадная и подлая в хищничестве и завоевании, лицемерная в рабстве и насилии, — сон и только сон».

Об Африке знали по книгам Луи Жаколио, Луи Буссенара, Райдера Хаггарда, Жюля Верна, Майн Рида, Пьера Лоти, Пьера Милля, Августа Нимана. О поразительном распространении колониально–приключенческой литературы свидетельствует такой факт: на рубеже XIX и XX вв. в казахском устном эпосе (казахской письменности еще не было) появился рассказ «Зулус» известных сказителей, братьев Кербабаевых. Из содержания видно, что в основу его положены сцены романа Райдера Хаггарда «Копи царя Соломона». Еще больше — по колониально–приключенческим романам авторов, в наше время забытых напрочь, но тогда очень популярных среди молодежи, да и не только молодежи. И по бульварной литературе, массовым дешевым изданиям.

Разумеется, читающая публика не составляла в тогдашней Европе большинства населения. Но и те, кто не были приучены к чтению, заслушивались рассказами бывальцев, которые зачастую ярко расцвечивали виденное. А в лавках «колониальных товаров» были рекламы с дразнящими воображение картинками якобы из африканской жизни. Торговцы вкладывали такие же, но уменьшенные, картинки в коробки и пакеты с товарами, предлагая их собирать, и давали за это премии и льготы.

Слово «Африка» в массовом сознании связывалось больше всего с такими именами, как Ливингстон и Стенли. А обобщенно — это мужественный европеец с обветренным загорелым лицом, в пробковом шлеме, во главе отряда черных носильщиков, сражается со львами, носорогами и крокодилами, прорубается сквозь скалы и через тропические леса, переправляется через горные стремнины, открывая для соотечественников новые и новые края. «Африка существовала как земля для путешественников, для разных Стенли и Ливингстонов», — писал Константин Паустовский о тех временах, о годах своего детства. «Мне, как и другим мальчишкам, — вспоминал он, — Африка, где мы бродили в мечтах». Это была охота на львов «с рассветами в песках Сахары, плотами на Нигере, свистом стрел, неистовым гамом обезьян и мраком непроходимых лесов». И с мечтами о том, чтобы «таинственную Африку» пройти «от Алжир до мыса Доброй Надежды и от Конго до Занзибара». Такая романтизация настолько увлекала юношество, что многие бежали в Африку, нанимаясь юнгами на корабли или прячась в трюмах. Незадолго до Первой мировой войны эти мечты ярко передал Николай Гумилев (сам он побывал в Африке четыре раза, и для него она была «отражением рая»):

Я пробрался в глубь неизвестных стран
Восемьдесят дней шел мой караван.

Но наряду с романтизацией были настроения сугубо циничные. Французский поэт Артюр Рембо, отправляясь в Африку, выразил их так: «Я вернусь с железными мускулами, с темной кожей и яростными глазами… У меня будет золото; я стану праздным и грубым».

Если не вспомнить эти представления, невозможно понять не только отношение Европы к Африке, но и самих европейцев на заре XX столетия. Тем более, что такие представления оказались чрезвычайно живучи: не столько романтизация, сколько предрассудки.

Намного труднее понять, каким африканцы видели белого человека. В

фольклоре отразилась сложная гамма чувств. Но, безусловно, — изумление и протест.

Что ж удивляться, если у народа ньякьюса (Танзания) была песня:

Кому поклоняются европейцы?
Кому поклоняются европейцы?
Деньгам, деньгам.

Европейцам трудно было понять африканцев, поэтому считали их малопонятливыми, как дети. Африканцы платили им тем же. У народа эве (Гана, Того, Дагомея) была песня:

Младенец — это европеец:
Он с нами говорить не может,
За это сердится на нас.

Младенец — это европеец:
Ему до ближних дела нету,
Тиранит он отца и мать.

На протяжении двадцатого столетия представления менялись и становились все многообразней. Но взаимные предубеждения, возникшие в сознании европейцев и африканцев, не исчезли и вряд ли могут исчезнуть без больших усилий с обеих сторон. Как известно, стена предрассудков — одна из самых прочных стен, когда–либо сооруженных человеком. Даже в период деколонизации, в середине 50-х годов XX в., политический деятель ЮжноАфриканской Республики (тогда — Южно–Африканский Союз) мог заявить: «Африканцы — это дети, и поэтому европейцы должны выполнять по отношению к ним роль родителей… Им нельзя предоставить власть, которой пользуются взрослые, знающие, как ею пользоваться».

Легко представить, какой протест, какую ярость подобные идеи вызывали у африканцев.

Политическая карта Африки после Первой мировой войны. Мандатная система

На африканской земле военные действия в ходе Первой мировой войны велись только в германских колониях: Германской Юго–Западной Африке (ныне — Намибия), Того, Камеруне и наиболее ожесточенные в Германской Восточной Африке (ныне — Танзания).

Однако война оказала немалое влияние на Африку. Сотни тысяч африканцев были мобилизованы в армии колониальных держав. Многие из них сражались в Европе (сенегальские стрелки вскоре после войны побывали даже в Одессе, во время французской интервенции). Они вернулись домой с реальными представлениями о Европе. Увидели, что метрополии, убеждавшие африканцев в своей полной непобедимости, могли терпеть поражения — как Бельгия, Франция, Германия. Все это оставило неизгладимый след в сознании африканцев, вызвало изменения в их представлениях о Европе.

Одной из причин Первой мировой войны было стремление Германии к переделу колониальных владений. Однако в результате ее поражения произошел, наоборот, передел ее владений. Германия в результате войны утратила свои колонии: Германскую Восточную Африку, Германскую Юго–Западную Африку, Камерун и Того.

Раздел колониальных владений Германии, площадь которых в Африке составляла 2,5 млн кв. км, число жителей — около 13 млн человек, был юридически оформлен мандатной системой Лиги Наций. Решение о создании мандатной системы было принято Парижской мирной конференцией в январе 1919 г. Ее принципы вошли в устав Лиги Наций и были изложены в его 22 статье. Одним из ее авторов был премьер–министр Южно–Африканского Союза генерал Ян Смэтс.

В соответствии с мандатной системой колонии побежденных империй были разделены на три категории — «А», «В» и «С». В категорию «А» попали лишь части бывшей Османской империи: Ирак, Ливан, Палестина, Сирия. Германская Восточная Африка, Того и Камерун попали в категорию «В». Задачи страны–мандатария — державы, которой Лига Наций предоставляла мандат на управление той или иной колонией (отсюда и название системы), — были сформулированы для этой группы так: «Степень развития, на которой находятся другие народы, особенно народы Центральной Африки, требует, чтобы мандатарий взял там на себя управление территорией на условиях, которые, запрещая такие злоупотребления, как торг рабами, торговлю оружием и алкоголем, будут гарантировать свободу совести и религии без иных ограничений, кроме тех, что необходимы для сохранения общественного порядка и добрых нравов…». На подмандатных территориях этой группы запрещалось

строить военные базы и другие военные объекты.

В категорию «С» была включена лишь одна территория — Юго–Западная Африка (ныне — Намибия), считавшаяся наиболее отсталой из бывших германских колоний. О странах этой группы в уставе Лиги Наций говорилось: «Наконец, есть территории, такие, как Юго–Западная Африка и некоторые острова южной части Тихого океана, которые вследствие малой плотности населения, своей ограниченной площади, своей удаленности от центров цивилизации, своей географической смежности с территорией мандатария или других обстоятельств не могли бы лучше управляться, как по законам мандатария, в качестве составной части его территории с соблюдением в интересах туземного населения предусмотренных выше гарантий». В сущности это положение предоставляло мандатариям полную свободу действий в подмандатных территориях группы «С», как если бы это были их колонии.

Но и для первых двух групп — «А» и «В» — ограничения, налагавшиеся мандатной системой на мандатариев, были формальными и большинство из них, особенно гуманитарного характера, не выполнялось. В сущности об их исполнении Лига Наций могла судить лишь по отчетам, составлявшимся администрацией держав–мандатариев. Отчеты давали какую–то информацию о положении в подмандатных странах, хотя и совершенно недостаточную, но все же большую, чем о колониальных владениях. Здесь все–таки немного сложнее было применять принудительный труд — дотошные журналисты или миссионеры могли поднять из–за этого скандал. Держава–мандатарий не имела права расчленять подмандатную территорию и включать ее в состав своих колоний. И это, пожалуй, все.

И все же в создании мандатной системы отразились и новые черты послевоенного мира. В новых условиях ее авторы пытались найти для колониального «передела» Африки несколько более респектабельные формы. Кроме того, мандатная система стала первым опытом «коллективного колониализма», так как теоретически давала некоторые (хотя и крайне ограниченные) возможности для международного контроля над действиями мандатария.

Бывшие германские колонии были поделены между претендентами не Лигой Наций, а Верховным советом Антанты еще в мае 1919 г., до вступления в силу Версальского договора и официального создания Лиги Наций. Совет Лиги лишь подтвердил в 1920 г. новые границы колониальных империй.

Наиболее ценная в смысле людских и естественных ресурсов и самая

большая по площади Германская Восточная Африка была разделена между Великобританией, Бельгией и Португалией. Великобритания получила мандат на управление основной частью территории страны — она вошла в состав Британской империи под названием Танганьика. Руанда и Урунди (ныне — Бурунди), два округа на северо–западе были отданы под управление Бельгии и присоединены к Конго. Территория Руанды и Урунди составляла лишь семнадцатую часть Германской Восточной Африки, но здесь на плодородных землях проживало больше половины населения бывшей немецкой колонии. Небольшой район на юго–востоке Германской Восточной Африки с г. Кионга, который в 1894 г. Португалия уступила Германии, был теперь возвращен прежней метрополии. Эта территория не получила статуса подмандатной, а была просто присоединена к португальской колонии Мозамбик.

Мандат на вторую по величине, однако малонаселенную и пустынную (большую ее часть занимает пустыня Калахари) германскую колонию — Юго–Западную Африку — получил Южно–Африканский Союз. Территорию Камеруна разделили между собой Франция и Великобритания. Великобритании отошли районы, примыкавшие с востока к Нигерии, крупнейшему британскому владению в Западной Африке. Мандат на большую часть (по площади 5/6 бывшей немецкой колонии) получила Франция. Того также поделили Франция и Великобритания. Франция получила мандат на восточную, большую часть, Великобритания — на западную. Были и другие изменения границ между колониями, не связанные с созданием мандатной системы и менее значительные. Например, Италия в качестве вознаграждения за участие в войне на стороне Антанты увеличила территорию своей колонии Сомали за счет соседней Кении: английское правительство согласилось отдать Италии область Джубба.

Став подмандатной территорией Великобритании, Танганьика соединила ее южноафриканские владения с восточноафриканскими — Кенией, Угандой и Занзибарским султанатом. Таким образом осуществилась мечта Сесиля Родса: от Кейптауна до Каира шла непрерывная полоса британских владений или стран, зависимых от Британии.

Апогей колониальной политики

Те общества, которые возникли в Африке как синтез колониального с

традиционным и достались в наследство независимым государствам, теперь нередко называют колониальными. В большинстве стран Африки начало их создания относится к рубежу XIX и XX вв. (хотя, например, на самом Юге, в Капской колонии, — с XVII в.). Но важнейшие черты этих обществ с определенностью проявились уже после Первой мировой войны.

После окончания Первой мировой войны процесс колониального освоения Африки ускорился. Страны–метрополии стали более систематически «осваивать» захваченные территории, т. е. создавать там политические, социальные и экономические условия для наиболее эффективного получения прибылей. Механизм колониальной эксплуатации формировался постепенно — на протяжении всего колониального периода. В межвоенный период еще не все районы и страны Африки были по–настоящему глубоко затронуты колониальным воздействием, но его роль оказалась важной для направления дальнейшего развития.

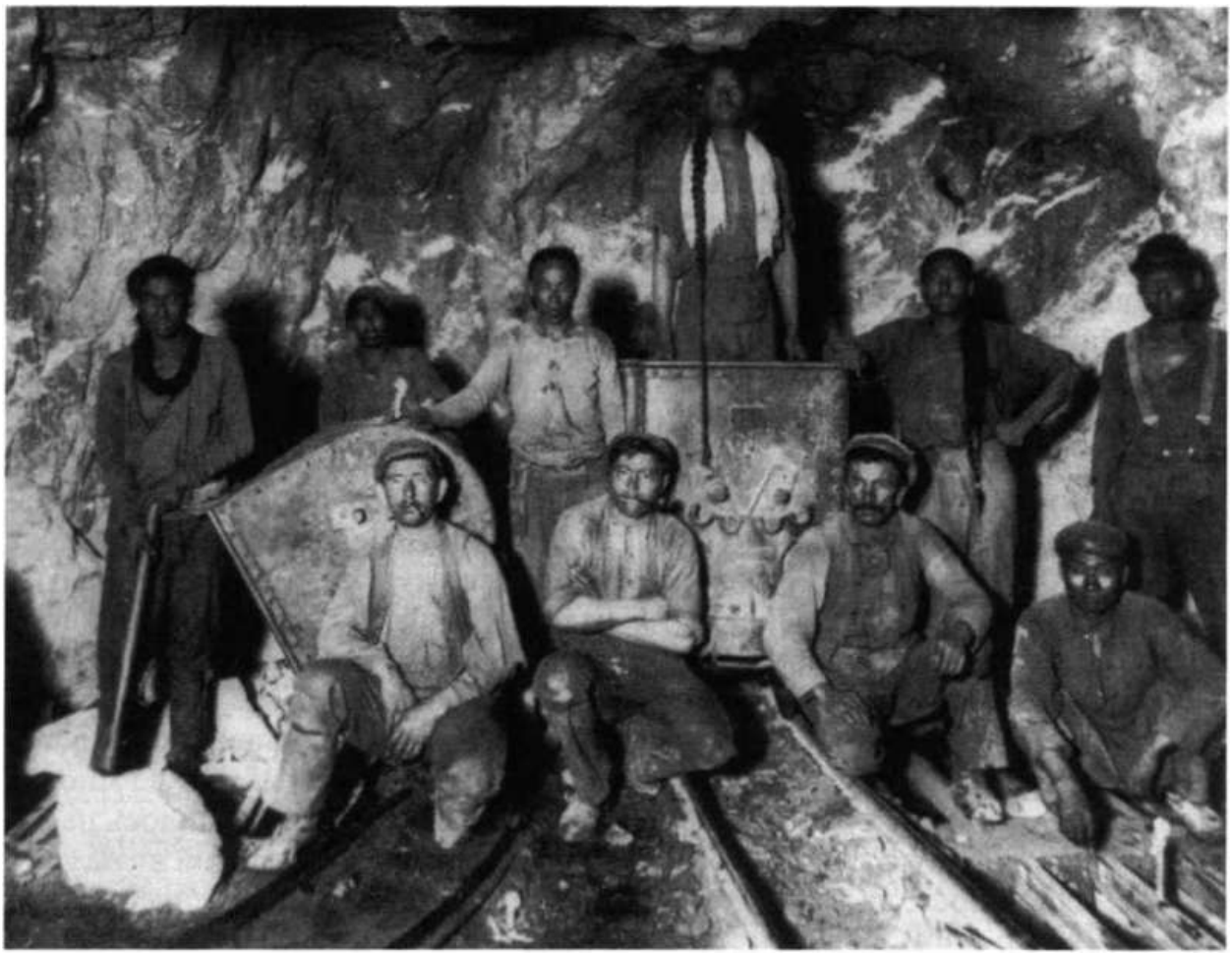
Колонии все больше превращались в аграрно–сырьевые придатки метрополий. Сельское хозяйство все больше ориентировалось на экспорт. В межвоенный период резко изменился состав сельскохозяйственных культур, выращиваемых африканцами. При значительном росте населения производство продовольственных культур, традиционных для Африки, оставалось из года в год примерно на одном уровне (только кукурузы, которой обычно кормили рабочих на европейских плантациях и шахтах, стали выращивать больше). Зато производство экспортных культур возросло очень резко: кофе — в 11 раз, чая — в десять, какао–бобов — в шесть, арахиса — более чем в четыре, табака — в три раза и т. д. Все большее число колоний становились странами монокультурного хозяйства. Накануне Второй мировой войны во многих странах от двух третей до 98% стоимости всего экспорта приходилось на какую–нибудь одну культуру. В Гамбии и Сенегале, например, такой культурой стал земляной орех, на Занзибаре — гвоздика, в Уганде — хлопок, на Золотом Береге — какао–бобы, во Французской Гвинее — бананы и ананасы, в Южной Родезии — табак. В некоторых странах было по две экспортные культуры: на Береге Слоновой Кости и в Того — кофе и какао, в Кении — кофе и чай и т. д. В Габоне и некоторых других странах монокультурой стали ценные породы леса.

Создававшаяся промышленность, главным образом горнорудная, была в еще большей мере рассчитана на экспорт. Развивалась она быстро. В Бельгийском Конго, например, добыча меди с 1913 по 1937 г. возросла более чем в 20 раз. К 1937 г. Африка занимала в капиталистическом мире внушительное место по производству минерального сырья. На нее

приходилось 97% всех добываемых алмазов, 92% кобальта, более 40% золота, хромитов, литиевых минералов, марганцевой руды, фосфоритов и более трети всего производства платины.

По подсчетам западных экономистов, с 1870 по 1936 г. общая сумма иностранных капиталовложений в африканские страны составила более 1,2 млрд ф. ст. (не менее 75% из них — капиталы британского происхождения). Почти все эти средства вкладывались в развитие экспортных отраслей хозяйства и в меньшей степени — инфраструктуры.

В Западной Африке, а также в большинстве районов Восточной (например, в Уганде, Руанде, Урунди, отдельных областях Танганьики) и Центральной Африки экспортная продукция производилась в основном в хозяйствах самих африканцев. Европейское плантационное производство здесь не привилось из–за трудных климатических условий (обширный район побережья Гвинейского залива даже называли когда–то «могилой белого человека») и высокой плотности местного населения. К тому же во многих из этих районов еще в доколониальные времена формировались зачатки эксплуататорских отношений, и колониальным властям оставалось лишь достроить и переориентировать в свою пользу существовавший механизм извлечения прибавочного продукта.



Темнокожие, китайские и белые рабочие на золотой шахте в Южной Африке. Между 1890 и 1923 гг. Библиотека Конгресса США

Выращивание экспортных культур африканцами здесь не только поощрялось, но и вводилось порой принудительно. Колониальная администрация прибегала к таким мерам, как принудительное участие в производственных кооперативах, отчуждение доли урожая в виде налога и т. д. Главными эксплуататорами африканского производителя были иностранные компании, которые, обладая монополией на скупку экспортной продукции, резко занижали закупочные цены даже по сравнению с и без того низкими ценами на сырье на мировом рынке. Самой крупной и известной из таких компаний была английская «Юнайтед Африка компани», действовавшая в основном в Западной Африке.

Господства подобных компаний не избежала и Республика Либерия, не входившая ни в одну из колониальных империй. Правительство Либерии в 1926 г. предоставило американской «Файрстон тайр энд раббер компани» концессию на 400 тыс. га земли сроком на 99 лет. Получало же оно от «Файрстона» только 1% стоимости экспорта продукции выращивавшихся

на этой земле каучуконосов. Иностранные компании действовали и в отстоявшей свою политическую независимость Эфиопии.

Районов, где основными производителями экспортной сельскохозяйственной продукции стали европейские колонисты, было немного: Южно–Африканский Союз, Южная Родезия, часть Северной Родезии, Кения. Африканцы в этих районах эксплуатировались в основном в качестве неквалифицированной мигрирующей рабочей силы — сезонников и отходников. Мигранты были и в Западной Африке, но там их число по сравнению с поселенческими районами было невелико, мигрировали они обычно на небольшие расстояния и чаще возвращались домой. Да и работало большинство из них в хозяйствах африканцев — производителей экспортной продукции.

В Восточной, Центральной и Южной Африке было особенно широко распространено применение принудительного труда. Чаще всего к его использованию прибегали в португальских и бельгийских владениях.

Те же методы использовались и для обеспечения рабочей силой рудников Трансвааля, так называемого Медного пояса Северной Родезии, горнорудной провинции Катанга в Бельгийском Конго. Кроме всего прочего, действовавшие здесь горнорудные компании (например, могущественная южноафриканская «Де Бирс») прибегали к системе «контрактации» рабочей силы, заключая соглашения с колониальной администрацией соседних колоний на поставку оттуда сотен тысяч отходников для работы «по контракту» за низкую плату.

Многие крупные компании, действовавшие в Центральной и Южной Африке, сочетали эксплуатацию африканца как отходника на рудниках и как производителя экспортной, сельскохозяйственной продукции. Наиболее яркий пример — бельгийская «Юньон миньер дю О’Катанга», которая являлась фактически полноправным хозяином Бельгийского Конго.

Эффективная колониальная система не могла осуществляться без той или иной формы привлечения самих африканцев к управлению. Колониальные власти вынуждены были создавать с их участием новый аппарат управления или использовать элементы существовавшего в доколониальную эпоху. Это было нужно не просто из–за нехватки колониальных чиновников–европейцев и необходимости удешевления колониального аппарата. Главное заключалось в том, что без какой–то, хотя бы минимальной, социальной опоры в среде самого местного населения колонией можно было управлять, лишь прибегая к постоянному военному принуждению и контролю. А этот метод, как известно, слишком дорогостоящ и малоэффективен.

Разнообразные способы привлечения африканцев в основном сводились к двум формам: прямому и так называемому косвенному (дословно «непрямому») управлению. В первом случае колониальная администрация назначала африканских вождей в тот или иной район, не считаясь с местными институтами власти и происхождением претендента. По сути дела их положение мало отличалось от положения чиновников колониального аппарата, хотя и имело свои особенности. Вожди делились на несколько категорий в зависимости от уровня образования и заслуг перед метрополией. Категории различались размерами окладов и числом подданных. Административные границы подвластных им территорий проводились произвольно.

Во втором случае (при системе косвенного управления) формально сохранялись институты власти, существовавшие в доколониальные времена. Вождем мог быть только человек местного происхождения, обычно из «традиционной» знати. Он оставался на своем посту всю жизнь, если устраивал колониальную администрацию. Основные средства существования он получал из отчислений от суммы собранных им налогов.

Система прямого управления чаще использовалась во французских колониях, косвенного — в английских. Но это вовсе не было неизменным правилом. Французы во многих случаях официально признавали власть влиятельных традиционных правителей, прежде всего тех, кто активно с ними сотрудничал. Наиболее известный пример — признание прерогатив мого наба, правителей народа моси в Верхней Вольте.

Англичане же нередко создавали институты якобы «традиционной» власти совершенно искусственно (как, например, у народа игбо в Восточной Нигерии). Кроме того, косвенное управление было несовместимо с «поселенческим» колониализмом Кении, Южной Родезии и ЮАС, и англичане сами признавали, что используют в этих странах вариант прямого управления.

В целом можно сказать, что различия между двумя системами управления были не столь уж значительны. Они оказали меньше воздействия на характер социальной трансформации африканских обществ, чем, например, различия в методах эксплуатации.

В Западной Африке, а также в большинстве районов Восточной и Центральной Африки экспортная продукция производилась в основном в хозяйствах самих африканцев. Европейское плантационное производство там не привилось из–за климатических условий, трудных для европейцев. Главными эксплуататорами африканского производителя были иностранные компании.

Области, где экспортная сельскохозяйственная продукция производилась на фермах, принадлежащих европейцам, это, прежде всего Южно–Африканский Союз, Южная Родезия, часть Северной Родезии, Кения, Юго–Западная Африка.

Чтобы заставить большое число африканцев ежегодно покидать деревню и уходить на заработки, администрация поселенческих колоний могла искусственно создавать земельный голод, ограничивая районы проживания отдельных этнических групп резерватами.

Трансформация социального облика

С утверждением колониализма и развитием товарно–денежных отношений распадался привычный порядок вещей, рушился уклад жизни доколониальных обществ, основой которых была община. Изменялся и характер процессов классообразования в тех странах, где в доколониальный период они уже шли, и намечалось развитие специфических раннеклассовых отношений. В межвоенный период началось сближение социальных структур народов, находившихся в доколониальную эпоху на разных уровнях социального развития.

Менялись этнические и политические связи. Колониальный раздел во многих случаях прервал естественные процессы этнической и политической консолидации. В каждой колонии создавалось свое административное деление, зачастую не совпадавшее с этническим. Некоторые народы были разделены границами колоний. Прежние политические и экономические связи если и не разрывались, то во всяком случае усложнялись и трансформировались. В границах колониальных административных единиц на базе новых политических и экономических связей шло формирование новых этносоциальных групп. Иногда колониальные власти даже провозглашали в административном порядке создание новых «племен».

Возникавшие в колониях новые социальные группы нередко были полиэтничными. Однако в каждой из них все же превалировали представители какой–то одной этнической группы. Это правило распространялось в некоторых случаях даже на профессии. Так, в колониальном аппарате Уганды было больше всего ганда, Нигерии — игбо. Отходниками в Кении были в основном гикуйю и луо, полицейскими — камба.

Перемены, привносимые колониализмом в африканские общества,

были связаны с развитием элементов капиталистических отношений и черт буржуазного общества. Однако эти отношения, как и вся складывавшаяся социальная структура, отличались большим своеобразием прежде всего из–за их насильственного внедрения и зависимого характера. Общество, формировавшееся в ходе все более глубокого воздействия колониализма на доколониальные африканские структуры, было названо некоторыми учеными «колониальным».

Интенсивность изменений была различной не только в тех или иных регионах и странах континента, но и в пределах одной и той же страны. Колониальные власти повсюду выделяли территории, где имелись наибольшие возможности для интенсивной эксплуатации природных и людских ресурсов. Там социальная трансформация шла быстро. Самые глубокие перемены претерпела жизнь тех народов, которые оказались в наиболее длительном и тесном соприкосновении с колониализмом, прежде всего в Южной Африке и других поселенческих колониях.

Изменение социальной структуры африканских обществ отнюдь не было официальной целью колониальных властей. Скорее наоборот. Идеологи колониализма (прежде всего британского) подчеркивали, что ради прочности режимов необходимо всемерно охранять доколониальные формы общественной жизни, оберегать их от разрушения. Но каковы бы ни были теоретические построения, колониальная эксплуатация на практике неизбежно приводила к трансформации прежних социальных структур и возникновению новых общественных слоев. Процесс этот во многих странах начинался с возникновения отходничества. Отходничество было не только наиболее распространенной, но и наиболее характерной формой работы по найму.

Основной причиной отходничества было на первых порах прямое, а затем экономическое принуждение. Необходимость уплаты налогов, стремление хоть как–то увеличить доход семьи, рост потребностей в новых товарах приводили к тому, что миллионы африканцев проводили в скитаниях всю свою жизнь — возвращались домой, но затем снова и снова вербовались на заработки. Наиболее широко было распространено отходничество, которое не заставляло африканцев уходить далеко от родных мест. Оно было связано прежде всего с сезонными сельскохозяйственными работами. Но рабочим, направлявшимся на рудники, нередко приходилось пешком преодолевать долгий путь через территорию нескольких стран.

Главным центром притяжения отходников на всем континенте был Южно–Африканский Союз, особенно золотые рудники Трансвааля, где

ежегодно требовалось до 300 тыс. горняков. Две трети из них приходили из других стран, зачастую довольно далеких от ЮАС. Основными поставщиками рабочей силы на юге Африки были Ньясаленд, Южный Мозамбик, Басутоленд, Бечуаналенд, Свазиленд. В первых трех 40-50% всех трудоспособных молодых мужчин ежегодно уходили на заработки за границу, в последних двух — 25-30%.

Отходничество было новым социальным явлением в африканских обществах. Но оно и само стало фактором социальной трансформации и способствовало расшатыванию традиционных устоев в деревне. Отходники привносили в деревню новые ценности и понятия. Рушились традиционные авторитеты и нормы взаимоотношений, разрушались прежние методы ведения хозяйства.

С отходничества начиналось формирование нескольких слоев современного общества, прежде всего рабочего класса. Часть отходников оседала в городах, на шахтах и на плантациях, приобретала квалификацию, обзаводилась семьями и теряла связь с родными местами. Наиболее быстро процесс формирования пролетариата шел в крупных портовых городах, таких, как Дакар, Момбаса, Кейптаун, Дурбан, на железных дорогах и в крупнейших горнорудных районах — в Катанге, в Медном поясе Северной Родезии, Трансваале.

Колониальное крестьянство отличалось от общинника доколониальных времен тем, что было связано с мировым или местным рынком и вело товарное хозяйство. От капиталистического же фермера его отличали многочисленные меры внеэкономического принуждения, связанные с условиями колониального господства, а также сохранение натурального производства.

Натуральное хозяйство, использование труда членов семьи, низкие личные потребности — эти и некоторые другие особенности хозяйствования колониального крестьянства являлись неотъемлемыми чертами всей системы производства. Они позволяли крестьянину более или менее успешно конкурировать с технически лучше оснащенным европейским хозяйством. Однако при такой системе расширение производства приводило к сокращению потребления без достаточной денежной компенсации.

Картина становления социальных отношений в межвоенный период в деревне была бы неполной без упоминания, что этот процесс носил ярко выраженный анклавный характер, затрагивал поначалу небольшие площади и относительно немногочисленные районы. На большей части территории континента натуральное хозяйство сохранялось как

господствующий уклад. Во многих случаях нарушенные во время колониальных захватов социальные и экономические нормы продолжали разрушаться или стагнировали. Хозяйство приходило в упадок. Прежние социальные структуры деградировали, но замена их новыми шла крайне медленно и в уродливых формах. Перемены в этих случаях касались прежде всего деревенской верхушки.

Крестьянская среда была очень разнородна по своему составу. К тому же в межвоенный период в ней бурно шли процессы имущественного и социального расслоения. Для имущественного накопления важнейшее значение имела близость к колониальным властям и «туземной» администрации. В обществах, становившихся классовыми еще в доколониальную эпоху, эта близость определяла степень и направление перераспределения богатства, в прежде бесклассовых обществах — степень и направление его накопления. В любом случае в колониальном обществе эта близость давала единственную возможность вертикальной социальной мобильности.

Члены «туземной» администрации, их родня, близкие и клиентела пользовались важными, хотя и законодательно не зафиксированными преимуществами (например, в «туземных» судах, при отправке на принудительные работы, сборе налогов и т. д.). В результате этого, а также подношений и безвозмездного труда своих соотечественников они быстро концентрировали в своих руках основное богатство — землю, начинали выращивать экспортные культуры (там, где это разрешалось), становились ростовщиками, открывали лавки. Своим детям они давали лучшее образование, и со временем те превращались в колониальных чиновников, начинали заниматься бизнесом, становились юристами, учителями, журналистами и т. д., пополняли ряды так называемой новой элиты, которая появилась в межвоенный период.

Какую бы систему управления ни использовала колониальная администрация, ей всегда нужны были грамотные чиновники–африканцы (будь то вожди или просто служащие любой ступени колониального аппарата), иначе управление было бы невозможно. Торговый капитал — от крупнейших фирм до мелких торговцев, разъезжавших со своими фургонами по самым непроторенным дорогам Африки, был заинтересован в появлении широкого слоя «европеизированных» африканцев с новыми потребностями и с денежными доходами, чтобы создать более емкий рынок для своих товаров. Европейские фирмы, монополизировавшие скупку сельскохозяйственной продукции, опирались на разветвленную сеть местных скупщиков–посредников. Обычно это были люди с зачатками

европейского образования. Нужны были также учителя и священники–африканцы, которые могли бы более действенно распространять привитые европейцами идеи и представления, чем сами европейцы.

Да и в целом эффективная колониальная система требовала духовной переориентации африканских обществ. Мусульманство было сильным идейным противником колонизаторов, но не препятствовало эксплуатации как таковой. Верования доклассовых обществ базировались на таком комплексе представлений, который подразумевал лишь неравенство или маргинальную эксплуатацию в рамках клана, большой семьи и т. д.

Задачу духовной переориентации африканских обществ выполняли миссионеры, организовавшие сеть школ. Большинство учеников получали в них азы христианского образования, иногда вместе с ремесленными навыками. Африканцы чаще всего посещали лишь начальные классы, а затем шли работать. Продолжали образование очень немногие.

В межвоенный период в Тропической Африке существовало всего несколько средних школ, становившихся центрами формирования новой элиты (школа им. В. Понти в Сенегале, Королевский колледж в Будо в Уганде и др.). Высшее образование могли получить лишь единицы — те, кому удавалось попасть в университеты Европы, Америки или Южной Африки.

Переводчики, писари, священники, телефонисты, телеграфисты, мелкие клерки, учителя начальных классов — с этих профессий начиналось становление европейски образованной элиты. В Восточной и Центральной Африке в межвоенный период только этот уровень образования и был доступен африканцам. В Западной Африке, где у них было больше возможностей занять посты в средних звеньях колониальной администрации, и в Южной, с ее длительной историей колониального проникновения, в этот период в африканской среде уже существовала немногочисленная прослойка преподавателей, врачей, журналистов, юристов, издателей.

Какие бы посты ни занимали эти люди, их оклады, кругозор, образ жизни резко выделяли их из окружения. Во французских и португальских колониях грань между получившим европейское образование меньшинством и огромным большинством неграмотных подчеркивалась предоставлением образованным некоторых прав граждан метрополии. Они получали статус соответственно эволюэ или ассимилядуш, становясь как бы «черными европейцами».

Многие представители европейски образованной элиты сочетали профессиональную деятельность с предпринимательством. Эта прослойка

стала базой для формирования в будущем как интеллигенции, так и некоторых слоев буржуазии. В то же время это была та социальная группа африканского общества, в которой раньше других начало формироваться национальное самосознание. Именно из нее вышло большинство лидеров организаций антиколониальной борьбы.

Важную роль в ряде африканских стран играли выходцы из Сирии и Ливана (сиро–ливанцы, или левантийцы) — в Западной Африке и выходцы из Индии — в Южной и Восточной. Левантийцы в Западной Африке занимали промежуточное положение между мелкими африканскими скупщиками сельскохозяйственной продукции и оптовыми европейскими фирмами. Они были также розничными торговцами. Активная торговая деятельность была характерна и для индийского населения Восточной и Южной Африки. В Восточной Африке индийцы, кроме того, использовались в колониальном аппарате и в качестве квалифицированной рабочей силы. Обе прослойки, таким образом, несмотря на значительные имущественные различия, в целом занимали в обществе промежуточное, двойственное социальное положение, эксплуатируя африканское население, но в то же время подвергаясь эксплуатации крупным европейским капиталом.

Новые формы антиколониального протеста

Десятилетия колониального раздела Африки были и временем вооруженного сопротивления африканцев — в Европе это называли «колониальными войнами». Некоторые из этих войн и восстаний приходятся и на начало XX в.: восстание «Маджи–маджи» в Германской Восточной Африке, гереро и кой–кой в Германской Юго–Западной Африке, зулусов в британской колонии Натал и ряд других. Но к межвоенному периоду уже уходило в прошлое сопротивление африканских народов в прежних формах: с копьями, щитами, стрелами, с традиционной тактикой межплеменных войн. Стало очевидным, что таким способом противостоять винтовкам, пушкам и пулеметам безнадежно.

С утверждением колониального господства и возникновением новых социальных слоев в африканских обществах появляются иные формы протеста. Разные народы овладевали ими в разное время в зависимости от уровня своего социально–экономического развития и глубины проникновения колониализма. Многие из тех форм, которые были известны на Юге Африки еще в конце XIX в., народы большинства стран

Тропической Африки узнали только в 1920-1940-е годы или даже позднее.

Среди новых форм антиколониализма одной из наиболее ранних и широко распространившихся были религиозно–политические, прежде всего афрохристианские, движения. Конечно, может показаться странным, что идеологическое обоснование антиколониализма многие африканцы заимствовали из той религии, которая пришла с завоевателями. Произошло это потому, что христианство выступало с идеей всеобщего равенства перед Богом. Кроме того, оно давало новообращенным возможность осознать себя частью более широкой общности, чем клан, семья, община. Объединяться по–новому могли лишь те люди, которые хотя бы в какой–то мере отошли от старых форм объединения. Таковы и были те, кто принял новую веру. Как правило, именно эти люди оказывались больше всего выбитыми из традиционного, привычного уклада жизни. К тому же новая религия в целом больше подходила к реалиям колониального общества, чем традиционные верования. Но антиколониальный протест у ее адептов был неразрывно связан с разочарованием в европейцах как подлинных христианах, со стремлением утвердить в этой вере себя и свой мир. Это и привело к созданию афро–христианских церквей (где в библейские сюжеты вкладывалось африканское содержание) и афро–христианских движений.

Эти движения характерны для многих африканских стран, но наиболее массовый характер в межвоенный период они приняли в Центральной Африке. Самым крупным было возникшее в 1921 г. в Бельгийском Конго — кимбангизм. Его главу, бывшего протестантского священника конголезца Симона Кимбангу, считали мессией, а потом и самим богом. У него были «апостолы» и «пророки», возглавлявшие движение во многих районах страны. Кимбангу провозгласил антиколониальный лозунг: «Конго — конголезцам». Кимбангисты отказывались платить установленные бельгийскими властями налоги и организовывали массовые выступления против администрации и официальной церкви.

Наряду с афро–христианскими движениями, получившими наибольшее распространение в районах, где сохранялись традиционные верования, в Западной Африке, где велика была роль ислама, возникали мусульманские движения с лозунгами неприятия власти «неверных» и защиты чистоты веры. Наибольшее распространение в межвоенный период получили такие не признававшиеся колониальными властями учения, как хамаллизм (новая ветвь официально признанного тиджанизма) и мюридизм. Братства или секты, возникшие на их основе, не выступали прямо против колониализма, но подчинялись лишь своим руководителям. Это неоднократно приводило к столкновениям как с представителями

официально признанных братств, так и с колониальной администрацией.

Различные формы пассивного неорганизованного протеста — неуплата налогов, уход от набора в колониальные войска, переходы значительного числа крестьян из одной колонии в другую в поисках лучших условий существования (особенно там, где колониальные границы рассекали родственные народы) — были особенно широко распространены в межвоенный период.

В среде европейски образованных африканцев в этот период возникали разнообразные политические объединения, не оформленные организационно. Интеллигенция сплачивалась вокруг газет и журналов. Первоначально они зачастую создавались миссионерами, но затем многие из них становились первыми рупорами африканского общественного мнения. В тех странах, где какое–то, хотя и очень ограниченное, число африканцев обладало избирательным правом, собрания избирателей становились форумом, на котором обсуждались общие нужды.

В период между двумя мировыми войнами начали возникать и первые довольно аморфные и слабо организованные политические партии, создававшиеся обычно представителями европейски образованной элиты. В Южной Африке первой крупной партией, созданной африканским населением еще в 1912 г., стал Африканский национальный конгресс (АНК). Он выступал за единство африканцев в борьбе против расовой дискриминации. На протяжении всего межвоенного периода, да и в более поздние годы, он оказывал большое влияние на ход антиколониальной борьбы на всем южноафриканском субконтиненте. В Западной Африке — Национальный конгресс Британской Западной Африки, созданный в 1920 г. представителями четырех западноафриканских колоний Великобритании, и Младосенегальское движение.

Эти партии выступали за смягчение колониальных порядков, против наиболее одиозных проявлений колониального гнета, за распространение привилегий, предоставлявшихся некоторым категориям африканского населения (например, «эволюэ») на более широкий круг лиц. Деятельность организаций элиты (особенно в Западной Африке) была оторвана от массового движения, их социальная база была узкой. Но именно они стали зародышем тех политических партий, которые возглавили массовое антиколониальное движение после Второй мировой войны.

В Восточной и Центральной Африке возникали «ассоциации благосостояния», занимавшиеся в основном культурно–просветительскими вопросами («туземные ассоциации» Северной и Южной Родезий и Ньясаленда, Ассоциация африканцев Танганьики и др.). Как правило, они

были недолговечны и объединяли ремесленников, торговцев, мелких чиновников, учителей. Только после Второй мировой войны эти ассоциации начали объединяться в более крупные и лучше организованные политические партии. Однако некоторые ассоциации, например Ассоциация молодых гикуйю и Центральная ассоциация гикуйю (Кения), еще в межвоенный период выступили против принудительного труда и за возвращение экспроприированных европейцами земель.

В период между двумя мировыми войнами в Африке началось и рабочее движение. Раньше других и здесь выступили южноафриканцы. В ЮАС возникли первые объединения рабочих–африканцев. Однако рабочее движение развивалось в межвоенный период и вне профсоюзных организаций. В Тропической Африке профсоюзы, как правило, возникли после Второй мировой войны, но крупные забастовки происходили еще в 1930-е годы. Известны выступления рабочих в Северной Родезии — на рудниках Медного пояса, в Южной Родезии, Сьерра–Леоне, Мозамбике, на Мадагаскаре, в Кении, Сенегале и других странах. Многие из них подавлялись с помощью войск.

Забастовки часто сопровождались возникновением профсоюзных организаций, как правило, недолговечных, но дававших опыт совместной борьбы. Развитию рабочего движения во французских колониях способствовало создание Народного фронта во Франции. Перед началом Второй мировой войны французское правительство разрешило создание африканских профсоюзов.

Панафриканизм

На становление антиколониализма в Африке влияли движения и идейные течения, возникшие в Европе и Америке при непосредственном участии выходцев из африканских колоний. Важнейшим из них был панафриканизм. Это движение первоначально было паннегритянским, или негро–африканским. Оно выступало от имени всей негроидной расы и стремилось вовлечь в свои ряды как африканцев, так и афро–американское население Американского континента, прежде всего Соединенных Штатов и Вест–Индии. Первая Панафриканская конференция состоялась в Лондоне еще в 1900 г. Затем почти два десятилетия конференций не проводилось.

Подъем политической активности афро–американцев был связан с распространением гарвизма — движения под лозунгом «Назад, в Африку!». Его основатель Маркус Гарви в 1920 г. провозгласил себя «императором и

первым временным президентом Африки». Это движение, встретившись с реальными трудностями переселения, быстро пошло на убыль. Однако оно дало толчок росту панафриканских настроений, проявившемуся в созыве панафриканских конгрессов. Инициатором и идейным вдохновителем созыва панафриканских конгрессов был доктор Уильям Дюбуа, автор многих работ по негро–африканской истории и один из признанных лидеров афроамериканского движения США. Дюбуа обратился к президенту Вильсону и участникам Парижской мирной конференции с предложением о пересмотре правового статуса негро–африканских народов. У него было несколько проектов, в том числе о создании африканского государства под международным контролем на территории бельгийских, португальских и бывших германских колоний. Державы–победительницы не стали рассматривать эти планы, а в европейской печати они были объявлены утопическими. Тогда Дюбуа и его сторонники решили созвать Панафриканский конгресс, чтобы довести до сведения участников Парижской мирной конференции и мирового общественного мнения нужды негро–африканских народов, добиться понимания и поддержки.

Уильям Дюбуа о судьбах африканского континента

Уильям Эдуард Бёркхардт Дюбуа родился 23 февраля 1868 г. в Массачусетсе. Первый афро–американец, получивший докторскую степень в Гарвардском университете за работу по теме «Запрет на африканскую работорговлю в Соединенных Штатах Америки» в 1895 г. Автор многочисленных работ по истории, социологии и ряда художественных произведений. Хронологически его жизнь совпала с периодом от начала активной европейской колонизации Африки и периода Реконструкции в США до эпохи образования независимых африканских государств и расцвета борьбы за гражданские права в США. Умер в Гане в 1963 г. в возрасте 95 лет.

У. Дюбуа придал основной импульс развитию идей панафриканизма в межвоенный период. В вопросе о правах и положении чернокожего населения он впервые вышел за рамки американского континента, выступал за необходимость активной борьбы как единственного действенного инструмента социальных изменений. Это принципиально отличало его от афро–американского общественного деятеля предыдущего

поколения Букера Вашингтона (1856—1915), остававшегося замкнутым в американских проблемах. В январе 1919 г. он отправился в Европу как представитель Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (сокр. англ. NAACP), чтобы изучить опыт участия африканских солдат в Первой мировой войне. К тому моменту У. Дюбуа уже составил меморандум из 12 пунктов, в котором можно найти ясное видение всех будущих проблем Африки, постоянное стремление автора мыслить панафриканскими категориями и собственное видение границ и иерархий «черного мира». Наиболее яркие фрагменты меморандума У. Дюбуа:

I. Обмен колониями без учета желаний и благосостояния их населения, а также благосостояния населения мира в целом является порядком, которому эта война должна положить конец…

4. Однако передача Германской Африки от одного имперского владельца, пусть даже весьма плохого, другому, пусть даже лучшему, неизбежно вызовет подозрения в эгоистичных целях Союзников и оставит после войны весьма мрачные вопросы о будущем колониальных владений и правительствах этих колоний.

6. Общественное мнение по вопросу о бывших германских колониях должно быть составлено из:

a. Видных деятелей и образованных негров из числа двенадцати с половиной миллионов жителей Германской Африки, в особенности учившихся в государственных и миссионерских школах.

b. Двенадцати миллионов цивилизованных негров Соединенных Штатов.

c. Образованных представителей потомков негров в Южной Америке и Вест–Индии.

d. Независимых негритянских правительств Абиссинии, Либерии и Гаити.

e. Образованных классов из негров Французской Западной Африки и Экваториальной Африки, а также Британской Уганды, Нигерии, Басутоленда, Ньясаленда, Свазиленда, Сьерра–Леоне, Золотого Берега, Гамбии и Бечуаналенда, а также из четырех с половиной миллионов цветного населения Южно–Африканского Союза.

Эти классы составляют сегодня главные мыслящие классы

будущего негритянского мира, и их мнение должно иметь вес в будущем переустройстве германских колоний.

10. Не должно быть вмешательства в наиболее эффективные африканские институты местного самоуправления, действующие через семью или племя, не должно быть никаких попыток мгновенного «обращения» посредством религиозной пропаганды.

II. Главная работа по модернизации Африки должна производиться через школы. В течение десяти лет двадцать миллионов темнокожих детей будет обучаться в школах. В течение жизни одного поколения молодая Африка должна знать основные принципы современной культуры, а группы талантливых африканских студентов должны проходить обучение в лучших мировых университетах. Налогообложение и промышленность должны следовать новейшим идеалам производственной демократии…

12. Возможно ли подобное устройство? Те, кто верит в человека, кто знает, что темнокожий человек сделал для истории человечества, кто взял на себя труд хотя бы поверхностно следить за ростом активности негритянского населения в Африке, Вест–Индии и Америках в наши дни, знает, что широко распространенное неуважение к неграм не имеет никаких научных оснований, стоящих и минуты внимания. Это не более чем порочный склад ума. Эти убеждения могут быть легко преодолены, так же как и наша вера в [избавительную. — Прим, ред.] войну, как вражда между народами, как наши старые представления о статусе женщины, как наш страх перед всеобщим образованием, как наша вера в неизбежность бедности. Мы можем, если мы захотим, начать на Темном континенте последний великий поход за гуманность. С освобожденной Африкой Азия будет в безопасности, а Европа по–настоящему восторжествует (W. E. B. Du Bois Speaks: Speeches and Addresses, 1890-1919 / Ed. P. Foner. N. Y., 1970. Перевод С. А. Елисеева).

Первый Панафриканский конгресс состоялся в Париже в феврале 1919 г. В его работе приняли участие 57 человек — представители 15 стран. Африканцев было 12 человек из девяти стран. Председательствовал на заседаниях депутат французского парламента сенегалец Блез Диань. Конгресс впервые выдвинул развернутую политическую программу от имени афро–американцев и африканцев. Она сочетала вполне конкретные

предложения с общими принципами, чаще всего для колониальных держав неприемлемыми. Конгресс призвал Парижскую мирную конференцию разработать кодекс законов в защиту интересов африканцев. В резолюциях были сформулированы принципы управления коренным населением Африки. Землю и природные богатства предлагалось использовать в интересах африканцев, инвестирование иностранного капитала регулировать таким образом, чтобы предотвратить эксплуатацию африканцев и истощение природных богатств. В резолюциях содержались призывы покончить с рабством, запретить принудительный труд и телесные наказания, предоставить всем детям в колониях право учиться читать и писать на родных языках и на языках метрополий, причем за общественный счет.

Конгресс призвал державы–победительницы передать германские колонии международной организации, а не отдельным метрополиям. Дюбуа впоследствии высказывал мнение, что из этой идеи родилась Мандатная комиссия Лиги Наций. Но, конечно, характер этой организации был совсем иным, нежели предлагали участники Панафриканского конгресса.

Требования следующих трех панафриканских конгрессов немногим отличались от программы, выдвинутой на первом. Второй конгресс заседал в Лондоне, Брюсселе и Париже в 1921 г. На нем были представлены 33 страны. Из 113 делегатов 41 прибыл из Африки. Третий конгресс состоялся в Лондоне и Лиссабоне в 1923 г. На нем преобладали афро–американцы и было представлено только 13 стран. Четвертый конгресс проходил в 1927 г. в Нью–Йорке. Африку на нем представляли лишь несколько африканцев, проживавших в США. В 1929 г. была сделана попытка созвать следующий конгресс уже на африканской земле, в Тунисе, но она кончилась неудачей.

Программа панафриканизма носила декларативный и недостаточно реалистичный характер. В ней, с одной стороны, ощущалась расовая ограниченность, с другой — не отвергалась необходимость европейской опеки.

Влияние идей панафриканизма не было глубоким, но все же оно чувствовалось, особенно в Южно–Африканском Союзе и в британских колониях Западной Африки. В этих колониях с идеями панафриканизма было связано, например, возникновение Национального конгресса Британской Западной Африки.

В первых конгрессах участвовали и несколько представителей французских колоний. Однако особенности французской колониальной политики по отношению к африканской образованной элите, прежде всего

тенденция к ассимиляции, привели к возникновению особых форм духовной деколонизации. В конце 1930-х годов в среде выходцев из Вест–Индии и западноафриканских французских колоний в Париже начало формироваться течение общественной мысли, получившее название «негритюд» (т. е. «негрскость»). Наиболее яркими идеологами негритюда стали выходец с о. Мартиника поэт Э. Сэзер и будущий первый президент Сенегала, тоже поэт, Л. С. Сенгор.

Сторонники негритюда, как и панафриканисты, делили человечество по расовому признаку. Однако, если участники панафриканского движения исходили при этом из реально существовавшего социального неравенства, то последователи негритюда — из надуманных духовных и физиологических особенностей «негритянской расы». Они утверждали, что негр от природы обладает такими чертами, которых лишены представители других рас, и в силу этого «негрская культура» заслуживает особого места в ряду прочих культур.

Эта теория все же несла в себе положительный заряд, способствуя утверждению достоинства африканца и ценностей его культуры, росту антиколониального сознания африканской интеллигенции.

Влияние коммунистических идей

Марксистские идеи начали проникать в африканские страны еще до большевистского переворота в России, но заметное распространение получили уже под его воздействием. Это влияние больше всего сказалось в Южно–Африканском Союзе и в среде африканских студентов из разных стран, учившихся в Европе и США.

В промышленные центры Южно–Африканского Союза социалистические и коммунистические идеи проникли в начале столетия, вместе с новым притоком иммигрантов, хлынувшим из Европы после англо–бурской войны. Накануне и во время Первой мировой войны марксистские группы и кружки возникали в крупнейших городах — в Йоханнесбурге, Кейптауне, Дурбане. В 1915 г. группа социалистов–интернационалистов, выделившаяся из южноафриканской Лейбористской партии, создала Интернациональную социалистическую лигу. На ее основе, после объединения с другими группами, в 1921 г. возникла Коммунистическая партия Южной Африки.

Эту партию сразу же приняли в Коммунистический Интернационал. Коминтерн стремился активизировать в Африке антиколониальные и

антиимпериалистические настроения. С этой целью представители нескольких африканских стран были вовлечены в создание Антиимпериалистической лиги (ее учредительный съезд состоялся в Брюсселе в 1927 г.). Африканцы обучались в политических учебных заведениях Коминтерна: в Международной Ленинской школе и в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ). В Африку направлялись эмиссары Коминтерна.

Коммунистическая партия Южной Африки оставалась в течение нескольких десятилетий единственной компартией в Тропической и Южной Африке. Она была создана представителями белой интеллигенции и профсоюзных активистов, по преимуществу недавних выходцев из Европы, но вскоре в нее стали вступать и африканцы.

Несомненной заслугой этой партии является ее борьба против белого расизма. Однако, подчиняясь указаниям Коминтерна, она в конце 1920-х и в первой половине 1930-х годов заняла сектантские позиции, сосредоточила внимание не на реальных проблемах Африки, а на борьбе с «троцкизмом», «оппортунизмом», с социал–демократическими настроениями и отказывалась от сотрудничества с массовыми организациями. Эта тенденция выправилась лишь накануне и во время Второй мировой войны.

В 1920-1930-е годы формы политической борьбы в ЮАС были наиболее развитыми. Там активно действовали различные партии, существовало и социалистическое движение.

Австралия и Новая Зеландия: особенности развития доминионов

Австралийский Союз в 1920 — 1940-е годы

Участие в Первой мировой войне было для Австралийского Союза (АС) весьма болезненным: все его население в 1914 г. насчитывало порядка 5 млн человек, и в результате потерь на полях сражений практически каждая австралийская семья не досчиталась кого–либо из своих близких. Из 330 тыс. воевавших каждый шестой был убит, половина ранены, а «для вернувшихся невредимыми пушки войны грохотали еще долгие годы». Однако для большинства австралийцев, помимо скорбного счета потерь, именно годы Первой мировой стали периодом «рождения нации», когда жители континента впервые почувствовали себя единым народом, лишь исторически связанным с Великобританией.

Окончание войны связано с наступлением нового этапа в развитии страны: начался активный отход от полной зависимости от метрополии — Великобритании. Возглавлявший АС премьер–министр Уильям М. Хьюз и его сторонники из созданной в 1917 г. Националистической партии Австралии (англ. Nationalist Party of Australia) впервые вывели свою страну на арену мировой политики. Они отправили делегацию на Парижскую конференцию и принимали активное участие в работе Лиги Наций, где австралийцам удалось закрепить за своей страной все ее военные приобретения и получить часть репараций с Германии.

Внутри АС под влиянием мировой войны и Октябрьского переворота 1917 г. в России активизируются леворадикальные движения. Под непосредственным руководством Коминтерна в 1920 г. возникает и разворачивает пропаганду революционных идей Коммунистическая партия Австралии (КПА). Трудности первых послевоенных лет — дошедшая до континента эпидемия «испанки», стачки и демонстрации на улицах крупных городов с требованиями улучшения условий труда для демобилизованных солдат, самыми известными из которых были так называемые «бунты красного флага» в Брисбене в 1919 г., — стали для нее благодатной почвой. В общественной жизни сохраняют значение феминистские организации. Именно этот период многие исследователи считают одним из критических в истории Австралийского Союза.

Хотя широкой популярности политический радикализм так и не приобрел, правительство сочло за благо принять ответные меры: в дополнение к полиции были созданы службы государственной безопасности, в чьи обязанности входило наблюдение за деятельностью экстремистских организаций различного толка. Были внесены соответствующие изменения в законодательство: запрет пропаганды насильственных методов свержения правительства и запрет на въезд в АС лицам с подобными взглядами.

В результате главным выразителем интересов большинства населения страны оставались лейбористы. Но их заигрывание с левыми и внесение в 1921 г. в программу Австралийской лейбористской партии (АЛП) расплывчатого лозунга «социализации промышленности, средств производства, распределения и обмена» оттолкнуло от них часть электората. Так, обрели политическую самостоятельность австралийские фермеры, создавшие в 1920 г. на базе разрозненных аграрных партий в штатах общеавстралийскую Аграрную партию (англ. Country Party). Ее депутаты в федеральном парламенте, руководимые Эрлом Пейджем, заняли позицию баланса сил между правыми и левыми силами и приняли поистине историческое решение после выборов 1922 г. войти в коалицию с Националистической партией. Таким образом, было положено начало сохраняющемуся доныне тесному сотрудничеству этих двух политических структур АС.

Но главный удар по радикализму был нанесен в ходе проведения политики послевоенной реконструкции. Лидер Националистической партии Стэнли М. Брюс под лозунгом «Австралия без границ» предложил широкую программу восстановления экономики страны. Первые коалиционные кабинеты 1923-1928 гг., названные по фамилиям лидеров входивших в них Националистической и Аграрной партий коалицией Брюса — Пейджа, продолжили по сути политику У. Хьюза. Их лозунг «Люди, деньги, рынки» символизировал курс на поощрение развития национальных ресурсов, промышленности и сельского хозяйства, благодаря чему 1920-е годы стали временем экономического подъема Австралии. Вплоть до начала Второй мировой войны сохраняли силу основы государственности, заложенные еще в начале XX в.: миграционная политика «Белой Австралии» (англ. White Australia policy); протекционизм как средство защиты австралийской промышленности от внешней конкуренции; государственный арбитраж в сфере разрешения промышленных конфликтов; активное государственное регулирование; благожелательное отношение к Британской империи, в которой лидеры АС

видели источник экономической и политической силы своей страны.

Постепенно урегулировались отношения федерального правительства и штатов. Централизаторские тенденции смягчал Высокий суд АС, который в 1903-1920 гг., руководствуясь доктриной иммунитета штатов, защищал их права и интересы от излишнего вмешательства федерального центра. Однако растущие финансовые сложности, связанные с долгами штатов и выплатой процентов по ним, заставили субъекты федерации пойти на уступки. В 1927 г. ими было подписано Финансовое соглашение, в рамках которого создавался Австралийский совет по займам, передававший основные финансовые рычаги в ведение центра.

Вопрос о тарифах решался гораздо проще, так как введение высоких таможенных пошлин на импорт не только защищало молодую промышленность страны, но позволяло без усилий существенно пополнить федеральный бюджет. Это давало возможность избежать введения новых налогов на население, а значит и снижало социальную напряженность в АС. Вслед за первым тарифом 1902 г. последовали новые повышения их ставок, и к 1930 г. протекционистский барьер Австралии стал одним из самых высоких в мире. Единственное исключение впоследствии делалось для стран Британской империи, на чей импорт распространялась система тарифных преференций.

Под защиту были взяты все отрасли хозяйства (за исключением горнодобывающих предприятий и производства шерсти). В результате выросли экономические показатели. Во втором десятилетии XX в. численность поголовья скота, доходы от продаж шерсти и мяса, а также посевные площади продолжали увеличиваться, крупные фермы превращались в современные технически оснащенные хозяйства, и экспорт пшеницы из Австралии в Великобританию сравнялся в объеме с экспортом США и Канады вместе взятых. На средства федерального правительства осуществлялись крупные проекты общественных работ — строительство федеральной столицы Канберры, окончившееся в 1927 г., моста через Сиднейскую бухту, ставшего впоследствии одним из символов страны, и дорог в глубинке континента. В АС открывают свои филиалы американские автомобилестроительные фирмы «Форд», «Крайслер», «Дженерал Моторз», а с 1926 г. начинает выпуск отдельных узлов для автомобилей и австралийская компания «Холден». Австралийские авиаторы осуществляют перелеты из Австралии в Европу (в 1930 г. полет до Лондона занял 70 часов); создается коммерческая авиакомпания «Квонтас» (англ. Qantas), являющаяся и в наши дни одной из ведущих в своей отрасли. Для помощи жителям отдаленных ферм и маленьких поселков по инициативе

миссионера, преподобного Джона Флинна, была создана регулярная служба самолетов медицинской помощи — «летающий доктор». В 1923 г. австралийцы услышали первую радиопередачу, а с 1932 г. начала трансляции крупнейшая государственная корпорация — Австралийская радиовещательная комиссия.

Для пополнения населения уже в первые послевоенные годы была возобновлена практика субсидируемой иммиграции для британцев. В рамках политики «Белой Австралии» система ограничения въезда в АС фактически исключала из состава населения страны не только азиатов, но и нежелательных для правительства европейцев, а стремление «сохранить Австралию для белого человека» разделялось практически всеми слоями общества. Аборигены включались в систему государственной опеки: для их проживания выделялись специальные территории, доступ на которые разрешался только чиновникам, врачам и миссионерам. Именно на плечи этих людей и легли обязанности по приобщению коренных австралийцев к доминирующей культуре: создавались школы для детей, строились христианские храмы. Однако процесс аккультурации проходил весьма болезненно: многие аборигены не желали расставаться с традициями своих народов, забирали детей из школ, уходили из поселков. Попытки насильственного помещения детей–полукровок в государственные интернаты привели лишь к обострению отношений между правительством и аборигенами. Ныне лица, попавшие в круг этой политики, называют себя «украденными поколениями» и требуют, как минимум, извинений за причиненные им страдания. В 1930-е годы появились организации белых австралийцев, выступавших в защиту аборигенов и за предоставление им гражданских прав, но их было немного, и система опеки штатов над аборигенами сохранялась вплоть до 1960-х годов.

Система государственного патернализма распространялась и на остальные малообеспеченные категории населения АС. Особенно ярко проявились эти тенденции в сфере регулирования производственных отношений. Величина заработной платы и длительность рабочего дня стали главными предметами рассмотрения на заседаниях федерального Арбитражного суда, и к концу 1920-х годов в большинстве отраслей промышленности длительность рабочей недели составила 44 часа при сохранении высоких показателей уровня жизни.

Правительство тратило немалые средства на поддержку научных изысканий, особенно в областях, представлявших непосредственный интерес для развития экономики. В 1926 г. создан Совет по научным и промышленным исследованиям, в котором работали лучшие специалисты,

чьи проекты, как правило, сразу же претворялись в жизнь. В 1920-е годы к Южному полюсу отправились австралийские ученые — начала работу Австралийская антарктическая исследовательская экспедиция.

Этот подъем был прерван в конце 1920-х годов пришедшей в Австралию Великой депрессией. В результате экономического и финансового краха основных торговых партнеров страны (США и Великобритании) кризис поразил и хозяйство Южного континента: в 4 раза упали цены на шерсть; производство сократилось на 40%; безработица достигла небывалого в истории АС показателя — 30%. Жители страны, уровень жизни которых в начале века был гораздо выше, чем в большинстве европейских держав, оказались на улице буквально без средств к существованию. Спад в экономике приобрел затяжной характер, и относительное улучшение стало наблюдаться лишь с 1934 г. после того, как были преодолены и серьезные политические трудности, ставшие прямым следствием экономических потрясений.

В годы депрессии во всех штатах к власти пришли лейбористы. Приглашенные ими из Великобритании эксперты во главе с ведущим британским финансистом сэром Отто Нимейером в качестве средства борьбы с кризисом предлагали снизить, по их мнению, искусственно завышенный уровень заработной платы и перейти к режиму жесткой государственной экономии. Политики левого толка увидели в этом «заговор заморских воротил», и их популистские лозунги приобрели наиболее широкое распространение среди обездоленных низов общества. Самыми известными проявлениями назревавшего социального и политического взрыва стали движение за отделение штата Западная Австралия и приход к власти в штате Новый Южный Уэльс (НЮУ) левого лейбориста Джона Т. Лэнга. Последний предлагал в качестве средства для выхода из кризиса прекратить выплату процентов по займам и потребовать от Великобритании компенсировать все затраты АС в Первой мировой войне. В обществе нарастал раскол: безработные, радикальные профсоюзы и КПА начали формировать боевые отряды, намереваясь отстаивать свои требования всеми средствами. Ответом правых стало создание ряда полувоенизированных объединений, из которых наиболее известна «Новая гвардия» — организация ветеранов мировой войны и предпринимателей, намеревавшихся противостоять «нелояльным элементам в правительстве, промышленных и общественных кругах» и обеспечить «незыблемость традиционных ценностей». Историки оценивают эти события как грань гражданской войны в АС.

Предотвратить назревавшую социальную катастрофу сумел лидер

созданной в 1930 г. Партии единой Австралии (англ. United Australia Party) Джозеф А. Лайонс. В 1931 г. он стал премьер–министром АС и занимал этот пост до своей смерти в 1939 г. Взяв за основу единственный реально выполнимый план Нимейера, он в то же время попытался максимально смягчить его проведение в жизнь. Компромиссный по характеру «План премьеров» 1931 г., принятый правительствами всех штатов, предусматривал повышение налогов, снижение банковского процента и сокращение социальных выплат. Постепенно удалось наладить работу экономики, а вслед за этим вернулись социальные льготы, были введены оплачиваемые отпуска, улучшилось медицинское обслуживание.

Использовав конституционные рычаги, федеральное правительство добилось смещения Лэнга с поста премьера НЮУ. Его уход делал бессмысленным правый радикализм, и активность «Новой гвардии» постепенно сошла на нет. Для предотвращения попыток сецессии в 1933 г. учреждалась Федеральная комиссия по грантам, в чью задачу входила финансовая поддержка малых штатов путем выделения им денежных субсидий из федерального бюджета. Параллельно изменилась и позиция Высокого суда, взявшего на вооружение доктрину широкой трактовки Конституции: ее расплывчатые формулировки стали интерпретироваться в сторону усиления регулирующей роли центра. В итоге в начале Второй мировой войны штаты практически лишились своей финансовой самостоятельности, что не могло не сказаться и на их политических позициях.

Но процесс стабилизации шел медленно, и в предвоенные годы полностью достичь докризисного уровня так и не удалось, тем более что правительству приходилось уделять все больше внимания внешнеполитическим проблемам. Принятый в 1931 г. Вестминстерский статут повысил статус АС от самоуправляющейся колонии до доминиона, наделив его правительство практически полной независимостью от метрополии в сфере внешней политики. Тогда же впервые на пост генерал–губернатора вместо представителя британской аристократии был назначен местный уроженец — сэр Айзек Айзекс. Эти шаги были весьма кстати ввиду нараставшей угрозы со стороны милитаристских кругов Японии. Как реакция на рост международной напряженности в стране ширились изоляционистские настроения, но дальновидный Дж. Лайонс делал все возможное для укрепления прямых дипломатических контактов своей страны с ее основными союзниками. На заседаниях Имперской конференции 1937 г. он предлагал существенно укрепить обороноспособность Австралии и заключить ряд региональных договоров

о коллективной безопасности в районе Тихого океана. К сожалению, его призывы остались без ответа: Великобритания по–прежнему видела в АС главным образом свой послушный форпост в Южно–Тихоокеанском регионе. Внешнеполитические инициативы австралийцев всячески ограничивались, хотя к концу 1930-х годов все понимали, что мировое военное столкновение неизбежно.

Вторая мировая война началась для Австралии 3 сентября 1939 г. Первоначально общество восприняло ее без оптимизма, но и без страха. Сменивший весной 1939 г. умершего Дж. Лайонса премьер–министр Роберт Г. Мензис обратился к нации с заявлением о том, что страна будет сражаться с фашизмом на стороне Великобритании и ее союзников, и приступил к перестройке работы государства на военный лад. Введение обязательной военной подготовки мужской части населения для несения внутренней службы и призыв на действительную военную службу, в отличие от времен Первой мировой войны, не вызвали сопротивления в обществе. Из добровольцев были сформированы вторые Имперские вооруженные силы, которые сражались в Северной Африке, в том числе с немецким Африканским корпусом Э. Роммеля, а также принимали участие в многочисленных кампаниях в Юго–Восточной Азии и Средиземноморье. Королевские австралийские ВВС участвовали в «Битве за Британию», а Королевский австралийский военно–морской флот поддерживал господство союзников в Средиземном море, а также участвовал в кампаниях в Тихом океане.

Австралийские солдаты в Египте. 1940 г. РГАКФД

Внутри АС шла конверсия всего хозяйственного механизма на военный лад, что нашло свое отражение в первую очередь в еще большем усилении государственного регулирования экономики и расширении функций центрального правительства. Поощрялось развитие отраслей, связанных с военными поставками: производства оборудования для машиностроения, точных приборов, самолетостроения и стрелкового оружия. Был специально создан департамент по делам организации промышленности, введено распределение по квотам горючего, одежды, основных продуктов питания. После подписания советско–германского договора о ненападении в рамках борьбы с саботажем в 1940 г. был принят закон о запрете деятельности КПА.

Однако жесткая централизация управления, пробританская ориентация Мензиса и его непримиримый антикоммунизм повлекли за собой падение влияния коалиции, и в октябре 1941 г. к власти пришло лейбористское правительство Джона Кертина, которое и провело страну через все тяготы военного времени. Ситуация особенно обострилась с вступлением в войну Японии, в рекордные сроки захватившей всю Юго–Восточную Азию. В начале 1942 г. пал Сингапур (главный стратегический пункт в системе обороны Австралии): 15 тыс. австралийских солдат и мирных жителей попали в японский плен и испытали на себе все ужасы

пребывания «во власти самураев». Одновременно японская авиация бомбила Дарвин и города северного побережья, а подлодки японцев совершили рейд в акваторию Сиднейского залива. Остававшиеся в АС 30 тыс. солдат не могли обеспечить безопасность огромного континента, и Дж. Кертину с большим трудом, преодолевая сопротивление английского премьер–министра У. Черчилля, удалось добиться возвращения домой части австралийских вооруженных сил.

Премьер–министр Австралии Р. Мензис. Национальная библиотека Австралии.

Крах веры в непобедимость британской военной мощи заставил страну искать нового союзника. Через созданное еще в 1940 г. посольство АС в Вашингтоне Кертин обратился за помощью к правительству США. В марте 1942 г. главнокомандующим союзными войсками в южной части Тихого океана был назначен известный генерал Д. Макартур, а его штаб–

квартира располагалась в Мельбурне. Вскоре американский флот, при участии австралийской эскадры, остановил продвижение японцев в Коралловом море, предотвратив тем самым быструю оккупацию Порт–Морсби и стратегически важных для союзнических коммуникаций островов на юге Тихого океана. В 1942-1945 гг. австралийцы участвовали в кампании на Новой Гвинее, а в 1945 г. они освободили от японских войск о. Борнео (совр. Калимантан). Угрозы безопасности АС больше не существовало. Всего в боевых действиях приняли участие порядка 500 тыс. австралийцев; более 30 тыс. погибли — треть в Европе, треть в боях с японцами и треть от болезней, лишений и жестокостей японского плена. Историки расценивают Вторую мировой войну как поворотный пункт в развитии АС: обретение полностью самостоятельного внешнеполитического курса, усиление американского влияния на все стороны жизни. Страна жила в ожидании нового этапа, более справедливого по отношению ко всем без исключения членам ее общества.

По окончании войны правительство нового лейбористского премьер–министра Джозефа Бенедикта Чифли, сменившего умершего в 1945 г. Кертина, сделало все возможное, чтобы обеспечить быстрейший возврат к мирной жизни. Власти развернули широкую программу помощи демобилизованным: им предоставлялись бесплатные образование, лечение больных и инвалидов, отпуск лекарств и профессиональная переподготовка. Средства на проведение этой и других социальных программ черпались из введенного еще в 1942 г. высокого единого подоходного налога, сбор которого осуществлялся федеральным правительством. Преемники Кертина продолжили курс на построение государства всеобщего благоденствия, в рамках которого оказывалась помощь малоимущим, создавались новые рабочие места, расширялась система высшего образования. В эти годы строится знаменитый гидроэнергетический комплекс в Снежных горах, включенный в список величайших инженерных сооружений мира; устанавливается авиасообщение со всеми крупнейшими государствами. По инициативе министра по делам иммиграции Артура Колвелла проводилась широкомасштабная программа привлечения в качестве новых граждан АС беженцев из стран Южной и Восточной Европы, и за 20 лет «англосаксонская Австралия превратилась в этническую Австралию», что, по ожиданиям правительства, не исключало быстрой ассимиляции этих «новых австралийцев» в доминирующую англокельтскую культуру.

Активизировалась внешняя политика: австралийские дипломаты принимали самое непосредственное участие в организации и работе ООН,

где ими были подписаны важнейшие международные документы; к 1950-м годам АС установил дипломатические отношения с 24 государствами мира (в том числе и с СССР в 1942 г.). Однако попытки лейбористов национализировать все авиационные службы и банковскую систему страны, объявленные неконституционными Высоким судом, а также использование армии в качестве штрейкбрехеров при подавлении забастовки шахтеров привели в 1949 г. к смене правительства.

Новая Зеландия в 1920 — 1940-е годы

Первая мировая война — время выхода Новой Зеландии (НЗ) на мировую арену. 40% мужского населения этого британского доминиона приняли активное участие в боевых действиях в составе экспедиционного Австрало–новозеландского армейского корпуса (АНЗАК). По окончании войны НЗ приняла участие в Парижской мирной конференции, где ее премьер–министр Уильям Мэсси добился получения его страной мандата Лиги Наций на управление оккупированным ею в 1914 г. Западным Самоа (в 1925 г. на тех же условиях были присоединены острова Науру и Токелау). Новозеландские дипломаты работали и на конференции по разоружению в Вашингтоне. Но правящие круги НЗ рассматривали Британскую империю как «единое, неразделимое целое», поэтому в основном страна оставалась в русле британской внешней политики.

Период между мировыми войнами — время складывания многопартийной системы НЗ. С 1912 по 1925 г. страну возглавлял лидер консервативной по местным меркам Партии реформ У. Мэсси, активно отстаивавший интересы новозеландских аграриев. Во время Первой мировой войны в коалиции с Партией реформ выступала Либеральная (с 1927 г. — Объединенная) партия во главе с Джозефом Уордом, представлявшая предпринимательские круги городского населения и имевшая большое влияние на рубеже 1920-х — 1930-х годов. В 1916 г. как самостоятельная политическая организация оформилась Лейбористская партия, опиравшаяся на профсоюзы. Ее программа отличалась поначалу особым радикализмом и до второй половины 1920-х годов включала требования национализации промышленности и финансов и введения бесплатного медицинского обслуживания. Эти три основные партии составляли «шаткую трехпартийную систему» межвоенной НЗ. Наряду с ними на политической арене действовало еще несколько самостоятельных сил. В 1921 г. возникла Коммунистическая партия. В 1922 г. фермеры,

недовольные курсом правительства, создали Аграрную партию (англ. Country Party), требовавшую установления режима свободы торговли, сети сельскохозяйственных банков и дешевого кредита. Наконец, в 1936 г. основные консервативные и праволиберальные партии объединились в Национальную партию НЗ, и политическая структура страны стала обретать свойственные британским доминионам контуры двухпартийной системы.

В межвоенные десятилетия экономика Новой Зеландии прошла две фазы. После эпидемии «испанки» 1918 г., унесшей жизни 7 тыс. человек, в 1921-1924 гг. наблюдался спад предпринимательской активности, который постепенно сменился периодом оживления экономической жизни страны. Правительство, используя испытанные временем рецепты ослабления внутренней напряженности, выделило земли для демобилизованных солдат, и в результате игры на разнице стоимости земель с 1915 по 1925 г. 40% обработанных угодий сменили своих хозяев. На фоне роста цен и сохранявшейся безработицы были организованы общественные работы, особое внимание уделялось сооружению гидроэнергетических комплексов и дорог. Правительство пошло на введение пособий малообеспеченным семьям, но размеры их были невелики и охватывали не всех нуждавшихся. Главное место в структуре экономики по–прежнему занимало сельское хозяйство, в помощь которому были созданы отраслевые организации (Совет по мясу, Совет по молочным продуктам), снижены налоги и субсидированы расходы на перевозку продукции, что не мешало части фермеров выражать недовольство протекционистскими тарифами, защищавшими развивавшуюся обрабатывающую промышленность. В области торговли главным партнером оставалась Великобритания, за которой следовали США, АС и Канада.

В период Великой депрессии 1930-х годов НЗ понесла по сравнению с другими государствами серьезные убытки: национальный долг достигал астрономических цифр, в 2 раза сократились доходы от экспорта, в 4 раза выросла безработица, доходы фермеров упали на 40%, многие оказались на грани разорения. Ситуация в городах складывалась не лучше. Пришедшее к власти в 1931 г. правительство консервативной коалиции Объединенной партии и Партии реформ решило справиться с ситуацией путем сокращения расходов и проведения общественных работ. В 1933 г. были предприняты попытки сбалансировать бюджет, создан Резервный банк, поднят обменный курс местной валюты, снижены банковский процент и зарплата; параллельно вводились пособия по безработице, на время была приостановлена деятельность обязательного арбитража. Работа

специальной Комиссии по сельскому хозяйству приобретала характер государственного планирования в области производства и распределения. Власти попытались использовать и «план мелких ферм» — посадить обездоленных людей на землю, но эффект от этих мер был невелик.

Словом, политика либерализма эпохи laissez–faire — основа курса коалиции, явно не срабатывала, вызывая критику и справа, и слева. С 1932 г. разворачивается массовое Движение социального кредита, главной целью которого было стремление установить общественный контроль над кредитной и финансовой сферой. В ответ на расширение государственного участия в экономике в 1934 г. консерваторы сформировали крайне недемократичную Демократическую партию. Но, пожалуй, самым ярким отражением глубины политического кризиса стало появление в 1933 г. полуфашистского Новозеландского Легиона. Впрочем, активность правых радикалов была недолгой: меры правительства способствовали некоторому оживлению экономики и улучшению жизни. В целом же политика коалиции не пользовалась популярностью.

В 1935 г. впервые к власти пришло лейбористское правительство, которое, учитывая общественные настроения, активно занялось социальной сферой. Лейбористы во главе с премьер–министрами Майклом Дж. Сэвиджем и Питером Фрезером, а также министром финансов Уолтером Нэшем, находившиеся у власти до 1949 г., видели в государстве силу, призванную обеспечить достойное существование всем членам общества. Наученные опытом ошибок 1920-х годов, лейбористы этого поколения уже не говорили о социализме и национализации как панацее от всех общественных зол. Скорее, их взгляды представляли смесь кейнсианства, социального прогрессизма новозеландских либералов конца XIX в. и идеи социального кредита. На базе этой идеологии усилилось государственное регулирование экономики, цен и занятости, введена минимальная ставка заработной платы, возобновлена работа арбитражных судов, национализирован Резервный банк, установлены монополия на экспорт и протекционистские меры по поддержке предприятий и фермеров. Но главное, были заложены основы государственной системы социального обеспечения, направленной на создание эгалитарного общества: закон о социальной защите 1938 г. и ряд дополнений к нему обеспечивали всевозможные виды материальной помощи в виде пенсий по старости, болезни, безработице, а также льготное здравоохранение и образование. Считается, что с момента его принятия и до 1960-х годов НЗ являлась государством всеобщего благоденствия, в котором правительство опекало граждан «от люльки до могилы».

В результате к началу Второй мировой войны реальный доход на душу населения в стране был самым высоким в мире. Процветание НЗ обеспечивало сельское хозяйство, сделавшее ее «одной гигантской молочной фермой». Государство поощряло вывоз сельскохозяйственной продукции, 94% которой шли на экспорт (из них около 80% поглощал английский внутренний рынок). Из Англии же в НЗ поступали 50% всего импорта товаров, и Лондон практически был монополистом по вкладам капиталов в новозеландскую экономику.

Это определяло и внешнюю политику страны. Хотя в соответствии с Вестминстерским статутом 1931 г. Великобритания предложила полную политическую самостоятельность всем своим доминионам, Новая Зеландия не спешила воспользоваться этим правом. Только со второй половины 1930-х годов ее представители стали более активно участвовать в работе Лиги Наций, с трибуны которой новозеландские дипломаты в связи с угрозой со стороны японского милитаризма пытались отстаивать политику коллективной безопасности и противостоять курсу на умиротворение агрессора. Однако в вопросах обороны руководители НЗ по–прежнему целиком и полностью полагались на помощь британского ВМФ в рамках провозглашенной еще в 1931 г. концепции «имперского единства».

Мировая война навсегда изменила жизнь Новой Зеландии. С сентября 1939 г. она вступила в войну на стороне Великобритании. Правительство во главе с П. Фрезером переводило экономику на военные рельсы. Сформированный в первые дни войны второй Новозеландский экспедиционный корпус принял боевое крещение уже в феврале 1940 г. в Египте и до конца войны входил в состав 8-й британской армии, участвовавшей в кампаниях в Северной Африке и Италии. После объявления войны Японии в 1941 г. в НЗ был введен режим экономии электроэнергии, созданы силы территориальной милиции, объявлена полная военная мобилизация всех мужчин в возрасте от 18 до 65 лет и призыв женщин на основные виды работ. Но для эффективной обороны собственных сил было явно недостаточно, и руководство страны вынуждено было обратиться за помощью к США. Тогда же на НЗ (как и Австралию) был распространен закон о ленд–лизе, а с 1942 г. в страну начали прибывать американские войска. Части новозеландской армии — около 140 тыс., а по некоторым данным почти 200 тыс. человек — участвовали в боях на островах Тихого океана, в Европе, Северной Африке, на Ближнем Востоке. Еще около 100 тыс. человек служили в составе подразделений национальной обороны на своей территории. Потери страны составили порядка 12 тыс. убитыми, 16 тыс. ранеными и 8 тыс.

военнопленными, что было немало для ее небольшого по численности населения.

В годы войны международные связи страны расширились, и ее положение упрочилось. Еще до создания в 1943 г. своего министерства иностранных дел НЗ, ощутившая ненадежность защиты со стороны британского флота, открыла в 1941 г. посольство в Вашингтоне и установила тесные военно–политические отношения с США, которые отныне стали главным гарантом ее безопасности. В 1942 г. на территории НЗ разместились американские ВМС и штаб объединенных сил союзников в борьбе против Японии. В 1944 г. были установлены дипломатические отношения с СССР. Тогда же НЗ и АС подписали Канберрский пакт о тесном экономическом и политическом сотрудничестве, который способствовал преодолению существовавших между ними трений. Начиная с этого периода НЗ начала уделять особое внимание государствам азиатско–тихоокеанского региона. В 1945 г. новозеландское правительство приняло активное участие в создании ООН, где делегации АС и НЗ пытались отстоять права средних держав в противовес «большой тройке» США, Великобритании и СССР. В 1947 г. НЗ подтвердила свою независимость от Лондона: вступил в силу Закон о принятии Вестминстерского статута, означавший, что страна de jure стала полностью самостоятельным государством, сохранив лишь членство в Содружестве наций и его монарха в качестве своего номинального главы.

Послевоенные годы — время превращения НЗ из аграрной в аграрно–индустриальную страну. Ее экономика почти не пострадала в военные годы, поставки продовольствия в разоренную Европу приносили неплохие прибыли. Главной особенностью хозяйственного развития НЗ были невысокие темпы монополизации капитала и проникновение иностранных корпораций, в основном из Великобритании и США. Постепенно сокращалась занятость в сфере сельского хозяйства, росли секторы услуг и финансов. В 1946 г. система социальной защиты была расширена: сняты какие–либо ограничения на получение социальных выплат по материнству, увеличились пособия семейным парам. Расходы на социальные нужды составляли в 1949 г. 16% национального дохода. Следует особо отметить, что маори были включены в эту систему на тех же основаниях, что и их европейские сограждане — пакеха, так как маори — депутаты новозеландского парламента тесно сотрудничали с лейбористами.

Еще одним новым направлением политики лейбористов стала «инсуляция» экономики (концепция экономического «островного» национализма), представлявшая попытку защитить местных

производителей от внешнеэкономических колебаний путем введения гарантированных цен на их продукцию и государственного контроля в области сбыта товаров. В 1945 г. был национализирован Банк Новой Зеландии — главный торговый банк, что значительно облегчило проведение поставленной правительством задачи. В список государственных монополий попали радиовещание, международные авиалинии, льняная промышленность, и в итоге экономика страны приобрела смешанный характер.

Но расхождения внутри лейбористской партии, наметившиеся еще в годы войны, а также электоральная реформа 1945 г., отменившая 28-процентную квоту при выборах в парламент для жителей глубинки и оттолкнувшая фермеров, резко повлияли на популярность правительства П. Фрезера. В результате выборов 1949 г. власть перешла к ее соперникам из Национальной партии.

Приложения

Хронологическая таблица

1914, 28 июня Убийство в Сараево наследника австро–венгерского престола Франца–Фердинанда

1914, 28 июля Объявление Австро–Венгрией войны Сербии

1914, 1 августа Объявление Германией войны России. Начало Первой мировой войны

1914, 5-12 сентября Битва на Марне. Переход на Западном фронте к позиционной войне

1914, октябрь Вступление в войну Османской империи

1915, 25 ноября А. Эйнштейн представил работу по уравнениям поля Берлинской академии наук, заложив основу общей теории относительности

1915, 23 мая Италия вступает в войну на стороне Антанты

1915, 14 октября Болгария вступает в войну на стороне Германии. Преобразование Тройственного союза в Четверной

1916, февраль–декабрь Бои под Верденом

1916, май–июнь Ютландское морское сражение

1916, июнь–сентябрь Наступление русских войск на Юго–Западном фронте

1916, 17 августа Румыния вступает в войну на стороне Антанты

1917, 5 февраля Принята Конституция Мексики, завершающий этап Мексиканской революции

1917, 8 марта (23 февраля) Начало Февральской революции в России

1917, 6 апреля США вступают в войну на стороне Антанты

1917, 7 ноября (25 октября) Захват власти большевиками в России. Начало Октябрьской революции.

1917, 22 декабря Начало переговоров о мире между Советской Россией и германским блоком в Брест–Литовске

1918, 8 января Представлены Конгрессу «14 пунктов» Вильсона

1918, 3 марта Подписание Брест–Литовского мирного договора между Советской Россией и державами Четверного союза

1918, 8 августа Начало наступления войск Антанты по всему Западному фронту

1918, октябрь Провозглашение независимости Чехословакии; Государства словенцев, хорватов и сербов; Венгрии

1918, 30 октября Мудросское перемирие между Османской империей и Антантой

1918, 3 ноября Перемирие в Вилла–Джусти между Австро–Венгрией и Италией

1918, 3-4 ноября Восстание моряков в Киле. Начало Ноябрьской революции в Германии

1918, 11 ноября Подписание Компьенского перемирия. Прекращение военных действий на всех фронтах

1919, 18 января Парижская мирная конференция

1919, 21 января — 1921, 11 июня Война за независимость Ирландии

1919- 1921 Советско–польская война

1919, 28 июня Подписание Версальского мирного договора с Германией

1920, 16 января Первое заседание Лиги Наций

1920- 1923 Постоянное радиовещание независимо развивается в нескольких странах

1921, 12 ноября — 1922, 6 февраля Вашингтонская конференция

1921- 1926 Рифская война в Марокко

1921, 21 февраля Государственный переворот в Иране

1922, 10 апреля — 19 мая Генуэзская конференция

1922, 28-30 октября Начало установления фашистской диктатуры в Италии. Назначение Б. Муссолини премьер–министром

1922, 20 ноября — 1923, 24 июля Лозаннская конференция

1923, 29 октября Провозглашение Турции республикой. Мустафа Кемаль становится президентом страны

1924, 25 января — 5 февраля Первые зимние Олимпийские игры проходят в Шамони (Франция)

1924, 26 ноября Провозглашена Монгольская Народная Республика (МНР)

1925, 15 декабря Династия Пехлеви сменяет династию Каджаров в Иране. Реза–хан становится шахом

1927, апрель Начало гражданской войны в Китае

1927, 6 октября Премьера в Нью–Йорке первого звукового фильма «Певец Джаза» (реж. А. Кросланд)

1928, 27 августа Подписание пакта Бриана — Келлога

*1928*А. Флеминг открыл пенициллин

1929, 6 января Королевство сербов, хорватов и словенцев переименовано в Югославию

1929, 24 октября Крах на Нью–Йоркской фондовой бирже. Начало мирового экономического кризиса 1929-1933 гг.

1929, 7 ноября Публикация статьи И. В. Сталина «Год великого

перелома». Взят курс на индустриализацию и коллективизацию в СССР

1930, 13-30 июля Первый чемпионат мира по футболу проходит в Уругвае

1930, октябрь–ноябрь Революция в Бразилии. Ж. Варгас становится президентом

1931, 14 апреля Провозглашение Испании республикой

1931, 18 сентября Мукденский инцидент. Вторжение японских войск в Маньчжурию (Северо–Восточный Китай)

1932, январь Разгром итальянскими войсками последних вооруженных отрядов сануситов в Ливии.

1933, 30 января Назначение А. Гитлера рейхсканцлером. Установление национал–социалистической диктатуры в Германии

1933,4 марта Вступление Ф. Д. Рузвельта на пост президента США. Начало Нового курса

1933, 16 ноября Установление дипломатических отношений между СССР и США

1934, 9 октября Король Югославии Александр I Карагеоргиевич и министр иностранных дел Франции Луи Барту убиты в Марселе

1935, 2 мая Заключение франко–советского пакта о взаимопомощи

1935, 3 октября — 1936, май Вторая итало–эфиопская война. Территория Эфиопии включена в состав колонии Итальянская Восточная Африка

1935, 14 июля Антифашистская демонстрация в Париже. Создание Народного фронта во Франции

1935, 25 июля — 25 августа VII конгресс Коммунистического Интернационала

1935, 31 августа Принятие в США закона о нейтралитете

1936, 16 февраля Победа Народного фронта на выборах Испании

1936, 7 марта Вступление немецких войск в демилитаризованную Рейнскую область

1936, 3 мая Победа Народного фронта на парламентских выборах во Франции

1936, 17 июля — 1939, 1 апреля Гражданская война в Испании

1936, 25 ноября Подписание Антикоминтерновского пакта между Германией и Японией

1937, 7 июля Инцидент на мосту Лугоу. Начало Японо–китайской войны.

1938 «Аншлюс» Австрии

1938, 29 июля — 11 августа Бои у оз. Хасан

1*938, 29-30 сентября* Мюнхенское соглашение между Великобританией, Францией, Италией и Германией, признание Судетской области Чехословакии территорией Германии

1939, 15 марта Захват Германией Чехии, создание марионеточного государства в Словакии

1939, 20 марта Германия выдвигает ультиматум Литве с требованием Клайпедского края

1939, 7-12 апреля Итальянское вторжение в Албанию

1939, 11 мая — 31 августа Отражение советскими и монгольскими войсками нападения частей японской армии на МНР в районе р. Халхин–Гол

1939, 22 мая Подписание «Стального пакта» — германо–итальянского договора о союзе и дружбе

1939, 23 августа Подписание в Москве Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом (пакт Молотова — Риббентропа)

Избранная литература

Введение. Глобальный XX век

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.

Гренвилл Д. История XX века. Люди, события, факты. М., 1999.

Гулди Д., Армитедж Д. Исторический манифест // Ab Imperio. 2015. № 3. С. 23-71.

Джонсон П. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. Т. 1-2, М., 1995.

Кальвокоресси П. Мировая политика после 1945 года. М., 2016.

Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.

Поланьи К. Век трансформации. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914-1991). М., 2004. Чубарьян А. О. XX век. Взгляд историка. М., 2009.

Braudel F. Histoire et sciences sociales. La longue duree // Annales. Histoire, sciences sociales. 1958. № 13. P. 725-753.

Global Interdependence the World after 1945 / Ed. Iriye A. Cambridge (MA); London. 2014.

Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality // American Economic Review. 1955. Vol. 45. P. 1-28.

Piketty Th. Capital in the Twenty First Century. Cambridge (MA), 2014.

XX век в истории: глобальное измерение

Демографические и миграционные процессы

Итоги Второй мировой войны. М., 1957.

Куртуа С., Верт Н.. Панне Ж. — Л., Панковский А., Бартошек К., Марголен Ж. — Л. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии / Пер. с фр. М., 1999.

Народонаселение стран мира. Справочник / Под ред. Б. Ц. Урлариса. М., 1978.

Положение беженцев в мире: Пятьдесят лет гуманитарной деятельности. УВКБ ООН, 2000.

Полян П. Не по своей воле… История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.

Полян П. У истоков советской депортационной политики: выселения белых казаков и крупных землевладельцев (1918-1925) // < http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a304.htm > [2003].

Эрлихман В. Потери народонаселения в XX веке: Справочник. М., 2004.

Delmas J. Une hetacombe humaine. In: L'etat du monde en 1945. P., 1994.

Kiessling A. The internally displaced in International law — do they require enhanced protection? Univ, of Cape Town, 2006.

Kuczynsky R. The measurement of population growth. New York; London; Paris, 1969.

Preston S. H., Keyfitz N.. Schoen R. Causes of Death: Life Tables for National Population. N. Y., Inc. 1972.

Rummel Rudolph J. Death by government. Trasaction Publishers, 1994.

Sivard R. L. World Military and Social Expenditures. 14th edition. Washington, 1991.

Urlanis B. Guerres et population. Moscou, 1972.

Мировая экономика

Аллен Р. Глобальная экономическая история. М., 2013.

Арриги Д. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М., 2007.

Ван дер Вее Г. История мировой экономики. 1945-1990. М., 1994.

Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М., 2015.

Гребер Д. Долг: первые 5000 лет истории. М., 2015.

Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2006.

Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М., 2011.

Кларк Г. Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира. М., 2012.

Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Т. 1: 1700-1870. Т. 2: 1870 — наши дни. М., 2013.

Мэдиссон Э. Контуры мировой экономики в 1-2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М., 2012.

Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., 2015.

Спенс М. Следующая конвергенция. Будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. М., 2012.

Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век. 1914-1991. М., 2004.

Социальные трансформации и социальные движения

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.

Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.

Бауман З. Глобализация: Последствия для человека и общества. М., 2004.

Валлерстайн М. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.

Дамье В. В. Гражданское общество и традиции социальной самоорганизации И Основные этапы формирования гражданского общества в странах Западной Европы и России в XIX — XX вв. М., 2007.

Дамье В. В. Стальной век: Социальная история советского общества. М., 2013.

Дамье В. В. Тоталитарные тенденции в XX веке // Мир в XX веке. М., 2001.

Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 1994.

Флорида Р. Большая перезагрузка: Как кризис изменит наш образ жизни и рынок труда. М., 2012.

Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.

GAIA: Der Око–Atlas unserer Erde. Frankfurt am Main, 1985.

Gorz A. Metamorphoses du travail: Critique de la raison economique. P., 2004.

Hirsch J., Roth R. Das neue Gesicht des Kapitalismus: Vom Fordismus zum Postfordismus. Hamburg, 1986.

United Nations. The World at Six Billion. N. Y., 1999.

Культура и искусство первой половины XX века

Авангард в культуре XX века (1900-1930 гг): Теория. История. Поэтика: В 2 кн. / Под ред. Ю. Н. Гирина. М., 2010.

Власов В. Г. Стили в искусстве. Словарь. Т. 1. СПб., 1995.

Голомшток И. Н. Тоталитарное искусство. М., 1994.

Губман Б. Л. Западная философия культуры XX века. Тверь, 1997.

Каган М. С. Введение в историю мировой культуры. Кн. 2. СПб., 2003.

Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры: Теоретический очерк. М., 1994.

Костина А. В. Диалектика массового и элитарного в современной культуре: В 2 ч. М., 2001.

Межуев В. М. Идея культуры: Очерки по философии культуры. М., 2006.

Ортега–и–Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991.

Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели

Запада о месте культуры в современном обществе. М., 1991.

Турчин В. С. По лабиринтам авангарда. М., 1993.

Флиер А. Я. Очерки теории исторической динамики культуры. М., 2012.

Языки культуры второй половины XX века

Барт Р. Избранные работы: семиотика, поэтика. М., 2008.

Беньямин В. Маски времени. Эссе о культуре и литературе. СПБ., 2004.

Бухло Бенджамин Х. Д. Неоавангард и культурная индустрия. М., 2015.

Гомперц У. Непонятое искусство. От Моне до Бэнкси. М., 2016.

Деготь Е. Русское искусство XX века. М., 2000.

Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти–Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007.

Деррида Ж. Двойной сеанс. Екатеринбург, 2007.

Краусс Р, Фостер Х. и др. Искусство с 1900 года. Модернизм. Антимодернизм. Постмодернизм. М., 2015.

Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин, 1973. Неофициальное искусство в СССР. 1950-1980-е годы. М., 2014.

Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. М., 2001.

Садуль Ж. Всеобщая история кино. Т. 1-3. М., 1963; Т. 4, 5. М., 1982.

Тупицын В. Коммунальный (пост)модернизм: Русское искусство второй половины XX века М., 1998.

Фуко М. Археология знания. СПб., 2004.

Jameson F. Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, 1991.

Образование и наука

Бен–Дэвид Д. Роль ученого в обществе / Пер. с англ. М., 2014.

Бок Д. Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования / Пер. с англ. М., 2012.

Бурдье П., Пассрон Ж. К. Воспроизводство / Пер. с фр. М., 2007.

Грэм П. А. Америка за школьной партой. Как средние школы отвечают меняющимся потребностям нации / Пер. с англ. М., 2012.

Кларк Б. Р. Система высшего образования: Академическая организация в кросснациональной перспективе / Пер. с англ. М., 2011.

Коллики Ст. Зачем нужны университеты? / Пер. с англ. М., 2012.

Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940-1980-е) / Ред. и сост.: И. Кукулин, М. Майофис,

П. Сафронов. М., 2015.

Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х —1930-е годы) / Под ред. А. Н. Дмитриева. М., 2012.

Bourdieu P. Homo academicus. P., 1984.

Gibbons M. et al. The new production of knowledge: The dynamics of science and research in contemporary societies. Sage, 1994.

Gordin M. D. Scientific Babel: How science was done before and after global English. Chicago, 2015.

Kelly A. V The curriculum: Theory and practice. L., 2009.

Stehr N. Knowledge societies. N. Y., 1994.

Von Friedeburg L. Bildungsreform in Deutschland: Geschichte und gesellschaftlicher Widerspruch. Frankfurt am Main, 1989.

Vulliamy G., Lewin K., Stephens D. Doing educational research in developing countries: Qualitative strategies. L., 1990.

Религия, государство и общество

Васильева О. Ю. Русская православная церковь в политике Советского государства в 1943-1948 гг. М., 1999.

Гутман И., Галиль Н. Катастрофа и память о ней. Иерусалим, 2006.

Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. Вып. 5. М., 2012.

Пономарева Л. В. Испанский католицизм XX века. М., 1989.

Роккуччи А. Сталин и патриарх: Православная церковь и советская власть, 1917— 1958 / Пер. с итал. О. Р. Щелоковой. М., 2016 (Серия: История сталинизма).

Русская православная церковь. XX век / А. Л. Беглов, О. Ю. Васильева, А. В. Журавский, Д. В. Сафонов, С. Л. Фирсов. М., 2008.

Токарева Е. С. Фашизм, церковь и католическое движение в Италии (1922-1943). М., 1999.

Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. 1941-1961 гг. М., 1999.

Шкаровский М. В. Нацистская Германия и православная церковь: (Нацистская политика в отношении православной церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР). М., 2002.

Шкаровский М. В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве: (Государственно–церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах). М., 1999.

Этничность и религия в современных конфликтах / Отв. ред. В. А. Тишков, В. А. Шнирельман. М., 2012.

Beljakova N.. Bremer Th., Kunter K. «Es gibt keinen Gott!» Kirchen und Kommunismus. Eine Konfliktgeschichte. Verlag Herder, 2016.

Berger P. The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics. MI, 1999.

Berglund Bruce, Porter–Sziics Brian. Christianity and Modernity in Eastern Europe. Budapest, 2010.

Besier G., Boyens A., Lindemann G. Nationaler Protestantismus und Ökumenische Bewegung. Kirchliches Handeln im Kalten Krieg (1945-1990). B., 1999.

Bonifacio G. T. (Ed.) Gender, Religion, and Migration: Pathways of Integration. Lexington Books, 2011.

Buchenau K. Orthodoxie und Katholizismus in Jugoslawien 1945-1991. Ein serbischkroatischer Vergleich. Wiesbaden, 2004.

Filo, Jw.(Hg.) Christian World Community and the Cold War. Bratislava, 2012. Kalkandjieva D. The Russian Orthodox Church, 1917-1948. From Decline to Resurrection. London; New York, 2015.

Lehmann H., SchjorringJ. H. (Hg.) Im Raderwerk des „real existierenden Sozialismus“. Kirchen in Ostmittel und Osteuropa von Stalin bis Gorbatschow. Gottingen, 2002.

Madawi a-R., Kersten C, Shterin M. Demystifying the Caliphate: Historical Memory and Contemporary Context. L., 2013.

Norris R, Inglehart R. Sacred and Secular. Religion and Politics worldwide. Cambridge University Press, 2004.

Мир в первой половине XX века

Первая мировая война

Евдокимова Н. П. Между Востоком и Западом. Проблемы сепаратного мира и маневры дипломатии австро–германского блока в 1914-1917 гг. Л., 1985.

Мировые войны XX века: Первая мировая война. Кн. 1,2/ Под ред. В. Л. Малькова, Г. Д. Шкундина. М., 2002.

Первая мировая война и проблемы политического переустройства в Центральной и Юго–Восточной Европе / Отв. ред. В. И. Беляева. М., 1991.

Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории / Отв. ред. Ю. А. Писарев, В. Л. Мальков. М., 1994.

Шацилло В. К. Первая мировая война. 1914-1918: Факты. Документы. М., 2003.

Farrar L. L. Divide and Conquer. German efforts to conclude a separate peace. 1914— 1918. N. Y., 1978.

Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Dusseldorf, 1962.

Mommsen W. J. Der Erste Weltkrieg — Anfang vom Ende des bürgerlichen Zeitalters. Bonn, 2004.

Stevenson D. 1914-1918: The History of the First World War. Oxford, 2004.

The Great War and the Twentieth Century / Ed. J. Winter, G. Park, M. R. Habeck. New Haven, 2001.

Версальско–Вашингтонская система международных отношений

Горохов В. Н. История международных отношений. 1918-1939. М., 2004.

Егорова Н. И. Изоляционизм и европейская политика США. 1933-1941. М., 1995.

Ермаков В. Д. История международных отношений XX в. Ч. 1. СПб., 2004-2006.

Клейменова Н. Е., Сидоров А. Ю. Версальско–Вашингтонская система международных отношений: проблемы становления и развития. М., 1995.

Международные отношения на Дальнем Востоке / Ред. А. Л. Нарочницкий. Т. 2. М., 1973.

Системная история международных отношений / Ред. А. Д. Богатуров. Т. 1-2. М., 2000.

Ходнев А. С. Международная организация в ожидании приговора: Лига Наций в мировой политике, 1919-1946. Ярославль, 1995.

Bell P. M.H. The Origins of the Second World War in Europe. L., 1986.

Locamo Revisited. European Diplomacy 1920-1929 / Ed. G. Johnson. L., 2004.

MarksS. The Illusion of Peace: International Relations in Europe. 1918-1933. London; Basingstoke, 1976.

Sharp A. The Versailles Settlement. Peacemaking in Paris, 1919. London; Basingstoke, 1991.

Steiner Z. Lights that Failed. European International History. 1919-1933. Oxford, 2005.

Советская Россия и СССР: революция и модернизация

Баберовски Й. Выжженная земля: Сталинское царство насилия. М., 2014.

За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма / Под ред. М, Гейера, Ш. Фицпатрика. М., 2011.

Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. М., 2008.

Рабинович А. Большевики у власти. М., 2007.

Роговин В. 1937. М., 1996.

Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1991.

Хлевнюк О. В. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996.

Хлевнюк О. В. Сталин: Жизнь одного вождя. М., 2015.

Широков А. И. Дальстрой в социально–экономическом развитии Северо–Востока СССР (1930-1950-е годы). М., 2014.

Шубин А. В. Великая Российская революция. От февраля к октябрю 1917 года. М., 2014.

Шубин А. В. Махно и его время. М., 2013.

Gregory PR. The Political Economy of Stalinism. Cambridge University Press, 2004.

Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1995.

Fitzpatrick S. Stalin’s Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. Oxford University Press, 1994.

Fitzpatrick S. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. Oxford University Press, 1999.

Европа: между авторитаризмом и демократией

Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003.

Винклер Г. А. Веймар 1918-1933. История первой немецкой демократии. М., 2013.

Воцелка К. История Австрии. Культура, общество, политика. М., 2007.

Егоров Ю. В. Народный фронт во Франции (Внутриполитическая борьба во Франции в 1934-1938 гг.). М., 1972.

Мальков В. Л. Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии. М., 1988.

Марьина В. В. Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: Политик и человек: 1884-1948. М., 2013.

Матвеев Г. Ф. Пилсудский. М., 2008.

Остапенко Г. С., Прокопов А. Ю. Новейшая история Великобритании. XX — начало XXI века. М., 2012.

Польша в XX веке. М., 2012.

Смирнов В. П. Франция в XX веке. М., 2001.

Фрай Н. Государство фюрера. Национал–социалисты у власти: Германия, 19331945. М., 2009.

Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век. 1914-1991. М., 2004.

Чехия и Словакия в XX веке: Очерки истории. Кн. 1-2. М., 2005.

Шубин А. В. Мир на краю бездны: От глобальной депрессии к мировой войне. 1929-1941 гг. М., 2004.

Югославия в XX веке: Очерки политической истории. М., 2011.

Северная Америка: от просперити к великой депрессии

Аггеева И. А. Политическая история Канады. М., 2013.

Егорова Н. И. Изоляционизм и европейская политика США. 1933-1941. М., 1995.

История США. В 4 т. / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. Т. 3. М., 1983-1987.

Мальков В. Л. Россия и США в XX веке. М., 2009.

Печатное В. О. От Джефферсона до Клинтона. Демократическая партия США в борьбе за избирателей. М., 2008.

Печатное В. О., Манькин А. С. История внешней политики США. М., 2012.

Согрин В. В. Исторический опыт США. М., 2010.

Согрин В. В. США в XX-XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М., 2015.

Canada and the First World War / Ed. Mackenzie D. Toronto. 2005.

Field A. J. Great Leap Forward: 1930s Depression and US Economic Growth. New Haven, 2012.

Kennedy D. M. Freedom from Fear: The American People in Depression and War, 1929-1945.

McElvaine R. S. The Great Depression: America, 1929-1941. N. Y., 2009.

Neatby H. B. The Politics of Chaos. Dundum, 2003.

Parrish M. E. Anxious Decades: America in Prosperity and Depression, 1920-1941. New York; London, 1994.

Plotke D. Building a Democratic Political Order: Reshaping American Liberalism in the 1930s and 1940s. Cambridge, 2006.

Латинская Америка: панорама социально–политических процессов

История Латинской Америки. 1918-1945 / Отв. ред. Н. П. Калмыков. М., 1999.

Ларин Е. А. Всеобщая история: латиноамериканская цивилизация. М., 2007.

Латинская Америка в XX веке: социальная антропология бедности. М., 2006.

Строганов А. И. Латинская Америка в XX веке. М., 2002.

Хейфец Л. С. Латинская Америка в орбите Коминтерна. М., 2000.

America Latina en el siglo XX. Barcelona, 1966.

America Latina en sus ideas. Mexico, 1986.

Bulmer–Thomas V The Economic History of Latin America since Independence. Cambridge, 1994.

Gonzales Casanova P. Los militares y la politica en America Latina. Mexico, 1988.

Historia de Атёпса Latina: hechos, documentes, polemica. T. 1-4. Madrid, 1978.

Ideas and Ideologies in Twentieth Century of Latin America. Cambrige, 1996.

Восточная Азия: война, революция, имперское строительство

Воронцов В. Б. Чан Кайши. Карьера китайского Бонапарта. М., 1989.

Головачев В. Ц., Молодяков В. Э. Тайвань в эпоху японского правления: источники и исследования на русском языке. М., 2014.

Захарова Г. Ф. Политика Японии в Маньчжурии, 1932-1945. М., 1990.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. 7: Китайская республика (1912-1949). М., 2013.

Каретина Г. С. Чжан Цзолинь и политическая борьба в Китае в 20-е годы XX в. М., 1984.

Каткова З. Д. Китай и державы, 1927-1937 гг. М., 1995.

Молодяков В. Э. Россия и Япония в поисках согласия. 1905-1945. Геополитика, дипломатия, люди и идеи. М., 2012.

Молодяков В. Э., Молодякова Э. В., Маркарьян С. Б. История Японии. XX век. М., 2007.

Панцов А. В. Мао Цзэдун. М., 2012 (Серия ЖЗЛ).

Сапожников Б. Г. Китай в огне войны. 1931-1950. М., 1977.

Тихонов В. М., Кан Мангиль. История Кореи. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011.

Южная Азия в макроструктуре британской империи

Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. П. Южная Азия в мировой политике. М., 2003.

Володин А. Г. Индия: становление институтов буржуазной демократии. М., 1989.

Ганди М. К. Моя жизнь. М., 1969.

Политические системы и политические культуры Востока. М., 2007.

Уолперт С. Джинна — основатель Пакистана. М., 1993.

Юрлов Ф. Н., Юрлова Е. С. История Индии. XX век. М., 2010.

Brown J. M. Modem India: The Making of an Asian Democracy. Oxford, 1999.

Chandra B., Mukherjee A., Mukherjee M. India’s Struggle for Independence. 1857— 1947. N. Delhi, 1989.

Hasan Z. (ed.). India’s Partition. Process, Strategy and Mobilization. N. Delhi, 2006. Jaffrelot C. (ed.). Hindu Nationalism. N. Delhi, 2007.

Majumdar R. C. The History of the Freedom Movement in India. Vol. 1-3. Calcutta, 1962-1963.

Modem Indian Political Tradition. A Collection of Documents / Ed. K. P. Karunakaran. N. Delhi, 1962.

Ближний и Средний Восток: территориальная организация, политические системы, национальные движения

Саид А. Восстания арабов в XX веке. М., 1964.

Ахмедов В. А. Арабский национализм и исламский радикализм // Ислам и общественное развитие в начале XXI в. М., 2005. С. 245-260.

Еремеев Д. Е. Становление республиканской Турции (1918-1939). М., ИСАА, 2007.

Жигалина О. И. Этносоциальная эволюция иранского общества. М., 1996.

Киреев Д. Е. История Турции. XX век. М., 2007.

Коргун В. Г Афганистан: политика и политики. М., 1999.

Ланда Р. Г. История арабских стран. М., 2005.

Левин З. И Общественная мысль на Востоке: Постколониальный период.

М., 1999.

Lapidus l. M. A History of Islamic Societies. Cambridge, 2002. Part III. P. 453-620. Schulze R. A Modem History of the Islamic World. N. Y., 2000.

Ozal T La Turquie en Europe. P, 1988.

Северная Африка: социальные потрясения и поиск новых путей развития

Бабкин С. Э. Движения политического ислама в Северной Африке. М., 2000.

Видясова М. Ф., Орлов В. В. Политический ислам в странах Северной Африки: История и современное состояние. М., 2008.

Егорин А. З. История Ливии: XX век. М., 1999.

Иванов Н. А. Кризис французского протектората в Тунисе (1918-1939 гг.). М., 1971.

Ланда Р. Г. История арабских стран. М., 2005.

Луконин Ю. В., Подгорнова Н. П. История Мавритании в новое и новейшее время. М., 1991.

Поляков К. П. История Судана: XX век. М., 2005.

СергеевМ. С. История Марокко: XX век. М., 2001.

Brignon J., Amine A., Boutaleb B. e. a. Histoire du Maroc. Paris;

Casablanca, 1967. Ling D. L. Tunisia. From Protectorate to Republic. Bloomington; L., 1967.

Naylor Ph. C. North Africa. A History from Antiquity to the Present. Austin (Tex.), 2009.

Yapp M. E. The Near East since the First World War: a History to 1995. Second Edition. London; New York, 1996.

Тропическая и Южная Африка: трансформация колониального общества

Черная Африка: прошлое и настоящее. Учебное пособие по Новой и Новейшей истории Тропической и Южной Африки / Под ред. А. С. Балезина, С. В. Мазова, И. И. Филатовой. М., 2016.

Колониальное общество Тропической Африки: взаимодействие цивилизаций? / Отв. ред. А. С. Балезин, И. И. Филатова. М., 1993.

Становление отечественной африканистики. 1920-начало 1960-х годов. М., 2003.

Балезин А. С. Африканские правители и вожди в Уганде (эволюция традиционных властей в условиях колониализма, 1862-1962). М., 1986.

Давидсон А. Б. Южная Африка — становление сил протеста, 1970-1924. М., 1972.

Летнее А. Б. Общественная мысль в Западной Африке. 1918-1939. М., 1983.

Цыпкин В. Г. Эфиопия в антиколониальных войнах. М., 1988.

История Африки в документах (1870-1918). Т. 1-2. М., 2005, 2007.

Мандела Н. Нет легкого пути к свободе. М., 1968.

Мириманов В. Б. Искусство Тропической Африки. М., 1986.

Малаховский К. В. История Новой Зеландии. М., 1981.

Мартынов А. И., Русакова О. К. Актуальные проблемы внешней политики Новой Зеландии. М., 1981.

Прайор Ст. Новая Зеландия: прошлое, настоящее и будущее. Личный взгляд иммигранта–пакеха. М., 2006.

Рубцов Б. Б. Новая Зеландия. М., 1987.

Стефанчук Л. Г. Новая Зеландия: трудные годы. М., 1987.

Стефанчук Л. Г. История Новой Зеландии, XX век. М., 2015.

Тимошенко В. Н. Южно–Тихоокеанский регион на пороге XXI века: проблемы внешней политики и безопасности. Москва, Хабаровск, 2009.

The Oxford History of New Zealand / Ed. W. H. Oliver. Oxford, 1981.

Sinclair K. A History of New Zealand. L., 1980.

notes

Примечания

1

Preston S. H., Keyfilz N.. Schoen. R. Causes of Death: Life Tables for National Population. New York, 1972. За 2002 г. расчет Е. М. Андреева.

2

Human Mortality Database. University of California, Berkeley (USA), and Max Planck Institute for Demographic Research (Germany).

3

Human Mortality Database. University of California, Berkeley (USA), and Max Planck Institute for Demographic Research (Germany).

4

UN Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2013). World Population Prospects: The 2012 Revision, CD-ROM Edition, Files MORT/7-2, MORT/7-3.

5

Chesnais J. — C. La transition démographique. Étapes, formes, implications économiques. Étude de séries temporelles (1720-1984) relatives à 67 pays. / Institut national d’études démographiques. Travaux et documents. Cahier no 113. Presses universitaires de France. 1986. P. 543-546; Евростат.

6

Chesnais J. — C. Op. cit; Данные национальных статистических ведомств.

UN Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2013). World Population Prospects: The 2012 Revision, CD-ROM Edition, File MORT/1-1.

8

Число рождений на одну женщину условного поколения, т. е. поколения, в котором показатели рождаемости во всех возрастах те же, что в том году, для которого оценивается показатель.

9

Kuczynsky R. The measurement of population growth. New York; London; Paris, 1969; Chesnais J. — C. La transition demographique. Etapes, formes, implications economiques. Etude de series temporelles (1720-1984) relatives a 67 pays. / Institut national d’etudes demographiques. Travaux et documents. Cahier no 113. Presses universitaires de France. 1986.

10

Chesnais J. — C. Op. cit. P. 518-521; национальные статистические службы.

11

UN Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2013). World Population Prospects: The 2012 Revision, CD-ROM Edition, File POP/DB/WPP/Rev.2012/MIGR/F02.

12

World Population Prospects. The 1996 Revision. UN NY, 1998, ST/ESA/Ser. A/167. P. 12; UN Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2013). World Population Prospects: The 2012 Revision, CD-ROM Edition, File POP/1-1.

13

World Population Prospects… P. 12; UN Department of Economie and Social Affairs… File POP/1-1.

14

UN Department of Economie and Social Affairs… File POP/3.

15

World Population Prospects. The 1996 Revision. UN NY, 1998, ST/ESA/Ser. A/167. P. 12; UN Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2013). World Population Prospects: The 2012 Revision, CD-ROM Edition, File POP/1-1.

16

UN Department of Economic and Social Affairs… File POP/1-1.

17

SCB STATISTICS SWEDEN; Population Statistics.

18

SCB STATISTICS SWEDEN; Population Statistics.

19

UN Department of Economic and Social Affairs… Files POP/15-1: Annual total population (both sexes combined) by five–year age group, major area, region and country 1950-2100; POP/5: Median age by major area, region and country, 1950-2100. Страны ранжированы по убыванию медианного возраста в 2000 г.

20

Mckeown A. Global Migration, 1846-1940. Journal of World History. Vol. 15. N 2, June 2004. P. 165.

21

UN Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2013). World Population Prospects: The 2012 Revision, CD-ROM Edition: POP/DB/WPP/Rev.2012/MIGR/F02.

22

UN Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Urbanization Prospects. The 2005 Revision. Executive Summary. Fact Sheets. Data Tables, Table A-2.

23

UN Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Urbanization Prospects. The 2005 Revision. ExecutiveSummary. FactSheets. DataTables. P.20

24

Эрлихман В. Потери народонаселения в XX веке: Справочник. ML, 2004. С. 135-136.

25

Skidelsky R. The Growth of a World Economy // The Oxford History of the Twentieth Century. Oxford University Press, 2002. P. 51; расчет произведен по данным: Mitchell B. R. International Historical Statistics (2nd ed., 1993) и Maddison A. The World Economy in the 20 h Century (OECD, 1990).

26

Кларк Г. Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира. М., 2012. С. 15.

27

Спенс М. Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. М., 2014. С. 29; по данным: Fogel R. Catching Up with the Economy // American Economic Review. 1999. N 89(1 March). P. 1-21.

Примечание. Между изобретением процесса или машины и его широким внедрением в производство обычно существует временной лаг. В данном случае под словами «начало», «появление» подразумевается самая ранняя стадия процесса распространения изобретения.

28

Аллен Р. Глобальная экономическая история. М., 2013. С. 15; по данным: Industrialization Levels from 1750 to 1980 // Journal of European Economic History. 1982. N 11. P. 269-333; World Bank. World Development Indicators (2008).

Примечание-. Под СССР в 1750-1913 гг. понимается Российская империя, а в 2006 г. — Российская Федерация.

29

Maddison Project Database. URL: http://www.ggdc.net/maddison/maddison–project/

30

Расчет произведен по методике Программы развития ООН на основе ретроспективных данных в работе: Leandro Pradosdela Escosura. World Human Development: 1870-2007 // European Historical Economics Society. Working Papers in Economic History. N. 34. URL: http://www.ehes.org/EHES_No34.pdf

31

UN Report — 2004 data.

32

Сост. по: Бюллетень нормативных актов Министерства образования СССР. 1985. № 6 С.24-25.